

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

75

ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1959

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР**

№ 75

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959 — ЛЕНИНГРАД

ТРУДЫ
ВОЛГО-ДОНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Т о м II

Ответственный редактор
М. И. АРТАМОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959 — ЛЕНИНГРАД

ОТ РЕДАКТОРА

Редактору любого сборника приходится встречаться с различными мнениями по одному и тому же вопросу у разных авторов. Если эти различия не являются следствием простой ошибки, а представляют собой результат оригинальной трактовки вопроса, редактор не вправе навязывать свою точку зрения автору и вынужден помещать бок о бок статьи с различными взглядами на один и тот же предмет. Ничего плохого в этом нет даже тогда, когда под одной обложкой объединены случайно подобранные статьи разных авторов, а не труды исследовательского коллектива, соборно работающего над одним и тем же материалом. Нет ничего хуже искусственного сглаживания существующих разногласий, что особенно нетрудно, когда редактор одновременно является и руководителем исследовательского коллектива. В науке любой взгляд, любой оттенок мнения имеет право на существование, если только он является результатом добросовестного отношения к материалу и не исходит из чуждых методологических установок. И вовсе нет надобности ступеньковать противоречия или ждать, когда они разрешатся новыми открытиями. Без борьбы мнений наука не может нормально развиваться. Мы часто это повторяем на словах, но редко считаемся с этим правилом на деле. Задача редактора вовсе не сводится к тому, чтобы всех подстричь под одну гребенку.

Нет сомнения, что различие мнений по вопросам, затронутым в сборниках Волго-Донской экспедиции, привлечет внимание других специалистов, в рассмотрение их включатся лица, которые в настоящее время еще далеко стоят от тематики сборников. Поэтому особенно важно, чтобы их сужде-

ния могли быть основаны на фактических данных. Третий и четвертый том «Трудов» будут заняты отчетами о раскопках городища и могильника Белой Вежи. На основании изложенных в них материалов каждый сможет составить себе собственное суждение по вопросам, исследованию которых посвящены статьи в первых двух томах, а равным образом и по вопросам, не охваченным специальными исследованиями.

Естественно возникает вопрос: не лучше было бы поступить наоборот — сначала опубликовать отчеты, а затем исследования? Конечно, это было возможно, но едва ли более целесообразно. В практике советской археологии с результатами раскопок нередко можно познакомиться только по исследованиям, самый же материал в виде отчета о раскопках остается неопубликованным. Это обстоятельство препятствует критическому рассмотрению представленных авторами заключений, закрывает возможность их проверки и исследования вопросов, которые ими оставлены без внимания. Изменить существующую практику и начать с публикации материалов, вероятно, было бы правильнее. К сожалению, условия публикации до сих пор остаются весьма неблагоприятными. Начав с публикации материалов, пришлось бы весьма значительно задержаться с изданием исследований, что несомненно не могло бы не отразиться самым отрицательным образом на успешности изучения данных материалов. Такой порядок мог бы значительно снизить степень заинтересованности исследовательского коллектива, затормозить исследовательские работы. Именно поэтому мы сохранили традиционный порядок публикаций, рассчитывая, что исследования, предваряющие от-

четы, не только не уменьшат интерес к последним, а, наоборот, вызовут особое к ним внимание. Обратясь к ним, каждый сможет составить свое суждение по тем вопросам, в отношении которых нет единства мнений у авторского коллектива «Трудов» или которые им вовсе не охвачены.

Нет надобности перечислять все расхождения, обнаружившиеся внутри коллектива, занимающегося исследованием материалов Саркела—Белой Вежи. Достаточно указать только на некоторые из них. Так, в I томе наиболее значительными являются противоречия между автором обобщающей статьи о Саркеле—Белой Веже, с одной стороны, и одним из главных деятелей Волго-Донской экспедиции, начальником отряда по обследованию зоны затопления Цимлянского водохранилища И. И. Ляпушкиным, с другой. Основное расхождение между ними касается вопроса о происхождении салтовской культуры. И. И. Ляпушкин полагает, что она явилась в Подонье с Северного Кавказа вместе с частью переселившихся сюда алан. Редактор считает, что для такого решения вопроса нет оснований, что вероятнее связывать ее появление на Дону с оседанием старого, местного сармато-аланского населения, сохранившегося в тюркском окружении, хотя, по всей вероятности, и отюреченного по языку. Кто прав — покажет будущее, так как в настоящее время для окончательного решения этого вопроса данных безусловно недостаточно. Решение его к тому же выходит за границы тех материалов, которые доставила экспедиция.

В настоящем, II томе в статье В. Д. Белецкого говорится о салтовском поселении, существовавшем на месте Саркела до сооружения крепости. Редактор, под руководством которого производились раскопки этого памятника, полагает, что такое поселение действительно существовало, но относит его ко времени сооружения крепости. Здесь расхождение не слишком существенное, если не связывать его с вопросом о том, чьими же руками строился Саркел. В. Д. Белецкий думает, что главная роль в строительстве крепости принадлежала той этнографической группе, которая заняла цитадель и которую он считает собственно хазарской. Именно поэтому он так настойчиво указывает на сходство знаков, встречающихся на кирпичах крепости, со знаками, характерными для керамики этой

группы. Редактор придерживается другого мнения, а именно, что главную роль в качестве рабочей силы при строительстве крепости играли носители зливкинского варианта салтовской культуры, что знаки на кирпичах находят соответствия в знаках, связанных с этой культурой, и что такого же соответствия у знаков на так называемой кочевнической керамике не наблюдается. Не углубляя дальше вопроса, следует заметить, что изложенное, на первый взгляд мелкое, расхождение в действительности имеет крупное значение.

Не менее значительно и другое расхождение, касающееся времени появления в Саркеле славян. Однако прежде чем говорить о нем, отметим, что вопрос о времени заселения крепости вообще остается не вполне ясным, так как обнаруженные в ней археологические материалы не поддаются датировке с той степенью точности, какая была бы необходима для его окончательного решения. Здесь дело касается десятилетий, а мы в ряде случаев не вполне уверены даже при определении дат столетиями. Ввиду этого возможны два мнения, а именно, первое, что крепость была занята гражданским населением немедленно за ее сооружением, и второе, что заселение ее произошло некоторое (небольшое) время спустя и притом разными этнографическими группами отдельно. Этот вопрос находится в ближайшем отношении к другому, касающемуся уже не сооружения, а, наоборот, разрушения крепости.

Дело в том, что гражданские сооружения даже самых нижних отложений культурного слоя городища Саркела содержат битые и целые кирпичи такие же, как и использованные для основных военно-оборонительных построек крепости. Откуда происходят эти кирпичи, не взяты ли они из разрушенных крепостных зданий? Если это так, то относить гражданское заселение крепости ко времени, немедленно следующему за ее сооружением, было бы по меньшей мере неосторожно. Трудно допустить, что население, занявшее только что отстроенную крепость, сразу же принялось ее разрушать, превратив кирпичные постройки крепости в каменоломни для добычи строительных материалов, предназначенных для их частных надобностей.

К сожалению, соответствующих точных наблюдений в процессе раскопок сделано

не было, и мы теперь не всегда можем с уверенностью сказать, какой именно кирпич был использован в том или другом случае. Однако совершенно несомненно, что наряду с широким использованием кирпичей, взятых из кирпичных построек и носящих определенные следы своего происхождения в виде приставшей к ним извести, в гражданском строительстве в дело шли кирпичи, и не бывшие в употреблении. В процессе раскопок было замечено, что многие составленные из целых кирпичей «открытые» очаги были сделаны из кирпичей без следов извести. Еще больше обломков кирпичей без извести встречается в нижних слоях городища. В свое время этому обстоятельству не было придано надлежащего значения, такие случаи точно и систематически не фиксировались, и поэтому, естественно, теперь в ряде случаев возникают сомнения, и даже появилась тенденция считать все кирпичи, встреченные в гражданских постройках, взятыми из разобранных крепостных зданий.

А между тем должно быть ясно, что после строительства крепости в ней и возле нее оставалось множество неиспользованных, в первую очередь забракованных материалов, в особенности кирпичей — и целых, и еще больше битых. Странно было бы, чтобы гражданское население Саркела при отсутствии на месте камня не использовало эти строительные остатки для своих надобностей. Нет оснований поэтому полагать, что все кирпичи, целые или в обломках, находимые в остатках гражданских построек, взяты из разрушенных кирпичных зданий, а значит, что разрушение крепости началось вместе с ее заселением.

Большое значение для формирования мнения о раннем разрушении кирпичных крепостных сооружений Саркела имели находки кирпичей саркелского типа со следами извести, т. е. взятых из разобранных кирпичных построек, на поселениях нижнедонского (зливкинского) варианта салтовской культуры на правом берегу Дона, даже на Правобережном городище, которое, несомненно, прекратило свое существование раньше Саркела. Встречаются кирпичи и в остатках Семикорокорского городища в устье р. Сала, по всей вероятности представляющего собой хазарскую же крепость, выстроенную с той же целью, что и Саркел, но не из обожженных, а в основном

из сырцовых кирпичей. К сожалению, и здесь вопрос упирался в отсутствие точных дат. Когда погибла Правобережная крепость, когда прекратилась жизнь на поселении у хутора Среднего? Ответить на эти вопросы мы были не в состоянии. Только в самое последнее время удалось получить новые материалы, проливающие некоторый свет на эти важные вопросы.

Произведенными в 1958 г. С. А. Плетневой раскопками Правобережного городища установлено, что это был небольшой, но сильно укрепленный каменный замок, существовавший до сооружения Саркела и разгромленный врагами, как показывают нумизматические находки, после правления халифа Амина (809—812). Не останавливаясь на рассмотрении чрезвычайно интересных данных, полученных раскопками этого замечательного памятника, отметим только, что саркелские кирпичи попали в него много позже времени существования этой крепости; они относятся ко времени вторичного заселения развалин замка много лет спустя после его разрушения. Очевидно, тем же временем следует датировать и саркелские кирпичи на поселении у хутора Среднего. Что касается кирпичей Семикорокорского городища, то о них пока ничего определенного сказать невозможно. Можно только заметить, что в остатках Правобережного замка найдены такие же, как и в Семикорокорах, черепицы, а также прямоугольные глиняные плитки для пола и тонкие, 4-сантиметровые кирпичи, совершенно другого типа, нежели саркелские. Несомненно, техника кирпичного строительства была известна на Дону задолго до сооружения Саркела, хотя и не получила широкого распространения; как показывают материалы Правобережного замка и Семикорокорского городища, в досаркелское время в ходу были кладки из сырцовых, а не из обожженных кирпичей.

Таким образом, находки саркелских кирпичей в указанных выше памятниках отнюдь не доказывают раннего разрушения Саркелской крепости. Остается полагать, что интенсивная разборка кирпичных зданий здесь производилась только в русский период жизни города.

Для меня как руководителя экспедиции несомненно, что крепость Саркел была заселена немедленно после ее сооружения двумя этнографическими группами: одной,

обосновавшейся в цитадели и представлявшей ее военный гарнизон, с так называемой кочевнической культурой, и другой, занявшей остальную часть крепости и относящейся к тому же населению, которое обитало и напротив крепости, на правом берегу Дона, и характеризуется салтовской культурой в широком значении этого термина.

Что касается третьей этнографической группы с боршевской культурой, т. е. славян, то она, вопреки мнению В. Д. Белецкого, появилась в Саркеле не раньше второй половины X в., т. е. только после взятия крепости Святославом. Это заключение отнюдь не означает, что я считаю невозможным появление здесь славян в более раннее время, исходя, так сказать, из общего представления о времени и условиях проникновения славян на Нижний Дон. Ничего подобного, это заключение базируется исключительно на археологических наблюдениях, вытекает из учета следов славянской культуры в слое городища. В моей статье в I томе «Трудов» об этом сказано с достаточной отчетливостью, а проверить мои заключения будет нетрудно после опубликования отчета о раскопках городища.

Хотя об этом также говорится в указанной выше моей статье в I томе, нельзя пройти мимо вопроса о принадлежности так называемой кочевнической культуры собственно хазарам. Казалось бы, все говорит за это: и то, что именно эта культура локализуется в цитадели Саркела, а значит связывается с владельцами крепости — хазарами, и то, что она кочевническая, а что хазары кочевники, ни у кого нет сомнений, и то, что она сближается с культурами тюрк-кочевников, так как хазары тоже были тюрками, и ряд других доводов. Тем не менее я возражаю против такого решения вопроса, считая, что он более сложен и требует привлечения новых материалов для своего окончательного выяснения. В данном случае дело не в упрямстве, не в желании во что бы то ни стало остаться на раз занятой позиции, а в том, что простейшее решение вопроса приводит к противоречиям со многими фактами, в первую очередь археологического порядка. Если так называемая кочевническая культура Саркела хазарская, как объяснить, что культура хазарского времени в северном Дагестане, где хазары исторически засвидетельствованы очень прочно,

не имеет с ней ничего общего, или почему так резко отличается от нее праболгарская культура, хотя о родстве хазар с болгарами имеются достоверные свидетельства? Эти и подобные возражения обязательно возникают при отнесении кочевнической культуры Саркела собственно хазарам. Иное решение вопроса, данное мной в упомянутой статье, несмотря на то, что оно более сложное, я считаю больше соответствующим современному уровню археологических знаний и, думается, исторической истине.

Во II томе «Трудов» помещен ряд исследований, основанных на различных группах материалов Саркела—Белой Вежи. Кроме статей П. А. Раппопорта и В. Д. Белецкого о сооружениях, обнаруженных при раскопках городища, здесь имеются специальные исследования о железных, глиняных, стеклянных и костяных изделиях, найденных на городище и частично в могильнике Белой Вежи. Несколько особняком стоит работа А. М. Щербака, в основном лингвистическая, но тесно связанная с надписями и буквенными начертаниями, столь богато представленными на керамике и кирпичах Саркела. Этими статьями материалы не только экспедиции в целом, но и одного городища Саркела—Белой Вежи далеко не исчерпываются. Остается еще обширное поле деятельности для всех, кто готов потрудиться над кропотливым изучением огромного количества находок и сделанных экспедицией наблюдений. Нет сомнения, что дальнейшие исследования материалов экспедиции приведут к новым заключениям и уточнениям, поднимут новые вопросы. Некоторые подготовленные или готовящиеся исследования по материалам экспедиции войдут в следующие, III и IV томы «Трудов», где основное место все же займут отчеты.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что общие абрисы картины, которую открыли раскопки Волго-Донской экспедиции, в том виде, в каком они вырисовываются в настоящее время, стереть уже невозможно. В дальнейшем они будут только уточняться и детализироваться. Результаты работ Волго-Донской экспедиции уже сейчас представляют весьма солидный вклад в советскую историческую науку и существенным образом обогащают знания о прошлом нашей Родины.

М. И. Артамонов

П. А. Раппопорт

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ САРКЕЛА

Левобережное Цимлянское городище, представляющее собой остатки древней крепости Саркел, расположено на берегу старицы Дона, приблизительно в 7 км к юг-юго-востоку от станицы Цимлянской.

Внешний контур крепости был впервые выявлен при раскопках М. И. Артамонова в 1934—1936 гг.¹ С тех пор в результате раскопок, проводимых в течение 6 лет, площадь, заключенная внутри крепостных стен, была вскрыта несколько более чем на 50%. Возможно, что некоторые постройки, находившиеся внутри крепости, не были задеты раскопками, так как остался неисследованным значительный участок в западной части крепости, весь северный угол крепости, несколько участков в центральной и юго-восточной частях, не говоря уже о том, что весь восточный угол крепости был подмыт Доном и обрушился в реку еще в древности. Однако если план крепостных сооружений был выявлен раскопками и не целиком, то во всяком случае он был вскрыт, по-видимому, во всех его основных частях.

Кирпичные сооружения крепости сохранились, к сожалению, очень плохо. Еще в XIX в. многие части этих сооружений были в довольно хорошей сохранности и даже выступали над поверхностью земли. Однако именно это и погубило окончательно

остатки древней крепости, так как городище было превращено в своеобразный карьер, откуда выламывали кирпич для строительства в станице Цимлянской и в других соседних селениях. В результате таких «разработок» все сохранившиеся до XIX в. кирпичные стены были начисто уничтожены и место этих стен оказалось отмеченным на поверхности городища неглубокими заплывшими выемками. План этих выемок, снятый в 1936 г., как показали последующие раскопки, в значительной степени совпадает со схемой расположения кирпичных сооружений крепости (рис. 1).

Те постройки крепости, которые были разобраны еще в древности и в XIX в., уже не были видны на поверхности земли, оказались в лучшей сохранности. Большинство этих построек, не отмеченных впадинами на поверхности городища, сохранило нижние части кирпичных стен.

В значительной степени нарушили кирпичные сооружения также древние жилые и хозяйственные комплексы. Полуземляночные жилища русского времени, а особенно хозяйственные ямы, связанные с этими жилищами, пробивали кирпичные стены в огромном количестве мест. Иногда расширяющиеся книзу хозяйственные ямы заходили под кирпичные сооружения, отчего те постепенно трескались и разрушались. Блоки кладки поэтому иногда во время раскопок оказывались найденными в наклонном положении, а в нескольких случаях целиком упавшими в такие ямы (рис. 2).

Раскопки показали, что в крепости лишь в единичных случаях сохранились куски

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 6; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 187; см. также: М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130.

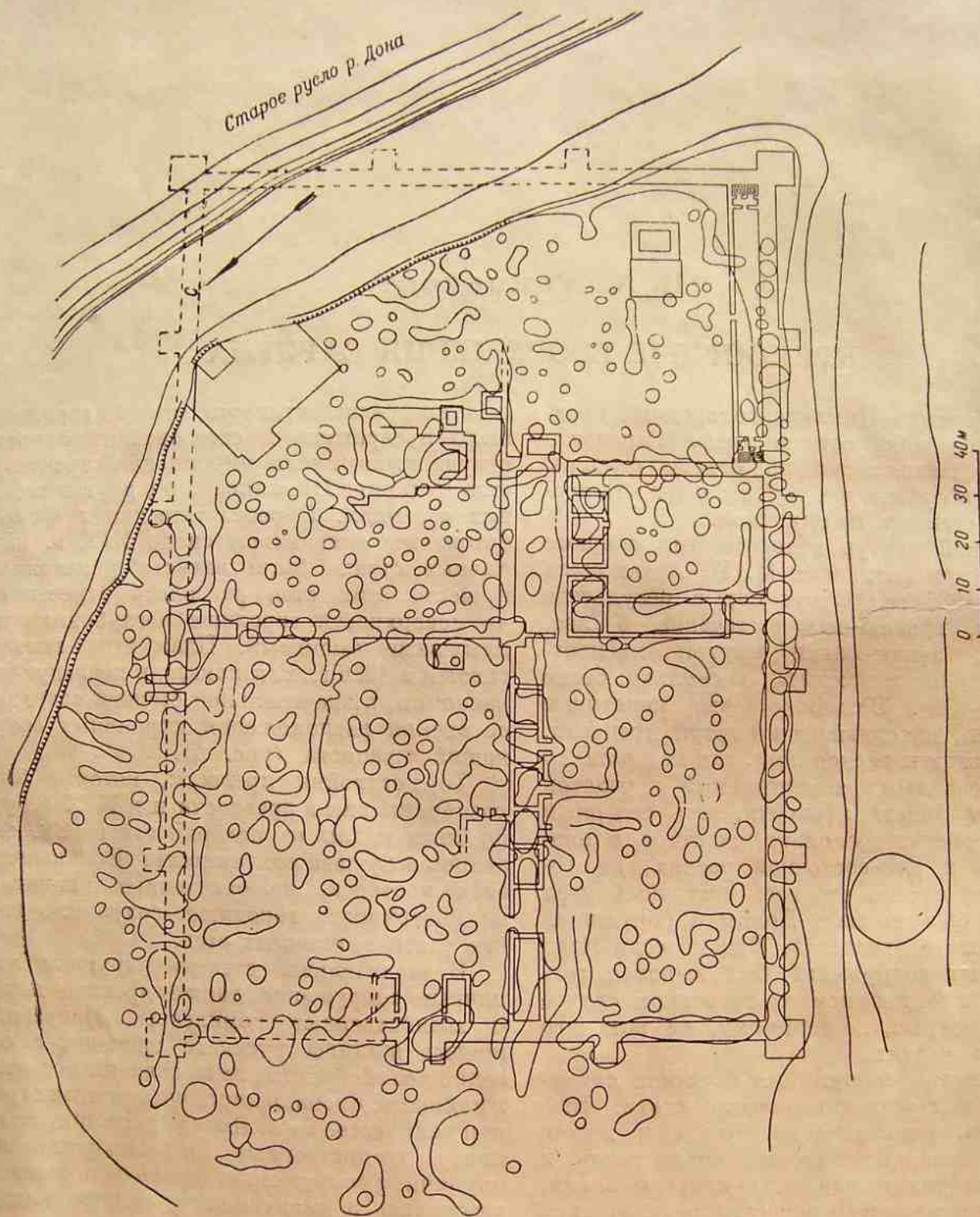

Рис. 1. План ям на поверхности городища, совмещенный со схематическим планом крепости.

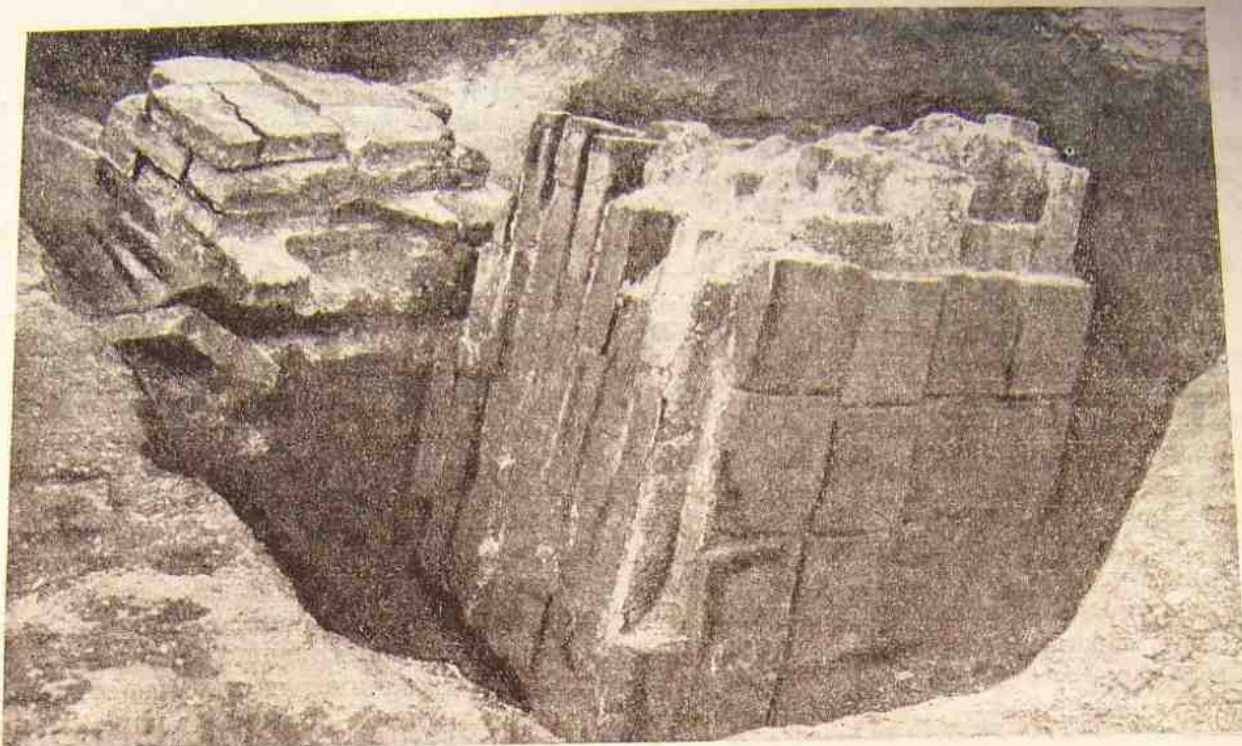

Рис. 2. Упавший в яму блок кладки.

Рис. 3. Крепостная стена. Отпечатки кирпичей на грунте.

кирпичной кладки, имеющие в высоту до 12—15 рядов кирпича. Чаще сохранялись участки кладки, имеющие в высоту 1—2 ряда кирпича. В большинстве же мест кладка вообще не сохранилась. Но даже и там, где кладка была совершенно разрушена, план кирпичных сооружений, как правило, удавалось определить благодаря тому, что нижний ряд кирпичной кладки, уложенной без фундамента непосредственно на глинистый грунт, вдавился в этот грунт от тяжести стены. Поэтому даже после полной разборки кирпичных стен отпечатки нижнего ряда кирпичей на грунте большей частью хорошо видны (рис. 3). Кое-где эти отпечатки смыты водой, почти всюду их в большом количестве перерезают кротовины, однако в большинстве случаев они все же дают возможность восстановить план кирпичных сооружений.

Крепость имеет форму прямоугольника, размеры которого (внутри крепостных стен) 178.65×117.83 м (рис. 4). Наружные стены крепости строго прямоугольные, углы совершенно точно перпендикулярны.²

На углах крепости расположены квадратные башни; стены также укреплены башнями — по 4 на каждой длинной стене и по 2 на каждой короткой стене крепости. На северо-западной стене крепости вместо северной промежуточной башни расположены Главные ворота, представляющие собой большую башню с проездом. На северо-восточной стене крепости, во второй с севера промежуточной башне, находились другие, меньшие ворота. Крепость разделена на две части внутренней стеной, имеющей три взаимно-перпендикулярных отрезка — северный, центральный и южный. В северном и южном отрезках этой стены имеются проходы. Северный участок стены укреплен двумя башнями — посредине участка и в месте соединения северного и центрального участков этой стены.

От башни, расположенной на повороте внутренней стены, до соединения с северо-западной стеной крепости тянется длинное здание IV, состоящее из ряда небольших помещений. От места соединения центрального и южного участков внутренней стены, в сторону к юго-восточной стене

крепости идет здание VI, состоящее из длинной стены с небольшой прямоугольной пристройкой. Вероятно, длинная стена здания VI доходила до самой юго-восточной стены крепости и вся крепость тем самым оказывалась разделенной на четыре самостоятельных части.

В северной части крепости, по-видимому, не имеется никаких построек, кроме двух прямоугольных помещений у Главных ворот. Судя по тому, что как Главные, так и вторые, меньшие ворота ведут именно в эту часть крепости, можно думать, что она представляла собой как бы внешний, наименее защищенный участок крепости.

В восточной части крепости расположено здание V, состоящее из двух отдельных прямоугольных помещений с толстыми стенами и большой вымощенной кирпичом площади. В западной части крепости находилось большое Г-образное здание I, примыкающее к внутренней стене. Наконец, в южной части крепости расположены два здания — прямоугольное здание II с толстыми стенами и примыкающей вымощенной кирпичом площадкой и длинное здание III, тянувшееся вдоль юго-западной стены крепости.

Прорезки, сделанные вне стен крепости, на юго-западном и северо-западном краях городища, показали, что, кроме кирпичных оборонительных стен, крепость была защищена еще и рвом (рис. 5, 6). Ров этот, имевший ширину около 9 м, при первоначальной глубине, по-видимому, около 4 м, тянулся вдоль юго-западной стороны крепости на расстоянии около 10 м от крепостной стены. В районе западной угловой башни ров поворачивал к северу и далее, очевидно, соединялся с заболоченной низиной, которая в древности, вероятно, была залита водой. Таким образом, ров отходил от стен крепости в районе Главных ворот, образуя перед этими воротами обширную площадку.

Следует отметить, что, кроме крепостных стен и рва, проходившего под самыми стенами, Саркел имел и вторую линию обороны — ров и вал, находящиеся на расстоянии несколько более 200 м к югу и юго-западу от крепостных стен. В отличие от первого рва, почти на всем протяжении настолько засыпанного землей, что его трассу удалось обнаружить лишь при помощи археологических раскопок, наружные вал и

² Инструментальная съемка южного угла крепости показала, что отклонение от прямого угла составляет здесь всего 0°8'.

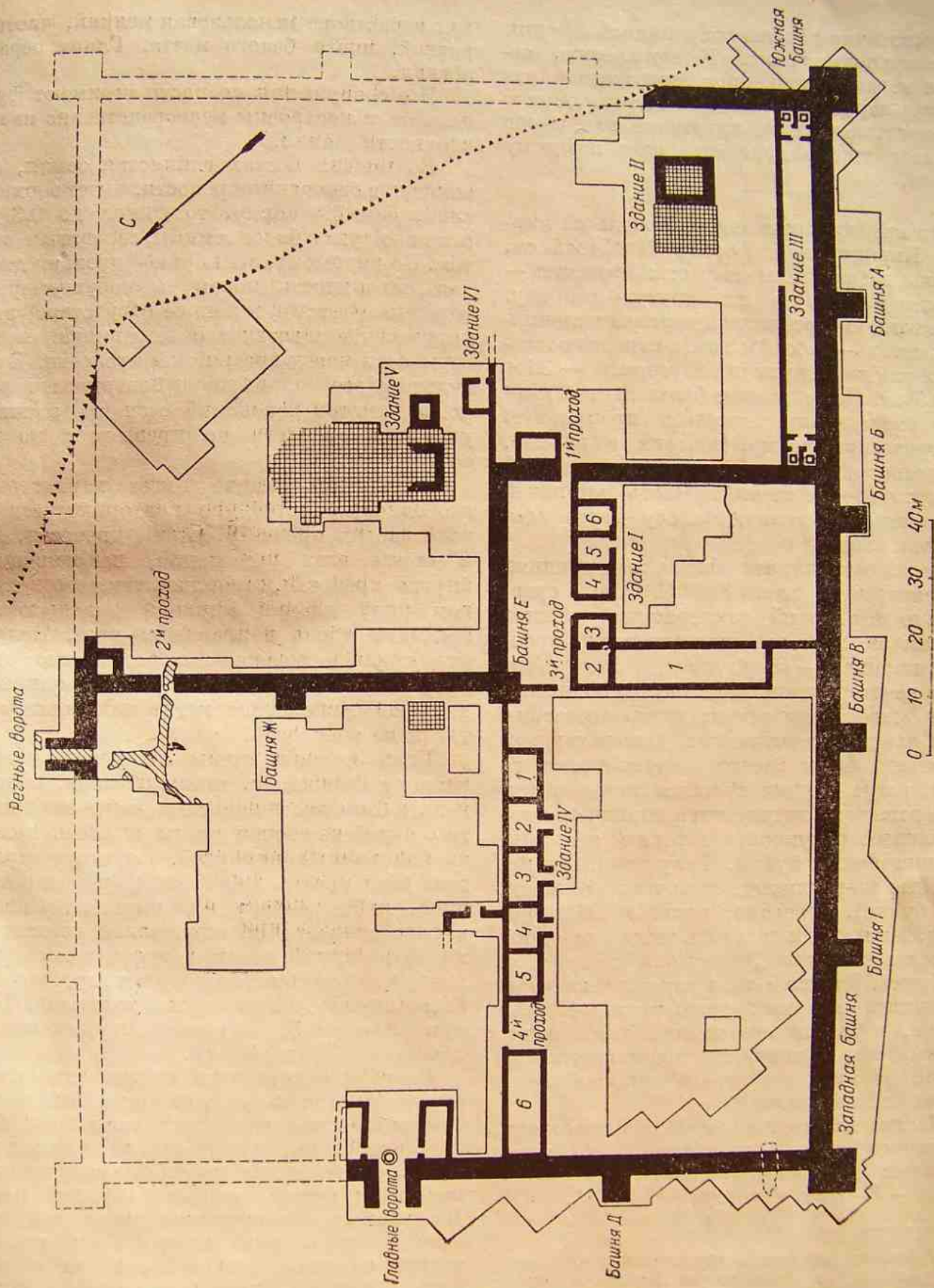

Рис. 4. Суворова...

ров достаточно хорошо сохранились и видны на поверхности земли. К сожалению, остается нерешенным вопрос, сооружена ли эта вторая, наружная линия обороны вместе с крепостью, или же наружные вал и ров относятся уже к другому, более позднему времени.

Вся крепость целиком построена из кирпича. Кирпич имеет формат $24 \times 24 \times 5$ см, с очень незначительными отклонениями — не более 1 см в ту или другую сторону. Кроме того, употреблялись кирпичи половинного размера — $24 \times 12 \times 5$ см, а изредка встречаются также и кирпичи полуторные — $36 \times 24 \times 5$ см. Подавляющее большинство кирпичей имеет очень четкую и правильную геометрическую форму, цвет их в изломе, как правило, красный, оранжево-красный или песочно-коричневый. Часть кирпичей имеет в середине темную полосу менее обожженной глины.³

Анализ показал, что обжигались кирпичи при температуре около 800°C . Такой сравнительно невысокой температурой обжига объясняется и малая механическая прочность кирпича — 43 кг/см^2 .

На некоторых кирпичах на одной из постелей встречаются отпечатки человеческих ног, а также ног животных. Отпечатки эти несомненно были сделаны случайно, в то время, когда кирпич сушился перед обжигом. Кроме того, встречаются кирпичи с процарапанным рисунком, а также знаками, напоминающими буквы. Рисунки были исполнены, по-видимому, палочкой, а знаки (или буквы), вероятно, пальцем. Как рисунки, так и знаки делались только на одной из постелей кирпича, по сырой глине, т. е. до обжига. Кирпичи с рисунками и знаками находились в самых различных участках кладки, в любом положении, как кверху знаками, так и книзу, что свидетельствовало о том, что они не играли никакой роли в процессе кладки.

Кладка велась на известковом растворе, с тонкими швами — не толще 1 см. Состав раствора: гашеной извести — 74—88%, песка — 4—10%, глины — 7—15%. Пе-

сок в растворе использован мелкий, чистый речной, почти белого цвета. Глина серая, легкая.

Все сооружения крепости не имеют фундамента и построены непосредственно на поверхности земли.

Во многих местах глинистая земля, лежащая в основании крепости, имеет верхний слой, как бы корку, толщиной до 0.3 м, отличающуюся более темным, сероватым цветом. По-видимому, эта корка — древняя дневная поверхность почвы, а неравномерная толщина (местами и полное отсутствие) этой корки свидетельствует о выравнивании поверхности перед постройкой крепости. В результате этой планировки поверхности разность отметок оснований стен в различных участках крепости не превышает по высоте 0.6 м.

Кирпичная кладка имеет характерные особенности, устойчиво повторяющиеся во всех частях крепости. Стены крепости, как и стены всех помещений, находившихся внутри крепости, строились так, что в каждом ряду кладки кирпичи укладывались полосами вдоль направления стен. Полосы эти клались совершенно независимо одна от другой, и поэтому швы между кирпичами двух соседних полос могли как совпадать, так и не совпадать.

Если ширина стены не была кратной размеру кирпича и, таким образом, кладку нельзя было вести полосами целых кирпичей, то с одной из сторон стены клалась полоса из половинных кирпичей. Поэтому ширина всех стен кратна либо целому размеру кирпича, либо размеру полукирпича. Однако в ряде случаев при одинаковом количестве полос кирпичей стены в целом имели различную толщину благодаря тому, что некоторые швы делались более толстыми. Так, при ширине в $3\frac{1}{2}$ кирпича ширина стен отмечена от 88 до 94 см.

Второй ряд кирпичной кладки состоял, также как и нижний ряд, из отдельных полос кирпича, шедших вдоль направления стен. Однако полосы эти клались так, что каждая полоса кирпичей второго ряда была расположена над швом между полосами первого ряда. Достигалось это смещение рядов тем, что если в первом ряду кладки были полосы только из целых кирпичей, то во втором ряду по краям клались две полосы половинок, а если в первом ряду с одного края имелась полоса половинок, то во втором

³ Анализ кирпича и строительных растворов был выполнен в Лаборатории керамики Ленинградского технологического института им. Ленсовета под руководством доктора технических наук проф. А. П. Августиновича.

ряду эта полоса половинок клалась уже с другой стороны стены (рис. 7, а).

Выше ряды кладки велись так, что каждый нечетный ряд (считая снизу) клался как первый ряд кладки, а каждый четный ряд повторял по схеме второй ряд кладки.

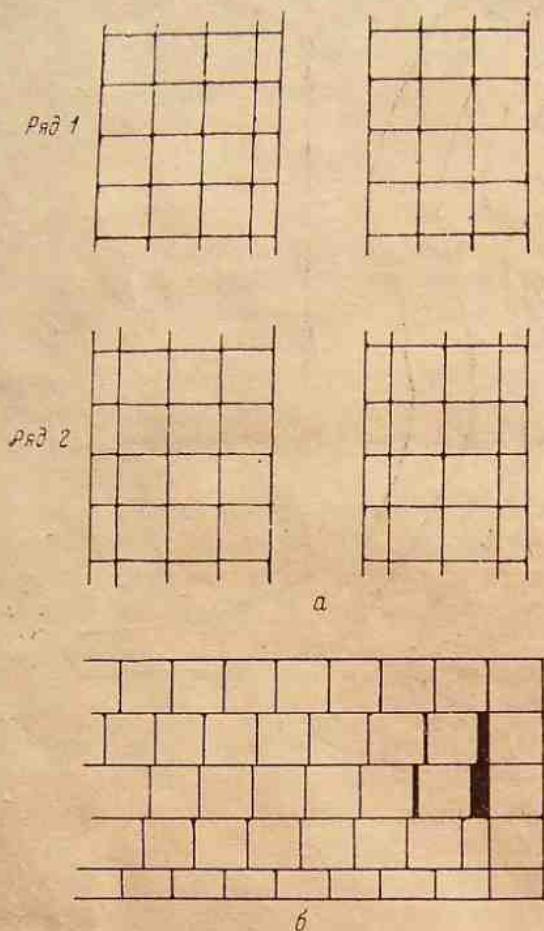

Рис. 7. Схемы кладки.

а — перевязка швов, слева — при толщине стены в $3\frac{1}{2}$ кирпича, справа — в 3 кирпича;
б — выравнивание обреза стены путем изменения толщины швов.

В результате получалось, что по высоте стены все продольные швы были тщательно перевязаны. Поперечные швы по высоте стены не имели специальной перевязки, однако благодаря тому, что на большом протяжении стен даже ничтожная разница в толщине швов создавала заметные сдвиги кирпичей, перевязка эта почти всюду выдерживалась путем регулирования толщины поперечных швов (рис. 8).

Кладка крепости очень аккуратна, и схема расположения кирпичей и перевязки их швов выдержана довольно точно. Лишь в одном случае отмечено, что шестой снизу ряд кир-

пича оказался совпадающим по схеме с пятым и седьмым рядами, отчего швы трех рядов кладки (5-го, 6-го и 7-го) оказались неперевязанными по высоте.⁴

В районе углов, проемов и во всех тех местах, где стена должна была заканчиваться ровным обрезом, заметно, как мастера добивались подгонки и согласования поперечных швов всех полос кладки. Подгонка эта выполнялась путем некоторого увеличения (порой до 8—10 см) ширины поперечного шва в отдельных полосах. Если же это увеличение ширины шва оказывалось недостаточным, то иногда укладывали в полосу кладки вместо целого половинный кирпич (рис. 7, б).

В местах примыкания участков стен, расположенных друг к другу под прямым углом, видно, что кладка нижнего ряда велась в каждом случае самостоятельными полосами вдоль направления стен; в местах же соединения кладки смыкаются впритык, без перевязки швов. Башни примыкают к стенам также впритык, причем сами башни выложены полосами кирпича, идущими перпендикулярно стене, а одна или несколько крайних, наружных полос кирпича в башнях имеют направление, параллельное стене (рис. 9, а).

В некоторых случаях, как например в месте примыкания башни к повороту внутренней стены крепости, встречаются более сложные сочетания взаимно-перпендикулярных полос кирпичей, однако всюду отдельные участки кладки нижнего ряда соединяются друг с другом без перевязки (рис. 9, б).

К сожалению, чаще всего кладка уцелела в местах соединения различных участков стен всего лишь на один ряд кирпича или же даже в виде одних только их отпечатков, но все же в тех крайне немногочисленных случаях, когда на углах сохранилось по высоте несколько рядов кладки, можно отметить, что отсутствие перевязки между соседними участками характерно только для одного нижнего ряда кладки, а выше все части крепости перевязаны между собой.

В двух случаях, где кладка крепостных стен сохранилась на высоту 8—10 рядов, удалось установить, что наружные полосы

⁴ Кладка крепости сохранилась, как правило, на очень малую высоту, поэтому очень возможно, что отступления от правила перевязки швов по высоте некогда встречались в значительно большем количестве, чем это было отмечено.

кирпичей (кроме 2—3 нижних рядов) уложены на глине, и только их внутренние стороны, обращенные в середину стены, схвачены раствором вместе со всем массивом стены. По-видимому, наружные полосы кладки крепостных стен велись на глине для того, чтобы их легче было выравнивать

изнутри, так и с наружной стороны помещений, сохранились куски известковой штукатурки (рис. 10). Состав этой штукатурки совпадает с составом раствора, использованного в кладке.⁵

Кладка стен крепости выполнена с большой точностью. Углы помещений в больши-

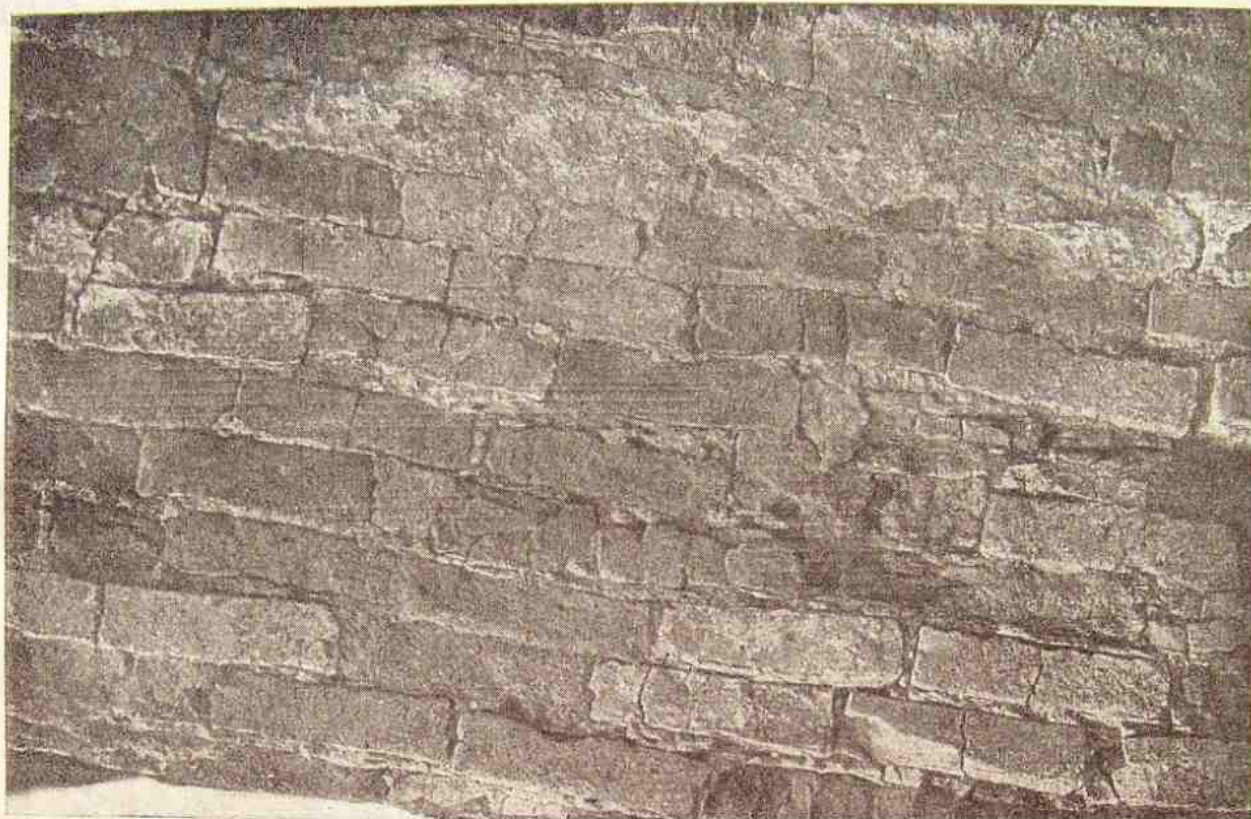

Рис. 8. Сохранившийся кусок кладки стен.

по заданным направлениям и, главное, по вертикали. Внутренняя же кладка стен велась уже на известковом растворе, заполняя пространство между этими наружными, направляющими стенками.

Можно отметить, что с одной стороны возле стен крепости, большей частью с наружной, имеется слой раствора, образующий на земле корку толщиной до 15—20 см. Слой этот по мере удаления от стен быстро утончается и на расстоянии 2—3 м от стены уже совсем не прослеживается. Несомненно, этот слой представляет собой остатки известкового раствора, пролившегося на землю во время строительства или при побелке крепостных стен.

В нескольких местах на кирпичных стенах внутренних сооружений крепости, как

стие случаев строго перпендикулярны, а направления стен также строго прямолинейны.

Все строительные особенности: формат кирпича, качество раствора, способы кладки и пр. — в большинстве помещений крепости совершенно единообразны.

Однако в крепости существует ряд сооружений, отличающихся по строительно-техническим особенностям от основного комплекса построек.

В этой 2-й группе сооружений кирпич имеет несколько большие размеры — $27 \times 27 \times 7$ см, с отклонением до 2 см в обе сто-

⁵ В раскопках Н. И. Веселовского в 1887 г. было отмечено, что на стенке в одном из помещений сохранилась штукатурка, покрытая красной и зеленой красками; см.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 11.

роны. Отдельные кирпичи здесь имеют стороны до 30 см, а единичные экземпляры встречаются даже со сторонами в 34 см. Качество обжига, четкость и правильность формы, цвет глины, наличие знаков — все эти особенности почти совершенно совпадают для обеих групп. Можно лишь отметить, что на кирпичах 2-й группы знаки на постелях встречаются чаще. Кроме того,

меньшего формата. Это обстоятельство, а также то, что все сооружения 2-й группы примыкают без перевязки к сооружениям 1-й группы, представляя собой как бы дополнения к ним, позволяет сделать вывод, что 2-я группа сооружений относится к другому, более позднему строительному периоду, чем сооружения 1-й группы, являющиеся основными частями крепости (рис. 11).

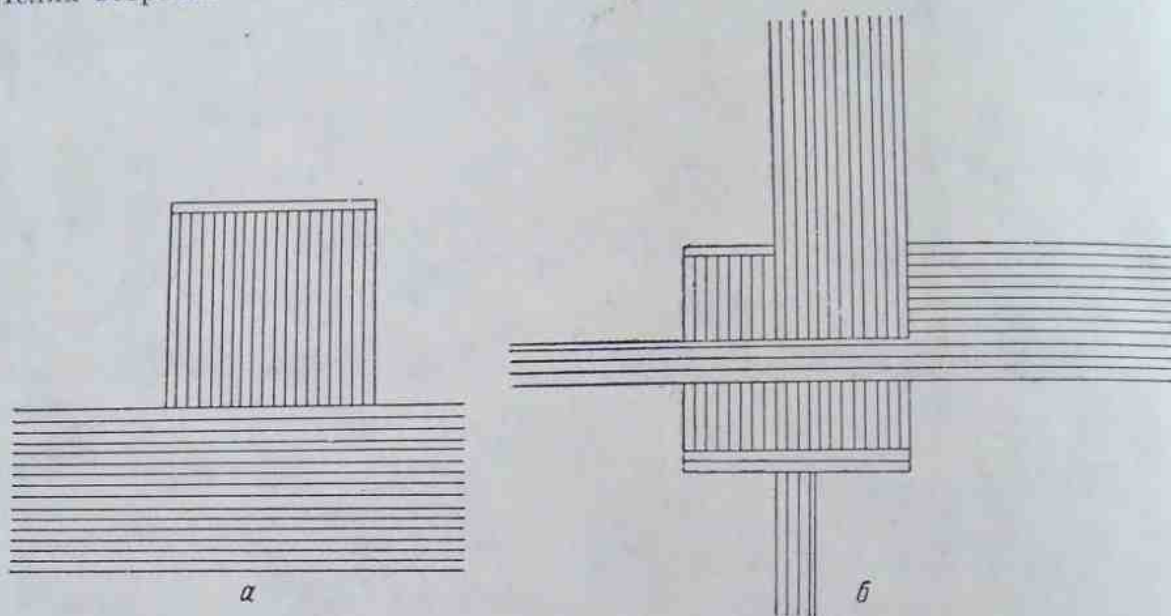

Рис. 9. Схемы кладки.

а — кладка стены и башни; б — кладка башни *Е*.

кирпичи 2-й группы несколько более пористы, по-видимому за счет введения в кирпичную массу до обжига каких-то выгорающих добавок. В результате водопоглощение кирпичей 2-й группы достигает 24%, в то время как в кирпичах 1-й группы водопоглощение составляет всего 12%.

Совпадают в обеих группах построек и основные особенности кладки, однако все же кладка сооружений 2-й группы несколько менее аккуратна, чем кладка сооружений 1-й группы. Швы в постройках 2-й группы имеют, как правило, несколько большую толщину — 2—3 см, отчего, например, стена, имеющая в ширину $3\frac{1}{2}$ кирпича, имеет здесь размер 102—104 см. Раствор в кладке сооружений 2-й группы содержит больший процент песка — 30%. Углы сооружений не строго перпендикулярны, направления стен часто имеют небольшую кривизну.

Наряду с кирпичом большого формата в кладке сооружений 2-й группы довольно часто встречаются и кирпичи основного,

Судя по отмеченному различию в строительной технике, к первому периоду строительства относятся все наружные стены и все башни крепости, внутренняя поперечная стена крепости, здания I, IV и V, а также длинная стена здания VI; ко второму периоду строительства — здания II и III, отрезок стены между зданием I и башней *Е*, прямоугольное помещение здания VI, прямоугольные помещения у Главных ворот и у 1 прохода во внутренней стене крепости. К этому же периоду строительства относятся стена, отходящая к северо-востоку в здании IV, а также две короткие и толстые стены, образующие замкнутое помещение в месте примыкания внутренней стены к наружной северо-восточной стене крепости. Можно отметить, что в тех случаях, когда к стенам крепости примыкают помещения 2-й группы, эти помещения иногда имеют не только внешние стены, но и внутреннюю стену, примыкающую вплотную к стене крепости, причем эта стена

имеет очень незначительную толщину — всего в $1\frac{1}{2}$ —2 кирпича. Именно так прижимают к крепостным стенам прямоугольное помещение у 1 прохода во внутренней стене и помещение № 6 здания IV.

Чрезвычайная близость строительно-технических приемов в 1-й и 2-й группах построек не позволяет считать их отделенными

23 печей. Все они более или менее однотипны и состоят из двух камер, расположенных одна над другой и разделенных горизонтальной прослойкой из ненарушенного грунта.

Сквозь эту прослойку, имеющую толщину около 0.5 м, вертикально проходят круглые каналы диаметром до 15 см, соединяющие

Рис. 10. Сохранившийся участок стены с штукатуркой.

значительным промежутком времени. Наиболее вероятно, что сооружения второго строительного периода были возведены почти сразу же после окончания первого периода строительства.

Очень вероятно, что обжиг кирпича для строительства крепости производился поблизости. Так, в обресе высокого берега старицы Дона, приблизительно в 2 км от городища, были обнаружены остатки керамических печей, целиком вырытых в лёссовидном суглинке.⁶ Всего открыты остатки

⁶ Одна из таких печей была обследована Северо-Кавказской экспедицией 1926—1927 гг. См.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73; А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 110.

между собой верхнюю и нижнюю камеры. Верхние камеры во всех печах разрушены, и их первоначальную форму не удалось установить. Нижние камеры, т. е. топки печей, в нескольких случаях сохранились почти наполовину, хотя стороны их, выходящие к обресту берега, также всюду разрушены, и поэтому устройство устья топок осталось невыясненным. В плане нижние камеры овальные, с большим диаметром — около 2 м, высота их около 0.5 м.

Стенки печей от действия огня сильно обожжены и ошлакованы. В некоторых печах были найдены куски пережженных на сильном огне кирпичей. Обломки кирпичей в большом количестве разбросаны здесь же вдоль берега старицы. Возможно, что эти печи и служили для обжига кирпичей крепости, хотя вероятнее, что данные печи ис-

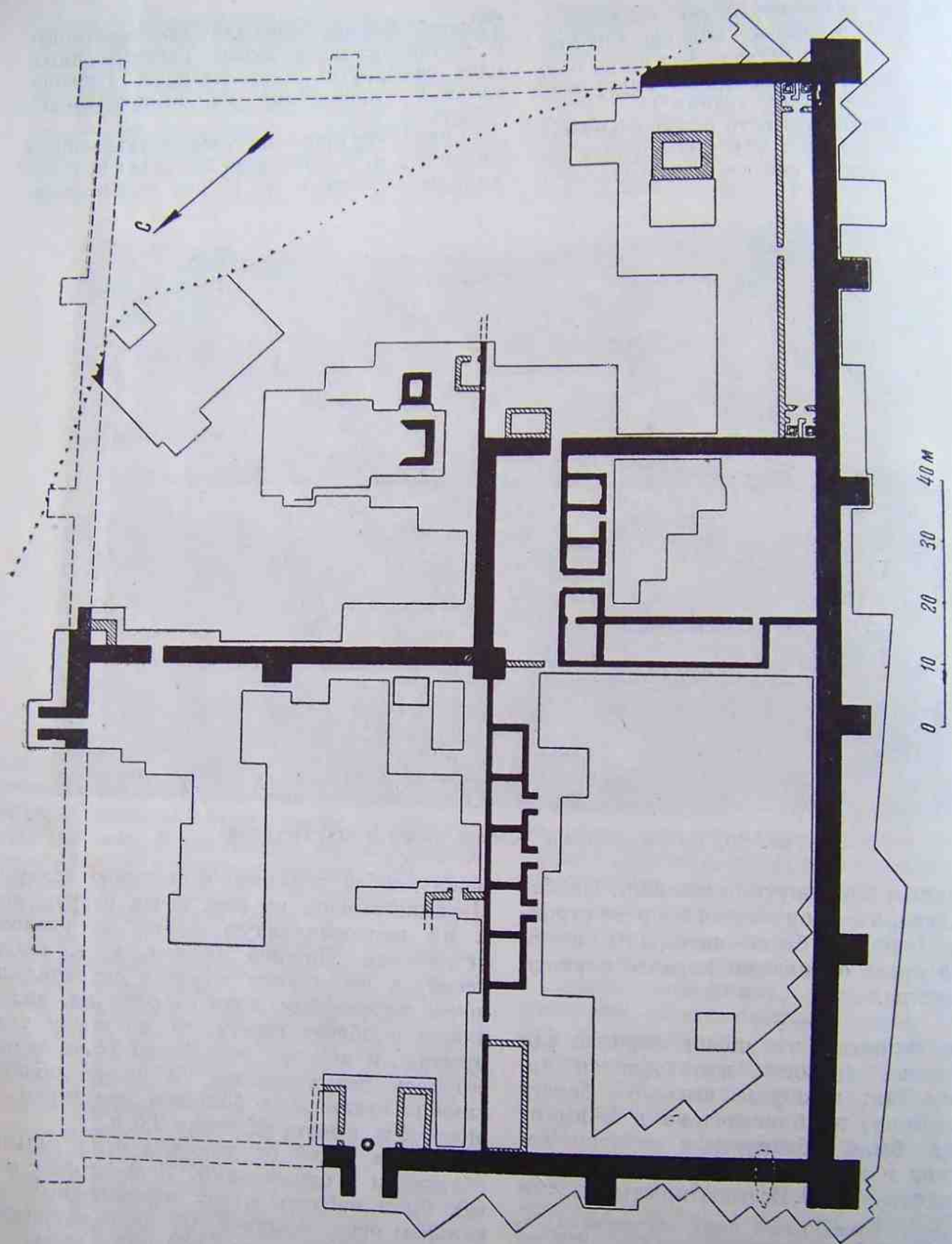

Рис. 11. Схематический план крепости. Черным отмечены сооружения первого периода, штриховкой — сооружения второго периода.

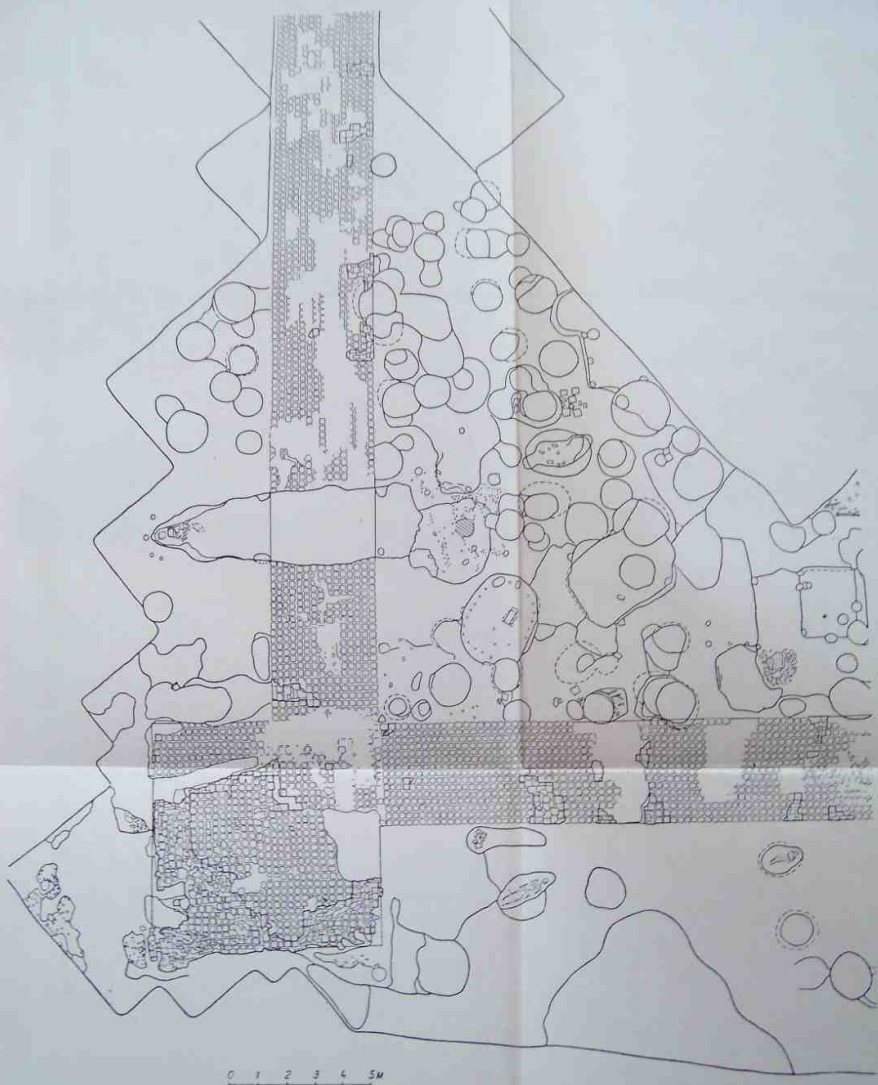

Рис. 12. Западная часть крепости.

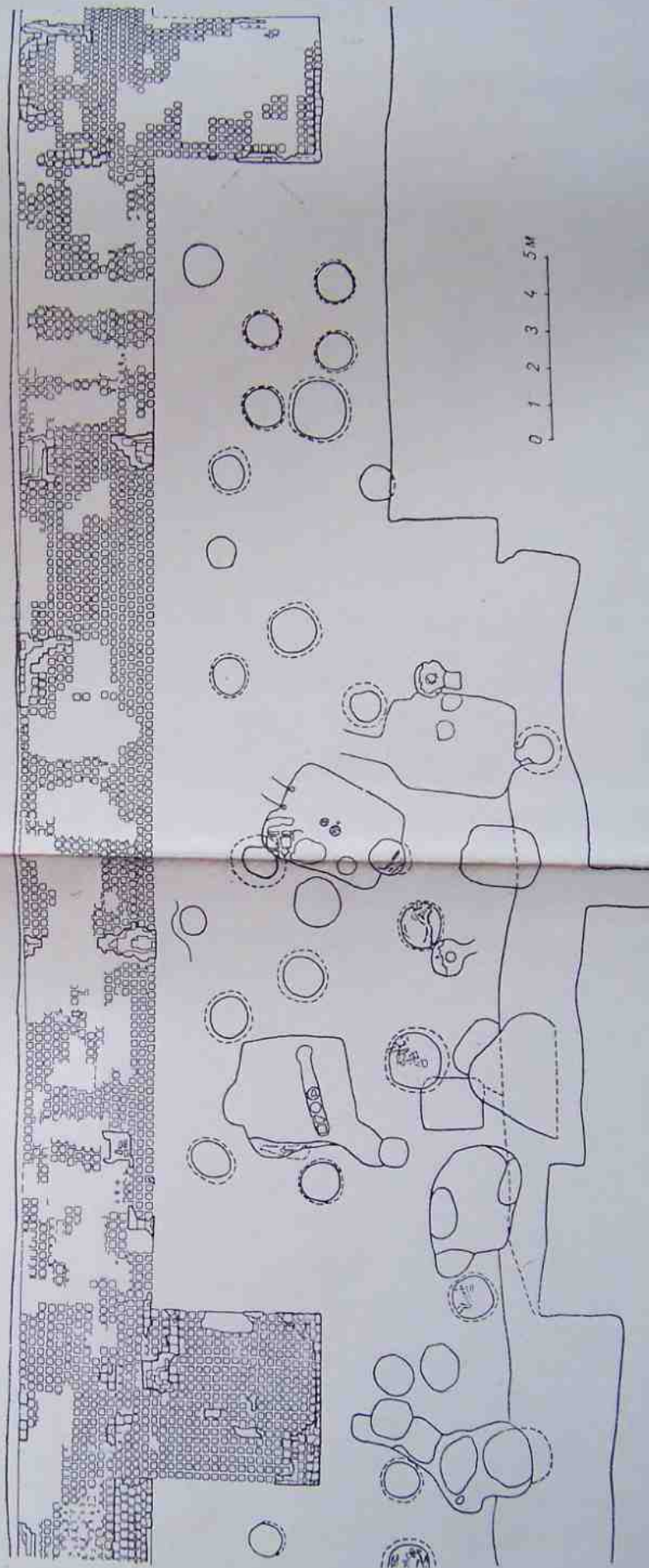

Рис. 13. Часть юго-западной стены крепости и бани В и Г.

пользовались в основном для обжига сосудов, а для производства кирпичей могли существовать другие, большие по размерам печи, не обнаруженные раскопками.

Наружные оборонительные стены крепости были вскрыты раскопками более чем

Кирпичная кладка наружных стен крепости, как уже говорилось, уцелела лишь в виде отдельных, крайне незначительных участков, в основном же направление стен прослеживается лишь по отпечаткам кирпичей, которые в большинстве мест достаточно хорошо сохранились.

Рис. 14. Башня В и юго-западная стена крепости.

на половину их общей длины. Была целиком раскопана юго-западная стена, примыкающий к ней небольшой участок юго-восточной стены и более половины северо-западной. На северо-восточной стене крепости был вскрыт лишь незначительный участок у ворот. Весь восточный угол крепости смыт разливами Дона, но в раскопе 1934 г. на краю обрыва этого обрушившегося в реку участка была обнаружена граница северо-восточной ее стены. Таким образом, общий контур крепости был выяснен раскопками совершенно точно.

Стены крепости всюду имеют одинаковую ширину — в 15 кирпичей, приблизительно от 3.72 до 3.76 м. Башни А—Д, т. е. все раскопанные промежуточные башни крепости, имеют также одинаковую форму и размеры. Башни эти квадратные — 19×19 кирпичей. Размер их сторон колеблется от 4.63 до 4.75 м (рис. 13, 14). Расположены башни почти совершенно точно на одинаковых расстояниях: на юго-западной стене — 30.82—30.85 м, а на северо-западной стене — 30.25—30.30 м.

Южная и западная угловые башни кре-

пости выступают наружу от крепостных стен приблизительно на 4.25 м и образуют, таким образом, квадрат со сторонами в 32 кирпича — от 7.88 до 7.95 м (рис. 12). В нижних, сохранившихся частях все башни сплошные, т. е. не имеющие внутреннего помещения. Существовали ли внутри этих

сползать вниз в западном направлении. По-видимому, для ликвидации этого оползания кладки на западном углу башни несколько кирпичей в одном из рядов были уложены наискось, т. е. перпендикулярно направлению оползания. Выше кладка вновь выведена нормальными параллельными по-

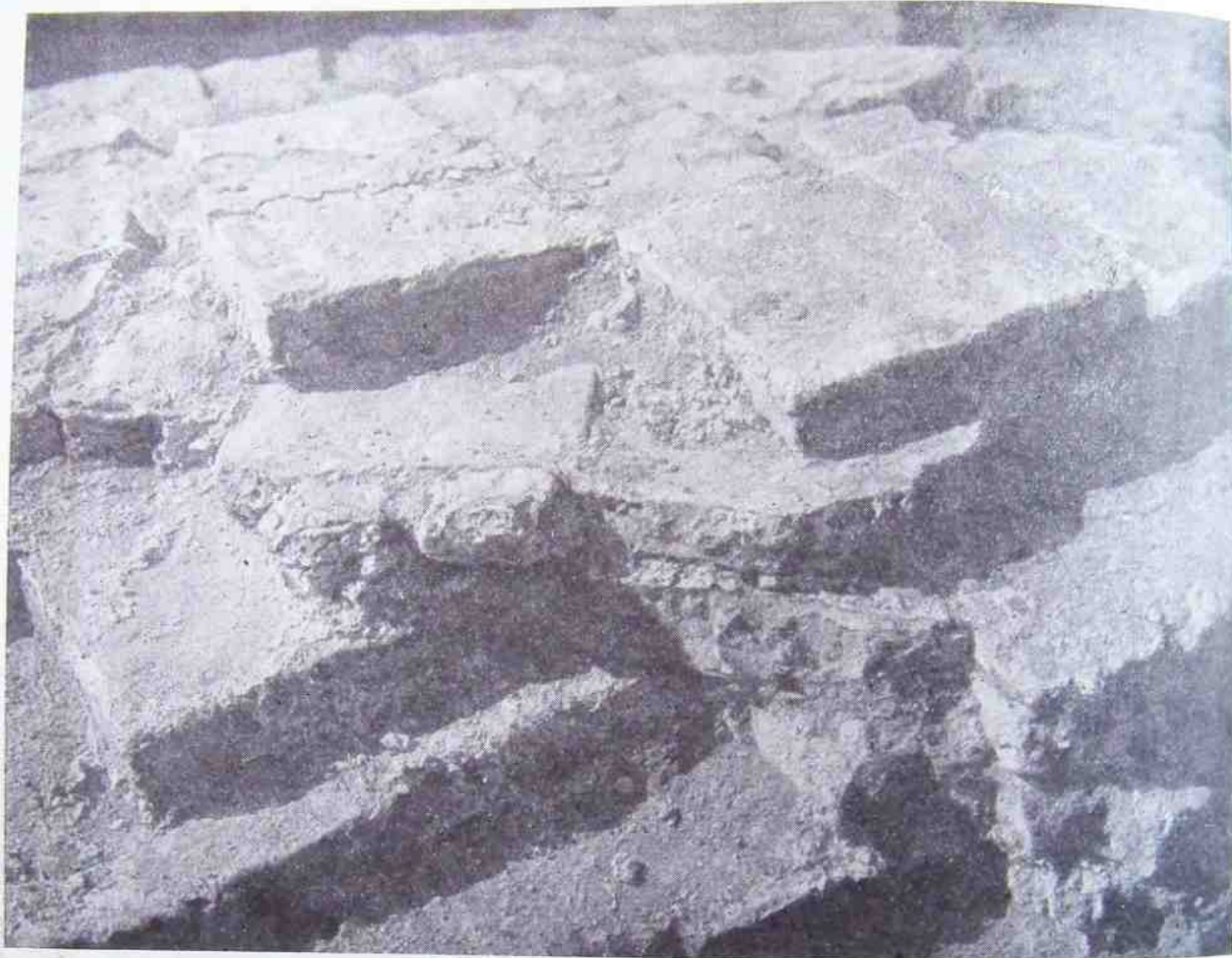

Рис. 15. Деталь кладки западной угловой башни.

башен помещения и на какой высоте они начинались, судить в настоящее время невозможно, так как куски кирпичной кладки в башнях сохранились лишь в нескольких местах до высоты 5—6 рядов кирпичей, да и то только на краях и углах башен.

В западной угловой башне крепости, на наружном ее углу, сохранился довольно значительный участок кирпичной кладки, имеющий в высоту до 10 рядов. При расчистке этого угла выяснилось, что кирпичная кладка здесь еще в процессе строительства крепости осела и западный угол начал

лосами (рис. 15). Это единственное место крепости, где были обнаружены следы какой-то переделки кладки в процессе строительства.

В северо-западной стене крепости расположены Главные ворота. Они представляют собой башню, имеющую ширину 9.28 м и выступающую перед стеной на 4.81 м. Посредине этой башни расположен проезд. Ширина проезда 4.48 м, а ширина боковых пилонов ворот составляет, таким образом, по 2.40 м (рис. 18). В проезде на слое известкового раствора сохранились отпе-

чатки прямоугольных камней размером 40×60 и 40×80 см, которыми был, по-видимому, вымощен проезд. В процессе раскопок в этом районе найдены известковые блоки, вероятно представлявшие собой остатки этой вымостки. Почти у самого наружного края проезда на земле обнаружены отпечатки деревянного бруса дверного порога. Этот

стены, а четвертой стеной им служит наружная стена крепости, к которой они примыкают.

Одно из этих помещений, юго-западное, вскрыто раскопками целиком, второе лишь частично, и поэтому его северо-восточная часть может быть реконструирована лишь по аналогии с первым помещением. Длина

Рис. 16. Порог входа в юго-западное помещение у Главных ворот.

брус был врезан в землю так, что его верхняя плоскость располагалась заподлицо с мощеной поверхностью проезда. Перед этим брусом уровень известковой заливки проезда повышался на 10 см, образуя уступ шириной около 1.10 м, выступающий на 0.3 м наружу за линию пилонов ворот. По сторонам дверного порога расположены участки, не имеющие отпечатков кирпичей на грунте и, очевидно, отвечающие местам установки стоячков, на которые навешивались створы ворот.

Изнутри крепости к воротам симметрично примыкают два прямоугольных помещения, судя по технике кладки, оба относящиеся ко второму периоду строительства крепости. Каждое из этих помещений имеет по три

помещений по наружной стороне стен 10.25 м, ширина раскопанного помещения 5.60 м. Стены сложены в $3\frac{1}{2}$ кирпича и имеют толщину 0.99—1.00 м.

Остатки входов обоих этих помещений, шириной 1.05 м, прослеживаются почти рядом с крепостной стеной, симметрично один против другого. У входа в юго-западное помещение сохранились отпечатки деревянного порога (рис. 16). Порог, видимо, представлял собой прямоугольный в сечении брус, врезанный в материковый грунт на очень незначительную глубину так, что его верхняя плоскость несколько выступала над поверхностью земли. Концы этого бруса были закреплены в кирпичной кладке. На стене юго-западного помещения как с на-

ружной и внутренней сторон, так и во входном проеме сохранились остатки штукатурки.

В середине проезда Главных ворот, у внутреннего конца этого проезда, расположен колодец. В плане колодец имеет слегка овальную, почти круглую форму. Размеры его отверстия — приблизительно 1.20×1.35 м. Сложен колодец из известняковых камней, довольно тщательно насухо пригнанных друг к другу.⁷ Каменная кладка

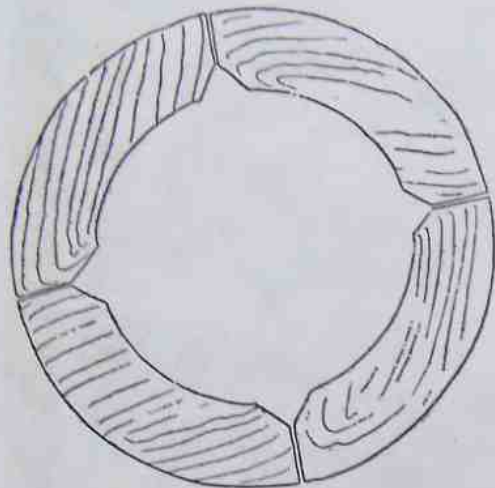

Рис. 17. Деревянный венец в основании колодца (схема).

колодца начинается на глубине около 1.50 м ниже поверхности проезда ворот, однако очень возможно, что первоначально колодец начинался непосредственно на уровне проезда, а позднее верхние ряды его были разобраны. В колодце сохранилось 20 рядов каменной кладки общей высотой 3.60 м. Земляное дно колодца находится приблизительно на 0.6 м глубже низа каменной кладки. Под нижним рядом камней имеется деревянный венец, состоящий из 4 сегментов — дугообразных плах, уложенных в стык, плотно одна к другой. Толщина этих досок 13—15 см, ширина их 30 см. Диаметр отверстия колодца слегка уменьшается книзу, и поэтому диаметр отверстия деревянного венца — 1.15 м (рис. 17). При расчистке удалось проследить с внешней стороны этого деревянного венца остатки еще одного, наружного деревянного кольца, по-видимому такой же конструкции.

⁷ Фотография колодца помещена в статье М. И. Артамонова «Саркел-Белая Вежа» (Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 16).

После расчистки колодца в нем быстро скопилось чистая вода, уровень которой дошел приблизительно до низа каменной кладки, т. е. до глубины около 5.10 м от уровня проезда ворот. В следующем году уровень воды в колодце повысился еще приблизительно на 40 см.

Вопрос о времени постройки колодца и о том, был ли он связан с архитектурным комплексом крепости, остался неразрешенным.

В северо-восточной стене крепости расположены вторые, меньшие ворота, условно названные Речными воротами. Эти ворота находятся в башне, имеющей ширину 5.36 м и выступающей вперед от крепостной стены на 4.70 м (рис. 19). Общая длина проезда ворот 8.43 м, ширина от 1.81 до 1.85 м. В северном пилоне со стороны проезда находится прямоугольная площадка, не имеющая отпечатков кирпичей. По-видимому, здесь, в пилоне ворот, была какая-то ниша. Уровень оснований кирпичей вследствие давления кирпичной стены несколько понижен по отношению к уровню земли в этой нише.

В проезде ворот сохранились остатки вымостки. Она состоит из мелких и крупных кусков кирпича того же типа, что и кирпичи крепости. Первоначально, по-видимому, эта вымостка состояла из цельных кирпичей. Никаких следов порога в проезде ворот не обнаружено.

Внутренняя стена, перегораживающая крепость на две части, примыкает к северо-восточной наружной крепостной стене на расстоянии 9.40 м от проезда Речных ворот. Протяжение северного отрезка этой внутренней крепостной стены — 63.08 м, центрального — 31.62 м и южного отрезка — 51.16 м. Стена имеет ширину в 12 кирпичей, т. е. от 2.95 до 3.00 м (рис. 20, 21).

В южном отрезке этой стены, отступив на 8.60 м от места соединения южного и центрального участков, расположен 1-й проход в стене (см. рис. 24). Ширина его 1.82 м. Проход не замощен, и его полом служит материковый грунт, на котором кое-где сохранились следы известковой заливки. В северо-западном конце прохода, по обеим его сторонам, видны следы прямоугольных впадин в кладке стены, видимо отмечающих места расположения косяков ворот. Впадины эти несколько углублены в грунт и по краям обложены поставленными на ребро кусками кирпичей. С противополож-

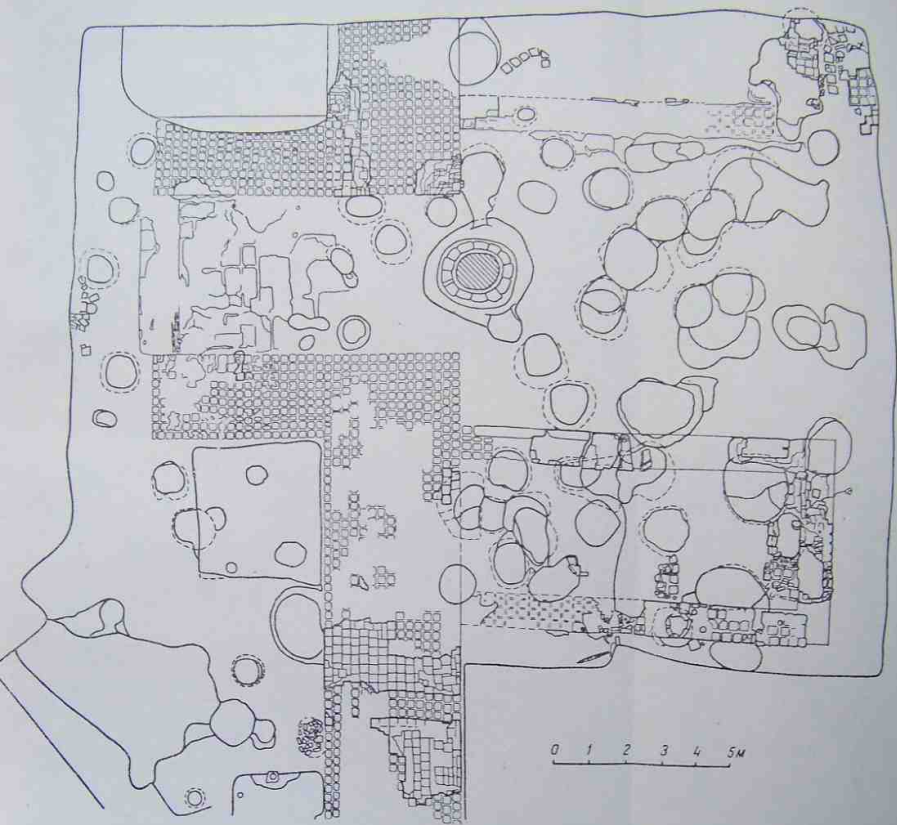

Рис. 18. Главные ворота.

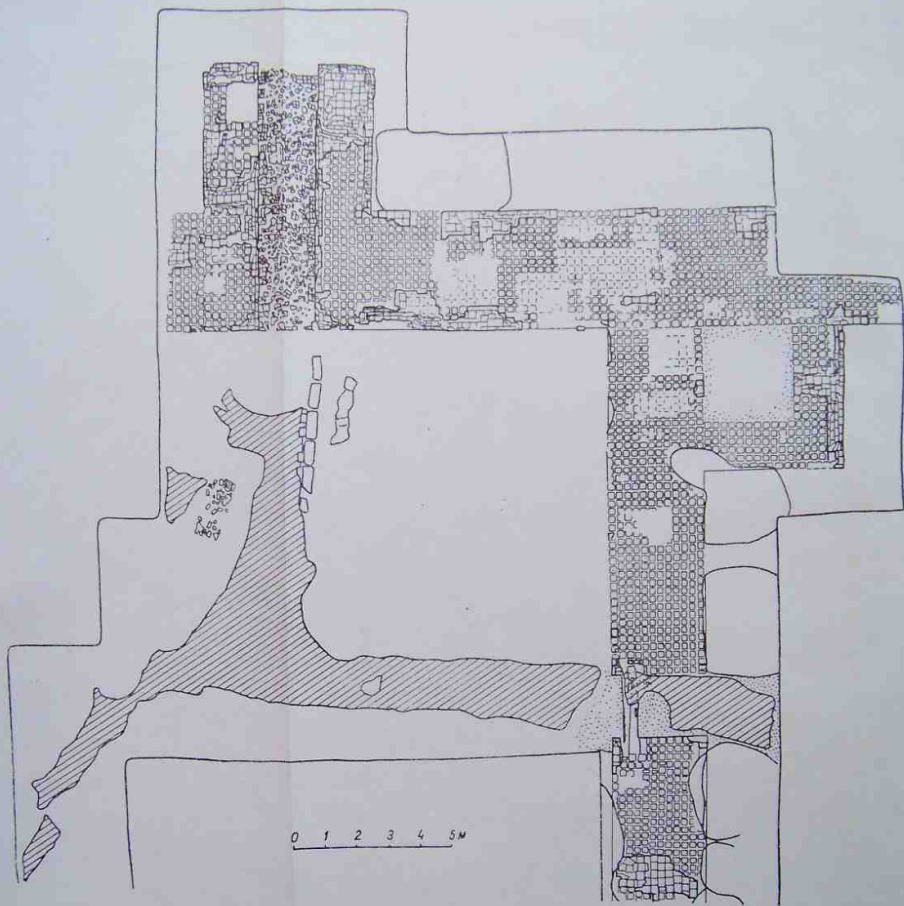

Рис. 19. Речные ворота и примыкающий к ним участок внутренней стены крепости.

Рис. 20. Центральный отрезок внутренней стены крепости. На переднем плане башня *Е*.

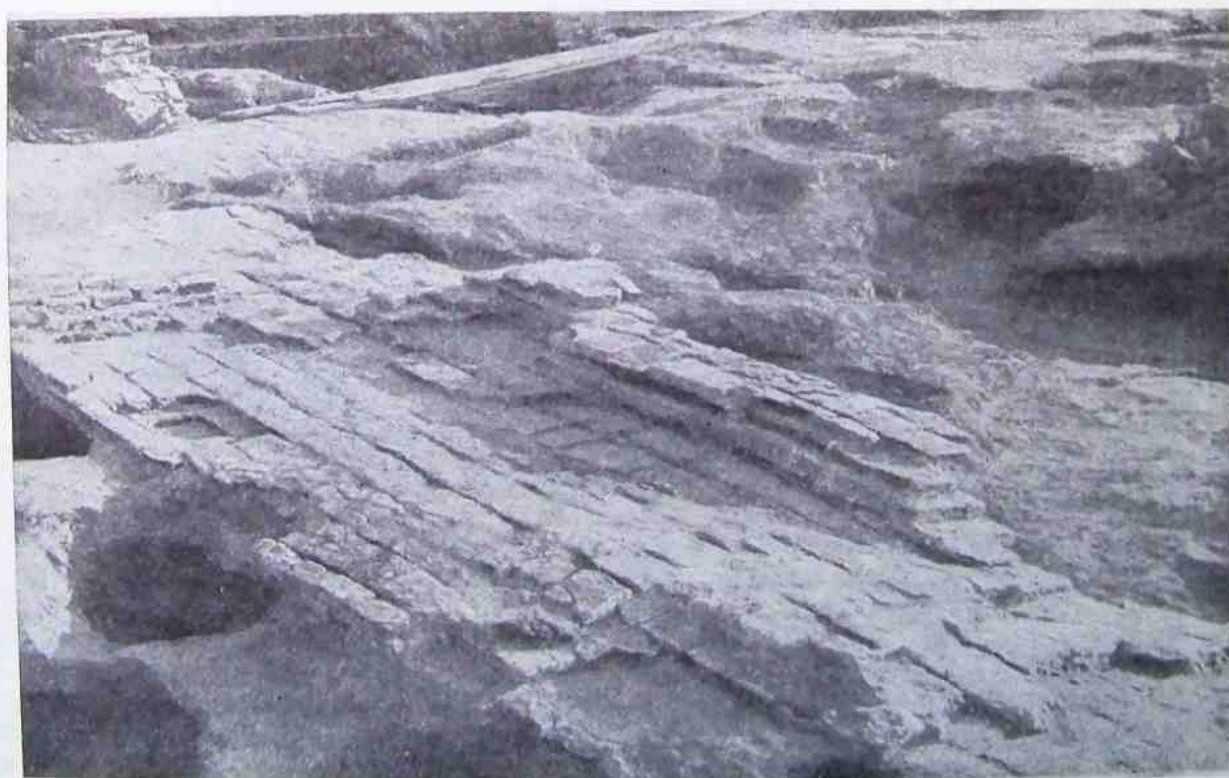

Рис. 21. Деталь центрального участка внутренней стены крепости.

ной стороны прохода к внутренней стене крепости вплотную примыкает прямоугольное помещение, относящееся ко второму строительному периоду. Стенка этого по-

форму, отчего размеры его сторон неодинаковы, с отклонениями до 8 см. Полom служила известковая заливка, незначительные следы которой были обнаружены в южном

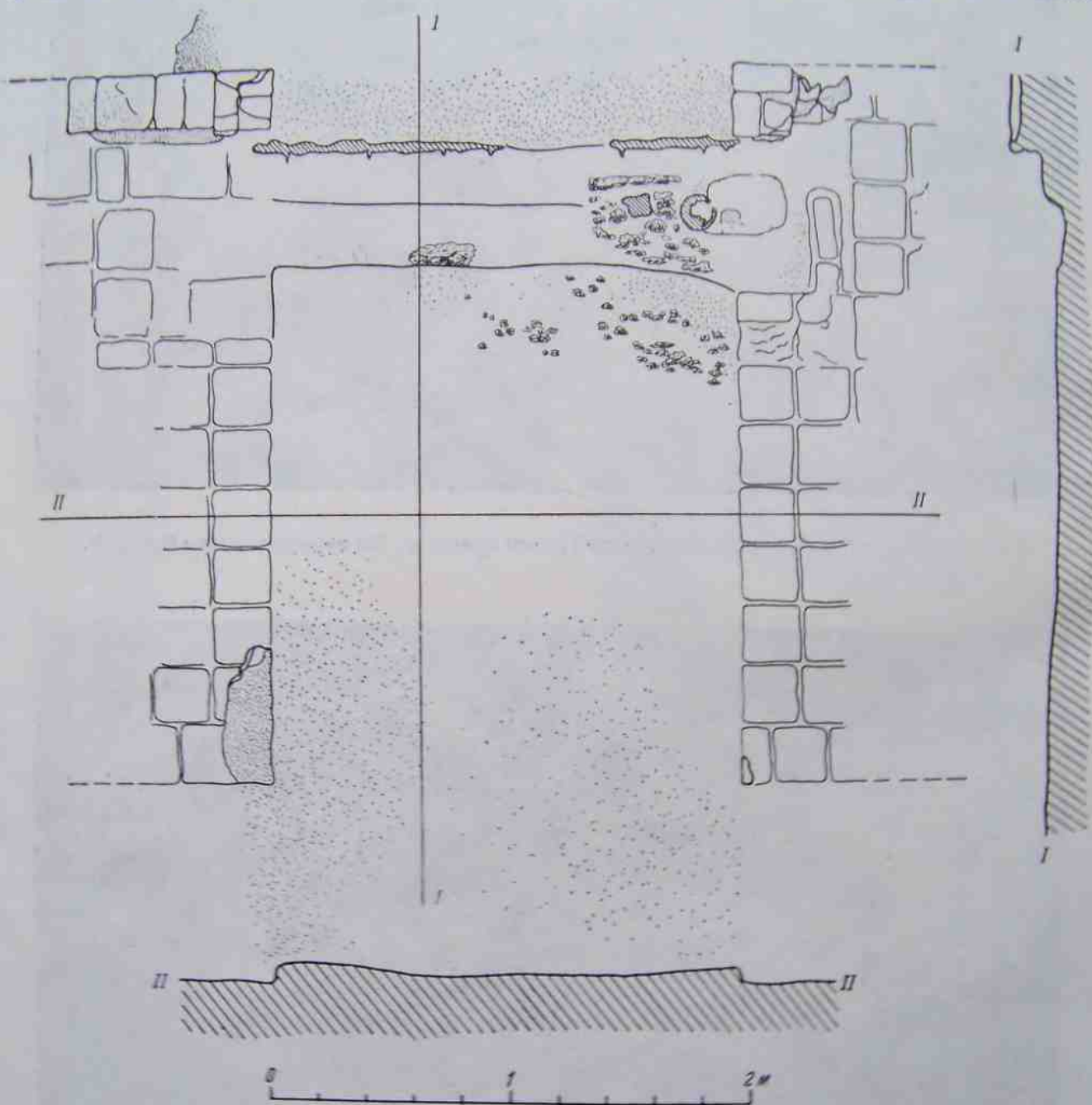

Рис. 22. План 2-го прохода.

мещения, примыкающая к внутренней крепостной стене, имеет толщину в 2 кирпича, т. е. 0.50 м. Остальные стены более толстые: юго-восточная и юго-западная — 0.82 м и северо-восточная — 0.74 м. Внутренние размеры помещения 5.74 × 3.63 м. Все это помещение имеет не строго прямоугольную

форму, отчего размеры его сторон неодинаковы, с отклонениями до 8 см. Полom служила известковая заливка, незначительные следы которой были обнаружены в южном

углу этого помещения. Судить о том, где помещался вход, невозможно, так как стены сохранились не целиком, а лишь в виде нескольких небольших отрезков. В северном отрезке внутренней крепостной стены, отступа на 10.70 м от северо-восточной наружной стены крепости, имеется

второй проход шириной 1.93 м (рис. 22). Ближе к наружной, т. е. к северо-западной стороне, сохранились отпечатки углубленного в землю бревна, лежавшего поперек прохода. Еще ближе к наружной стороне

этого деревянного порога. Здесь же была найдена круглая железная чашка диаметром около 14 см, очевидно служившая оковкой нижней части вертикального бревна — стойка ворот. По сторонам порога, судя

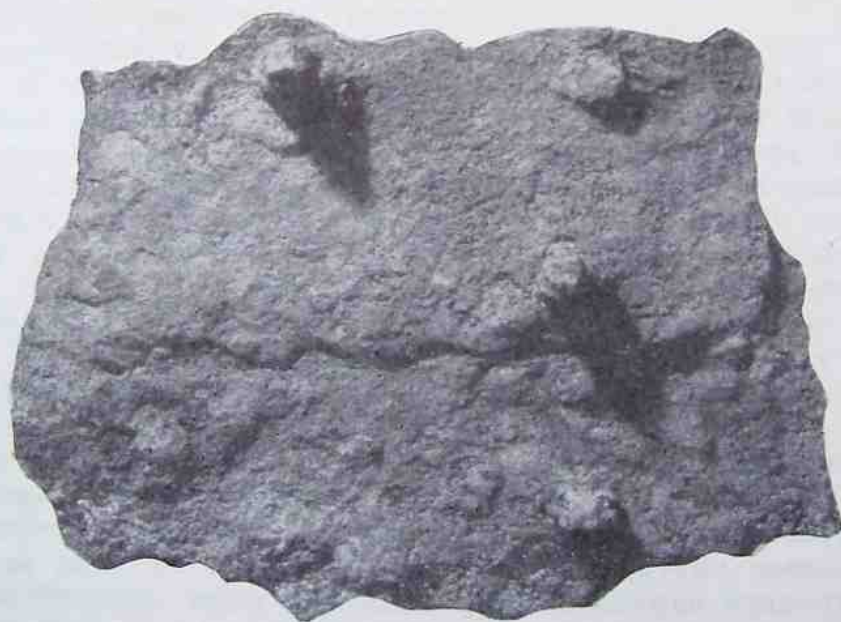

Рис. 23. Куски железной обивки порога во 2-м проходе.

прохода, по-видимому, лежало второе бревно, несколько возвышавшееся над первым и служившее, очевидно, порогом. Во время раскопок была обнаружена плоская железная полоса, пробитая железными гвоздями и представляющая собой остатки железной обивки порога (рис. 23). Полоса лежала с его внешней стороны, и железные гвозди были направлены остриями в сторону

по отпечаткам на грунте, кирпичная кладка стены несколько отступала, образуя небольшие прямоугольные пространства, в которые, видимо, закладывалась деревянная коробка проема. Уровень материковой земли в проходе на 5—7 см выше, чем уровень основания примыкавшей к нему стены.

Почти совершенно точно на середине северного отрезка внутренней крепостной

стены расположена башня Ж. Башня эта выступает из стены на 12 кирпичей, т. е. на 2.97 м, ширина же ее не могла быть точно определена, так как юго-западная сторона башни совершенно разрушена и на земле не сохранилось даже отпечатков кирпичей ее основания. Во время раскопок по ширине башни удалось проследить следы 19 кирпичей, однако первоначально ширина башни была, по-видимому, равна 20 кирпичам.

На повороте внутренней крепостной стены, в месте соединения ее северного и центрального отрезков, расположена угловая башня Е, выступающая от стен в обе стороны на 2.12—2.15 м. К северо-западной стороне башни примыкает длинная стена здания IV, причем кладка этой стены неразрывно связана с кладкой самой башни. К юго-западной стороне башни впритык, без перевязки, примыкает относящийся ко второму периоду строительства кусок стены, идущий в сторону здания I. Этот отрезок стены, однако, не доходит до соединения со зданием I и образует здесь проход (3-й проход, рис. 24).

В месте примыкания внутренней крепостной стены к северо-восточной наружной стене крепости во второй период строительства были встроены две небольшие стенки, образующие замкнутое помещение размером 2.82×3.00 м (рис. 19). Пол этого помещения покрыт толстым слоем известкового раствора. Хотя раствор этот и плотно спрессовался от времени, однако создается впечатление, что он не был залит сюда в жидком виде, а был насыпан в это помещение уже в виде схватившихся кусков. Толщина встроженных стен, ограничивающих это помещение, 1.55—1.58 м.

В прямоугольнике, образованном центральным и южным отрезками внутренней крепостной стены и юго-западной наружной стеной крепости, расположено здание I, имеющее Г-образную форму (рис. 24). Стена этого здания, соединяющая его с наружной крепостной стеной, имеет ширину в $4\frac{1}{2}$ кирпича, т. е. 1.20 м, все же остальные стены здания сложены в $3\frac{1}{2}$ кирпича, и ширина их от 0.90 до 1.00 м. Между помещениями №№ 3 и 4 здания I расположен сквозной проход шириной 2.05 м. В северо-восточном конце прохода, по обеим его сторонам, отпечатки кирпичей обрисовывают на грунте прямоугольные уступы, по-видимому, следы ниши портала. Как проход, так

и пол всех помещений здания I покрыты тонким слоем известковой заливки, сохранившимся на значительной площади. Помещения №№ 4, 5 и 6 почти равны по размерам: их длина от 5.50 до 5.60 м, а ширина соответственно 4.15, 4.45 и 4.40 м. Стены этих помещений не строго перпендикулярны друг другу, что дает разницу в длине стен помещений до 10 см. В помещении № 6 в юго-западной стене расположена ниша шириной 2.37 м, углубленная в стену на $1\frac{1}{2}$ кирпича. В отличие от сравнительно небольших помещений №№ 2—6, помещение № 1 имеет значительную длину — 24.92 м, при ширине 5.90 м. В помещениях №№ 1 и 5 прослежены входы. Судя по наличию следов известковой заливки на участке стены между помещениями №№ 2 и 3, здесь также существовал проход. В остальных помещениях дверей и проходов не отмечено, что, быть может, объясняется плохой сохранностью остатков здания.

В районе южной угловой башни крепости расположено здание II, целиком относящееся ко второму строительному периоду. В отличие от большинства построек саркелской крепости здание II сохранилось не в виде отпечатков или нескольких нижних рядов кирпича, а имеет высоту, доходящую местами до 0.80—0.83 м (рис. 25—27). Стены здания сильно изуродованы и разбиты более поздними хозяйственными и жилыми постройками; некоторые из них были врублены прямо в кирпичные стены здания. Толщина стен здания — $6\frac{1}{2}$ кирпичей, т. е. около 1.80 м, размер внутреннего помещения 6.46×4.96 м. Пол внутри здания был вымощен кирпичом. С северо-западной стороны к зданию снаружи примыкала прямоугольная площадка — кирпичная вымостка. В отличие от пола внутри здания эта вымостка была двуслойной, т. е. состояла из двух рядов кирпичей. Кирпичи вымостки уложены на известковом растворе и имеют такой же формат, как и кирпичи самого здания II, т. е. также относятся ко второму строительному периоду. Несмотря на то, что вымостка, так же как и здание, сильно разрушена более поздними сооружениями, размеры ее определяются достаточно точно — 8.30×10.65 м.

За исключением северо-западной стены здания II остальные его три стены в плане сохранились почти полностью, что свидетельствует об отсутствии в них входов в зда-

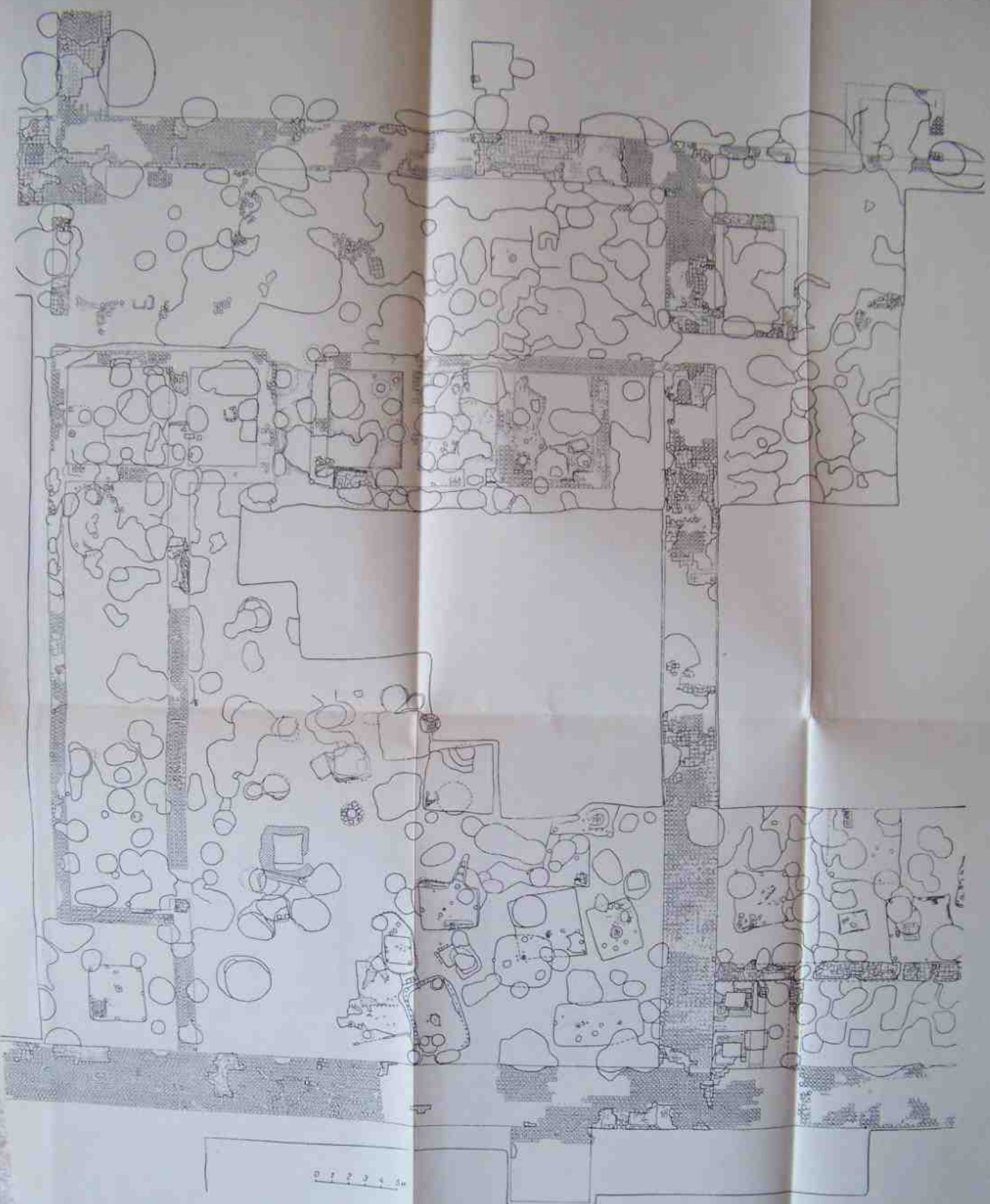
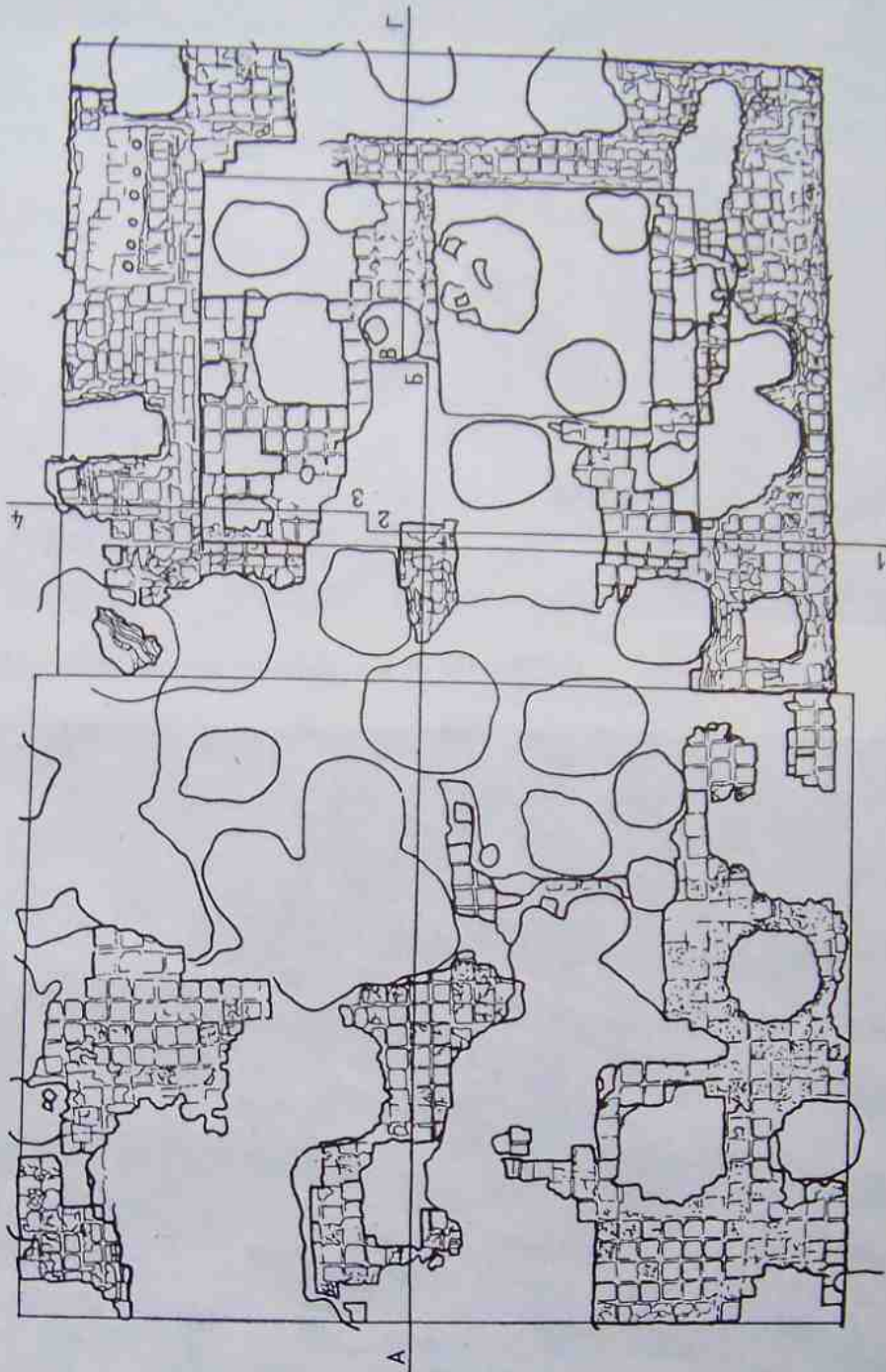
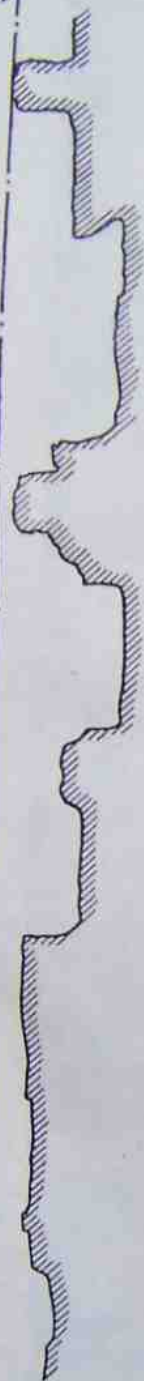

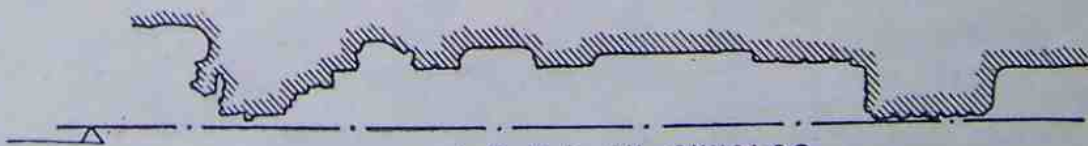
Рис. 24. Здание I.

Сечение по А-Б-В-Г

+83

Сечение по 1-2-3-4

0 1 2 3 4 5 м

Рис. 25. Здание II.

Рис. 26. Часть юго-восточной стены здания II.

Рис. 27. Здание II. Вид с северо-востока.

ние. Однако и в северо-западной стене здания также, по-видимому, входа не было, так как как раз в середине этой стены, т. е. там, где должен был располагаться вход, сохранился кусок кладки. Таким образом, очевидно, в нижних частях стены здания II (во всяком случае до высоты 0.5 м) не существовало никакого прохода или проема.

Здание III, также целиком относящееся ко второму строительному периоду, примыкает к юго-западной наружной стене крепости, между южной угловой башней и внутренней крепостной стеной. Здание состоит из длинной стены (общая ее длина 61.64 м), замыкающей узкое пространство, тянущееся вдоль крепостной стены (рис. 30). Длинная стена здания III имеет в ширину $3\frac{1}{2}$ кирпича. Вследствие различной толщины швов ширина стены колеблется от 0.95 до 1.05 м. В середине стены расположен проход, точная ширина которого неизвестна, так как сохранилась только его северная сторона. Стена сохранилась в ряде мест на высоту до 0.6 м, но сильно разрушена более поздними постройками, а отдельные части ее покосились и съехали в ямы (рис. 28). Общее, совершенно прямолинейное направление стены прослеживается, однако, достаточно хорошо.

Между этой длинной стеной и наружной стеной крепости образуется длинное пространство, имеющее ширину в районе южной башни 5.25 м, а в северо-западном конце 5.10 м. В торцах этого помещения с обеих сторон симметрично расположены небольшие комплексы, состоящие каждый из узкого коридора и двух маленьких камер. Все эти помещения разделены стенками в $2\frac{1}{2}$ кирпича — от 0.70 до 0.77 м шириной. В каждой камере, имеющей в длину 2.46—2.50 м и в ширину 2.20—2.30 м, в середине находится обложенный кирпичом колодец (рис. 29). Размер каждого колодца приблизительно 0.85×1.10 м. Глинобитное дно этих колодцев примерно на 1.30 м ниже поверхности земли.

На полу камер, непосредственно на поверхности земли, сохранилась известковая заливка. Над одним из колодцев во время раскопок было обнаружено перекрытие, состоявшее из больших кирпичей (30×30 см), лежавших, по-видимому, на деревянных переводах. Однако плохая сохранность данных комплексов не позволила установить это с полной достоверностью, и поэтому вполне

возможно, что большие кирпичи, перекрывавшие колодец, могли попасть сюда позже и не быть связанными с его первоначальным устройством.

К зданию III, в его южной части, примыкало еще одно прямоугольное помещение. От него не сохранилось не только остатков стен, но даже и отпечатков кирпичей на грунте. Однако общая форма и размеры этого помещения (приблизительно 6.5×3 м) прослеживались по траншеям, сохранившимся от выборки кирпича из стен этой пристройки и четко видимым в обрезах раскопов. В стене здания III, выходящей в сторону этого уничтоженного помещения, на высоте около 0.30 м от земли сохранились гнезда от торцов двух деревянных балок, по которым был настлан досчатый пол, следы которого местами удалось проследить.

От угловой башни E, расположенной на внутренней стене крепости, и до соединения с северо-западной наружной крепостной стеной тянется длинное здание IV (рис. 31, 32). Первоначально здание состояло из длинной стены, к которой примыкали смежные прямоугольные помещения 1—5. Длинная стена имеет толщину в $3\frac{1}{2}$ кирпича, т. е. приблизительно от 0.86 до 0.90 м. На рас-

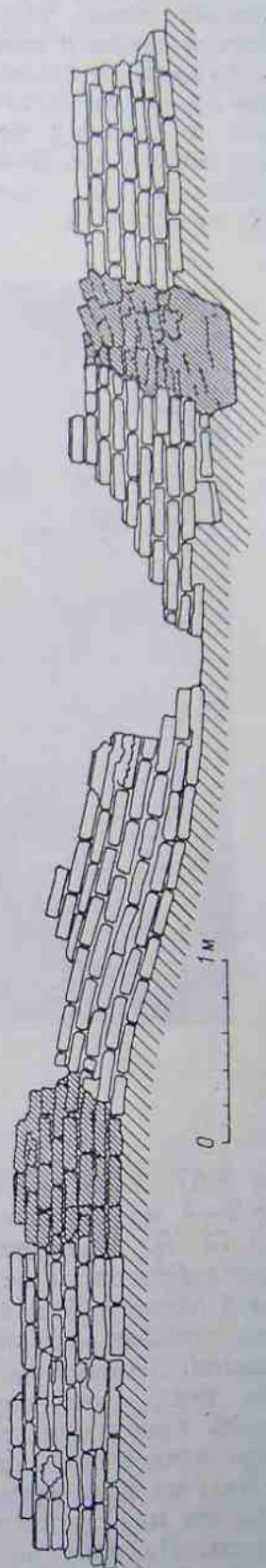

Рис. 28. Часть фасада длинной стены здания III.

стоянии около 19.5 м от наружной крепостной стены в этой длинной стене здания IV находился проход (проход 4). Сохранилась лишь юго-восточная граница этого прохода, и поэтому первоначальная его ширина неизвестна. Помещения №№ 1—5 почти одинаковы по размерам — их ширина от 4.85 до 4.93 м, а длина соответственно 7.45,

несколько большей ширины швов толщина стен здесь достигает 0.93—0.95 м.

Во второй период строительства в здании IV было встроено еще одно помещение № 6, примыкающее к наружной стене крепости. Толщина двух стен этого помещения (юго-западной и юго-восточной) такая, как и во всем здании, — $3\frac{1}{2}$ кирпича, но

Рис. 29. Камера и колодец в здании III.

7.39, 8.47, 7.20 и 7.35 м. В помещениях №№ 2—4 имеются входы шириной от 1.67 до 1.74 м. Снаружи входы ограничены двумя небольшими параллельными стенами длиной около 1.57 м каждая. Параллельные стены придают входам характер парадных порталов. Несмотря на очень плохую сохранность этих стен, ограждающих порталы, удалось проследить, что они имеют совершенно идентичный характер и одинаковые размеры во всех трех помещениях. Между собой все пять данных помещений не сообщаются. На полу во всех помещениях сохранились следы известковой заливки, лежащей на материковом грунте. Стены их такие же, как и длинная стена здания, т. е. в $3\frac{1}{2}$ кирпича, однако вследствие

благодаря большему формату кирпича толщина стен здесь равна 1.03—1.05 м. Третья, северо-западная стена этого помещения вплотную примыкает к крепостной стене и имеет толщину всего 0.45 м, т. е. в $1\frac{1}{2}$ кирпича. Наконец, четвертой стеной помещения № 6 служит основная длинная стена здания IV. Стены помещения № 6, сложенные во второй строительный период, очень четко отделяются от стен, относящихся к первому периоду, и между этими разновременными стенами существуют даже щели в несколько сантиметров толщиной. Размер помещения № 6 — 5.40×17.25 м.

Характерной особенностью здания IV, до пристройки к нему во второй период помещения № 6, было то, что в нем, как

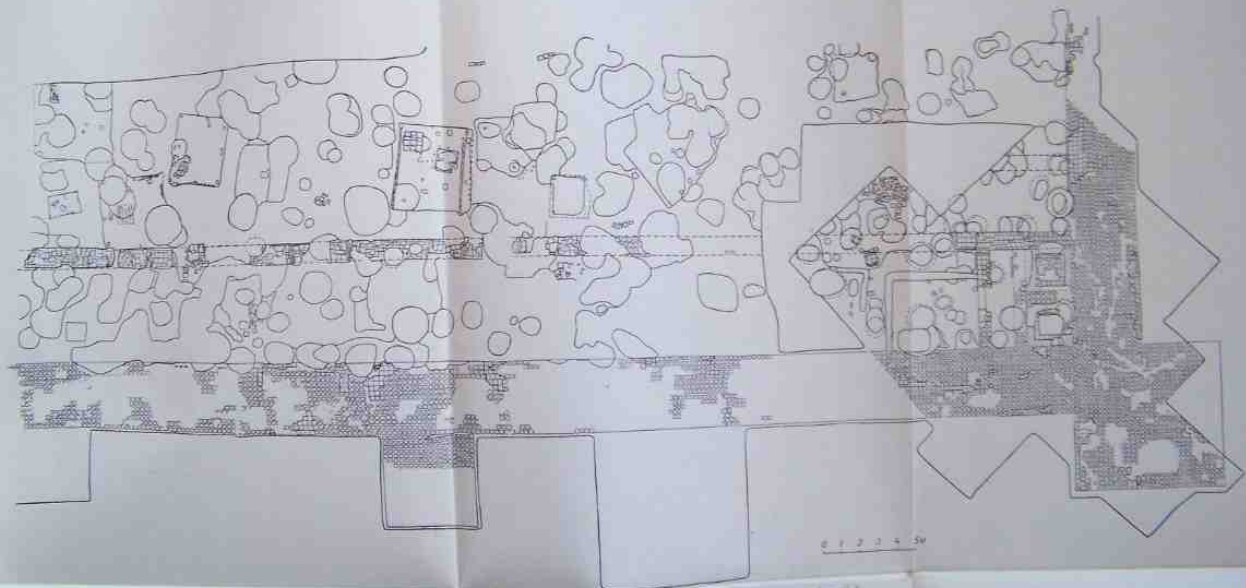

Рис. 20. План 1:1000 в прямоугольной и змеек участках наружной стеной крепости с жилой бастион и бастион А.

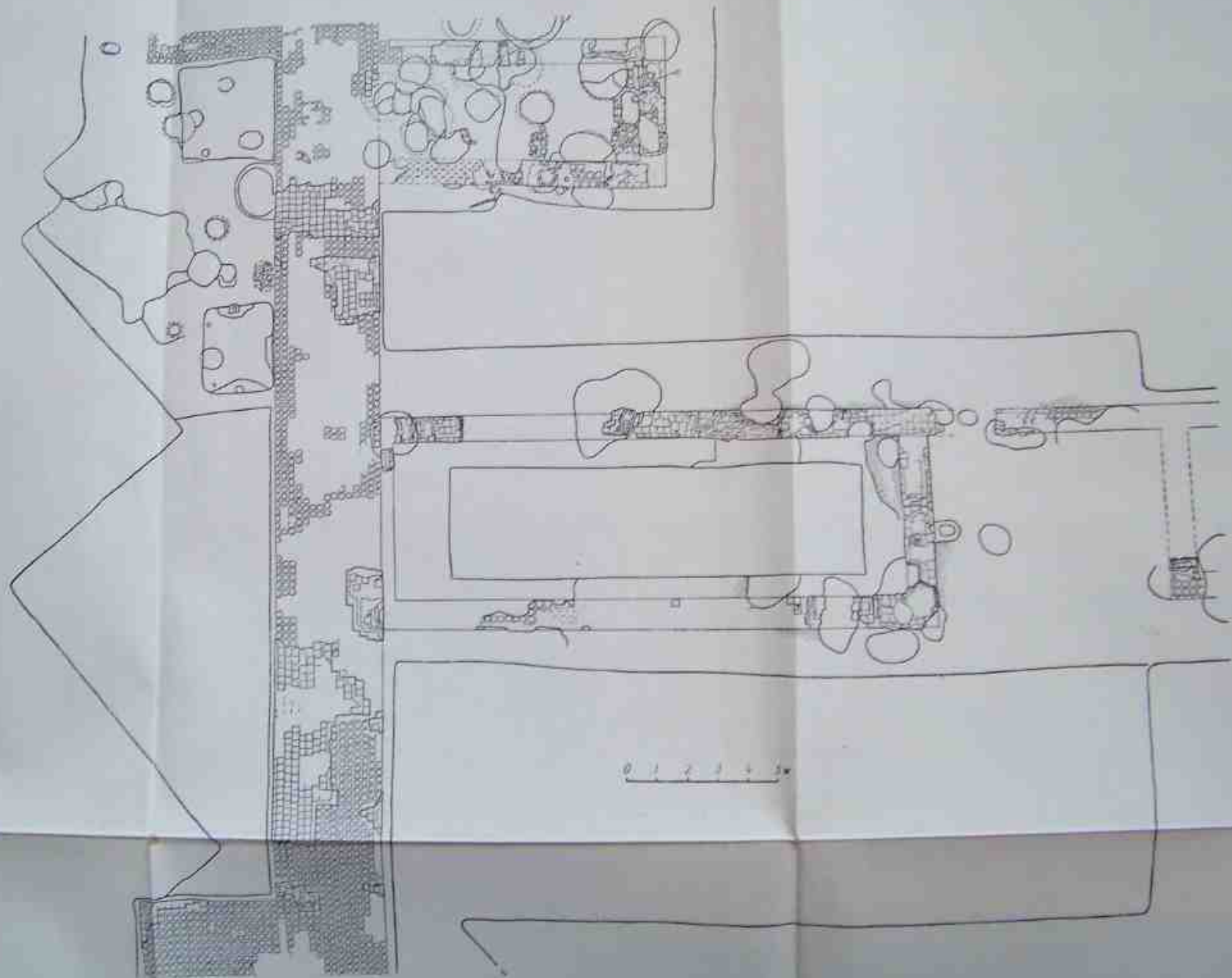

Рис. 34. Задний IV, северная часть

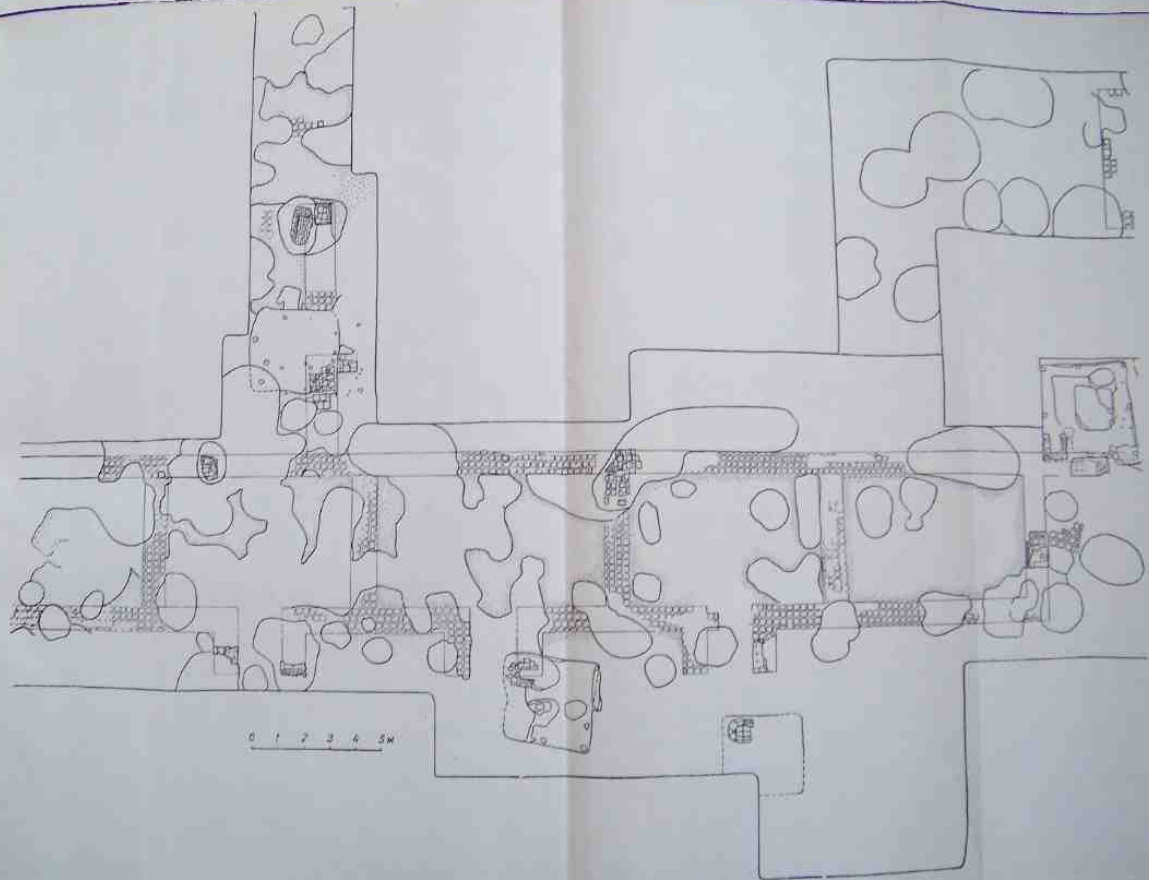

Рис. 32. Здание IV, юго-восточная часть.

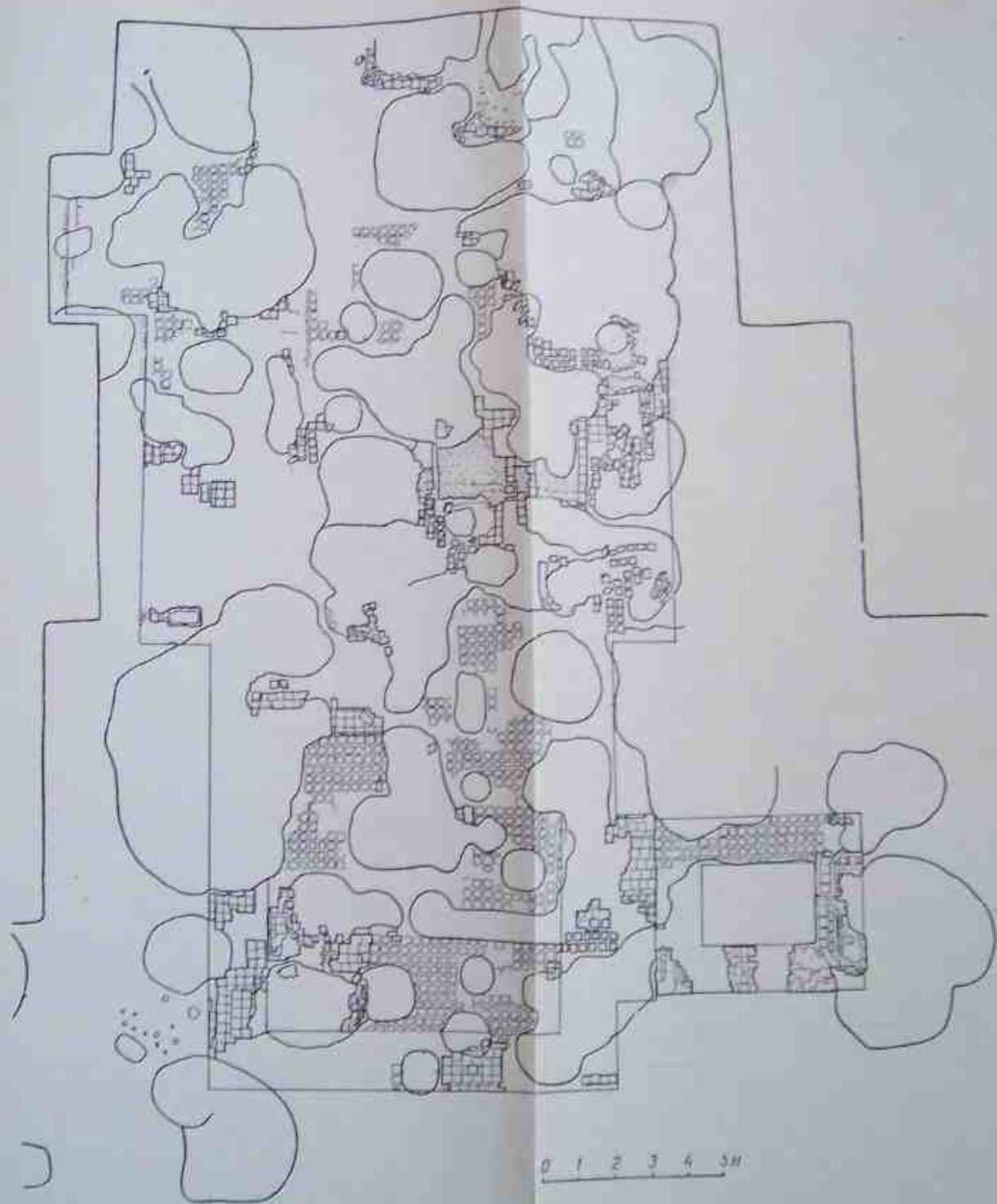

Fig. 33. Sheet V.

и в здании I, крайние помещения не примыкали вплотную к крепостным стенам, благодаря чему здесь образовались незамкнутые с одной стороны прямоугольные пространства.

С северо-восточной стороны к длинной стене здания IV примыкает еще одна пристройка, также относящаяся ко второму строительному периоду. Пристройка эта

относится к первому периоду строительства крепости. Основное помещение здания V расположено на кирпичной платформе, представляющей собой вымостку в 2 ряда кирпича. Отступя на $5 \frac{1}{2}$ кирпичей от края платформы, расположены стены здания. Сохранность здания настолько плохая, что в большинстве мест отсутствуют не только стены, но даже и платформа, на которой

Рис. 34. Известковая заливка на вымостке здания V.

раскопана лишь частично и сохранилась очень плохо. Толщина ее стен $4 \frac{1}{2}$ кирпича — 1.21 м. (рис. 32). По-видимому, в этой пристройке имелся проход, так как здесь была обнаружена маленькая стенка толщиной 0.68 м, выступающая на 0.76 м вперед от основной стены пристройки. Вероятно, эта маленькая стенка была одной из параллельных стенок, оформляющих портал.

Здание V состоит из двух самостоятельных помещений, из которых одно несомненно являлось основным, так как симметрично оси этого помещения к нему примыкает большая кирпичная вымостка (рис. 33). Как оба помещения, так и вымостка, судя по строительным особенностям, несомненно

эти стены стояли. Наружный контур стен определяется лишь по ничтожным сохранившимся кускам. Удалось обнаружить место расположения лишь трех стен помещения; где находилась четвертая стена помещения, определить не удалось, так как отпечатки кирпичей на грунте принадлежат кирпичам нижней платформы и это не позволяет судить о местонахождении данной стены. Толщина стен также нигде не сохранилась полностью, и лишь на одном участке северо-западной стены помещения удалось проследить, что эта толщина была не менее $5 \frac{1}{2}$ кирпичей. Ширина здания (по наружным стенам) около 7.72 м. Длину его определить не удалось, но несомненно, что она

была не более 8.5 м, так как приблизительно с этого расстояния и далее к северо-востоку вымостка всюду имеет уже в толщину не 2, а 3 ряда кирпичей.

Общий размер вымостки ввиду очень плохой сохранности определить не удалось, но во всяком случае длина этой платформы была не менее 29 м, так как на этом расстоя-

двух прослоек, по-видимому отмечающих либо различные этапы строительства, либо какой-то ремонт помещений. Края вымостки в тех немногих местах, где они сохранились, заканчиваются рядом кирпичей, лежащих наклонно на ребре и образующих как бы борт или поребрик (рис. 35, 36). В ряде мест, где эти кирпичи не сохранились, уда-

Рис. 35. Край вымостки здания V.

нии от юго-западной границы платформы следы кирпичной вымостки еще прослеживаются. Ширина платформы у ее юго-западного конца 10.80 м, затем на расстоянии 12.0 м от юго-западного края она симметрично расширяется в обе стороны и достигает 14.60 м. Отступя к северо-востоку еще на 9.3 м, платформа вновь расширяется на 2.30 м в северо-западную сторону. Возможно, что симметрично этому расширению имелся такой же выступ и с противоположной, юго-восточной стороны, однако здесь весь грунт перекопан более поздними ямами и следов вымостки обнаружить не удалось.

Вся кирпичная вымостка сверху была покрыта известковым раствором (рис. 34). В нескольких случаях удалось определить, что этот тонкий слой раствора состоял из

двух прослоек, по-видимому отмечающих либо различные этапы строительства, либо какой-то ремонт помещений. Края вымостки в тех немногих местах, где они сохранились, заканчиваются рядом кирпичей, лежащих наклонно на ребре и образующих как бы борт или поребрик (рис. 35, 36). В ряде мест, где эти кирпичи не сохранились, уда-

лось проследить их отпечатки в грунте. По-видимому, не имел такого борта лишь тот край вымостки, который обращен в сторону второго помещения здания V и где от платформы отходил небольшой выступ, соединяющий ее с этим помещением.

Это второе помещение имеет размер (по наружным стенам) 5.50×4.70 м. Толщина его стен 1.20—1.25 м. Наличие входа установить не удалось, так как северо-западная сторона, примыкающая к кирпичной платформе, не сохранилась. Все внутреннее пространство этого помещения также нарушено сплошной ямой, что не позволило определить, был ли здесь кирпичный пол.

Все здание V производит впечатление крайне небрежно и неаккуратно исполненного сооружения, что, однако, объясняется

не плохим качеством строительных работ, а исключительно плохой сохранностью памятника, сплошь изрытого более поздними ямами, вызвавшими повсеместно оседание и сползание в разные стороны даже и ненарушенных участков грунта.

Комплекс, условно называемый зданием VI, состоит из стены, имеющей в ширину $3\frac{1}{2}$ кирпича, т. е. 0.85 м, и вплотную примыкающей к этой стене прямоугольной постройки с внутренним пространством 4.25×3.47 м. Стена, судя по формату кирпича, относится к первому периоду строительства, а прямоугольное помещение — ко второму периоду. Толщина стен прямоугольного помещения — $3\frac{1}{2}$ кирпича. В юго-восточной стене этого помещения имеется вход шириной 1.05 м.

Северо-западнее северного отрезка внутренней стены крепости, между башнями E и Ж, имеется прямоугольная кирпичная вымостка в 2 ряда кирпича, относящаяся, судя по формату кирпича, ко второму строи-

тельству и некоторые другие, не отмеченные здесь сооружения, так как сильная изрытость более поздними постройками и ямами всей площади городища не дает под-

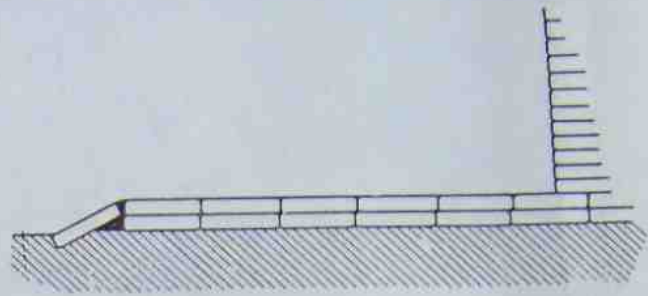

Рис. 36. Схематический разрез вымостки здания V.

ной уверенности, что в раскопках были найдены следы всех существовавших здесь сооружений. Так, в углу, образуемом центральным и южным отрезками внутренней крепостной стены, имеются на грунте от-

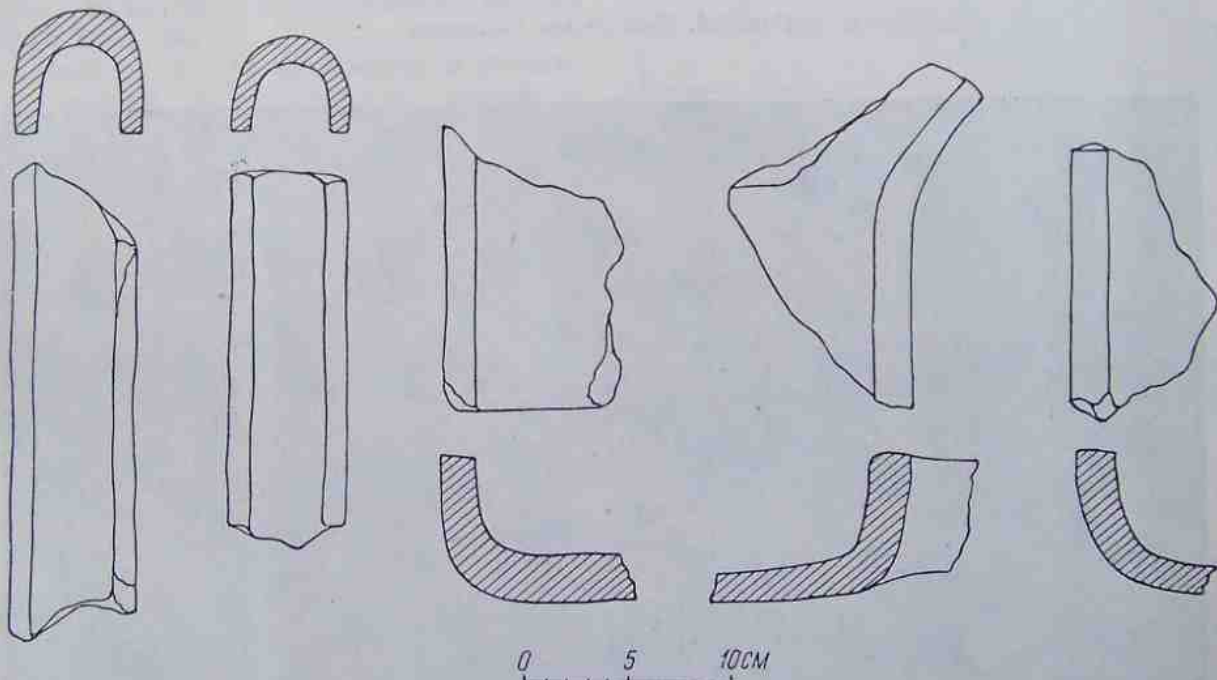

Рис. 37. Фрагменты кровельных черепиц.

тельному периоду. Размер этой вымостки 5.89×4.57 м. Расположена она не точно параллельно внутренней крепостной стене: ее восточный конец отстоит от стены на 1.92, а южный — на 1.81 м.

Очень возможно, что даже на раскопанной площади городища первоначально су-

печатки нескольких кирпичей, указывающих на то, что здесь находилось еще какое-то сооружение, форму и размеры которого выяснить не удалось.

Во время раскопок городища, кроме кирпичей, были обнаружены и некоторые

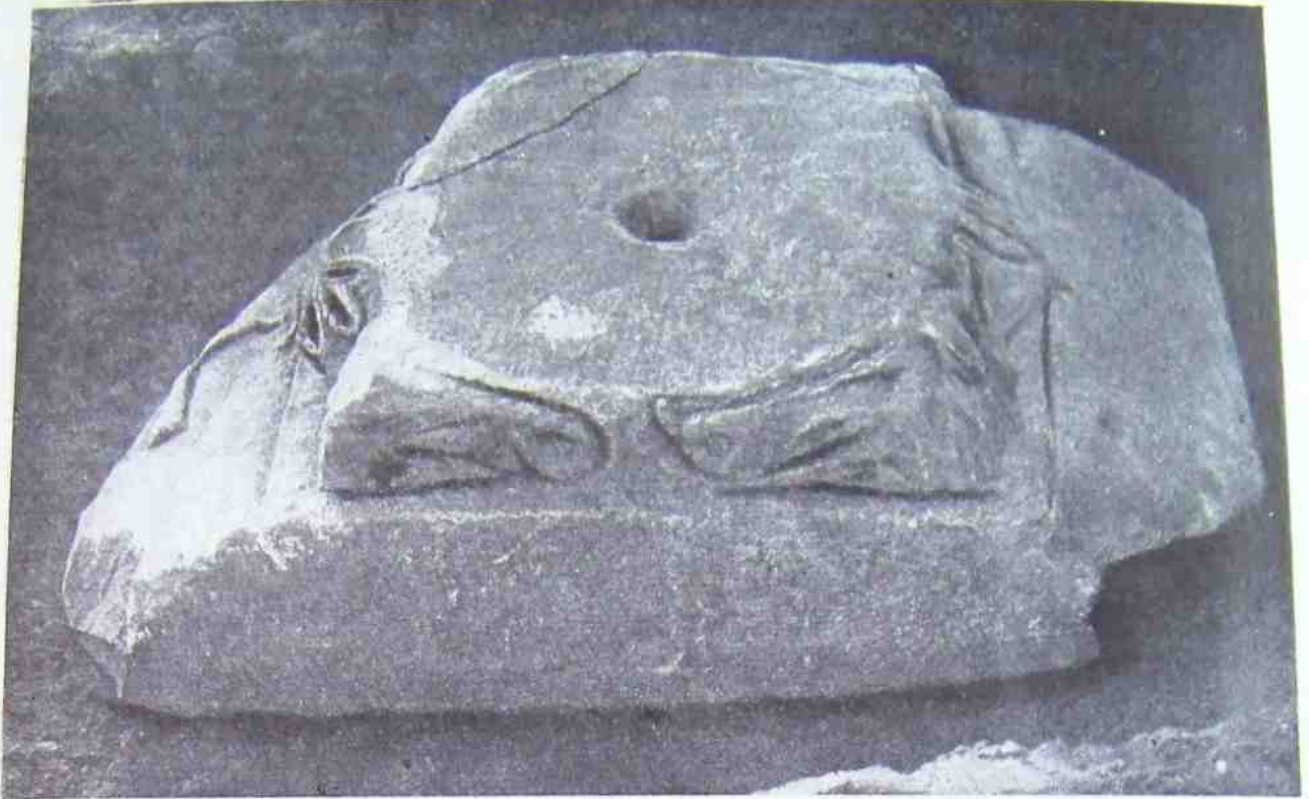

Рис. 38. Ионическая капитель.

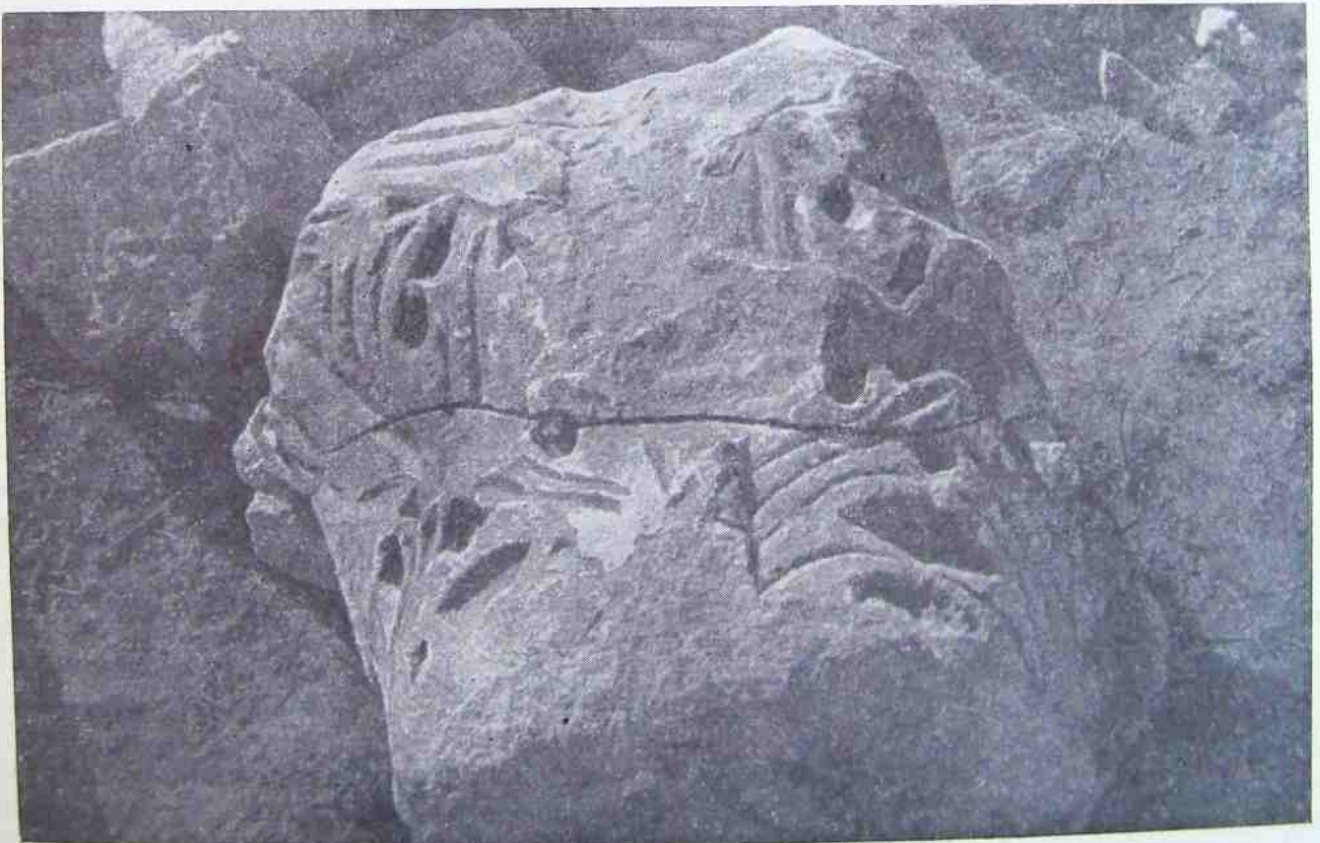

Рис. 39. Коринфская капитель.

другие архитектурные детали. Так, были найдены фрагменты кровельных черепиц (рис. 37). Количество этих фрагментов очень невелико — не более 3 десятков, включая даже мелкие обломки. Найдены были черепицы почти все в одном месте — близ соединения внутренней крепостной стены с северо-восточной наружной стеной крепости. Все черепицы хорошего обжига, красного цвета, из глины, не содержащей крупных примесей.

Размер черепиц не удалось определить, так как ни одной целой черепицы не было обнаружено, однако форма их достаточно ясна — это плоские черепицы, толщиной от 1.5 до 2.5 см, с плавно загнутыми краями.⁸ Судя по отдельным фрагментам, некоторые черепицы имели фигурную форму. Кроме того, обнаружено несколько фрагментов полукруглых, желобчатых черепиц, служивших для перекрывания стыка между плоскими черепицами (так называемые каллитеры). Толщина этих желобчатых черепиц от 1 до 1.5 см, а их наружный диаметр примерно 6—7 см.

Найдены были при раскопках и некоторые мраморные архитектурные детали — капители и базы колонн. Капители различного типа — импостные и коринфские.

Импостная капитель, обнаруженная в районе помещения № 1 здания IV, имеет высоту 18 см, из которой 5 см приходится на саму капитель с волютами, а 13 см — на импост (рис. 38). Диаметр ствола колонны этой капители был около 34 см. Импост сильно удлиненный; длинные стороны его почти вертикальны, короткие наклонны. На одной из коротких сторон импоста наполовину сохранился рельефный крест с расширяющимися концами.

В районе наружной крепостной стены, несколько северо-восточнее западной угловой башни, была найдена коринфская капитель, украшенная двумя ярусами акантовых листьев (рис. 39). К северу от башни Ж обнаружена сложно профилированная база, имеющая высоту 19.5 см; стороны ее плинта по 55 см и диаметр ствола колонны около 36 см (рис. 40).

В Новочеркасском музее хранится еще несколько капителей и кусков стволов

(фустов) колонн, также в разное время найденных на городище⁹ (рис. 41).

Кроме этих крупных фрагментов, во время раскопок было обнаружено несколько более мелких обломков мрамора с резьбой — головка быка, акантовые листья и пр. Не-

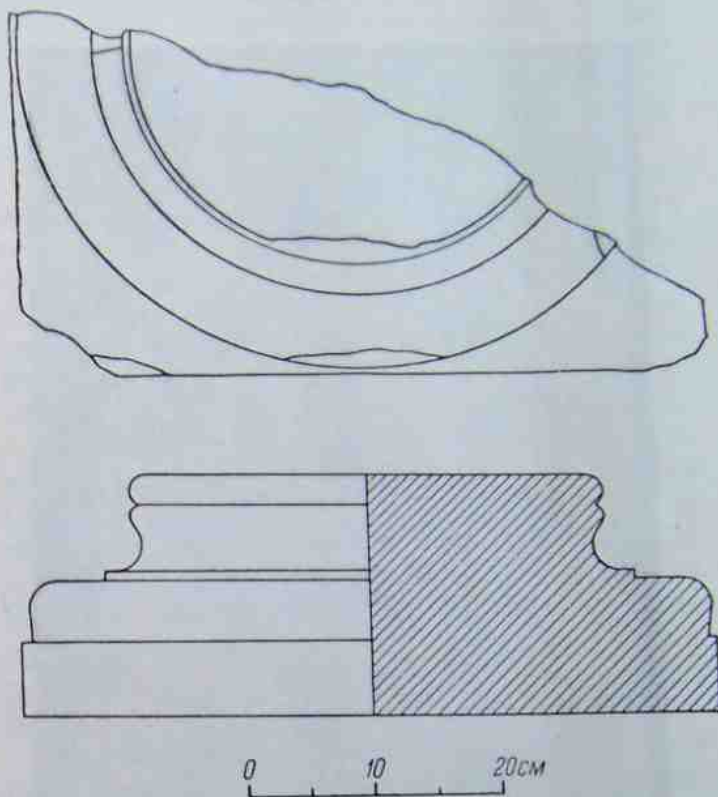

Рис. 40. База колонны.

сомненно, эти мраморные фрагменты также представляют собой остатки архитектурного убранства каких-то сооружений — части капителей, карнизов, декоративных деталей и т. д.¹⁰

Раскопки дали очень мало материала, позволяющего судить о первоначальном виде и объемной композиции крепости. На месте сохранились лишь самые нижние части кирпичных сооружений; от верхних же частей этих построек при раскопках не было найдено ничего, за исключением незначительного количества обломков черепиц. Отдельные кирпичи, имеющие нестандартный формат, были найдены в завалах, и их перво-

⁹ См.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 12—13, рис. 2, 3.

⁸ Этим плавным загибом краев черепица Саркела существенно отличается от античных и византийских черепиц.

¹⁰ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, рис. 12.

начальное положение и назначение остаются неясными.¹¹ Никаких лекальных кирпичей или других частей декоративного убранства также не было обнаружено.

Трудно предположить, чтобы все верхние части крепостных сооружений были настолько тщательно разобраны, что в завалах

Рис. 41. Импостная капитель Новочеркасского музея.

не сохранилось ни одного их фрагмента. Более вероятно, что крепость была построена в таких простых и скромных формах, что с самого начала отличалась почти полным отсутствием декоративных деталей и профилей. Конечно, некоторый и даже весьма существенный декоративный эффект могла давать и сама кирпичная кладка, если она была, например, узорной, хотя бы в не-

¹¹ Были найдены кирпичи размером $27 \times 27 \times 9$, $46 \times 13 \times 7$ см, обломки кирпича, имевшего толщину 5 см и размеры сторон больше 31 см, и др. В целом количество нестандартных кирпичей очень невелико.

которых местах. Однако судить об этом в настоящее время уже невозможно.

Мраморные фрагменты, найденные на городище, не имеют прямого отношения к архитектуре крепости. Все они выполнены из мелкозернистого, белого, по-видимому проконнесского, мрамора и исполнены несомненно византийскими мастерами. По стилистическим признакам все эти фрагменты достаточно хорошо датируются VI в. Капители, базы и части колонн, найденные на городище, принадлежат не одному, а нескольким различным памятникам, о чем свидетельствует прежде всего различный диаметр колонн — от 28 до 36 см. Наиболее вероятно, что эти мраморные части были просто завезены в Саркел из Херсонеса при поездке миссии Петроны, упоминаемой Константином Багрянородным. В настоящее время трудно сказать, для чего именно эти мраморные детали предназначались, так как найдены они были в завалах, в различных участках городища. Вероятнее всего, что, посылая детали архитектурного убранства, византийское правительство думало прежде всего о постройке христианского храма, однако следов этого храма в раскопках обнаружено не было.¹²

Вообще судить о назначении отдельных сооружений крепости можно в настоящее время лишь гадательно, поскольку ни в одном из помещений — ни в плановом решении, ни в комплексе находок — нет данных для суждения о первоначальном его назначении. Следует отметить, что ни в одном из кирпичных сооружений не было найдено печей. Если только печи во всех этих сооружениях не были начисто разобраны в более позднее время, что маловероятно, то это отсутствие печей свидетельствует о нежилом характере всех кирпичных построек.

Жилые сооружения как полуземляночного, так и наземного типа, открытые в очень большом количестве на площади городища, даже самые древние, по-видимому, относятся к более позднему времени, чем сама крепость. Полуземляночные жилые сооружения большей частью не согласованы в плане

¹² Следует отметить, что обследовавший городище в 1887 г. В. В. Часовников сообщал о наличии в северной части городища небольшого здания, сложенного из известняковых плит, чередующихся с рядами кирпича. В. В. Часовников считал, что это был христианский храм. См.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 11.

с расположением кирпичных частей крепости, а некоторые из них даже врезаются в эти кирпичные сооружения. Одно жилище с инвентарем салтово-маяцкого типа было расположено в самом проезде Главных ворот крепости. Все это может свидетельствовать о том, что эти полуземляночные и наземные жилища были построены не для жилья гарнизона крепости, а несколько позже — тогда, когда кирпичные сооружения в значительной степени потеряли свое военное значение, а вся крепость в целом превратилась уже в город. Что же касается жилищ гарнизона крепости, то кажется более вероятным, что кирпичные сооружения были двухэтажными, причем жилые помещения располагались во втором этаже, а в первом этаже находились лишь хозяйственные и складские помещения.¹³

Еще более затрудняет суждение о первоначальных формах и назначении отдельных частей крепости то обстоятельство, что крепость эта — памятник уникальный, совершенно не имеющий близких аналогий. В районе Нижнего Подонья средневековые кирпичные сооружения вообще неизвестны. Но даже если в дальнейшем археологическими раскопками здесь и будут обнаружены какие-либо отдельные кирпичные постройки хазарского времени, то ясно все же, что устойчивой традиции кирпичной архитектуры в этом районе в VIII—IX вв. не существовало.

Между тем крепостные сооружения Саркела своей исключительной геометрической правильностью, точностью разбивки и безукоризненной техникой кладки свидетельствуют о том, что строили эту крепость мастера, имеющие богатый опыт кирпичного строительства. Эту опытность мастеров и старые, разработанные строительные традиции подтверждает и наличие в кладке крепости двух вариантов строительной техники, отличающихся некоторыми деталями, но в общем достаточно точно повторяющих один и те же приемы кладки.

Вопрос о том, откуда проникла в Нижнее Подонье эта строительная техника, до сих пор еще не совсем ясен. Как формат кирпича и приемы кладки, так и сам план крепости не оставляют сомнений в том, что это не

византийская строительная традиция. За исключением немногочисленных мраморных фрагментов, привезенных, видимо, из Херсонеса и никак не связанных с кирпичными сооружениями крепости, в архитектуре Саркела нет никаких византийских черт.

Точно так же не могли быть занесены в Саркел строительные традиции и из среднеазиатского зодчества, где техника строительства из обожженного кирпича получает широкое распространение лишь в X в., т. е. примерно на целый век позднее времени постройки Саркелской крепости.

Наиболее вероятно, что мастера, построившие Саркел, прибыли с юга, из кавказских областей Хазарии. Несмотря на слабую изученность памятников Азербайджана этого времени, известно, что техника строительства из обожженного кирпича применялась в древней Албании уже по крайней мере с VI в. Так, например, из обожженного кирпича, в технике, во многом сходной с кирпичной техникой Саркела, были сложены крепостные стены Кабалы.¹⁴ На городище Ореп-Кала крепостные стены трижды облицовывались обожженным кирпичом. Средний из этих поясов кирпичной облицовки относится, вероятно, к VIII—IX вв. и по технике кладки, а также по формату кирпича очень близок Саркелу.¹⁵

По-видимому, через архитектуру Азербайджана в Саркел проникли и некоторые традиции архитектуры сасанидского Ирана. Это объясняет те сравнительно довольно близкие аналогии в отношении строительной техники, которые существуют между кирпичными сооружениями Саркела и некоторыми памятниками Ирана, в частности дворцом Хосрова в Ктесифоне.

Дальнейшее изучение крепостных сооружений Саркела как с точки зрения их строительной техники, планировки и архитектуры, так и с точки зрения связанных с ними культурно-исторических традиций несомненно поможет более полно осветить вопрос о назначении отдельных сооружений, их первоначальном внешнем облике и общем архитектурном и военно-инженерном характере этого замечательного памятника.

¹³ При этом первый этаж мог быть очень невысоким и являться, по существу, лишь цокольным этажом.

¹⁴ И. П. Щ е б л ы к и н. Остатки крепостных стен Кабалы. Доклады Академии наук Азерб. ССР, т. I, № 2, Баку, 1945.

¹⁵ Сведения любезно сообщены А. Л. Якобсоном.

В. Д. Белецкий

ЖИЛИЩА САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

Вопрос о жилищах Саркела—Белой Вежи как тема самостоятельного исследования в специальной литературе до сих пор не поднимался, хотя предварительное изучение жилищ проводилось неоднократно.¹ Возможность для постановки такого исследования появилась лишь в результате археологических раскопок этого города в 1951 г., когда было раскрыто огромное количество жилищ, далеко выходящее по численности за пределы, известные нам по раскопкам других древнерусских городов. Разнообразие конструкций жилищ, сочетающееся с прослеживаемой их стратиграфией и стратиграфией характеризующего их инвентаря, — все это позволяет установить не только хронологическую последовательность появления на городище различных типов жилищ, а стало быть и оставившего их населения, но и установить взаимосвязь между обнаруженными типами построек. Это дает возможность, наконец, сделать попытку исторической интерпретации того материала, который дают жилища, что важно как для истории самого города, так и всего Юго-Востока в целом.

¹ А. Л. Якобсон. 1) Жилища Саркела по материалам раскопок 1934—1936 гг. Рукопись. Архив ЛОИИМК, 2) доклад на Секторе Древней Руси ЛОИИМК в 1952 г.; М. И. Артамонов. 1) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940; 2) Новые раскопки Саркела—Белой Вежи. ВИ, № 10, 1949; 3) Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. ВИ, № 4, 1951; 4) Белая Вежа — русская колония в степях Подолия. КСИИМК, XLI, 1951; 5) Белая Вежа. СА, XVI, 1952.

Раскопками Саркела—Белой Вежи 1949—1951 гг., кроме кирпичных сооружений крепости, рассмотрение которых не входит в задачу данной работы, было обнаружено и учтено 1017 остатков жилых построек, принадлежавших населению города.² Жилища эти в подавляющем большинстве (около 93%) оказались сильно разрушенными, и только небольшая их часть (около 7%) дошла до нас в относительно хорошей сохранности. Несмотря на отмеченную фрагментарность раскопанных жилищ, в них в большинстве случаев сохранились как остатки конструкций, так и характеризующий эти жилища инвентарь. Среди остатков жилищ наиболее сохранившимися частями являлись весьма разнообразные печи, которые — там, где это удавалось проследить, — по своей форме и устройству оказались связанными с определенными типами построек, характеризующимися единым комплексом сопровождающего их инвентаря и прежде всего керамикой. Это дало возможность при систематизации материалов по жилищам Саркела—Белой Вежи учитывать не только признаки конструкции жилищ и устройства их печей, но и характер сопровождающего эти жилища инвентаря, в особенности керамики.

Хотя изучение огромного керамического материала из раскопок Саркела—Белой Вежи и не должно было входить в непосредственные задачи поставленной темы о жилищах,

² В этой работе учтены жилища, обнаруженные раскопками 1949—1951 гг. Материалы предшествующих лет использованы только по данным публикаций.

однако выявившиеся в процессе работы связи отдельных групп жилищ с определенными керамическими комплексами сделали необходимым провести работу по систематизации этой категории находок.

При изучении весьма обширных материалов по жилищам Саркела—Белой Вежи большую помощь оказал метод графического учета. Таблицы и схемы дали возможность яснее представить себе не только стратиграфию и расположение на плане той или иной группы построек и комплекса харак-

терной для нее керамики, но и установить последовательность появления этих групп на городище, а также их взаимосвязь между собой.

Произведенная таким образом систематизация археологических материалов, их расположение в координатах времени и пространства дают возможность рассматривать эти материалы не в стабильном их состоянии и не изолированно друг от друга, а как звенья единого процесса, отражающего историю развития жизни изучаемого города.

Жилища Саркела—Белой Вежи по сумме характеризующих их признаков можно разделить на несколько самостоятельных групп. В дальнейшем изложении эти группы условно названы по особенностям устройства печей, а одна из них — по характеру материала, из которого сложены входившие в нее постройки.

Всего можно выделить не менее шести групп жилищ:

- 1) жилища с очагами в виде различных по своим очертаниям углублений,
- 2) жилища с кирпичными очагами,³
- 3) жилища с печами-каменками,
- 4) жилища с глинобитными печами,
- 5) жилища с кирпичными печами,
- 6) жилища, сложенные из кирпича-сырца.

Обратимся к рассмотрению самих жилищ по группам.

1. ЖИЛИЩА С ОЧАГАМИ В ВИДЕ РАЗЛИЧНЫХ ПО СВОИМ ОЧЕРТАНИЯМ УГЛУБЛЕНИЙ

Первую группу жилищ составляют постройки с очагами в виде различных по своим очертаниям углублений, заполненных золой и угольками. Всего таких построек удалось учесть 53 (табл. 1)⁴, при этом 12

построек⁵ дошли до нас в относительно хорошей сохранности, 5 построек⁶ были частично повреждены более поздними перекопками, остальные жилища оказались сильно разрушенными.

³ Кирпичи, из которых были сооружены очаги и различные по своей конструкции печи, добывались жителями либо при разборке крепостных сооружений (в русский период жизни города), либо (для хазарского периода жизни Саркела) из не использованного по каким-то причинам запаса строительного материала. Размеры кирпичей от 28×28 до 30×30 см, толщина 7—9 см.

⁴ Из 53 построек очаги сохранились только в 23 постройках (жилища №№ 102, 59, 115, 117, 116, 58, 64, 61, 63, 96, 94, 42, 14, 10, 13, 16, 5, 1, 12, 60, 25, 22, 65). Остальные жилища отнесены к рассматриваемой группе по другим характеризующим их признакам. Кроме указанных построек, на городище были обнаружены остатки еще 2 жилищ (№№ 89, 109), которые, несмотря на наличие в них очагов упомянутого типа, по другим признакам, определяющим их культурную принадлежность, выпадают из рассматриваемой группы. Постройки эти относятся к последнему периоду жизни городища, где и будут в своем месте рассмотрены.

В состав жилищ этой группы входили как постройки полужемляночного типа, так и наземные; при этом первые благодаря своей заглубленности сохранились лучше и позволяют более отчетливо установить особенности их конструкции. Наземные жилища сохранились хуже, ввиду чего выяснение их конструктивных признаков в значительной мере затруднено.

ЖИЛИЩА ПОЛУЖЕМЛЯНОЧНОГО ТИПА

Всего таких жилищ учтено 29 (табл. 1). По своим конструктивным особенностям они могут быть разделены на постройки, стены которых держались на жердевом каркасе, по-

⁵ Жилища №№ 117, 116, 58, 62, 63, 42, 14, 10, 13, 5, 12, 25.

⁶ Жилища №№ 59, 115, 64, 16, 22.

стройки двустолбные и, наконец, постройки, которые условно названы бесстолбными.

Термин «бесстолбные постройки» вводится нами совершенно условно. Появление его объясняется тем, что среди общего количества раскопанных жилищ значительную группу составляют постройки, в конструкции которых не сохранилось остатков столбов, поддерживающих крышу и стены. В связи с этим конструктивные особенности таких построек остались пока невыясненными, а сами они как в этой, так и в последующих группах вынесены в самостоятельные подгруппы. Можно предполагать, что постройки эти имели либо столбовую, либо какую-то иную конструкцию, которая помещалась за границами земляночного углубления, хотя следов таких конструкций раскопками установлено не было.

Постройки со стенами на жердевом каркасе

К этой подгруппе построек относятся жилища № 58, 5 и 60, а также, очевидно, постройки №№ 59, 64, 1 и 65. По своему внешнему облику они разделяются на овальные постройки и постройки прямоугольные со скругленными углами. Как те, так и другие жилища представляют собой углубленные в землю помещения с расположенными вдоль стен ямками от жердей, являвшихся каркасом стен построек. В центральной части пола таких построек находились прямоугольные, иногда овальные в плане очажные углубления, заполненные золой и угольками.

К овальным в плане жилищам относятся постройки №№ 58, 60. Жилище № 58⁷ дошло до нас в относительно хорошей сохранности. Оно было раскопано у западной угловой башни крепости (раскоп 1949—1950 гг.), на квадратах H_4-K_5 и K_4-L_5 (рис. 1; 2; 3). Размеры жилища 3.2×2.5 м, своими осями оно было ориентировано по странам света. Глубина залегания пола — 0.6—0.8 м. В самом жилище вдоль стен располагались ямки от жердей, при этом некоторые из них оказались углубленными наклонно во внутрь постройки. Диаметр ямок 4—6 см.

⁷ Чертежи разрезов жилища № 58, как и других жилищ этой и последующих групп, помещенных в прилагаемых иллюстрациях, к сожалению, не сохранились.

Ямка, находившаяся у северо-восточной стены постройки (ямка А), имела диаметр 13 см. Она принадлежала столбу, назначение которого, по всей вероятности, связано с входом. Кроме перечисленных ямок, в южной половине жилища находилось еще 3 ямки. Одна из них (ямка В, диаметр 9 см) располагалась к западу от очага, остальные две (диаметр 4 и 6 см) находились у юго-западной стены постройки.

Исходя из того, что, кроме жердей, ямки, от которых были обнаружены вдоль стен, в конструкции постройки нет столбов, способных нести на себе крышу жилища, естественно предположить, что крыша могла быть образована в результате связывания достаточно для этого гибких верхних концов жердей. Возможно, что жерди в свою очередь переплетались более гибкими прутьями и затем либо обмазывались глиной, либо снабжались иным покрытием.

В свете сказанного жилище это, по-видимому, имело вид юрты, восходящей в своей конструкции к более древним типам построек, связанным с иным (может быть, кочевым) образом жизни их обитателей.

Обнаруженные в жилище находки состоят из большого количества обломков железных предметов, обработанного рога, изделия из кости в виде сплюснутой трубки, несколько расширяющейся к одному концу, с процарапанными на ней изображениями гор, дерева, цветов, птиц, оленя и т. д.⁸ а также большого количества обломков сероглиняных лощеных и бороздчатых сосудов салтово-маяцкого типа.

Ближайшие аналогии этой постройке имеются на Правобережном Цимлянском городище.⁹

Подобное жилище, по-видимому, представляло остатки постройки № 60, обнаруженной в цитадели на квадрате $T_{17}-V_{18}$ на глубине — 0.05 м. Жилище это, судя по сохранившейся части его северо-западной стены, было также овальным, с такими же ямками от жердей, расположенными вдоль стены, и также имело в сохранившемся участке пола заполненное золой очажное углубление.

⁸ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. Труды Волго-Донск. археолог. экспед. т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 41, рис. 27.
⁹ И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК АН СССР, вып. V, 1940, стр. 58 и сл.

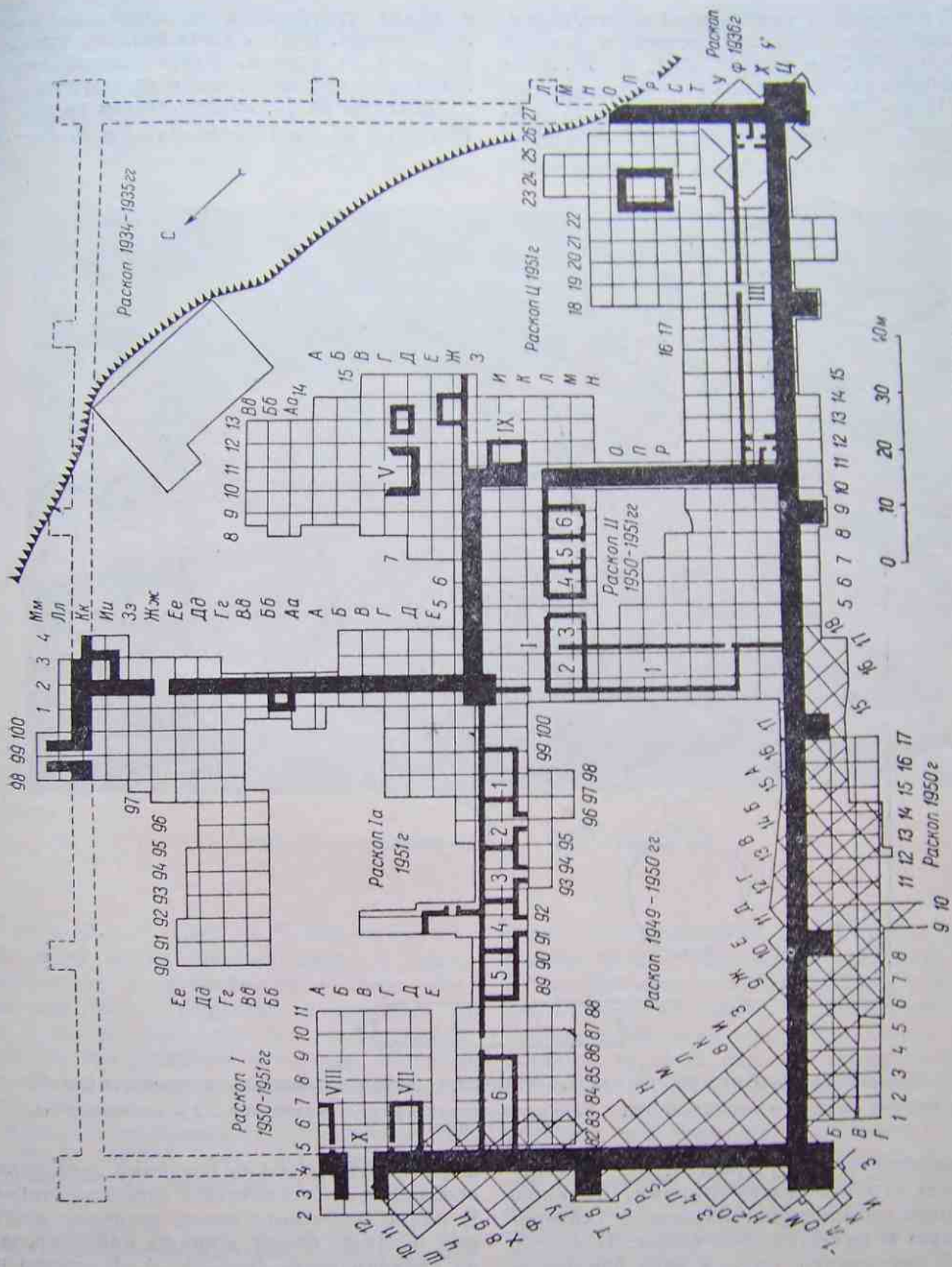

Рис. 1. Саркел. План крепости, схема разбивки на квадраты.

К постройкам разбираемой конструкции, по всей вероятности, относятся и остатки жилищ №№ 59 и 64 (рис. 2, 1, 3). Жилище № 59 было раскрыто на квадрате K_4-L_5 (раскоп 1949—1950 гг.). Глубина пола — 0,45 м. Жилище оказалось нарушенным подкопом

в плане углубления, заполненного золой и угольками. Вокруг очага имелось несколько ямок от кольев. Вдоль южной стенки жилища сохранились ямки от жердей.

Жилище № 64, обнаруженное на том же раскопе, на квадратах H_5-K_6 и K_5-L_6 ,

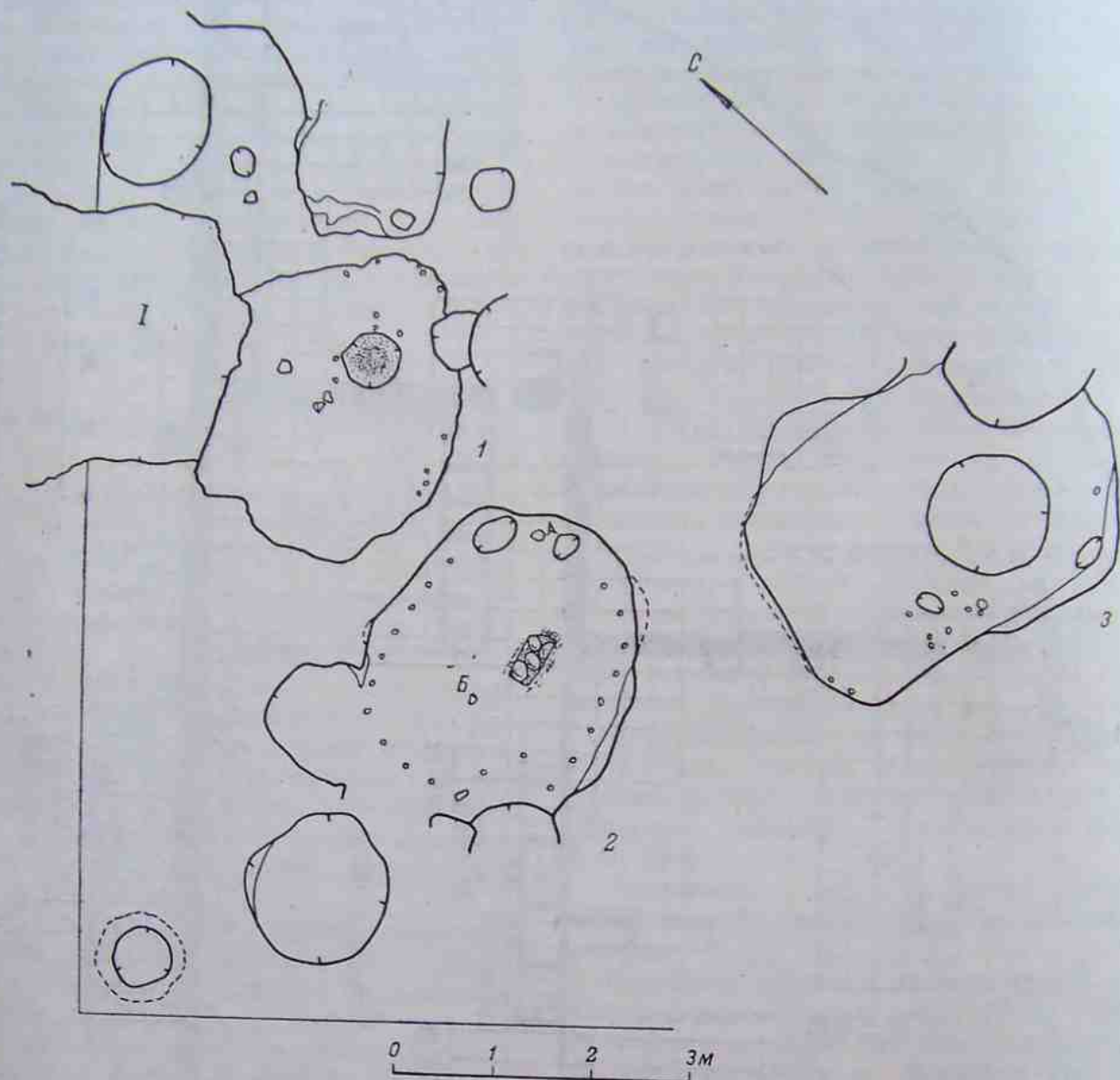

Рис. 2. Комплекс овальных жилищ салтово-маяцкой культуры в западном углу крепости (план). 1 — жилище № 59; 2 — жилище № 58 (А, Б — ямки от столбов); 3 — жилище № 64. I — подкоп под крепостную стену.

под крепостную стену (рис. 2, 1),¹⁰ срезавшим всю его западную сторону, а также мусорными ямами, прорезавшими его северо-восточную и юго-западную стены. В центре жилища находился очаг в виде овального

было нарушено более поздними перекопами, особенно в его восточной и западной стороне. В плане оно имело почти овальное очертание. Своими осями жилище ориентировано по странам света (рис. 2, 3). В центре постройки сохранились остатки очага, разрушенного поздней ямой. В южной половине жилища, вдоль его стен, находилось несколько

¹⁰ М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела—Белой Вежи, стр. 138 и сл.

ямок от кольев; некоторые из них имели четырехугольную форму. Размеры жилища $3,9 \times 2,6$ м. Глубина пола — 1,02 м.

К жилищам прямоугольных очертаний относится постройка № 5, а также, вероятно, остатки построек №№ 1¹¹ и 65. Постройка № 5 была обнаружена на раскопе II 1950—1951 гг., на квадратах $X_6—\Phi_7$, $X_7—\Phi_8$.

Ямы, обнаруженные в юго-западном и северо-восточном углах постройки, являлись, очевидно, одновременными с жилищем.

Вдоль западной, северной и восточной стен постройки имелась небольшая (до 15 см высотой и 15—30 см шириной) сплошная приступка, в которой находились ямки от жердей, представлявших собой каркас стен жилища

Рис. 3. Основание жилища № 58. Общий вид.

$\Phi_6—У_7$ и $\Phi_7—У_8$ (рис. 4).¹² Она представляла собой почти прямоугольное в плане помещение с закругленными углами. Жилище это было углублено в материк на 0,68 м и ориентировано своими сторонами почти по направлению основных оборонительных стен крепости, несколько смещаясь в направлении стран света. Размеры его $4,4 \times 3$ м. Юго-западный угол постройки и середина ее южной стены нарушены более поздними ямами (ямы №№ 61 и 63).

¹¹ Постройка № 1, по данным дневника, значится как прямоугольное жилище, однако в архивах экспедиции имеется чертёж этой постройки, где она изображена как овальная.

¹² М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 30, рис. 17.

(всего обнаружено 36 ямок). Ямки эти стояли одна от другой на расстоянии 25—30 см. Диаметр их 0,05—0,06 м. Около середины западной стены, параллельно ямкам, расположенным на приступке, в полу самого жилища имелось еще две ямки такого же диаметра. В северной стене постройки находился вырезанный в материке вход, состоящий из 3 ступенек, шириной 0,7—0,9 м. Нижнюю ступеньку его составляла упомянутая приступка. Средняя ступенька была вырезана из материка, ее высота 15—18 см, ширина 30 см, длина 90 см. Верхнюю ступеньку составляли положенные на широкую грань два кирпича, помещенные в специальной для них ячейке. Кирпичи несколько нависали над средней ступенькой. Около

входа в жилище, с обеих его сторон, имелось по две отстоящих одна от другой на 8 см ямки от жердей, очевидно предназначенные для устройства дверного проема и для крепления дверей.

В центре жилища помещался очаг в виде округлой, с пологими стенками ямки, заполненной золой и угольками. Глубина ямки

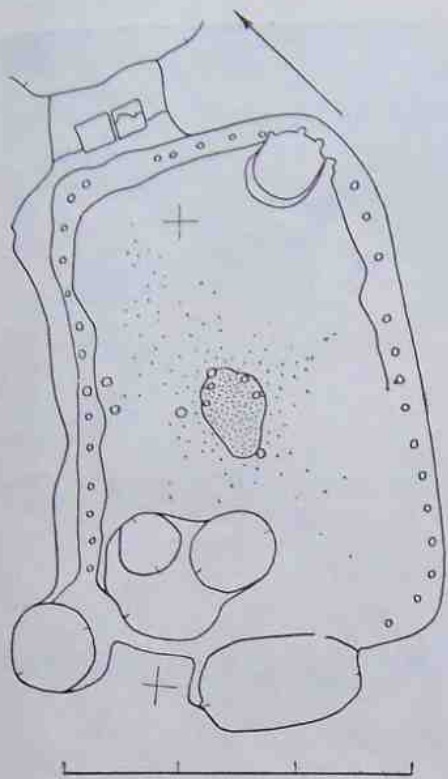

Рис. 4. Жилище № 5 салтово-маяцкой культуры (план).

10 см, диаметр 45—50 см. В центре жилища, к востоку и западу от очага, находились две глубокие ямки от столбов (диаметр 10 см), вероятно поддерживавших кровлю. Вокруг очага и в его стенках обнаружено несколько ямок от колец (диаметр от 0.03 до 0.05 м), служивших приспособлением для подвешивания котла.

Воссоздать на основании имеющихся данных общий облик постройки трудно. Можно лишь предполагать, что при наличии стен, устроенных на жердевом каркасе, она могла иметь только очень легкую крышу, опирающуюся всего на два довольно тонких (диаметром 10 см у основания) столбика. Стены постройки и крыша, по-видимому, были невысокими, в силу чего строителям их пришлось углубить пол жилища, оставив

при этом вдоль стен небольшую приступку из материка, предохранявшую установленный жердевой каркас от возможного разрушения.

Находки, собранные в заполнении жилища, состояли из большого количества железных предметов (тесло, 3 топора, 2 стремена, скобы, нож, замок и ключ),¹³ небольшого количества изделий из бронзы (2 пельтики, стержень и перстень), а также 2-х глиняных и 1 каменного пряслица. Основную массу сделанных в жилище находок составляли обломки глиняной посуды салтово-маяцкого типа.

Жилище № 1 было обнаружено на территории раскопа II 1950—1951 гг., на квадрате H_2-O_3 , глубина залегания пола — 0.6 м. Жилище это оказалось сильно разрушенным врезавшейся в него более поздней постройкой. Сохранились лишь остатки прямоугольного в плане очажного углубления, расположенного в центральной части пола постройки. Ямок от жердей вдоль стен внутри постройки обнаружено не было, зато сохранились ямки, расположенные по краю бортов северо-восточного и юго-западного участков земляночного углубления.

Из числа находок, собранных в заполнении этого жилища, несомненно относящихся к нему, следует отметить раздавленную бронзовую чашечку, 7 железных криц, раздавленный красноглиняный кувшин с плоской ручкой, большое количество обломков сероглиняных сосудов салтово-маяцкого типа, а также обнаруженные около очага остатки рыбы с сохранившейся на ней чешуей.

Подобную же конструкцию, вероятно, имело и жилище № 65. Оно обнаружено в цитадели, на квадратах $C_{20}-T_{19}$, $T_{20}-U_{19}$, $C_{19}-T_{18}$ и $T_{19}-U_{18}$. Жилище это представляло собой прямоугольное, углубленное в землю помещение с сильно скругленными углами. Уровень пола его — 0.66 м. Жилище оказалось почти полностью разрушенным более поздними сооружениями. Его юго-восточная часть была срезана ямой-погребом № 19, а часть восточной стены нарушена срубом другого погреба.

В хорошей сохранности дошел северный угол постройки с плотным утрамбованным полом и с очагом в виде круглого в плане

¹³ Часть железных предметов, в частности замок и ключ, к постройке, очевидно, отношения не имеют, они попали в ее заполнение, по-видимому, вследствие позднейших перекопов.

углубления, заполненного золой и угольками. В юго-западной части землянки, в специальной выемке находился нижний камень жернова.

Жилище, вероятно, имело стены, устроенные на жердевом каркасе. Об этом говорит ряд ямок от колышков, расположенных

Двустолбные жилища

К этой подгруппе жилищ относятся постройки №№ 115, 62, 42, 14, 13, 16 и 12, а также, вероятно, остатки постройки № 94.

Все перечисленные жилища представляли собой углубленные в землю, прямо-

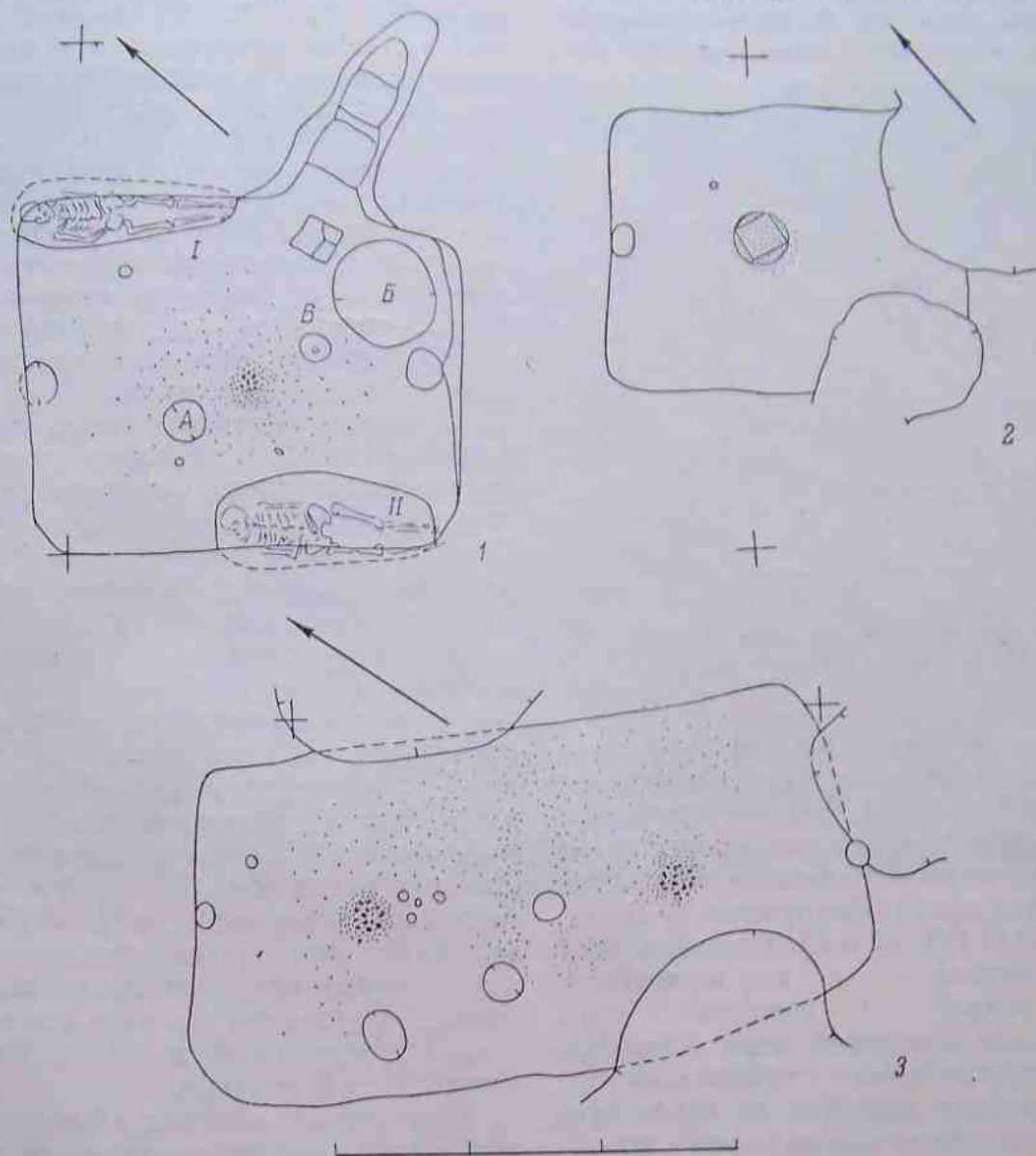

Рис. 5. Двустолбные жилища салтово-маяцкой культуры (план).

1 — жилище № 12; 2 — жилище № 16; 3 — жилище № 14.

по внешнему краю земляночной ямы, с ее южной и западной сторон. Что касается перекрытия, то о нем судить трудно в силу чрезвычайно плохой сохранности остатков жилища. В ненарушенной части заполнения жилища обнаружены, кроме упомянутого жернова, обломки сосудов салтово-маяцкого типа.

угольные в плане помещения, у которых, как правило, в середине двух противоположных (коротких) стен находились гнезда от столбов, очевидно поддерживавших двускатную крышу. Иногда эти гнезда располагались в пределах самого жилища (постройки №№ 12, 16, рис. 5, 1, 2), иногда они частично выступали за его границы (постройка № 13,

рис. 6 и 7; постройка № 115, рис. 8, 3), а в жилищах №№ 14 (рис. 5, 3) и 62 (рис. 9) за пределы построек выступал лишь один из таких столбов. В одной постройке этой подгруппы — в жилище № 42 — ямки от столбов располагались вдоль одной стены, по ее концам, наполовину выступая за пределы жилища (рис. 10, 1). Крыша этой постройки, по-видимому, была односкатная.

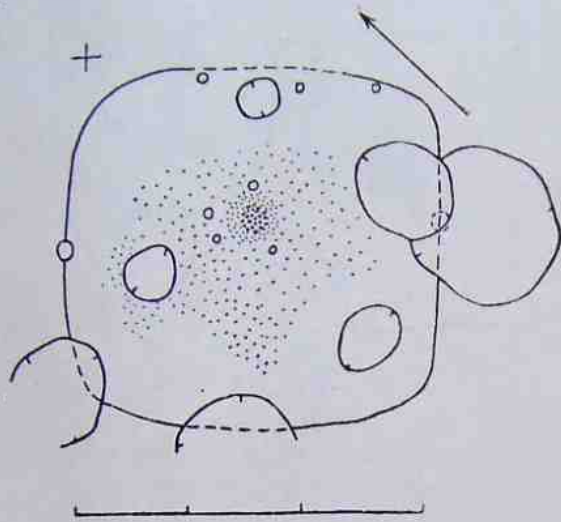

Рис. 6. Двустолбное жилище № 13 салтово-маяцкой культуры (план).

В центральной части жилищ, как правило, находились очажные углубления; при этом в постройке № 14, которая состояла из двух помещений, в каждом из них было по очагу. Исключение составляет постройка № 62, в которой очага обнаружено не было, и постройки №№ 115, 94 и 42, где очаги были сдвинуты: в первой — к ее юго-восточному углу, во второй — в северный угол и в третьей — в западный угол жилища. Очаги представляли собой неглубокие, иногда обложенные камнем (жилище № 42) округлые углубления, заполненные золой и угольками; около некоторых из них (жилища №№ 13 и 14) имелись ямки от кольев, служивших для подвешивания котла.

Входы в жилища этой конструкции прослежены для построек №№ 42 и 12. В жилище № 42 (рис. 10, 1) вход обнаружен в середине восточной стены, в жилище № 12 он располагался в северо-восточной (длинной) стене постройки, ближе к ее восточному углу (рис. 5, 1).

Исключая постройку № 115, все остальные жилища своими сторонами ориентиро-

ваны по направлению основных оборонительных стен крепости. Жилище № 115 ориентировано было по странам света.

Из построек этой подгруппы наиболее интересными являются жилища №№ 12, 14 и 115.

Жилище № 12 обнаружено было на квадратах $У_6—Т_7$ и $У_7—Т_8$ (раскоп II 1950—1951 гг.). Оно представляло в плане почти прямоугольное, с несколько вытянутым северным углом помещение, углубленное в материк на 0.52 м (рис. 5, 1). Размеры жилища: длина северо-западной стены 2.7 м, северо-восточной 3.5 м, юго-восточной 2.3 м, юго-западной 3.1 м. В середине северо-западной и юго-восточной сторон находились ямки от опорных столбов (диаметр 18 см), при этом в первой из них гнездо столба, как уже отмечено, частично выходило за пределы постройки.

В северо-восточной стене, в половине, прилегающей к восточному углу жилища, располагался вход, состоящий из четырех ступенек. Ширина входа 0.5 м, длина 1.6 м. В центре землянки находился очаг в виде круглого в плане углубления, заполненного золой и угольками. К востоку от очага помещалась неправильно округлая ямка В (диаметр 21 см, глубина 8 см), стенки которой плавно переходили в дно с ямкой (диаметр 4 см) в середине.

В западном углу постройки, на расстоянии 0.8 м от ее юго-западной и 0.88 м от северо-западной стенки, находилась яма А. Диаметр устья ямы 0.40 м. Яма книзу расширялась, диаметр дна ее был 0.7 м. На стенках ямы хорошо прослеживались следы орудия, которым она была выкопана. Это были узкие, идущие сверху вниз срезы шириной 4 см и длиной от 16 до 26 см. Дно ямы закруглялось к стенкам.

В яме, около ее западной стенки, находилось несколько поставленных на ребро кирпичей, очевидно попавших в нее случайно.

В восточном углу жилища обнаружена другая яма (яма В); диаметр устья ее 0.75 м, диаметр дна 0.85 м, глубина 0.35 м. На стенках ее также сохранились следы, оставленные аналогичным орудием. Заполнение ямы состояло целиком из зеленой гончарной глины, на которой около восточной стенки ямы находилось скопление темно-желтого песка.

Пол жилища вокруг очага и к северо-востоку от ямы В покрыт золой, на нем, к юго-западу от очага, лежали обломки

гончарного сосуда (кувшина), украшенного по плечу орнаментом в виде прочерченной трехрядной волны. Сосуд был изготовлен из зеленой глины и не обожжен.

У северо-восточной стенки жилища, в северной его половине, обнаружена неглубокая (0,2 м) погребальная яма (рис. 5, I), на дне которой находился скелет человека.

лет человека. Сверху она была перекрыта тем же слоем золы, которым был покрыт и прилегающий к ней пол жилища.

Захороненные лежали в вытянутом положении, на спине и ориентированы были головой на северо-запад.

Ввиду того, что погребение II оказалось сверху перекрытым слоем золы, перекры-

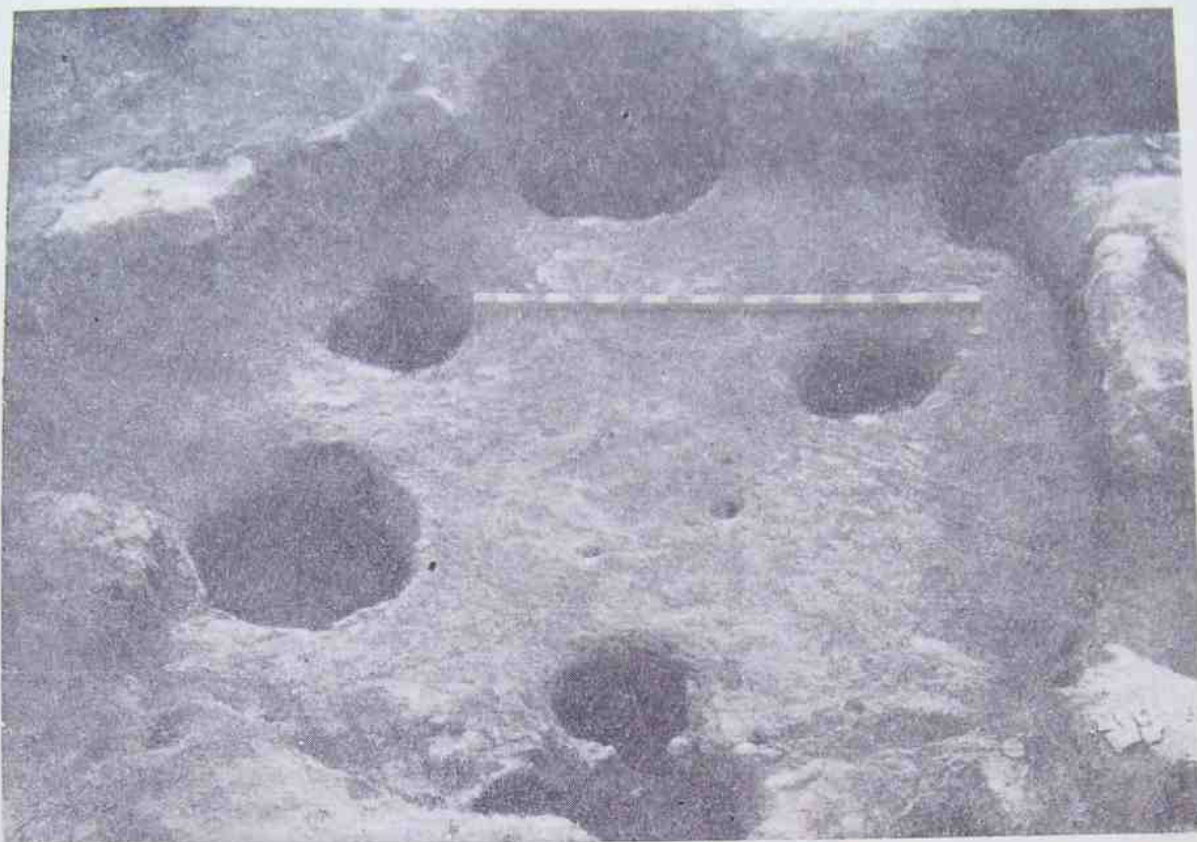

Рис. 7. Жилище № 13. Общий вид.

Яма в плане имела очертания неправильного овала, вытянутого вдоль стены жилища и частично в виде подбоя, уходящего под нее. Длина ямы 1,7 м, ширина в северо-западной части 0,5 м, в юго-восточной 0,2 м. Яма уходит под стену жилища максимально на 34 см. Заполнение могильной ямы состояло из желтой глины и легко отличалось от золыстой поверхности окружающего пола.

У юго-западной стены жилища, в ее южной половине, помещалась другая погребальная яма (рис. 5, II), также в виде подбоя, уходящего под обрез стены. Длина могильной ямы 1,65 м, ее ширина 0,54 м, глубина 0,25 м. Яма уходила под стену на 15 см. На дне ямы также находился ске-

вавшим и прилегающий к нему пол, оно являлось более ранним; погребение же I, могильное пятно которого легко прослеживалось, было более поздним. Возможно, что после захоронения I жилище было совершенно заброшено.

Сопровождавшие жилище находки, кроме остатков необожженного сосуда, состояли из обломков сероглиняных бороздчатых горшков салтово-маяцкого типа, обнаруженных при разборке очажного заполнения.

Ввиду того, что в жилище находилась яма, заполненная особым сортом глины (зеленая глина), и обломки необожженного сосуда, изготовленного на круге из такой же

глины, какая находилась в яме, можно считать рассматриваемую постройку жилищем ремесленника-гончара. Возможно при этом, что ямка *B*, обнаруженная к востоку от

тивных особенностей (наличие входа), но и как жилище ремесленника.
Постройка № 14 (рис. 5, 3)¹⁴ обнаружена была на раскопе II 1950—1951 гг., на квад-

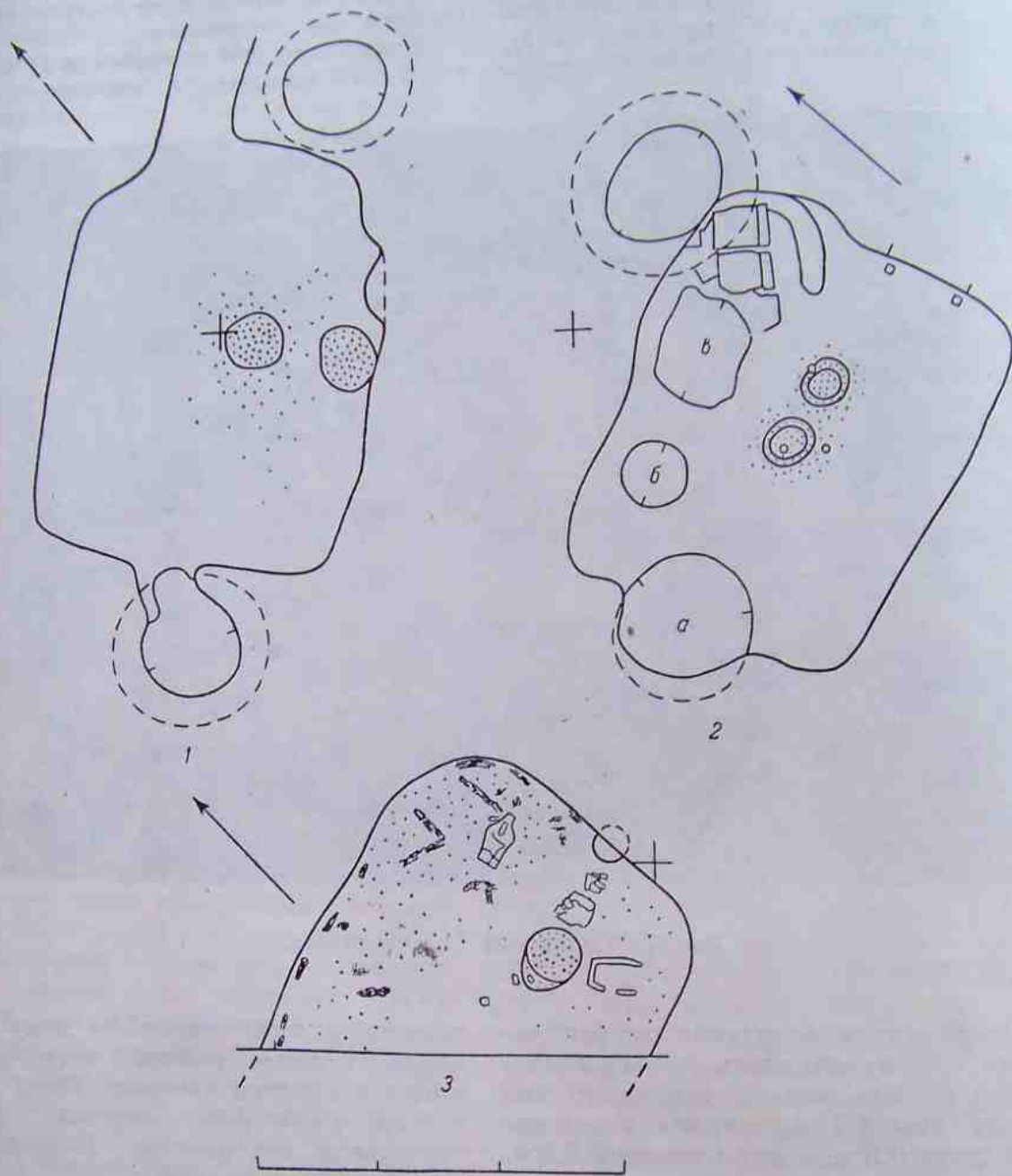

Рис. 8. Жилища салтово-маяцкой культуры (план).

1 — бесстолбное жилище № 117; 2 — бесстолбное жилище № 116, *a-e* — ямы; 3 — двустолбное жилище № 115, срезанное рвом.

очага и имевшая в своем дне гнездо от столбика, являлась местом, где укреплялся гончарный круг.

Таким образом, постройка № 12 представляет интерес не только в силу своих конструк-

татах $X_8-\Phi_9$, $X_9-\Phi_{10}$ и $X_{10}-\Phi_{11}$. Она оказалась прямоугольным в плане помещением, вытянутым вдоль юго-западной обо-

¹⁴ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 31, рис. 18.

ронительной стены крепости. Размеры ее $2,55 \times 5,1$ м.

В середине северо-западной и юго-восточной стен жилища, а также в его центре имелись ямки от столбов: ямка у северо-

помещения в другое, прослеживались следы утоптанности и зольное пятно.

Уровень пола у северо-западного помещения был ниже на 15 см и более вытоптан.

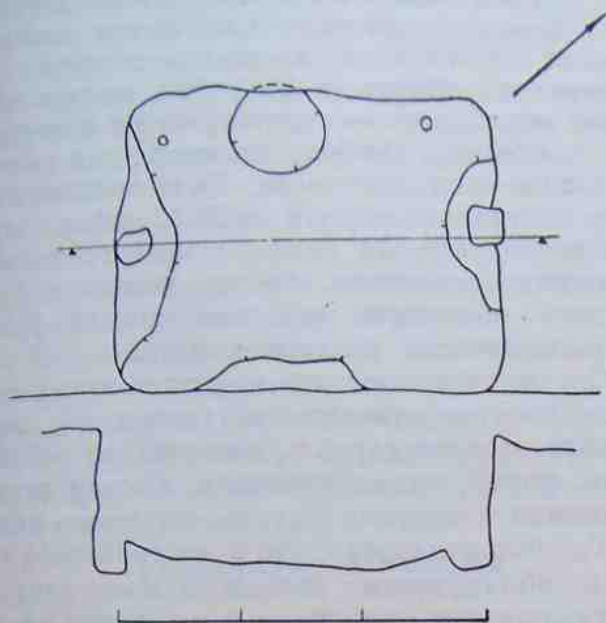

Рис. 9. Двустолбное жилище № 62 салтово-маяцкой культуры (план и разрез).

западной стены помещалась в границах постройки, ее диаметр 14—16 см; ямка, располагавшаяся у юго-восточной стены, частично выходила за пределы жилища и имела диаметр 15 см; ямка, находившаяся в центре жилища, имела диаметр 19 см. Все ямки располагались по одной линии, являясь гнездами от столбов, на которые опиралась двускатная крыша.

Жилище состояло из двух помещений — северо-западного и юго-восточного, разделенных между собой легкой перегородкой. В центре каждого из помещений находился очаг, заполненный золой и угольками. Вокруг очага в северо-западном помещении имелись ямки от кольев, вокруг очага в юго-восточном помещении ямок не оказалось.

Пол в жилище был глинобитный, хорошо утоптаный, особенно в районе очагов, где он ниже. Пол покрыт тонким слоем золы.

Участок пола постройки, где проходила перегородка, делившая ее на упомянутые помещения, несколько возвышался над окружающей поверхностью и не был покрыт золой; только у северо-восточной стены жилища, где, очевидно, был проход из одного

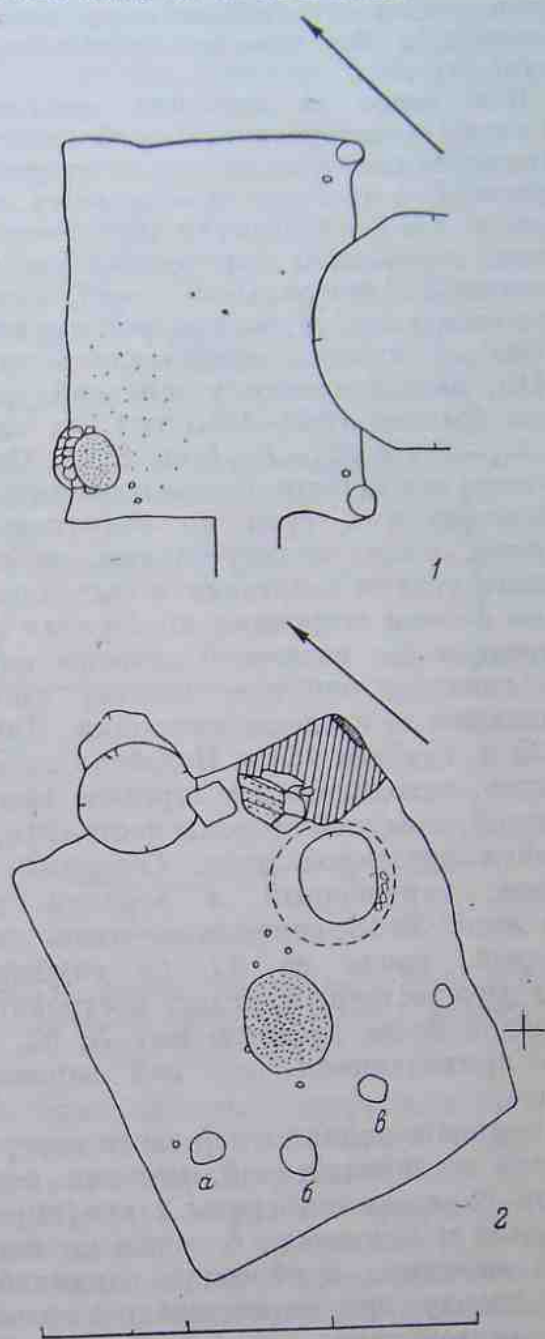

Рис. 10. Жилища салтово-маяцкой культуры (план).

1 — двустолбное жилище № 42; 2 — жилище № 10, а — в — ямки.

Вероятно, в этом помещении была сосредоточена хозяйственная деятельность (приготовление и варка пищи), о чем говорят ямки от кольев вокруг очага, а также находившиеся здесь две хозяйственные ямы

расположенные у южного угла помещения. Очаг в юго-восточном помещении, по всей вероятности, служил только для обогрева.

В жилище было обнаружено незначительное количество обломков сероглиняных, лощеных и бороздчатых сосудов салтово-маяцкого типа.

Как видно из описания, жилище это по своим конструктивным особенностям не выходит за рамки построек рассматриваемой группы. Его отличает от остальных жилищ лишь то, что оно состоит из двух помещений, в связи с чем в его конструкцию введен дополнительно центральный столб, который, как и остальные, служил опорой для крыши.

Особый интерес представляет жилище № 115, расположенное у западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.), на квадратах $B_{10}-Г_{11}$ и $B_{11}-Г_{12}$ (рис. 8, 3). Оно обнаружено при зачистке стенок и дна ямы № 13.

Жилище это, судя по сохранившимся остаткам, имело прямоугольные, со скругленными углами очертания и было ориентировано своими сторонами по странам света. В середине его восточной стороны находилась ямка от опорного столба, частично выходившая за пределы постройки. Диаметр ее 0.25 м, глубина 15 см. Подобная же ямка, очевидно, находилась и в середине противоположной, западной стороны постройки, оказавшейся срезанной рвом. Северный угол жилища, нарушенный в верхней своей части ямой № 13, сохранился лишь на дне последней, уходя на 3.5 см глубже ее. Своим юго-восточным углом постройка перекрывала более древнюю яму № 62, куда осело приходящееся над ней заполнение жилища.

Заполнение земляночной части постройки состояло из пережженной, местами перемешанной с угольками глины и гумусированной земли и содержало большое количество костей животных и обломков глиняной посуды, сверху оно перекрывалось плотным слоем желтой глины, не содержащей в себе никаких находок.

Пол жилища, представлявший собой хорошо утопанную материковую глину, был покрыт слоем гари и остатками горелых плах, бревен и прутьев; последние располагались главным образом вдоль стен постройки. Наибольшее скопление горелого дерева обнаружено у северо-западного угла.

Против середины восточной стены помещения, в 70 см от нее, в полу находилось

очажное углубление диаметром 0.4 м, глубиной 0.08 м. Оно было заполнено пережженной глиной, углями и мелкими обломками сероглиняных сосудов салтово-маяцкого типа. Около самой стенки обнаружен раздавленный красноглиняный кувшин с плоской ручкой. Возле кувшина, также около стены, лежали обломки темно-серого горшка со сплошным рифлением. Здесь же найден обломок подобного же горшка, но не подвергнутого обжигу. Он был изготовлен на круге из глины зеленого цвета. В юго-восточном углу постройки, около ямы № 62, лежал второй необожженный сосуд, оказавшийся наполовину срезанным. Сосуд, очевидно, был немного подсушен, его поверхность была покрыта темным налетом копоти.

Среди керамических остатков этого жилища следует отметить раздавленный, лепленный от руки горшок, который по составу теста, форме, орнаментации и обжигу также относится к сосудам салтово-маяцкого типа.

То обстоятельство, что в постройке № 115 были обнаружены необожженные сосуды, дает основание отнести ее к жилищам ремесленников-гончаров, подобно отмеченной выше постройке № 12.

Рассматриваемое жилище представляет интерес еще и тем, что часть его оказалась срезанной рвом,¹⁵ органически связанным с крепостными сооружениями Саркела. Это дает возможность определить верхнюю хронологическую границу жизни постройки временем не позднее сооружения рва.

Приведенные выше описания жилищ дают лишь общее представление об их конструкции, поэтому сказать что-либо определенное о том, каковы были стены и крыша построек или где и как устраивались у них входы, нельзя. Входы, обнаруженные в жилищах №№ 12 и 42, пока не могут считаться характерными для всей подгруппы. Вероятно, кроме обнаруженных, существовали и иные входы (может быть, в виде приставных лестниц?).

Неясным остается и вопрос о стенах. Ни одна из построек этой подгруппы не дала хоть сколько-нибудь серьезных ука-

¹⁵ Ров выкопан с ближайшего к матерiku уровня отложений и, таким образом, относится по времени к наиболее ранним сооружениям городища. Если при этом учесть, что он не мог быть сооружен до постройки крепости (иначе бы это мешало подвозу строительного материала), то станет совершенно очевидным, что сооружен он был вскоре после строительства крепости.

заний на то, каким образом они устраивались.

Остатки горелого дерева, расположенные вдоль стен в постройке № 115, зола, наибольшее скопление которой наблюдалось вдоль стен постройки № 117, наконец, остатки минерализованного камыша (куги), обнаруженные как на стенах, так и на полу постройки № 62, дают основание предполагать, что в конструкции как стен, так и крыши применялись дерево и камыш.

Крыши у построек подгруппы, как уже отмечалось, были, вероятно, двускатными. Можно предположить, что они, опираясь своим коньком на опорные столбы, скатами упирались в борта земляночной ямы.

Ближайшие аналогии жилищам рассмотренной подгруппы имеются на поселении у хутора Карнаухова, где постройки №№ 1 и 4 по своей конструкции полностью совпадают с нашими.¹⁶

Бесстолбные жилища

К подгруппе так называемых «бесстолбных» жилищ относятся постройки №№ 117, 116, 63, 10, 25 и 22.

Все перечисленные жилища представляют собой врезанные в землю, прямоугольные в плане помещения, как правило, со скругленными углами, с хорошо утопанными полами и расположенными в них очажными углублениями с характерным для них зольноугольным заполнением.

Очаги обычно находились в средней части жилища и только в постройке № 63 (рис. 11, 12) очажных углублений оказалось три, при этом располагались они не в средней части жилища, а были смещены к середине ее северо-восточной, северо-западной стен и к южному углу жилища.

Ориентированы жилища различным образом: жилища №№ 117, 63, 25 и 22 своими сторонами выдерживали направление оборонительных стен крепости, жилища №№ 116 и 10 были ориентированы своими сторонами либо по странам света (постройка № 116), либо приближались к этому направлению (постройка № 10). Размеры жилищ колебались от 3.7×3.5 (постройка № 63) до 2.25×2.75 м (постройка № 25).

¹⁶ И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 289, 297, рис. 31, 42.

Сохранность рассматриваемых построек различная. Жилище № 22 оказалось наиболее пострадавшим: у этой постройки разрушена вся северо-западная половина. Менее пострадавшими от позднейших перекопов являются жилища №№ 10, 25, 63 и 116. У первого из них (жилище № 10, рис. 10, 2)

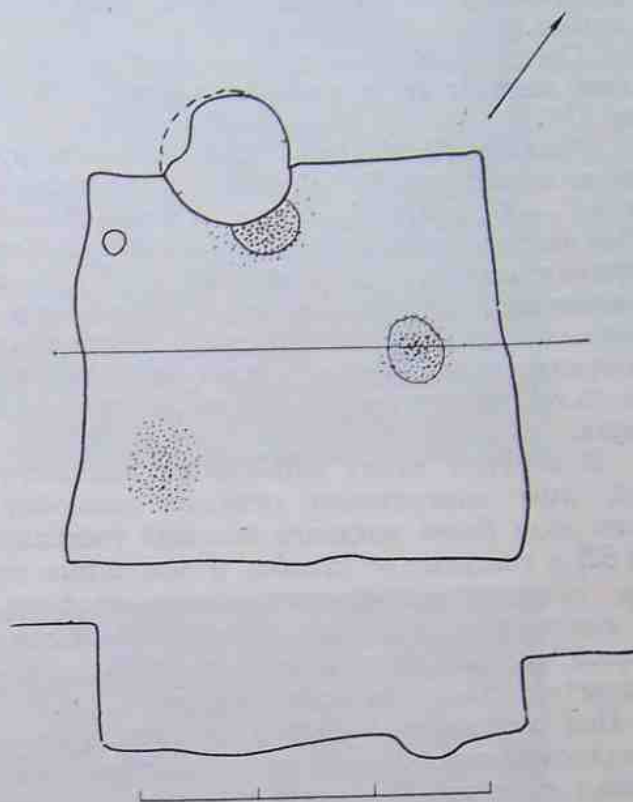

Рис. 11. Бесстолбное жилище № 63 салтовомаяцкой культуры (план и разрез).

ямой была частично разрушена его северная стена, у второго (жилище № 25) ямами уничтожен северный угол; у жилища № 63 (рис. 11) ямой нарушена средняя часть западной стены, а у жилища № 116 средняя часть северо-западной стены. Жилище № 117 полностью сохранило свои очертания.

Входов в жилища, как правило, найти не удавалось, за исключением построек №№ 116 и 117. У жилища № 116 вход находился в восточной стене (рис. 8, 2), а у жилища № 117 — в северо-восточной. Входом в жилище № 117 (рис. 8, 1; 13) служил пологий спуск шириной 0.60 м.

Отсутствие в перечисленных жилищах каких-либо следов опорных столбов, поддерживавших их стены и крышу, не дает возможности с уверенностью воссоздать

их внешний облик; однако находимые в заполнении земляночных ям зола (постройка № 117) или остатки сгнившего дерева (постройка № 10), которые в первом случае концентрировались вдоль стен, а во втором покрывали всю площадь пола, дают основание предполагать наличие каких-то деревянных конструкций в их стенах и крыше.

Среди разбираемых построек наибольший интерес представляют жилища №№ 10 и 116.

Жилище № 10 (рис. 10, 2) было обнаружено на раскопе II 1950—1951 гг., на квадратах $У_9—Т_{10}$ и $Ф_9—У_{10}$. Уровень пола — 0.55 м. Оно представляло собой углубленное в землю прямоугольное, со скругленными углами помещение, ориентированное своими сторонами не по направлению основных оборонительных стен крепости, а несколько сдвинутое в направлении стран света.

В верхних слоях заполнения земляночной ямы обнаружены остатки глинобитного пола более позднего жилища (жилище № 82) с гнездами от столбов и лежащими на нем полусгоревшими тополевыми плахами, со следами на них ошлаковавшейся маслянистой массы. Остатки этого пола были перекрыты слоем древесного тлена.

Под остатками позднего жилища располагалась интересующая нас постройка. Она оказалась также перекрытой слоем древесного тлена, под которым под слоем мусора (толщиной 15 см) находился хорошо сохранившийся пол из материковой глины, плотно утоптанной и покрытой тонким слоем золы и раздавленных угольков, особенно в районе очага. Очаг в виде округлого в плане углубления находился в средней части пола жилища. Он был заполнен золой и угольками. Его диаметр 0.55×0.6 м. Стенки очага и обнаруженное в его центральной части возвышение были сильно обожжены.

Вокруг очага имелось несколько ямок от кольев, на которых укреплялся котел для варки пицци. Близ юго-западной стены постройки, к юго-западу от очага, в полу жилища располагались три неглубокие, с округлым дном ямки, диаметром 22 (ямки *a* и *e*) и 26 см (ямка *b*).

Около восточного угла постройки, вдоль северо-восточной его стены, несколько вдаваясь в нее, находилось прямоугольное, с закругленными углами углубление, за-

полненное зеленой глиной (глубина 0.1—0.15 м от уровня пола жилища). Около его северо-западной стенки оказалось отгороженное обломками кирпичей и камнем небольшое треугольное отделение, в котором находился речной песок.

К юго-востоку от углубления помещалась круглая в плане, расширявшаяся книзу хозяйственная яма. Диаметр устья ямы 0.5—0.6 м, диаметр дна 0.85—0.88 м и глубина — 0.65 м от уровня пола. Яма, судя по заполнению, принадлежала жилищу. На ее южном крае лежали обломки необожженного кувшина, сделанного из зеленой глины на круге. Несколько обломков этого сосуда оказались в заполнении ямы, где, кроме того, найдены железный крючок, железный ложкарь и костяная фигурка слона с сидящим на нем наездником. В самом жилище на полу собраны обломки сероглиняных лощеных и бороздчатых сосудов салтово-маяцкого типа и обломки точильного бруска.

Ввиду того, что в рассматриваемой постройке, как и в жилище № 12, были обнаружены запасы зеленой глины и речного песка, а также найдены остатки необожженного сосуда, изготовленного на гончарном круге из той же зеленой глины, можно думать, что жилище № 10 также принадлежало ремесленнику-гончару.

Неглубокие ямки, обнаруженные к юго-западу от очага (ямки *a*, *b* и *e*), имели, по всей вероятности, производственное назначение. Возможно, что в одной из них укреплялся гончарный круг.

Жилище № 116 (рис. 8, 2; 14, 15),¹⁷ обнаруженное в 1950 г. у юго-западной стены крепости, с ее внешней стороны (раскоп 1949—1950 гг.), на квадратах $B_{12}—B_{13}$ и $B_{13}—B_{14}$ (уровень пола — 0.65 м), представляло собой почти прямоугольное в плане помещение, ориентированное сторонами по странам света. Постройка имела следующие размеры: длина северной стены 3.35 м,

¹⁷ Постройка № 116, как уже отмечено, была расположена в районе западной угловой башни, с внешней стороны юго-западной оборонительной стены. Здесь в период раскопок 1949 г. была нанесена сетка (разбиты квадраты для раскопок), которая ориентировалась по странам света. В 1950 г. эта сетка заменена новой (рис. 1), ориентированной по направлению основных оборонительных стен крепости. Нами использованы в тексте данные сетки 1950 г.

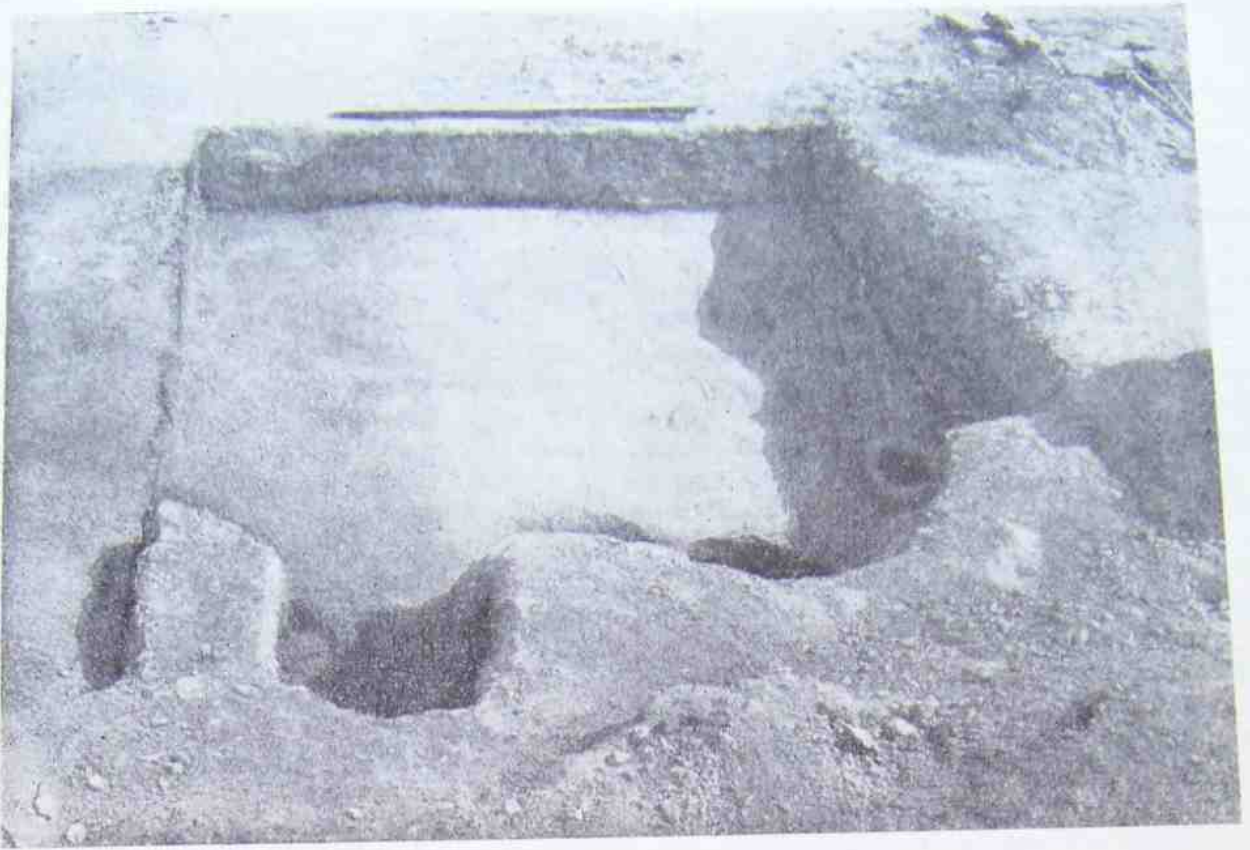

Рис. 12. Жилище № 63. Общий вид.

Рис. 13. Жилище № 117. Общий вид.

восточной — 2.55 м, южной — 3.25 м и западной — 2.25 м.

Около северной стены жилища, ближе к его северо-западному углу, находилась хозяйственная яма *б*. Яма в плане круглая, книзу расширяющаяся, диаметр ее устья 0.55 м. На дне ее лежали оба камня жернова, под которыми обнаружены, как определяет В. А. Петров, зерна карликовой пшеницы и ячменя.¹⁸

Своей западной стеной жилище срезало круглую в плане, расширяющуюся книзу яму *а*, на дне которой обнаружено погребение № 200. В средней части восточной стены постройки имелся вход шириной 0.7—0.8 м. Вход не расчищен. Со стороны жилища его ограничивали две небольшие, прямоугольные в плане ямки от столбов, по-видимому предназначенных для крепления к ним дверного устройства.

В середине жилища находилось два очажных углубления, заполненные золой и угольками. Стенки их были обожжены; стенки первого очага (диаметр 0.4 м) были покатые, стенки второго очага (диаметр 0.45—0.5 м) поднимались отвесно. Во втором очаге, в его средней части, находилась ямка от небольшого столбика (диаметр 6—7 см). Ямки от столбиков были обнаружены также вокруг очагов, что свидетельствовало о существовавших над очагами конструкциях, на которых подвешивались котлы для варки пищи.

В северо-восточном углу постройки находилась круглая в плане печь с примыкающей к ней ямой *в*. Печь сохранилась в виде развала обожженной обмазки, кусочков «бортиков», очевидно принадлежавших ее верхней части.

Судя по сохранившимся остаткам (рис. 15), печь была глинобитная, сверху перекрытая глиняной, окаймленной невысоким бортиком площадкой. Внутреннее пространство ее было разделено на две неравные части — топочную (меньшую) и остальную или рабочую (большую). Топочная часть оказалась полностью заполненной золой и имела под на уровне пола жилища; рабочая часть печи была приподнята на высоту в 2 кирпича, положенных плашмя, и отделена от топочной части двумя поставленными на ребро кирпичами. Эта часть печи была покрыта

слоем обмазки и не носила на себе следов разведения огня. Обмазка снаружи была обожжена сильнее, чем со стороны кирпичей, которые она перекрывала. Исходя из сказанного, можно предполагать, что рабочая часть печи была устроена так, чтобы над ней проходило пламя.

О назначении печи судить трудно. Отметим только, что в рассматриваемой группе построек наряду с очагами существовали и печи, необходимость в которых диктовалась какими-то, по всей вероятности, специальными потребностями.

Сопровождавший рассмотренное жилище материал, как и в других постройках этой группы, состоял из обломков сероглиняных, лощеных и бороздчатых сосудов, широко известных по памятникам салтовомаяцкого типа.

НАЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

Наземные жилища, как уже сказано, сохранились хуже, что, естественно, значительно затрудняет не только выявление их конструктивных особенностей, но и само выделение этого типа построек из общей массы рассматриваемых жилищ.

К наземным постройкам с уверенностью можно отнести остатки жилищ №№ 61, 93, 122, 74 и 84, а также, по-видимому, остатки постройки № 121 и др. Для остальных жилищ группы в силу их чрезвычайной фрагментарности установить, какое из них является наземным, а какое полужемлянкой, не представляется возможным.

Выделяемые нами постройки, за исключением жилища № 61, дошли до нас в виде различных по своей величине и сохранности остатков глинобитных и иных полов, с находившимися в них характерными для этой группы очагами. Несмотря на фрагментарность, жилища эти представляют несомненный интерес, так как в ряде случаев сохранили не только сопровождавший их вещей, особенно керамический материал, но и остатки конструкций построек, что позволяет расширить характеристику всей группы в целом. Среди них встречены, например, такие, у которых сохранились остатки глинобитных стен (жилища №№ 93, 74, 84), представлявших собой либо ряд кольев, переплетенных прутьями и затем покрытых с обеих сторон толстым слоем глиняной обмазки (жилище № 84), либо

¹⁸ Дневники Волго-Донской археологической экспедиции за 1950 г., тетрадь № 41, стр. 49, 77 и сл.

Рис. 14. Жилище № 116. Общий вид.

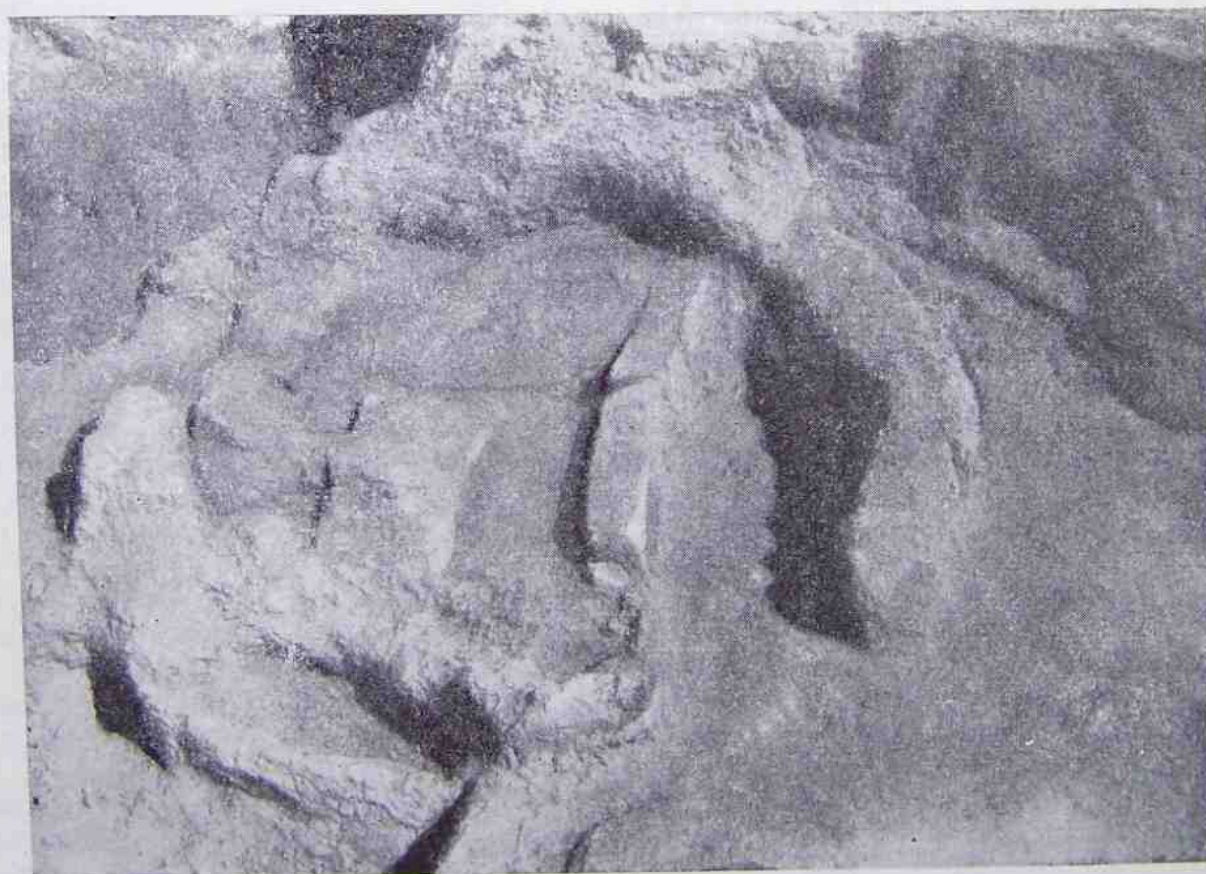

Рис. 15. Печь из жилища № 116.

двойной ряд кольев, по всей вероятности также переплетенных прутьями и также покрытых толстым слоем глины (жилище № 74), либо это были деревянные конструкции иного рода, являвшиеся каркасом глиняных стен жилищ (постройка № 93). Если каркас стен состоял из двойного ряда кольев, то пространство между ними заполнялось глиной. Толщина стен этих построек иногда достигала 45 см (жилище № 84). Кроме остатков стен, в некоторых жилищах находилось большое количество сгоревшего дерева (жилища №№ 66, 77, 61, 93, 69, 71, 122, 67, 68, 99, 92, 121, 72, 84), представлявшего собой не только остатки стен, но и крыши, облик которых в какой-то мере может быть восстановлен при учете материалов, которые дают постройки №№ 71, 90 и 81. В них обнаружены следы горелой соломы и куги.

Отдельные жилища (постройка № 93) перекрывали более ранние постройки.¹⁹

Наиболее интересной является постройка № 84, обнаруженная в цитадели, на квадрате $\Phi_{20}-X_{21}$; глубина залегания ее пола 0.2—0.09 м от уровня материка. Границы жилища оказались сильно нарушенными более поздними перекопами. Прослежены были лишь восточный угол и частично юго-восточная стена постройки с находившейся за ней ямой от опорного столба, расположенной около ее середины. Жилище представляло собой, по всей вероятности, прямоугольное в плане наземное сооружение, относящееся по своим конструктивным особенностям к известным уже нам двустолбовым постройкам. Стены жилища, судя по сохранившимся их остаткам, были глинобитные и представляли собой жердевой каркас, возможно оплетенный хворостом и покрытый с обеих сторон слоем глиняной обмазки; при этом толщина слоя с внешней стороны была значительно больше, чем с внутренней.

На полу жилища обнаружено скопление горелого дерева, являвшегося, по всей вероятности, остатками крыши, рухнувшей во время пожара. Рассмотренная постройка, будучи наземным сооружением, сохраняет конструктивные особенности полуземляночных жилищ (постройки №№ 14, 13, 62 и др.).

¹⁹ Постройка № 93 перекрывала собой жилище № 5.

Единственное наземное жилище № 61 в силу своего необычного расположения дошло до нас, почти полностью сохранив свое основание. Жилище это обнаружено на проезжей части северо-западных (Главных) ворот крепости и занимало площадь между стенами воротного пролета (рис. 16).

Пол его был устроен на слое насыпной темной глины толщиной 30—40 см, которая лежала непосредственно на известковой заливке проезда. Слой, относящийся к самому жилищу (толщина слоя около 20 см), состоял из прослойки мелкого угля и золы в 5—7 см, лежащей на неровной подсыпке желтой глины, под которой располагалось скопление разрушенного известкового раствора и битого кирпича, использованных, вероятно, для выравнивания площадки под жилище. Над этими прослойками находился насыщенный углем слой, образовавшийся от обрушившихся деревянных конструкций постройки. Размеры жилища 4.5×3.5 м. В ширину оно захватывало весь воротный пролет (4.5 м), а в длину занимало лишь его половину (3.5 м).

С северо-восточной и юго-западной сторон жилище не имело особых стенок; их роль выполняли стены воротного пролета. С двух же других сторон (с северо-западной и юго-восточной) оно имело стены. Юго-восточная стена была сооружена из положенного в один ряд кирпича на глиняном растворе (стена впоследствии обрушилась). Северо-западная стена, как это показали обнаруженные вдоль нее ямки от столбов, была деревянной.

В северном углу жилища находился разрушенный очаг, основание которого было выложено из битого кирпича. Очаг сложен на желтой глине с подсыпкой песка.

В центральной части жилища во время расчистки был обнаружен завал желтой глины, представлявший собой, вероятно, слежавшуюся обмазку. На этом завале лежал раздавленный большой серый сосуд с коротким, немного отогнутым венчиком, украшенный по тулову рифлением и орнаментом в виде параллельных дуг. Кроме него, в разных местах жилища найдено еще 11 сосудов, причем часть их находилась на завале глиняной обмазки, часть — под ним (рис. 17). В средней части постройки под сосудами оказались разбросанные мелкие кусочки сгоревших деревянных плах и бревен. Около очага, под обнаруженным

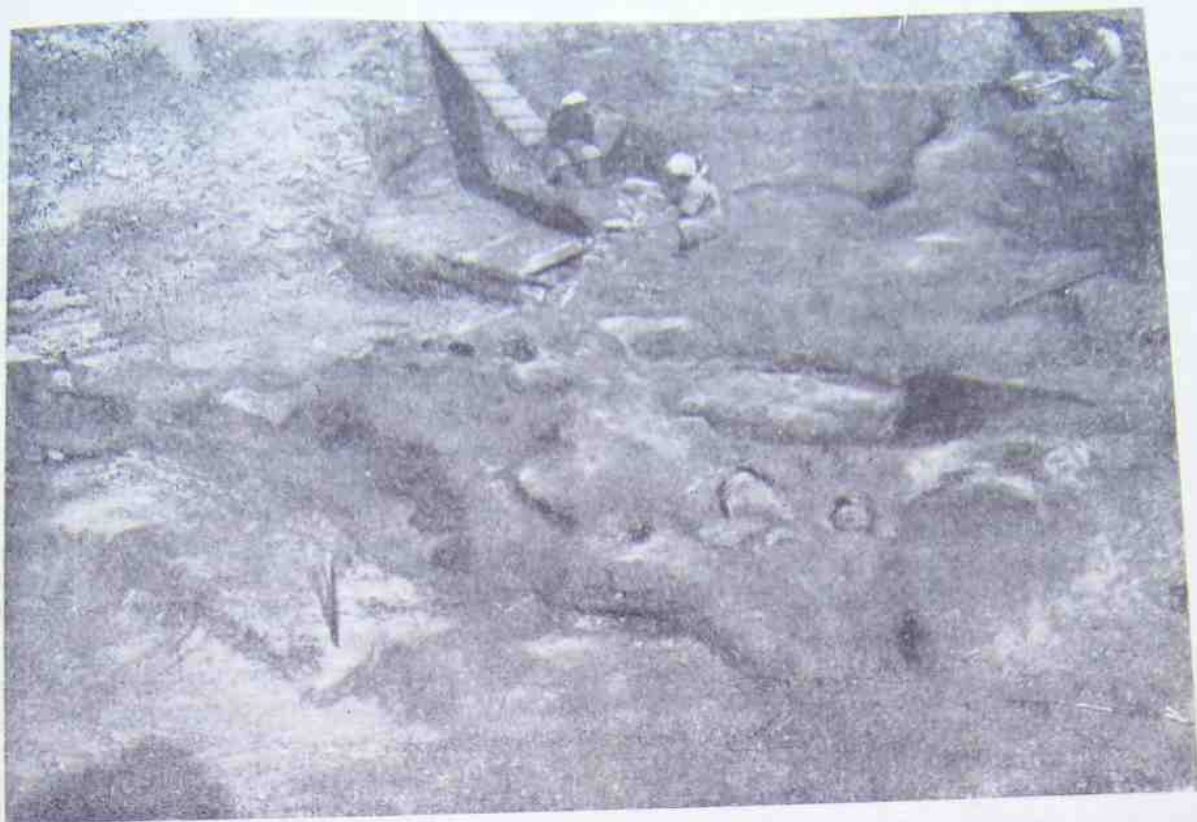

Рис. 16. Остатки наземного жилища № 61 (в пролете Главных ворот).

Рис. 17. Жилище № 61. Сосуды.

здесь кувшином, находились пвовые прутья, которые, вероятно, являлись остатками плетеной корзины.

Отмеченные выше условия залегания сосудов дали основание предполагать, что часть их упала откуда-то сверху (с полок?), чем, очевидно, и объясняется нахождение их над скоплением глиняной обмазки и под ним.²⁰

В северо-восточной части жилища расчищена яма с диаметром устья 0.9 м, дна — 1.3 м. Она была засыпана и после этого перекрыта кирпичной вымосткой, рядом с которой лежали оба камня жернова. Вымостка сильно осела, и перекрывавшие ее кирпичи лежали наклонно в сторону ямы; туда же осел и глинобитный пол жилища.

В западной части постройки, у самой стены пролета, находилась другая яма, имевшая овальное очертание; ее размер 1.05×0.75 м, глубина 0.5 м. Она была заполнена землей и сверху перекрыта обмазкой пола. Обмазкой пола оказалось перекрытым и овальное углубление очага, расположенного в центральной части помещения.

Все вышесказанное позволяет различить два периода в существовании этого жилища, причем к раннему из них относились очаг и упомянутые ямы, а также многочисленные ямки от небольшого диаметра столбиков (кольев), расположенные в северо-западной части помещения, и ямки от столбов в западном углу постройки (2 ямки) и у северо-западной стенки жилища, недалеко от его северного угла.

Ранний период жизни постройки, по всей вероятности, был очень непродолжительным, и она вскоре была заменена другим жилищем, многочисленные остатки которого упомянуты выше. Кирпичная стена, ограничивавшая постройку с юго-восточной стороны, очевидно, относится ко второму периоду жизни жилища.

То обстоятельство, что ямки от столбов северо-западной стены жилища относятся к обоим периодам его существования, дает основание предполагать, что смена существовавших здесь построек, вероятно, была вызвана чисто хозяйственными соображениями. На это указывает и то, что на полу постройки,

относящемся к ее более раннему периоду, не было обнаружено никаких остатков конструкций самого жилища, ни остатков сопроваждавшего его инвентаря (вещевого и керамического).

Кроме перечисленных остатков жилищ, к рассмотренной группе относится довольно значительное количество сооружений производственно-хозяйственного назначения, составляющих с упомянутыми постройками единый хозяйственно-культурный комплекс.

Сооружения эти представлены хозяйственными ямами, а также различными по своей конструкции погребам.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ

Хозяйственные ямы, принадлежавшие населению, оставившему нам рассмотренную группу построек, имели свою особенность, отличающую их от всех других подобных сооружений, обнаруженных на городище. Всем им свойственна характерная для этой группы конусообразная форма. Диаметр устья у этих ям всегда был меньше, а в некоторых случаях значительно меньше диаметра дна. Стенки их, как правило, имели заглаженную поверхность, и только в некоторых случаях (например, яма *a* в жилище № 12) на них сохранились следы орудий, которыми были вырыты ямы.

Ямы в основном располагались в пределах самих построек. В полу жилищ №№ 116, 10, 13, 12 и 25 имелось по одной яме, в жилищах №№ 117 и 14 — по две, а в жилище № 5 было обнаружено три ямы.

Хозяйственные ямы открыты также в остатках жилища № 93 и в здании I (рис. 1; в помещении № 1 — яма № 18; в помещении № 3 — ямы №№ 38, 62 и 65; в помещении № 5 — яма № 4; в промежутке между помещениями №№ 3 и 4 — ямы №№ 45 и 52).

По своим размерам ямы неодинаковы. Самая маленькая из них, принадлежавшая жилищу № 13, имела диаметр устья 0.4 м, диаметр дна 0.55 м и глубину 0.55 м; самая большая, расположенная в здании I между помещениями №№ 3 и 4 (яма № 45), имела диаметр устья 1.0 м, диаметр дна 2.0 м, глубину 1.52 м.

О том, что ямы имели хозяйственное значение, говорят находки, обнаруженные в яме № 18 и в яме *b* из постройки № 116. В обеих ямах на дне были найдены жернова, кроме того, в первой из них находился круп-

²⁰ См.: А. Л. Якобсон. Отчет о раскопках Саркела-Белой Вежи за 1950 г. Рукопись. Хранится в материалах Волго-Донской археологической экспедиции.

ный сосуд, очевидно предназначенный для хранения зерна или муки, а во второй под камнями жернова найдены зерна пшеницы и других злаков.

Часть построек (жилища №№ 59, 58, 64, 62, 63 и 42) оказалась без ям. Нужно отметить в этой связи, что в число безъямных построек вошли все три овальные жилища (жилища №№ 59, 58, 64). В последних, по всей вероятности, хозяйственные ямы не устраивались, а выносились за пределы постройки.

ПОГРЕБА

Кроме хозяйственных ям, население, оставившее нам рассмотренную группу жилищ, сооружало различные погребя. Раскопками удалось выявить пять таких сооружений, причем, четыре из них (II_I , II_{II} , II_{III} и II_V) сохранили полностью свои очертания, а одно сооружение (II_{IV}) оказалось нарушенным более поздней ямой.

Погребя были обнаружены на квадратах, примыкающих к юго-западной оборонительной стене крепости, и в районе южной угловой башни. Четыре из них (II_I , II_{II} , II_{III} , II_V) находились в пределах цитадели. Погреб IV был обнаружен на раскопе II 1950—1951 гг.²¹

Погребя представляли собой либо квадратные (II_{III} , II_V), либо прямоугольные (II_I , II_{II}) в плане ямы, стены которых были тщательно облицованы деревом и обмазаны глиной. По тому, как стены этих сооружений были облицованы деревом, они могут быть разделены на две группы. В первой из них (погребя II_I , II_{II} , II_{III} и II_V) по углам подготовленной для погребя ямы вбивались колья (II_I) или столбы (II_{II} , II_{III} и II_V), за ними укладывались к стене поставленные на ребро плахи. В тех случаях, когда по углам вбивались колья, подобные же колья вбивались и вдоль стен сооружения для дополнительного крепления деревянной облицовки (II_I). Стены второй группы погребов представляли собой сруб, опущенный в яму (II_{IV}).

Дно у погребов, представленное материковой глиной, делалось плоским, ровным. Иногда (II_I) оно делилось на две части,

и тогда одна из частей оказывалась более углубленной.

Во всех случаях вокруг перечисленных сооружений никаких следов построек, внутри которых они могли бы быть расположенными, не оказалось. По всей вероятности, погребя устраивались за пределами жилищ, но поблизости от последних.

В наиболее хорошей сохранности дошел до нас погреб I,²² расположенный на квадрате $У_{13}-Т_{14}$. Он был обнаружен на глубине 0.04 м. Размеры погребя 1.82×1.31 м, его глубина 0.75 м, дно представляла материковая глина. Стены погребя были обложены дубовыми досками (ширина 0.12 м, толщина 2 см), укрепленными при помощи кольев, вбитых по углам и вдоль стен сооружения. Деревянная облицовка погребя и колья были покрыты слоем глиняной обмазки. Дно погребя делилось на две части — северо-западную и юго-восточную; первая из них была на 12 см ниже второй. На границе указанных частей погребя, около его противоположных стен, обнаружены ямки от кольев (по одной около каждой из стен), по-видимому служивших опорой для какой-то перегородки. В углубленной части пола находились два раздавленных сосуда салтовомаяцкого типа.

Погреб погиб при пожаре, о чем свидетельствуют обуглившиеся колья и доски, которыми он был облицован, а также обнаруженные в его заполнении доски, очевидно принадлежавшие крышке погребя. В заполнении, кроме того, найдено большое количество сгоревшей соломы, лежавшей на скоплении глиняной обмазки, которой были покрыты стены сооружения.

Мы не знаем, каким образом устраивалось перекрытие погребов. Возможно, что в некоторых случаях, как например в погребе I, оно было в виде сделанной из досок крышки, сверху прикрывавшейся соломой; в других случаях, там, где в погребях по углам устраивались массивные столбы (II_{II} , II_{III} и II_V), перекрытие, возможно, представляло собой опиравшуюся на эти столбы крышу, присыпанную землей.

Остатки жилищ рассматриваемой группы, как показали раскопки, располагались на площади городища следующим образом. Жилища №№ 125, 66, 103, 77, 79, 102,

²¹ Погреб I был обнаружен на квадрате $У_{13}-Т_{14}$, погреб II — на квадрате $X_{11}-Ф_{12}$, погреб III — на квадрате $X_{12}-Ф_{13}$ (цитадель), погреб IV — на квадрате $X_4-Ф_5$ (раскоп II) и погреб V — на квадратах $У_{19}-Т_{20}$, $Ф_{19}-У_{20}$ (цитадель).

²² М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 61, рис. 40 (верхний левый).

97, 78, 76, 59, 115, 117, 75, 116, 58 и 64 были обнаружены в районе западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.), при этом жилища №№ 79, 115, 117 и 116 находились за пределами крепости, у ее юго-западной стены. Жилища №№ 61, 62, 63 обнаружены были в районе северо-западных ворот крепости (раскоп I), из них постройки №№ 62 и 63 также располагались за пределами крепости и примыкали своими сторонами к ее северо-западной оборонительной стене. Жилища №№ 96, 94, 93, 69, 71, 120, 122, 67, 68, 82, 90, 95, 99, 81, 88, 1011, 42, 14, 10, 13, 16, 5, 1 и 12 были раскрыты на участке, ограниченном юго-западной половиной стены цитадели и зданием № 1 (раскоп II 1950—1951 гг.). Жилища №№ 74, 92, 121, 72, 84, 80, 60, 25, 22 и 65 были обнаружены в цитадели на участке, примыкающем к южной угловой башне, и в районе центра.

По глубинам залегания полов перечисленные жилища распределялись следующим образом (табл. 1).

Как видно на табл. 1, все 53 жилища этой группы своими полами залегали в первом полуметре культурных отложений города.²³ При этом из 29 входивших в нее полуземлянок 27 своими основаниями врезались в материк, 2 оставшиеся постройки этого типа, а также остальные жилища этой группы, в том числе и определяемые как наземные, залегали своими остатками как на уровне материка, так и на других горизонтах в пределах упомянутой толщи напластований.

Такое положение рассматриваемых жилищ в толще культурных отложений города указывает не только на их раннее появление, о чем лучше всего говорят уровни залегания наземных построек, обнаруженных в ближайших к матерiku отложениях (табл. 1), но и на ранний период существования на городище всей этой группы жилищ в целом. Это в полной мере подтверждается как данными раскопок самих жилищ, так и стратиграфией культурного слоя, к которому они принадлежали.

Как уже отмечалось, в изучаемой группе жилищ зафиксированы случаи, когда одни постройки перекрывали другие, что чрезвычайно важно для выяснения строительных

²³ В предлагаемой работе отчет глубин ведется снизу, от уровня материка, принятого условно за «0». В данном случае первый полуметр культурных отложений — это самые нижние слои, залегающие на глубине от 0 до +0.5 м.

Таблица 1

Поглубинное залегание полов жилищ салтово-маяцкой группы на площади городища

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
0.4	—	—	—	96	74
0.3	125	—	—	94	—
0.2	—	—	—	93, 69, 71, 120, 122	92, 121
0.1	66, 103	61	—	67, 68	72
0	77, 79, 102	—	—	82, 90, 95, 99	84, 80
—0.1	97	—	—	81, 88, 1011	60
—0.2	78	—	—	—	25
—0.3	76	—	—	—	—
—0.4	—	—	—	42	—
—0.5	59, 115, 117, 75	—	—	14	22
—0.6	—	—	—	10, 13, 16, 5, 1	—
—0.7	116	62, 63	—	12	65
—0.8	58	—	—	—	—
—0.9	—	—	—	—	—
—1.0	64	—	—	—	—

Примечание. В табл. 1—9 цифры, выделенные жирным шрифтом, обозначают полуземляночные жилища, цифры, выделенные курсивом, — наземные жилища, светлые прямые цифры — тип постройки не установлен.

периодов. Важность отмеченных случаев особенно усиливается для данной группы тем, что среди них имеются такие, где полуземляночные постройки перекрываются наземными. Это дает возможность установить для данной полуземлянки, а тем самым приближенно и для других однородных жилищ этой группы, глубину, на которую они были опущены, что в свою очередь позволяет с большей точностью определить как мощность культурного слоя, с которым эти жилища увязываются, так и интенсивность застройки города жилищами этой группы. Для рассматриваемой группы жилищ известно два таких случая. В первом из них полуземлянка № 82 перекрывала полуземлянку № 10; однако сказать, что разница в уровнях их полов, равная 60—70 см, является той глубиной, на которую жилище № 10 было опущено, мы не можем в силу того, что перекрывавшая ее постройка также

была полуземляночной. Во втором случае, и это представляется важным, постройка № 93, перекрывавшая полуземляночное жилище № 5, была жилищем наземным, т. е. уровень пола ее соответствовал уровню дневной поверхности жизни самой постройки. Таким образом, здесь (табл. 1) мы можем точно сказать, что полуземляночная постройка № 5 имела заглубление 80—90 см. Если при этом учесть, что полуземляночные постройки на других памятниках той же культуры (например, полуземляночные жилища, раскопанные И. И. Ляпушкиным на поселениях у хутора Карнаухова и у станции Суворовской)²⁴ имеют примерно такое же заглубление то, восстанавливая, насколько возможно, уровни, с которых жилища нашей группы могли быть спущены, можно прийти к выводу, что подавляющая масса этих жилищ, а может быть и вся группа, которую они составляют, ложится в первый, стратиграфически самый нижний метр культурных отложений города и относится к наиболее раннему по времени периоду его жизни.

Анализируя данные раскопок, представляется возможным выделить в их составе несколько построек и различных по своему назначению ям, по всей вероятности предшествовавших времени возникновения крепости. Это прежде всего постройка № 115, а также, очевидно, постройки №№ 59, 117, 58 и 64, расположенные в районе западной угловой башни. Все перечисленные жилища, как об этом уже упоминалось при их описании, оказались забутованными в верхней своей части очень плотным, едва отличимым от материка заполнением, как правило, лишенным каких-либо находок. Подобное заполнение встречено и в ямах №№ 9, 10, 11, 23, 24, 29а, 37, 39, 46, 48 и др., расположенных, как и упомянутые постройки, в районе той же западной угловой башни. При этом следует указать, что в жилищах, обнаруженных в других частях крепости, ничего подобного не наблюдалось.

Тот факт, что забутованная подобным образом постройка № 115 оказалась к тому же срезанной рвом и, таким образом, ко времени строительства последнего была уже заброшенной, а яма № 37, имеющая в своей

верхней части аналогичную забутовку, была даже частично перекрыта слоем известкового раствора, образовавшимся во время кладки стен крепости, дает основание видеть в перечисленных постройках и ямах сооружения, по времени предшествовавшие строительству кирпичной крепости. Забутовка указанных построек и ям, расположенных как с внешней стороны крепости (жилища №№ 115, 117), так и внутри нее (жилища №№ 59, 58 и 64), аналогичным по своему составу заполнением представляется результатом произведенной здесь подготовки площадки под крепостное строительство.

В самом деле, трудно себе представить, чтобы целая группа врезанных в материк сооружений оказалась заполненной однородным грунтом по каким-то другим причинам, не связанным с процессом выравнивания строительной площадки. А если это так, если забутовка является результатом произведенных здесь нивелировочных работ, тогда предположение о существовании указанных сооружений до постройки самой крепости является наиболее вероятным.

Прямым подтверждением предположения о производившихся нивелировочных работах на месте будущей крепости являются отмеченные еще в период раскопок 1949 г. факты оседания отдельных участков крепостных стен в находившиеся возле них и под ними более ранние ямы. Так, например, на участке северо-западной крепостной стены было обнаружено два таких случая. Первый из них представлял собой небольшой участок ямы, перекрытой просевшим в него грунтом с сохранившимися на нем отпечатками кирпичей. Во втором случае стеной оказалась перекрыта почти полностью вся яма, контуры которой очень хорошо прослеживаются в силу происшедшей здесь осадки почвы. При этом следует учесть, что строители крепости, как это установлено раскопками, укладывали кирпичи на материковую поверхность, освобожденную от покровных слоев. Отсюда, естественно, имевшиеся ямы и неровности они должны были засыпать грунтом и выравнивать. Случаи, подобные перечисленным, можно пополнить материалами последующих лет раскопок. Так, на раскопе II в период раскопок 1950 г. северо-западная стена Г-образного здания (здание I), дошедшая до нас, как и большинство кирпичных сооружений, лишь в виде сохранившихся на материке отпечатков

²⁴ И. И. Ляпушкин. 1) Карнауховское поселение, стр. 290, 295; 2) Средневековое поселение близ ст. Суворовской. Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 325.

кирпичной кладки, имела волнообразную поверхность в силу оседания отдельных ее участков в находящиеся под ними ямы.²⁵

На раскопе I кладка стен южного приворотного помещения на квадратах Γ_5-D_6 , D_5-E_6 , Γ_6-D_7 , D_6-E_7 также прогибается в заходящие под них ямы.

В период раскопок 1951 г. подобные случаи можно было наблюдать при раскопках поперечной оборонительной стены, где, например, на центральном ее участке, в квадратах $E_4-П_5$, $З_5-П_6$, стена почти полностью перекрывала находящуюся под ней значительную по своим размерам яму. Эта же стена на юго-западном участке, на квадратах $P_{10}-П_{11}$, $П_{10}-O_{11}$ (рис. 1) и $C_{10}-T_{11}$, $C_{11}-T_{12}$,²⁶ в первом случае частично, во втором почти полностью перекрывала находящиеся под ней ямы.²⁷

Наконец, в этой связи любопытным является и обнаруженное при раскопках 1949 г. оседание части западной угловой башни, по-видимому, в находившуюся под ней более раннюю яму.²⁸ Здесь, как это видно по расположению кирпичей в сохранившейся кладке, башня в самом начале работы по ее возведению начала сильно оседать²⁹, что вызвало у строителей необходимость компенсировать происшедшее оседание сохранившимися до нас дополнительными рядами иначе положенных кирпичей.

Если обратиться к самим жилищам поселения, предшествовавшего сооружению крепости, то все они, за исключением постройки № 117, ориентированы своими сторонами по странам света, а не по направлению стен крепости, что для последующих периодов жизни города станет отличитель-

ной чертой в планировке жилищ, расположенных внутри укрепления.

Кроме того, из 5 относящихся к поселению построек 3 (жилища №№ 59, 58 и 64) были овальные в плане, т. е. представляли более древнюю форму жилища, тогда как в период существования самой крепости из 48 построек, принадлежащих населению той же культуры, только 2 постройки (№№ 1 и 60) можно предположительно отнести к тому же типу.

К этому добавим, что с постройками этого поселения увязываются основные находки лепленной от руки керамики салтово-маяцкого типа.

В пользу сделанного предположения о существовании поселения на месте будущей крепости говорят также захоронения в ямах №№ 15, 25, 37, 38, 52 и в яме а, нарушенной жилищем № 116, обнаруженные у западной угловой башни крепости, с внешней стороны юго-западной оборонительной стены. Погребения эти представляют собой, несомненно, самостоятельный могильник, относящийся стратиграфически ко времени, предшествующему постройке крепости.³⁰ Все они, идентичные по обряду, были опущены с уровня ближайшей к материке дневной поверхности; к тому же яма № 37 с находившимся в ней погребением оказалась перекрытой слоем известкового раствора, натекшего на нее во время кладки стены.³¹ Могильник этот, по-видимому, принадлежал упомянутому поселению.

Здесь же следует отметить, что в обнаруженных вокруг крепости и относящихся ко времени ее существования могильниках подобных по обряду захоронений найдено не было, хотя в составе населения крепости, оставившего эти захоронения, рассматриваемая этнографическая группа продолжала существовать. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что после ликвидации поселения эта группа создала свое кладбище где-то отдельно от могильника, принадлежащего остальному населению города.

²⁵ См.: П. А. Раппопорт. Крепостные сооружения Саркела. Настоящее издание, рис. 24.

²⁶ Там же, стр. 25, рис. 20; см. также рис. 24.

²⁷ Там же, рис. 24.

²⁸ В большинстве случаев ямы, оказавшиеся частично под кирпичными стенами, были вырыты после их сооружения. (Ред.).

²⁹ По поводу причин оседания башни существует и другое мнение. О. А. Артамонова считает, что башня своим углом не осела, а сползла по находившемуся под ней склону, что и вызвало у ее строителей необходимость связать сползающую кладку с остальной частью башни рядами иначе положенных кирпичей. Однако трудно себе представить, чтобы строители крепости допустили устройство наиболее ответственной части укрепления, каким является башня, на склоне без необходимых подготовительных нивелировочных работ.

³⁰ К этому могильнику, по-видимому, относятся обнаруженные в этой же части городища ямы №№ 2 и 46 с находившимися в них захоронениями собак.

³¹ Кроме погребения в яме № 37, экспедицией было обнаружено и другое погребение, которое оказалось перекрытым крепостной стеной (погребение в яме № 19); последнее, по определению М. И. Артамонова, относится к срубной культуре.

Разрыв между временем существования предполагаемого поселения и временем сооружения крепости, вероятно, был незначителен. На это указывает наличие аналогичных по своей конструкции построек в со-

культуры в ее южном (Нижне-Донском и Северо-Кавказском) варианте, датируемом в науке VIII—X вв. Характерная для этой группы жилищ керамика, представленная на городище обломками и целыми экземпля-

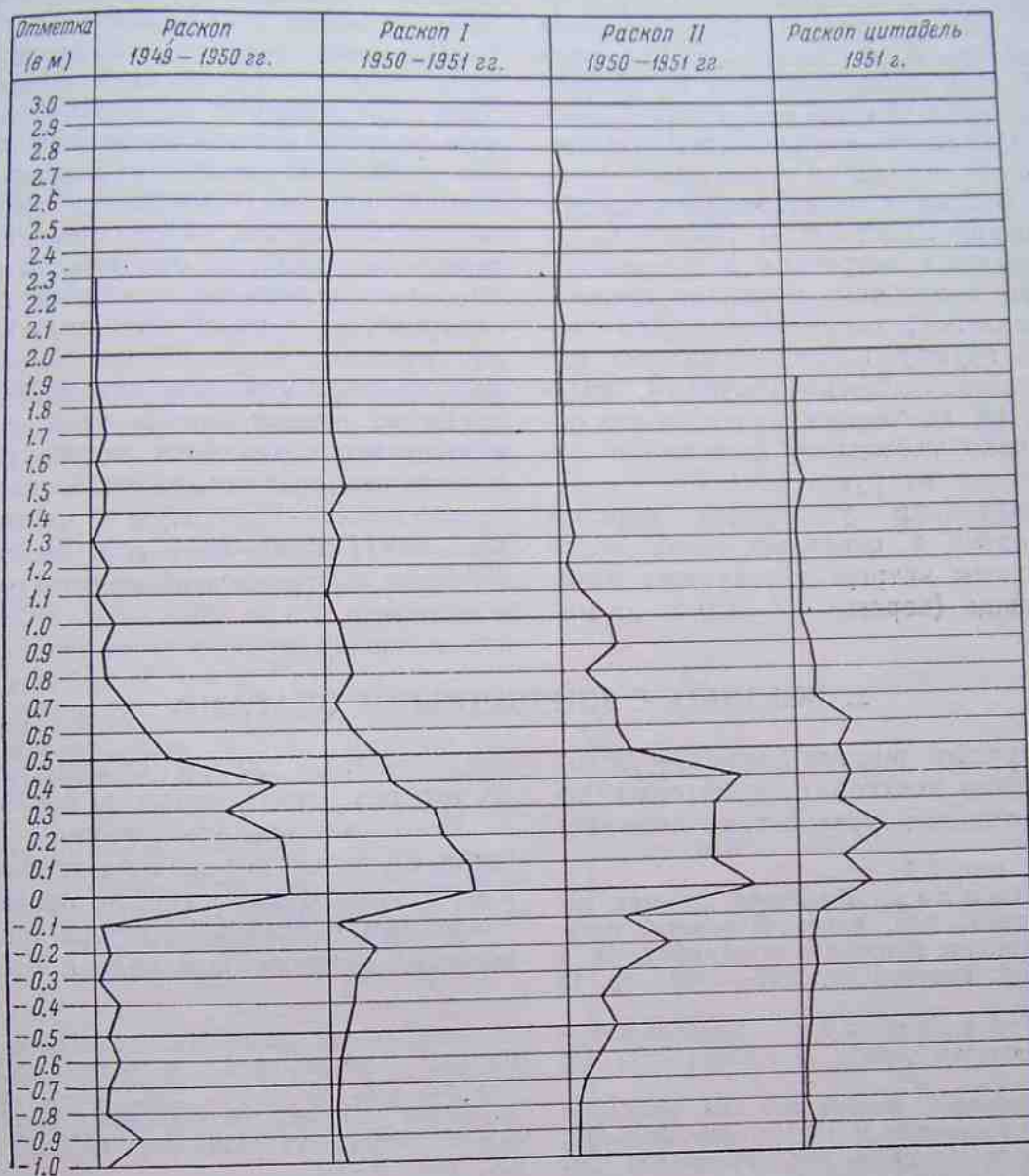

Рис. 18. Схема послойного распространения керамики салтово-маяцкого типа на площади городища (по раскопам; 1 лин. мм = 50 обломкам сосудов).

ставе жилищ поселения и крепости. Об этом же говорит и то, что вся рассматриваемая группа жилищ, несмотря на отмеченное некоторое различие по времени, а также по типам и конструкции, сопровождалась единым по своему составу комплексом керамического и другого вещевого материала, известного по памятникам салтово-маяцкой

рами различных по своим формам сероглиняных лощеных и орнаментированных частыми круговыми бороздками сосудов,³² широко известных по многим памятникам этой культуры, содержит в себе характер-

³² С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 213—221, рис. 1—9.

ные для южной группы памятников этой культуры сосуды с внутренними ушками.³³ Остатки таких сосудов были встречены в поселении А на Азовском побережье, близ Тагаирога, на Золотой Косе,³⁴ а также в поселениях у хуторов Потайновского³⁵ и Карнаухова.³⁶ Эти сосуды М. И. Артамонов знает по сборам А. А. Иессена на городище Рымгора.³⁷ Они также известны по раскопкам Тмуторокани³⁸ и по раскопкам Правобережного Цимлянского городища.³⁹ За пределами нашей страны подобная керамика известна в Болгарии по материалам из раскопок городищ Плиска⁴⁰ и Попино.⁴¹ Эта же керамика встречена в Румынии.⁴²

Не давая подробного описания керамического комплекса, характеризующего рассмотренную группу жилищ, укажем, что наряду с разнообразными сосудами, изготовленными на гончарном круге, в его составе встречено небольшое количество посуды, лепленной от руки.

Стратиграфически указанный керамический комплекс в основной своей массе связан с первым метром культурных отложений городища (первые 0.8—1.0 м от ма-

терика; рис. 18), т. е. с теми наиболее ранними слоями, в которых располагалась и рассмотренная группа жилищ.⁴³

Таким образом, само расположение керамических остатков в нижних слоях культурных отложений города определяет время существования этих жилищ.

При этом необходимо отметить, что количественное соотношение вошедших в таблицу керамических остатков (по раскопам) находится в прямой зависимости от расположения самих жилищ на площади городища. На тех участках городища, где сосредоточивались жилища, концентрировались и керамические находки (ср. табл. 2 и рис. 20). Это дает основание заключить, что рассмотренная группа жилищ, появившись на городище в ранний период заселения, расположилась в сооруженной здесь крепости не равномерно на всей ее площади, а лишь в определенных частях укрепления, в основном в районе западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.) и в районе здания I (раскоп II 1950—1951 гг.). Небольшое количество построек этой группы обнаружено в цитадели.

2. ЖИЛИЩА С КИРПИЧНЫМИ ОЧАГАМИ

Вторую группу жилищ Саркела—Белой Вежи составляли постройки, у которых основным отопительным устройством являлись

³³ Там же, стр. 223, рис. 10.

³⁴ М. И. Миллер. Керамика древних поселений Приазовья. Зап. Северо-Кавказск. краевого общ. археологии, истории и этнографии, кн. 1 (т. II), вып. 3—4, Ростов-Дон, 1927—1928, стр. 18 и сл.

³⁵ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 49, рис. 29.

³⁶ См. коллекцию материалов из раскопок Карнаухова поселения за 1951 г., инв. №№ 341, 357; коллекция хранится в Гос. Эрмитаже. См. также: И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение, стр. 263.

³⁷ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 50, прим. 1.

³⁸ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани, МИА 6, 1940, табл. I, II.

³⁹ См. коллекцию материалов из Правобережного Цимлянского городища, инв. № 2282; коллекция хранится в ЛОИИМК АН СССР.

⁴⁰ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. IX, рис. 7; Станчо Р. Станчев. 1) Раскопки и новооткрытые материалы в Плиска през 1948. Изв. на Археологическия институт, XX, София, 1955,

квадратные в плане очажки, сложенные из четырех поставленных на ребро кирпичей.

Всего жилищ этой группы учтено 69 (табл. 2), из них только 2 постройки (№№ 335 и 383) относительно хорошо сохранили свои очертания, остальные жилища дошли в чрезвычайно разрушенном виде и представляли

стр. 193 и сл., рис. 11а, 14, 15, 1, 18, 3, 4; 2) Каталог на керамиката от некропола до Нови Пазар. Там же, стр. 337 и сл., рис. 1, 4—5, 6; 3) Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 126, рис. 13, 1—5, стр. 118 и сл., рис. 8—10.

⁴¹ М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. Предисловие к работе Живки Н. Вържаровой «Славяно-Българското селище край село Попино Силистренско». София, 1956, стр. 3—10.

⁴² Petri Diaconu. Cu privire la problema căldărilor de lut în epoca feudală timpurie (sec. X—XIII). Studii Si Gergetari de istorie veghe, т. VII, N 3—4, 1956, рис. 2—6.

⁴³ Керамические остатки на раскопе Ia не учитывались ввиду того, что культурные слои на этом участке крепости оказались сильно нарушенными многократными перекопами и в процессе раскопок были сняты скрепером.

собой либо незначительные остатки глинобитных полов с находившимися в них очагами,⁴⁴ либо одни очаги,⁴⁵ либо остатки одних полов.⁴⁶

Несмотря на плохую сохранность, жилища этой группы содержали некоторые остатки как самой конструкции построек, так и характеризующий их керамический и другой вещевой инвентарь. Так, например, в жилищах №№ 629, 647, 224, 335 и 479 обнаружены были гнезда от опорных столбов, при этом в жилищах №№ 224 и 335 сохранились остатки стен в виде скопления кусков обмазки с отпечатками на них прутьев; в жилище № 335 обнаружены ямки от кольев плетня и горелые прутья, что указывает на присутствие в рассматриваемой группе построек столбовой конструкции со стенами, забранными плетнем и покрытыми с обеих сторон слоем глины.

К постройкам этой же конструкции, по всей вероятности, относятся жилища №№ 523, 179 и 683, от которых сохранились развалы глиняной обмазки и горелые прутья плетня, а также постройки №№ 622, 580, 577, 550, 992, 1006 и 499, в остатках которых обнаружены горелое дерево и скопления глиняной обмазки.

Распространение за пределы жилищ следов пожара (жилище № 248), а также развалов обмазки стен (жилище № 179) указывает на то, что для рассматриваемой группы характерны жилища наземного типа.

О размерах жилищ и их планировке можно судить по остаткам постройки № 335, обнаруженной в цитадели на квадратах У₁₆—Т₁₇, У₁₇—Т₁₈ на глубине 0.95 м. Она (рис. 19, 1) представляла собой прямоугольное в плане помещение с глинобитным полом и гнездами от столбов по углам (диаметр 0.2—0.3 м), размеры ее 3.1 × 2.45 м. Между столбами по юго-западной стороне сохра-

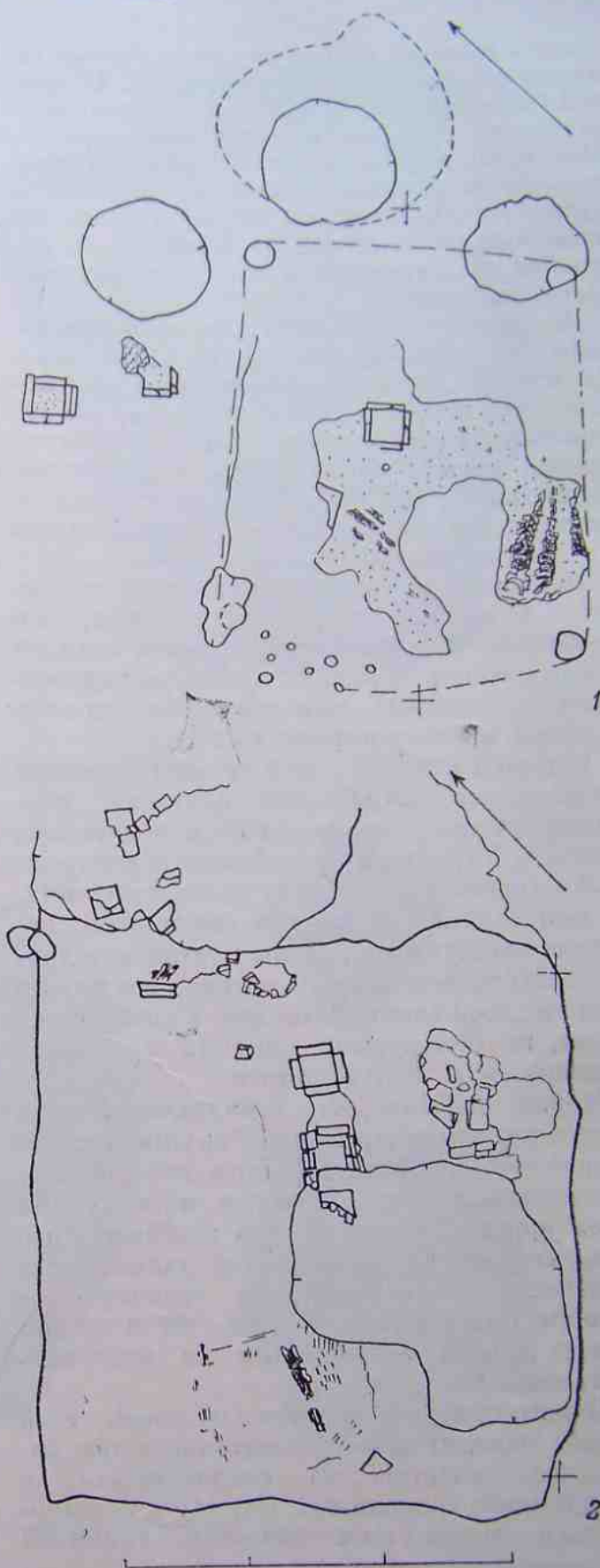

Рис. 19. Жилища с кирпичными очагами (тюркские) (план).

1 — жилище № 335; 2 — жилище № 383.

⁴⁴ Жилища №№ 248, 428, 402, 181, 174, 178, 295, 313, 224, 225, 430, 414, 411, 179.

⁴⁵ Жилища №№ 314, 358, 373, 360, 182, 338, 357, 260, 432, 435, 429, 354, 160, 412, 159.

⁴⁶ Принимая во внимание сохранившиеся остатки конструкций жилищ, а также сопровождавшую их керамику и опираясь на эти данные как на сумму признаков, считаем возможным отнести к рассматриваемой группе построек жилища №№ 573, 629, 647, 177, 489, 1006, 881, 801, 877, 774, 772, 699, 700, 790, 627, 452, 622, 609, 580, 540, 572, 577, 578, 498, 550, 494, 500, 523, 479, 486, 491, 992, 993, 450, 499, 999, 927 и 683, у которых ввиду значительной их разрушенности не сохранилось кирпичных очагов.

нились ямки от кольев плетня и куски глиняной обмазки со следами прутьев. В средней части жилища, на обожженном, покрытом зольными пятнами и остатками горелого дерева полу располагался кирпичный очажок, заполненный золой и угольками. Судя по сохранившимся остаткам глинобитного пола жилища № 383 (рис. 19, 2), постройки этой группы были и более крупных размеров.

Крыши у разбираемых жилищ, вероятно, были легкие, камышовые и соломенные. На это указывают сохранившиеся под обмазкой рухнувших стен в постройке № 992 скопления горелой куги, такие же остатки горелой куги и соломы обнаружены в постройках №№ 622, 486, 683, а также скопления золы и горелого дерева, наблюдавшиеся и в других постройках.

Несмотря на то, что приведенные сведения в высшей степени отрывочны, они все-таки дают возможность уловить хотя бы в самых общих чертах те своеобразные особенности, которые выделяют эти жилища из общей массы построек города.

Только в жилищах этой группы основным отопительным устройством являлись кирпичные очаги, располагавшиеся в середине построек. Характерную особенность построек можно видеть и в том, что во всех случаях, где они сохранили остатки своих стен, последние представляли следы плетня или другого легкого деревянного остова, покрытого толстым слоем глины. Наконец, в этой группе жилищ не обнаружено никаких признаков землянок или полуземлянок.

Можно полагать, что земляночного типа построек в рассматриваемой группе жилищ совершенно не было. Об этом говорят как перечисленные выше остатки конструкций самих жилищ, так и то, что жилища этого рода, как это будет видно из дальнейшего изложения, появившись на городище со времени постройки крепости, ни в одном случае своими основаниями не врезались в материк.⁴⁷

Отмеченное своеобразие построек этой группы находит себе соответствие в тех материалах, которые их сопровождали, и прежде всего в керамике. Наряду с незначительным количеством обломков глиняной

посуды, известной на городище по другим группам построек,⁴⁸ керамика в рассматриваемых жилищах в основной своей массе представлена обломками и целыми экземплярами сосудов, впервые обнаруженных в Саркеле—Белой Веже в большом количестве, позволяющем выделить их в самостоятельный комплекс. Назовем эту керамику условно керамикой саркелского типа.

Ее составляют лепленные от руки, разнообразные по форме и назначению плоскодонные сосуды (горшки, кувшины, котлы с внутренними ручками, сковородки, крышки, светильники и др.),⁴⁹ в большинстве своем богато украшенные гирляндобразным и иным врезным и штампованным орнаментом (рис. 20). На некоторых из них были встречены нанесенные по сырому тесту отдельные знаки или группы их, по-видимому служившие для обозначения собственности (рис. 20, 3—5).⁵⁰ Сосуды, относящиеся к этому комплексу, встречены в Саркеле не только в культурных слоях города, но и в прилегающем к нему могильнике.⁵¹

По сумме характерных признаков (состав теста, способ изготовления, формы сосудов, прием орнаментации и орнаментальные мотивы, а также обжиг) керамика саркелского типа является самостоятельной категорией, не совпадающей с другими, имеющимися в Саркеле—Белой Веже керамическими комплексами, что указывает на принадлежность характеризуемых ею жилищ особой этнической группе населения города. Однако решить вопрос о том, какой этнической группой населения крепости оставлены рассмотренные нами жилища, на материалах одного памятника невозможно. Такая задача может быть разрешена лишь при условии привлечения аналогичных материалов из других мест.

В настоящее время керамика, характерная для этой группы жилищ Саркела, известна не только в пределах южнорусских степей, где она встречена в погребальном

⁴⁸ Мы имеем в виду керамику салтово-маяцкого типа, роменско-боршевскую и русскую, сопровождавшие соответствующие группы жилищ, а также встреченную в этих группах привозную керамику.

⁴⁹ С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 231—239, рис. 15—25.

⁵⁰ А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 392, табл. III.

⁵¹ С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 237, рис. 22.

⁴⁷ Именно потому, что эта группа жилищ состояла из легких наземных построек (типа турлучных), она, по-видимому, и имела столь плохую сохранность.

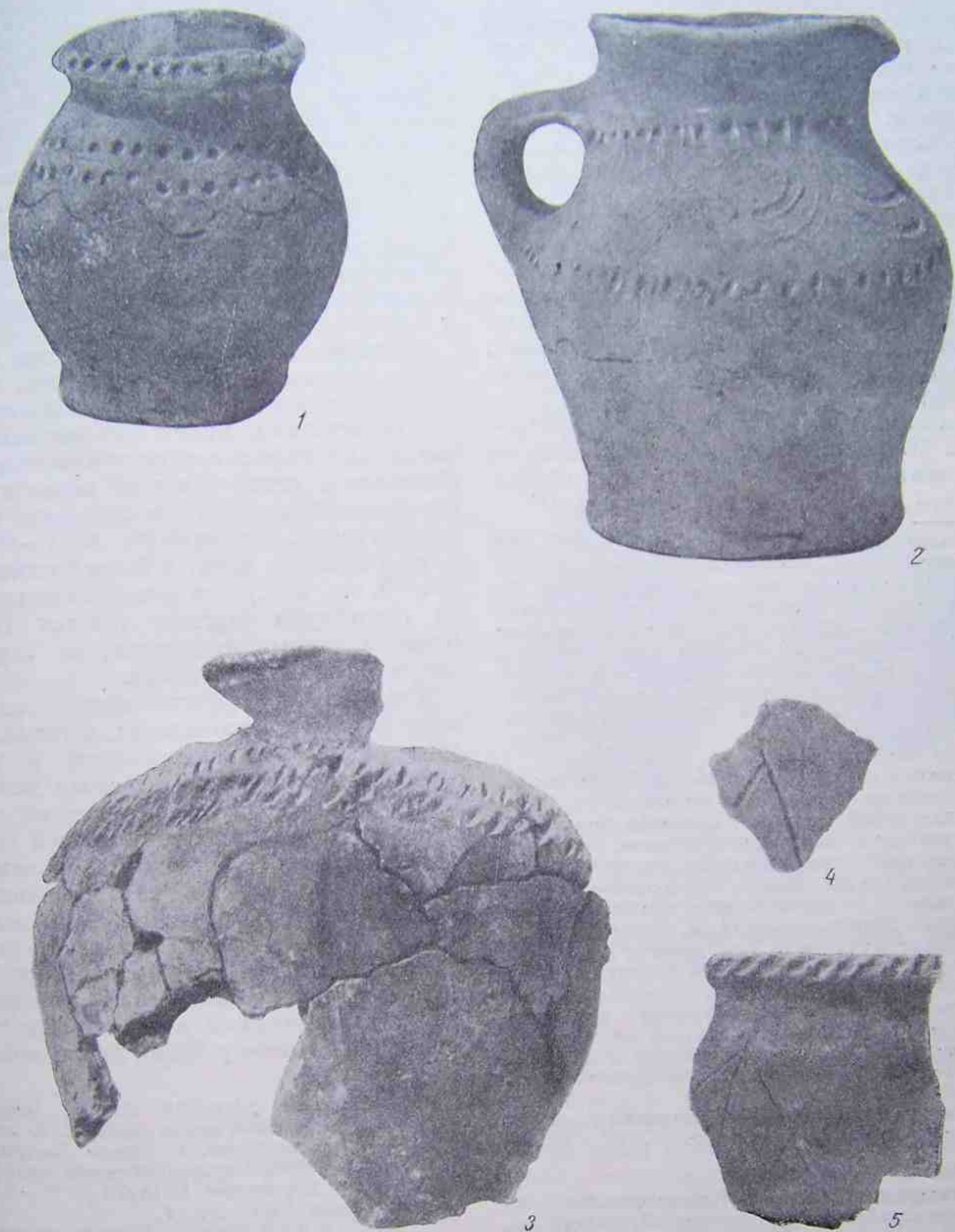

Рис. 20. Образцы керамики саркелского типа.
1, 2 — типы сосудов; 3—5 — знаки на сосудах.

инвентаре кочевника X в., обнаруженного у с. Покровского, под Таганрогом,⁵² она хорошо известна в Тмутарокани,⁵³ где датируется исследователями X—XI вв.,⁵⁴ и на Кубани.⁵⁵ Эта же керамика обнаружена П. С. Рыковым в степях — в районе г. Элисты,⁵⁶ а также на левом берегу Волги, у с. Балхуны,⁵⁷ и в районе ст. Сероглазово.⁵⁸ На левом же берегу Волги ее встретил К. Ф. Смирнов у с. Быкова в составе инвентаря позднекочевнического захоронения.⁵⁹

Керамика саркелского типа обнаружена также и нами на левом берегу Волги, в ее низовьях, у ст. Досанг и сел. Селитренное, Малый Арал, Исекей, Ланас, Новый Карузек и др.⁶⁰

Керамика, сходная с саркелской, встречена А. Н. Бернштамом в Средней Азии — в Киргизии и прилегающих к ней районах Узбекской и Казахской ССР (Семиречье)⁶¹ —

⁵² Таганрогский ИКМ, инв. №№ 164—171 (погребение у с. Покровского, 1927—1928 гг.); см.: С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 231 прим. 38.

⁵³ Материалы Таманской археологической экспедиции 1931—1932 гг., хранящиеся в Эрмитаже (колл. № 1260, инв. №№ 720, 780, 1383, 1387, 1634, 2080, 2132, 2244, 2247—2249, 2485); см.: И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. МИА, № 6, 1941, стр. 211, табл. IV, 2, 4.

⁵⁴ Там же, стр. 218.

⁵⁵ Имеется в виду хранящийся в ГИМе бесспорный сосуд из сборов Н. И. Веселовского. Сосуд представляет собой небольших размеров, лепленный от руки горшок с шаровидным туловом, с невысоким, резко отогнутым венчиком, украшенный по верхней части тулова двойным рядом овальных вдавлений и поясом из двойного ряда врезных свисающих полудуг. Высота сосуда 14 см, диаметр венчика 12.7 см, диаметр тулова 15.3 см, диаметр дна 8.5 см. В свое время сосуд был отнесен исследователями к эпохе бронзы.

⁵⁶ Фонды Саратовского областного краеведческого музея, материалы разведочной археологической экспедиции 1929 г. под руководством П. С. Рыкова. Материал с дюны у ст. № 7, по дороге из Калмыцкого базара в Элисту.

⁵⁷ Там же, колл. № 2617, Материалы разведочной археологической экспедиции П. С. Рыкова, 1928 г.

⁵⁸ Там же, колл. № 1102.

⁵⁹ Материалы раскопок Нижневолжского отряда Сталинградской археологической экспедиции, 1955 г. Сосуд из погребения № 11 кургана № 10. Сосуд экспонировался в 1956 г. в Ленинграде на выставке, посвященной очередному пленуму ИИМК АН СССР.

⁶⁰ Коллекция Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Гос. Эрмитажа 1957 г. Материалы стоянок №№ 1, 6, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 21, 23, 30, 33, 35—39, 41, 47, 50, 52—54, 56, 57, 59, 62—64, 68, 75, 80, 82, 85, 90—92, 94, 96—98, 101, 105, 112, 115, 116, 122, 135, 150, 152.

и датируется там слоями V—VIII вв. н. э., т. е. тюркско-согдийским временем.⁶² Сходная же керамика известна С. П. Толстову в низовьях Сыр-Дарьи по сборам на так называемых «болотных» городищах, отождествляемых им с городами гузов.⁶³ Датируется она С. П. Толстовым также временем по VIII в. н. э. При этом автор указывает, что по стилю орнаментации керамика эта «ведет нас в древний и особенно в раннесредневековый этнографический мир тюркских кочевников Монголии, Южной Сибири, среднеазиатских и восточных степей».⁶⁴

Судя по имеющимся, пока еще чрезвычайно скудным данным, керамика саркелского типа, а стало быть и население, которое ее оставило, прямо или косвенно увязываются с тюркскими кочевыми племенами. Имеющиеся датировки этой керамики дают возможность наметить направление ее распространения. Появившись в V—VIII вв. н. э. в Средней Азии, в более позднее время (IX—X вв. н. э.) она становится известной на территории нижнего течения Волги и Дона, в калмыцких степях, на Таманском полуострове и на Кубани.

Отмеченная родственность керамики из разных местонахождений, а также хронологическая последовательность в распространении ее с востока на запад дают основание полагать, что по этнической принадлежности население юго-восточной окраины русских степей, оставившее керамический комплекс саркелского типа, по-видимому, близко родственно тюркскому населению указанных районов Средней Азии. Это подтверждают и упомянутые выше захоронения. Одно из них, таганрогское, определяется исследователями как кочевническое,⁶⁵ другое, обнаруженное у Белой Вежи, принадле-

⁶¹ Материалы раскопок А. Н. Бернштама в Таразе и с Красной речки (1938—1940 гг.) хранятся в Гос. Эрмитаже, в Отделе Востока; см.: Труды Семиреченской археологической экспедиции. Под ред. А. Н. Бернштама. МИА, № 14, М—Л., 1950. Прилож., табл. VIII, 12, 14.

⁶² А. Н. Бернштам. Согдийская культура и тюркский каганат. МИА, № 14, М—Л., 1950, стр. 72, Прилож., табл. XV.

⁶³ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, вып. 3, 1947, стр. 55—69, рис. 13—15; материалы находятся в Ленинграде, в МАЭ, в экспозиции Хорезмского зала.

⁶⁴ С. П. Толстов, ук. соч., стр. 69.

⁶⁵ С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и половцы в южнорусских степях. МИА СССР № 62, стр. 157, рис. 3, 4.

жало монголоиду южносибирского типа.⁶⁶

На тюркскую принадлежность керамики саркелского типа указывают и знаки на сосудах, нанесенные по сырому тесту, которые А. П. Щербак определяет как тамги, имевшие хождение у тюркских народов.⁶⁷

Таблица 2

Поглубинное залегание полов жилищ тюркской группы населения крепости

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп штабель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
1.9	—	—	—	—	338
1.8	—	—	—	—	—
1.7	—	—	—	—	—
1.6	—	—	—	248	881
1.5	—	—	—	—	801
1.4	—	—	—	—	877, 774, 772
1.3	—	—	—	—	—
1.2	—	—	—	—	—
1.1	—	—	314	358	—
1.0	—	—	—	—	295, 313, 699, 700
0.9	—	—	—	629, 373, 360, 647	224, 357, 260, 335, 790
0.8	—	—	—	182	627, 432
0.7	—	—	—	428	383, 452, 622
0.6	—	—	—	—	435, 225, 430, 609
0.5	—	—	—	—	580, 414, 429, 540, 572, 577, 578
0.4	—	—	—	402	354, 498, 550
0.3	—	—	—	—	160, 411, 412, 494, 500, 523
0.2	—	—	—	177, 489	479, 486, 491
0.1	—	—	573	181	179, 992, 993
0	—	—	—	174, 178	159, 450, 499, 999, 927, 683, 1006
-0.1	—	—	—	—	—

Кроме керамических остатков, в комплекс находок, сопровождавших рассматриваемую группу жилищ, входило небольшое количество вещей. Последние состояли из обломков железных ножей (жилища №№ 373, 432), гвоздей (жилище № 435), железной крицы (жилище № 181), обломков бронзовых изделий (жилища №№ 373, 181, 338), а также

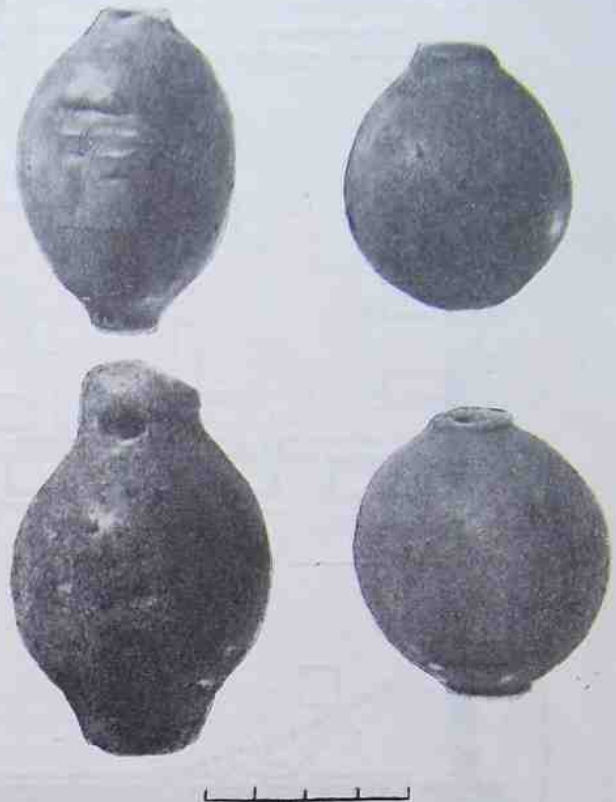

Рис. 21. Костяные боевые гири (кистени).

бронзового крестика и кольца (жилище № 373), бубенчика (жилище № 435), бронзового вотивного кинжальчика, литейной формочки (жилище № 313), хрустальной бусины (жилище № 402), костяной накладки от лука (жилище № 313), обломка стеклянного браслета (жилище № 179) и янтарной бусины (жилище № 435).

Не ставя перед собой задачи выделения вещей, характерных для группы названных построек, можно отметить, что перечисленные находки по своему составу ничем не отличаются от подобных находок, известных по жилищам других групп, и в связи с этим не могут быть признаны принадлежащими только рассматриваемой группе.

Следует лишь отметить, что на той части города, где концентрируются жилища с кирпичными очагами, из соответствующих им

⁶⁶ Материалы Волго-Донской археологической экспедиции, Малые курганы, курган № 10, погребение № 1. Антропологические определения захороненного сделаны В. В. Гинзбургом.

⁶⁷ А. М. Щербак, ук. соч., стр. 365.

слоев происходят многочисленные накладки, пластинки, пряжки и другие изделия из кости, а также шаровидные и иной формы костяные предметы — кистени (рис. 21), которые вероятнее всего принадлежали населению, оставившему нам эти жилища.

на площади, примыкающей к южной угловой башне крепости цитадели (табл. 2), остальные — в районе центра крепости и у средней части юго-западной оборонительной стены (раскопы Ia и II). Как видно на рис. 22, рассматриваемые жилища своим

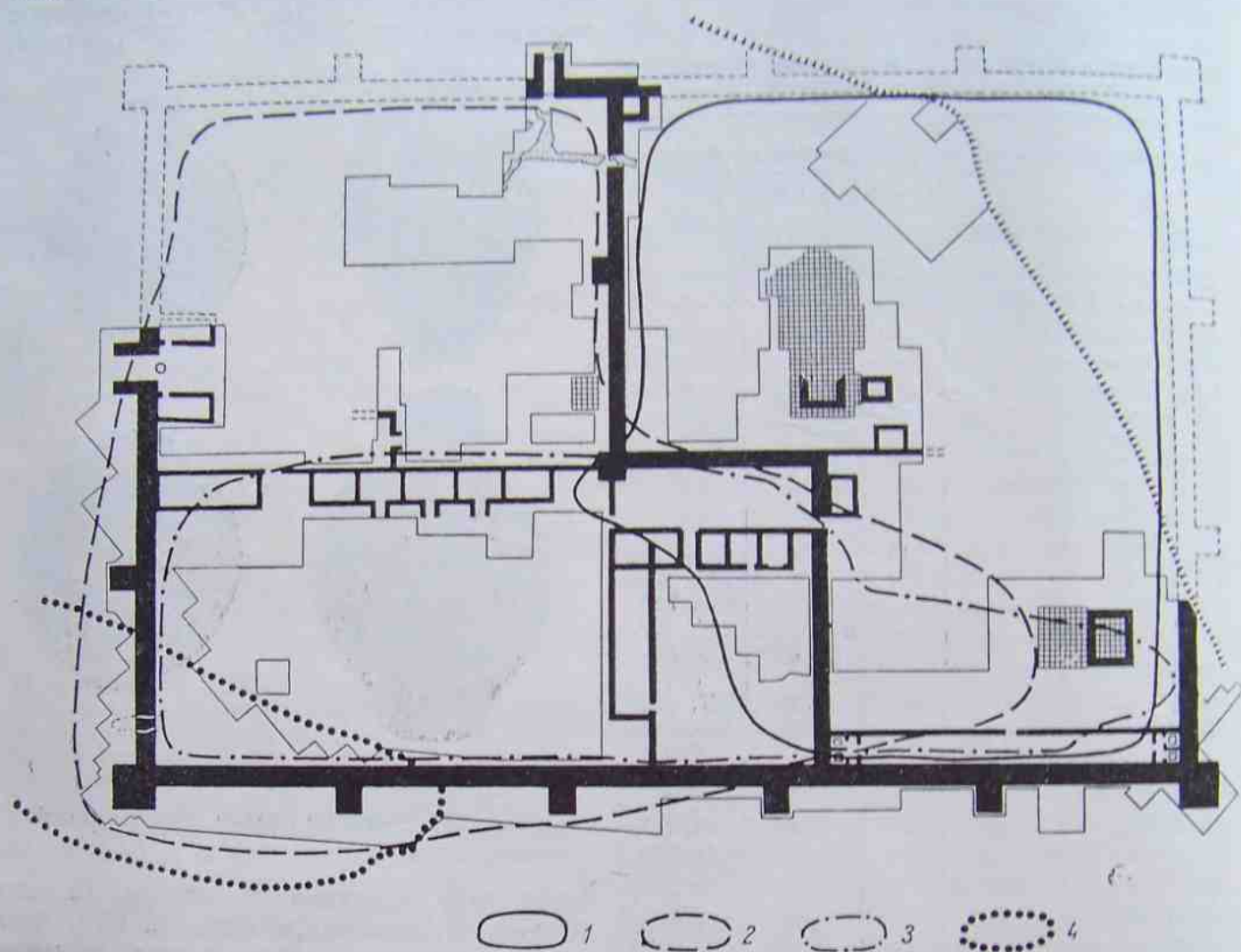

Рис. 22. Схема распространения на площади городища жилищ салтово-маяцкой, тюркской и боршевской группы.

1 — территория крепости, занятая тюркскими постройками; 2 — территория крепости и городища, занятая постройками салтово-маяцкого типа; 3 — территория крепости, занятая постройками боршевского типа; 4 — территория городища, занятая постройками салтово-маяцкого типа, предположительно относящимися ко времени до постройки крепости.

Самостоятельность рассматриваемой группы построек как по типу характерных для нее очагов, так и по сопровождающему ее керамическому комплексу подтверждается и самим расположением входивших в нее жилищ на территории городища. Все жилища этой группы располагались только в южной половине крепости (табл. 2, рис. 22). Часть из них, притом основная, обнаружена была

расположением занимали единый район заселения.

Чтобы решить вопрос о времени появления интересующей нас группы жилищ на городище, необходимо посмотреть, как эти жилища залегали в толще культурных отложений города, а также определить, в каком соотношении находятся они с теми слоями, характерный керамический материал

которых совпадает с материалом, происходящим из этих построек.

Распределение жилищ этой группы по глубинам залегания их полов показано в табл. 2 на стр. 71.

ставляли собой наземные сооружения, можно заключить, что постройки этой группы появились в крепости в самый ранний период ее существования. Такое заключение наилучшим образом подтверждается залега-

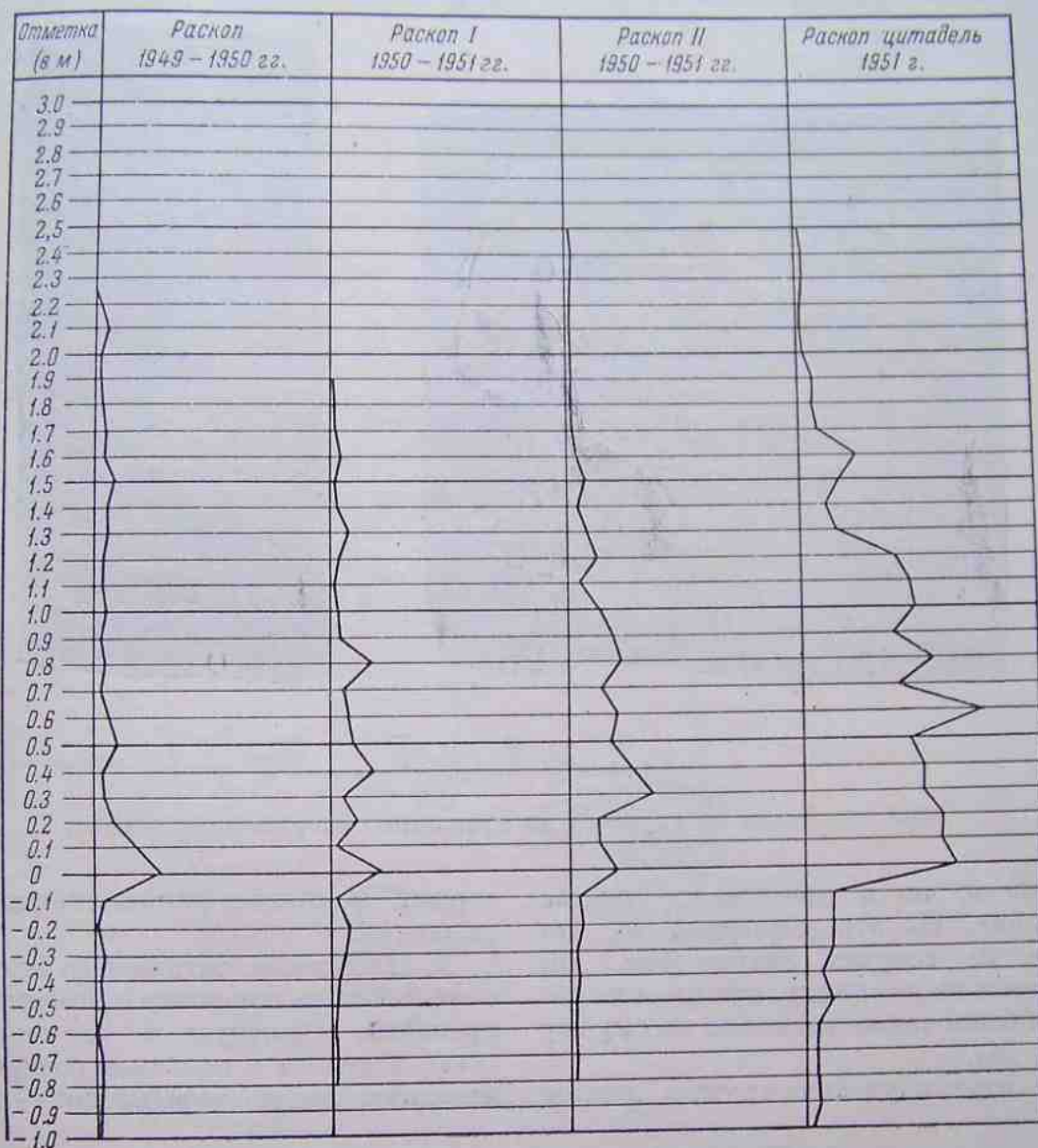

Рис. 23. Схема послойного распространения керамики саркелского типа на площади городища (по раскопам; 1 лин. мм = 50 обломкам сосудов).

Как видно из этой таблицы, они в основном залегали в нижнем слое — в первом метре культурных отложений города, при этом в подавляющем своем большинстве они располагались в цитадели, образуя собой для этих глубин основную массу построек этой части крепости.

Исходя из распределения жилищ по глубинам залегания и учитывая, что они пред-

нием слоев культурных отложений, которые содержат в себе характерные для этой группы жилищ керамические остатки (рис. 23).

Керамика саркелского типа, как это видно из прилагаемой схемы, появляется в культурных отложениях города с самых нижних слоев. Залегая основной своей массой в первом метре культурных напластований, она встречается и выше, но в значительно мень-

шем количестве. Большинство ее сосредоточено в цитадели.

Население, оставившее рассмотренную группу жилищ и сопровождавшую ее керамику, по всей вероятности, не только появилось в самый ранний период существо-

с кирпичными очагами, можно прийти к следующим выводам.

1. Постройки этой группы вместе с характеризующей их керамикой саркелского типа представляют собой самостоятельный, до сих пор неизвестный в археологии этно-куль-

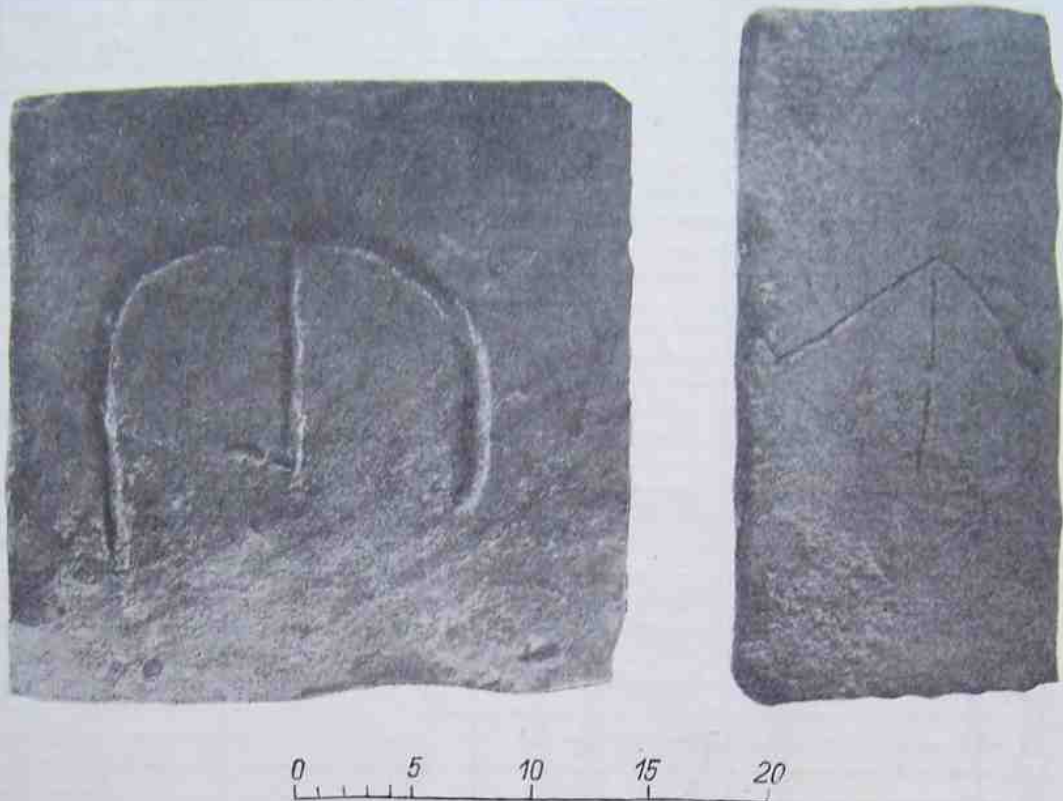

Рис. 24. Знаки на кирпичах из крепостных сооружений Саркела.

вания крепости, но и принимало участие в ее постройке. На это указывает то, что встреченные на сосудах знаки (рис. 20, 3—5) имеются и на кирпичах, при этом на последних они были также нанесены по сырому тесту (рис. 24).

Подводя итог изучению группы жилищ

турный комплекс, определяемый нами как тюркский.

2. Население, оставившее этот комплекс, появляется на городище с момента постройки крепости, участвует в ее сооружении и затем заселяет в основном совершенно определенную часть укрепления — цитадель.

3. ЖИЛИЩА С ПЕЧАМИ-КАМЕНКАМИ

Третью группу жилищ составляют постройки с печами-каменками. Всего жилищ, относящихся к этой группе, на городище обнаружено 30 (табл. 3). Все они, судя по тому, из какого материала были сооружены характерные для них печи, могут быть разделены на жилища, печи которых были сложены целиком из камня (булыжник, чаще песчаник и известняк) с единичными или незначительными включениями в их конструкцию битого кирпича (жилища №№ 45, 40, 8, 6, 49, 18 и 19), и жилища, печи которых

были сложены либо из камня с применением большого количества целых кирпичей и их обломков, либо целиком из кирпичей и их обломков (жилища №№ 220, 53, 32, 31, 52, 43, 9, 11, 54, 29, 55, 41, 44, 50, 51, 48, 21 и 27).⁶⁸

Печи первой конструкции устраивались следующим образом: из нескольких крупных

⁶⁸ В постройках №№ 20 и 26 печи, по-видимому, были уничтожены более поздними перекопами; в постройке № 4 печь могла остаться в нераскопанной части жилища.

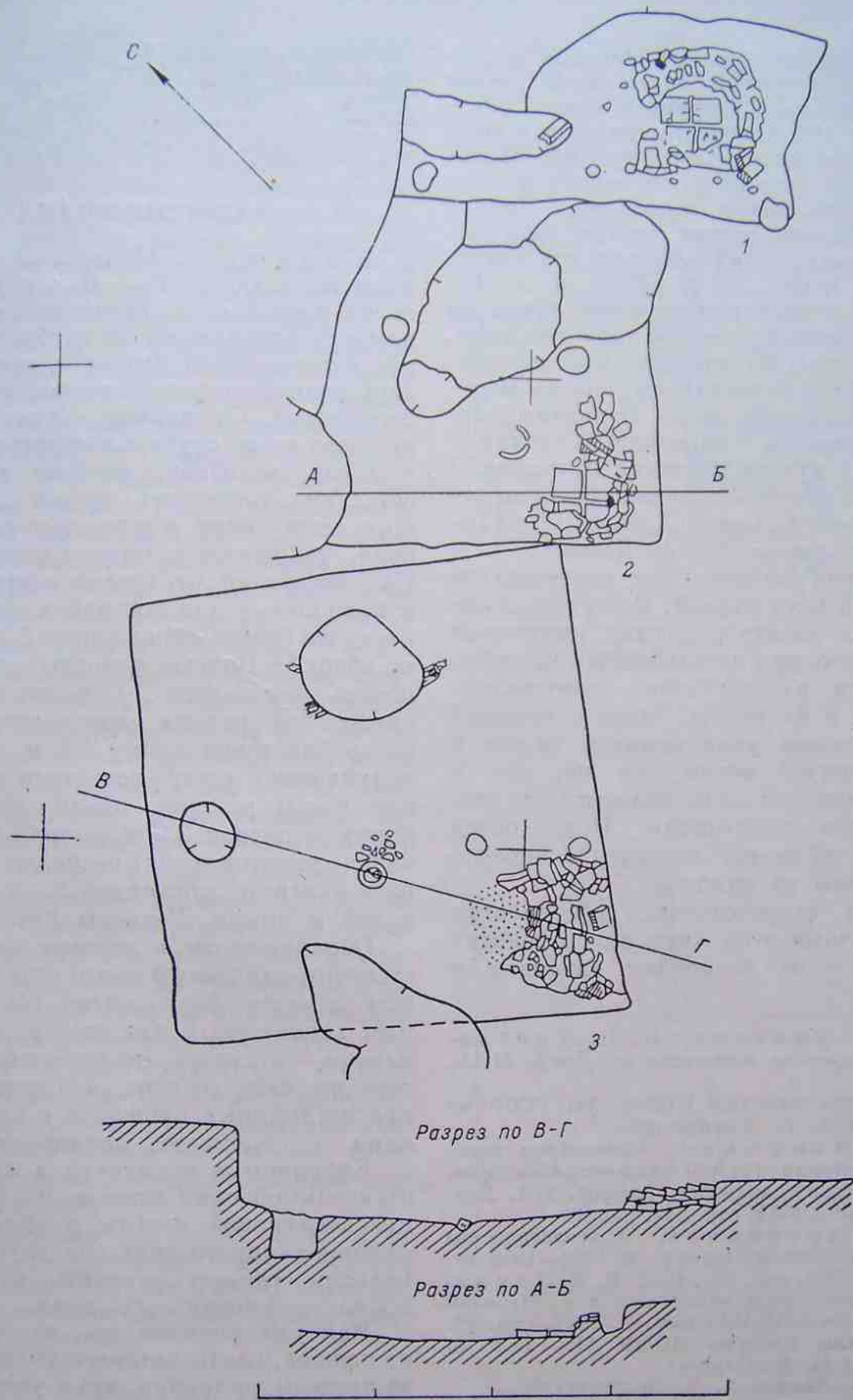

Рис. 25. Комплекс жилищ с печами-каменками у средней части юго-западной стены крепости (план и разрезы).

1 — жилище № 29; 2 — жилище № 9; 3 — жилище № 6.

кусков камня возводились боковые и задняя стенки топочной части печи, затем сверху укладывались крупные камни, образовывавшие сббой перекрытие печи (свод). После этого полученное сооружение обкладывалось как с боков, так и сверху мелким камнем с небольшим включением битого кирпича. Иногда задняя стенка печи частично вырезалась из материковой глины (жилище № 9; рис. 25, 2, разрез по А—Б). Печи эти по своей конструкции ничем не отличались от сооружений того же рода, хорошо известных по раскопкам многочисленных памятников боршевского типа на Верхнем Дону и прежде всего Большого Боршевского городища,⁶⁹ городища Типчиха⁷⁰ и поселения у хутора Ближняя Мельница.⁷¹

Жилища с подобными печами были встречены также на Среднем Днестре,⁷² в Галиче,⁷³ в Запорожье⁷⁴ и на Десне.⁷⁵

Печи второй конструкции сооружались так же, как и печи первой; из крупных обломков камня вместе с целыми кирпичами или только из одних поставленных на ребро кирпичей или их обломков сооружались стенки печей и их своды. Затем с внешней стороны к стенам укладывались камни и обломки кирпичей точно так же, как и у обычных каменок, хорошо известных по упомянутым выше памятникам. Поды печей как той, так и другой подгруппы нередко были выложены из кирпича.

По своим строительным особенностям жилища с печами этих двух видов делятся на два типа — на постройки наземные и

постройки полуземляночные. К наземным постройкам могут быть отнесены жилища №№ 41, 49, 51, а также, вероятно, постройка № 220, к постройкам полуземляночным — все остальные жилища этой группы.

НАЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА

Жилище № 41 (рис. 26, 1) обнаружено на квадрате $P_{19}-П_{20}$; глубина залегания пола 0.79 м. Жилище дошло до нас в виде остатков сгоревшей срубной постройки, вся юго-восточная половина которой оказалась полностью уничтоженной позднейшими перекопами. От жилища сохранилась часть нижнего венца сруба в виде отпечатавшихся в земле желобков, местами заполненных остатками сгоревших бревен и заключенного между ними обгоревшего глинобитного пола, покрытого толстым слоем жаропрочного материала. По отпечаткам от бревен северо-западного и северного углов постройки удалось выяснить, что бревна стен жилища были срублены «в обло».⁷⁶ Полные размеры жилища установить невозможно. Ограниченная сохранившимися углами северо-западная стена постройки имеет длину 4.2 м, частично сохранившиеся северо-восточная и юго-западная стены жилища имели соответственно длину — первая 2.2 м, вторая 1.6 м. В западном углу постройки располагались остатки печи-каменки, сложенной из обломков кирпичей и камня. Размеры печи 1.0×1.2 м.

Обнаруженные в жилище находки представлены найденным около печи целым горшком роменско-боршевского типа, украшенным характерным для этой культуры орнаментом, большим количеством обломков того же типа сосудов, а также обломками красноглиняных кувшинов с плоскими ручками и обломками лепного светильника.

Единичными находками в жилище представлены обломки привозной, тонкостенной красноглиняной посуды и обломки сосуда салтово-маяцкого типа. Из других вещевых находок следует отметить обнаруженные в жилище 4 точильных камня.

Как уже упоминалось, жилище погибло от пожара, следы которого выходили далеко за пределы постройки, что и указывает на ее наземный характер.

⁷⁶ Архив Волго-Донской археологической экспедиции. Дневник С. И. Орлова, тетр. III, стр. 387 и сл., запись от 6 IX 1951.

⁶⁹ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

⁷⁰ Материалы пленума ИИМК АН СССР за 1956 г. Доклад А. Н. Москаленко.

⁷¹ И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница. Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 342, рис. 6—7.

⁷² М. И. Артамонов. Археологические исследования в южной Подольи в 1952—1953 гг. КСИИМК, 59, 1955, стр. 105, 107; В. Д. Баран. Поселение первых веков нашей эры в с. Черепин Львовской области. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 98.

⁷³ Материалы пленума ИИМК АН СССР за 1956 г. Доклад М. К. Каргера.

⁷⁴ Там же. Доклад А. Т. Брайчевской.

⁷⁵ М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции. КСИИМК, XX, 1948, стр. 39—40; И. И. Ляпушкин. Предварительное сообщение об археологических работах за 1956 г. Сообщение на заседании Славяно-русской секции ЛОИИМК АН СССР в октябре 1956 г.

Жилища срубного типа для славяно-русских памятников южных, степных районов Древнерусского государства нехарактерны, ввиду этого аналогии рассмотренной постройки следует искать в северных областях древней Руси, представленных в археологии такими замечательными памятниками, как Старая Ладога, Новгород и Псков.

Прямые аналогии нашему жилищу известны по раскопкам Старой Ладоги⁷⁷ и древнего Пскова,⁷⁸ где срубные постройки являются основным типом жилища.

Ж и л и щ е № 49 обнаружено на квадрате $P_{18}-P_{19}$, глубина залегания пола 0.37 м. Жилище представляло собой частично сохранившиеся остатки сильно изношенного, покрытого гарью и золой глинобитного пола (рис. 26, 2). В северном углу постройки, определяемом ямкой от столба и хорошо сохранившимся здесь участком пола, располагалась подковообразная в плане печь. Ее размеры 1.4×1.25 м. Основу печи составляли крупные камни мергеля, которыми ограничивалась ее топочная часть. С боков и сверху эти камни были обложены мелкими кусками того же камня и битыми кирпичами. Устьем печь была обращена на юго-запад, ее подом служило небольшое овальное в плане углубление, заполненное золой и угольками.

Стены у жилища не сохранились, однако границы постройки приблизительно можно установить, тем самым можно установить и ее вероятные размеры. Сохранившиеся ямки от столбов в северном углу жилища и вдоль его северо-западной и юго-восточной сторон, а также границы распространения остатков пола на юго-запад дают основание предположительно считать, что жилище в плане было квадратным и имело размеры 4×4 м. Обнаруженные в этом жилище находки представлены обломками лепных горшков роменско-боршевского типа, а также обломками гончарных сосудов салтово-маяцкого типа.

Рассматриваемая постройка погибла от пожара. На это указывают как скопления золы и гари на ее полу, так и слой пожарища, в котором это жилище было обнаружено.

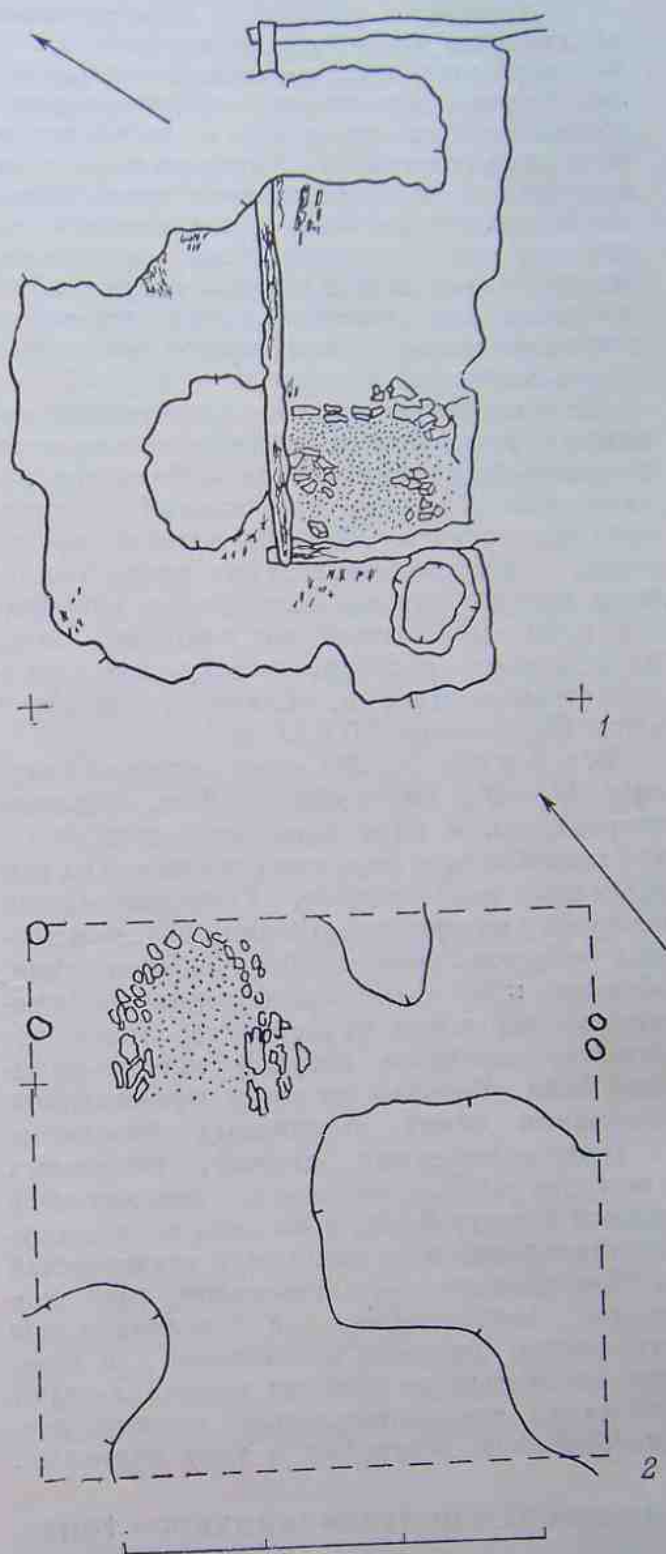

Рис. 26. Жилища с печами-каменками (план).

1 — остатки срубного жилища № 41; 2 — жилище № 49.

⁷⁷ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). СА, XI, 1949, стр. 20 и сл., рис. 10 и 17.

⁷⁸ Материалы раскопок старого застеня в Пскове за 1956 г. Материалы находятся в Гос. Эрмитаже.

Последнее дает основание считать эту постройку наземной.

Жилище № 51, обнаруженное на квадрате $C_{18}-P_{19}$, на глубине 0.2 м, по своей сохранности оказалось в еще более худшем состоянии, чем предыдущая постройка. Оно представляло собой незначительные остатки глинобитного пола с находившимся на нем развалом печи. Отчетливых границ жилища не сохранилось, однако в расположенных к северу от печи ямках от кольев плетня можно угадать образованный ими северный угол постройки с примыкавшими к нему северо-западной и северо-восточной стенами.

Характеризующая эту постройку керамика представлена обломками горшков роменско-боршевского типа с большим количеством обломков кружальных салтово-маяцких сосудов. Жилище погибло от пожара, о чем свидетельствуют следы обильного горения как на полу самого жилища, так и на окружающей его площади. Печь, по-видимому, располагалась у юго-западной стены постройки, вблизи от западного угла. Ее размеры 1.0×1.0 м.

Жилище № 220 обнаружено на квадрате M_6-H_7 , на глубине 0.7 м. Жилище сохранилось в виде незначительных остатков глинобитного пола с находящимся на нем развалом печи-каменки. Сопровождавший постройку материал составляли обломки лепных сосудов роменско-боршевского типа, обломки привозных красноглиняных кувшинов с плоскими ручками, небольшое количество обломков сосудов салтово-маяцкого типа. Вещевые находки представлены обломками синих стеклянных браслетов.

Непосредственных данных, говорящих о том, что рассматриваемое жилище является наземной постройкой, у нас нет, однако глубина залегания пола жилища, а также состав сопровождавшего его инвентаря, где сочетаются характерные для средних слоев стеклянные браслеты и типичная для нижних слоев салтово-маяцкая керамика, дают основание предположительно отнести рассматриваемую постройку к типу наземных.

ПОСТРОЙКИ ПОЛУЗЕМЛЯНОЧНОГО ТИПА

К постройкам полуземляночного типа относятся, как уже сказано, все остальные жилища этой группы. Сюда входят жилища №№ 45, 53, 40, 4, 32, 31, 52, 43, 9, 46, 11,

54, 29, 55, 15, 8, 6, 44, 50, 48, 21, 27, 20, 26, 18 и 19 (табл. 3).

Сохранность перечисленных построек неодинакова. Часть из них ⁷⁹ сохранилась хорошо, часть ⁸⁰ оказалась в значительной мере уничтоженной более поздними перекопами. Остальные постройки этой группы дошли до нас в виде незначительных остатков глинобитных полов с находившимися в них развалами печей-каменок. ⁸¹

По своим строительным особенностям, там, где это можно проследить, жилища представляли собой постройки столбовой конструкции и постройки, условно названные «бесстолбными».

Постройки столбовой конструкции

К постройкам столбовой конструкции относятся жилища №№ 40, 4, 32, 31, 9, 29, 15, 21, 20, 26, 18 и 19; при этом в жилищах №№ 40, 32, 15, 21, 20 и 18 столбы располагались как по углам, так и в середине каждой из стен. Жилища эти условно названы постройками с угловыми и промежуточными столбами. Что касается остальных жилищ, то ввиду сильной их нарушенности более поздними перекопами (жилища №№ 29, 26, 19), а иногда в силу того, что жилища оказались раскрытыми неполностью (жилища №№ 31, 9), сказать что-либо об особенностях их конструкции затруднительно. Можно только отметить, что в некоторых из них (жилища №№ 4, 31, 29, 19) ямки от опорных столбов обнаружены были в сохранившихся углах построек, а в жилище № 26 вдоль дошедших до нас юго-восточной и юго-западной стен располагалось по четыре таких ямки от столбов. В одной из построек (жилище № 6) ямки от столбов обнаружены вдоль стенок печи и вблизи от северо-западной стены жилища, а в другой (жилище № 9) ямки от опорных столбов удалось проследить в центральной части жилища.

К постройкам с угловыми и промежуточными столбами, как уже сказано, относятся жилища №№ 40, 32, 15, 21, 20 и 18. Приведем их описание.

Жилище № 40 (рис. 27) раскрыто на квадратах J_6-3_7 и 3_6-H_7 (раскоп 1949 г.), размеры его 4.20×4.50 м, глубина

⁷⁹ Жилища №№ 4, 32, 11, 15, 8, 6, 21, 27, 18.

⁸⁰ Жилища №№ 40, 31, 9, 29, 55, 20, 26, 19.

⁸¹ Жилища №№ 45, 53, 52, 43, 46, 54, 44, 50, 48.

залегания пола — 0.45 м. В плане жилище почти квадратное. Своими сторонами оно ориентировано по направлению основных оборонительных стен крепости. Границы постройки прослеживаются неполностью. Западный, восточный и южный углы, а также участки стен и примыкавшего к ним пола

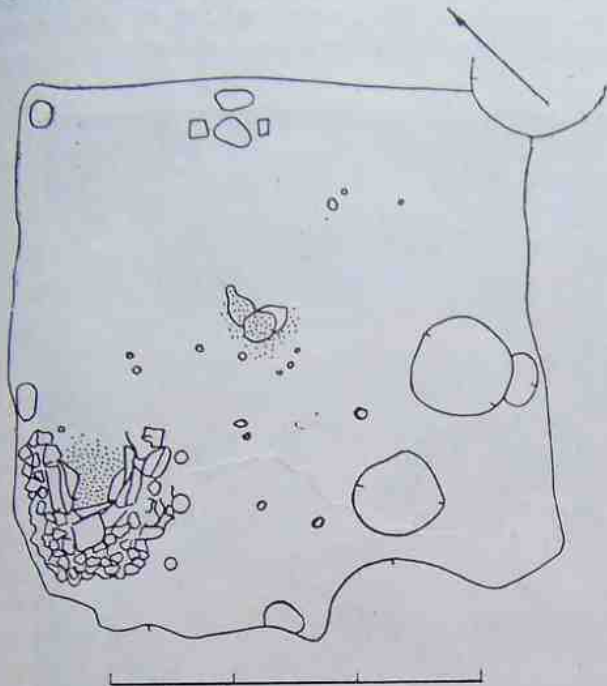

Рис. 27. Полуземляночное жилище № 40 (план).

оказались разрушенными поздними перекопами. В сохранившемся северном углу постройки находилось гнездо от опорного столба. Аналогичные гнезда были обнаружены около середины северо-восточной, северо-западной, юго-восточной и юго-западной стен (гнезда от промежуточных столбов). Гнезда от столбов у северо-восточной и юго-западной стен оказались несколько смещенными к северному и западному углам постройки. Около промежуточного столба у северо-восточной стены жилища находилась группа ям (четыре) от дополнительных столбов. Две из них имели в плане округлые очертания, две прямоугольные. Два гнезда от столбов были обнаружены в южной половине землянки. Одно из них находилось у юго-восточной стены жилища, несколько отступя от нее, другое — в центральной части помещения. Оба эти гнезда, по-видимому, поздние и к жилищу не относятся.

В западном углу располагалась печь-каменка, подковообразная в плане, сложен-

ная из ракушечника с включением кусков мрамора и мелких обломков кирпичей. Размеры ее 1.2×1.3 м. Подом у печки служила неглубокая, овальная в плане ямка, заполненная золой и угольками. Вдоль юго-восточной стенки печи находились три ямки от столбиков, в одной из которых (ближайшей к устью печи) сохранилось прямоугольное в плане гнездо от самого столбика. Печь перекрывала собой более раннюю яму, предварительно засыпанную сверху глиной. Стены жилища были облицованы деревом, следы его хорошо прослеживались на юго-восточной стенке земляночного углубления.

Обнаруженные в жилище керамические находки состоят из многочисленных обломков лепных горшков роменско-боршевского типа, большого количества обломков сра-

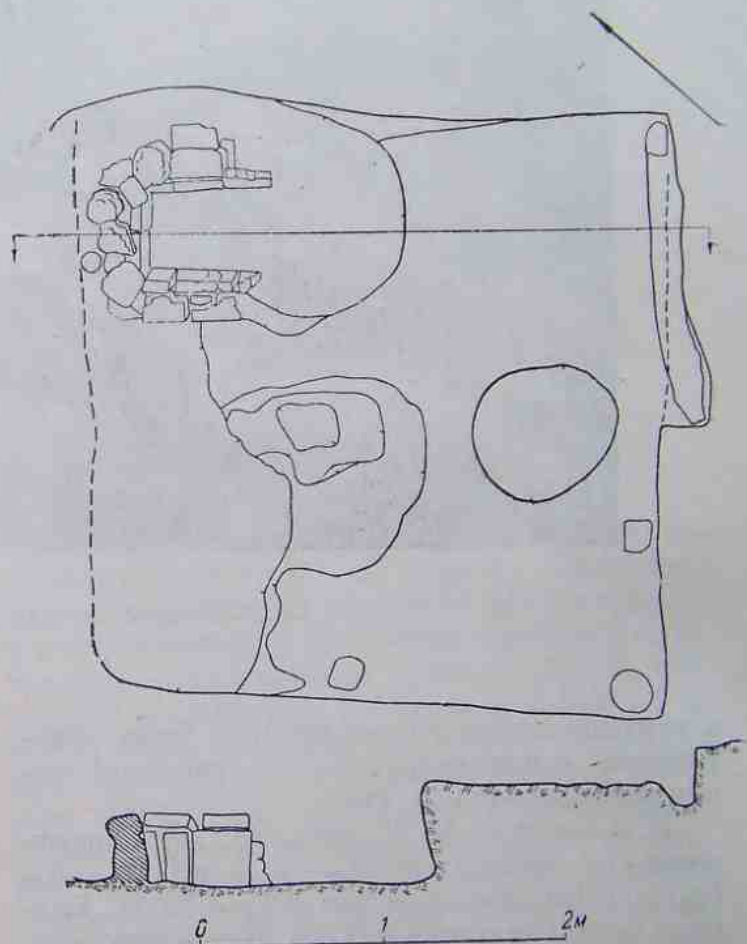

Рис. 28. Жилище № 32 (план и разрез).

ботанных на круге сероглиняных сосудов, украшенных глубокими круговыми бороздками, и обломков сосудов, украшенных лощением (керамика салтово-маяцкого типа), обломков красноглиняных кувшинов с пло-

скими ручками, а также нескольких обломков амфор.

Вещевые находки представлены точильным бруском, костяной пряжкой, обломком пряслица, сделанного из стенки сосуда, обломком железной пластины и двумя обломками браслетов черного стекла.

В яме под печью встречена в основном керамика салтово-маяцкого типа, и только

шена и часть пола, примыкавшая к северо-западной стене жилища.

В северном углу постройки располагалась прямоугольная в плане печь-каменка, опущенная, по-видимому, в специально вырезанное для нее в материке овальное углубление. Размеры углубления 1.7×1.25 м. Печь сложена из кирпичей и их обломков с включением небольшого количества кус-

Рис. 29. Полуземляночное жилище № 32. Общий вид.

в верхних слоях ее заполнения были обнаружены единичные обломки горшков роменско-боршевского типа.

Ж и л и щ е № 32 (рис. 28, 29) обнаружено на квадратах $L_{93}-K_{94}$ и $L_{94}-K_{95}$ (раскоп Ia). Размеры его 3.1×3.35 м. Глубина залегания пола — 0.3 м. Как и предыдущие постройки, жилище это представляло собой углубленное в землю помещение, ориентированное своими сторонами по направлению основных оборонительных стен крепости. Сохранилась постройка неполностью. Ее северо-западная сторона, а также примыкающие к ней участки юго-западной и частично северо-восточной стен разрушены поздними перекопами. Перекопами разру-

ков известняка. Размеры печи 1.0×1.0 м. Под печи и участок пола перед ее устьем лежали на 47 см ниже общего уровня пола. Гнезда от опорных столбов обнаружены в южном и восточном углах постройки, а также около середины юго-восточной и юго-западной ее стен (промежуточные столбы). Гнездо от столба у середины юго-восточной стены оказалось несколько смещенным в сторону южного угла жилища. В восточном углу и на северо-восточной стенке земляночного углубления сохранились остатки деревянной облицовки стен. В полу жилища вдоль его юго-восточной стены сохранился желобок от упавшей сюда плахи (горбыля) из деревянной облицовки стен постройки.

Керамических и других вещевых находок в жилище не обнаружено.

Ж и л и щ е № 15 (рис. 30) обнаружено на квадратах $X_2—\Phi_3$, $\Phi_2—У_3$ (раскоп II 1950—1951 гг.), его размеры 3.45×3.45 м, глубина залегания пола — 0.2 м. Высота сохранившихся стен 35 см. Жилище представляло собой углубленное в землю, почти квадратное в плане помещение, ориентированное своими сторонами по направлению основных оборонительных стен крепости. По углам и в середине стен постройки находились гнезда от опорных столбов (диаметры их колеблются от 15 до 24 см, глубина — от 20 до 40 см). Около середины северо-восточной стены жилища, помимо ямки от промежуточного столба, имелось гнездо от дополнительного столба, несколько смещенное в сторону северного угла постройки. Стены жилища были облицованы деревянными досками. Следы дерева хорошо прослеживаются на юго-западной и северо-восточной стенках земляночной ямы. В западном углу постройки располагалась печь типа каменки, сооруженная из кирпичей и их обломков, с подом, выложенным обломками кирпичей. В центре жилища в хорошо сохранившемся глинобитном полу находилось округлое углубление диаметром 35 см, глубиной 10 см, на дне которого оказалось скопление древесной золы. В северной части углубления, в его крае, имелись две ямки от колышков. Следов обжига на стенках и дне углубления не наблюдалось; оно, как и весь пол в жилище, было покрыто слоем копти и мелкими угольками.

Обнаруженные в постройке находки представлены железным ножом, медной пуговицей с петелькой-планкой, медной бляшкой в виде кружка с заклепкой, железным пластинчатым предметом в виде крючка. Керамика состоит из большого количества обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками, лепных горшков роменско-боршевского типа, сероглиняных кружальных сосудов, орнаментированных частыми круговыми бороздками, и сероглиняных кружальных сосудов, украшенных лощением (керамика салтово-маяцкого типа).

Ж и л и щ е № 21 (рис. 31, 2) раскрыто на квадратах $У_{14}—T_{15}$, $T_{14}—C_{15}$, $У_{15}—T_{16}$ и $T_{15}—C_{16}$ (цитадель). Размеры его 3.8×3.45 м. Глубина залегания пола — 0.26 м. Жилище это, как и предыдущие постройки, имело прямоугольные очертания. В его углах,

а также около середины стен располагались гнезда от опорных столбов. При этом гнезда от промежуточных столбов имели в плане форму либо уплощенных овалов, либо полу-кругов, что указывает на применение в качестве столбов расколотых на две части бревен.

Около промежуточного столба в северо-восточной стене постройки находилось

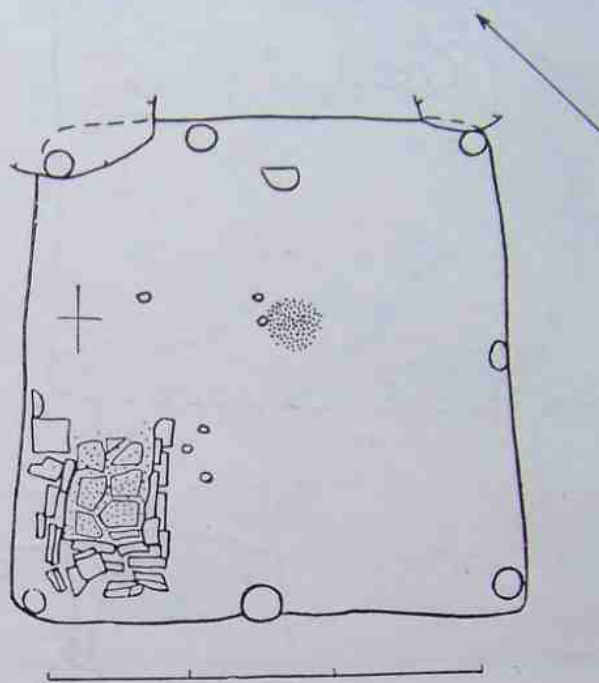

Рис. 30. Основание жилища № 15 (план).

два гнезда от дополнительных столбов, несколько сдвинутых в сторону восточного угла постройки. В западном углу жилища, у северо-западной стены располагалась печь-каменка, сложенная из крупных блоков песчаника и кирпичей. Размеры ее 1.35×1.1 м. Устье печи обращено на северо-восток. Ее под был выложен кирпичами, поверх которых обнаружен слой золы и угольников. Перед устьем печи находилась более ранняя яма, куда осел пол жилища вместе с гнездом от промежуточного столба. Стены жилища, как и в предыдущих постройках, были облицованы деревянными плахами. Остатки их сохранились на юго-восточной и юго-западной стенках земляночной ямы и вдоль них.

Находки в жилище представлены большим количеством обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками, несколькими обломками сосудов салтово-маяцкого типа

и обломками лепных горшков, украшенных налешним валиком.

Жилище № 20 (рис. 31, 3) обнаружено на квадратах $\Phi_{13}-Y_{14}$, $Y_{13}-T_{14}$,

крепости. Юго-западной стеной оно примыкало к кирпичному зданию III. Сохранилась постройка не полностью. Ее северный и южный углы оказались разрушенными позд-

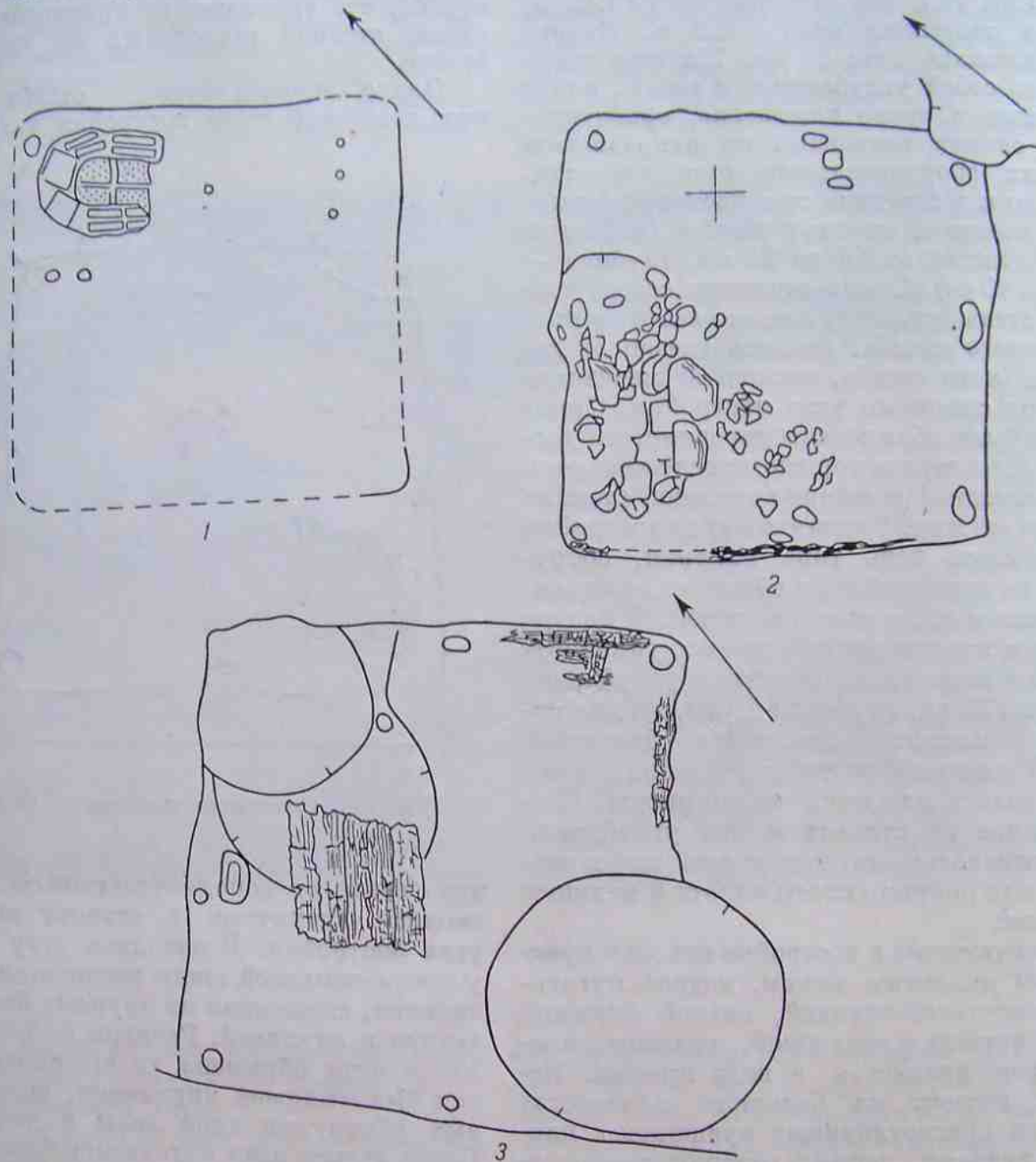

Рис. 31. Жилище с печами-каменками (план).

1 — жилище № 31; 2 — жилище № 21; 3 — жилище № 20.

$\Phi_{14}-Y_{15}$ и $Y_{14}-T_{15}$ (цитадель). Размеры его 3.6×3.37 м, глубина залегания пола — 0.47 м. Жилище, в плане почти прямоугольное, своими сторонами ориентировано по направлению основных оборонительных стен

ними ямами. В сохранившихся углах, а также в середине стен находились гнезда от опорных столбов. Стены в постройке были облицованы деревянными плахами, следы которых сохранились на юго-восточной и

Угловые и промежуточные столбы в жилищах служили не только опорой крыши, но с их помощью крепилась деревянная и иная обшивка стен построек. Так, в жилищах №№ 4, 32, 15, 21 и 18 стены оказались забранными плахами, помещенными между столбами и стенками земляночной ямы. В жилище № 29 стены были из плетня, который, вероятно, также укреплялся столбами.

Кроме угловых и промежуточных столбов, в жилищах рассматриваемой конструкции обращает на себя внимание наличие около середины одной из стен гнезд от одного или двух дополнительных столбов. Столбы эти вместе с основным промежуточным столбом (иногда самостоятельно), как правило, несколько смещались в сторону одного из углов постройки. Подобные дополнительные столбы были обнаружены в жилище № 18 у юго-восточной его стены, в жилищах №№ 21 и 40 у северо-восточных стен, в жилище № 15 у северо-восточной стены, в жилище № 32 у юго-восточной (у двух последних построек дополнительные столбы смещены самостоятельно). То обстоятельство, что дополнительные столбы в каждом из жилищ находились только у какой-либо одной из его стен и при этом вместе с промежуточными опорными столбами или независимо от них смещались в сторону одного из углов жилища, дает основание предполагать, что пространство между дополнительным и угловым столбами было местом, где находился вход в жилище.

Подобные дополнительные столбы были обнаружены в жилищах Большого Боршевского городища⁸² (жилища №№ 9,⁸³ 15,⁸⁴ 19,⁸⁵ 12⁸⁶ этого городища, а также постройки №№ 1⁸⁷ и 18⁸⁸). В этих жилищах опорные столбы располагались по углам и в середине каждой из сторон постройки. Около одной из стен, кроме основных столбов, находились дополнительные столбы, вероятно, также связанные с входом. Постройки с дополнительными столбами известны также на городище Титчиха.⁸⁹

Если сохранившиеся остатки жилищ в какой-то мере позволяют представить себе нижние части построек, то реконструкция верхних, не сохранившихся частей представляется чрезвычайно трудной, а в ряде случаев совершенно невозможной.

То немногое, что сохранилось в каждом из рассмотренных жилищ от их перекрытий, дошло до нас в виде незначительных остатков обуглившегося дерева, обнаруживаемого в заполнении земляночных ям и на самих полах построек. Иногда остатки дерева встречались в большом количестве, например в землянке № 18. Однако чаще всего на полах находились лишь скопления золы и мелких угольков.

Если учесть, что в отдельных жилищах этой группы были встречены скопления перегоревшей соломы и куги (жилища № 19), то можно предположить, что крыши имели деревянный остов с покрытием из соломы и куги.

Помимо перечисленных жилищ, к постройкам столбовой конструкции, как уже сказано, относятся жилища №№ 31, 29 и 19, а также жилище № 9. Первые два жилища были раскрыты частично. У жилища № 31 (рис. 31, I), раскопанного на участке Ia, на квадратах $M_{95}-L_{96}$, $L_{95}-K_{96}$, $M_{96}-L_{97}$ и $L_{96}-K_{97}$ (глубина залегания пола — 0.5 м.), нераскрытым остался западный угол, а также были неполностью раскопаны юго-восточная стена и южный угол; у жилища № 29 (рис. 25, I), обнаруженного на раскопе II 1950—1951 гг. на квадратах C_8-T_9 , C_9-T_{10} , P_8-T_9 и P_9-T_{10} (своим полом жилище залегало на уровне основания крепостной стены), обнаружена была его юго-западная стена с прилегающими к ней южным и западным углами.

От жилища № 31 сохранились северный угол с находившейся в нем печью-каменкой, остатки северо-восточной и юго-восточной стен, а также гнездо от опорного столба, расположенное в северном углу постройки (рис. 31, I). Размеры жилища, судя по раскрытым его остаткам, были, вероятно, 3.0×3.0 м. Печь, в плане подковообразная, сложена из кирпича и камня, подом ее служила ямка, заполненная золой. Размеры печи 0.8×0.75 м.

Боршевского городища (Материалы пленума ИИМК АН СССР за 1956 г. Доклад А. Н. Москаленко о раскопках 1955 г. на городище Титчиха. Доклад прочитан на Славяно-русской секции).

⁸² П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, ук. соч.

⁸³ Там же, стр. 24, рис. 9.

⁸⁴ Там же, стр. 25, рис. 10.

⁸⁵ Там же, стр. 31, рис. 17.

⁸⁶ Там же, стр. 30, рис. 16.

⁸⁷ Там же, стр. 21, рис. 6.

⁸⁸ Там же, стр. 31, рис. 17.

⁸⁹ Городище Титчиха расположено на Дону, в 40 км ниже по течению реки от Большого Бор-

северо-восточной стенках земляночного углубления. Пол глинобитный, со следами неоднократной подмазки. В центральной части его, ближе к северо-западной стене, обнаружены остатки квадратного в плане деревянного настила (по-видимому, крышки). Размеры настила 1×1 м. Печь не сохранилась.

Находки в заполнении жилища состоят из обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками и лепных горшков роменско-боршевского типа.

Ж и л и щ е № 18 (рис. 32, 33) обнаружено на квадратах $У_{11}-Т_{13}$ и $У_{12}-Т_{13}$ (цитадель). Размеры его 2.8×3.1 м. Глубина залегания пола — 0.60 м. Жилище это, как и предыдущее, представляло собой почти квадратную в плане, снабженную угловыми и промежуточными столбами полуземлянку, ориентированную своими сторонами по направлению основных оборонительных стен крепости. Юго-западная стена постройки искривлена; ее часть, примыкающая к южному углу, несколько вынесена вовнутрь жилища. Стены жилища также были облицованы деревом. Следы его хорошо прослеживались на юго-восточной и юго-западной стенках земляночной ямы. В слегка вытянутом западном углу постройки располагалась подковообразная в плане печь-каменка. Печь сложена из больших кусков песчаника с включением незначительного количества обломков кирпичей. Размеры печи 1.0×1.0 м. Пол в землянке глинобитный, покрыт слоем гари, золы и мелких угольков. Около гнезда от промежуточного столба у юго-западной стены постройки, в месте ее изгиба, находилась ямка от дополнительного столба. Северный угол постройки оказался срезанным более поздней ямой.

Находки в жилище состояли из большого количества обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками и лепных горшков роменско-боршевского типа с характерным для них орнаментом, а также единичных находок обломков, сработанных на круге сероглиняных сосудов, украшенных горизонтальными бороздками и лощением, хорошо известных по памятникам салтовомаяцкого типа. Помимо керамики, в заполнении постройки и на ее полу были обнаружены перегоревшие бревна, по-видимому, от перекрытия. На полу в центре жилища находились остатки какого-то сильно перегоревшего деревянного предмета.

Итак, все перечисленные постройки представляли собой прямоугольные, почти квадратные в плане, углубленные в землю помещения, иногда с закругленными углами, снабженные четырьмя угловыми опорными столбами, поддерживавшими крышу. Около середины каждой из сторон этих помещений находилось по одному промежуточному столбу, также выполнявшему, вероятно, роль

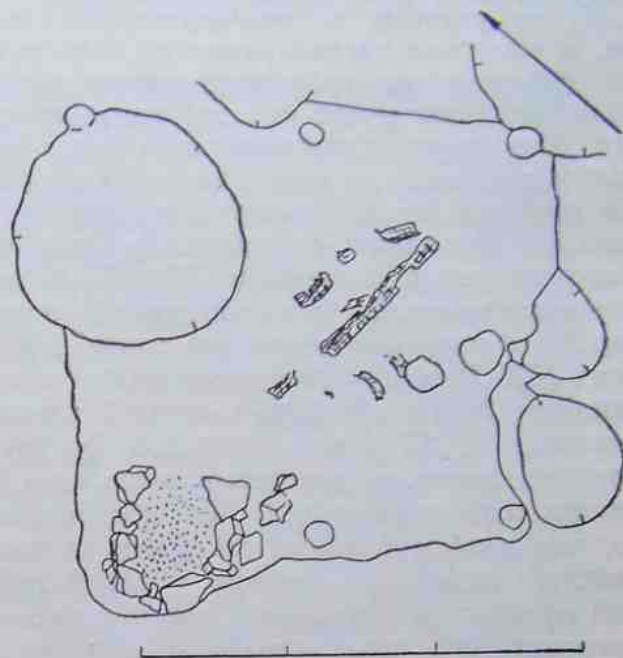

Рис. 32. Жилище № 18 (план).

опоры. В одном из углов такой постройки располагалась печь-каменка. Полы в жилищах устраивались глинобитные, в ряде случаев с сохранившимися следами неоднократной подмазки. Размеры жилищ колеблются от 4.5×4.2 (жилище № 40) до 2.8×3.1 м (жилище № 18). Все постройки своими сторонами ориентированы не по странам света, а по направлению основных оборонительных стен крепости.

Истинной глубины, на которую врезались жилища в землю, мы не знаем. В тех случаях, где эта глубина прослеживалась, она не превышает 60 см (жилище № 18). Исходя из того, что такой же, как в жилищах, вещей и керамический материал залегал в том же нижнем слое культурных отложений города, где располагаются и остатки самих жилищ, можно утверждать, что последние не были землянками в прямом смысле этого слова. Скорее всего они были углублены в землю лишь своими основаниями (полуземляночные постройки).

В жилище № 29, в его раскрытых южном и, по-видимому, частично срезанном западном углах были обнаружены ямки от опорных столбов. В южном углу постройки располагалась подковообразная в плане печь-каменка. Печь, как и в предыдущем жилище, сложена из кирпича и камня, ее под выложен кирпичами. Размеры печи 1.0×1.0 м, устьем она обращена в сторону се-

вестен по раскопкам Малого Боршевского городища.⁹⁰

К жилищам указанной конструкции предположительно можно отнести постройку № 19, обнаруженную в цитадели на квадрате $T_{13}-U_{14}$. Жилище это оказалось частично разрушенным более поздними перекопами, в результате которых уничтожены его южный и восточный углы, а также сильно

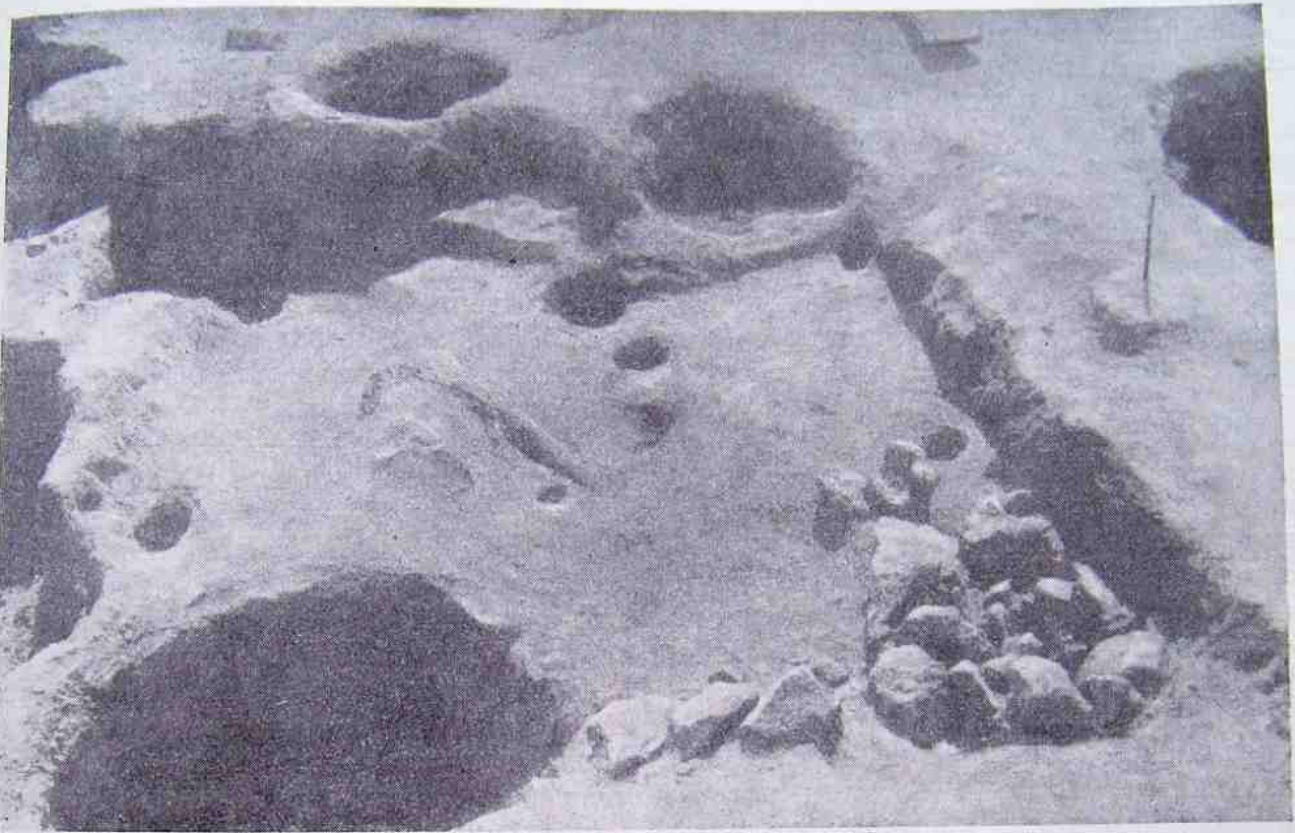

Рис. 33. Основание жилища № 18. Общий вид.

веро-западной стены жилища. Около печи, вдоль ее юго-западной стенки, к северу от устья, обнаружены были ямки от колышков, возможно служивших для укрепления стенок печи.

Длина раскрытой части юго-западной стены жилища 3.5 м. Если учесть, что размеры жилищ рассматриваемой группы для самых крупных из ее построек не превышают 4.5×4.2 м (жилище № 40), то можно думать, что раскрытая стена нашей постройки сохранилась почти на всю ее длину. В связи с этим по своей конструкции постройка эта, по-видимому, являлась постройкой с угловыми столбами, тип которой хорошо из-

нарушена северо-западная стена. Постройка в плане прямоугольная, ее размеры 4.5×3.6 м. Она представляла собой полужемлянку, в северном углу которой помещалась печь-каменка. Печь сильно разрушена, ее размеры установить невозможно. Пол в жилище глинобитный, глубина его залегания -0.54 м. В сохранившемся западном углу находилось гнездо от опорного столба, диаметр 0.4 м, глубина 0.25 м. Постройка эта, как и рассмотренные уже жилища №№ 18, 21 и др., имела деревянную облицовку стен, прослеженную на остатках северо-восточной стенки

⁹⁰ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, ук. соч.

земляночного углубления. В заполнении жилища обнаружено горелое дерево и скопленные перегоревшей соломы и куги, являвшиеся вероятно остатками обрушившейся крыши.

Находки, сопровождавшие это жилище, состояли из большого количества обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками, значительного количества обломков лепленных от руки горшков роменско-боршевского типа (один из них извлечен из зольного заполнения печки), обломков сработанных на круге сосудов салтово-маяцкого типа, а также нескольких обломков стенок амфор. Помимо керамических остатков, в заполнении жилища было найдено биконическое шиферное пряслице крупных размеров, украшенное глазковым орнаментом.

Итак, несмотря на отмеченную фрагментарность построек с угловыми столбами, мы все же можем считать, что они как по своим размерам и планировке, так и по своему облику не выходят из рамок жилищ рассматриваемой группы в целом.

Среди всей разбираемой группы жилищ по своим конструктивным особенностям выделяются жилища №№ 6 и 9.

Жилище № 6 (рис. 25, 3) обнаружено на квадратах Φ_8-U_9 , U_8-T_9 и частично на квадратах Φ_9-U_{10} и U_9-T_{10} (раскоп II 1950—1951 гг.). Глубина залегания пола — 0.35 м. По своим очертаниям это почти квадратное в плане помещение с несколько вытянутым южным углом, в котором расположена печь-каменка. Размеры жилища 4×4 м. Его юго-западная стена в средней части была нарушена поздними ямами. Западным углом жилище перекрывало более раннюю постройку № 13.

Пол в жилище глинобитный, хорошо утрамбованный, со следами неоднократной подмазки; последняя особенно хорошо сохранилась в северо-восточной его половине, где пол осел в более древнюю яму. В центре жилища пол был плотно утрамбован. Здесь было обнаружено небольшое (диаметром 0.15 м, глубиной 0.1 м) углубление, в котором находились обломки светильника.

Обнаруженная в южном углу печь сложена из больших камней-плит, известняка, сверху завалена обломками кирпичей, мелкими камнями и кирпичной щебенкой. Ее размеры 1.2×0.9 м, высота сохранившейся части 0.3. Устье печи обращено на северо-запад.

Жилище было облицовано досками, следы которых удалось проследить на юго-восточной стенке земляночного углубления.

Каким образом крепилась деревянная облицовка стен, сказать трудно, так как вдоль стен и по углам жилища гнезд от столбов прослежено не было. В связи с этим мы не можем судить о том, какой была крыша у данного жилища. Возможно, последняя держалась на столбах, ямки от которых обнаружены: две — вдоль северо-восточной стенки печи и одна — недалеко от середины северо-западной стены жилища (рис. 25, 3). Две первых ямки имели диаметр 15 см, глубину 25 см, последняя имела диаметр 40 см.

Сопровождавший постройку вещевой материал составляли обломки лепленных от руки горшков роменско-боршевского типа с характерным для них зубчатым орнаментом, а также обломки сосудов салтово-маяцкого типа и красноглиняных кувшинов с плоскими ручками.

Второе жилище — № 9 — было также обнаружено на раскопе II 1950—1951 гг., на квадратах T_8-C_9 и U_8-T_9 на глубине 0.2 м (рис. 25, 2). От этой постройки сохранился лишь ее южный угол, а также частично юго-восточная и несколько больше юго-западная стены. Вся северная часть жилища, а также северо-западная и северо-восточная его стены разрушены позднейшими перекопами. Расположенная в сохранившемся углу печь была сложена из кирпича и камня, с подом, выложенным из четырех кирпичей. Размеры ее 1.0×0.8 м. Задняя стена печи была вырезана в материковой глине. В полу сохранившейся части постройки обнаружены две ямки от столбов диаметром 0.2 м и 0.3 м. Ямки располагались не в обычных для жилищ этой группы местах, а были вынесены в среднюю часть постройки.

Если считать, что жилище это по своим очертаниям и размерам не выходит из круга известных уже нам построек рассматриваемой группы, то столбы, от которых сохранились упомянутые ямки, очевидно, находились в его средней части и являлись, по всей вероятности, опорой, на которой держалась крыша.

Несмотря на предполагаемые конструктивные отличия, рассмотренная постройка по своим многочисленным признакам близка к изучаемым жилищам, о чем говорит расположение и особенно конструкция ее печи.

Отдельно следует отметить две постройки, печи которых раскопками обнаружены не были. Это жилища №№ 4 и 26. Оба они оказались столбовой конструкции. Первое (жилище № 4) было раскопано в 1950 г. у западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.), на квадрате $Z_7—H_8$. Глубина залегания пола — 0.56 м. Постройка эта раскрыта неполностью. Раскопанным оказался лишь ее южный угол с примыкающими к нему юго-западной и юго-восточной стенами. В раскрытом углу жилища, а также в конце раскопанной части его юго-восточной стены находились гнезда от опорных столбов. Стены жилища были облицованы деревом.

Находки, сопровождавшие эту постройку, немногочисленны. Они представлены обломками лепленных от руки сосудов роменско-боршевского типа, обломками сосудов салтово-маяцкого типа, украшенных орнаментом в виде частых круговых бороздок и в виде пролощенных полосок, а также обломками сделанных на круге красноглиняных кувшинов с плоскими ручками.

Хотя рассматриваемое жилище раскопано неполностью и в его раскрытой части не обнаружилось печи-каменки, оно, судя по остаткам своей конструкции (наличие опорных столбов и деревянной облицовки стен), а также по сопровождавшим его находкам, несомненно должно быть отнесено к жилищам рассматриваемой группы.

Жилище № 26 обнаружено в 1951 г. на квадратах $C_{24}—P_{25}$ и $C_{25}—P_{26}$. Глубина залегания пола — 0.55 м. Жилище в плане квадратное, его размеры 2.8×2.8 м. Своими сторонами оно также ориентировано по направлению основных оборонительных стен крепости.

Вся северная половина постройки разрушена позднейшими перекопами. Ими же, по-видимому, была уничтожена и печь. В сохранившихся южном и западном углах жилища, а также вдоль юго-западной стены и вдоль дошедшего до нас участка юго-восточной стены имелись ямки от опорных столбов (по четыре в каждой стене), что указывает на столбовую конструкцию постройки.

Сопровождавшие жилища находки представлены керамическими остатками. В силу перекопанности постройки поздними ямами остатки эти оказались перемешанными. Однако наряду с обломками случайно попавших

сюда поздних сосудов в составе их имеются обломки сосудов роменско-боршевского и салтово-маяцкого типов.

Бесстолбные жилища

Последнюю разновидность в конструкциях построек этой группы составляют так называемые бесстолбные жилища. К ним относятся постройки №№ 11, 8 и 27.

Ж и л и щ е № 11. Обнаружено на квадратах $C_7—P_8$, $T_6—C_7$, $C_6—P_7$ и $T_7—C_8$ (раскоп II 1950—1951 гг.). Глубина пола 0.17 м. Стены жилища проследить не удалось. Его очертания и размеры прослежены только по хорошо сохранившемуся полу. В плане жилище имело почти квадратные очертания с несколько удлиненным восточным углом. Его размеры 3.1×3.4 м. В западном углу постройки обнаружены остатки печи-каменки. Своим полом жилище перекрывало две более древние ямы. Одна из этих ям находилась под северо-восточной половиной жилища, другая — под юго-западной половиной. Печь сложена из кирпича и камня. Ее размеры 1.0×0.75 м. Около восточного угла печи находилась ямка от столбика диаметром 0.12 м, не определяющего конструкцию самой постройки.

Несмотря на отсутствие каких-либо данных для определения типа этой постройки, она, по-видимому, была полужемлянкой. Это предположение основывается на том, что полная сохранность очертаний жилища по его полу, в условиях густо застроенного города, для наземных построек почти невероятна. Скорее всего следует предположить, что раскопщику не удалось обнаружить стенок земляночного углубления в силу одинакового состава как культурного слоя, в который это жилище было спущено, так и заполнения самого жилища.

Находки в жилище представлены обломками лепленных от руки горшков роменско-боршевского типа, большим количеством обломков сероглиняных, сработанных на круге горшков, украшенных частыми круговыми бороздками, и обломками сосудов, орнаментированных пролощенными полосками (керамика салтово-маяцкого типа). В жилище обнаружены также обломки красноглиняных кувшинов с плоскими ручками и небольшое количество обломков желтоглиняных амфор. Из вещевых находок следует отметить глиняное пряслице. В слое земли,

покрывающем пол, было собрано большое количество измельченных костей животных и рыб.

Жилище № 8 обнаружено на том же раскопе, на квадратах C_6-P_7 , P_8-P_7 . Его пол находился на глубине — 0.48 м. Жилище представляло собой углубленное в землю помещение, почти прямоугольное в плане, с закругленными углами и с печью-каменкой, врезанной в юго-восточную стенку жилища, около его восточного угла. Ниша для печи неправильно округлая в плане, углублена основанием на 20 см ниже уровня пола. О конструкции печи, кроме того, что она устроена была в специально вырезанной для нее нише, сказать ничего нельзя, так как она дошла до нас в виде завала камней и обломков кирпичей с сохранившимися на них следами огня и копоти. Под завалом обнаружено было большое количество золы. Около завала найден тигелек для плавки меди. Кроме тигелька, в жилище обнаружены железная лопаточка со втулкой, обломки сосудов салтово-маяцкого типа и измельченные кости домашних животных и рыб. Все находки концентрировались в самом завале печи и около него.

К группе так называемых бесстолбных построек условно относится и жилище № 27. Последнее было обнаружено на квадратах $C_{23}-P_{24}$ и $P_{23}-P_{24}$, где оно врезалось в пол кирпичной постройки хазарского времени — донжона. Жилище имело в плане почти квадратные очертания, его размеры 3×2.77 м. Пол жилища углублен до уровня — 0.32 м, в его западном углу находилась подковообразная печь, сложенная из кирпича и кусков песчаника и мергеля. Пол жилища представляла материковая глина. На полу имелись скопления угольной пыли и зольные пятна. Жилище в трех местах оказалось нарушенным поздними ямами №№ 107, 109 и 111. Стены его были сложены из кирпича, при этом юго-восточную из них образовывала стена самого донжона, сохранившаяся на высоту 1.1 м, а остальные, как это видно по остаткам юго-западной стены, были сложены из кирпича, положенного в один ряд. Судя по отсутствию в жилище следов деревянных столбов, перекрытие его, по всей вероятности, опиралось на кирпичные стены. Обнаруженные в жилище находки представлены обломками сосудов салтово-маяцкого типа.

Кроме перечисленных остатков жилищ,

к рассматриваемой группе построек можно отнести довольно значительное количество различных ям, связанных с жилищами. Не ставя перед собой задачу полностью учесть все хозяйственные ямы, относящиеся к этой группе построек, укажем лишь, что они имели цилиндрическую форму, нередко снабжались как в своей верхней, так и в нижней части приступочками. Отдельные ямы в нижней части расширялись в виде подбоя.

Керамический и вещевой материал, сопровождавший жилища этой группы, как уже отмечалось при описании самих построек, представлен обломками и целыми экземплярами лепленных от руки горшков, хорошо известных по памятникам роменско-боршевской культуры и прежде всего по материалам Большого Боршевского городища, твердо датировемым VIII—X вв.⁹¹ Наряду с керамикой боршевского типа в составе находок содержались уже известные по предыдущей группе построек обломки и целые сосуды салтово-маяцкого типа и характерные для этого времени красноглиняные кувшины с плоской ручкой, хорошо известные по материалам раскопок средневекового Херсонеса, Тмутарокани и другим памятникам Нижнего Подонья, Тамани и Крыма.⁹² Кроме того, в отдельных жилищах были обнаружены обломки сосудов, изготовленных на ручном круге (постройки №№ 220, 55 и 44), и привозные красноглиняные тонкостенные кувшины (жилище № 41). Немногочисленные вещевые находки составляли об-

⁹¹ П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. Сообщения ГАИМК, 1931, февраль, № 2, стр. 5—9; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 42, 45 и сл.; И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 121—135; М. И. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 74 и сл.; П. Н. Третьяков. Стародавни слав'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, I, Киев, 1947, стр. 123—139; Б. А. Рыбаков. 1) Раскопки во Вщиже в 1948, 1949 гг. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 40; 2) Вщиж — удельный город XII в. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 57.

⁹² С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 248, рис. 34; Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1937 г., стр. 74 (рукопись хранится в делах Херсонесского музея); И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани, стр. 209—210, 227, 229, табл. III, 5, XI, 9; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 337, 339, рис. 10, 29—42.

ломки ножей и других железных предметов (жилища №№ 53, 15), глиняные пряслица (жилища №№ 220, 46, 11), костяные острия — «кочедыки» (жилище № 53), точильные бруски (жилища №№ 53, 41), жернова

Располагались рассматриваемые постройки на площади городища, в основном в южной половине крепости.

Как видно из табл. 3, все 30 учетных построек этой группы своими полами зале-

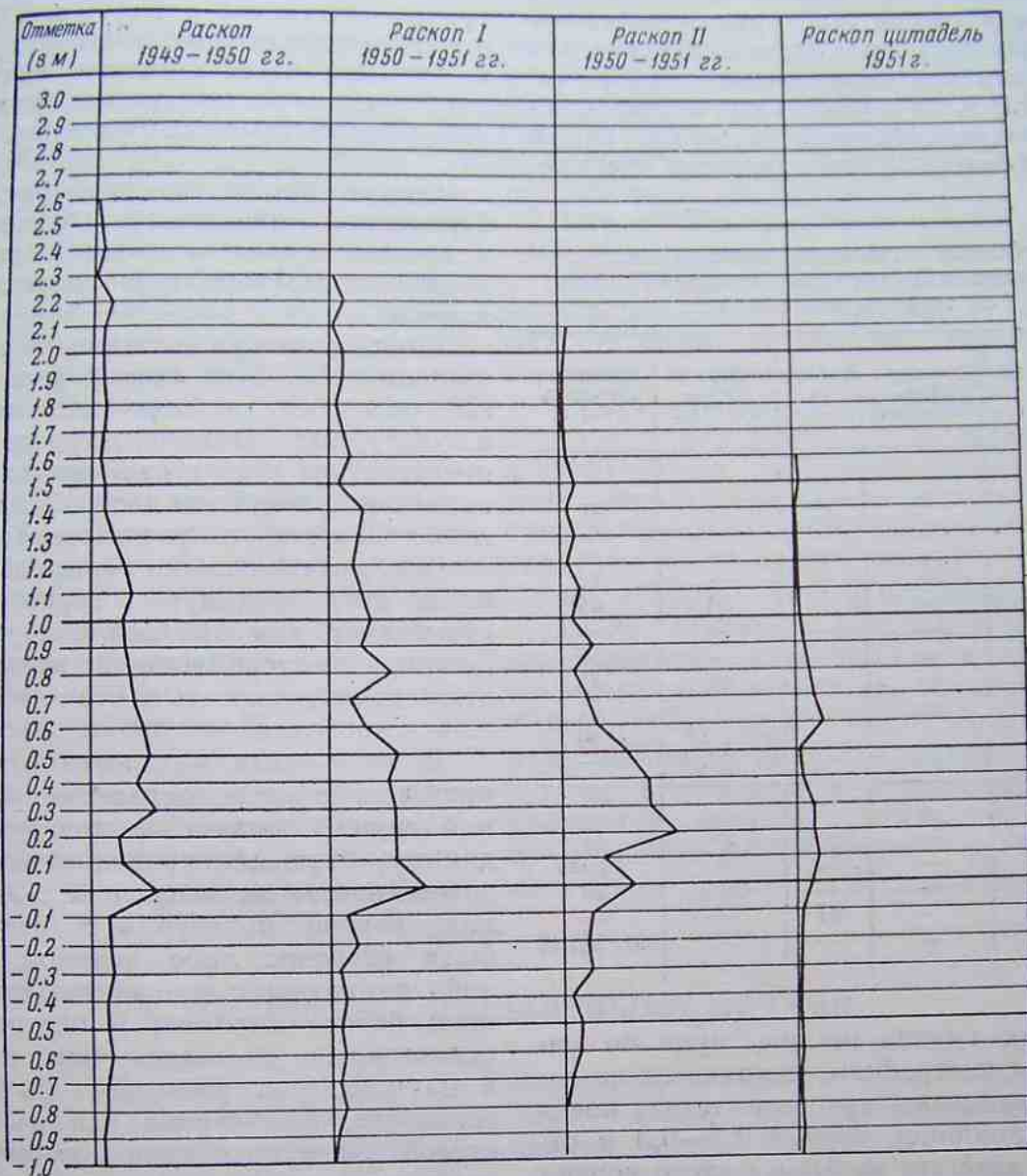

Рис. 34. Схема послойного распространения керамики роменско-боршевского типа на площади городища (по раскопам; 1 лин. мм=50 обломкам сосудов).

(жилища №№ 45, 55) и др. В жилище № 220 найдены два обломка голубых стеклянных браслетов, а в жилище № 50 — херсонеская монета (Романа II, 959—963 гг.).⁹³

⁹³ Определения монет из коллекции Саркела—Белой Вежи были сделаны Л. Н. Беловой.

гали в первых 0.8 м культурных отложений города. Причем из 26 входивших в нее жилищ, определенных как полужемлянки, 14 своими основаниями были впущены в материк, остальные 12 построек, а также входившие в эту группу 4 наземных жилища своими

остатками залегали в пределах отмеченной толщи напластований.

Такое залегание жилищ в культурных отложениях и прежде всего залегание наземных построек (см. табл. 3, жилища №№ 49, 51) указывает на относительно раннее появление в городе этой группы построек.

Если принять заглубление, обычное для южнорусских полуземляночных жилищ, равное 0.8—1.0 м, за исходное для определения глубин полуземляночки х построек нашей группы⁹⁴ (табл. 3), то окажется, что рас-

Таблица 3

Поглубинное залегание полов жилищ боршевской группы населения на территории города

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
0.8	—	—	—	—	—
0.7	220	—	—	—	41
0.6	—	—	—	52	44
0.5	—	—	—	—	—
0.4	—	—	—	—	50
0.3	—	—	—	43	49
0.2	—	—	—	9	51
0.1	45	—	—	46, 11	48
0	—	—	—	54, 29, 55	—
—0.1	53	—	—	—	—
—0.2	—	—	—	15	—
—0.3	—	—	32	—	21, 27
—0.4	40	—	—	8, 6	20
—0.5	—	—	31	—	—
—0.6	4	—	—	—	26, 18, 19

сматриваемая группа жилищ, судя по учтенным нами постройкам, появляется на городище, в пределах крепости тогда, когда там уже накопились первые 0.2—0.3 м отложений, и залегает начиная с этого уровня и до уровня 1.5—1.7 м. Об относительно раннем появлении рассматриваемых жилищ в пределах крепости говорит и залегание

⁹⁴ Основанием для этого может служить то, что обнаруженная раскопами постройка № 27 врезалась своим полом во внутреннее пространство сохранившихся остатков южной оборонительной башни (донжона), частично используя стены последней в качестве своих стен. При этом высота сохранившихся рядов кладки стен этой башни равна в среднем 0.8—1.0 м.

в культурных слоях характеризующей их керамики.

Как уже отмечено, для жилищ этой группы характерной является керамика роменско-боршевского типа. Основной своей массой керамика эта залегает в первом метре культурных отложений города (рис. 34), т. е. в том же раннем слое, в котором находится и основная масса керамики салтово-маяцкого типа, характеризующая жилища первой из рассмотренных групп (ср. рис. 23 и 34).

Однако, как это видно из рис. 34, часть боршевской керамики зафиксирована и в средних слоях отложений города, что полностью соответствует залеганию самих жилищ.

Итак, суммируя сказанное, а также сопоставляя табл. 3 со схемой рис. 34, можно заключить, что как само залегание построек в культурных отложениях города, так и распространение в этих отложениях керамики, характеризующей эти постройки, дают основание полагать, что рассматриваемая группа жилищ, появившись на городище несколько позже двух предыдущих групп, с ними сосуществует, а в отношении первой группы (жилища салтово-маяцкой культуры) продолжает существовать какое-то время и после ее исчезновения.

В этой связи интересно отметить, что проведенное выше разделение рассматриваемой группы жилищ на подгруппы, по-видимому, отражает хронологическую последовательность их появления. Так, из 7 жилищ первой подгруппы,⁹⁵ печи которых были сложены либо целиком из камня, либо из камня с незначительным добавлением битого кирпича, 6 построек своими основаниями оказались или впущенными в материк, или располагались на его поверхности, в то время как из 20 жилищ второй подгруппы, печи которых были сооружены из кирпича и камня или из одного кирпича,⁹⁶ 14 построек своими основаниями ложились в слой над материком.

Отмеченная выше связь стратиграфии рассматриваемых построек с хронологией появления их на городище находит себе подтверждение и в других наблюдениях. Так, например, жилище № 27, расположенное

⁹⁵ Жилища №№ 45, 40, 8, 6, 49, 18, 19.

⁹⁶ Жилища №№ 220, 53, 32, 31, 52, 43, 9, 46, 11, 54, 29, 55, 15, 41, 44, 50, 51, 48, 21, 27.

в Донжоне, уже своим местонахождением указывает на то, что оно возникло только после гибели этого сооружения. Аналогичное положение мы наблюдаем и с жилищем № 32, которое своим основанием врежется в помещение кирпичного здания IV, что также могло быть возможным только после разрушения этого здания. Оба эти жилища по конструкции находившихся в них печей относятся ко второй подгруппе.

Хронологическое различие указанных подгрупп наиболее ярко проявляется в составе сопровождавшего их инвентаря. Как уже упоминалось, в составе материалов, характеризующих вторую (более позднюю) подгруппу, для ряда жилищ были отмечены находки обломков стеклянных браслетов, обломков русской гончарной посуды, херсонесская монета, датируемая 959—963 гг., что связывает эту подгруппу со средними слоями городища.

Как рано появилась рассматриваемая группа жилищ в целом на территории изучаемого памятника, сказать трудно. Однако совершенно очевидно, что появилась она на городище не сразу после постройки крепости, а несколько позже, когда отдельные постройки первых поселенцев (постройки салтово-маяцкой группы) уже были по каким-то причинам заброшены.⁹⁷

Заканчивая изучение этой группы жилищ, необходимо отметить, что схема распространения керамики роменско-боршевского типа в слоях культурных отложений города представляет интерес и с точки зрения фикси-

руемого в ней количественного соотношения керамических остатков по раскопкам.

При анализе аналогичных схем, составленных для характеристики предшествующих групп жилищ (салтово-маяцкой и тюркской), уже отмечалось, что залегание керамических остатков и количественное соотношение их по различным участкам крепости полностью совпадает с распространением самих жилищ, входивших в указанные группы, как по глубинам их залегания, так и по территории расположения этих жилищ на площади крепости.

Для изучаемой группы построек распространение характеризующей ее керамики и расположение входивших в эту группу жилищ (ср. табл. 2 и рис. 34) не совпадает. Как это видно из рис. 34, основная масса керамики, характерной для этой группы, располагалась вне пределов цитадели, в то время как в этой части крепости концентрировалось 40% всех жилищ изучаемой группы. Отмеченное несоответствие в распространении жилищ и характерной для них керамики объясняется тем, что приведенная схема, учитывая всю роменско-боршевскую керамику, вбирает в себя соответствующую часть находок, относящихся к следующей, четвертой группе жилищ Саркела—Белой Вежи — к жилищам с глинобитными печами и к жилищам второй подгруппы пятой группы (постройки с кирпичными прямоугольными печами), размещение которых на городище не совпадает с распространением здесь жилищ с печами-каменками.

4. ЖИЛИЩА С ГЛИНОБИТНЫМИ ПЕЧАМИ

Сравнительно небольшую группу составляют жилища с глинобитными печами. К ним относятся постройки №№ 136, 132, 130, 138, 219, 66, 87, 218, 1008, 137, 140, 289, 199, 28 (табл. 4). Из общего количества учтенных жилищ одна постройка (№ 130) дошла до нас, полностью сохранив свое основание, четыре постройки (жилища №№ 138, 66, 218, 28) сохранились частично, остальные жилища оказались сильно разрушен-

ными и представляли собой обрывки глинобитных полов с находившимися на них развалами печей.

По типу своему и по строительным особенностям жилища этой группы там, где это можно проследить, делятся на полуземляночные постройки столбовой конструкции и постройки, условно названные бесстолбовыми. К первым из них относятся жилища №№ 130, 218 и 28, при этом жилища №№ 130 и 28 представляли собой постройки с угловыми и промежуточными столбами, а жилище № 218 — постройку только с угловыми столбами. К так называемым бесстолбовым постройкам относятся жилища №№ 138 и 66.

⁹⁷ Так, например, жилище № 40 (третьей группы) перекрывает собой более раннее сооружение, возможно, жилище салтово-маяцкой культуры. Жилище № 6 (третьей группы) перекрывает постройку № 13 (салтово-маяцкая группа).

ЖИЛИЩА СТОЛБОВОЙ КОНСТРУКЦИИ

Одной из наиболее хорошо сохранившихся построек этой конструкции является жилище № 130 (рис. 35, 36), обнаруженное в 1949 г. на квадратах K_3-L_4 и K_4-L_6 . Глубина залегания пола — 0.1 м от уровня материка.

Жилище дошло до нас в виде почти квадратного в плане, прекрасно сохранившегося, хорошо утоптанного глинобитного пола, примыкавшего одной из своих сторон

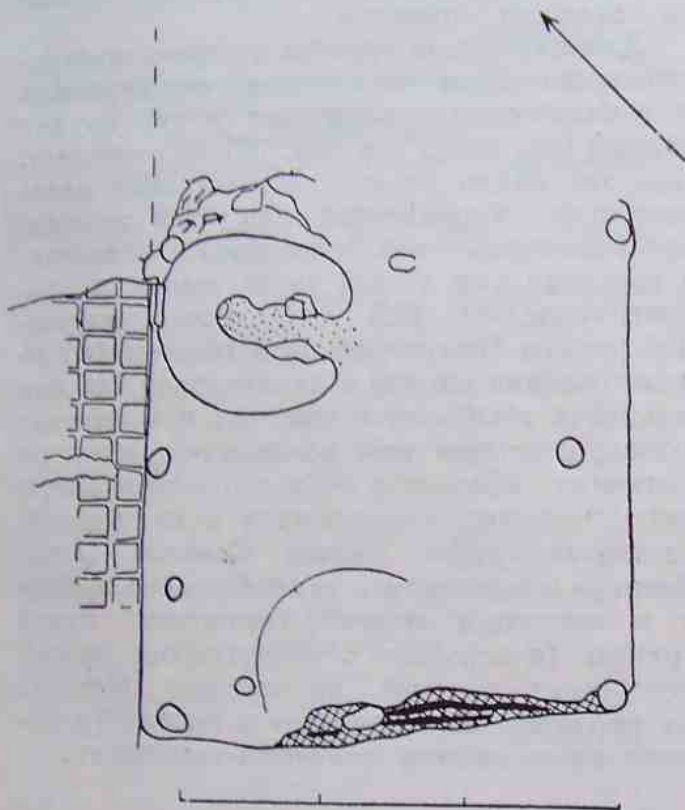

Рис. 35. Жилище № 130 (план).

к северо-западной стене крепости. По углам пола и в середине его юго-восточной, юго-западной и северо-западной сторон находились гнезда от опорных столбов, поддерживавших стены и кровлю постройки и определявших, таким образом, ее границы.

Размеры жилища 3.45×3.5 м. Своими сторонами оно ориентировано по направлению основных оборонительных стен крепости. В северном углу постройки находилась почти вплотную примыкавшая к крепостной стене большая глинобитная печь. Печь, по конструкции своей сводчатая, куполообразная, в плане имела вид подковы, длина ее 1.3 м, ширина 1.17 м; высота от пола 0.67 м (от уровня отпечатков стены 0.57 м). Кверху

она суживается и имеет форму усеченного конуса, в верхней части которого находилось отверстие для выхода дыма. Устьем печь обращена на юго-восток. Часть стенки печи над устьем оказалась разрушенной.

Печь была сложена следующим образом. По линии, ограничивающей овальное в плане внутреннее пространство топки, было вбито 15 колец на расстоянии 8—15 см друг от друга. Колья располагались наклонно вовнутрь печи и представляли собой каркас, на котором держались стенки (рис. 37, 38). Образованный кольями овал с внешней стороны был обложен скрепленными глиной кусками камней и кирпичей, поверх которых затем были уложены чередующиеся слои глины и битого кирпича. После того как стены были возведены, их дополнительно как с внутренней, так и с внешней стороны обмазали глиной. Слоем глины был покрыт и под печи, предварительно вымощенный обломками сосудов (красноглиняные кувшины). При последующей эксплуатации печи ее деревянный каркас выгорел, а подвергнутые обжигу стены приобрели необходимую жесткость.

Аналогичные печи в виде таких же усеченных конусов хорошо известны по древнерусским жилищам-землянкам X—XIII вв. Они обнаружены в Киеве⁹⁸ и на городище Монастырище.⁹⁹ Подобная печь раскопана нами в г. Чернигове, в районе Елецкого монастыря.¹⁰⁰ Она была устроена точно так же, как и печь в жилище № 130 — такой же деревянный каркас (рис. 39) и такая же вымостка из обломков глиняной посуды под обмазкой пола.¹⁰¹

Своим северным углом вместе с находящейся в нем печью рассматриваемая по-

⁹⁸ М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 9, 10 и сл.; 2) Землянка-мастерская киевского художника XIII в. КСИИМК, XI, 1945, стр. 5—15; 3) Древний Киев. По следам древних культур Древняя Русь. М., 1953, стр. 57 и сл.

⁹⁹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 64, рис. 35.

¹⁰⁰ Дневник раскопок Черниговской археологической экспедиции за 1952 г. Дневник В. Д. Белецкого. Киев, Институт археологии (копии дневников хранятся в Ленинграде в Гос. Эрмитаже).

¹⁰¹ Небезынтересно отметить, что среди обломков посуды, в основном сработанной на круге, в вымостку были положены фрагменты крупного горшка роменско-боршевского типа с характерным для него орнаментом.

стройка частично перекрывала упомянутый ранее подкоп под крепостную стену.

При расчистке жилища был собран значительный по количеству материал. Керамические остатки, несмотря на свою многочисленность, состояли из разрозненных обломков различных сосудов, при этом основ-

вещевой материал, представленный единичными находками, составляли железный гвоздь, обломок железного предмета, медная бляшка и обломок темного, полукруглого в сечении стеклянного браслета.

Наличие в сопровождавшем жилище материале обломка сосуда с зеленой поливой,

Рис. 36. Основание жилища № 130. Общий вид.

ную их массу составляли фрагменты лепных горшков роменско-боршевского типа и обломки сформованных на круге сероглиняных сосудов салтово-маяцкого типа, украшенных сплошным рифлением или лощением. Кроме перечисленных керамических остатков, в жилище было обнаружено сравнительно большое количество обломков краснокувшинной керамики и мелкобороздчатых амфор, причем в двух случаях последние имели на своих ручках клейма (византийские?), указывающие на то, что амфоры эти являлись привозными. В числе обнаруженного в жилище керамического материала находился обломок ножки чаши, покрытой зеленой поливой, а также несколько обломков русских сосудов, сработанных на медленно вращающемся круге.

обломков правленной на круге русской керамики, неизвестной для построек нижних слоев отложений города, заставляет предположить, что жилище это возникло не в самый ранний период жизни городища. Вероятно, оно было опущено с более верхних слоев отложений.

Сравнительно позднее появление его подтверждается датировкой печи по имеющимся аналогиям. На это же указывают находки обломка сосуда с зеленой поливой и стеклянного браслета, широкое распространение которых относится ко времени не ранее XI в.¹⁰²

¹⁰² М. К. Каргер. 1) Землянка-мастерская киевского художника XIII в., стр. 14; 2) Древний Киев. По следам древних культур. Древняя Русь, стр. 61.

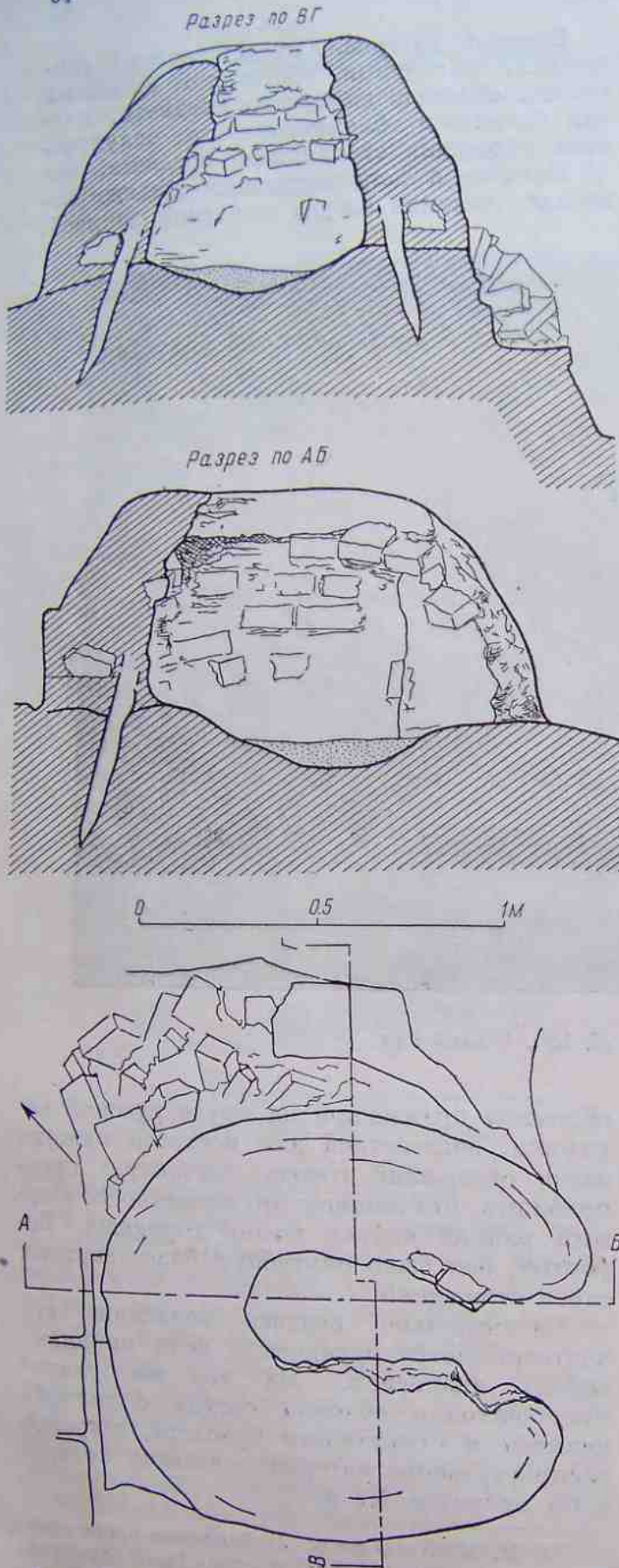

Рис. 37. Печь из жилища № 130 (план и разрез).

Косвенным подтверждением относительно позднего появления рассматриваемой постройки может служить, наконец, то, что находившаяся в ней печь оказалась в очень хорошей сохранности. В самом деле, если отбросить моменты случайности, то остается думать, что такая хорошая сохранность печи была обеспечена за счет стенок врезанной в землю части постройки, которые,

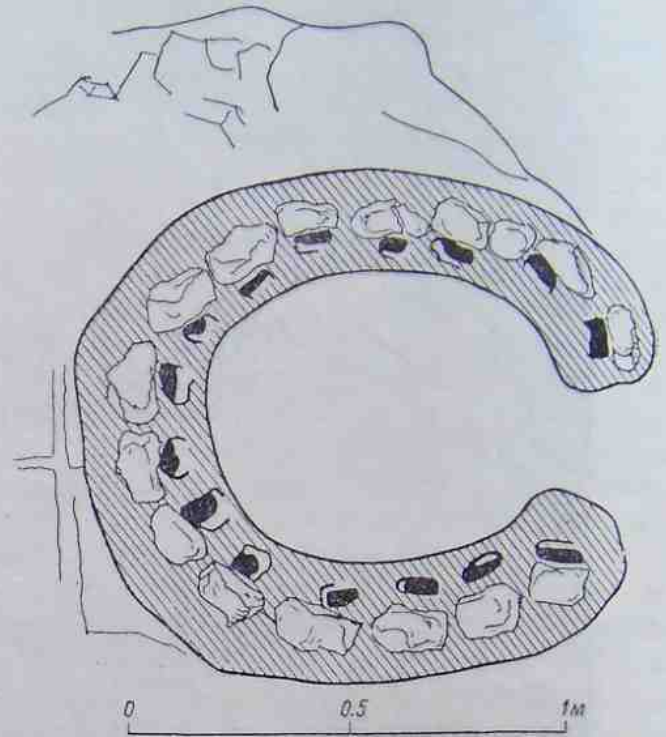

Рис. 38. Схематический план основания печи из жилища № 130 с ямками от кольев деревянного каркаса.

возвышаясь над печью, явились как бы футляром, предохранявшим ее от разрушения.

Жилище № 28. По конструкции своей жилище это аналогично только что рассмотренным. Оно обнаружено в цитадели, на квадратах $C_{22}-P_{23}$, $C_{21}-P_{22}$, $P_{21}-П_{22}$ и $P_{23}-П_{24}$. Глубина залегания пола -0.1 м. Своим основанием жилище прорезало относящуюся к хазарскому времени кирпичную вымостку около здания II (донжона) и представляло собой прямоугольную в плане полуземлянку, по углам и в середине стен которой находились ямки от столбов. Около северо-восточной стены постройки, поблизости от восточного ее угла, располагалась глинобитная печь, развалы которой были частично уничтожены более поздней

ямой. Поздними перекопами нарушены также южный угол, центральная и северо-западная части жилища. Размеры постройки $2,8 \times 3,25$ м; ямки от опорных столбов сохранились в северном, восточном и западном углах, а также около середины юго-восточной стены.

Сопровождавший жилище материал составляли обломки лепленных от руки сосу-

перекопами. В уцелевших западном и южном углах постройки находились ямки от столбов. Обнаруженная в жилище печь, в плане прямоугольная, внутри сведенная на круг, была сложена из глины, обломков кирпичей и песчаника. С внутренней, а также, вероятно, и с наружной стороны печь была покрыта слоем глиняной обмазки. Глиня-

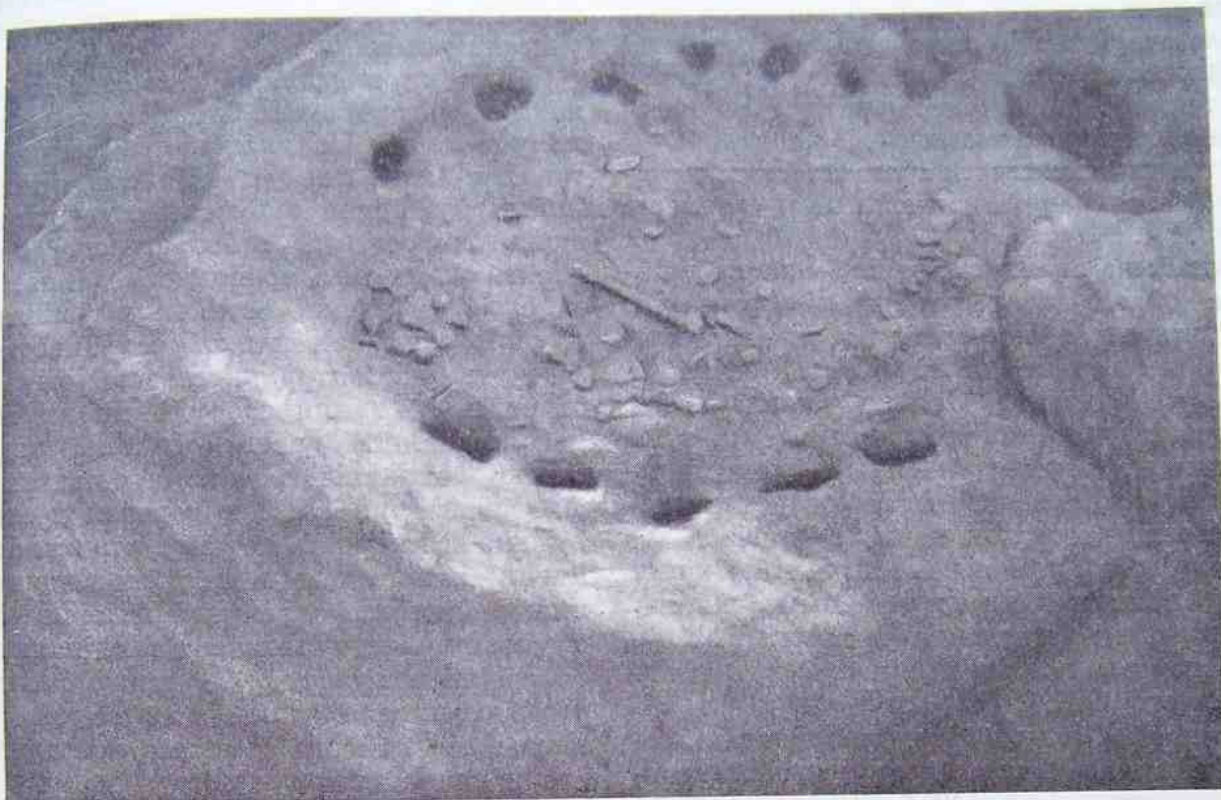

Рис. 39. Конструкция основания русской печи XI—XII вв. из г. Чернигова.

дов роменско-боршевского типа, обломки сосудов салтово-маяцкого типа и красноглиняных кувшинов с плоскими ручками. В составе керамических находок были встречены также обломки сосудов других типов. Из вещей найдена одна голубая пастовая бусина.

К жилищам столбовой конструкции относится постройка № 218. Она обнаружена в 1950 г. на квадрате T_9-C_{10} (раскоп II 1950—1951 гг.). Глубина залегания пола — 0,18 м. Жилище представляло собой прямоугольную в плане полуземлянку с печкой, расположенной в южном углу. Сохранилась постройка неполностью. Ее северный и восточный углы с примыкавшими к ним участками стен и пола разрушены поздними

ной же обмазкой покрыт и ее под, предварительно выстланный кирпичами. Обнаруженные в жилище находки состоят из обломков лепленных от руки сосудов роменско-боршевского типа и сосудов, сработанных на медленно вращающемся круге. Среди керамики, сопровождавшей это жилище, были встречены также обломки сосудов салтово-маяцкого типа и красноглиняных кувшинов с плоскими ручками.

БЕССТОЛЬНЫЕ ЖИЛИЩА

К бесстольным постройкам относятся жилища №№ 138 и 66. Первое из них было обнаружено в 1950 г. на раскопе II 1950—1951 гг., на квадрате II_2-O_3 . Глубина за-

легания пола 0.61 м. От него сохранились северный и южный углы с примыкающими к ним участками хорошо утоптанного глинобитного пола.

В северном углу постройки находился развал глинобитной печи и, очевидно, связанные с ней остатки кирпичной вымостки в виде положенных в один ряд 5 кирпичей, идущих вдоль несохранившейся северо-восточной стены жилища. Южный угол постройки хорошо очерчивался слоем золы и остатками горелых плах. Примыкавший к углу участок пола также был покрыт пятнами золы и измельченными угольками.

В плане жилище приближалось к квадрату, его приблизительные размеры 3.25×3.1 м.

Печь была овальной, ее юго-западная половина оказалась полностью разрушенной более поздними перекопами. Длина печи около 1 м, ширина 0.7 м.¹⁰³ Устье печи выложено кирпичами. Задняя стенка печи со стороны топочной части была, по всей вероятности, также укреплена находящимися там поставленными на ребро кирпичами. Толщина стенок печи 12—15 см.

Между развалом печи и примыкающими к нему остатками кирпичной вымостки находились обломки глиняного бортика от сушила, помещавшегося на печке и сделанного вместе с ней.

Материалы, сопровождавшие жилище, состояли из небольшого количества керамических остатков, а также большого мергельного грузила, обломка бронзовой поделки и лощила из кости. Керамика представлена обломками и целым сосудом роменско-боршевского типа, обломками сосудов салтово-маяцкого типа, небольшим количеством обломков амфор, а также несколькими обломками сосудов с зеленой поливой.

К бесстолбным постройкам относится жилище № 66. Оно обнаружено на квадратах M_1-L_2 и L_1-K_2 (раскоп II 1950—1951 гг.). Глинобитный пол его, покрытый большим количеством горелого дерева, лежал на уровне материка и занимал угловое помещение (помещение № 2) кирпичного здания I (рис. 1). Восточный и южный углы жилища, а также и его пол оказались сильно изрезанными

ямками. В западном углу находился развал глинобитной печи.

Стенами жилища, надо полагать, служили кирпичные стены самого здания, чем, очевидно, и объясняется отсутствие в нем поддерживающих крышу опорных столбов.

Остатками крыши, по-видимому, являлись скопления горелого дерева и золы, обнаруженные в постройке на сохранившихся участках пола.

Находки в жилище состояли из обломков сосудов роменско-боршевского типа, обломков и целого экземпляра сосудов салтово-маяцкого типа и обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками. Вещевые находки из этого жилища представлены обломками точильного камня.

О конструкции остальных жилищ этой группы ввиду их плохой сохранности сказать что-либо затруднительно. Можно лишь отметить, что при сооружении их широко использовалось дерево, о чем свидетельствуют сохранившиеся в их остатках большие скопления золы и горелой древесины. Однако если судить по тому, что жилища эти имели аналогичные печи, а сопровождавший их керамический и вещевой материал по своему составу был идентичен с находками из рассмотренных построек, то можно заключить, что и сами несохранившиеся жилища имели те же особенности в своих конструкциях, что и сохранившиеся постройки.

Ближайшие аналогии изучаемым жилищам, как это уже отмечалось для постройки № 130, широко известны по раскопкам славяно-русских городищ и поселений X—XIII вв. и прежде всего Киева и Чернигова. Поэтому по своей культурно-этнической принадлежности эти постройки следует считать славяно-русскими.¹⁰⁴

На площади городища интересующие нас жилища с глинобитными печами располагались следующим образом: жилища №№ 136, 132 и 130 обнаружены в районе западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.); жилища №№ 138, 219, 66, 87, 218 и 1008 открыты на территории, примыкающей к средней части юго-западной оборонительной стены (раскоп II); пять построек этой

¹⁰³ Точных размеров сохранившейся части печи, как, впрочем, и размеров самой постройки, в записях в дневниках не дано; приведенное описание составлено нами на основании чертежной документации.

¹⁰⁴ На славяно-русскую принадлежность рассматриваемых жилищ указывает также и то, что входившие в нее постройки по своим конструктивным особенностям наиболее близки к жилищам предыдущей (боршевской) группы.

группы (жилища №№ 137, 140, 289, 199, 28) располагались в цитадели.
 Распределение жилищ по глубинам залегания полов в толще культурных отложений города показано на табл. 4.

Таблица 4

Поглубинное залегание полов жилищ с глинобитными печами на территории города

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
1.4	136	—	—	—	—
1.3	—	—	—	—	137, 140
1.2	—	—	—	—	—
1.1	—	—	—	—	—
1.0	—	—	—	—	289
0.9	—	—	—	—	—
0.8	—	—	—	—	—
0.7	—	—	—	—	—
0.6	—	—	—	138	—
0.5	—	—	—	—	—
0.4	—	—	—	—	—
0.3	132	—	—	—	—
0.2	—	—	—	—	—
0.1	—	—	—	—	—
0	—	—	—	219, 66	199
—0.1	130	—	—	—	28
—0.2	—	—	—	87, 218, 1008	—
—0.3	—	—	—	—	—

Как видно на табл. 4, часть построек этой группы (жилища №№ 136, 138, 137, 140, 289) располагалась на глубине от 0.6 до 1.4 м, что указывает на относительно позднее появление их на городище. Другая часть жилищ (постройки №№ 132, 130, 219, 66, 87, 218, 1008, 199 и 28) залегала в нижних слоях отложений.

Если жилища, обнаруженные в средних слоях городища, уже своим расположением могут быть определены как более поздние, то залегание в нижних слоях другой части построек этой группы еще не дает основания считать их более ранними. При решении вопроса о хронологии появления жилищ с глинобитными печами на городище необходимо учитывать тот керамический и вещевой материал, который их сопровождает, особенно для построек, расположенных в нижних слоях.

Как уже отмечалось, керамика, сопровождавшая эту группу жилищ, представлена на городище лепленными от руки сосудами роменско-боршевского типа, кружальными сосудами салтово-маяцкого типа и привозными красноглиняными кувшинами с плоскими ручками. Особо следует отметить наличие в рассматриваемом керамическом комплексе обломков и целых экземпляров славянских горшков, сработанных на ручном гончарном круге,¹⁰⁵ известных в более поздних постройках предшествующей группы, а также привозных сосудов, украшенных зеленой поливой.¹⁰⁶

В составе вещевых находок, характеризующих эту группу, встречены обломки жерновов, точильные бруски, обломки железных и бронзовых предметов, а также, что особенно важно, литейные формочки,¹⁰⁷ тигельки для плавки меди, изделия из кости с характерным для русских памятников великокняжеской поры глазковым орнаментом¹⁰⁸ и обломки орнаментированных браслетов из цветного, чаще голубого или синего стекла¹⁰⁹.

Литейные формочки и тигли, а особенно стеклянные браслеты, так же как и сработанные на медленно вращающемся круге сосуды и сосуды с зеленой поливой, не являются характерными находками для ранних слоев культурных отложений города. Обычно они обнаруживались в средних слоях городища (рис. 40).¹¹⁰

Из сказанного следует, что рассматриваемая группа жилищ появляется на городище в его средних слоях и относится к несколько более позднему времени, чем предыдущие группы построек. Появление

¹⁰⁵ С. А. Плетнева, ук. соч., рис. 14.

¹⁰⁶ Б. А. Шелковников. Поливная керамика Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 289, рис. 8.

¹⁰⁷ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 69, рис. 47.

¹⁰⁸ Там же, рис. 49.

¹⁰⁹ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 309—319, рис. 1—4.

¹¹⁰ На рис. 40 нами дается лишь схема послойного распространения русской, сработанной на круге керамики. Схемы послойного распространения других видов находок, в частности шиферных пряслиц и стеклянных браслетов, см. соответственно: В. П. Левенок. Пряслица городища Саркел—Белая Вежа. Настоящее издание, стр. 351, табл. VIII. З. А. Львова, ук. соч., стр. 323.

этой группы жилищ на городище может быть датировано временем не ранее конца X — начала XI в. На это же указывают и условия залегания отдельных жилищ. Так, например, появление построек №№ 138 и

Если при этом учесть, что хазарские здания, подвергшиеся разрушению в древности (например, оборонительная башня в южном углу крепости; см. рис. 1, здание II), сохранили в своих основаниях кладку на

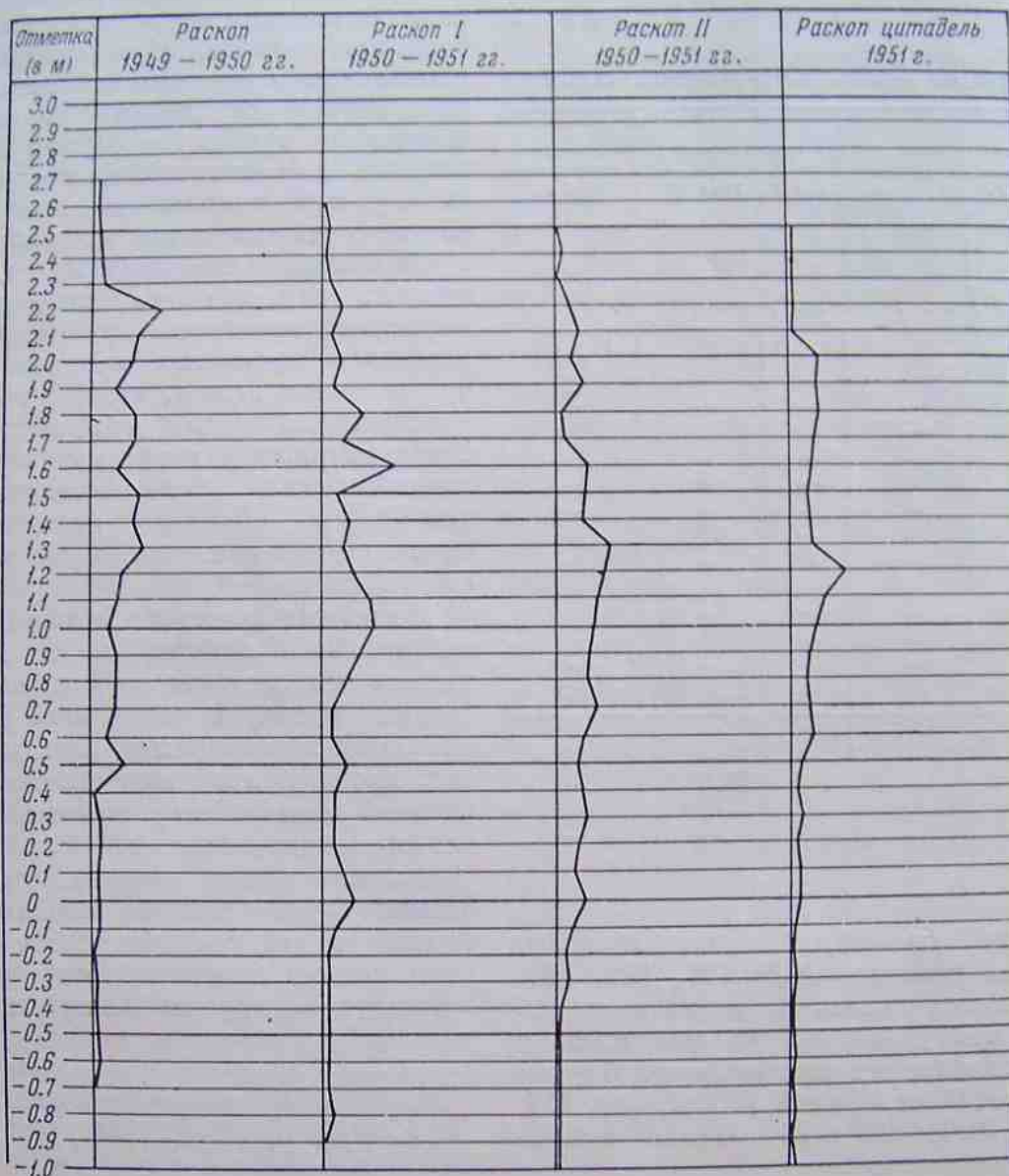

Рис. 40. Схема послойного распространения русской кружальной керамики на площади городища (по раскопам; 1 лин. мм = 50 обломкам сосудов).

66 в пределах кирпичного здания хазарского времени (здание I), а также постройки № 28, которая своим основанием разрушила кирпичную вымостку перед оборонительной башней в южном углу крепости (здание III), стало возможным только после разрушения кирпичных сооружений.

высоту до 1.0 м, что, по-видимому, объясняется накоплением до этого уровня культурных отложений, то из сказанного можно заключить, что рассматриваемая группа жилищ появляется в пределах крепости после того, как там накопился первый метр напластований.

5. ЖИЛИЩА С КИРПИЧНЫМИ ПЕЧАМИ (СМЕШАННАЯ ГРУППА)

Из всех поддающихся определению жилищ, раскопанных в Белой Веже, самое большое количество составили постройки, печи которых были сложены из кирпича, добытого при разборке крепостных сооружений.

Всего таких жилищ учтено 258, из них только 8 построек дошло до нас полностью или почти полностью, сохранив свои основания. Все остальные жилища представляли собой либо небольшие обрывки глинобитных полов с сохранившимися на них остатками кирпичных печей, иногда вместе с сопровождавшими их кирпичными очагами, либо только одни остатки печей, которые, возможно, являлись сопровождавшими жилища надворными сооружениями.

Из указанного общего количества жилищ в 107 случаях их печи и очаги сохранили свои конструктивные признаки, в остальных постройках они представлены развалами кирпича и перегоревшей обмазки.

Жилища с сохранившими свою конструкцию печами могут быть разделены по типу последних на следующие подгруппы.

I. Жилища с большими, квадратными в плане печами, имеющими массивные стены толщиной в положенный плашмя кирпич.

II. Жилища с прямоугольными в плане печами, стенки которых сложены из поставленных на ребро кирпичей.

III. Жилища с большими, квадратными в плане печами, сложенными из поставленных на ребро кирпичей, иногда снабженными центральным опорным столбом, состоящим также из одного или двух вертикально поставленных кирпичей.

IV. Жилища с небольшими квадратными в плане печами, сложенными, как и в предыдущей группе, из вертикально поставленных кирпичей.

Единичными находками на городище представлены жилища с круглыми в плане печами, снабженными центральным опорным столбом, и постройки с овальными печами, сложенными по тому же принципу, как и печи в предыдущих подгруппах.

Разделяясь на отдельные подгруппы по типу и конструкции находившихся в них печей, жилища эти сопровождалась в основном общим для них, чрезвычайно мешанинным по своему составу вещевым, а особенно керамическим материалом. Не оста-

навливаясь на рассмотрении находок, сопровождавших эти подгруппы, — к ним

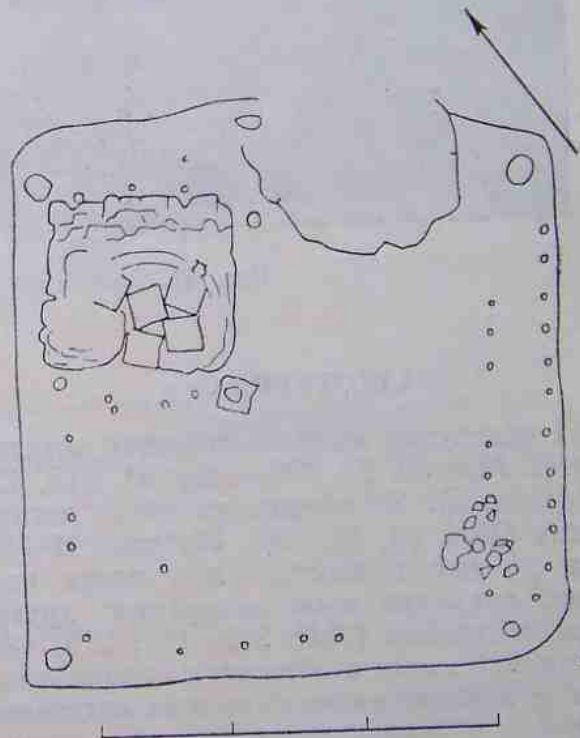
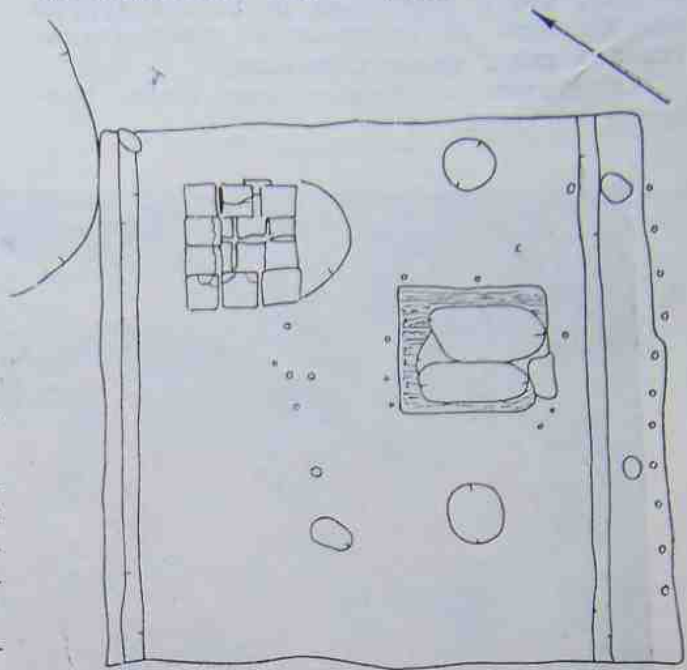

Рис. 41. Жилища с кирпичными печами (план).
1 — жилище № 23; 2 — жилище № 349.

мы в своем месте обратимся — здесь лишь укажем, что все они ввиду силь-

ной их перемешанности не позволяют с уверенностью выделить из своего состава для каждой из названных подгрупп самостоятельный комплекс вещей. Можно только отметить, что в отдельных из этих подгрупп наблюдалось количественное преобладание тех или иных типов керамики.

Обратимся к рассмотрению самих подгрупп построек.

жилище № 33 — 3.1×3.4 м, жилище № 349 — 3.25×3.4 м, жилище № 23 — 3.1×3.0 м.

Своими сторонами жилища ориентировались по основным оборонительным стенам крепости. По конструкции они могут быть отнесены к столбовым постройкам (жилища №№ 30, 33, 349). Одно жилище (№ 23), по всей вероятности, представляло собой опущенный в землю сруб.

Рис. 42. Основание жилища № 23. Общий вид.

I ПОДГРУППА

К I подгруппе жилищ относятся остатки построек №№ 30, 33, 293, 349, 161, 215, 421 и 23 (табл. 5). Из общего их числа четыре жилища (№№ 30, 33, 349, 23; рис. 41—46) дошли до нас полностью или почти полностью, сохранив свои основания; другие четыре постройки (№№ 293, 161, 215, 421) сохранились лишь в обрывках глинобитных полов с находившимися на них остатками печей.

Жилища представляли собой почти квадратные в плане, углубленные в землю помещения с расположенной в одном из углов печкой. Размеры сохранившихся построек следующие: жилище № 30 — 3.94×3.82 м,

Во всех перечисленных жилищах вдоль стен сохранились ямы от столбов, при этом в жилищах №№ 30 и 33 ямы располагались по углам и в середине стенок, а в жилище № 349 они обнаружены были лишь в углах.

В жилище № 23 (рис. 41, I; 42), которое по планировке своей ничем не отличалось от остальных построек, вдоль северо-западной и юго-восточной сторон, отступя на некоторое расстояние от стенки земляночной ямы, находились строго параллельные друг другу канавки с сохранившимися в них остатками дерева. От юго-восточной стенки земляной ямы такая канавка отстояла на $0.3-0.5$ м, от северо-западной — на 0.18 м. В этих канавках, подобно тому, что мы увидим дальше в жилище № 243, по всей ве-

роятности, располагались бревна нижнего венца сруба. За пределами канавки от бревна, вдоль юго-восточной стороны жилища, а также вдоль ее северо-восточной стороны

сложен из тонких бревен и не мог в связи с этим держать на себе конструкцию перекрытия,¹¹¹ поэтому наиболее слабые его части были усилены дополнительными опор-

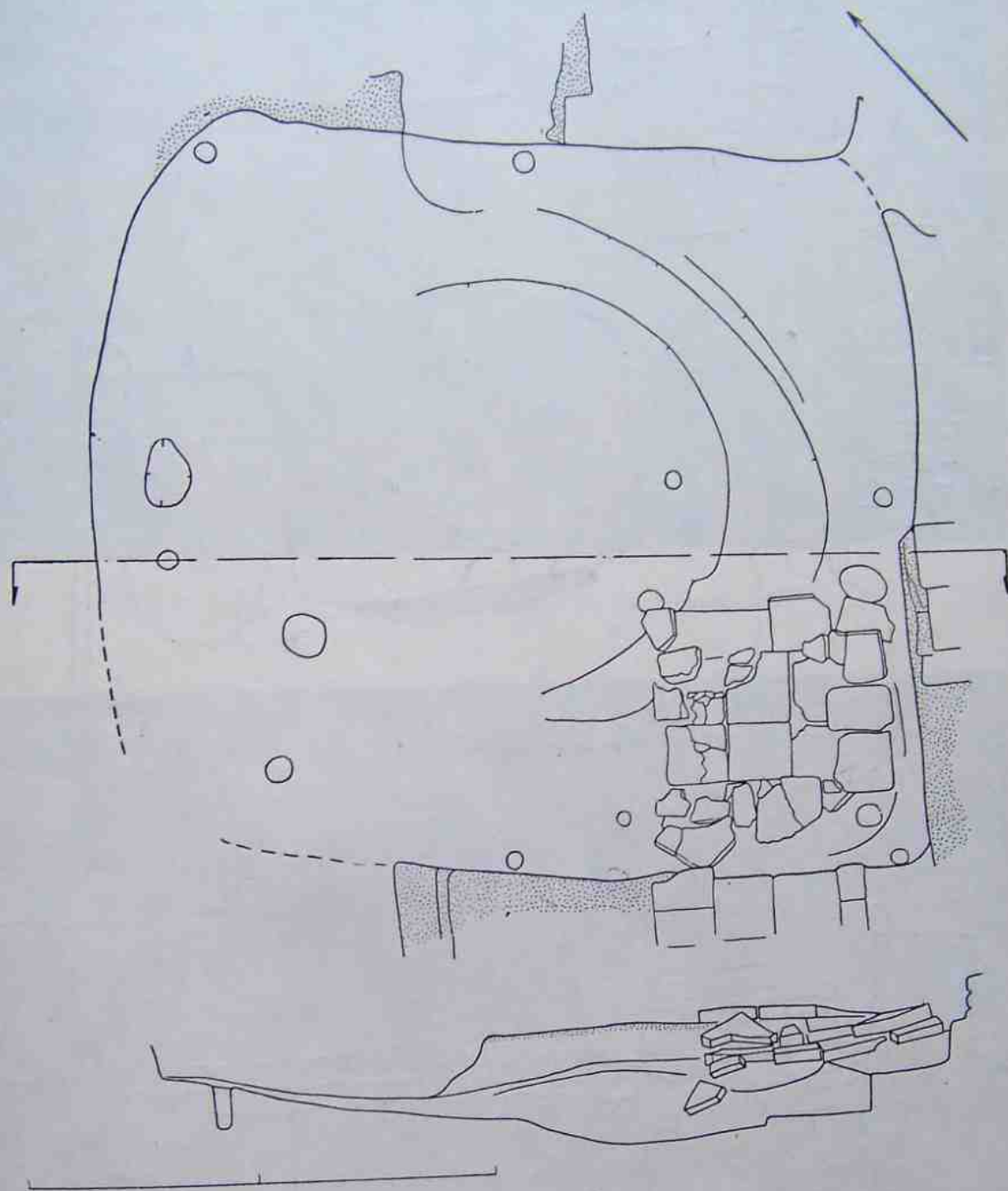

Рис. 43. Жилище № 33 (план и разрез).

обнаружены ямки от столбов. Вдоль юго-восточной стенки земляночного углубления, частью по ней находились ямки от плетня. Точного назначения ямок от столбов мы не знаем. Возможно, что опущенный в приготовленную для жилища яму сруб был

ными столбами. Два из них, расположенные один в восточном углу, другой — близ него вдоль северо-восточной стороны постройки,

¹¹¹ Вполне возможно, что сруб в рассматриваемой постройке являлся лишь облицовкой ее стен.

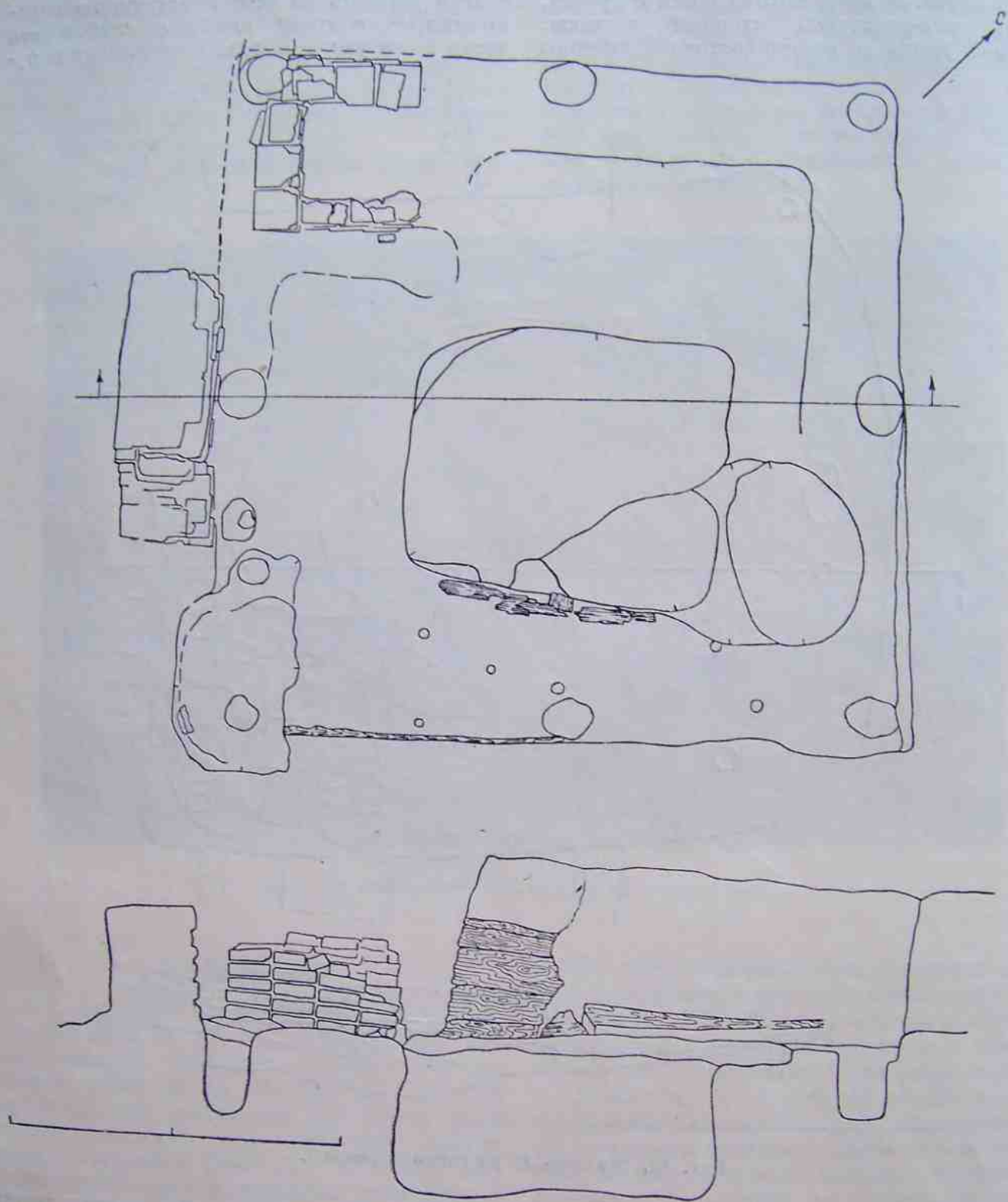

Рис. 44. Жилище № 30 (план и разрез).

Рис. 45. Основание жилища № 33. Общий вид.

Рис. 46. Основание жилища № 30. Общий вид.

по всей вероятности, выполняли, кроме того, роль опоры для устройства входа.

Ямки от плетня ввиду их расположения и на борту, и вдоль стенки земляночного углубления, непосредственного отношения к конструкции самой постройки, по-видимому, не имеют. Они, по всей вероятности, представляли собой остатки забора, которым жилище было огорожено.

Полы в жилищах, как правило, глинобитные, плотно утопанные, иногда (жилище № 23) со следами неоднократной подмазки. В отдельных постройках (№№ 161, 215) на полах обнаружены были кирпичные вымостки, а в жилище № 30 полом служила материковая глина.

Любопытно отметить, что обмазка пола в жилище № 23 точно подходит к упомянутым канавкам от бревен, не переходя за них; у юго-западной и северо-восточной стенок земляночной ямы эта обмазка обрывается ровной линией, не доходя до указанных стен, что является дополнительным подтверждением правильности нашего предположения о срубном характере находившейся здесь постройки.

Рассматриваемые жилища, как мы отметили, представляли собой врезанные в землю помещения. Сохранившаяся высота земляных стенок этих построек следующая: у жилища № 30 — 1.2 м, у жилища № 33 — 0.25 м, у жилища № 349 — 1.2 м и у жилища № 23 — 0.35 м. Ямы для жилищ иногда делались больше, чем предполагаемая в них постройка. Так, например, упомянутая нами постройка № 23 имела размеры 3.5×3.8 м, а ее яма — 4.2×4.3 м. Чаще же приготовленные для жилищ ямы в своем основании точно соответствовали размерам находившихся в них жилищ. На это указывают не только гнезда от столбов и кольев, относящихся к конструкции построек, расположенных вплотную к стенкам земляночных ям (жилища №№ 30, 33, 349, 23), но и сохранившаяся в разрезе стенка одной из таких ям (яма жилища № 30). Последняя¹¹² была вырыта в виде котлована с несколько расходящимися вверх стенами, основания которых вплотную подходили к стенам жилища.

Стены у жилищ были либо деревянные, в виде упомянутого выше сруба (жилище

№ 23), либо в виде плетня (жилище № 349), либо были облицованы деревянными плахами (жилище № 30; рис. 44, 46); последние укладывались между стенами земляночной ямы и расположенными вдоль них опорными столбами (рис. 44). Плахи подгонялись одна к другой довольно плотно, предохраняя от возможного оползания земляных стенок. Пространство между стенками ямы и стенами находящейся в ней постройки заполнялось, как правило, землей и мусором.

Находившиеся в жилищах печи были в плане почти квадратные. Размеры их колеблются от 0.71×0.57 (жилище № 421) до 1.2×1.3 м (жилище № 293).¹¹³

Массивные стены печей сложены либо из рядов горизонтально положенных кирпичей (жилища №№ 30, 33, 161, 215, 23; рис. 41, 1; 42—46), либо из рядов горизонтальной кладки, перемежающихся с рядами вертикально поставленных кирпичей (постройки №№ 293, 349, 421; рис. 41, 2). Поды в печах, как правило, выложены кирпичом, и только в жилищах №№ 30 и 421 они были земляные.

Верхние, наиболее плохо сохранившиеся части печей дошли до нас лишь в двух постройках: в жилище № 349¹¹⁴ и в остатках постройки № 161. В первом из них печь имела свод, выложенный из кирпича, во втором он был сложен из камня, что роднит эту печь с печами-каменками, известными на городище по нижним слоям культурных отложений. Вполне возможно, что строитель этой печи еще помнил традицию кладки печи-каменки. Однако вполне возможно также и то, что указанная печь принадлежала не жилищу, а постройке иного назначения (например, бане). Печи иногда обмазывались глиной, при этом у некоторых сверху с помощью той же обмазки устраивалось нечто вроде «сковородки» (жилище № 349) с довольно высоким бортиком (до 10 см), выполнявшей, очевидно, роль сушилки для сыпучих продуктов (например, зерна). В отдельных жилищах (жилища №№ 33, 349) около углов печей находились ямки от столбов, а в постройке № 23 около

¹¹³ Размеры печей в жилищах: № 30 — 1.0×1.0 м; № 33 — 1.1×1.2 м.

¹¹⁴ Жилище № 349 и находящаяся в нем печь были опубликованы; см.: М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 53—54. В этой же работе М. И. Артамоновым были опубликованы печь построек №№ 161 и 215 (стр. 55).

¹¹² М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 59, рис. 39, 3.

устье печи имелась полукруглая в плане, неглубокая предпечная яма (рис. 41, 1; 42).

В качестве примера того, как складывались печи со смешанной кладкой, мы приведем описание печи из постройки № 349 — единственной полностью сохранившейся печи для жилищ этой подгруппы.

Печь в плане почти квадратная, ее стенки в нижней части были сложены из ряда поставленных на ребро кирпичей, широкой плоскостью друг к другу, поверх которых располагались ряды горизонтальной кладки. Верхние ряды этой кладки, благодаря своему смещению вовнутрь печи, образовывали свод. Печь снаружи была обмазана глиной, при этом обмазка верхней части печи представляла собой «сковородку». Высота печи 0.78 м, ее под состоял из 9 кирпичей; устье печи имело размер 0.3×0.6 м.

Кроме печей, в некоторых жилищах подгруппы имелись погреб и хозяйственные ямы. Погреба были обнаружены в жилищах №№ 23 и 30, хозяйственные ямы имелись в постройке № 23. Погреб в постройке № 23 представлял собой неглубокую (глубиной 0.4—0.5 м) яму прямоугольных очертаний, размером 0.96×1.15 м; сверху по ее углам сохранились остатки досчатой крышки (ширина досок 0.12—0.2 м). В нижней части яма делилась на два овальных в плане углубления. В заполнении ямы были обнаружены несколько костей животных (свинья, овца), обломок стенки сероглиняного лощеного сосуда салтовского типа, а также шляпка от железного гвоздя.

Погреб в постройке № 30 также представлял прямоугольную, со скругленными углами яму (2.0×1.7 м, глубина 0.9 м). По юго-восточному краю ямы сохранились остатки деревянной крышки. В восточном углу ямы имелась приступка, очевидно предназначенная для входа в погреб. В заполнении ямы встречены обломки лепных сосудов с защипами по венчику и единичные находки обломков рифленых сероглиняных горшков салтово-маяцкого типа.

Хозяйственная яма, обнаруженная в постройке № 23, ничем не отличалась от обычных для славянских построек сооружений этого типа. Судя по расположению, она, очевидно, входила в единый с погребом хозяйственный комплекс.

О том, какие были крыши у рассматриваемых построек, сказать, к сожалению, ничего нельзя, так как каких-либо несом-

ненных остатков этих частей жилища обнаружено не было. Можно лишь предположить по аналогии с другими постройками города, что крыши в жилищах этой подгруппы состояли из деревянного каркаса, покрытого соломой или кугой и присыпанного затем слоем земли или глины (может быть, на это указывают зольные пятна на полу постройки № 33, слой золы на полу жилища № 349, а также остатки горелой соломы и куги в постройке № 421).

Как ни отрывочны данные, относящиеся в основном к нижней части рассматриваемых построек, они все же в какой-то мере дают возможность представить хотя бы приближенно общий облик жилищ.

Итак, жилища этой подгруппы были постройками типа землянки и представляли собой либо опущенный в землю сруб, либо помещения, стены которых были забраны досками или плетнем.

Сопровождавший жилища материал и прежде всего керамические остатки по своему составу не выходят за пределы общего комплекса находок, характерных для всей группы в целом. Керамика, сопровождавшая эту подгруппу построек, отличается чрезвычайной мешанностью, однако доминирующей здесь является русская (лепная и гончарная) посуда. Незначительный по своему количеству вещевой материал составляли железные нож и наконечник стрелы (жилище № 23), бесформенные куски железа, остатки деревянной посуды, обломки стеклянных браслетов (витых и гладких) и стеклянный перстень (жилище № 349).

Все жилища рассмотренной нами подгруппы располагались в районе центральной части крепости,¹¹⁵ и только жилище № 23¹¹⁶ было обнаружено на участке, прилегающем к южной угловой башне крепости в цитадели.

Распределение построек этой подгруппы по глубинам залегания остатков полов показано в табл. 5. На таблице видно, что жилища этой подгруппы своими полами располагались частью в нижних (№№ 161,

¹¹⁵ Жилище № 30 обнаружено на квадрате $I_{99}-Z_{100}$ (раскоп Ia), жилище № 33 — на квадрате $J_{91}-E_{92}$ (раскоп Ia), жилище № 161 — на квадрате II_4-O_5 (раскоп CII), жилище № 215 — на квадрате O_2-H_3 (раскоп II), жилище № 293 — на квадрате I_1-K_2 (раскоп II), жилище № 349 — на квадратах T_5-C_6 и T_6-C_7 (раскоп II).

¹¹⁶ Жилище № 23 обнаружено на квадратах $\Phi_{17}-Y_{18}$, $\Phi_{18}-Y_{19}$, $Y_{17}-T_{18}$ и $Y_{18}-T_{19}$.

Таблица 5.

Поглубинное залегание полов жилищ с большими квадратными толстостенными печами на территории города

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
1.2	—	—	—	293	—
1.1	—	—	—	—	—
1.0	—	—	—	—	—
0.9	—	—	—	—	—
0.8	—	—	—	349	—
0.7	—	—	—	—	—
0.6	—	—	—	—	—
0.5	—	—	—	—	—
0.4	—	—	30	—	—
0.3	—	—	33	—	—
0.2	—	—	—	—	—
0.1	—	—	—	161	—
0	—	—	—	215, 421	—
-0.1	—	—	—	—	—
-0.2	—	—	—	—	23

215, 421, 23), а частью в средних слоях культурных отложений города (№№ 30, 33, 293, 349). Если учесть, что рассмотренные нами постройки представляли собой землянки, то станет совершенно ясным, что дневная поверхность жизни этих построек располагалась где-то значительно выше сохранившихся остатков их полов. На вопрос, где тот уровень, с которого были спущены жилища, ответить трудно, но указать слои культурных отложений, к которым принадлежали эти постройки, вполне возможно.

Если мы примем глубину 1—1.2 м за среднюю величину заглубления наших построек, тогда горизонты, с которых были спущены эти жилища, полностью лягут во второй—начало третьего метра культурных напластований города, керамический и вещевой материал которых повторяется в сопровождающих эти жилища находках.

II ПОДГРУППА

II подгруппу жилищ составляют постройки с прямоугольными в плане печами. Всего таких построек учтено 23 (табл. 6), из них только одно жилище (№ 210) дошло до нас,

почти полностью сохранив свои очертания; все остальные представляли собой либо незначительные обрывки глинобитных полов с сохранившимися на них остатками печей и других частей построек, либо в виде одних печей.¹¹⁷ В двух жилищах этой подгруппы (№№ 275, 374), кроме печей, находились уже известные нам по другим постройкам кирпичные очаги.

Несмотря на фрагментарность перечисленных жилищ, они сохранили в своих остатках некоторые данные для характеристики как типа самих построек, так и их конструкции и планировки, позволяющих хотя бы схематично нарисовать общий облик жилища, типичного для этой подгруппы.

Так, например, в постройке № 328 сохранились небольшие участки глинобитных стен, что позволяет предположительно отнести это жилище к постройкам наземного типа; жилища №№ 370, 210 и 155 сохранили в своих остатках ямы от столбов, которые в сочетании с остатками дерева и глиняной обмазки, обнаруженными в двух последних жилищах, дают возможность говорить о том, что в составе подгруппы имелись постройки столбовой конструкции; стены их были облицованы деревом и затем обмазаны глиной. При этом жилище № 210 представляло собой постройку полуземляночного типа. В строительстве жилищ, по всей вероятности, широко использовалось дерево. Об этом говорит тот факт, что из 23 учтенных построек в 10 случаях они погибли от пожара.¹¹⁸

Характерные для этой подгруппы печи представляли собой прямоугольные, выложенные кирпичом площадки (поды), размером 3×2 кирпича, обведенные с трех сторон стенами из поставленных на ребро (торец к торцу) кирпичей. Стенки печей, как правило, делались из одного такого ряда кирпичей, но иногда (жилище № 210) они состояли из двух рядов.

Судя по сохранившимся остаткам печей в жилищах №№ 299 и 328, их своды делались либо из кирпичей, либо из глины. Первые представляли собой горизонтально положенные кирпичи, опиравшиеся на бо-

¹¹⁷ Жилища №№ 229, 336, 212, 213, 433.

¹¹⁸ Это соотношение жилищ, погибших от пожара, с остальными постройками станет еще более ярким, если мы учтем, что из 12 остальных построек 5 представлены только одними печами.

ковые стенки печи,¹¹⁹ вторые устраивались в виде толстых, до 5—6 см, плоских перекрытий из глины с большой примесью растительных остатков (рис. 47). Как с наружной, так и с внутренней стороны печи обмазывались глиной, слоем ее нередко покрывались и их кирпичные поды.

данными постройки № 210, обнаруженной на раскопе I 1950 г., на квадратах E_5-D_6 , E_6-D_7 , D_6-G_7 . Глубина залегания пола 0.0 м. Постройка эта, являющаяся, как уже отмечено, наиболее сохранившейся, представляла собой четырехугольное, почти квадратное в плане помещение полуземля-

Рис. 47. Двухкамерная печь из жилища № 299.

По своей конструкции печи этой подгруппы наиболее близки к печам-каменкам, к их более позднему на городище варианту (ср., например, печи этой подгруппы построек с печами в жилищах №№ 32, 15 и др.), и являются, по всей вероятности, результатом их дальнейшего усовершенствования. В пользу сделанного предположения, как мы увидим ниже, говорит не только расположение рассматриваемых жилищ на площади городища, но и сопровождающая их керамика.

Наши сведения о рассматриваемой подгруппе жилищ значительно пополняются

¹¹⁹ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 59, рис. 39, 4. Некоторое указание на сделанный из кирпичей свод имеется у печи жилища № 328.

ночного типа, по углам которого находились гнезда от столбов. Размеры его 3.6×3.25 м. В южном углу жилища располагалась печь, сбоку от которой, около стены жилища, находилась овальная в плане хозяйственная яма, заполненная мусором, кусками обожженной и необожженной обмазки, остатками горелого дерева и обломками глиняной посуды. Яма книзу несколько расширялась, ее размеры 1.0×0.7 м, глубина 0.3—0.4 м. В яме, кроме перечисленного, найдены куски обгоревшего проса, остатки сплетенной из соломы кошелки, в которой, вероятно, хранилось просо, и обломки деревянных сосудов. На дне ямы обнаружены зерна пшеницы и полбы.

Как видно из приведенного описания, в жилищах этой подгруппы печи также рас-

полагались в углу постройки, а обнаруженная в жилище хозяйственная яма указывает на то, что подобные ямы могли находиться и в других жилищах этой подгруппы.

Итак, исходя из в высшей степени отрывочных данных, которые дают сохранившиеся остатки жилищ, можно заключить, что последние по своей конструкции и планировке, по своему облику не выходили за пределы построек, известных по другим подгруппам. Нам представляется, что эта подгруппа жилищ отличалась от рассмотренных ранее построек большим единообразием своих конструкций (мы, например, не знаем в остатках жилищ этой подгруппы срубных построек).

Перечисленные нами жилища располагались на площади города следующим образом: 12 построек (жилища №№ 180, 285, 245, 369, 370, 415, 299, 328, 194, 210, 229, 336) были обнаружены в районе северо-западных основных ворот крепости (раскопы I 1950 г. и Ia 1951 г.), при этом постройка № 245 находилась за пределами крепости, 8 построек (жилища №№ 348, 155, 196, 212, 213, 214, 408, 433) было раскрыто в районе средней части юго-западной оборонительной стены, 3 оставшиеся постройки (жилища №№ 316, 275, 374) были обнаружены в районе южной угловой башни или в цитадели (раскоп цитадель 1951 г.). Не останавливаясь сейчас на анализе схемы расположения построек на площади города, отметим лишь, что наименьшее количество построек этой подгруппы находилось в районе южной угловой башни крепости (в цитадели) и что эти постройки не встречены в районе западной угловой башни.

Чтобы решить вопрос о времени существования рассматриваемых жилищ, а также об их этнической принадлежности, нам необходимо выяснить стратиграфию изучаемых построек и попытаться проанализировать тот материал, который эти постройки сопровождают.

Обратимся к материалу и прежде всего к керамике.

Сопровождавшая рассматриваемую подгруппу жилищ керамика по разнообразию составляющих ее форм и типов не выходит из общего для всей рассматриваемой группы жилищ комплекса находок. Для нее также характерна чрезвычайная разнородность керамических остатков, однако основная масса их представлена обломками русской,

лепленной от руки и сработанной на круге посуды. При этом в составе лепной керамики отмечено значительное количество обломков горшков боршевского типа.

В отдельных постройках (например, жилище № 275) преобладали обломки сосудов так называемого саркелского типа.

Незначительный по количеству вещевой материал, сопровождавший эти постройки, составляли бронзовая пуговица, черного и голубого стекла бусы (найжены в жилище № 348), бронзовый бубенчик, костяные поделки в виде трубочек с нанесенными на них прорезями, обломки стеклянных браслетов (жилище № 275), железный нож, обломки стеклянных браслетов (жилище № 370), жернов (жилище № 180), поливное ячкопогремушка белгородского типа (жилище № 316).

По тому, как распределялись керамические остатки и вещевой материал по жилищам этой подгруппы, в ней можно различить постройки, по всей вероятности, относящиеся к более раннему времени, и постройки по времени более поздние. Так, например, в остатках жилищ №№ 194, 210, 155, 196, 212, 213, 214, 408 и 433 русская керамика представлена была только лепленной от руки посудой, в то время как в жилищах №№ 180, 285, 245, 369, 370, 415, 299, 328, 229, 336, 348, 316 и 275 наряду с обломками лепной посуды имелась и посуда кружальная, в том числе обломки так называемых воротниковых амфор, датированных XI—XII вв.¹²⁰

К этому следует добавить, что входящая в рассматриваемый комплекс керамика салтово-маяцкого типа в основном происходила из жилищ, не содержащих в своих остатках русской кружальной посуды, а почти все перечисленные находки вещей найдены в жилищах, где наряду с лепной посудой бытовала и посуда, сработанная на гончарном круге.

Произведенное деление жилищ на более ранние и более поздние находит себе подтверждение и в залегании их остатков в толще культурных отложений города (табл. 6).

¹²⁰ С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 245, рис. 31; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани, стр. 110, 211, табл. IV, 5; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 339, рис. 10, 33, 34.

Таблица 6
Поглубинное залегание полов жилищ
с прямоугольными печами
на территории города

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
2.2	—	180, 285	—	348	—
2.1	—	—	—	—	—
2.0	—	—	—	—	—
1.9	—	—	—	—	—
1.8	—	—	—	—	—
1.7	—	245	—	—	—
1.6	—	—	—	—	—
1.5	—	—	—	—	—
1.4	—	—	—	—	—
1.3	—	—	—	—	—
1.2	—	369, 370, 415	—	—	—
1.1	—	299	—	—	316
1.0	—	—	—	—	—
0.9	—	328	—	—	—
0.8	—	—	229, 336	—	—
0.7	—	—	—	—	—
0.6	—	—	—	—	275
0.5	—	—	—	—	—
0.4	—	—	—	—	—
0.3	—	—	—	155	—
0.2	—	—	—	—	—
0.1	—	194	—	—	—
0	—	210	—	196, 212, 213, 214, 408, 433	—
-0.1	—	—	—	—	374
-0.2	—	—	—	—	—

Как видно на табл. 6, рассматриваемая подгруппа жилищ, судя по тому, на каких глубинах залегают остатки относящихся к ней построек, распадается на две части.

Одна часть построек (жилища №№ 194, 210, 155, 196, 212, 213, 214, 408, 433, 374) располагалась в более нижних слоях культурных отложений города, при этом перечисленные постройки, как это нетрудно видеть, являются теми самыми жилищами, которые отнесены к более ранним.¹²¹ Другая часть построек (жилища №№ 180, 285, 245, 369, 370, 415, 299, 328, 229, 336, 348, 316, 275) располагалась в более верхних слоях, и

¹²¹ В жилище № 374 обнаруженная керамика представлена обломками горшков салтово-маяцкого типа.

они, как мы видим, составляли жилища, отнесенные к постройкам, по времени более поздним.

Отмеченное различие по времени существования рассматриваемых жилищ сочетается, как это видно из табл. 6, с различным размещением их на площади города.

Не предвещая сейчас вопроса о причинах отмеченного различия в размещении построек — к этому вопросу мы в своем месте вернемся, — отметим лишь, что жилища этой подгруппы в более раннее время своего существования размещались в основном в районе средней части юго-западной оборонительной стены, на территории, которая в предшествующее время была занята постройками с печами-каменками (ср. табл. 4 и 6). В последующий период жизни города жилища этой подгруппы размещались уже в основном в районе северо-западных (Главных) ворот крепости.¹²²

Размещение более ранних из указанных построек на площади города, ранее занятой жилищами с печами-каменками, а также отмеченная, родственная по своему составу, сопровождавшая их славянская лентная керамика не только не противоречат, но и подтверждают высказанное предположение о преемственной связи рассматриваемой подгруппы построек с жилищами боршевского типа.

К группе жилищ с прямоугольными печами, по всей вероятности, следует отнести остатки постройки № 299. Постройка эта была обнаружена на квадрате Γ_8-D_9 (раскоп I 1950 г.), на глубине 1.14 м. От жилища сохранился небольшой участок глинобитного пола с находящимися на нем печью и остатками горелого дерева, а также ямка от столба (диаметр 20 см). Границ жилища проследить не удалось. Сохранившаяся от этой постройки печь (рис. 47) представляла собой как бы составленные вместе две характерные для рассмотренной подгруппы печи, что и позволило отнести это жилище к рассматриваемой подгруппе. Она также состояла из кирпичного пода, обведенного стенами из поставленных на ребро кирпичей. Ее внутреннее простран-

¹²² Две постройки — №№ 229 и 336, — помещенные в табл. 6 в графу раскопа Ia, обнаружены на этом раскопе в его северо-западной части, примыкающей к раскопу I, на котором располагались остальные постройки этой подгруппы.

ство было разделено на две камеры стеной из поставленных кирпичей. Одна из камер имела ширину 34 см, другая — 44 см. Общие размеры печи 108×140 см. Печь как с наружной, так и с внутренней стороны была обмазана толстым слоем глины, ее плоский глиняный свод представлял собой толстую (до 6 см) хорошо заглаженную, докрасна прожженную плиту, остатки которой в виде крупных обломков заполняли внутреннее пространство камер. Сверху на печи, очевидно, находилось окаймленное высоким (до 10 см) бортиком «сушило». Обломки такого бортика были обнаружены в развале глиняной обмазки вокруг печи.

Вокруг печи и к юго-западу от нее сохранилось большое количество горелого дерева: остатки горелых плах и столбов с сохранившейся на них глиной, по всей вероятности представлявших остатки обрушившихся стен постройки и ее перекрытия. Остатки горелого дерева залежали большей частью параллельно продольной оси печи.

Сопровождавший жилище материал составляли обломки русской лепной и сработанной на круге посуды, обломки воротниковых амфор, шиферное биконическое пряслице, точильный камень, обломок железного предмета, обломки обработанных костей, глиняное грузило, обломки стеклянных браслетов (голубых) и витая голубая бусина.

Судя по сохранившимся остаткам, жилище по своей конструкции, вероятно, относилось к столбовым постройкам, со стенами, облицованными деревом и обмазанными слоем глины. Приведенный выше материал, сопровождавший эту постройку, в общем такой же, как и материал, происходящий из остальных жилищ подгруппы, дает возможность отнести ее к более поздним жилищам. Этому не противоречат, как мы видим (табл. 6), ни глубина залегания, ни территория города, на которой это жилище встречено.

III ПОДГРУППА

III подгруппу жилищ составляют постройки с большими квадратными печами, стенки которых сложены из поставленных в один ряд кирпичей. Всего таких построек учтено 47 (табл. 7), из них только 2 постройки (№№ 243, 363) дошли до нас, относительно хорошо сохранив свои основания;

остальные либо представлены обрывками глинобитных полов с находящимися на них печами и другими остатками жилища, либо одними печами. Последние,¹²³ как уже отмечено, по всей вероятности, являлись сопровождавшими жилища надворными сооружениями.

Печи представляли собой большие, квадратные в плане глиняные или выложенные кирпичом площадки (поды), огражденные со всех сторон поставленными на ребро в один, реже в два ряда кирпичными стенками, в одной из которых находился проем для устья.

Иногда печи как с наружной (жилища №№ 250, 269, 243, 264, 154), так и с внутренней стороны (жилище № 382) обмазывались глиной. Слой глины нередко покрывались и выложенные кирпичом поды (жилища №№ 258, 245, 376, 274), а в одном из жилищ (№ 258) на обмазке пода сохранились даже отпечатки доньшек сосудов.

Печи подобной конструкции очень часто сопровождалась порой значительными развалами глиняной обмазки (печины), а в некоторых случаях (жилище № 382) среди развалов находились обломки глиняных бортиков и обломки других частей перекрытий. Это говорит о том, что они имели либо низкую купольный свод с расположенным в центре его округлым отверстием для выхода дыма, либо плоское перекрытие, обрамленное толстым глиняным бортиком, представляющее собой нечто вроде сушила.

В отдельных постройках (жилища №№ 239, 394, 393, 169) печи сопровождалась примыкавшими к ним, известными по тюркской группе построек кирпичными очагами, выполнявшими здесь какую-то вспомогательную роль в хозяйственной жизни владельцев.

Несмотря на плохую сохранность, постройки, судя по имеющимся остаткам, различались между собой по конструкции. Так, например, жилища №№ 264, 239, 361, 376 и 382 сохранили в своих остатках гнезда от опорных столбов, остатки горелых плах и глиняной обмазки, дающих основание предполагать, что эти жилища принадлежали к постройкам столбовой конструкции, со стенами, забранными плахами и покрытыми с внутренней стороны жилища

¹²³ Жилища №№ 312, 320, 305, 221, 222, 154, 362, 202.

слоем глиняной обмазки. К ним же, по всей вероятности, относятся жилища №№ 250, 245, 246, 146, 242 и 387, в остатках которых сохранились куски обгорелых плах, а в некоторых (жилище № 387) — скопления глиняной обмазки. Другую разновидность построек представляют остатки жилищ №№ 149 и 441, стены которых представляли собой легкий деревянный каркас, покрытый как с внешней, так и с внутренней стороны слоем глиняной обмазки. Наконец, в эту подгруппу жилищ входили постройки срубные (жилище № 243) и постройки, стены которых были забраны плетнем (постройка № 363 — кухня). Две последние постройки, как уже сказано, имеют наиболее хорошую сохранность.

Первая из них — жилище № 243 (рис. 48, 49) — обнаружена на квадрате II_3-3_4 , на глубине 1.6 м (раскоп II 1950—1951 гг.). От нее уцелел глинобитный, почти квадратный в плане пол размером 3.6×3.4 м, ограниченный с трех сторон (с северо-западной, юго-западной и юго-восточной) остатками бревен нижнего венца сруба. Остатков северо-восточной стены постройки, которая почти примыкала к разделяющей крепость внутренней оборонительной стене, не сохранилось. Она, очевидно, была уничтожена траншеей от выборки кирпича.

По сохранившимся остаткам нижнего венца сруба можно установить, что при возведении стен жилища первыми были уложены два бревна, вдоль северо-западной и юго-восточной ее стен, о чем свидетельствуют сохранившиеся отпечатки бревен в виде канавок с находящимися в них остатками дерева, а поверх них ложились бревна двух других стен (юго-западной и северо-восточной). Дерево, употребленное в срубе, по определению В. А. Петрова, — сосна.

В западном углу жилища, на полу располагалась печь упомянутой конструкции. Размер ее 1.1×1.3 м. Устье печи, которым она была обращена в сторону юго-восточной стены жилища, имело в ширину 30 см. Снаружи печь обмазана глиной, на поде сохранился слой слежавшейся золы, перекрытой обломками кирпичей и кусками глиняной обмазки. В заполнении печи находились также керамические остатки. Последние представлены обломками сработанных на медленно вращающемся круге горшков серого и желтого обжига и обломками красноглиняных кувшинов с плоскими ручками.

Кроме керамики, здесь были найдены два железных гвоздя, три кусочка янтаря и один точильный брусок (оселок). Около устья печи обнаружены полусторевшие остатки деревянного корыта, заполненного спекшейся поздреватой массой (сгоревшим жиром?).

В северном углу жилища находилась круглая в плане хозяйственная яма, целиком заполненная минерализовавшимися семенами конопли. Диаметр устья ямы 1.1 м, диаметр дна 1.2 м, глубина 0.9 м.

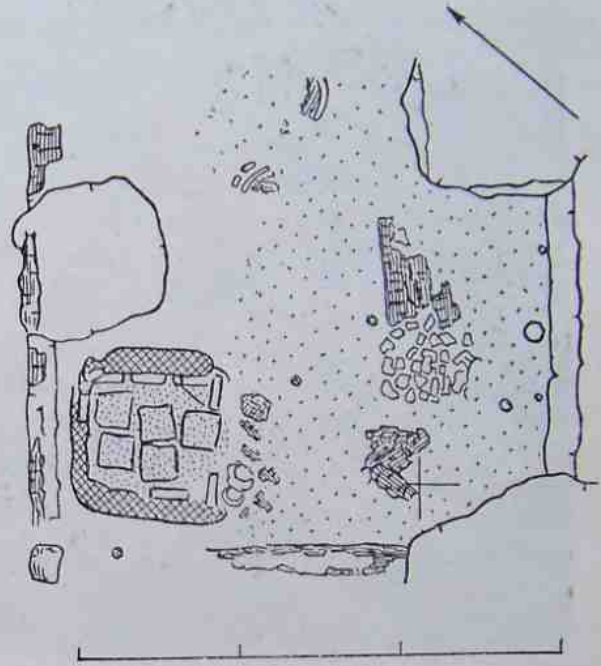

Рис. 48. Жилище № 243 (план).

В верхних слоях заполнения ямы обнаружены были обломки горелых дубовых досок, принадлежащих полу перекрывавшей жилище постройки № 442,¹²⁴ а также провалившиеся в нее остатки нижнего бревна северо-западной стены жилища.

На полу против устья печи, параллельно юго-восточной стене жилища, лежали три обуглившиеся дубовые доски, скрепленные между собой деревянными брусками, представляющие, очевидно, крышку стола. О том, что это был стол, свидетельствуют сохранившиеся в полу под указанной крышкой ямки от кольев, выполнявших, по-видимому, роль ножек. Под крышкой же лежала

¹²⁴ Постройка № 442 обнаружена на глубине 1.7 м, от нее сохранился обгорелый дубовый настил пола. Ввиду отсутствия в ней печи постройка эта в предлагаемой работе не разбирается.

раздавленная, сильно перегоревшая, серо-глиняная, мелкобороздчатая амфора с выцарапанными по ее плечикам граффити. Около нее был обнаружен обуглившийся деревянный предмет (очевидно, пробка), покрытый спекшейся массой, подобной той, которая заполняла ранее упомянутое корыто.

легкой надворной постройки, о чем свидетельствуют обнаруженные около него шесть ямок от колышков, образующие своим расположением прямой угол.

Как вокруг жилища, так и вокруг расположенных около него остатков глинобитного сооружения наблюдалась

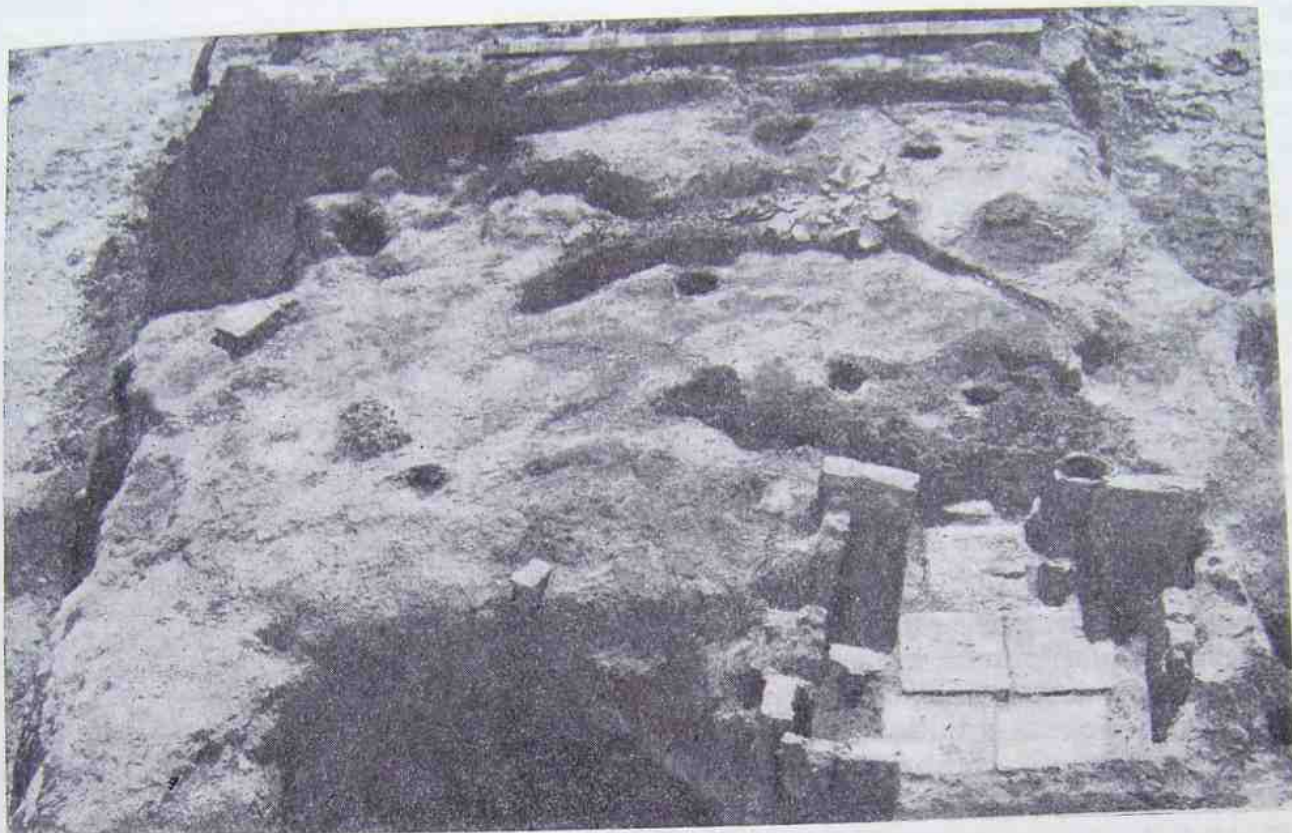

Рис. 49. Остатки жилища № 243. Общий вид.

Около середины северо-восточной стены жилища на полу находились остатки двух деревянных сосудов: один, долбленный со вставным дном, был, по всей вероятности, ведром, а другой — сделанным из бересты круглым тесочком. В восточном углу жилища помещалось прямоугольное, с неровным, глинистым дном углубление (глубиной 0.2—0.25 м от уровня пола), по всей вероятности связанное с устройством входа.

К западу от жилища, в 2 м от него, на том же уровне находилось глинобитное сооружение в виде небольшой (0.7×0.8 м), с ровными краями глиняной площадки, в центре которой имелось круглое отверстие, окаймленное невысоким вертикальным бортиком.

Сооружение это было либо ограждено легкой изгородью, либо находилось внутри

утоптанная земля, очевидно являвшаяся дневной поверхностью времени существования постройки. Ввиду сказанного рассмотренное жилище представляло собой наземную постройку срубного типа, хорошо известную по памятникам лесной полосы Древнерусского государства (Псков, Ладога и др.).

Вторая постройка (№ 363), выполнявшая, по всей вероятности, назначение кухни, была обнаружена в цитадели, на квадрате $P_{21}-II_{22}$, на глубине 1.35 м. От нее сохранились остатки частично разрушенного глинобитного пола, окаймленного со всех сторон рядом ямок от столбиков, расположенных одна от другой на расстоянии от 0.35 до 1.0 м, и развал печи (рис. 50, 51). Постройка имела в плане неправильный четырехугольник со слегка выпуклыми юго-восточной

и юго-западной стенами. Ориентирована она была своими сторонами по направлению основных оборонительных стен крепости. Размеры постройки следующие: длина северо-западной стены 2,6 м, северо-восточной стены 1,6 м, юго-восточной 2,75 м и юго-западной 2,45 м.

Около середины северо-западной стены постройки располагалась кирпичная печь указанной конструкции; она занимала собой всю центральную часть помещения. Ее размеры 1,0×1,0 м. От печи сохранились остатки кирпичного пода со следами обмазки на нем и остатки ограничивавших его двух стенок (северо-западной и юго-западной) в виде ряда поставленных на ребро кирпичей. По углам печи находились ямки от столбов.

На полу помещения было обнаружено большое количество угля и перегара, остатки обгорелых плах и скопление обожженной глины. Вокруг постройки, в местах, не нарушенных более поздними перекопами, наблюдалась утоптанная земля. При расчистке этой постройки найдены обломки различных амфор, обломки красноглиняных сосудов, сработанных на гончарном круге; найдены обломки венчиков лепных горшков, два точильных камня, височное кольцо с заходящими концами и бронзовый бубенчик. Можно предполагать, что постройка эта была наземной, со стенами из плетня, покрытыми глиняной обмазкой. По своему назначению она, по-видимому, была кухней, так как нарочито выставленная на середину большая печь, занимавшая почти всю центральную часть помещения, выводит ее из общего ряда сооружений жилого назначения.

В силу чрезвычайно плохой сохранности рассматриваемых жилищ невозможно судить о том, к какому типу построек они относятся — к наземным или к полуземлянкам. Однако то обстоятельство, что большинство входивших в эту подгруппу жилищ не сохранили в своих остатках признаков полуземлянок и наоборот, наличие двух хорошо сохранившихся наземных построек, а также наличие в ряде построек развалов глиняной обмазки стен, что является обычным для наземных построек, дает основание полагать, что ведущим типом жилищ этой подгруппы были наземные постройки. На это же, по-видимому, могут указывать встреченные в некоторых из жилищ этой подгруппы

кирпичные очажки, характерные для тюркских наземных построек.

Располагались рассматриваемые жилища на площади города следующим образом (табл. 7). 19 построек обнаружены были в районе южной угловой башни крепости — в цитадели; 19 построек — на площади, примыкавшей к средней части юго-западной оборонительной стены (раскоп II, 1950—1951 гг.); 5 построек — у северо-западных

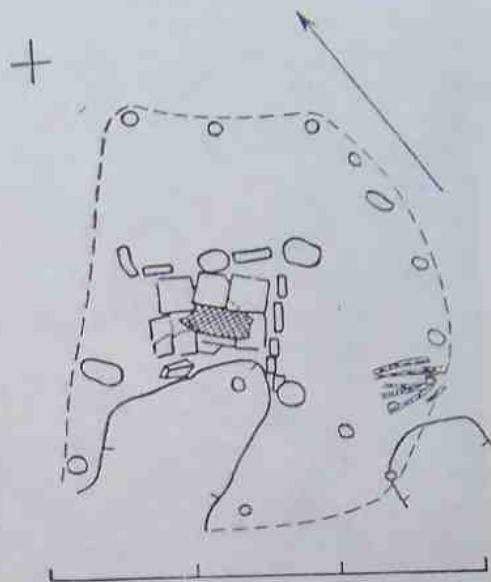

Рис. 50. Постройка (кухня) № 363 (план).

Главных ворот крепости (раскоп I 1950 г.); при этом одна из них (жилище № 258) находилась за пределами крепости, к юго-западу от указанных ворот. Четыре последние постройки располагались в районе западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.), причем одна из них (постройка № 320) также находилась за пределами крепости, у ее юго-западной стены.

О том, как распределяются постройки этой подгруппы на городище по глубинам залегания полов, можно судить по табл. 7.

Как видно из этой таблицы, основная масса жилищ (39 из 47) своими полами залегала на глубине от 0,6 до 2,4 м, т. е. в средних слоях культурных отложений города, и 8 построек — в ее нижних слоях; при этом последние находились преимущественно в южной половине городища, на которой, как это видно из табл. 7, сосредоточивается подавляющее большинство входящих в эту группу построек.

Как керамические, так и вещевые находки, сопровождавшие подгруппу, по своему составу не выходят за пределы вещевого и керамического материала, характерного для всей рассматриваемой группы жилищ в целом. Следует лишь указать, что для данной подгруппы в составе харак-

терности в устройстве печей, характерных для жилищ этой подгруппы, с очагами из тюркских построек (очевидно, печи в своей конструкции восходят к упомянутым очагам).

Об этом, по-видимому, говорит и само размещение изучаемых жилищ на территории крепости.¹²⁵

Рис. 51. Остатки постройки № 363 (кухня). Общий вид.

теризующих ее находок наблюдался бóльший процент керамики так называемого саркелского типа, чем в предыдущих подгруппах. При этом в 7 постройках, расположенных в нижнем слое отложений, среди сопровождавших их керамических остатков, были встречены обломки салтово-маяцких сосудов, характерных для нижних слоев культурных отложений города.

Преобладание керамики саркелского типа в находках, характеризующих рассмотренную подгруппу жилищ, по-видимому, указывает на какое-то этническое родство жителей, оставивших рассмотренные постройки, с тюркским населением города. В качестве подтверждения высказанной догадки следует указать на бросающуюся в глаза бли-

Заканчивая рассмотрение жилищ этой подгруппы, остается отметить, что в составе их имеется несколько остатков построек (№№ 312, 388, 249, 305, 419), которые отличаются от остальных жилищ тем, что сопровождавшие их печи были снабжены центральным опорным столбом, состоящим из одного или двух поставленных на ребро кирпичей, поддерживавших глиняный свод. Постройки эти (табл. 7, рис. 1) обнаружены были у западной угловой башни (№№ 312, 388), у середины юго-западной оборонительной стены (№№ 249, 419), одна постройка

¹²⁵ Основная масса построек этой подгруппы обнаружена на территории южной половины крепости (в цитадели и на участке раскопа II).

Таблица 7

Поглубинное залегание полов жилищ с большими квадратными кирпичными тонкостенными печами на территории города

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп штадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
2.3	—	343	—	—	387
2.2	—	—	—	—	274, 286
2.1	—	—	—	—	—
2.0	—	—	—	269	288, 441
1.9	—	—	—	—	273
1.8	—	258	—	—	—
1.7	—	—	—	—	—
1.6	—	250, 245	—	243, 264, 249	242, 287
1.5	—	—	—	239	362
1.4	—	—	—	—	—
1.3	—	—	—	361	363, 364
1.2	—	—	—	305	—
1.1	—	300	—	—	—
1.0	311, 312	—	—	—	318, 375
0.9	320	—	—	246, 325	—
0.8	—	—	—	221, 222, 223	—
0.7	388	—	—	419, 394	382
0.6	—	—	—	376, 393	—
0.5	—	—	—	—	—
0.4	—	—	—	—	205
0.3	—	—	—	146, 149, 154	—
0.2	—	—	—	—	168, 169
0.1	—	—	—	—	—
0	—	—	—	—	197
-0.1	—	—	—	—	202

постройки № 419, делались глиняными, иногда снабженными бортиками.

Судя по незначительным остаткам, постройки по своей конструкции не выходят из общего круга жилищ рассмотренной подгруппы. Так, например, стены постройки № 388 представляли плетень, обмазанный глиной.

IV ПОДГРУППА

IV подгруппу жилищ составляют постройки с небольшими, квадратными в плане печами (рис. 52). Всего таких построек нами

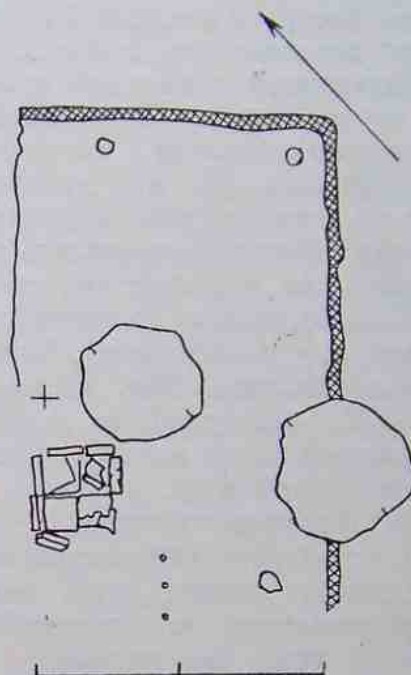

Рис. 52. Остатки жилища № 327 (план).

(№ 305) была обнаружена в центральной части крепости. Все они своими остатками располагались в средних слоях культурных отложений города, от 0.6 до 1.7 м. Сохранность построек чрезвычайно плохая: в трех случаях (остатки жилищ №№ 388, 249, 419) от жилищ сохранились незначительные обрывки глинобитных полов с печами и другими остатками построек; в двух случаях (№№ 312, 305) они представлены одними печами, а в остатках жилища № 305 около печи уцелел кирпичный очажок указанной ранее конструкции.

Печи этих жилищ также иногда обмазывались изнутри глиной (№ 305), иногда их стенки делались из двух рядов поставленных на ребро кирпичей (остатки жилища № 312). Своды печей, как указывают на это остатки

учтено 26 (табл. VIII). При этом одна из них (жилище № 384) относительно полно сохранила свои очертания, остальные представлены либо остатками глинобитных полов с находящимися на них развалами печей и другими остатками жилищ,¹²⁶ либо одними печами.¹²⁷ В остатках жилищ №№ 255, 353 и 170 наряду с печами находились кирпичные очажки.

Несмотря на плохую сохранность жилищ в остатках, которыми они представлены, можно проследить их конструкции.

¹²⁶ Жилища №№ 281, 268, 329, 381, 145, 198, 384, 143, 426, 407, 147, 150, 372, 286, 446, 255, 447, 353, 327, 406, 170.

¹²⁷ Жилища №№ 306, 322, 379, 203, 175.

Так, например, в остатках жилищ №№ 268, 381, 198, 384, 150 и 255 сохранились гнезда от опорных столбов, что позволяет отнести эти жилища к постройкам столбовой конструкции. При этом в жилищах №№ 198 и 150, а также в жилищах №№ 384,¹²⁸ 426, 407, 147, 255 и 170 обнаружены были скопления глиняной обмазки и горелого дерева от обрушившихся при пожаре стен, а в жилище № 145 — даже небольшие остатки самих стен, образующих угол постройки. Имеющиеся данные дают возможность в высшей степени суммарно представить себе общий облик рассматриваемых жилищ как построек столбовой конструкции с легкими деревянными стенами, обмазанными с внутренней и внешней стороны толстым слоем глины. Часть жилищ этой подгруппы, по-видимому, составляли наземные постройки. На это указывают сохранившиеся остатки угла жилища № 145, где глиняная обмазка сохранилась не только с внутренней, но и с внешней стороны постройки. Однако, помимо наземных построек, в этой подгруппе, по-видимому, были и полуземляночные жилища. Так, например, жилище № 372, обнаруженное в результате выборки рыхлой земли в более плотном слое культурных отложений, по всей вероятности, было полуземляночным.

Исходя из общего количества сохранившихся остатков жилищ этой подгруппы, можно предполагать, что постройки полуземляночного типа не являлись для нее характерными. Основную массу жилищ, по всей вероятности, составляли постройки наземные, столбовой конструкции, стены которых представляли собой легкую деревянную основу, покрытую слоем глиняной обмазки.

Печи, характерные для рассматриваемой подгруппы, по своему устройству сходны с подобными сооружениями предшествующей подгруппы. Они отличаются лишь тем, что их поды были выложены из четырех положенных плашмя кирпичей.

Стенки печей и их поды, как правило, обмазывались глиной, а плохо сохранившиеся своды были либо глиняные, куполообразные (жилище № 145), либо плоские

кирпичные (жилища №№ 329, 381). Располагались печи в одном из углов постройки (жилище № 384), иногда (жилище № 145) на специально для них сделанном возвышении. Некоторые из печей (жилища №№ 306, 384) сопровождалась предпечными ямами.

Рассматриваемая подгруппа жилищ как по типу входивших в нее построек, так и по их конструкции, по-видимому, близко родственна предшествующей подгруппе жилищ.

Немногочисленный керамический и вещевой материал, сопровождавший жилища этой подгруппы, по своему составу аналогичен материалам предшествующих подгрупп. Керамические остатки здесь также представлены обломками различных сосудов. Основную массу их составляли обломки лепной, иногда сработанной на медленно вращающемся круге посуды, а также незначительное количество обломков русских сосудов, сработанных на быстро вращающемся круге, и обломки красноглиняных одноручечных кувшинов. Эту подгруппу жилищ, как и предыдущую, сопровождали в относительно большем количестве, чем для других подгрупп, остатки сосудов саркелского типа (особенно для жилищ №№ 381, 379, 426, 407, 170).

Незначительный по количеству вещевой материал состоял из железных топоров (обнаружены в жилищах №№ 150 и 329), железного гвоздя (жилище № 281), неопределенных кусков железа (жилище № 329), железного замка, медного височного кольца с несомкнутыми концами и бляшки (жилище № 384), медных бубенчиков, пуговицы и гвоздика (жилище № 381), медной пластинки (жилище № 268), стеклянных бус и обломков стеклянных браслетов (жилища №№ 268, 384, 150), сердоликовой бипирамидальной бусины (жилище № 143), шиферных пряслиц (жилища №№ 281, 143), мергельного льячика (жилище № 379), поделок из костей (жилища №№ 281, 407), а также одного целого и нескольких обломков тигельков в виде «петушков».

Входившие в эту подгруппу жилища располагались на площади города следующим образом: 12 построек (№№ 306, 322, 384, 379, 203, 143, 426, 407, 147, 150, 175, 372) обнаружены были в районе средней части юго-западной оборонительной стены крепости (раскоп II), 8 жилищ (№№ 286, 446, 255, 447, 353, 327, 406, 170) — в районе

¹²⁸ Жилище № 384 в дневнике раскопок ошибочно записано как постройка, сложенная из кирпича-сырца. В действительности раскопщиком были приняты за развалы кирпича-сырца скопления глиняной обмазки от рухнувших стен.

Таблица 8

Поглубинное залегание полов жилищ с малыми квадратными печами на территории города

южной угловой башни (в цитадели), 5 жилищ (№№ 268, 329, 381, 145, 198) — на площади, примыкающей к северо-западным (Главным) воротам крепости (раскоп I 1950 и Ia 1951 г.), 1 жилище (№ 281) — у западной угловой башни (раскоп 1949 г.). Таким образом, из сказанного видно, что наибольшее скопление рассматриваемых жилищ наблюдалось в районе средней части юго-западной оборонительной стены и в цитадели. На остальных участках крепости постройки этой подгруппы встречены в значительно меньшем количестве. Как видно из табл. 8, жилища этой подгруппы своими полами располагались в основном в толще отложений, на глубинах от 0.4 до 1.6 м, и только остатки четырех построек (№№ 198, 175, 372, 170) лежали либо на материке, либо вблизи от него. Расположение последних четырех жилищ в нижних слоях культурных отложений может быть объяснено, как и для одной из этих построек (№ 372), тем, что они, по-видимому, были своими основаниями спущены с более верхних слоев.

Табл. 8 также дает возможность установить, что основная масса жилищ этой подгруппы, сосредоточенная в районе средней части юго-западной оборонительной стены, располагалась компактно, в то время как остальные жилища, обнаруженные на других участках крепости, были разбросаны в различных более верхних слоях отложений.

Судя по расположению построек в толще культурных отложений города, можно предположить, что появились они в районе средней части юго-западной оборонительной стены одновременно, тогда как на остальных участках города они возникали в разное, преимущественно в более позднее время. В связи с этим любопытно отметить, что с появлением указанной подгруппы жилищ на площади, примыкающей к середине юго-западной оборонительной стены, существовавшие в этом районе крепости постройки с прямоугольными печами (жилища II подгруппы) исчезают и появляются в последующих отложениях в другой ее части — в районе северо-западных крепостных ворот (ср. табл. 6 и 8).

Как уже отмечалось, единичными находками на городище представлены постройки с круглыми в плане печами, снабженными центральным опорным столбом, и постройки с овальными печами.

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	—
2.1	—	—	—	—	286
2.0	—	268	—	—	—
1.9	—	—	—	—	—
1.8	—	—	—	—	—
1.7	—	—	—	—	446
1.6	281	329	—	—	255
1.5	—	—	—	—	—
1.4	—	—	—	—	447
1.3	—	—	—	—	353
1.2	—	—	—	—	—
1.1	—	—	—	306	—
1.0	—	—	—	322	327
0.9	—	—	—	—	—
0.8	—	—	—	—	—
0.7	—	—	—	384	406
0.6	—	381	—	379, 203	—
0.5	—	—	—	143, 426 407	—
0.4	—	145	—	147, 150	—
0.3	—	—	—	175	—
0.2	—	—	—	—	—
0.1	—	—	—	—	170
0	—	—	198	372	—
—0.1	—	—	—	—	—
—0.2	—	—	—	—	—

К первым из них относятся остатки построек №№ 265 и 385.

Обе эти постройки своими полами располагались в средних слоях культурных отложений, что указывает на их относительно позднее появление.

Постройки дошли до нас в чрезвычайно плохой сохранности. Одна из них — № 265 — обнаружена в центральной части крепости на квадратах $K_2—И_3$, $K_3—И_4$, $И_2—З_3$, $И_3—З_4$ на глубине 1.55 м. От нее сохранился небольшой участок глинобитного пола с находившейся на нем печкой и небольшая (1×1.3 м), прямоугольная в плане кирпичная вымостка, примыкавшая к печке с северо-запада.

Печь была сложена из восьми поставленных на ребро кирпичей, образующих в плане круг. В центре ее находился вертикально поставленный кирпич, выполнявший роль

столба, на который опиралось глиняное перекрытие. Внутреннее пространство печи, ее под и стоящий в центре столб были обмазаны толстым слоем глины. Печь оказалась почти полностью заполненной светлосерой золой.

Вторая постройка (№ 385) была обнаружена в районе южной угловой башни на квадрате $X_{20}-\Phi_{21}$ на глубине 0.75 м. От нее сохранилась лишь печь с примыкающими к ней небольшими участками глинобитного пола. Печь, в плане круглая, ее стенки составлены из 10 поставленных на ребро кирпичей. В центре находился опорный столб из нескольких, также поставленных на ребро кирпичей, поверх которых были положены горизонтально два половинных кирпича (размером 14×29 см). Стенки печи снаружи были укреплены положенными вокруг них кирпичами и обмазаны толстым слоем глины. Устье печи направлено к северо-востоку, его ширина 0.47 м, под печи глиняный. Вся внутренняя часть печи оказалась заполненной обломками и целыми экземплярами своеобразных глиняных «лепешек». «Лепешки» эти были либо круглые, гладкие, с заметно утолщенной серединой, в которой находилось небольшое, 6—8 см в диаметре, отверстие, либо округлые, с орнаментированной пальцевыми вдавлениями лицевой поверхностью, с обведенным бортиком отверстием в середине, либо, наконец, квадратные, с округленными углами без отверстий, но с поверхностью, также орнаментированной пальцевыми вдавлениями. Всего таких «лепешек» сохранилось 6, из них: круглых 1 (диаметр 50 см), округлых 1 (диаметр 55—60 см), квадратных 4 (размера нет).

Подобных «лепешек», вероятно, было больше, так как в заполнении печи, помимо более или менее сохранившихся, отмечено большое количество мелких обломков таких же «лепешек».

«Лепешки» располагались в печи совершенно определенным образом: одним краем они опирались на имевшийся в печи центральный столб, а другим — на ее стенку. Такое расположение указывает на то, что они играли роль перекрытия.

Любопытно отметить, что ни кирпичи, из которых сложена печь, ни та обмазка, которой они покрыты, ни «лепешки», из которых было устроено перекрытие, не несли на себе следов огня.

Возможно, что постройка с находящейся в ней печью имела культовое назначение.¹²⁹

Сопровождавший постройку материал составляли обычные для рассматриваемой группы жилищ обломки различных по своему типу сосудов, при этом керамические остатки, характерные для более ранних слоев, здесь отсутствовали совершенно.

Ввиду чрезвычайно плохой сохранности рассматриваемых построек мы не можем сказать, какова была их конструкция. Находящиеся в них печи по своему облику напоминают гончарные печи, известные в Белой Веже по нижним слоям культурных отложений. Однако эти печи не сопровождались какими бы то ни было остатками гончарного производства; более того, судя по сохранившимся остаткам перекрытия печи в постройке № 385, последняя сооружалась не для производственных целей. Что касается печи постройки № 265, то она, очевидно, имела бытовое назначение.

Построек, снабженных овальными в плане печами, учтено четыре (жилища №№ 164, 304, 377 и 425). Все они оказались сильно разрушенными и дошли до нас в виде незначительных остатков глинобитных полов с находившимися на них развалами печей.

Остатков каких-либо конструкций в этих жилищах обнаружено не было.

Находившиеся в них печи представляли собой выложенные кирпичом овальные в плане поды, обведенные рядом поставленных на ребро кирпичей, образующих их стенки. Иногда (жилище № 304) стенки таких печей составлялись из двух рядов кирпичей, поставленных один на другой. Перекрытия их, по-видимому, были глиняные, глиной же покрывались и сами стенки.

Немногочисленный керамический и вецевой материал, сопровождавший эти постройки, аналогичен материалам предыдущих подгрупп. Среди керамических остатков преобладали обломки русской лепной и сделанной на круге посуды, обломки рифленых амфор. В несколько меньшем количестве найдены обломки сосудов так называемого

¹²⁹ Богато украшенные «лепешки» на городище находились неоднократно; правда, они имели значительно меньшие размеры (диаметр их не превышал 6 см), но были также богато орнаментированы. Эти меньшие по размерам «лепешки», как правило, находились либо заложенными в стены построек, либо, а это чаще всего, в развалах стенок печей, куда их помещали, вероятно, с какими-то магическими целями.

саркелского типа и совсем незначительное количество обломков сосудов более ранних типов.

Вещевой материал состоит из обломков стеклянных браслетов и бус (жилища №№ 164, 304), шиферных пряслиц (жилище № 304), обломков костей со следами обработки.

Располагались жилища на площади городища следующим образом: две постройки (жилища №№ 164 и 304) находились у северо-западных (Главных) ворот крепости (раскоп I 1950—1951 гг.), одна (жилище № 304) в районе центра крепости (раскоп II 1950—1951 гг.) и одна (жилище № 164) — у западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.).

Все перечисленные жилища, как это следует из сказанного, располагались не компактно, а были разбросаны на широкой площади городища. Ни одной из них не встречено на территории, примыкающей к южной угловой башне (в цитадели).

Жилища находились в средних слоях культурных отложений города. Такое залегание их в культурных отложениях определяется относительно поздним появлением на городище, что подтверждается также и рассмотренными выше находками, сопровождавшими эти постройки.

Переходя к анализу материала, характеризующего всю рассмотренную группу жилищ в целом, необходимо учесть, что входившие в нее подгруппы в подавляющей массе построек размещались в средних слоях культурных отложений города. Подгруппы эти сопровождалась в основном единым, чрезвычайно мешанным по своему составу вещевым и керамическим материалом. Керамика состояла из уже известных нам по предыдущим группам обломков и целых экземпляров сосудов роменско-боршевского и салтово-маяцкого типов и сопутствующей им привозной керамики, обломков и целых экземпляров лепленных от руки сосудов так называемого саркелского типа, многочисленных обломков воротниковых и других типов амфор, а также из впервые появившейся с этой группой сделанной на круге посуды, известной по многим русским памятникам великокняжеской поры.¹³⁰

Посуда эта встречена на городище в виде обломков и единичных находок целых со-

судов, сформованных из хорошо отмученной глины как на медленно вращающемся, так и на быстро вращающемся круге.¹³¹

Результаты изучения рассмотренной группы жилищ кратко можно изложить следующим образом.

Основную массу жилищ составляли полуземляночные и наземные постройки столбовой конструкции; при этом для жилищ I и II подгруппы ведущим типом была полуземлянка, хорошо известная по постройкам роменско-боршевской культуры. При этом жилища II подгруппы (постройки с прямоугольными печами) по своей конструкции и по устройству печей оказались наиболее близки к постройкам третьей (боршевской) группы с печами более позднего варианта и являются, вероятно, результатом их дальнейшего развития. Что касается жилищ III и IV подгруппы, то для них характерными были наземные постройки с легкими деревянными или сделанными из плетня стенами, покрытыми слоем обмазки. Печи этих подгрупп по своей конструкции близки между собой и восходят, по-видимому, к кирпичным очагам второй (тюркской) группы жилищ.

Разделение жилищ по типу построек (полуземлянки и наземные) подтверждается и сопровождающей их керамикой. Для жилищ I и II подгруппы ведущими были русские сосуды и их обломки, для жилищ III и IV подгруппы преобладающей была тюркская керамика.

В самих жилищах, а чаще в относящихся к их времени отложениях, наряду с описанными выше керамическими остатками был собран значительный по своему количеству разнообразный вещевой материал, свидетельствующий о многосторонней хозяйственной деятельности населения города.

Из жилищ этой группы и относящегося к ним слоя происходят многочисленные остатки кузнечного производства (железные крицы, кузнечные клещи, шлаки и различные поковки),¹³² большое количество литых формочек и тиглей, указывающих на широкое распространение в городе литейного производства,¹³³ а также множество заготовок и законченных изделий из кости и янтаря, раскрывающих наличие

¹³¹ Там же, стр. 263, рис. 48.

¹³² С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 152 и сл.

¹³³ М. П. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 69.

здесь этих видов ремесленной деятельности.¹³⁴ Из этих же слоев происходят многочисленные обломки стеклянных браслетов, как правило, богато украшенных разнообразными росписями,¹³⁵ обломки и целые экземпляры колец и других изделий из стекла, а также шлаки и другие отходы стекольного производства. Наконец, в этих слоях собрано большое количество привозных вещей, указывающих на широкие торговые связи Белой Вежи этого времени со Средним Поднепровьем, с Киевом. Среди находок, обнаруженных на городище, встречаются не только вещи, изготовленные киевскими мастерами, вроде нательных крестиков и эпоклионов, но и происходящие из Поднепровья многочисленные шиферные пряслица, поливные яички и др., а также куски шифера в виде сырья, из которого беловежцы изготовляли литейные формочки для отливки различных украшений. К этим же слоям, видимо, относится и ранее сделанная на городище находка монеты — «Владимира серебра III типа».¹³⁶ Другие привозные вещи и монеты рассказывают об оживленных торговых сношениях беловежцев с Византией и Крымом.

Не ставя здесь задачи всестороннего рассмотрения всего комплекса вещевого материала, добытого во время раскопок города, что, несомненно, должно явиться предметом ряда самостоятельных исследований, укажем лишь, что с населением, оставившим рассмотренную группу построек, связано бурное развитие в Белой Веже ремесленного производства, торговли и других видов хозяйственной деятельности.

Слой, для которых характерна отмеченная выше мешанность как керамического, так и вещевого материала, занимают в основном 2-й метр отложений города, что указывает на относительно позднее появление рассмотренной группы жилищ в Саркеле — Белой Веже. К этой же группе жилищ следует отнести небольшое количество по-

строек, стены которых в нижней части были сложены из мергеля; это жилища №№ 266, 495, 584 и 795.

Жилища эти, судя по сохранившимся остаткам построек №№ 495, 266 и 795, представляли собой прямоугольные, приближающиеся к квадрату помещения, иногда (жилище № 795) состоящие из двух комнат. Полы в них большей частью глинобитные, но встречаются (жилище № 795) и деревянные. Размеры жилищ, где их можно проследить, колеблются от 3.25×3.75 (жилище № 495) до 4.5×4 м (жилище № 266). Ширина мергелевых кладок оснований стен 0.4 м (жилище № 266), 0.45 м (жилище № 495); высота кладок от 0.3 (жилище № 266) до 1.0 м (жилище № 495; рис. 53). Стены построек, вероятно, не были сооружены целиком из камня. Об этом свидетельствуют остатки бревенчатых стен, обнаруженные на каменных кладках жилища № 795. Печь сохранилась только в постройке № 495, в ее северном углу. По своему устройству она полностью совпадает с печами, характерными для жилищ III подгруппы (постройки с большими квадратными печами, снабженными центральным опорным столбом). На это же указывает и состав керамики, характеризующий постройку (в ней преобладали обломки сосудов саркелского типа). Что же касается остальных учтенных нами жилищ, то, ввиду того, что в них не сохранились печи, они не могут быть с уверенностью отнесены к той или иной подгруппе рассмотренных построек. Однако, судя по тому, что в сопровождавшей их керамике преобладали обломки русской лепной и сделанной на круге посуды, их, вероятно, следует отнести к другим подгруппам. Такое предположение согласуется с расположением построек на площади городища. Так, например, постройка № 495, отнесенная к III подгруппе, помещалась в том же районе крепости (в цитадели), где находились и жилища упомянутой подгруппы.¹³⁷ Остальные жилища располагались в других частях крепости.¹³⁸

¹³⁴ М. И. Артамонов. 1) Белая Вежа, стр. 58; 2) Саркел — Белая Вежа, стр. 69.

¹³⁵ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 323.

¹³⁶ Монета была приобретена у местных жителей Часовниковым. Она хранится в коллекции Новочеркасского музея. См.: М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 22; 2) Белая Вежа, стр. 59.

¹³⁷ Жилище № 495 обнаружено на квадратах $J_{12}-E_{13}$ и $J_{13}-E_{14}$ на глубине 0.4 м.

¹³⁸ Жилище 584 обнаружено было на раскопе II на квадрате J_3-3_4 (глубина не зафиксирована), жилище № 795 обнаружено на раскопе Ia на квадрате $J_{87}-3_{86}$, на глубине 1.5 м, жилище № 266 располагалось на квадрате C_6-P_7 , на глубине 1.67 м (раскоп II).

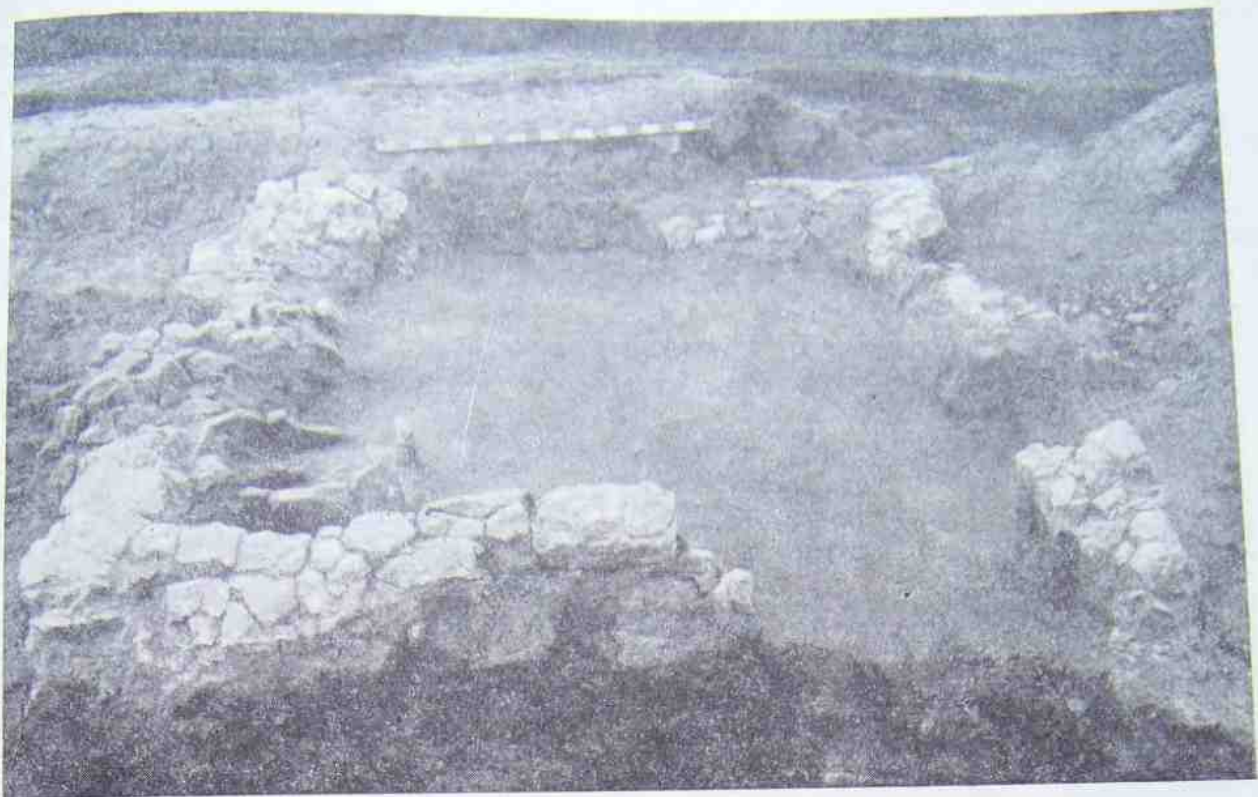

Рис. 53. Жилище № 495. Общий вид.

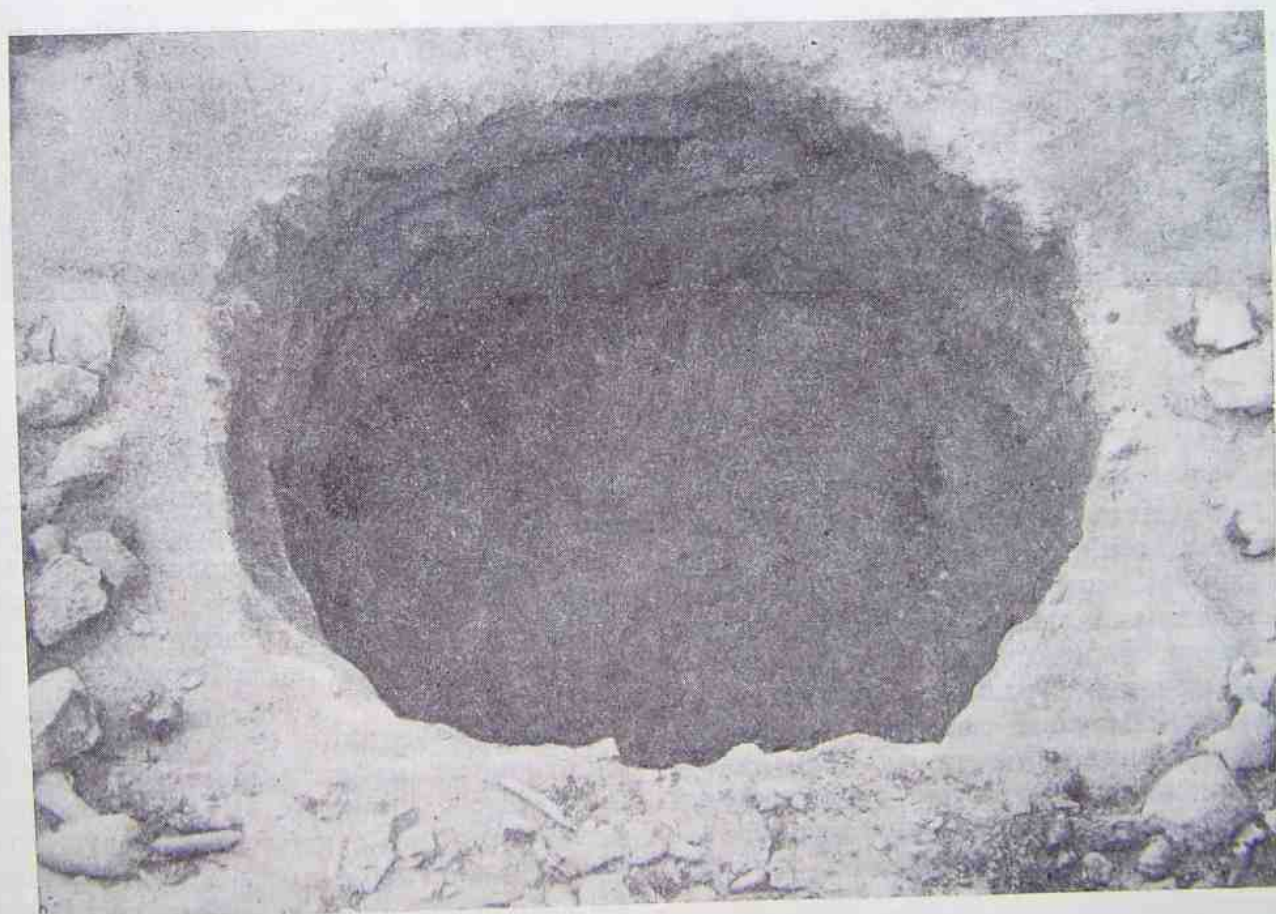

Рис. 54. Хозяйственная яма со стенками, укрепленными плетнем.

Как по составу материала, так и по своему залеганию в толще культурных отложений жилища эти, так же как и остальные постройки группы, относятся к средним слоям отложений города, к их 2-му метру.

Кроме перечисленных жилищ, к рассмотренной группе построек необходимо отнести обнаруженные в тех же слоях много-

зяйственные ямы встречены на городище на всей раскопанной площади, определить их принадлежность к какой-либо из рассмотренных подгрупп невозможно. Скорее всего они относятся ко всей группе жилищ в целом, представляя собой тот новый тип хозяйственных сооружений, который был оставлен населением этой группы. Потреб-

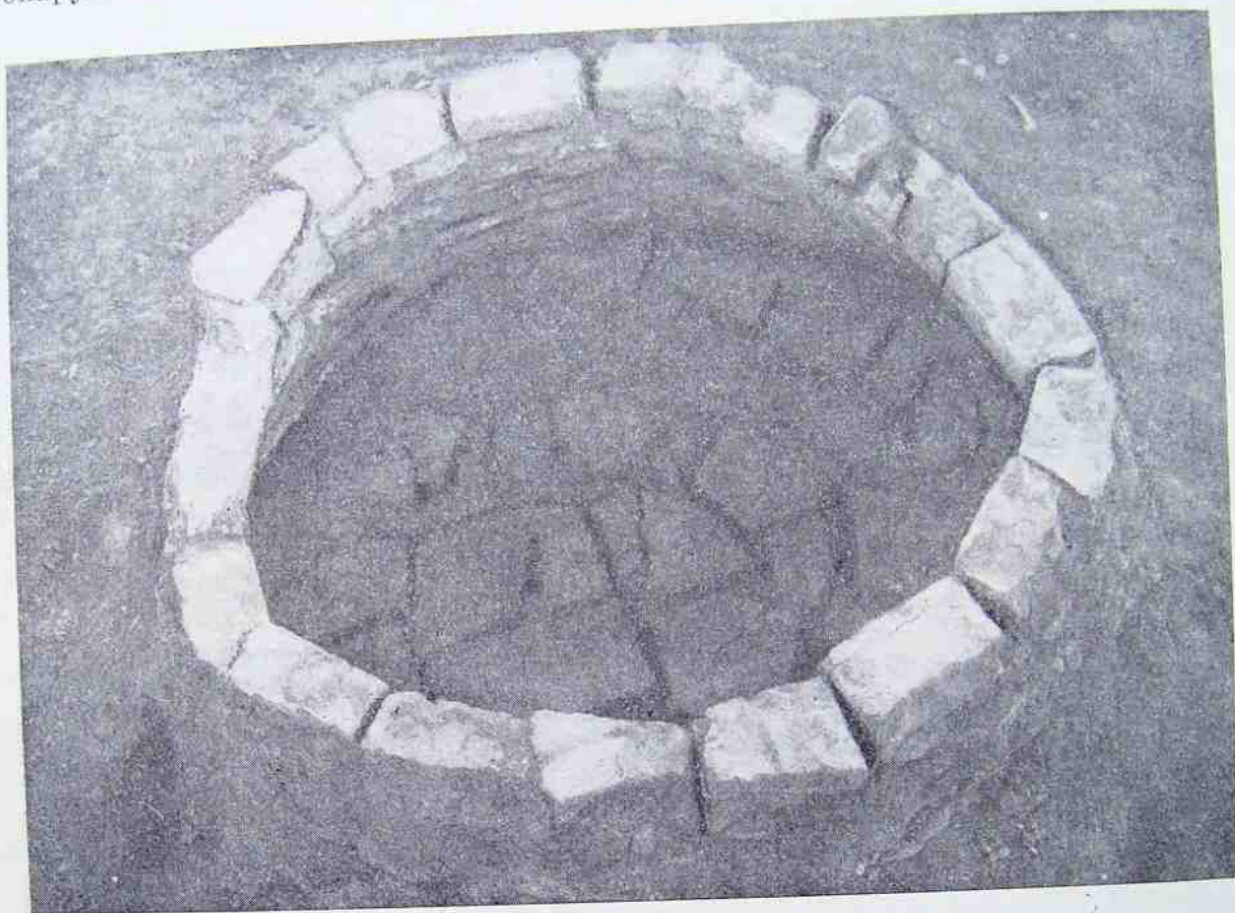

Рис. 55. Хозяйственная яма, облицованная кирпичом.

численные погреба и хозяйственные ямы (рис. 54, 55). Погреба и ямы в большинстве своем имели стенки, облицованные кирпичом. Находясь, как правило, вне связи с рассмотренными жилищами, сооружения эти, вероятно, были надворными. В плане они были круглыми или овальными, реже квадратными. В своей верхней части они нередко сужались, образуя входное отверстие, снабженное сделанным из кирпичей гнездом для круглой или квадратной деревянной крышки.¹³⁹ Ввиду того, что хо-

зяйственные ямы, облицованные кирпичом, объясняется тем, что земля, в которой они сооружались, представляла культурные слои предшествующей поры, т. е. была рыхлой и сыпучей, не обеспечивавшей необходимой прочности стенок врезанных в нее ям.

Для укрепления стенок погребов и хозяйственных ям население города не всегда прибегало к кирпичу. В слоях того же времени были встречены погреба и ямы, облицованные деревом и хорошо промазанным глиной плетнем. Как хозяйственные ямы, так и погреба предназначались для хранения зерна и других продуктов.

¹³⁹ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 61, рис. 40 (верхний правый).

6. ЖИЛИЩА, СЛОЖЕННЫЕ ИЗ КИРПИЧА-СЫРЦА

Последнюю и наименее сохранившуюся группу построек Белой Вежи составляли жилища со стенами, сложенными из кирпича-сырца.

При рассмотрении построек предшествующих групп в основу классификации бра-

Развалы кладок иногда достигали значительных размеров, занимая собой площадь в несколько десятков квадратных метров. В развалах жилищ из кирпича-сырца, несмотря на их чрезвычайно плохую сохранность, прослеживаются, однако, некоторые,

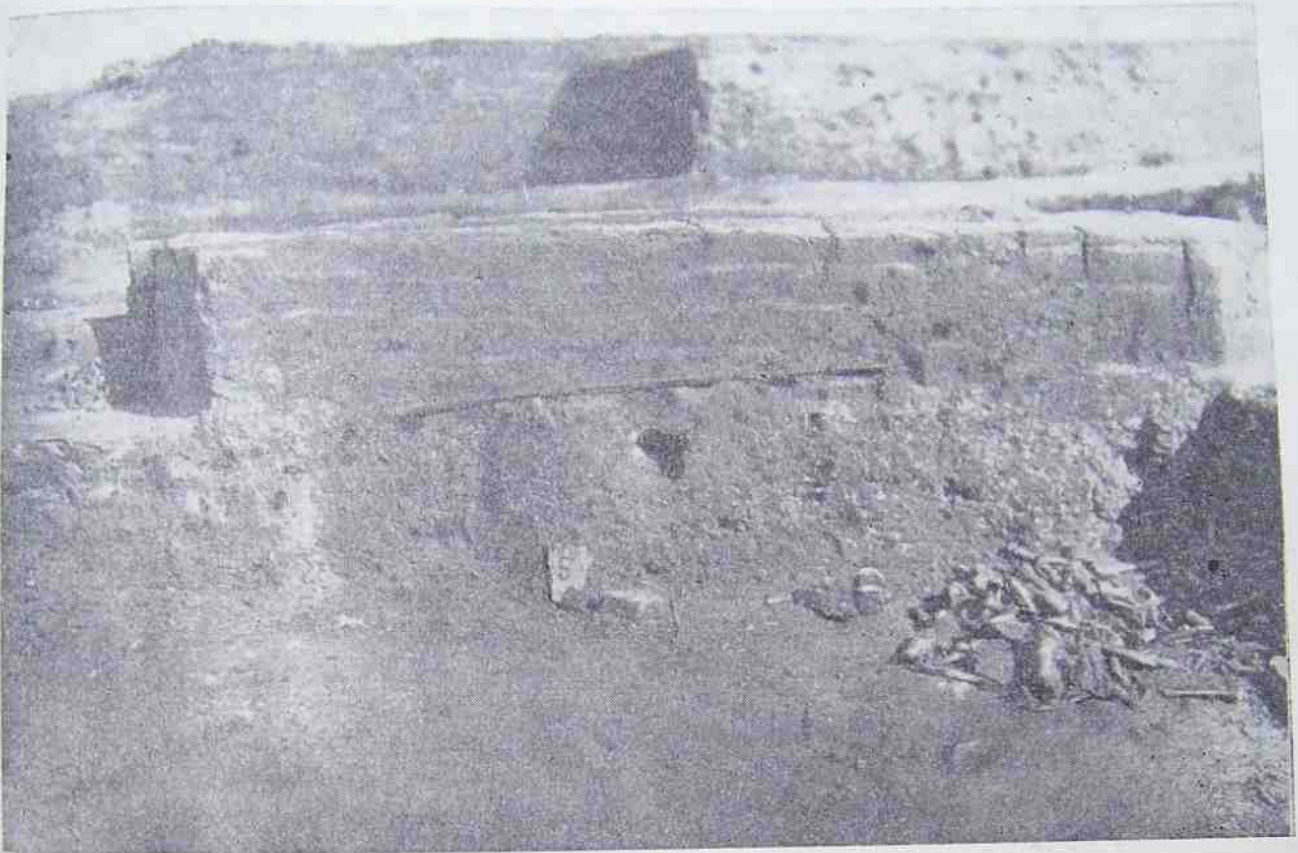

Рис. 56. Тип кладки из кирпича-сырца.

лись наиболее характерные для них признаки. Такими признаками были конструкции печей, хорошо сочетавшиеся с типом и строительными особенностями самих жилищ и с сопровождавшим их материалом.

Для жилищ, к рассмотрению которых мы переходим, характерным признаком, по которому они выделяются в самостоятельную группу, является не конструкция их очага, а материал, из которого сооружались сами жилища (рис. 56).

Всего жилищ, сложенных из кирпича-сырца, учтено 66 (табл. 9), при этом все они представляли собой, как правило, бесформенные расплывшиеся массы развалившихся кладок, большей частью совершенно разрушенных позднейшими перекопами.

весьма отрывочные данные как о самом типе построек, так и об их конструкции.

В ряде жилищ, например, сохранились остатки стен,¹⁴⁰ иногда с примыкающими к ним углами (рис. 57).¹⁴¹ Толщина их колеблется от 0.32 (жилище № 976) до 0.75 м (жилище № 925).

В жилищах №№ 948, 436 и 946 под остатками сырцовых стен найдены ряды обожженных кирпичей, по всей вероятности выполнявших роль фундамента.¹⁴²

¹⁴⁰ Жилища №№ 965, 948, 961, 936, 976, 436, 931, 677, 952, 941, 925, 932, 926, 934, 438, 946.

¹⁴¹ Жилища №№ 965, 932, 438.

¹⁴² Ряды обожженных кирпичей в основании стен, сложенных из кирпича-сырца для Белой Вежи, уже были отмечены в литературе; см.: М. И. А р-

В жилищах №№ 961, 936, 941 и 926 в сохранившихся стенах хорошо прослеживались ряды сырцовых кирпичей; в жилище № 926 их насчитывалось два, в жилище № 941 — три, в жилище № 936¹⁴³ таких рядов прослежено шесть.

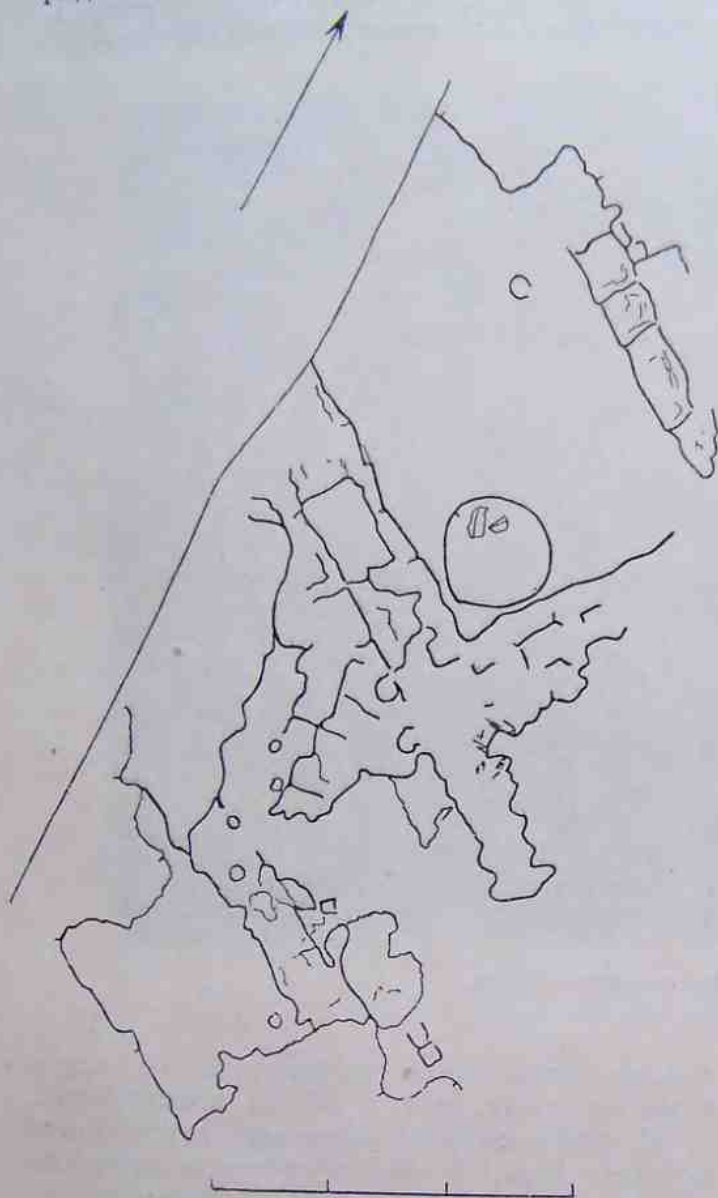

Рис. 57. Остатки постройки № 965 из кирпича-сырца (план).

В некоторых постройках удалось установить размеры отдельных кирпичей. Так, в жилище № 925 зафиксировано было два типа кирпичей: размеры первых 25×16 —

тамонов. 1) Белая Вежа, стр. 52; 2) Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г., стр. 147.

¹⁴³ Жилище не раскопано. Кладка его стены была обнаружена в разрезе западной стенки траншеи № 6, в районе северо-западных (основных) ворот крепости.

18×10 см, вторых — $30 \times 17 \times ?$ см; в жилище № 936 кирпичи имели размеры $20 \times 25 \times ? \times 8-10$ см.

В ряде построек под развалами обрушившихся стен сохранились остатки глинобитных,¹⁴⁴ иногда деревянных¹⁴⁵ полов, часто обгоревших. В нескольких случаях¹⁴⁶ на остатках таких полов найдены развалы кирпичных отопительных сооружений (печей или очагов), восстановить конструкцию которых не представляется возможным. В отдельных жилищах раскопками были обнаружены гнезда от столбов; последние располагались не вдоль стен или в углах построек, как это наблюдалось в жилищах предшествующих групп, а примерно в средней части построек.

Из сказанного следует, что в рассматриваемой группе жилищ крыши и имевшиеся, вероятно, потолочные балки опирались на стены построек, и только в отдельных случаях — на дополнительно врытые в пол опорные столбы.

О размерах построек, входивших в эту группу, судить трудно. Можно лишь предположить, что жилища эти, судя по сохранившимся развалам построек №№ 976, 925, 438 и др., имели размеры значительно большие, чем жилища предшествующих групп.

Перечисленные выше данные, выявленные по сохранившимся остаткам построек, несмотря на всю их фрагментарность, позволяют заключить, что рассматриваемую группу жилищ составляли единые по своим строительным приемам и неизвестные в более ранних слоях отложений постройки из кирпича-сырца. Постройки эти были наземными. На это указывает то, что в жилищах, сохранивших остатки стен, последние перекрывались далеко выходящими за их пределы развалами обрушившихся кладок.

Сопровождавшие рассматриваемую группу жилищ находки немногочисленны. Основную массу их составляла керамика, в большинстве своем представленная на городище обломками изготовленных на круге горшков с сильно отогнутым венчиком, с характерным для русской посуды предмонгольской поры (XII—начало XIII в.) валиком, расположенным по краю.

¹⁴⁴ Жилища №№ 950, 951, 965, 969, 948, 961-339, 308, 935, 952, 435, 946, 964.

¹⁴⁵ Жилище № 436.

¹⁴⁶ Жилища №№ 950, 436, 308, 939, 438.

Подобная керамика хорошо известна по материалам раскопок многих древнерусских городов и прежде всего Чернигова и Киева.¹⁴⁷

Кроме русской, сработанной на круге посуды, керамические остатки содержали в себе незначительное количество обломков лепных горшков, мелкобороздчатых амфор, а также несколько обломков поливных сосудов.

Немногочисленный вещевой материал состоял из железного топора, обнаруженного в развалах жилища № 946, железных удил, найденных в остатках жилища № 435, двух больших грузил (глиняного и сделанного из мергеля), происходящих из жилища № 952, шиферного пряслица (жилище № 978), кольца из синего стекла (жилище № 930) и обработанного оленьего рога (жилище № 939).

Керамика и вещевой материал из жилищ аналогичны находкам из окружавшего эти жилища слоя. Обращает на себя внимание отсутствие сосудов, характерных для предшествующих групп построек и соответствующих им слоев культурных отложений.

Отсутствуют, например, совершенно сосуды саркелского типа, красноглиняные кувшины с плоской ручкой и другие типы керамики, а также находки литейных формочек и тиглей, остатки янтарного, косторезного, стекольного и прочих производств. Исчезла в связи с этим характерная для предшествующих групп мешанность находок. Все это говорит о том, что жилища, сложенные из кирпича-сырца, и относящиеся к ним отложения вместе с сопровождавшими их находками керамики и других вещей представляли на городище самостоятельный слой.

О том, когда появилась на городище рассматриваемая группа жилищ, говорит как само расположение их на площади городища, так и их залегание в общей толще культурных отложений.

Располагались жилища на площади городища следующим образом.

Девять построек¹⁴⁸ обнаружено в районе западной угловой башни (раскоп 1949 г.), при этом жилища №№ 972, 951, 965 и 973 находились за пределами крепости, а жилища №№ 967 и 980 своими остатками частично перекрывали упомянутую башню; остатки десяти построек¹⁴⁹ найдены у северо-западных (Главных) ворот крепости (раскоп I 1950—1951 гг.), из них остатки жилища № 959 также находились за пределами крепостных стен; шестнадцать построек¹⁵⁰ располагались на площади, примыкающей к средней части юго-западной оборонительной стены (раскоп II 1950—1951 гг.), и тридцать одно жилище — в районе южной угловой башни, в цитадели.¹⁵¹

Залегали жилища, как это видно из табл. 9, в самых верхних слоях отложений города, часто обнаруживаясь сразу же под тонким покровом дерна.

Следует указать, что табл. 9 дает лишь общее представление о залегании рассматриваемой группы жилищ в слоях культурных отложений города (ср. табл. 9 с аналогичными таблицами для других групп). В ней, к сожалению, не находит отражения мощность культурного слоя, оставленного этой группой построек.

Если мы посмотрим, на каких глубинах от современной дневной поверхности залегают относящиеся к этой группе жилища, обозначенные в таблице 9, на глубинах 2.2 м и ниже (колебаниями в разнице глубин для построек, расположенных на более высоких уровнях, можно пренебречь), то окажется (табл. 10), что перечисленные жилища в подавляющем большинстве залегали на глубине 0.65 м от современной поверхности. Здесь же отметим, что расположение построек №№ 973, 969, 968, 980, 966, 308 и 922 (табл. 10) на более глубоких уровнях объясняется, по-видимому, тем, что они, находясь в непосредственной близости от оборонительных стен крепости или от стен внутри-

¹⁴⁸ Жилища №№ 972, 950, 951, 965, 973, 969, 968, 967, 980.

¹⁴⁹ Жилища №№ 938, 942, 948, 947, 961, 959, 960, 936, 976, 923.

¹⁵⁰ Жилища №№ 937, 943, 949, 436, 339, 953, 954, 974, 970, 977, 978, 866, 333, 966, 308, 922.

¹⁵¹ Жилища №№ 933, 931, 939, 935, 962, 979, 677, 952, 941, 435, 945, 920, 924, 928, 929, 925, 963, 921, 955, 958, 946, 932, 926, 944, 975, 957, 934, 438, 657, 964, 930.

¹⁴⁷ Подобная керамика известна в Киеве [см. материалы раскопок Д. В. Милеева, хранящиеся в ОИРК Гос. Эрмитажа, колл. № 5, а также материалы раскопок М. К. Каргера, опубликованные в его книге «Археологические исследования в его Киеве» (Киев, 1950, стр. 37, табл. 25)]. Аналогичная керамика известна и по материалам раскопок в Чернигове в 1951—1952 гг. (материалы хранятся в ОИРК Гос. Эрмитажа, колл. №№ 10, 21, 23). Кроме Киева и Чернигова, такая керамика встречена на Райковецком городище, на городище Сажки (Винницкой области), в Тмутарокани и в других городах.

Таблица 9

Поглубинное залегание полов жилищ, сложенных из кирпича-сырца, на площади городища

Глубина (м)	Раскоп 1949—1950 гг.	Раскоп I 1950—1951 гг.	Раскоп Ia 1951 г.	Раскоп II 1950—1951 гг.	Раскоп цитадель 1951 г.
3.0	—	—	—	—	933
2.9	—	—	—	937	931
2.8	—	—	—	—	935, 962,
2.7	—	938	—	943	979
2.6	—	942	—	949	677, 952,
2.5	972	—	—	—	939, 941,
					435, 945,
					920, 924
2.4	950, 951	948, 947	—	—	928, 929
2.3	—	—	—	436, 339,	925
				953	
2.2	965	—	—	954, 974	963, 921,
					955, 958
2.1	—	961, 959,	—	970	946, 932
		960			
2.0	973	936, 976,	—	977, 978	926, 944
		923			
1.9	969	—	—	866	975, 957
1.8	968	—	—	333, 966	934
1.7	—	—	—	308	438
1.6	967	—	—	—	—
1.5	—	—	—	—	—
1.4	980	—	—	922	657
1.3	—	—	—	—	964
1.2	—	—	—	—	930
0	—	—	—	—	—
-0.1	—	—	—	—	—

Таблица 10

№№ жилищ	Глубина залегания остатков построек от современной поверхности (м)
954, 926, 975, 957, 930	0.1—0.2
961, 959, 965, 976, 978, 963, 932, 934	0.2—0.35
965, 967, 936, 977, 946	0.4—0.45
923, 974, 970, 866, 333, 921, 958, 944	0.5—0.65
973, 969, 968, 980, 966, 308, 322	0.8—1.2
955, 438, 657, 964	Данных нет

крепостных строений, оказались перекрытыми землей, выброшенной из траншей при позднейшей выборке кирпича.

Приведенное выше различие в показателях табл. 9 и 10 объясняется тем, что жилища, обозначенные в табл. 9, зафиксированы на глубинах, отсчитанных от материка, и располагались не на идеально ровной

горизонтальной поверхности городища, а на поверхности рельефной. Если учесть, что отсутствие рассматриваемых жилищ на площади городища на участке Ia (табл. 9, рис. 1), а также в районе северо-восточных, или «речных», ворот (рис. 1) связано с тем, что на этих площадях верхние слои были сняты скрепером, без учета сохранившихся в них остатков сырцовых построек, то можно заключить, что рассматриваемая группа жилищ вместе с относящимися к ней отложениями представляла собой единый культурный слой, равномерно покрывавший все городище.

Стратиграфически слой этот является самым верхним и характеризует собой последний по времени период жизни городища.

К сказанному следует добавить, что рассматриваемая группа жилищ, покрывая собой всю исследованную часть городища, впервые нарушает внутрикрепостную планировку города, игравшую в предшествующее время определенную роль в размещении построек. Такое расположение жилищ, сложенных из кирпича-сырца на площади городища, дает основание полагать, что группа эта появилась на городище в то время, когда постройки предшествующего периода были уже заброшены.

Однако жилища, сложенные из кирпича-сырца, не являлись для своего времени единственными по конструкции постройками. С последним периодом жизни городища связываются обнаруженные в верхних слоях легкие жилища столбовой конструкции, снабженные очагами в виде округлых, заполненных золой и угольками углублений.

Таких построек учтено всего две (№№ 89, 109). Одна из них (№ 109) оказалась сильно поврежденной позднейшими перекопами, другая (№ 89) дошла до нас, полностью сохранив свои очертания. Жилище № 89 (рис. 58) было обнаружено в цитадели на квадратах $X_{18}-\Phi_{19}$, $X_{19}-\Phi_{20}$, $\Phi_{18}-Y_{19}$, $\Phi_{19}-Y_{20}$, на глубине первых 30 см от современной дневной поверхности. Оно представляло собой почти квадратное в плане наземное помещение, ориентированное сторонами точно по странам света. По углам постройки, а также в середине ее восточной, южной и западной стен находились ямки от опорных столбов (диаметр 18—10 см). В середине северной, выгнутой наружу стены располагался вход. Границы его определялись гнездами от таких же столбов. Ямка от опорного столба

была обнаружена и в центре постройки. Вдоль стен жилища между гнездами столбов находились ямки от кольев плетня (диаметр 5—8 см), отстоявшие друг от друга на расстояние 25—30 см. Пол в жилище глинобитный. В его центральной части, к северо-востоку от находившейся здесь ямки от столба, помещалось очажное углубление, заполненное золой и угольками. Размеры постройки 5×4,3 м, ширина входа 1 м. Сопровождавшие жилище находки представлены небольшим количеством обломков различного вида сосудов (амфоры, русские, сработанные на круге, и ленные горшки). Следует указать при этом, что обломки ленной посуды, нехарактерные для русского населения, составляли в этом жилище большинство находок. Кроме керамики, в жилище оказалась округлая медная бляшка.

Само по себе существование на городище построек, отличающихся по своей конструкции от остальных жилищ этого горизонта (от жилищ, сложенных из кирпича-сырца), еще не дает основания видеть в этом указание на разнородный этнический состав населения этого времени. Но присутствие в сопровождавшем материале рассмотренного жилища керамических остатков, неизвестных для русских памятников, а также наличие в слоях этого времени небольшого количества находок изделий из железа, бронзы и кости, также выпадающих из комплексов русских вещей, заставляют полагать, что в последний период времени на городище присутствовало не только русское население, но и население другой этнической принадлежности.

несмотря на чрезвычайно плохую сохранность, представляется возможным различить в их составе не менее 6 самостоятельных групп.

Пять из этих групп условно названы по типу характерных для них печей и очагов. Это: 1) жилища с очагами в виде овальных

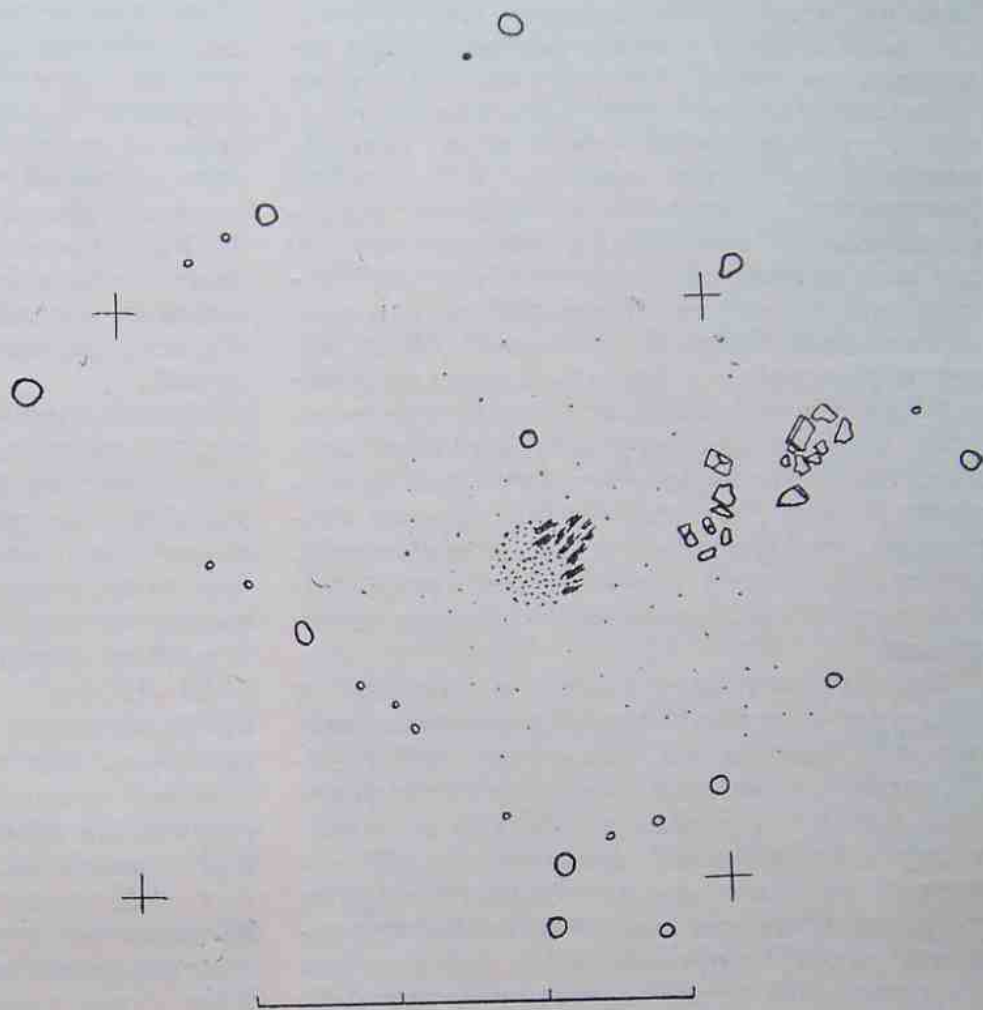

Рис. 58. Постройка № 89 (план).

или прямоугольных углублений; 2) жилища с кирпичными очагами; 3) жилища с печами-каменками; 4) жилища с глинобитными печами; 5) жилища с кирпичными печами. 6-я группа жилищ была выделена по признаку материала, из которого сооружены входившие в нее постройки. К этой группе отнесены жилища, сложенные из кирпича-сырца.

Группы жилищ отличались друг от друга не только по характеру их очагов и печей и не только по материалу, из которого эти жилища сооружались, но и по ряду конструктивных особенностей самих построек,

В результате изучения жилищ Саркела—Белой Вежи можно прийти к выводу, что,

а также по составу сопровождавших их находок, прежде всего керамики.

Тщательное изучение происходящей из жилищ керамики позволило установить, что каждой группе жилищ соответствует характерный для нее керамический комплекс, дающий возможность определить культурно-этническую принадлежность соответствующей части населения города.

На основании анализа керамического материала жилищ 1-й группы (постройки с различными по своим очертаниям очажными углублениями) отнесены к салтовомаяцкой культуре; жилища 2-й группы (постройки с кирпичными очагами, сопровождавшиеся совершенно неизвестным до сих пор комплексом керамики так называемого саркелского типа) определены как принадлежавшие тюркам; жилища 3-й и 4-й групп (постройки с печами-каменками и постройки с глинобитными печами) представляют собой славяно-русские жилища боршевского и позднего роменского или черниговского типа, а жилища 6-й группы (постройки, сооруженные из кирпича-сырца), сопровождавшиеся развитой гончарной русской керамикой, связаны с русским населением.

Значительные затруднения в определении культурно-этнической принадлежности представляют жилища 5-й, или смешанной, группы, условно названные постройками с кирпичными печами. Группа эта, будучи по количеству жилищ самой многочисленной, состоящей не менее чем из четырех подгрупп с характерными для каждой из них конструкциями печей, сопровождалась единой для нее, смешанной по своему составу керамикой, включающей в себя обломки сосудов, известных на городище по жилищам салтовомаяцкой, роменско-боршевской, тюркской и русской групп.

Вся эта группа жилищ, по-видимому, может быть разделена на две части. К первой из них могут быть отнесены постройки с большими, квадратными в плане печами, имеющими массивные стенки (подгруппа I), и постройки с прямоугольными тонкостенными печами (подгруппа II), которые по характеру их керамики, а также по типу и конструкции входивших в нее построек (ведущим типом для них являлись полуземлянки) отнесены к жилищам русского населения города. При этом жилища с прямоугольными печами, по-видимому, ге-

нетически связываются с постройками 3-й группы (жилища с печами-каменками).

Вторую часть построек этой группы составляли жилища III и IV подгрупп (жилища с большими квадратными и малыми квадратными тонкостенными печами), которые по сопровождающей их керамике, а также по особенностям типа и конструкции входивших в эти подгруппы построек тяготеют к жилищам 2-й, или тюркской, группы населения. Это подтверждается родственностью в конструкции характерных для них печей, по своему устройству, по-видимому, восходящих к очагам, оставленным тюркским населением города.

Указанное выше различие между группами нашло себе подтверждение как в расположении жилищ на площади городища, так и в их залегании в слоях культурных отложений.

Если проследить расположение групп жилищ на площади городища, то окажется, что постройки 1-й, 3-й и 4-й групп (салтовомаяцкие, боршевские и позднероменские), встреченные на всех раскопанных участках городища, сосредоточиваются основной своей массой в северо-западной половине крепости, в районе западной угловой башни (раскоп 1949—1950 гг.), у средней части юго-западной оборонительной стены (раскоп II) и на участке, примыкающем к северо-западным, Главным воротам крепости (раскоп I). Жилища 2-й группы (тюркские) находятся только в одной южной части крепости, в цитадели, и в небольшом количестве на участке II. Жилища 5-й группы, также встреченные на всех раскопанных участках, в своем расположении различались по составляющим их подгруппам. Постройки I и II подгрупп (жилища с большими квадратными печами, имеющими стенки толщиной в положенный планшья кирпич, и жилища с прямоугольными печами) размещались в основном на площади, примыкающей к средней части юго-западной оборонительной стены (раскоп II), и в районе северо-западных ворот крепости (раскоп I), т. е. в северо-западной половине укрепления; постройки III и IV подгрупп (жилища с большими квадратными и с малыми квадратными печами) — на участке II и в цитадели, т. е. в южной половине крепости. Наконец, жилища 6-й группы — постройки, сложенные из кирпича-сырца, — встречены на всей раскопанной территории городища.

В связи с рассмотрением топографии жилищ было отмечено, что она для ряда групп тесно увязывалась с внутрикрепостной планировкой. Так, например, жилища салтово-маяцкой, боршевской и роменской (1-я, 3-я и 4-я) групп, а также жилища I и II подгрупп 5-й группы, т. е. постройки, оставленные русским населением, в основном сосредоточивались на городище вне пределов цитадели; жилища же тюркской (2-й) группы, а также тяготеющие к ней жилища III и в значительной части IV подгрупп 5-й группы (постройки с большими квадратными и малыми квадратными печами), наоборот, — в пределах цитадели. Жилища 6-й группы (постройки, сложенные из кирпича-сырца) располагались в самых верхних слоях отложений городища и распределялись равномерно по всей площади города вне зависимости от ее планировки.

Изложенные выше данные топографии жилищ теснейшим образом связаны с их стратиграфией. На этой основе и при учете того, как характеризующая эти жилища керамика сочетается с массовым керамическим материалом из слоев города, может быть установлена относительная хронология групп и последовательность их появления на территории крепости. Жилища 1-й, 2-й и частично 3-й групп (салтово-маяцкой, тюркской и боршевской), судя по тому, как составляющие их постройки располагались в слоях культурных отложений города (табл. 1—3) и для каких из этих слоев характерна сопровождающая их керамика (рис. 20, 24, 43), относятся к самому раннему периоду жизни городища. При этом часть построек 1-й, или салтово-маяцкой, группы (жилища №№ 58, 59, 64 и 117, расположенные в районе западной угловой башни), очевидно, относилась к поселению, предшествовавшему сооружению крепости. Остальные постройки этой группы, а также постройки 2-й (тюркской) и 3-й (боршевской) групп появились на городище после сооружения крепости и расположились в ней предположительно в следующем хронологическом порядке: первыми в крепости появились постройки тюркской (2-й) группы, которые разместились в цитадели и на примыкающей к ней площади раскопа II (иначе трудно себе представить, каким образом они смогли занять наиболее защищенную часть укрепления). Следом за ними, а может быть и одновременно, в крепости появились постройки сал-

тово-маяцкой (1-й) группы и разместились в ней на указанных выше площадях. За постройками 1-й и 2-й групп на территории городища появляются жилища 3-й (боршевской) группы, которые, разместившись в основном на тех же площадях, что и жилища 1-й группы, продолжают с ними сосуществовать. Затем появляются жилища 4-й и 5-й (смешанной) групп и, наконец, последними на городище появляются жилища 6-й группы, сложенные из кирпича-сырца.

Кроме изложенной выше последовательности в заселении городища, стратиграфические наблюдения позволяют заключить, что соотношение групп жилищ между собой, а также конструктивные особенности построек, составлявших каждую из этих групп, как и сопровождавшая их керамика, в процессе жизни города не оставались постоянными.

Если к моменту постройки крепости на территории будущего города существовали жилища только 1-й, или салтово-маяцкой, группы и притом в большинстве своем овальные, то затем, с момента сооружения крепости и в ранний период ее жизни, в ней существуют уже три (салтово-маяцкая, тюркская и боршевская) группы. При этом салтово-маяцкая группа жилищ представлена здесь уже прямоугольными в плане постройками с двумя поддерживавшими кровлю опорными столбами, расположенными в середине противоположных стен, а характерные для этой группы овальные постройки исчезают.

Каждая из указанных групп в этот период жизни отличалась чистотой характеризующего ее керамического комплекса.

Во второй период жизни города, с появлением на его территории жилищ с глинобитными и кирпичными печами (4-й и 5-й групп), постройки 1-й (салтово-маяцкой) группы исчезают полностью, жилища 3-й (боршевской) группы видоизменяются и образуют II подгруппу 5-й группы (постройки с прямоугольными печами), перемещаясь при этом из района, прилегающего к средней части юго-западной стены крепости (раскоп II), в район северо-западных крепостных ворот. Наконец, жилища 2-й (тюркской) группы населения крепости резко сокращаются в своем количестве, но продолжают еще существовать.

Для жилищ этого периода характерна отмеченная выше смешанность сопровожда-

шей их керамики и появление в ее составе образцов русских гончарных сосудов, а также многочисленных находок, характеризующих ремесленную и торговую деятельность населения, неизвестных на городище ни в более ранних, ни в более поздних его отложениях.

Для последнего периода жизни города характерным является отсутствие жилищ предшествующих групп. На смену им на городище появляются постройки 6-й группы, сложенные из кирпича-сырца, с характеризующей их гончарной русской посудой, и небольшое количество легких наземных построек, снабженных открытыми очагами и сопровождавшихся находками иной культурной принадлежности.

Изучение жилищ Саркела—Белой Вежи, а также изучение характеризующей их керамики дает возможность сделать два важных вывода.

1. Ко времени постройки крепости на ее месте, по всей вероятности, существовало поселение салтово-маяцкой культуры с характерными для него конструкциями построек.

2. С момента постройки крепости и на протяжении всего времени существования города различается три периода его жизни. Два последние из них характеризуются присутствием в соответствующих им слоях русской гончарной посуды.

Опираясь на сказанное, а также на схемы, отражающие залегание основных типов керамики (рис. 18, 23, 34 и 40), представляется возможным установить приблизительную мощность слоев культурных отложений города, относящихся к разным периодам его жизни. Раннему периоду соответствуют первые 0.8—1.0 м отложений (сюда входит и культурный слой, предшествовавший постройке крепости), второму — слой, залегающие на глубине 0.8—1.0—1.6—1.8 м, и третьему — последние 0.8—1.0 м культурных отложений.

Основываясь на проведенном анализе и привлекая другие материалы, которые дают раскопки Белой Вежи, можно сделать попытку увязать известные по письменным источникам сведения о жизни города с археологическими данными и попытаться установить абсолютную хронологию различных периодов его истории.

Письменные источники дают следующие три достоверных даты, относящиеся к важ-

нейшим событиям, связанным с жизнью Саркела—Белой Вежи: первая из них — 834—837 гг. — определяет время постройки крепости,¹⁵² вторая — 965 г. — является датой взятия Саркела Святославом¹⁵³ и, наконец, третья — 1117 г., под которым летопись сообщает о приходе беловежцев «в Русь»,¹⁵⁴ — является датой, с которой исследователи увязывают гибель Белой Вежи как русского города.¹⁵⁵

Указанные даты определяют по меньшей мере два хронологически последовательных периода в жизни города. Первый из них (834—837—965), очевидно, следует назвать хазарским, второй (965—1117) — русским. Сопоставляя данные письменных источников с выводами, к которым приводит изучение жилищ, можно предположить, что первый, или ранний, период жизни города, установленный по археологическим данным и выраженный слоем нижнего метра его культурных отложений, соответствует хазарскому периоду жизни Саркела—Белой Вежи.

Это подтверждается не только тем, что отложения, характеризующие этот период по составу содержащихся в них остатков жилищ и сопровождавших их находок, резко отличаются от последующих наслоений, но и по другим дополнительным данным.

Как уже неоднократно указывалось в литературе, кирпичная кладка крепостных стен и других внутрикрепостных сооружений, возвышавшаяся над поверхностью земли еще до начала прошлого столетия, была разобрана местными жителями. На месте ее на городище появилось огромное количество разнообразных по своему очертанию ям.¹⁵⁶

Во время раскопок, однако, было установлено, что не все кирпичные сооружения были полностью разобраны. От некоторых из них сохранились нижние ряды кладки.

При этом на поверхности городища никаких следов ям, указывающих на позднюю разборку этих кирпичных зданий, не

¹⁵² М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии, СА, VI, 1940, стр. 132 и сл.

¹⁵³ «Повесть временных лет». Изд. Археологической комиссии, СПб., 1872, стр. 37; Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, т. I, стр. 47.

¹⁵⁴ «Повесть временных лет». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, т. I, стр. 202.

¹⁵⁵ М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 75.

¹⁵⁶ П. А. Раппопорт. Крепостные сооружения Саркела. Настоящее издание, стр. 10, рис. 1.

было,¹⁵⁷ что свидетельствует о разрушении их еще в древности. Высота сохранившихся кладок этих сооружений¹⁵⁸ в ряде случаев доходила до границы между первым, или ранним, периодом жизни крепости и последующим, вторым, периодом ее существования. Это дает основание отнести время разрушения крепостных сооружений Саркела к началу второго периода его жизни, к 965 г.

К сказанному следует добавить, что разрушению в это время подверглись не все кирпичные здания крепости, а лишь некоторые (рис. 1),¹⁵⁹ представлявшие собой, как можно предположить, наиболее важные узлы сопротивления ее защитников.

В связи с этим следует отметить, что найденный на городище в 1949 г. клад,¹⁶⁰ а также многочисленные кистени,¹⁶¹ обнаруженные здесь в последующие годы раскопок, стратиграфически увязываются с границей указанных периодов. А если при этом учесть, что упомянутые кистени встречены двух типов — русские¹⁶² и, вероятно, кочевнические, то все это в совокупности со сказанным выше является свидетельством бурных событий, которыми сопровождалась смена периодов. События эти сжато, но выразительно запечатлены летописцем в словах: «... и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежу взя».¹⁶³

¹⁵⁷ Там же, стр. 10, рис. 1 (см. остатки сооружений в южном углу крепости).

¹⁵⁸ Высота сохранившихся кладок «караульных» помещений у Главных ворот 0.5—0.6 м, высота сохранившейся кладки центрального здания 0.8 м, высота сохранившейся кладки южной боевой башни 0.8—1.0 м, высота сохранившейся кладки здания III 0.6—0.8 м, высота сохранившейся кладки западной угловой башни 1 м.

¹⁵⁹ На этом рисунке интересующие нас сооружения помечены цифрами II, III, V, VI, VII и VIII. См.: П. А. Раппопорт, ук. соч., рис. 27.

¹⁶⁰ Клад обнаружен в районе западной угловой башни на глубине 0.54 м от уровня материка. Упоминание о кладе см.: М. И. Артамонов. 1) Белая Вежа, стр. 50; 2) Новые раскопки Саркела—Белой Вежи, стр. 142; 3) Саркел—Белая Вежа, стр. 54, рис. 34, 35.

¹⁶¹ Обнаруженные на городище кистени основной своей массой залегают на глубине от 0.4 до 0.8 м.

¹⁶² Кистени яйцевидные, костяные, снабженные железным стержнем с проушиной для подвешивания либо на цепочку, либо на ремень, являются предметом вооружения русского воина. На одном из таких кистеней, обнаруженном на городище, были вырезаны знаки Рюриковичей (см.: М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 76, рис. 52).

¹⁶³ В «Повести временных лет» под 965 г. сообщается: «В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же козары, изидоша противу съ

Русскому периоду Белой Вежи, определяемому письменными источниками временем 965—1117 гг., соответствуют отложения, содержащие поздние постройки 3-й группы, а также жилища 4-й и 5-й групп, представленные слоями 2-го метра культурных напластований города (с 0.8—1.0 м до 1.6—1.8 м).

К этому же выводу приводят и другие дополнительные данные.

Если проследить, например, стратиграфию таких находок, как шиферные пряслица¹⁶⁴ и стеклянные браслеты,¹⁶⁵ то окажется, что эти находки основной своей массой лежат только в указанных слоях. К ним же относятся остатки различных ремесленных мастерских (литейные, ювелирные, костерезные и др.), которые неизвестны на городище ни в более ранний, ни в более поздний периоды его жизни.

Преемственность между ранним и последующими периодами жизни города, прослеживаемая как в конструкциях, характеризующих их жилища, и в сопровождающих эти жилища материалах, так и в их топографии (размещение жилищ на площади городища подчиняется внутрикрепостной планировке), с переходом в последний, третий, период полностью исчезает.

Граница, разделяющая отложения второго периода от последнего, третьего, представляла собой сплошной слой пожарищ, сопровождавшийся останками убитых или сгоревших в огне людей, нередко находив-

князем своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлю Вежу взя. И ясы побѣди и касогы». Это летописное известие, в той части, где рассказывается о результатах описываемых событий, вплоть до последнего времени, как нам кажется, переводится неточно. В летописи говорится: «... одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежу взя» (курсив наш, — В. Б.). Переводится же это место без учета союза «и», в то время как союз «и» существенно расширяет содержание летописного свидетельства. Он дает возможность видеть в рассказе летописца не один город Белую Вежу, как это принято до сих пор в литературе (см. указанное академическое издание «Повести временных лет», т. 1, стр. 244, а также: М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 42), но еще и «градъ ихъ», под которым, мы полагаем, летописец разумел хазарскую столицу Итиль.

¹⁶⁴ В. П. Левенков. Пряслица городища Саркел—Белая Вежа. Настоящее издание, стр. 351, табл. VIII.

¹⁶⁵ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 323.

шихся под развалами разрушенных построек. Этот слой пожарниц, очевидно, следует связать с теми событиями, под влиянием которых беловежцы вынуждены были уйти «в Русь».

Слой последнего, третьего, периода жизни Белой Вежи, с которыми связано появление на городище совершенно нового типа жилищ (из кирпича-сырца), очевидно, следует датировать последующим временем. Какими хронологическими рамками определяется этот период, сказать трудно. Можно лишь отметить, что ко времени путешествия епископа Пимена по Дону (1389 г.)¹⁶⁶ Белой Вежи уже не только не существовало, но и память о ней как о русском городе была утрачена. На непродолжительность последнего периода жизни города указывает как незначительная мощность культурного слоя, относящегося к этому периоду, так и полное отсутствие в его отложениях находок характерной для татарского времени керамики, в то время как последняя в изобилии встречена на близлежащем от городища поселении у хутора Потайновского.

Очевидно, ко времени татарского нашествия жизнь на городище полностью прекратилась.

Приведенное выше сопоставление сведений письменных источников с данными, полученными в результате раскопок, позволяет заключить, что последние значительно расширяют наши представления об истории Саркела—Белой Вежи.

На основании имеющихся археологических данных можно теперь говорить, что в хазарский период существования Саркела—Белой Вежи в крепости жили три этнокультурные группы населения: тюркская, салтово-маяцкая и боршевская, или славянская. Каждая из этих групп представлена характерными для нее конструкциями жилищ и самостоятельным комплексом сопровождавшей их керамики. Одна из перечисленных групп (тюркская) занимала наиболее защищенную часть крепости — цитадель и частично примыкавшие к ней участки укрепления. Две другие группы населения располагались на остальной территории.

То обстоятельство, что тюркская группа населения заняла в крепости наиболее защищенную ее часть, заставляет полагать, что в хазарский период именно ей принадле-

жало здесь господствующее положение. Были это только ежегодно сменявшийся гарнизон, о котором сообщает Константин Багрянородный, или в эту группу входило и прочее хазарское население, сказать пока не представляется возможным. Одно совершенно очевидно: именно с этой группой населения крепости следует связывать тех, кто представлял здесь Хазарское государство.

В этой связи необходимо отметить, что население указанной группы принимало участие в постройке крепости, о чем свидетельствует тождество отдельных знаков на кирпичах со знаками на посуде, принадлежавшей этой группе населения (рис. 20, 3—5; 24).

Население двух других групп, живших в это время в крепости, являлось подчиненным и занималось сельским хозяйством, ремеслом, торговлей и подсобными промыслами (рыбная ловля, охота и др.).

Ремесленная деятельность населения Белой Вежи в хазарский период ограничивалась производством глиняной посуды, обработкой железа и, вероятно, в незначительном количестве ювелирным делом.

Принимая во внимание, что в отложениях хазарского времени были обнаружены предметы восточного происхождения (костяная фигурка слона с седоком, бронзовые светильники, монеты и др.), а также монеты и вещи, прежде всего керамика, из Причерноморья, можно заключить, что Саркел в хазарское время выступал не только как город-крепость с его этнически неоднородным населением, но и как ремесленный центр, имеющий торговые связи с Востоком и Причерноморьем.

Тем не менее говорить об этом городе как о крупном торговом и ремесленном центре еще нельзя. Здесь нет того многообразия ремесел, которое характерно для крупных торговых центров. Здесь также нет и той мешанины культурных остатков, которая, образуясь в результате бурной торговой и ремесленной деятельности, нивелирует этническую пестроту населения.

В русский период своего существования (965—1117 гг.) Белая Вежа становится одним из крупнейших центров ремесленного производства и торговли на Юго-Востоке. В отложениях этого периода были обнаружены остатки кузнечных, литейных, гончарных и других мастерских.

¹⁶⁶ Летопись Никоновская. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 158—184.

Торговые связи Белой Вежи в этот период жизни города по сравнению с предшествующим временем значительно расширяются. В отложениях этого времени обнаружено большое количество находок, указывающих на интенсивную торговлю города со Средним Поднепровьем, с Византией и Крымом.

Бурное развитие ремесла и торговли в Белой Веже наложило отпечаток на образ жизни жителей этого города. Относящиеся к этому времени жилища, различаясь между собой по конструктивным особенностям, а более всего — по находившимся в них печам, а также по расположению своему на площади городища, тем не менее объединялись сопровождавшей их единой, мешанной по своему составу керамикой и вещевыми находками, в которых лишь с трудом можно различить этническую самостоятельность оставившего их населения.

В результате победы Святослава с появлением русского населения на Нижнем Дону и Тамани (Тмутороканское княжество) Белая Вежа превращается в один из крупнейших торгово-ремесленных и культурных центров на юго-восточной окраине Русского государства. Однако Белой Веже не суждено было долго просуществовать. Особенно усилившиеся к концу XI в. набеги половцев на Русь и развернувшаяся против них совместная борьба русских князей,¹⁶⁷ по всей вероятности, отразились на положении Белой Вежи. Очевидно, после одного из набегов кочевников на Белую Вежу ее население покинуло город, а под 1117 г. летописец рассказывает о приходе беловежцев «в Русь».

В последний период своей жизни Белая Вежа выступает уже как рядовое степное поселение, по-видимому лишенное сколько-нибудь значительной ремесленной и торговой деятельности. Население в этот период в основном строит свои жилища из кирпича-сырца, обнаруживая тем самым сложившиеся у него, совершенно неизвестные здесь для предшествующего времени строи-

тельные навыки. Резкая смена строительной техники в последний период жизни Белой Вежи в сравнении с предшествующими периодами, по-видимому, неслучайна. Вполне возможно, что в жизни этого города мог произойти какой-то кратковременный перерыв, после которого на смену прежнему населению пришло новое.

По своему этническому составу это население было русским. М. И. Артамонов относит его к тому населению Подонья, которое известно в истории под наименованием бродников.¹⁶⁸ Однако не исключена возможность, что в этот период на городище вместе с русским населением существовало население и иной этнической принадлежности. На это указывают обнаруженные в слоях этого времени небольшое количество остатков легких наземных построек, снабженных открытыми очагами, и незначительное количество находок керамики, изделий из железа, бронзы и кости, выпадающих из комплекса находок русских вещей.

Наметившиеся на основе проведенного исследования важнейшие вехи в истории Саркела—Белой Вежи имеют значение не только для выяснения исторических судеб самого города. Они позволяют по-новому подойти к изучению истории всего Юго-Востока нашей родины в эпоху раннего средневековья. Это прежде всего относится к вопросам истории хазар. Как известно, вплоть до последнего времени археологическая наука не располагала достаточными данными о том, какая группа памятников материальной культуры может быть с уверенностью отождествлена с собственно хазарами. В связи с этим при изучении истории хазар ученые нередко обращались к памятникам салтово-маяцкой культуры.

Однако, как показывают материалы Саркела, находившаяся в этом городе салтово-маяцкая группа населения отнюдь не была господствующей и вряд ли с ней можно отождествлять собственно хазар. С последними лучше связывается тюркская группа населения города, характеризующаяся комплексом керамики саркелского типа.¹⁶⁹ Группа

¹⁶⁷ В 1103 г. состоялся Долобский съезд русских князей, на котором было решено совместными действиями повести борьбу против половцев. В результате в этом же 1103 г. были разгромлены днепровские половцы, а затем в 1111 г. был предпринят поход против донецких половцев (победа на Сальнице); наконец, в этом же направлении был предпринят поход в 1116 г. (см.: *Повесть временных лет*, т. I, Изд. АН СССР, стр. 183, 190 и 201).

¹⁶⁸ М. И. Артамонов, *Белая Вежа*, стр. 75.

¹⁶⁹ В этой связи заметим, что неоднократные археологические обследования территории, непосредственно принадлежавшей хазарам (низовье Волги, район Элисты и район северо-западного побережья Каспия), не дали исследователям ни

эта в силу того, что она занимала в крепости господствующее положение, представляется чрезвычайно важной, по-новому определяющей дальнейшие пути в разработке хазарской проблематики.

Для истории Юго-Востока нашей страны не менее значительной является проблема славяно-русской колонизации Нижнего Подонья.

После выхода в свет работы М. И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону», а особенно специально посвященной этому вопросу работы И. И. Ляпушкина «Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани» в науке установилось твердое мнение, что в Нижнем Подонье славяно-русское население появилось только после прихода сюда Святослава в 965 г.¹⁷⁰

Однако, как показывает изучение материалов Саркела—Белой Вежи, в этом городе славянское население появляется до разгрома хазар.¹⁷¹ Если при этом учесть, что появление славян в Саркеле в хазарский период не было явлением единичным на Нижнем Дону, о чем свидетельствует, например, наличие здесь открытого И. И. Ляпушкиным поселения у хутора Ближняя Мельница¹⁷², то проникновение славянского населения в бассейн Нижнего Дона следует, очевидно, связать не с приходом Святослава,

а с более ранним движением славян на юго-восток, начало которого уходит в VIII столетие. Небезынтересно в этой связи отметить, что славянское население Белой Вежи в хазарский период представлено постройками боршевского типа, что, очевидно, указывает на приход этой группы населения из района Верхнего Дона. Подтверждением этому может служить обнаруженное в последние годы А. М. Москаленко городище Титчиха боршевского круга, которое своим местоположением (находится в 40 км вниз по Дону от Большого Боршевского городища) как бы указывает направление продвижения этой группы славян. Находки семилопастных височных колец в слоях хазарского времени (они найдены на глубине от 0 до 0.40 м)¹⁷³ дают основание предположить, что население с боршевской культурой в Саркеле принадлежало одному из племен вятичей.¹⁷⁴

Если в хазарское время славянское население просачивалось в район Нижнего Дона с верховий самого Дона, то после победы Святослава появившиеся в Белой Веже жилища позднероменского или черниговского типа свидетельствуют о том, что в русский период жизни города сюда вливается новая струя славянского населения, струя, идущая из Среднего Поднепровья.

одного поселения салтово-маяцкой культуры, в то время как стоянки с керамикой саркелского типа на указанной территории, как уже нами отмечалось, встречены в значительном количестве.

¹⁷⁰ М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону; 2) Новые раскопки Саркела—Белой Вежи, стр. 140; 3) Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г., стр. 151; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани, стр. 224, 138 и сл.; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена, I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

¹⁷¹ Это положение автора нельзя признать доказанным, так как жилища боршевского типа, обнаруженные в нижних слоях городища, в некоторых случаях частично углубленные в материк, все же выстроены после накопления на площади крепости отложений значительной мощности. Вероятнее полагать, что жилища боршевского типа здесь появляются только после взятия крепости Святославом. (Ред.).

¹⁷² Поселение у хутора Ближняя Мельница открыто и частично раскопано разведывательным

отрядом Волго-Донской археологической экспедиции (начальник отряда — И. И. Ляпушкин). Отчетная документация находится в архиве ЛОИИМК. См. также: И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница, стр. 337—347.

¹⁷³ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа, стр. 70, рис. 48.

¹⁷⁴ П. Н. Третьяков считает, что славянское население пришло на Нижний Дон с территории северян (см.: П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. Изд. АН СССР, 1953, стр. 258—259) и что только верховья Дона были заселены выходцами из земель вятичей (там же, стр. 259). Однако, как это видно из данных раскопок Белой Вежи, выводы П. Н. Третьякова нам представляются ошибочными. На это же указывают и материалы поселения у хутора Ближняя Мельница (раскопки И. И. Ляпушкина), где обнаруженные жилища входят себе прямые аналогии в остатках жилых сооружений, известных по раскопкам городища боршевской группы.

С. С. Сорокин

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ¹

Коллекция железных изделий из раскопок Левобережного Цимлянского городища и связанных с ним могильников состоит примерно из 2200 предметов более 60 различных наименований.²

Культурные напластования, в которых залежали эти предметы, в стратиграфическом отношении представляли собой к моменту раскопок сложную картину. В них

¹ Считаю своим долгом выразить признательность всему коллективу сотрудников Волго-Донской археологической экспедиции за неизменную товарищескую поддержку и помощь в процессе моей работы над материалом, а также руководителю экспедиции проф. М. И. Артамонову, обеспечившему мне полную свободу в использовании и изучении всей документации и всего вещевого материала раскопок Волго-Донской экспедиции, и О. А. Артамоновой за ее деятельное участие в организации издания и постоянную готовность помочь, без чего настоящая работа не могла бы увидеть свет.

² В коллекцию включено менее половины всех предметов из железа, обнаруженных при раскопках, так как значительная их часть представляла собой бесформенные обломки. Раскопки охватили немного более половины всей площади городища. Следовательно, культурный слой, накопившийся почти за три века жизни города, содержал в себе не менее 6—8 тысяч изделий из железа, т. е. в среднем приблизительно по одному предмету на каждые три квадратных метра площади, ограниченной крепостными стенами. Железные изделия беловежской коллекции вместе с другими материалами, ее составляющими, а также всей документацией находятся в камеральной мастерской Волго-Донской археологической экспедиции и после окончательной обработки будут переданы на постоянное хранение в Гос. Эрмитаж. Некоторое количество изделий из железа уже включено в экспозицию Отдела истории русской культуры. Несколько топоров, наконечников стрел и других предметов вооружения переданы в Артиллерийский исторический музей.

весьма нерегулярно, нарушая друг друга, чередовались остатки разнообразных глинобитных и сырцовых построек, горизонты пожарищ, хозяйственные ямы-хранилища, древние места свалок мусора и перемешанные заполнения ям и траншей, оставленных современными нам добытчиками кирпича, из которого были сложены стены и первые фундаментальные постройки крепости. Одних только жилых глинобитных полуземлянок на раскопанной площади (немного более половины городища) зафиксировано более 1000. Судя по их размерам и взаимному расположению, на площади, ограниченной оборонительными стенами, одновременно могло существовать не более 150—200 таких жилищ. Это значит, что за время жизни города все его постройки были разрушены и вновь восстановлены не менее 5—7 раз. При закладке каждого нового жилища, производственной мастерской или хозяйственной ямы, которых было по несколько у каждой постройки, последовательность напластований нарушалась, и вещи из нижних слоев попадали в менее глубокие горизонты, а поздние предметы, залежавшие в свое время близко к поверхности, в ряде случаев оказывались на глубине, соответствующей отметкам самых ранних слоев. Добытчики кирпича в своих поисках доходили до самого основания кладки построек, возведенных при основании крепости, что также привело к весьма значительным нарушениям хронологической последовательности напластований на большой площади.

Поэтому, чтобы воссоздать хотя бы приблизительно картину первоначального рас-

положения железных изделий в культурном слое в связи с тем или иным горизонтом или установить датировку отдельных предметов, недостаточно одних прямых стратиграфических данных, например глубины залегания. Для каждого предмета необходимо учитывать сопутствующий материал — керамику, изделия из стекла, кости, бронзы — и связь его с остатками жилищ и производственных мастерских.

Большая часть предметов из железа найдена вне комплексов; к определению их возраста на основании стратиграфических данных нужно подходить особенно осторожно; здесь сравнительная характеристика дает более надежные результаты. Меньшая же часть предметов обнаружена в жилых полуземлянках, хозяйственных ямах и производственных мастерских, принадлежность которых к определенному слою точно устанавливается стратиграфически и по материалу, включенному в связанные с ними заполнения, а также по архитектуре данных сооружений. Тем самым датируются эти предметы с достаточной степенью точности. Таким образом, данная часть материала представляет особую научную ценность.

В погребениях городищенского некрополя железных изделий найдено совсем мало. Их научная ценность также весьма велика, так как их дата вполне, и притом точно, определяется временем самих погребений.

Сохранность всех предметов из железа плохая. Только совсем незначительное их количество сохранилось хорошо. Большинство же к моменту раскопок не только оказалось покрытым толстым слоем ржавчины, нарушившей поверхность и изменившей форму предметов, но и проржавело насквозь.³

³ Для выявления первоначальной формы изделий механическая очистка, произведенная без предварительного изучения предмета, давала хороший результат только в тех случаях, когда форма изделий угадывалась сразу и когда ржавчина не успела попортить всю толщу металла. В тех же случаях, когда предметы были очень сильно окислены, большую пользу в распознавании их формы оказывал рентгеновский анализ (рентгеноскопия и рентгенография производились в рентгеновском кабинете Гос. Эрмитажа Тихоном Николаевичем Сильченко). Интенсивное проникновение лучей сквозь окислы и менее интенсивное сквозь неокислившийся металл давало возможность определить невидимые границы окислов и металла и тем самым обеспечить правильную очистку предмета. Прекрасные результаты дала рентгеноскопия для обнаружения пустот, вырезов и отверстий, затянутых наростами

Вся масса железных изделий из раскопок Левобережного Цимлянского городища (Саркела—Белой Вежи) и связанных с ним могильников делится на два хронологических историко-культурных комплекса: ранний, связанный в основном с самыми нижними горизонтами, т. е. с хазарским периодом жизни города, — от основания крепости в 30-х годах IX в. до взятия ее киевским князем Святославом Игоревичем в 965 г. — и более поздний, славяно-русский период жизни города, охватывающий вторую половину X, весь XI и самое начало XII в., до ухода славянского населения Белой Вежи на Русь.⁴

Принадлежность изделий из железа к одному из этих комплексов в ряде случаев удается установить, как было сказано, по стратиграфическим данным. Это относится к тем предметам, которые связаны с хорошо датированными жилищами, производственными мастерскими или хозяйственными ямами.

Труднее и с меньшей определенностью удается расчленить интересующий нас материал, залегающий в особенно сильно перемешанных участках культурного слоя. Тем более, что «хазарские» изделия из железа оставались в употреблении и после похода Святослава, а типично славянские начали проникать в Саркел задолго до этого события. Однако тщательное использование всех данных, полученных при раскопках (глубина залегания, общий характер ближайших участков культурного слоя, горизонты пожаров, сопутствующий материал, статистические и другие данные), позволяет решить задачу и в этом случае.

К основным датирующим комплексам, использованным нами для хронологического и историко-культурного членения всей массы железных изделий Саркела—Белой Вежи, относятся хозяйственная яма № 3 (квадрат З₁₁—Ж₁₂, внутренний угол цитадели), полуземлянка № 2, представляющая

ржавчины (например, в подковах или в бородках ключей), а также для выявления биметаллизма и, что особенно интересно, для установления наличия и определения характера орнаментации, совершенно невидимой под слоем окислов и легко разрушаемой при механической очистке, в тех случаях, когда украшения не были замечены до обработки предмета (замки, ножи).

⁴ Выделить из общей массы изделия из железа, относящиеся к более позднему периоду, не представляется возможным.

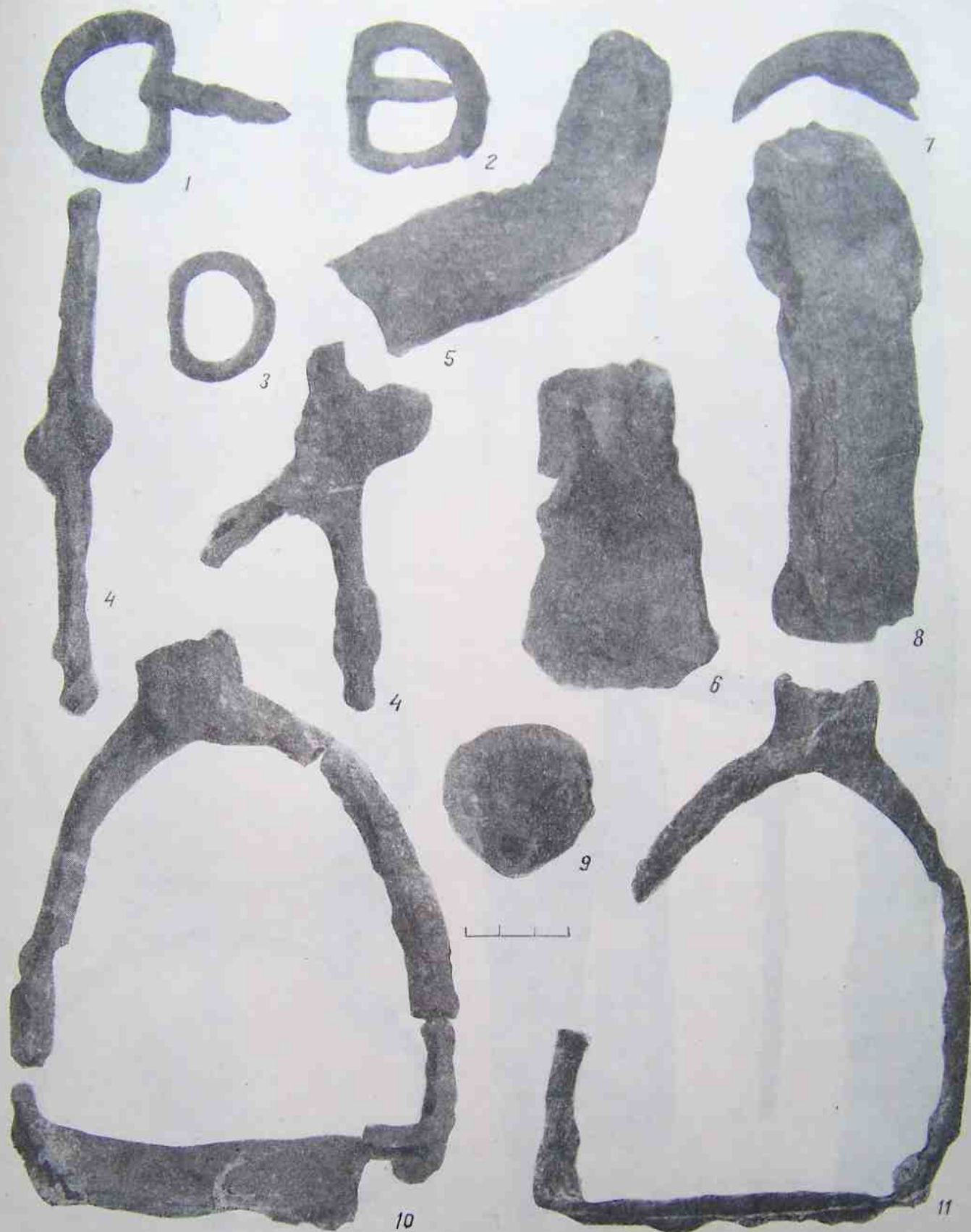

Рис. 1. Комплекс железных изделий хазарского времени из ямы № 3.

1-3 — пряжки; 4 — удила; 5 — обломок косы-горбуши; 6 — тесло-мотылька; 7 — обломок топора; 8 — топор; 9 — кистень; 10-11 — стремена.

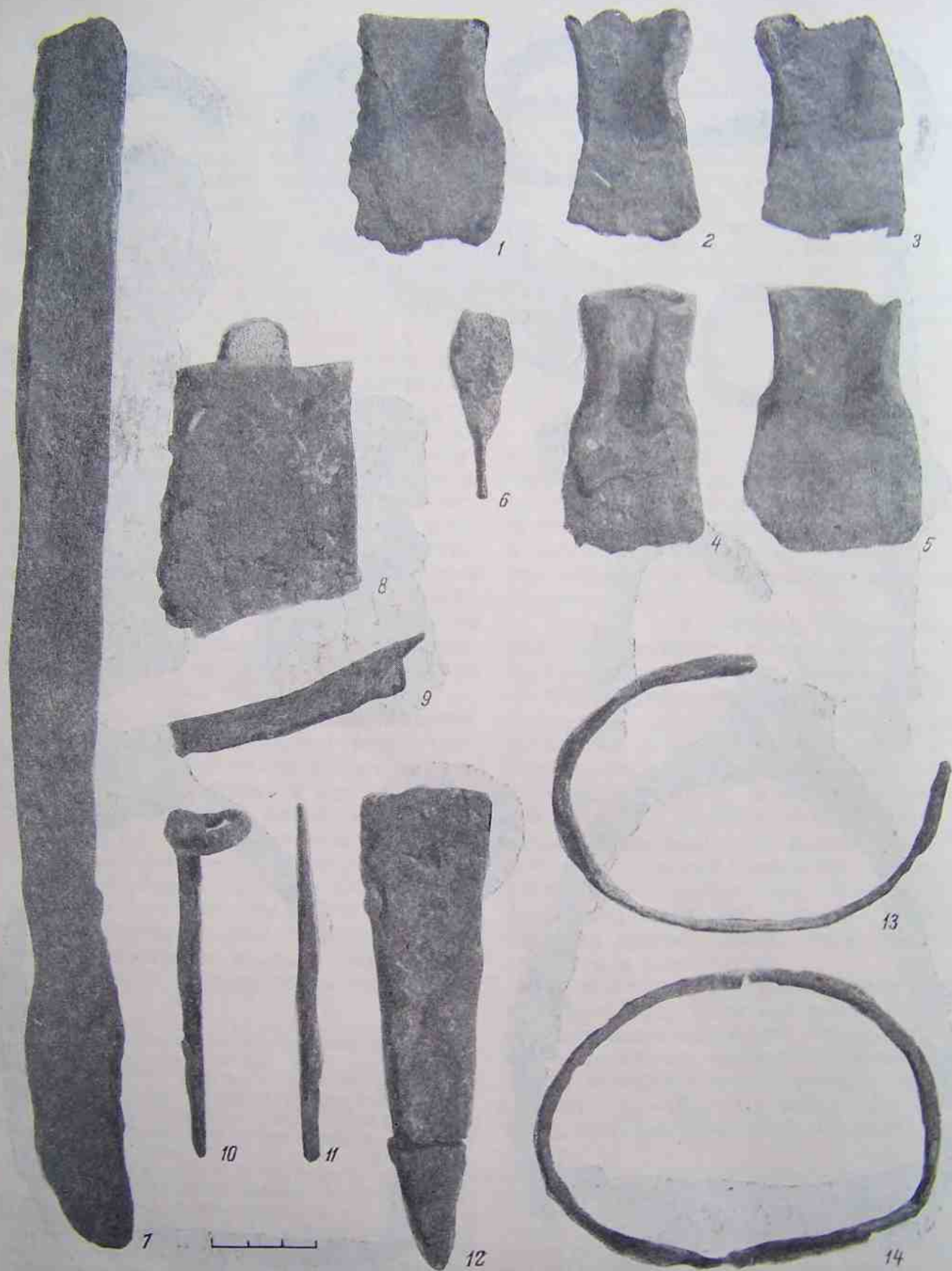

Рис. 2. Железные изделия из полуземлянки № 5.

1—5 — тесла-мотыльки; 6 — наконечник стрелы (заполнение хазарского времени); 7 — чересло; 8 — бо-
талю; 9 — обломок серпа; 10 — ключ; 11 — напильник; 12 — кузнечное зубило; 13, 14 — стремена (запол-
нения раннеславянского времени).

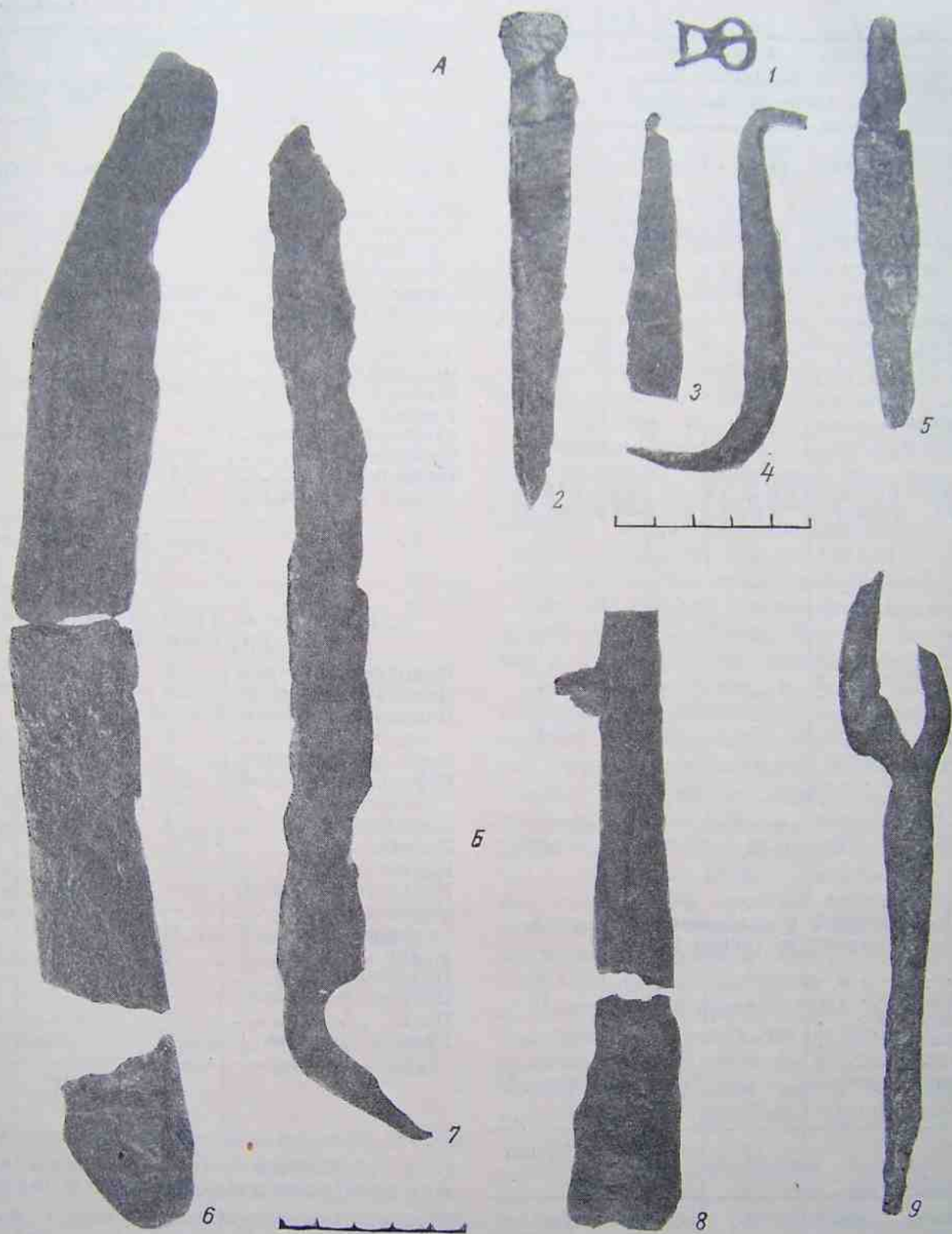

Рис. 3. Предметы хазарского времени из полуземлянки № 12 (А, 1—5) и группа железных предметов славянского времени из комплекса полуземлянки № 2 (Б, 6—9).

1 — бронзовая пряжка; 2, 5 — ножи; 3 — щипчики-пинцет (бритва); 4 — крюк; 6 — коса-горбуша; 7 — скобель; 8 — сломанный наконечник копья; 9 — кузнечные клещи.

Таблица 1

Наименование предметов	Периоды жизни города		Всего
	хазарский	славянский	

ГОРОДИЩЕ (1960 ПРЕДМЕТОВ)

А. Орудия труда (277)

1. Инвентарь ремесленников (145)

а) Инструменты по обработке металла

Наковальни	—	1	1
Молоты-кувалды	—	1	1
Молоты-ручьики	—	13	13
Клещи	—	5	5
Зубила	—	7	7
Пробойники	—	5	5
Напильники	—	9	9

б) Инструменты для обработки дерева, кожи и других материалов

Топоры	8	10	18
Тесла	10	28	38
Скобели	—	4	4
Долота и стамески	—	10	10
Сверла	—	4	4
Ложкари	—	3	3
Ножи-резцы	—	2	2
Шилья	—	10	10
Ножницы шарнирные	4	2	6
Ножницы пружинные	—	3	3
Косарь	—	6	6
	22	123	145

2. Промысловый и сельскохозяйственный инвентарь (около 130)

Серпы	8	31	39
Косы-горбуши	1	11	12
Плужные ножи	—	4	4
Наральники	—	3	3
Ботала	—	3	3
Рыболовные крючки	4	Около 65	Около 70
Лопаты	—	1	1
	13	Около 120	Около 130
	35	Около 240	Около 270

Б. Предметы бытового обихода (ок. 490)

Замки висячие	—	62	62
Замки врезные	—	1	1
Ключи к замкам	—	24	24

Таблица 1 (продолжение)

Наименование предметов	Периоды жизни города		Всего
	хазарский	славянский	

Ножи	40—50	Около 140	Около 190
Оковки и скобы	—	54	54
Пробой, накладки, дверные крючки, заклепки на дерево и др.	—	50	50
Дужки и ушки от бадей	—	9	9
Обручи	—	5	5
Браслеты (?)	—	1	1
Котлы	—	1	1
Кресала	—	3	3
Стержни и светцы	—	33	33
Цепочки	—	1	1
Пинцеты-бритвы	1	2	3
Кольца и пряжки	12	50	62
	Около 50	Около 440	Около 490

В. Оружие и предметы конской упряжи (159)

Наконечники стрел	6	50	56
Наконечники копий	3	19	22
Наконечники дротиков	1	3	4
Мечи (фрагменты)	—	4	4
Перекрестья мечей (сабель)	—	3	3
Боевые топоры	2	—	2
Булавы	—	1	1
Кистени	—	8	8
Кольчуги (фрагмент)	—	1	1
Умбоны	—	1	1
Стремена	14	17	28
Удила	6	15	21
Подковы	—	2	2
Подковные гвозди	—	3	3
Путы	—	2	2
Крючья большие	2	2	4
	31	131	162

Г. Различные мелкие и неопределенные предметы (около 1100)

Гвозди, рукоятки, шипообразные предметы, пластинки, четырехрогие навершия, воронкообразный предмет, массивное кольцо и др.; кроме того, на го-			
--	--	--	--

Таблица 1 (продолжение)

Наименование предметов	Периоды жизни города		Всего
	хазарский	славянский	
рощице найдено около 300 криц, большое количество перержавевших кусков железа и железные шлаки	Около 100	Около 1000	Около 1100
МОГИЛЬНИК У СТЕН ГОРОДИЩА (11 ПРЕДМЕТОВ)			
Топоры	1	—	1
Ножницы шарнирные	—	1	1
Ножи	—	4	4
Кресала	—	1	1
Дужки от бадей	—	1	1
Наконечники стрел	—	2	2
Пряжки	—	1	1
	1	10	11
МОГИЛЬНИК НА БОЛЬШИХ НАСЫНЯХ (ОКОЛО 180 ПРЕДМЕТОВ)			
Подковные гвозди	—	1	1
Ножи	—	10	10
Кресала	—	4	4
Кольца и пряжки	—	4	4
Наконечники стрел	—	2	2
Удила	—	2	2
Стремена	—	2	2
Оковки и обоймы	—	3	3
Кинжалы	—	1	1
Гвозди	—	ок. 150	ок. 150
	—	180	180
Итого	Около 200	Около 2000	Около 2200

собой кузницу славянского периода жизни города, полуземлянка № 3 (цитадель), полуземлянка № 5 — железоделательная мастерская, существовавшая со сравнительно раннего времени, может быть еще с хазарского, полуземлянка № 12 — керамическая мастерская хазарского периода, жилой славянский комплекс в центральной части городища, а также некоторые хозяйственные ямы с ясной стратиграфией заполнения и с хорошо датируемым сопутствующим материалом.

В яме № 3 (квадрат Z_{11} — J_{12} , внутренний угол цитадели), в заполнении хазарского времени, насыщенном фрагментами горшков с внутренними ушками и сероглиняных с лощением сосудов, залежали следующие предметы из железа: узколезвийный проушной топор со слегка отвислым обухом, два стремена сложной конструкции с прямым подножьем, усиленным тремя ребрами, тесло-мотыжка, похожая на кельт с незамкнутой втулкой, три пряжки с полукруглой дужкой и подвижным язычком, двусоставные удила со сложными железными псалиями, нож, обломок косы-горбуши, кистень и еще несколько бесформенных железных обломков (рис. 4). Все эти предметы относятся к хазарскому периоду жизни города.

Непосредственно на полу полуземлянки № 5, частично нарушенной жилищем с ямой № 69, содержащей как «хазарскую», так и славянскую керамику, залежали пять тесел-мотыжек, такие же, как упомянутые выше, и плоский черешковый наконечник стрелы с боевой частью правильной ромбической формы (рис. 2, 1—6). Эти предметы относятся к хазарскому периоду жизни города.

Несколько выше, в более поздних наслоениях, по-видимому органически не связанных с полуземлянкой, но относящихся все же, судя по большому количеству фрагментов «хазарской» керамики, к раннему периоду жизни города, находилось значительное количество железных предметов: батало, обломок серпа, напильник, кузнечное зубило, два простых стремена с овальным просветом без ушка и без расширенного подножья, плужный нож, обломок ключа от цилиндрического замка и какие-то плохо сохранившиеся орудия (рис. 2, 7—14). Эти изделия из железа по стратиграфическим данным следует считать славянскими, хотя хронологически они могут относиться ко времени более раннему, чем поход Святослава.

По стратиграфическим данным хорошо устанавливается, что два железных ножа с деревянными рукоятками, оканчивающимися уплощенными колечками, щипчики-пинцет и большой крюк, найденные в полуземлянке № 12 на квадрате U_7 — T_8 вместе с бронзовой пряжкой IX в. (рис. 3, А), относятся к хазарскому периоду жизни города.

Полуземлянку № 12 перекрывает другое сооружение — полуземлянка № 2 — кузница, существовавшая очень долго. Она

была построена еще в хазарский период, а основное время ее существования связано со славянским периодом. Непосредственно в этой кузнице найдено более 100 железных криц, а невдалеке, в слое, соответствующем славянскому периоду жизни города, — группа компактно лежавших железных предметов, состоящая из косы-горбуши, скобеля, кузнечных клещей и какого-то стержня (рис. 3, В). Эти железные изделия и крицы относятся, таким образом, к славянским слоям.

Хорошо устанавливается связь со славянским периодом жизни города для изделий из железа, найденных в полуземлянке № 3 (цитадель). Время бытования полуземлянки определяется по стратиграфическим данным (полуземлянка перекрывает слой с «хазарским» материалом), по характеру материала из заполнения и по принадлежащей к ней печи, которая сложена из кирпича, взятого из оборонительной стены. В полуземлянке № 3 вместе с типичными славянскими горшками найдены следующие изделия из железа: два кольца, простое овальное стремя без ушка, аналогичное стремянам из полуземлянки № 5, рыболовный крючок и несколько бесформенных облом-

ков. Эти предметы, следовательно, также относятся к славянскому периоду жизни города.

Прекрасно датируются железные изделия из погребений городского кладбища (некрополя у стен городища и погребений на больших насыпях). Узколезвийный топор из погребения № 128 относится к хазарскому времени. Все же остальные железные изделия из могил — ножницы, 14 ножей, 5 кресал, дужка от бабьи, 4 наконечника стрел, 5 пряжек, двое удил, подковный гвоздь, два стремени, кинжал и несколько оковок — связаны со славянским периодом жизни города.

Распределение всей массы железных изделий Саркела—Белой Вежи по периодам жизни города показано в табл. 1.

К хазарскому периоду жизни города, таким образом, относится несколько более 200 изделий из железа, т. е. всего 9% от общего их числа, и к славянскому — около 2000, т. е. 91%.

Значительно различается и ассортимент: железные изделия хазарского периода представлены не более чем 20 разновидностями, а славянского — более чем 60.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ХАЗАРСКОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ ГОРОДА

Из железных изделий, сохранивших свою форму, к хазарскому периоду жизни города, если не считать гвоздей, относится около 80 учтенных предметов: 10 топоров, 10 тесел-мотыжек, 8 серпов, 1 коса, 4 шарнирных ножниц, 9 наконечников стрел, 2 наконечника копий, 1 наконечник дротика, 11 стремян, 6 удил, 1 щипчики-пинцет, 12 пряжек и колец, 2 больших крюка, 4 рыболовных крючка. Гвоздей в хазарских слоях найдено более полсотни. Большое грубой работы кольцо также связано с нижним горизонтом культурного слоя.

Топоры, относящиеся к нижнему слою, разнообразны по форме. Можно различить пять типов.

а) Проушные узколезвийные топоры с тупым подпрямоугольным или округлым обухом и несколько отвислым вниз лезвием, имеющим или везде одинаковую ширину, или слегка расширяющимся к жалу. С торца эти топоры имеют форму почти правильного равнобедренного треугольника-клина с небольшими припухлостями у проушины или

без них (1950-II-532,⁵ 1951-Ц-1974, 1951-Ia-401 и топор из погребения № 128 некрополя у юго-западной стены городища; рис. 4, 1-4).

Два топора этого типа (532 и 401) найдены вблизи материка с материалом преимущественно хазарского времени, один (1974) — в яме с «чисто хазарским» материалом, а другой — в раннем погребении городищенского некрополя. В верхних горизонтах культурного слоя городища таких топоров не обнаружено, и поэтому данные экземпляры датируются половиной IX—началом X в.

Топор, аналогичный саркелским узколезвийным, но только несколько более удлиненных пропорций и с более тонким обухом, известен по раскопкам Новотроицкого го-

⁵ В настоящем издании принята следующая система ссылок на номера предметов из раскопок Саркела—Белой Вежи: первое число означает год раскопок, римская цифра или буква «Ц» — номер или условное название раскопа, третье число — номер предмета.

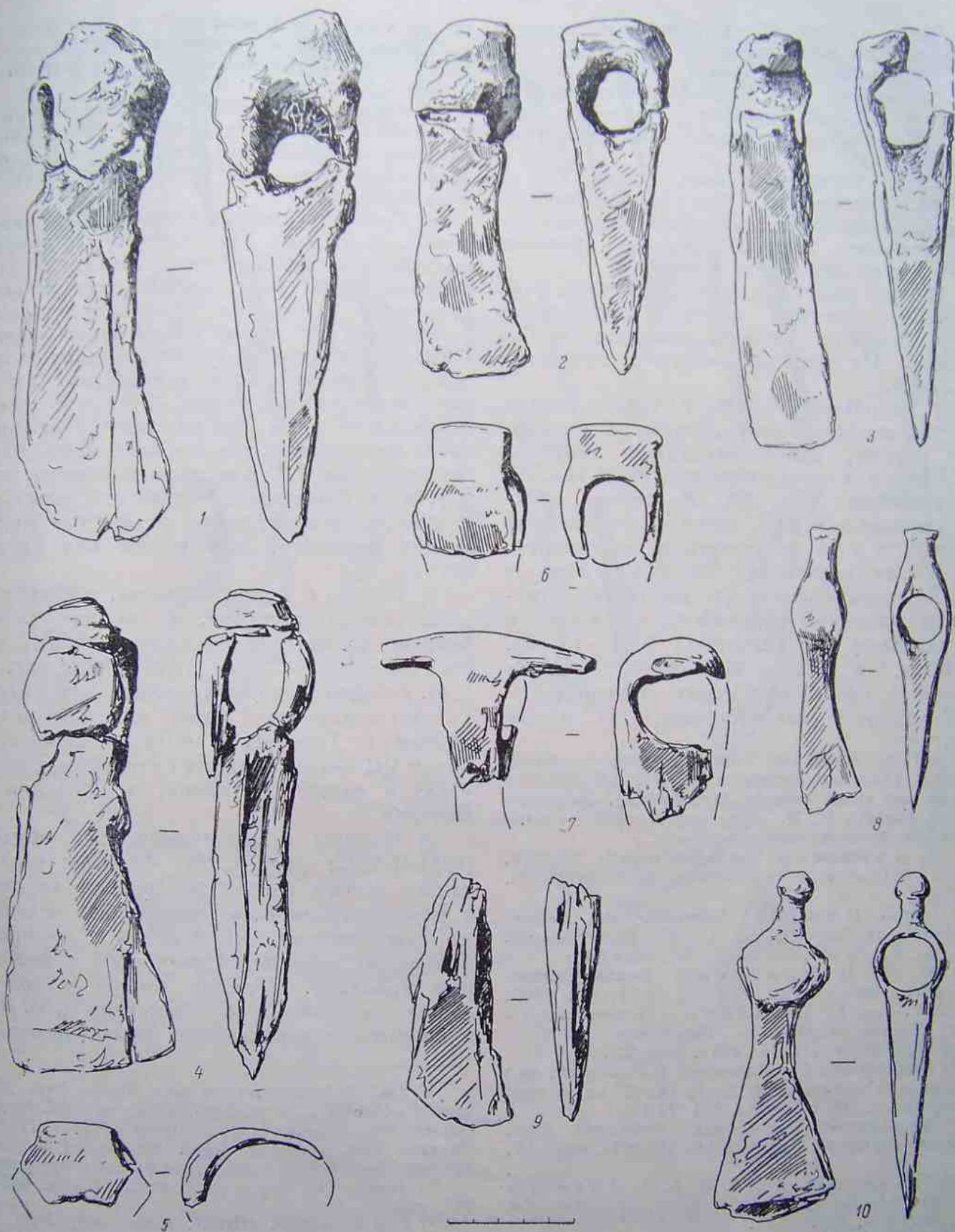

Рис. №4. Топоры хазарского периода жизни города.

родища, которое И. И. Ляпушкин считает славянским поселением IX в.⁶

На саркелские похож также узколезвийный топор из Коринфа, относящийся к византийскому времени. Лезвие и обух у этого топора оттянуты вниз несколько больше.⁷

Среди топоров из могильников VIII—IX вв., раскопанных в Венгрии, имеются отдельные экземпляры, несколько сходные с узколезвийными саркелскими, но имеющие слегка суженное лезвие у обуха.⁸

Топоры, аналогичные узколезвийным саркелским, известны также в памятниках более позднего времени, например в Поволжье. Их иногда называют топорами-секачами.

б) Небольшие топоры с узким, слегка расширяющимся книзу лезвием и вытянутым обухом, заканчивающимся округлой (1935-937) или четырехгранной (1951-II-2594) головкой (рис. 4, 8, 10). Оба топора, представляющие этот тип, найдены на большой глубине, в слое с хазарским материалом. В верхних горизонтах подобных топоров нет. Аналогичные топоры небольшого размера и с длинной обушной частью известны по находкам в памятниках VIII—IX вв. на Дону,⁹ в районе Тамбова,¹⁰ в районе Кирова,¹¹ среди мерянских древностей,¹² в Прикамье,¹³ на Кавказе,¹⁴ а также

⁶ НТ-69. Материал этих раскопок хранится в камеральных мастерских ЛОИИМК АН СССР и в настоящее время еще не опубликован. Выражаю признательность И. И. Ляпушкину, любезно меня с этим материалом ознакомившему.

⁷ K. Davidson. The minor objects. Corinth, v. XII, Princeton — New Jersey, 1952, табл. 87, № 1445.

⁸ Joseph Hampel. Altertümer der Frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. I—III. Braunschweig, 1905, рис. 92, 97, 100, 101, табл. 133, 158 и др.

⁹ А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1902, табл. XX, 3, 4; В. А. Бабенко. Новые исследования Верхне-Салтовского могильника 1908 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 225.

¹⁰ Лядинский и Томниковский могильники, см.: МАР, вып. 10, 1893, табл. X, 7, 14, 16; см. также: Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 601, № 19.

¹¹ Анаьинский могильник: Собрание карт, планов и рисунков к Трудам I АС, М., 1871, табл. IV, 10.

¹² Там же, табл. XXIX, 6; J. R. Aspelin. Les antiquités du Nord finno-ougrien, III. Helsinki, 1880, рис. 929, 930.

¹³ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, табл. L, 4.

¹⁴ МАК, вып. 11, 1907, стр. 126, 127, рис. 43, 44.

по раскопкам в Словакии¹⁵ и Венгрии.¹⁶

Такие топоры с вытянутым обухом следует считать специализированными боевыми топорами.

Генетически саркелские боевые топоры связываются с аналогичными орудиями памятников салтово-маяцкой культуры. Для памятников Киевской Руси такие топоры нехарактерны.

в) Топоры с узкой, длинной шейкой, широким, опущенным вниз лезвием и с двумя выступами на торцевой части обуха, направленными один вверх, другой вниз по оси проушины. В нижнем горизонте встречен только фрагмент одного топора такой формы (1950-II-2276; рис. 4, 7). Для верхних слоев они, по-видимому, более характерны. Условия залегания фрагмента 2276 не создают уверенности в том, что он связан с нижним слоем органически, так как хотя он был найден на глубине 2.25 м от дневной поверхности, т. е. почти у материка, вместе с ним залегало, например, значительное количество фрагментов керамики, характерной для малых глубин.

г) Топоры с узким, длинным, равномерно расширяющимся телом. В нижних слоях найдено только два фрагмента топоров такого типа (1950-II-1829, 1951-II-1976; рис. 4, 5, 9). Встречаются они в верхних горизонтах. Топоры аналогичной формы известны по находкам в Тамбовской области в могильниках VIII—IX вв. вместе с топорами группы «б»,¹⁷ а также, например, в Словакии и Венгрии.¹⁸

д) Топоры с молоткообразным обухом (1951-II-1242; рис. 4, 6). Обломок одного такого топора найден на большой глубине в перемешанном слое, содержащем черепки от сероглиняных с лощением горшков, фрагменты славянской керамики и шиферные пряслица. Обломок топора с совершенно аналогичным обухом найден И. И. Ляпушкиным при раскопках Правобережного

¹⁵ Jan Eisner. Devinska Nova Ves. Slovanski pohřebišťe. Bratislava, 1952, мог. 49. Автор относит все погребения могильника к VII—VIII вв. Однако, как представляется, некоторые из них должны быть датированы более поздним временем.

¹⁶ Joseph Hampel, ук. соч., II, стр. 642—644, табл. 421, 1.

¹⁷ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 601, №№ 14 и 15.

¹⁸ Jan Eisner, ук. соч., табл. 64, 2, мог. 592 и табл. 66, 7, мог. 555; Joseph Hampel, ук. соч., II, стр. 158, мог. 126, табл. 133; I, стр. 97 и 98.

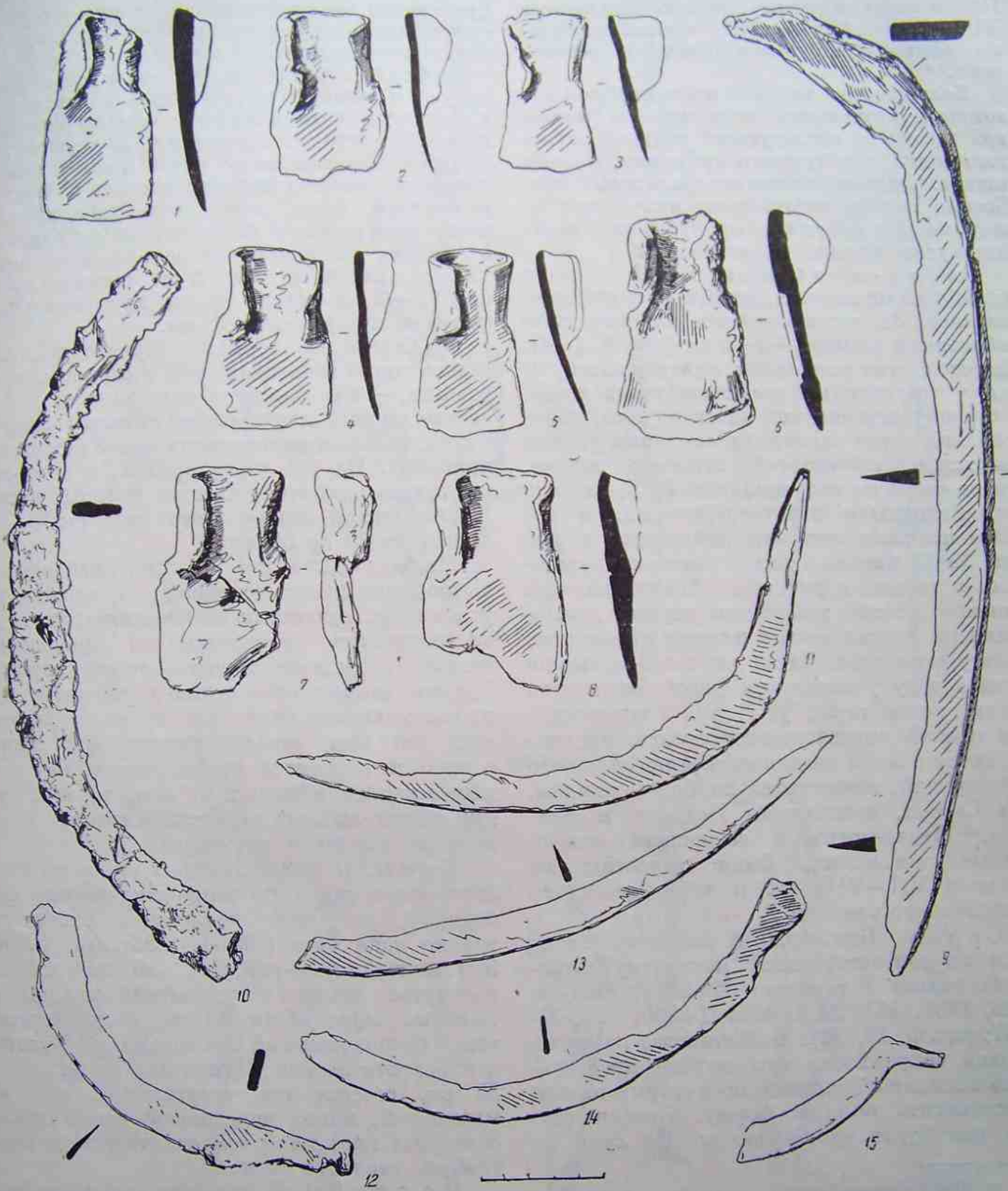

Рис. 5. Тесла-мотыжки, серпы и коса-горбуша хазарского времени.

Цимлянского городища, которое датируется VIII—X вв. Целый топор с молоткообразным обухом обнаружен в Лядинском могильнике.¹⁹

Большинство топоров нижнего слоя изготовлено путем проковки цельной железной полосы с последующей сваркой загнутого конца, образующего проушину, с телом топора. Стальное лезвие наваривалось особо. Боевые топоры изготовлены иначе: они не сварные. Их проушины прорублены в цельном куске металла и раскованы.

Т е с л а - м о т ы ж к и. В нижних слоях их найдено 10; они часто встречаются и в верхнем слое. Все тесла-мотыжки нижнего слоя небольшого размера — 7—8 см (рис. 5, 1—8). Лезвия слегка расширены книзу и изогнуты как у современных среднеазиатских тесел, в сторону незамкнутой части втулки, образованной двумя загнутыми верхними углами пластинки, из которой отковано лезвие. Кроме тесел из полуземлянки № 5, хорошо определяющихся стратиграфически, и небольшого тесла-мотыжки, найденного на дне ямы № 53 вместе с высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками, обнаружено еще несколько тесел хазарского периода, залегающих в других местах нижних горизонтов культурного слоя. Такие же тесла-мотыжки были в ходу у населения Белой Вежи в то время, когда город уже стал славянским. Генетически саркелские тесла-мотыжки связываются с более древними образцами такого типа орудий, известными по более ранним, чем Саркел, памятникам Подонья и Кавказа.²⁰ Тесла-мотыжки, совершенно аналогичные саркелским, были известны на Алтае в VII—VIII вв. и даже несколько раньше этого времени.²¹

С е р п ы. Бесспорно к нижнему слою, судя по сопутствующему материалу, относятся только 7 серпов (1949-2614; 1951-II-1218, 1406, 444, 2223; 1951-II-2250; 1950-II-3397; рис. 5, 10, 15). Большинство их очень плохой сохранности или вообще представлено мелкими обломками, по которым нельзя восстановить полную форму. Лезвия серпов как будто единообразны. Но судя по

фрагментам, сохранившим черешковую часть, существовали серпы по крайней мере двух типов: с черешком и с шипом.

а) Серпы с черешком представляют собой узкую и тонкую треугольную в сечении пластинку, почти прямую у острого конца и более круто изгибающуюся к черешку. Черешок или составляет почти прямое продолжение лезвия, или расположен к нему под углом. Один серп такого типа имеет следующие размеры: длина лезвия (по хорде, от острия до места перехода в черешок) 19,5 см, длина черешка 8 см, ширина лезвия 1,5—2 см. Длина лезвия другого серпа (тоже по хорде) около 23 см.

б) Серпы без черешка. Кривая лезвия серпов этого типа иная, чем у серпов с черешком, — она ближе к дуге эллипса, т. е. лезвие по всей длине изогнуто почти равномерно, только средняя часть имеет меньшую кривизну. На той части орудия, к которой крепилась рукоятка, имеется упорный шип. Длина лезвий серпов этого типа (тоже по хорде) от 20 до 30 см.

Малое количество серпов, найденных в нижних слоях городища, и сложность условий их залегания не позволяют сделать категорическое заключение о хронологической последовательности типов серпов. Однако данные статистики и характер сопровождающего материала делают возможным высказать предположение, что серпы с шипами относятся преимущественно к самым нижним горизонтам, или, точнее, что для самых нижних горизонтов нехарактерно наличие серпов с черешком.

К о с ы. К нижнему слою, судя по глубине залегания и по сопровождающему материалу, из всей коллекции относится только одна коса (1951-II-1285; рис. 5, 9). Это типичная коса-горбуша, имеющая плавно изогнутое лезвие треугольного сечения и тяжелый широкий (в ширину лезвия) черешок, расположенный несколько под углом в плоскости лезвия. Длина лезвия по хорде 35 см, сечение его треугольное, обухок массивный, длина черешковой части около 8 см. Эта коса мало чем отличается от кос-горбуш верхнего слоя.

Н о ж н и ц ы. К нижнему горизонту относятся четверо ножниц (1950-II-995, 1351 и 3399; 1951-II-582; рис. 6, 4, 5). Все они принадлежат к типу шарнирных. Две ветви, одинаково заостренные и имеющие кольца, соединены в центре шарниром. По своему

¹⁹ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 601, № 16.

²⁰ Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 226, рис. 146 и 147; Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. XX, 8; МАК, VIII, 1900, табл. LXVII, 10.

²¹ М. П. Г р я з н о в. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, табл. VI; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1623, № 284.

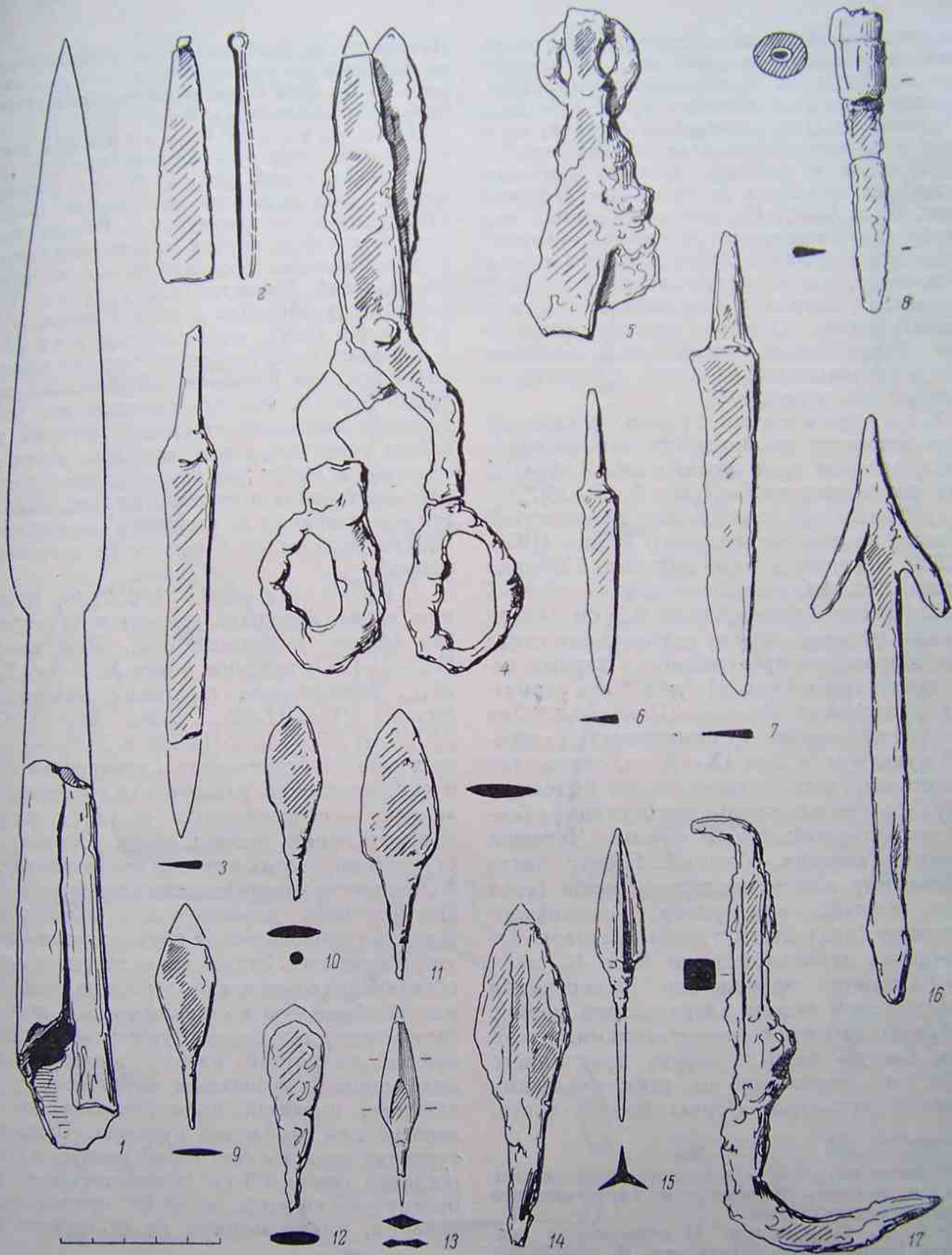

Рис. 6. Железные изделия хазарского периода жизни города.

1 — наконечник ножа; 2 — щипчики-пинцет (бритва); 3, 6, 7, 8 — ножи; 4, 5 — ножницы; 9—15 — наконечники стрел; 16 — наконечник дротика; 17 — крюк.

облику эти ножницы не отличаются от обычных шарнирных, в частности, они похожи на ножницы из кочевнических курганов, расположенных к юго-востоку от городища. Пружинных (так называемых овечьих) ножниц в нижних горизонтах не найдено.²²

Н о ж и. К нижним слоям по условиям залегания относится не менее 40—50 ножей (рис. 6, 3, 6—8). По внешнему облику они ничем не отличаются от ножей верхних слоев. Это небольшие, обычной формы клинки с плоским, слегка суживающимся к концу черешком. Острия в большинстве случаев симметричные. Сечения лезвий треугольные. Ручки ножей нижнего слоя костяные или деревянные (сохранились отпечатки на окислах или остатки).

Н а к о н е ч н и к и с т р е л. К нижнему слою относятся только шесть наконечников стрел, которые представляют собой образцы трех различных типов (рис. 6, 9—15).

а) Трехперые черешковые наконечники с боевой частью треугольной формы (1950-1-1368). Черешок в виде круглого в сечении стержня, слегка расширяющегося к боевой части. Длина боевой части 4,5 см (конец черешка утрачен). Такие наконечники стрел были широко распространены в первых веках нашей эры в Средней Азии²³ и в сарматских памятниках Нижнего Поволжья. Они встречаются также в памятниках салтовской культуры.²⁴ Для IX—X вв. они не так характерны, хотя и продолжают бытовать.

б) Плоские черешковые наконечники с боевой частью ромбической формы. Черешок круглый в сечении, обычный. Боевая часть имеет форму или правильного ромба (угол атаки острый), или ромба, вытянутого к черешку (угол атаки тупой). Размеры наконечников данного типа от 6 до 10 см.

в) Плоские черешковые наконечники стрел с боевой частью лавролистной формы. Они очень сходны с наконечниками, имеющими боевую часть в форме правильного ромба, и отличаются от этих последних только округлостью формы боевой части.

Лавролистные наконечники следует считать по форме более архаическими, чем ромбические. В Средней Азии, например, они встречаются в памятниках V—VI вв.²⁵

Н а к о н е ч н и к и к о п и й. К нижним слоям относятся фрагменты трех наконечников копий (рис. 6, 1). Это обломки втулок. Они такие же, как втулки копий, относящихся к верхнему слою. Втулки представляют собой трубки слегка конической формы, имеющие продольный шов впритык. Наибольший диаметр (внизу) 3 см, наименьший (у перехода к боевой части) 2 см.

Н а к о н е ч н и к и д р о т и к о в. К нижнему слою относится один из четырех найденных на городище наконечников дротиков (рис. 6, 16). Он представляет собой цельный железный стержень, круглый или слегка граненый в сечении. Один конец его заострен и имеет два опускающихся вниз и расширяющихся в стороны жальца. Жальца эти представляют со стержнем одно целое — они не приварены, а подсечены и оттянуты ковкой.

С т р е м е н а (рис. 7, 1, 6, 9, 10). К нижним слоям городища относится 11 стремян (из общего количества 28). Два из них (1951-Ц-1979) найдены в яме № 3 (кв. З₁₁—Ж₁₂), заполненной хазарским материалом, другие (1951-II-251, 2025, 2121, 2349, 2407/2 и 2500; 1951-Ц-2824 и 3038) — в самых нижних горизонтах культурного слоя, в сопровождении раннего для городища материала — сероглиняных сосудов, сосудов с внутренними ушками и др. Сохранность стремян во многих случаях очень плохая: от большинства изделий дошли лишь фрагменты. Все стремяна нижнего слоя принадлежат к одной типологической группе и отличаются лишь в деталях. Это сложные стремяна, представляющие собой плавно согнутую, овальную или ромбическую в сечении дужку, которая составляет одно целое с ушком — уплощенной и вытянутой кверху прямоугольной пластинкой с небольшим перехватом у основания, имеющей прямоугольное же отверстие для крепления путлица. Подножье стремени представляет собой ровную планку шириной около 3,5 см (у некоторых слегка прогнутую внутрь), с тремя продольными ребрами, выступающими на ее нижней по-

²² Более подробно о ножницах будет сказано ниже, в разделе, посвященном характеристике материала верхних слоев.

²³ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, 64, 1956, стр. 10, 11, рис. 2.

²⁴ Труды XII АС, т. III, М., 1905, стр. 469, табл. XX, 11—13; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, 36, 1951, стр. 24.

²⁵ А. Н. Бернштам. Находки у озера Боровое в Казахстане. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XIII, М.—Л., 1951, стр. 223; С. С. Сорокин, ук. соч., стр. 11.

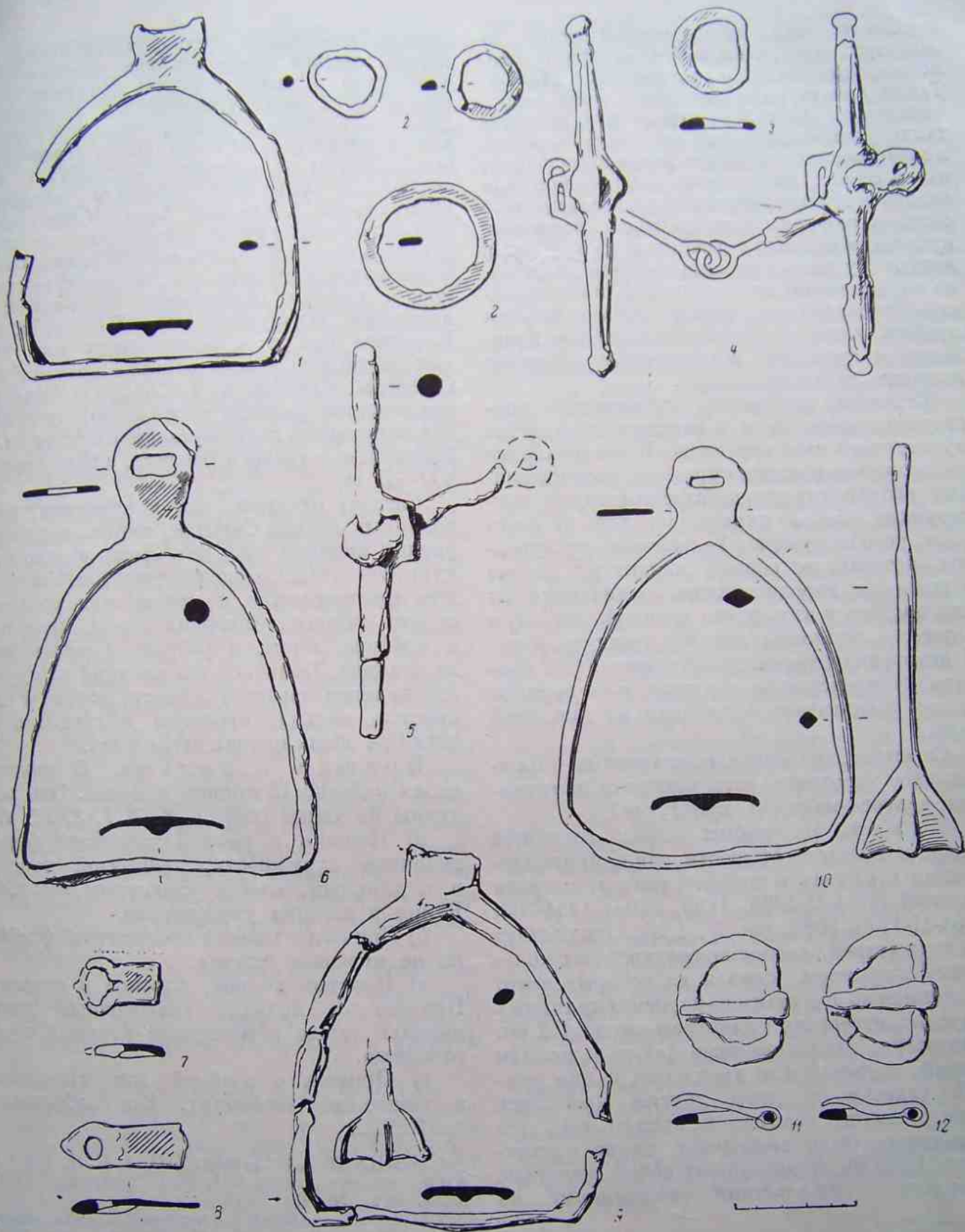

Рис. 7. Стремена, удила, пряжки и кольца хазарского периода жизни города.

верхности. Эти ребра продолжают на загнутых, треугольной формы краях подножья, которыми оно соединяется с дужкой. Такая конструкция поражает своей законченностью. Прочность стремени в эксплуатации достигнута не его массивностью, а совершенством формы и разумно подобранными сечениями деталей: ромбическое или овальное сечение дужки обеспечивает прочное сохранение формы просвета стремени; система крепления подножья и наличие на нем ребер делают эту часть стремени особенно прочной, не поддающейся ни продольной, ни поперечной деформации; узкая горизонтальная прорезь ушка обеспечивает надежное крепление к путлицу, исключаящее излишнее шатание стремени.

Стремена совершенно аналогичной конструкции имеются и в верхних горизонтах культурного слоя городища. В материале же малых кочевнических курганов, расположенных вблизи городища, стремян такой конструкции, какая характерна для нижнего слоя, не обнаружено. Те стремяна из курганов, которые по общему характеру все же похожи на городищенские, отличаются от них тем, что у них дужка имеет уплощенную форму, а подножье сильно прогнуто вниз. У некоторых стремян из курганов ушко пробито непосредственно в дужке, в ее верхней части, расплюсненной специально для этой цели.

Стремена, аналогичные найденным в нижнем слое городища, встречаются в памятниках салтово-маяцкой культуры.²⁶

Удила. В нижних слоях городища найдены обломки от шести удил, принадлежащих к одному и тому же типу этого рода изделий (1951-Ц-1983, 1985, 3204; 1934-262; 1951-П-1790, 2080; рис. 7, 4, 5). Они состоят из двух ветвей, свободно соединенных кольчатым шарниром, каждая из которых имеет на концах по два взаимно-перпендикулярных круглых отверстия диаметром около 1,5 см. Отверстия, расположенные ближе к концам ветвей, служили для крепления к ним ремней уздечки, к двум другим крепились металлические псалии, и притом так, что соединение было свободным, но не разъемным. Псалии представляют собой железные стержни с небольшими утолщениями на

концах, имеющие в средней части кольцо, верхнее круглое отверстие, для скрепления с удилами и прямоугольную выдающуюся пластинку с прямоугольной же прорезью для ремня. Форма удил и псалий весьма выработанная и устойчивая. Как и стремяна, они известны на востоке с конца VI в. и связаны с тюркским периодом истории Центральной и Средней Азии. Удила, совершенно аналогичные саркелским из хазарского слоя или отличающиеся от них лишь незначительными деталями, найдены, например, в древнем Пенджикенте в комплексе, прекрасно датированном VII—VIII вв. н. э. Известны они и в могильниках того же или несколько более раннего времени на Северном Кавказе и в Сибири.²⁷ Удила, аналогичные ранним саркелским, типичны для памятников салтово-маяцкой культуры.²⁸ Имеются они также в Венгрии, в памятниках VII—X вв.²⁹

Следует отметить, что в курганах, раскопанных вблизи Саркела, точных аналогий удилам нижнего слоя нет. Лишь в одном из курганов (54/22) найдены удила, напоминающие городищенские, но все же отличающиеся от них наличием больших колец, продетых в крайние петли, и ребрами («крыльями») на псалиях. Большинство же удил из курганов не имеет перегиба и вместо псалий у них простые кольца, продетые в специальные петли на обоих концах ветви удил.

Пряжки и кольца. В нижних слоях найдено 12 пряжек и колец. Они различны по типам (рис. 7, 2, 3, 7, 8, 11, 12).

а) Пряжки с рамкой, имеющей форму неполной окружности, замкнутой хордой, и с длинным, слегка изогнутым язычком. Рамки в сечении уплощенные.

б) Пряжки с рамкой аналогичной формы, но не имеющие язычка.

в) Простые кольца, плоские в сечении. Пряжки и кольца, аналогичные этим, имеются также в материале верхних слоев городища.

г) Пряжки с обоймой для крепления к ремню на заклепках. Все небольшие.

²⁷ МИА, № 9, 1949, табл. VIII, 4; М. П. Грязнов, ук. соч., табл. VII; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 601, № 4.

²⁸ А. М. Покровский, ук. соч., табл. XXII, 100; Н. Я. Мерперт, ук. соч., стр. 25, рис. 2, 110.

²⁹ Joseph Hampré, ук. соч., II, рис. 347, 17, 481, 482.

²⁶ См., например: Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. XXII, 101, 102; Н. Я. Мерперт, ук. соч., стр. 25.

У некоторых из них есть подвижной язычок, другие его не имеют и похожи на простые наременные наконечники. Такие пряжки с обоймами следует по происхождению связывать с аналогичными изделиями, выполненными часто из бронзы, которые имели распространение на востоке, главным образом в лесостепных районах Казахстана и Южной Сибири, начиная с IV—V вв. н. э.³⁰ Они характерны также для памятников салтово-маяцкой культуры.³¹

Щипчики-пинцеты. Всего на городище найдено 4 экземпляра этого рода предметов (трое железных и один бронзовый). К нижнему горизонту, судя по условиям залегания, относятся только одни щипчики (1950-II-2093; рис. 6, 2). Они представляют собой небольшую согнутую вдвое пружинящую пластинку с более узкой, чем края, средней частью. Широкие концы пластинки у обреза загнуты внутрь и образуют захватывающие края. Щипчики-пинцеты как туалетные принадлежности (они могли служить, например, для выщипывания бровей) имели очень широкое распространение. Они изобретены в глубокой древности.³²

Рыболовные крючки. Всего на городище найдено около 70 железных рыболовных крючков. Из этого числа только 4 достоверно относятся к нижнему слою. Каждый крючок представляет собой изогнутый, квадратный в сечении стержень. Один конец оттянут и загнут в овальную петлю, другой заострен и на нем отсечен зуб, как у современных рыболовных крючков. Острие крючка не отогнуто в сторону от плоскости изгиба стержня, зуб — тоже; так что все детали крючка размещены в одной плоскости. Рыболовные крючки нижнего и верхнего слоев ничем друг от друга не отличаются.

Крючья. К нижним слоям относятся 2 больших крючка (рис. 6, 17). Они представляют собой квадратные в сечении стержни с концами, загнутыми в стороны

таким образом, что большой конец образует сам крюк, а меньший — загнутый черешок, которым крюк крепился к какой-то рукоятке. Назначение крючьев неясно. Возможно, что они употреблялись в качестве оружия, так как иногда встречаются в погребениях воинов вместе с предметами вооружения. Так, например, в Борисовском могильнике, датированном V—VII вв. н. э., в погребении № 99 вместе с наконечниками стрел, топором и удилами, найден железный крюк, тождественный саркелским. Аналогичный крюк найден и в погребении № 41 того же могильника.³³

Гвозди. К нижним слоям следует отнести не менее 50 гвоздей. Это квадратные в сечении кованые стержни, суживающиеся к одному концу и имеющие большую сферическую шляпку на другом. По форме они совершенно такие же, как гвозди верхнего слоя.

Несколько слов необходимо сказать об обломках большого железного предмета, который, возможно, является оковкой северо-восточных ворот крепости. Некоторые фрагменты его имеют по два противоположных необломанных края и являются частью длинной полосы шириной около 15 см, склепанной из отдельных звеньев внахлестку. На этих и на других фрагментах сохранились крупные заклепки, которыми пластины были прикреплены к дереву; отпечатки дерева хорошо видны на некоторых фрагментах пластин (см. стр. 27 настоящего издания). Одной из деталей ворот является также железный подпятник под конец оси створки (рис. 28, 4). Он сферической формы и был укреплен на ось с помощью больших гвоздей (обломок одного из них виден слева на снимке).

В связи с описанием вещей нижнего слоя городища нельзя не упомянуть о большом, грубо выкованном железном кольце, найденном на квадрате B_9-A_{10} на 20 см ниже горизонта основания крепостной стены. Диаметр кольца около 40 см. Оно согнуто из круглого в сечении, грубо откованного стержня диаметром 3—4 см. На стыке концы стержня сварены кузнечным способом. Что представляет собой это кольцо, неясно. Может быть, это просто заготовка металла в форме, удобной для далекой выючной транспортировки?

³⁰ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудерга на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927, рис. 10, 12—14; см. также МИА, № 14, 1950, табл. XLIV, 1, 3, 5, 6.

³¹ В. А. Бабенко, ук. соч., стр. 227, рис. 150, 153.

³² J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, II. Paris, 1913, стр. 340, 341, рис. 136, 1—6; стр. 1272—1274, рис. 547—549.

³³ ИАК, вып. 56, 1914, стр. 126, 127.

Таким образом, рассмотренные нами изделия из железа, относящиеся по условиям залегания к нижним горизонтам культурного слоя, к хазарскому периоду жизни города, представлены предметами 18 различных наименований и составляют три основные группы: 1) орудия труда, 2) предметы быта и 3) предметы вооружения и конской упряжи. Все они изготовлены только кузнечным способом.

Первая группа — орудия труда — состоит из топоров, тесел-мотыжек, серпов, кос, ножниц, рыболовных крючков, ножей.

Вторая группа — предметы бытового обихода — включает ножи, пряжки и кольца, щипчики-пинцеты.

Третья группа — предметы вооружения и конской упряжи — состоит из наконечни-

ков стрел, наконечников копий, наконечников дротиков, крючьев, стремин, удил, пряжек и колец.

В процентном соотношении на долю орудий труда приходится около 30% всех предметов (без учета гвоздей), на долю предметов быта приходится тоже около 30% и на долю предметов вооружения и конской упряжи — около 40%.

Для нижнего слоя характерны относительная бедность ассортимента всех трех групп предметов, высокий процент предметов вооружения и конской упряжи по сравнению с предметами быта и орудиями труда, сравнительно малое количество сельскохозяйственных орудий и отсутствие кузнечных и слесарных инструментов.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СЛАВЯНСКОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ ГОРОДА

Количество изделий из железа, относящихся к славянскому периоду жизни города, значительно больше числа железных предметов, относящихся к хазарскому времени. Это является следствием того, что напластования славянского периода складывались в течение более длительного времени и что насыщенность ими культурного слоя более интенсивная.

К верхним горизонтам относится более 1800 учитываемых изделий из железа, собранных на городище, и около 200 железных предметов, найденных в погребениях городского кладбища, т. е. всего около 2000, или приблизительно 90% всех изделий из железа.

По своему назначению они разделяются на несколько групп.

ОРУДИЯ ТРУДА

Инвентарь ремесленников

Инструменты по обработке металла

Наковальни. В коллекции имеется одна плохо сохранившаяся наковальня. Она представляет собой массивный, квадратный в сечении брусок (приблизительно 5×5 см) длиной 6—7 см. Один конец его заострен, другой плоский. Подобная наковальня, имеющая форму квадратного в сечении бруска, найдена в 1911 г. в Киеве при раскопках Десятинной церкви.³⁴

На квадрате $L_{81}-K_{82}$ (1951-I) найден очень массивный предмет из железа, имеющий форму прямого с ответвлением бруска сечением около 6×6 см, который, возможно, также является наковальней.

Молоты-кувалды. В коллекции имеется фрагмент одного тяжелого молота. Он представляет собой квадратный в сечении железный брусок, очень сильно разрушенный ржавчиной и расслоившийся. Один торец слегка выпуклый, другой обломан по краю проушины. Размеры молота не превышали 10—12 см в длину при сечении 5×5 см. Славянские молоты-кувалды известны, например, по находкам в районе Киева на Княжей горе, на городище Колодяжин и в Житомирском могильнике.³⁵ Бойковая часть этих молотов по форме и размерам аналогична фрагменту молота-кувалды из беловежской коллекции.

Молотки-ручники. Молотков-ручников в славянском слое городища найдено 13. Они различны по форме и размерам (рис. 8, 7—II).

а) Универсальные молоты-ручники (1951-Ц-2268, 2828 и 402). Длина головки 110—115 мм. Одну ветвь образует боек, другую — задок-остряк. В середине, где имеется отверстие для рукоятки, тело головки расширено, т. е. усилено. Обе ветви слегка опущены вниз, настолько, что ось молотка

³⁴ МИА, № 28, 1952, стр. 58, 211, рис. 16, 4.

³⁵ Там же, стр. 50, 60 и 211; С. Гамченко. Житомирский могильник. Житомир, 1888, стр. 47.

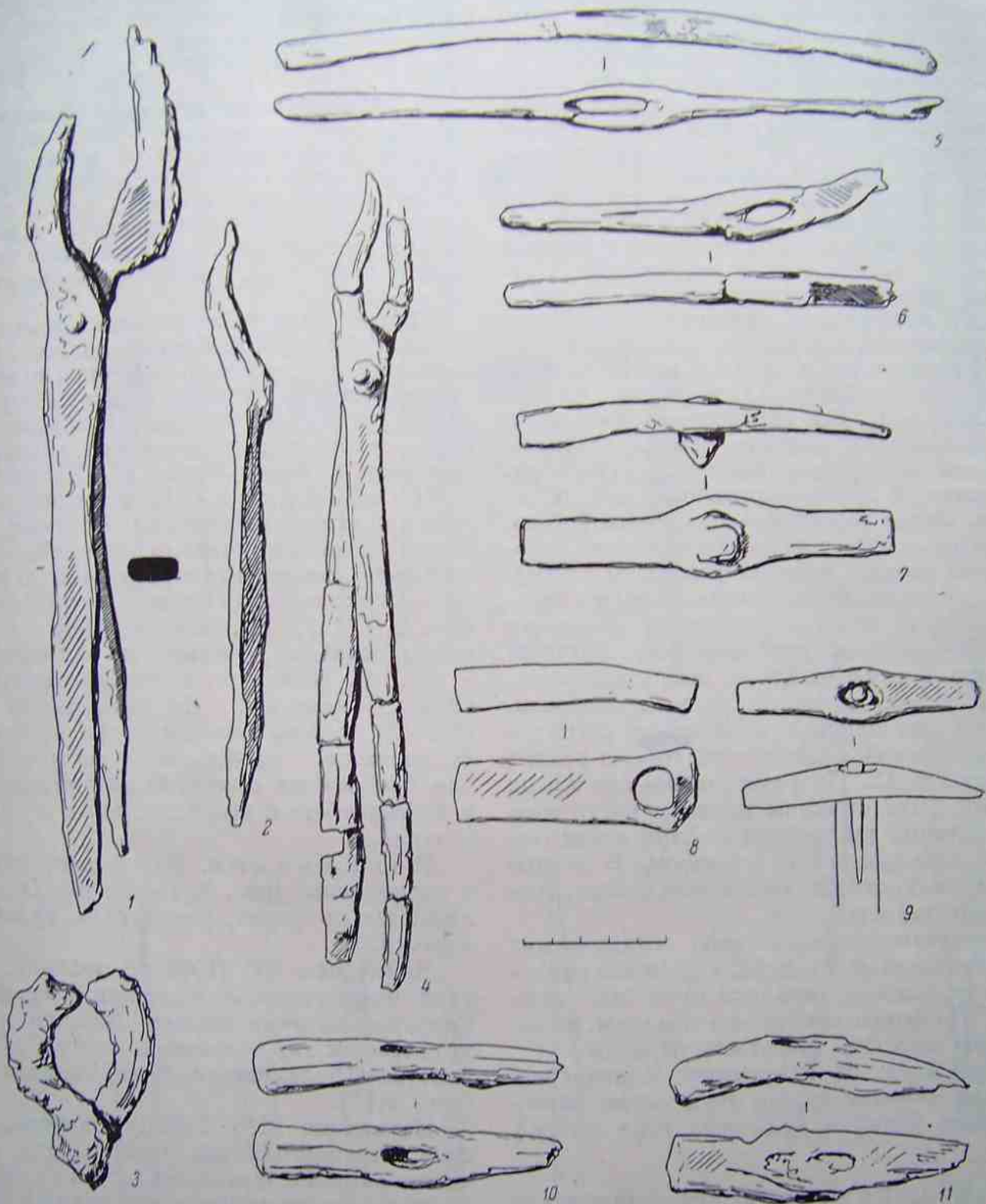

Рис. 8. Кузнечные и слесарные инструменты и другие изделия славянского периода жизни города.

1-4 — кузнечные плещи; 5-6 — перекрестья мечей; 7-11 — молотки-ручницы.

приобретает форму дуги с радиусом, равным согнутой в рабочее положение руке плюс длина рукоятки. Молотки насаживались на деревянные рукоятки и закреплялись на них деревянными или металлическими клиньями (рис. 8, II). Вес каждой головки не превышает 250 г. Такого рода молотки-ручники бытовали на Руси с IX в. или, может быть, с еще более раннего времени.³⁶

б) Молотки специального назначения. У них бойки имеют разнообразную форму, они то сильно вытянуты, то плоско заострены с обоих концов, то с перехватами. Наиболее мелкие молотки являются, по-видимому, ювелирными инструментами, или инструментами для мелких слесарных работ.

Кузнечные клещи. В славянском слое найдено 5 кузнечных клещей (рис. 8, I—4). Все они представляют собой соединенные на шарнире ветви, сделанные целиком из железа кузнечным способом. Рукоятки в сечении овальные, длиной до 25 см. Форма захватывающих ветвей («челюстей») различна: у двух они изогнуты лирообразно (концы немного разведены врозь); двое других имеют прямые челюсти; у пятого экземпляра челюсти сходятся навстречу друг другу, как у современных кусачек. Четверо клещей найдены вне комплексов, пятое вместе с косою, прямым скобелем, втулкой от копья и с какой-то согнутой вдвое полоской в славянском слое, в районе жилища № 12. По размерам все эти клещи должны быть отнесены к числу инструментов, которые употреблялись при ковке изделий, а не при работе с крицами. В последнем случае употреблялись клещи значительно больших размеров.

Кузнечные клещи типа беловежских в домонгольской Руси были распространены повсюду, где выделялись кузнечные изделия.³⁷ По форме они не оригинальны, но повторяют издавна известные образцы.³⁸

Зубила. В отложениях славянского времени имеются зубила двух типов: клинообразные (одно) и долотообразные (шесть).

а) Клинообразное зубило представляет собой вытянутый треугольный, с одним заостренным концом брусок длиной 15 см и толщиной 1.5 см. Обухок утрачен (рис. 9, 5).

б) Долотообразные зубила представляют собой массивные, прямоугольные в сечении стержни длиной около 20 см и толщиной 1—1.5 см (рис. 9, 1—3). Один конец оформлен в виде шляпки, как у гвоздя, другой симметрично заострен. Симметричность рабочей части и отличает зубила от стамесок и плотницких долот с их асимметричным заострением.

Ширина жала зубил из Белой Вежи 10—12 мм. Зубила употреблялись для холодной рубки металла, что видно по форме и по отсутствию рукоятки, которое делает их неудобными для захвата клещами. Кузнечные зубила, аналогичные беловежским, известны, например, в Старой Ладогe XI—XII вв.³⁹

Пробойники. Из большого количества заостренных железных стержней различных размеров, которые были найдены на городище, только пять с уверенностью могут быть определены как кузнечные пробойники (рис. 9, 4, 6, 13, 14). Они заострены к одному концу, овальные, ромбические или округлые в сечении. Конец, по которому наносились удары, расширен. На экземпляре 509 (1951-Ц) хорошо заметны следы расклепки. Беловежские пробойники употреблялись для пробивания отверстий различных форм и размеров как в холодном, так и в горячем металле.

Напильники. На городище найдено 9 напильников (рис. 9, 7—12; 10). Они различаются по форме, размерам и характеру насечки.

Напильник 168 (1949 г.) стальной, плоский, прямоугольный в сечении, с черешком. Сохранность очень плохая. Насечка только угадывается в некоторых местах. Длина полотна 115 мм, ширина 8 мм, толщина 3 мм (рис. 9, 7).

Напильник 1719 (1950-1) стальной, плоский, прямоугольный. Сохранилась лишь часть полотна с черешком; насечки не видно. Длина сохранившейся части полотна 45 мм, ширина 11 мм, толщина 55 мм (рис. 9, 8).

древних из известных клещей не отличается от древнерусских и даже современных.

³⁹ См. материалы раскопок Старой Ладогe, хранящиеся в Гос. Эрмитаже.

³⁶ В. А. Городцов. Археологические исследования в районе города Муром в 1910 г. М., 1914, стр. 67.

³⁷ См., например: МИА, № 11, 1949, рис. 19, стр. 45; № 32, 1953, стр. 61—63.

³⁸ W. M. Flinders Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, стр. 41, секц. 112 и табл. XLV; Г. Дильс. Античная техника. М.—Л., 1934, стр. 126. Конструкция даже самых

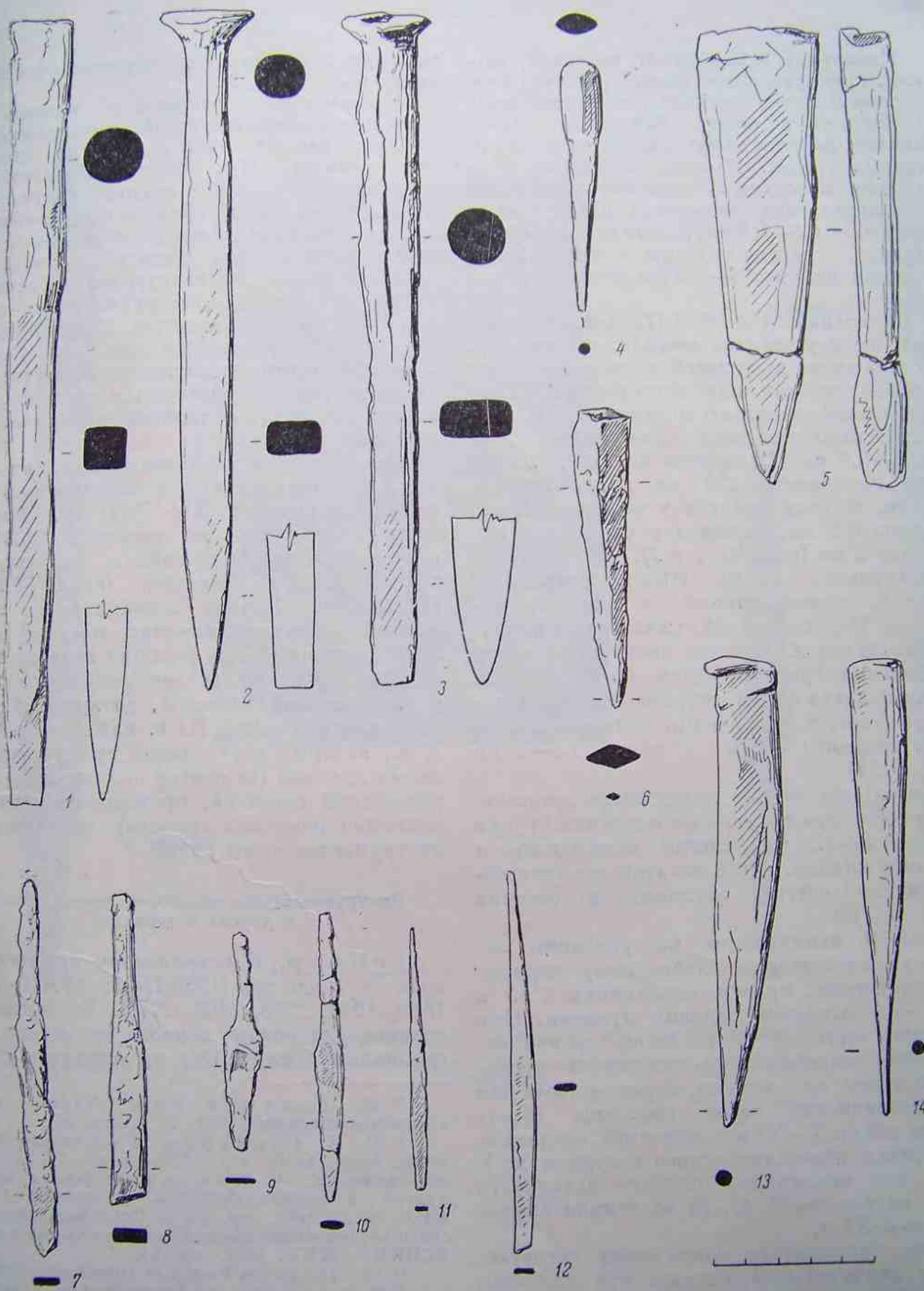

Рис. 9. Кузнечные и слесарные инструменты славянского периода жизни города.
 1—3, 5 — кузнечные зубила; 4, 6, 13, 14 — пробойники; 7—12 — напильники.

Напильник 2113 (1951-II) стальной, плоский, прямоугольный, малого размера, с черешком. Полотно довольно резко суживается от черешка к концу. Напильник сильно окислен; насечка слабо заметна на одной из боковых граней. Насечка выполнена насечальным молотком-зубилом под углом около 30° к продольной оси полотна. Шаг зубьев не превышает 0.8—0.9 мм. Длина полотна 45 мм, ширина у черешка 9 мм, у конца 2 мм. Толщина полотна 2—2.5 мм, длина черешка 25 мм.

Напильник 2114 (1951-II) стальной, плоский, прямоугольного сечения, с черешком. Насечка видна на лицевой и боковой гранях; в обоих случаях она перекрестная. Угол пересечения несколько превышает 90° . Насечка выполнена молотком-зубилом. Шаг ее 0.8—0.9 мм (12 насечек на 1 см). Длина всего напильника 136 мм, длина полотна 106 мм, ширина полотна у черешка 10 мм, у конца 6.5 мм, толщина у черешка 4 мм, у конца 2 мм (рис. 10, 1 и 2).

Напильник 2119 (1949г.) стальной, плоский, прямоугольный, с длинным черешком. Полотно слегка суживается к концу; сильно окислен. Насечка заметна на одной из боковых граней. Общая длина 120 мм, длина полотна 60 мм, ширина полотна у черешка 8 мм, у конца 4 мм, толщина полотна у черешка 4 мм, у конца 1.5—2 мм (рис. 10, 4).

Остальные четыре напильника представляют собой прямоугольные в сечении бруски длиной 8—12 см, слегка суживающиеся к обоим концам. Один из этих четырех напильников слегка овальный в сечении (рис. 9, 10).

Все 9 напильников по условиям залегания относятся к славянскому периоду жизни города, причем напильники 2113 и 2114 — к наиболее раннему времени. Они найдены всего на 10 см выше уровня отпечатков нижнего ряда кирпичей крепостной стены, но с вещами, характерными для раннеславянских слоев городища (фрагменты амфор X—XI вв., пряслице, сделанное из стенки раннеславянского сосуда и др.). Оба эти напильника следует датировать если не концом X в., то во всяком случае началом XI в.

Все беловежские напильники представляют значительный интерес как материал для истории древнего русского ремесла. Но особенного внимания заслуживает на-

пильник 2114, имеющий перекрестную насечку (рис. 10, 1, 2).

Изобретение перекрестной насечки — серьезное усовершенствование напильника — является важной вехой в развитии слесарного ремесла. При работе напильником с однорядной насечкой стружка получается крупная, создающая сильное сопротивление скольжению напильника по обрабатываемой поверхности металла. Напильник с перекрестной насечкой дает мелкую раздробленную стружку, легко высыпаящуюся из-под него и не забивающую полотно. Сопротивление скольжению напильника при этом уменьшается. Создается возможность более точных движений, сильно облегчается труд; его производительность, а главное его качество, повышаются.

Самые ранние из известных до сих пор на Руси напильников с перекрестной насечкой датируются XII—XIII вв. Они известны, например, по раскопкам 1891 г. в районе Киева,⁴⁰ в Райках, по находкам в Вышгороде и Новгороде (колл. ГИМ).⁴¹ В западной Европе напильники с перекрестной насечкой известны тоже не ранее этого времени.⁴² Тем больший интерес представляет русский беловежский напильник с перекрестной насечкой, датируемый, как было сказано выше, XI в. или даже концом X в., который в настоящее время является самым древним (не считая напильников с перекрестной насечкой, происходящих из памятников римского времени) из известных инструментов этого рода.

Инструменты для обработки дерева, кожи и других материалов

Т о п о р ы. К славянскому времени относятся 7 топоров (1950-II-91; 1951-II-1755, 1889, 1949, 2228, 2462, 2776). В отличие от топоров хазарского периода среди них нет специально боевых. Они представляют собой

⁴⁰ Н. Беляшевский. Князя гора. «Киевская старина», 1892, № 1, стр. 95.

⁴¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 123, табл. XXVI, 17; см. также: Б. А. Колчин. 1) Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 68; 2) Опыт металлургического исследования древнерусских железных вещей. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 48.

⁴² Des Theophilus Presbyter Diversorum Artium Schedula in Auswahr, neu herausgegeben, übersetzt und erläutert von Dr. Wilhelm Theobald. Berlin, 1933, стр. 286.

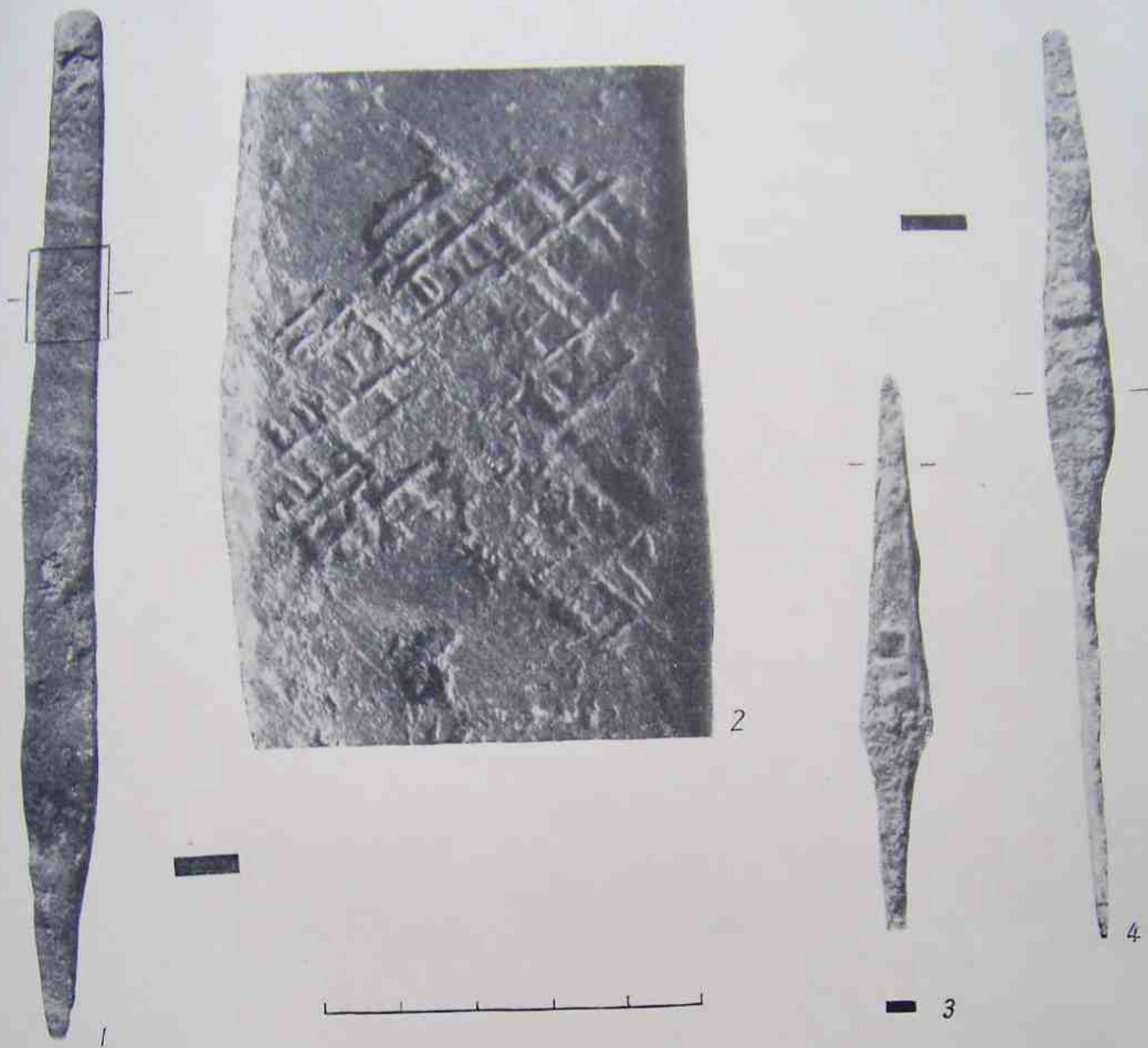

Рис. 10. Напильники славянского периода жизни города.

1 — напильник с перекрестной насечкой; 2 — деталь того же напильника (увеличено в 7 раз); 3, 4 — напильники с однородной насечкой.

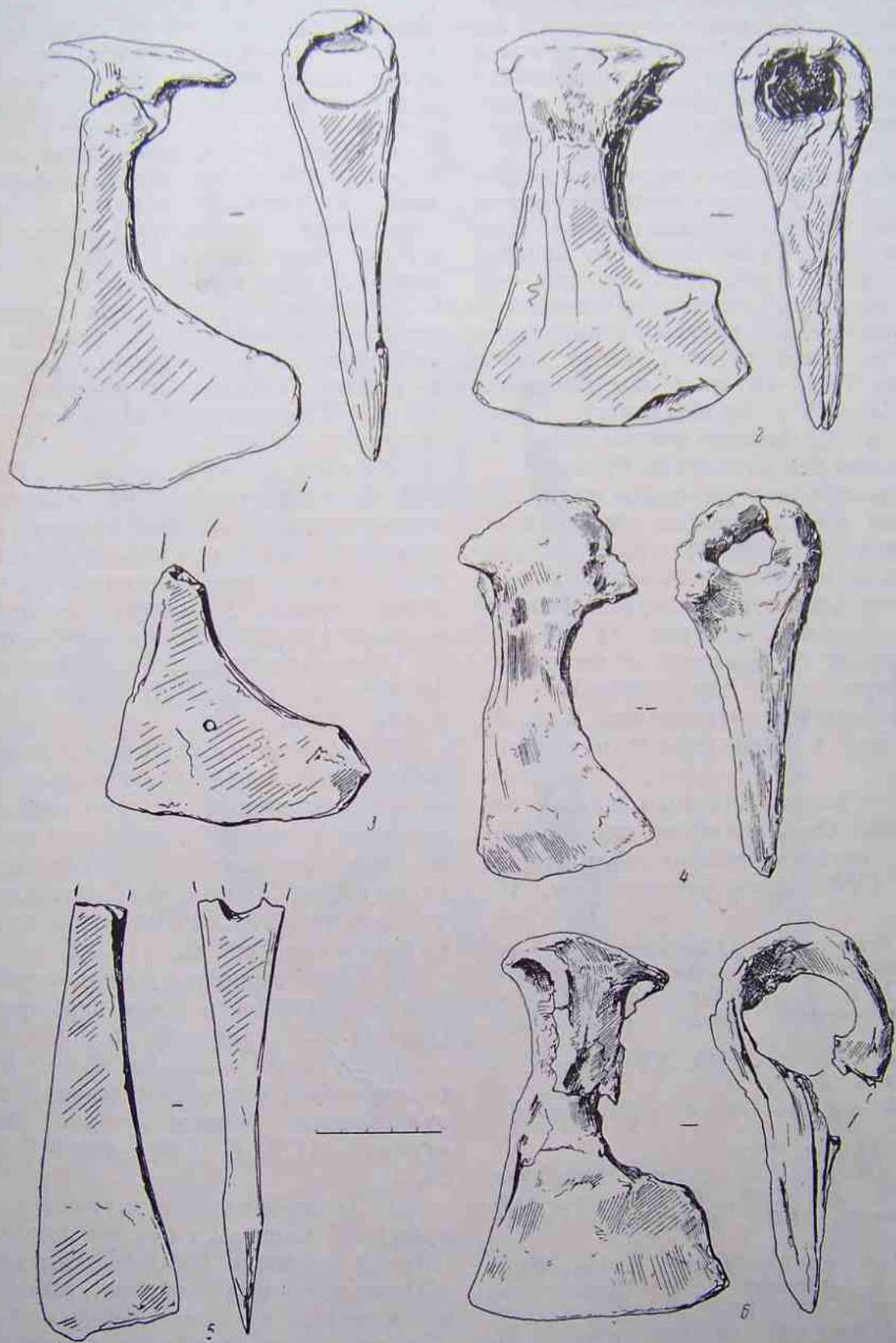

Рис. 11. Топоры славянского периода жизни города.

орудия универсальные — рабочие, промысловые, а когда нужно — военные. Все они сделаны путем горячейковки из одной цельной полосы железа, с применением горновой сварки при оформлении обуха.

По форме они делятся на четыре группы.

а) Топоры с широким округлым обухом и недлинным телом, со слегка оттянутым вниз жалом. Нижняя грань обуха идет дугой, затем прямо. Таких топоров в коллекции два (91 и 2462; рис. 11, 2, 5). Оба они найдены в слое, насыщенном славянским материалом. Аналогии им имеются в материале X—XI вв. из Киева,⁴³ на Средней Волге в памятниках VIII—IX вв.,⁴⁴ под Владимиром,⁴⁵ на Каме,⁴⁶ в Прибалтике.⁴⁷ Такой тип топоров А. А. Спицын считал одним из характерных для домонгольской Руси.⁴⁸

б) Топоры, похожие на предыдущие, но с более узким телом; нижняя грань их не имеет перегиба и образует равномерную дугу от обуха до нижнего угла жала. В коллекции имеется один хорошо сохранившийся топор такой формы (2776; рис. 11, 4). Он найден в среднем слое вместе с железным замком. Топоры этого типа известны из погребения киевского дружинника X в.,⁴⁹ встречаются они в Новгороде⁵⁰ и в Приладожье.⁵¹

в) Топоры с узким, длинным, слегка отвислым лезвием. Со славянским слоем городища можно связать только один топор такой формы (1889, обух утрачен; рис. 11,

⁴³ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 19, 91, стр. 31, 127; И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. Киев, 1893, табл. XI, 51.

⁴⁴ МАР, вып. 14, 1893, табл. XV, 5, 6; МИА, № 28, 1952, табл. XXXI, 3.

⁴⁵ J. R. Asprelin, ук. соч., III, рис. 927 и 937.

⁴⁶ Там же, II, рис. 648.

⁴⁷ Там же, III, рис. 1083; IV, рис. 1705, 1706, 1321, 1475, 1476, 1549, 1574, 1621; V, рис. 2008, 2009; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 856, №№ 68, 77 и 391.

⁴⁸ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, вып. 20, 1896, стр. 31.

⁴⁹ М. К. Каргер, ук. соч., рис. 60, 1.

⁵⁰ А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, III, 1938, рис. 8; МИА, № 11, 1949, стр. 145, 146 и 197.

⁵¹ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма. Л., 1934, стр. 8, табл. II, 2.

3), в нижних слоях имеются фрагменты от аналогичных изделий. В послемонгольское время в южных и центральных областях Руси такие топоры не встречаются, но в северных, по-видимому, продолжают бытовать.

г) Топоры с узкой, длинной шейкой, широким, оттянутым вниз лезвием и обухом, имеющим два выступа на торцевой части — один вверх, другой вниз по оси проушины (1755 и 2288; рис. 11, 1, 6). Топоры такого типа как будто характерны для несколько более раннего времени, чем славянский период жизни Белой Вежи, хотя их бытование не исключено и в это время. Они встречаются в районе Тамбова в могильниках VII—XI вв.⁵² в Ленинградской области,⁵³ в Киеве⁵⁴ и других районах.

Т е с л а - м о т ы ж к и. Инструмент, родственный топорам, но отличающийся от этих последних весьма существенным признаком: у тесел рукоять коленчатая и крепилась она перпендикулярно плоскости полотна лезвия; у топоров рукоять прямая и лежит в плоскости полотна лезвия.

К славянским слоям относится около 30 тесел-мотыжек. Они делятся по форме на четыре типа.

а) Тесла-мотыжки, представляющие собой железную пластинку со слегка расширяющейся, заточенной нижней частью и более массивной верхней, края которой загнуты в одну сторону, образуя незамкнутую втулку. Они аналогичны теслам-мотыжкам хазарского слоя. Размер тесел этого типа от 8 до 14 см (рис. 12, 2, 5—7).

б) Тесла вытянутых пропорций, с крыльями, образующими почти замкнутую втулку (1951-II-2526; рис. 12, 3).

в) Крупные тесла (до 17 см) с широким, развернутым в стороны лезвием и длинной, сужающейся книзу, тоже незамкнутой втулкой (1951-II-1688 и 1949-2633; рис. 12, 1).

г) Тесло-топор со втулкой, перпендикулярной плоскости полотна лезвия. Имеется одно такое тесло (1951-II-1714; рис. 12, 4). У него изогнутое полотно, расширяющееся к лезвию, и молоткообразный обухок. Такие тесла с проушиной известны, например,

⁵² МАР, вып. 10, 1893, табл. X, 4.

⁵³ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 856, №№ 68, 391.

⁵⁴ И. А. Хойновский, ук. соч., табл. XI, 51.

во Владимире и на Княжей горе,⁵⁵ где, как и в Саркеле, они встречаются вместе

Тесла с вертикальной втулкой, по своему виду и размерам аналогичные саркелским

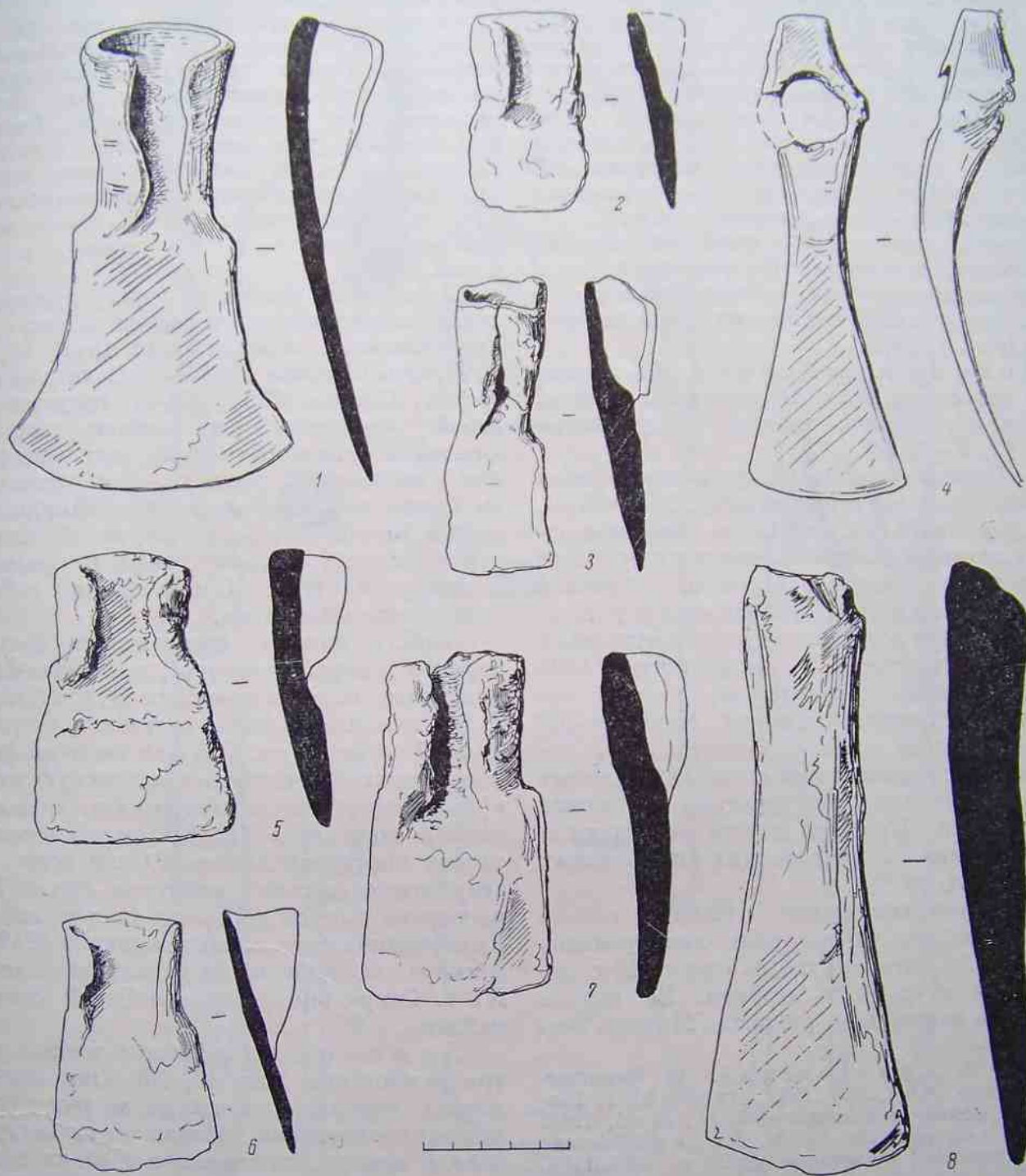

Рис. 12. Тесла славянского периода жизни города.

с теслами с вертикальной, незамкнутой втулкой.

⁵⁵ Г. Б. Федоров. Городище Екимавцы. КСИИМК, 50, 1953, рис. 51, 4; МИА, № 32, стр. 111—112.

типа «а», широко известны в Средней Азии и Сибири по крайней мере с VI в. н. э.⁵⁶

⁵⁶ М. П. Грязнов, ук. соч., табл. VI: Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1623, № 284.

Скобели. В верхних горизонтах найдено 4 скобеля. Все они относятся к типу двуручных, но отличаются друг от друга по форме (рис. 13, 9, 11). Три экземпляра представляют собой дугообразно изогнутые пластинки, треугольные в сечении и с двумя черешками для насада рукояток. Рукоятки направлены перпендикулярно лезвию. Такие скобели, употреблявшиеся для обработки главным образом вогнутых поверхностей, в славянском материале домонгольского времени встречаются довольно часто.⁵⁷

Второй тип скобелей иной. Это прямая пластинка, заточенная по одному краю и имеющая два черешка, направленные в стороны под углом. В коллекции такой скобель один (рис. 13, 9).

Долота и стамески. К верхнему слою относится более 10 долот и стамесок. Долота двух типов: простые и втульчатые (рис. 13, 5—8, 12).

а) Простые долота представляют собой цельные железные стержни длиной 15—20 см, прямоугольного или округлого сечения, с одним заостренным концом, образующим рабочее лезвие. Лезвие немного отогнуто к лицевой стороне. Жало слегка расширяется и у большинства долот достигает размера несколько более сантиметра. У экземпляра 1805 (1951-Ц) лезвие симметрично, а тело постепенно расширяется к обуху. У долота 766 (1951-П) лезвие сильно загнуто. Это, по-видимому, специализированный инструмент для выравнивания сферических вогнутых поверхностей. Простые долота встречаются в славянских домонгольских памятниках довольно часто.⁵⁸

б) Втульчатые долота. Найден только один экземпляр такого рода инструментов (1951-1а-108). Это округлый стержень с незамкнутой втулкой и лезвием. Во втулке крепилась деревянная рукоять. Ширина лез-

вия около 2 см. Втульчатые долота в домонгольское время также были хорошо известны русским мастерам.⁵⁹

Стамески в большинстве случаев плохо сохранились. Конструктивные детали можно различить только на двух экземплярах. От долот они отличаются тем, что имеют черешок для насада рукоятки. Стамески служили для резки дерева нажимом на рукоять, а не для рубки его. Более крупные употреблялись исключительно для деревообделочных работ, более мелкие — для работ и по дереву, и по кости.⁶⁰

Сверла. Сверла по дереву в верхних слоях представлены четырьмя хорошо сохранившимися экземплярами (рис. 13, 1, 3, 4). Это обычные для X—XII вв. перовые сверла. Сверло 1283 (1951-П) представляет собой квадратный в сечении стержень длиной 18 см, с одним концом, расплюснутым для крепления к рукояти, и с отточенной по краям ложечкой на другом. Ширина ложечки 10 мм. Другое сверло такой же конструкции, но только меньшего размера: в длину оно всего 10 см, ширина рабочей части составляет 6 мм.

Особый интерес представляет большое перовое сверло-коловорот, предназначенное для высверливания колесных втулок (рис. 13, 1).⁶¹ Это квадратный в сечении стержень длиной около 60 см. Рабочая часть по форме напоминает обычную металлическую столовую ложку, слегка заостренную к концу; размер «черпачка» 13×6.5 см. С помощью такого инструмента можно было легко просверлить отверстие диаметром около 7 см во втулке длиной до 50 см. Сверло найдено в заполнении круглой полуземлянки № 49/50, датированной, судя по материалу заполнения, XI в. Спиральные сверла в Белой Веже не найдены.

Ложкари. Их найдено в верхнем слое три экземпляра (рис. 13, 10). Они обычной формы: черешок для насада на рукоятку и плоско раскованная рабочая часть, загнутая в виде крючка, заточенного с обеих краев. Такого рода инструменты, употреблявшиеся для вырезывания из дерева ложек, черпаков, ковшей и другой посуды, в домонголь-

⁵⁷ А. В. Арциховский. 1) Царицынские курганы. МИА, № 7, 1947, стр. 79, 80; 2) Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 145, 146, рис. 19; О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция 1949 г. КСИИМК, 39, 1951, стр. 89; В. А. Обрин. Раскопки Орла-городка на реке Каме. КСИИМК, 55, 1954, стр. 136; М. К. Каргер, ук. соч., рис. 1, 140; В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, вып. 10, 1893, рис. 18. Скобели известны в Европе с латенского времени, см.: J. Déchelette, ук. соч., стр. 1370, рис. 605.

⁵⁸ В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 122, 123, табл. XXVI, 18, 19.

⁵⁹ Там же, табл. XXVI.

⁶⁰ МИА, № 41, 1954, стр. 43, рис. 16, 21, 22.

⁶¹ М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 38, рис. 7.

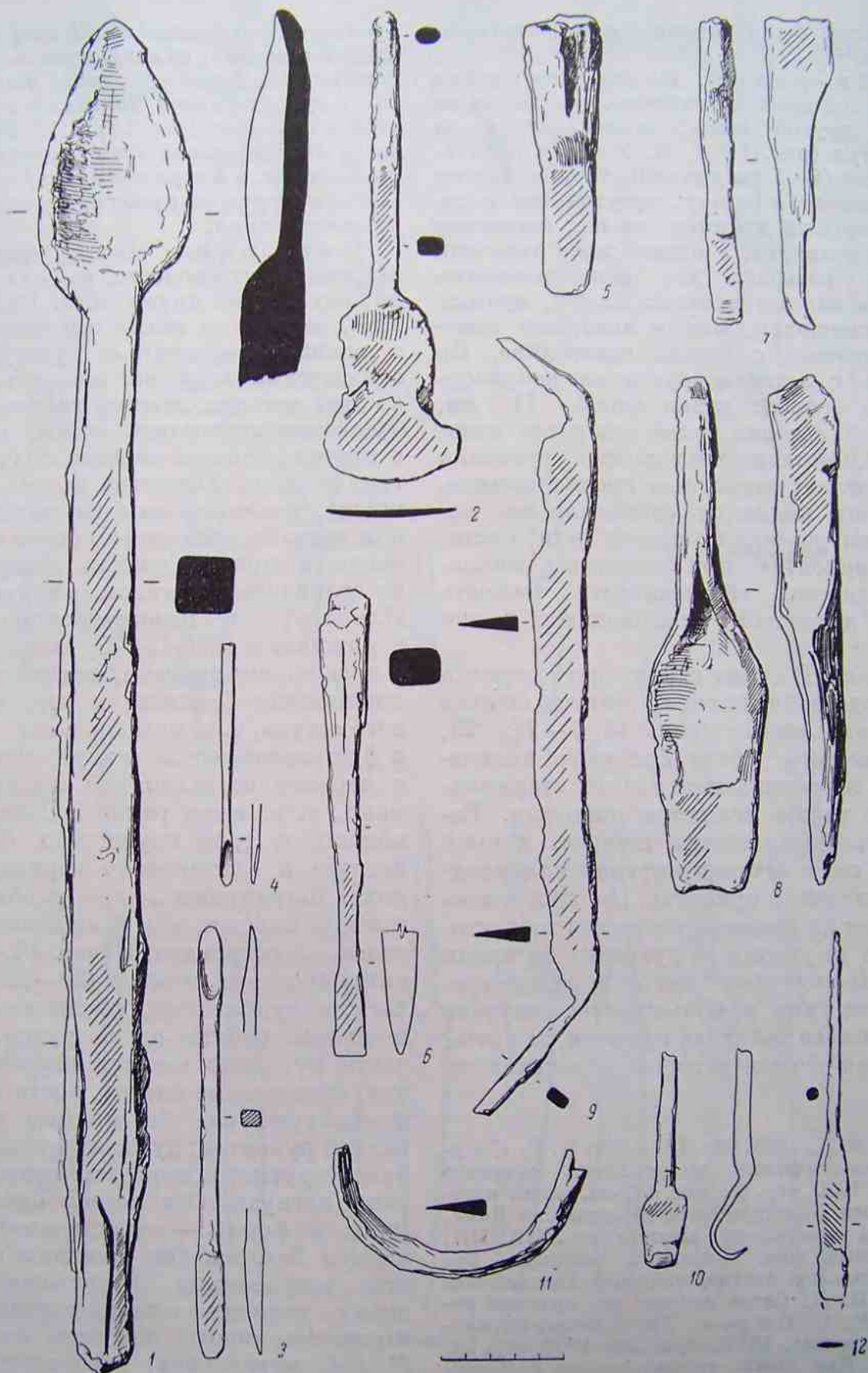

Рис. 13. Инструменты по обработке дерева (славянский период жизни города).
 1, 3, 4 — сверла; 2 — стамески (?); 5—8 — долота; 9, 11 — скобели; 10 — ложжарь; 12 — стамеска.

ское время были широко распространены на Руси.⁶²

Н о ж и - р е з ц ы. На городище в слоях славянского времени найдено два похожих один на другой ножа, отличающихся от всех других (рис. 14, 1, 2). У обоих небольшое лезвие (4—5 см длиной), тонкое, слегка суживающееся к концу, треугольное в сечении. Черешки длинные, на них насажены костяные рукоятки. У одного ножа рукоятка украшена резьбой: две орнаментальные полосы из парных врезных линий, прямых и пересекающихся, между которыми помещаются кружки с точкой посередине. По сравнению с лезвием рукоятки непропорционально велики: длина одной 11 см, другой — 10 см; они более чем вдвое длиннее лезвий. Соотношение размеров рукоятки и лезвия делает вероятным предположение, что ножи эти являются специальными инструментами резчика по дереву или кости: большая рукоятка при коротком миниатюрном лезвии обеспечивает точность сильных движений, необходимых при резьбе.⁶³

Ш и л ь я. В слоях славянского периода жизни города найдено около десятка шильев хорошей сохранности (рис. 14, 7—14; 23, 1, 2). Кроме того, среди большого количества плохо сохранившихся тонких стерженьков многие также являются шильями. Рабочая часть большинства шильев, длиной от 1.5 до 5 см, в сечении круглая или квадратная, утолщена к рукоятке. Ни один экземпляр не имеет на стержне упора для того, чтобы черешок не уходил в рукоятку во время нажима.⁶⁴ По-видимому, этого упора и не требовалось, так как в большинстве случаев рукоятки шильев делались из кости, да и сама конусовидная форма черешка обеспечивала

прочность его крепления. У всех шильев рукоятки обычные, цилиндрические или слегка конические. Только у одного шила (1951-Ц-1827) рукоять имеет оригинальную подтреугольную форму (рис. 14, 11; 23, 2). В нижней части она украшена тремя горизонтальными бороздками, а в верхней имеет два отверстия. С обеих сторон на рукоятку резцом нанесены какие-то знаки.

Н о ж и и ц ы. Всего на городище найдено девять ножниц, из них шесть шарнирных и трое пружинных. Как было сказано, четверо из шести шарнирных связаны с нижними горизонтами культурного слоя, с хазарским периодом жизни города. Двое из этих четырех ножниц найдены на уровне основания крепостной стены, остальные — в пределах толщи первого полуметра культурного слоя. Несмотря на это, вполне возможно, что некоторые из шарнирных ножниц связаны с несколько более поздним временем и при раскопках обнаружены уже во вторичном залегании, в нарушенном слое. Например, в непосредственной близости к ножницам 1950-II-995, которые отнесены к хазарскому времени, находились обломки стеклянного браслета и черепок от поливного сосуда, т. е. поздние вещи. Но были там и фрагменты сосуда с внутренними ручками и черепки сероглиняной «хазарской» керамики, т. е. вещи ранние. Двое шарнирных ножниц и трое пружинных бесспорно относятся к славянскому периоду жизни города. Шарнирные ножницы обычной формы и очень похожи, как и ножницы из нижних слоев, на современные (рис. 14, 4). Это ножницы среднего размера (20—22 см), с кольчатыми рукоятками, обеспечивающими возможность работы одной рукой. В верхней части рукоятки имеется перегиб. Дуги колец, обращенные внутрь, почти распрямлены и образуют как бы прямые продолжения плечей рукояток; дуги, обращенные наружу, более крутые; кольца замкнуты, но не сварены наглухо. Оба лезвия одинаковой ширины и формы — единственное, чем отличаются беловежские ножницы от большинства современных. Безусловно к славянскому периоду жизни города относятся также шарнирные ножницы из погребения № 141, могильника, расположенного непосредственно у юго-западной оборонительной стены. Оба лезвия этих ножниц тоже одинаковые, но кольца, как у современных портняжных, различной величины — меньшее

⁶² МИА, № 32, 1953, стр. 121—124; М. К. К а р г е р. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 30, рис. 19; см. также материалы раскопок Новотроицкого городища на Дону, хранящиеся в камеральных мастерских ЛОИИМК.

⁶³ Железный нож, имеющий большую рукоятку и небольшое лезвие, найден в Гнездовском могильнике. В. И. Сизов считает его орудием ремесленника: В. И. С и з о в. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, вып. 28, 1902, стр. 58, табл. VI, 16. Два ножа, тождественные беловежским, найдены в 1955 г. Г. П. Гроздиловым в Пскове (хранятся в Эрмитаже, ПС, 1388 и 1454).

⁶⁴ Шилья с упором на стержне появляются, видимо, несколько позднее. См., например: МИА, № 41, 1954, стр. 173, рис. 96.

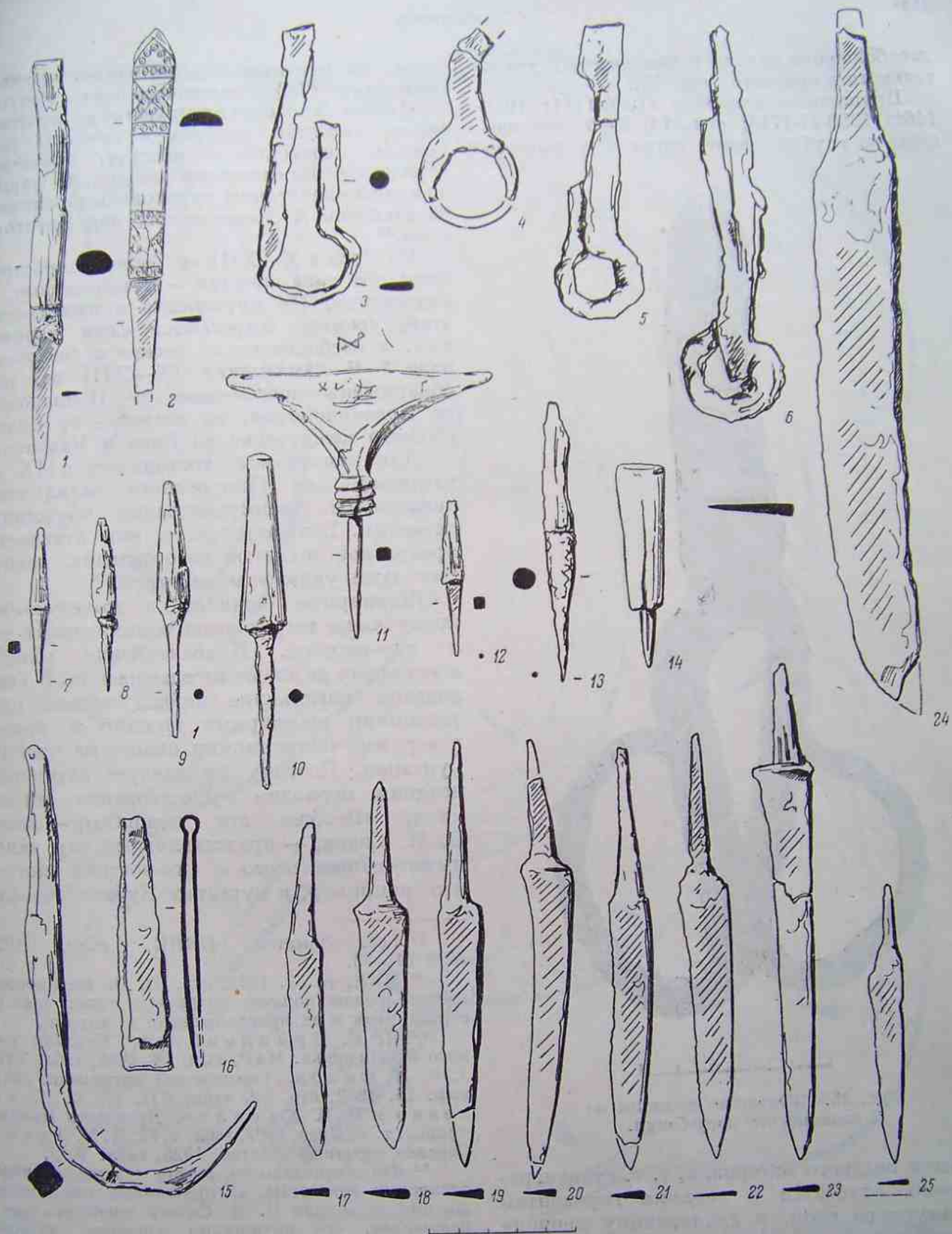

Рис. 14. Шилья, ножницы, ножи и другие мелкие железные изделия славянского периода жизни города.

1, 2 — ножи-резь; 3—6 — ножницы; 7—14 — шилья; 15 — крюк; 16 — щипчики-пинцет (бритва); 17—23, 25 — ножи; 24 — косарь.

для большого пальца и большее для указательного и среднего (рис. 15).

Пружинные ножницы (1934-1111; 1949-1461; 1950-II-1743; рис. 14, 3—6) все найдены на глубине менее метра и в сопрово-

Рис. 15. Железные ножницы из славянского погребения.

ждении позднего материала, т. е. стратиграфически относятся к верхним горизонтам культурного слоя, к славянскому периоду жизни города. От одного экземпляра сохранилось кольцо пружины, почти замкнутое, небольшая часть одной рукоятки и вся другая рукоятка с частью лезвия, от других — пружина, обе рукоятки и часть одного лезвия. Экземпляр 1743 сохранился очень плохо.

Лезвия беловежских пружинных ножниц узкие, рукоятки круглые в сечении, порожком переходят в плоскую пружину в виде почти замкнутого кольца, по форме ножницы аналогичны пружинным ножницам из раскопок А. Неверовского под Пятигорском.⁶⁵

На Руси в X—XIII вв. были распространены оба типа ножниц — и шарнирные, и пружинные. Но пружинные в памятниках этого времени встречаются чаще шарнирных, в особенности на севере и северо-западе.⁶⁶ В памятниках IX—XIII вв. они обнаружены повсеместно от Приладожья до Причерноморья, на восток — от Волго-Окского междуречья до Дона и Кавказа.⁶⁷

Для памятников, восходящих к IX в., например для Гнездовского могильника, характерны преимущественно пружинные ножницы. Большинство из них отличается прекрасной техникой изготовления, некоторые даже украшены насечкой.⁶⁸

Шарнирные ножницы в домонгольское время чаще встречаются в памятниках юга и юго-востока. Прибалтийские области в это время не знают их совершенно. В Гнездовском могильнике найден только один экземпляр шарнирных ножниц и притом в верхней части насыпи одного из крайних курганов. Поэтому их следует датировать поздним периодом существования могильника. «Вообще эти ножницы, — пишет В. И. Сизов, — представляются нам завозными, скорее всего с юго-востока, потому что, например, в курганах Кубанской обла-

сти, например, в курганах Кубанской обла-

⁶⁵ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1975, №№ 61—63.

⁶⁶ МИА, № 32, 1953, стр. 82. По всей вероятности, ареалы ножниц различных типов связаны с различием в их происхождении и истории.

⁶⁷ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, вып. 18, 1885, табл. VIII, I; В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР, вып. 28, 1902, стр. 52, табл. VII, 17; В. И. Ханенко и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, т. V, Киев, 1902, табл. V, 73; Д. Н. Эдинг. Сарское городище, Ростов, 1928, табл. V, 5.

⁶⁸ Это обстоятельство вместе с миниатюрными размерами некоторых из пружинных гнездовских ножниц позволило В. И. Сизову высказать предположение, что пружинные ножницы, которые в настоящее время служат только для стрижки овец, в древнее время употреблялись также в быту (В. И. Сизов, ук. соч., стр. 52, табл. VII). Собственно говоря, это совершенно ясно видно по условиям находок большинства орудий этого типа.

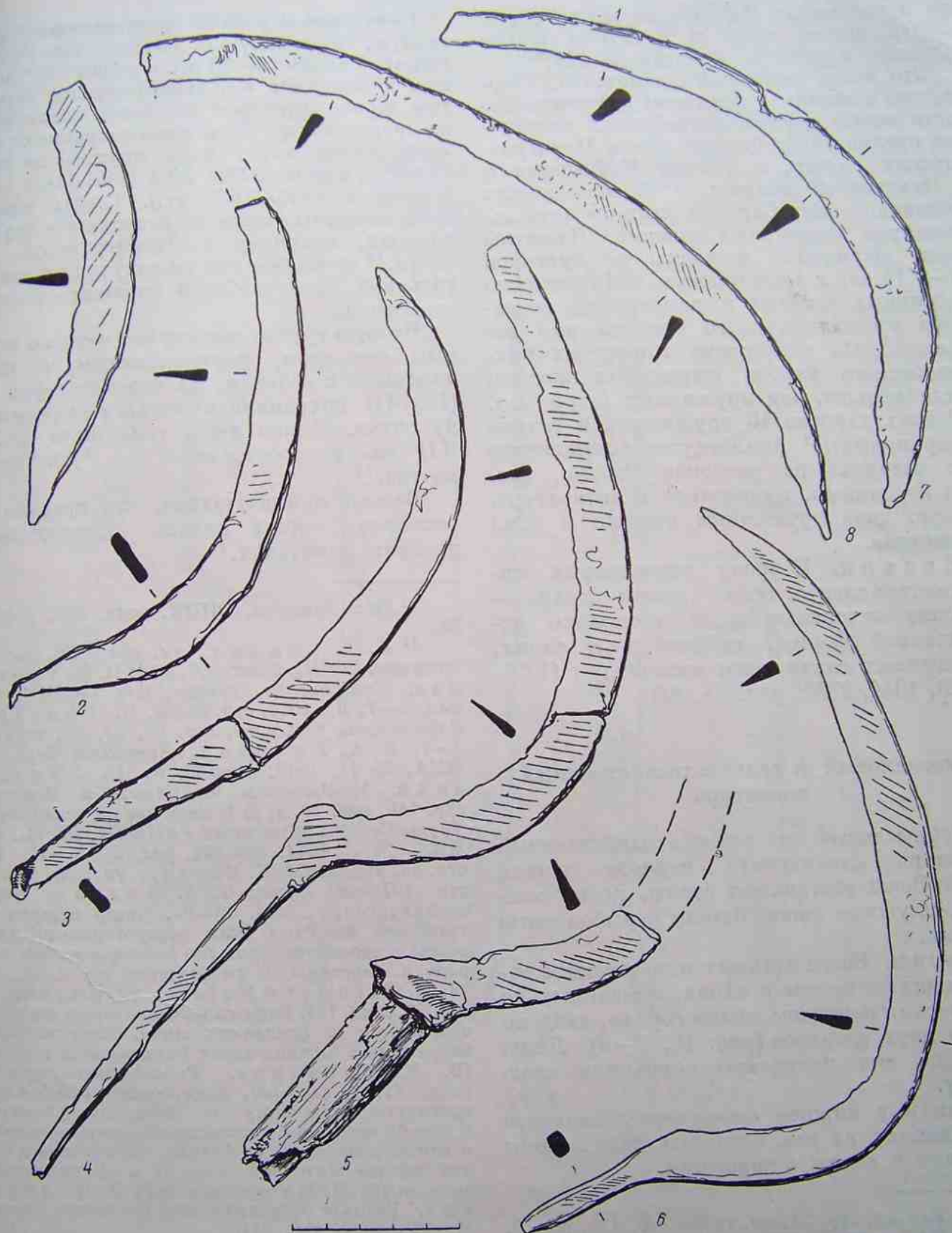

Рис. 16. Сельскохозяйственный инвентарь славянского периода жизни города. Серпы.

сти и побережья Черного моря они встречаются весьма часто и являются весьма обычным предметом в могильниках».⁶⁹

Это очень правильное замечание. Шарнирные ножницы с кольцами действительно часто встречаются в погребениях кочевников предмонгольского времени в Причерноморских степях, в районе Куйбышева и в Чкаловской области.⁷⁰ В погребениях кочевников близ Саркела найдено пять экземпляров шарнирных ножниц. Известны также шарнирные ножницы из курганов XI—XII вв. в Поднепровье.⁷¹ Находки же пружинных ножниц в памятниках кочевников предмонгольского времени нам неизвестны. На славянских городищах приднепровского района шарнирных ножниц всегда меньше, чем пружинных (например, в Райках найдено 16 пружинных и только 4 шарнирных).⁷² Аналогичное соотношение дает материал из раскопок Рязани, где, судя по данным, имеющимся в литературе, найдено двое пружинных ножниц и одни шарнирные.

Косари. К числу ремесленных инструментов следует также отнести косари — большие массивные ножи несколько искривленной формы, найденные в слоях, насыщенных славянским материалом (1951-II-928, 1944, 2369; рис. 14, 24).

Промысловый и сельскохозяйственный инвентарь

Промысловый и сельскохозяйственный инвентарь славянского периода жизни Белой Вежи составляют серпы, косы, сошники, плужные ножи, ботала и рыболовные крючки.

Серпы. Всего цельных или частично сохранившихся серпов в слоях, связанных со славянским периодом жизни города, найдено около двух десятков (рис. 16, 1—8). Лишь пять из них полностью сохранили свою форму.

Как и в нижнем слое, серпы верхнего распадаются на два основных типа: серпы с шипом и серпы с черешком.

Серпы первого типа представляют собой тонкую, треугольную в сечении пластинку шириной около 15—20 мм, с одним заостренным концом и с небольшим шипом, загнутым перпендикулярно плоскости пластинки, на другом конце. Из хорошо сохранившихся экземпляров этого рода орудий следует отметить серпы 1829 и 2464 (1951-II) и 1461 (раскопки 1934—1936 гг.). Серпы такого типа известны также по находкам в других районах, например в Ленинградской области,⁷³ но вообще они не получили в домонгольской Руси особенно широкого распространения.

Вторую группу составляют серпы с длинным черешком, расположенным в одной плоскости с лезвием. На черешке серпа 718 (1951-II) сохранились остатки деревянной рукоятки. Серпы этого типа были в X—XII вв. распространены на Руси повсеместно.⁷⁴

Весьма примечательно, что древние европейские серпы сильно отличаются от древних азиатских.⁷⁵

⁷³ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 686, №№ 23, 32.

⁷⁴ А. А. Спицын, ук. соч., стр. 35; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 686, № 1; П. Н. Третьяков, Костромские курганы. Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, Л., 1931, стр. 34; В. К. Гончаров, Райковецкое городище, стр. 66, 67, 85, табл. VI, 1—7; Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 43; А. В. Арциховский, 1) Раскопки на Славне в Новгороде, стр. 146, рис. 20, а; 2) К методике изучения серпов. Труды Секции археологии РАНИОН, IV, М., 1928; МИА, № 7, 1947, стр. 51, рис. 5; № 41, 1954, стр. 53, рис. 23; М. К. Каргер, ук. соч., рис. 140, стр. 197; см. также: Б. А. Колчин, Черная металлургия..., стр. 39—95. Автор неверно считает, что на Руси были распространены только серпы с черешком. Этот тип серпов известен в Европе с середины I тысячелетия до н. э., см.: W. M. Flinders Petrie, ук. соч., табл. IX, стр. 46, секц. 131. Раннеславянские серпы несколько отличаются от описанных выше. Железный серп, найденный в нижних слоях Райковецкого городища (В. К. Гончаров, Райковецкое городище, табл. VI, 8, стр. 66), представляет собой слегка изогнутую пластинку с небольшим загнутым в кольцо черешком, составляющим ее продолжение, и наплавляет серпы из бронзы, бытовавшие в степной полосе восточной Европы в I тысячелетии до н. э. (А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935, стр. 81).

⁷⁵ См., например, серпы VII—VIII вв., найденные при раскопках древнего Пенджикента (А. М. Беленицкий, Археологические раскопки в Пенджикенте. КСИИМК, 55, 1945, рис. 4, 9, 10).

⁶⁹ Там же, стр. 55, см. также стр. 121, рис. 9.

⁷⁰ МАР, вып. 3, 1888, стр. 36; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 933, №№ 55, 167.

⁷¹ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 949, № 27.

⁷² В. К. Гончаров, Райковецкое городище, стр. 87, табл. XXVIII, 1—8.

Ввиду плохой сохранности большинства саркелских серпов составить правильное представление о характере кривизны их лезвий не представляется возможным.

ставлены двумя целыми экземплярами (1950-II-3998, 1950-II-1285; рис. 17, 9—12) и обломками еще от 6—7 кос. Коса-горбуша 1285 имеет довольно узкое, слегка

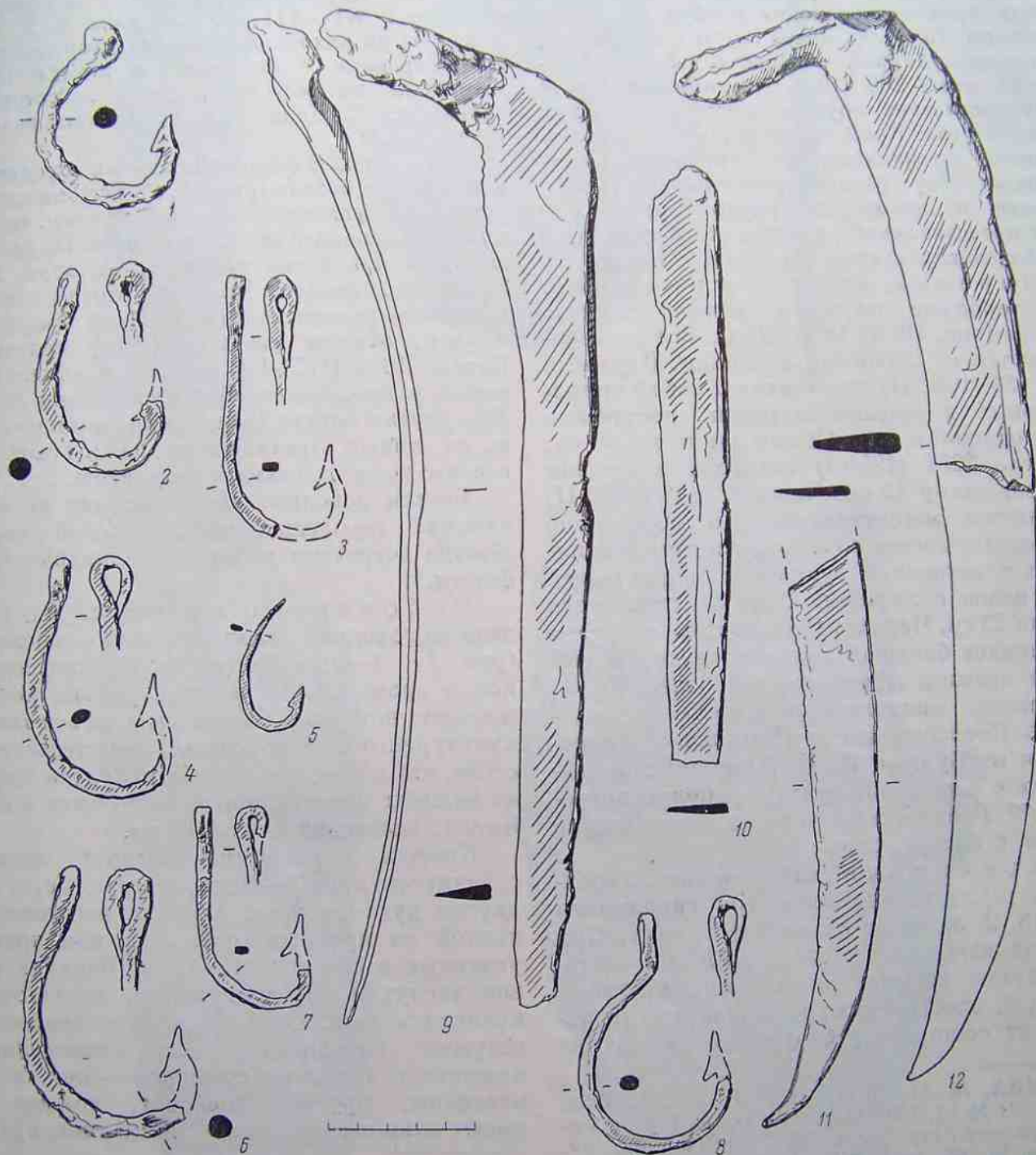

Рис. 17. Сельскохозяйственный и промышленный инвентарь славянского периода жизни города.

1—8 — рыболовные крючки; 9—12 — косы-горбуши.

Косы-горбуши. К славянскому периоду жизни города относятся почти все косы, найденные на городище. Они пред-

изогнутое, треугольное в сечении лезвие длиной около 40 см и шириной 2,5 см. Обухок в сечении прямоугольный, массив-

ный, и на конце, по-видимому, имел шип. Судя по незначительной ширине лезвия, это орудие следует отнести к косам-горбушам северного типа. Коса 3398 имеет лезвие длиной 31 см и шириной 2—4 см. Лезвие почти прямое, переходит в обушок резким изломом. Коса эта имеет изгиб в плоскости, перпендикулярной плоскости лезвия. У обломка косы 263 (1951-Ц), также имевшей широкое лезвие, обушок образует с лезвием прямой угол. Косы такой формы с широким лезвием принадлежат к так называемому южному типу, распространенному в Поднепровье и некоторых других районах.⁷⁶ Как представляется, именно этого типа косы наиболее характерны для Белой Вежи.

Чересла, или плужные ножи. На городище плужных ножей найдено четыре (рис. 18, 1; 19, 1, 2, 4). Все они связываются со славянскими слоями. Плужный нож 454 (1951-П) представляет собой прямоугольный в сечении стержень, постепенно переходящий в нож. Общая длина его 40 см. Чересло 2251 (1950-И) овальное в сечении и имеет длину 35 см. Чересло 3395 (1950-П) отличается массивностью. По форме оно напоминает косарь со слегка изогнутой спинкой и с массивной рукояткой, образующей одно целое с лезвием. Общая длина этого орудия 23 см. Чересло 1948 (1951-Ц) по форме напоминает большой нож с черенком и широким лезвием общей длиной более 40 см. Совершенно аналогичные чересла происходят из Правобережного Цимлянского городища и из Булгар. И. И. Лянушкин связывает их с череслами культуры полей погребений.⁷⁷ Райковецкие чересла тоже весьма сходны с беловежскими.⁷⁸

Наральники (наконечники на ползун плуга). Найдено всего три наральника (рис. 18, 2, 3), все в славянских слоях. Они представляют собой сделанный из цельного куска железа наконечник, имеющий широкую, заостренную, лопатовидную (в отличие от сошника) рабочую часть, верхние

крылья которой загнуты и образуют незамкнутую втулку, которой и крепился лемех на ползун. Размеры двух беловежских лемехов приблизительно 12×20 см, третьего — 9×16 см. Наральники, похожие на беловежские в XI—XII вв. или даже в X в. известны по находкам на многих городищах этого времени.⁷⁹ Беловежские лемехи изготовлены по образцам, ранее известным славянам. С Дола они проникали далее на восток.⁸⁰

Ботала. В славянских слоях городища найдено три ботала (рис. 19, 3). Все они однотипны. Это уплощенные колокольчики, свернутые из кованого железного листа. На ребре снаружи приварена петля, за которую ботало подвешивалось. Внутри — вторая петля, к которой ремешком или веревкой крепился язычок, обычно имевший форму колечка. Ботало 1812 (1951-П) найдено в комплексе вещей раннеславянской полуземлянки № 5. Два других ботала найдены вне комплексов, но по данным стратиграфии должны быть отнесены тоже к славянскому слою.

Ботала довольно часто находят на славянских городищах домонгольской поры. Иногда встречаются ботала цилиндрической формы.⁸¹

Рыболовные крючки. Их найдено на городище довольно много — около 70 (рис. 17, 1—8). Обилие рыболовных крючков и громадное количество рыбьих костей и чешуи, которыми была насыщена вся толща культурного слоя городища, свидетельствует о том, что в X—XI вв. рыба являлась одним из важных видов пищи, а стало быть и промысла, населения Белой Вежи.

Крючки встречаются разные: мелкие, с радиусом дуги 8—9 мм, и крупные, с радиусом дуги до 3 см. Все они изготовлены ковкой из круглых, овальных или прямоугольных в сечении стержней. Верхний конец загнут и образует петлю, за которую крепилась леса. Острия крючков снабжены острыми бородами. Есть экземпляры крючков с коротким стержнем — они более массивны; другие, наоборот, тоньше и имеют длинные стержни. Разные типы крюч-

⁷⁶ МИА, № 41, 1954, стр. 56; № 32, 1953, стр. 95, 96; № 11, 1949, стр. 230; П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 35; В. К. Гончаров, ук. соч., стр. 67, 68, табл. VII, 1—4.

⁷⁷ И. И. Лянушкин. Памятники культуры полей погребений левобережного Днепра. КСИМК, XXXIII, 1950, рис. 20, 3, 4; А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии волжских болгар. КСИМК, 57, 1955, рис. 3, 3, 4.

⁷⁸ В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 63, табл. IV, 4, 5; V, 6.

⁷⁹ МИА, № 32, 1953, стр. 87; В. К. Гончаров. Древний Колодежин. КСИМК, XLI, 1951, рис. 8, 1.

⁸⁰ А. В. Кирьянов. ук. соч., стр. 3—16, рис. 3, 2.

⁸¹ Например, ботало, найденное при раскопках Лядинского могильника (МИА, № 10, 1949, стр. 50, табл. X, 13).

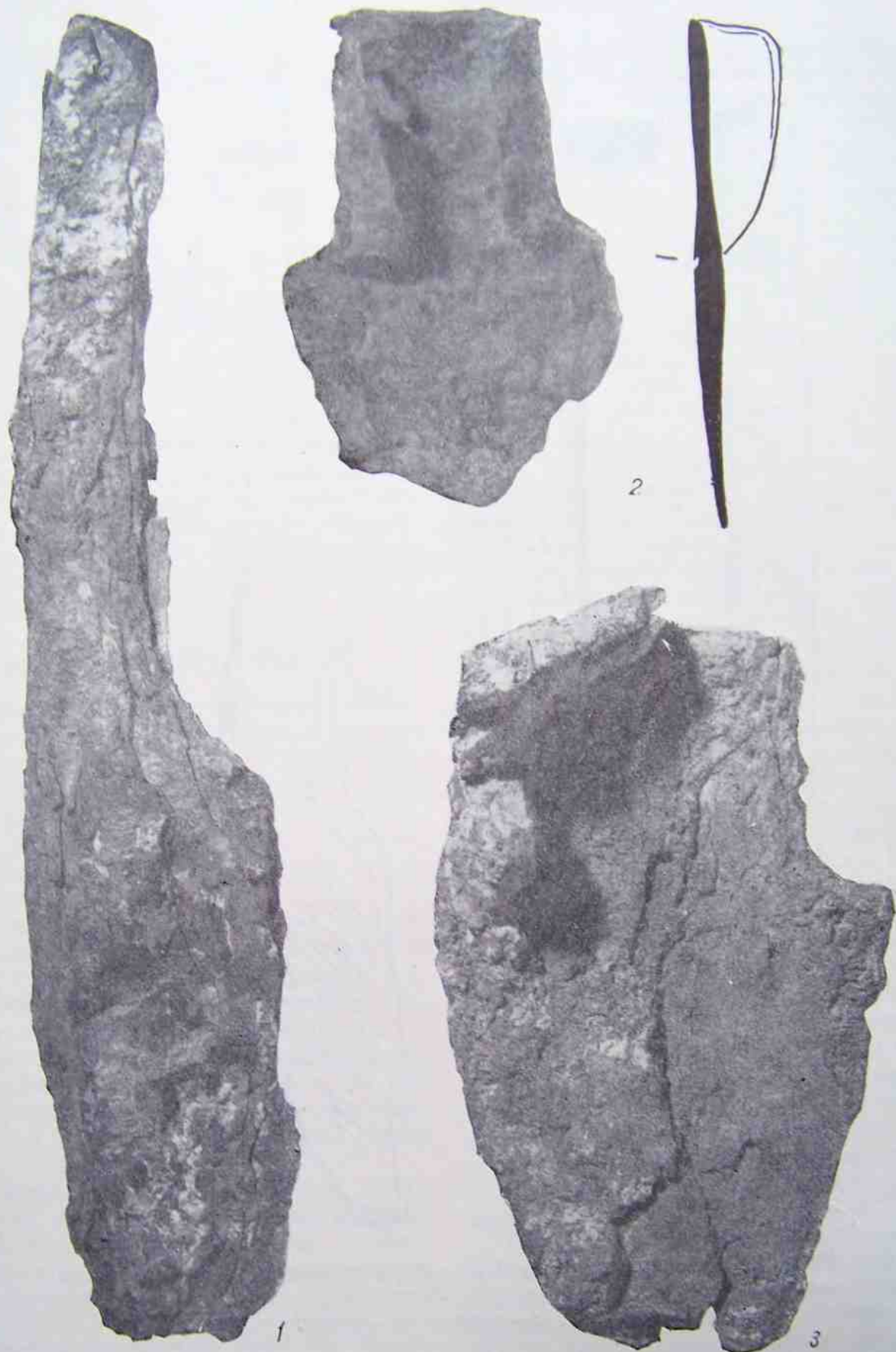

Рис. 18. Сельскохозяйственный инвентарь славянского периода жизни города.
1 — чересло (плужный нож); 2, 3 — паральники.

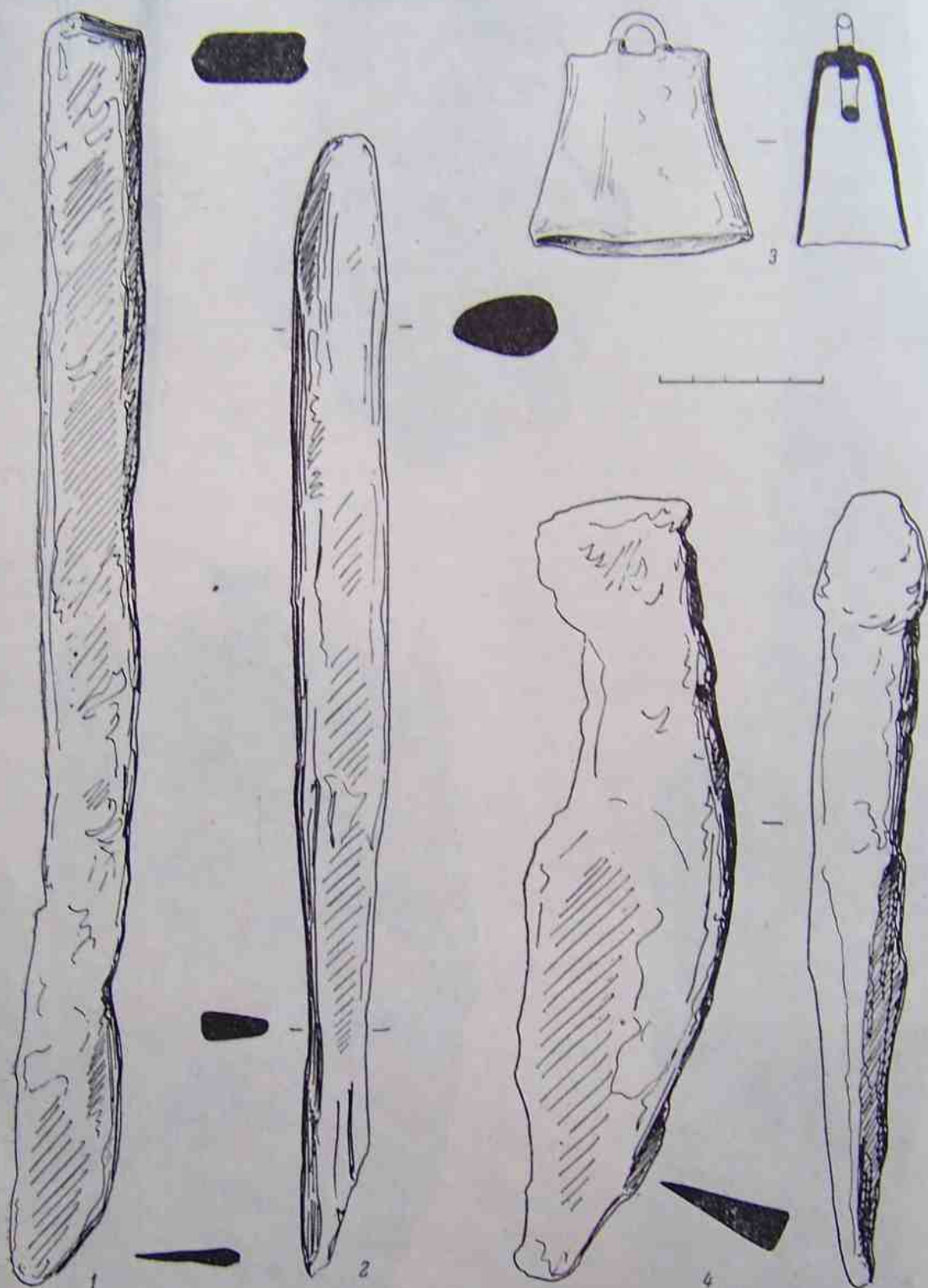

Рис. 19. Сельскохозяйственный инвентарь славянского периода жизни города.

1, 2, 4 — чересла; 3 — ботало.

ков явно предназначались для ловли разной рыбы. Все беловежские крючки отличаются от современных только тем, что жала их загнуты в одной плоскости со стержнем и ушком, тогда как у современных они отогнуты несколько в сторону.⁸²

В самых нижних слоях рыболовных крючков найдено меньше, чем в средних и верхних, — всего не более 5—7% от общего числа (см. стр. 151). Крючок 515 (1951-II) найден на глубине 120 см вместе со стеклянным желтым браслетом; крючок 2672 (1951-II) в заполнении полуземлянки № 3, относящейся к славянскому периоду жизни города, вместе с железным круглым стременем такого типа, как стремя 251 (1951-II) из славянской полуземлянки № 5. Крючок 2589 (1951-II) обнаружен вместе с обломком наконечника копья славянского типа и с характерной славянской керамикой. По-видимому, в хазарское время население Саркела не особенно усердно занималось рыболовством.

ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО ОБИХОДА

К предметам бытового обихода славянского периода жизни Белой Вежи относятся замки всякие и детали к ним, замок врезной, ключи к замкам, ножи, дужки и ушки от бадей, обручи, котлы кованые, кресала, светцы и разного рода стержни, цепочки, бритвы-пинцеты, кольца, пряжки и другие мелкие предметы.

Замки представлены тремя основными разновидностями: призматическими (10), цилиндрическими (52) и врезным (1). Соответственно в коллекции имеются ключи от замков всех этих трех типов.

Подсчет распределения замков и ключей по глубинам, а также условия их залегания показывают, что эти изделия относятся только к славянскому периоду жизни города.

Три пружинных цилиндрических замка и два ключа к замкам такого типа найдены в полуземлянке у западной башни. Славянский характер этой полуземлянки определяется по керамике, шиферным пряслицам и стеклянным браслетам, характерным для ее заполнения. Замок 882 (1951-II) найден

на полу помещения № 1 (квадрат $M_8—L_9$) тоже вместе со славянской керамикой, шиферными пряслицами и стеклянными браслетами. Ключ 1016 (1056-II) обнаружен в заполнении славянской землянки № 10, призматический замок 1070 (1951-II) — вместе с амфорами XI в. и с синими стеклянными браслетами, замок 1568 (1951-II) — на одном уровне с фрагментами круглого светильника и выше горизонта, содержащего обломки хазарского желтоглиняного горшка, замок 1993 (1951-II) — вместе со светильником славянского времени, замок 2051 (1951-II) найден в заполнении землянки № 10 выше горизонта хазарского времени, замок 2127 (1951-II) — вместе с фрагментами от сосуда с голубой поливой, замок 2291 (1951-II) — вместе с обломками синих стеклянных браслетов. На большой глубине в смешанном хазаро-славянском слое, содержащем вместе с фрагментами серо-лощенных хазарских горшков также славянскую керамику и шиферные пряслица, найдены цилиндрический замок 2878 (1950-II) и призматический замок 1050 (1950-II). Замок 1331 (1950-I) обнаружен на глубине 0.6 м, вместе с многочисленными фрагментами бороздчатых амфор. Данные раскопок 1949 г. показывают, что все девять цилиндрических замков найдены в верхних слоях (не глубже 1.5 м), насыщенных славянским материалом — керамикой, стеклянными браслетами и шиферными пряслицами. Все шесть замков из материалов раскопа I 1950 г. найдены также в пределах верхнего слоя вместе с черепками от бороздчатых амфор и выше слоя, насыщенного хазарской керамикой — сероглиняными лощеными кувшинами и кувшинами со сливом, залежавшими преимущественно в слое у материка.

Таким образом, пружинные замки, как цилиндрические, так и призматические, относятся только к славянскому периоду жизни города, причем призматические замки сосредоточены в нижних горизонтах славянского слоя.

Все призматические замки одной системы. Цилиндрические же бывают двух видов: с дополнительным цилиндром и пружинным механизмом на одной из ветвей свободной дужки (двухцилиндровые) и без дополнительного цилиндра, с петлей или крючком на корпусе и с дужкой без пружинного устройства, соединенной с корпусом кольчатый шарниром. Принципиальная схема

⁸² Это обычные рыболовные крючки домонгольского времени, см.: Н. Н. Ворониц. Древнее Гродно, МИА, № 41, 1954, стр. 58, рис. 24, 4—12.

устройства призматических и двухцилиндровых замков одинакова,⁸³ но в большинстве случаев они существенно отличаются друг от друга размерами, внешним видом, отделкой, расположением деталей механизма, формой ключа и другими признаками, определяющими индивидуальность каждого экземпляра. Схема устройства цилиндрических замков с петлей на корпусе своеобразна, но принцип устройства пружинного механизма таков же, как у призматических или у двухцилиндровых.

Призматические замки беловежской коллекции по внешним признакам единообразны (рис. 20, 10—13; 23, 12). Их корпус, по существу, не является призмой, так как у него четыре грани прямоугольные, а две трапециoidalные. Такая форма является комбинацией призмы и усеченной четырехгранной пирамиды; размеры замка $35 \times 45 \times 48$ мм или несколько менее. К одной из боковых прямоугольных граней припаяна трубка *E*, являющаяся приемником для свободной от пружинного механизма ветви дужки *A* (рис. 21). В другой, противоположной, прорезано отверстие для ключа в форме перевернутой буквы «Т» (*Ж*). В верхней грани имеются отверстия *H* и *M*. Некоторые из них соответствуют стерженькам с пружинами, другие — дополнительным стерженькам. Верхняя грань несколько утоплена в корпус так, что верхние края боковых граней образуют выступающую кромку, имеющую у задней и лицевой граней форму валиков (*И*, *K*). В валике *K* у всех замков беловежской коллекции есть характерный прямоугольный вырез (*L*). У четырех замков запирающий механизм имеет по четыре стержня, несущие пружины (*Г*), у одного — шесть. Кроме того, на пластинке *B*, несущей стержни с пружинами, укреплены дополнительные стерженьки *Д*, числом до четырех, усложняющие механизм замка.

Для изготовления призматических замков пользовались горячей ковкой, медной пайкой, холодной клепкой и опилкой, т. е. сочетанием кузнечных и слесарных приемов. Корпус изготавливался из кованых железных пластин толщиной около 1 мм. Вырубленные и загнутые по шаблону детали скреплялись кровельным швом с последующей пайкой медью. Предварительно в пла-

стинах прорубались необходимые отверстия, которые затем начисто отделялись напильником. Размер отверстий и правильность их формы показывают, что употреблялись мелкие напильники, типа современных надфилей. Цилиндр-приемник (*E*) изготовлялся отдельно и припайвался к корпусу медью. Дужка была кованая. Свободный ее конец *A* заострялся, а на другой приклепывалась или припайвалась пластинка, к которой крепились стерженьки *B* и *Д*. Боковые трапециoidalные грани укреплены и одновременно украшены тонкими железными или медными пластинками (*З*), вернее накладными лентами, припаянными медью.

Призматические замки наиболее характерны для X в. Они имели широкое распространение до появления цилиндрических, которые их постепенно вытеснили. Об этом свидетельствуют не только данные стратиграфии замков Белой Вежи, как об этом говорилось выше, но и материал других древнерусских городищ и могильников.⁸⁴

Двухцилиндровые замки по внешнему виду менее единообразны, чем призматические (рис. 22, 1—16; 23, 5, 9—11, 13). Они отличаются друг от друга размерами, пропорциями, отделкой, расположением и устройством вырезов для ключей и системой механизмов. Их механизмы более разнообразны, чем у призматических, и в ряде случаев отличаются исключительно остроумным устройством. Почти у всех цилиндрических замков они более совершенны, чем у призматических; видно, что они изготовлены более опытными мастерами и по более совершенным схемам.

Высота корпуса самых мелких двухцилиндровых замков около 3 см, диаметр его около 2.5 см, наиболее крупных — соответственно 7—9 см и 2.5—3.5 см. Так же как призматические, они изготовлены из железных, медных и стальных деталей, скрепленных клепкой и пайкой медью. Корпус у мелких замков имеет вид трубки, согнутой из

⁸⁴ В. И. Сизов, ук. соч., стр. 59, рис. 12, 13, табл. VI, 17; МИА, № 11, 1949, рис. 6, 44 (показаны ключи-лопатки от призматических замков, найденные в слоях X в. вместе с крючковидными ключами от врезных замков древней конструкции, известных в Западной Европе еще с латенского времени); см. также: F. Grempler, *Sakrau-Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg*, 21, 1900, стр. 298, табл. 2, рис. 2; J. D'échelette, ук. соч., стр. 1391.

⁸³ Б. А. Колчин. Черная металлургия. . . , стр. 115.

Рис. 20. Железные замки (славянский период жизни города).
 1—9 — большие цилиндрические; 10—13 — призматические.

кованого железного листа толщиной около 1 мм, спаянного по шву, который иногда делается внахлестку. Имеются экземпляры с более массивным корпусом; иногда он бывает сварной. Оба донца и дополнительный цилиндр, изготовленные из листового железа, припаяны к корпусу медью. Отверстия для

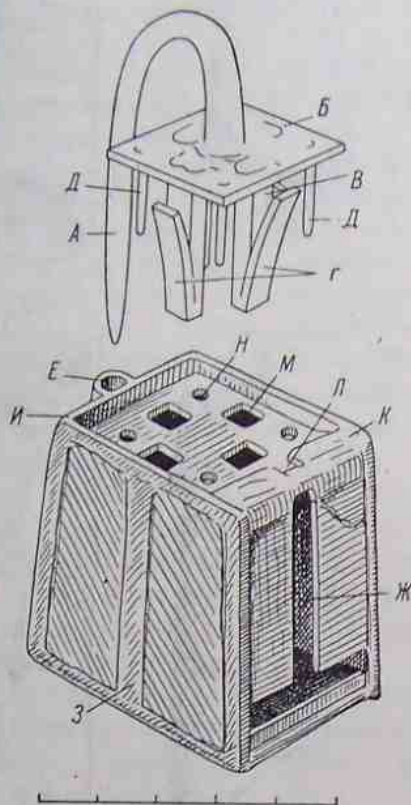

Рис. 21. Схема устройства цилиндрического замка (славянский период жизни города).

ключа и пружин прорубались в деталях корпуса, как и при изготовлении призматических замков, до сборки, по-видимому, кузнечным способом, в раскаленном металле, и начисто обрабатывались по-слесарному, тонкими напильниками.

Никак нельзя согласиться с мнением Б. А. Рыбакова о том, что всякие русские домонгольские замки сделаны не из железа, а из бронзы.

Б. А. Рыбаков в отчетах о раскопках в Звенигороде пишет: «В небольшом глинобитном горне были найдены 19 трубчатых замков (рис. 3).

«Замки относятся к обычному типу русских домонгольских всячих замков с цилиндрическим туловом и разъемной дужкой. Этнографический термин для них «сничные замки». Они были покрыты толстой пори-

стой коркой железистой окиси и записаны в дневник как «железные замки». Во всех археологических описях разных музеев СССР и в печатных изданиях подобные замки также называются железными.

«Весьма велико было удивление участников экспедиции, когда в лаборатории ГИМ ученый реставратор А. Д. Чиварзин очистил звенигородские замки от окиси — они оказались золотисто-бронзовыми. Опыты, произведенные над замками из Княжей горы и некоторых других мест, показали, что, внешне очень похожие на железные, замки по снятию железистой окиси оказались бронзовыми. . .

«Замок состоит из медного (или бронзового) литого цилиндра, к которому на ребро приделана планка». ⁸⁵ Далее следует описание устройства замков, вполне совпадающее с тем, которое выше дано для цилиндрических замков беловежской коллекции.

Все замки, найденные при раскопках Белой Вежи, были нами изучены самым тщательным образом. Кроме того, мы внимательно ознакомились с богатым материалом памятников домонгольской Руси, который хранится в Государственном Эрмитаже, в камеральных мастерских Ленинградского отделения ИИМК АН СССР, в Пермском краеведческом музее и в Пермском государственном университете. В этих коллекциях находится значительное количество русских домонгольских замков. Ни один из них не сделан из бронзы или меди. Все без исключения замки, с которыми нам удалось познакомиться, сделаны из железа. Это безусловно железные замки. Все их рабочие детали сделаны из железа и стали. Медь (материал, мало пригодный для литья) при производстве такого рода замков употреблялась лишь для спайки железных деталей и иногда для украшения: корпус замка или обмеднялся полностью, и тогда замок внешне выглядел как медный, или обтягивался медными пластинками, которые выделялись на теле замка рельефом и цветом, образуя простой, но красивый узор; иногда медью припаявались на корпус железные украшения, что обогащало рисунок дополнительным цветным контуром (рис. 22, 4, 5, 9—12, 14—16).

Мы не можем сказать, из какого металла сделаны 19 звенигородских замков, замки

⁸⁵ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.) МИА, № 12, 1949, стр. 130—131.

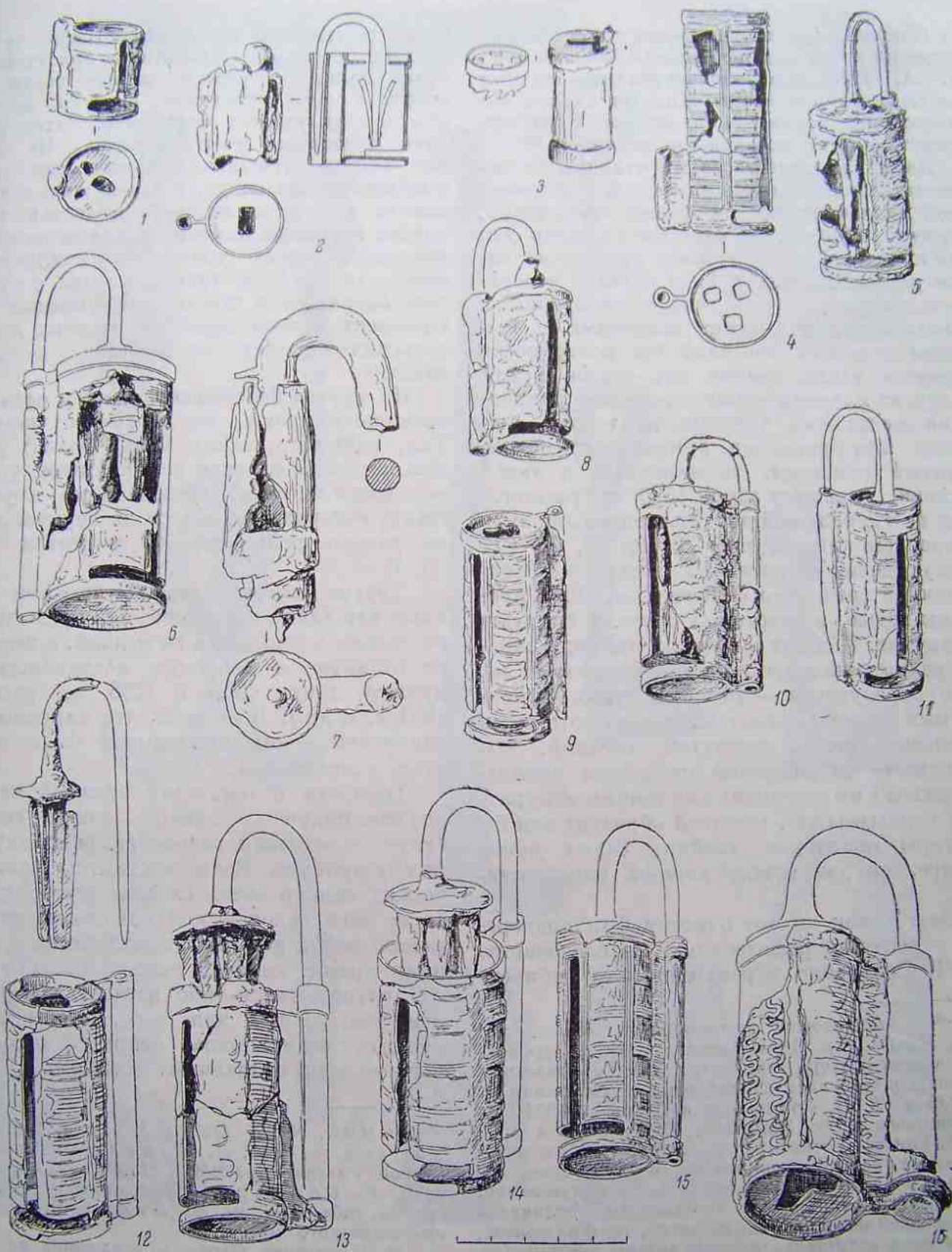

Рис. 22. Цилиндрические железные замки (славянский период жизни города).

из Княжей горы «и некоторых других мест», поскольку мы их не видели, но попытка Б. А. Рыбакова распространить данные наблюдений над этими замками на все без исключения замки домонгольской Руси нам представляется совершенно неверной.⁸⁶

Двухцилиндровые замки отличаются исключительной нарядностью. В беловежской коллекции нет ни одного экземпляра, корпус которого не был бы украшен тем или иным способом. Приемы украшения самые разнообразные. В ряде случаев поверхность корпуса украшена приваренными пластинами и кольцами; некоторые экземпляры отделаны насечкой (на поверхности корпусов таких замков нет следов меди). В других случаях корпус украшен накладными железными узорами из тонких пластинок или проволоки, припаянных медью. Богатый орнамент, выполненный в такой технике, украшает замок 1526 из раскопок 1949 г. Это большой двухцилиндровый замок с торцовым ключом (рис. 22, 16; 23, 9). Его корпус сделан из кованого листового железа толщиной несколько больше 1 мм. Швы припаяны медью, в некоторых случаях снаружи и изнутри. У обоих оснований цилиндр охвачен медными кольцами шириной около 5 мм, а по образующей — украшен тремя припаянными медью планками, между которыми помещены узоры изогнутой змейкой, выполненные из железной проволоки диаметром менее 1 мм и припаянные тонким аккуратным медным швом, который образует как бы цветную окантовку змейки. Таких змеек четыре, по две между каждой парой пластинок.

Этот замок до его очистки был подвергнут рентгенографическому исследованию Т. Н. Сильченко в рентгеновском кабинете

⁸⁶ О технологии изготовления замков см.: Б. А. Колчин. Черная металлургия... стр. 152. Псковские мастера при изготовлении железных замков пользовались пайкой оловом (см. замки из раскопок Г. П. Гроздилова в Пекове в 1954 г., хранящиеся в Гос. Эрмитаже, П-47, П-124 и др.). В. К. Гончаров относит райковецкие замки к числу железных изделий, покрытых сверху медью. Не вполне понятно его заключение: «... корпус замка, украшенный шнуровым орнаментом, отливался по восковой модели». Ведь известно, что и из железа, и из меди изготовить изделие литьем чрезвычайно трудно. Замки, сделанные из бронзы, встречаются редко. Они отличаются от железных (см.: G. R. Davidson. The minor objects. Corinth, v. XII, Princeton — New Jersey, 1952, стр. 71, №№ 1005—1008, 1013).

Государственного Эрмитажа. Было установлено наличие орнамента и присутствие меди. Далее, с учетом данных рентгенографии, была проведена очистка замка, и орнамент удалось сохранить. Затем сделана повторная рентгенограмма. На втором снимке отчетливо обрисовались медные детали орнамента, а также швы медной пайки. Согнутая змейкой железная проволока и прямые планки припаяны по всему периметру очень тонким и аккуратным швом, который не только крепил узор на теле замка, но и сам по себе украшал его. Орнамент в виде змеек на русских домонгольских замках встречается довольно часто.⁸⁷

На других беловежских замках орнамент несколько проще, но не менее наряден. Так, например, замок 1548 (1951-Ц) украшен пересекающимися под прямыми углами медными лентами, образующими крупную сетку, которая выделяется на корпусе замка не только рельефом, но и цветом (рис. 20, 5).

Другие замки украшены тонкими ободками или такой же сеткой, как предыдущий, но только железной, а не медной, и имеющей не гладкую, а рифленую поверхность (например, замки 2227 и 1568 их раскопок 1951 г. и др.). Возможно, что наружная поверхность некоторых замков была полностью обмедненной.⁸⁸

Тонкости и богатству внешней отделки двухцилиндровых замков вполне соответствует тонкость и разнообразие их внутренних устройств. Если механизмы призматических замков очень сходны друг с другом, то во всей беловежской коллекции вряд ли можно найти два одинаковых замка с двумя цилиндрами: каждый экземпляр отличается от другого какой-либо деталью, остроумно предусмотренной для того, чтобы предупредить возможность открыть замок отмычкой или поддельным ключом.

⁸⁷ МИА, № 12, 1949, рис. 3, стр. 129; № 28, 1952, табл. V, 1; А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани, КСИИМК, XLIV, 1952, рис. 31, 3; В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 85, табл. X, 2; см. также коллекции Пермского краеведческого музея.

⁸⁸ Обмеднение замков и украшение их медью и железными планками практиковалось и значительно позже. Известны, например, замки конца XVI в., отделанные таким образом (В. В. Голубцов. Оковы боярина Михаила Никитича Романова. ИАК, вып. 53, 1914, стр. 44, 45).

Рис. 23. Шилья, «кошка», ключи и замки славянского периода жизни города.

Для усложнения механизма использовались различные приемы и приспособления. Весь запирающий механизм крепился на пластинке, соответствующей по размерам и форме верхней крышке корпуса. Число стержней с пружинами колебалось от одного до шести. Взаимное их расположение самое разнообразное. Пружины делались или сплошные, или разрезные, что тоже усложняло возможность подделки ключа (такого типа пружины на замке 860 из раскопок 1949 г.). В некоторых случаях на площадке, несущей стержни с пружинами, как у призматических замков, крепились дополнительные стержни; им должны были соответствовать прорезы в ключе. У других замков эти стержни укреплены не на площадке дужки, а на внутренней поверхности верхней крышки цилиндра и, следовательно, совершенно скрыты от посторонних взоров. Они позволяли довести ключ до конца и прижать им все пружины, чтобы замок открывался только в том случае, если на ключе имелись соответствующие вырезы. Эти стержни были скрыты в корпусе замка и поэтому нельзя было подделывать ключ, ознакомившись только с видом замка и с расположением пружин, но не видев ключа, который владелец вряд ли часто выпускал из рук.

Прорезы для ключей у двухцилиндровых замков имеют различную форму и по-разному размещены. В некоторых случаях они представляют собой Т-образные отверстия, такие же, как на призматических замках. Прорезь такой формы ослабляла цилиндр, давала возможность, отогнув его края, открыть замок без ключа. Более совершенной была система с прорезями у основания или на нижнем донце. Корпус у замков этой системы не ослаблен и внутренность цилиндра недоступна для просмотра.

Цилиндрические замки появляются в Киевской Руси, судя по беловежскому и другому материалу, в XI в., а не в XII, как полагает Б. А. Рыбаков.⁸⁹ Они характерны для всего предмонгольского времени. Призматические же замки появляются еще

в X в.⁹⁰ и выходят из употребления ранее цилиндрических.

Цилиндрические замки без второго дополнительного цилиндра составляют в конструктивном отношении совершенно оригинальную группу. Особенно характерным внешним признаком таких замков является наличие массивного кольца или крюка, прикрепленного сбоку корпуса у одного из его оснований (рис. 20, 1—9). Кроме того, от двухцилиндровых они отличаются размерами — среди них нет маленьких. Не встречено ни одного экземпляра, корпус которого имел бы в высоту менее 9 см. Ввиду плохой сохранности всех имеющихся в коллекции замков этого типа о деталях их конструкции судить трудно: не сохранилось ни одной дужки и ни одного пружинного механизма. Сохранность большинства корпусов тоже плохая. У некоторых замков в корпусе имеется прорезь, в которую входил конец дужки, не закрепленный на крюке или кольце. В этом случае пружинный механизм монтировался отдельно. Но общее впечатление таково, что они в массе своей менее нарядны, чем двухцилиндровые, хотя иногда встречаются и богато украшенные замки такой конструкции.⁹¹ Замки эти служили для различных целей, например для запираения конских пут. Дешелет считает, что они являются также кандалными замками.⁹²

Особое внимание привлекает железный врезной замок. От него сохранилась лишь часть корпуса, по которой трудно судить о конструкции механизма. Весьма возможно, что это был замок с поворотным механизмом, открывавшийся ключом с бородкой, похожим на современные. Такие ключи в коллекции имеются. Можно предположить, что устройство механизма этого замка такое же, как у известного старорязанского врезного замка.⁹³

На городище найдены также две бронзовых крышки от врезных замков, аналогичных врезному железному. Каждая из этих крышек имеет по два отверстия для ключа, расположенных одно выше другого. Наличие двух таких же отверстий можно предпола-

⁸⁹ МИА, № 12, 1949, стр. 130; см. коллекцию беловежских древностей, находящуюся в Гос. Эрмитаже, а также: МИА, № 41, 1954, рис. 12, стр. 36; № 11, 1949, рис. 28, стр. 232; № 12, 1949, рис. 3, стр. 129; № 28, 1952, табл. V, стр. 218; М. К. Каргер, ук. соч., стр. 25, 177, рис. 12, 131, 141; История Москвы, т. I. М., 1952, стр. 19.

⁹⁰ МИА, № 11, 1949, рис. 16; Г. Б. Федоров, ук. соч., стр. 112.

⁹¹ МИА, № 12, 1949, рис. 3, стр. 129.

⁹² J. Déchelette, ук. соч., стр. 1392.

⁹³ Р. Л. Розенфельдт. Старорязанский врезной замок. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 144—145.

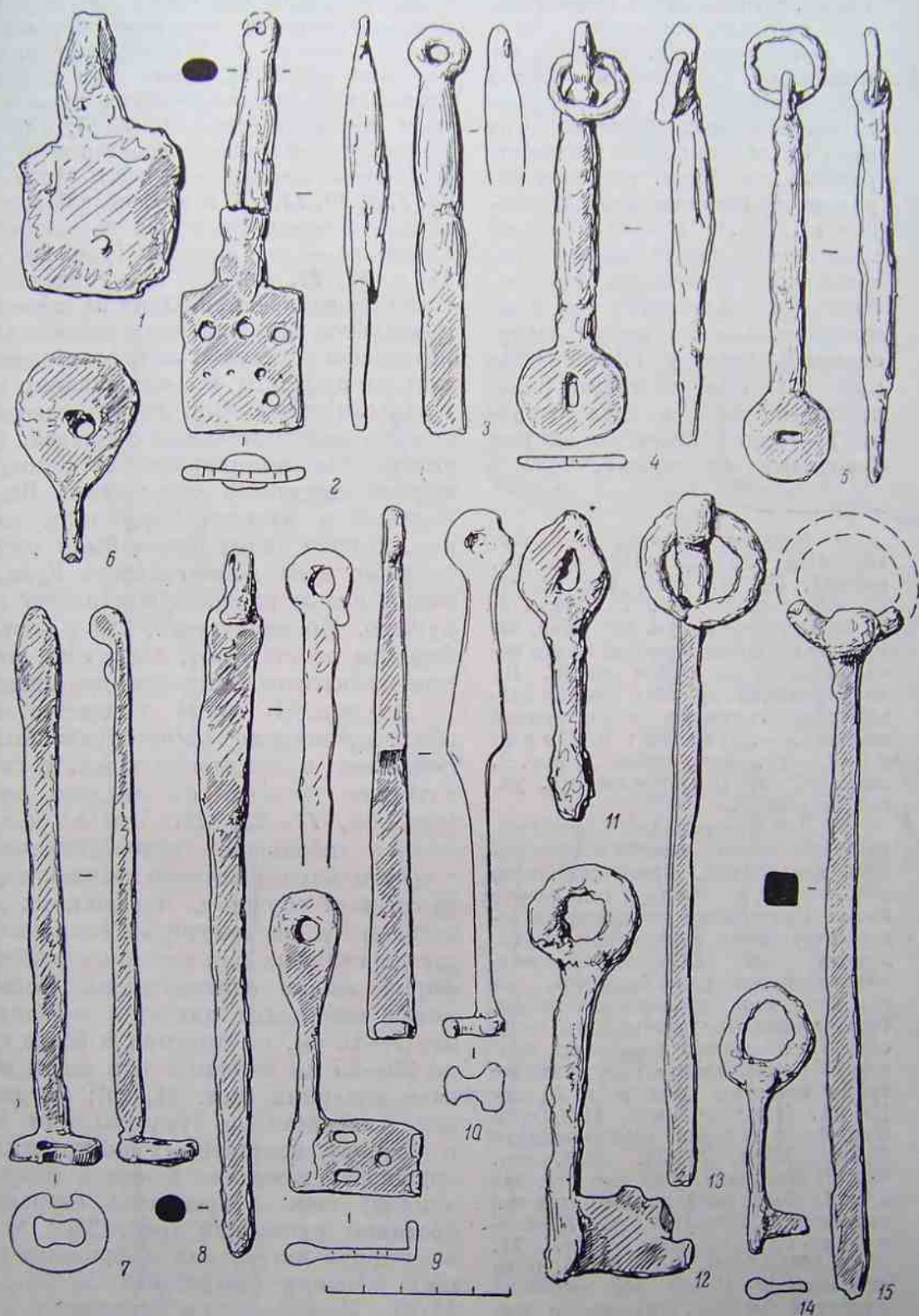

Рис. 24. Ключи к замкам (славянский период жизни города).

гать и в крышке вышеописанного железного врезного замка, что позволяет сравнивать его со старорязанским.

Врезные замки, которые открывались поворотным ключом с бородкой, судя по находкам многочисленных ключей от них, были широко распространены на Руси, главным образом в Приднепровье, начиная с IX в.⁹⁴ Ключи к замкам такого типа имели форму простого или сложного крючка. Замочная пластинка обычно прямоугольная, с двумя отверстиями — если у ключа один крючок — или с тремя (одно продолговатое и два круглых) — если ключ с двумя бородками на крючке.⁹⁵

⁹⁴ История Москвы, т. I, стр. 19; МИА, № 11, 1949, стр. 64, рис. 31; № 41, 1954, рис. 12, 28, 33, 96, стр. 36, 67, 70, 175, 176; М. К. Каргер, ук. соч., рис. 94. Вообще в Европе врезные замки появляются в латенское время. Но механизм этих древних замков значительно отличается от механизмов замков IX—XII вв.; см.: F. G e t t e r l e g, ук. соч., табл. 2, рис. 2, стр. 298; J. D é c h e l e t t e, ук. соч., стр. 1391.

⁹⁵ Для Центральной Европы характерны замки именно с поворотным механизмом. Здесь они были изобретены в очень отдаленное время. Пружинные же замки с защелкивающимся механизмом, по-видимому, или являются изобретением киевских ремесленников, или серьезно ими усовершенствованы. Наиболее ранние экземпляры киевских замков можно датировать концом IX в. Приблизительно в это же время известны они и в Крыму [М. А. Тиханова. 1) Дорос Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 329; 2) Базилика. Там же, стр. 342 и сл.]. Несколько позднее они появляются в Византии (G. R. D a v i d s o n, ук. соч., табл. 71, №№ 1005—1009, 1011, 1013), и не случайно в Чехии их называли русскими замками. Пружинные замки с защелкивающимся механизмами известны также в Центральной Азии и на Дальнем Востоке (A. S t e i n. Innermost Asia, v. III. Oxford, 1928, табл. LXXI, Као. III. 0168).

Ключи к замкам. Железных ключей к замкам в коллекции 24 (рис. 23, 4, 6—8; 24, 1—15), в том числе лопаткообразных с прямоугольной лопаткой для призматических замков с Т-образным вырезом — два (рис. 24, 1, 2), таких же с круглой лопаткой для цилиндрических замков — четыре или пять (рис. 24, 3—6), ключей для замков с фигурными прорезями в нижнем основании цилиндра — шесть (рис. 23; 6; 24, 7, 8, 10, 13, 15) и ключей с бородкой для замков с поворотным или передвижным механизмом — два или три (рис. 23, 4, 7, 8; 24, 9, 11, 12, 14). Все они найдены в слоях славянского времени. Один из ключей с прямоугольной лопаткой предназначен для призматического замка с пятью стержнями, несущими пружины, и с несколькими дополнительными стержнями. Другие ключи от замков без дополнительных стержней. Имеются ключи для цилиндрических замков с четырьмя несущими стержнями. Все ключи кованые и начисто обработаны напильником. Ключи таких типов были распространены по всей домонгольской Руси. Следов пайки медью ни на одном ключе не обнаружено. Но ввиду того, что у большинства бородки отсутствуют, возможно, что пайка при их изготовлении все же применялась.

Ножи. К числу предметов бытового обихода, широко распространенных в Белой Веже, принадлежат ножи. В слоях славянского периода их найдено около 150 (рис. 14, 17—23, 25). Это в большинстве своем небольшие однолезвийные ножи с треугольным в сечении лезвием и со слегка изогнутым обушком. Черешки их довольно широки, и на некоторых сохранились следы деревянных или костяных рукояток. По форме лезвия единообразны. Большинство ножей небольшие, длиной с черешком не более 9—15 см, но имеются и более крупные, до 20—25 см в длину. Эти ножи мы называем косарями (рис. 14, 24); их употребление универсально, условно они отнесены к разряду ремесленных инструментов. Заслуживает внимания большой (более 30 см длиной) нож с прекрасно сохранившейся костяной рукояткой (рис. 25). Он найден в мужском погребении могильника на больших насыпях (погребение № 27, курган 17/10). Лезвие слегка суживается к концу, обушок прямой, черенок тонкий. Рукоять простая, слегка граненая, со стороны насада черенка обтянута широкой тонкой

Рис. 25.
Железный
нож из славянского
погребения.

мами известны также в Центральной Азии и на Дальнем Востоке (A. S t e i n. Innermost Asia, v. III. Oxford, 1928, табл. LXXI, Као. III. 0168).

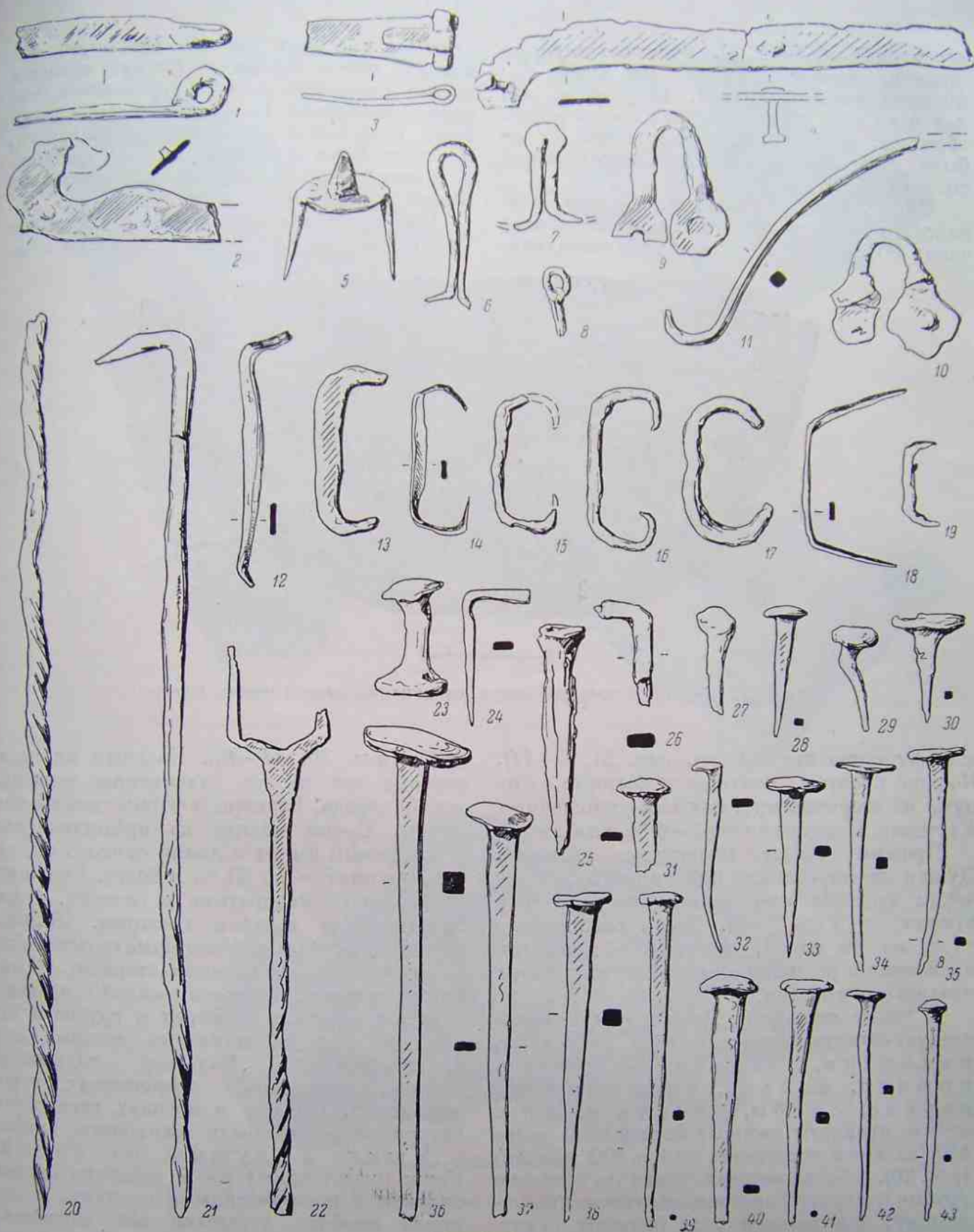

Рис. 26. Мелкие предметы славянского периода жизни города.

1-4 — петли и накладки; 5 — шпинтообразный предмет; 6 — петля; 7, 9 — диски от балей; 8 — дужка от балды; 10-19, 23 — скобы; 20-22 — стержни; 24-43 — гвозди.

серебряной обоймой. На рукоятке какие-то штрихи, возможно буквы. Все пожи выполнены горячей ковкой. Назначение их, как и во всех других случаях, самое разнообразное; несомненно, большинство их не было специализировано (о пожах-резцах см. стр. 162).

Кольца и пряжки. К слоям славянского периода жизни города относятся около 50 пряжек и колец, также выполняв-

этих изделий дает рис. 23. Некоторые накладки имеют сложную форму, которую можно оправдать только стремлением мастера украсить их. Большинство же изделий этого рода ввиду их плохой сохранности, простоте форм и универсальности функций не может быть точно определено. Ясен только общий круг их применения.

Гвозди встречались во всей толще культурного слоя и на всей площади горо-

Рис. 27. Железный кованый котел (славянский период жизни города).

ших функцию пряжек (см. рис. 31, 7—14). Кольца простые, кованые и сварные, согнуты из стержней круглых или уплощенных в сечении. Размеры колец 3—6 см в диаметре.

Пряжки имеют подвижные язычки. Дужки прямоугольные или округлые, в сечении круглые или уплощенные. Размер пряжек от 3 до 5 см. Среди славянского слоя нет ни одной, имеющей обоймы для крепления к ремню, какие встречены в слоях хазарского времени.

К числу предметов бытового назначения следует отнести различного рода оковки, накладки, пробой, петли, крючья, кольца, заклепки на дерево, скобы, гвозди и другие мелкие предметы, которых на городище более 450 (из этого количества около 300 гвоздей) (рис. 26). В большинстве случаев это довольно грубые предметы, предназначавшиеся, по-видимому, для разного рода больших сундуков, ларей, для дверей. Все они изготовлялись техникойковки, холодной клепки и горячей сварки. Представление о характере

дища (рис. 26, 24—43). Большая их часть связана все же со славянским периодом жизни города. Размеры и формы гвоздей различны. Самые мелкие из представленных в коллекции имеют в длину около 5 см, самые крупные — до 20 см и более. Большинство гвоздей квадратные в сечении, суживающиеся от шляпки к острию. Шляпки большие, округлые. Некоторые гвозди имеют форму костьюлей. Сечение стержня у них прямоугольное. Величина гвоздей свидетельствует о крупных размерах и грубости тех изделий, для сколачивания которых они предназначались. Большое количество гвоздей, совершенно аналогичных городищенским, найдено в могилах городского некрополя — ими были сколочены гробы.

Ушки и дужки от бадей. Ушки представляют собой согнутые петлей стержни с расплюснутыми концами, в которых пробиты отверстия для заклепок, крепящих их к бадье (на городище найдено много совершенно таких же изделий, но только выполненных из меди; рис. 26, 7, 9).

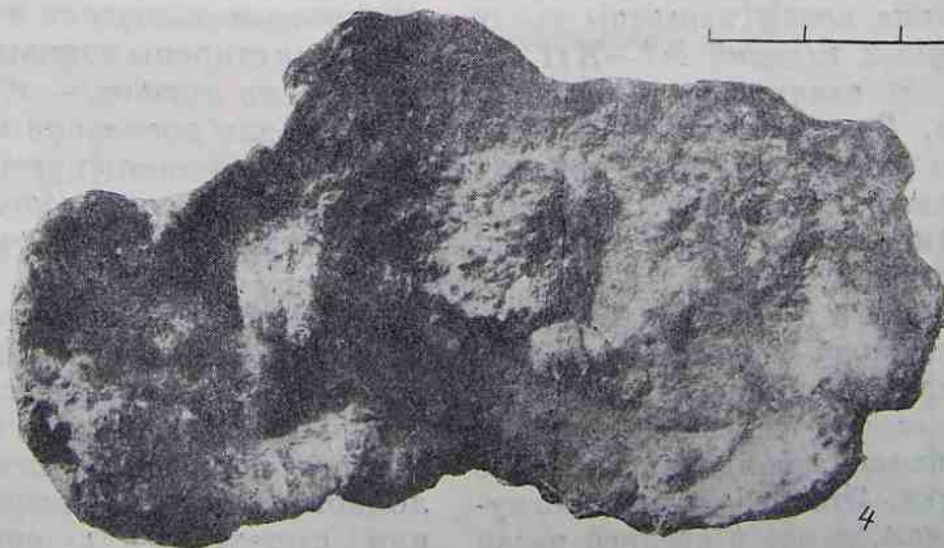
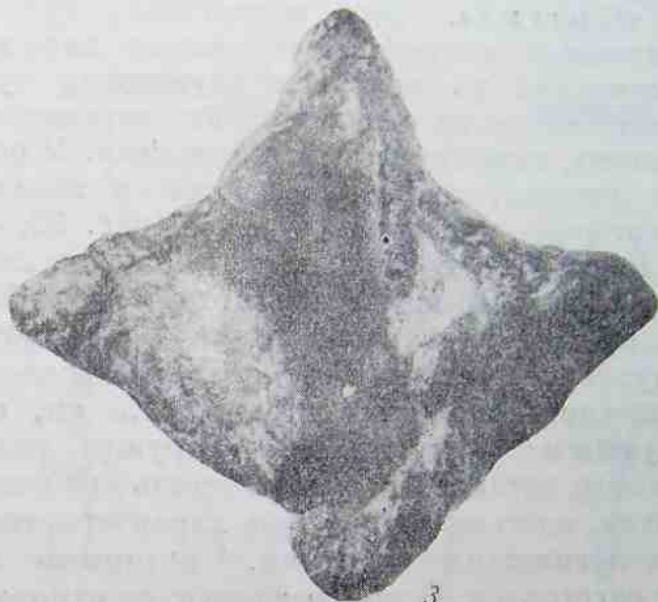
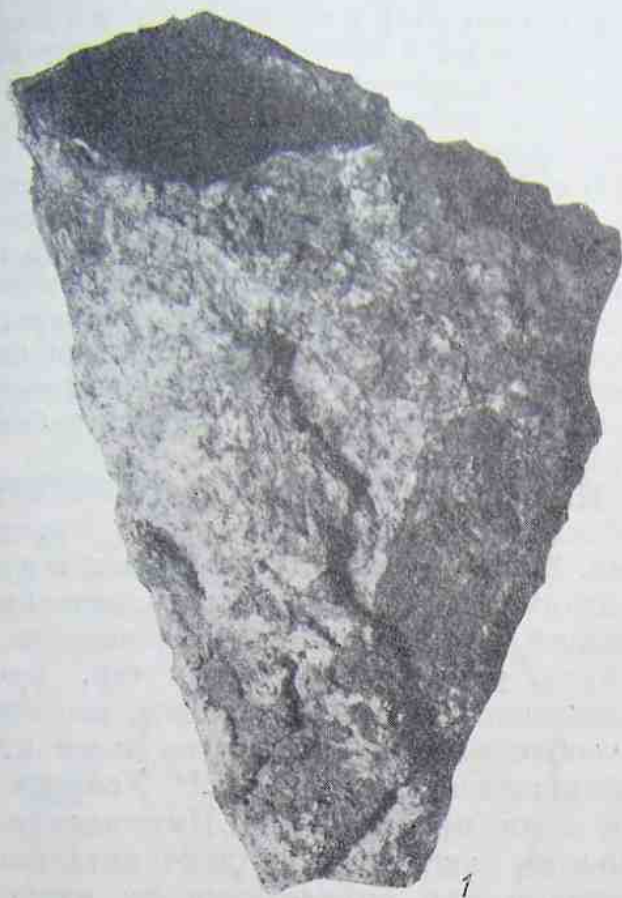

Рис. 28. Железный подпятник, «воронка» и четырехрогие наверхия.

Дужки в сечении квадратные или прямоугольные, тоже кованые, тонкие, приспособлены для ношения бадей на коромысле. Концы их загнуты как крючья (рис. 26, 8).

В славянском слое городища найдены фрагменты обручей от бадей. Это неширокие кованые полосы, скрепленные заклепками.

Интересны два железных кольца диаметром около 7 см, сделанные из витого стержня, квадратного в сечении. По размерам и по внешнему виду они напоминают стеклянные браслеты. Но являются ли они в действительности браслетами, сказать трудно.

«К о ш к а». Этот инструмент, предназначенный почти исключительно для вытаскивания из колодцев опущенных туда ведер, ничем не отличается от современных «кошек», служащих для той же цели. У него три крючка, сваренные вместе, и кольцо, к которому крепилась веревка (рис. 23, 3).

К о т е л. В заполнении полуземлянки № 12 найден железный котел (рис. 27). Он представляет собой почти правильную полусферу из тонко раскованного железа, с плоским венчиком шириной 1.5 см, образующим выступающий наружу кант. Диаметр котла 30 см. Сохранность его очень плохая, поэтому трудно дать характеристику технологическим приемам, которыми он был изготовлен. Вероятнее всего, он откован, и притом очень искусно, из цельного куска железа. Такого типа котлы известны среди славянских железных изделий XI—XII вв.

К р е с а л а. В славянском слое найдено три кресала. Все плохой сохранности. Они относятся к числу обычных изделий этого рода, хорошо известных славянам, и чего-либо оригинального собой не представляют (см. рис. 34, 8, 9).

Щ и п ч и к и - п и н ц е т ы (бритвы). К славянскому периоду жизни города относится трое щипчиков-пинцетов (рис. 14, 16). Все они по своему устройству не отличаются от щипчиков, найденных в слое хазарского времени. Это небольшие, согнутые вдвое пластинки, узкие в средней части и расширяющиеся к концам. Широкие концы слегка загнуты, эти загибы образуют захватывающие края (см. стр. 151).

С т е р ж н и. В коллекции железных изделий славянского слоя имеется несколько стержней. Некоторые из них гладкие, другие витые, имеется стержень с развилкой на

конце — это, по-видимому, светец (рис. 26, 20—22).

В о р о н к о о б р а з ы в ы й п р е д м е т, свернутый из пластины. Шов не скреплен. Трудно определить назначение этого предмета. Он найден на глубине 0.65 см, но в перемешанном слое (рис. 28, 1).

Ч е т ы р е х р о г и е н а в е р ш и я. Назначение этих изделий совершенно неясно. Они представляют собой грубо откованную пластинку, согнутую чашеобразно. Четыре борта ее так вмяты внутрь, что своими невмятыми краями образуют четыре рогообразных выступа. В центре навершия во всех четырех случаях имеется небольшое отверстие (рис. 28, 2, 3).

Не обошлось в Белой Веже без находки нескольких шипообразных предметов (рис. 26, 5), часто встречающихся в русских памятниках XI—XII вв.; назначение этих изделий до сих пор не объяснено сколько-нибудь удовлетворительно; так, вряд ли можно согласиться с мнением, что это приспособления для лазания на деревья, употреблявшиеся бортниками.⁹⁶ Условия находок этих предметов на Цимлянском городище не дают никаких дополнительных материалов для определения их назначения.

К р ю ч ь я. К слоям славянского времени относятся два больших крюка (рис. 14, 15), совершенно тождественных крюкам хазарского слоя. Как и эти последние (см. стр. 151 и рис. 6, 17), они представляют собой квадратные в сечении стержни с загнутыми в разные стороны концами, одним длинным — собственно крюком — и другим коротким — это шип для крепления к какому-то черенку. Условия залегания крючьев славянского слоя не дают никаких дополнительных данных для суждения о назначении этих предметов.

Помимо предметов, сохранность которых позволяет определить их назначение, в горизонтах, связанных со славянским периодом жизни города, найдено большое количество всякого рода бесформенных железных обломков. Это или большие кованые пластины, или стержни, или совсем бесформенные куски перержавевшего железа. Возможно, что один из предметов, от которого дошло

⁹⁶ Это предположение без достаточных оснований высказано еще В. И. Сизовым в 1902 г. и с тех пор удовлетворительно не подтверждено (В. И. Сизов, ук. соч.).

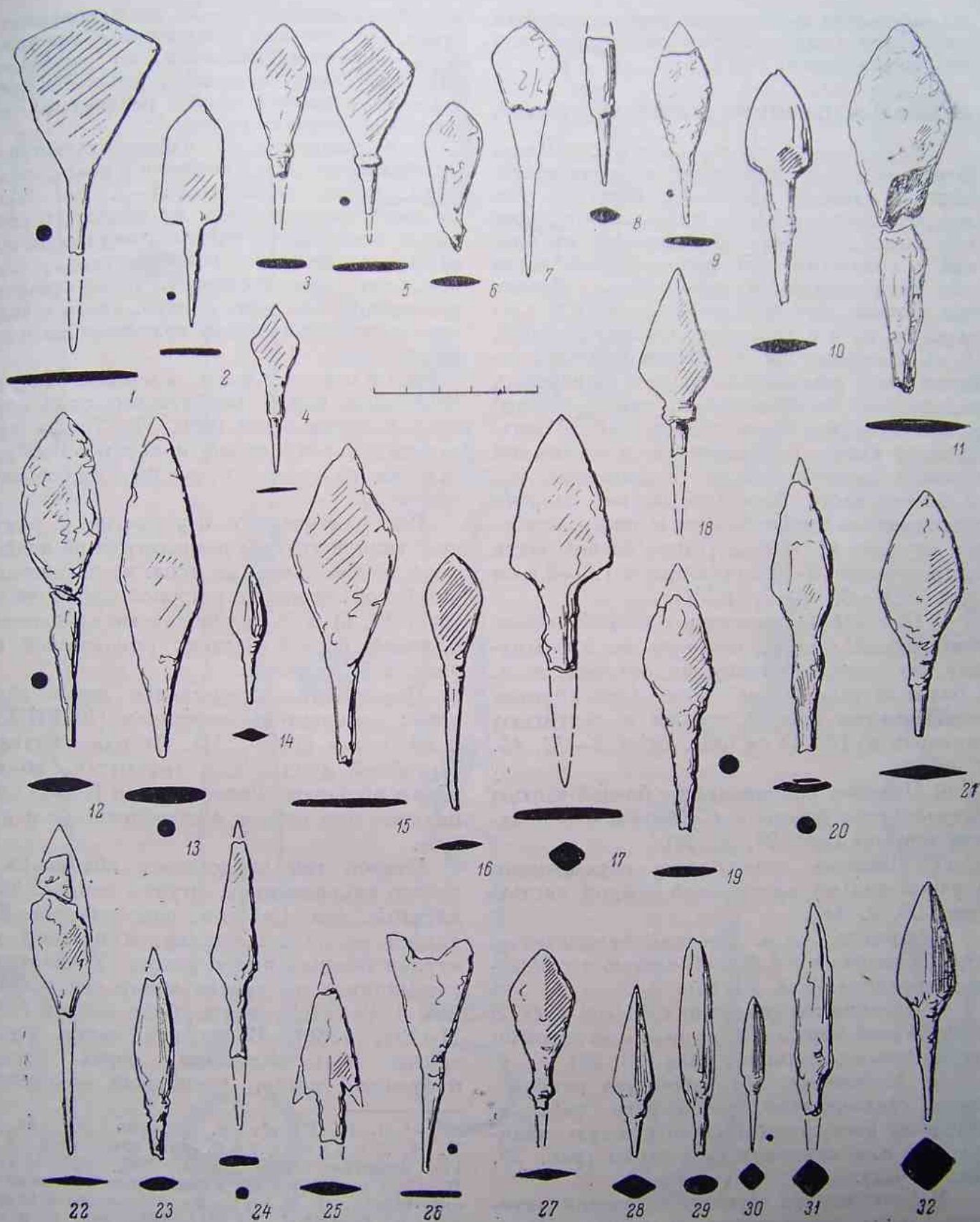

Рис. 29. Наконечники стрел славянского периода жизни города.

до нас только несколько обломков, является цельножелезным заступом со втулкой для насада на череп.

ОРУЖИЕ И ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УПРЯЖИ

Наконечники стрел. Наконечников стрел славянского периода на городище найдено около 40. Они все без исключения черешковые, чаще плоские, реже граненые, массивные. Большинство их плохой сохранности. По форме боевой части они разделяются на семь типов, причем три первых встречаются не только в славянских, но и в хазарских слоях городища.

а) Наконечники с боевой частью неправильной ромбической формы (к черешку наконечник более вытянут, чем к острию) плоские, с углом атаки от 80 до 120°. У большинства таких наконечников в основании черешка имеется пояс, отделяющий его от боевой части. Наиболее мелкие из этих наконечников имеют 6—9 см в длину, наиболее крупные 11—12 см. Длина боевой части соответственно 3—5 см и ширина 1.5—2.5 см (рис. 29, 1—3, 5—7, 16, 27).

б) Плоские наконечники с боевой частью ромбической формы, похожие на предыдущие, но с более вытянутым острием, т. е. с более острым углом атаки. Они крупнее наконечников первой группы и достигают размеров до 12—13 см (рис. 29, 4, 9—13, 15, 17—21).

в) Плоские наконечники с боевой частью лавролистной формы и с ободком у основания черешка (рис. 29, 22, 23).

г) Плоские черешковые наконечники с узкой сильно удлиненной боевой частью (рис. 29, 8, 24).

д) Срезни, т. е. плоские наконечники стрел с раздвоенной боевой частью и с обычным черешком (рис. 29, 26).

е) Плоские наконечники с боевой частью треугольной формы и с опущенными острыми удлиненными жальцами (рис. 29, 25).

ж) Массивные, «бронбойные» наконечники сравнительно небольшого размера, имеющие боевую часть, ромбическую, квадратную или овальную в сечении (рис. 29, 14, 28—32).

У большинства черешки в сечении круглые, реже встречаются граненые. Наконечники всех семи типов изготовлялись горячей ковкой и притом весьма искусно. Такой ассортимент наконечников стрел обы-

чен для памятников X—XI вв. Наконечники стрел, совершенно аналогичные беловежским, известны, например, по раскопкам в Киеве, Райках, Смоленске, Рязани,⁹⁷ в Прикамье,⁹⁸ а также в южных районах и в памятниках степной полосы.⁹⁹

Для беловежского набора характерно преобладание наконечников ромбических форм, таких, какие в VII—XI вв. были широко распространены на востоке, в степных и лесостепных районах, над наконечниками с опущенными вниз жальцами, которые, как представляется, более типичны для запада. Следует, однако, иметь в виду, что саркелский набор сравнительно очень малочислен.

Наконечники копий. Все наконечники копий славянского слоя очень плохой сохранности (рис. 30). Только один экземпляр сохранился полностью; от других же одиннадцати до нас дошли лишь обломки.

Все наконечники втульчатые и внутри этой единой группы разделяются по крайней мере на два основных типа: а) наконечники с плоской, довольно широкой боевой частью (рис. 30, б) и б) пикообразные наконечники с узкой боевой частью, ромбической или овальной в сечении.

Первый тип представлен двумя образцами: цельным наконечником (1951-Ц-2588) и обломком (1949-2211). Втулка составляет $\frac{2}{5}$ общей длины. Она замкнутая, но шов плохо проварен. Расширение к боевой части плавное или совсем незначительным порошком.

Второй тип представлен обломками от десяти наконечников. Втулки немного более длинные, чем у плоских наконечников. Шов сварен не на всю длину, и поэтому низ втулки обычно имеет разрез. У некоторых экземпляров на втулке внизу валик (1936-794, 1949-253), у иных сбоку выступ (1951-II-1191, 1286). В нижней части втулки обычно есть отверстие, через которое проходил гвоздь, крепивший наконечник

⁹⁷ М. К. Каргер, ук. соч., рис. 60, 64; И. А. Хойновский, ук. соч., табл. XXI; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 896, №№ 5, 7, 8; В. К. Гончаров, Райковское городище, стр. 145; А. Л. Монгайт, Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, XLVIII, 1951, стр. 12 и сл. рис. 7.

⁹⁸ МИА, № 28, 1952, табл. XIV, 2, 7, 9.

⁹⁹ Г. В. Федоров, ук. соч., стр. 104—126; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 942, №№ 1, 2.

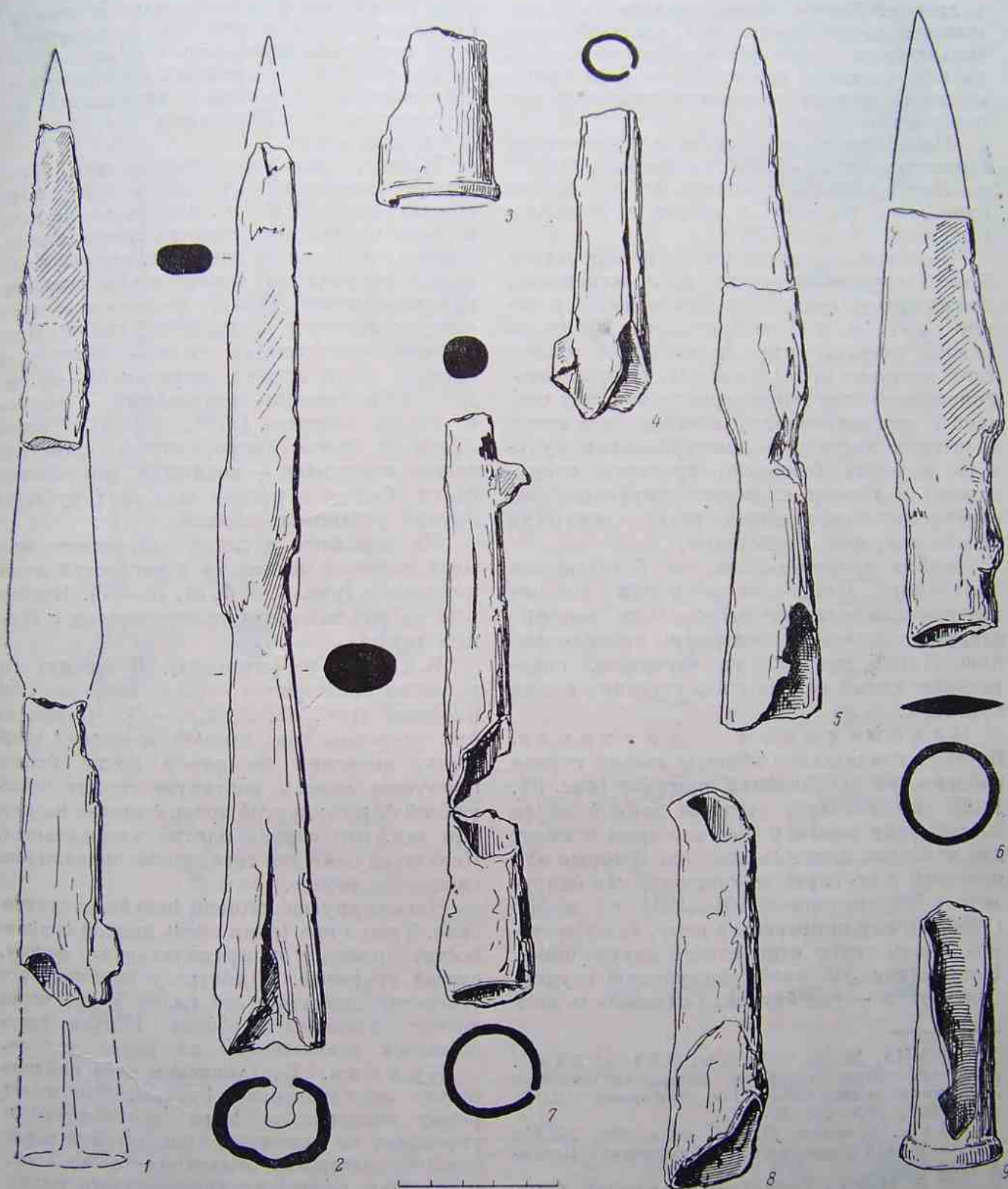

Рис. 30. Наконечники копий славянского периода жизни города.

к древку. Боевая часть, судя по двум дошедшим до нас фрагментам, имеет незначительное расширение при переходе от втулки, по ширине почти одинакова на всем протяжении, массивна, в сечении овальная или ромбическая.

Наконечники первого типа встречаются в памятниках IV—X вв. на Волге и Оке,¹⁰⁰ в Ленинградской области,¹⁰¹ в районе Гдова,¹⁰² в Киеве¹⁰³ и других пунктах европейской части СССР.

Наконечники же с узкой пикообразной боевой частью получают распространение, по-видимому, сначала в Прикамье,¹⁰⁴ а затем к VII в. в Причерноморье. Вряд ли можно считать, что наконечники такого типа местного происхождения. Скорее всего появление таких наконечников на Дону связано с передвижением в южнорусские степи азиатских кочевников, материальная культура которых (особенно предметы вооружения) в период сложения тюркского каганата приобрела единообразные черты на весьма широкой территории.

Весьма примечательно, что беловежская коллекция наконечников копий состоит почти исключительно из образцов, которые следует признать восточными по происхождению. Такие же, как на городище, наконечники копий найдены и в соседних с ним курганах.

Наконечники дротиков. В слоях славянского периода жизни города найдено три наконечника дротиков (рис. 31, 1, 2). Это железные стержни длиной около 20 см. Один конец у них заострен и имеет два довольно длинных жальца, которые или отсечены и отогнуты от стержня, как например у наконечников 101 (1934 г.) и 555 (1950-II), или приварены к нему, как у третьего, очень грубо откованного наконечника. Наконечник 555 имеет неглубокую втулку, два других — без втулок. Сохранность всех

трех экземпляров очень плохая. В отличие от наконечников копий они сконструированы так, чтобы застревать в цели.

Наконечники дротиков, аналогичные беловежским, известны в памятниках северо-востока,¹⁰⁵ в Молдавии,¹⁰⁶ в Киеве¹⁰⁷ и в других местах.

Мечи. На городище найдено всего четыре небольших фрагмента этого рода оружия (рис. 31, 3, 4). Все они относятся к слоям славянского периода жизни города. Один из фрагментов представляет собой обломок от меча со сравнительно широким клинком (около 45 мм), имеющим обоюдоострую заточку у конца (2750, 1950-I). Другой фрагмент длиной 12 см — обломок от средней части клинка шириной 35—40 мм. Клинок в сечении треугольный, с обухом и одним лезвием (2758, 1950-I). Третий фрагмент почти бесформенный, четвертый слегка искривлен — возможно, это обломок сабли. Форму и размер всех этих рубящих орудий установить нельзя.

На городище в слоях славянского времени найдено несколько перекрестий мечей или сабель (рис. 8, 5, 6; 31, 15—17). Некоторые из них напоминают перекрестья с Княжей горы.

Кистени («гирьки»). В нижних горизонтах славянского слоя найдено семь кистеней (рис. 32, 2, 3, 5—8). Четыре из них устроены так: прямой железный стержень, имеющий на одном конце петлю, пропущен сквозь костяную гирьку яйцевидной формы; другой конец стержня расплывчат так, что гирька плотно удерживается. Кольцо служит для того, чтобы привязывать гирьку к ремню.

Четыре других кистеня цельнометаллические. Три из них (один очень плохой сохранности) имеют бипирамидальную форму, слегка граненые. В центре у них сквозное отверстие диаметром не более 7 мм, через которое продевался ремень. Гирька удерживалась завязанными на ремне узлами.

Булава. В славянском слое найдено только одно навершие булавы. Оно имеет форму уплощенного шара (реповидную) и укреплено на рукоятке, пропущенной через сквозное отверстие диаметром около 2 см, с помощью железного гвоздевидного клина

¹⁰⁵ МИА, № 28, 1952, табл. XXVII, 4; XXXI, 9; XXXIII, 3.

¹⁰⁶ Г. Б. Федоров, ук. соч., рис. 46.

¹⁰⁷ И. А. Хойновский, ук. соч., табл. XXI.

¹⁰⁰ МИА, № 28, 1952, табл. XXV, 8; XXVII, 1—3; см. также, например, материалы раскопок Лядинского могильника в Гос. Эрмитаже, ОИПК, колл. 601, №№ 23, 25—27.

¹⁰¹ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 856, № 100 и колл. П-1418 (раскопки Г. П. Гроздилова в Пскове в 1952 г.).

¹⁰² В. Н. Глазов. Гдовские курганы. Обработка А. А. Спицына. МАР, вып. 29, 1903, табл. XXVI.

¹⁰³ И. А. Хойновский, ук. соч., табл. XXI, 92, 94.

¹⁰⁴ В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, 57, 1954, рис. 42, 7.

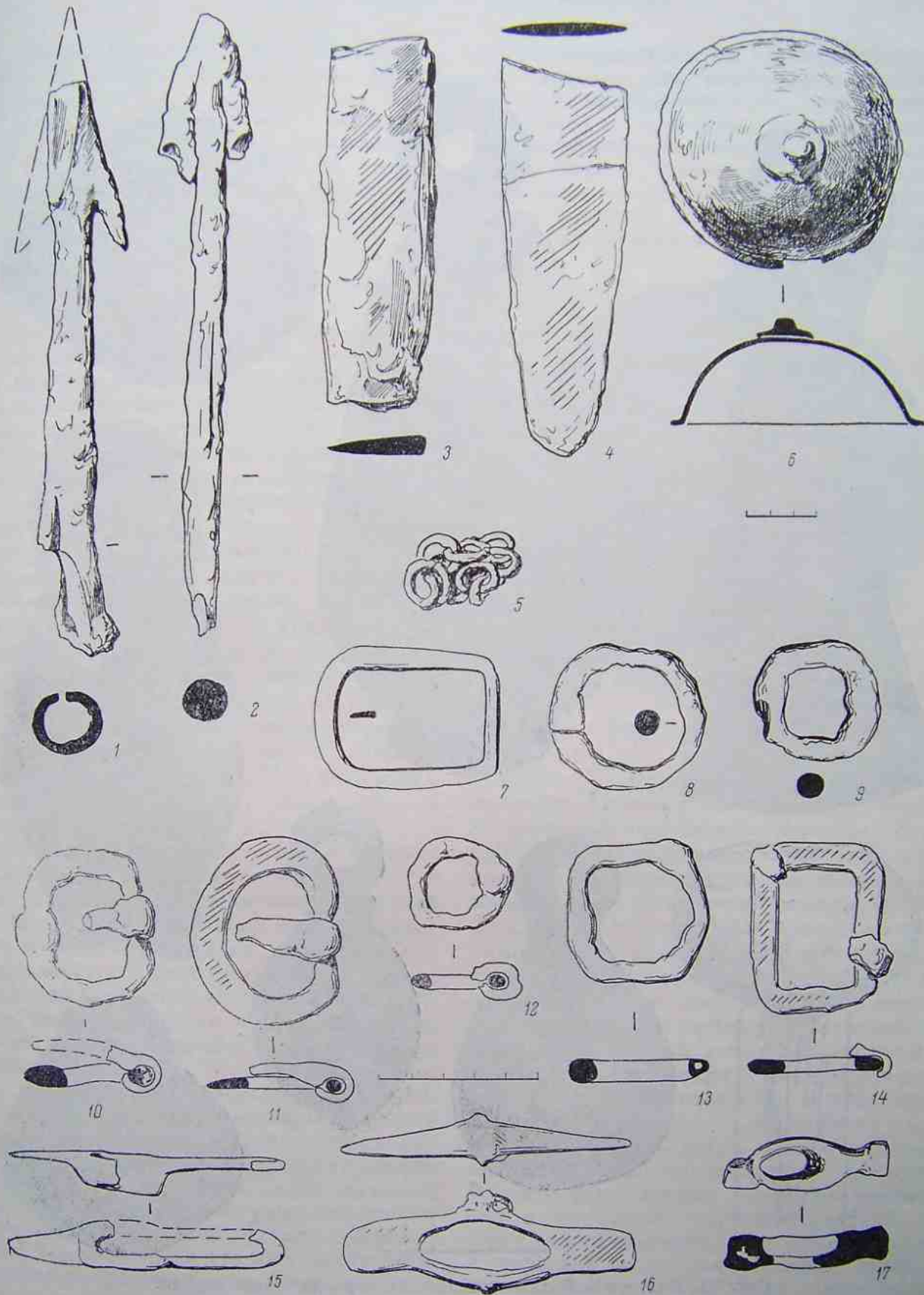

Рис. 31. Наконечники дротиков, обломки мечей, обрывок кольчуги, умбон от щита, пряжки и кольца, перекрестья мечей или сабель (славянский период жизни города).

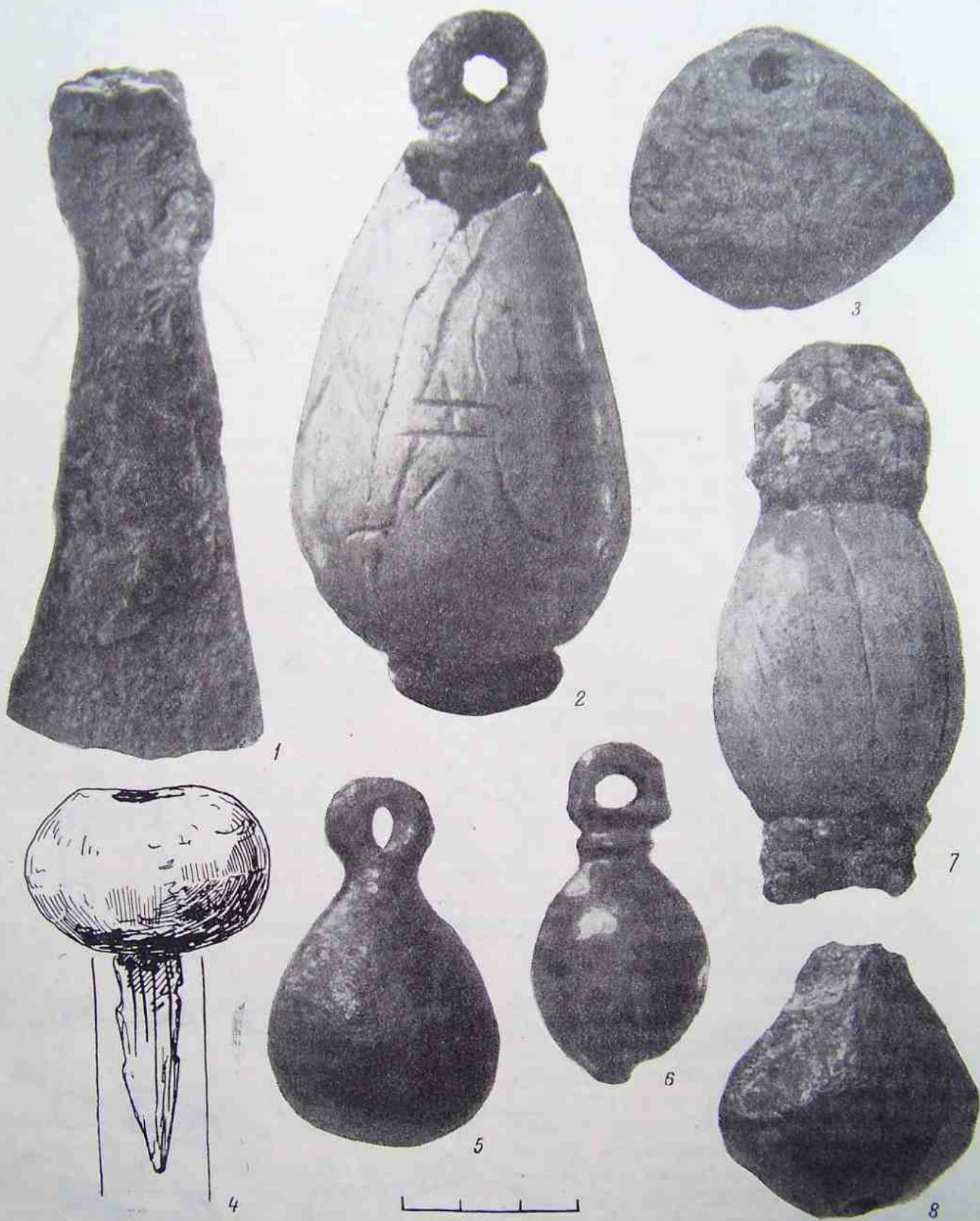

Рис. 32. Кистени и булава славянского периода жизни города.

(рис. 32, 4). Навершие булавы часто встречаются на славянских памятниках домонгольской Руси.¹⁰⁸

Умбон (1951-Ц-2582), найденный в яме на квадрате $\Phi_{17}-U_{18}$, представляет собой полусферу диаметром 12 см с ровно отогнутым краем, имеющую выступ по середине. Изготовлен умбон ковкой, выступ приклепан (рис. 31, 6; 33).

Стремена. В славянских слоях городища найдено около двух десятков стремян, в большинстве случаев очень плохой сохранности. По конструктивным признакам они делятся на три группы.

а) Простые кольчатые стремена. Дужки у них представляют собой овальное кольцо, согнутое из квадратного в сечении стержня; внизу стержень расплющен и образует подножье, слегка изогнутое, с ребром наверху; ушка нет — путлице привязывалось прямо к дужке. Все три образца этого рода стремян отличаются грубостью выделки и нестандартностью. Их форма и размеры различны. У одного стремени соединение овала дужки выполнено аккуратно и сварной шов почти не виден. У другого оно грубо, концы соединены внахлестку, далеко находят один на другой и сварены очень неаккуратно. Два таких стремена (1951-II-1817, 1818; рис. 2, 13, 14) найдены в заполнении полуземлянки № 5, фрагменты третьего — на квадрате $\Phi_{21}-U_{22}$ в средних горизонтах.

б) Восьмерковидные стремена. У стремян этого типа ушко представляет собой простую петлю, образованную перехватом верхней части дужки. Найден только один фрагмент такого стремени (1949-2770; рис. 34, 4) — верхняя часть дужки и ушко.

в) Стремена сложной конструкции (рис. 34, 1, 7, 10) состоят из дужки, подножья и ушка. Все три основных детали стремени вполне выработанной формы. Ушко представляет собой уплощенную пластинку округлой, трапециoidalной или прямоугольной формы с перехватом в нижней части, которая соединяет его с дужкой, и с прямоугольной горизонтальной прорезью для путлица в верхней. Нижняя часть ушка составляет единое целое с дужкой. Дужка образует просвет стремени. Она сделана из стержня, квадратного, ромбического, овального или

уплощенно-овального в сечении. Наибольший диаметр или наибольшая диагональ сечения расположены во всех случаях в плоскости просвета, что обеспечивает жесткость всей конструкции к боковым усилиям. Нижние части каждой ветви дужки расплющены и образуют пластинки в форме равнобедренных треугольников, которые, для придания им конструктивной жесткости,

Рис. 33. Умбон от щита.

усилены тремя ребрами каждый: двумя по боковым сторонам и одним от вершины к середине основания. Эти треугольные планки непосредственно переходят в подножье стремени, представляющее собой прямую или изогнутую планку шириной 3—4 см, усиленную тремя продольными ребрами (два по краям и одно посередине), являющимися продолжением ребер треугольных переходных планок. Различаются три формы подножий: прямые (горизонтальные), выгнутые кверху и выгнутые книзу. В последнем случае переход от подножья к дужке осуществлен без перелома, и треугольные переходные планки представляют собой просто загнутые вверх концы подножья, непосредственно переходящие в дужку. В некоторых случаях подножья имеют изгиб в плоскости, перпендикулярной просвету дужки стремени. У некоторых стремян в середине подножья имеются отверстия (обычно два) для крепления к ним различного рода украшений.

Условия залегания стремян, найденных на городище, не позволяют сделать какие-

¹⁰⁸ Материалы раскопок Райковецкого городища, хранящиеся в Гос. Эрмитаже.

либо категорические заключения ни о хронологической последовательности различных их типов, ни об их происхождении;¹⁰⁹ но даже обобщенная дата всей коллекции беловежских стремян и характер представленных в ней типов дают возможность высказать некоторые соображения по этому поводу.

К местному типу можно отнести только три стремяна, имеющих форму простых железных колец с уплощенным подножием.

Стремена этого типа наиболее близки к простым веревочным или ремненным, которые, вне всякого сомнения, предшествовали металлическим.

Все остальные стремяна, большинство которых сделано безусловно беловежскими мастерами, по общему характеру и по форме всех деталей сходны со стремянами, производившимися на востоке, в Азии, начиная с конца VI в., т. е. более чем за 200 лет до того, как они стали известны в Причерноморских степях и в Центральной Европе. Эти стремяна со сложным профилем подножия, развитой формой ушек и рациональным сечением дужки являются изобретением азиатских народов.

* Действительно, в культурных слоях славянских городищ железные стремяна развитой конструкции не известны ранее X в. На востоке же нет стремян, похожих на простые овальные, найденные в Белой Веже в слоях со славянским материалом. Но наличие в погребениях русских воинов стремян сложной конструкции, т. е. стремян восточного типа, начиная с X в., становится обычным явлением.¹¹⁰

В Средней Азии, Южной Сибири, Центральной Азии и Китае сложные металлические стремяна получили широкое распространение значительно раньше, чем в Центральной и Восточной Европе. Они широко представлены в азиатских памятниках, датируемых концом VI—VII в. н. э.¹¹¹

¹⁰⁹ Стремена, относящиеся на основании стратиграфических данных к хазарскому периоду жизни города, ничем не отличаются от залегающих в славянских слоях.

¹¹⁰ М. К. Каргер, ук. соч., рис. 63, стр. 86 и сл.; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, рис. 9, стр. 35, 52.

¹¹¹ В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1951, рис. 3, 2 на стр. 38; МИА, № 14, 1950, табл. XLVI;

Веревочные или ременные стремяна были, конечно, известны на Руси задолго до появления металлических стремян. На IX—X вв. падает, по-видимому, независимое от восточных влияний изобретение простых кольчатых металлических стремян, образцы которых найдены в Белой Веже.

Удила. В славянском слое найдено 18 удил. Большинство их представляют собой шарнирные удила со сложными псалиями (рис. 34, 2, 3, 6). Две ветви таких удил соединены свободным кольчатым шарниром, а их противоположные концы раскованы и имеют по два круглых отверстия, расположенных во взаимно-перпендикулярных плоскостях. В крайние отверстия свободно продеты кольца, а в отверстия, расположенные ближе к шарниру, — псалии.

Псалии имеют вид прямых, круглых в сечении стержней с округлыми утолщениями на обоих концах. Стержень усилен продольным ребром. К середине стержня приварена прямоугольная рамка с двумя отверстиями: через одно продето кольцо удил, другое оставлено свободным для крепления ремня узды. Такая конструкция обеспечивала гибкое соединение ветвей удил, свободное крепление псалий и самостоятельное крепление узды к удилам. Форма удил этого типа чрезвычайно выработанная и устойчивая, и отдельные экземпляры их отличаются друг от друга только мелкими деталями и незначительной разницей размеров. Все удила эти сделаны с исключительным мастерством, свидетельствующим не только о квалификации кузнецов, их изготовивших, но и о выработанности конструкции, о ее стандартности и широком распространении. Такие удила ничем не отличаются от тех, которые по условиям залегания относятся к хазарскому периоду жизни города (см. стр. 148).

Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, табл. XXXI; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 301, табл. L, 22 и таблица на стр. 353, 5, 6; М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края, табл. VII; С. И. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудерга на Алтае, стр. 37 и сл., рис. 16, 2, 3; J. R. Aspelin. Les antiquités du Nord finnoougrien, рис. 967; MAP, вып. 10, 1893, стр. 50, табл. X, 1, 2; A. Stein, ук. соч., табл. XCV и XCVII; Л. А. Евтюхов. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса. КСИИМК, XXIII, 1948, рис. 14; Сб. «Китай». Институт востоковедения АН СССР, Л., 1940, табл. IV, 2.

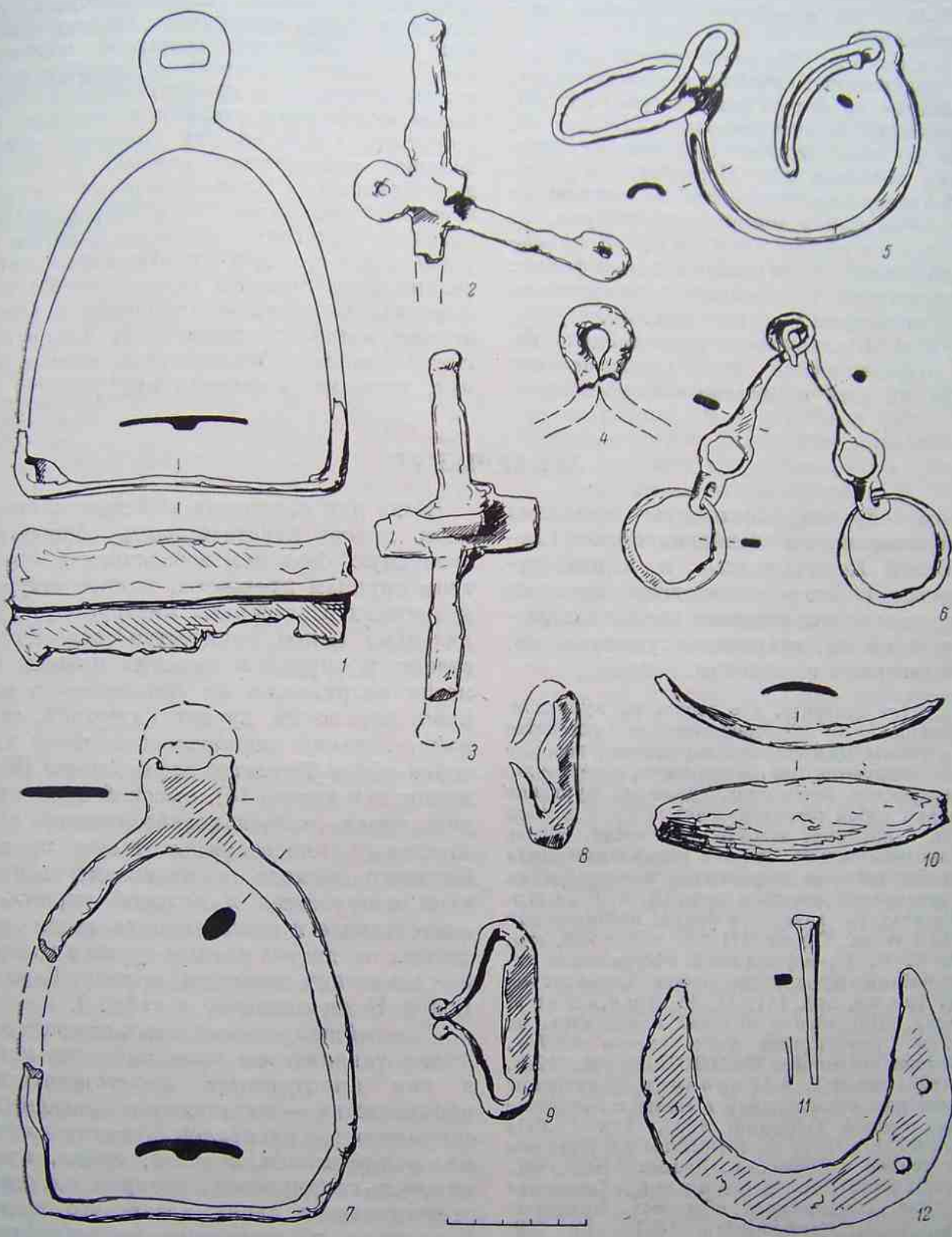

Рис. 34. Предметы конской упряжи и кресала (славянский период жизни города).

Удила, аналогичные беловежским, в VII—XII вв. имели очень широкое распространение.¹¹²

Подковы. Подковы из славянского слоя представляют собой простые пластинки, выкованные по форме копыта (рис. 34, 12), в которых проделаны отверстия для гвоздей, числом до семи. Никаких шипов на беловежских подковах нет. Подковы, аналогичные беловежским, известны по раскопкам других памятников домонгольской Руси.

Подковные гвозди. Беловежские подковные гвозди имеют обычную форму: они квадратные в сечении у утолщенного конца и уплощены у острия (рис. 34, 11).

Пути. В славянском слое найдена хорошо сохранившаяся часть конских пут (рис. 34, 5). Они представляют собой дуго-

образный в сечении стержень, образующий незамкнутое кольцо, концы которого, согнутые в петли, удерживают систему овальных колец. Все вместе составляет половину пут, которая соединялась с другой и заширалась посредством цилиндрического замка. Беловежские пути сделаны с большим мастерством. Стержень, из которого согнуто большое незамкнутое кольцо, в сечении дугообразный. Соединительные кольца в сечении овальные. Такой подбор сечений позволил облегчить вес всего прибора без ущерба для его крепости. Известные райковецкие пути сделаны гораздо грубее беловежских, и на их изготовление потрачено больше металла; стержни, из которых согнуты большие незамкнутые кольца этих пут, тяжелые, в сечении круглые.¹¹³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, комплексы железных изделий хазарского и славянского слоев Саркела—Белой Вежи, взятые в целом, существенно образом отличаются друг от друга не только количеством предметов разных категорий, но, что гораздо существеннее, и в качественном отношении.

¹¹² Следует отметить, что удила из курганов, расположенных в непосредственном соседстве с Левобережным Цимлянским городищем, которые как будто датируются тем же временем, совершенно на городищенские не похожи. Удила из курганов представляют собой слегка изогнутый прут длиной 12—15 см, с концами, загнутыми в петли, сквозь которые продеты кольца. Это так называемые удила без перегиба, которые встречаются в погребениях поздних кочевников довольно часто (В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмеком уезде. Труды XII АС, т. I, 1905, стр. 247—298; Е. П. Трефильев. Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губернии. Там же, стр. 141; О. А. Кривцова-Гракова. Погребения поздних кочевников, из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. Труды Секции археологии РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 291, 292, рис. 3; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903. Труды XIII АС, т. I, 1907, стр. 271; А. С [п и ц ы н]. Курганы киевских торков и берендеев. Записки РАО, IX, 1897, стр. 156—157; А. А. Спицын. Татарские курганы. Изв. Таврического общ. ист., археолог. и этногр., т. I, Симферополь, 1887, стр. 149; Д. Я. Самоковцов. Могилы Русской земли. [СПб.], б. г., стр. 144; Н. Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей Труды X АС, т. I, 1899, стр. 1—13).

Если для напластований хазарского времени можно констатировать общую относительную бедность ассортимента по всем трем группам предметов, полное отсутствие кузнечных и слесарных инструментов, сравнительно малое количество сельскохозяйственных орудий и высокий процент предметов вооружения по сравнению с железными изделиями других категорий, то для напластований славянского времени характерно общее богатство ассортимента (60 наименований вместо 18), высокий процент орудий труда, сельскохозяйственного и промыслового инвентаря, а также предметов бытового обихода по сравнению с предметами вооружения и конской упряжи. Количественное и процентное соотношение железных предметов разных групп в хазарский и славянский периоды жизни Саркела—Белой Вежи показано в табл. 2.

Важнейшей чертой качественного отличия славянского слоя является наличие в нем инструментов железодельного производства — кузнечных и слесарных инструментов: наковален, молотов-кувалд, молотов-ручников, клещей, зубил, пробойников и напильников, которые совершенно отсутствуют в слоях хазарского времени. Кузнечные и слесарные инструменты из славянских слоев Саркела—Белой Вежи повторяют образцы, широко известные по

¹¹³ См. материалы раскопок Райковецкого городища, хранящиеся в Гос. Эрмитаже.

Таблица 2

Группы предметов	Хазарский период		Славянский период		Всего	
	число учтенных	%	число учтенных	%	число учтенных	%
А. Орудия труда:						
1) инвентарь ремесленников:						
а) кузнечный и слесарный . . .	—		41			
б) инструменты для обработки дерева, кожи и др.	22		84			
2) промышленный и сельскохозяйственный инвентарь	13		120			
	35	28	245	30	280	29
Б. Предметы бытового обихода	58	46	450	55	508	54
В. Оружие и предметы конской упряжи	33	26	126	15	159	17
Итого	126	100	821	100	947	100

другим славянским памятникам домонгольской Руси.

Из орудий для обработки дерева, кости, кожи и других материалов в хазарском слое найдены только некоторые топоры, тесла и ножницы. Ассортимент этой категории предметов славянского слоя гораздо богаче. Сюда относятся топоры, похожие на современные, но отличающиеся от «хазарских», такие же, как в хазарском слое, тесла и, кроме того, долота, стамески, ложки, пилы, ножи-резцы, ножницы, перовые сверла.

Промысловый и сельскохозяйственный инвентарь хазарского периода жизни города составляют серпы с черешком или с шипом, косы-горбуши и небольшое количество рыболовных крючков. В славянских же слоях, помимо таких же орудий, встречаются еще плужные ножи и наральники, а также ботала.

Группа предметов быта славянского слоя также существенным образом отличается

от соответствующей группы железных изделий хазарского слоя. Железные предметы бытового обихода хазарского периода жизни города представлены ножами, щипчиками-пинцетами, пряжками и некоторым количеством скоб и других мелких вещей (всего не более 10 наименований). К славянским же слоям относятся предметы бытового обихода более чем 20 наименований.

Предметы вооружения и конской упряжи из хазарского и славянского слоев меньше отличаются друг от друга, чем железные изделия других категорий. Большинство наконечников стрел, копий и дротиков, а также стремена и удила в обоих слоях одинаковы. В хазарском слое найден один трехперый наконечник стрелы, напоминающий сарматские; в славянском слое таких наконечников не встречено. В славянском слое имеются обломки мечей и простые кольчатые стремена, которых нет в хазарском слое.

Существенным качественным отличием славянского слоя Саркела—Белой Вежи от хазарского является также наличие остатков кузниц, железных криц и большого количества шлаков и других отходов железоделательного производства.

Хорошо сохранились остатки кузницы, обозначенной при раскопках как полуземлянка № 2 (рис. 35). Это небольшое помещение неправильной прямоугольной формы (3,5×4,5 м), стены которого сделаны из нетолстых жердей, заплетенных ветвями и обмазанных глиной. Легкая крыша опиралась прямо на стены, без каких-либо столбов-подпорок. Вход в западной стенке. Справа от него в углу помещался запас криц (а), которых найдено здесь около сотни. Кроме того, еще около 80 криц обнаружено в заполнении помещения. Наковальня почти в центре кузницы [сохранился отпечаток ее деревянного основания (б) размером 65×35 см]. Горн из обожженной глины расположен рядом с наковальней (в). Это удлиненное корытообразное углубление (45×20 см), к которому с юго-восточной стороны подведено сопло с отверстием диаметром 2 см. Устье сопла, сильно ошлакованное, было выведено в слегка нависающей стенке на 5 см выше уровня пода горна. Меха (г) укреплены на деревянной основе. Северо-западная часть пола землянки несколько углублена (на 15—20 см). Длина углубления 1 м, ширина 25—40 см; в нем помещалось деревянное корыто (д), обма-

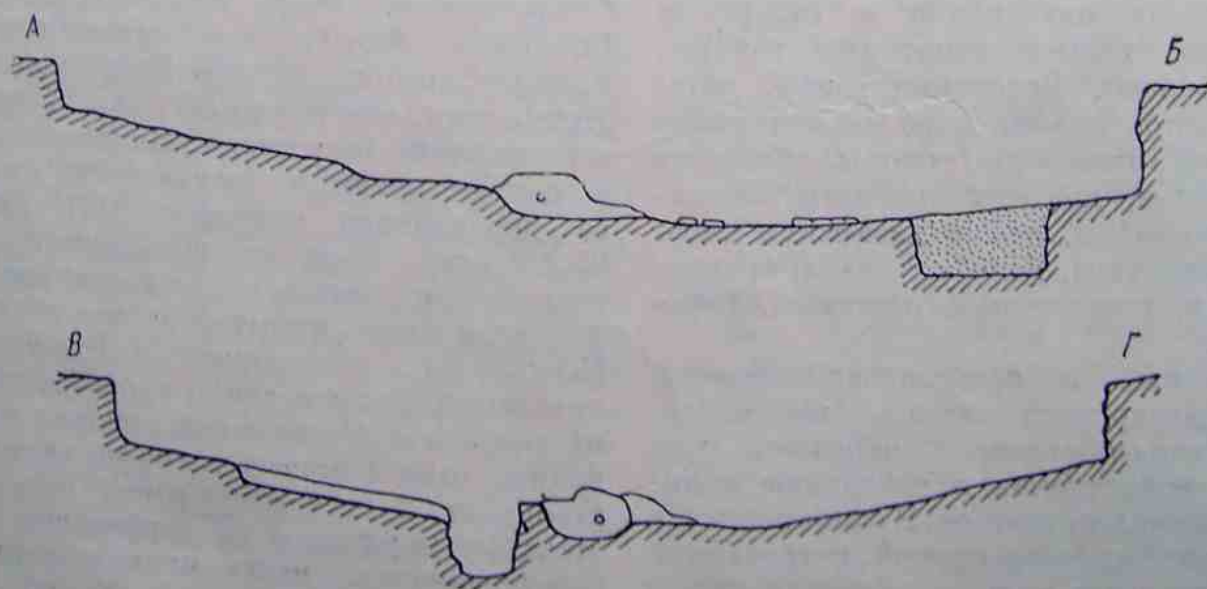
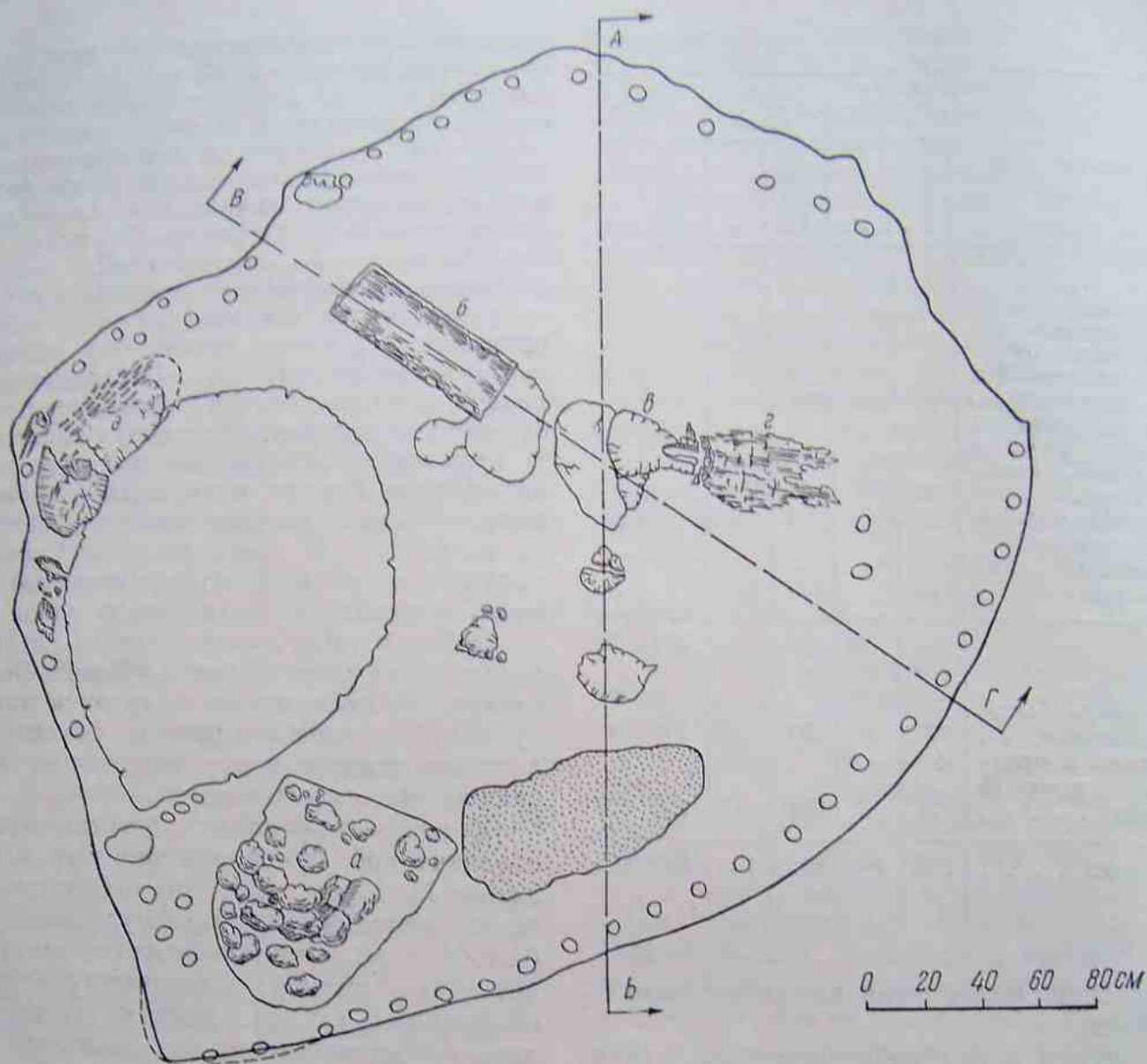

Рис. 35. Белая Вежа. Кузница славянского времени.

занное глиной и обожженное (ширина открыта 28 см, длина 70 см). На полу землянки и в заполнении — большое количество различного рода железных обломков, среди которых встречаются и почти цельные изделия, как-то: псалви, клевец (?), молоток, части стремян, замков и др. Пол помещения покрыт лепестками железной окалины, образующей в некоторых местах прослойки мощностью до 5 см. Кузница функционировала в течение долгого времени, начиная с раннеславянского, т. е. во второй половине X—начале XI в.

Полуземлянку № 5, по-видимому, следует считать либо кузницей, либо металлообрабатывающей мастерской широкого профиля.

Она расположена у середины северо-западной крепостной стены почти рядом с полуземлянкой № 2 (квадрат Φ_7 — X_8). Это легкая постройка прямоугольной, с закругленными углами формы (4.4×3.0 м). Пол ниже уровня земли на 70—90 см. Стены глинобитные, на каркасе из тонких жердей, укрепленных в земле. От них сохранились ямки, расположенные по приступке вдоль трех стен (кроме юго-западной) на расстоянии 25—30 см одна от другой. Юго-западная стена вплотную примыкала к крепостной стене. Следов от столбов, поддерживающих кровлю, не обнаружено. Вход был со стороны северо-восточной стены. Сохранились три ступеньки: нижняя высотой 15—20 см, шириной 20—30 см, средняя высотой 15—18 см, шириной тоже 20—30 см и верхняя высотой 15 см. На этой ступеньке лежали два кирпича, взятые из крепостной стены или другой фундаментальной постройки хазарского времени. Верхняя ступенька округлой формы. В центре постройки размещен очаг или горн. От него сохранилось заполненное золой углубление диаметром 50 см и глубиной 7 см, вокруг которого расположено восемь ямок от столбов (диаметр каждой 5—10 см). В восточном и западном углах находятся ямы-хранилища. Пол глинобитный, покрыт слоем гари. В заполнении этого помещения найдено, как было сказано выше, большое количество изделий из железа: два замка, один ключ, две стамески, шесть скоб, шесть крючков, пять пластинок, три листа с отверстиями, два тесла, нож, топор, какой-то секировидный предмет, бо-

лее шестидесяти криц (две из них раскованные), большое количество обломков железа и шлака. Близ входа на горизонте современной помещению почвы найдена еще группа железных предметов: коса, клещи, скобель и какой-то стержень. Находки мелких и сложных изделий из железа (как, например, замков и ключа), а также многочисленных медных предметов, — говорят о том, что хозяева помещения занимались и кузнечным, и слесарным делом и работали не только по железу, но и по меди.

Судя по керамическому материалу (лощенные сероглиняные кувшины, амфоры, красноглиняные кувшины, горшки с рифлением и др.), полуземлянка № 5 существовала как производственная мастерская в течение долгого времени — с тех лет, когда Белая Вежа еще только начала заселяться славянами, что, возможно, происходило и до прихода Святослава.

На квадрате P_6 — C_7 тоже сохранились остатки кузницы, сильно нарушенные последующими постройками. На глубине 50—60 см от уровня отпечатков нижнего ряда кирпичей крепостной стены обнаружен состоящий из перегорелого угля и шлаков слой мощностью 15 см, в толще которого найдены крицы и обломки железа.

Отходы железодельного производства в виде шлака и обломков железа встречены и в других пунктах городища.

Кроме тех криц, что находились в кузнице № 2, в культурном слое, вне связей с комплексами, их найдено еще более сотни. Они распределялись на городище почти равномерно по всей толще культурного слоя и не встречены только в самых нижних его горизонтах, соответствующих времени основания крепости. Так, в районе квадратов Y_4 — T_5 и P_2 — C_3 несколько криц найдено в заполнениях ям в сопровождении раннеславянского материала (ямы №№ 32а, 32б и 38). На участке квадратов Φ_9 — Y_{10} и Y_{10} — T_9 (полуземлянка № 10) четыре крицы найдены вместе с большим количеством фрагментов славянской керамики, цилиндрических замков и ключом от замка такой же системы. На квадрате T_3 — C_4 крица найдена на глубине 40 см от поверхности. Она относится к позднему периоду жизни города.

Эрмитажное собрание железных изделий из Саркела — Белой Вежи благодаря своему обилию и разнообразию ассортимента как археологический источник представляет весьма значительную ценность.

Предметы, составляющие собрание, в зависимости от условий залегания делятся на ранние, относящиеся к хазарскому периоду жизни города — от половины IX в. по конец X в., и более поздние — изделия X, XI и первых десятилетий XII в. Каждая из групп существенно отличается от другой. Ранняя немногочисленна и бедна по ассортименту. Поздняя многочисленнее ранней и по ассортименту значительно богаче ее. Неодинаков и облик предметов обеих групп.

Для более древних слоев городища, т. е. для ранней группы, состоящей, как было сказано, из предметов 18 различных наименований, характерны предметы вооружения и конской упряжи (наконечники стрел, боевые топоры, удила, стремена и др.), а также орудия труда (серпы, косы, рыболовные крючки, рабочие топоры, тесла и др.). Поздняя группа состоит из предметов более чем 60 различных наименований. Причем на долю предметов вооружения и конской упряжи (наконечники стрел, боевые топоры, стремена, мечи, удила и др.) приходится сравнительно небольшое их количество, главная же масса представлена предметами мирного быта и орудиями труда (пружинные замки, разного рода накладки, гвозди, серпы, косы, рыболовные крючки, долота, тесла, стамески, кузнечные клещи, зубила, напильники и др.).

В различии облика и ассортимента железных изделий ранней и поздней групп отражены этапы жизни города на протяжении всего времени его существования — от основания до почти полного запустения. Наличие в нижних горизонтах культурного слоя (вторая половина IX в.) не только предметов вооружения и боевой конской упряжи, но также орудий труда и сельскохозяйственного производства свидетельствует о том, что уже в первые десятилетия существования города его население, помимо выполнения воинских обязанностей, занималось также земледелием и рыболовством. Ремесло же в Саркеле в этот период развито не было. Во всяком случае следов его не найдено.

К концу X и XI в. картина резко меняется. В отложениях этого времени, помимо предметов вооружения, конской упряжи и ору-

дий сельскохозяйственного производства, появляются (речь идет только об изделиях из железа) орудия ремесленного производства и среди них, что является особенно важным, кузнечные и слесарные инструменты. Белая Вежа к этому времени становится крупным ремесленным центром, в первую очередь центром железоделательного ремесла — одной из ведущих отраслей производства русского феодального города.

Беловежские кузнецы в это время обслуживали самых разнообразных потребителей. Они производили инструменты для плотников — топоры, тесла, скобели, долота, стамески, сверла, для резчиков — сверла, ножи, ложкари, шилья, для сапожников — шилья, ножи, молотки. Часть населения города занималась сельским хозяйством — у нее находили сбыт плужные ножи, лемехи, серпы, косы — и рыбной ловлей — беловежские кузнецы выделывали также рыболовные крючки. Изготавливались предметы бытового обихода — замки, ключи к ним, гвозди, ножи, пряжки, пробой, заклепки, дужки к бадьям и многое другое. Значительную часть ассортимента изделий беловежских кузнецов занимали предметы вооружения и конской упряжи: стремена, удила, наконечники копий и стрел. Эти предметы находили сбыт как среди городского населения, так, по-видимому, и среди населения подонских степей. Неизвестно, были ли среди ремесленников Белой Вежи мастера, умевшие изготавливать мечи такого же высокого качества, какое отличает знаменитые русские мечи, которые могли бы находить сбыт у богатых дружинников, так как при раскопках городища найдено только несколько мелких обломков мечей и они еще не изучены.

Наличие большого количества сырья, полуфабрикатов и мастерских для их переработки, связанных со слоями конца X—XI в., указывает на то, что в это время в городе жило и постоянно работало весьма значительное количество мастеров железоделательного производства — высококвалифицированных кузнецов и слесарей. Прямых данных для суждения о том, выплавлялось ли железо из руды где-либо поблизости от Белой Вежи, или производилось издалека, пока нет. Поэтому нельзя судить — входила ли выплавка металла в комплекс производственных процессов, органически связанных с Белой Вежей. Но то обстоятельство, что все крицы, найденные на городище, кроме трех, —

непрокованные, т. е. не подвергались никакой обработке до того, как попасть в беловежские кузницы, дает основание предположить, что железо выплавлялось если не непосредственно у стен города, то во всяком случае где-то поблизости и специально для беловежских кузнецов. Находка на городище кусков железной руды (например, на квадратах P_6-O_7 и M_3-N_4) как будто подтверждает это предположение.

Вместе с подъемом ремесленного производства расширяются, естественно, торговые и культурные связи Белой Вежи, что находит свое отражение хотя бы в появлении среди железных изделий таких предметов, которые ранее не встречались, например, замков киевских типов, сошников, позднее получающих распространение на Волге, большого количества стремян и наконечников стрел, характерных не только для славянских памятников, но и для степных, и др.

Так, на материале, относящемся только к железоделательному производству, прослеживается процесс превращения Саркела — крепости, охранявшей рубежи Хазарии, в Белую Вежу, в русский город, в центр ремесла и торговли Киевской Руси со степью и Востоком.¹¹⁴

Уровень развития кузнечного дела в Белой Веже был несколько не ниже, чем в других ремесленных центрах домонгольской Руси.

¹¹⁴ Превращение это, понятно, произошло не сразу. Видимо (судя, например, по керамическим данным; см. стр. 271 настоящего издания), уже в начале X в. в Саркеле начали обосновываться купцы и ремесленники, главным образом славянские. Господство хазар не могло не стеснять их деятельности. Успешный поход Святослава, вызванный экономическими стремлениями Руси, на продолжительное время освободил русских купцов от хазарских стеснений, облегчил и ускорил славянизацию Белой Вежи.

Оборудование беловежской кузницы такое же, как любой из кузниц крупного русского ремесленного центра. Горн, меха, наковальня, молоты-кувалды, молоты-ручники, зубила, пробойники, клещи, напильники — вот неполный список инструментов и приспособлений, которыми владел кузнец из Белой Вежи. Следует еще напомнить, что в одной из беловежских кузниц были найдены остатки корыта, покрытого изнутри обожженной глиной, которое служило не только для охлаждения откованных железных изделий, но и для их закалки. Секрет закалки был хорошо известен беловежским мастерам, об этом прямо свидетельствует наличие упругих стальных пружин в замках, сделанных в Белой Веже, а также стальных напильников, употреблявшихся для опиловки деталей железных изделий. Разнообразие форм молотков и напильников также является свидетельством высокого развития слесарного дела.

Как далеко и в каком количестве и ассортименте шли на внешний рынок изделия беловежских кузнецов и какую роль играла Белая Вежа в развитии русского железоделательного мастерства, в настоящее время еще неясно, но материал для решения этих вопросов безусловно имеется.

Таким образом, совершенно очевидно, что саркелско-беловежская коллекция железных изделий, и именно эта коллекция, вместе со всеми другими материалами раскопок Левобережного Цимлянского городища хранит в себе богатейший материал не только по истории материальной культуры домонгольской Руси, истории железоделательного мастерства или истории самого города, но также приобретает чрезвычайно важное значение как источник для изучения истории становления русских производственных ремесленных центров в эпоху феодализма.

Т. Н. Сильченко и С. С. Сорокин

РЕНТГЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

Заведующий рентгеновским кабинетом Государственного Эрмитажа Т. Н. Силь-

Рис. 1. Корпус железного замка с рельефными украшениями, обнаруженными рентгенографией под слоем ржавчины.

ванию железных изделий из Саркела—Белой Вежи. Работы эти в связи с кончиной Тихона Николаевича завершены не были. Однако результат их даже в незавершенном виде представляет некоторый интерес и безусловно заслуживает опубликования.

Древние изделия из железа в большинстве случаев доходят до нас в сильно коррозированном состоянии, причем коррозия часто бывает настолько значительной, что полностью искажает первоначальный вид всего или части предмета. Поэтому главная задача рентгеноскопического исследования заключается в том, чтобы: 1) помочь определить, чем был в свое время дошедший до нас заржавленный, типичного коричневого цвета кусок железа или часть чего он собой представляет; 2) установить, сохранились ли в этом куске участки целого, не перешедшего в окислы металла, и, следовательно, можно ли и если да, то каким способом надо реставрировать (расчищать), не рискуя окончательно погубить его; 3) обнаружить, нет ли других, кроме железа, металлов (меди, серебра, золота), нанесенных на железную основу в виде украшений или для соединения отдельных частей (например, пайки медью и пр.).

Ответы на эти вопросы в значительной мере определяют отношение к данному предмету — представляет ли он ту или иную ценность для дальнейшего изучения и надо ли подвергать его еще другим и каким именно исследованиям. Наконец, рентгеновские снимки контролируют качество реставрации.

Рентгенографическим исследованиям было подвергнуто несколько пружинных висячих замков, перекрестье меча, ножи, шилья и некоторые другие предметы.

Сильченко в течение 1955—1956 гг. проводил работы по рентгенографическому исследо-

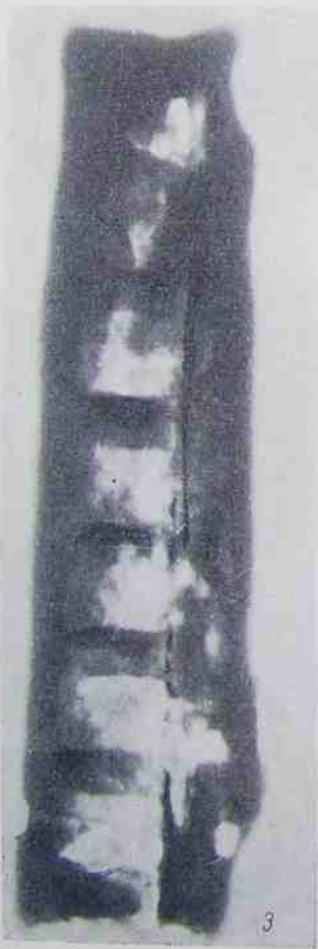
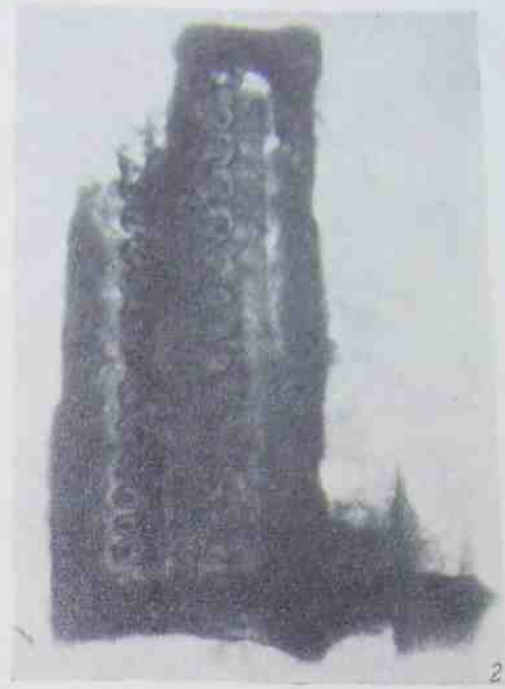
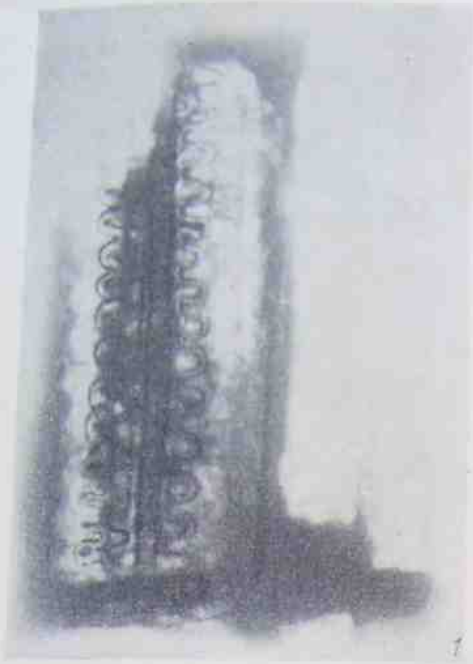

Рис. 2. Рентгеновские снимки висячих пружинних замков.

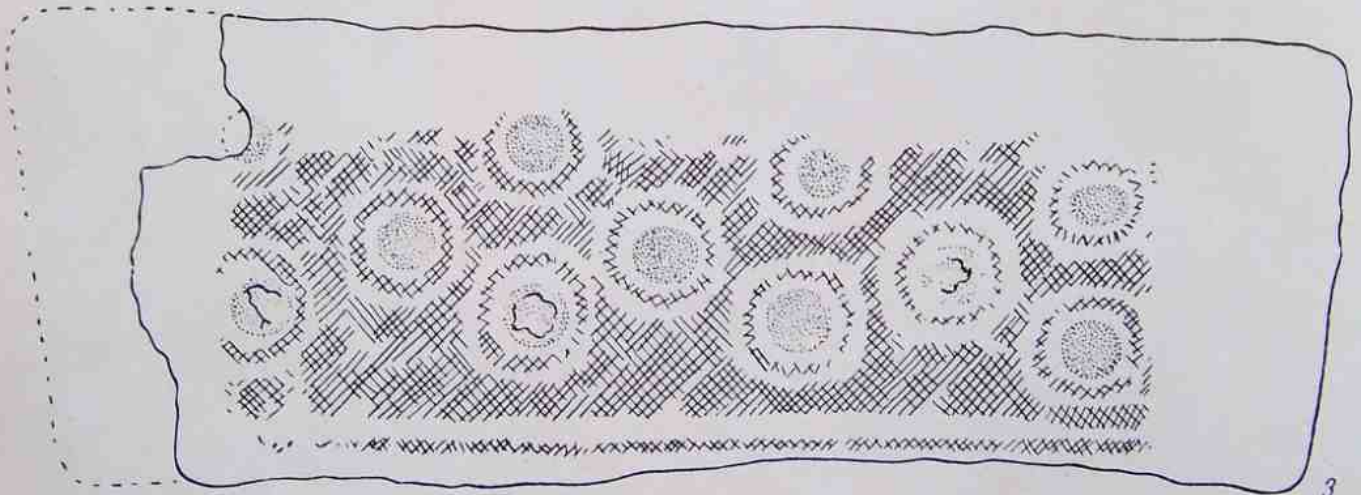

Рис. 3. Перекрестье меча (увел.).

1 — внешний облик; 2 — рентгеновский снимок; 3 — реконструктивный рисунок орнамента, обнаруженного рентгенографированием.

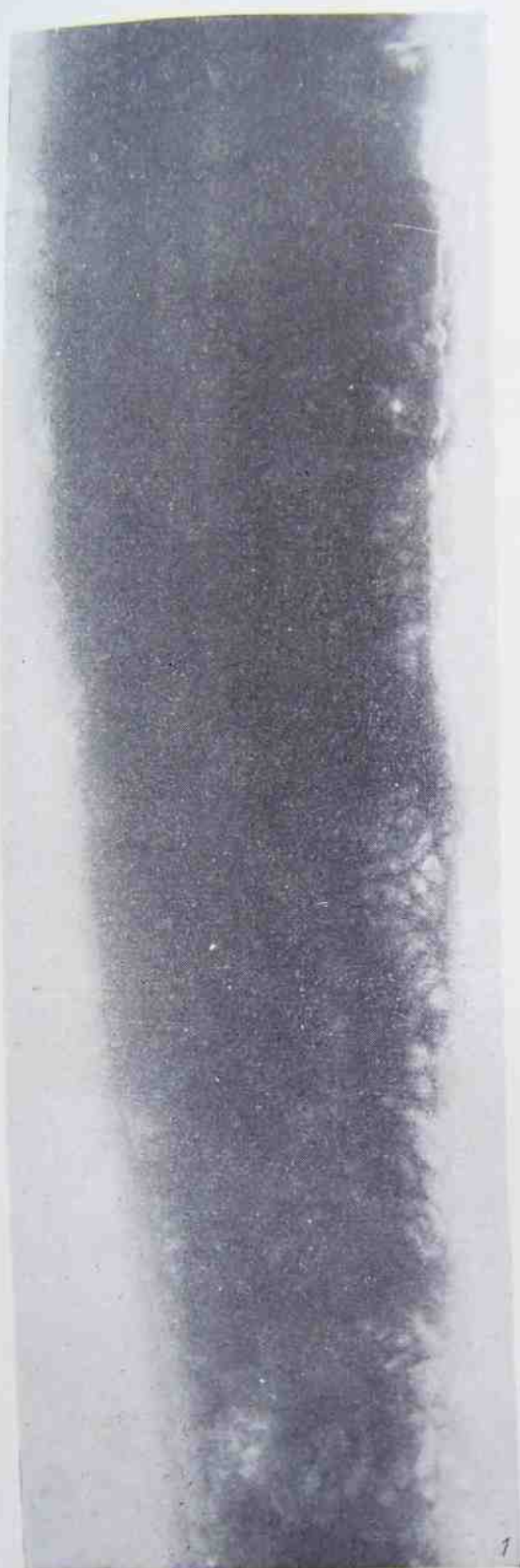

Рис. 4. Рентгеновские снимки железных пожей (1—3) и железного, с костяной рукояткой шила (4).

З а м к и. Все исследованные образцы были сильно корродированы. Наросты окислов искажали форму изделия, скрывали ее детали, закрывали орнаментацию.

Вся поверхность замка 1526 из раскопок 1949 г. была покрыта толстым слоем окислов железа и проступавшими сквозь них окислами меди. При очистке под слоем ржавчины открывалась гладкая поверхность цилиндра. Рентгенография показала, что корпус замка украшен припаянной медью железной проволокой, образующей змейки (рис. 2, 1, 2). Эти данные позволили сохранить украшение при очистке замка (рис. 1). Прямоугольные отверстия на планке, соединяющей корпус замка с малым цилиндром, обнаружены только благодаря рентгенограмме (рис. 2, 2). На рентгенограмме замка 1548 из раскопок 1951 г. прекрасно видна орнаментация корпуса замка, выполненная медными лентами, а также пропаянный медью шов (рис. 1, 3).

На рентгенограммах хорошо видны детали внутреннего устройства замков — стержни с пружинами, размещенные в цилиндре (рис. 2, 5), толщина стенок цилиндра (рис. 2, 4) и рабочие отверстия в верхней крышке замка (рис. 2, 6).

П е р е к р е с т ь е м е ч а. Фотогра-

фия дает ясное представление о том, что изделие дошло до нас в виде куска железа, покрытого аморфным слоем ржавчины (рис. 3, 1). Рентгеновский снимок обнаружил скрытый в толще ржавчины очень тонкий орнамент (рис. 3, 2). Осторожная, проведенная с ориентировкой на рентгеновский снимок расчистка маленького участка подтвердила наличие серебряных насечек, заполняющих свободные поля между кружками. По ряду рентгеновских снимков, сделанных в различных условиях съемки, художник Е. С. Матвеев реконструировал орнамент (рис. 3, 3). Снимки дают основание предполагать, что часть орнамента выполнена в технике насечек с серебром, часть же — кружки — путем наложения тонкой золотой фольги. Деформирующий процесс корродирования железного основания вызвал разрывы некоторых кружков.

Н о ж и. На рентгеновских снимках хорошо видна форма лезвия и черенка, остатки ножен и, что особенно заслуживает внимания, орнамент, которым ножны были украшены (рис. 4, 1—3), совершенно не видимый в обыкновенных условиях.

Ш и л ь я. Хорошо видна форма, изломы и положение черенка в рукоятке (рис. 4, 4).

Ю. П. Бирюков

ОПЫТ МЕТАЛЛОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАГМЕНТОВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Настоящая работа выполнена Кафедрой технологии металлов Ленинградского института инженеров водного транспорта по инициативе директора Государственного Эрмитажа М. И. Артамонова, предоставившего для изучения ряд фрагментов металлических изделий, руд и шлаков, обнаруженных при раскопках городища Саркел—Белая Вежа.

Целью исследования было определение элементарного состава сплавов, из которых изготовлены изделия, установление технических приемов их изготовления и, в тех случаях, когда это окажется возможным, установление месторождений руд, из которых получены металлы, послужившие материалом для изделий.

№ п. п.	Элемент	Чувствительность	№ п. п.	Элемент	Чувствительность
1	Алюминий	0.003	15	Мышьяк	0.1
2	Бериллий	0.001	16	Никель	0.001
3	Бор . . .	0.001	17	Олово . . .	0.0001
4	Ванадий .	0.001	18	Платина .	0.001
5	Висмут . .	0.001	19	Титан . . .	0.05
6	Вольфрам	0.01	20	Серебро . .	0.0003
7	Железо . .	0.01	21	Сурьма . .	0.009
8	Золото . .	0.002	22	Свинец . . .	0.001
9	Кадмий . .	0.1	23	Фосфор . .	0.3
10	Кобальт . .	0.001	24	Хром . . .	0.001
11	Кремний . .	0.001	25	Цинк . . .	0.1
12	Магний . .	0.0003	26	Кальций . .	0.1
13	Марганец	0.001	27	Калий . . .	0.1
14	Медь . . .	0.0003	28	Молибден .	0.0003

Ввиду невозможности произвести полный химический анализ большинства доставленных образцов, как из-за недостаточности материала для анализа у некоторых из них, так и по другим причинам, определение элементарного состава произведено полуколичественным методом спектрального анализа при помощи спектрографа ИСП-2.

Элементы, на которые производился полуколичественный спектральный анализ, и данные относительно чувствительности анализа указаны в приведенной выше таблице.

Часть образцов руд, металлов и шлаков была подвергнута полному химическому анализу. Кроме спектрального и химического анализов, ряд изделий подвергся металлографическому исследованию.¹

1. Трубка медная, паяная (1951-Ц-3025). Найдена в нижнем слое, на уровне материка, относится, вероятно, к концу X—началу XI в.

Полуколичественный спектральный анализ показал следующий состав:

Медь десятки процентов
Свинец больше 1, но меньше 5%
Серебро десятые доли процента
Золото следы

По элементарному составу материал, из которого сделана трубка, может быть причислен к красной меди, природно легированной свинцом. Такая медь могла

¹ В работе принимали участие М. Федоров и И. Сахно (спектральный анализ) и Г. А. Чистосердова (металлографическое исследование).

быть получена из руд типа «Болеит» $[2PbCuCl_2(OH_2) \frac{1}{3} AgCl]$, встречающихся в предгорьях Кавказа.

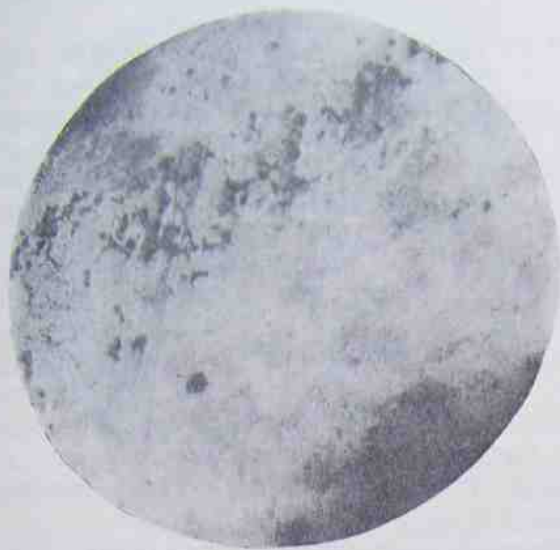

Рис. 1. Микрофотография шлифа медной трубки 3025.

Увел. 86, не травлен.

Трубка получена из литой красной меди, расплющенной путем проколачивания до тол-

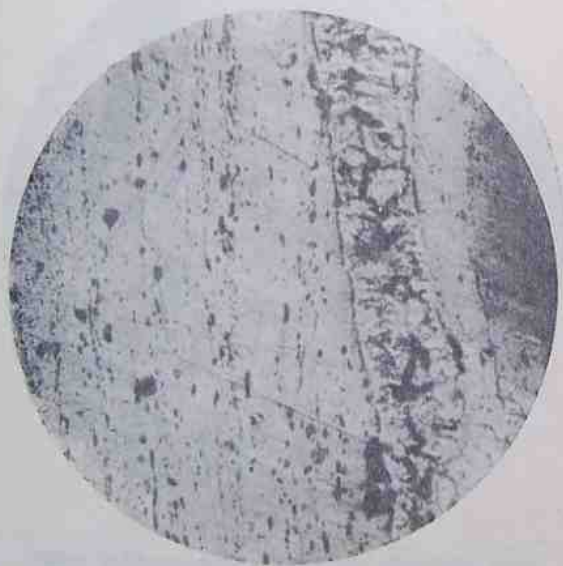

Рис. 2. Микрофотография шлифа медной трубки 3025.

Увел. 86, травлен раствором хлорного железа в соляной кислоте.

щины около 0.8 мм, затем свернутой в трубку и пропаянной медью же. Обращает внимание высокая техника шва. Он сделан шпо-

образным, в стык. Таким образом, его технология ничем не отличается от современной.

Исследование микроструктуры кольца в области шва показало следующее: на нетравленном шлифе довольно большое количество окисных включений. Встречаются поры, особенно в области шва (рис. 1). На шлифах, протравленных раствором хлорного железа в HCl, ясно видно, что как включения, так и зерна меди деформированы в направлении обжатия при проковке (рис. 2, 3).

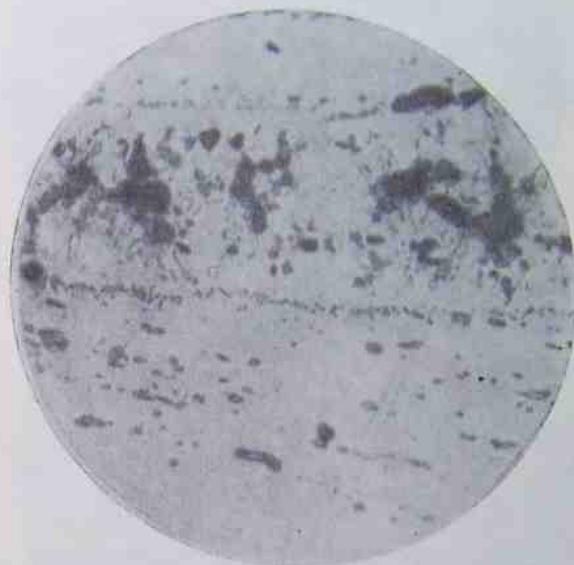

Рис. 3. Микрофотография шлифа медной трубки 3025.

Увел. 201.

2. Фрагменты в виде небольших осколочков маленькой пряжки (1951-Ц-1928). Найдены в нижнем слое, на высоте 0.0—0.10 м, относятся к IX—началу X в. Осколки чрезвычайно окислены. Спектральный анализ показал некоторое количественное различие содержания элементов на поверхности пряжки и в изломе. Данные анализа таковы:

Поверхность

Медь	десятки процента
Золото	следы
Олово	около 10%
Серебро	около 5%

Сердцевина

Медь	десятки процента
Золото	следы
Олово	около 10%
Серебро	около 0.3%

Наличие довольно большого количества серебра на поверхности пряжки позволяет сделать предположение о том, что она имела

чеканку серебром, сама же пряжка изготовлена из оловянистой бронзы.

3. Кусочек прутка (1951-Ц-159). Найден на высоте 1.65 м и относится к XI в., скорее к его второй половине.

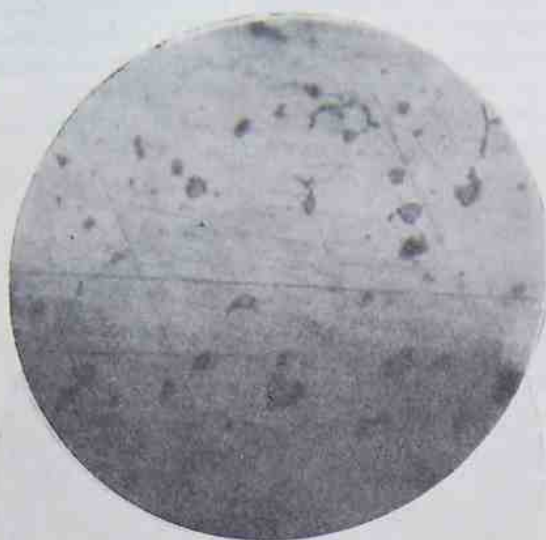

Рис. 4. Микрофотография шлифа боковой поверхности фрагмента металлического сосуда 456.

Увел. 200, не травлен.

Полуколичественный спектральный анализ показал следующий состав:

Медь	основа
Золото	следы
Серебро	около 1%
Олово	около 1%

Материал прутка следует скорее всего отнести к сплаву типа малооловянистой бронзы. Пруток литой, но после отливки подвергнут с поверхности чеканке. Есть предположение, что на поверхности была чеканка украшений, но в результате большого окисления следов чеканки почти не сохранилось.

4. Фрагмент металлического сосуда (1951-Ц-456). Найден на высоте 1.62 м, относится к XI в.

Полуколичественный спектральный анализ металла показал следующий состав:

Медь	основа, десятки процентов
Свинец	около 1%
Серебро	больше 1%
Золото	следы

Таким образом, материал сосуда — красная медь, природно легированная свинцом, серебром и золотом. Она могла быть полу-

чена из руд типа «Болеит» [$2\text{PbCuCl}_2(\text{OH})_2 \cdot \frac{1}{3}\text{AgCl}$], встречающихся в северных предгорьях Кавказа. Металл очень схож с использованным для приготовления медной трубки 1951-Ц-3025.

Металлографическое исследование изделия до травления было проведено как в поперечном сечении, так и в сечении параллельно поверхности. В обоих случаях заметно большое количество включений закиси меди ярко-голубого цвета, причем в поперечном сечении включения вытянуты в направлении, параллельном поверхности. Встречаются включения свинца в виде темных точек (рис. 4, 5). Шлиф боковой поверхности, травленный реактивом Гейсе в аммиаке (рис. 6). Зерна чистой меди с двойниковыми линиями. Это подтверждает предположение, что материалом является красная медь, подвергнутая расплющиванию (проковке) в листовую.

Весьма интересна технология изготовления сосуда, фрагмент которого подвергался исследованию. Судя по кривизне исследованного куска, сосуд был довольно большим — диаметром около 30 см. Изготовлен он по меньшей мере из двух, а возможно, и из

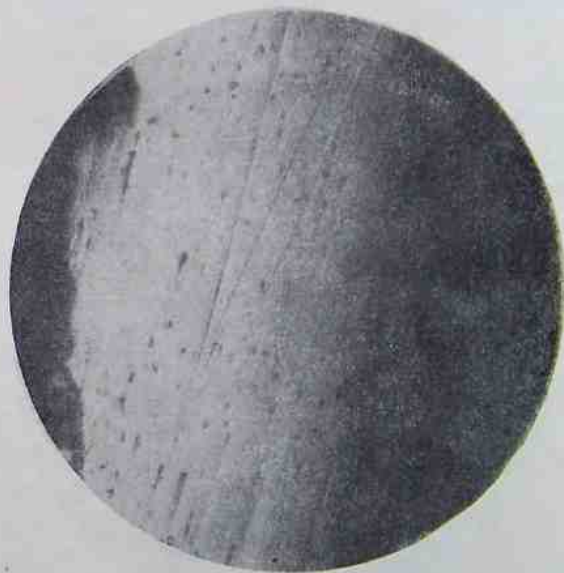

Рис. 5. Микрофотография шлифа поперечной плоскости фрагмента сосуда 456.

Увел. 200, не травлен.

четырёх вложенных одна в другую чаш, предварительно выдавленных из медных листов толщиной около 0.3 мм каждый. В целях соединения листов друг с другом, для придания большей жесткости стенкам сосуда

во многих местах листы склепаны медными же заклепками. По всей окружности сосуда

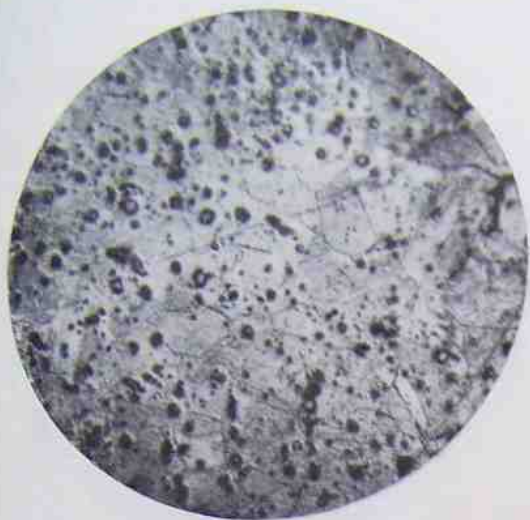

Рис. 6. Микрофотография шлифа боковой поверхности сосуда 456.

Увел. 86, реактив Гейне в аммиаке.

верхняя часть листов соединена в фальц. Следов полуды сосуда ни внутри, ни снаружи обнаружить не удалось.

Рис. 7. Микрофотография кусочка медного сплава 575.

Увел. 86, не травлен.

5. Кусочек окисленного медного сосуда (1951-Ц-1516). Найден на высоте 1.78 м, относится к XI в.

Спектральный анализ и металлографическое исследование показали, что материал

кусочка во всем тождествен материалу трубки, т. е. это красная медь. На внутренней поверхности олово (полуда?).

6. Бесформенный кусочек медного сплава (1951-Ц-575). Найден на высоте 1.20 м, относится к XI в.

Полуколичественный спектральный анализ показал следующий состав:

Медь	основа
Золото	следы
Серебро	около 1%
Олово	около 1%
Свинец	около 1—2%

Металлографическое исследование выявило: сплав литой, имеет пористость, на

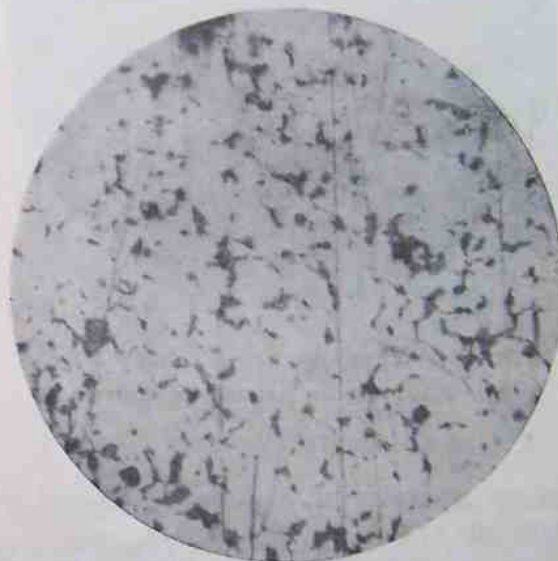

Рис. 8. Микрофотография кусочка медного сплава 575.

Увел. 86, травлен раствором медного купороса в аммиаке.

нетравленном шлифе заметны окислы меди и включения свинца в виде мелких черных точек (рис. 7); на шлифах, травленных раствором медного купороса в аммиаке, видно наличие эвтектики зеленовато-голубоватого цвета, образованной Cu_2O и Cu . Включения свинца отчетливо прослеживаются (рис. 8, 9). Сказанное выше позволяет считать материалом кусочка природно легированную свинцом красную медь.

7. Фрагмент медного сосуда (1951-Ц-1229). Найден на высоте 0.56 м, относится к X в., может быть к его первой половине.

Полуколичественный спектральный анализ основного металла показал следующее:

Медь основа
Свинец около 1%
Серебро десятые доли процента

На поверхностном слое обнаружено олово; это позволяет считать, что сосуд приготовлен из красной меди с при-

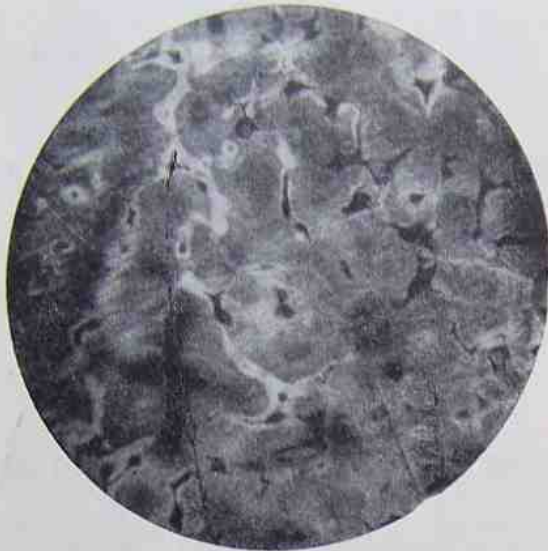

Рис. 9. Микрофотография сплава 575.
Увел. 201, травлен раствором медного купороса в аммиаке.

родными примесями свинца и, кроме того, покрыт полудой.

Металлографическое исследование торца (рис. 10) и боковой поверхности (рис. 11) изучаемого фрагмента до травления позволило увидеть значительное количество голубоватых оксидных включений, а также небольшое количество включений свинца.

После травления раствором медного купороса в аммиаке (рис. 12) выявилась структура, типичная для литой красной меди.

8. Бесформенный кусочек медного сплава (1951-Ц-585). Найден на высоте 1.30 м, относится к XI в.

Спектральный анализ показал следующее:

Медь основа
Олово около 10%
Серебро больше 1%
Свинец около 1%
Золото следы

Судя по анализу и результатам микроис-

следования, кусочек изготовлен из оловянистой бронзы.

Рис. 10. Микрофотография торца фрагмента медного сосуда 1229.
Увел. 86, не травлен.

9. Обломочек медного сплава (1951-Ц-2285). Найден на высоте 0.68 м, относится к X в.

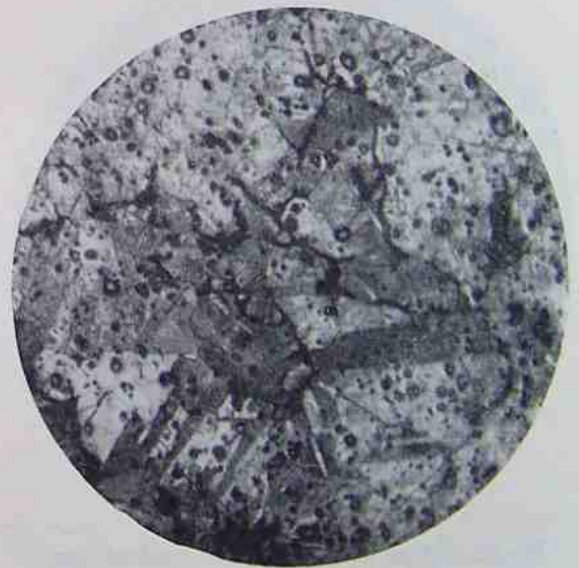

Рис. 11. Микрофотография боковой поверхности сосуда 1229.
Увел. 86, травлен раствором медного купороса в аммиаке.

Спектральный анализ и микроисследование показали тот же состав, что у кусочка 1951-Ц-585, и наличие аналогичной струк-

туры (рис. 13). Сплав — литая оловянистая бронза.

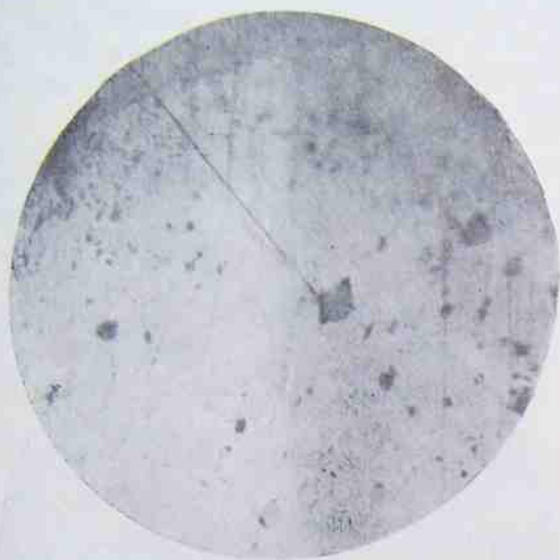

Рис. 12. Микрофотография боковой поверхности сосуда 1229.
Увел. 200, не травлен.

10. Фрагмент от ручки сосуда (?) (1951-II-1535). Найден на высоте 1.12 м, относится, вероятно, к XI в.

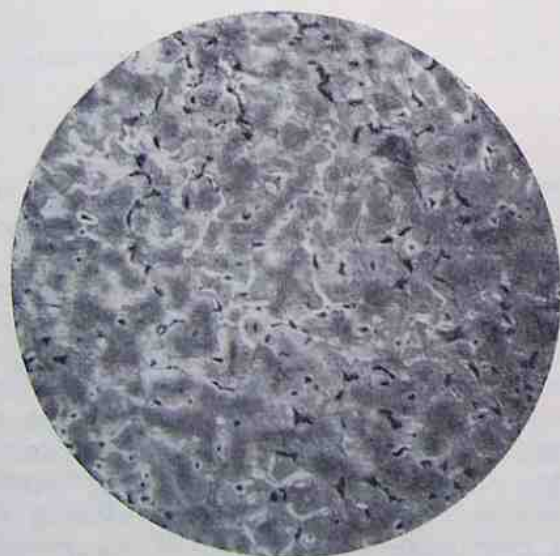

Рис. 13. Микрофотография кусочка медного сплава 2285.
Увел. 86, травлен раствором медного купороса в аммиаке.

Фрагмент покрыт довольно толстым, достигающим до нескольких мм, слоем плотной окиси зеленого цвета.

Полуколичественный спектральный анализ показал весьма сложный состав сплава:

Медь	основа, десятки процентов
Олово	около 10%
Свинец	около 1%
Серебро	десятые доли процента
Золото	следы
Кобальт	около 0.01%
Мышьяк	около 1%

Поперечный разрез после шлифовки дал следующую, различимую невооруженным глазом картину: под слоем окисла зеленого

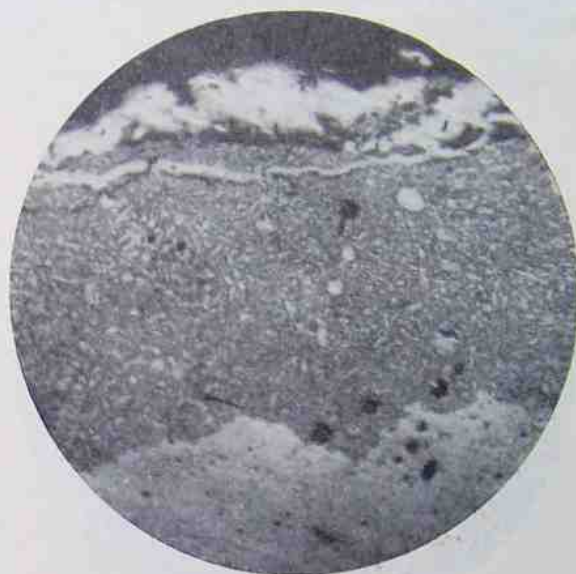

Рис. 14. Микроструктура сплава 1535.
Увел. 86, не травлен.

цвета находится непрерывный слой толщиной от 1 до 2 мм, цвета желтой меди. После этого слоя вся сердцевина шлифа дает почти белый излом, серебристо-серого цвета.

Нетравленный шлиф разреза дает ярко выраженное слойное изображение (рис. 14). Наружный слой принадлежит, по-видимому, продуктам окисления основного металла (рис. 15). Материал фрагмента типа оловянистой бронзы. Однако наличие кобальта и мышьяка, попавших из медной руды (в кавказских рудах эти примеси встречаются), сильно искажает структуру сплава и очень резко увеличивает сопротивление травлению при изготовлении микрошлифа.

11. Три обломка тигельков с остатками сплавов (1951-Ц-2016). Найдены на высоте 0.70 м, относятся к началу XI в. (?). Исследованию подвергались как стенки тигля с наружной стороны, так и остатки содержимого на дне тигельков.

Полуколичественный спектральный анализ всех трех тиглей показал следующее:

Алюминий	больше 10%
Ванадий	около 1.01%
Железо	около 0.8%
Кремний	больше 10%
Магний	около 1%
Медь	около 0.1%
Олово	около 0.1%
Серебро	следы
Титан	около 0.1%

На стенке одного из тиглей, кроме того, обнаружены следы сурьмы и у двух тиглей — кальций в количестве 1—2%.

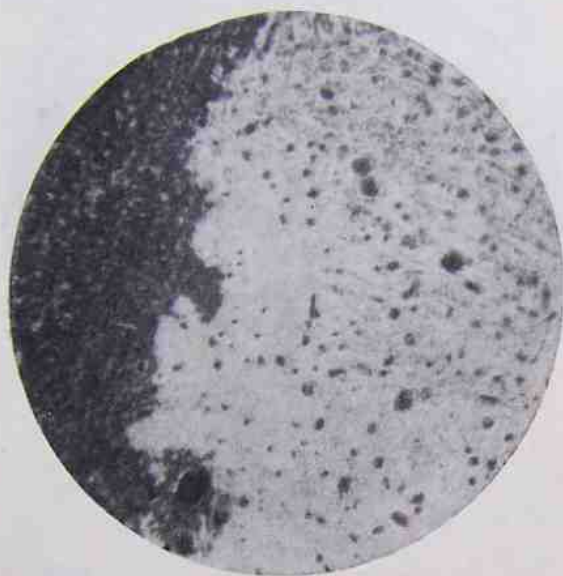

Рис. 15. Микроструктура сплава 1535 (поперечное сечение).
Увел. 200, не травлен.

Анализ остатков содержимого тиглей во всех случаях показал, что переплавлялась оловянистая бронза, с содержанием олова несколько больше 10%.

12. Плоский овальный диск сильно окисленного железа — «прокованная крица» (1951-II-1825). Найдена на отметке 0.40 м, вблизи кузницы, относится к концу X — началу XI в. Размеры куска 17×13 см, толщина (с окалиной) до 1.3 см.

Спектральный анализ показал следующий состав:

Железо	основа
Фосфор	около 0.1%
Мышьяк	около 0.01%
Марганец	следы
Кремний	меньше 1%

Сварочное железо, вероятнее всего, из керченской руды.

Форма крицы совпадает с описанной Б. А. Колчиным.² Металлографическое исследование нетравленного шлифа (рис. 16) показало, что образец представляет собой сварочное железо с очень малым количеством шлака.

13. Чрезвычайно окисленные кусочки какого-то железного изделия тина ножа или серпа (?) (1951-II-1406/3). Найдены на высоте 0.10 м, относятся к X в. (IX?).

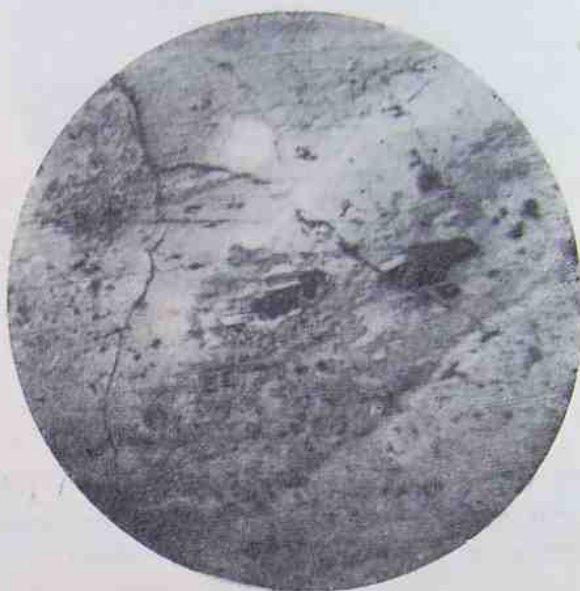

Рис. 16. Микрофотография нетравленного шлифа крицы 1825.
Увел. 200.

Спектральный полуколичественный анализ показал чрезвычайно чистое железо, фосфора только следы, мышьяка нет.

Металлографическое визуальное исследование показало сварочное железо (рис. 17). Нетравленный шлиф одного из кусочков после очистки его поверхности от окалины (рис. 18) дает изображение шлифа того же кусочка на расстоянии 2 мм от поверхности. Шлифы травлены 4%-м раствором азотной кислоты в воде. Визуальный просмотр сечения дает плавный переход от обезуглероженного слоя к слоям, содержащим углерод в количестве больше 0.3—0.4%; это позволяет думать, что изделие было изготовлено из цементированного углеродом железа. Процесс обезуглерожения вероятнее всего вызван или длительным действием огня

² Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32, 1953.

(пожар?), или произошел в процессековки, что менее вероятно.

14. Фрагмент железного изделия, напоминающий обушок топора (1951-II-1821).

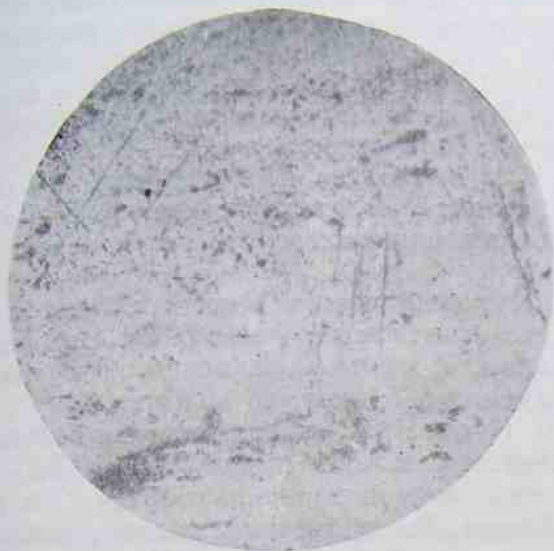

Рис. 17. Микрофотография поверхности фрагмента 1406/3.

Увел. 86, не травлен.

Найден на глубине 0.0 м, вблизи кузницы, относится к концу X—началу XI в.

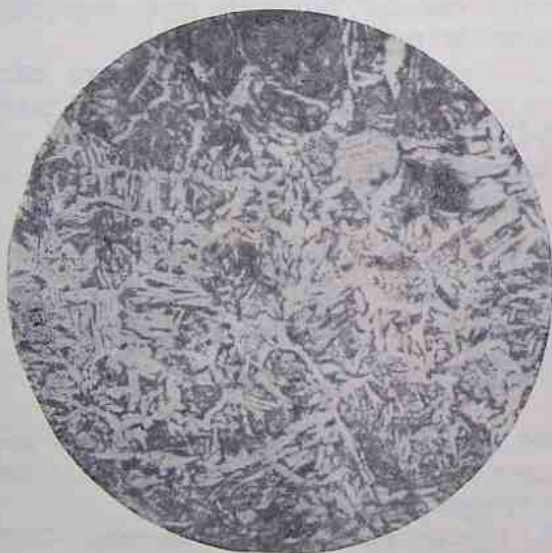

Рис. 18. Микрофотография фрагмента 1406/3, на расстоянии 2 мм от поверхности.

Увел. 86, травлен 4%-м раствором HNO_3 в воде.

Спектральный полуколичественный анализ показал очень чистое железо, без примеси фосфора и мышьяка.

14 Материалы по археологии, № 75

Металлографическое исследование показало, что материал изделия — сварочное железо, подвергнутое науглероживанию до

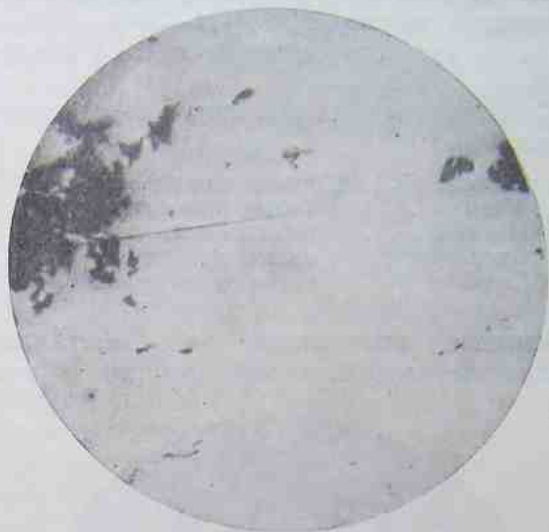

Рис. 19. Микрофотография фрагмента 1821.

Увел. 86, не травлен.

0.6—0.7 % углерода (рис. 19). С поверхности изделие почти совершенно обезуглерожено (рис. 20). Внутренняя часть изделия, на

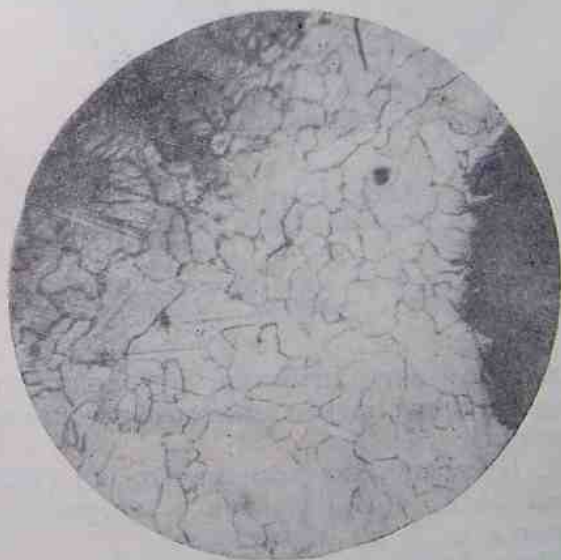

Рис. 20. Микрофотография фрагмента 1821.

Увел. 86, травлен.

глубине 0.5 мм от поверхности (рис. 21), — типичный видманштедт; это позволяет предположить, что изделие было очень перегрето

и длительное время находилось при высокой температуре (пожар?). Количество шлака незначительно.

15. Пластика со слоями медной закиси и окислов железа (1951-II-2258). Найдена на полу кузницы, относится к X—началу XI в.

Спектральный анализ показал следующий состав:

Железо	десятки процентов
Медь	целые проценты
Магний	десятые доли процента
Олово	целые проценты
Серебро	сотые доли процента

Внешнее впечатление о биметалле — медь и железо. Слишком тонкие и очень

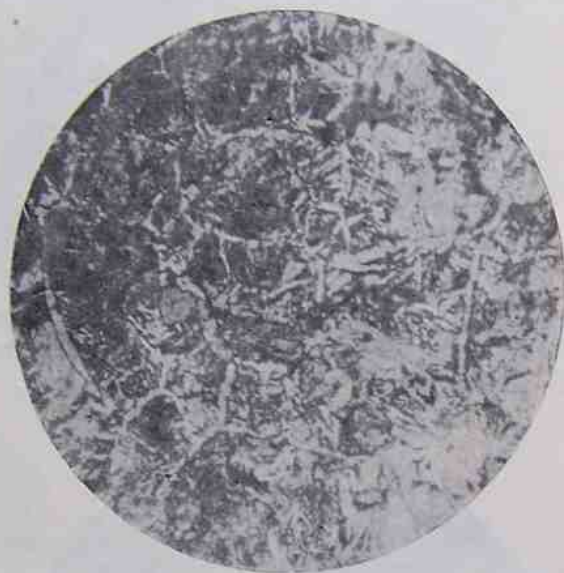

Рис. 21. Микрофотография фрагмента 1821, на расстоянии 0.5 мм от поверхности.

Увел. 86, травлен 4%-м раствором HNO_3 в воде.

окисленные металлические прослойки не позволили применить металлографическое исследование.

16. Кусочек железного кольца (?) (1951, курган 34/2, К8). Найден в погребении, относится к X в.

Кусочек чрезвычайно окислен. Спектральный анализ дал железо без примеси мышьяка и фосфора.

17. Окисленный железистый шлак (1951, раскоп 1, яма № 32). Найден в яме ниже материка, относится к IX—X вв. Спектральный полуколичественный анализ показал следующее:

Железо	основа
Ванадий	следы
Фосфор	следы
Мышьяк	следы

Можно предположить, что получен в процессе переработки керченской железной руды.

18. Окисленный железистый шлак (1951-12), одинаков с предыдущим. Найден в нижнем слое, относится к IX—X вв.

19. Кусок окисленного железа, с большим количеством шлака (крица?) (1950-I-42). Найден в верхних слоях, относится, вероятно, к XI в.

Полуколичественный спектральный анализ показал чистое железо, без примесей мышьяка, фосфора и ванадия. Вес около 500 г. Полуфабрикат, до обжарки.

20. Кусок окисленного железа с большим количеством шлака (крица?) (1950-I-2763). Найден в яме в материке, относится к X в. (?)

Железо, без примесей мышьяка, фосфора и ванадия. Вес 2350 г. Полуфабрикат, до обжарки.

21. Кусочек шлака (1951-I-354).

Спектральный анализ показал железо с примесью десятых долей процента фосфора, кремния, марганца и мышьяка. Присутствие мышьяка и фосфора позволяет предположить, что он получен при переработке керченской руды.

22. Кусок окисленного медного сплава с большим количеством земли и шлаков (1951-Ц-1000).

Спектральный полуколичественный анализ показал следующий состав:

Медь	десятки процентов
Серебро	целые проценты
Свинец	десятые доли процента
Сурьма	десятые доли процента
Мышьяк	есть
Золото	есть

Вес куска 1050 г. Вероятнее всего представляет собой полуфабрикат при получении меди («черновая медь»).

23. Кусок окисленного медного сплава с большим количеством земли и шлака (1950-I-1004). Найден в верхних слоях, относится, вероятно, к XI в.

Анализ (полуколичественный спектральный) металлической составляющей:

Медь	десятки процентов
Серебро	десятые доли процента
Свинец	десятые доли процента
Сурьма	десятые доли процента

Вероятнее всего кусок представляет собой полуфабрикат красной меди, так называемую «черновую медь».

24. Кусочек руды (1951-I-53). Найден в яме № 6, относится к X (?) в.

Полный химический анализ показал следующий состав: FeO — 38.77, SiO₂ — 27.92, Fe₂O₃ — 3.12, P₂O₅ — 1.408; AsO₃ — 0.12, MnO₂ — 6.03, Al₂O₃ — 6.80, CaO — 6.74, CO₂ — 1.17%. Анализ — типичный для керченской руды.

25. Кусок руды плотный, камневидный (1951-II, без №). Найден на глубине 0.15—0.30 м, относится к IX—X вв.

Полный химический анализ: FeO — 42.94, SiO₂ — 23.90, Fe₂O₃ — 8.97, P₂O₅ — 1.099, AsO₃ — 0.11, MnO₂ — 8.17, Al₂O₃ — 6.20, CaO — 4.33%. Руда типична для керченского месторождения.

Исследованные фрагменты металлических изделий позволяют сделать вывод о том, что уже в IX—XI вв. металлургическое производство у жителей городища Саркел—Белая

Вежа находилось на высоком уровне. Им были известны способы получения железа из руд, его превращение в сталь, а также получение красной меди и медных сплавов типа оловянистой бронзы. Технология обработки металлов в этот период также была на высоком уровне. В этом убеждает чрезвычайно тщательно выполненная найка медью медных изделий (трубка).

Наличие остатков олова на внутренней поверхности медных сосудов говорит о том, что применялось лужение оловом. Следы серебра на наружной поверхности некоторых изделий указывают на украшение их серебром.

Отсутствие вблизи Белой Вежи медных руд типа «Болеит», из которой, по всей видимости, получалась красная медь, и наличие таких руд в предгорьях Кавказского хребта позволяют предполагать, что жители Белой Вежи имели торговые связи с Кавказом. О таких же связях с жителями Крыма говорит использование для производства железа так называемых керченских руд, содержащих фосфор и мышьяк.

С. А. Плетнева

КЕРАМИКА САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

В 1935 г. вышла книга М. И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону».¹ В ней подведены итоги разведок на Нижнем Дону, проведенных автором и А. А. Миллером в конце 20-х годов. В этой работе автор дает типологический анализ средневековой керамики Подонья и ставит вопрос об этнической ее принадлежности. Однако, располагая исключительно подъемным материалом, автор, естественно, не смог сделать почти никаких стратиграфических наблюдений на исследованных городищах, в частности на крупнейшем из них, Левобережном Цимлянском городище Саркеле, — Белой Веже.

В 1934—1936 гг., а затем после Великой Отечественной войны, в 1949—1951 гг., на этом городище под руководством М. И. Артамонова производились большие археологические раскопки. Они позволили вновь заняться керамикой Левобережного городища и изучить ее не только типологически, но и стратиграфически.

Опыт типологически-стратиграфического анализа керамики был сделан в конце 30-х годов И. И. Ляпушкиным.² Основываясь на материалах, взятых с прибрежного раскопа Таманского городища, он четко разделил средневековый тмутороканский слой на два: хазарский и русский.

Тот же типологически-стратиграфический метод применен в настоящей работе при исследовании керамики Саркела—Белой Вежи.

В первой части работы дается типология обширного керамического материала городища³ и датировка его по аналогиям. Типология керамики Саркела—Белой Вежи имеет большое значение, потому что на этом городище представлена в основном вся керамика юго-востока IX—XII вв.

Распределению отдельных керамических типов и видов по культурно-хронологическим горизонтам городища посвящена вторая часть.

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ

При всем многообразии и сложности керамического материала Саркела—Белой Вежи он довольно отчетливо делится на 5 групп:

- I. Салтово-маяцкая.
- II. Славянская (роменская и великокняжеская XI—XII вв.).
- III. Керамика кочевых народов (IX—XII вв.).

IV. «Касожекая».

V. «Тарная»; в эту группу отнесены амфоры, баклажки и красноглиняные высокие

² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим данным. МИА, № 6, 1941.

³ При раскопках на городище было обнаружено более 150 000 фрагментов сосудов (из них целых и восстановленных около 400). Взят в коллекцию и зашифрован только наиболее ценный материал — все целые сосуды и обломки сосудов, характеризующие участок или слой. Остальной

¹ ИГАИМК, вып. 134, Л., 1935.

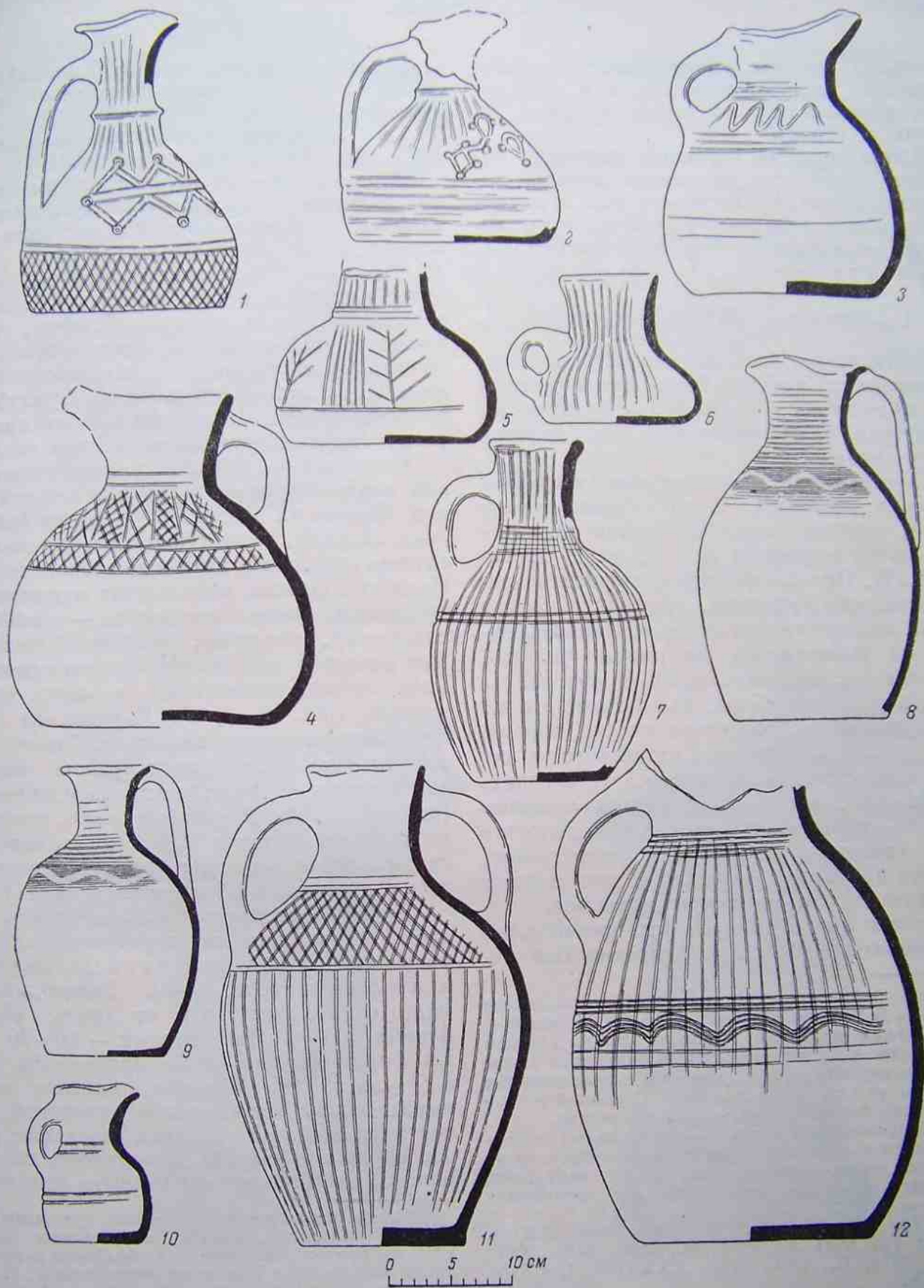

Рис. 1. Приземистые и яйцевидные кувшины салтово-маяцкой группы керамики.
 1—2 — с врезанным и протертым белой пастой орнаментом; 3—9 — с ангобными подоснами; 10—12 — по-
 крыты лощением и линейно-волнистым орнаментом.

кувшины, которые употреблялись и изготовлялись многими народами и в качестве тары перевозились из города в город, из страны в страну.

Кроме того, на городище встречено некоторое количество различных сосудов, определить принадлежность которых к какой-либо из перечисленных групп не представляется возможным. Они описываются отдельно, в конце главы.

1. САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КЕРАМИКА

подавляющее большинство салтово-маяцкой керамики Саркела — Белой Вежи изготовлено на гончарном круге. По качеству теста, назначению и орнаментации она делится на два отдела.

Сероглиняная, желтоглиняная и красноглиняная керамика. Тесто хорошо отмученное, черепок твердый. Количество керамики этого подотдела на городище достигает 4,5%. Преобладающее большинство сосудов покрыто лощением, придающим сосуду особый металлический оттенок. Оно наносилось на поверхность сосуда не сплошь, а полосками: вертикальными, горизонтальными, пересекающимися, волнистыми и т. д.⁴

Нарядная чернолощенная посуда хорошо известна по раскопкам Салтовского и северо-кавказских могильников.⁵ В могилах, как правило, находили двух типов лощеные сосуды — кувшины и кружки.⁶ Количество типов керамики на городище, естественно, намного превышает могильные, хотя и здесь основным типом являются кувшины.

Кувшины. Формы их чрезвычайно многообразны. Можно с уверенностью у-

материал зафиксирован в дневниках начальников участков. В настоящее время коллекция Саркела — Белой Вежи хранится в фондах Волго-Донской экспедиции в Эрмитаже. Она насчитывает более 10 000 номеров (в ряде случаев под одним номером записано от 3 до 10 фрагментов). В данной работе учтена вся керамика саркелской коллекции.

⁴ Лощение производилось специальной костяной палочкой-дощилом по почти высохшему сосуду. Рабочий конец лощила был слегка закруглен, благодаря чему полоски имели вид неглубоких канавок.

⁵ Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. XXIII, XXIV; Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, табл. XIV; МАК, VIII, М., 1900, табл. XXXV, CVI, CXIV, CXXIX.

⁶ Классификация их была сделана Н. Я. Мерпертом в диссертации «Верхнее Салтово», защищенной в 1949 г. на Ученом совете ИИМК АН СССР (Архив ИИМК, № 884).

верждать, что на городище не было найдено ни одной совершенно тождественной пары кувшинов.

Тем не менее по общим очертаниям тулова они делятся на два вида.

Первый вид — кувшины с низким округлым туловом, широким горлом и покатой или кольцеобразной ручкой. Высота их колеблется от 10 до 25 см (рис. 1, 1—6, 10). Наиболее парадные кувшины этого вида — черноглиняные, с высоким носиком и пышным лощеным узором. Иногда, кроме лощения, на тулове кувшинов прочерчен по сырому тесту узор из квадратов, параллельных линий и кружочков. В глубокие полосы втерта белая паста, что придает узору вид инкрустации на темном металле.

Второй вид — кувшины с яйцевидным туловом, низким горлом и небольшой покатой ручкой. Высота их достигает 40—50 см (рис. 1, 7—9, 11, 12; 2). Тесто кувшинов в большинстве случаев оранжевое, хотя есть и сероглиняные. Помимо лощения, яйцевидные кувшины покрывались иным орнаментом — линейным, волнистым, «елочкой», нанесенной гребенчатым штампом, или линейно-волнистым ангобным узором, нанесенным на сосуд тонкой кистью (рис. 1, 8, 9). Изредка на горле под венчиком налеплялись небольшие декоративные ушки, придававшие верхней части кувшина сходство с головой животного (рис. 3). Сосуды с ушками имели, вероятно, ритуальное значение. Аналогии им известны среди находок в Тамани,⁷ где серый лощеный сосуд с ушками обнаружен в слое IX в.

Другим распространенным типом лощеной керамики на городище являются массивные пифособразные горшки и пифосы (рис. 4—6). Размерами они мало отличаются друг от друга: высота первых 40—60 см, вторых — 60—70 см. По форме горшки более приземисты. Дно и горло у них широкое, плечики резко выраженные, венчик слабо отогнутый или вертикальный. На плечиках небольшие ручки, круглые в разрезе. Поверхность сплошь или только по плечикам покрыта лощением.

⁷ Весь керамический материал средневековых слоев Таманского городища из раскопок 1952—1955 гг. предоставлен мне для обработки и публикации начальником Таманской экспедиции Б. А. Рыбаковым, за что и приношу ему глубокую благодарность. Статья «Средневековая керамика Таманского городища» будет опубликована в одном из выпусков «МИА», посвященном публикации результатов археологических работ на этом городище.

Рис. 2. Яйцевидные большие кувшины салтово-маяцкой группы, покрытые лощением и линейно-волнистым орнаментом.

Рис. 3. Горло лощеного кувшина с ушками.
а — вид сбоку; *б* — вид прямо.

Преобладающее большинство этих сосудов ярко-оранжевого цвета.

Помимо лощения горшки, как и кувшины, украшались врезным линейно-волнистым ор-

встречаются в средневековых слоях Фанагории, Тиритаки и Тмуторокани (в последней их особенно много). Датируются они там IX—началом X в.⁸

Рис. 4. Большие салтово-маяцкие лощеные горшки.

наментом. Иногда линейно-волнистый узор заменялся орнаментом, состоящим из ряда концентрических дуг, нанесенных гребенчатым инструментом (рис. 5, 1). Обломки подобных сосудов в большом количестве

Сосуды, очень похожие на юго-восточные красноглиняные лощеные кувшины и горшки,

⁸ См.: Ознакомиться с керамикой средневековых слоев Фанагории мне разрешили на месте работ начальник Фанагорийской экспедиции

являлись преобладающим типом посуды в городах Волжской Болгарии, в частности Болгаре.⁹ Стратиграфически они датируются там гораздо более поздним временем, чем юго-восточные — XI—XV вв.

Форма пифосов обычна для посуды данного рода: это высокие сосуды с конусовидной нижней частью и крутыми плечиками.

Саркелу памятниках — на городище Карнаухово, на Тамани, где он был найден с двумя амфорами VII—VIII вв., и т. д.¹⁰ Форма эта оказалась очень устойчивой. На Кубани красноглиняные лощеные кувшинообразные пифосы употреблялись вплоть до XIV—XV вв. Один из них был обнаружен в поздней адыгейской могиле у ст. Бе-

Рис. 5. Большие салтово-маяцкие лощеные горшки.

У большинства пифосов этого отдела на плечиках помещены декоративные ручки, круглые в разрезе, а венчики напоминают венчики горшков. Отдельные экземпляры богато украшены лощением и налешным узором (рис. 6, 1). Пифосы, как известно, употреблялись для хранения сыпучих продуктов (зерна и т. д.), однако были и специальные пифосы для жидкостей. Такой пифос найден в Саркеле. Это большой (60 см в высоту) сосуд с узким невысоким горлом (10 см в диаметре и 10 см в высоту) и тремя небольшими ручками — двумя на середине его высоты и одной — на горле (рис. 6, 2). Находки подобных полупифосов-полукувшинов известны и в других одновременных

лореченской (погребение датируется концом XIV—XV в.).¹¹

Помимо двух описанных типов лощеной керамики, на городище найдено огромное количество мелких сосудов — кружек, горшочков, низких светильников и т. д. Кружки — широкие, с широким горлом, прямым, без закраины, венчиком и круглой массивной ручкой. Тесто у них преимущественно серое, поверхность лощеная (рис. 7, 1). Горшочки — приземистые, с прямым, как у кружек, или отогнутым пухлым венчиком. Тесто различных оттенков, от серого до яркокрасного, поверхность лощеная или покрытая линейным орнаментом (рис. 7, 2—5).

М. М. Кобылина и начальник средневекового отряда этой экспедиции В. В. Кропоткин. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 126; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения... табл. 3.

⁹ ГИМ, Болгарская колл.

¹⁰ Волго-Донская экспедиция, Карнаухово, № 137; Темрюкский ИКМ, случайная находка кувшина-пифоса и двух амфор.

¹¹ ГИМ, ст. Белореченская, раскопки 1897 г., № 42416.

Светильники имеют форму чашечки с загнутыми внутрь краями и посиком на ободке. Поверхность их покрыта небрежным горизонтальным или вертикальным лощением (рис. 7, 8).

Лощеные миски представляют собой массивные, низкие, преимущественно желтоглиняные сосуды с загнутыми, как у светиль-

хорошо отмученное.¹² Сосуды эти предназначались, вероятно, для сбивания масла — в этом убеждает сходство их с маслобойными деревянными ведрами, употреблявшимися в крестьянском хозяйстве почти до наших дней (рис. 8).

Общая дата керамики описанного типа VIII—начало X в. Лощеную черноглиняную,

Рис. 6. Пифос с налешными валиками и лощением (1) и трехручный полуифос-полукувшин с лощеной поверхностью (2).

ников, краями (рис. 7, 6, 9). От этой стандартной формы резко отличается найденная в Саркеле невысокая миска с широким дном и острым ребром на середине высоты (рис. 7, 7). Венчик у нее выделен сильным изгибом, по внутренней его стороне нанесен штампом орнамент «елочкой». Тесто миски желтое, с заметной примесью песка, обжиг желтый, поверхность лощеная. Профиль ее несколько напоминает миски черняховской культуры — реберчатые, с сильно отогнутым венчиком.

Оригинальной и редкой находкой являются сосуды, имеющие вид высокой (65 см) и узкой (15 см) банки с плоским дном. Вверху, почти у венчика, — небольшая полукруглая ручка. Тесто серовато-желтое,

желтоглиняную и красноглиняную керамику постоянно находят в могильниках и на городищах салтово-маяцкой культуры.

Следует отметить, что черноглиняные и желтоглиняные лощеные приземистые сосуды, в массе своей встречающиеся в отдаленных от больших городов местностях, чрезвычайно многообразны по форме и способам орнаментации. Некоторые из них сделаны явно не на гончарном круге. При самом тщательном изучении их поверхности на ней

¹² Аналогичный маслобойкам сосуд обнаружен в раскопках 1954 г. у с. Поина в Болгарии. См.: Живка Вължарова. Отчет о раскопките на Градищато край с. Поина (по данным от 1954 г.). Славяно-българското селище край село Поина Силистренско, София, 1956, стр. 22, рис. 12, 4.

незаметно следов вращения, т. е. следов выработки на круге. Правильность формы кувшинов без следов гончарного круга го-

эти формы тонкими слоями, в результате чего получался сосуд. Интересно, что у части саркелских кувшинов стенки, несмотря на

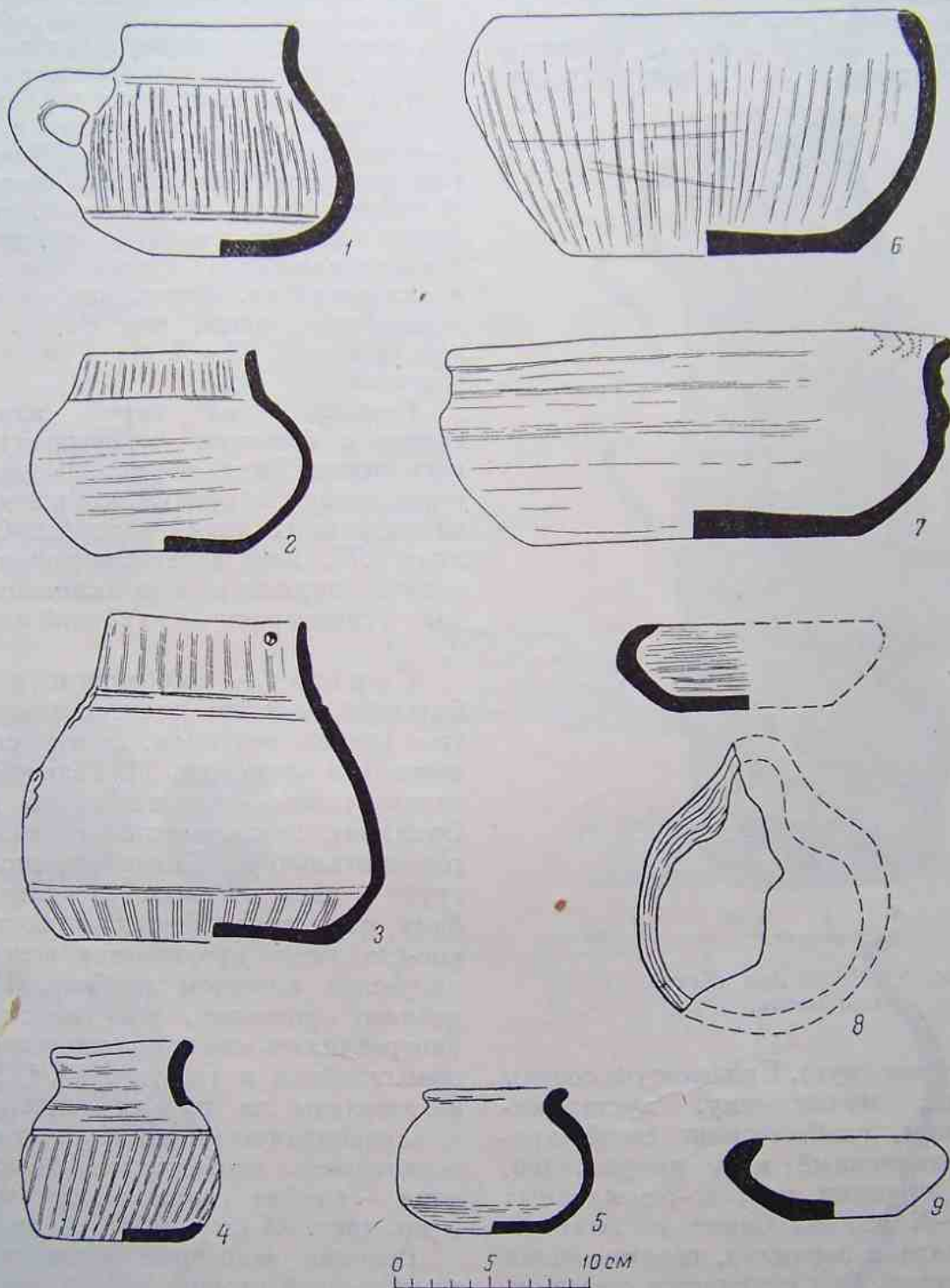

Рис. 7. Керамика хазарского слоя.

1 — кружка; 2—5 — мелкие сосудики; 6, 7, 9 — миски; 8 — светильник.

ворит о том, что сосуды эти делались, вероятно, по каким-то формам, выточенным из дерева или камня. Глина наслаивалась на

доброкачественность теста, слоистые, раскалывающиеся по направлениям формы сосудов. На форме делалась верхняя часть

сосуда. Затем она подсушивалась и снималась с формы. Нижняя, приземистая, подравненная на ручном круге, часть подклеивалась после снятия верхней части с формы. Отсюда на некоторых кувшинах на месте спайки имеется вдавленная полосочка, сохранившаяся по традиции и у кувшинов, вылеплен-

Рис. 8. Сосуд для сбивания масла.

ных на гончарном круге. Приземистые сосуды изготовлялись, по-видимому, кустарями-ремесленниками, снабжавшими своей продукцией ограниченный круг покупателей.

В таких крупных торгово-ремесленных центрах IX—X вв., как Саркел и Тмуторокань, преобладала керамика, изготовленная на ножном круге. Она отличается стандартностью форм и орнаментов — это в основном яйцевидные кувшины и пифособразные горшки. Черепок их преимущественно красный; вероятно, они обжигались в печах вместе с амфорами и красноглиняными vasosкими кувшинами. Впрочем, городским мастерам была известна технология обжига,

дающего черный черепок; об этом свидетельствует большое количество черноглиняных массивных сосудов, формой и способом изготовления идентичных красноглиняным. Наряду с большими мастерскими в городах продолжали работать гончары-кустари, изготавливавшие шедевры лощеной посуды, на что вынуждала их конкуренция с мастерскими. В дальнейшем кустари постепенно исчезали из городов, исчез и дорогой, требующий тщательности черный обжиг. В городах Волжской Болгарии, где изготовление лощеной керамики сохранилось до послемонгольского времени, она сплошь красноглиняная, формы же ее еще более стандартизированы, чем формы аналогичной керамики IX—X вв. в Саркеле и Тмуторокани.

Керамика из серой или желтой глины с большим содержанием кварцевого песка. Почти все типы керамики этого отдела покрыты орнаментом в виде нарезных параллельных линий и волны. Она составляет 7.7% всей зарегистрированной на городище керамики и в основном является узко утилитарной — кухонной посудой (рис. 9, 10).

Горшки — шаровидные сосуды с небольшим плоским дном, с плавно отогнутым низким венчиком, иногда слегка утолщенным к краю (рис. 9). Размеры их весьма разнообразны — высота от 10 до 40 см. Орнамент, покрывающий горшки, линейно-горизонтальный. Линии врезаны в стенку грубо и часто не везде на одинаковую глубину, в некоторых местах они почти не видны, кое-где линия прерывается вовсе, в других прорезана слишком глубоко. Помимо линейного орнамента, для украшения сосуда употреблялась еще прямая или косая волна — однолинейная и гребенчатая.¹³ Все горшки изготовлены на ручном гончарном круге, т. е. специалистами-ремесленниками. На дне неоднократно изображалась метка ремесленника — клеймо (круг с крестом, трезубец и др. (рис. 44.).

Венчики некоторых горшков украшены с внутренней стороны косой насечкой, зубчатым штампом или изредка гребенчатой волной. Близки к описанным массивные тяжелые горшки несколько более вытянутой

¹³ Описание этого орнамента см.: М. И. Аргамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 46.

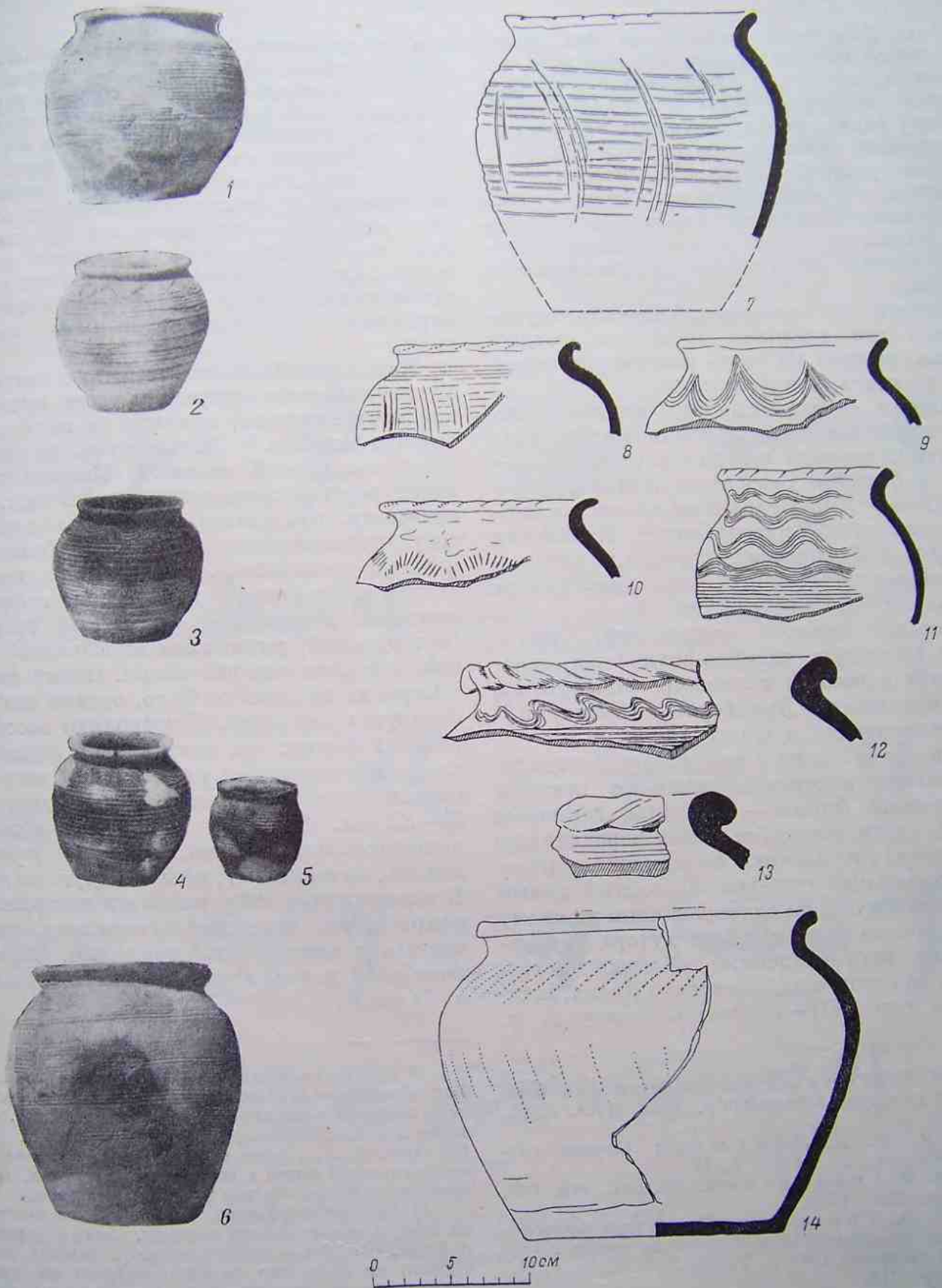

Рис. 9. Горшки салтово-маяцкой группы с примесью песка в тесте и с линейно-волнистым орнаментом.

формы. Линейный орнамент на них разнообразится пересекающими его наискось полосками, глубокими насечками или прямой волной, аккуратно (без пересечения с линиями) нанесенной в верхней части сосуда. Назначение тех и других горшков различно. Первые употреблялись в качестве печных горшков, о чем говорит перегоревшая, очень часто изменившая цвет нижняя часть сосудов, сажа и подтеки на внешней стороне стенок и остатки сгоревшей пищи внутри.

Второй вид горшков служил преимущественно для хранения продуктов: горшки чистые, нижняя их часть равномерно серая, того же цвета, что и верхняя.

Горшки описанного типа являются непреходящей находкой на большинстве юго-восточных степных городищ и селищ VIII—X вв. в бассейне Северского Донца и Нижнего Дона.¹⁴ Они заполняют также соответствующие слои Тмуторокани,¹⁵ Кубанских городищ и Боспорских городов.¹⁶ Попадались они и в погребениях (могильник у хутора Зливки).¹⁷

Помимо данной территории, шаровидные горшки с линейно-волнистым орнаментом в огромном количестве обнаружены на городищах Дунайской Болгарии,¹⁸ преимущественно в слоях IX в.

Изредка в слоях Саркелского городища встречались массивные тяжелые венчики характерной формы — крученые глиняные жгуты, круто, почти без шейки переходящие в плечики. Это венчики от больших тарных пифосообразных горшков. Подобный целый сосуд найден был на одновременном нижнем слою Саркела городище близ хутора Карнаухово, их многочисленные обломки встречаются на городищах Северского Донца, датируются они VIII—IX вв.; к началу X в.

они, по-видимому, исчезают — этим объясняется тот факт, что в Саркеле их очень мало.

Помимо горшкообразных сосудов разнообразных назначений, в хозяйстве у жителей Саркела широко применялись котлы с внутренними ушками (рис. 10). Фрагменты их стенок и венчиков почти не отличаются от фрагментов обычных больших горшков — они такие же сероглиняные, также перегорели в нижней части, также запачканы сажой и, наконец, покрыты таким же орнаментом — глубоко врезанными, параллельными, горизонтальными полосками.

Характернейшей особенностью и отличием котлов являются внутренние ушки, имеющие вид двух налешных валиков на внутренней стороне венчика.¹⁹ Валик разделен на две части неглубокой выемкой. Каждая часть имеет вертикальное отверстие. В них, по-видимому, продевался ремень, за который сосуд подвешивался над очагом. Кроме линейного орнамента, стенки котлов покрывались по плечикам волной или зубчатым штампом, а венчик с внутренней стороны (над ручками) украшался многорядной волной, штампом или насечками. Целых котлов в Саркеле найдено не было, однако находки на других городищах²⁰ позволяют восстановить их форму: это приземистые горшки со слабо выраженными плечиками и широким плоским дном.²¹ Диаметр венчика достигает 28—32 см. Впрочем, наряду с котлами, имеющими плоское дно, в Саркеле употреблялись, по-видимому, котлы с круглым дном. В таком случае, дно, как и вся поверхность, покрывалось линейным орнаментом, закрученным в центре тугой спиралью. Обломки подобных донец неоднократно встречались в Саркеле.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Памятники салтовомая культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958.

¹⁵ См.: И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения. . . , табл. I, II.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 103, 104, рис. 124, 125.

¹⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 212.

¹⁸ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, Альбом «Абоба Плиска», табл. XI, а, 1—4; в, 1—7; Живка Вължарова, ук. соч.

¹⁹ На Правобережном Цимлянском городище был обнаружен большой обломок подобного сосуда, позволяющий восстановить его форму (И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения. . . стр. 109, рис. 6, 5). Кроме того, в самом Саркеле был найден лепной котел с внутренними ушками, имеющий вид низкого горшка с небольшим дном.

²⁰ То обстоятельство, что котел не ставился на очаг, а подвешивался над ним, могло обусловить и форму его дна — закругленную в нижней части. Однако на городище не было найдено ни одного закругленного законченного дна, такого, какое могло бы быть у котлов.

²¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 50, прим. 1 (городище Рым-Гора и др.).

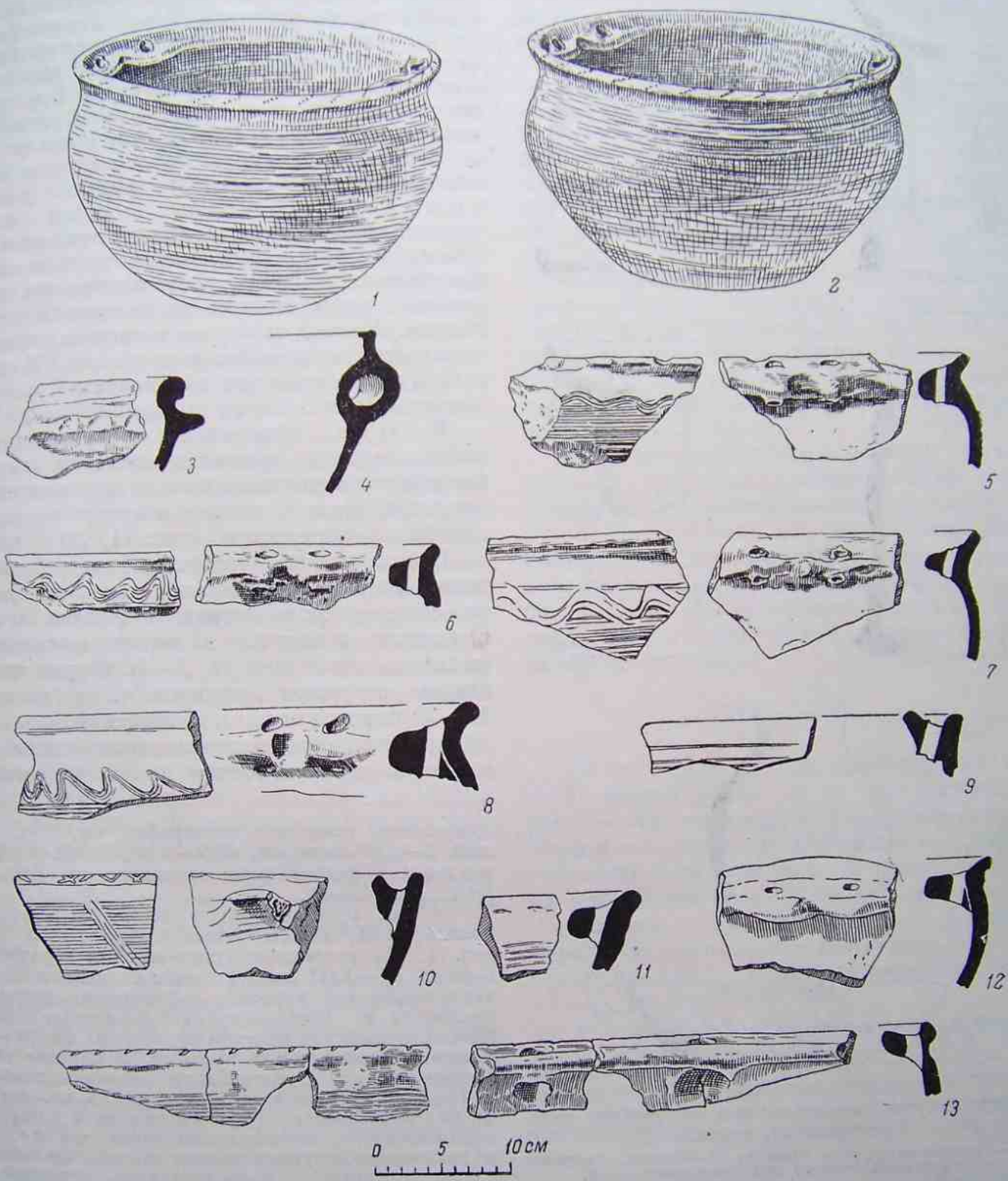

Рис. 10. Котлы с внутренними ушками.

1, 2 — реконструкции котлов (1 — круглодонный; 2 — плоскодонный); 3—13 — венчики котлов с внутренними ушками.

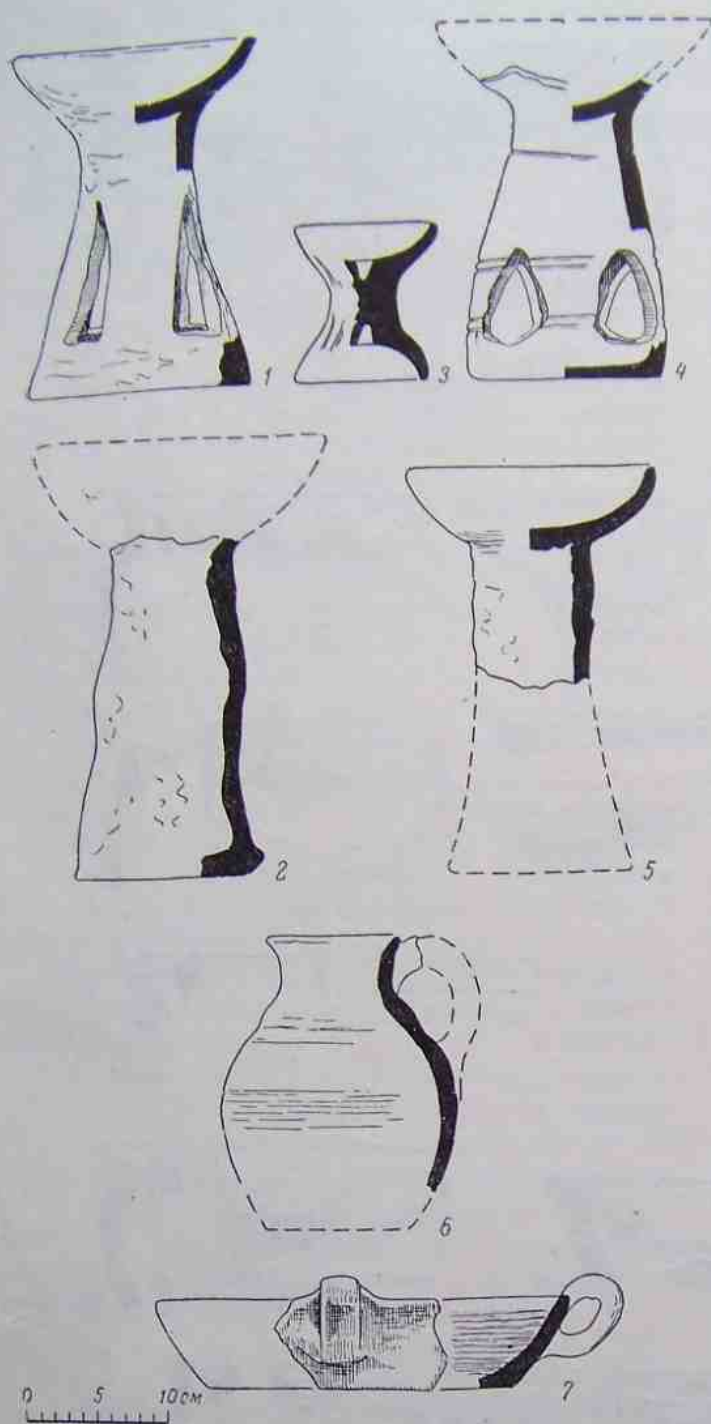

Рис. 11. Сосуды, изготовленные из грубого теста с примесью песка.

1—5 — светильники; 6 — кувшин; 7 — блюдо, покрытое с внутренней стороны линейным орнаментом.

Аналогии котлам известны в виде единичных находок на Северном Кавказе, Тмутарокани²² и Потайновском городище;²³

²² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 50.

²³ М. А. Миллер. Керамика древних поселений Приазовья. Зап. Сев.-Кавк. краевого общ.

в массовом количестве они встречаются близ Таганрога, на Золотой Косе. Территория их распространения в восточноевропейских степях уже территории распространения обычных горшков этого подотдела. Вне территории нашей страны котлы с внутренними ушками известны в Болгарии и Румынии.²⁴

Единичными находками на городище являются кувшины (рис. 11, 6) и сковороды, изготовленные из серой глины с песком и покрытые линейным орнаментом. Форма кувшина яйцевидная, с покатыми плечиками, широким дном и широким, коротким горлом. Венчик без утолщения и без носика. Ручка, овальная в разрезе, плавно опускается от венчика к плечикам. Подобный кувшин известен в находках Правобережного Цимлянского городища.²⁵

Блюдо, или миска, представляет собой сосуд с крутыми стенками и двумя большими, поднимающимися над венчиком ручками. Стенки и дно изнутри покрыты линейным орнаментом. (рис. 11, 7).

В большом количестве на городище найдены светильники, часть которых по составу теста (серая и желтая глина с песком) относится к керамике салтовомаяцкого типа (рис. 11, 1—5). Форма их — широко открытое блюдо или чаша (диаметр 16—20 см) на высоком, конусовидном, полом внутри поддоне, изготовленном также на круге и прикрепленном затем к чаше.²⁶

археологии, истории и этнографии, кв. 1 (т. II), вып. 3—4, Ростов-Дон, 1927—1928; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 48—50.

²⁴ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, альбом «Абоба Плиска», табл. LX, рис. 7. На румынских средневековых городищах в слоях IX—XIII вв. в большом количестве встречаются обломки котлов с внутренними ушками, сделанных на гончарном круге (сообщение Марии Комса). Румынские археологи относят их к изделиям кочевников-печенегов и половцев. В Саркеле указанные народы употребляли преимущественно лепные котлы, хотя вполне возможно, что часть из них пользовалась и салтово-маяцкими котлами, изготовленными на гончарном круге, так же как и некоторыми другими видами посуды, сделанной салтово-маяцкими ремесленниками, например баклажками.

²⁵ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения. . . , стр. 15, рис. 9, 2.

²⁶ Этим объясняется, что поддоны и чаши часто находили порознь — излом приходился всегда на месте соединения. Иногда попадались реставрированные светильники — в месте излома наклепана слегка обожженная снаружи глина. В других случаях изломом пользовались для того, чтобы при

Обыкновенно поддоны орнаментированы тремя или четырьмя треугольными (иногда листовидными) высокими прорезями и линейным орнаментом. Вся форма светильников и особенно сквозные прорези на поддоне сближают их с формой одного из видов византийских поливных ваз X в.²⁷ Производство подобных светильников было широко распространено в Саркеле в IX—начале X в.

Большой интерес представляют встреченные на городище сосуды, подчеркивающие связь столовой — парадной и кухонной посуды салтово-маяцкой группы. Таковы маленькие горшочки из плотного теста без примеси песка, покрытые линейным орнаментом, и, наоборот, сосуды, изготовленные из пористой глины с примесью песка, орнаментированные лощением.

Особое место занимает среди кухонной салтово-маяцкой керамики большой желтый горшок со слабо отогнутым венчиком, крутыми плечиками и почти прямыми стенками (рис. 9, 14). Два последних признака сближают его со славянскими — роменскими и даже поздними гончарными древнерусскими горшками. В то же время, судя по характерному тесту и подчеркнuto салтово-маяцкому орнаменту, нанесенному семизубым штампом, следует считать, что горшок скорее всего изготовлен салтовским населением города. Близкий к описанному горшок был обнаружен на одном из славянских городищ Верхнего Дона — Кузнецовском.²⁸ П. Н. Третьяков указывает на несомненные связи его, с одной стороны, с керамикой Волжской Болгарии (по орнаменту), с другой (по тесту) — с керамикой «хазарских» городищ Нижнего Дона.

Керамика обоих отделов (столовая и кухонная), как правило, заполняет слои VIII—начала X в. на городищах бассейна Донца и Дона. Таким образом, не только время, но и территория их распространения полностью совпадают. Лощеная керамика являлась парадной посудой, поэтому она встречалась не только на городищах, но

и в могильниках. Грубая кухонная посуда на городищах преобладает, а в погребениях пощадается значительно реже.

Линейно-волнистый орнамент кухонной керамики сближает ее со славянской керамикой Приднепровья и западных областей. По этому признаку вполне возможно предполагать связь между двумя культурами. Однако считать кухонные салтово-маяцкие горшки славянскими не представляется возможным, поскольку они отличаются от последних тестом,²⁹ формой³⁰ и манерой нанесения орнамента.³¹ Кроме того, существенно хронологическое различие между обеими группами: салтово-маяцкая кухонная посуда, как говорилось, распространена в памятниках VIII—начала X в., славянская гончарная керамика известна только в комплексах X—XIII вв.

Об этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры говорить, основываясь только на керамическом материале Саркела — Белой Вежи, было бы опрометчиво. Несомненно лишь широкие связи салтово-маяцкой керамики с аланской, болгарской и отчасти славянской. Это позволяет сделать общее заключение об этнической пестроте салтово-маяцкой культуры.

II. СЛАВЯНСКАЯ КЕРАМИКА

По технологическому признаку керамика этой группы разделена на два больших отдела — лепную и круговую. Различие между ними в основном хронологическое, поэтому описание керамики второй группы следует начать с более ранней, лепной, керамики.

Лепная славянская или роменская керамика составляет примерно 9% всей обнаруженной на городище керамики. Тесто

²⁹ У русской гончарной керамики великокняжеской поры тесто тонкое, без примесей, обжиг звонкий (красный или желтый), кварцевого песка в тесте не бывает никогда. Горшки салтово-маяцкого типа всегда с примесью кварцевого песка или крупных ракушек (как сарматская кухонная посуда).

³⁰ Форма русских и славянских горшков IX—XIII вв. (лепных и гончарных) — стройные сосуды с конусовидной нижней частью и крутыми плечиками. Салтово-маяцкие горшки шаровидные или яйцевидные.

³¹ На русских сосудах линейно-волнистый орнамент нанесен равномерно, неглубокими, широкими полосками, на салтово-маяцких орнамент наносился, по-видимому, острым инструментом; полоски глубокие, неровные, с острыми краями.

реставрации увеличить высоту поддона — на поддон налеплялся большой массивный шар.

²⁷ См.: The Great Palace of the byzantine emperors. London, 1947. Одна из таких ваз была найдена в Саркеле в слое второй половины X в. (см. стр. 289, рис. 8 настоящего издания).

²⁸ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 95—96, табл. XV, 2.

у нее грубое, с примесью крупнодробленого шамота.³² Обжиг печной, поверхность сосудов желтовато-оранжевая, излом серый (рис. 12 и 13).

Основным типом роменской керамики являются конусовидные горшки с крутыми плечиками, невысокими венчиками и небольшим в диаметре дном. Горшки встречаются высокие (рис. 12) и приземистые (рис. 13, 2—7, 10, 12—14). Размеры их колеблются от 25×20×10 см до 8×4,5×3 см (первая цифра — высота, вторая — диаметр горла, третья — диаметр дна). Палочкой или железным стерженьком, обмотанным в несколько рядов тонким ремешком или крученым шнурком, штамповался на плечиках и венчиках сосудов орнамент (наклонными полосками, зигзагом, крест-накрест и т. д.).

Аналогии описанным горшкам встречаются на всех славянских (роменско-боршевских) городищах и поселениях VIII—IX вв.³³

К отделу роменской керамики относятся также многочисленные миски и сковороды с прямыми или чуть наклонными бортами (рис. 13, 8, 9, 11). Тесто у них грубое, с крупным шамотом, орнамент отсутствует, дно сильно перегоревшее от постоянного действия огня.

Помимо этой типичной для славян керамики, в Саркеле найден был лепной сосуд оригинальной формы, изготовленный из теста с шамотом и орнаментированный роменским веревочным штампом. Он приплюснутый, эллипсоидный в профиле, с высоким горлом без выделенного венчика (рис. 13, 1). Форма эта несколько напоминает шаровидные сосуды с вертикальными венчиками, распространенные равным образом и у «роменцев», и у «салтовцев».³⁴

Гончарная славянская керамика Саркела — Белой Вежи относится ко времени, значительно более позднему, чем лепная, — это керамика конца X—XII в. (рис. 14).

На городище гончарной славянской керамики в два раза меньше, чем лепной (т. е. 4,2%). Тесто у нее тонкое, плотное, без примесей.

Основной тип посуды — горшки. Это стройные (20—26 см в высоту) сосуды с крутыми плечиками, прямыми стенками, небольшим дном, широким горлом и отогнутым венчиком. Общими очертаниями они напоминают роменские горшки. К сожалению, целых сосудов на городище обнаружено очень мало (всего 3). Поэтому дальнейшую классификацию приходилось производить только по разрозненным обломкам венчиков, стенок и донца. Впрочем, этого оказалось вполне достаточно, так как обжиг, способ изготовления, форма венчика и орнамент позволили выделить несколько хронологически различающихся видов русских горшков в Белой Веже.

Горшки первого вида изготовлены на ручном гончарном круге или даже на подставке. Стенки у них толстые, обжиг печной. Венчики отогнуты слабо, иногда покрыты заплатами или насечками, плечики украшены линейно-волнистым орнаментом (рис. 14, 1, 2).

Горшки второго вида изготавливались исключительно на ручном гончарном круге. Стенки у них толстые, в целом горшок сделан грубовато, обжиг печной (поверхность серая, излом черный). Венчики отогнуты сильно. Край закругленный или слегка вогнутый. Линейный или линейно-волнистый орнамент наносился, по-видимому, на весь сосуд. Орудием для нанесения орнамента служили ремесленнику не острые зубцы салтово-маяцкого штампа, а плоские палочки-лопаточки. Отсюда узор получался равномерным и менее резким, чем у «салтовцев» (рис. 14, 3, 4).

Горшки третьего вида также изготовлены на ручном гончарном круге. Стенки горшков тонкие, обжиг двойкий — гончарный и печной. Венчики сильно отогнуты, края круглые, с обратной стороны венчика прослеживается иногда небольшая вогнутость (для крышки). Орнамент (линии, волна, ногтевая цепочка, насечки) наносился преимущественно на плечики сосуда (рис. 14, 5—8). В виде исключения линейный орнамент покрывал весь сосуд (рис. 14, 9). Изредка горшки третьего вида украшались орнаментом, сделанным штампом-колесиком (рис. 14, 10). Донца всех трех видов горшков отмечались выпуклыми клеймами. Судя по разнообразию

³² Нередко в качестве шамота использовались дробленые черепки салтовских сосудов.

³³ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. ИАК, вып. 22, 1907; Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч.; И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, и др.

³⁴ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, рис. 22, 23.

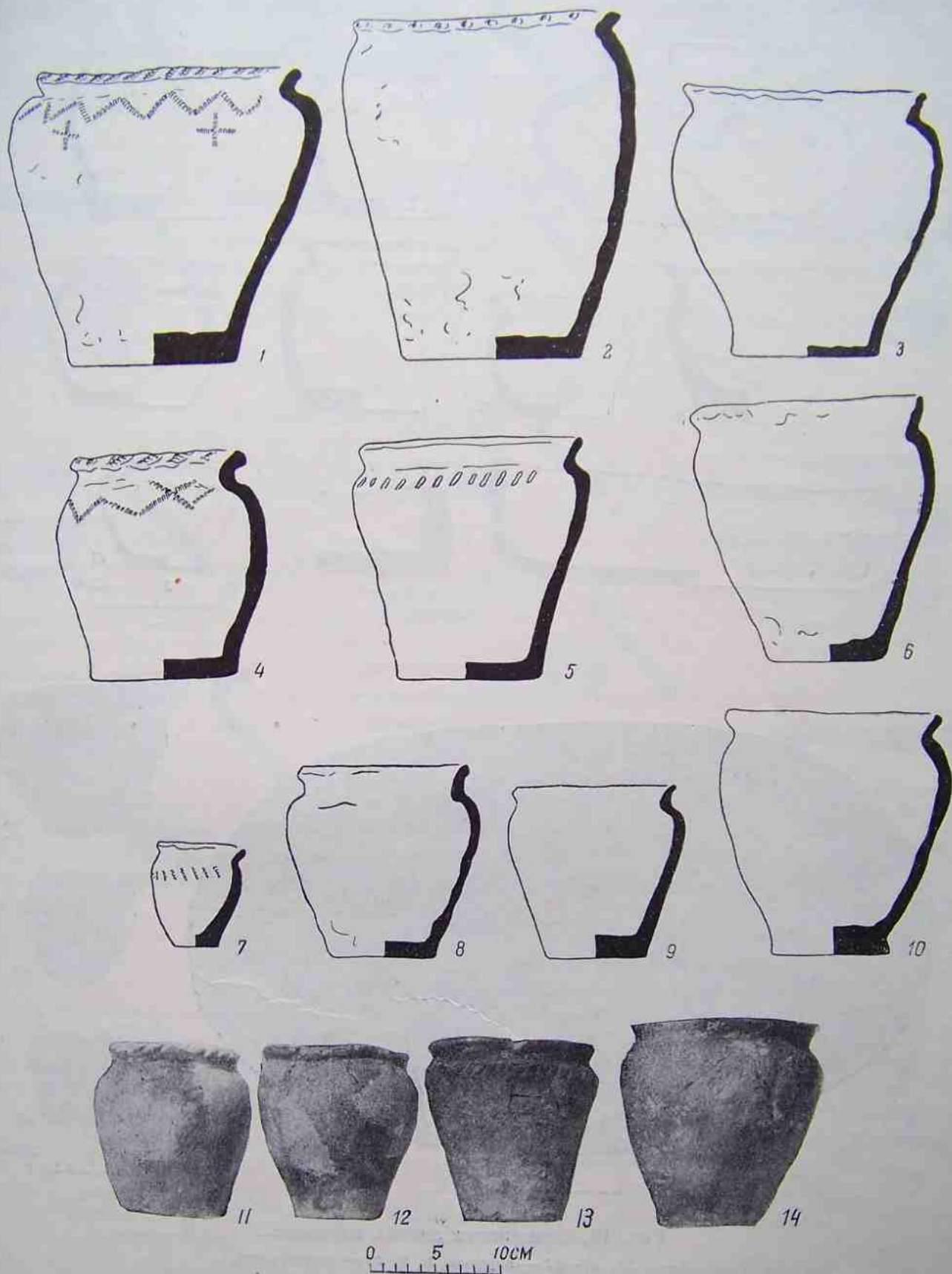

Рис. 12. Славянская лешная керамика (высокие горшки).

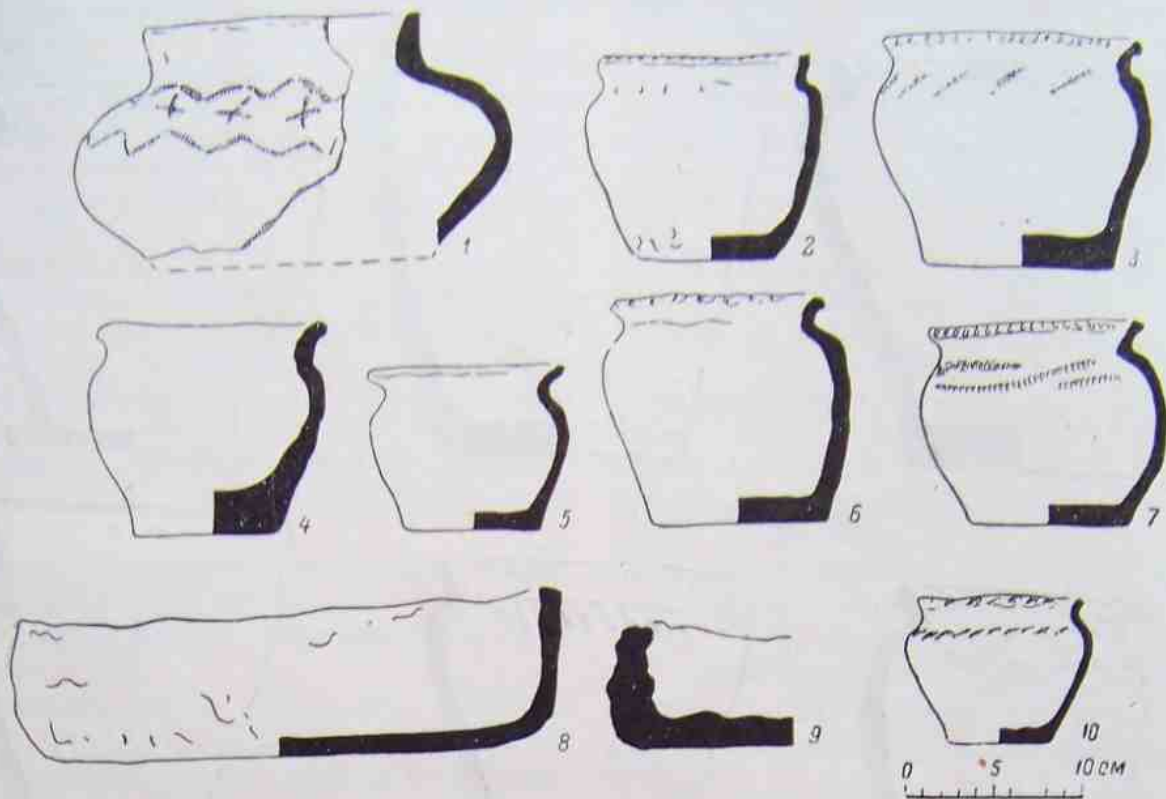

Рис. 13. Славянская лентная керамика.
1—7, 10, 12—14 — горшки; 8, 9, 11 — сковородки.

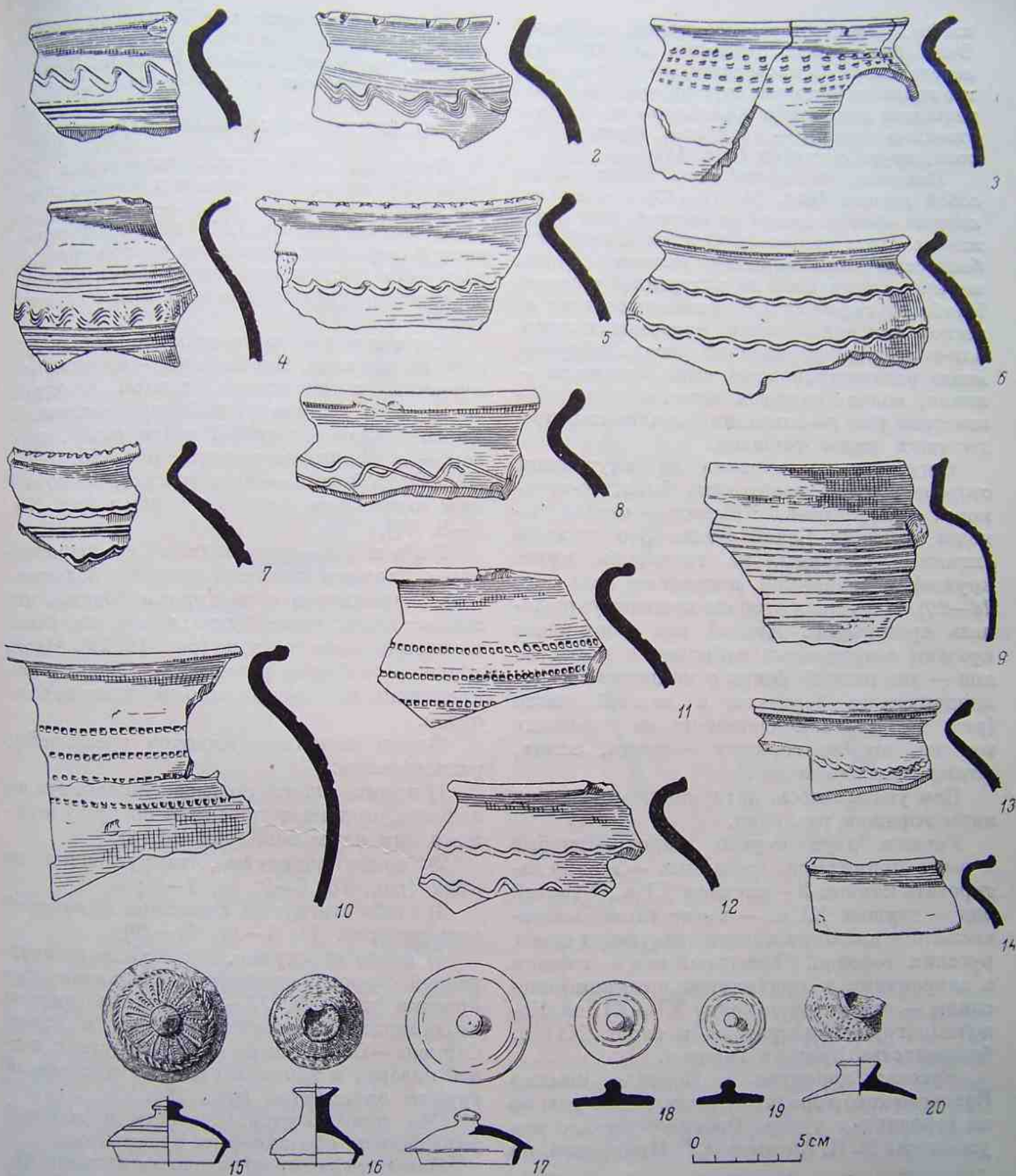

Рис. 14. Русская керамика, изготовленная на гончарном круге.
 1—14 — фрагменты горшков X—XII вв.; 15—20 — крышки.

клеим, гончаров-ремесленников в Белой Веже было много. Ремесло, по-видимому, передавалось по наследству, поскольку многие знаки отличаются друг от друга незначительными деталями и объединены нами в родственные группы — квадраты, круги с крестом, круги с дугами (рис. 44).

Наконец, четвертый вид представляли собой горшки (рис. 14, 11—13) с тонкими, хорошо обожженными до желтого или оранжевого цвета стенками. Отличительной особенностью этих горшков является форма венчика с закраиной на внутренней стороне. Наиболее характерный орнамент состоит из нескольких рядов линий, нанесенных штампом-колесиком на плечики сосуда. Другие, менее распространенные типы орнамента — линия, волна, ногтевая цепочка и т. д. — известны уже по описаниям орнаментов предыдущих видов горшков.

Вогнутость и закраина на внутренней стороне венчика необходима была, по-видимому, для крышек. Крышки — частая находка в слоях Белой Вежи. Это плоские глиняные, сделанные на гончарном круге кружки с шишечкой посередине (рис. 14, 18—20). Наружная сторона крышки украшалась орнаментом. Другой вид напоминает крышки современных чайников и кофейников — это низкий конус с шишечкой и цилиндрическим бортиком в нижней части (рис. 14, 15—17). Орнамент на крышках тот же, что на горшках — линии, волна, штамп-колесико и др.

Как указывалось, датируются описанные виды горшков различно.

Горшки двух первых видов — грубые и часто примитивно сделанные — можно датировать концом X — началом XI в.,³⁵ третий вид — горшки XI в. — имеет также многочисленные аналогии в соответствующих слоях русских городов. Четвертый вид — горшки с закраинами и орнаментом штампом-колесиком — относится к концу XI — XII вв. Подобные горшки встречены в слоях XII в. большинства русских городов.

Русская керамика в Подонье, помимо Беловежского городища, встречается только на городище у хутора Потайновского, о чем уже писал М. И. Артамонов.³⁶ Кроме того, на

юго-востоке она известна на Таманском городище, но там в русских слоях ее значительно меньше, чем в слоях Белой Вежи на Левобережном Цимляцком городище.

III. КЕРАМИКА КОЧЕВЫХ НАРОДОВ

Керамика этой группы изготовлена от руки (без круга) из теста с примесью дресвы, соломы и шамота (рис. 15—26). На городище она составляет 7.2% всей зафиксированной керамики. Наиболее распространенные типы посуды этой группы — кувшины и горшки, украшенные пышным орнаментом.³⁷

Кувшины разделены по форме тулова на два вида. Первый вид — яйцевидные кувшины с невысоким горлом и одной овальной в разрезе ручкой, прикрепленной одним концом к верхней части горла, другим — к плечикам сосуда (рис. 15, 1—5; 16). Второй вид — приземистые, с коротким горлом, двуручные кувшины (рис. 15, 6—8; 17).

Горшки — яйцевидные и шаровидные с плоским широким дном и в большинстве экземпляров с раздутыми боками, что создает впечатление, будто горшок поставлен на специальном поддоне (рис. 18, 19). Часть горшков снабжена ручками — ушками, прикрепленными обыкновенно на плечиках сосудов.

Форма венчиков горшков чрезвычайно разнообразна:

1) прямые, почти не выделенные от тулова венчики, орнаментированные по краю защипами или нарезками (рис. 18, 3);

2) слабо отогнутые, закругленные по краю (рис. 18, 6—9; 19, 1—5);

3) слабо отогнутые, с валиком на внешней стороне (рис. 19, 6—10, 16—19);

4) резко отогнутые, с желобком на внутренней стороне, сделанным специально для крышки (рис. 19, 11—15); лепные крышки неоднократно были находимы в слоях Саркела—Белой Вежи — это конусы с петлей наверху и типичным для сосудов данной группы орнаментом (рис. 20).

Оба типа сосудов (кувшины и горшки) украшались обыкновенно орнаментом.

Наиболее распространенным мотивом являются ряды концентрических глубоких

³⁵ Датировка эта будет подтверждена стратиграфическим распределением керамики в слоях городища Саркел—Белая Вежа.

³⁶ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 47.

³⁷ Эту группу М. И. Артамонов назвал «посудой с выпуклыми боками» и «гирляндоподобным орнаментом» (там же, стр. 34—37).

дуг — «гирлянд», нанесенных на плечики сосуда. Внутреннее пространство дуги заполнено точечками или кружками. Иногда дуги расположены вверх закруглением и проведены гребенчатым штампом. Узоры наносились на сосуд самым разнообразным способом — насечками, кружками, проколами и т. п.

с выпуклыми стенками, с широким дном и горлом. Венчик и стенки чашки украшены орнаментом, нанесенным тупым зубчатым штампом. Полукруглая ручка сосуда изображает пару крутых бараньих рогов.

Орнамент в виде извилистых лент, стилизованных бараньих рогов и антропоморф-

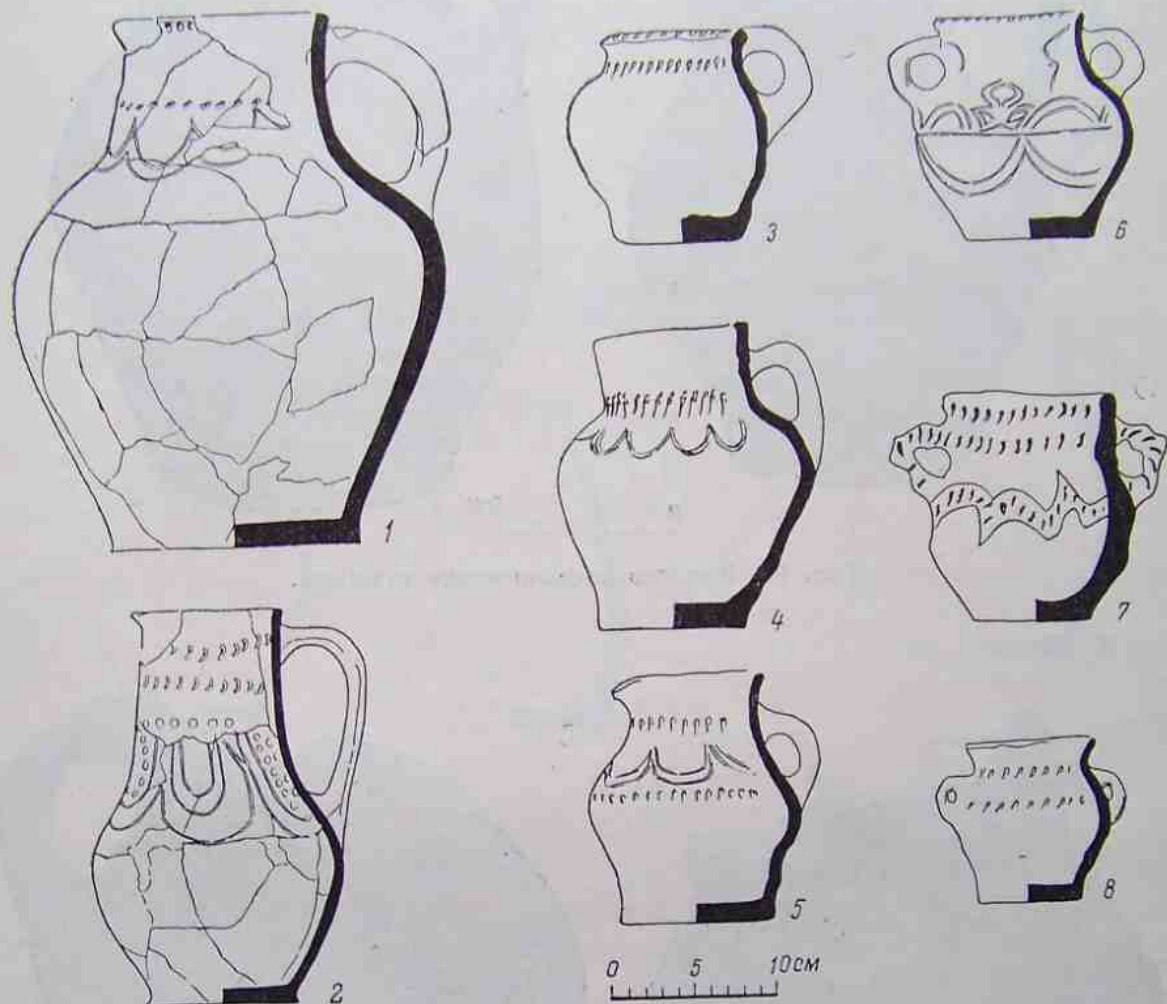

Рис. 15. Кочевнические лепные кувшины.

Очень часто стенки кувшинов и горшков покрывались вертикальными полосками — «рифлением». Тем же орнаментом, какой был на сосудах, украшались их ручки, венчики и крышки.

На некоторых сосудах гирлянды заменялись более сложным рисунком — извилистыми лентами из ногтевого орнамента, изображающими бараньи рога.

По сложности орнамента особенно интересна обнаруженная на городище чашка, или ковш, по-видимому, ритуального назначения (рис. 21, а, б). Она приземистая,

ных фигурок широко распространен и поныне в среде тюркоязычных народов Средней Азии. В средние века этот узор был характерен, по-видимому, для тюркоязычных племен южнорусских степей (он сохранился на костяных пластинках из половецких погребений). Гирляндобразный орнамент встречен был, помимо Саркела, на сосуде из кочевнического погребения близ Таганрога, датирующегося приблизительно X в.³⁸

Другой сосуд с орнаментом наколами и со

³⁸ Таганрогский ИКМ, №№ 164—171 (погребение у с. Покровского, 1927—1928 гг.).

Рис. 16. Высокие кочевнические кувшины.

Рис. 17. Низкие кувшины группы кочевнической керамики.

знаком-тамгой на стенке найден был в кочевническом погребении IX—X вв. под стенами Саркела—Белой Вежи (курган 10/3;

более простые горшки украшены очень скромно — только по венчику или по плечикам небрежно прорисовано несколько дуг

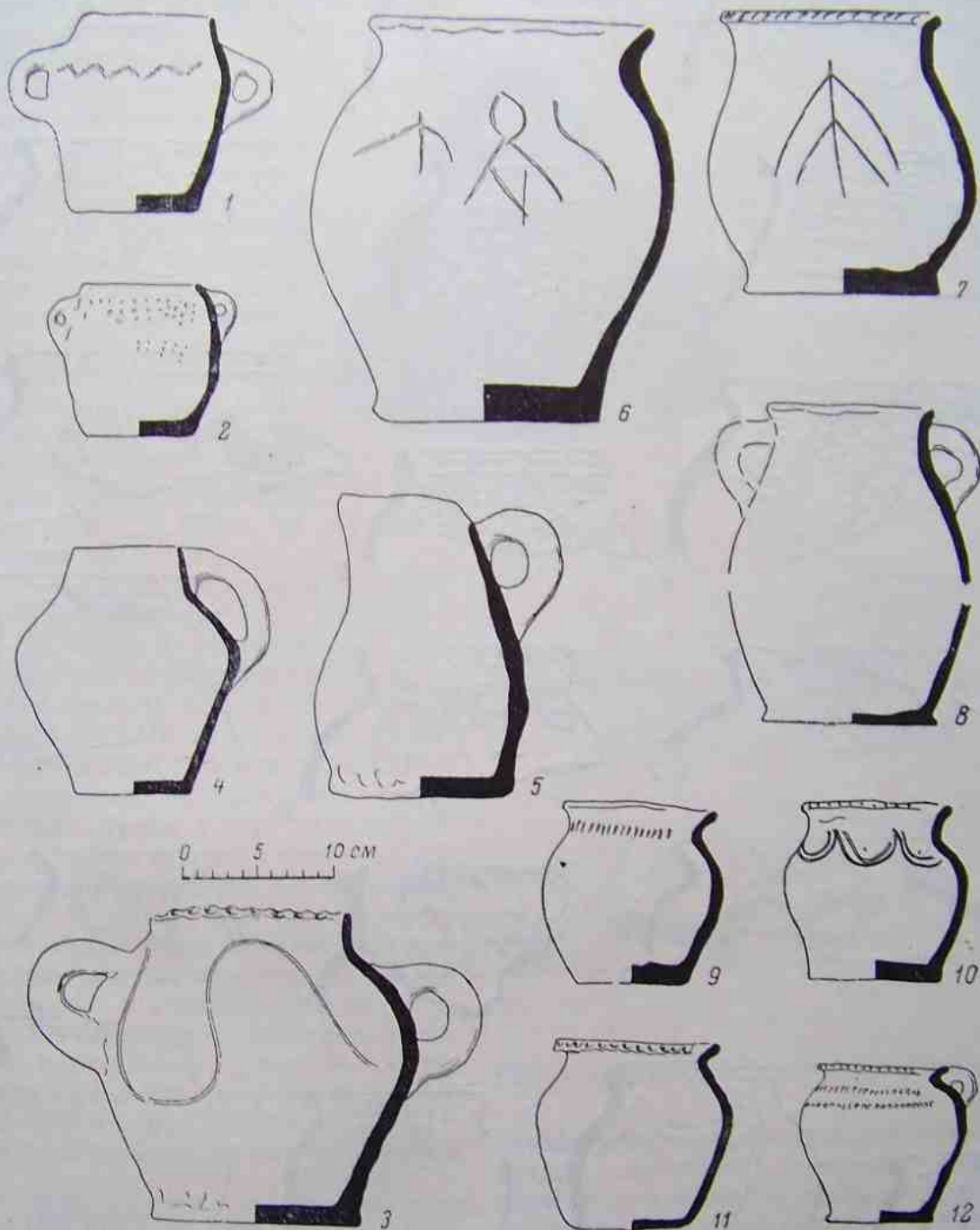

Рис. 18. Лепные горшки и кувшины группы кочевнической керамики.

рис. 22). Обломки сосудов, орнаментированных насечкой и ногтевым орнаментом, встречены в небольшом количестве в слоях X в. в Тмурокани.

Следует отметить, что далеко не все горшки покрыты сплошным орнаментом. Наи-

«гирляндоподобного» узора. На единичных экземплярах по тулову сосуда проводилась крутая однорядная волна или выдавливались оттиски штампа (на экземплярах с венчиками первого вида). В ряде случаев горшки были совсем без орнамента и относятся

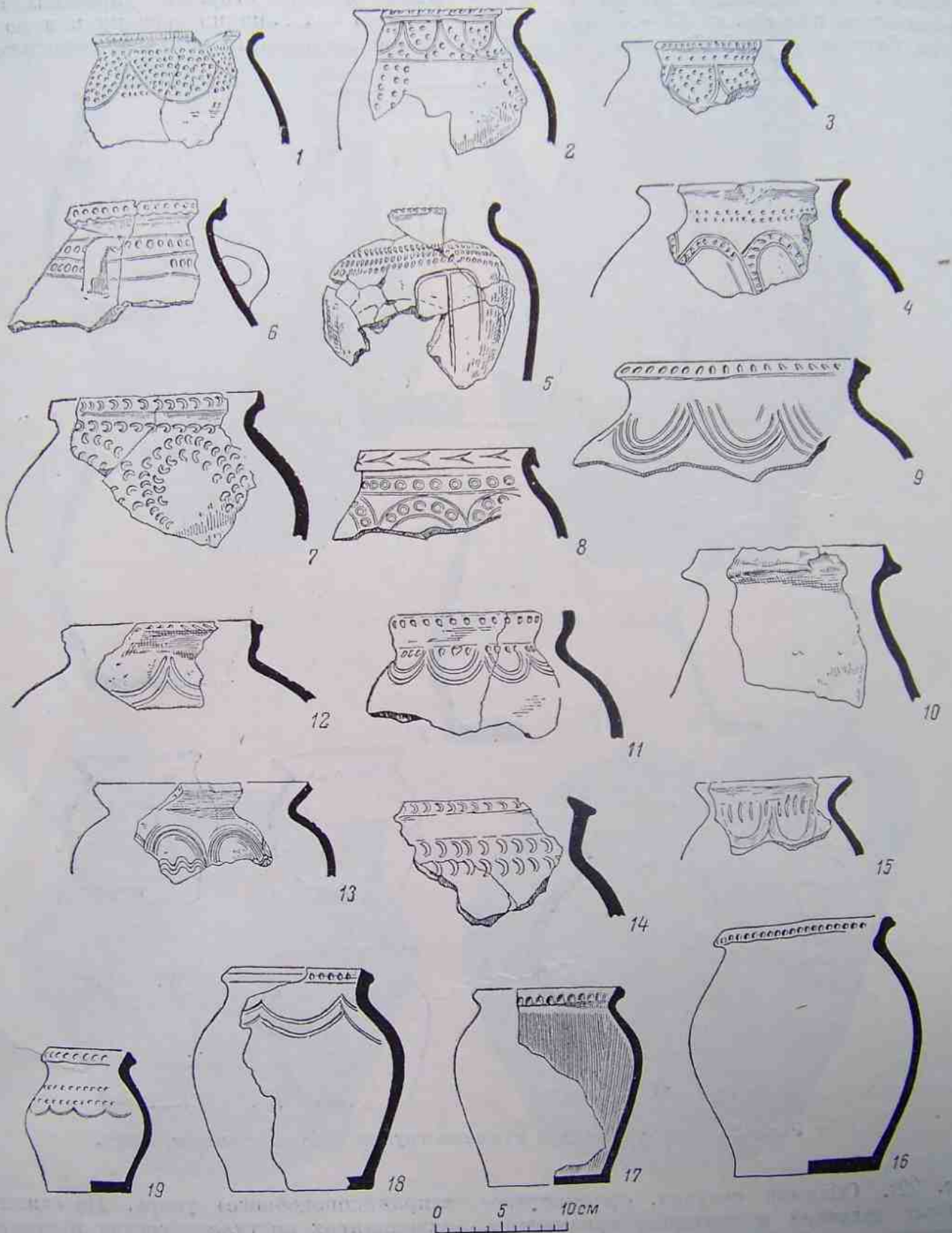

Рис. 19. Фрагменты наиболее типичных венчиков и орнамента кочевнических горшков.

к этой группе только по качеству теста, форме тулова и венчика. Вместо орнамента на стенках некоторых горшков вычерчивались по сырому тесту тамгообразные знаки, имеющие многочисленные аналогии в тюркской письменности (на флягах из Новочеркасского музея, на камнях Маяцкого городища и т. д.).³⁹ По-видимому, они обозначали буквы рунического письма или знаки собственности одного из народов, кочевавших на востоке южно-русских степей и входивших в состав Хазарского каганата. Изредка тамгообразные знаки прочерчивались и на сосудах, украшенных орнаментом, причем в некоторых случаях они были органически связаны с узором, дополняли его и, по-видимому, потеряв первоначальный смысл, превратились в один из орнаментальных мотивов (рис. 23).

Помимо этой наиболее яркой группы кочевнической керамики, в Саркеле—Белой Веже в большом количестве встречаются обломки разнообразных сосудов, изготовленных из аналогичного теста. Прежде всего это лепные котлы с внутренними ушками. Общими очертаниями они не отличаются от котлов, сделанных на гончарном круге (рис. 24). Только ручки у них разнообразнее по форме. Помимо обычных ручек в виде валика с двумя вертикальными отверстиями, это или валики на внутренней стороне с горизонтальным вдоль борта отверстием, или простые скобки, или же отверстия в стенке сосуда, прикрытые с внешней стороны глиняным налепом в виде полукруглой раковины. Котлы были, по-видимому, одним из самых грубых типов кухонной посуды, а потому орнаментом они никогда не украшались.⁴⁰ Вместо него на некоторые из них наносились

рунические знаки-тамги (рис. 24, 2, 5). Аналогии лепным котлам на других городищах неизвестны.

К отделу кочевнической керамики относятся также своеобразные по форме сосуды,

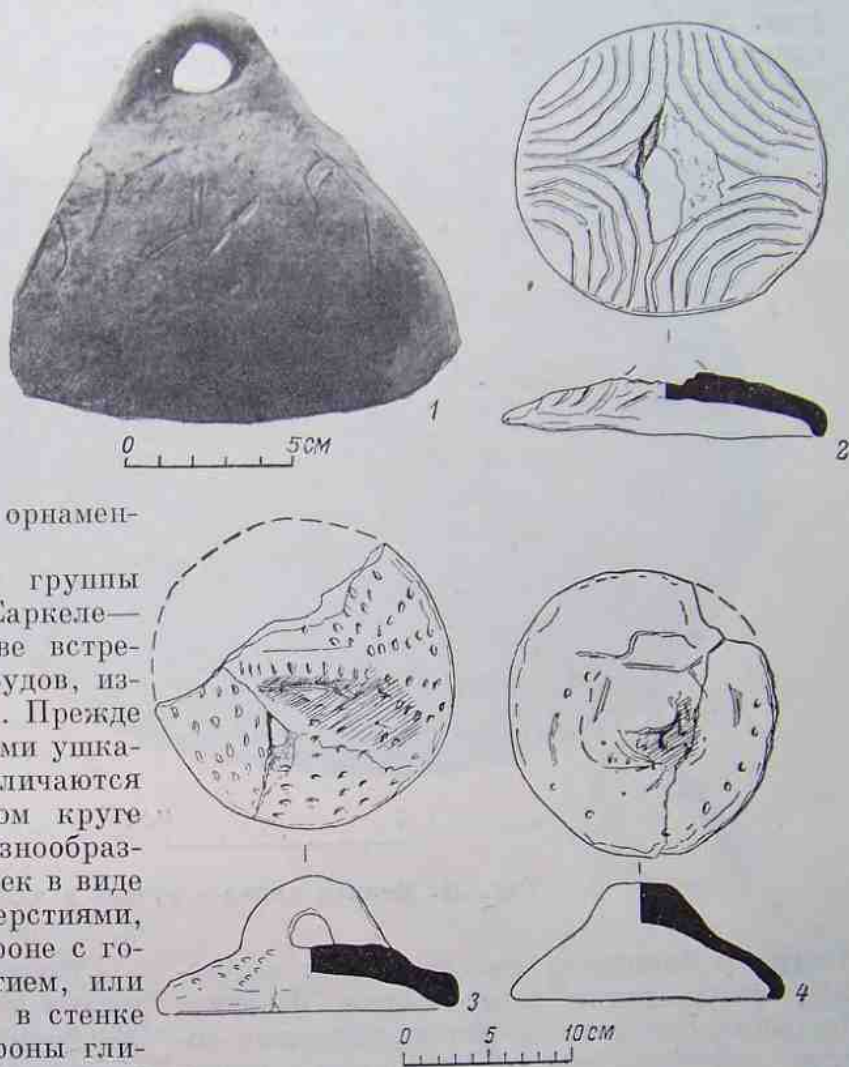

Рис. 20. Лепные крышки от кочевнических горшков.

служившие, судя по этнографическим аналогиям, детскими горшками, вставлявшимися кочевниками в люльки (рис. 25). По форме это цилиндры, иногда чуть сужающиеся ко дну, с широкими краями вместо венчика. Сосуд вставлялся в отверстие в люльке и плотно держался в ней благодаря закраине. Сосуды сделаны тщательно, стенки и закраины толстые, прочные, обжиг печной (излом серый, поверхность желтая).

вертикальные, на некоторых из них с внешней стороны прикреплены ручки (полукруглые, сплошные налепы).

³⁹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911; М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954; А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954; Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. XL, IX, L, LI.

⁴⁰ Кроме котлов, грубой кухонной посудой являются также сковороды, многочисленные обломки которых обнаружены в слоях Саркела—Белой Вежи. Изготовлены они из того же теста, что и остальная кочевническая керамика; бортики у них

Такие же детские горшки были найдены в Средней Азии,⁴¹ а также в домонгольском слое городища Сувар⁴² и в Азербайджане (городище Орен-Кала).⁴³

Следующий тип кочевнической керамики — небрежно сделанные сосуды баночной формы (рис. 26, 1—3). Венчик у них слабо отогнут, орнамент отсутствует. Только на некоторых проведен острым орудием (пожом?) зигзаг.

чевникам, являются небольшие, шарообразные, с плоским дном и прямым или отогнутым венчиком полукувшины-полугоршки с массивной круглой в разрезе ручкой, слегка возвышающейся у некоторых экземпляров над венчиками (рис. 26, 4—8). Близкие по форме кувшины известны в курганах тюрков-кочевников Средней Азии IX—X вв.⁴⁵

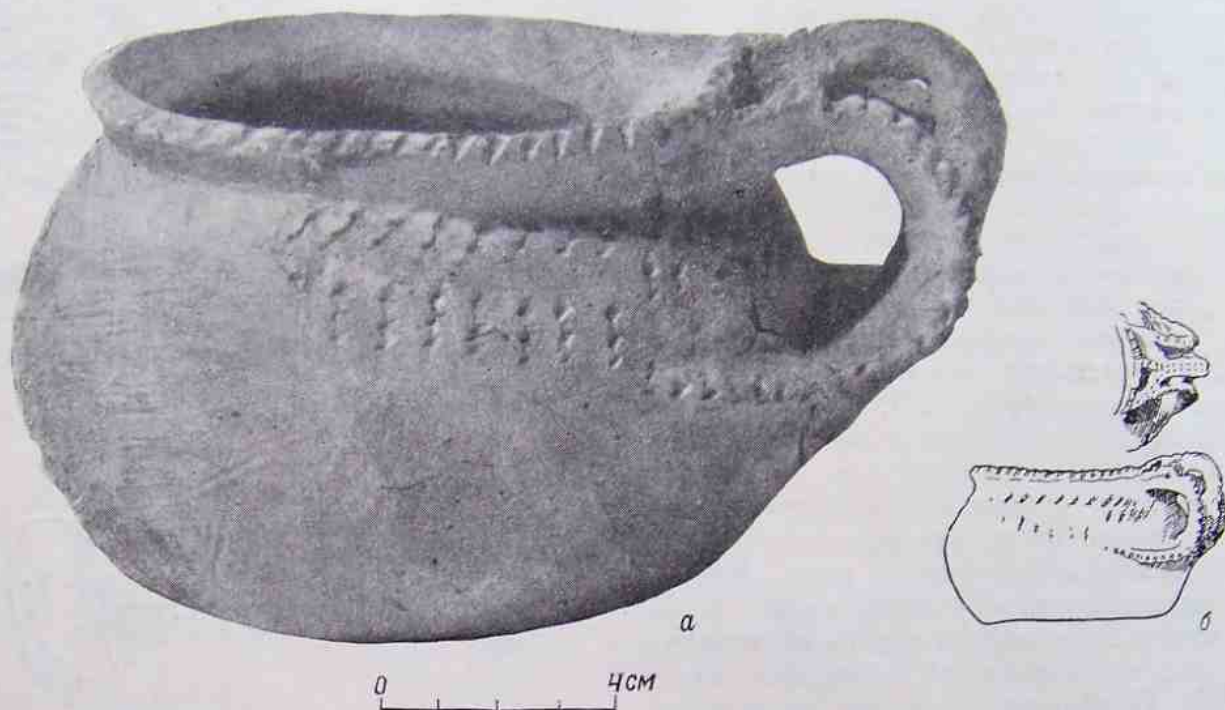

Рис. 21. Лепная чашка с ручкой в виде бараньих рогов.

Иногда у баночного сосуда стенки выпуклые, сосуд имеет тогда форму бочонка. Подобные баночные и бочонкообразные сосуды изображались половецкими камнерезами в руках каменных изваяний («каменных баб»), датирующихся примерно концом XI—XIII вв.⁴⁴ Наконец, последним типом керамики, относимой нами к ко-

Таким образом, третья группа керамики, включающая в себя весьма разнообразные по форме, орнаменту и назначению сосуды, связывается нами с тюркоязычными кочевниками, орды которых начали проникать в южнорусские степи с IV в. (гунны). Какому тюркоязычному народу или какому союзу тюркоязычных племен принадлежит эта керамика, сказать трудно. Как и салтово-маяцкая группа керамики, она, вероятно, оставлена не одним, а несколькими народами. С момента постройки хазарского Саркела и до гибели русской Белой Вежи в городе могли обитать следующие кочевые и полукочевые народы: хазары, болгары, печенеги, торки — гузы, половцы. С болгарами связывается салтово-маяцкая керамика.

⁴¹ ГИМ, № 39549 (находки из с. Лебединое, оз. Исык-Куль).

⁴² А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, табл. XVIII, рис. 151, 152.

⁴³ Пользуюсь случаем поблагодарить А. Л. Яковсона за любезную информацию о средневековой керамике городища Орен-Кала.

⁴⁴ Днепропетровский музей (около 100 изваяний); Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах. ЗООИД, т. XXXII, 1915. С. А. Плетнева. Печенеги, торки, и половцы в южнорусских степях. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА № 62, 1958, стр. 207—212, рис. 28—38.

⁴⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 87, 88, рис. 48, 3.

Основная масса кочевнической керамики IX—XI вв. могла принадлежать хазарам, печенегам и гузам. Судя по тому, что изредка сосуды с пышным орнаментом или тамгообразными знаками⁴⁶ встречаются в кочевнических (печенежских и торкских — гузских) погребениях южнорусских степей и Заволжья, можно предположить, что по-

0 2 CM

Рис. 22. Горшочек со знаком из кургана 10/3.

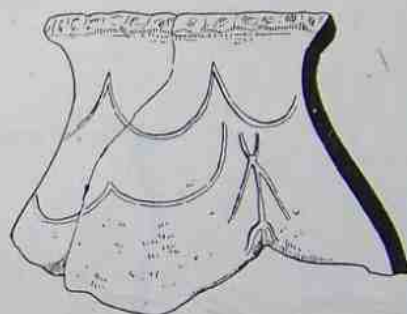
давлиющее большинство кочевнической керамики оставлено этими народами. Половцы принесли на городище грубую баночную керамику. Котлы и детские горшки использовались всеми кочевыми или полукочевыми народами. Керамика кочевых тюркоязычных племен не была до настоящего времени известна археологам. В данной работе попытка разобраться в огромном количестве керамики, по ряду признаков относимой к кочевникам, делается впервые. Поэтому вполне вероятно, что при классификации и примерном определении этнической принадлежности различных типов керамики допущены ошибки. Исправить их будет возможно только после

⁴⁶ Тамгообразные знаки на камнях Маяцкого городища появились раньше, чем проникли в южнорусские степи первые отряды печенегов. Отсюда и вывод — они не могли принадлежать ни печенегам, ни какому-либо другому кочевому народу после них. Их оставили тюркоязычные народы VIII—IX вв., т. е. болгары или хазары.

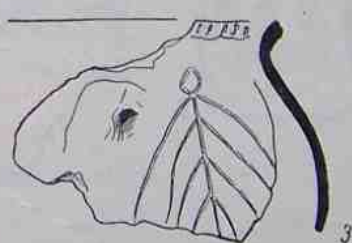

0 5 CM

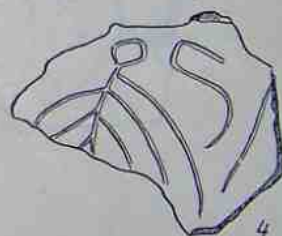
0 5 CM

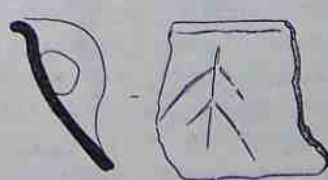
2

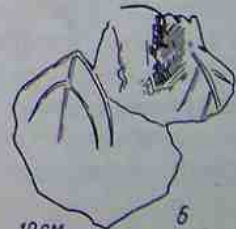
3

4

5

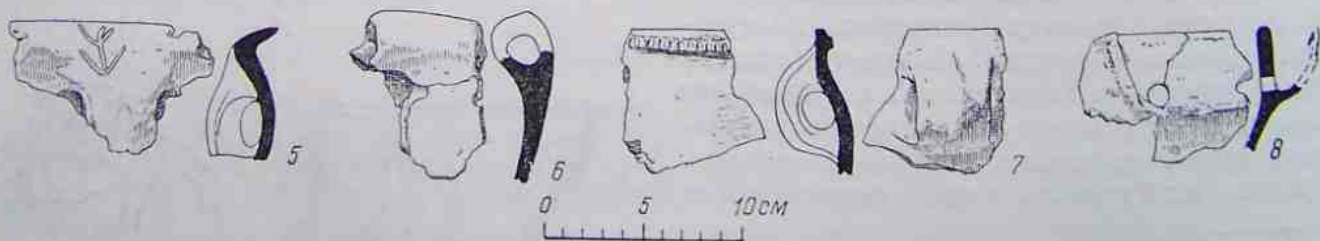
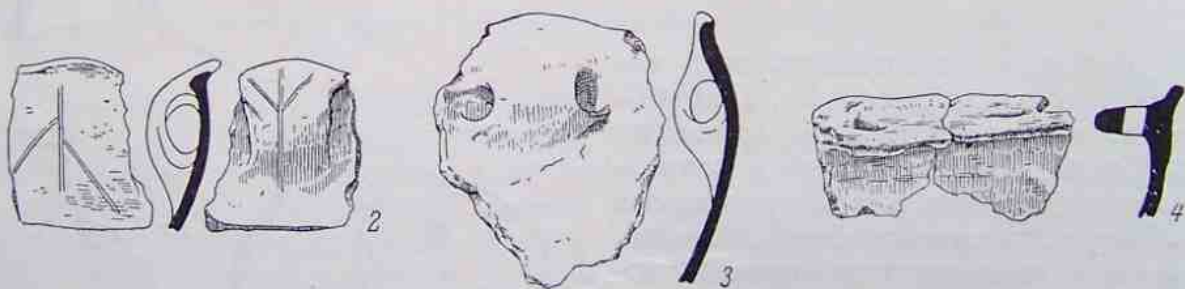
6

0 5 10 CM

Рис. 23. Кочевнические сосуды со знаками, процарапанными по сырому тесту.

0 5cm

0 5 10cm

Рис. 24. Котлы с внутренними ушками.

1 — целый лепной котел; 2—8 — обломки венчиков котлов.

изучения керамики в различающихся хронологически и этнически кочевнических комплексах.

IV. «КАСОЖСКАЯ» КЕРАМИКА

Четвертая группа керамики Саркела—Белой Вежи немногочисленна (2.5%) и представлена всего одним типом посуды — леп-

занный, у большинства сосудов украшен косыми насечками. На плечики горшков часто наносился орнамент в виде однорядной крутой волны, зигзага и косых насечек.

М. И. Артамонов полагает, что керамика этого типа уходит корнями в местную керамику первых веков нашей эры. Она встречена в верхних слоях Гниловского городища

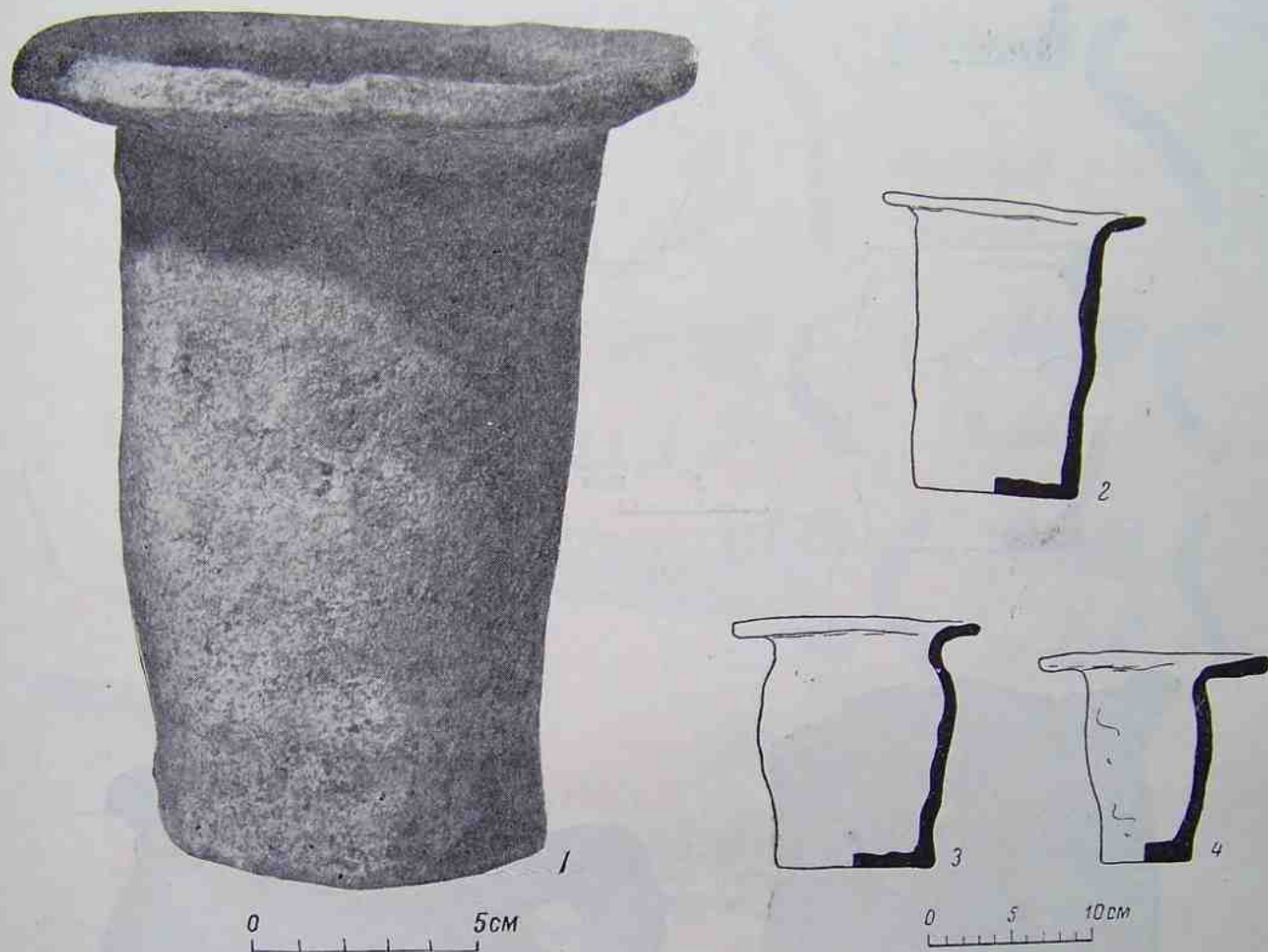

Рис. 25. Детские лентные горшки.

ными горшками, изготовленными из плотного теста без примесей или с примесью дресвы (рис. 27).⁴⁷ Цвет обжига черный или темно-серый. На городище не обнаружено ни одного целого горшка, поэтому о форме их можно судить только по сохранившимся обломкам венчиков и стенок — горшки были, по-видимому, яйцевидные, с отогнутыми венчиками. Край венчика прямой, как бы обре-

и на Кобяковом городище.⁴⁸ В массовом же количестве подобная керамика встречается на Кубани и в Тматорокани. В Тматорокани ее особенно много в слоях конца X—XIII вв. Поскольку Прикубанье и Тматорокань в X—XIII вв. заселены были касогами-адыгейцами, то естественно предположить, что описанная керамика принадлежит именно этому народу.

⁴⁷ Часть горшков этой группы подправлена на гончарном круге.

⁴⁸ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 41, рис. 24 и др.

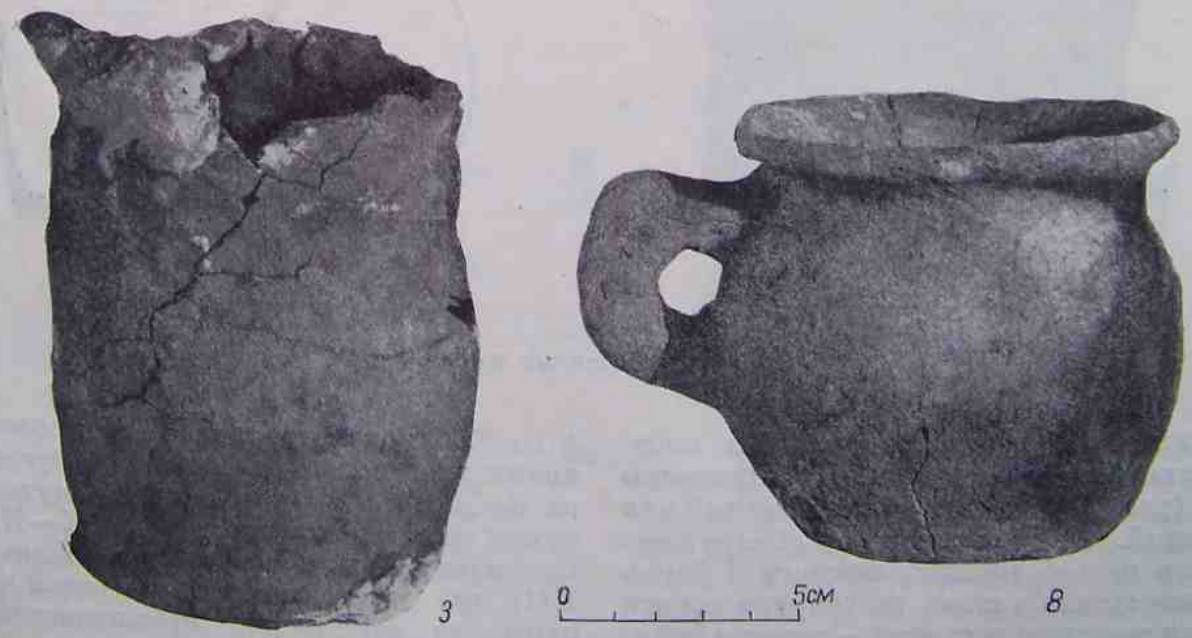
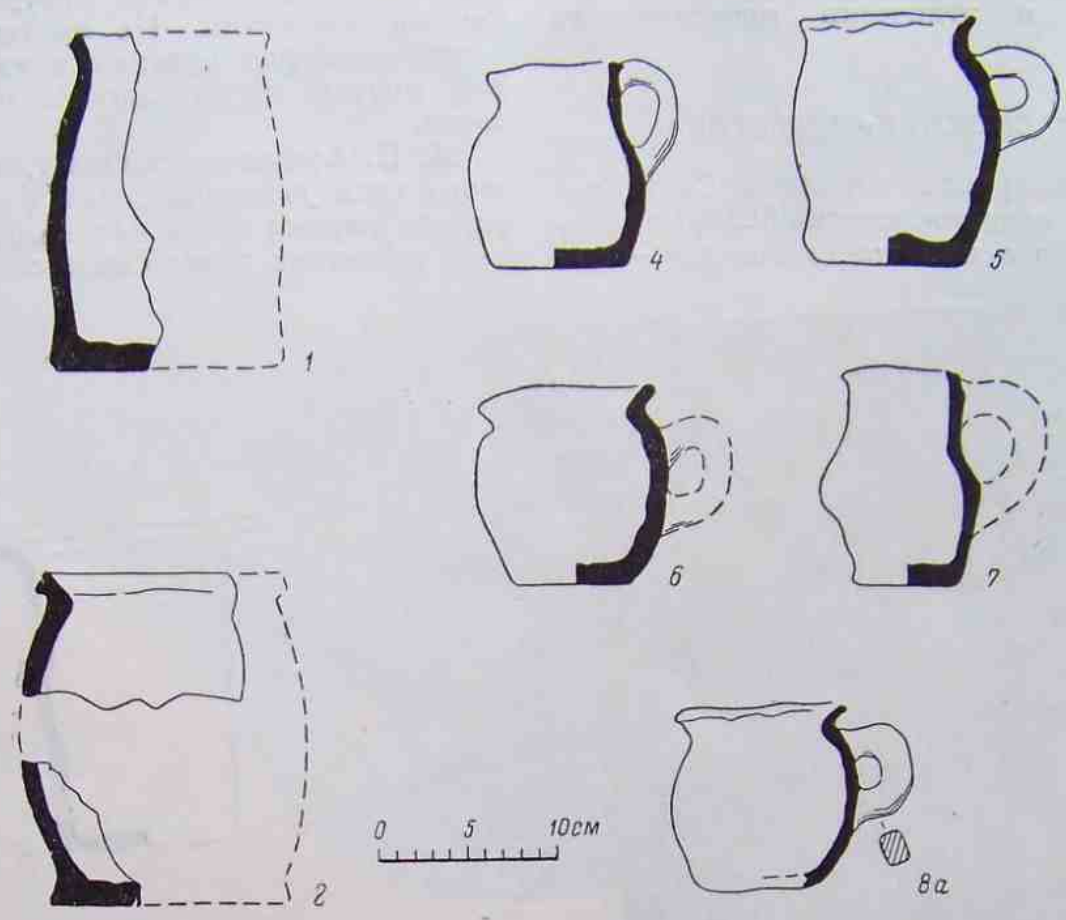

Рис. 26. Кочевнические сосуды из грубого теста XI—XII вв.

V. ТАРНАЯ КЕРАМИКА

Массовым керамическим материалом на городище являются обломки тарной посуды, преимущественно амфор и высоких красноглиняных кувшинов.

Амфоры. Фрагменты амфор составляют 24,6% всей изученной на городище керамики

Первый вид — большие желтоглиняные,⁵⁰ продолговатые, круглодонные амфоры с неглубоким рифлением. Горла у них высокие, венчики слабо выраженные, ручки поднимаются от плечиков и затем, не доходя до венчика, под прямым углом подходят к верхней части горла амфоры (рис. 28, 3—6). Форма самих ручек неправильная,

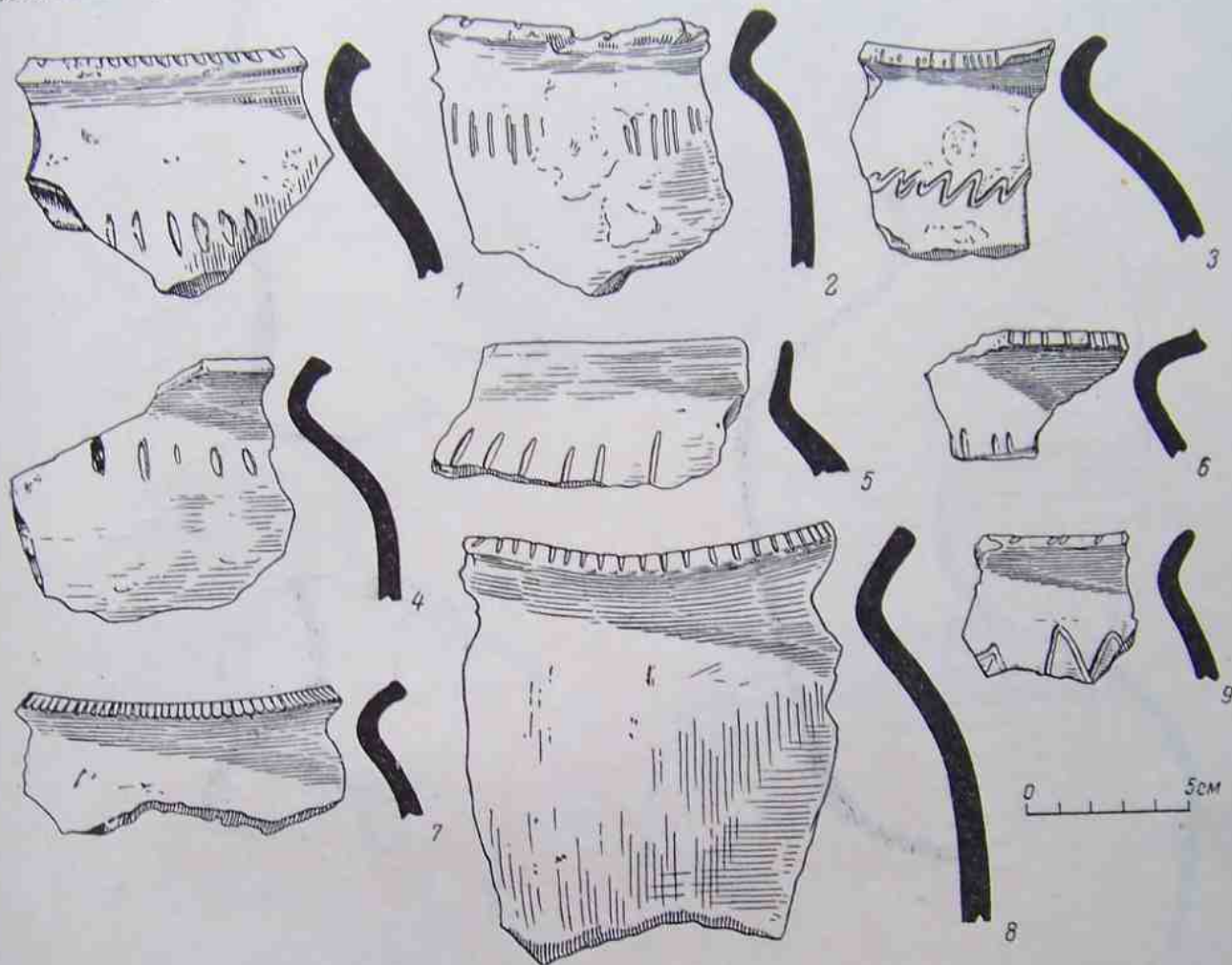

Рис. 27. Обломки «кожежных» горшков.

(рис. 28—31). Высокий процент создает впечатление, что амфоры были одним из преобладающих типов сосудов на городище. Однако подсчет обломков венчиков амфор и горшков, проделанный М. И. Артамоновым, привел его к выводу о том, что «амфорообразная керамика в быту димлянских городищ занимала сравнительно скромное место.»⁴⁹

На городище встречено пять видов амфор.

с выступающим ребром (или валиком) вдоль верхней поверхности. Все эти черты сближают амфоры первого вида с позднееримскими, на что уже указывал М. И. Артамонов.⁵¹

Аналогии подобным амфорам известны на всей территории от Верхнего Донца до Кубани (на городищах VIII—IX вв.). Центр их производства был, по-видимому,

⁵⁰ В тесте некоторых из них заметна примесь шамота.

⁵¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 71.

⁴⁹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 68—76.

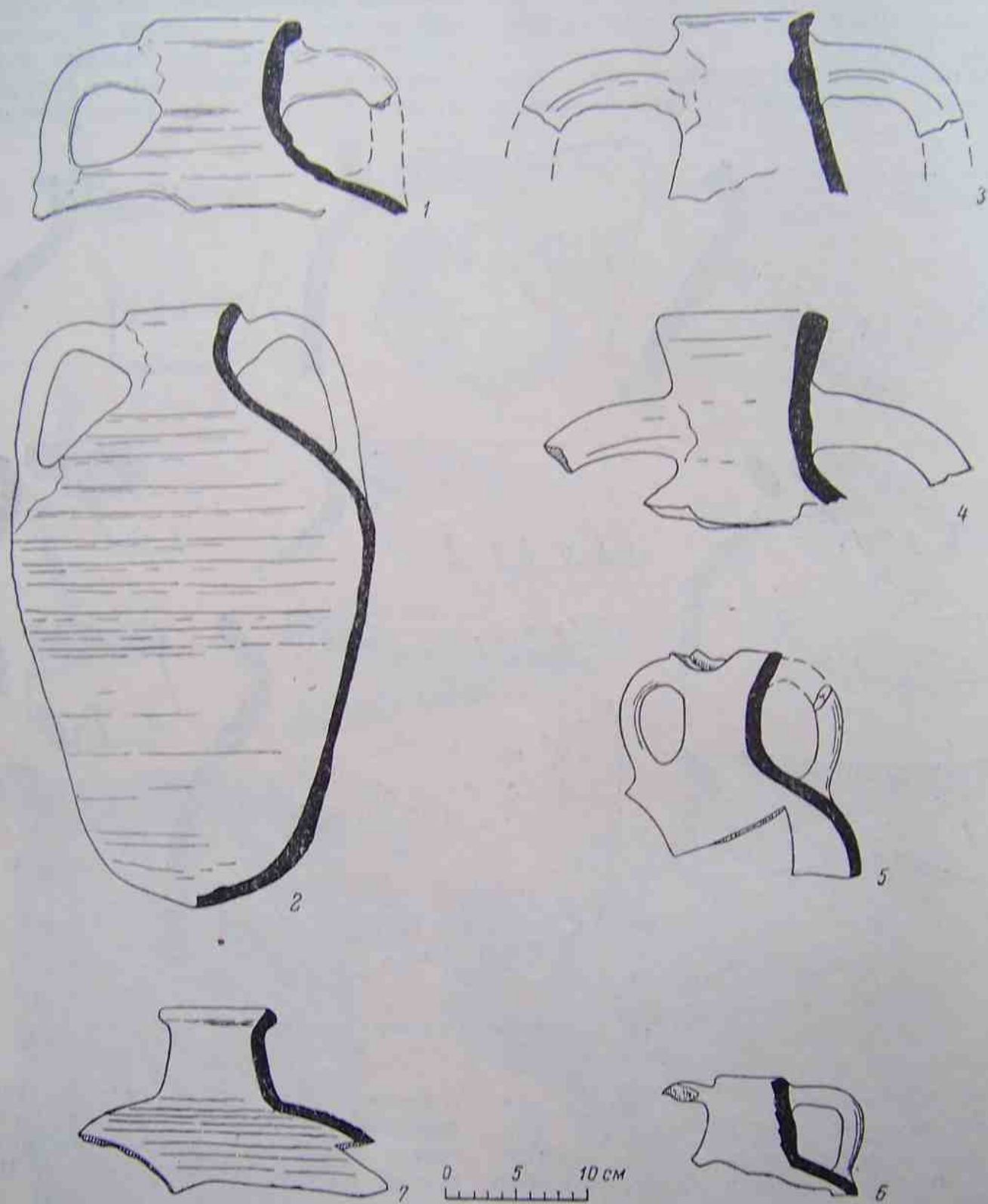

Рис. 28. Амфоры IX—X вв.

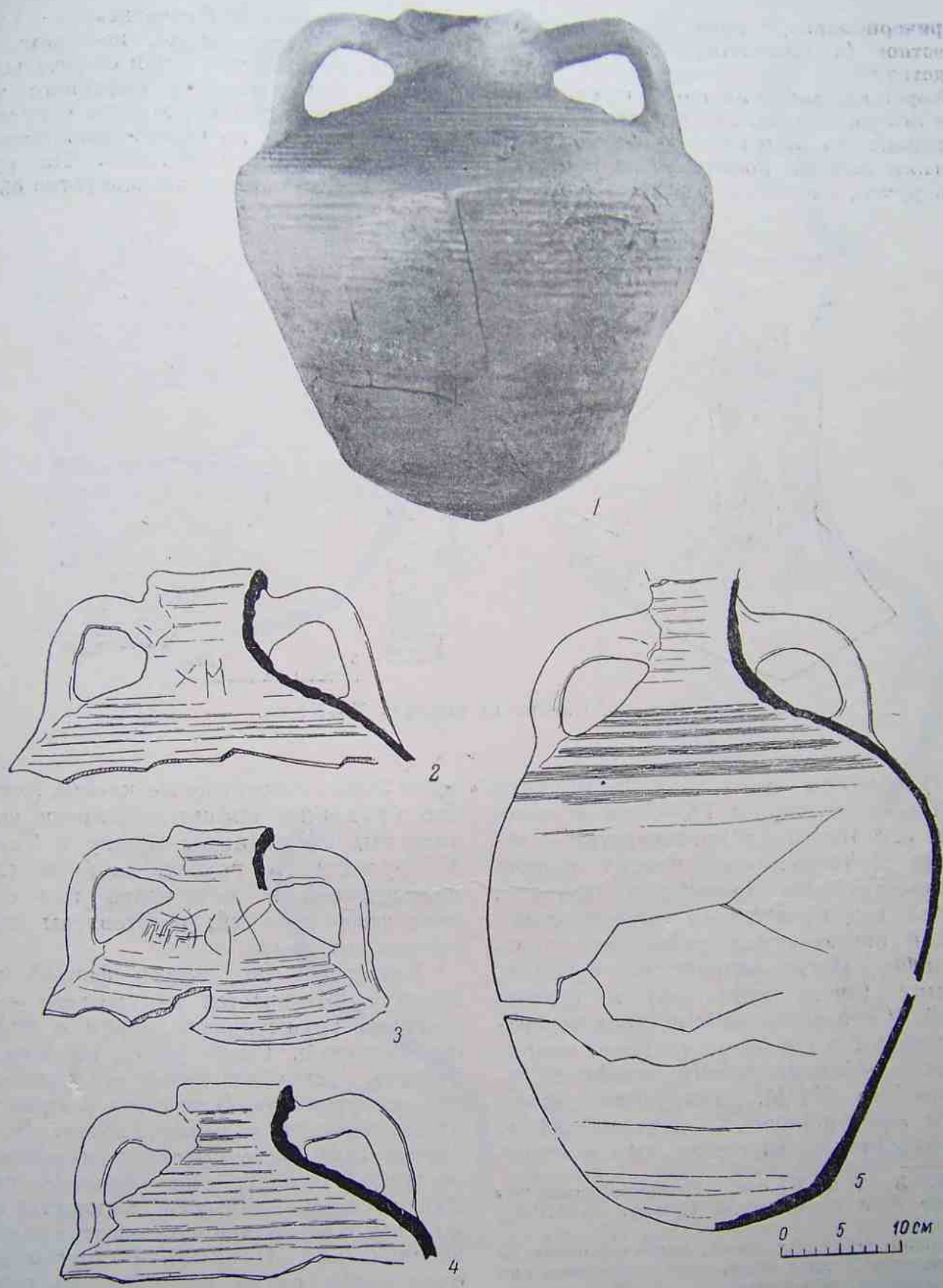

Рис. 29. Амфоры X—XI вв.

в Причерноморье,⁵² хотя вполне вероятно и местное (в частности, саркелское) производство.⁵³

Второй вид амфор является, по существу, более поздним вариантом первого вида, отличающимся от него менее высоким горлом и мягким изгибом поднимающихся от плечиков ручек, овальных в разрезе (рис. 28,

но изготовлены в Причерноморье, однако в Саркеле существовало, по-видимому, и местное производство, о чем свидетельствует прежде всего разница амфорного теста. У одних тесто тонкое, хорошо отмученное, цвет от желтого до светло-оранжевого; поверхность покрыта ангобом. На ручках и горлах этих амфор неоднократно обнару-

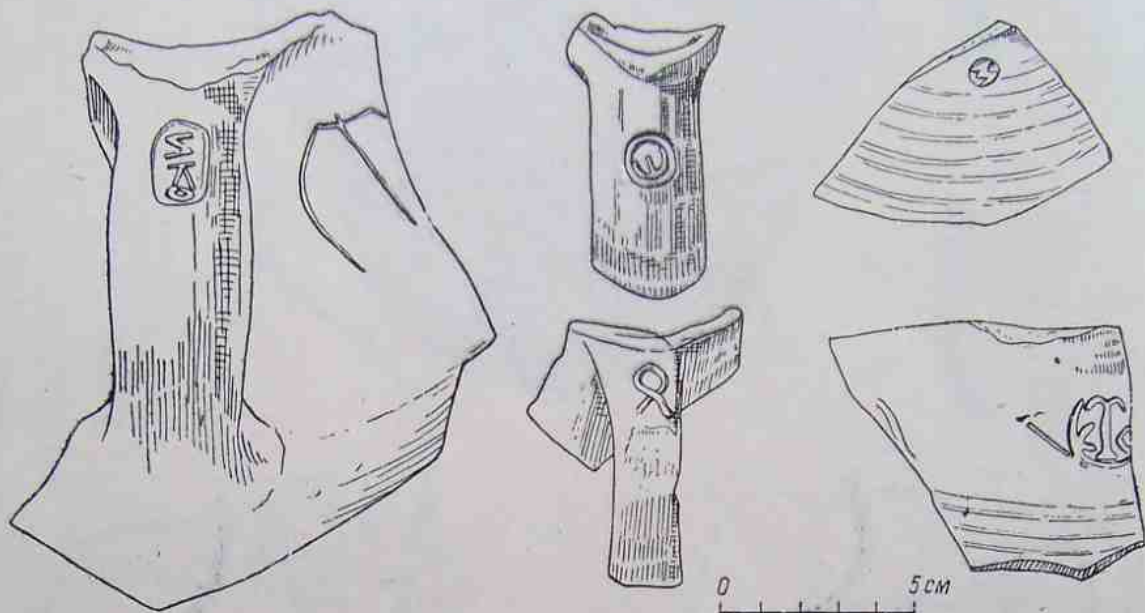

Рис. 30. Клейма на амфорах X—XI вв.

1, 2, 7). Амфоры этого вида датируются А. Л. Якобсоном концом IX—первой половиной X в.⁵⁴ Центр их производства — по-прежнему Причерноморье, однако область их распространения чрезвычайно широка.

Третий вид представлен грушевидными широкими бороздчатыми амфорами с низким горлом, круто изогнутыми ручками, овальными (почти круглыми) в разрезе (рис. 29). У отдельных экземпляров поверхность тулова без бороздок, гладкая, покрытая вместо рифления тонким линейным орнаментом (рис. 29, 5). Датируются амфоры третьего вида концом X—началом XI в. Как и два предыдущих вида, они в основ-

жены были разнообразные клейма (рис. 30).⁵⁵ Это привозные амфоры, аналогии которым известны в Византии, Крыму и Тамани.⁵⁶ У других тесто грубое, часто со следами подмешанной в него травы или соломы, цвет темно-красный; изготовлены они, вероятно, на месте.

Четвертый вид амфор формой тулова почти не отличается от третьего — те же широкие грушевидные сосуды с рифленной поверхностью. Горло у них высокое, края венчика сильно отогнуты, что придает ему вид «воротничка». Плоские в разрезе ручки прикрепляются к горлу двояко. В одном случае один конец ручки прикреплен под венчиком, второй — на плечиках сосуда. Ручки сильно изогнуты, вытянуты вверх, и их изгиб несколько возвышается над краем венчика (рис. 31, 1—3). В другом случае один конец ручки закреплен на середине

⁵² А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму. КСИИМК, 54, 1954.

⁵³ Около некоторых печей, расположенных на берегу старицы Дона и служивших в основном для обжига кирпича, обнаружено было небольшое количество фрагментов амфор (может быть, производственный лом?).

⁵⁴ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, рис. 5, а, б. 6, 21—26.

⁵⁵ Клеймение амфор особенно распространено было в Константинополе (А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры. . . , стр. 336).

⁵⁶ Там же, стр. 334.

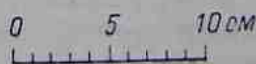
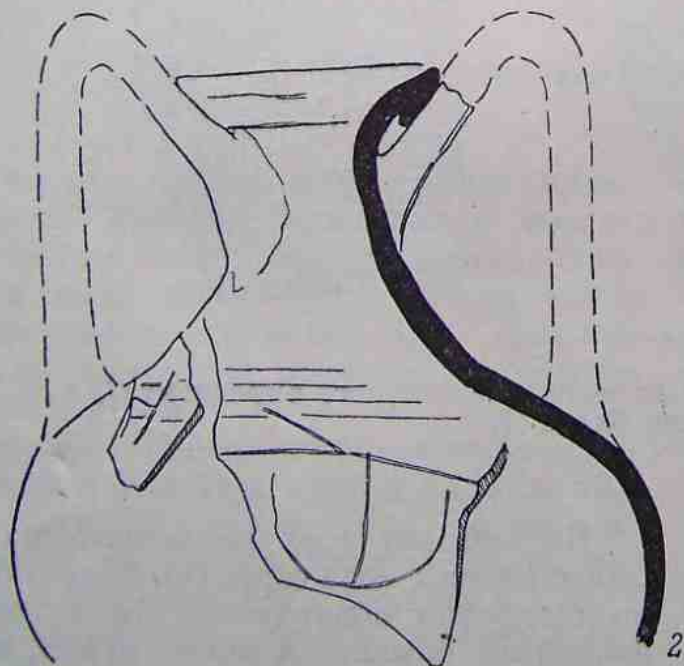
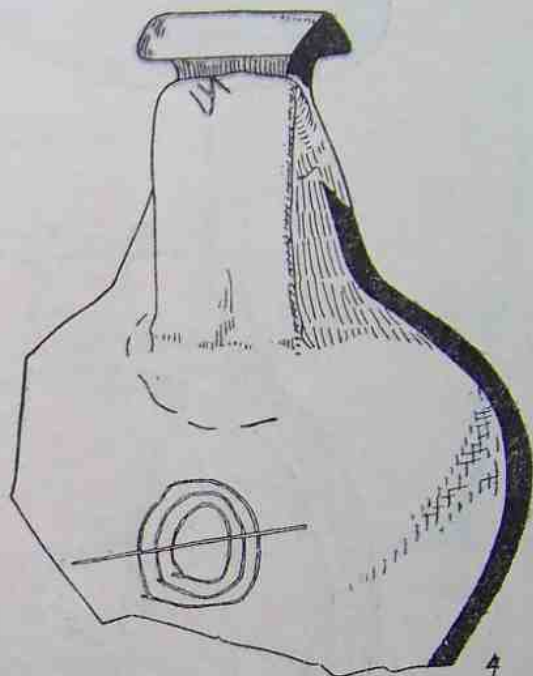
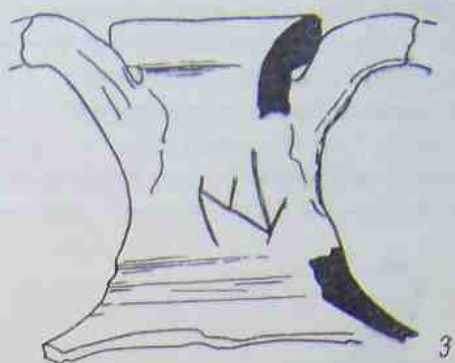
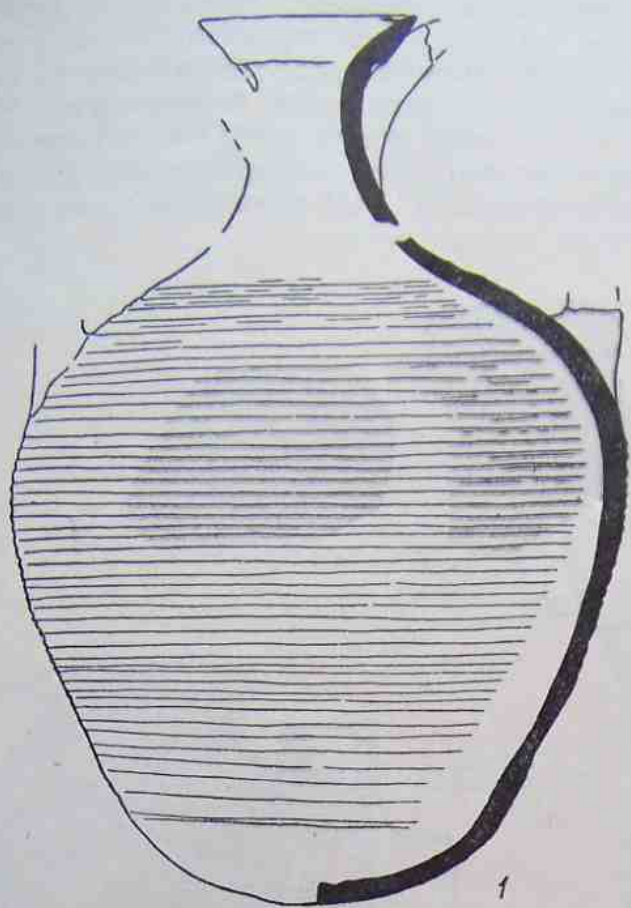

Рис. 31. Амфоры XI—XII вв.

длины горла, второй — на плечиках (рис. 31, 4). Различия форм амфор, по-видимому, указывают на хронологическую разницу. Стратиграфическое их изучение в Саркеле показало, что амфоры с ручками, поднятыми над венчиком, располагаются в слоях более ранних, чем амфоры с ручками-скобками. Преобладающее большинство обломков ам-

этого вида длинные, яйцевидные, с высоким горлом, без выделенного венчика и с овальными в разрезе ручками, сильно поднятыми над краем горла (рис. 31, 5). Как и предыдущие виды, они широко распространены в соответствующих слоях (в основном XII в.) городов Крыма и Таманского полуострова.

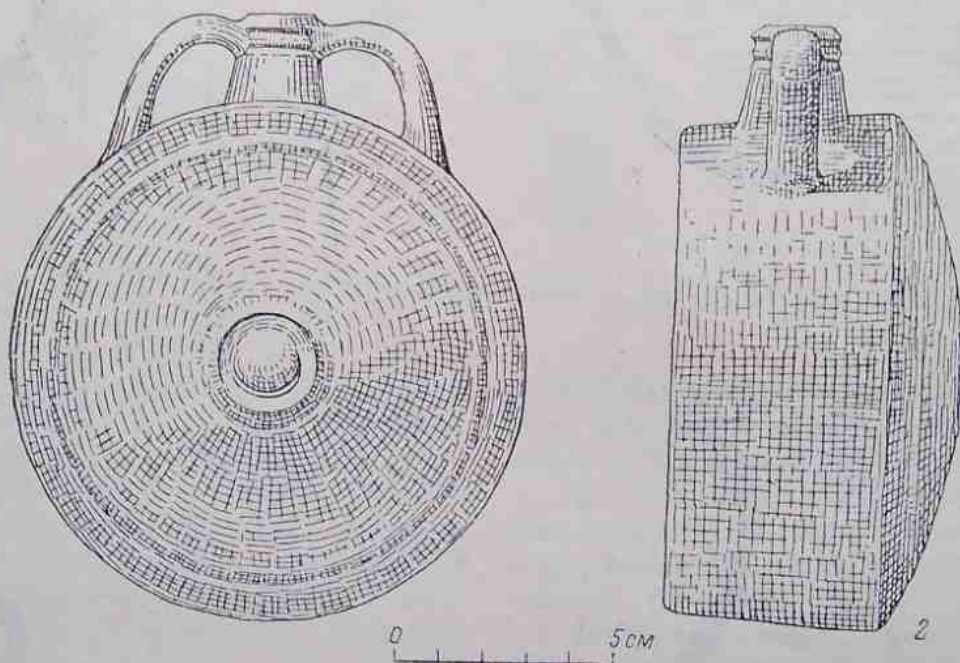

Рис. 32. Обломки фляги, изготовленной из теста, аналогичного амфорному (1) и реконструкция фляги (2).

фор «с высокими ручками» покрыто ангобом и изготовлено из плотного желто-оранжевого теста. Амфоры с «низкими ручками»-скобками, вероятно, в большинстве случаев местные. Сделаны они из грубого теста (часто с примесью соломы). Обжиг красный или оранжевый.

Пятый вид амфор наиболее поздний хронологически — конец XI—XII вв.⁵⁷ Амфоры

⁵⁷ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры..., рис. 10, 35—36.

На амфорах всех перечисленных видов, особенно трех последних (наиболее поздних), неоднократно обнаружены были граффити, наносимые обычно на горло, ручки, плечики или нижнюю часть сосудов.⁵⁸ Граффити изображали греческие буквы, сочетания их, черточки, кресты, звезды, тамгообразные

⁵⁸ Иногда знаки были очень крупные и покрывали все тело амфоры (например, амфора из раскола II 1951 г., № 1949).

знаки (знаки тюркской письменности), тамги, напоминающие знаки Рюриковичей, и т. п. Граффити наносились (в отличие от клейм) уже по обожженному тесту; это значит, что они обозначали не имя или знак мастера, изготовлявшего амфору, а знак владельца ее. Иногда на одной амфоре нанесено не-

как и амфоры, в Причерноморье.⁶¹ В Саркеле обнаружено было всего несколько обломков — фрагменты стенок, фрагмент дна с боковой стенкой, горлышко с венчиком (рис. 32). По ним легко восстанавливается форма этих сосудов — это низкий цилиндр с выпуклой верхней поверхностью и плос-

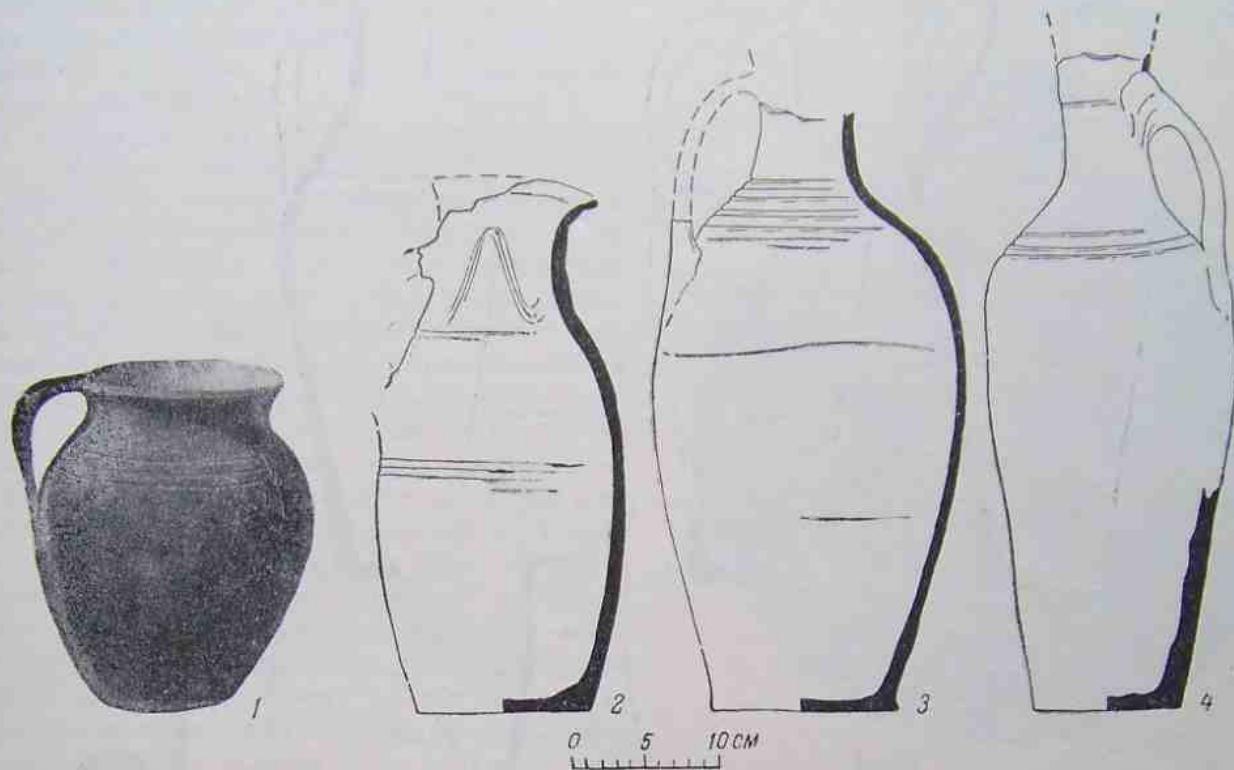

Рис. 33. Кувшины с плоскими ручками.

сколько знаков, часть которых зачеркнута. При торговле амфоры, по-видимому вместе с содержимым, неоднократно переходили из рук в руки. Внутренняя поверхность привозных амфор (примерно 10% всех известных на городище) покрыта смолистым черным веществом.⁵⁹

К амфорам вплотную примыкает по качеству теста и обжига редкий в Саркеле тип сосудов — баклажки или фляги, чрезвычайно распространенные среди кочевников Причерноморья и Венгрии в VIII—X вв.⁶⁰ Изготавливались фляги, по-видимому,

кой нижней. Высокое и узкое горло помещено на боку сосуда. К горлу прикреплена круглая, овальная в разрезе ручка.⁶² Лицевая выпуклая поверхность фляги украшена орнаментом в виде вдавленных в центре одного или двух концентрических кружков. Диаметр сосуда около 16 см, высота 7.5 см. Сосуды изготавливались из тонкой, хорошо отмученной глины, прекрасно обожжены и покрыты ангобом.

(М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища).

⁵⁹ Возможно, что смолистый черный слой остался на стенках амфор от содержавшегося в них какого-то горючего смолистого вещества (нефти), привозимого в Саркел с Таманского полуострова, где в те времена существовали крупные нефтяные промыслы.

⁶⁰ Известны они были и населению Подонья. Две баклажки, обнаруженные на территории нижнего Подонья, хранятся в Новочеркасском музее

⁶¹ Рядом с раскопанными А. Л. Якобсоном (в Морском) печами обнаружены были обломки смятых бракованных фляг [А. Л. Якобсон. 1) Раннесредневековые гончарные печи... стр. 168; 2) Средневековые гончарные печи в районе Суздака (по раскопкам 1953 г.). КСИИМК, 60, 1955, стр. 106.]

⁶² У известных целых экземпляров всегда к горлу прикреплена не одна, а две ручки.

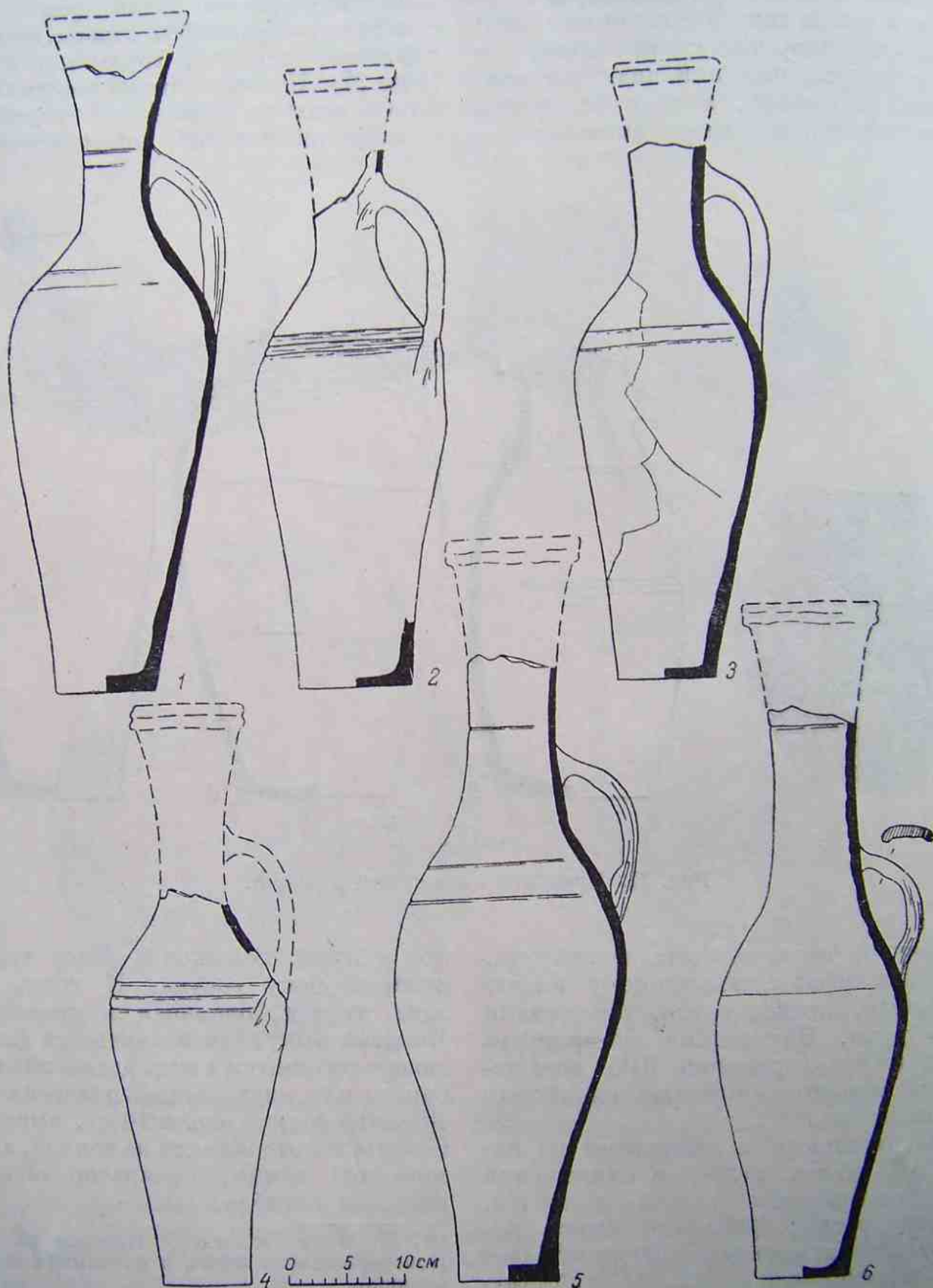

Рис. 34. Кувшины с плоскими ручками.

Небольшое количество находок обломков фляг на городище можно объяснить только тем, что фляги использовались населением (преимущественно кочевниками) во время военных походов или в летнее время — в кочевьях. Там во время переездов они часто, вероятно, разбивались, и их обломки выбрасывались в степи.

Красноглиняные кувшины. Около 34% всех фрагментов керамики на городище составляют находки фрагментов красноглиняных кувшинов (рис. 33, 34). Помимо мелких обломков, на городище обнаружено более десяти целых кувшинов, поэтому о форме их мы можем говорить вполне определенно. Это высокие (более 50 см) и узкие, стройные сосуды с небольшим в диаметре дном (приблизительно 10 см) и узким высоким горлом. Плечики у кувшинов покатые, венчик выражен слабо и представляет собой однорядный или двухрядный валик. По плечикам и иногда горлу проведен орнамент — одна, две или три линии. Характерной особенностью кувшинов являются плоские широкие ручки, нередко украшенные по внешней стороне орнаментом в виде наколов острой палочкой. На каждом кувшине ручка прикреплена одним концом к плечу кувшина, другим к средней или даже нижней части горла. Описанная форма кувшинов очень устойчива. Она разнообразится незначительными деталями — большей или меньшей покатостью плечиков, шириной и длиной горла,⁶³ величиной ручек. У некоторых кувшинов нижняя часть слегка вогнута, что придает им особую стройность. Аналогии этим кувшинам встречаются во всех городах Северного Причерноморья в слоях IX—XI вв.⁶⁴ Как и в Саркеле, количество их в слоях весьма значительно (в Тамани, например, 50% всех обломков керамики на городище занимают фрагменты кувшинов).

Значительное количество обнаруженных на городище фрагментов кувшинов с внутренней стороны покрыто черным смоли-

стым веществом. В Тмутарокани 85% кувшинов покрыто подобным «смолением». В других причерноморских городах кувшины со «смолением» также попадают в огромном количестве. Из причерноморских портов кувшины привозились и в Саркел—Белую Вежу. Кувшины местного производства отличаются от причерноморских составом и качеством теста. В Причерноморье

Рис. 35. Шаровидный сосуд.

все сосуды этого типа сделаны из хорошо отмученного и хорошо обожженного теста. Цвет их ровный, красновато-бурый. В Саркеле тесто сильно песчанистое, слоистое. Обжиг также не всегда равномерный, в некоторых местах цвет сосуда почти черный, в других желтоватый и т. д. Количество местных кувшинов в слоях не превышает 25%.

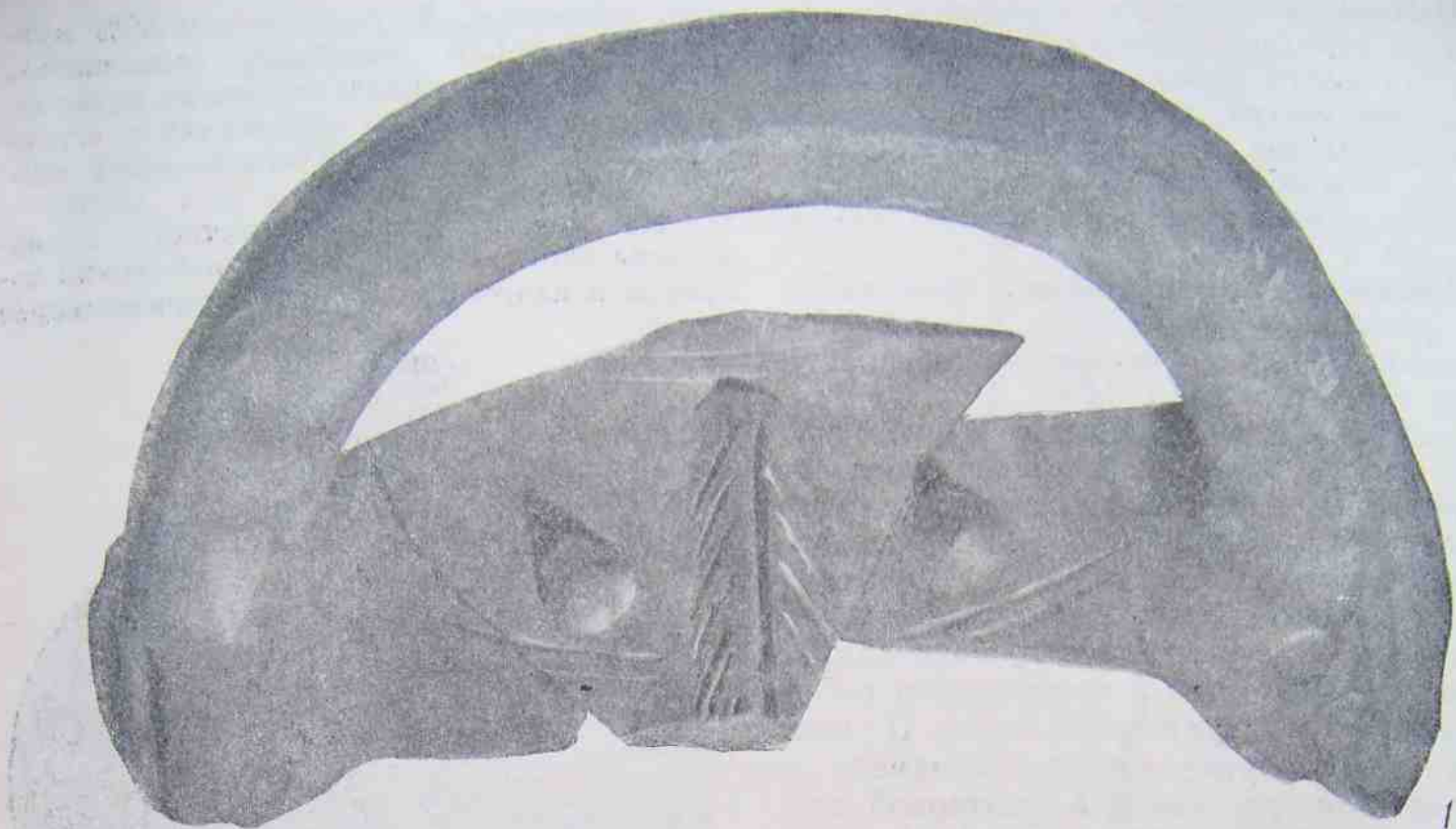
На стенках и горлах кувшинов изредка процарапывались граффити, обозначающие тамги владельцев кувшинов, надписи или числовые записи.⁶⁵

Из песчанистого, несколько рыхлого, но хорошего теста, аналогичного тесту описанных кувшинов, изготавливались сосуды

⁶³ У некоторых кувшинов длина горла не превышает 12 см (2 экз.). Кувшины с коротким горлом датируются по аналогии с керченскими и таманскими концом VIII—началом IX в. (см. материалы поселения у с. Алексеевка начала IX в., слой Тмутарокани VIII—IX вв.: ИИМК, экспедиции Пантукеевской 1955 г. и Таманская 1953—1955 гг.).

⁶⁴ В Херсонесе они датируются стратиграфически IX—X вв. В Фанагории в слоях конца IX—X в. их нет. В Тмутарокани они заполняют слои IX—X—XI вв.

⁶⁵ Целый кувшин с аналогичными саркелским цифровыми записями найден был в Тмутарокани в слое X в. Сообщение о прочтении и расшифровке их было сделано Б. А. Рыбаковым на заседании Сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР 17 февраля 1955 г.

0 5cm

Рис. 36. Обломки сосудов с орнаментом, врезанным по необожженному тесту.

других форм. Таков высокий яйцевидный кувшин с широким дном.⁶⁶ Горло у кувшина короткое, плавно переходящее в тулово. Венчик пухлый, с оттянутым носиком, ручка овальная в разрезе. По телу и плечикам проведено несколько неглубоких линий, а на горле — волна. Кувшин этот — ве-

прикрепленная другим концом к стенке сосуда. Плечики украшены линейным орнаментом (2—3 неглубоких полосы). Обломки аналогичных сосудов встречались в слоях X—начала XI в. в Тмутарокани. С высокими кувшинами их объединяет только состав теста и форма ручек.

Рис. 37. Обломки сосуда, богато орнаментированного врезанным узором.

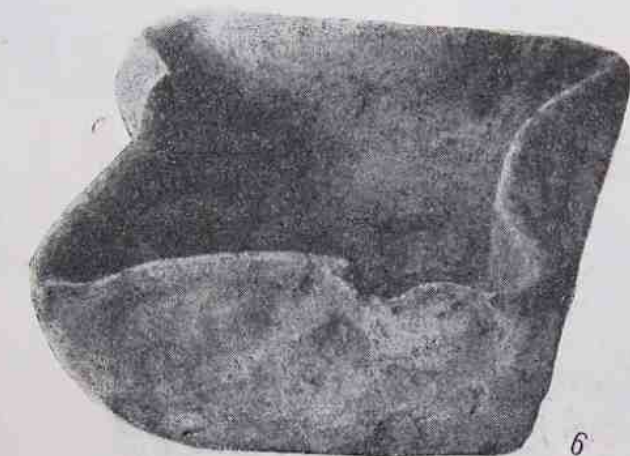
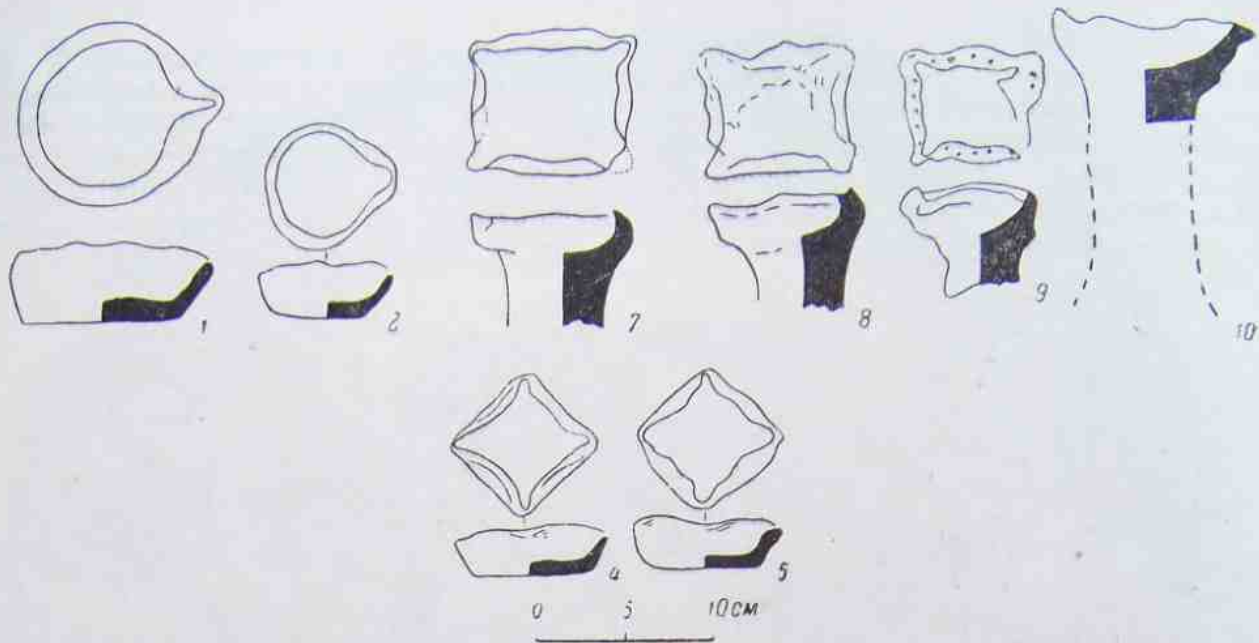
роятно, местный, наиболее ранний вариант высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (рис. 33, 2).

Другой тип сосудов — невысокие полукувшины-полугоршки, напоминающие формой тулова русские стройные горшки (рис. 33, 1). Горло у них, как у горшков, почти отсутствует, венчик отогнут слабо, край венчика обрезанный, прямой. От венчика отходит плоская круто изогнутая ручка,

особую группу тарной посуды составляют и ф о с ы. Желто-глиняные и оранжевые пифосы, имеющие многочисленные аналогии в средневековых городищах (в частности, в Тмутарокани), — редкая находка в Саркеле—Белой Веже. Кроме одного целого пифоса, на городище, несмотря на огромные размеры этих сосудов, найдено всего 0.2% их фрагментов от общего количества подсчитанной керамики.

Форма тулова саркелских пифосов всегда одинакова — это вытянутые, стройные горшки с крутыми плечиками, небольшим дном

⁶⁶ Тулово несколько напоминает некоторые грубо сделанные высокие кувшины.

6

10

9

0 3cm

0 3cm

Рис. 38. Лепные светильники.

прямыми стенками и круто отогнутым венчиком. Верхняя грань венчика уплощена. У одних она узкая, без орнамента, у других широкая, украшенная наколами, волной или зигзагом. Датируются те и другие сосуды X—XI вв.

Привозной, обыкновенно поливной посуды очень мало. В Саркеле найдено несколько целых сосудов и мелкие обломки зеленых, желтых, коричневых поливных белоглиняных сосудов, покрытых люстром. По определению Б. А. Шелковникова, только небольшая часть поливной керамики, а именно кувшины, напоминающие формой салтовские, вероятно, местного или северокавказского происхождения. Вся остальная посуда была доставлена в Саркел из Закавказья, Ирана, Херсонеса, Византии.

Среднеазиатской экспортной посуды в Саркеле почти нет. Кроме нескольких обломков поливных блюд, к ней относятся также большие шарообразные сосуды с узким невысоким горлом (ртутные сосуды, рис. 35).

По-видимому, привозными из Передней Азии или Византии являлись так называемые «точеные» сосуды из красной, хорошо отмученной и обожженной глины (рис. 36, 37). Орнамент на них был вырезан по сырому, чуть подсушенному тесту.

В Саркеле—Белой Веже обнаружены лепные сосуды разнообразного хозяйственного назначения, этническая и культурная принадлежность которых оказалась неопределенной. В общей массе керамики они занимают более 3%.

Помимо описанных выше круговых светильников на высоком поддоне, в Саркеле известно несколько десятков светильников, изготовленных из черного теста с примесью дресвы и мелкого шамота. Они подразделяются на два вида: лепные светильники на высоком поддоне и низкие светильники-чашечки, изготовленные на круге и от руки. Первые подражают формой круговым светильникам, только поддоны у них не конические,

а цилиндрические, и чаши не только круглые, но и квадратные, с носиками на углах (рис. 38, 7—11). Лепные светильники на цилиндрических поддонах неоднократно находили на Таманском городище в средневековых слоях IX—X вв.

Низкие светильники (лепные и сделанные на круге) имеют вид круглых, квадратных

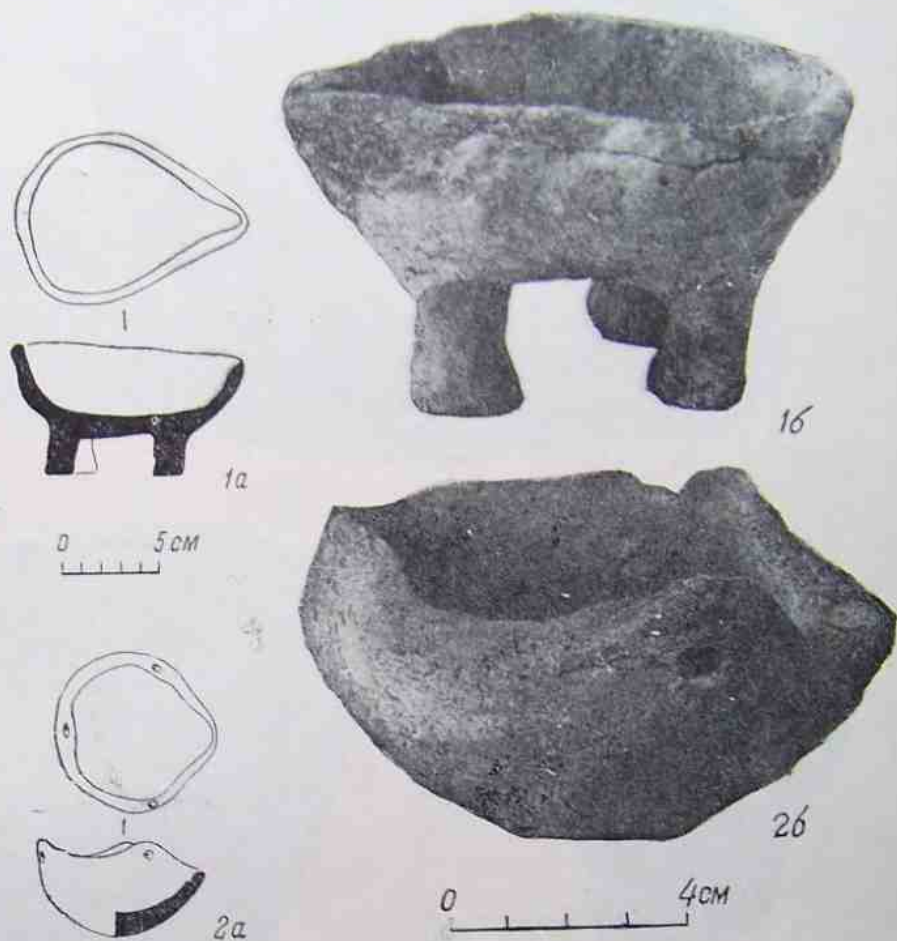

Рис. 39. Лепные светильники.

или треугольных в плане чашечек (рис. 38, 1—6; 39). Носики для фитилей расположены на углах, а у круглых светильников оттянуты на венчике. Светильники изготовлялись стоячие и висячие. Стоячие имели плоское широкое дно, иногда ручку и короткие ножки, висячие — округлое дно и отверстия у венчика для подвешивания. Светильники-чашечки известны по материалам из раскопок городищ Подонья, Тмуторокани, Руси. Датируются они очень широко — от X до XIII в. включительно.

Из того же теста, что и светильники, изготовлялись приземистые полушаровидные или сплюснутые шаровидные сосуды с толстыми стенками и выделенным в под-

ставку массивным дном. В центре дна оставлено отверстие (до 1 см в диаметре), в выступающих бортиках дна — еще два или три отверстия (рис. 40). Хозяйственное назначение сосудов неясно. Можно только предположить, что это были светильники, на-

численным выше типам и видам больших сосудов (рис. 41). По-видимому, подавляющее большинство их — детская игрушечная посуда, тем более, что эти сосудики делались не только в виде горшков, но и в виде светильников и даже маленьких детских гор-

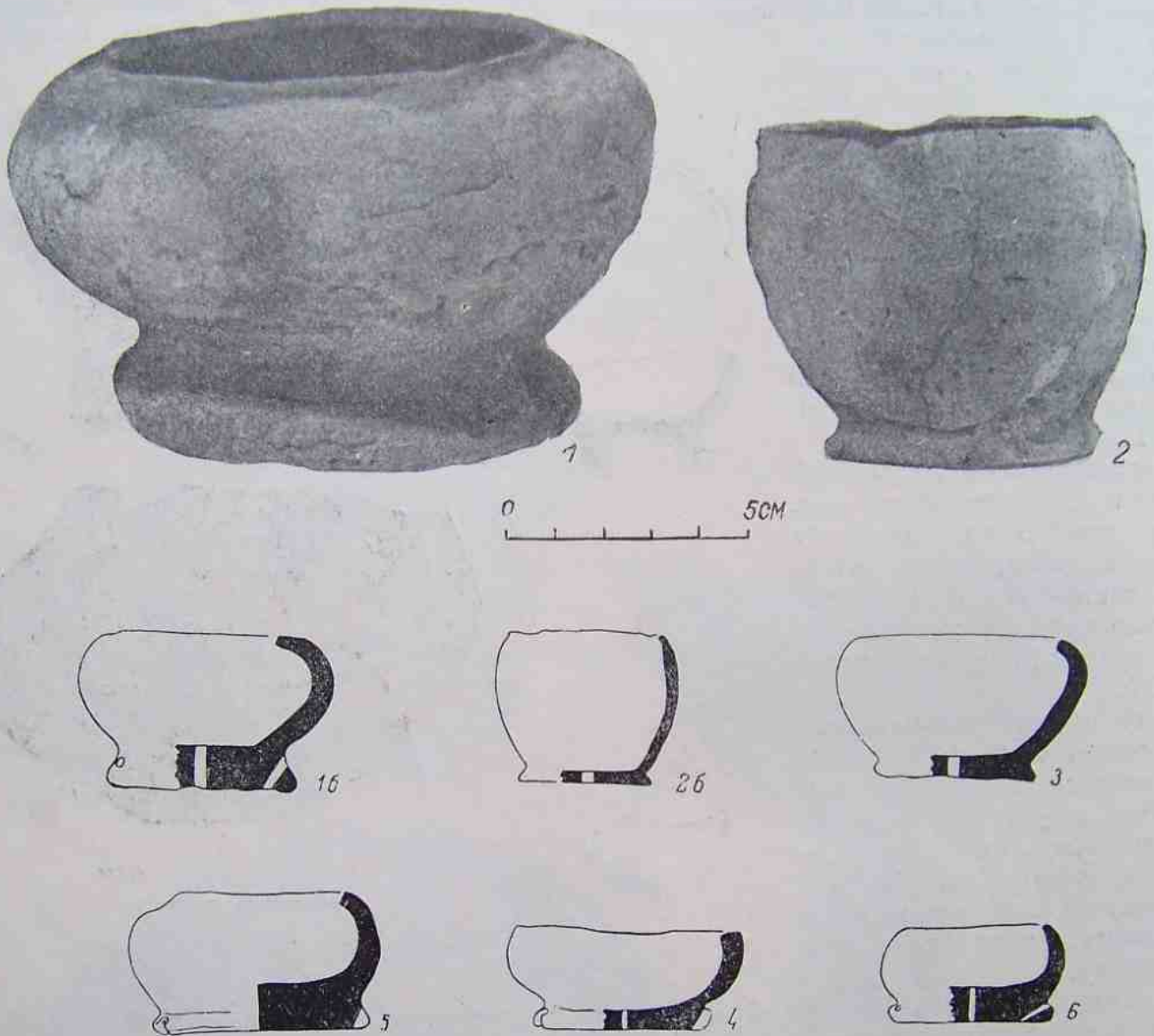

Рис. 40. Лепные светильники-факелы.

саженные на длинные палки. Это приспособление делало их похожими на факелы. Сквозь отверстия в поддоне продевались ремешки, дополнительно прикрепляющие светильник к палке.

Одной из самых частых находок на городище являлись мелкие толстостенные сосудики высотой не больше 7 см; формы их или крайне примитивны — просто короткие цилиндрики, — или же подражают всем пере-

печков. Небольшая часть их имела, вероятно, и утилитарное значение и употреблялась в качестве масленок, солонок и т. п. «Игрушки» находили и на других городищах Юго-Востока (в Тамани в слоях X в. был найден светильник на высоком поддоне 5 см в высоту).

Кроме светильников на высоком поддоне, на городище неоднократно попадались лепные сосуды, подражающие формой гон-

чарным. Таковы горшки, сделанные из теста с примесью дресвы и шамота. Обжиг горшков неровный, поверхность желтовато-серая, в изломе цвет серый или черный. За образцы

сосуда старались довести до черного (рис. 43).

Описанные группы и типы керамики охватывают подавляющее большинство керамики

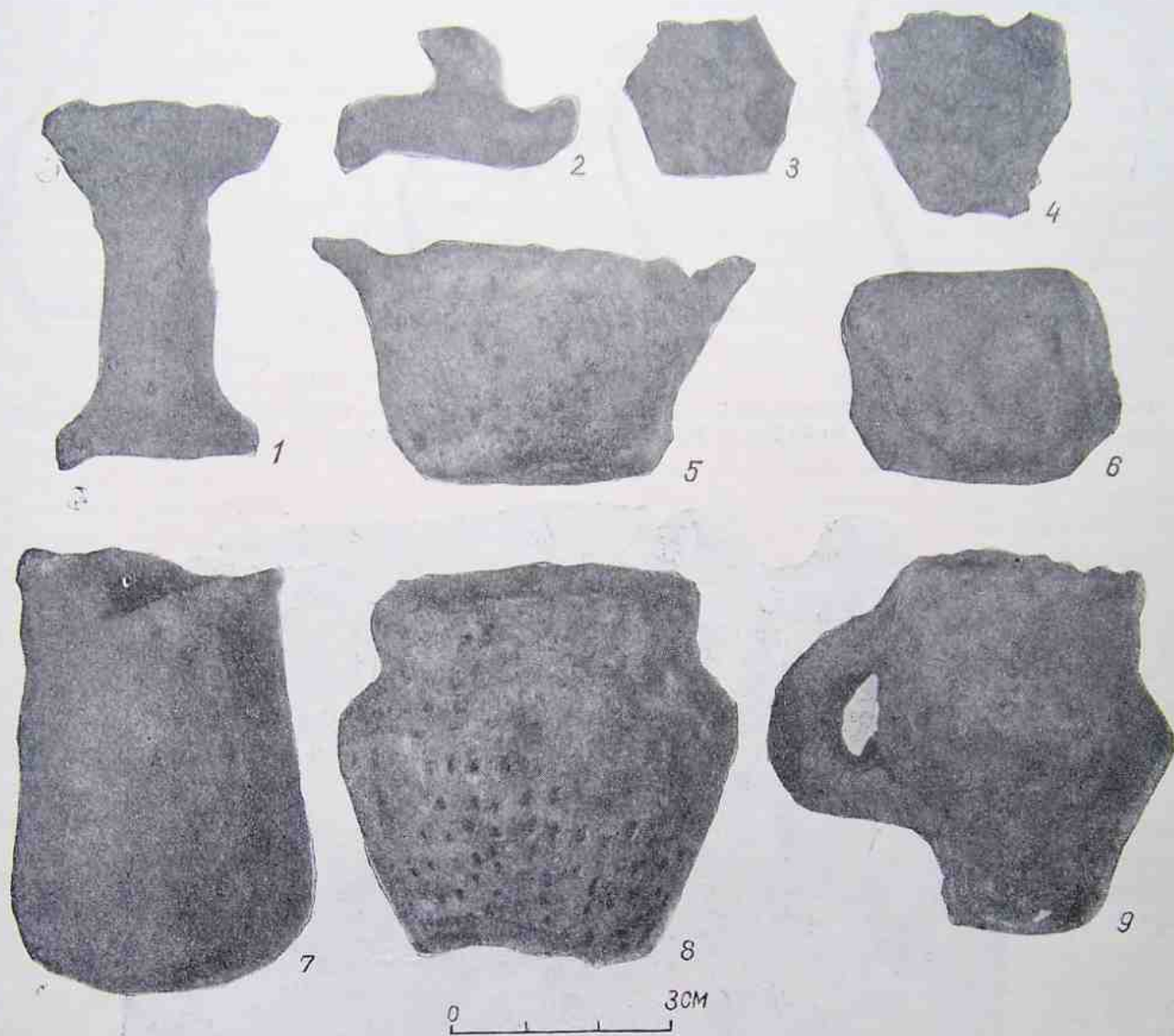

Рис. 41. Мелкие сосудики-игрушки.

при их изготовлении взяты, как правило, русские гончарные горшки (рис. 42, 1—4). К этому же типу лепной посуды, подражающей по форме гончарной, относятся лепные кувшины, напоминающие очертаниями своего приземистого тулова салтовомаяцкие лощеные кувшины (рис. 42, 5). На единичные экземпляры грубых лепных сосудов наносилось в подражание гончарным лощение. В таких случаях и обжиг

Саркела—Белой Вежи. Только незначительный процент обломков выходит из предложенной классификации. Это по большей части мелкие фрагменты лепных сосудов без каких-либо характерных отличительных признаков той или иной группы.

Распределению перечисленных и описанных выше групп керамики в различных слоях изучаемого городища посвящена следующая глава.

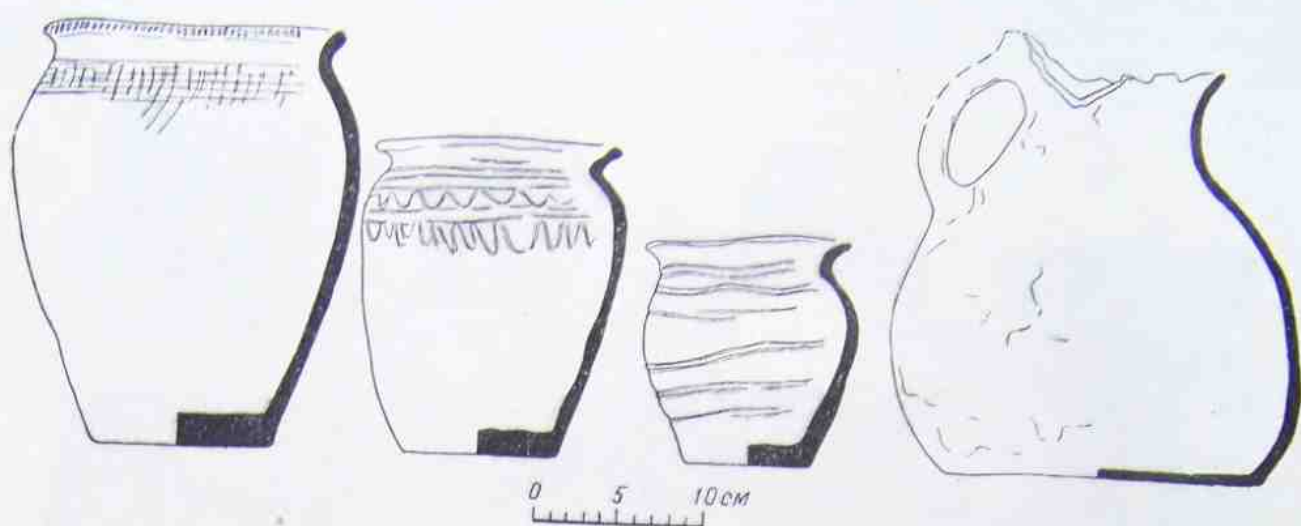

Рис. 42. Лепные, правленные на круге сосуды, изготовленные по образцам гончарных салтовомаяцких и русских горшков и кувшинов.

Рис. 43. Лепной, черного обжига лощеный сосуд.

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЕРАМИКИ НА ГОРОДИЩЕ

Городище Саркел—Белая Вежа представляет собой прямоугольный холм на берегу старицы Дона. Высота холма равна 250—300 см. Это и есть толщина культурного слоя, поскольку в IX в. стены были поставлены на совершенно плоском берегу.

Город, по данным письменных источников, существовал около 300 лет. Была ли жизнь в нем до возведения стен и продолжалась ли она после 1117 г. — летописной даты гибели Белой Вежи, захваченной половцами, письменные источники не сообщают. Неясно также, стал ли Саркел сразу после возведения стен городом или некоторое время был крепостью, населенной исключительно военным гарнизоном. Ответить на все эти вопросы можно только при археологическом изучении истории городища, в частности при послойном изучении керамического материала.

Нарушение культурного слоя городища многочисленными ямами и позднейшими перекопами чрезвычайно усложнило стратиграфическое изучение керамики. В связи с этим работа по послойному распределению керамики начата была с условного расчленения всей толщи культурного слоя на пласты в 50 см толщиной (рис. 45).

Измерение глубин находок велось почти на всей территории в 1950—1951 гг.⁶⁷ от подошвы крепостной стены, т. е. от материка. В соответствии с этим первый пласт начинался на материке, последний кончался на поверхности. Вся поверхность материка на городище была изрезана ямами, большая часть которых заполнена насыщенным керамикой культурным слоем. В этом «ямном» культурном слое представлен сравнительно однородный и одновременный керамический комплекс. Поскольку он несколько отличается составом от вышележащих слоев Саркела—Белой Вежи, он будет описан отдельно.

В задачу настоящей работы не входит специальное изучение стратиграфии городища. Для уточнения условного разделения

⁶⁷ В 1934—1936 и 1949 гг. (на некоторых раскопах и в 1950 и 1951 гг.) измерение глубин находок шло от верхних пикетов. В таких случаях при работе над керамическим материалом измерения глубин залегания точно или, если это было почему-либо невозможно, приблизительно перенесены на принятые в 1951 г. (от материка).

культурного слоя Саркела—Белой Вежи на пласты был создан вспомогательный, своего рода «керамический» профиль (рис. 46). При составлении его использовались материалы наименее переконанной и в то же время наиболее насыщенной керамикой юго-восточной части городища (цитадели). На специальной таблице с указаниями глубин и квадратов нанесены фрагменты керамики всех основных хронологически и этнически различающихся групп: салтово-маяцкой, славянской (лепной и гончарной), кочевнической (ранней и поздней), «касожской». Каждая из них заполнила только определенную полосу в таблице. Это позволило наметить крайние границы распространения всех перечисленных групп в слоях цитадели. При сопоставлении полученного таким образом профиля с чертежами многочисленных разрезов городища и с данными В. Д. Белецкого, занимавшегося изучением жилищ Саркела—Белой Вежи,⁶⁸ оказалось, что «керамический» профиль передает общую картину развития города.

Нижний слой (толщиной 60—80 см) заполнен салтово-маяцкой керамикой. Это культурный слой Саркела — хазарского города. Верхние слои — беловежские — заполнены гончарной русской керамикой. Прослеженная на некоторых участках цитадели лагуна между нижним и верхним слоями говорит, по-видимому, об упадке в жизни города в промежутке между двумя основными периодами. Таким образом, «керамический» профиль позволил внести исправления в первоначально принятую условную разбивку культурного слоя городища на полуметровые пласты. В связи с тем, что толщина первого (хазарского) слоя равна 60—80 см, второй полуметровый пласт был разбит на два равных полупласта. Это дало возможность проследить на массовом материале всего городища ту же картину, какая была получена на «керамическом» профиле — границу и промежуточную прослойку между «хазарским» и «русским» периодами.

О количественном распределении керамики по условным пластам говорит приложенная к работе диаграмма (рис. 45), в которой 1 мм по горизонтали соответствует 100 фрагментам керамики.

⁶⁸ В. Д. Белецкий. Жилища Саркела—Белой Вежи. Настоящее издание, стр. 40.

Диаграмма показывает, во-первых, насыщенность отдельных пластов, во-вторых, удельный вес каждого типа керамики в них, и, в-третьих, увеличение или уменьшение количества отдельных типов от пласта к пласту.

культурный слой совершенно лишен находок.⁶⁹ Культурный слой остальных материковых ям (88%), как правило, насыщен в большей или меньшей степени фрагментами разнообразных сосудов. Глубина ма-

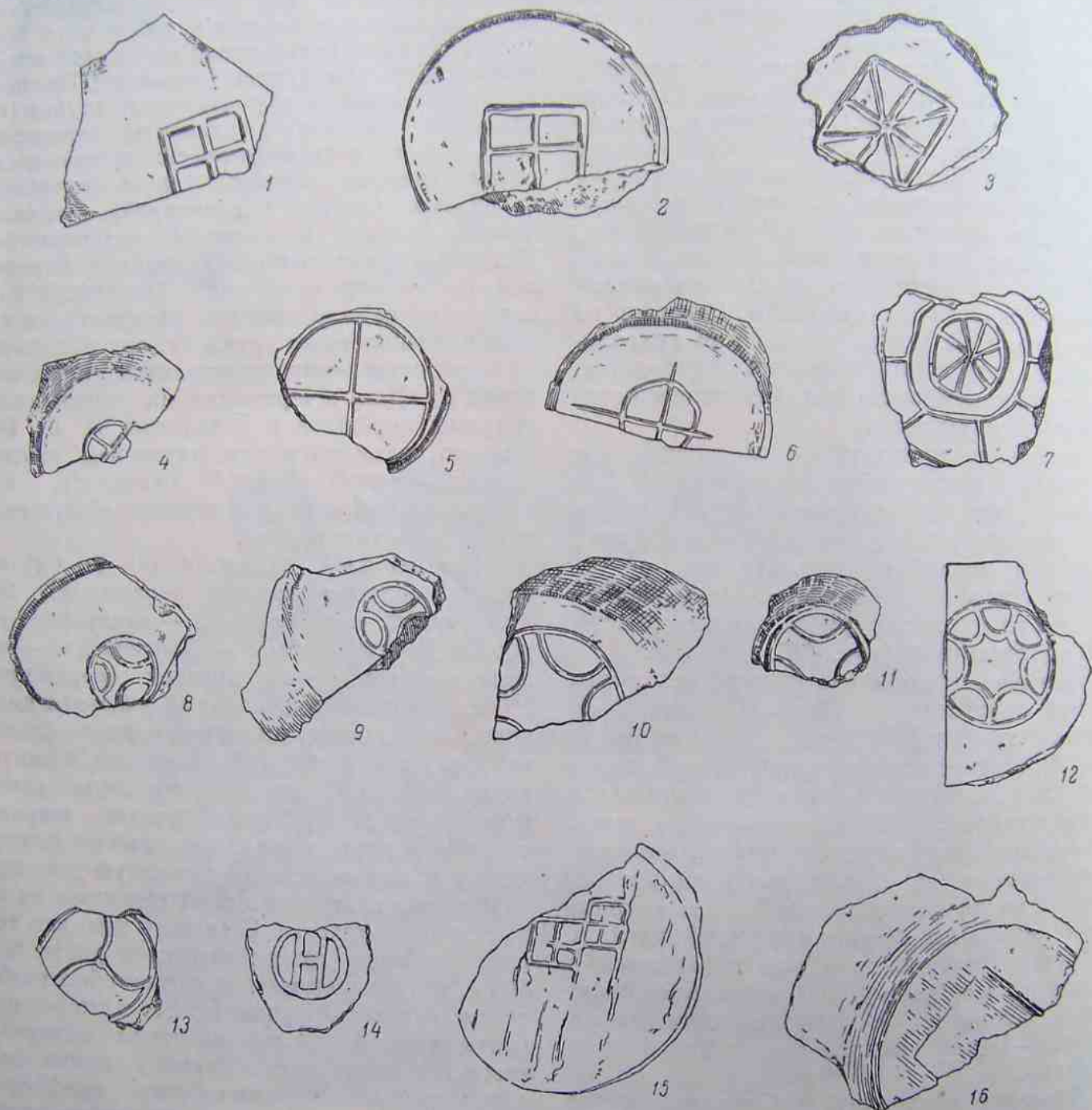

Рис. 44. Клейма на донцах русских (1—16) и салтово-маяцких (17—29) горшков.

Распределение характерных для каждого пласта типов и видов керамики отражено на рис. 47—52.

Для нижнего слоя характерны многочисленные ямы, врезанные в материк. Примерно в 12% материковых ям на городище

териковых ям различна, зависит преимущественно от того, на каком уровне находятся верхние края ямы, т. е. к какому слою она

⁶⁹ Только в некоторых из них встречается по два-три мелких неопределимых фрагмента.

относится. Все материковые ямы разделены на 3 группы.

I. Ямы, устье которых начинается на материке или на высоте 15 см от материка (54%).

терика или врезались в него всего на 5—10 см.

Каждая группа ям характеризуется своим, отличным от остальных, комплексом

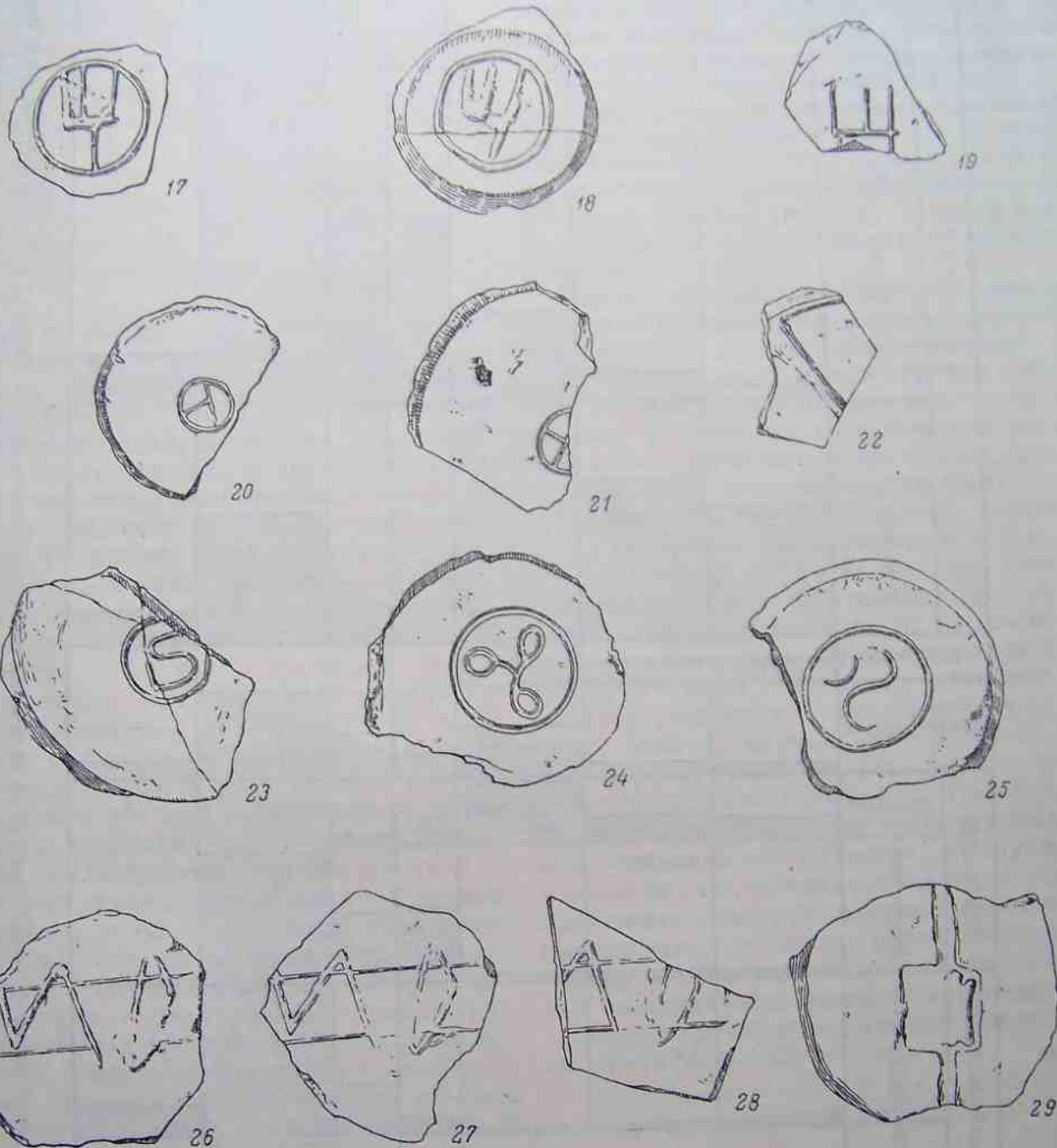

Рис. 44 (продолжение.)

II. Ямы с устьями, прослеженными на высоте от 20 до 60 см (20%).

III. Ямы с устьями, прослеженными на высоте от 70 до 110 см (14%).

Ямы, края которых обнаружены выше указанных высот, обычно не доходили до ма-

керамики. Общими для всех ям находками являются обломки тарной посуды — амфор и красноглиняных высоких кувшинов с плоскими ручками. Они составляют почти половину всей обнаруженной в ямах керамики (47%).

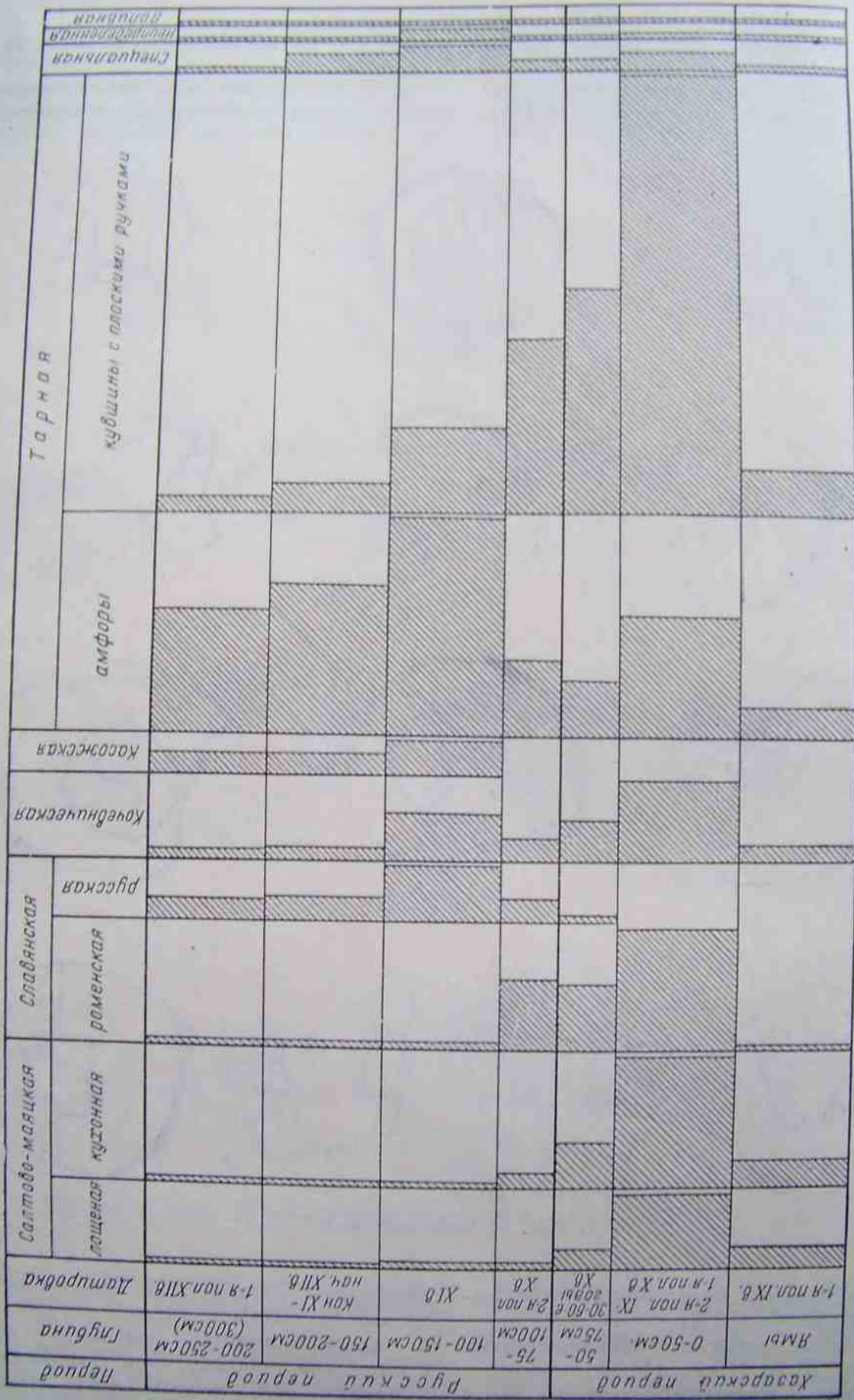

Рис. 45. Таблица расположения различных групп керамики в слоях Саркела—Белой Бежи (1 см² соответствует 1000 фрагментам).

Приводимая ниже таблица дает представление о процентном соотношении керамики различных типов во всех трех группах материковых ям на городище.

Высота устья ям над материком (см)	Ямы с салтово-маяцкой параллельной и кухонной посудой (%)	Ямы с салтово-маяцкой и лепной посудой (в основном кочевнической) (%)	Ямы с лепной (славянской и кочевнической) посудой (%)	Ямы с гончарной слavianской посудой (%)
0—15 см (I)	60	40	—	—
20—60 см (II)	—	66	34	—
70—110 см (III)	—	35	35	30

Таким образом, ямы группы II и III, как следует из таблицы, заполнены материалом слоев, в которых обнаружены были верхние края этих ям. В ямах группы II это салтово-маяцкая, роменская и кочевническая (ранняя) посуда. В ямах группы III наряду с прежним типом керамики начинают попадаться обломки славянских гончарных горшков. Подробная характеристика керамики из этих ям будет дана ниже, при описании соответствующих пластов. Собственно «ямным» культурным слоем следует считать, по существу, слой из ям группы I. В нее входит большая часть всех материковых ям городища. Именно в них обнаружена была керамика отличного от вышележащих слоев комплекса. Всего в ямах группы I обнаружено около 5% всей зафиксированной при раскопках керамики (рис. 45). 60% ям заполнено исключительно салтово-маяцкой и тарной керамикой. Салтово-маяцкая группа представлена всеми описанными в предыдущей главе типами и видами керамики: горшками с линейным волнистым орнаментом, котлами с внутренними ушками, парадной лощеной посудой разнообразного назначения. Следует отметить, что в ямах преобладает лощеная посуда черного обжига (преимущественно приземистые кувшины и горшочки).⁷⁰

В 40% ям группы I, помимо салтово-маяцкой керамики, встречается еще небольшое количество лепной посуды. В основном это ранняя кочевническая керамика — горшки с раздутыми боками, поддонами и слегка

⁷⁰ В ямах же встречаются изредка обломки грубой лепной лощеной посуды.

отогнутыми венчиками. Часть фрагментов украшена пыльным орнаментом — рядами насечек, гирляндами, наколами.

Кроме того, в ямах попадаются иногда лепные светильники на высоких поддонах, лепные мелкие сосудики (игрушки?) и некоторое количество мелких обломков лепной посуды, оставшихся неопределенными.

Из тарной посуды для ям группы I характерны продолговатые амфоры с высокими горлами, датирующиеся VIII—IX вв., близкие к ним по форме тулова амфоры IX—X вв. с укороченным горлом и небольшими полукруглыми ручками (рис. 50), а также высокие красноглиняные кувшины с плоскими ручками.

Таким образом, для «ямного» культурного слоя (группы I) характерно, во-первых, преобладание в них салтово-маяцкой керамики IX в., во-вторых, отсутствие славянской (лепной и гончарной) посуды, в-третьих, наличие в части ям кочевнической ранней керамики (преимущественно в ямах, расположенных на территории цитадели).

Сравнительная однородность керамического комплекса свидетельствует о том, что в этот период Саркел не был еще городом с разноплеменным населением. Судя по соотношению салтово-маяцкой и кочевнической керамики (рис. 45), его заселяли более чем на 75% люди, оставившие после себя разнообразную и богатую салтово-маяцкую культуру. Однако, начиная уже с самого раннего периода существования Саркела, в него стали проникать печенеги и гузы—торки. Возможно также и то, что часть так называемой кочевнической керамики, обнаруженной в «ямном» слое, принадлежала более ранним представителям тюркоязычных народов, например хазарам. Хазары могли пользоваться наряду с гончарной салтово-маяцкой посудой самодельными лепными горшками.

Общая датировка «ямного» слоя, судя по керамике, — IX в.

ПЕРВЫЙ ПЛАСТ

Высота первого пласта 0—50 см над уровнем подошвы крепостной стены, т. е. над материком. Первые 50 см культурного слоя нарастают на материк постепенно, начиная с года постройки крепости Саркел, т. е. с 30-х годов IX в. В первые десятилетия нарастание культурного слоя шло очень медленно, как и вообще на всех салтово-

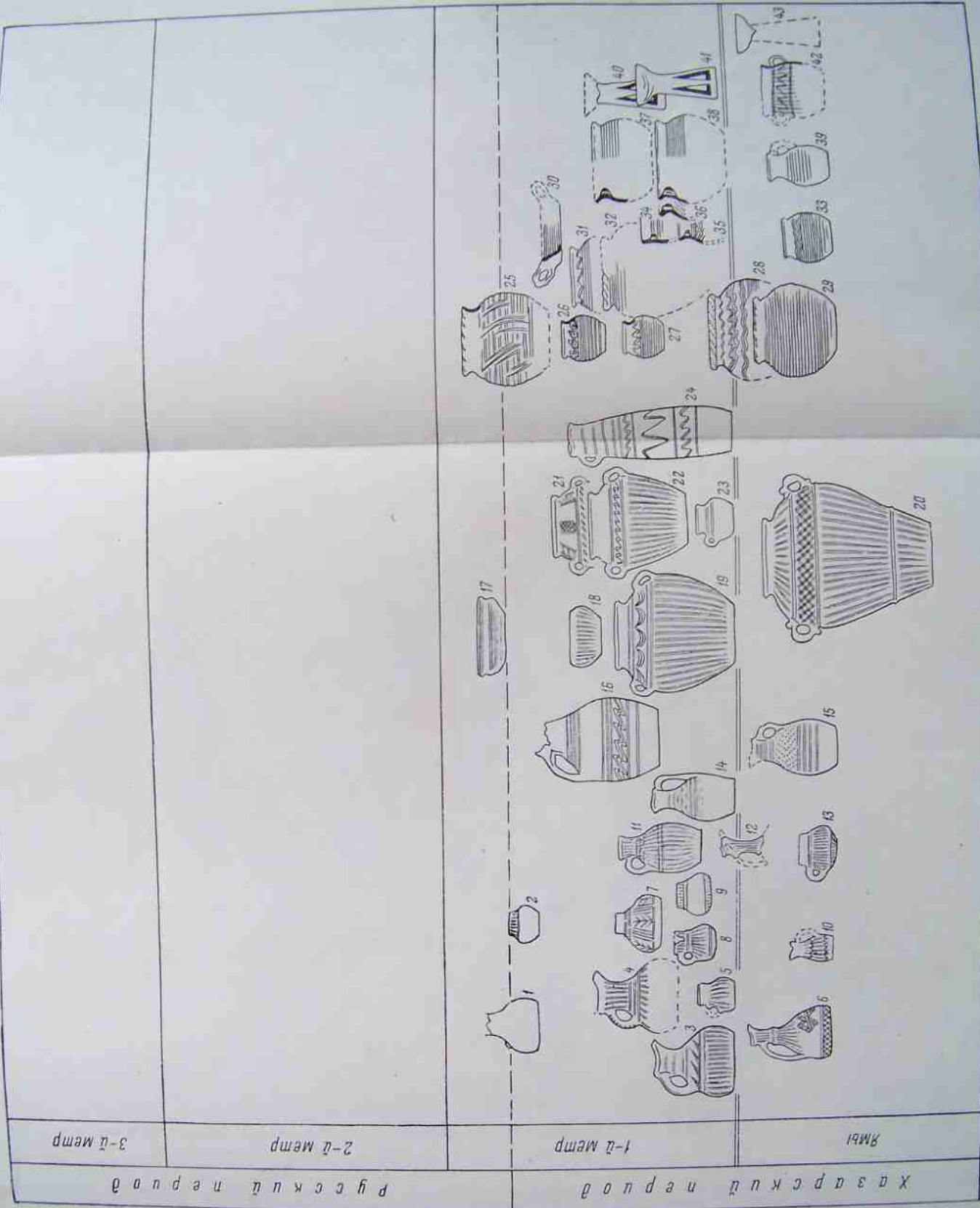

Рис. 47. Распространение в слоях городища салтово-маньской керамики.

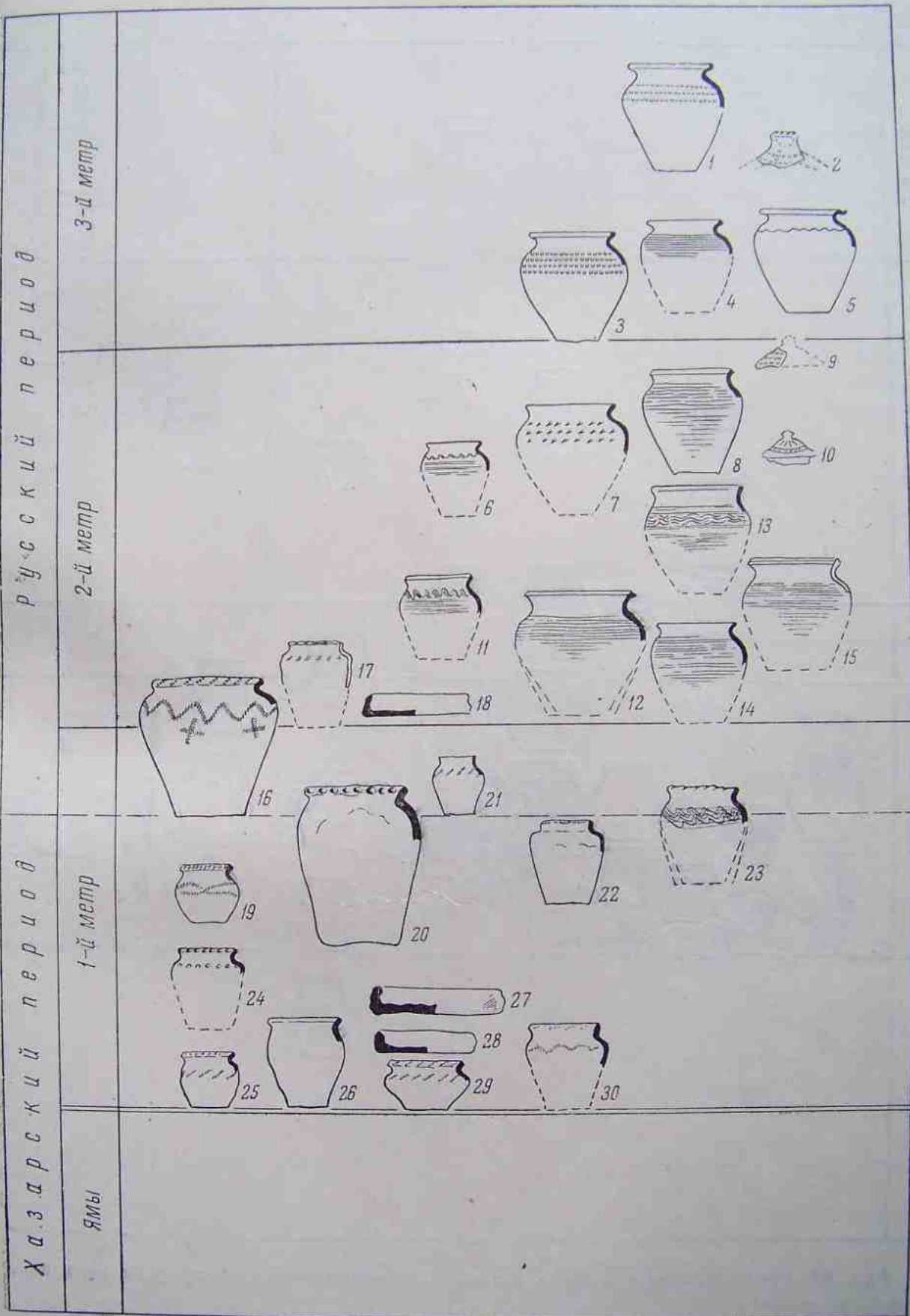

Рис. 48. Распространение в слоях городища славянской лепной и сделанной на круге керамики.

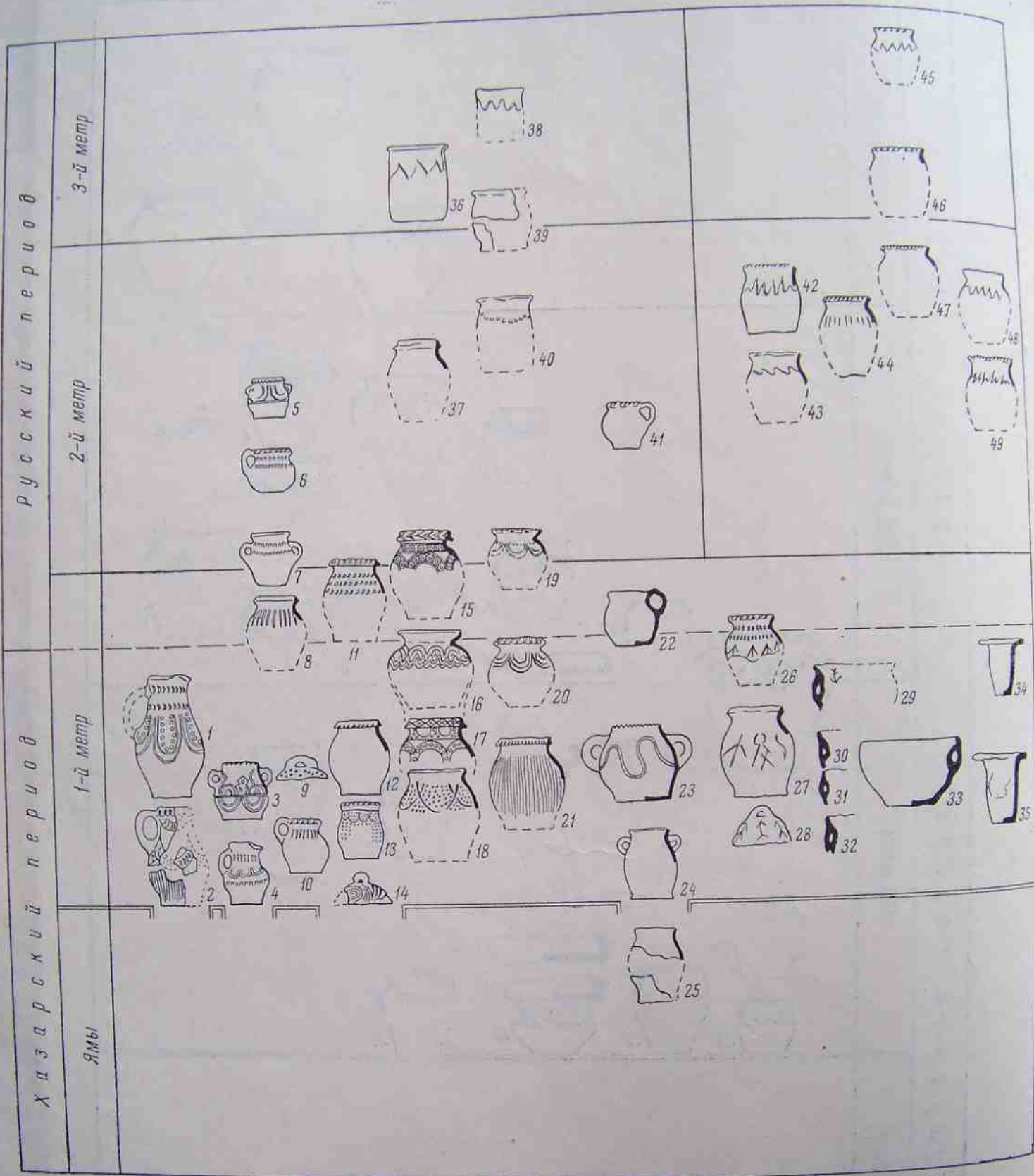

Рис. 49. Распространение в слоях городища кочевнической и «насожекой» керамики.

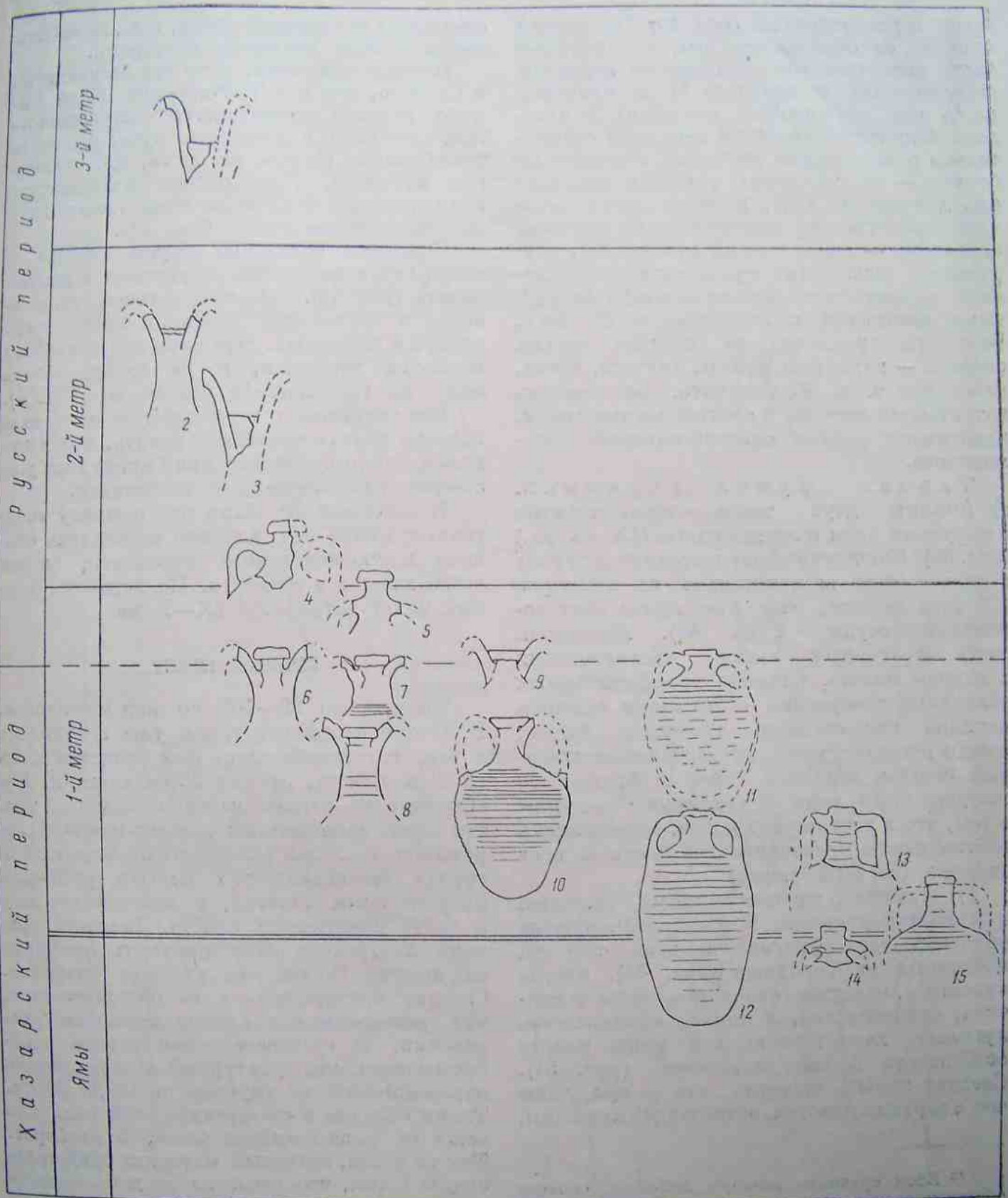

Рис. 50. Распространение в слоях городища различных типов амфор.

яркая и разнообразная (рис. 49). Невысокий процент ее объясняется тем, что большая часть кочевнической керамики на городище сосредоточена в цитадели (т. е. примерно на $\frac{1}{7}$ всей раскопной площади). В цитадели количество подобной керамики сравнительно с остальными группами значительно больше — на некоторых участках цитадели оно доходит до 15%. Кочевническая керамика представлена исключительно ранними образцами — одноручными кувшинами, двуручными невысокими кувшинчиками, горшками с выпуклыми боками и слабо отогнутыми венчиками с валиками и без них. Варианты орнамента на сосудах весьма сложны — гирлянды, «рога», кружки, точки, насечки и т. д. Кроме того, на горшках встречаются нередко и тамгообразные знаки, идентичные знакам салтово-маяцкой письменности.

Т ар ная г р у п п а к е р а м и к и.
а) Амфоры двух типов — продолговатые с округлым дном и грушевидные (IX—X вв.) (рис. 50). Количество фрагментов тех и других в пласте очень незначительно, их примерно в 2 раза меньше, чем фрагментов салтово-маяцкой посуды⁷² (рис. 45). Некоторая часть фрагментов амфор, обнаруженных в первом пласте, покрыта граффити самых различных начертаний — это знаки салтово-маяцкой письменности, греческие буквы, звезды и знаки Рюриковичей. Приблизительный подсчет венчиков амфор и фрагментов сосудов этого рода с граффити⁷³ говорит о том, что в этот период жизни города знаки собственности прочерчивались почти на всех амфорах (на 80% амфор).

б) Кувшины красноглиняные, высокие, с плоскими ручками. В пласте обнаружена половина всех фрагментов этих сосудов, найденных на городище (рис. 45). Форма кувшинов, как уже говорилось, очень устойчива, единообразна, и потому выделить какую-либо характерную для этого пласта особенность в ней невозможно (рис. 51). Следует только отметить, что в нем, чаще чем в верхних пластах, встречались кувшины,

сделанные из слоистой глины, т. е., вероятно, изготовленные местными мастерами.

Помимо кувшинов, в те же десятилетия в Саркеле, как и в Тмутарокани, было широко развито производство полугоршков-полукувшинов с плоскими ручками, изготовлявшихся из того же теста, что и высокие кувшины. Подавляющее большинство полукувшинов в Саркеле обнаружено было именно в первом пласте (рис. 51).

Керамика остальных групп отделов и типов почти полностью отсутствует в первом пласте (рис. 45). Обломки русской, «касожской» и половецкой керамики встречаются только в перекопах. Что касается привозной поливной керамики, то ее вообще очень мало на городище (в пласте ее 0.05%).

Все сказанное о керамическом материале первого пласта позволяет думать, что в это время своего существования Саркел был уже заселен разноплеменным населением.

В основном это были по-прежнему «салтовцы»; кроме них, в городе поселились славяне и тюркоязычные народности, скорее всего хазары и печенеги. По керамике первый пласт датируется IX—X вв.

ВТОРОЙ ПЛАСТ

Высота его 50—100 см над материком. В начале настоящей главы уже говорилось о том, что второй пласт был разделен нами на 2 подпласта, равных 25 см каждый. Необходимость такого деления вызвана тем, что слой, заполненный салтово-маяцкой керамикой, т. е. слой хазарского периода жизни города, не совпадает с первым условным полуметровым пластом, а захватывает еще и часть следующего пласта. Верхняя граница хазарского слоя проходит примерно на высоте 75 см над уровнем материка. Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что границы между слоями не могли быть резкими. В густонаселенном городе неизбежны перекопы, культурный слой постоянно перемешивался на глубину от 10 до 20 см. Таким образом в «хазарский» слой попадали вещи из вышележащих слоев, и наоборот. Тем не менее, массовый материал свидетельствует о том, что разбивка на дополнительные подпласты второго пласта оказалась правомерной. Толщина первого подпласта равна 50—75 см над материком (рис. 45). Состав керамического комплекса в нем тот же, что и в первом пласте. Основные керамиче-

⁷² Если сравнить размеры амфор и размеры обычных салтово-маяцких сосудов, то получится, что амфор в первом пласте было примерно в 4—5 раз меньше, чем салтово-маяцкой посуды.

⁷³ Подсчеты эти производились по привезенным в Ленинград материалам и по дневникам начальников участков.

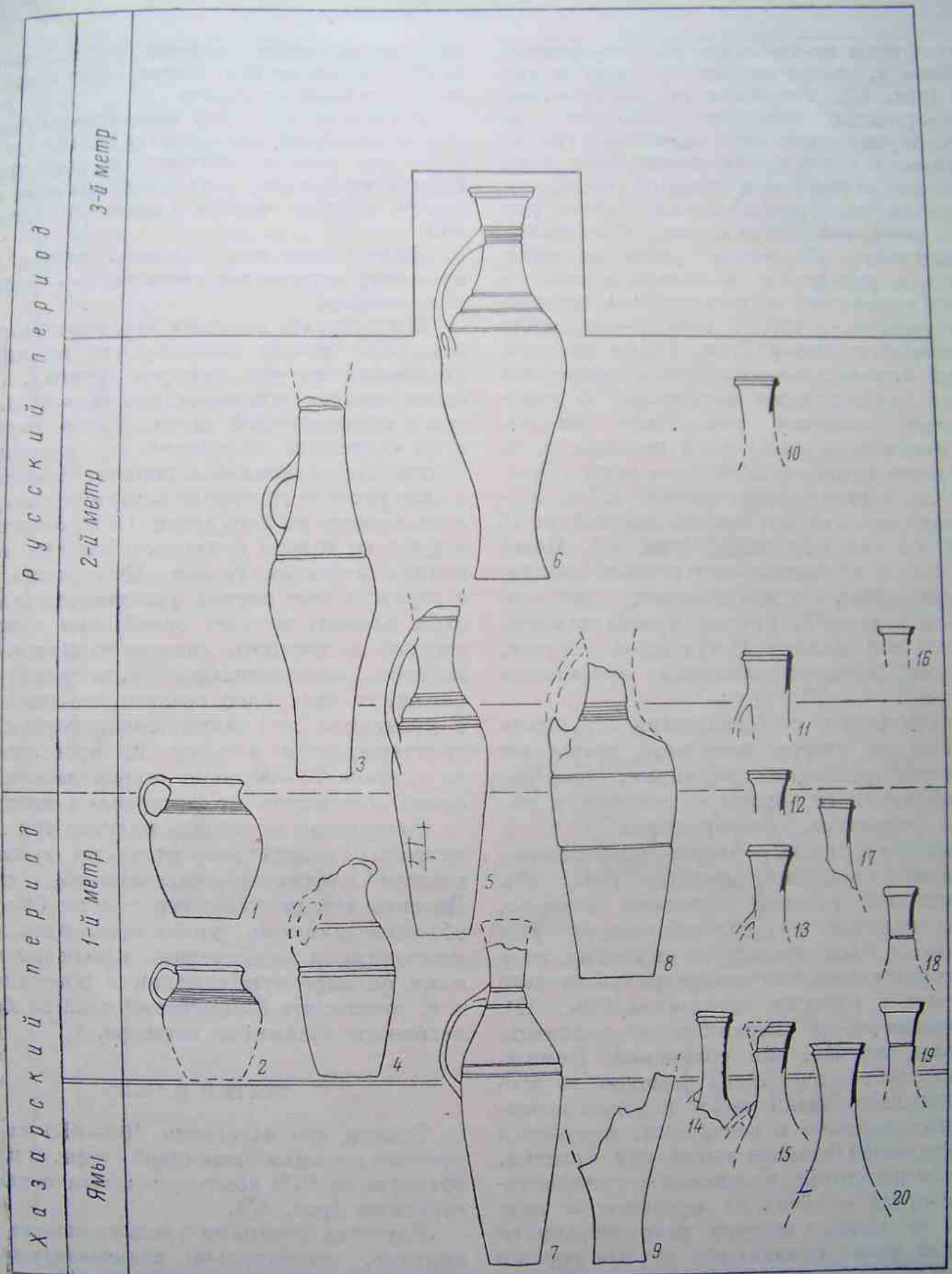

Рис. 51. Распространение в слоях городища красноглиняных кувшинов с плоскими ручками.

ские группы по-прежнему салтово-маяцкая, роменская, кочевническая (ранняя) и тарная (рис. 45). Отличием от нижележащих напластований является, во-первых, небольшое уменьшение салтово-маяцкой группы керамики и почти полное исчезновение в ней котлов с внутренними ушками, во-вторых, появление незначительного количества русской гончарной посуды, что объясняется, по-видимому, близостью русского слоя, в-третьих, увеличение в кочевнической керамике количества лепных котлов с внутренними ушками, в тарной посуде — процента грушевидных амфор X в. Таким образом, первый подпласт второго пласта, тесно связанный керамическим материалом с нижележащим, является наслоением последних десятилетий хазарского периода, т. е. датируется примерно 30—60-ми годами X в.

Иную картину представляет собой второй подпласт второго пласта высотой от 75 до 100 см над материком (рис. 45). Более чем в 2 раза сравнительно с первым подпластом уменьшается в нем количество салтово-маяцкой керамики, причем преобладающим типом в ней являются кухонные горшки, покрытые линейно-волнистым орнаментом (рис. 47).

Сравнительно с остальными группами керамики во втором подпласте возрастает количество роменской керамики, представленной всеми ее типами — низкими и высокими горшками, сковородками и т. д. Орнамент на горшках — «веревочный штамп», пальцевые вдавления, насечки (рис. 48).

Гончарной русской керамики немного, однако наличие ее свидетельствует уже не только о близости к русскому слою, но и о непосредственной связи материала второго подпласта с русским населением (рис. 45).

Кочевнической керамики в подпласте в 3 раза меньше, чем роменской. Помимо обычных для этого отдела горшков, во втором подпласте очень часты находки кочевнических горшков с венчиками, имеющими на внутренней стороне выгиб для крышки. Заметны некоторые изменения в орнаментации сосудов — появился орнамент в виде волны и линий, широко распространился арочный узор, появляются грубые горшки с небрежно нанесенным узором или совсем без него (рис. 49).

Количество амфор во втором подпласте несомненно возрастает. Совершенно исчезают амфоры VIII—IX вв., единственная форма

их — грушевидные амфоры X в., часто с клеймами на ручках. Плечи, горла и ручки их испещрены граффити.

В отличие от амфор количество кувшинов в подпласте уменьшается. Они, как и в первом пласте, местные и привозные. Последних больше, и они, как правило, покрыты изнутри черным смолистым веществом.

«Касожская» и половецкая посуда по-прежнему встречается очень редко — только в перекопах.

В результате изучения керамики второго подпласта можно сказать, что изменения произошли во всех четырех группах. Особенно сильно они коснулись салтово-маяцкой и кочевнической групп. Количественные и качественные изменения их, увеличение количества роменской керамики, появление в слое русской гончарной посуды, и, наконец, исчезновение из него амфор IX в. свидетельствуют не только о хронологических изменениях в жизни города. Несомненно, что в городе в этот период усиливается славянский элемент за счет ослабления кочевнического и местного салтово-маяцкого. Некоторое, незначительное уменьшение керамики в этом слое говорит, по-видимому, о временном затухании жизни города, что подтверждается и лакуной, прослеженной на глубине 70—90 см на «керамическом профиле», сделанном по материалам цитадели.

Следующие за вторым пластом три полуметровых пласта являются, по существу, единым русским — беловежским слоем. Деление его на условные пласты было необходимо для того, чтобы проследить количественные и качественные изменения керамики по мере приближения к поверхности, т. е. расчленив беловежский слой на хронологически различные периоды.

ТРЕТИЙ ПЛАСТ

Высота его залегания 100—150 см над уровнем подошвы крепостной стены. В пласте обнаружено 16% всего количества керамики городища (рис. 45).

Изучение керамики третьего пласта дает картину, диаметрально отличающуюся от двух предыдущих (рис. 45, 48, 49).

Гончарная салтово-маяцкая посуда заменяется гончарными русскими горшками великокняжеского периода (XI в.). Венчики у горшков отогнутые, пухлые, орнамент —

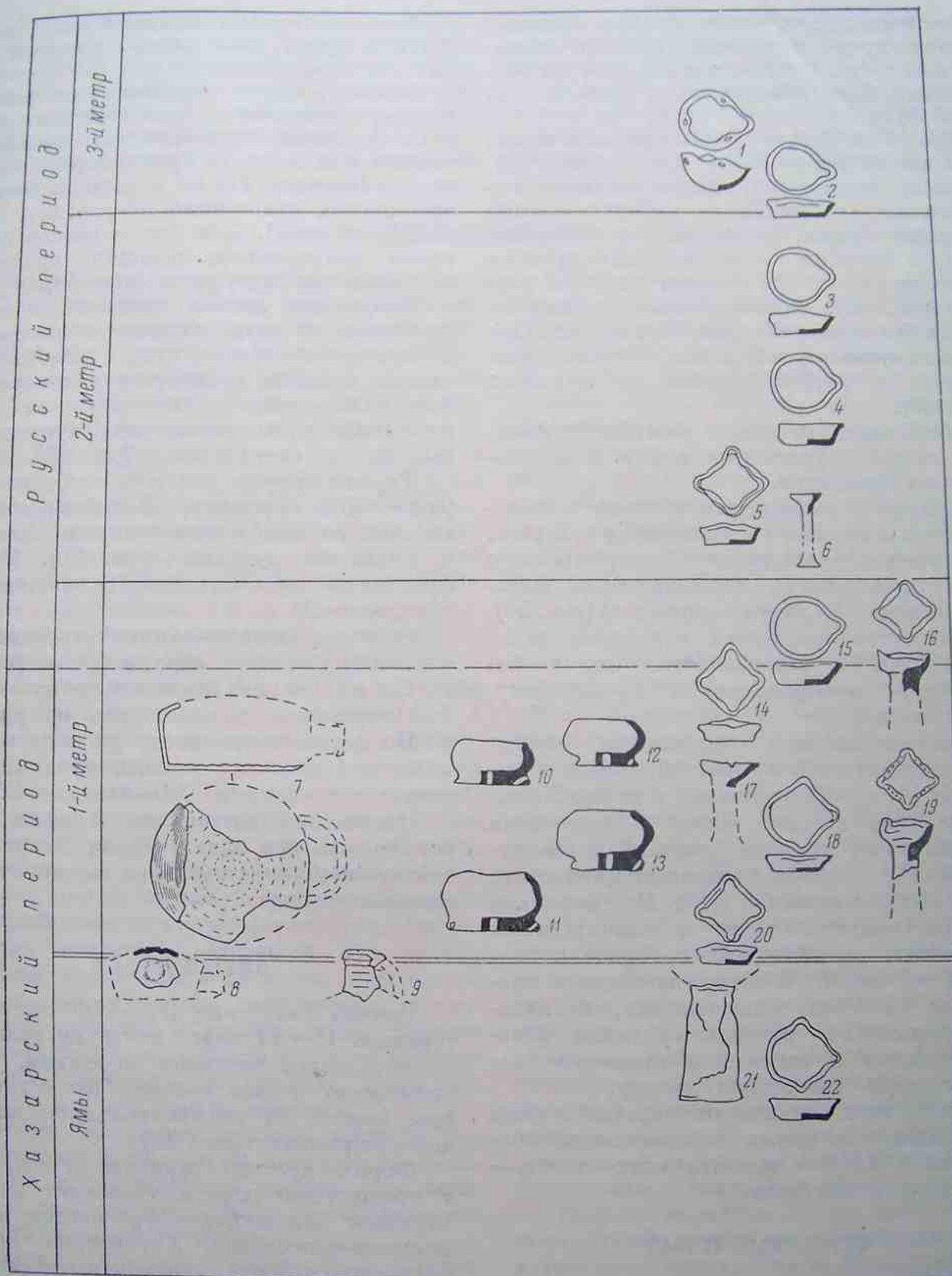

Рис. 52. Распространение в слоях городища фляг и светильников.

однорядные линии, волна, ногтевая цепочка. В ряде случаев линейный орнамент покрывал весь сосуд. Почти половина всей русской керамики была обнаружена в третьем слое (рис. 45).

Вместо лепной керамики прежних слоев, т. е. вместо роменской и печенего-гузской, в пласте встречается: видоизмененная кочевническая керамика, в которую входят кухонные горшки, правленные на гончарном круге, с выгибом на венчике для крышки и орнаментом в виде арочек, волны и гирлянд (рис. 49), баночновидные половецкие горшки без орнамента (рис. 49); «касожские» горшки с прямыми венчиками, украшенными насечкой и грубой волной на плечиках (рис. 49).

По-прежнему массовым материалом являются в пласте фрагменты амфор и красноглиняных кувшинов.

Количество амфор сравнительно с нижележащими пластами увеличивается в 2 раза. Подавляющее большинство амфор третьего пласта представлено грушевидными амфорами с венчиком в виде «воротничка» (рис. 50).

Количество фрагментов кувшинов резко уменьшается.⁷⁴ Производство их в Белой Веже прекращается, по-видимому, в этот период.

Прекращение или сокращение производства кувшинов в крымских городах к началу XI в., а в Тмутарокани в конце XI в., преобладание в слое амфор с венчиками «воротничком», русские горшки характерных для XI в. форм позволяют датировать пласт первой половиной XI в. Вся керамика в целом свидетельствует о значительных изменениях, происшедших в городе в этот период его жизни. В городе появились приехавшие из Руси ремесленники, наладившие производство русской керамики, которая заменила и вытеснила прежнюю салтово-маяцкую гончарную посуду.

Кроме того, этнический состав города пополнился еще двумя народностями, обитавшими в XI в. в южнорусских степях — половцами и касогами.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЛАСТ

Высота залегания 150—200 см над уровнем материка. В пласте обнаружено всего 9% керамики городища.

⁷⁴ Именно в счет этого сокращения так резко падает общий процент керамики в третьем пласте.

Основные группы керамики в нем те же, что и в предыдущем пласте: русская, «касожская», половецкая и тарная (рис. 45).

Облик русской керамики изменяется. Наряду с описанными уже горшками начинают в большом количестве попадаться горшки с венчиками, край которых отогнут внутрь (венчики XII в.) и плечики покрыты орнаментом, нанесенным квадратным штампом (колесиком). Для этих горшков характерны конусовидные крышки, орнаментированные тем же узором (рис. 48).

Почти вся лепная керамика в пласте относится к двум группам — «касожской» и половецкой. Кроме них, в пласте встречалось большое количество обломков грубых толстостенных сковородок и мисок (по-видимому, кочевнических), а также лепных низких светильников (рис. 52).

Тарной посуды в пласте особенно много (более 60% керамики). В ней преобладают амфоры со слабо выделенными венчиками и высокими ручками (рис. 50). Процент фрагментов красноглиняных кувшинов незначителен.⁷⁵

Обломки салтово-маяцкой, роменской и печенего-гузской керамики встречаются только в перекопах (соотношение их с остальной керамикой в пласте см. на рис. 45).

По форме и орнаменту русских горшков и по амфорам с высокими ручками пласт датируется концом XI—началом XII в.

Этнический состав населения в городе тот же, что и в начале XI в. Пласт можно связать с концом русского периода существования города.

ПЯТЫЙ ПЛАСТ

Высота залегания 200—300 см над материком. Пятый пласт почти не отличается от четвертого составом керамики, только количество ее еще меньше, чем в предыдущем (всего 7% зафиксированной на городище керамики; рис. 45).

Формы русских горшков те же, что и в предыдущем пласте. Орнамент на подавляющем большинстве фрагментов нанесен штампом-колесиком. Характерно большое количество крышек, орнаментированных волной, линией, насечками, штампом.

⁷⁵ Сравнительно с первым слоем красноглиняных кувшинов в нем так же мало, как салтово-маяцкой или роменской керамики.

Лепная керамика та же, что и в третьем и четвертом пластах, т. е. «касожская» и половецкая. Помимо этих основных групп, в пласте обнаружено много мелких сосудов, сковородок и низких светильников.

Самой распространенной находкой в пласте являются фрагменты амфор с высокими ручками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Свидетельства письменных источников о Саркеле—Белой Веже, подтвержденные археологическими данными, позволяют проследить два периода в жизни изучаемого городища — хазарский и русский.

I. Хазарский период. По письменным источникам известны только две крайние его даты: 30-е годы IX в. — постройка крепости и 965 г. — взятие города Святославом. Был ли Саркел построен на новом месте или на селище, неизвестно. Керамический материал не дает ответа на этот вопрос. Культурный слой, заполнявший половину материковых ям на городище, соответствует началу хазарского периода — первому крепостному периоду жизни Саркела (первая половина IX в.). В эти годы Саркел был заселен преимущественно (на $\frac{2}{3}$) населением, являвшимся носителем салтово-маяцкой культуры. Кроме него, в крепости обитали кочевники. Они заселили южную часть ее — цитадель — уже в первые десятилетия существования крепости. Вполне возможно, что частью этих кочевников были хазары, другой частью — нанятые хазарами на службу печенеги или гузы — торки. Именно поэтому кочевники занимали в крепости наиболее укрепленную ее часть — цитадель. Саркел как крепость существовал, по-видимому, недолго. В последние десятилетия IX в. он был уже крупным для того времени городом, стоявшим на границе степи, захваченной в эти годы печенегами.

Этому городскому периоду Саркела соответствуют первые от материка *75 см культурного слоя, наиболее насыщенные керамикой, что свидетельствует о значительной густоте населения города.

Помимо прежнего населения — «салтовцев», город был населен славянами (роменская керамика) и кочевниками (печенегами и гузами). Те и другие составляли (судя по керамике) половину всех жителей Саркела в этот период.

Обломки красноглиняных кувшинов встречаются только в перекопах (их в 15 раз меньше, чем в первом слое).

Керамический материал пятого верхнего пласта свидетельствует о тесной связи его с двумя предыдущими русскими пластами. Датируется он, судя по керамике, первой половиной XII в.

Салтово-маяцкая керамика, изготовленная на гончарном круге, в хазарском слое является ведущей, следовательно, ремесло было широко развито в Саркеле в конце IX—начале X в. Ремесленники изготавливали горшки, котлы, светильники, парадную лощеную посуду, тарную посуду разнообразных видов от сероглиняной до амфор и кувшинов, подражающих формой причерноморским. Обжиг керамики производился, по-видимому, в больших прибрежных печах, обнаруженных М. И. Артамоновым еще в 1934 г.⁷⁶

II. В 965 г. хазарский город был взят Святославом и сильно разрушен. Особенно пострадали кирпичные оборонительные сооружения города, разрушенные во многих местах до основания. Саркел стал русским городом. Русские не изменили его названия, а только перевели хазарское слово «Саркел» на русский язык, в результате чего город стал именоваться Белой Вежей. 60—90-е годы X в. соответствуют второму подпласту на городище (75—100 см). Уменьшение керамики в этом пласте означает, по-видимому, то, что часть населения погибла или разбежалась. Этнический состав города остался тот же — «салтовцы», славяне и кочевники, только количественное соотношение этих групп стало другим. Резкое сокращение количества салтовской керамики говорит о свертывании ремесла, об уменьшении в городе числа ремесленников — «салтовцев». «Салтовцы» перестали играть главную роль в городе; их место заняли славяне (роменская и гончарная русская керамика).

Вторая половина X в. для города — переходный период от хазарского Саркела к русскому городу Белой Веже, связанному

⁷⁶ О береговых печах-горнах, расположенных на пойменном обрыве между хуторами Поповым и Красный Яр, см.: М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73.

с Киевской Русью — и этнически, и культурно.

Следующие два пласта (100—150 и 150—200 см) датируются временем от начала XI до начала XII в. Это культурный слой русского города, нараставший, как видно, очень интенсивно.

Салтовская гончарная посуда уже с конца X в. уступает место русской гончарной керамике. В городе появились новые гончары, принесшие производственные навыки Киевской Руси.

Керамика верхних пластов городища свидетельствует не о перерождении или развитии салтовской культуры, а о резкой смене ее — салтовское ремесло было вытеснено русским. Распространился ли этот процесс на все население, сказать трудно. Антропологический материал, полученный при раскопках беловежского кладбища, говорит как будто о том, что этнически население в городе изменилось мало, приезжих из Киевской Руси было немного — это были, вероятно, военный гарнизон, торговцы и ремесленники (в числе последних и гончары).

Помимо «салтовцев» и славян, в русском городе во все время его существования жили кочевники-печенеги, гузы, а в XI в. — половцы. Все они оставили на городище свою характерную посуду, резко выделяющуюся из всех остальных групп.

Кроме того, в городе в русский период появились в небольшом количестве жители Прикубанья — касоги, заселившие примерно в тот же период (после похода Святослава) Тмутарокань.

Несмотря на то, что культурный слой в русский период нарастал весьма интенсивно, процент керамики в русских слоях несомненно более низкий, чем в хазарских. Объясняется это тем, что русские не пользовались керамической парадной и домашней тарной посудой, заменяя ее металлической или деревянной. Последняя совершенно не сохраняется в культурных слоях южно-русских городов, но хорошо известна по раскопкам в Новгороде и Москве (бочки, колоды, туески, миски, кружки, ковши и т. д.). Наиболее состоятельная часть населения употребляла металлическую посуду — бронзовую или серебряную.

Что касается количества кухонных горшков в русском слое, то оно примерно равно количеству салтово-маяцких кухонных (печных) горшков и котлов нижнего хазарского слоя.

Жизнь города, находившегося под постоянной угрозой со стороны половцев, начиная с 50-х годов XI в. постепенно замирает. Процент керамики в пласте второй половины XI в. резко снижается.

До 1117 г. Белая Вежа была русским городом. После этого года она существовала, вероятно, несколько десятилетий в качестве половецкого зимовища, в котором осталась и небольшая часть русских. Этот период представлен на городище последним, пятым пластом, датирующимся серединой XII в. Более поздней керамики на городище нет. По-видимому, в середине XII в. город совершенно запустел.

Торговые связи Саркела и Белой Вежи были очень широки — город стоял на перекрестке караванных дорог и был связан с восточными и западными государствами, но керамика дает очень мало материала для их установления.

Небольшое количество привозной поливной посуды, процент которой во всех слоях примерно одинаков, позволяет предполагать связи города с Причерноморьем, Византией, Северным Кавказом, Закавказьем, Передней Азией. Массовая тарная посуда — привозные амфоры и кувшины — свидетельствует только о торговых сношениях Саркела и Белой Вежи с Тмутароканью, Крымом и Византией.

Особенно прочными и постоянными были связи с Тмутароканью, прослеживающиеся благодаря большому количеству черноморской таманской тарной посуды на городище.

Богатство и многообразие керамики Саркела—Белой Вежи позволяет говорить о том, что город в оба периода был органически связан с огромной территорией — Донецко-Донскими степями, Северным Кавказом, Таманью, Причерноморьем и, наконец, Русью. Хазарский Саркел и русская Белая Вежа были не только торгово-ремесленными, но и культурными центрами Юго-Востока. Этим обстоятельством объясняется чрезвычайная этническая пестрота города в оба периода его существования.

Б. А. Шелковников

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

Сравнительно небольшое число образцов поливной керамики, всего несколько десятков экземпляров,¹ найденных при раскопках Саркела—Белой Вежи, как будто не представляло особого научного интереса. Но при внимательном изучении материалов оказалось, что саркелская коллекция поливной керамики замечательна разнообразием представленных в ней видов, среди которых имеются, наряду с образцами простейшей поливной керамики, фрагменты высококачественных изделий, расписанных люстром и красками. Уже это многообразие дает нам право, а priori, заключить, что найденная керамика не относится к одному керамическому центру, наличие же высоко-

качественных изделий позволяет предположить возможность завоза их из стран, далеко расположенных от места находки. Последнее открывает перед нами заманчивую перспективу, дающую возможность выяснить на керамическом материале торговые связи Саркела—Белой Вежи и, что еще интереснее, решить вопрос о местной керамической промышленности.

Приступая к разбору поливной керамики Саркела—Белой Вежи, начнем с простейших поливных изделий, придерживаясь классификации по техническим признакам: характеру черепка, глазури и способам украшения.

I. КРАСНОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА

Керамика, покрытая цветными глазуриями

К простейшим поливным изделиям относятся керамика, покрытая цветными прозрачными глазуриями по окрашенному черепку. Этот вид керамических изделий наиболее многочислен в саркелской коллекции, и к нему относятся как лучше сохранившиеся, так и наиболее крупные по размеру предметы, а именно дошедшие до нас в нескольких экземплярах кувшины. Глазурь для керамики этого вида применялась нескольких цветов: мы располагаем образцами с зеленой, коричневой и желто-оранжевой поливами. Особенностью рассматриваемой в этом раз-

деле саркелской керамики является умеренное использование ангоба. Следы ангоба обнаруживаются лишь на фрагментах с зеленой поливой, коричневые и желтые ангобом не покрывались. Последнее, вероятно, объясняется тем, что просвечивание через глазурь сравнительно слабо окрашенного, скорее розового, чем красного, черепка, больше всего сказывается на цвете зеленой глазури, которая без ангоба теряет свой красивый зеленый цвет и становится бурой. Так как ангоб, помимо маскировки цветного черепка, сглаживает поверхность изделий и облегчает как роспись, так и гравировку по нему, то отсутствие его на большинстве образцов керамики рассматриваемого вида говорит о низком их качестве. Последнее подтверждается грубой и небреж-

¹ Считая фрагменты, явно относящиеся к одному предмету, за один.

ной формовкой. Так же примитивна орнаментация, к тому же редко применяемая, — простейшие процарапанные по ангобу или черепку узоры из прямых, спиралей и петель. Кроме того, как исключение встре-

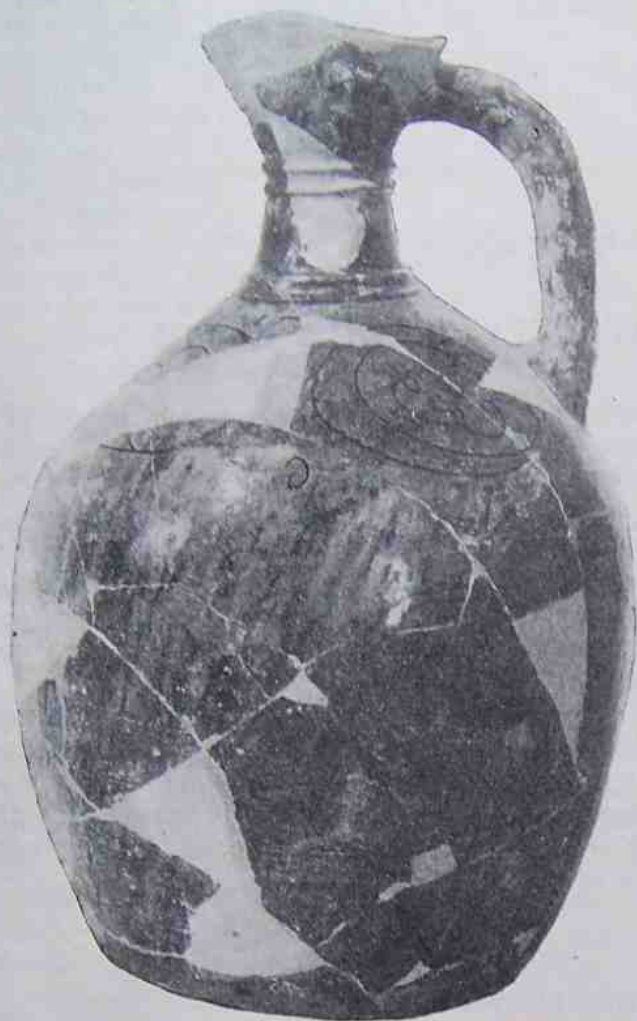

Рис. 1. Кувшин, покрытый зеленой глазурью.

чается рельефная орнаментация из ряда желобков или простейших розеток.

Как уже говорилось, лучше всего сохранились кувшины. Остановимся на них более подробно. Мы располагаем тремя кувшинами: двумя большими, высотой по 34 см, и одним маленьким, высотой 12 см. Один из больших кувшинов покрыт зеленой, другой — коричневой глазурью, при этом у последнего глазурь лежит без ангоба, прямо на черепке. По форме и размерам они близки друг другу (у коричневого не сохранилось горло, но так как форма и размеры его близки к зеленому, вероятно, и горло было того же вида).

Малый кувшин покрыт оранжевой глазурью прямо по черепку. Глазурь нанесена небрежно и не покрывает целиком нижнюю часть кувшина, лежит она неровным слоем по плохо сглаженной, не покрытой ангобом поверхности.

Черепок как у кувшинов, так и у прочих сосудов рассматриваемого вида сравнительно хорош для столь примитивно сформированных изделий. Он имеет мелкозернистое строение с небольшими темными вкраплениями и неяркую, скорее розовую, чем красную, окраску. Последнее свидетельствует о том, что в центре производства этой керамики имелось месторождение хорошей гончарной глины. Твердость излома всех предметов рассматриваемого вида равна 3—4 по шкале твердостей. В остальном же, как по цвету, так и по строению, черепок не у всех одинаков, хотя отклонения не выходят за пределы данной нами характеристики. Поэтому мы можем предположить, что все эти сосуды изготовлялись в одном керамическом центре, но, возможно, в разных мастерских или же в разное время.

Форма всех трех кувшинов сходна. Лучше всего она выражена у большого зеленого кувшина, сохранившегося настолько, что оказалось возможным его полностью реставрировать (№ 4; ² рис. 1). Тулово кувшина приближается к яйцевидному, но срезано плоским дисковидным дном. Горло невысокое, с расширенным зевом и носиком, полученным сжатием зева в процессе формовки еще сырого изделия. От зева к плечам кувшина отходит ручка, для которой характерно отсутствие устремленного вверх выгиба. Она умеренно изогнута и плавно опускается вниз. Сечение ручки овальное, близкое к кругу. При сравнении форм всех трех кувшинов бросается в глаза полное сходство двух больших, зеленого (№ 4) и коричневого (№ 8), заметно отличающихся от малого оранжевого (№ 1; рис. 2). При сходстве горла, изгиба ручки и плоского дна плечи у малого кувшина не имеют красиво изогнутой округлой формы, а круто опускаются наподобие конуса, ручка плоская, дно же срезано значительно выше, чем у больших кувшинов, лишь немного ниже наибольшего диаметра тулова. Поэтому если у больших отношение

² Номера соответствуют порядковым номерам каталожного описания, помещенного в конце каждого раздела.

диаметра тулова к диаметру дна, принятого за единицу, равно 1,4, то у малого 1. 1.

Все три кувшина покрыты глазурью лишь снаружи, на внутренней же поверхности глазури нет. Дно также не покрыто глазурью, но на обоих больших кувшинах имеются значительные заплывы, говорящие о том, что их не ставили в печи прямо на под. Действительно, на дне коричневого кувшина сохранились следы от шипов подставок, на которые устанавливались изделия в печи во время обжига. Покрытие глазурью небрежное, она лежит неровным слоем и окрашена пятнисто, что особенно заметно на зеленом и оранжевом кувшинах. На зеленом имеются вертикально вытянутые бурые пятна, на оранжевом — буро-зеленые. Вероятно, до покрытия глазурью сосуды были обрызганы красящими окислами, которые сообщали глазури ее окраску.

Большие кувшины украшены простой процарапанной, у зеленого по ангобу, у коричневого по черепку, орнаментацией из спиралей, петель и прямых линий. Малый оранжевый кувшин не орнаментирован. Качество всех трех кувшинов невысокое, моделировка небрежна, глазурь нечистая и лежит неровно, орнаментация примитивна. Исполнен малый кувшин хуже остальных.

Перед тем как перейти к вопросу о месте и времени производства керамических изделий рассматриваемого вида, обратимся к поливной керамике из находок в центрах, наиболее близко расположенных к Саркелу—Белой Веже. Ближайшим из известных местом находки значительного количества поливной средневековой керамики является Тамань, расположенная на расстоянии нескольких сотен километров от Саркела. Поэтому изучение таманской керамики имеет большое значение для решения нашей задачи. В дальнейшем мы будем неоднократно обращаться к таманским находкам, рассматривая саркелскую керамику различных видов; сейчас же остановимся на изделиях, аналогичных описываемому виду, т. е. на сосудах с цветным черепком и окрашенными глазурями.

Большое количество фрагментов поливной керамики, как красноглиняных, так и белоглиняных, найдено в Тамани при раскопках, произведенных экспедицией ГАИМК в 1930—1931 гг. под руководством А. А. Миллера и экспедицией ИИМК в 1952—1953 гг.

под руководством Б. А. Рыбакова. Наиболее близкие к саркелским материалы найдены при раскопках ГАИМК, когда, видимо, вскрывались культурные слои X—XI вв. При раскопках 1952 г., вскрывавших слои XII—XIII вв., керамики, близкой к саркелской, совсем не найдено, и это понятно, так как начало XII столетия является наи-

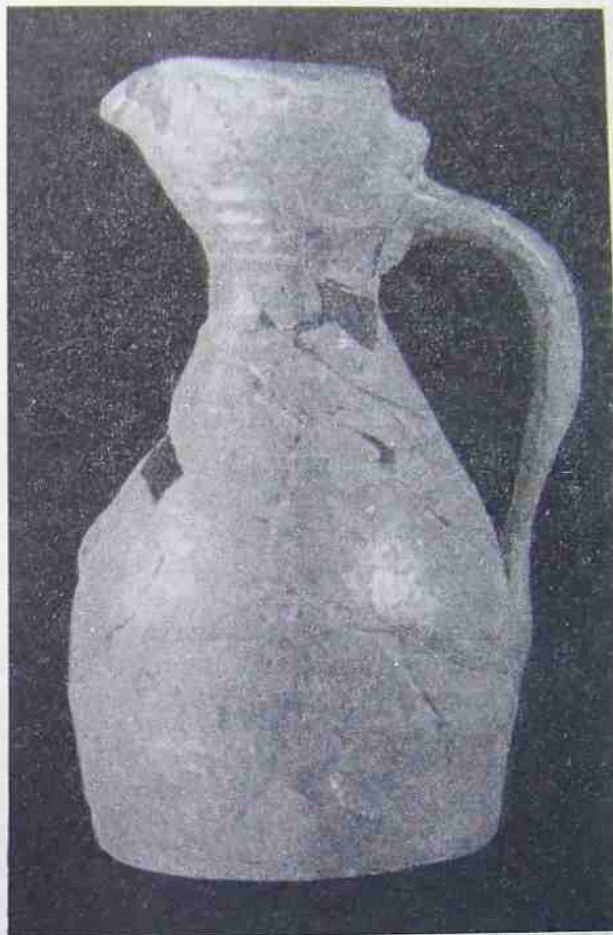

Рис. 2. Кувшин, покрытый оранжевой глазурью.

более поздним временем для жизни Саркела—Белой Вежи. К керамике рассматриваемого вида относятся найденные в 1930—1931 гг. фрагменты кувшинов. Мы располагаем двумя фрагментами от горла (Гос. Эрмитаж, №№ 1260/1907 и 1260/418) и тремя от ручки (Гос. Эрмитаж, №№ 1260/1208, 1260/500, 1260/15). К сожалению, ни целиком сохранившихся кувшинов, ни фрагментов от дна не имеется, поэтому нам придется ограничить сравнение форм лишь по верхней части кувшинов. Форма горла таманских поливных кувшинов близка к саркелским.

Однако установленное сходство еще не решает вопроса об общем происхождении той и другой керамики, так как кувшины с горлом подобной формы распространены очень широко и встречаются во многих местах, в частности похожее горло имеют кувшины с зеленой поливой из Двина.³ Значительно типичнее форма ручки саркелских кувшинов. Столь круто спускающиеся к тулову ручки, даже без слабо выраженного устремленного вверх выгиба, встречаются редко. У всех трех фрагментов, найденных в Тамани, с сохранившейся, хотя бы частично, ручкой мы имеем другую форму. Ручка у них, отходя от зева и плавно изгибаясь, немного поднимается вверх и затем уже также плавно опускается к тулову. На этом мы вынуждены ограничить сопоставление форм, так как фрагментов от нижней части кувшинов из Тамани не сохранилось. Перейдем к черепку и глазури. Здесь также имеются существенные отличия. Черепок таманской керамики окрашен более ярко и не содержит характерных для Саркела темных вкраплений, зеленая же глазурь всех таманских фрагментов кувшинов отличается более чистым цветом и не имеет бурых или темно-зеленых пятен, отмеченных нами при описании зеленого саркелского кувшина.

Продолжая сравнение, перейдем к керамике Закавказья, Средней Азии, Крыма и Византии. Производство поливной керамики в этих странах было широко развито и сосредоточено не в одном, а во многих центрах, где пользовалось местным сырьем различного качества. Поэтому по черепку и глазури красноглиняные изделия настолько отличаются друг от друга, что общих черт для каждой страны в отдельности мы определить не можем и, следовательно, сравнивать саркелскую керамику по этим признакам бесцельно, так как трудно было бы прийти к каким-либо определенным выводам. Иначе обстоит дело с формой и, в частности, с формой интересующих нас кувшинов. Одинаковые или близкие формы имеют изделия, изготовлявшиеся в разных керамических центрах, и по этому признаку легче установить общие черты, хотя исключения всегда имеют место. Ручкам на кувшинах, как на Кавказе, так и в Средней Азии, за малыми

исключениями, свойствен устремленный вверх выгиб, при этом на среднеазиатских сосудах VIII—XII вв., как поливных, так и неполивных, ручки иногда высоко подняты и на месте выгиба заострены.

Второй особенностью форм кувшинов Саркела является устройство дна, плоского, широкого и сравнительно высоко срезанного. Как круто опущенные ручки, так и плоское дно являются признаками примитивной техники и чаще встречаются на древней и на средневековой неполивной керамике. На средневековой, как поливной, так и неполивной, керамике Закавказья плоско срезанное дно встречается крайне редко, почти всегда имеется хотя бы невысокая ножка. На среднеазиатской неполивной керамике, напротив, такое дно широко распространено, поливные же кувшины так редки, что мы, не имея возможности сделать обобщение, вынуждены отказаться от сравнения. Поливные кувшины Крыма в большинстве случаев имеют поднятую ручку и донце с ножкой, но встречаются и с плоско срезанным дном и не поднятой вверх ручкой.⁴ Все же и на них ручка, отходя от горла, не опускается сразу, как у саркелских, а сохраняет на некотором расстоянии горизонтальное положение. Средневековым византийским кувшинам XI—XII вв. также свойственны поднятая вверх ручка и дно с ножкой,⁵ но на более ранних, IX—XI вв., встречается плоско срезанное дно, ручки же на некоторых похожи на крымские, они хоть и не имеют устремленного вверх выгиба, но не опущены так круто, как на саркелских.⁶ Наконец, на поливных кувшинах Киева ручки или с небольшим устремленным кверху выгибом, или совсем без выгиба, дно же плоско срезанное, но меньшего диаметра, чем у саркелских.⁷

⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 113, рис. 76, № 2 (у №№ 1 и 3 дно плоское, но имеется, хотя и слабо выраженная, ножка).

⁵ Ch. Morgan. The Byzantine Pottery. Corinth, v. XI, Cambridge-Massachusetts, 1942, рис. 41, a, b, c, d, e; 42 E; S. Ebersolt. Catalogue des Poteries Byzantines et Anatoliennes. Constantinople, 1910, рис. 145.

⁶ Ch. H. Morgan, ук. соч., рис. 165, a (№ 52), b (№ 53), d (№ 55); Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930, рис. 3, 1 (кувшин имеет ножку и ручку, не поднятую вверх).

⁷ М. К. Каргер. Археологическое исследование древнего Киева. Киев, 1950, стр. 23, рис. 9. Близкую форму имеет покрытый зеленой глазурью

³ Б. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок города Двина. Труды Гос. ист.-рич. музея АН Арм. ССР, т. IV, Ереван, 1952, стр. 50, рис. 10.

Закончив этим сравнение форм, подведем итоги. Мы видим, что на поливных средневековых кувшинах Средней Азии и Закавказья ручки саркелского вида не встречаются, на кувшинах же Византии встречаются лишь в редких случаях. Плоско срезанное дно встречается чаще, но меньшего диаметра. Так как абсолютные величины ничего не говорят, рассмотрим отношение наибольшего диаметра тулова к диаметру дна принимаемого за единицу. У саркелских, как указывалось, эти отношения следующие: у малого оранжевого — 1.1, у зеленого и коричневого — 1.4. У киевских кувшинов, найденных как в самом Киеве, так и в Вышгороде, мы имеем большую величину, равную двум. У херсонесского кувшина, изданного А. Якобсоном,⁸ эта величина равна 1.8. У византийских ранних кувшинов, датированных до 1100 г., мы имеем отношения, близкие к саркелским. Так, например, кувшины IX—X вв., покрытые желтой глазурью, имеют отношение от 1.1 до 1.3, но ручки у них выгнуты вверх.⁹ У кувшинов, покрытых коричневой глазурью, эта величина колеблется между 1.1 и 1.5; у них и ручки близки к саркелским.¹⁰ И наконец, неполитые византийские кувшины VI—VII вв. имеют отношение, равное 1.3—1.4.¹¹ Ручки их сильно выгнуты вверх. Следовательно, близкую форму как дна, так и ручки мы встречаем лишь в Византии, у коричневых небольших кувшинов, датированных IX—XI вв.; интересно, что отношение наибольшего диаметра тулова к диаметру дна и форма зева у них также близки к саркелским. К сожалению, по описанию Моргана, хотя и подробно, мы не можем получить полного представления о черепке, характере дна, способе установки кувшина в печи и цвете глазури византийских кувшинов. Провести полное сравнение возможно лишь с кувшином из Вышгорода, хранящимся в Москве, у которого форма, за исключением более широкого горла и меньшего диаметра дна, близка к саркелской. Этот кувшин имеет еще две особенности, сближающие его с зеленым и коричневым кувшинами Саркела. Во-первых, его до-

нышко сваружи, так же как и у последних, покрыто глазурью, и, следовательно, его нельзя было устанавливать в печи прямо на под. Видимо, для этого служили треугольные подставки. Проверить последнее ввиду плохой сохранности глазури, во многих местах отпавшей, нельзя с полной очевидностью, но все же не очень четко видимые на донышке следы, возможно, имеют то же происхождение. Во-вторых, поверхность кувшина под зеленой глазурью покрыта буро-коричневыми подтеками, получившимися, вероятно, от предварительного, до нанесения глазури, обрызгивания кувшина окислами железа. Эти вытянутые пятна, или вернее полосы, похожи на пятна буро-зеленого саркелского кувшина (№ 4; рис. 1). На этом сходство ограничивается. Черепок вышгородского кувшина светлый, почти белый, умеренно тонкого строения, характерный для киевской поливной керамики, совсем не похож на саркелский. На этом мы закончим сравнительный обзор поливной керамики, производившейся в странах, расположенных к востоку, югу и западу от Саркела. Мы обошли север, потому что поливная керамика на севере, в частности во Владимире, стала производиться лишь во второй половине XII в., когда Саркел как городское поселение уже не существовал.¹²

Где же производилась поливная керамика рассматриваемого вида. Относится ли она к местным мастерским, или завезена в Саркел из стран, керамику которых мы только что сравнивали с изделиями рассматриваемого вида и, в частности, с наиболее сохранившимися кувшинами? Под местным

¹² В последние годы во Владимире найдено большое количество фрагментов поливной керамики как плиток и изразцов, так и посуды домонгольского периода (раскопки 1952—1953 гг. под руководством Воронина; хранятся во Владимирском краеведческом музее). Поливная керамика Владимира по технике украшения и орнаментации аналогична, с одной стороны, керамике киевской, с другой (изразцы с рельефными изображениями), галицийской, но грубый и сильно окрашенный черепок указывает на местное производство. Возможно, что изготовление поливной керамики во Владимире было начато мастерами, переселившимися во Владимир из Киева и Галиции во второй половине XII в. и принесшими на северо-восток свою технику и свои вкусы, но приужденными пользоваться местными глинами. Последнее подтверждается как сходной орнаментацией и техникой украшения, так и отсутствием находок поливных изделий более раннего времени.

кувшин, найденный в Вышгороде в 1937 г. (ГИМ, № 987).

⁸ А. Л. Якобсон, ук. соч., рис. 76,2.

⁹ Ч. Н. Морган, ук. соч., табл. XI, b, c.

¹⁰ Там же, рис. 165, a, b, d.

¹¹ Там же, рис. 146.

мы подразумеваем не только производство самого Саркела, но и какого-либо еще неизвестного центра, расположенного около него.

Из всего вышесказанного нам приходится исключить возможность импорта. Ближе всего по форме к саркелским подходят, как уже говорилось, ранние, IX—XI вв., кувшины, найденные в Коринфе, но трудно представить возможность завоза в Саркел из страны, находящейся на расстоянии нескольких тысяч километров, изделий столь примитивных и, следовательно, дешевых. Конечно, если бы сходство было полным, если бы черепок и глазурь были совершенно тождественны, мы должны были бы признать в саркелских кувшинах, а следовательно и в остальных, близких к ним по черепку и глазури, но незначительных по размерам фрагментах, византийские изделия. Но этого нет. Даже в особенно близком по форме к византийским — малом кувшине, покрытом желто-оранжевой глазурью, нельзя усмотреть полного сходства. Очертание его иное, ручка же значительно больше, чем у византийских, кроме того, он покрыт желто-оранжевой, а не коричневой глазурью. Против возможности завоза керамики рассматриваемого вида из Византии говорит еще и то чрезвычайно важное обстоятельство, что керамика с цветным черепком и окрашенными глазурями из Тамани, которую мы имели возможность сравнить не только по форме, но и по черепку и глазури, на саркелскую не похожа. Следовательно, она не ввозилась в Саркел из Тамани. В таком случае становится непонятным, зачем в Саркел стали бы завозить аналогичную керамику из далекой Византии, тем более, что качество таманских изделий выше найденных в Саркеле. Исключив, таким образом, возможность завоза из вышесписанных стран, у нас остается лишь один выход — приписать рассматриваемую нами в этом разделе керамику Саркела местному производству, понимая местное в расширенном, выше объясненном смысле. Это подтверждается сходством форм поливных кувшинов с неполивными, найденными в Саркеле. В этом отношении особенно интересны два кувшина (1951-Ц-2536, 1951-Ц-3369), имеющие такую же опущенную ручку, похожее плоско срезанное дно и то же устройство зева. К ним особенно близок малый желто-оранжевый кувшин, у которого то же отношение наибольшего диаметра тулова ко дну —

1,1, а ручка такая же плоская в сечении. Местное происхождение этих простых неполивных изделий, не являющихся тарой, вряд ли может вызвать сомнение, тем более, что оба кувшина украшены своеобразной, нигде не встречающейся геометрической орнаментацией. Кроме того, небольшие ушки по сторонам горла зеленого кувшина, своеобразная деталь саркелского экземпляра, имеются и на неполивных кувшинах Саркела. Так, например, на фрагменте горла кувшина (1951-II-1957) имеется остаток такого же наклепленного ушка.

Но приняв местное, как наиболее вероятное, происхождение керамики рассматриваемого вида, все же следует остановиться на сходстве ее с керамикой Византии и Киева, говорящем о том, что она возникла на Дону под безусловным влиянием Руси и Византии. Мы уже указывали на сходство по ряду признаков вышгородского кувшина с большим саркелским. Интересно, что одна из этих особенностей — явно видимые под глазурью более темные пятна с косыми или вертикальными подтеками — замечена Морганом на найденных на Коринфе изделиях с коричневой глазурью, близких, как мы уже упоминали, по форме к малому саркелскому оранжевому кувшинчику.¹³ Кроме того, среди изделий, покрытых окрашенными глазурями, Морган описывает интересные чашечки, диаметром от 17 до 20 см, на высокой ножке, с камерой, имеющей одно большое и несколько маленьких отверстий. Эта камера, по мнению Моргана, предназначалась для раскаленных углей, которые не давали стыннуть во время еды положенной в чашечку пище.¹⁴ Эта редкая форма встречается и в Саркеле. К подобным чашечкам, видимо, принадлежат два фрагмента с желто-оранжевой глазурью (№ 3). У них с нижней стороны видны остатки отходящих от доньшка стенок, вероятно принадлежавших камере. К тем же изделиям по черепку и желто-оранжевой глазури относится найденная в Саркеле чашечка, которая, видимо, судя по сохранившимся остаткам, имела высокую, как у рюмок, ножку (№ 2). Сосуды

¹³ Ch. H. Morgan, ук. соч., стр. 37.

¹⁴ Там же, рис. 24, 25 (реконструкция), глазурь коричневая. В приложенном к его работе каталоге указаны размеры: № 1 — диаметр 20 см, высота 12 см; № 2 — диаметр 20 см, высота 14 см; № 8 — диаметр 18 см; № 18 — диаметр 17 см. Та же форма имеется и среди изделий с желтой глазурью (там же, рис. 174, № 206).

такой же формы найдены в Византии, в Коринфе и в Константинополе.¹⁵ Оба последних саркелских предмета (фрагмент чашечки с камерой и фрагмент чашечки на высокой, как у рюмок, ножке) хотя и покрыты желто-оранжевой глазурью, как и малый саркелский кувшинчик (№ 1), но значительно отличаются от последнего более тщательной формовкой, лучшим черепком чистого розового цвета и качеством глазури. Возможно, здесь мы имеем ввезенные в Саркел из Византии предметы, что может быть объяснено как лучшим качеством, так и редкой, замысловатой, трудно исполнимой формой. Положительно утверждать последнее было бы возможно лишь после непосредственного сравнения византийских и саркелских экземпляров, что для нас недоступно.

Перейдем теперь к датировке. Из всех трех кувшинов оранжевый, видимо, является наиболее ранним. Об этом говорит как его техническое несовершенство, так и примитивность формы — высоко срезанное, лишь немного ниже наибольшего расширения тулова, дно. Зеленый и коричневый кувшины значительно лучше выполнены, имеют более сложную форму, с лучше выраженной округлостью тулова; они, вероятно, относятся к более позднему времени. Мы уже говорили, что в Коринфе найдены желтые и коричневые кувшинчики, близкие по форме к оранжевому; Морган датирует их IX—XI вв. При сравнении формы саркелских кувшинов с вышгородскими выяснилось, что зеленый и коричневый кувшины занимают по форме среднее положение между ним и оранжевым. Вышгородский кувшин датируется XII в. Близкие к нему не только по форме, но и по некоторым техническим приемам большие саркелские кувшины, вероятно, относятся к тому же или несколько более раннему времени — XI—XII вв., более же ранний оранжевый в таком случае следует датировать X—XI вв. Расплывчатая датировка коринфских кувшинов последнему не противоречит. Фрагмент сосудов с двойным дном (№ 3),

имеющий полную аналогию в Коринфе, следует датировать тем же временем. Морган датирует эти коринфские сосуды, так же как и кувшины, IX—XI вв.¹⁶ Обратимся теперь к условиям находки вышеперечисленных предметов в Саркеле. Все три кувшина, включая оранжевый, найдены в славянских слоях, следовательно, должны датироваться концом X—началом XII в. Последнее, хотя

Рис. 3. Кувшин неполивной, с процарапанной орнаментацией.

и не противоречит нашим датировкам, не является, однако, подтверждением высказанного нами предположения о более раннем времени изготовления оранжевого кувшина по сравнению с зеленым и коричневым. Но другое обстоятельство оказывается полезным для данного случая. Мы уже говорили, что из всех трех кувшинов оранжевый кувшин наиболее близок по форме к замечательному неполивному кувшину Саркела с интересной процарапанной орнаментацией (1951-Ц-3369; рис. 3). Последний найден на глубине 150 см (в яме) и датируется хазарским временем.

Фрагмент сосуда с двойным дном (№ 3) найден в хазарском слое, следовательно относится к IX—первой половине X в.

¹⁵ Там же, стр. 197, рис. 173, № 193. Чашечка отнесена автором к белоглиняным изделиям, но имеет розовый (pink), судя по каталожному описанию, черепок. Действительно ли он столь же розовый, как у саркелского, или белый с розовым оттенком, мы судить не можем. Глазурь у него желтая, как у саркелского; см. также: Second report upon the Excavations carried out in the Hippodrome of Constantinople in 1928. London, 1929, рис. 23, 30.

¹⁶ Ch. H. Morgan, ук. соч., стр. 56.

Последнее уточняет расплывчатую датировку Моргана.

Большинство остальных фрагментов поливной красноглиняной керамики найдено в славянских слоях, но некоторое количество, сравнительно меньшее, относится к хазарскому времени. Следовательно, производство простой поливной керамики Саркела началось еще в IX или в начале X в.

Керамика рассмотренного вида украшалась или гравировкой, что мы наблюдаем на обоих больших кувшинах, зеленом и коричневом, или рельефной орнаментацией из желобков (№ 5) или наложенных розеток (№ 7). На некоторых, видимо лишь небольших, сосудах формовалась невысокая каблучная ножка (№ 6). У изделий с зеленой глазурью, покрытых ангобом, гравировка производилась по ангобу, остальные же украшались гравировкой по необожженному черепку.

Оранжевая глазурь. 1. Кувшин маленький с коротким горлом, расширенным зевом и носиком, полученным двусторонним сдавливанием зева еще до просушки сосуда (1950-II-380; славянский слой). Тулово в верхней части почти коническое, в нижней расширенное, округлое. Оно срезано высоко расположенным плоским дном большого диаметра. Отношение наибольшего диаметра тулова к диаметру дна равно 1.1. Ручка протянута от зева к средней части тулова. Она круто опускается и в разрезе плоская. Черепок розовый, неяркого и нечистого цвета, с небольшими темными вкраплениями, сравнительно мелкозернистый по строению, твердость излома 3—4.

Глазурь желто-оранжевая, с зелеными пятнами. Нанесена небрежно, у основания сосуда остались не покрытые ею места. На дне и внутри, кроме верхней части зева, глазури нет. Вся поверхность сосуда плохо сглажена, ангоба нет. Кувшин разбит на много частей, склеен и реставрирован. Высота 12 см. Окружность (наибольшая) 21 см, диаметр тулова (наибольший) 6.5 см, диаметр дна 6 см.

2. Фрагмент чашечки с почти плоским дном и отогнутым краем, на ножке, по-видимому, рюмочного типа (1936-496). От нее сохранилась лишь верхняя часть. Черепок розовый, красивого чистого цвета, с небольшим темным вкраплением. Глазурь желто-оранжевая, с небольшими пятнышками, покрывает чашечку внутри и край чашечки

снаружи. Ангоба нет. Диаметр около 9 см, высота фрагмента 4 см.

3. Фрагмент от края чашечки, вероятно, на высокой ножке, с двойным дном, дно целиком не сохранилось, но видно его раздвоение (1951-II-2272/2; хазарский слой). Черепок и глазурь как у предыдущего. Размер фрагмента 8.5×11 см, диаметр (восстановленный) 20—21 см. В Коринфе найдены чаши с камерой, помещенной внутри высокой ножки; вероятно, здесь мы имеем ту же форму.

Кроме вышеописанных, к керамике этой разновидности следует отнести следующие фрагменты: 1951-II-1482 (слой славянский), 1951-II-905 (хазарский), 1951-I-378 (хазарский).

Зеленая глазурь. 4. Кувшин с невысоким горлом, расширенным зевом и носиком, полученным двусторонним сдавливанием зева еще до просушки сосуда (1951-II-3039; славянский слой, основание стены). Тулово яйцевидной формы, но срезано в нижней части плоским дном большого диаметра. Отношение наибольшего диаметра тулова к диаметру дна равно 1.4. От зева сосуда к плечикам протянута ручка, круглая в сечении. Черепок розовый, нечистого цвета, с небольшими темными вкраплениями, слоистого строения; твердость 3—4. Глазурь зеленая, неровно лежащая, с бурозелеными, вертикально вытянутыми пятнами. Перед глазурованием кувшин был облит ангобом. Глазурь покрывает весь кувшин снаружи, внутри же лишь край зева. Дно не покрывалось глазурью, но на нем видны глазурные заплывы. Кувшин, видимо, устанавливался в печи на трехзубчатой подставке. На этом экземпляре следы не видны, так как глазурь местами отскочила, местами же вообще отсутствует, но на нижеописанном коричневом кувшине они проступают отчетливо. По сторонам горла — два налепленных ушка неправильной и нечеткой формы. Само горло у тулова и у зева украшено двойными рельефными валиками. На плечиках сосуда орнамент из неправильных спиралей с петлями, гравированный по ангобу. Внутри спиралей и между ними расположены завитки. Местами в нижней части кувшина глазурь отскочила. Кувшин разбит на много частей, склеен и реставрирован. Высота 34 см, высота горла 12 см, окружность 71 см, ширина зева с носиком 9 см, диаметр тулова 22.5 см, диаметр дна 16 см.

5. Фрагмент стенки сосуда неизвестной формы (1950-II-545/3; славянский слой). Черепок как у предыдущего. Глазурь зеленая, без заметных пятен, покрывает лишь одну сторону, наружную, и нанесена по ангобу. Одна сторона покрыта желобками (каннелюрами). Размер 8×3 см.

Похожие желобки имеет фрагмент (1950-I-1392, славян.), но глазурь у него бурозеленого цвета.

6. Фрагмент нижней части маленького сосуда (1951-Ц-3133; найден в комплексе хазарской неполивной керамики). Тулово в нижней части сферическое, ножка невысокая каблучная. Черепок как у предыдущего. Глазурь такая же, с темно-зелеными пятнами, покрывает лишь одну сторону. Диаметр тулова 7 см, диаметр ножки 5 см, высота ножки 0.8 см, толщина стенок 0.7—0.9 см.

7. Фрагмент края большого сосуда неизвестной формы (1951-II-2347; раннеславян. — X в.). Черепок близок к предыдущим, но несколько сильнее окрашен в кирпично-красный цвет. Глазурь зеленая, ярче и чище по тону, чем у предыдущих. Обратная сторона фрагмента покрыта желтовато-зеленой глазурью. Глазурь непрочно держится на черепке и местами отскочила. Ангоб положен тонким слоем. Фрагмент украшен наложенной рельефной розеткой сглаженной, нечетко выраженной формы. Размер 3×3.5 см, толщина 0.8—1 см.

Кроме перечисленных, имеются следующие фрагменты керамики этого вида с зеленой глазурью: 1934-3189а, 2033; 1949-1317 (славян.); 1950-II-1744 (славян.); 999 (славян.); 1950-I-1392 (хазар.); 761 (хазар.); 1951-Ц-3140 (хазар.); 2762 (славян.); 2361 (славян.); 334 (славян.); 2725 (хазар.); 1951-II-2189 (хазар.); 794 (славян.); 1300 (славян.); 1951-I-498 (славян.); 1935-951 (отличается более яркой зеленой глазурью). Среди славянских и хазарских фрагментов имеются фрагменты очень близкие по черепку и зелено-бурой с пятнами глазури: 1950-II-1724 (славян.) и 1950-I-761 (хазар.).

К о р и ч н е в а я г л а з у р ь. 8. Кувшин по форме и размерам близок к зеленому вышеописанному кувшину № 4 (1951-II-551; славян.?). Верхняя часть горла его не сохранилась и реставрирована. Черепок сильно загрязнен копотью, по-видимому кувшин попал в пожар. По менее загрязненным местам видно, что он был розовый,

с небольшими темными вкраплениями, похожий на предыдущие. Твердость такая же, 3—4. Следов ангоба не видно.

Глазурь коричневая, неоднородная — от желтоватого до темно-красноватого-коричневатого цвета. На поверхности заметна иризация в синеватых и красноватых тонах. Последнее, возможно, получилось от долгого лежания в земле или от действия восстановительного огня пожара, в который, видимо, попал кувшин. Покрывает он глазурью лишь снаружи. Дно также покрыто глазурью, но небрежно, остались не покрытые ею места. На дне имеются следы от шипов подставки, на которую устанавливался кувшин во время обжига. Украшен он простейшей орнаментацией, гравированной по черепку. От плечей сосуда до дна расположены вертикальные процарапанные прямые линии, чередующиеся с волнистыми петельками. Высота 26 см (без реставрированного горла). Наибольшая окружность 70 см, диаметр тулова 22 см, диаметр дна 15 см. Отношение наибольшего диаметра тулова к диаметру дна равно 1.46. Форма хотя и близка к зеленому кувшину (№ 4), но несколько более вытянута и закруглена.

9. Фрагмент дна сосуда на невысокой каблучной ножке (1951-Ц-2944; хазар.). Черепок не закопчен, окрашен в розовый, сравнительно яркий цвет. В изломе видны небольшие темные вкрапления. По строению он похож на предыдущие, твердость та же. Глазурь коричневая, вероятно свинцовая, окрашенная марганцем красивого красноватого оттенка. По цвету она неоднородна, имеются темные пятна, расположенные вертикально. Иризация, очень незначительная, покрывает одну сторону фрагмента. Размер 8×6.5 см.

К этой разновидности относятся еще следующие фрагменты: 1934-2349, 2274; 1950-I-56 (славян.); 1950-II-1161 (раннеславян.); 1951-Ц-709 (славян.); 849 (славян.); 2620 (славян.); 2924, доньшко сосуда покрыто глазурью внутри, снаружи глазури нет (раннеславян.); 564 (раннеславян.); 1934-2915.

Керамика, украшенная гравировкой по ангобу под бесцветной глазурью

К этому виду керамических изделий относятся предметы, схожие с предшествующими по черепку и отличающиеся от них

бесцветной глазурью. Здесь следует отметить, что изделий с совершенно бесцветной глазурью не бывает, она всегда в большей или меньшей степени окрашена в зеленовато-голубоватые или желтоватые тона в зависимости от случайных примесей и характера обжига. Поэтому название «бесцветная» в значительной степени условно

Рис. 4. Чаша, покрытая синей глазурью. Ани.

и означает, что глазурь не была специально окрашена в тот или иной цвет. Изделия этого вида украшались гравировкой по ангобу, следовательно ангобирование было обязательно. Ангобом предметы покрывались с обеих сторон, гравировка же и глазурь имеется лишь на лицевой стороне. По сходству черепка с изделиями предшествующего вида рассматриваемую керамику следует относить к местному производству. Последнее подтверждается своеобразной орнаментацией изделий. Три из сохранившихся четырех фрагментов керамики рассматриваемого вида украшены сходным фризовым узором из ряда спиралевидных завитков, закономерно расположенных. Узор этот явно исходит из распространенного в средневековом искусстве Киевской Руси, Византии и Закавказья непрерывно вьющегося орнамента, в основе которого лежит волнистая линия с попеременно отходящими от

нее в обе стороны завитками, обычно условно передающими усики и листья вьющегося растения; иногда это листья и ягоды виноградной лозы или плюща. Этот фризовый узор распространен на средневековой керамике Закавказья (рис. 4), он встречается в Крыму и Византии.¹⁷ Мастера, украшавшие им саркелские фрагменты, его не поняли. Изменив этот узор, они или нарушали непрерывность лежащей в основе орнамента волнистой линии, разорвав ее на отдельные отрезки, или же сообщали ей несвойственные побегу вьющегося растения угловатые изгибы. Первое мы наблюдаем на двух фрагментах, судя по начертанию узоров, относящихся к двум сосудам (№№ 10, 11, рис. 5, 1, 2), второе — на одном фрагменте (№ 12; рис. 5, 3).

Все образцы изделий рассматриваемого вида найдены в славянских слоях, при этом два фрагмента залегали в позднем культурном слое. Следовательно, их надо датировать XI—XII вв.

10. Фрагмент края сосуда, возможно чаши с отогнутым бортом (судя по небольшому остатку борта) (1951-Ц-1607, славян.). Черепок кирпично-красного, сравнительно светлого, но нечистого цвета, с небольшими темными вкраплениями; слоистого строения твердость 3—4. Близок к черепку большинства керамики предшествующего вида (кроме №№ 2 и 3).

Ангобом фрагмент покрыт с обеих сторон. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая, покрывает фрагмент внутри. По ангобу гравирован фризовый орнамент из ряда спиралевидных завитков, отходящих попеременно в обе стороны. Узор похож на широко распространенный непрерывно вьющийся, но с той разницей, что завитки отходят не от лежащей в основе вьющейся линии, а от концентрического круга, ограничивающего кайму орнамента. При этом последнее происходит не от небрежности, как на некоторых образцах средневековой закавказской керамики, а от своеобразного понимания самого орнамента. Размер фрагмента 11×8 см, толщина 0.5—0.7 см.

¹⁷ Историч. музей АН Арм. ССР, №№ 755, 07 и 768, 07 Ани; №№ 180, 475, Двина 1946 г. и др.; В. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок города Двина, рис. 11; А. Л. Якобов. у.к. соч., табл. I, № 4; Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery, табл. VII, b, c (расписная керамика XI в.).

11. Фрагмент края сосуда, вероятно чаши с невысоким бортом, внутри плавно отходящим от дна, снаружи — под углом (1951-Ц-364, позднеславян.). Черепок как у предыдущего. Ангоб покрывает весь фрагмент как внутри, так и снаружи. Глазурь бесцветная, слегка желтоватая, покрывает фрагмент внутри, снаружи имеются лишь подтеки

ражена кайма из непрерывной вьющейся линии с завитками, отходящими в разные стороны. Здесь в основе узора мы имеем сплошную (не разорванную, как раньше) линию, но она лишена плавности, чем и отличается от обычного начертания непрерывно вьющегося орнамента. Размер фрагмента 4.5—5.5 см, толщина 1 см.

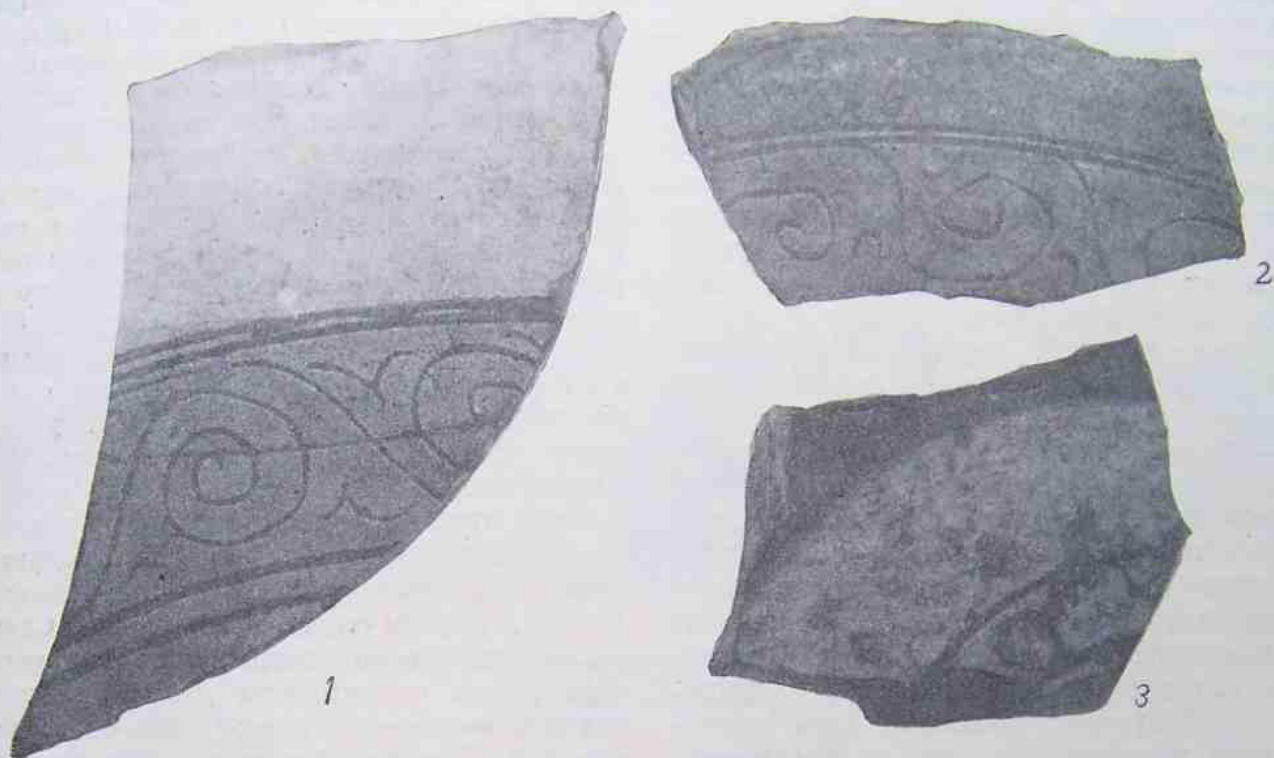

Рис. 5. Фрагменты, украшенные гравировкой по ангобу.

у края. Рисунок гравирован по ангобу. Орнамент напоминает предыдущий, но завитки, во-первых, гравированы небрежно и угловато и, во-вторых, они более разорваны и поэтому менее походят на непрерывно вьющийся узор, чем у фрагмента № 10. Размер фрагмента 7×3.7 см, толщина 0.5 см.

12. Фрагмент доньшка сосуда, вероятно чаши на невысокой кольцевой ножке (1951-Ц-387, славян.). Черепок похож на предыдущий, но несколько грубее по строению. Он относится к изделиям худшего качества и более толстостенным; твердость как у № 10.

Ангоб покрывает весь фрагмент как внутри, так и снаружи, включая ножку, кроме опорного кольца.

Плохо сохранившаяся глазурь покрывает фрагмент лишь внутри. На дне она бесцветная, лишь слегка желтоватая, к краям зеленая. Узор гравирован по ангобу, изоб-

13. Фрагмент борта сосуда с отогнутым под углом краем. Вероятно, ту же форму имел сосуд № 10 (1951-II-1957, позднеславян.). Черепок как у №№ 10 и 11.

Ангоб покрывает фрагмент с обеих сторон. Глазурь бесцветная, с желтизной, покрывает фрагмент лишь внутри.

Рисунок гравирован по ангобу. Сохранились две черточки, вероятно, от концентрического круга. Размер 7.3×5 см, толщина 0.5 см. К этому виду относится еще фрагмент 1951-II-1957.

Керамика с подглазурной трехцветной росписью без гравировки

Изделия этого вида имеют более толстые стенки и более грубый сравнительно с вышеописанными по строению черепок. Хотя данные сосуды и отличаются от вышеописан-

ных, мы не можем считать их в противоположность предшествующим импортными изделиями, так как в этом случае пришлось бы предположить возможность ввоза более грубой и, следовательно, дешевой керамики, чем изготавливающаяся на месте. В одном керамическом центре возможно одновременное производство изделий как лучшего, так и худшего качества, поэтому, исходя лишь из свойств черепка, керамику рассматриваемого вида нельзя ни относить к другим мастерским или центрам, ни датировать иным временем. Для решения этих вопросов большее значение имеет как техника украшения, так и стиль росписи. В противоположность обоим предшествующим видам описываемая нами керамика украшалась не гравировкой по черепку или ангобу, а подглазурной росписью тремя красками — зеленой, желтой и буро-фиолетовой. Наиболее ранняя средневековая поливная керамика Закавказья, датируемая VIII—IX вв., также украшалась подглазурной росписью красками или ангобом, гравировка же, видимо, появилась лишь в X столетии. Ясную картину развития техники способов украшения дают материалы из раскопок города Двина в Армении, где поливная керамика местного производства, прочно датируемая не позднее IX в., украшена подглазурной росписью. Она расписана теми же красками, как и рассматриваемая в этом разделе керамика Саркела. Кроме того, мы видим сходство и в орнаментации. На двинской керамике, так же как и на ранней керамике с подглазурной трехцветной росписью, из Орен-Калы встречается геометрическая орнаментация с заполнением свободного пространства довольно крупными, обычно овальными пятнами, часто обведенными контуром. Основной геометрический узор состоит или из сетки, образованной пересечением прямых, или из радиально расходящихся полос.¹⁸

¹⁸ Б. А. Шелковников. 1) Художественная керамика двинских раскопок. Изв. Арм. фил. АН СССР, № 4—5, Ереван, 1940, стр. 183, 184, рис. 2, 3; 2) Керамика и стекло из раскопок города Двина, стр. 37—39, 58, 59. Сетка представлена на двинских фрагментах № 508, 1937 г.; №№ 112, 133, 1938 г.; радиальные полосы — на фрагменте № 288, 1937 г. Того же типа узоры имеются на фрагментах из раскопок в Орен-Кале 1954 г., хранящихся в Историческом музее в Баку (№№ 2436/54, 1013/54).

На фрагменте сосуда из Саркела (№ 14; рис. 6, 1) имеются радиально расходящиеся полосы, делящие поверхность на сегменты; пространство внутри последних заполнено довольно крупными овальными пятнами. Эта орнаментация стилистически близка к керамике той же техники украшения из Двина, в особенности к фрагменту с радиально расположенными, хотя и не отходящими от центра полосами (рис. 6, 4).¹⁹ Но, помимо расхождения в деталях, орнаментация саркелских фрагментов существенно отличается от двинского нарушением радиальной композиции, распространенной на восточной керамике. Двинский фрагмент относится к доньшку сосуда, видимо чаши, и если бы мы продолжали украшающие его радиально расположенные полосы, то они сошлись бы в центре дна сосуда. Фрагмент же Саркела относится не к доньшку, а к стенкам сосуда чаши или блюда с округлыми боками, и, следовательно, узор не имеет центрального расположения. Здесь мы наблюдаем то же явление, что и на керамике предшествующего вида, украшенной гравированным по ангобу узором, подражающим непрерывно выходящему орнаменту. В том и другом случае на керамике Саркела мы видим своеобразное толкование распространенных на керамике узоров, подтверждающее местное происхождение обоих видов изделий. Вторым существенным моментом, исключаяющим не только двинское, но и вообще закавказское происхождение рассматриваемой керамики Саркела, являются технические особенности. Во-первых, черепок изделий Саркела непохож на черепок ранней керамики как Армении (из Двина), так и Азербайджана (из Кабалы, Баку и Орен-Калы). Во-вторых, ангоб на изделиях Саркела лежит очень тонким слоем и лишь там, где этого требует живопись, поэтому обратная сторона предметов совсем, даже у краев, ангобом не покрыта (№ 17). Такая скупость в использовании ангоба на закавказской керамике не встречается. Густая, сравнительно яркая по цвету, желтая краска саркелской керамики рассматриваемого вида редко встречается на средневековой керамике. Поэтому обращает на себя внимание то, что на ранней, датируемой IX—X вв., керамике Орен-Калы из раскопок 1954 г. мы наблюдали такую же краску. Видимо,

¹⁹ Историч. музей АН Арм. ССР, № 288, 1937 г.

саркелские мастера заимствовали эту технику из Орен-Калы, поскольку керамика последней и в техническом, и в художественном отношении стоит на более высоком уровне. Среди фрагментов керамики рассматриваемого вида имеется обломок от дна сосуда закрытой формы, видимо кувшина (№ 15). Этот сосуд имел плоско срезанное

Х вв., исходя из того, что Закавказье было страной развитой и передовой керамической промышленности. Более позднее время маловероятно, хотя бы потому, что керамика с гравированной по ангобу орнаментацией датируется XI в. Условия находки фрагментов рассматриваемого вида подтверждают предполагаемую датировку. Лучше сохра-

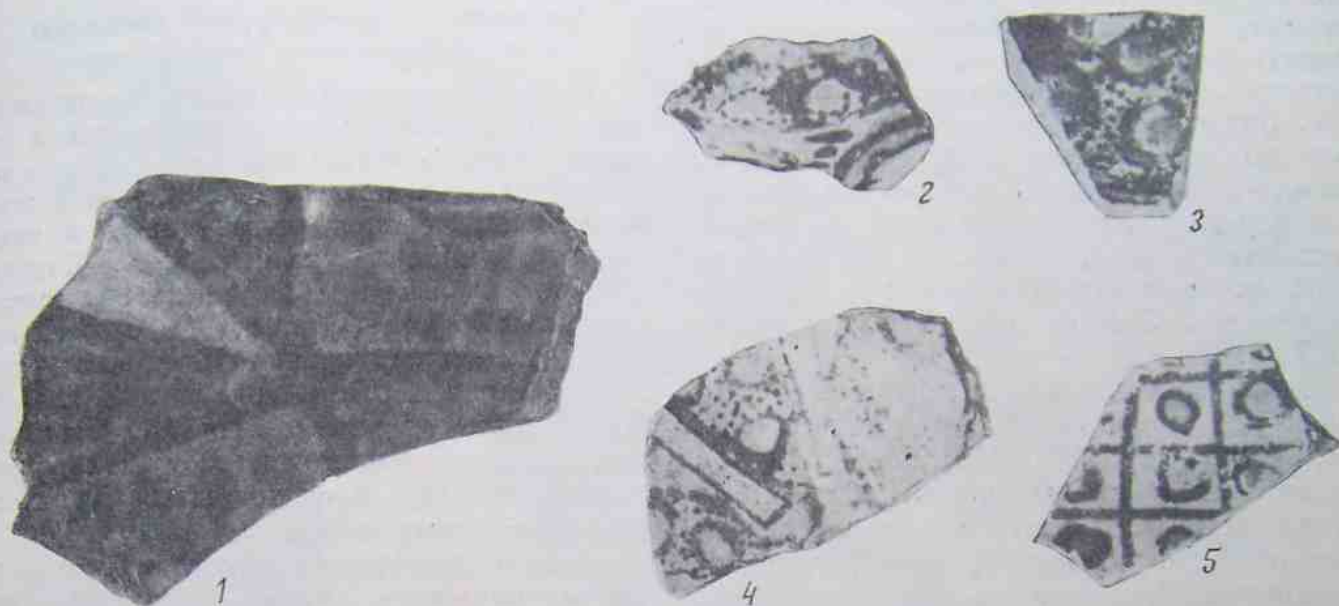

Рис. 6. Фрагмент с полихромной подглазурной росписью.

1 — Саркел; 2—5 — Двина.

дно без ножки, как и у вышеописанных поливных кувшинов с зеленой, коричневой и оранжевой глазурью и неполивных кувшинов Саркела. Последнее подтверждает местное происхождение рассматриваемой керамики, так как на изделиях закрытой формы (кувшины, вазы) из Орен-Калы и Двина такое устройство дна не встречается. Следовательно, местные мастера, заимствуя из Орен-Калы яркую желтую краску, из Орен-Калы и Двина стиль росписи, в формовке изделий исходили из своих традиций.

Датировать керамику рассматриваемого вида следует более ранним временем, чем предшествующую, по следующим соображениям. В Закавказье керамика с подглазурной росписью появилась ранее гравированной по ангобу, и у нас нет оснований считать, что к северу от Кавказского хребта ход развития техники украшения был иной. Далее, роспись стилистически близка, как уже говорилось, к керамике Двина, датируемой не позднее IX в. Следовательно, керамику рассматриваемого вида нужно датировать IX—

X вв., исходя из того, что Закавказье было страной развитой и передовой керамической промышленности. Более позднее время маловероятно, хотя бы потому, что керамика с гравированной по ангобу орнаментацией датируется XI в. Условия находки фрагментов рассматриваемого вида подтверждают предполагаемую датировку. Лучше сохра-

нившиеся фрагменты, позволившие провести сравнение с закавказской керамикой (№№ 14, 15), найдены в культурных слоях хазарского времени, другой фрагмент (№ 16) по месту находки относится к позднехазарскому или раннеславянскому периоду. Третий же фрагмент (№ 17) найден в яме среди предметов славянского времени, но здесь культурные слои были нарушены, и поэтому более ранний предмет мог оказаться среди поздних.

14. Фрагмент стенок сосуда, вероятно большой чаши или блюда с округлыми боками (1950-II-2027, хазар.). Черепок кирпично-красный, крупнозернистый, более грубый, чем черепок керамики предшествующего вида (№№ 10 и 11). Бесцветная, слегка желтоватая глазурь покрывает фрагмент лишь внутри. Она лежит поверх тонкого слоя ангоба, нанесенного, видимо, лишь там, где требовалось для росписи.

Расписан фрагмент под глазурью по ангобу тремя красками — буро-фиолетовой, зеленой и желтой. Последняя лежит сравни-

тельно толстым слоем. Она отличается от желтой подглазурной краски Закавказья (кроме ранней керамики из Орен-Калы) и крымской керамики большей чистотой и яркостью цвета, с одной стороны, и непрозрачностью, с другой; последнее, видимо, объясняется тем, что к красящему окислу была добавлена глина. Поверхность фрагмента разбита шестью исходящими из одного центра, темными, буро-фиолетовыми полосами на сегменты разной величины. Малые сегменты покрыты желтой (один) и зеленой (три) красками. Большие же украшены зелеными овалами по неокрашенному фону, имеющему розовато-желтый цвет. Последнее, возможно, объясняется тем, что ангоб имеет не белый, а розоватый цвет, желтизна же вызвана слабой окрашенностью в этот тон прозрачной глазури. Размер 10×5.5 см, толщина 1—1.5 см.

15. Фрагмент дна сосуда закрытой формы, горшка или кувшина, с плоско срезанным дном, без ножки (1950-1-2422, хазар., IX в.). Черепок как у предыдущего. Глазурь бесцветная, покрывает фрагмент лишь снаружи по ангобу. По розовой, нечистого цвета поверхности фрагмент расписан теми же красками. На краю фрагмента видно довольно большое желтое пятно с буро-фиолетовой обводкой. Вокруг него широкое зеленое кольцо, также обведенное фиолетовой полоской. По остальной поверхности расположены зеленые пятна неправильной круглой и овальной формы. Размер 11.5×7.5 см, толщина 0.8—1.2 см, восстановленный диаметр дна около 9 см.

16. Фрагмент стенки сосуда (1950-II-1181, хазар. или раннеславян.). Черепки как у предыдущего, глазурь, ангоб и краски те же. Орнамент геометрический, близкий к предыдущим, поскольку видны темные полосы и зеленые овалы. Ввиду малого размера об орнаментации в целом судить невозможно. Размер 6×4 см, ширина 0.7—0.8 см.

17. Фрагмент стенок сосуда с отогнутым краем (1950-II-345, славян.). Черепок и глазурь как у предыдущих. Ангоб покрывает одну сторону фрагмента тонким слоем. Расписан теми же красками. На нем видно, что край с обратной стороны ангобом не покрыт. Кроме того, расположенные у края зеленые и буро-фиолетовые вытянутые пятна нанесены по ангобу, но у самого края они переходят на поверхность, ангобом уже не покрытую, и поэтому на этих участках краски

теряют чистоту цвета. Ввиду незначительности фрагмента судить об орнаментации нельзя. Размер 3.7×2.7 см, толщина 0.7—0.8 см. К этому виду относятся еще следующие предметы: незначительный осколок со следами росписи (1934-1246), фрагменты (1950-II-1181; 1951-II-278) и выточенное из обломка пряслице (1951-II-1657).

Керамика с подглазурной росписью с использованием красной охры

Изделия этого вида близки к предыдущим лишь по технике подглазурной росписи без гравировки. В остальном же они резко отличны от всех предыдущих. Высококачественный их черепок мелкозернист и имеет светлый кирпично-красный цвет. Изделия хорошо сформованы и тщательно расписаны. Ангоб покрывает сосуды с обеих сторон. Расписаны фрагменты охрами — глинами, окрашенными окислами железа. Относящиеся к этому виду два фрагмента принадлежат, видимо, к разным керамическим центрам, производящим технически близкую между собой керамику. Судя по технике и характеру орнаментации, образцы рассматриваемого вида — среднеазиатского производства X—XI вв. Один фрагмент, помимо ярко-красного ангоба, расписан черной краской (№ 18; рис. 7, 1). По белому ангобу положена красная охра (ангоб), по этому красному полю разбросаны белые пятнышки, полученные удалением слоя красной охры при помощи острого инструмента. Между двумя красными полями тянется черная цепь из двух перевитых жгутов (на обломке виден лишь отрезок). На фрагменте вазы из собрания Государственного Эрмитажа (СА-13241), найденном в Афрасиабе (рис. 7, 2), мы видим ту же технику и ту же орнаментацию. Фон вазы покрыт красным ангобом, по которому разбросаны белые пятнышки, полученные соскабливанием верхнего красного слоя до нижнего белого. По тулову вертикально расположены черные цепи из перевитых жгутов того же вида, что и на саркелском фрагменте. Сходство настолько велико, что общее происхождение не вызывает сомнений и, следовательно, саркелский фрагмент был завезен из Афрасиаба. Он датируется тем же временем, как афрасиабские, — X в.²⁰

²⁰ В собрании Эрмитажа (СА-7074) имеется еще чаша из Афрасиаба с красным фоном и белыми пятнышками, полученными той же техникой.

Второй фрагмент (№ 19; рис. 7, 3) расписан красной охрой неяркого оттенка, серой с фиолетовым оттенком, непрозрачной красной и прозрачной зеленой. Близкий ему по характеру растительной орнаментации фрагмент найден в Замахшаре (Хорезм) в 1937 г.²¹ Датируется он X—XI вв. Видимо, саркел-

фоне черная цепь из двух перевитых жгутов. Поле по сторонам цепи покрыто красной охрой (или ангобом) и разбросанными мелкими белыми пятнышками, полученными соскабливанием поверхности красного слоя до белого ангоба посредством острого инструмента. Размер 3×3.3 см, толщина 0.5 см.

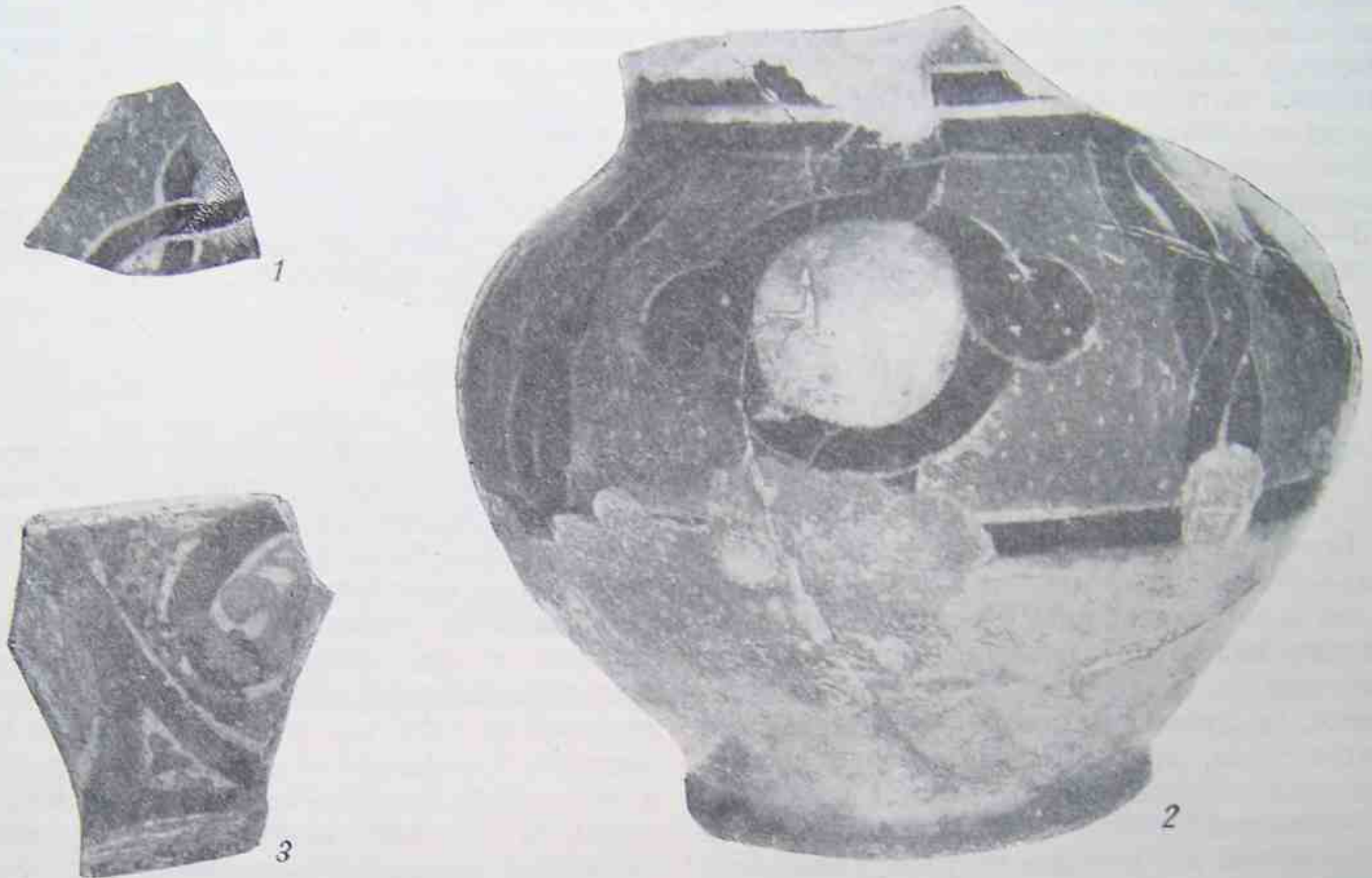

Рис. 7. Фрагменты с росписью цветными ангобами.

1, 3 — Саркел; 2 — Афрасиаб.

ский фрагмент происходит из того же керамического центра. Условия находки саркелского фрагмента № 18 подтверждают приведенную датировку. Найден он на большой глубине, почти 3 м от поверхности, и относится к хазарскому времени — первой половине X столетия. Фрагмент № 19 датировать по месту находки не удается.

18. Фрагмент стенок сосуда (1950-I-1293, хазар.). Черепок кирпично-красный, тонкого строения, твердость около 3. Покрыт с обеих сторон ангобом и бесцветной глазурью. С лицевой стороны изображена на белом

19. Фрагмент стенки глубокой чаши с конусовидными боками, под углом отходящими от плоского дна (1936-788). Ножка не сохранилась. Черепок светлый, кирпично-красный тонкого строения. Твердость 3—4. Покрыт с обеих сторон белым ангобом, лежащим сравнительно толстым слоем, местами ангоб отскочил. Расписан красками красной, серо-фиолетовой, желто-зеленой и прозрачно-зеленой. Бесцветная глазурь покрывает фрагмент внутри и борт снаружи; на доннышке с обратной стороны глазури нет. Орнаментация растительная, изображены серо-фиолетовые побеги, переходящие в красные лепесточки или бутоны. Размер 5.5×4.8 см, толщина 0.3—0.5 см.

²¹ Раскопки 1937 г., ГИМ, № 4929.

Большинство фрагментов простой поливной керамики, найденных в Саркеле, относится к местному производству. Для них характерна грубая формовка, небрежная орнаментация, своеобразная трактовка заимствованных орнаментальных мотивов, крупнозернистый, хотя и сравнительно светлый по цвету черепок и скудость в использовании как ангоба, так и глазури. По сходству технических приемов и орнаментальных мотивов керамика Саркела развивалась под влиянием, с одной стороны, Закавказья (изделия см. стр. 283—286) и, с другой, Византии и Киевской Руси (изделия см. стр. 273—281). Это указывает на существовавшие культурные связи города с данными странами.

Кроме местной керамики, найдены фрагменты, завезенные из стран, расположенных далеко от Саркела. Мы имеем предметы, завезенные из Византии (№№ 2, 3) и Средней Азии (№№ 18, 19). Последнее свидетельствует о торговых связях Саркела с Византией, а также с Афрасиабом и Хорезмом, так как в этих двух центрах, видимо, изготовлены среднеазиатские образцы. Малое количество найденной в Саркеле импортной красноглиняной керамики не позволяет полностью выявить торговые связи города. В этом отношении значительно более богатый материал дает белоглиняная керамика целиком импортного происхождения, о которой будет говориться в дальнейшем.

II. БЕЛОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА

Керамика, покрытая пятнистой зеленой глазурью

Белоглиняные изделия из раскопок Саркела—Белой Вежи, по характеру глазури и технике украшения, делятся на несколько видов. Количество экземпляров, относящихся к каждому из них, ограничивается, за одним исключением, несколькими фрагментами, при этом настолько незначительными по размерам, что по ним невозможно составить полного представления как о форме, так и о росписи сосудов, осколками которых они являются. Единственное исключение составляют изделия, покрытые пятнистой зеленой поливой, представленные в коллекции Саркела рядом сравнительно крупных фрагментов и одним почти целиком сохранившимся предметом (№ 20; рис. 8). Это плоская, лишь слегка углубленная чаша на высокой конической, расширяющейся книзу ножке. Ножка посредине своей высоты охвачена рельефным валиком, выше которого расположены четыре прорезных треугольных отверстия. Кроме чаши, в Саркеле найдены фрагменты блюд (№№ 21, 22, 25) и небольшая чашечка (№ 23). Все сосуды, за исключением остатков одного большого блюда с рельефной орнаментацией (№ 25), лишены украшений, если не считать врезных линий, отделяющих борт от дна. Особенностью изделий рассматриваемого вида является пятнистая зеленая глазурь, не встречающаяся на передневожосточной и закавказской керамике. При внимательном изучении

упомянутой чаши на высокой ножке видно, что изделия перед глазурованием обрызгивали красящим окислом, в данном случае окисью меди. Сама же глазурь лишь слабо окрашена в желтовато-зеленый цвет, что хорошо видно на стенках треугольных прорезей, так как в эти места окись меди не попала при обрызгивании. Следовательно, название «пятнистая глазурь» не точно, так как пятнистость происходит не от характера глазури, а от способа окраски окисью меди. Как говорилось, фрагмент одного из блюд украшен рельефной тисненой орнаментацией. Хотя плохая сохранность не позволяет судить об узоре, этот экземпляр свидетельствует о том, что тисненая орнаментация применялась при украшении изделий рассматриваемого вида.

Керамика с белым черепком и разбрызганной зеленой подглазурной окраской не встречается, как уже говорилось, ни в Средней Азии, ни в Закавказье, ни на Переднем Востоке, что уже само по себе исключает возможность завоза этих изделий из перечисленных стран. Тем более интересно, что в Тамани при раскопках экспедиции ГАИМК в 1930—1939 гг. найдены фрагменты керамики рассматриваемого вида. К ним относятся фрагмент № 1260/1859, отличающийся от саркелских несколько лучшим качеством, фрагмент № 1260/2163 и фрагмент от блюда № 1260/982.²² Последний близок к саркелскому (№ 21) как по черешку и гла-

²² Хранятся в Гос. Эрмитаже.

зури, так и по форме края. Сходство саркелской и таманской керамики рассматриваемого вида настолько ясно выражено, что ее следует относить к одному месту производства. Ввиду того, что на Востоке такой керамики, как указывалось, не обнаружено, нам приходится или считать, что она производилась в одном из мест находок — Саркеле или Тамани, — или искать место про-

и Крым, поскольку местная крымская керамика имела окрашенный черепок, белоглиняная же была завозная.²³ Остается лишь Балканский полуостров и Византия. Действительно, в Коринфе найдена белоглиняная керамика с пятнистой зеленой глазурью. Морган делит ее на два вида — недекорированную и украшенную тисненой рельефной орнаментацией.²⁴

Рис. 8. Чаша, покрытая зеленой пятнистой глазурью.

изводства где-либо на западе. Так как первое предположение сомнительно (у нас нет никаких доказательств о производстве белоглиняной керамики в Тамани или Саркеле), то остается последнее. При описании красноглиняной керамики с цветными глазурями мы уже говорили о способе окрашивания сосудов при помощи разбрызгивания красящего окисла перед глазурованием. Этот технический прием был использован саркелскими мастерами при производстве простой красноглиняной керамики. Он встречается на керамике Киева и Византии, откуда, видимо, его и заимствовали мастера Саркела, поскольку на востоке им не пользовались. Выясняя место производства керамики рассматриваемого вида, нам приходится исключить Среднее Приднепровье и, в частности, Киев по тем соображениям, что найденная здесь поливная керамика с цветными глазурями и в том числе вышеупомянутый вышгородский кувшин Исторического музея резко отличается от найденных в Саркеле своей буро-зеленой с бурыми подтеками глазурью. Приходится исключить

Рассматриваемая саркелская керамика объединена нами ввиду сходства черепка и глазури в один вид, хотя среди саркелских экземпляров также имеются как неорнаментированные, так и украшенные рельефной тисненой орнаментацией экземпляры. К последним относится обломок большого блюда с остатками узора (№ 25). Это блюдо, кроме того, интересно тем, что его борт покрыт желтой глазурью, дно же — зеленой. Такая же двухцветность встречается и на керамике из Коринфа.²⁵ Находим мы и сходные формы. Так, например, на фрагменте тарелки или небольшого блюда из Коринфа с ясно выраженной пятнистой зеленой глазурью (рис. 9, 1)²⁶ борт имеет утолщенный край, небольшой, обращенный к середине блюда уступ и врезную линию, отделяющую его от дна. Совершенно то же видим мы и на

²³ А. Л. Якобсон, ук. соч., стр. 221—222.

²⁴ Ch. H. Morgan, ук. соч., стр. 42—49 (керамика с рельефной орнаментацией), 54—56 (керамика неорнаментированная).

²⁵ Там же, №№ 91, 184, 200.

²⁶ Там же, табл. VII, d, № 181, стр. 196.

фрагменте блюда из Саркела (№ 21; рис. 9, 2). Найдены в Коринфе и похожие на саркелскую (№ 20; рис. 8) чаши на высокой ножке, названные Морганом «подставками для

и лишь диаметр ножки у коринфских больше — не 8.5, а больше 10 см.²⁸

Все вышеизложенное говорит о византийском происхождении саркелской кера-

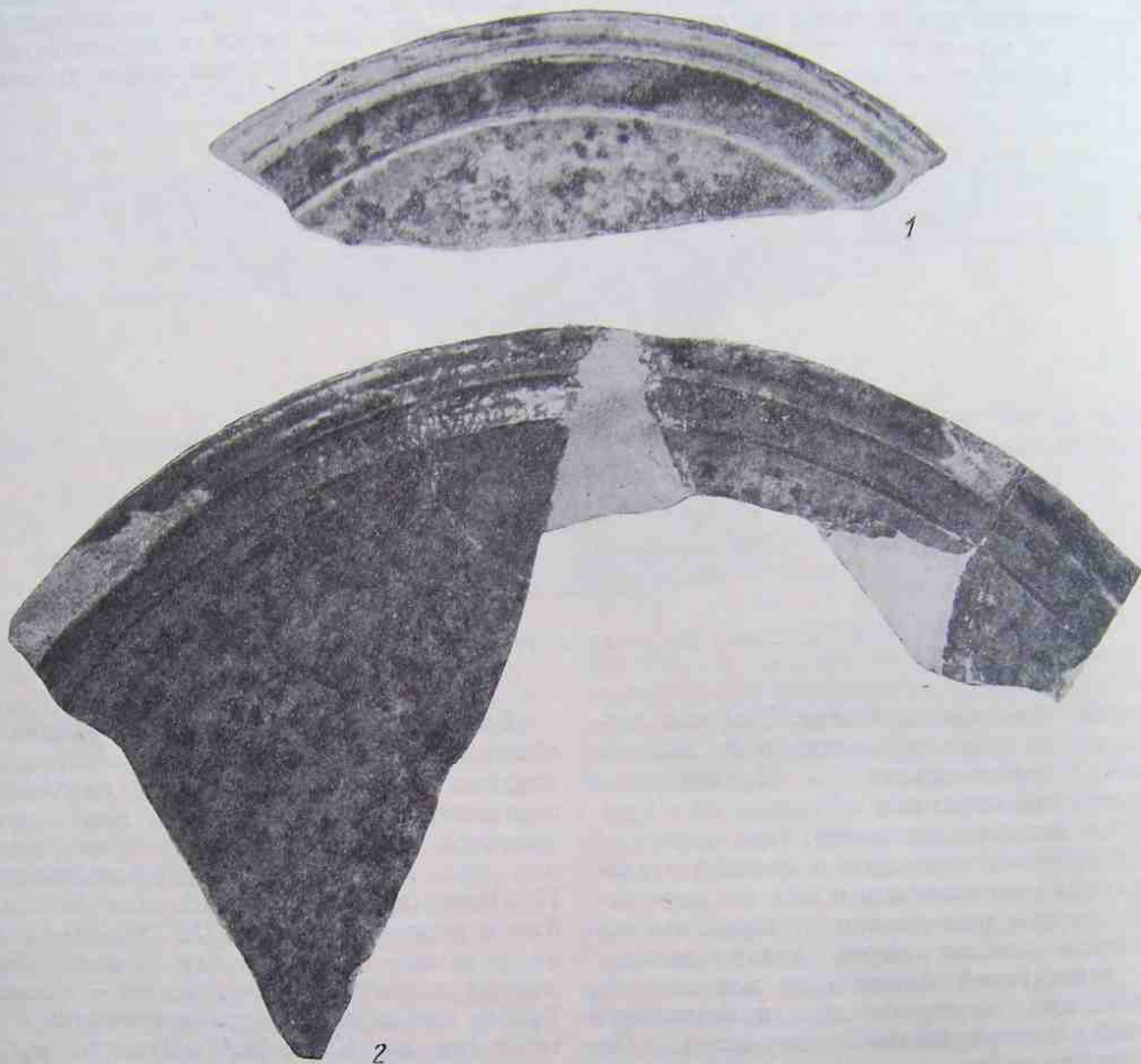

Рис. 9. Фрагмент края блюда с зеленой пятнистой глазурью.

1 — Коринф (по Моргану); 2 — Саркел.

фруктов», но ножки у них более расширены книзу и не имеют треугольных прорезей.²⁷ Близки также и их размеры: диаметр коринфских от 18.5 до 19.3 см, саркелской — 19.5 см, высота одна и та же — около 9 см

мики рассматриваемого вида, хотя невозможность детально сравнивать черепок и глазурь не позволяет нам решить вопрос о том, изготавливались ли коринфские и саркелские образцы в одних и тех же мастер-

²⁷ Там же, табл. V, b, рис. 168.

²⁸ Там же, №№ 130—132.

ских, или нет. Морган считает, что коринфские изделия, как декорированные, так и лишенные орнаментации, производились в одних и тех же мастерских, не указывая места расположения последних. Датирует Морган оба вида керамики одним, хотя и широким, отрезком времени — от IX до XI в., не исключая и XII в.²⁹ Данные саркелских раскопок позволяют несколько уточнить датировку, так как большинство фрагментов керамики рассматриваемого вида найдено в славянских слоях, следовательно, должно датироваться второй половиной X—началом XII в. К более раннему времени — середине или второй половине X в., — возможно, относится чаша на высокой ножке, найденная в колодце, в комплексе, в основном относящемся к хазарскому времени.

20. Чаша плоская, на высокой конической, расширяющейся книзу ножке (1950-1-2000, найдена на дне колодца, в комплексе предметов в основном хазарского времени). Посредине ее охватывает невысокий валик. Выше валика в ножке прорезано четыре неравномерно расположенных треугольных отверстия — два близко друг от друга и два на значительном расстоянии. Чаша имеет несколько выгнутый край. По внешнему краю чаши расположены маленькие, вдавленные углом выемки, с внутренней — такие же выемки большего размера. Черепок у чаши белый, слегка сероватый, твердость от 3 до 4, умеренно тонкого строения, с небольшими темными вкраплениями. Глазурь, светло-зеленая с многочисленными темно-зелеными пятнами, покрывает всю чашу внутри и снаружи, ножку же лишь снаружи. В прорезях ножки глазурь имеет светло-зеленый цвет без темных пятен. Видимо, перед глазурованием сосуд был обрызган окисью меди, которая в прорези не попала. После обрызгивания чаша была покрыта глазурью, окрасившейся при расплавлении во время обжига в местах присутствия частицы окиси меди в темно-зеленый цвет, в остальных в светло-зеленый вследствие диффузирования красящего начала. Опорное кольцо ножки было покрыто глазурью, в дальнейшем, при употреблении, почти целиком утрачено. Сосуд опирался во время обжига на пицы, о чем свидетельствуют следы на нижней стороне чаши — их со-

хранилось два, третий, видимо, утрачен вместе с куском борта. Чаша разбита и склеена из четырех частей. Не хватает куска от борта и куска ножки. У края чаши имеется небольшое просверленное отверстие. Высота 9 см, диаметр чаши 19.5 см, высота ножки 5.5 см, диаметр ножки внизу 8.5 см, высота прорезей 2 см, ширина у основания 1.5 см.

21. Фрагменты блюда с небольшим бортом, имеющим маленький уступ с внутренней стороны. Борт отделен от дна блюда неглубокой врезной линией. Черепок как у предыдущей. Светло-зеленая глазурь с темными зелеными пятнами покрывает фрагмент с обеих сторон. Восстановленный диаметр блюда около 33 см. Фрагменты его имеют следующие номера: 1951-11-781, 807, 785, 728 (славян.).

22. Два фрагмента блюда с небольшим бортом, отделенным от дна врезной линией (1936-487). Черепок как у предыдущего. Глазурь такая же, покрывает лишь одну сторону фрагментов. Темно-зеленые пятна гуще расположены у края, поэтому к середине блюда глазурь менее зеленая. Размер фрагментов — 6.3×3.5 и 6×6.3 см.

23. Фрагмент чашечки на сравнительно высокой ножке с отогнутым горизонтальным бортом (1951-Ц-2360, славян.). Черепок как у предыдущих. Глазурь зеленая с пятнами, покрывает весь сосуд, включая ножку. Склеена из нескольких частей, не хватает многих кусков. Высота 4 см, диаметр 11 см.

24. Пряслице, вырезанное из фрагмента керамики с черепком и глазурью, как у предыдущих (1951-Ц-1725, славян.). Диаметр 4.5 см, толщина 0.6—0.7 см.

25. Фрагменты блюда с широким отогнутым бортом, с тремя врезными линиями: одна отделяет валиковидный край, вторая — борт от перегиба и третья — перегиб борта от дна блюда (1934-2887, 2852, 2254, 2800, 2527, 2538, найдены на перекопанном месте, что затрудняет датировку). Черепок загрязнен, но, видимо, такой же, как у предыдущих. Он несколько тверже — твердость около 4, возможно, от жара пожара, в который попали фрагменты. Глазурь желтая по борту и зеленая на дне, с темными пятнами, более редкими, чем у предыдущих фрагментов. Видимо, блюдо покрыто желтой глазурью и обрызгано окисью меди лишь на дне. Блюдо украшено рельефной тисненой орнаментацией, сохранились лишь обрывки

²⁹ Там же, стр. 49, 56.

узора, не поддающегося определению. Восстановленный диаметр, около 35 см, ширина борта 5 см. К этому виду принадлежат еще следующие незначительные фрагменты: 1934-807; 1950-I-1575, 1983, 2250, 893, 1701, 761, 1669, 136; 1949-2551; 1951-II-1610, 2346, 2511, 2388, 807, 2065, 858 (фрагмент от ручки сосуда).

Керамика с подглазурной полихромной росписью

Небольшое число найденных в Саркеле фрагментов керамики этого вида имеет белый, иногда с небольшой розоватостью

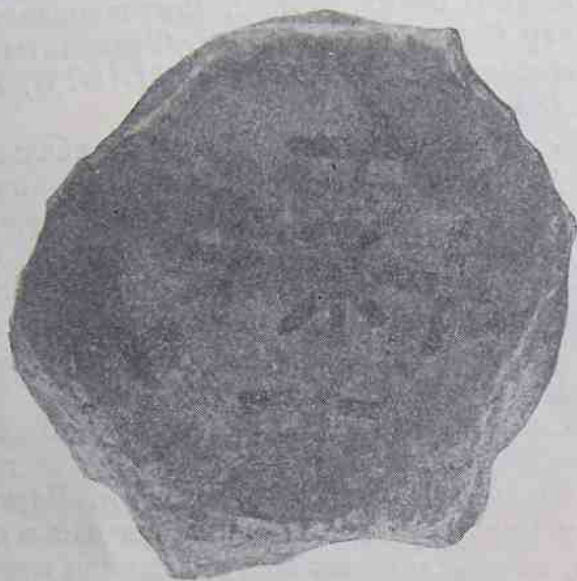

Рис. 10. Доньшко сосуда с черной подглазурной росписью.

черепок и бесцветную, лежащую тонким слоем глазурь. Расписаны они подглазурными красками, зеленой, фиолетовой и жирно положенной черной. Два найденных в Саркеле доньшка — № 26 (рис. 10) и № 27 — от небольших сосудов украшены с внутренней стороны перекрещенными черными линиями. Совершенно такие же доньшки находятся в Оттоманском музее в Константинополе и изданы Тальботом Рейсом³⁰ (где они найдены, неизвестно). Судя по краткому описанию, они имеют аналогичный саркелским черепок и глазурь. О форме сосудов, осколками которых являются эти доньшки, по Тальботу Рейсу мы судить не можем, но в этом отношении помогают раскопки в Коринфе. Здесь

³⁰ Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery, табл. VI, стр. 112, описание на стр. 10—13.

найдено значительное число фрагментов и сосудов, сходных по черепку и глазури, имеющих на внутренней стороне дна совершенно однотипные саркелским и константинопольским черные крестообразные рисунки (рис. 11).³¹ Коринфские сосуды представляют собой небольшие округлые чашечки с закругленной ручкой и перехватом в средней части тулова. Чашечки полихромно расписаны с внешней стороны (рис. 12).³² Размеры их колеблются по высоте от 6.9 до 8.9 см, по диаметру ножки от 4.5 до 6.9 см.³³ Эти цифры совпадают с величиной саркелских доньшек, имеющих 5.7 и 6.8 см в диаметре. По всем вышеуказанным признакам доньшки из Саркела являются остатками завезенных из Византии сосудов. Кроме них, к керамике рассматриваемого вида относятся два фрагмента от стенок сосудов. Один, видимо, принадлежал сравнительно большому горшку на невысокой каблучной ножке (№ 28; рис. 13, 1), другой — меньшему сосуду, также закрытой формы (№ 29; рис. 13, 2). Оба фрагмента, помимо сходства по черепку и лежащей тонким слоем глазури, украшены сходным орнаментом из concentрических кругов и полукружий, попеременно зеленых и фиолетовых. Плохая сохранность, не позволяющая судить о форме и орнаментации в целом, затрудняет поиски аналогий и, следовательно, определение, но сходство черепка и глазури с вышеописанными доньшками говорит о возможности византийского происхождения. Близкий к № 28 фрагмент найден в Тамани в 1931 г. (Гос. Эрмитаж, № 1260/1860). Он также расписан зеленой и фиолетовой красками, видны цветные полосы. Вероятно, керамика рассматриваемого вида завозилась и в Тамань. Тальбот Рейс датирует хранящиеся в Константинополе экземпляры X—XI вв.,³⁴ Морган — широким промежутком времени от IX до XI в., считая, что керамика рассматриваемого вида стала ввозиться в Коринф из других центров Византии с IX в., ввоз усилился в X и ослабел в XI в.³⁵

26. Фрагмент дна сосуда на низкой кольцевой ножке округлых очертаний (1951-II-

³¹ Ch. H. Morgan, ук. соч., рис. 48.

³² Там же, рис. 47, i, g, табл. XIII, b.

³³ Там же, №№ 332, 333, 343, 350, 352—355.

³⁴ Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery.

стр. 112, описание на стр. 10—23, группа А.

³⁵ Ch. H. Morgan, ук. соч., стр. 67.

1954). Черепок белый, сероватый, умеренно тонкого строения, твердость излома от 3 до 4; похож на черепок керамики с пятнистой зе-

щенный на концах и в центре. Диаметр ножки 6,8 см, высота ножки (внутренняя) 0,4 см.

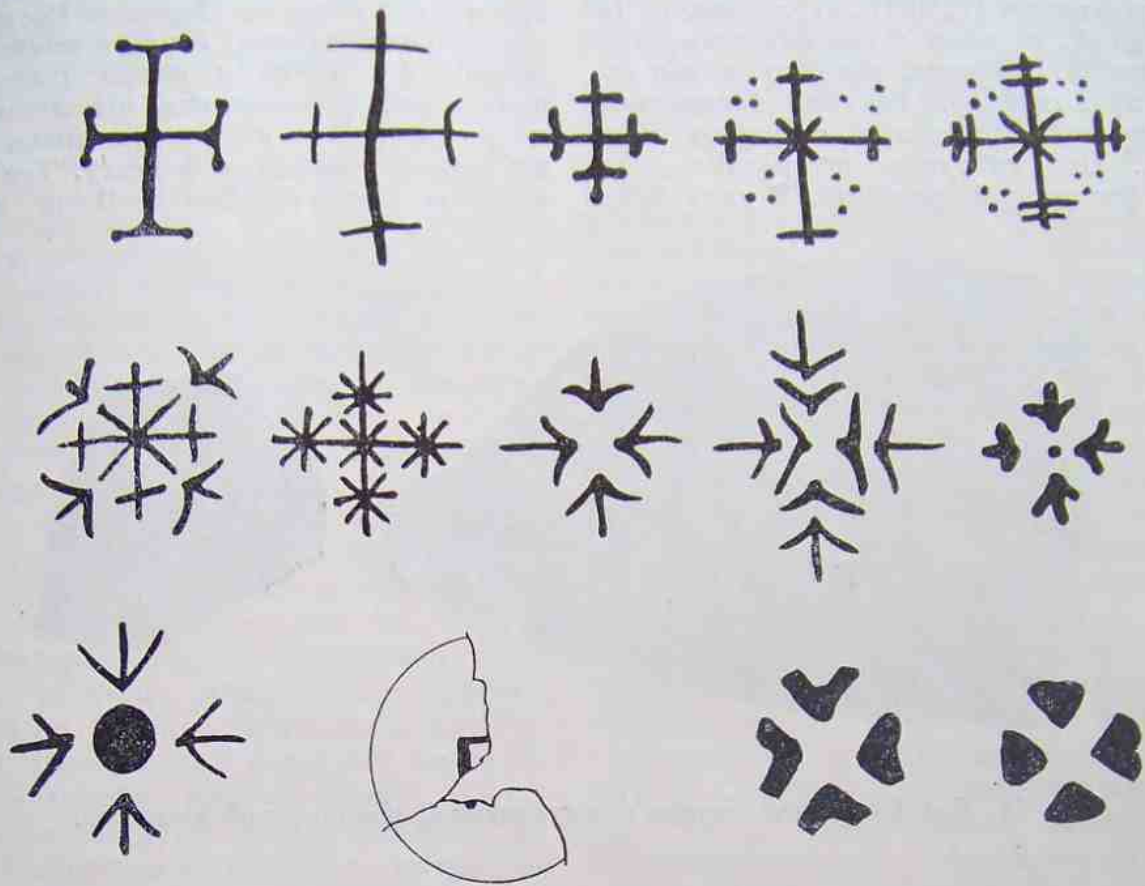

Рис. 11. Фигуры на дне чашек. Коринф (по Моргану).

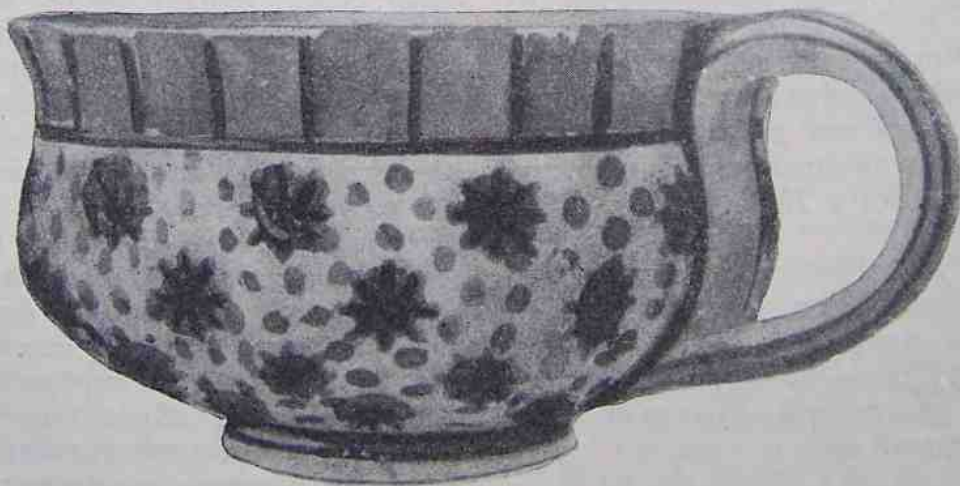

Рис. 12. Чашечка с полихромной подглазурной росписью. Коринф (по Моргану).

ленной глазурью. Глазурь бесцветная, покрывает весь предмет, кроме ножки, очень тонким слоем. Внутри на дне черной краской под глазурью нарисован крест, перекре-

27. Фрагмент дна сосуда на такой же, как у предыдущего, ножке (1951-Ц-2128). Черепок и глазурь такие же. Внутри на дне изображен черный крест, перекрещенный

на концах. Диаметр ножки 5.7 см, высота ее 0.3 см.

28. Фрагмент стенки сосуда на низкой каблучной ножке (1950-II-397, славян.). Черепок белый, местами с розоватостью, умеренно тонкого строения, твердость такая же, как у предыдущего. Глазурь бесцветная, тонко лежащая, покрывает фрагмент лишь снаружи. Под глазурью он расписан зеленой и фиолетовой красками. В углу фраг-

оригинальности техники украшения исключительный интерес. Характер их росписи и способ нанесения эмалей на поверхность сосудов неизвестны на Переднем Востоке в течение средневековья. Лишь в конце XIV—начале XV в. на изразцах Биби-Ханым, подражающих мозаичным, мы видим роспись непрозрачными и полупрозрачными эмалями по неглазурованному черепку. Так как материалы Саркела—Белой Вежи не могут

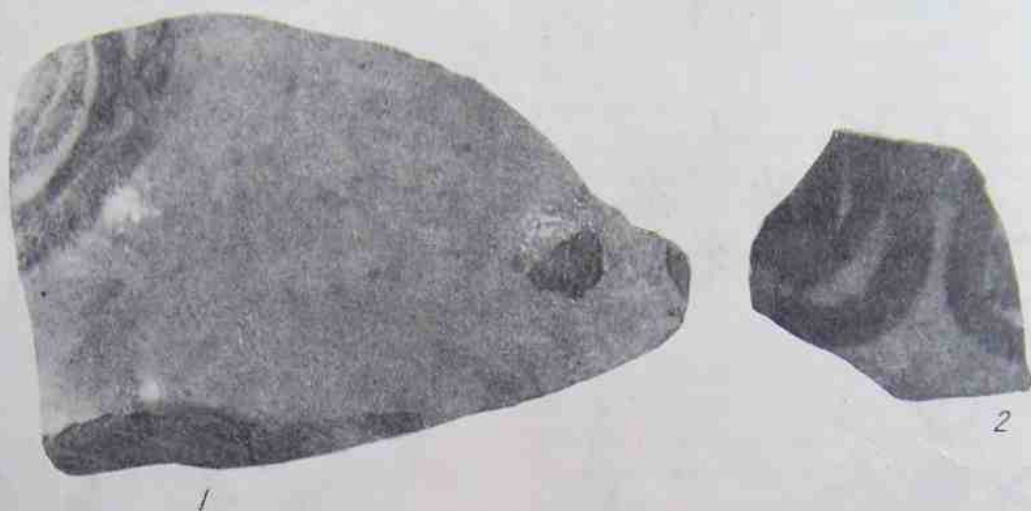

Рис. 13. Два фрагмента сосудов с подглазурной полихромной росписью.

мента сохранились отрезки concentрических кругов, попеременно зеленых и фиолетовых. Размер 11×6.5 см, толщина от 0.5 до 0.8 см.

29. Фрагмент стенки сосуда (1950-II-314, славян.). Черепок и глазурь как у предыдущего. Расписан теми же красками. Внизу фрагмента узор из concentрических кругов того же вида, как у № 28. Размер 4.5×3.5 см.

К этому виду относится еще незначительный по размерам фрагмент (1950-I-2372), с одной стороны покрытый светло-зеленой глазурью, с другой — полихромной росписью зеленой и черной красками под бесцветной глазурью.

Керамика, расписанная эмалями³⁶

К этому виду принадлежит несколько небольших фрагментов, представляющих по-

бить датированы позднее начала XII в., то в этом сходстве нельзя усмотреть какую-либо генетическую связь. Видимо, сходная техника появилась в Средней Азии на три столетия позднее, независимо от производства керамических мастерских, изготовивших саркелские экземпляры керамики рассматриваемого вида. Тем более невозможно ставить производство последних в зависимость от среднеазиатских изразцов. Нет никакого и стилистического сходства между изразцами Биби-Ханым и нашими фрагментами. Отсутствие аналогий саркелским фрагментам в одновременной им керамике востока и юга вынуждает нас обратиться на запад, где в керамическом производстве Преславы IX—X вв. мы находим аналогичные изделия как по росписи эмалями, так и по манере заполнять последними рисунок, ограниченный темными коричневыми или почти черными контурами.

Болгарская керамика была технически исследована в Софийской академии наук Ст. Димитровым, что позволяет нам составить полное представление как о че-

³⁶ Б. А. Шелковников. Киевская керамика X—XI вв., расписанная эмалями. СА, XXIII, 1955, стр. 169—182.

режке, так и о технике украшения.³⁷ Она имеет мелкозернистый светло-желтый или розоватый черепок без заметных вкраплений зерен песка. Расписывалась она кистью или пером. Непосредственно на обожженный черепок шоколадно-коричневой краской (окись железа, глина и вода) наносился сравнительно широкий контурный рисунок. После этого обведенная контурами ячейка заполнялась разбавленными в воде красками или эмалевыми пастами. К краскам, помимо коричневой контурной, относилась красная (красная глина). К эмалям принадлежали желтая, травянисто-зеленая, голубовато-зеленая, оливково-зеленая и темно-фиолетовая. Получены они из окрашенных металлическими окислами стекол (эмалей), требующих вторичного обжига. Эмали положены сравнительно толстым слоем, они настолько прозрачны, что покрытые ими контуры хорошо видны. На некоторых фрагментах из Преславы сохранились следы позолоты. Сохранность эмалей плохая, она не только деформировалась, но местами и отпала. Свободная от рисунка поверхность изделий покрыта очень тонким бесцветным глазурным слоем. Преславская керамика изготавливалась в Болгарии уже в конце IX в., о чем свидетельствуют встречающиеся на ней буквы «глаголицы», бывшей в употреблении около 900 г. В 972 г., с разрушением Преславы Иоанном Цимисхием, производство этих замечательных как в техническом, так и в художественном отношении изделий прекратилось.³⁸ Близкая к болгарской по стилю и манере росписи керамика найдена в Константинополе³⁹ и Коринфе,⁴⁰ но другая техника, по свидетельству Тальбота Рейса, подглазурная роспись, стилизованные куфические надписи и заполнение фона красными точками, типичными для византийской керамики этого вида, говорят об ином происхождении. Последнее и отмечено автором описания болгарской керамики Кръстю Миятевым.⁴¹ Так как у нас не было полной уверенности в правильности опре-

деления техники украшения Тальботом Рейсом (подобные ошибки часто встречаются в литературе по средневековой керамике), то мы, не имея возможности просмотреть образцы, найденные в Константинополе и Коринфе, обратились к собранию Государственного исторического музея. В музее оказались найденные в Херсонесе экземпляры византийской керамики, расписанной в той же манере, с обведением рисунка черными широкими контурами.⁴² При проверке техники росписи оказалось, что данные сосуды, как это и отмечено Рейсом и Морганом, расписаны подглазурно и этим на саркелские и преславские действительно непохожи. Кроме того, черепок их имеет явно видимый розоватый оттенок, отмеченный Морганом при описании коринфской керамики.⁴³ Последнее вполне убеждает нас, что Миятев был прав, утверждая, что близкая к преславской керамика Константинополя производилась в другом (не Преславе) керамическом центре.⁴⁴

При сравнении болгарской керамики, технология которой подробно исследована Ст. Димитровым, с саркелскими фрагментами обнаруживается большое сходство. Найденный в Саркеле фрагмент тарелки (№ 30; рис. 14, 1) имеет также белый черепок, расписан эмалями с обводкой контуров черной краской, свободное от росписи пространство покрыто очень тонким бесцветным глазурным слоем. Расписан он, помимо черной краски, зеленой и желтой эмалями. На других фрагментах из Саркела (№№ 31, 32; рис. 14, 2, 3) имеется еще и фиолетовая эмаль. Так как подобная техника украшений встречается редко, трудно предположить, что изделия, найденные в Саркеле, могли возникнуть совершенно независимо от Болгарии. Генетическая связь, на наш взгляд, бесспорна, хотя общее происхождение

⁴² ГИМ, чаша X-311, найденная в Херсонесе в 1902 г., и чаша X-280, найденная в Херсонесе в 1894 г. Обе имеют розоватый черепок и подглазурную роспись с темным контуром.

⁴³ Ch. H. Morgan, ук. соч., №№ 307, 309.

⁴⁴ В Музее керамики в Фаэнце имеется несколько фрагментов, изданных Баллардини (G. Ballardini. Un particolare aspetto della ceramica policroma Bizantina. Bolletino d'arte, XXV, 1932, стр. 551—559). Фрагменты изданы (рис. 1—5) в цвете. Они расписаны рельефно положенными эмалями, синей и зеленой, с черными контурами. Стилистически и технически эти фрагменты близки болгарской керамике. Смущает лишь синяя эмаль, видимо отсутствующая на керамике в Преславе.

³⁷ Кръстю Миятев. Преславската керамика. София, 1936, стр. 8—9.

³⁸ Кръстю Миятев, ук. соч., стр. 62—66.

³⁹ Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery, табл. III, рис. 3 и 4, стр. 111, описание на стр. 10—13, табл. IV, V.

⁴⁰ Ch. H. Morgan, ук. соч., стр. 64—67, табл. XIII, a, № 307.

⁴¹ Кръстю Миятев, ук. соч., стр. 121, прим. 5.

ние сомнительно по следующим причинам. Черепок болгарской керамики, если судить по описанию, не имеет в противоположность саркелской темных вкраплений. Краски саркелских фрагментов значительно лучше связаны с черепком, и отскакивания, как на болгарских сосудах, не наблюдается. На саркелской керамике нет красной краски и голубой и оливковой эмалей.

вым в большом кургане, раскопанном в 1885 г.⁴⁶ В. И. Сизов датирует этот курган X в.,⁴⁷ так как найденный в нем диргеи 903 г. не позволяет отнести его к более раннему времени.⁴⁸ Кружка происходит из кургана, научно не исследованного,⁴⁹ но отмеченное еще В. И. Сизовым сходство техники и манеры ее росписи⁵⁰ указывает на то же время и происхождение. Найденный

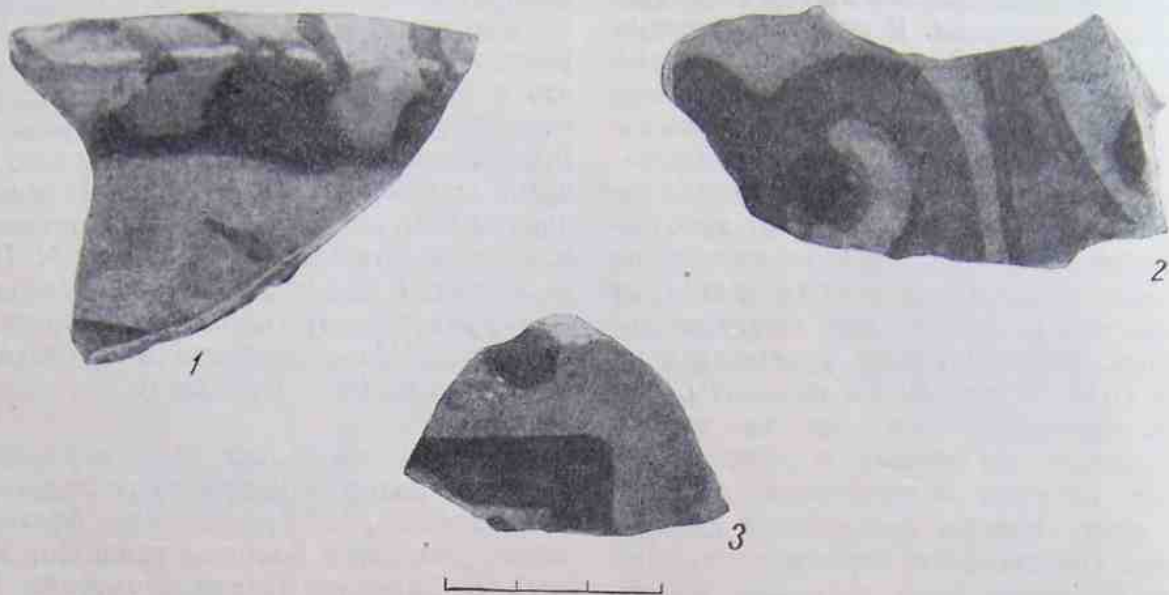

Рис. 14. Три фрагмента, расписанных эмалями.

Возникает вопрос, где же производилась обнаруженная в Саркеле керамика, расписанная эмалями? Помимо Саркела еще в трех пунктах на территории Киевской Руси найдены аналогичные керамические изделия — в Гнездове под Смоленском, в Тамани и Киеве.

Найденная в конце XIX в. в курганах Гнездова небольшая тарелка с изображением зверя-птицы (Сенмурва) и цилиндрическая кружка с небольшой круглой ручкой и узором из восьмиугольных, вписанных в круг фигур сильно пострадали от жара кострища. Оба предмета имеют светлый беловатый черепок и расписаны цветными эмалями с широкими темными контурами. По сходству техники и по манере росписи тарелка и кружка Гнездова принадлежат к тому же типу изделий, что и саркелские фрагменты.⁴⁵ Тарелка найдена В. И. Сизо-

в Саркеле фрагмент от края тарелки (1951-II-1446; рис. 14, 1) близок по форме к тарелке из Гнездова. Кроме того, борт в обоих случаях украшен одинаковым орнаментом из поперечных, под углом сломанных, темных полосок с заполнением пространства между ними теми же чередующимися эмалями — зеленой и желто-коричневой. Кусочек от борта тарелки из Гнездова, брошенный на кострище, не попал в жар и поэтому настолько хорошо сохранился, что оказалось возможным провести сравнение. При этом сходство в орнаменте и характере расцветки так велико, что их общее и одно-

⁴⁵ В. И. Сизов, ук. соч., стр. 8—9.

⁴⁷ Там же, стр. 11.

⁴⁸ Там же, стр. 10. В. И. Сизов, предполагая, видимо, длительное бытование образцов поливной керамики, датирует ее IX—началом X в. (там же, стр. 96).

⁴⁹ Там же, стр. 94.

⁵⁰ Там же, стр. 95. Автор пишет: «Кружка из Гнездова имеет в технике рисунка и поливы, в тонах контура, в составе глины, на наш взгляд, несомненное сходство с тарелкой».

⁴⁵ Оба предмета хранятся в ГИМ. Оба изданы В. И. Сизовым, см.: В. И. Сизов, Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, вып. 1, 1902, стр. 61—62, 94—95, табл. VIII, 1, рис. 65—66.

временное происхождение не вызывает сомнений.⁵¹

В 1911 г. в Киеве при земляных работах, вызванных необходимостью подвести фундамент под стену дома, в усадьбе № 6 по Большой Житомирской улице, был найден фрагмент поливной керамической чаши с изображением птицы, полихромно расписанной эмалями. В 1929 г. фрагмент поступил в Киевский музей западного и восточного искусства, где и хранится в настоящее время.⁵² Фрагмент принадлежал неглубокой чаше диаметром 22,7 см, высотой 4,6 см, с пологим отогнутым краем, на невысокой кольцевой ножке. По белому черепку и по росписи эмалями с черными контурами найденный в Киеве фрагмент аналогичен керамике Саркела и Гнездова. Он отличается от них более богатой палитрой — пятикрасочной, не считая черной краски контуров и бесцветной эмали. Расцветчен фрагмент прозрачными — зеленой медной и буро-желтой, полупрозрачными — синей кобальтовой и темно-фиолетовой и непрозрачной красной, печеночного цвета, эмалями. Характер росписи киевского фрагмента напоминает перегородчатые эмали, с той разницей, что у него черные контуры заменяют металлические перегородки последних.

В 1931 г. при раскопках экспедиции ГАИМК в Тамани была найдена сохранившаяся на три четверти чаша с изображением двух птиц по сторонам дерева, кипариса или пирамидального тополя (рис. 15).⁵³ Форма чаши, при близких размерах к киевскому фрагменту — диаметр 21 см, высота 4,7 см — отличается тем, что борт первой отогнут. В остальном оба сосуда настолько близки между собой, что общее их проис-

хождение не вызывает сомнений. У них одинаковый черепок, та же техника росписи и те же эмали, но на таманской чаше зеленая эмаль голубого оттенка. Близка и роспись. Помимо общего стилистического сходства, на обоих сосудах повторяется узор из треугольников с пятизубчатыми городками посередине, нигде больше на керамике не встречающийся.

Как мы видим, керамика, расписанная эмалями, разбивается на две группы; к одной принадлежат сосуды из Гнездова и фрагменты Саркела, к другой — чаша из Тамани и фрагмент из Киева. Каждая группа в отдельности, судя по большому техническому и стилистическому сходству, безусловно производилась в одном керамическом центре. Сходство же черепка и техники украшения обеих групп между собой дает нам право предполагать единство происхождения всей керамики рассматриваемого вида, найденной на территории Киевской Руси.

Мы уже сравнивали саркелско-гнездовскую группу по техническим признакам с болгарской керамикой. Все, что говорилось по этому поводу, относится и к таманско-киевским изделиям, с добавлением очень важного обстоятельства — наличия на таманской чаше и киевском фрагменте синей кобальтовой эмали, видимо не встречающейся на болгарской керамике, и печеночно-красной эмали, окрашенной, вероятно, закисью меди.⁵⁴ На преславской же керамике, судя по техническому описанию Ст. Димитрова, имеется красная железная краска (охра, а не эмаль). К этому следует еще прибавить совершенно другую по стилю орнаментацию болгарской керамики, состоящую из пальметок, полупальметок, арочек, чешуек и рядов дисков. Все вышеизложенное исключает возможность болгарского происхождения таманско-киевской группы и делает маловероятным изготовление в Болгарии саркелско-гнездовских изделий рассматриваемого вида.

⁵¹ Там же, стр. 61, табл. VIII, 3.
⁵² Музей западного и восточного искусства в Киеве, № 709. В 1930 г. фрагмент был дважды издан (Б. К. Жук. Керамичний пам'яток кийського дитинця. Київ, 1930, стр. 5; Н. М а к а р е н к о. Малоазійська миска в Києві. Київські збірник історії і археології добути і мистецтва, вып. 1, Київ, 1930, стр. 97—110). Оба автора помещают цветную, хорошо выполненную по одному клише репродукцию. Фрагмент издан: D. Talbot Rice. Byzantine polychrome Pottery. Cahiers Archeologiques, t. VII, Paris, 1954, стр. 75—76. Автор относит его к памятникам византийского круга, отмечая, однако, особенность его орнаментации. Вопрос о месте происхождения оставлен автором открытым.
⁵³ Гос. Эрмитаж, № 1260/2484. Чаша издана в цвете в 1955 г. (Б. А. Шелковников. Киевская керамика X—XI вв. ..., рис. 3).

⁵⁴ Печеночно-красная эмаль киевского фрагмента очень близка к русским домонгольским смальтам этого цвета и, в частности, к найденным в мастерской XI в., обнаруженной раскопками В. А. Богусевича в Киево-Печерской лавре (хранятся в Киевском историческом музее). Смальты эти были проанализированы под руководством члена-корреспондента Белорусской академии наук М. А. Безбородова. По мнению М. А. Безбородова, они окрашены закисью меди (М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 171, 173).

Находка рассматриваемой керамики на территории Киевской Руси служит основанием для предположения о местном, киевском происхождении. Сделав это предполо-

жение, нам следует его проверить. Прежде всего белоглиняная, расписанная эмалями керамика могла быть изготовлена лишь там, где имелись глины, дающие после обжига изделия белый черепок. Так как киевская поливная керамика X—XII вв. в большинстве случаев имеет белый черепок, то Киев мог быть местом их производства. Но этого еще мало; нужно сравнить черепок более

детально не только по цвету, но и по строению. Поливные плитки архитектурного назначения из Киева и Белгородки имеют светлый, почти белый черепок, но он значительно

Рис. 15. Чаша с изображением двух птиц по сторонам дерева. Тамань.

грубее по строению. Последнее понятно, так как для таких толстостенных изделий не требовалось тщательной сортировки и очистки сырых материалов. Сравнить черепок интересующей нас керамики нужно не с плитками, а с поливной посудой. Кувшин Исторического музея, о котором уже говорилось, имеет не только белый и мелкозернистый, но и близкий к ней по твердости,

грубее по строению. Последнее понятно, так как для таких толстостенных изделий не требовалось тщательной сортировки и очистки сырых материалов. Сравнить черепок интересующей нас керамики нужно не с плитками, а с поливной посудой. Кувшин Исторического музея, о котором уже говорилось, имеет не только белый и мелкозернистый, но и близкий к ней по твердости,

слоистому строению и по небольшим темным крапленным черепок. Такой же черепок имеют находящиеся в том же музее фрагменты поливной одноцветной керамики из Вышгорода (№№ 79542, 71512) и хранящиеся в Украинском историческом музее в Киеве фрагменты сосудов из находок в Кисловке в 1932 г. (№ 497) и из Зарубинцев (№ 2555), в 40 км от Киева (раскопки В. В. Хвойко).

Перейдем теперь в сравнению эмалей. Расписные плитки Киева и Белгородки обычно покрыты поливой темно-фиолетового, почти черного цвета, по которой производилась роспись цветными непрозрачными эмалями, наносимыми на поверхность в горячем полужидком состоянии посредством тиглей-лячек. Если желтая, белая и зеленая эмали плиток отличаются от эмалей интересующей нас керамики непрозрачностью, то полива фона тождественна с темно-фиолетовыми эмалями как киевского фрагмента с уткой, так и таманской чаши с двумя птицами.⁵⁵ Техническое сходство с простой поливной керамикой Киева и его окрестностей, местное производство которой не вызывает сомнений, подтверждает высказанное нами предположение о киевском происхождении рассматриваемой нами керамики.

Обратимся теперь к стилю росписи. Нет ли здесь сходства с какой-либо отраслью русского искусства домонгольского периода? Мы уже говорили о сходстве техники росписи рассматриваемого вида керамики с изделиями перегородчатой эмали. В обоих случаях ограниченное металлической перегородкой или черным контуром пространство заполнялось цветными эмалями. Необычность для керамики этой техники украшения говорит о вероятности заимствования ее у эмальерного искусства. Но, заимствуя у мастеров-эмальеров технику украшения, керамисты могли перенять и характер орнаментации, и отдельные узоры. Поэтому обратимся к русской перегородчатой эмали XI—XII вв. и проверим, наблюдается ли сходство орнаментации в этих двух, так далеко стоящих друг от друга по материалу видов прикладного искусства.

Следует при этом учесть, что керамическая техника не позволяла ввиду расплывания эмалей, ограниченных не перегород-

ками, а лишь нарисованными контурами, достигнуть такой же четкости и миниатюрности. На керамике линии теряют свою правильность, углы оказываются закругленными, красочные же поля значительно больших размеров, чем ячейки эмалевых изделий. Кроме того, следует иметь в виду, что вследствие относительной по сравнению с эмалью на золоте дешевизны керамических изделий мастера-керамисты не могли затрачивать на отделку керамических изделий столько труда, сколько тратили ювелиры.

Начнем сравнение с изображений птиц, украшающих обе чаши, так как этот мотив очень распространен на русских эмалях.

Симметрично расположенные по сторонам дерева птицы таманской чаши повернуты так, что головы обращены к дереву, ноги же — к борту чаши. На ранней, до XI в. включительно, передневносточной и византийской керамике мы не встречаем таких композиций. Птицы на ней или расположены по кругу,⁵⁶ или, заполняя центр чаши или блюда, часто окружены растительными побегам.⁵⁷ Реже встречаются расположенные симметрично птицы, обращенные друг к другу головами и всем корпусом и не разделенные деревом, растением или другим предметом.⁵⁸ Лишь как исключение на чаше из Сирии и одной из Салоник, датированных первая XII, вторая XII—XIV вв., изображены птицы, обращенные головами к центру, а ногами к борту.⁵⁹ У последних в отличие от таманской чаши птицы как бы бегут друг за другом по борту, поэтому они

⁵⁶ A. Survey. A Survey of Persian Art, v. V. London—New York, 1937, табл. 562, B, 563, B (расписная керамика Средней Азии X и XI вв.), 576, A, C (расписанная люстром керамика Ирана X—XI вв.).

⁵⁷ Чаши с гравировкой по сырцу X—XI вв. (Историч. музей АН Арм. ССР, 1946 г., № 472), чаши той же техники, изданные в «Обзоре персидского искусства» (A. Survey, ук. соч., табл. 597, 602); см. также: Ch. N. Morgan, ук. соч., табл. XLII, a—c; XLIV, e, f.

⁵⁸ A. Survey, ук. соч., табл. 604, B. Изображены две утки, соприкасающиеся грудью и головами. Они исполнены гравировкой по сырцу. Чаша датируется XI в. Того же типа изображения на двух чашах, расписанных люстром, XII—XIII вв. из Орен-Калы (Историч. музей Баку, №№ 4325, 4327).

⁵⁹ Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery, стр. 115, табл. XVIII, a, чаша украшена гравировкой по ангобу и росписью; The Metropolitan Museum of Art. Bulletin, May 1957, стр. 210, чаша происходит из г. Ракка и датируется Даймендом (M. S. Dimand) XII в.

⁵⁵ Особенно похожа темно-фиолетовая полива плиток из раскопок В. В. Хвойко, хранящихся в Киевском историческом музее (В 1/27, В 1/6, В 1/38 и две, не имеющие номера).

не зеркально симметричны. Но эти чаши, относящиеся к более позднему времени, не могли оказать влияния на рассматриваемую нами керамику.

Изображения птиц на ранних, до XI в., передневозвосточных и византийских тканях еще более распространены. Здесь они симметрично расположены по сторонам дерева или стилизованного цветка;⁶⁰ выворотные же изображения, подобные таманскому, встречаются редко.⁶¹ На киевских перегородчатых эмалях мы встречаем ту же композицию, правда, дерево заменено стилизованным цветком, но птицы по сторонам цветка на русских колтах XI—XII вв. всегда располагаются так же, как на таманской чаше.⁶²

Продолжив сравнительный разбор росписи обоих керамических фрагментов, остановимся на орнаментах. И таманские чаши, и киевский фрагмент украшены, как упоминалось, одинаковыми треугольниками

⁶⁰ Otto Falkе. *Kunstgeschichte der Seidenweberei*. 2-е Ausg., Berlin, 1924, рис. 124 (Сирия—Египет, VIII—XI вв.), 190 (Византия, X—XI вв.), 191 (Византия, XI—XII вв.).

⁶¹ К ранневизантийскому времени принадлежит изображение парных, выворотнo расположенных птиц на фресках из Бавита. См.: J. Clédат. *Le Monastère et la Necropole de Bavit*, табл. 66, 72, цит. по: Ernst Kitzinger. *The Horse and Lion Tapestry at Dumbarton Oaks*. *Dumbarton Oaks Papers*, № 3, Cambridge-Massachusetts, 1946, стр. 3—72. Так же расположенные птицы изображены на хранящейся в Берлине византийской капители: *Anteiche Berichte aus dem Koniglichen Kunstsammlungen*, № 39, 1918, рис. 91—92. О. Вульф датирует ее XII в. На двух серебряных браслетах из Салоник конца XII в. имеются рельефные изображения так же расположенных птиц: *Collection Hélène Stathatos. Limoges*, 1957, табл. III, № 14—15. Парные птицы, расположенные спиной и клювом к центру, встречаются на тканях: византийских XII в. (О. Falkе, ук. соч., рис. 192); малоазиатских и египетских XIII в. (там же, 1-е Ausg., Berlin, 1913, рис. 357, 362); итальянских и немецких XIII в. (там же, 2-е Ausg., рис. 265, 284, 316). На западноевропейских, лиможских выемчатых эмалях XII в. встречается та же композиция [Ernst Rurip. *L'oeuvre de Limoges*, I. Paris, 1890 (медальоны на мощехранилищнице из Беллака)].

⁶² Н. Кондаков. *Русские клады*. СПб., 1896, табл. XV, 18, 19 (клад, открытый в 1876 г. в усадьбе Лескова); Б. И. и В. И. Ханенко. *Древности Приднепровья*, вып. V, Киев, 1902, табл. XXVII, № 998; *Византийские эмали*. Собрание А. В. Звенигородского. СПб., 1892, табл. 21 (два колта с птицами). На серебряных колтах из киевского клада 1876 г. парные птицы расположены так же (см.: Г. Ф. Корзухина. *Серебряная чаша из Киева с надписями*. СА, XV, 1951, рис. 7, а, в).

с городками внутри. На таманской чаше они украшают борт, на киевском фрагменте четыре треугольника украшают переход от дна к борту. Подобных треугольников с городками нам не удалось найти на средневековой керамике. Они не встречаются ни на Переднем Востоке, ни в Крыму, ни в Византии, ни в Болгарии; тем более интересно то, что на киевских перегородчатых эмалях этот узор является одним из наиболее распространенных. В особенности часто встречаются одиночные треугольники и композиции из четырех треугольников, расположенных по кругу и обращенных вершиной к центру, совсем так же, как на киевском фрагменте. Одиночные треугольники мы видим на обратной стороне колта из клада, найденного в 1880 г. в Киеве на Большой Житомирской улице, на колте из клада, открытого в 1885 г. в Киеве, в усадьбе Есикорского, на колте, найденном в 1887 г. в ограде Михайловского монастыря.⁶³ Четырьмя треугольниками, расположенными по кругу, украшены круглые бляшки цепи, найденные в 1880 г. в Киеве на Большой Житомирской улице, бляшки цепи из клада, открытого в 1887 г. в Киеве в ограде Михайловского монастыря, и бляшки фрагмента цепи из собрания А. В. Звенигородского.⁶⁴ Городки на эмалях трех- или пятизубчатые, как на керамике; при этом их раскраска тоже похожа: светлая на темном фоне с ярко-красной или синей серединой. Городки, пободные городкам на борту таманской чаши с двумя птицами, украшают отрезки венчика по сторонам изображения святых на колтах, найденных в 1887 г. в Чернигове.⁶⁵ Они светлые и, так же как на таманской чаше, имеют внутри красные пятна, но фон весь залит синей эмалью и поэтому треугольники не прорисованы так четко, как на чаше.⁶⁶ Наконец, вьющийся орна-

⁶³ Н. Кондаков, ук. соч., табл. II, 10; VI, 2; III, 3.

⁶⁴ Там же, табл. I, 1; VI, 4; *Византийские эмали*, табл. 21.

⁶⁵ Н. Кондаков, ук. соч., табл. XI, 2, 3; автор называет их «городчатыми крестами» (стр. 124), хотя городки пятизубчатые и на полукресты непохожи.

⁶⁶ Похожие треугольники украшают замечательный венчик из собрания А. В. Звенигородского (*Византийские эмали*, табл. 16). Автор описания, Н. Кондаков, считает их византийскими и относит к X в. (там же, стр. 296). В отличие от киевских в треугольниках помещены не городки с прямо-

мент, украшающий борт киевского фрагмента, также встречается на русских эмалях,⁶⁷ но, учитывая его широкое распространение, нельзя придавать этому факту большое значение. Бесспорная связь росписи обеих керамических чаш с киевскими перегородчатыми эмалями подтверждает высказанное ранее предположение о киевском происхождении этой керамики. Находка же при раскопках, произведенных под руководством В. В. Хвойко, на близком друг от друга расстоянии, керамической и ювелирной мастерской⁶⁸ объясняет тесную связь мастеров-художников обоих видов прикладного искусства.

Плохая сохранность кружки и тарелки из Гнездова не позволяет подробно разобрать их орнаментацию, поэтому остановимся лишь на отдельных моментах. Во-первых, следует отметить, что изображение фантастического зверя-птицы (Сенмурва) на гнездовской тарелке⁶⁹ было широко распространено в искусстве и встречается не только на Востоке, но и в Византии,⁷⁰ Западной Европы⁷¹ и в домонгольской Руси.⁷² Таким образом, оно не может иметь значения при определении места производства. Во-вторых, если орнаментация киевского фрагмента и таманской чаши не имела ничего общего с орнаментацией болгарской керамики, то этого нельзя сказать о саркелской и гнездовской. Фигура в виде восьмиугольной, вписанной в круг звезды, такая же, как на кружке из Гнездова, украшает фрагмент

угольными зубчиками, а полурозетка с тонко прорисованными закругленными лепестками.

⁶⁷ Н. Кондаков, ук. соч., табл. II, 3; VI, 2.

⁶⁸ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 70—71.

⁶⁹ В. И. Сизов, ук. соч., стр. 61—62, табл. VIII, № 1. Изображение Сенмурва дало основание В. И. Сизову для определения восточного происхождения тарелки.

⁷⁰ Adolf Goldschmidt und Kurt Weitzmann. Die Byzantinische Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts, Bd. I. Kästen—Berlin, 1930, табл. LXII, № 107; LXIV, № 108; LXVI, № 114.

⁷¹ Otto von Falke und Erich Meyer. Romanische Leuchter und Gefäße. Berlin, 1935, табл. 98, № 229. Водолей в виде Сенмурва (табл. 99, № 230) автор относит к Лотарингии и датирует XII в.

⁷² А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. I. М., 1916, табл. 41 (Георгиевский собор в Юрьеве-Польском).

сосуда из Патлейны.⁷³ Далее, лента с рядами небольших дисков, имеющаяся на тарелке с Сенмурвом, сравнительно часто встречается на болгарской керамике.⁷⁴ Узор, украшающий борт тарелки из Гнездова и фрагмент борта сосуда из Саркела, также встречается на керамике из Преславы.⁷⁵ Хотя ни в одном случае мы не имеем такого сходства в орнаментации, которое говорило бы о едином происхождении, все же пренебречь им нельзя. Отсутствие общих черт с болгарской керамикой в орнаментации киевского фрагмента и таманской чаши и наличие сходных с болгарскими узоров у предметов, найденных в Саркеле и Гнездове, имеет значение при датировке рассматриваемой керамики. Керамику Гнездова и, следовательно, Саркела мы датировали X в. Если она происходила из Болгарии, что, как уже говорилось, весьма сомнительно, то ее следовало бы датировать не позднее 972 г., когда с разрушением Преславы производство этого вида изделий прекратилось. Если же не только таманская чаша и киевский фрагмент, но и предметы из Саркела и Гнездова изготовлялись в Киеве, что наиболее вероятно, то их следует датировать последней четвертью X в., когда под безусловным болгарским влиянием это производство могло возникнуть в Киеве. В таком случае чаша из Тамани и фрагмент из Киева, относящиеся по более развитой орнаментации и по многокрасочности к более позднему времени, должны датироваться XI в. Последнее подтверждает их орнаментация, близкая к киевским перегородчатым эмалям XI—XII вв. Эмали, к сожалению, еще мало изучены, и мы не можем уточнить их датировку в пределах большого (двухвекового) промежутка времени. Но независимо от датировки эмалей мы при определении времени производства интересующей нас керамики должны отказаться от отнесения их к XII в. по следующим причинам. Во-первых, сходство черенка саркело-гнездовских и киево-таманских находок заставляет считать, что временной промежуток между их бытованием не может быть велик и должен измеряться не столетиями, а скорее десятиле-

⁷³ Кръстю Миятев, ук. соч., стр. 47, рис. 58, табл. XVIII, 17.

⁷⁴ Кръстю Миятев, ук. соч., табл. XVII, 1—6; XVIII, 4.

⁷⁵ Там же, табл. XVIII, 2.

тиями, так как техника изготовления, а часто и сырье, применявшиеся в производстве, не остаются без изменений в течение длительного времени. Во-вторых, ввоз в Тамань чаши киевского производства вряд ли мог произойти после ликвидации в конце XI в. русского княжества в Тмуторокани, когда связь этих городов, если и не прекратилась совсем, то во всяком случае ослабела.

Сходство узоров сосудов из Саркела и Гнездова с болгарской керамикой и отсутствие такового в орнаментации киевского фрагмента и чаши из Тамани, видимо, объясняются тем, что первые были изготовлены под непосредственным влиянием болгарской керамики, вероятно болгарскими мастерами, переселившимися в Киев или во время походов Святослава, или после разрушения Преславы Цимисхием. В дальнейшем же, с переходом производства целиком в русские руки, тесная связь с болгарским керамическим искусством была утрачена и заменена влиянием русского прикладного искусства, в частности перегородчатых эмалей.

Условия находки фрагментов керамики рассматриваемого вида в Саркеле не противоречат датировке их X в.

30. Фрагмент края тарелки с отогнутым под углом бортиком (1951-II-1446). Черепок белый, с легкой желтизной, тонкого строения, с небольшими темными вкраплениями; твердость 4—5. Расписан внутри черной краской и буро-желтой и зеленой эмалями прямо по черепку, свободная же от росписи поверхность покрыта тонким слоем бесцветной эмали. Снаружи фрагмент покрыт светло-зеленой поливой, лежащей тонким слоем. Борт украшен поперечными, согнутыми под углом, сравнительно широкими черными полосками, делящими поверхность борта на отдельные участки, попеременно расцвеченные зеленой, буро-желтой и бесцветной эмалями. Получается чередование зеленых, желтых и белых полей. Цветные эмали положены настолько густо, что лежали рельефом, бесцветная же — очень тонким слоем. Черные контуры покрыты запылами эмалей соседних участков, но не всюду. Последнее указывает на то, что роспись производилась прямо по черепку. Размер фрагмента 7×5.5 см.

31. Фрагмент сосуда неизвестной формы (1951-I-320). Черепок как у предыдущего. Роспись в той же манере, зеленой и фио-

летовой эмалями. Рисунок обведен широкими черными контурами. Свободное пространство покрыто бесцветной, лежащей тонким слоем эмалью. На фрагменте видно небольшое зеленое пятно, обведенное черным контуром, и две сходящиеся под прямым углом полоски, фиолетовая и зеленая, также обведенные черными контурами. Размер 4.6×3.4 см.

32. Фрагмент доньшка сосуда на сравнительно высокой кольцевой ножке (1951-Ц-2031). Черепок как у предыдущего. Расписан фрагмент в той же манере, зеленой и фиолетовой эмалями и черной краской, служащей для обведения контуров. Изображены растительные завитки. На одном из них видно, что зеленые и фиолетовые поля соприкасаются без черной обводки. Свободные от расцветки пространства покрыты тонко лежащим стекловидным слоем — эмалью. Размер 7×3.5 см.

Керамика, украшенная эмалями в горячем виде

К этому виду относятся изделия, по обычности техники украшения не уступающие предшествующим, но в противоположность последним вопрос об их происхождении решается легко. Особенностью керамики рассматриваемого вида является то, что она украшалась расплавленными полужидкими эмалями. На горячий предмет наносились цветные эмалевые жгутики, которым обычно при помощи прочесывания придавали вид соединенных простых или фигурных скобок. Этот вид керамики производился лишь в Киевской Руси — в Среднем Приднепровье, со второй же половины XII в. — и во Владимире.⁷⁶ Этим способом украшались плитки для облицовки стен и игрушки в виде яиц с погремушкой внутри («писанки»). Яйца-погремушки, вывозившиеся из Киева на далекие расстояния,⁷⁷ найдены в Саркеле. Саркелские экземпляры не отличаются высоким качеством и значительно уступают «писанке» Исторического музея в Киеве, найденной в селе Канонча.⁷⁸ Они имеют светлый, почти белый, черепок, с темными

⁷⁶ Раскопки Н. Н. Воронина во Владимире в 1953 г. Материал хранится в Краеведческом музее Владимира.

⁷⁷ Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 300.

⁷⁸ Историч. музей в Киеве.

вкраплениями, и лишь у одного экземпляра черепок красноватый. Все они покрыты темной, почти черной поливой и украшены рядами желтых скобок. Датируются эти изделия XI—XII вв., что согласуется с условиями находки саркелских экземпляров.

33. Яйцо-погремушка (1950-I-1333). Черепок светлый, почти белый, с темными вкраплениями; твердость около 5. Покрыт темной, почти черной поливой и украшен желтыми прочесанными жгутами — получен узор в виде соединенных скобок. Нанесенный эмалевый орнамент вдавлен в глазурь и поверхность яйца сглажена прокатыванием по каменной или металлической плитке. Техника украшения та же, что и у стеклянных изделий с прочесанной наложенной орнаментацией из цветных нитей. Высота 4 см, диаметр 3 см.

34. Яйцо-погремушка (1951-II-2753). Черепок, видимый лишь у отверстия, похож на предыдущий. Полива и узор из соединенных желтых скобок такие же, с той лишь разницей, что последние исполнены тщательнее. Высота 4,5 см, диаметр 3,3 см.

35. Яйцо-погремушка (1951-II-471). Черепок красноватого цвета, в остальном близок к предыдущим. Полива и узор из соединенных скобок, как у предыдущих. Полива сильно повреждена и почти вся утрачена. Высота 3,5 см, диаметр 2,8 см.

Керамика, украшенная гравированной и тисненой орнаментацией под цветной глазурью

К этому виду относится несколько фрагментов сосудов с синей и голубой глазурью, вероятно происходящих из одной мастерской. На фрагменте № 36 применена глазурь обоих цветов. Украшены изделия широкой и глубокой гравировкой по необожженному черепку (№ 36) и тиснением (№ 37). О характере орнаментации можно судить, хотя и далеко не полно, лишь по одному фрагменту (№ 36), на котором видны растительные завитки. Рассматриваемые изделия близки к керамике, найденной в Ани и Двине, с гравированной и рельефной накладной орнаментацией, точное же определение затруднено малым числом фрагментов, к тому же незначительных по размерам. Растительный завиток на фрагменте № 35 близок к орнаментации изделий той же техники украшения,

найденных в Армении,⁷⁹ но более твердый его черепок исключает общее происхождение изделий из Армении и наших фрагментов. Скорее всего саркелские фрагменты происходят из другого керамического центра Закавказья, еще не открытого и не изученного. Близкая к рассматриваемой керамика Армении датируется XII—XIII вв. Видимо, и наши фрагменты следует относить к последнему периоду жизни Саркела — т. е. к началу XII в.

36. Фрагмент стенок толстостенного сосуда (1934-2842). Черепок бело-сероватый, умеренно тонкого строения; твердость его около 5. Синяя глазурь покрывает фрагмент с лицевой стороны, голубая с обратной. Рисунок выполнен путем глубокой и широкой гравировки поверхности необожженного предмета. Изображен растительный завиток. Размер 3,8×8,5 см, толщина 0,8 см.

37. Фрагмент стенок сосуда (1935-688). Черепок белый, слегка розоватый, в остальном как у предыдущего. Голубая глазурь покрывает фрагмент с обеих сторон. С внешней стороны толсто положенная глазурь имеет более чистый, чем с обратной, голубой цвет. Украшен фрагмент тисненой орнаментацией, о характере которой мы ввиду малого размера обломка судить не можем. Размер 4,8×2,5 см, толщина 0,6—0,5 см.

К этому виду еще принадлежат фрагмент 1950-41 с синей глазурью, фрагменты 1950-II-518 и 1951-II-2615 с голубой глазурью.

Керамика, расписанная люстром

Керамика этого вида отличается от предшествующих тем, что она, объединенная по характеру росписи надглазурной краской с металлическим отливом, относится к разному времени и разным керамическим центрам. Самым ранним по времени является небольшой фрагмент борта блюда № 38 (рис. 16, 1). По желтоватому мелкозернистому и рыхлому черепку, по непрозрачной, плохо связанной с черепком глазури, по желто-коричневому люстру и по украшению вытянутыми пятнами-мазками он настолько близок к фаянсам, найденным в Самарре на

⁷⁹ Б. А. Шелковников. 1) Художественная керамика двинских раскопок, стр. 189—192, рис. 7; 2) Керамика и стекло из раскопок города Двина, стр. 93—96, под № 71 описано блюдо с подобной орнаментацией.

Тигре,⁸⁰ что общее происхождение не вызывает сомнений. В частности, наш экземпляр подобен обнаруженному в Самарре фраг-

мента, №№ 39 и 40 (рис. 17, 1, 2). Первый из них принадлежал, видимо, небольшой чаше на низкой кольцевой ножке. Внутри оба

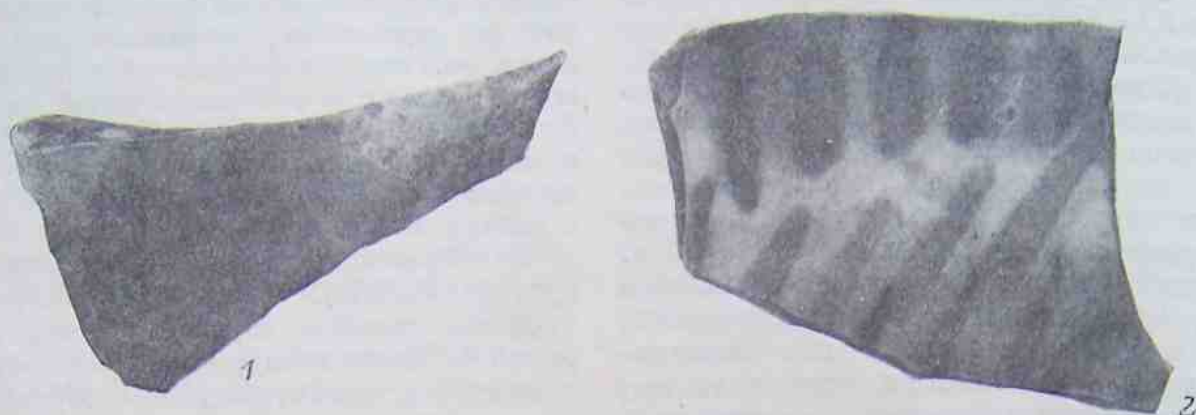

Рис. 16. Фрагмент блюда с росписью люстром.

1 — Саркел; 2 — Самарра (по Ф. Зарре).

менту блюда, изображенному на рис. 16, 2.⁸¹ Самаррские экземпляры датируются IX в., следовательно, к тому же времени надо отнести и саркелские.

фрагмента покрыты белой непрозрачной глазурью, по которой они расписаны желто-коричневым люстром. Растительный орнамент, украшающий оба фрагмента, напи-

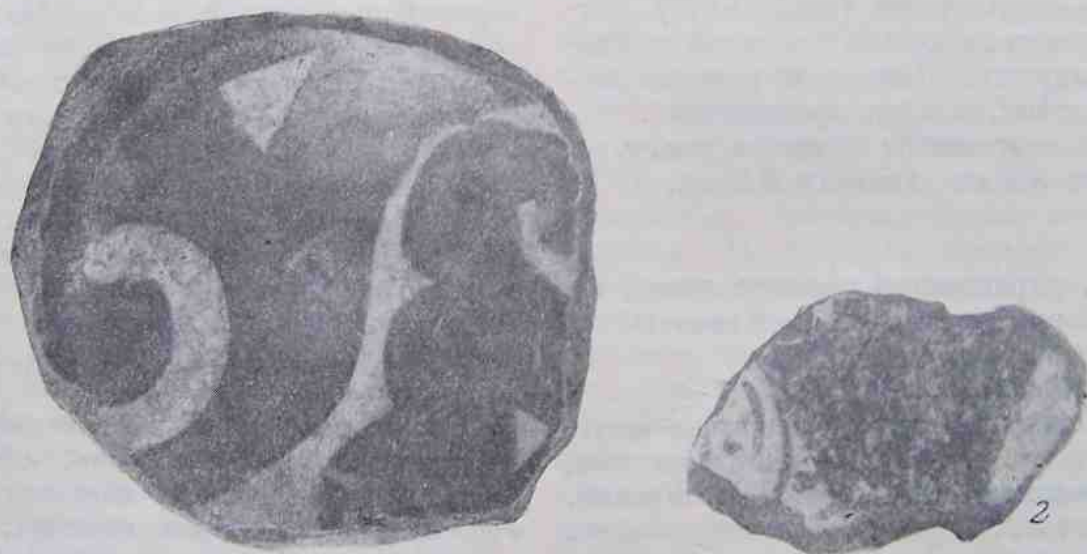

Рис. 17. Два фрагмента — часть ножки и стенки сосуда с росписью люстром.

Не так просто решается вопрос о происхождении двух других фрагментов из Сар-

сан широкими мазками. Прекрасное качество глазури и люстра не согласуется с кирпично-красным, невысокого качества черепком и грубой моделировкой ножки первого фрагмента. Здесь приходит на память аналогия из керамических находок в Средней Азии. В Эрмитаже хранится найденный в районе Самарканда фрагмент большой чаши, расписанной люстром.⁸² По глазури, лю-

⁸⁰ Fr. Sarre. Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. II. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, стр. 37 (описание черепка и глазури люстрованных изделий).

⁸¹ Там же, табл. XVII, № 3. На этом фрагменте видно два ряда пятен, один нанесен красной краской, другой, как и на саркелском, желто-коричневым люстром. Форма пятен та же, что и на фрагменте из Саркела.

⁸² Гос. Эрмитаж, СА-9785 (происходит из собрания Н. И. Веселовского). Размер 16×15 см.

стру и стилю росписи он очень близок к иранским люстрованным изделиям XII—XIV вв., приписываемым в литературе по передне-восточной керамике Султанабаду. Но совершенно другой грубый черепок и иная моделировка ножки исключают не только султанабадское, но и любое другое иранское происхождение. Вероятно, он был расписан люстром иранскими мастерами, переселив-

округлыми лепестками, фрагмент № 42 (рис. 18, 2) следует датировать XI—началом XII в.

38. Фрагмент от места перегиба от дна к борту, видимо, блюда (1951-II-1522). Черепок желтоватый, мелкозернистый, мягкий; твердость от 2 до 3. Глазурь белая, непрозрачная с небольшой голубоватостью, покрывает фрагмент с обеих сторон. Она не-

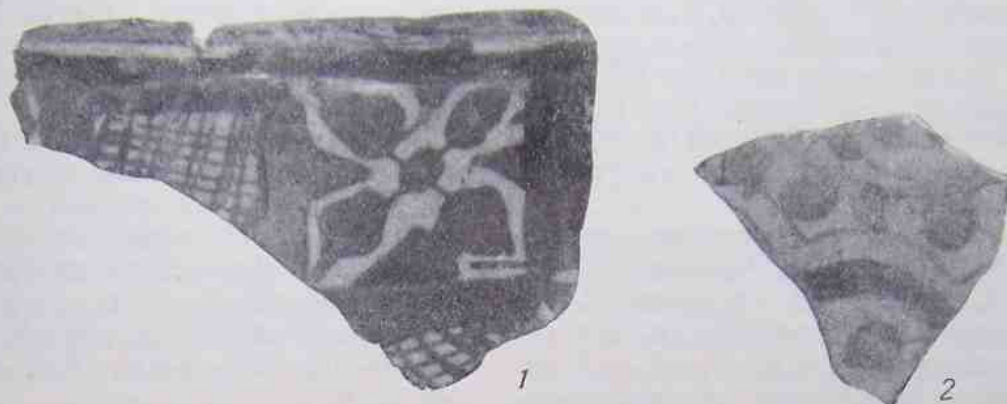

Рис. 18. Фрагменты с росписью люстром.

1 — фрагмент стенок глубокой чаши с высоким бортом; 2 — фрагмент стенок сосуда.

шимися в конце XIV в. в Самарканд. Они принесли с собой свое мастерство, свои вкусы, знание секрета росписи люстром, но не могли привезти иранское сырье и поэтому не имели возможности на новой родине изготавливать фаянсы, аналогичные иранским по черепку. Возможно, что о явлении такого же порядка свидетельствуют рассматриваемые нами фрагменты из раскопок Саркела. Видимо, они были исполнены мастерами, переселившимися из Ирана или Месопотамии в какой-то центр Хазарии, скорее Итиль, чем Саркел. Датировать их следует IX—X вв., поскольку украшение фаянсов орнаментацией из разводов и растительных побегов, нанесенных широкими мазками, было принято в передне-восточном керамическом искусстве в это время.⁸³

Найдены в Саркеле и фрагменты расписанных люстром изделий с твердым и плотным черепком (№ 41, рис. 18, 1; № 42, рис. 18, 2; № 43). Они как по характеру черепка, так и по стилю росписи иранского происхождения. Судя по орнаменту из тонких растительных побегов с небольшими

прочно связана с черепком и местами отпала и утрачена. Расписан фрагмент желто-коричневым люстром с незначительным золотисто-зеленоватым отливом. На внешней стороне фрагмента изображены параллельно расположенные, вытянутые пятна-мазки. Размер 5.5×3.5 см, толщина 0.6—0.3 см.

39. Фрагмент (доннышко) сосуда не высокой кольцевой ножке, грубо и неаккуратно формованной (1950-II-1383). В кольце ножки просверлена дырочка. Черепок кирпично-красный, светлый, невысокого качества, мягкий; твердость от 2 до 3. Глазурь белая, непрозрачная, покрывает фрагмент с обеих сторон. Она имеет крупные кракелюры. Лежит внутри фрагмента гладко, снаружи неровно. Расписан фрагмент внутри красивым желто-коричневым люстром с золотистым отливом. Изображены крупные растительные побеги, нарисованные широкими мазками. Размеры 7×6.5 см, диаметр ножки (внешний) 5.5 см.

40. Фрагмент сосуда (1951-II-560). Черепок как у предыдущего. Глазурь белая, непрозрачная, покрывает фрагмент с обеих сторон. Расписан коричневым с зеленоватостью люстром с золотистым отливом. Виден обрывок орнамента в той же манере, как

⁸³ А. S u r g e y, ук. соч., табл. 577 — чаша из собрания Альфонса Кани, датируемая X в.

у предыдущего, вероятно растительного характера. Размер 4.6×3 см.

41. Фрагмент стенок сосуда, видимо глубокой чаши с высоким бортом (1951-1-424). Черепок бело-сероватый (сильно загрязнен), плотный; твердость около 5. Глазурь с лицевой внешней стороны белая, непрозрачная, внутри синяя. Расписан с внешней стороны красновато-коричневым люстром с золотистым, несильно выраженным отливом. Борт покрыт люстром, в резервах — беспорядочная сетка из пересекающихся тонких линий и фигура из четырех крестообразно соединенных лепестков. Дно с внешней стороны украшено тонкими растительными побегами с небольшими округлыми лепестками. Размер 7×4.5 см.

42. Два фрагмента, вероятно, одного сосуда (1950-II-978 и 611). Черепок белый, с желтизной, плотный; твердость 5—6. Глазурь с лицевой стороны белая, непрозрачная, с кракелюрами, с обратной — голубая. Расписаны фрагменты желтовато-ко-

ричевым люстром с легким красноватым отливом. Изображены тонкие растительные побеги с маленькими округлыми лепестками. Размер 4.5×3 и 2.3×2.9 см.

К этим фрагментам близки следующие: 1950-II-1285 и 467.

43. Фрагмент ручки сосуда. Черепок белый, розоватый; твердость от 4 до 5. Глазурь белая, непрозрачная, с легкой голубизной. Расписан желтовато-зеленым люстром с красноватым отливом. Об орнаментации ввиду плохой сохранности судить нельзя. К этому фрагменту близок осколок 1935-622.

Помимо перечисленных, в Саркеле найдено еще три фрагмента сосудов, расписанных люстром. Они попали в пожарище и настолько повреждены, что их определение невозможно. Фрагменты покрыты белой, непрозрачной глазурью с одной стороны, и, вероятно, голубой с другой; их номера: 1950-II-106; 1951-Ц-101, 1443.

Закончив разбор белоглиняной керамики Саркела, мы можем дополнить выводы, сделанные нами в конце главы о красноглиняной керамике. В противоположность красноглиняной вся белоглиняная керамика, найденная в Саркеле, была импортного происхождения. Последнее дает нам возможность значительно расширить сведения о торговых связях Саркела по сравнению с тем, что мы могли заключить из разбора красноглиняной керамики. Помимо уже установленных связей Саркела с Византией и Средней Азией, теперь выяснились связи с Киевом, Закавказьем, Ираном и Месопотамией. Из двух последних стран вывозились в Саркел фаянсы, расписанные люстром. Наряду с импортными обнаружены расписанные люстром изделия с красным черепком, настолько примитивные по формовке, что их следует признать местным подражанием ввезенной керамике. Это производство возникло в Хазарии, скорее в Итиле, чем в Саркеле,

видимо при непосредственном участии иноземных мастеров — иранских или месопотамских, принесших на север секреты росписи люстром, но вынужденных применять этот эффектный и нарядный способ украшения на предметах, выполненных местными мастерами. Местное производство их доказывается не только окрашенностью черешка, но главным образом грубой формовкой, не применявшейся ни в Иране, ни в Месопотамии при изготовлении столь ценных изделий, как фаянсы, расписанные люстром.

К редчайшим белоглиняным изделиям следует отнести фрагменты с росписью эмалями в технике болгарской керамики из Преславы конца IX—первой половины X в. Экземпляры, найденные в Саркеле, видимо, относятся к несколько более позднему времени и завезены в Саркел не из Болгарии, а из Киева, где производство керамики этого вида получило дальнейшее развитие в XI в.

З. А. Львова

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ И БУСЫ ИЗ САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

Предметом настоящей работы являются стеклянные браслеты и бусы средневекового периода по новым материалам раскопок 1949—1951 гг. Саркела—Белой Вежи. Этот тип стеклянных украшений распространен у разных народностей с древнейших времен вплоть до наших дней.

Находки наиболее ранних стеклянных бус были обнаружены в Египте и относятся к IV тысячелетию до н. э.;¹ наиболее древние известные нам стеклянные браслеты найдены в Антиохии,² Коринфе³ и Херсонесе⁴ и относятся к римскому периоду. В интересующее нас время стеклянные браслеты и бусы были уже широко распространены по всей территории Восточной Европы. Многообразие форм и широкое распространение стеклянных украшений открывают неограниченные возможности для исследования этого обширного материала.

Изучение стеклянных бус и браслетов именно Саркела—Белой Вежи представляет исключительный интерес в силу своеобразной судьбы этого небольшого пограничного города. Русская Белая Вежа возникла на месте разрушенной Святославом

в 965 г. хазарской крепости Саркел, просуществовала только до начала XII в. и в 1117 г. была покинута жителями.⁵

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что город был расположен при скрещении торговых путей из Руси в Византию и на Восток. Таким образом, обнаруженные при раскопках городища исключительно разнообразные по происхождению стеклянные украшения могут быть датированы точно ограниченным и сравнительно небольшим отрезком времени.

Краткое описание стеклянных украшений Саркела—Белой Вежи дано впервые М. И. Артамоновым в книге «Средневековые поселения на Нижнем и Среднем Дону»,⁶ где отмечается сходство некоторых типов беловежских браслетов с браслетами средневекового Херсонеса и поселения Абоба-Плиски в Дунайской Болгарии.

Последующие годы раскопок городища Саркел—Белая Вежа (1934—1936 и 1949—1951 гг.) дали богатую коллекцию стеклянных браслетов и бус, в связи с чем назрела необходимость вновь остановиться на исследовании этого материала.

БРАСЛЕТЫ

Стеклянные браслеты Саркела—Белой Вежи обнаружены как на самом городище,

¹ В. Нейман. Antike Gläser, ihre Zusammensetzung und Färbung. Zeitschr. für angewandte Chemie, Bd. 38, 1925.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 26.

³ G. R. Davidson. The minor objects. Corinth, v. XII, Princeton—New Jersey, 1952.

⁴ Г. Д. Белов. Херсонес. Отчет о раскопках. 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 223.

так и в окружающих его могильниках. Они типичны не только для верхних славянских, но и для нижних слоев городища, соответствующих хазарскому Саркелу (IX—X вв.). На городище стеклянные браслеты встре-

⁵ Повесть временных лет, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

⁶ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем и Среднем Дону. Л., 1935, стр. 15—17, рис. 7, 1—6.

чаются преимущественно в виде обломков. В коллекции насчитывается более 600 фрагментов. В могильниках находки браслетов сравнительно редки, но представляют собой или совершенно целые, или сломанные в нескольких местах, но сохранившиеся полностью экземпляры. Кроме того, среди обнаруженных в погребениях браслетов следует отметить несколько образцов, аккуратно распиленных с одной стороны явно с какой-то определенной целью (курган 24/6, погребение 135; курган 17/10, погребение 10). Отпиленные куски браслетов обнаружены и вне погребений (курган 24/6).⁷

Сохранность стекла найденных на городище и в могильниках Белой Вежи браслетов далеко не одинакова. Зачастую на одной и той же глубине и на прилегающих один к другому участках попадаются как сплошь покрытые призацей, так и совершенно не тронутые ею фрагменты. Очевидно, степень призацы стекла зависит не только от почвенных условий, в которых залежали предметы, но и от химического состава самого стекла.

Стекланные браслеты отличаются исключительным разнообразием форм и цвета, однако, независимо от этого все они изготовлялись одним и тем же способом. Прежде всего посредством простого растягивания куска размягченного стекла получали первоначальный стекланный стержень, затем стержень сгибали в кольцо, соединяя и сваривая его концы. О первоначальном растягивании стеклнного стержня свидетельствуют находящиеся в стекле браслета пузырьки воздуха вытянутой формы. Доказательством того, что браслеты делались из сомкнутых в кольцо стеклнных стержней, являются сохранившиеся на многих обломках места соединения концов стеклнного стержня.

В зависимости от дополнительных операций при их изготовлении стеклнные браслеты можно разделить на несколько технологических групп, каждая из которых включает большое количество разновидностей.

В первую группу наиболее просто изготовленных стеклнных браслетов входят круглые в поперечном сечении, не подвергавшиеся дополнительной обработке браслеты (рис. 1, 1).

Вторая группа объединяет плоские, полукруглые, овальные и другие разновидности браслетов, уплощенная форма которых достигалась предварительным сдавливанием с помощью простейших инструментов округлой стеклнной заготовки перед вытягиванием ее в длинный стержень. Некоторые браслеты этой группы снабжены одним или двумя продольными желобками (рис. 1, 2—5, 8).

Третью группу составляют треугольные и квадратные в поперечном сечении браслеты (рис. 1, 6). Фигурный стержень подобных образцов достигался посредством применения формы. Первоначальная стеклнная заготовка, еще не отделенная от стеклодувной трубки, опускалась в квадратную или треугольную форму и только после этого вытягивалась в длинный тонкий стержень, сохраняющий в поперечном сечении треугольник или квадрат.

Четвертая группа объединяет разные типы крученых браслетов, различающихся предварительной обработкой стеклнного стержня до момента кручения (рис. 1, 9—15).

Первый способ обработки заключался в нанесении на первоначальную стеклнную заготовку ряда бороздок от руки с помощью простейших инструментов. Браслеты этого типа можно назвать бороздчатыми кручеными (рис. 1, 9, 10). Для получения второго типа — рифленых крученых браслетов — первоначальную стеклнную заготовку опускали в особую форму «рифленку», посредством которой на заготовку наносились тоненькие, ровные и частые бороздки (рис. 1, 11). Третий тип — формованные крученые браслеты — изготовлялись путем перекручивания четырехгранного стеклнного стержня, для получения которого также применялась специальная форма (рис. 1, 12).

Несколько иначе изготовлялись стеклнные браслеты, перевитые нитями разноцветного стекла. Для их получения на первоначальную стеклнную заготовку вместо нанесения бороздок накладывали выступающие языки разноцветного размягченного стекла. В процессе дальнейшего растягивания

⁷ Подобные же факты наблюдаются и при рассмотрении опубликованных материалов из раскопок Плиски (Изв. Русск. археолог. вист. в Константинополе, т. X, София, 1905, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, №№ 16 и 18). Однако, причина этого любопытного явления остается неизвестной.

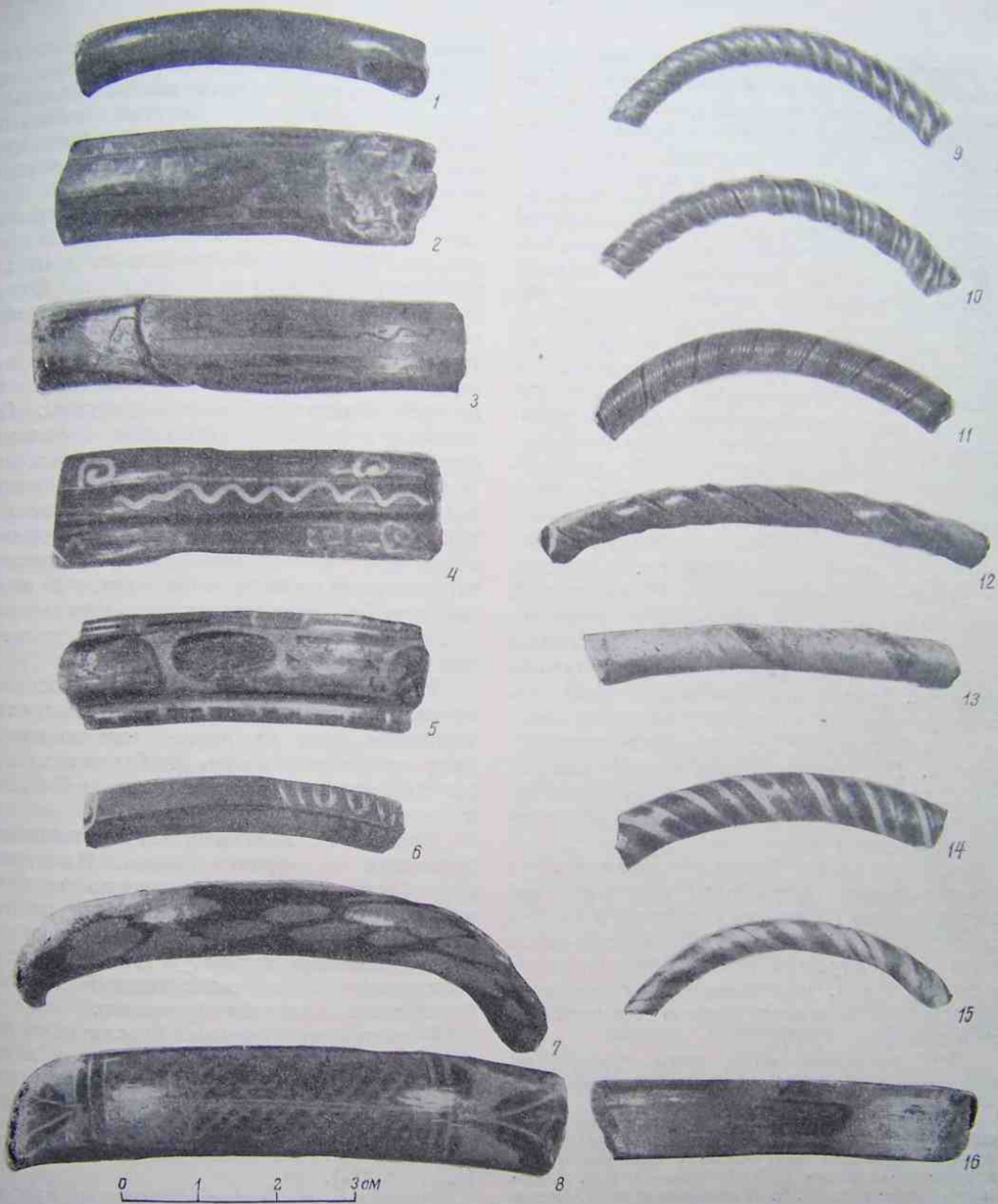

Рис. 1. Стекланные браслеты Саркела—Белой Вежи. Способы изготовления.

1 — круглый черный браслет первой группы; 2—5, 8 — расписные уплощенные браслеты второй группы, обработанные простейшими инструментами; 6 — расписной квадратный формованный браслет третьей группы; 7 — полукруглый инкрустированный черный браслет второй группы; 9—16 — крученые браслеты четвертой группы (9, 10 — бороздчатые, 11 — рифленый, 12 — формованный, 13—15 — перевитые разноцветные); 16 — полукруглый браслет второй группы, покрытый золотистой призрацией, заходящей на излом.

и перекручивания наложенные стеклянные языки превращались в тонкие нити, обвивающие стержень браслета (рис. 1, 13—15).⁸

Орнаментация стеклянных браслетов производилась двояким образом. Орнаменты первого рода достигались в процессе изготовления браслетов и образованы включениями разноцветного стекла, составляющими структуру самого браслета. Примером такой орнаментации могут служить описанные выше перевитые нитями разноцветного стекла браслеты. Кроме того, к подобного рода орнаментам относится инкрустация вытянутыми разноцветными жгутиками. На размягченную стеклянную заготовку насыпали крошки разноцветного стекла, разогревали вновь и растягивали. При этом расплавленные стеклянные крошки растягивались в небольшие разноцветные жгутики (рис. 1, 7).⁹ Вторым типом орнаментации является роспись по стеклу особого рода красками (рис. 1, 3—6, 8). Подобная орнаментация не связана непосредственно с формовкой стеклянного стержня, однако, в какой-то степени обусловлена его формой. Росписью покрывались преимущественно уплощенные браслеты. Краски для росписи изготовлялись из смеси окислов металлов (окислы железа, меди, кобальта) с легкоплавким стеклом-флюсом. Полученная смесь тонкой кистью наносилась на стекло, после чего изделие подвергалось легкому обжигу, чем и объясняется прочное закрепление красок на поверхности стекла. Краска наносилась до окончательного оформления изделия — непосредственно на еще не согнутый в кольцо стеклянный стержень. Доказательством этого могут служить обломки браслетов, по которым видно, как прерывается орнамент на месте скрепления концов стеклянного стержня (рис. 1, 3).

Все описанные выше типы стеклянных браслетов различной формы и орнаментации

⁸ Для воспроизведения способов изготовления стеклянных браслетов были использованы некоторые сведения, полученные у мастеров Завода художественного стекла Д. З. Новикова и Б. А. Еремина. Кроме того, Д. З. Новиковым и Б. А. Еремным было сделано несколько стеклянных стержней для простых круглых в сечении, рифленых, а также перевитых разноцветными нитями браслетов.

⁹ Н. Н. Качалов. Стекло. М., 1959, стр. 204—205. Те же технические приемы применяются и теперь при производстве так называемого насынного стекла. См.: С. П. Петухов. Стекло. Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXI, 1901, стр. 582.

известны и в Белой Веже. Стекло браслетов Саркела—Белой Вежи окрашивалось по меньшей мере в семь цветов — черный, коричневый, розовый, желтый, васильковый, серовато-голубой, зеленый, однако преобладающими цветами являются серовато-голубой и черный.

При сопоставлении между собой стеклянных браслетов Белой Вежи обнаруживается, что для браслетов определенного цвета характерны одни и те же излюбленные формы и типы орнаментации, а ввиду того, что преобладающими цветами беловежских браслетов являются черный и серовато-голубой, при всем многообразии этих украшений их можно объединить в две группы. Обе включают в себя огромное количество стеклянных браслетов самых различных форм. Однако для браслетов из серовато-голубого стекла наряду с повсеместно распространенными простейшими формами характерна уплощенная форма и орнаментация в виде росписи по стеклу, в то время как для браслетов из черного стекла типичен принципиально иной способ орнаментации — инкрустация.

Такое четкое разделение стеклянных браслетов Белой Вежи на две группы, отличающиеся одна от другой еще по целому ряду признаков, делает необходимым определение времени бытования каждой из них в Белой Веже и их ареала.

Прежде всего остановимся на стеклянных браслетах из черного стекла. На первый взгляд они кажутся совершенно черными, однако имеют малиновый или желтый оттенок. Их непрозрачность объясняется не заглушенностью стекла, а интенсивностью красителя. Тонкий слой, снятый с такого браслета, совершенно прозрачен.

Большую часть черных браслетов составляют образцы простейшей, округлой в поперечном сечении формы. В большинстве случаев они не покрыты иризацией. Из общего числа 664 просмотренных нами браслетов Белой Вежи обнаружено около 120 (т. е. 18,2%).

Основная масса круглых черных браслетов Белой Вежи относится к IX—X вв., т. е. ко времени существования хазарского Саркела (см. таблицу на стр. 323).¹⁰ В период существования русской Белой Вежи, в XI—

¹⁰ При датировке стеклянных браслетов и бус Белой Вежи нами были использованы данные статьи С. А. Плетневой «Керамика Саркела—Белой Вежи».

ХII вв. наряду с черными круглыми браслетами, которых становится значительно меньше, появляются полукруглые черные браслеты с такой же блестящей, без следов иризации, наружной поверхностью, как и у круглых. Однако основную массу времени составляют экземпляры, поверхность которых покрыта двумя тонкими пленками — нижней золотистой или серебристой и верхней мутно-белой. Из общего числа имеющихся в нашем распоряжении браслетов Белой Вежи их около 100 экземпляров (14%).

По мнению Н. Н. Качалова, тонкий золотистый или серебристый слой на поверхности полукруглых черных браслетов был специально нанесен с декоративной целью.¹¹

Однако у большей части просмотренных нами обломков этот слой покрывает не только наружную поверхность, но и излом (рис. 1, 16). Подобные наблюдения наводят на мысль, что золотистый и серебристый слой на поверхности браслетов не нанесен с декоративной целью, а является результатом расстекловывания их наружной поверхности (иризация). Все же браслеты этого рода заслуживают внимания, так как на других типах стеклянных браслетов подобная иризация не встречается.

Наряду с круглыми и полукруглыми в Белой Веже встречаются квадратные, плоские, полукруглые с двумя продольными желобками, рифленые, перевитые нитями разноцветного стекла, крученые и инкрустированные черные браслеты.

Особый интерес представляют немногочисленные экземпляры полукруглых черных браслетов, инкрустированных идущими вдоль наружной стороны, вытянутыми, веретенообразными полосками цветного стекла (рис. 1, 7).¹² Следует отметить три наиболее интересных инкрустированных брас-

лета, наружная поверхность которых украшена причудливыми стеблями и листьями из белого или зеленого стекла (рис. 7, 21).¹³

Находки квадратных в поперечном сечении, рифленых, крученых, инкрустированных и других разновидностей черных браслетов чрезвычайно редки и рассеяны по всем слоям городища. Последнее обстоятельство не дает возможности определить время их бытования. В могильниках Белой Вежи перечисленные выше формы черных браслетов не встречаются. Исключение составляет погребение № 48 могильника у стены городища, среди инвентаря которого имеется четыре темных браслета, покрытых плотным слоем золотистой иризации. Черные круглые в сечении браслеты известны из раскопок и второго южнорусского города — Тмуторокани. По данным работы А. Л. Водолагиной, браслеты этого рода более типичны для нижних слоев городища.¹⁴

Черные стеклянные браслеты встречаются и в Херсонесе. В частности, в Отделе Востока Государственного Эрмитажа хранится полукруглый черный браслет, инкрустированный белыми вытянутыми полосками.¹⁵ Однако, наиболее многочисленные аналогии черным стеклянным браслетам Саркела—Белой Вежи можно найти в Закавказье. Их обломки были обнаружены при раскопках Двина и Ани (Армения), Тбилиси, Дманиси, Рустави (Грузия), Орен-Калы, Мингечаура, Чукур-Юрта, Раманы (Азербайджан). В материалах из раскопок Двина имеется большое количество черных стеклянных браслетов — 127 (43.4%) из общего числа 292 просмотренных нами обломков. Большую часть из них составляют круглые браслеты — 73 из 127; значительно меньше крученых — 29 и рифленых — 18. Перевитые, инкрустированные и плоские экземпляры встречаются редко.¹⁶

Такую же картину мы получаем при знакомстве с материалами раскопок и других городищ Закавказья. Так, в Дманиси различные формы черных браслетов составляют 50% из общего числа просмотренных нами 82 экземпляров; из них круглых 15,

помещенной в настоящем сборнике, в которой устанавливается датировка славянских и хазарских слоев Саркела—Белой Вежи по глубинам их залегания.

¹¹ Н. Н. Качалов и В. В. Варгин. Исследование некоторых старинных русских стекол. ДАН СССР, т. ХСVI, № 5, 1954, стр. 1033; Н. Н. Качалов, ук. соч., стр. 204.

¹² Саркел—Белая Вежа, 1934-217, 422; 1949-295, 1326; 1950-I-642, 1111/4; 1950-II-777, 1435, 2578; 1951-II-2661. (Все материалы раскопок Саркела—Белой Вежи хранятся в Гос. Эрмитаже. В дальнейшем при ссылках на номера название коллекции опускается).

¹³ 1950-II-312, 1293; 1951-II-2295.

¹⁴ А. Л. Водолагина. Стеклянные браслеты Тмуторокани. Дипломная работа студентки Исторического факультета МГУ, рук. Б. А. Рыбаков.

¹⁵ Гос. Эрмитаж, Отд. Востока, X-74.

¹⁶ Историч. музей АН Арм. ССР, Отд. археологии, раскопки Двина.

крученых 11, рифленых 4, перевитых 4, инкрустированных 4, полукруглых 1, плоских с бороздками по наружной поверхности 1.¹⁷

Из материалов раскопок Дманиси следует особо отметить черный полукруглый браслет, инкрустированный стеблями и листьями белого стекла, тянущимися вдоль наружной стороны (№ 1801). Не менее интересная картина предстает перед нами при просмотре собранных Н. Н. Угрелидзе материалов из раскопок в Рустави и Тбилиси.¹⁸ Из общего числа 105 стеклянных браслетов из Рустави 61 экземпляр, т. е. 58%, изготовлен из черного стекла; из них: круглых 32, рифленых и рубчатых 11, крученых 12, инкрустированных 1, полукруглых 5.

Из общего числа 48 фрагментов стеклянных браслетов из Тбилиси 20 экземпляров черных (42%); из них: круглых 10, крученых 3, рифленых и рубчатых 6, уплощенных с двумя продольными желобками 1.

Черные браслеты Орен-Калы также составляют значительное количество — 44 экземпляра (52%) из общего числа 84; из них: круглых 16, полукруглых 15, крученых 8, рифленых 2, инкрустированных 1, треугольных 2.¹⁹

Значительно меньший процент составляют черные браслеты из раскопок Мингечаура: 14 экземпляров (25%) из общего количества 56; из них: круглых 8, крученых 1, рифленых 3, треугольных 2.²⁰

Таким образом, при просмотре стеклянных браслетов древних городов Закавказья обнаруживается явное преобладание браслетов из черного стекла (за исключением Мингечаура) — круглых и крученых. Инкрустированные экземпляры, как правило, составляют исключение. Тем больший интерес представляют стеклянные браслеты из личного собрания проф. Е. А. Пахомова.²¹ Стеклянные браслеты из городища Чукур-Юрт близ Баку, собранные Е. А. Пахомовым, были просмотрены нами в количестве 97 экземпляров. Из них черных браслетов —

71 (73%). Однако соотношение различных форм черных браслетов несколько иное, чем в материалах других городищ.

Наибольший процент составляют черные полукруглые браслеты, инкрустированные вытянутыми жгутиками разноцветного стекла. Четыре черных браслета инкрустированы тянущимися вдоль наружной стороны стеблями и листьями причудливых растений из белого и красного стекла подобно описанным выше образцам из раскопок Белой Вежи. Полукруглые инкрустированные черные браслеты представлены в количестве 23. Остальные виды браслетов: полукруглые неинкрустированные 21, круглые 20, крученые 5, уплощенные с желобком вдоль наружной стороны 1, треугольные 1.

Менее интересны стеклянные браслеты из селища Раманы, в 20 км от Баку, также имеющиеся в собрании Е. А. Пахомова (сборы 1935—1941 гг. Ю. И. Филиппова). Из общего числа 99 просмотренных нами обломков образцов из черного стекла 77 (77%); из них: круглых 64, крученых 13.

Преобладание браслетов из черного стекла над другими типами свидетельствует о возможности их производства на Кавказе. Не менее важным фактом является наличие в составе просмотренных нами коллекций Армении и Азербайджана наряду с обломками браслетов прямых, не согнутых палочек из черного стекла.²²

Рассмотрим теперь также многочисленные браслеты из сероватоголубого и василькового стекла. Если черные браслеты различных форм встречаются во всех культурных слоях городища, браслеты из серовато-голубого стекла более типичны для верхних, славянских слоев. Это просто круглые или перевитые тонкими красными и толстыми белыми витками стекла, а также разнообразные, часто расписные уплощенные браслеты. Последняя форма наиболее типична для юго-восточных русских городов. В материалах Белой Вежи раскопок 1949—1951 гг. их имеется около 221 обломков (около 33,2%). Поверхность браслетов обычно бывает покрыта чешуйками тонкой серой иризацией.

Среди уплощенных браслетов можно различить плоские, полукруглые и с утолщенной средней частью. Некоторые экзем-

¹⁷ Музей истории Грузии, Отд. «Материальная культура феодального периода», раскопки Дманиси.

¹⁸ Эти данные заимствованы из еще не опубликованной статьи Н. Н. Угрелидзе, любезно предоставленной нам автором.

¹⁹ ИИМК, Орен-Кала, 1953 г.

²⁰ Институт истории, раскопки Мингечаура, 1956 г. (Баку).

²¹ Материалы были нам любезно предоставлены проф. Е. А. Пахомовым.

²² Исторический музей АН Арм. ССР, раскопки Двина, № 158/1953; ИИМК, Орен-Кала, 1953—4106.

Рис. 2. Образцы орнаментов на уплощенных стеклянных браслетах Саркела—Белой Вежи. (п. в.)

пьяры снабжены двумя желобками по краям или одним посредине. Большая часть браслетов украшена орнаментом, нанесенным белой, светло-зеленой, желтой, голубой, реже кирпично-красной краской, часто едва заметной из-за плохой сохранности.

Простейшие орнаменты состоят из идущей вдоль браслета красной полосы,²³ по обе стороны которой иногда тянутся две волнистые белые линии (рис. 1, 3; 2, 1).²⁴ Орнаменты подобного рода имеют аналогию в Коринфе.²⁵ В отдельных случаях орнамент тонких плоских браслетов состоит из одной волнистой белой линии (рис. 2, 4). Более широкие экземпляры украшались несколькими рядами волнистых линий, идущих или вдоль браслета, или наискосок от одного края к другому (рис. 2, 2, 3).²⁶

Подобные орнаменты также имеют аналогию в Коринфе²⁷ и Дунайской Болгарии.²⁸ Значительно реже браслеты орнаментировались рядами овалов (рис. 2, 10—13),²⁹ внутренняя часть которых заполнена сеточкой (рис. 2, 12),³⁰ двумя пересекающимися линиями (рис. 2, 11)³¹ или розетками (рис. 2, 13).³² Определенная группа простейших орнаментов состоит из различных комбинаций спиралеобразных завитков. В одних случаях попарно расположенные спиральки рядами опоясывают браслет,³³ в других чередуются с несколькими идущими наискосок линиями (рис. 2, 14).³⁴ Иногда орнамент состоит из сильно закрученной спиральки или из фигуры из двух пересекающихся линий, в углах скрещения которых имеются небольшие кружочки (рис. 2, 5).³⁵ Подобного рода орнаменты встречаются на стеклянных браслетах Ко-

ринфа, где рядом с фигурой из скрещенных линий прочерчен спиралеобразный завиток.³⁶

Завитками украшены и некоторые браслеты Дунайской Болгарии.³⁷

Желобчатые плоские браслеты, как правило, украшались простейшими однообразными орнаментами. На некоторых из них орнамент состоит из волнистой белой линии, идущей по дну желобка, и небольших спиральных завитков то с одной, то с другой его стороны (рис. 2, 19).³⁸ Другие браслеты расписаны двумя рядами эллипсов по обе стороны от желобка. Внутри эллипсов прорисованы точки или завитки³⁹ (рис. 2, 15, 18). Иногда орнамент состоит из вписанных один в другой треугольников, обращенных основаниями к желобку⁴⁰ (рис. 2, 16, 17).

Далее следует остановиться на орнаментах, образуемых одной или несколькими сложными фигурами, разделенными между собой более простым геометрическим узором.

Особый интерес представляет несколько обломков плоских голубых или зеленовато-голубых браслетов, на лицевой стороне которых имеется изображение птицы. На нескольких обломках в совершенно одинаковой манере — желтовато-зеленой краской в овале — очень смело, но немного схематично, во всю длину овала написана летящая птица. Ее голова, загнутый клюв и оттянутые назад ноги легко прочерчены одной линией. Шея и одно поднятое крыло закрашены краской. Туловище, переходящее в хвост, изображено в виде двух параллельных прямых; по обе стороны от овала с изображением птицы сохранились части еще двух овалов, но что было изображено в них, неизвестно (рис. 7, 17, 19).⁴¹ Несколько иначе нарисована птица на фрагменте следующего браслета. Контуры изображения прочерчены одной линией. Шея, грудь и спина, переходящая в крыло, заполнены штрихами. Над птицей — зигзаг, напоминающий схематическое изображение летящей птицы

²³ 1934-86, 118, 1269; 1935-371, 425; 1936-824; 1949-261, 715, 855.

²⁴ 1949-486, 781; 1950-I-420, 1950-II-391, 417; 1951-Ц-2529, 2772.

²⁵ G. R. Davidson, ук. соч., стр. 264, рис. 62, № 2152.

²⁶ 1951-Ц-2707.

²⁷ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 112, № 2156.

²⁸ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, № 9.

²⁹ 1949-1221; 1950-I-148.

³⁰ 1950-I-416.

³¹ 1951-Ц-176.

³² 1950-I-543.

³³ 1950-II-677; 1951-Ia-159.

³⁴ 1934-785; 1950-I-1069.

³⁵ 1951-II-1092.

³⁶ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 113, № 2153.

³⁷ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, №№ 11, 12.

³⁸ 1951-II-539.

³⁹ 1949-107, 1609, 1950-I-1718; 1950-II-157.

⁴⁰ 1949-1058; 1950-II-650.

⁴¹ 1951-Ц-460, 633; 1951-II-502.

(рис. 2, 7).⁴² На одном из изображений птицы сохранилась только часть головы и туловища, но по самому ее положению не посредине браслета, а у самого края, по грузному, слегка наклоненному вперед телу видно, что птица изображена не в состоянии полета, скорее всего она плывет. По очертаниям тела и небольшой шее ее также можно принять за водоплавающую птицу. Очертание головы, шеи и тела прочерчено одной тонкой линией, а пространство внутри контуров тела заполнено пересекающимися штрихами (рис. 2, 6).⁴³ Примерно так же исполнена птица и на другом браслете. Здесь часть головы, шея и нижняя часть тела прочерчены одной непрерывающейся линией, крыло изображено отдельно и, как все тело птицы на предыдущем обломке, заполнено тонкими пересекающимися линиями. Грузное тело птицы также наклонено вперед (рис. 2, 24).⁴⁴ Особняком стоит изображение птицы, голова, тело и поднятое крыло которой сплошь заполнены голубой краской (рис. 7, 18).⁴⁵

Особый интерес представляет осколок голубого плоского браслета, на котором, к сожалению, сохранилась только часть изображаемой птицы — голова, шея и частично крыло. Остальную поверхность браслета заполняет двойной ряд овалов с включенными в них четырехлепестковыми розетками. Голова птицы с глазом и клювом, ее длинная изогнутая шея написаны тончайшей кистью. Ясно видно, что это изображение лебедя. Сохранившаяся часть крыла сплошь залита краской. Над головой лебедя — зигзаг, напоминающий схематичное изображение летящей птицы. Краска, которой было выполнено изображение, плохо сохранилась, и оно становится отчетливым только после смачивания водой (рис. 2, 8).⁴⁶

Таким образом, почти все имеющиеся в нашем распоряжении изображения птиц на беловежских браслетах прорисованы в разной манере, что указывает на их исполнение разными мастерами. Среди известных нам по коллекциям ГИМ и Государственного Эрмитажа браслетов Тмуторокани

и Херсонеса экземпляров, орнаментированных изображением птиц, не имеется. Тем больший интерес представляет обломок плоского голубого браслета с изображением птицы из слоя XI в. в Коринфе.⁴⁷ Округлые контуры тела и плотно, без шеи, посаженной головы проведены одной линией. Глаз изображен в виде небольшого кружка. Крыло написано очень схематично в виде параллельной животу и закругляющейся кверху линии. Массивное тело птицы опирается на две короткие непропорциональные лапы, прочерченные одной линией.

Обломок плоского голубого браслета из раскопок Абоба-Плиски X в. орнаментирован тонкой волнистой линией, в каждом изгибе которой то с одной, то с другой стороны изображены зигзаги, напоминающие схематическое изображение летящей птицы.⁴⁸

Далее следует остановиться на целой группе браслетов Белой Вежи, орнамент которых состоит из включенной в овал неопределенной фигуры, напоминающей схематическое изображение кометы. В некоторых случаях фигура также приближается к сильно стилизованному изображению птицы⁴⁹ (рис. 2, 20—23, 25). На трех фрагментах подле этой основной фигуры сохранился ряд идущих один за другим овалов, заполненных завитками (рис. 2, 20, 21, 25).⁵⁰

В основе орнамента целого ряда других браслетов лежат розетки, ромбы и овалы (рис. 3, 1—10).⁵¹ Иногда ромб с включенной в него розеткой бывает окаймлен рамкой из точек и в свою очередь включен в другой ромб больших размеров (рис. 3, 2—4).⁵² Один орнаментированный подобным образом браслет известен из раскопок Херсонеса.⁵³ В некоторых случаях рисунок состоит из вписанных один в другой ромбов; внутренний ромб разделен двумя пересекающимися линиями на четыре меньших ромба (рис. 3, 8).⁵⁴ На одном фрагменте сохранилась часть рисунка, образуемого

⁴⁷ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 112, № 2148, стр. 262, рис. 62, № 2148.

⁴⁸ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, № 10.

⁴⁹ 1951-Ia-92, 188, 286; 1951-II-462; 1950-I-1873/2; 1934-1237.

⁵⁰ 1950-I-1873; 1951-Ia-286; 1934-1237.

⁵¹ 1934-735; 1935-739; 1950-I-543; 1951-II-692.

⁵² 1949-1819; 1950-I-1212; 1951-II-2333.

⁵³ Гос. Эрмитаж, Отд. Востока, X-39 (900/17)

⁵⁴ 1936-451.

⁴² 1949-1221.

⁴³ 1950-I-102.

⁴⁴ 1949-657.

⁴⁵ Фрагмент браслета находится в экспозиции выставки «Русская культура VIII—XII вв.».

⁴⁶ 1951-II-1061.

тремя включенными один в другой ромбами, меньший из которых сплошь закрашен краской (рис. 3, 5).⁵⁵ Два фрагмента орнаментированы включенной в ромб фигурой, напоминающей схематическое изображение глаза (рис. 3, 7).⁵⁶ На некоторых фрагментах ромб с наружных сторон окаймлен неправильной формы треугольниками, сплошь закрашенными краской (рис. 3, 9). На одном из подобных фрагментов, сохранившемся лучше, чем другие, расстояние между двумя фигурами, составленными из ромбов и треугольников, заполнено сеткой (рис. 3, 10).⁵⁷

Интересен и единственный в своем роде фрагмент браслета с орнаментом в виде двух концентрических кругов, заполненных пересекающимися линиями, подобно спицам в колесе. Центральные изображения в виде подобных кругов соединяются между собой прямой линией (рис. 3, 22).⁵⁸ На трех других браслетах сохранился один и тот же орнамент в виде цепочки из ложкообразных фигурок (рис. 3, 13, 16).⁵⁹ Подобный простой орнамент, вероятно, служил лишь связующим звеном между несколькими центральными, более сложными изображениями. На одном из фрагментов сохранилось и это центральное изображение в виде двух концентрических кругов; внутренний круг разделен на четыре части двумя пересекающимися прямыми (рис. 3, 16).⁶⁰

Кроме описанных выше наиболее характерных или представляющих особый интерес орнаментированных стеклянных браслетов, в материалах Белой Вежи имеются многочисленные обломки браслетов с самыми разнообразными орнаментами, описать которые невозможно именно в силу их многообразия. Тем не менее следует остановиться на нескольких фрагментах, расписанных золотой краской. Укажем на два обломка уплощенного синего прозрачного браслета с двумя желобками по краям. Их наружная сторона орнаментирована сложным рисунком из завитков. Рисунок выполнен явно золотой краской (рис. 7, 24).⁶¹ Следы росписи золотом сохранились и на других фрагментах. Голубой уплощенный браслет с легким углублением посередине

орнаментирован золотой волнистой линией с крутыми изгибами.⁶² Полукруглый синий браслет с неясным желобком на внутренней стороне также орнаментирован золотой краской, с его наружной стороны видны следы росписи очень плохой сохранности.⁶³ Особого внимания заслуживает круглый синий браслет, перевитый нитями белого заглуженного стекла. Подобного рода перевитые браслеты, как правило, росписью не украшались, однако, на данном фрагменте между белыми витками на синем фоне сохранились следы росписи золотой краской (рис. 4, 18).⁶⁴ Расписанные золотой краской стеклянные браслеты имеют аналогию в Херсонесе и Коринфе.

В отделе Востока Государственного Эрмитажа имеются два целых синих плоских браслета из Херсонеса. Вся их наружная сторона покрыта сложным орнаментом, нанесенным золотой краской.⁶⁵

Некоторые обломки стеклянных браслетов Коринфа, опубликованные в издании Давидсона, также орнаментированы золотой краской.⁶⁶ Известие об умении греков готовить золотую краску из размельченного золота имеется в трактате Теофила «Diversarum Artium Schedula» в главе XIII: «О стеклянных сосудах, которые украшают греки золотом и серебром».⁶⁷

Уплощенные, зачастую расписные синие стеклянные браслеты встречаются как в славянских, так и в хазарских слоях Белой Вежи, однако, типичны именно для славянских слоев городища (конец X—начало XII в.). В Тмутарокани браслеты этого рода встречаются в слоях X—XIII вв. В материалах раскопок Двина, Дманиси, Тбилиси и других древних городищ Закавказья уплощенные стеклянные браслеты встречаются лишь эпизодически. В опубликованных материалах Коринфа и Дунайской Болгарии, напротив, имеется большое количество уплощенных расписных браслетов. Как уже упоминалось выше, по характеру орнаментации некоторые коринфские и болгарские бра-

⁵⁵ 1950-II-2266.

⁵⁶ 1934-1463; 1950-II-1284.

⁵⁷ 1951-II-834.

⁵⁸ 1950-II-1584.

⁵⁹ 1936-629.

⁶⁰ 1934-451; 1951-II-1489; 1951-II-1324.

⁶¹ 1951-II-554.

⁶² 1950-II-745.

⁶³ 1949-658.

⁶⁴ 1949-678.

⁶⁵ Гос. Эрмитаж, Отд. Востока, X-11.

⁶⁶ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 112.

№ 2148, 2150, 2151.

⁶⁷ W. Theobald. Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. Das Theophilus Presbyter Diversarum Artium Schedula. Berlin, 1933, стр. 34.

слеты имеют сходство с беловежскими. примитивных, но не менее распространенных
 По мнению Давидсона, уплощенные расписные в Белой Веже круглых мутно-голубых бра-

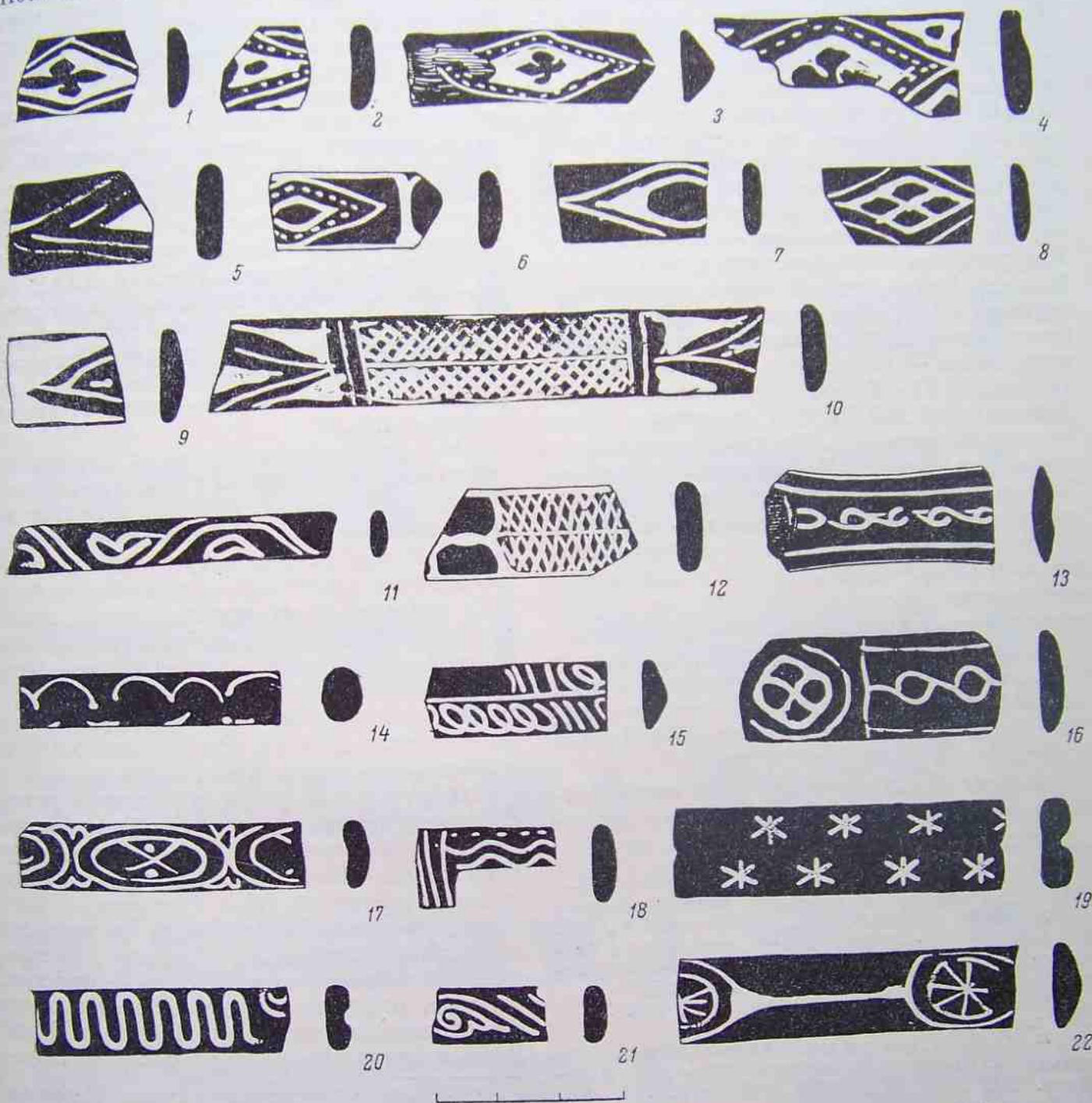

Рис. 3. Образцы орнаментов на уплощенных стеклянных браслетах Саркела—Белой Вежи.

браслеты появляются в Коринфе в сравнительно позднее время, примерно в начале XI в. Опубликованные автором браслеты относятся к концу X—XII в.⁶⁸

Следует остановиться также на более

⁶⁸ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 112, 113, №№ 2148—2159.

слетах без орнаментов, почти всегда покрытых легким налетом призаии. Браслеты подобного рода бытуют на всем протяжении существования как Тмуторокани, так и Белой Вежи, в последней с конца X до начала XII в. Круглые голубые браслеты встречаются и в хазарских слоях Саркела, но ти-

личны именно для славянского времени. В обоих городах этот тип особенно распространен. В материалах раскопок Белой Вежи 1949—1950 гг. имеется около 112 обломков круглых серовато-голубых браслетов. В Тмутарокани из общего количества просмотренных нами 165 браслетов их всего 20 (12%). Серовато-голубые круглые браслеты еще в VIII—X вв. бытовали в Херсонесе.⁶⁹ В известном издании «Corinth» опубликовано, к сожалению, всего два экземпляра подобных браслетов, датированных сравнительно поздним временем — XI—XII вв.⁷⁰ Известны подобные браслеты и на Северном Кавказе (село Архон Терской области; материалы ГИМ), обнаружены их фрагменты и среди инвентаря склепов Агачкалинского могильника — памятника алано-хазарской культуры VI—X вв. (Буйнакский район Дагестанской АССР).⁷¹ В Закавказье круглые серовато-голубые браслеты встречаются сравнительно редко. В Двине из общего числа 292 просмотренных нами браслетов круглых серовато-голубых браслетов — 23 (8%). В Дманиси из 82 браслетов серовато-голубых — 6 (7%).⁷² Тем не менее в Закавказье встречаются не только обломки уже формованных серо-голубых браслетов, но и куски совершенно прямых, несомкнутых в кольцо стеклянных палочек такого же цвета.⁷³ Несколько экземпляров круглых серовато-голубых браслетов известно из раскопок Плиски в Дунайской Болгарии.⁷⁴

Наряду с двумя описанными выше формами браслетов из полупрозрачного мутно-

голубого или василькового стекла в юго-восточных русских городах известны также круглые серовато-голубые браслеты, перевитые толстыми белыми и тоненькими красными витками заглушенного стекла (рис. 1, 13—15). Весьма немногочисленные в Белой Веже (23 экземпляра) браслеты этого типа встречаются одинаково во всех слоях городища, начиная со второй половины IX в. Встречаются они и в Херсонесе,⁷⁵ и в городах Дунайской Болгарии.⁷⁶ В Коринфе «перевитые зеленой пастой» коричневые, голубые и зеленые браслеты бытовали еще в IV—V вв., а также в XI—XII вв.⁷⁷ В Закавказье этот тип браслетов встречается сравнительно редко. Так, в материалах раскопок Двина из общего числа 292 просмотренных нами браслетов серо-голубых, перевитых белыми витками — всего 8, что составляет 3%.⁷⁸

Все описанные выше виды стеклянных браслетов из мутного серовато-голубого стекла (уплощенные, круглые и перевитые) были найдены не только в культурных слоях Белой Вежи, но и в погребениях расположенного близ городища могильника на больших насыпях.⁷⁹ В могильнике за стеной городища браслеты подобного рода встречены только в одном погребении (погребение № 77), в инвентаре которого наряду с другими украшениями были обнаружены типичные для Древней Руси домонгольского времени золоченые бусы.

Кроме широко распространенных разнообразных браслетов из черного и мутноватого, покрытого легкой призацей голубого стекла, в Белой Веже известны и другие, менее характерные типы браслетов, в частности, совершенно прозрачные, не тронутые призацей коричневые, зеленые и синие, самых разнообразных форм — круглые, плоские, рифленные, треугольные и плоские с продольными бородками. Найдено в Белой Веже и несколько плоских расписных бра-

⁶⁹ Г. Д. Белов. 1) Отчет о раскопках 1931—1933 гг. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 206, 207, 217, 232, 233, 236—240; 2) Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Раннесредневековый период IV—X вв. Севастополь, 1938, стр. 273.

⁷⁰ G. R. Davidson, ук. соч., стр. 262—263, табл. 112, №№ 2141, 2142.

⁷¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 114, рис. 51, 1.

⁷² Музей истории Грузии, Отд. «Материальная культура феодального периода», раскопки Дманиси 1936—1937 гг.; Историч. музей АН Арм. ССР, Отд. археологии, раскопки Двина.

⁷³ ИИМК, Орен-Кала, 1953 г., 1953-1200; Историч. музей АН Арм. ССР, Отд. археологии, раскопки Двина, 1951-1913/162, 1952-1917/168, 1951-1913/36.

⁷⁴ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, №№ 16—18.

⁷⁵ Подобные браслеты из раскопок Херсонеса имеются в коллекциях ГИМ и в Отделе Востока Гос. Эрмитажа.

⁷⁶ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, №№ 13 и 15.

⁷⁷ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 112, №№ 2139, 2144, 2145.

⁷⁸ Историч. музей АН Арм. ССР, Отд. археологии, раскопки Двина.

⁷⁹ Саркел—Белая Вежа, кург. 17/10, погр. №№ 4, 6, 7, 31, 95, 99, 113, 128, 192; кург. 24/6, погр. № 32.

слетов из совершенно прозрачного стекла без иризации, среди которых особого внима-

чистота и химическая стойкость стекла этих браслетов привлекла внимание заведующего

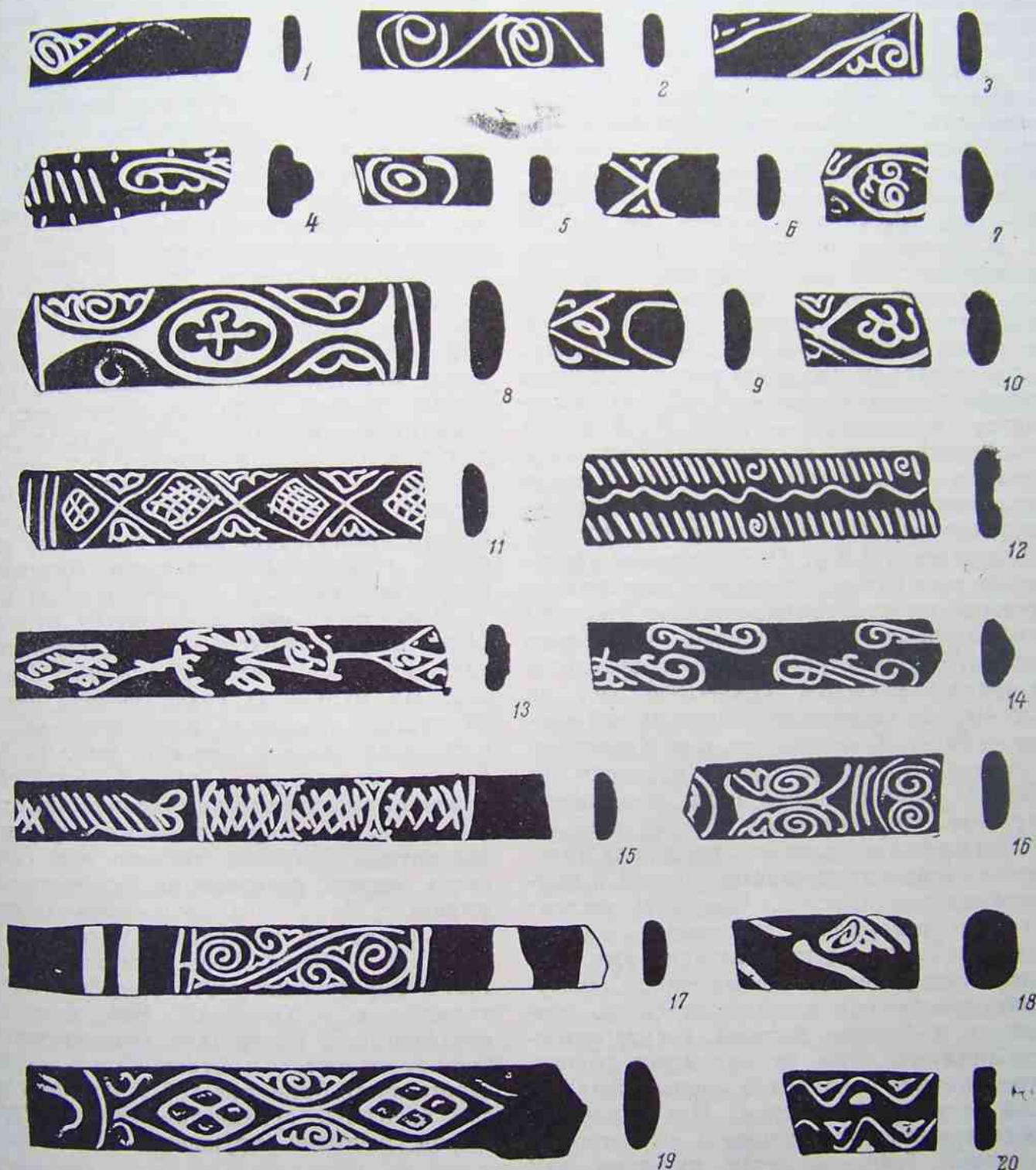

Рис. 4. Образцы орнаментов на уплощенных стеклянных браслетах Саркела—Белой Вежи. (Н. В.)

ния заслуживает уже упоминавшийся обломок плоского браслета с двумя продольными желобками, орнаментированного светло-зеленой и золотой краской. Удивительная

Кафедрой стекла Технологического института им. Ленсовета проф. Н. Н. Качалова и проф. В. В. Варгина, при содействии которых были произведены качественный

спектральный и количественный химический анализы нескольких голубых и коричневых прозрачных браслетов Белой Вежи. Качественный спектральный анализ трех голубых и двух коричневых браслетов этой группы дал совершенно одинаковые результаты — в их составе были обнаружены одни и те же элементы. Количественный химический анализ браслетов также дал сходные результаты. Отличительной чертой их стекла оказалось повышенное содержание глинозема (10—12% Al_2O_3), что явилось, по мнению Н. Н. Качалова, причиной его большой химической устойчивости.⁸⁰ Те же результаты дал количественный химический анализ прозрачного коричневого браслета Белой Вежи, опубликованный М. А. Безбородовым. В его составе также оказалось повышенное содержание глинозема — 8.36% и пониженное кремнезема — 54.26%.⁸¹ В Белой Веже прозрачные, не тронутые иризацией браслеты очень редки. Из общего числа просмотренных нами экземпляров в материалах раскопок 1949—1950 гг. их 31, что составляет всего 4.8%. Они рассеяны одинаково по всем слоям городища. В материалах Тмуторокани прозрачные гладкие браслеты встречаются значительно чаще. Из общего числа 165 просмотренных нами браслетов (материалы раскопок 1953—1954 гг.) их было 40, что составляет значительный процент — 24%. Известны они и в Херсонесе. В отчете Археологической комиссии за 1891 г.⁸² дано описание ряда стеклянных браслетов Херсонеса, среди которых наибольший интерес представляют два целых уплощенных, орнаментированных золотой и желтовато-зеленой краской. Браслеты состоят из синего, совершенно прозрачного стекла. Неменьший интерес представляют уже упоминавшиеся ранее два целых синих, совершенно прозрачных плоских браслета, хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Вся их наружная сторона также покрыта орнаментом, нанесенным золотой и зеленой краской. Нет сомнения, что совершенно прозрачные и не покрытые иризацией браслеты были известны как

⁸⁰ Н. Н. Качалов и В. В. Варгин, ук. соч., стр. 1034.

⁸¹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, таблица «Анализ древнерусских стеклянных браслетов и перстней X—XIII вв.», образец 204.

⁸² Отчет Археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1893, стр. 8.

в Византии, так и в Дунайской Болгарии, но, к сожалению, во всех публикациях материалов этих областей различной формы голубые и синие браслеты только перечисляются, о степени прозрачности и переносимости их стекла ничего не говорится, поэтому из массы голубых плоских и круглых браслетов невозможно выделить интересующие нас экземпляры, изготовленные из химически стойкого стекла.

Изготовленные из совершенно прозрачного и отличающегося исключительной химической стойкостью стекла браслеты известны и на Кавказе. Здесь бытовали как темно-коричневые, так и синие прозрачные браслеты, тем не менее, количество тех и других очень незначительно. Так, из общего числа 292 просмотренных нами браслетов Двина гладких, круглых, коричневых экземпляров — всего 28 (9.5%), круглых, крученых и уплощенных прозрачных голубых браслетов — 14 (4.8%).⁸³ Несколько иная картина наблюдается при просмотре материалов Мингечаура. Здесь различные типы синих прозрачных браслетов составляют приблизительно 42% из общего числа 56.⁸⁴

Необходимо еще остановиться на очень редко встречающихся в Белой Веже квадратных в сечении черных и зеленых браслетах. Их наружные грани обычно бывают расписаны кружками или завитками, нанесенными желтой краской (рис. 1, 6).⁸⁵ Редкие образцы этих браслетов были обнаружены преимущественно в славянских слоях городища. В Тмуторокани также встречаются квадратные браслеты винного или синего цвета, иногда расписанные геометрическим узором.⁸⁶ Из общего числа просмотренных нами браслетов квадратные в сечении экземпляры в Белой Веже составляют всего 1%, в Тмуторокани — 3%. Подобные формы известны и в Херсонесе. Найденный там квадратный в поперечном сечении черный браслет хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.⁸⁷ Квадратные голубые браслеты, орнаментированные с трех сторон желтыми кружками, известны и

⁸³ Историч. музей АН Арм. ССР, Отд. археологии, раскопки Двина.

⁸⁴ Институт истории, раскопки Мингечаура (Баку).

⁸⁵ 1951-II-1091; 1950-II-737.

⁸⁶ ИИМК, Таманское городище 1952 г. (1952/58, 354).

⁸⁷ Гос. Эрмитаж, Отд. Востока, X-27.

в Коринфе, где они бытовали в поздневи-
зантйский период.⁸⁸

Кроме перечисленных выше групп наи-
более характерных браслетов Белой Вежи,
на городище были обнаружены и единичные,
по тем не менее очень интересные образцы
этого украшения. Из них прежде всего сле-
дует упомянуть три фрагмента полукруглых
браслетов из заглашенного темно-зеленого
стекла, наружная поверхность которых по-
крыта тонкими желтыми разводами (рис. 7,
2, 5).⁸⁹ Аналогии подобным типам нам не-
известны.

Таким образом, обзор основных типов
стеклянных браслетов Белой Вежи и их
сопоставление с иноземными образцами рас-
крывают перед нами весьма интересную кар-
тину. Стеклянные браслеты двух основных
категорий, которые объединяют сходные
по форме, цвету стекла и способам орнамен-
тации образцы, бытуют в Белой Веже в раз-
ное время и имеют аналогии в разных, хотя
и близлежащих областях.

Серовато-голубые круглые или уплощен-
ные браслеты, орнаментированные исклю-
чительно росписью, характерны для сла-
вянских слоев и имеют аналогии преимущест-
венно в Византии и Северном Причерно-
морье, а также в городах Дунайской Бол-
гарии. Браслеты из черного стекла, иногда
орнаментированные способом инкрустации,
бытуют на всем протяжении существования
города и имеют аналогии в Закавказье.
В то же время обе основные категории сте-
клянных браслетов Белой Вежи не обнару-
живают сходства с браслетами Древней
Руси.⁹⁰

Преобладающие в городах Древней Руси
стеклянные браслеты, преимущественно
простейших форм — круглые, крученые —

⁸⁸ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 113,
№№ 2160, 2164, стр. 263.

⁸⁹ 1934-1223; 1949-842; 1951-Ц-750.

⁹⁰ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 613, 1005;
ОИПК, колл. 7, 136; Институт археологии (Киев):
раскопки экспедиции «Большой Киев», 1951 г.,
Лаврский отряд; раскопки Колодяжина, 1949—
1950 гг.; раскопки Городска; раскопки Чернигова,
1951 г.; Исторический музей (Киев): раскопки на
территории Десятинной церкви в 1937 г.; раскопки
на территории бывшей усадьбы Трубецкого в 1925 г.;
раскопки Райковецкого городища в 1934 г.; рас-
копки Вщижа (колл. № 3); раскопки Вышгорода;
ИИМК (Москва): раскопки Вщижа; раскопки
Старой Рязани; раскопки Новгородской экспедиции,
1954 г.; см. также дипломную работу студентки
МГУ М. Д. Полубояриновой «Стеклобраслеты
древнего Новгорода» (1955 г.).

окрашены в более разнообразные и иные,
чем в Белой Веже, цвета.

Что касается перевитых экземпляров,
то и они по величине и цвету витков разно-
цветного стекла также отличаются от бело-
вежских. Уплощенные расписные или полу-
круглые инкрустированные браслеты встре-
чаются на Руси весьма редко.

Однако, факт простого сходства основных
типов браслетов Белой Вежи с кавказскими
и херсонесскими образцами еще ничего не
говорит о происхождении стеклянных бра-
слетов Белой Вежи. Для решения этого
вопроса следует обратить внимание на ка-
чество обработки изделий. Так, при ближай-
шем рассмотрении беловежские браслеты
из черного стекла обнаруживают ряд отли-
чительных особенностей по сравнению с кав-
казскими. Прежде всего среди них преобла-
дают круглые в поперечном сечении простей-
шие браслеты, при этом черные круглые бра-
слеты Белой Вежи более массивны и грубы,
нежели их кавказские аналогии. Весьма
многочисленные на некоторых кавказских
городищах (Чукур-Юрта) черные инкрусти-
рованные браслеты встречаются в Саркеле—
Белой Веже сравнительно редко. Послед-
ние обстоятельства наводят на мысль о воз-
можности существования в Белой Веже еще
в хазарское время собственного производ-
ства неинкрустированных черных стеклян-
ных браслетов простейших форм. Свидетель-
ством этого может служить также и тот
факт, что браслеты простейших форм из чер-
ного стекла бытуют на всем протяжении су-
ществования города.

Следовательно, из общей массы бытовав-
ших в Саркеле—Белой Веже стеклянных
браслетов можно выделить определенное ко-
личество подобных украшений, возможно
производившихся на месте.

Расписные браслеты уплощенной формы,
напротив, обнаруживают поразительное
сходство с браслетами Византии и Херсонеса
не только по технике орнаментации, которая
могла быть заимствована, но и по характеру
изображений. Это свидетельствует скорее
всего о неместном происхождении расписных
браслетов Белой Вежи.

Таким образом, в зависимости от быто-
вания стеклянных браслетов определенных
типов, отличающихся один от другого харак-
тером орнаментации, окраской стекла или
формой, вся огромная территория их рас-
пространения делится на три области.

Первая из них охватывает города Византии и Северного Причерноморья (Коринф,⁹¹ Херсонес⁹²), а также Дунайскую Болгарию.⁹³ В XI—XII вв. наряду с бытовавшими повсеместно браслетами простейших форм в указанных областях преобладали уплощенные расписные браслеты из сероватоголубого стекла.

Второй областью распространения стеклянных браслетов является Закавказье. Бытовавшие здесь браслеты преимущественно простейших форм, окрашены в основном в черный или коричневый цвет. Браслеты Закавказья орнаментировались принципиально иным способом — инкрустацией.

Третья область распространения стеклянных браслетов объединяет города Древней Руси, где бытовали более разнообразные по цвету, но менее сложные по характеру орнаментации типы этого украшения. Роспись по стеклу и инкрустация стеклянных браслетов на Руси не применялись.

Существование столь ярко выраженных областей распространения стеклянных браслетов объясняется несколькими причинами, в частности различие в цвете стеклянных браслетов обусловлено главным образом применением определенного сырья и красителя. Химический анализ нескольких синих стеклянных браслетов Белой Вежи указывает на наличие в их составе кобальта, который добавлялся в качестве красителя.⁹⁴ В Советском Союзе месторождение кобальта известно на Кавказе, а также на Урале.⁹⁵ Как уже отмечалось выше, анализы черных и некоторых синих стеклянных браслетов Херсонеса и Белой Вежи, а также образцов кавказского стекла обнаружили присутствие окиси марганца.⁹⁶ Ввиду наличия больших залежей марганцевых руд на Кавказе М. А. Безбородов считает последнее обстоятельство локальной особенностью южных

стекло.⁹⁷ В городах Киевской Руси для окраски стекла в те же цвета применялись совершенно иные красители. Как показали химические анализы, некоторая часть браслетов древнего Минска, Гродно, Чечерска Гомельской обл. и Смоленска окрашивались в черный цвет соединениями не марганца, а железа.⁹⁸

Стеклянные браслеты трех выделяемых нами областей отличаются и по химическому составу стекла,⁹⁹ что также в значительной степени обусловлено наличием того или иного сырья. Количественные анализы нескольких образцов херсонесских, а также беловежских браслетов свидетельствуют о полном тождестве их химического состава. Отличительной чертой тех и других является большое процентное содержание окиси натрия и почти полное отсутствие окиси свинца (натриево-кальцевое кремнеземное стекло).¹⁰⁰

Древнерусские стеклянные браслеты, напротив, состоят в основном из калийно-свинцового кремнеземного стекла.¹⁰¹ Химические анализы кавказских стеклянных браслетов, к сожалению, не производились.

По сравнению со стеклянными браслетами всех трех указанных выше областей их распространения браслеты Белой Вежи занимают особое положение.

Наряду с типами этого украшения сложной формы и орнаментации, имеющих сходство с кавказскими и византийскими образцами, в Белой Веже известно и большое количество круглых в поперечном сечении

⁹⁷ М. А. Безбородов, ук. соч., стр. 82 и 211.

⁹⁸ Там же, стр. 196—198, 200, табл. 23, №№ 9, 39, 48, 198; табл. 24, № 66.

⁹⁹ Качественные химические анализы некоторых образцов херсонесских, беловежских и русских браслетов были произведены при Кафедре стекла Технологического института им. Ленсовета в Ленинграде и в Лаборатории технологии стекла Белорусского политехнического института. Результаты анализов опубликованы в трудах Н. Н. Качалова и М. А. Безбородова (Н. Н. Качалов и В. В. Варгин, ук. соч., стр. 1034, табл. II, №№ 12, 14; М. А. Безбородов, ук. соч., табл. 25, №№ 22—24, 26, 27; табл. 26, №№ 105, 180, 201, 208).

¹⁰⁰ Сходство с херсонесскими черными и зелеными браслетами IX—XIII вв. (М. А. Безбородов, ук. соч., табл. 26, №№ 105, 108, 201, 208) обнаруживают как плоские и круглые голубые, так и круглые, треугольные и квадратные в поперечном сечении черные браслеты Белой Вежи (там же, табл. 25, №№ 202—204, 206, 207).

¹⁰¹ Там же, табл. 23, №№ 9, 10, 39, 53, 61, 182, 198; табл. 24, №№ 60, 62, 187; табл. 25, №№ 185, 186, 190, 193—196, 215.

⁹¹ G. R. Davidson, ук. соч., стр. 262, 263, №№ 2148—2159.

⁹² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 17.

⁹³ Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, стр. 290, Альбом «Абоба Плиска», табл. LVII, №№ 9—12.

⁹⁴ Н. Н. Качалов и В. В. Варгин, ук. соч., табл. I, №№ 14—16.

⁹⁵ Большая советская энциклопедия, т. 33, 1938, «кобальт», стр. 193, 195.

⁹⁶ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, табл. 25, №№ 203, 206, 207; Н. Н. Качалов и В. В. Варгин, ук. соч., табл. II, № 12, стр. 1034.

браслетов из черного стекла. По цвету стекла и применяемым красителям эти браслеты имеют сходство с продукцией кавказских городов, но отличаются от последних большей толщиной основного стержня браслета и грубостью обработки. Как уже говорилось выше, браслеты этого рода производят впечатление сделанных на месте. Существование в Белой Веже собственного производства стеклянных браслетов и тот факт, что при их обработке не применялись типичные для Византии и Закавказья приемы орнаментации, представляют для нас большой интерес. Это обстоятельство позволяет высказать пред-

положение, что первоначальное знакомство стеклоделов Древней Руси с производством стеклянных браслетов могло происходить именно в юго-восточных, завоеванных Свято-славом областях, в частности в Белой Веже.

Знакомство русских стеклоделов с производством стеклянных браслетов не непосредственно в Византии, а в более северных областях делает понятными специфические особенности производства на Руси этого типа украшений и то, что на Руси не применялись такие способы их орнаментации, как инкрустация и роспись по стеклу.

Датировка основных типов стеклянных браслетов Саркела—Белой Вежи по глубинам их залегания (641 браслет)

Глубины культурных слоев городища (в см)	Датировка культурных слоев городища	Основные типы браслетов из черного стекла					Основные типы браслетов из серовато-голубого и василькового стекла					Основные типы браслетов из химически стойкого стекла голубого, зеленого и коричневого цветов				Квадратные и поперечном сечении черные и зеленые расписные браслеты
		круглые	полукруглые	полукруглые инкрустированные	уплощенные и желобчатые	рифленные	круглые	уплощенные и желобчатые	уплощенные и желобчатые расписные	перевитые витками разноцветного стекла	круглые	уплощенные и желобчатые	треугольные	рифленные		
200—250	Первая половина XII в.	7	5	3	—	—	6	9	8	—	—	1	—	1	—	
150—200	Конец XI—начало XII в.	14	24	5	1	—	27	19	10	4	—	1	1	1	3	
100—150	XI в.	14	39	9	1	2	33	49	32	7	1	5	—	2	4	
75—100	Конец X в.	12	13	2	1	1	19	20	15	2	—	2	2	1	—	
50—75	30—60-е годы X в.	18	9	6	—	2	6	10	11	4	—	—	1	1	—	
0—50	Вторая половина IX—первая половина X в.	40	11	1	1	2	17	10	16	6	2	4	4	1	—	
Ямы в материке	Первая половина IX в.	13	3	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	

БУСЫ

Многочисленные стеклянные бусы Саркела—Белой Вежи, отличающиеся богатством форм и разнообразием цвета, насчитывают около 90 разновидностей. Однако, несмотря на такое разнообразие, по принципу изготовления их можно разделить в основном на три типа.¹⁰²

В основе изготовления бус первого типа лежит принцип накручивания на твердую основу расплавленной стеклянной массы (рис. 5, 1—8). Оплавленная и сглаженная поверхность подобных бус почти всегда носит на себе более или менее заметные следы способа изготовления. Легкие бороздки от неравномерного распределения стеклян-

¹⁰² В основу составленных советскими археологами классификаций стеклянных бус положены цвет стекла или форма бусины. — А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, вып. № 29, 1930, стр. 21—23; А. В. Арци-

ховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 28—35; Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. Труды Новгородск. археолог. экспед., т. I, МИА, № 55, 1956, стр. 165—179.

ной массы и тонкие разноцветные прожилки от случайных примесей в стекле, имеющиеся в поверхностном слое большей части древних стеклянных бус, у бус первого типа всегда тянутся от одного конца отверстия к другому, спирально опоясывая тело бусины (рис. 5, 1—3, 5, 7; 6, 1, 2, 10, 13; 7, 2).

Второй отличительной особенностью бус первого типа является цилиндрическое или слегка коническое отверстие, соответствующее величине и форме стержня, на который наматывалась стеклянная масса (рис. 5, 4).

Орнаментация бус первого типа также обусловлена способом их изготовления. Бусы этого рода обычно украшены вдавленными разноцветными глазками, валиками вокруг концов отверстия для нити, поперечными рядами волнистых нитей или нанесенными от руки продольными бороздками. Подобная орнаментация была легко выполнима, так как в процессе обработки бусина оставалась насаженной на твердую основу, и ее отверстие не деформировалось от нажима на поверхность (рис. 5, 5, 6, 8; 6, 4—20, 22, 26, 27).¹⁰³

В основе изготовления бус второго типа лежит принцип растягивания стеклянной массы. Бусы изготавливались из растянутых стеклянных трубочек (рис. 5, 9—13; 6, 24, 25). В результате простого деления трубочек разного диаметра на длинные и короткие куски получался рубленый бисер и длинные цилиндрические провизки (рис. 5, 9). Для изготовления одиночных округлых бусин и состоящих из нескольких округлых долек многочастных провизок стеклянную палочку предварительно перехватывали в нескольких местах простейшими щипцами и только после этого делили на части (рис. 5, 10—13; 6, 24, 25). Тоненькие неровности и бороздки на поверхности бус второго типа всегда тянутся прямо от одного конца отверстия к другому в направлении вытягивания первоначальной трубочки (рис. 5, 9, 10). Отверстие для нити не всегда остается цилиндрическим. У многочастных провизок и округлых единичных бус оно расширяется в середине каждой

дольки и суживается в местах наложения щипцов (рис. 5, 11).

Орнаментация бус второго типа, так же как и первого, полностью обусловлена техникой их изготовления и носит совершенно особый характер. Поверхность бус бывает украшена или слоем стекла другого оттенка или цвета («лимонки» или «полосатые» бусы) (рис. 5, 13), или ровными тоненькими рубчиками (эллипсоидные ребристые бусы) (рис. 5, 12). В отличие от бус первого типа, требовавших индивидуальной орнаментации каждого экземпляра, для получения целой серии «полосатых» или эллипсоидных ребристых бус было достаточно расчлнить на дольки длинную двуслойную или рифленую стеклянную трубочку.¹⁰⁴

Наряду с многочисленными «кручеными» бусами первой категории и сравнительно более редкими находками «тянутых» бус в Саркеле—Белой Веже было обнаружено еще несколько особого рода бус, не относящихся ни к одному из описанных выше типов.

Гладкая поверхность одной из них украшена двумя черными вытянутыми глазками в красных овалах. Глазки расположены строго один против другого и соединены тонкими светло-зелеными и темно-зелеными лучиками, покрывающими всю поверхность (рис. 7, 6).¹⁰⁵ При ближайшем рассмотрении данная глазчатая бусина не имеет ничего общего с глазчатыми бусами первого типа. Рисунок из лучиков и глазков составляет структуру самой бусины, а ее отверстие грубо прорезает рисунок из тонких зеленых нитей и создает впечатление специально проколото.¹⁰⁶

Таким образом, эта бусина представляет собой образец особого, третьего по счету способа изготовления (третий тип бус). По всей вероятности, в качестве основы такого рода бус брались многослойные стеклянные стерженьки, имевшие в разрезе рисунок в виде концентрических кругов и покрытые снаружи слоем из чередующихся в данном случае светло-зеленых и темно-зеленых

¹⁰³ Бусы первого типа настоящей классификации объединяют типы I—III, отчасти V—VII отдела I, тип I отдела II, типы I—V отдела «Бусы с рельефным и гладким узором» классификации Ю. Л. Щаповой, которая, как уже говорилось, распределяет материал по принципу формы и орнаментации.

¹⁰⁴ Бусы второго типа настоящей классификации объединяют тип IV, возможно, определенную часть типа V, тип VIII и IX отдела I, а также тип II отдела II классификации Ю. Л. Щаповой.

¹⁰⁵ 1951-II-743.

¹⁰⁶ Отверстия в бусах первого и второго типов не прокалывались, а образовывались механически в процессе обработки изделия.

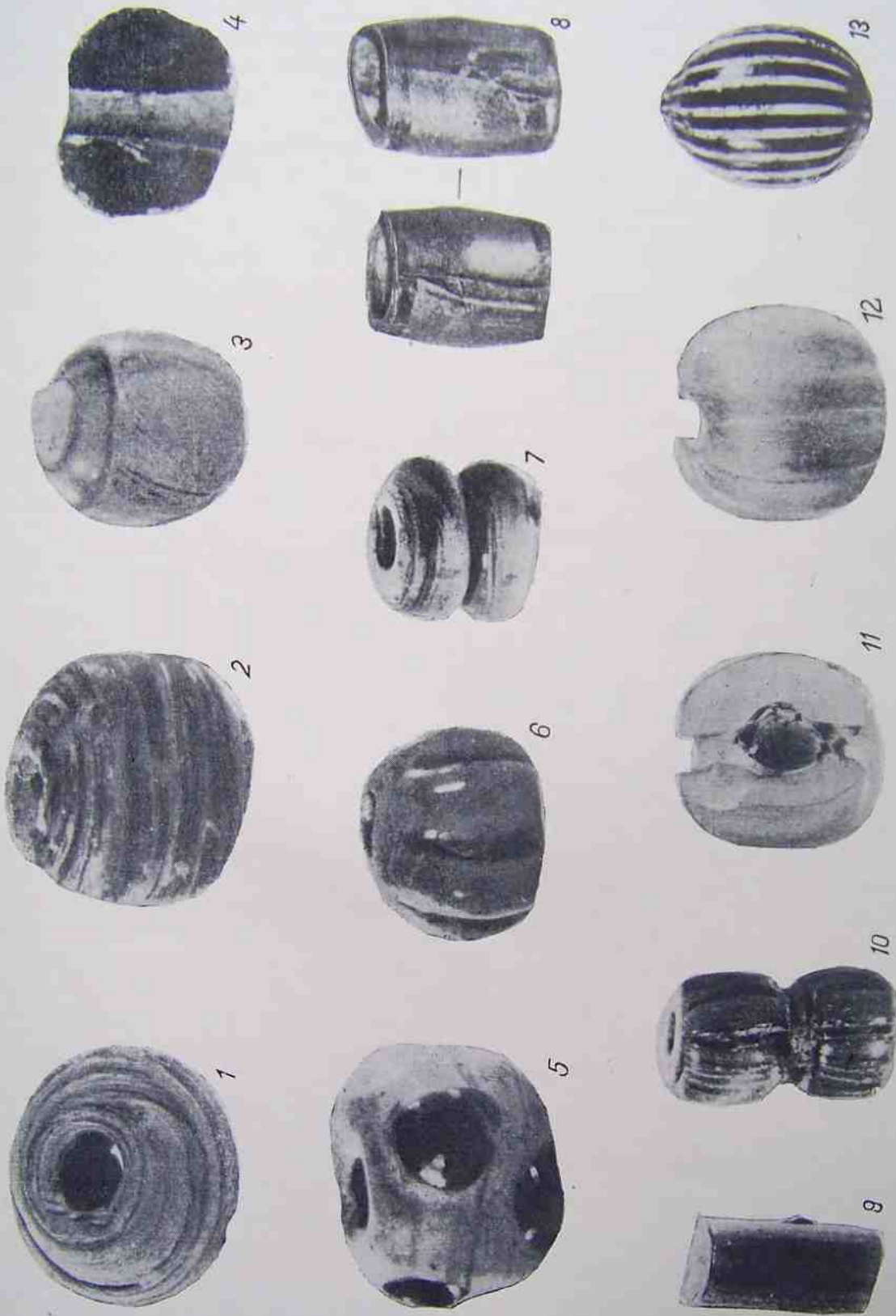

Рис. 5. Стекланные бусы Саркела—Белой Вежи. Способы изготовления. (3/1)

1—8 — образцы бус первой категории, изготовленных по принципу накручивания стеклнной массы на твердую основу; 9—13 — образцы бус второй категории, изготовленных из стеклнных трубочек.

продольных нитей. Куску такого стеклянного стержня придавали округлую форму и прокалывали его для получения отверстия для нити. Из согнутых пополам и проколотых в месте сгиба стеклянных стерженьков изготовлены синяя бусина, имеющая вид уплощенной таблетки, неправильно овальные бурые бусы, одна из которых украшена желтыми ободками вокруг отверстий, и бипирамидальные бусы с тонкими разводами белого и кофейного цвета.¹⁰⁷ (рис. 7, 4).

Таким образом, при ближайшем рассмотрении стеклянные бусы Саркела—Белой Вежи изготавливались тремя способами — наvertыванием вязкой стеклянной массы на твердую основу, вытягиванием и дальнейшим формованием стеклянных трубочек, а также прессованием стеклянной массы или отрезков стеклянных палочек с одновременным прокалыванием отверстия для нити. Как известно, все три способа изготовления стеклянных бус применялись еще в античности,¹⁰⁸ но в интересующее нас более позднее время проникновения их на территорию Восточной Европы могло происходить и не одновременно и не в том порядке, в котором они впервые начали применяться. При дальнейшем исследовании стеклянных бус Саркела—Белой Вежи следует остановиться на каждом их типе в отдельности.

Остановимся прежде всего на весьма немногочисленных в Саркеле—Белой Веже бусах второго и третьего типов.

Простейшим видом бус второго типа является бисер и цилиндрические пронизки. Три низки бисера из разноцветного стекла — бирюзового 624 экз., черного 240, прозрачного бесцветного 80 экз. — найдены в погребении № 141 могильника у крепостной стены. Две трубочки-пронизки — желтая и черная снаружи, зеленые внутри (рис. 5, 9), обнаружены на городище, одна из них — в слое XI в.¹⁰⁹

Бесцветные, иногда с коричневым оттенком стекла,¹¹⁰ желтые,¹¹¹ желтовато-зеленые¹¹² и темно-синие¹¹³ многочастные

пронизки обнаружены в слоях первой половины IX—30—60-х годах X в. (рис. 5, 10; 6, 24). К тому же времени относятся находки так называемых «полосатых» бус, внешняя поверхность которых состоит из чередующихся белых и черных полосок (рис. 5, 13),¹¹⁴ а также крупной белой ребристой бусины (рис. 5, 11, 12).¹¹⁵ На городище обнаружена и темно-синяя ребристая бусина второго типа, время бытования которой остается невыясненным (рис. 6, 25).¹¹⁶ Очень немногочисленные лимонки встречаются во всех культурных слоях городища — от второй половины IX в. до начала XII в.¹¹⁷ В слое XII в. обнаружены золоченая и бирюзовая двучастные пронизки.¹¹⁸ Находки единичных и сдвоенных бирюзовых полупрозрачных бус второго типа имеются и в могильнике на больших насыпях.¹¹⁹

В слоях XI в. встречаются, правда редко, мелкие черные сдвоенные или единичные бусы второго типа.¹²⁰ Значительно многочисленнее находки этих бус в могильнике за городской стеной, где в одном погребении зачастую попадаются целые ожерелья из 15—30 сдвоенных или единичных мелких черных бусин луковичной формы.¹²¹

Таким образом, весьма немногочисленные бусы второго типа встречаются одинаково во всех слоях городища с первой половины IX до первой половины XII в.

Однако, как известно, «тянутые» бусы второго типа и главным образом многочастные пронизки имеют аналогии, в основном в славянских, хазарских, болгарских и кавказских памятниках VIII—IX вв.,¹²² в частности в памятниках салтовской культуры и в нижних слоях городища Старой Ладogi. Наиболее характерны различные типы бус второго типа для памятников сал-

¹¹⁴ 1950-I-1536; 1951-Ia-115; 1951-II-1673.

¹¹⁵ 1951-II-1073.

¹¹⁶ 1934-1228.

¹¹⁷ Лимонками принято называть двучастные пронизки или единичные бусы второго типа из желтого стекла, отличительной особенностью которых является двуслойность их стенок. Бусы состоят из двух слоев желтого стекла — внутреннего мутноватого и верхнего более яркого (1950-II-763; 1950-I-889, 2097; 1951-II-1583, 2886; 1951-II-2309).

¹¹⁸ 1950-II-1614, 3292.

¹¹⁹ Кург. 17/10, погр. № 119; кург. 19/1, погр. № 1.

¹²⁰ 1951-II-1156, 1433, 2394.

¹²¹ Кург. 17/10, погр. № 119; кург. 19/1, погр. № 30; кург. 24/6, погр. № 32; погр. № 48.

¹²² Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладogi. СА, XIV, 1950, стр. 179.

¹⁰⁷ Попр. №№ 4, 20, 56.

¹⁰⁸ Anton K i s a. Das Glas im Altertume, Erster Teil. Leipzig, 1908, стр. 118, 122, 130.

¹⁰⁹ 1951-II-2391; 1951-II-2162.

¹¹⁰ 1951-II-2528; 1951-II-2032; 1951-Ia-230, 397.

¹¹¹ 1950-I-2087; 1950-II-892; 1951-Ia-396;

1951-II-583.

¹¹² 1951-II-1291.

¹¹³ 1950-II-1162, 1228.

товской культуры,¹²³ где наряду с различными видами многочастных пронизок и других бус второго типа встречаются и другие своеобразные виды этого украшения.

Известные в Белой Веже бусы третьего типа подобно бусам второго типа также имеют многочисленные аналогии в нижних слоях Старой Ладого и в памятниках салтовской культуры (VII—IX вв.).

Но старолadoжские бусы третьего типа имеют вид квадратных таблеток, на обеих сторонах которых расположены крупные глазки, соединенные, как и у бело-вежской бусины, тонкими зелеными нитями. Полные же аналогии глазчатой бусине Саркела—Белой Вежи имеются в Томниковском могильнике.¹²⁴

В памятниках салтовской культуры бусы третьего типа представлены значительно богаче. Наряду с описанными выше экземплярами бус третьего типа¹²⁵ в памятниках салтовской культуры встречаются самые разнообразные типы подобных бус — четырехугольные с тремя отверстиями,¹²⁶ квадратные,¹²⁷ грушевидные.¹²⁸

В то же время в материалах раскопок древнерусских курганов и городищ XI—XII вв. стеклянные бусы второго и третьего типов встречаются крайне редко.¹²⁹ Неизвестны они и в юго-восточных и коринфских материалах.¹³⁰

Все сказанное дает право рассматривать весьма немногочисленные в Саркеле—Бе-

¹²³ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1107, №№ 53, 141, 338, 473, 632, 712 и т. д. (село Верхнее Салтово, б. Волчанский уезд, Харьковской обл., раскопки В. А. Бабенко, 1905, 1906, 1911 гг., могильник и городище).

¹²⁴ Там же, колл. 759/1300.

¹²⁵ Там же, колл. 1107, №№ 46, 133, 142, 826, 853, 891, 943, 1096, 1178, 1711.

¹²⁶ Там же, колл. 1107, №№ 631, 778, 791, 956—958, 1073—1075, 1092—1094, 1186, 1534, 1719 и т. д.

¹²⁷ Там же, колл. 1107, №№ 350, 533, 1718 и т. д.

¹²⁸ Там же, колл. 1107, №№ 131, 132, 572, 573, 574 и т. д.

¹²⁹ ГИМ, Отд. археологии, хр. 4/7а, 76, 8а; № 38892, хр. 31/526, 123/27а, 35а; № 54721, хр. 31/446; материалы раскопок в Смоленской губ. Н. И. Булычева, в Полтавской губ. А. К. Городцова; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 624, 628, 669, 670, 673, 717, 810, 816—819, 856, 868, 1041, 1043.

¹³⁰ ГИМ, Отд. археологии, № 54746, хр. 52/5, оп. 483, № 12; колл. Секлера, № 58456; Музей истории Грузии, Отд. «Материальная культура феодального периода», колл. 3675; Гос. Эрмитаж, ОИСК, колл. СА, Мунчак-Тепе; G. R. Davidson, ук. соч.

лой Веже бусы второго и третьего типов в качестве случайных находок, в числе других более древних вещей, доживших до XI в.

Основную массу стеклянных бус Саркела—Белой Вежи составляют бусы первого типа, насчитывающие огромное количество разновидностей. Вследствие того, что все они изготовлены по одному принципу, обзор этой обширной категории стеклянных бус следует вести с учетом особенностей их орнаментации, а также некоторых свойств составляющей их стеклянной массы. По этим признакам все многочисленные в Белой Веже бусы первого типа разбиваются в свою очередь на две обширные группы.

Одну из них составляют бусы различной формы, состоящие в основном из полупрозрачного стекла, окрашенного в самые разнообразные цвета. Орнаментация бус этого рода бывает двойкой. В одних случаях тело бусины украшалось нанесенными от руки бороздками, в других — покрывалось листочками золотой фольги. Вторую группу составляют разнообразные бусы, состоящие в основном из черного или бурого непрозрачного стекла. Бусы этого рода орнаментировались по совершенно иному принципу — путем наложения и вдавления в поверхность бусины включений разноцветного стекла в виде глазков, нитей и разводов.

Остановимся прежде всего на первой группе первого типа.

Большую часть из них составляют мелкие и средней величины цилиндрические и средней величины бочонкообразные с легким ребром золоченые и серебряные бусы. Каждая такая бусина украшалась листочком золотой фольги, который в свою очередь покрывался сверху тонким листиком стекла. Из общего числа 1647 просмотренных стеклянных бус Белой Вежи они представлены 362 экземплярами (22%). Большая часть этих бус обнаружена в погребениях могильника на больших насыпях, где зачастую попадаются целые низки, состоящие из золоченых стеклянных бус. На самом городище их находки сравнительно редки. Небольшая бочонкообразная золоченая бусина обнаружена в слое второй половины IX—первой половины X в., три другие экземпляра — в слоях конца X—XI в.¹³¹

¹³¹ 1950-I-705; 1950-II-2050; 1951-II-2544; 1951-II-2053.

Редко встречаются золоченые бусы и в могильнике у стены городища.¹³²

Золоченые и серебряные бусы Белой Вежи имеют многочисленные аналогии в памятниках XI—XII вв. Древней Руси.¹³³ Датировка этих бус имеется в ряде работ, в частности А. А. Спицына и Ю. Л. Щановой.¹³⁴ Согласно определению А. А. Спицына, датирующего золоченые стеклянные бусы в зависимости от их формы и яркости позолоты, цилиндрические и бочонкообразные золоченые бусы Белой Вежи, украшенные сравнительно неяркой позолотой, датируются скорее всего временем не раньше XI в. Исключение составляют лишь четыре золоченые бусины бочонкообразной формы и небольшая приплюснутая бусина с ярко выраженным ребром. Позолота этих бус значительно более яркая, чем у других.

Кроме золоченых и серебряных бус, в Саркеле—Белой Веже встречаются также разноцветные полупрозрачные бусы первого типа самых разнообразных форм: округлые, листовидные, бочонкообразные, усеченно-биконические. В Белой Веже бусы этих видов встречаются преимущественно в слоях конца X—начала XII в. Особенно типичны для Белой Вежи наиболее распространенные на Руси округлые полупрозрачные желтые бусы, большая часть которых обнаружена в слоях конца XI—начала XII в.¹³⁵ В могильниках желтые округлые бусы встречаются реже.¹³⁶

Округлые полупрозрачные фиолетовые и бирюзовые бусы найдены только в трех погребениях грунтового могильника.¹³⁷ В Белой Веже известны и сильно приплюснутые округлые, часто сдвоенные, полупрозрачные разноцветные бусы. Редки находки

подобного рода бус из желтого и зеленого полупрозрачного стекла; они попадаются преимущественно в славянских слоях городища, а также в погребениях обоих могильников.¹³⁸

Далее следует остановиться на биконических (усеченных) полупрозрачных разноцветных бусах. На городище они почти неизвестны. Бирюзовая биконическая бусина найдена в слое конца XI—начала XII в.

Желтые и розовато-коричневые биконические бусы встречаются в погребениях могильника на больших насыпях.¹³⁹

В Белой Веже известны и другие формы разноцветных полупрозрачных бус первого типа, в частности бусы, имеющие вид цилиндрической трубочки, как бы состоящей из свернутого куска стеклянной ленты. Наружная поверхность орнаментирована спирально опоясывающим бусину желобком и пересекающими его продольными бороздками. На городище бусы подобного рода типичны для славянских слоев. Их многочисленные находки известны и в могильнике на больших насыпях.¹⁴⁰

Листовидная желтая полупрозрачная бусина обнаружена в слое конца XI—начала XII в.¹⁴¹

Находки округлых ребристых бус встречаются весьма редко.¹⁴² Бирюзовая ребристая бусина была обнаружена в слое 30—60-х годов X в., подобная же зеленая бусина небольшой величины — в слое второй половины X в. Единичные находки желтых, зеленых и бирюзовых ребристых бус встречаются в погребениях могильника¹⁴³ на больших насыпях.

Как известно, большая часть перечисленных форм разноцветных полупрозрачных стеклянных бус первого типа встречается и в других древнерусских памятниках до-

¹³² Погр. № 77.

¹³³ ГИМ, Отд. археологии, хр. 41/7а, 7б, 8а; хр. 121/30б; № 38892, хр. 31/52б, 123/27а, 35а; № 54721, хр. 31/44б; № 54746, хр. 121/1а, 7а, 10а, 57а; хр. 123/8а; № 55421, хр. 121/25а. Материалы раскопок в Смоленской губ. Н. Н. Булычева, в Полтавский губ. А. К. Городцова; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 628, 669, 670, 673, 717, 810, 816—819, 85б, 86б, 870, 1041.

¹³⁴ А. А. Спицын, ук. соч.; Ю. Л. Щанова, ук. соч.

¹³⁵ 1949-595, 952, 1417; 1950-II-45, 328, 428, 67б, 1189; 1950-I-82, 608, 971; 1951-II-108, 357, 359, 400, 401, 2123, 2147, 2307, 2984; 1951-II-124, 1057, 1247.

¹³⁶ Погр. №№ 33, 5б; кург. 25/1, погр. № 27; кург. 24/б, погр. № 49.

¹³⁷ Погр. №№ 33, 5б, 57.

¹³⁸ 1949-605, 643, 782; 1950-II-275, 511; 1951-II-505; 1951-II-1251, 1318, 2344; погр. №№ 20, 82; кург. 17/10, погр. № 7; кург. 19/1, погр. № 26.

¹³⁹ Кург. 17/10, погр. №№ 57, 113.

¹⁴⁰ 1949-298, 77б, 782, 854; 1951-II-1022; 1951-II-1395, 2077; кург. 17/10, погр. №№ 49, 107, 137; кург. 24/6, погр. №№ 99, 113.

¹⁴¹ 1951-II-219.

¹⁴² Ребристые бусы первого типа (тип I отдела II по классификации Ю. Л. Щановой) не имеют ничего общего с упоминаемыми выше ребристыми бусами второго типа (тип II отдела II Ю. Л. Щановой).

¹⁴³ 1949-600; 1951-II-1235; кург. 17/10, погр. №№ 15, 107; кург. 24/6, погр. № 70.

монгольского времени.¹⁴⁴ Так, из общего числа 402 просмотренных нами стеклянных бус из раскопок бывшей Костромской губернии разноцветные полупрозрачные, различной формы бусы первого типа составляют приблизительно 90%.¹⁴⁵

Далее следует остановиться на второй группе бус первого типа. Как уже говорилось выше, бусы этой группы состоят в основ-

как в могильниках,¹⁴⁶ так и на городище,¹⁴⁷ где встречаются во всех слоях.

В нижних слоях городища и в погребениях могильника на больших насыпях обнаружено несколько вытянутых, неправильной формы черных непрозрачных бусин (рис. 6, 3).¹⁴⁸ Сильно сплюснутые округлые черные бусы известны только в погребениях за городской стеной.¹⁴⁹

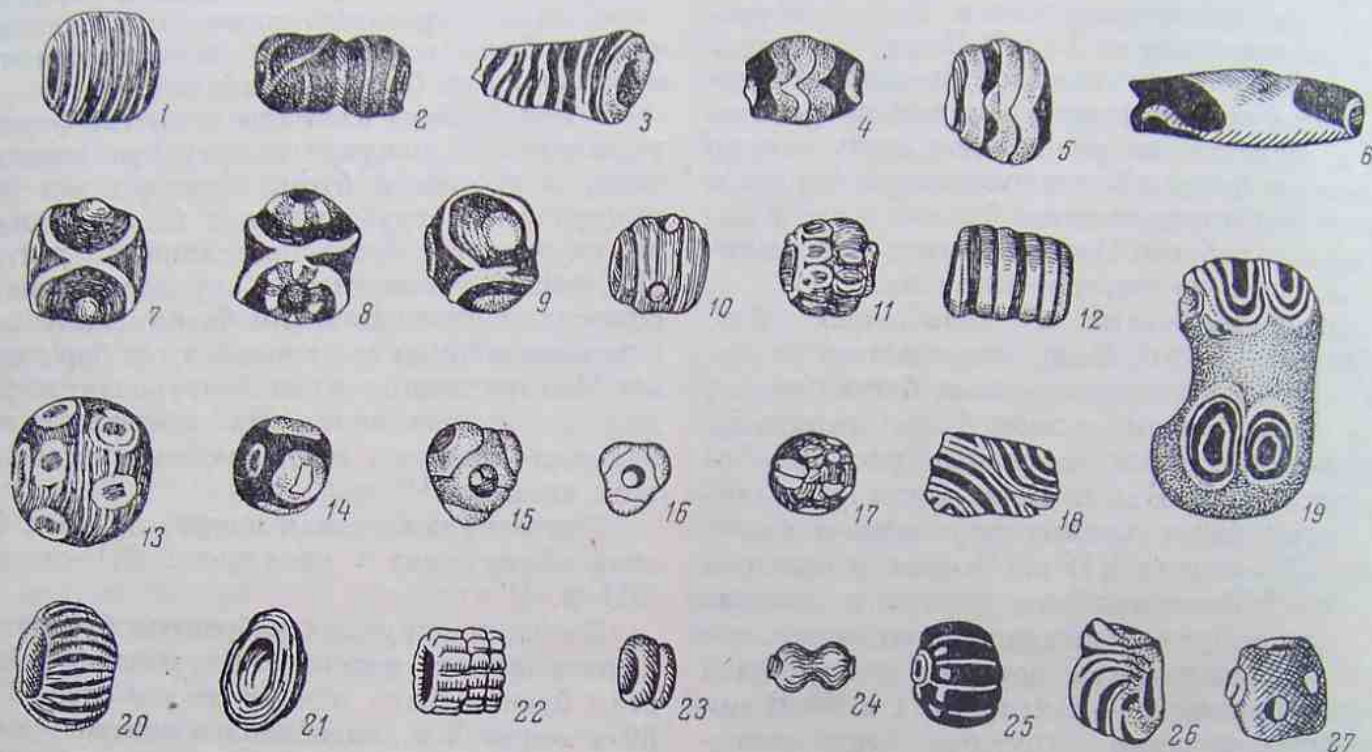

Рис. 6. Образцы стеклянных бус Саркела—Белой Вежи. (н. в.)
1—23, 26, 27 — бусы первой категории; 24, 25 — бусы второй категории.

ном из бурого или черного стекла и орнаментированы посредством инкрустации. Различные виды бус этой группы встречаются как в хазарских, так и в славянских слоях городища, а также в могильнике за крепостной стеной. В могильнике на больших насыпях их находки более редки.

Перейдем к более детальному описанию каждого вида этих бус.

Прежде всего значительный процент из них составляют неорнаментированные округлые, несколько сплюснутые, иногда сдвоенные черные бусы различной величины (рис. 6, 1, 2). Такие бусы обнаружены

Кроме неорнаментированных, значительный процент бус второй группы первого типа составляют также экземпляры, поверхность которых украшена разноцветными стеклянными полосками. Из них в первую очередь следует остановиться на округлых, немного вытянутых бусах из черного стекла, украшенных поперечными рядами разноцветных полосок, в одном месте как бы вздернутых вверх (рис. 6, 4, 5). В большом количестве бусы этого типа встречаются

¹⁴⁴ Погр. №№ 57, 119; кург. 24/6, погр. № 2160; кург. 19/1, погр. № 27; кург. 17/10, погр. № 7; кург. 25/1, погр. № 26.

¹⁴⁷ 1934-1216; 1949-1894; 1950-I-932; 1951-II-103-1188, 2330, 3307, 3395; 1951-II-927, 2395.

¹⁴⁸ 1934-226; 1949-1574; кург. 7/10, погр. № 137.

¹⁴⁹ Погр. №№ 20, 87.

¹⁴⁴ См. прим. 133 на стр. 327.

¹⁴⁵ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 624, 1043 (материалы раскопок Нефедова в 1895—1896 гг. в бывшей Костромской губернии).

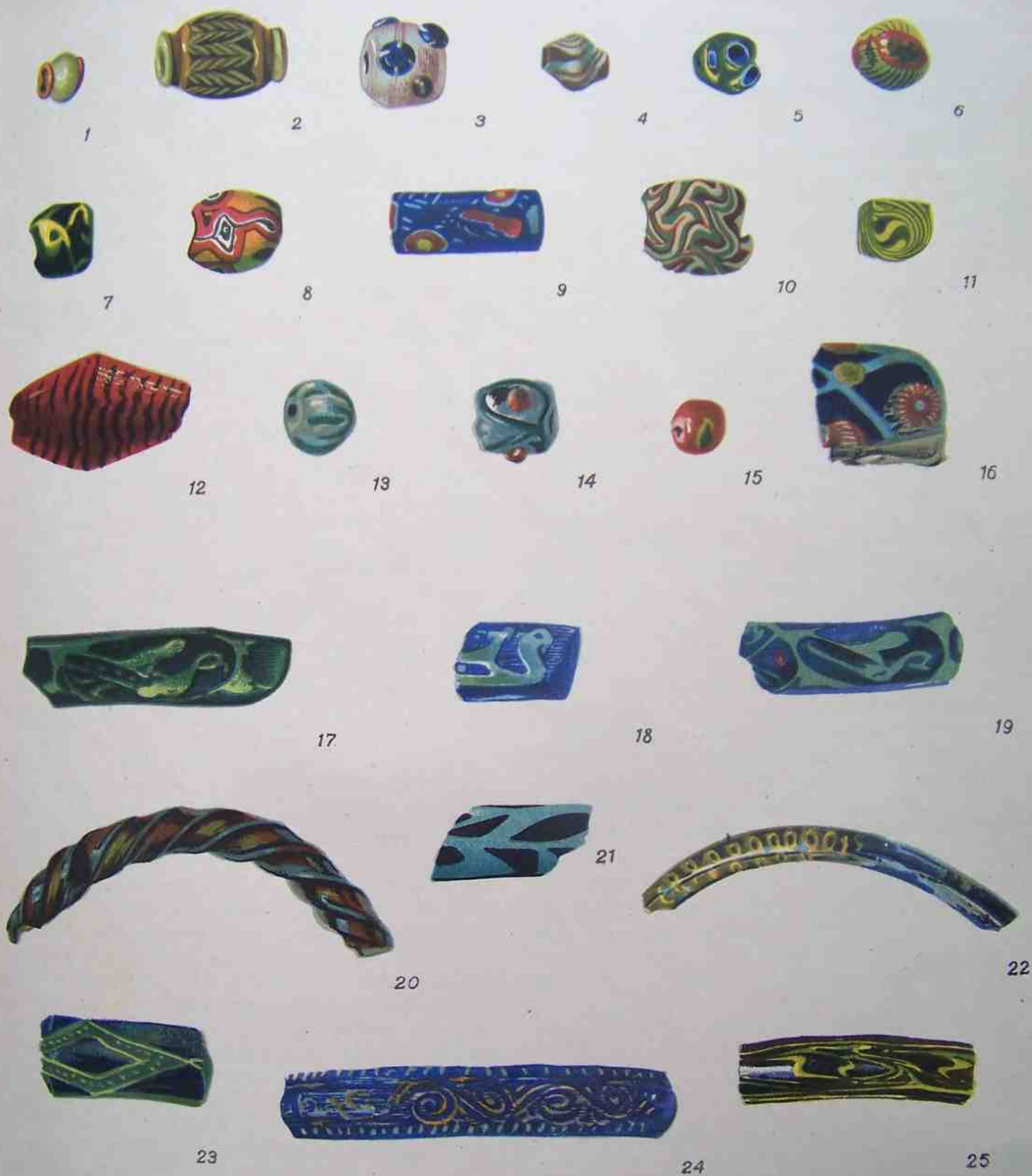

Рис. 7. Стекланные браслеты и бусы Саркела—Белой Вежи. (н. в.).
 1—3, 7—16 — бусы первой категории; 4—6 — бусы третьей категории; 17—25 — стекланные браслеты.

преимущественно в верхних слоях городища, датирующихся второй половиной X—концом XI в.¹⁵⁰ Две цилиндрические черные бусины, украшенные рядами таких же полос, обнаружены в слое конца XI—начала XII в.¹⁵¹

Несколько подобных же бус, отличающихся, однако, значительными размерами (диаметр 7 мм, длина 15 мм), обнаружено исключительно в могильниках. Это цилиндрические, округлые или усеченно-биконические бусы из черного или бурого стекла, украшенные рядами разноцветных волнистых линий (рис. 7, 12).¹⁵²

В Саркеле бытовали и другие виды бус из черного непрозрачного стекла, в том числе и округлые вытянутые бусы, наружная поверхность которых украшена грубыми зелеными разводами (рис. 6, 6).¹⁵³

Другие бусы украшены более сложным орнаментом. Прежде всего это сравнительно короткие, почти квадратные в продольном сечении цилиндрические бусы из заглашенного стекла черного или коричневого цвета. Тщательно оплавленная и блестящая поверхность этих бус украшена не только поперечными рядами зигзагообразных разноцветных линий, но и продольными тонкими желобками. Такие бусы встречаются как в инвентаре грунтового могильника (погребения №№ 14, 20, 82), так и на городище.

Ко второй группе первого же типа относится ряд стеклянных бус, главной особенностью которых являются разноцветные стеклянные валики вокруг каждого конца отверстия для нити.

В слое середины X в. обнаружена бурая непрозрачная цилиндрическая бусина с серыми валиками на обоих концах отверстия. Ее поверхность украшена белой зигзагообразной нитью. Концом XI в. датируется округлая вытянутая серая бусина с желтыми валиками на концах отверстия. Ее гладкая блестящая поверхность украшена белыми петлеобразными лентами. К этому же времени относится округлая белая непрозрачная бусина с блестящей поверхностью и широким отверстием для нити, оба выхода кото-

рого окаймлены желтыми валиками (рис. 7, 1).¹⁵⁴

Десять подобных же зеленых бус было обнаружено в погребении могильника у стены городища (погребение № 87). Кроме того, на городище найдены еще две бусины подобного типа. Одна из них бочонкообразная, серая, непрозрачная, с желтыми валиками. Бусина украшена продольными желобками и поперечными рядами расчесанных в виде елочки белых нитей (рис. 7, 2).¹⁵⁵ Вторая бусина цилиндрической формы из светло-коричневого заглашенного стекла. Ее тело опоясано зигзагообразной белой линией.¹⁵⁶ Время бытования обеих бус нам неизвестно.

Неменьший интерес представляет и половинка черной бусины, гладкая поверхность которой сплошь заполнена белыми, красными и желтыми разводами (рис. 7, 8).¹⁵⁷

Особое место среди бус второй группы занимают бусы, украшенные цветными глазками.

Из них прежде всего остановимся на самых несложных по способу орнаментации округлых бурых и черных бусах, поверхность которых сплошь исцещрена мелкими включениями разноцветного стекла (рис. 6, 17). На городище они встречаются в слоях конца XI—начала XII в. Находки подобных бус известны и в могильниках.¹⁵⁸

Неменьший интерес представляют и сильно сплюснутые округлые бусы, украшенные обычно тремя глазками — желтыми или зелеными в желтых ободках. Если смотреть со стороны отверстия, эти бусы производят впечатление треугольников с закругленными углами, которые образуются выступающими глазками (рис. 6, 15, 16). Они встречаются как в нижних слоях второй половины IX—первой половины X в., так и в верхних славянских — конца XI—начала XII в.,¹⁵⁹ а также в окружающих городище могильниках.¹⁶⁰

¹⁵⁴ 1950-II-1455; 1951-Ц-479, 2612.

¹⁵⁵ 1949-483.

¹⁵⁶ 1934-455.

¹⁵⁷ 1951-II-1335.

¹⁵⁸ 1949-257; 1950-I-1335; погр. №№ 33, 87; кург. 24/6, погр. № 32; кург. 7/10.

¹⁵⁹ 1949-1616; 1950-I-372; 1992; 1951-Ц-59, 105, 395, 833, 2493; 1951-II-2008, 2052, 2586.

¹⁶⁰ Погр. №№ 56, 141; кург. 17/10, погр. №№ 6, 7, 31, 35, 49, 57, 70, 107, 156; кург. 19/1, погр. №№ 26, 30, 48; кург. 24/6, погр. №№ 4, 32, 48, 65, 89, 99; кург. 32/8, погр. № 3.

¹⁵⁰ 1950-I-1228, 1282; 1950-II-631; 759, 846, 2322, 2999; 1951-Ц-21; 1951-Ia-11, 163.

¹⁵¹ 1950-II-850, 2221.

¹⁵² Погр. №№ 56, 82, 141; кург. 26/2, погр. № 1.

¹⁵³ 1934-1186.

Бусы этого рода крайне разнообразны. Наряду с бурыми зачастую попадаются черные и зеленые экземпляры. Встречаются в Саркеле—Белой Веже и округлые черные бусы, украшенные белыми, не выступающими над поверхностью глазками в чередующихся белых и черных концентрических кругах, одна из которых обнаружена в слое первой половины IX в.¹⁶¹ У других округлых черных бус этого типа расцветка глазков несколько иная. Синее ядрышко глазка окружено чередующимися белыми и черными концентрическими кружками.¹⁶² Согласно наблюдению Эйзена, исследовавшего глазчатые бусы по материалам западноевропейских, американских и египетских музеев, украшающие бусы глазки выполнялись различными способами.¹⁶³

То же самое наблюдается и при осмотре глазчатых бус, обнаруженных в Саркеле—Белой Веже. В частности, стеклянные глазки перечисленных выше типов бус представляют собой расположенные одна на другой капли стекла разного цвета. Меньшая, верхняя капля, например, синего цвета составляет ядрышко глазка, а нижняя капля другого цвета, выступающая со всех сторон из-под верхней, выглядит как белый ободок вокруг синего ядрышка.

Стеклянные бусы всех перечисленных выше видов имеют многочисленные аналогии преимущественно в юго-восточных областях — на северном и северо-западном Каспийском побережье, в Средней Азии, в районах Среднего течения Волги. А. Ф. Лихачев отмечает большое количество черных стеклянных бус, украшенных «пестрой стеклянной массой» именно среди болгарских древностей.¹⁶⁴ Непосредственный просмотр коллекций, хранящихся в разных музеях СССР, также создает впечатление о преобладании в юго-восточных областях черных непрозрачных, часто украшенных разноцветными нитями стеклянных бус.¹⁶⁵ Прежде всего это округлые, иногда несколько сплюснен-

ные или, наоборот, вытянутые черные непрозрачные бусы, зачастую украшенные поперечными рядами волнистых линий и имеющие несомненное сходство с аналогичными бусами Белой Вежи. В коллекциях имеются и цилиндрические серые непрозрачные бусы, украшенные продольными бороздками, поперек которых их опоясывают ряды зигзагообразных желтых полосок. Сходство с беловежскими имеют и бусы бочонкообразные бусы с белыми или желтыми валиками у обоих концов отверстия для нити, а также округлые, немного сплюснутые черные бусы, инкрустированные по поверхности мелкими крошками разноцветного стекла, и округлые вытянутые черные непрозрачные с разноцветными разводами. Как уже было сказано выше, в Белой Веже встречаются подобные бусы с зелеными разводами.

Многие из перечисленных видов бус встречаются также в слоях XI—XIII вв. среднеазиатского города Мунчак-Тепе. Среди них прежде всего следует упомянуть об округлых черных бусах, украшенных белыми или синими глазками в чередующихся разноцветных овалах.¹⁶⁶

Следы производства черных глазчатых бус, украшавшихся подобными глазками, были обнаружены и в среднеазиатском городе IX—X вв. Афрасиабе.¹⁶⁷ Аналогичные беловежским бусы с такими же белыми глазками встречаются и в памятниках салтовской культуры.¹⁶⁸

Наиболее типичны для Мунчак-Тепе и округлые черные бусы, украшенные желтыми, белыми, красными и черными разводами.¹⁶⁹ Наряду с ними в Мунчак-Тепе бытовали аналогичные бусы, украшенные разводами белого и черного стекла.¹⁷⁰ Одна из известных нам бус этого вида дополнительно украшена желтыми валиками вокруг отверстия для нити.¹⁷¹

ская губерния, Спасский уезд, Болгарское городище); музей истории Грузии, раскопки в Дагестане, колл. 3675.

¹⁶⁶ Гос. Эрмитаж, ОИСВ, СА-8529, 12356, 12377, 12378, 12387, 12408, 12417.

¹⁶⁷ А. С. Боброва. Бусы из Афрасиабы. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 121—123.

¹⁶⁸ Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1107, №№ 107, 399, 633, 853, 856, 1178, 1618.

¹⁶⁹ Там же, ОИСВ, СА-12352, 12370, 12383, 12392.

¹⁷⁰ Там же, СА-12362, 12395, 12396, 12398, 12399, 12400, 12401, 12402.

¹⁷¹ Там же, СА-12403.

¹⁶¹ 1951-II-1516; 1950-II-1314.

¹⁶² 1950-I-756; погр. № 57.

¹⁶³ Gustavus Eisen. The Characteristics of the Beads from the earliest Times to the Present. Amer. Journ. of Archaeolog., v. XX, Number 1, 1916.

¹⁶⁴ А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Болгарии. Тр. II АС, т. I, 1876, стр. 34.

¹⁶⁵ ГИМ, Отд. археологии, хр. 52/5, № 54746, оп. 483, № 1—12 (Астраханская или Саратовская губерния, колл. Оружейной палаты или материалы проф. Ешевского); колл. Секлера, № 58456 (Казан-

В Коринфе некоторые виды интересующих нас бус встречаются преимущественно в ранних слоях города. Так, небольшие цилиндрические темные непрозрачные бусы с рядами белых зигзагообразных полос бытовали в Коринфе еще в греческий период.¹⁷² Сплюснутые цилиндрические бусы с разноцветными валиками по концам отверстия для нити датируются тем же временем. Их поверхность украшена продольными бороздками и рядами зигзагообразных расчесов.¹⁷³ Округлые темные бусы, украшенные рядами таких же «расчесов», характерны для византийского периода жизни Коринфа.¹⁷⁴ Встречаются перечисленные выше виды бус и в древнерусских могильниках и городищах. Однако если в материалах указанных выше коллекций они составляют большую часть украшений подобного вида, то в материалах раскопок древнерусских могильников и городищ такие бусы представлены в очень незначительном количестве. Так, например, из общего числа 3468 просмотренных нами бус бывшей Владимирской губернии черные вытянутые, с расширяющейся средней частью бусы, украшенные разноцветными разводами, составляют 0.5% (18 экз.), а черные округлые бусы, поверхность которых испещрена разноцветными крошками, — 0.058%.¹⁷⁵

Таким образом, бусы второй группы первого типа в основном можно считать привозными с юго-востока — из Болгар и Средней Азии.

Не менее интересна в этом отношении и округлая зеленовато-бурая бусина с желтым петлеобразным узором, обнаруженная в слое второй половины IX — первой половины X в. (рис. 7, 7).¹⁷⁶ Две подобные бусины из заглашенного темно-голубого стекла с желтыми и белыми петлями известны из раскопок в Коринфе. Одна из них датируется X в., другая — временем не позднее XII в.¹⁷⁷

Таким образом, встречающиеся при раскопках Саркела—Белой Вежи стеклянные бусы первого типа как и браслеты в основном можно разделить на 2 обширные группы. Одна из них объединяет инкрустированные бусы из черного стекла юго-восточного происхождения, бытовавшие на всем протяжении существования Саркела—Белой Вежи и наиболее типичные для могильника за крепостной стеной. Вторую группу составляют разноцветные полупрозрачные бусы, известные в Древней Руси. Находки этих бус характерны для славянских слоев городища и могильника на больших насыпях.

Однако, кроме вышеописанных видов бус первого типа, на городище и в могильниках было обнаружено большое количество самых разнообразных видов этого украшения, происхождение которых для нас остается неясным. Из них в первую очередь следует назвать небольшую округлую, несколько вытянутую темно-зеленую бусинку с тонкими желтыми разводами (рис. 7, 11). Подобная же бусина несколько большей величины найдена в погребении могильника на больших насыпях.¹⁷⁸ Весьма интересным является тот факт, что на городище, кроме вышеупомянутой зеленой бусины, были найдены фрагменты двух подобных ей браслетов из темно-зеленого заглашенного стекла с тонкими желтыми разводами. Один из обломков обнаружен в слое второй половины X в. (рис. 7, 25).¹⁷⁹

В слое первой половины IX в. встречена и другая весьма тонко обработанная стеклянная бусина, основа которой состоит из заглашенного светло-желтого стекла. Гладкая блестящая поверхность ее украшена рядами зигзагообразных линий зеленого, белого и коричневого цветов (рис. 7, 10). Подобная же бусина из зеленого заглашенного стекла, украшенная коричневыми, зелеными и желтыми зигзагообразными линиями, была обнаружена в могильнике на больших насыпях.¹⁸⁰

Далее следует остановиться на глазчатых бусах, орнаментированных несколько иначе, нежели экземпляры, описанные выше. Глазки этих бус представляют собой отрезки многослойных стеклянных палочек, имеющих в разрезе определенный рисунок.

¹⁷² G. R. Davidson, ук. соч., табл. 122, №№ 2457, 2458.

¹⁷³ Там же, № 2456.

¹⁷⁴ Там же, №№ 2459, 2462.

¹⁷⁵ ГИМ, Отд. археологии, № 54746, хр. 121/1а, 121/7а, 121/10а, 121/57а, 123/8а; № 55421, хр. 121/25а, 121/30б (материалы раскопок А. С. Уварова во Владимирской губернии).

¹⁷⁶ 1951-1-222.

¹⁷⁷ G. R. Davidson, ук. соч., табл. 122, №№ 2453, 2454.

¹⁷⁸ 1951-1817; кург. 19/1, погр. № 27.

¹⁷⁹ 1934-1223; 1951-Ц-750.

¹⁸⁰ 1950-1-1283; кург. 24/6, погр. № 5.

Подобные глазки вдавливались в мягкую поверхность еще не остывшей бусины уже готовыми. Среди таких глазчатых бус составляют значительный процент округлые черные экземпляры, пестрые глазки которых заключены в соприкасающиеся между собой овалы из нитей чаще всего зеленого стекла (рис. 6, 7—9; 7, 14).¹⁸¹ Бусы этого рода встречаются во всех слоях городища и имеют аналогии в древнерусских памятниках X в.¹⁸²

Из глазчатых бус данного вида особого внимания заслуживают два экземпляра (1951-II-738, 2380). Первый из них представляет собой обломок четырехугольной, с закругленными углами черной бусины (длина 2 см, ширина 1,7 см; рис. 7, 16). Другие образцы подобной формы и величины нам неизвестны. Наружная поверхность бусины украшена цветными глазками и светло-зелеными лентами, отделяющими один глазок от другого. Интересной особенностью бусины является и то, что цветные глазки в виде отрезков многослойных стеклянных трубочек вставлены не прямо в тело бусины, а в капли желтого стекла, образующие как бы рамки вокруг глазков. Бусина слеплена из двух частей. На месте их соединения прерывается рисунок из глазков и лент.

Другая таким же образом орнаментированная, но округлая бусина также отличается большими размерами (длина 2 см, ширина 1,5 см).

В подобной же технике исполнены и некоторые другие обнаруженные на городище глазчатые бусы. Из них голубовато-белая округлая бусина, украшенная ярко-синими глазками с белыми ресничками по краям, найдена в слое второй половины IX—первой половины X в. (рис. 7, 3).¹⁸³ Крупная округлая, несколько вытянутая бусина из заглашенного бирюзового стекла с выступающими глазками относится к первой половине IX в.¹⁸⁴

Особый интерес представляют три ожерелья, состоящие из самых разнообразных

видов глазчатых бус первого типа. Одно из них, датируемое второй половиной X—XI в., представляет собой набор из девяти несколько приплюснутых округлых бусин из заглашенного стекла черного, зеленого, темно-синего и кирпично-красного цветов. Бусы украшены глазками в виде многослойных стеклянных трубочек с черной серединкой, от которой отходят белые и красные лучики.¹⁸⁵

Два другие ожерелья, обнаруженные в слоях второй половины IX—первой половины X в., состоят в основном из описанных выше черных глазчатых бус с глазками, заключенными в овалы из зеленых стеклянных нитей; однако, в их состав входят и другие виды бус, в частности, округлые коричневые бусы, гладкая блестящая поверхность которых украшена зелеными глазками в желтых кружках (рис. 7, 15).¹⁸⁶ Отдельно подобная бусина найдена на городище в слое второй половины IX—первой половины X в.¹⁸⁷

В состав одного из ожерелий, наряду с описанными выше двумя видами бус, входят и округлые, немного вытянутые ребристые бусы из бирюзового заглашенного стекла (рис. 7, 13).¹⁸⁸ Бусы подобного рода нигде не встречены.

Кроме перечисленных выше образцов, на городище и в могильниках было найдено большое количество самых разнообразных видов бус первого типа, аналогии которым нам также неизвестны.

Таким образом, исследование стеклянных бус Саркела—Белой Вежи представляет большие трудности и далеко не завершено. Однако уже на данном этапе их исследования стеклянные бусы Саркела—Белой Вежи представляют исключительный интерес не только как показатель широких культурных и торговых связей юго-восточных русских городов — на многочисленном материале Белой Вежи прослеживается смена двух древнейших способов изготовления стеклянных бус, распространенных в VIII—IX вв. на территории Восточной Европы, третьим, применяющимся в более позднее время.

¹⁸¹ 1950-I-1228, 1282; 1950-II-631, 759, 846, 1143, 1144, 1220, 1613, 1730, 1755, 1984, 2029, 2327, 2908; 1951-II-1023, 3082, 3086, 3334; 1951-Ia-244; 1951-II-738, 844, 1557, 2380.

¹⁸² Ф. Д. Гуревич, ук. соч. стр. 179.

¹⁸³ 1951-II-1214.

¹⁸⁴ 1950-II-3206.

¹⁸⁵ 1950-II-2999.

¹⁸⁶ 1951-II-3086, 3334.

¹⁸⁷ 1951-II-1937.

¹⁸⁸ 1951-II-3334.

А. В. Банк

ГРЕБЕНЬ ИЗ САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

Во время раскопок в Саркеле—Белой Веже в 1951 г. на высоте 1.20 м от материка, у стены цитадели (в западной части квадрата D_1-G_2), в глинистом мусорном слое, был найден гребень из слоновой кости, представляющий большой интерес.¹

Некоторые повреждения (часть края и довольно большое число зубцов с «частой стороны» обломаны, небольшой кусок выломан по фону, около головы льва) не коснулись имеющихся на нем изображений. Размеры гребня в настоящее время составляют 12 см в высоту, 8.5 см в ширину, наибольшая толщина около 1.5 см. Если восполнить недостающую часть края, ширина гребня достигнет почти 10 см.

О длительном употреблении гребня говорят как значительная потертость изображений, так и, особенно, сношенность зубцов.

Характерна насадка зубцов на «редкой стороне»: между ними образованы округлые углубления, как бы заключенные в квадратные обрамления; у основания зубцов на частой стороне — небольшие округлые утолщения.

На обеих сторонах гребня углубленное сверху закругленное поле ограничено узеньким гладким обрамлением. За пределами рамки справа и слева вырезана плетенка из двойной ленты.

Трудно определить лицевую сторону гребня, поскольку на обеих его сторонах имеются

сюжетные изображения. На одной из них (рис. 1) представлен в центре павлин в фас, с распущенным как бы в виде колеса хвостом, голова его (с хохолком) обращена влево. Фигура птицы влетена в растительный орнамент: павлин представлен на фоне симметрично расходящихся в обе стороны ветвей с листьями в виде пальметок усложненной формы. У ног павлина изображены бегущие влево животные: слева скачущий заяц, справа, по всей видимости, преследующая его собака.

На другой стороне (рис. 2) представлена более сложная сцена: правую, большую часть поля занимает группа, изображающая мужскую безбородую фигуру в профиль вправо, разрывающую пасть льву; слева отделенная стилизованным деревом фигура юноши, держащего в правой, приподнятой руке занесенный на уровень головы меч, а в левой — круглый орнаментированный щит. Юноша изображен в повороте $3/4$, идущим вправо.

По-видимому, в основе этой композиции лежит сцена, представляющая Самсона или Давида, разрывающего пасть льву; труднее воспринять ее, в частности по характеру одежды, как изображение Геракла. Библейский сюжет также подвергся переосмыслению, приняв характер охотничьей сцены, в которую, очевидно, включена и фигура с мечом и щитом, обычно не входящая в данную композицию.

Фигуры различаются пропорциями (возможно, в некоторой зависимости от занимаемого ими места — в повышенной или пониженной части поля). Правая, более высокая

¹ М. И. Артамонов Саркел—Белая Вежа Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 74—75, рис. 51, 2.

и тонкая, с удлинённым овалом лица, вьющимися волосами, одета в длинную, напоминающую кафтан одежду с оторочкой по борту и подолу, быть может воспроизводящей украшение геммами. На плечи накинут плащ, развевающийся конец которого сливается с деревом. Левая, приземистая фигура с ши-

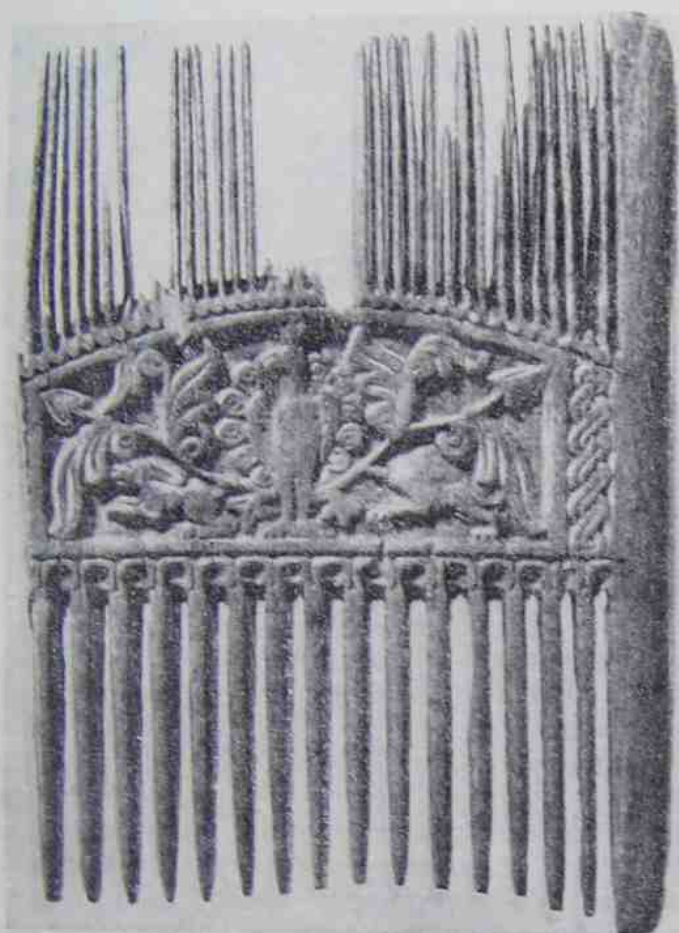

Рис. 1. Гребень из Белой Вежи. Общий вид. Лицевая сторона.

роким овалом лица и курчавыми волосами, одета в простую тунику. У обоих непропорционально короткие ноги с большими ступнями, переданные с максимальным схематизмом.

Лев несколько укороченных пропорций, быть может представлен в ракурсе, с поднятой правой лапой; характерен орнаментальный хвост (приближающийся по форме к пальметке), поднятый почти вертикально. Шкура отмечена углубленными точками.

Гребни подобной формы, размера и декоративного богатства дошли до нашего времени в очень небольшом числе. Наиболее значительно количество известных парад-

ных гребней в странах Западной Европы каролингского, оттоновского и позднейшего периодов.² Разнообразные по форме — одно-сторонние (с резной, богато украшенной рукояткой) и двусторонние, — они отличаются от нашего по пропорциям (обычно увеличенным в высоту по сравнению с нашим), а главное — по всему характеру исполнения, прежде всего стилистическим особенностям изображений. Интересно отметить, что на одном из них, датированном издателем IX—X вв.,³ представлена сходная по содержанию сцена — Самсон, разрывающий пасть льву. Однако композиционная и стилистическая ее трактовка настолько далека от саркелского гребня, что сопоставлять их невозможно.

Многие из западноевропейских парадных гребней имели ритуальное значение,⁴ некоторые, согласно преданию, принадлежали высокопоставленным лицам (королеве Хильдегарде, Генриху I, Карлу Великому и др.).

Большое число костяных гребней, происходящих из Египта коптского и так называемого мусульманского периода, а также из других стран Переднего Востока, не дает аналогий ни по форме, ни по техническим приемам, ни по тематике и стилистическим особенностям изображений. Некоторые общие черты в форме и технике исполнения можно усмотреть на так называемом антинойском гребне IV—V вв. н. э., где представлены на углубленном фоне евангельские сцены исцелений;⁵ общий характер исполнения, однако, непохож на гребень из Белой Вежи, даже в том случае, если его рассматривать как отдаленный прототип.

Множество костяных гребней, найденных на территории Древней Руси, резко отличается от нашего по форме. Они обычно украшены орнаментом, часто кружками, исполненными пунсоном, иногда гравированными изображениями.

Судя по большому числу обнаруженных во время раскопок материалов, в Белой

² A. Goldschmidt. Die Elfenbeinskulpturen aus der Zeit der Karolingischen und Sächsischen Kaisern. Berlin, 1914, табл. XXXIX, XL, XLVII.

³ Там же, табл. XXXIX, № 91.

⁴ A. Gausson. Portefeuille archéologique de la Champagne. Ras sur Aube, 1861, pl. 5, стр. 9; La collection Spitzer, v. I, Paris, 1893; табл. 44, стр. 10; E. Molinier. Catalogue des ivoires. Paris, 1896, № 17.

⁵ J. Strzygowski. Koptische Kunst. Wien, 1904, № 7117.

Веже было широко развито производство костяных изделий. Наряду с другими вещами, найдено множество гребней. Подавляющее их большинство имеет иную, горизонтальную форму. Украшения, обычно скромные, исполнены гравировкой, представляя геометрический орнамент, плетку и т. д.

Единственный сходный по форме гребешок (1949-268; рис. 3) также вертикального направления, несколько повышенных пропорций, весьма мал по размерам (5,4 × 3,4 см). Его декоративное убранство ограничивается исполненным в слабом рельефе зигзаговидным орнаментом между двумя прерывистыми полосами, как бы воспроизводящими драгоценные камни.

Уникальность публикуемого гребня среди других, обнаруженных в Белой Веже, бесспорна.

В альбоме гребней всех времен и народов, составленном в 1908 г. Ф. Винтером,⁶ начиная от древнейших (определяемых как образцы каменного века) и кончая современными гребенками, имеются лишь три (рис. 4—7), представляющих некоторое сходство с публикуемым. Бросается в глаза прежде всего близость формы, размеров, соотношение ширины и высоты (особенно одного из них, приближающегося к квадрату в 11 с лишним сантиметров). Имеются общие черты в характере насадки частых, в меньшей мере редких зубцов. Верх поля, на котором даны рельефные изображения, также закруглен. Наконец, существенно то, что на всех этих трех гребнях, по сторонам от центральных изображений, вырезаны такие же плетенки, как на гребне из Белой Вежи.

Один из них (рис. 4, 5), известный под именем гребня Хильдегерды, хранился в женском монастыре в местечке Эбинген (около Рюдестейма), но исчез после 1803 г.⁷ Лишь с 1921 г. он вновь стал доступен для изучения после его приобретения и опубликования Баварским национальным музеем.⁸

⁶ F. Winter. Die Kämmе aller Zeiten von der Steinzeit bis zur Gegenwart (Eine Sammlung von Abbildungen mit erläuterndem Text). Verlag von Degeuer. Leipzig, 1908.

⁷ Edmun Brun. Ein frühmittelalterlicher Elfenbeinkamm im Germanischen Museum. Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg, 1895, XI, стр. 81—89;

⁸ Kataloge des Bayerischen Nationalmuseums, Bd. 13, IV Abt. Die Bildwerke in Elfenbein, Knochen,

На нем представлены на одной стороне три фигурки воинов под арками между колоннами, держащих копьё и щиты, на другой

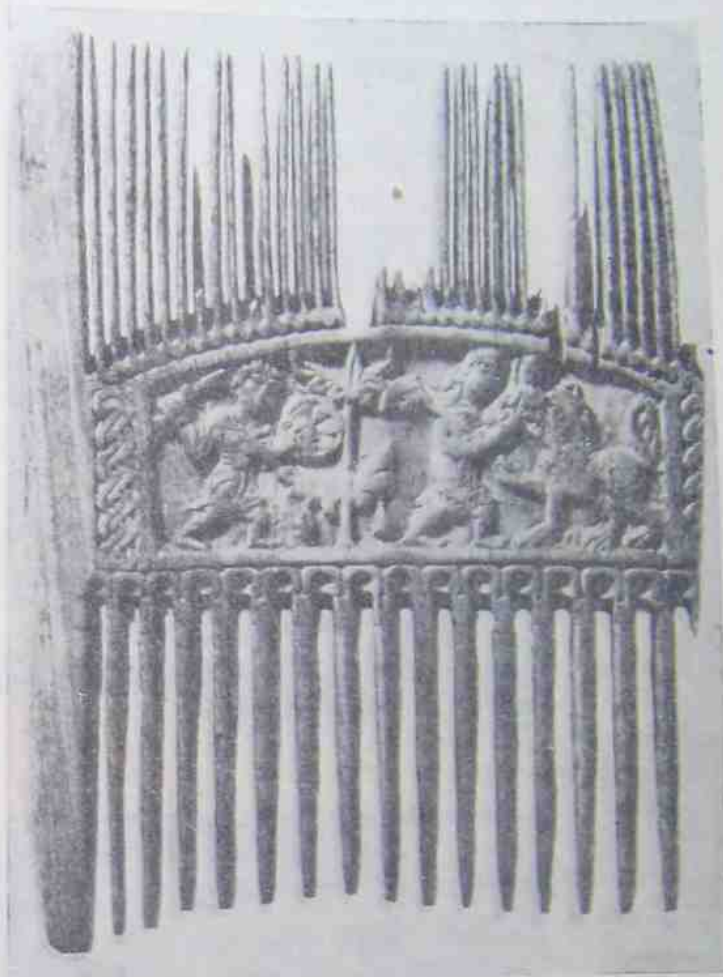

Рис. 2. Гребень из Белой Вежи. Обратная (?) сторона.

стороне — двое возничих с квадригами. Весьма близок ему второй гребень (рис. 6),⁹

Hirsch und Steinbockhorn mit einem Anhang: Elfenbeinarbeiten des Staatlichen Schlossmuseum in Bayern von Rudolf Berliner. Augsburg, 1926. Некоторую близость к нему представляет гребень, найденный в Алжире. По-видимому, есть нечто общее не только в характере окружающего композицию орнамента, подражающего геммам, но и в трактовке фигур. Стриговский (J. Strzygowski. Der Algerische Danielkamm. Oriens Christianus, Neue Serie, I, Berlin, 1911, стр. 83, 87) предполагает, что он происходит из Малой Азии или Сирии. Вессель (Klaus Wessel. Eine Gruppe Oberitalischen Elfenbeinarbeiten. Jahrbuch des Deut. Arch. Inst., Bd. 63—64, Berlin, 1950, стр. 129—130) относит его к северо-итальянской группе изделий из слоновой кости, что, пожалуй, является для нас более убедительным.

⁹ Edmun Brun, ук. соч., стр. 86.

на одной стороне которого также изображен возничий, управляющий квадригой, на другой — два всадника с копьями наперевес, обращенные друг к другу. Этот гребень, некогда входивший в собрание Салтыкова, затем Шпитцера, ныне находится в Национальном музее в Нюрнберге. Третий гребень (рис. 7), также находящийся в Нюрнбергском музее,¹⁰ был найден вблизи Нюрнберга,

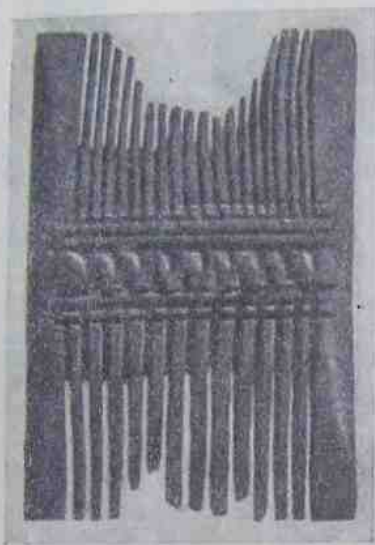

Рис. 3. Гребешок из Белой Вежи.

в местности Маркт-Эрльбах. На одной его стороне представлена широко распространенная в ранневизантийском искусстве композиция — два павлина в профиль, по сторонам вазы, на другой — два грифона, обращенные друг к другу и касающиеся правыми передними лапами. Форма вазы, ножка которой, так же как край, отяжелена растительными завитками, утратила свою ясность. Композиция в целом явно имитирует византийские образцы.

Трудно дать уверенную датировку и определение всех этих гребней, известных нам (за исключением одного) лишь по весьма несовершенным репродукциям, не дающим представления о стилистических и технических их особенностях. Издатели определяли их различно, датируя первый сначала VI—VII вв., а затем XII в., второй — каролингским временем, третий — VIII—

¹⁰ A. Essenwein. Ein Elfenbeinkamm des 9 Jahrhunderts im Germanischen Museum. Anzeiger für Kunde des deutschen Vorzeit, № 12, Dezember, Nürnberg, 1882, стр. 331—333.

IX вв. Нам представляется в противоположность Берлинеру, что все эти гребни могут быть итальянскими, либо германскими по месту изготовления, но скорее всего производят (во всяком случае последний) византийские образцы.

Гребни собственно византийские стали известны науке лишь в самое последнее время. Несколько весьма интересных экземпляров было найдено во время раскопок в Коринфе (рис. 8, 9).¹¹ Все они по форме и пропорциям напоминают гребень из Белой Вежи. Сходны с ним и система насадки зубьев, и характер их декоративного убранства (следует лишь отметить, что обработка редких зубцов на нашем экземпляре отличается большим искусством). Углубленное поле с разными изображениями также закруглено вверху. Однако в отличие от нашего оно не обрамлено плетенками. Один из гребней (рис. 8) окружен (подобно экземпляру, ныне находящемуся в Баварском музее) орнаментом из жемчужин. Весьма интересно то, что на одной его стороне представлена композиция, вполне аналогичная той, что украшает гребень из Нюрнбергского музея: те же птицы, расположенные по сторонам вазы, из которой они пьют. Близка форма вазы и ее украшения, сходна разделка хвоста, применен тот же принцип орнаментального заполнения нижних углов. При всей близости этих двух гребней нюрнбергский образец, исполненный, по видимому, с большей тщательностью, воспринимается, что отмечалось выше, скорее как копия византийского образца. Археологические данные позволяют датировать гребни не ранее IX, но скорее X или XI в.¹² Едва ли есть основания относить к более раннему времени и нюрнбергский гребень. Таким образом, форма саркелского гребня, его пропорции, характер насадки зубьев.

¹¹ G. R. Davidson. The Minor Objects. Corinth, v. XII, Princeton—New Jersey, 1952, №№ 1301—1303.

¹² Там же, стр. 135. В своей рецензии на книгу Давидсон Вернер (Byzantinische Zeitschrift, Bd. 49, H. 1, München, 1956, стр. 141) высказывает сомнение в справедливости датировки гребней из Коринфа IX—X вв. и сопоставляет их с коптскими деревянными гребнями (ссылаясь на: W. Holmquist. Kunstprobleme der Merowingerzeit. Stockholm, 1939). Следует указать, однако, что приводимые Вернером аналогии не имеют даже отдаленного сходства с коринфскими гребнями. На основании всех вышеприведенных данных мы считаем несравнимо более обоснованной датировку Давидсон.

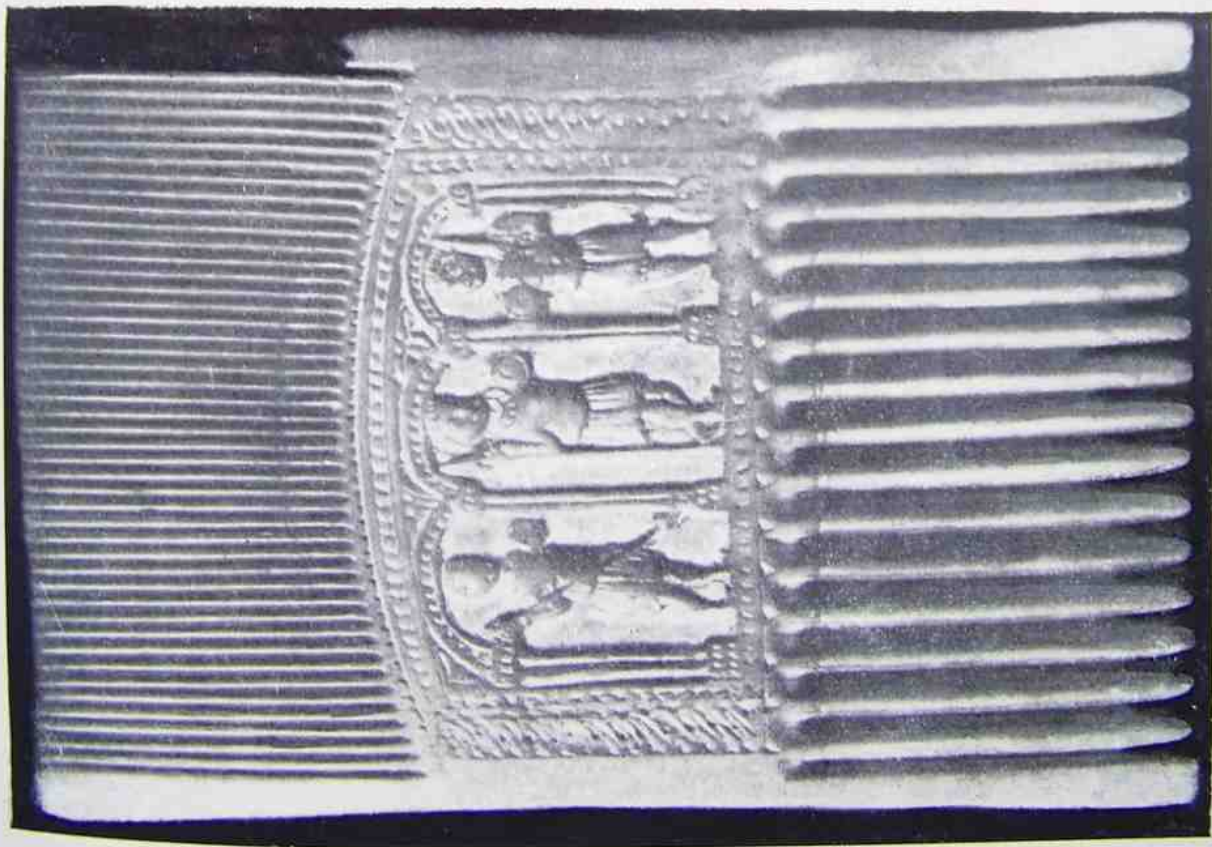

Рис. 4. Гребень из собрания Баварского национального музея. Лицевая сторона.

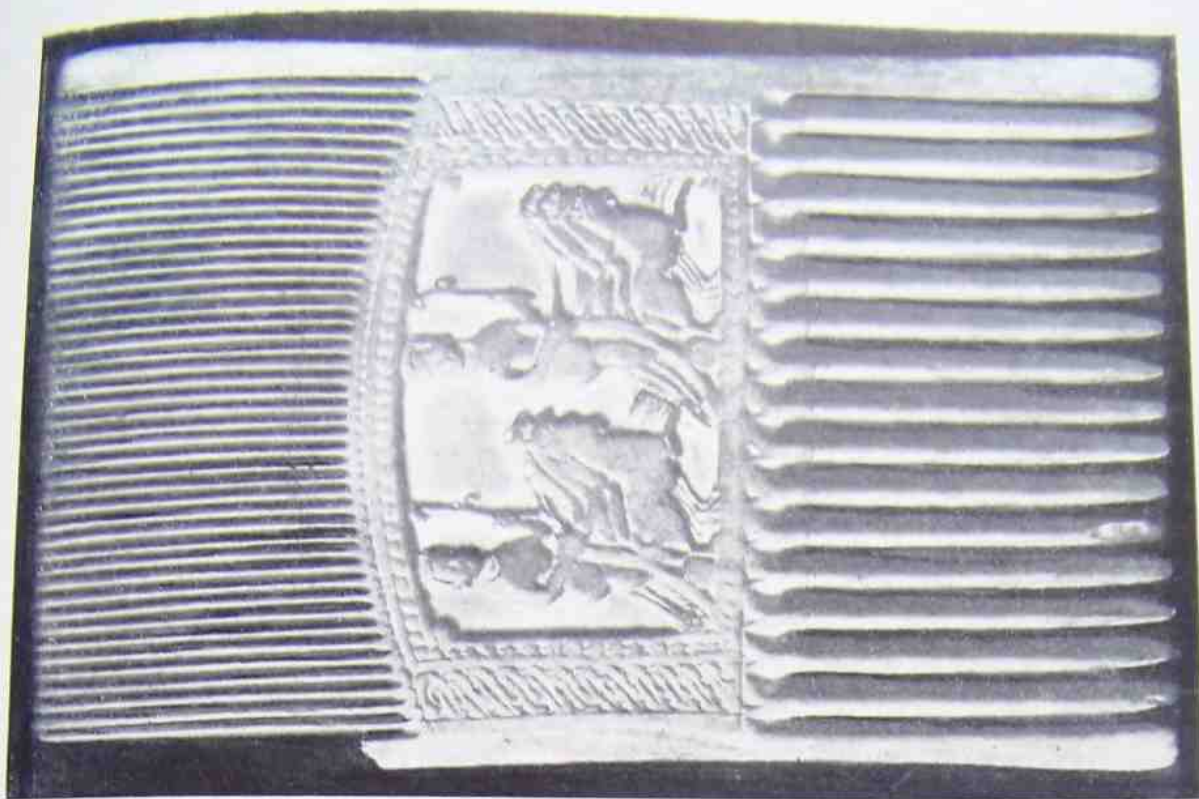

Рис. 5. Гребень из собрания Баварского национального музея. Обратная сторона.

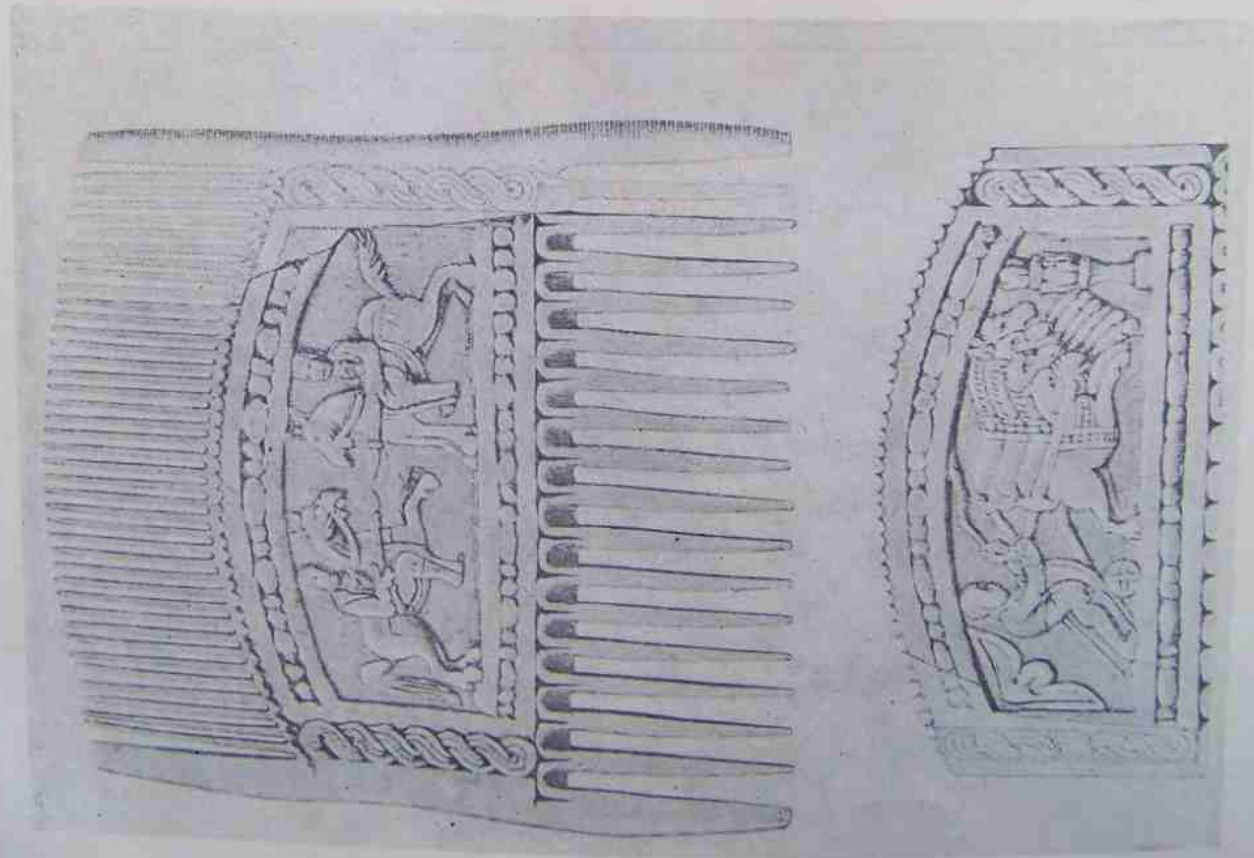

Рис. 6. Гребень, из Национального музея в Шюриберге.

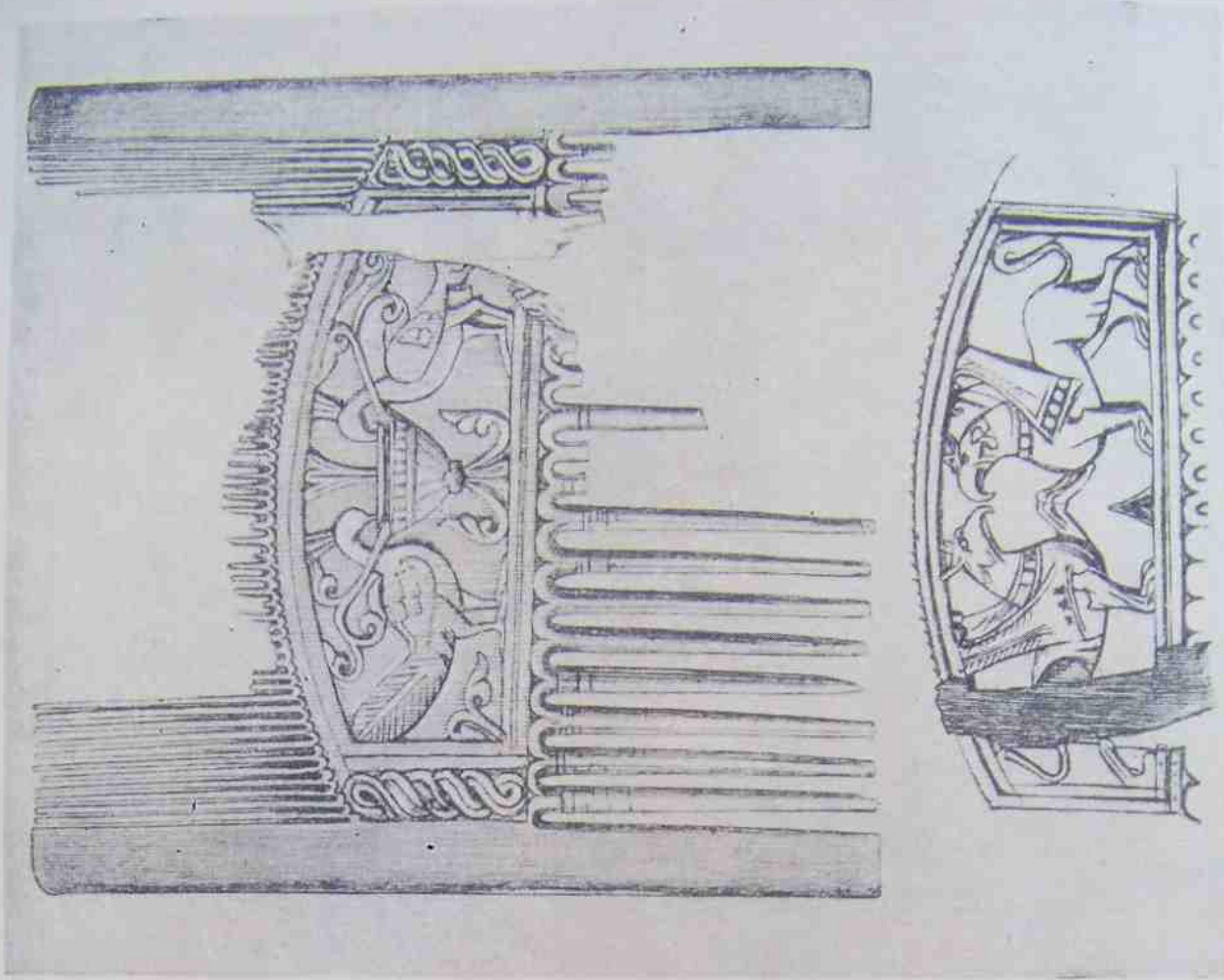

рис. 7. Гребень, из Национального музея в Шюриберге, найденный в Маркт-Эрльбах (близ Шюриберга).

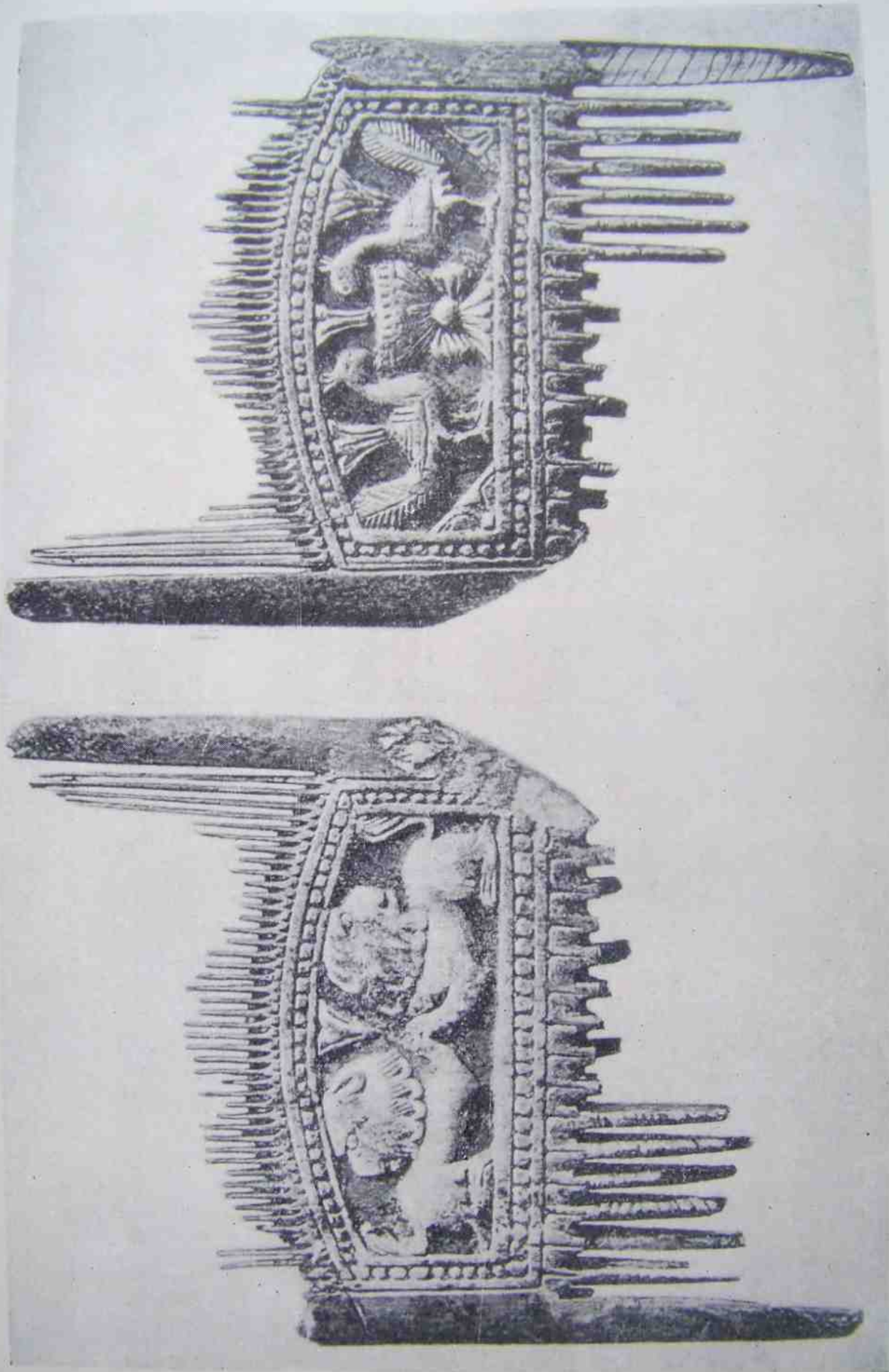

Рис. 8. Гребень из раскопок в Корише.

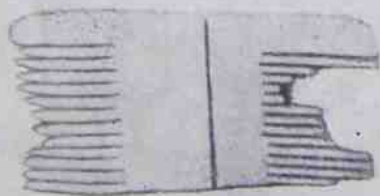
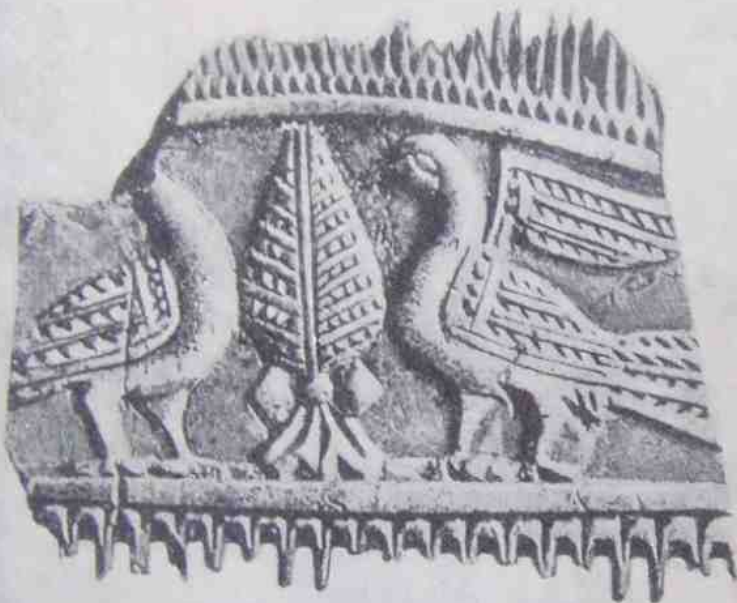
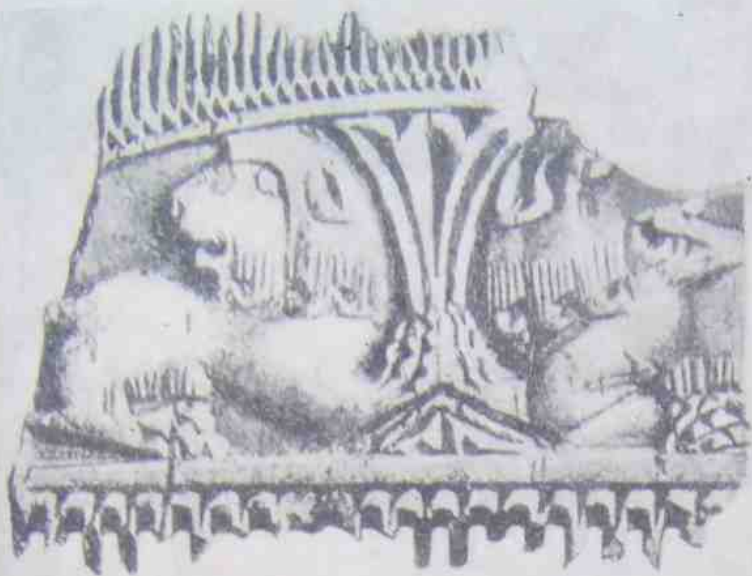

Рис. 9. Гребни из раскопок в Коринфе.

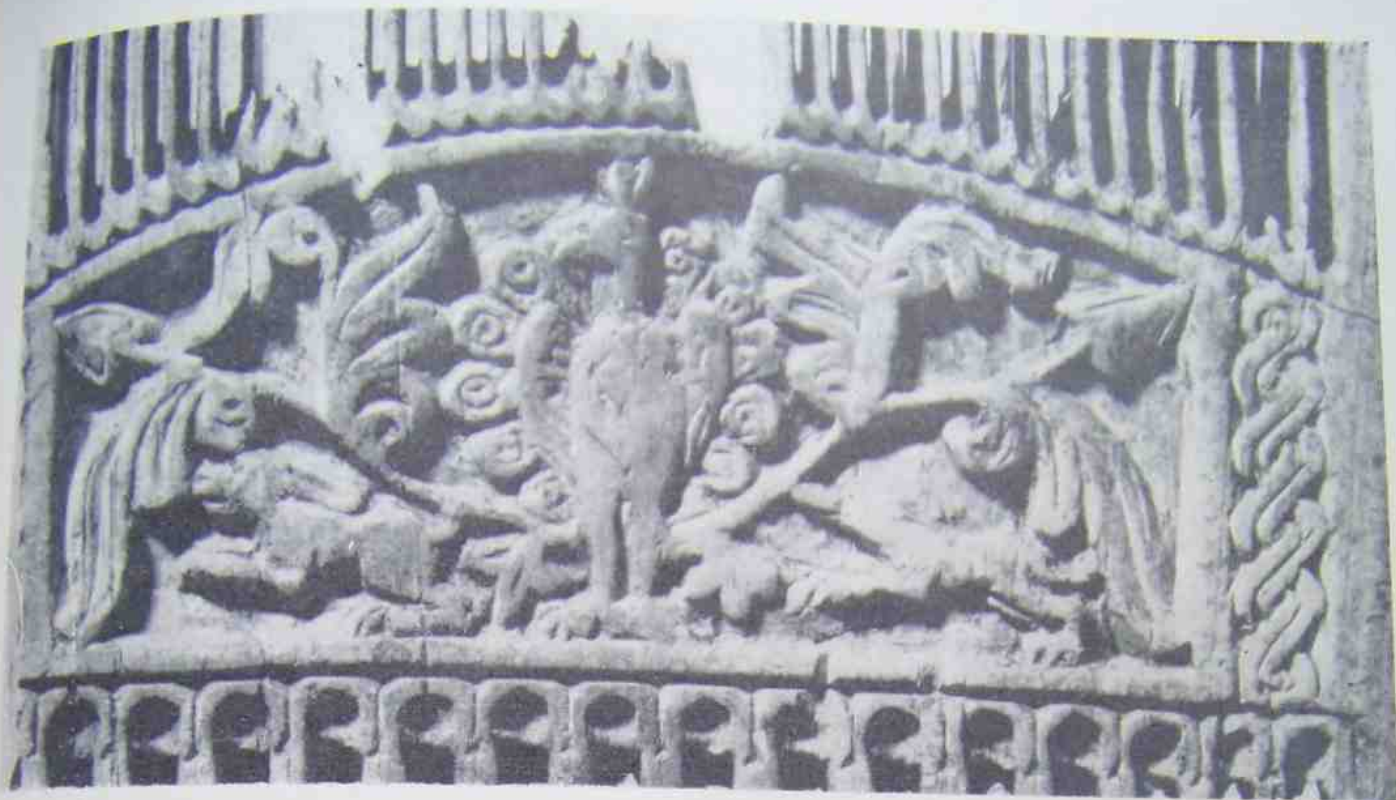

Рис. 10. Гребень из Белой Вежи. Деталь с изображением павлина.

Рис. 11. Моллидовул из собрания Эрмитажа (увел.).

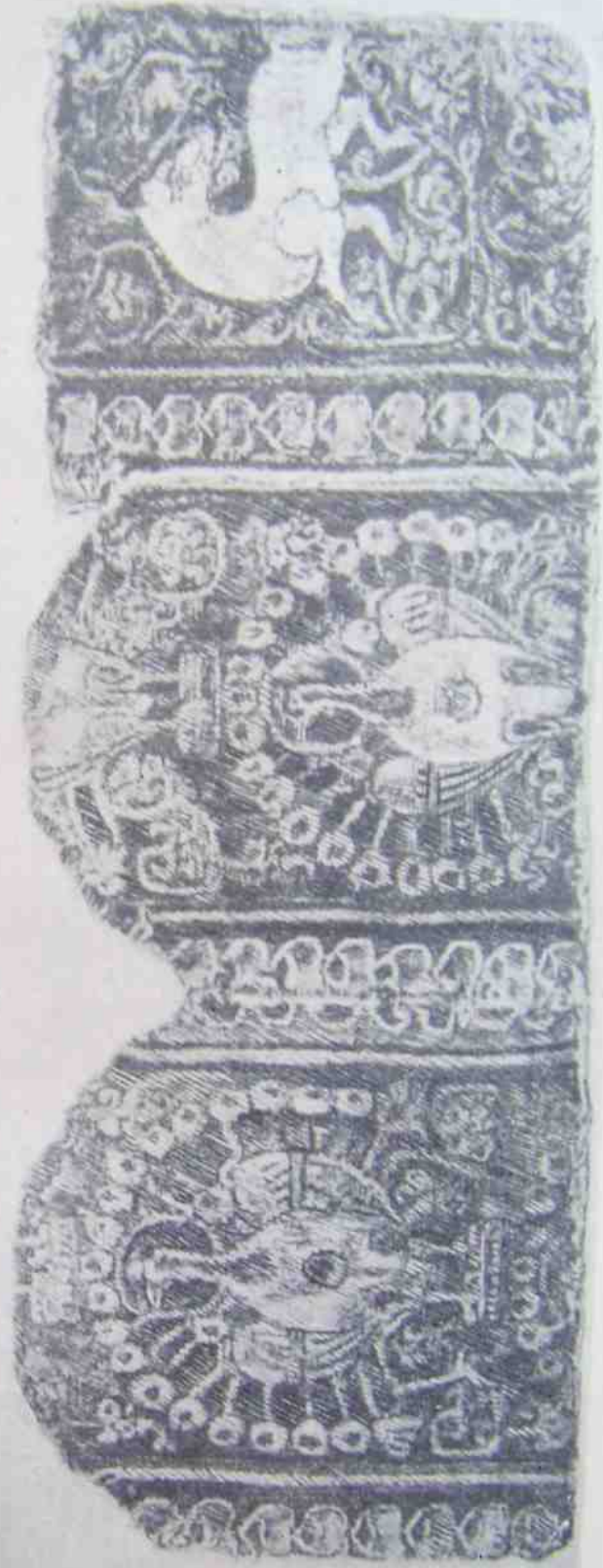
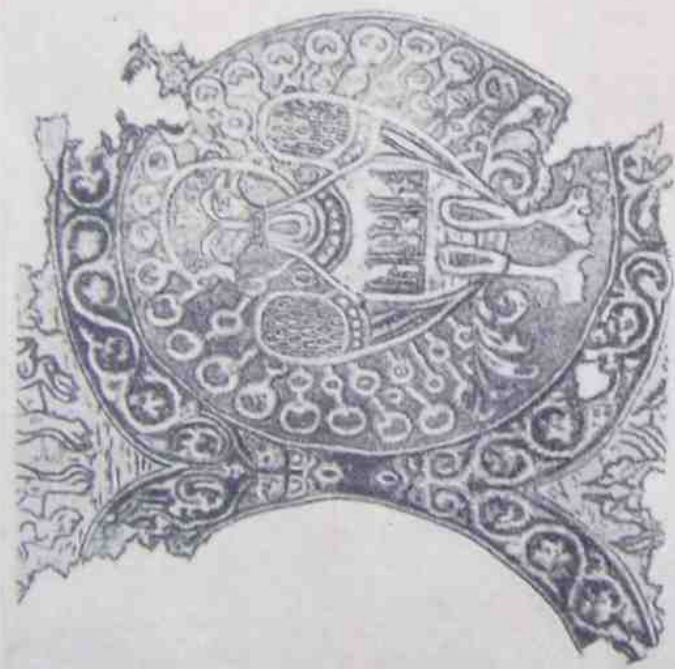

Рис. 12. Ткани с изображением павлинов и рельеф из Сан-Марко с изображением павлина.

Рис. 13. Гребень из Белой Вежи. Деталь с изображением Давида, разрывающего пасть льву.

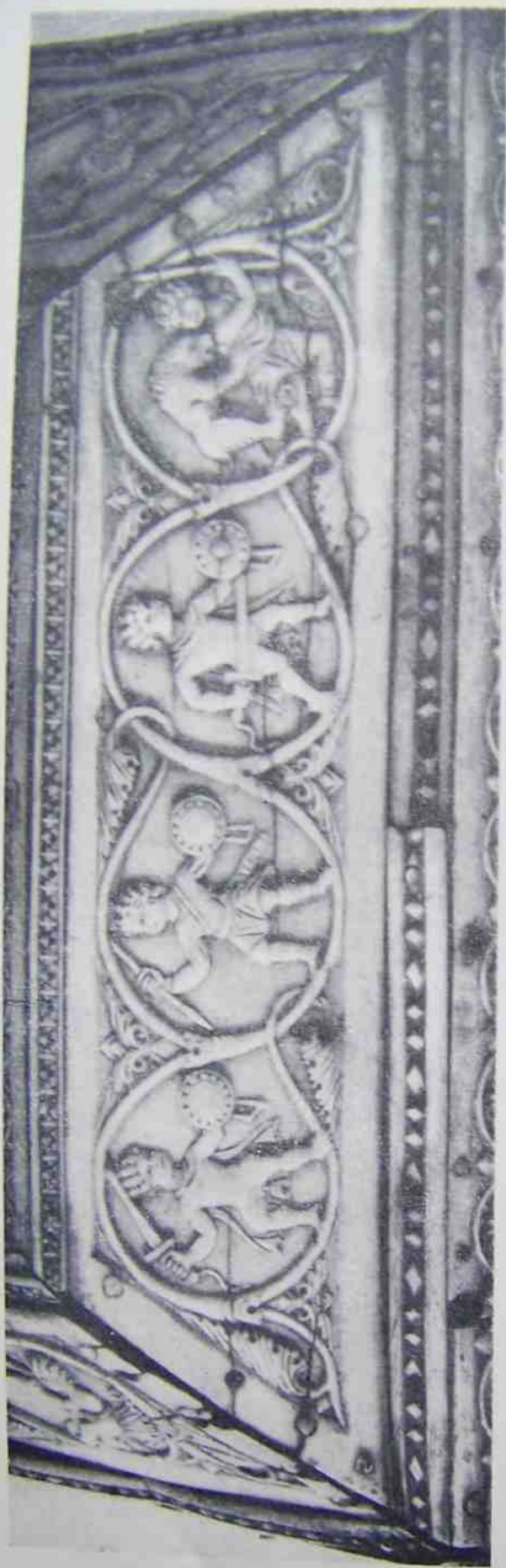

Рис. 14. Византийский ларец из слововой кости (собр. Гос. Эрмитажа). Деталь крышки.

Рис. 15. Ларец Венецианского дворца в Риме. Деталь с изображением Давида, разрывающего пасть льву.

общие принципы оформления внутреннего поля сближают его с памятниками византийского круга X—XI вв.¹³

Переходя к изображениям, украшающим саркелский гребень (рис. 10), следует указать, что образ павлина встречается на римских монетах (чаще всего императриц),¹⁴ где он известен в качестве атрибута Юноны; позднее он получил широкое распространение в раннехристианском искусстве. Здесь он является символом нетленности, т. е. в конечном счете бессмертия. Лотер связывает образ павлина с изображением райского сада.¹⁵ В дальнейшем изображение павлинов используется в качестве одного из наиболее излюбленных орнаментальных мотивов в убранстве византийских миниатюр. Почти всегда они бывают представлены в профиль; павлины в фас, с распущенным как бы в виде колеса хвостом встречаются гораздо реже.¹⁶ На миниатюрах нам довелось встретить такое изображение в рукописи Григория Назианзина, № 550, XII в.¹⁷ и в позднейшем армянском евангелии — 1331 г.¹⁸

Изображения павлинов в фас, близкие саркелскому гребню, с теми или иными отклонениями встречаются на группе византийских моливдовулов X—XI вв. В богатейшем собрании Государственного Эрмитажа их имеется около полутора десятков (от IX до XI в.), в каталоге Афинского

музея указано пять экземпляров,¹⁹ датированных издателем от VIII до X в. В основном руководстве по византийской сфрагистике Шлумберже²⁰ изображение павлина упоминается лишь один раз.

Экземпляры Эрмитажа (как например №№ М. 5121, 5713, 10594, 3587 и др.) представляют павлина в фас, с головой, повернутой то вправо, то влево, иногда с нимбом. Трактовка фигуры в целом, характер оперения, всеобразный хвост напоминают наш гребень. На некоторых образцах (рис. 11) птица изображена, как и на гребне, на фоне ветки, почти сливающейся с фигурой. Интересно отметить, что поддающиеся расшифровке надписи на обратной стороне свинцовых печатей указывают на малоазийское происхождение их владельцев. Так, на одной из печатей Афинского музея²¹ (№ 122 δ) упоминается Лев, коммерциарий Никеи, на Эрмитажном № 5714—Феофил, протоснафарий Пафлагонии, на № 5713 — Василий, протоснафарий и турмарх τῶν βίκτωρων, очевидно, из Фракии-ской фемы. Правда, на одной из печатей Афинского музея (№ 63) упоминается (если правильно чтение издателя) и архонт Фив.²²

Несомненную аналогию изображению павлина на гребне из Белой Вежи представляют (с учетом особенностей материала) шелковые ткани, определяемые Фальке²³ как относящиеся к «западно-мусульманскому кругу» XI в. На одной из них (рис. 12) на грудке птицы имеется куфическая надпись. По мнению автора, эти ткани воспроизводят византийские образцы.²⁴ В качестве аналогии он привлекает воспроизведение мраморного рельефа 976 г. из Сан-Марко в Венеции.

Таким образом, изображение павлина на издаваемом гребне восходит скорее всего к византийским образцам X—XI вв. Заполнение верхних углов пальметами и ком-

¹³ После сдачи в печать настоящей статьи мне удалось ознакомиться со статьей П. Лазко: Peter Lascos. The Comb of St. Cuthbert. The Relics of Saint Cuthbert. Oxford, 1956, стр. 336—355. Автором приводятся многие из перечисленных мной аналогий. Датировка публикуемого им гребня представляется недостаточно обоснованной.

¹⁴ F. Gnecchi. Medaglioni Romani, v. II. Milano, 1912, табл. 42, 3; 45, 9; 69, 10.

¹⁵ L. Helmut Lother. Der Pfau in der altchristlichen Kunst. Leipzig, 1929. W. Schulze. Archäologie der altchristlichen Kunst. München, 1895, стр. 180; C. M. Caufmann. Handbuch der christlichen Archäologie. Paderborn, 1922, стр. 286.

¹⁶ Ранние изображения, см., например, в орнаментальной мозаике св. Виталия в Равенне (A. Colasanti. L'arte bizantina in Italia. Milano, 1912, табл. 13), рельеф храма V в. в с. Акаурта в Грузии (Ars Georgica, II, Тбилиси, 1948, стр. 177, табл. 19), на капители баптистерия в Салоне (Далмация) VI в. (L'art byzantin chez les slaves, v. II. Paris, 1932, табл. XLVIII, 1) и др.

¹⁷ H. Oumont. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1929, табл. CVIII.

¹⁸ Sirarpie Der Nersessian. Manuscrits arméniens illustrés des XII, XIII et XIV siècles. Album. Paris, 1937, табл. LXXXIV.

¹⁹ Κωνσταντόπουλος Βυζαντινά μολυβδόβουλλα 'εν τῷ 'εθνικῷ νομισματικῷ μουσεῖῳ Ἀθηνῶν (Journal International d'archéologie numismatique, v. V, Athenes, 1902, № 63; v. VII, 1904, №№ 513, 539; v. IX, 1906, № 122δ.). К сожалению, они только описаны, но не воспроизведены.

²⁰ G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire Byzantin. Paris, 1884, стр. 27.

²¹ Κωνσταντόπουλος . . . , v. IX, 1906, стр. 70.

²² Там же, v. V, 1902, стр. 192.

²³ O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, Bd. I. Berlin, 1913, рис. 176, 178, стр. 114.

²⁴ Там же, стр. 114.

позиция зайца, преследуемого собакой, особенно распространены в искусстве стран Переднего Востока начиная с XI в., где эта композиция обычно составляет часть так называемого звериного гопа. Однако подобные сцены не чужды и византийскому искусству.

Листья, похожие на те, что изображены по сторонам павлина, часто встречаются на грузинских памятниках — в резьбе по камню X—XIII вв. (например, на алтарных преградах из Аteni, Цебелды, Мериа, Гударехи и др.). Как обратил на это мое внимание Д. П. Гордеев (за что выражаю ему самую искреннюю признательность), любопытные аналогии композиции нашего гребня представляют капители западного и южного притвора храма Баграта в Кутаиси (1003 г.). Изображенные здесь головы — птицы с человеческой головой, быка и орла — также вплетены в ветви, как и наш павлин, причем близка и трактовка самих листьев. На капители западного притвора эта композиция сочетается к тому же с каймой в виде плетенки.

Изображения на другой стороне гребня (рис. 13) не позволяют с полной уверенностью утверждать, что представленная здесь композиция составляет единое целое.

Фигурка воина (или охотника) с мечом и щитом, иногда обнаженная, с накинутым на плечи плащом, реже одетого в тунику с длинными рукавами,²⁵ подобную по трактовке той, в которую одет юноша на нашем гребне, обычна для византийских шкатулок X—XI вв., украшенных резными пластинками из слоновой кости.

Примеры подобных фигур, включенных в убранство крышки, можно видеть на экземпляре, хранящемся в Эрмитаже (рис. 14, инв. № ф. 20). Здесь, кстати говоря, орнаментальное заполнение около завитка лозы имеет некоторое сходство с верхней частью стилизованного дерева. Констатируя сходство в постановке фигуры с копьём и щитом на гребне с изображением мальчика на ларце, так же как ее одежды с туникой другого мальчика на той же крышке, нельзя не отметить резкое стилистическое их различие. При некоторой схематизации анатомии человеческого тела мастера, изготовлявшие

подобные шкатулки, унаследовали многое от античных образцов. Наш гребень, отличающийся несомненной выразительностью, далек от классических прототипов. Это видно и в утрате правильности в пропорциях, и в постановке ног, и в полном отсутствии перспективы. Вместе с тем эта фигура дает, как нам кажется, бесспорное указание на то, что мастер, изготовлявший гребень, имел перед собой византийский образец, скорее всего X в.

Труднее всего обстоит дело с аналогиями для остальной части композиции на этой стороне гребня.

Едва ли можно сомневаться в том, что представленная здесь фигура, разрывающая пасть льву, связана с образом мифологического Геракла или библейского Давида или Самсона. Достаточно посмотреть, например, на рельеф XI в., находившийся в кладке стены монастырской типографии в Киево-Печерской лавре²⁶ (ныне находящийся в церкви Спаса на Берестове): та же композиция, также на фоне дерева, только обращенная в другую сторону. Сходная сцена представлена на шкатулке из слоновой кости X—XI вв., хранящейся в Риме, в Венецианском дворце (рис. 15);²⁷ здесь она изображает Давида, разрывающего пасть льву. Этот ларец выпадает из наиболее распространенных групп византийских шкатулок как по своей форме, так и по стилистическому своеобразию. Издателями выдвигается мало обоснованная гипотеза о якобы армянском происхождении мастера. Даваемое ими сопоставление с армянским памятником X в. Ахтамаром²⁸ никак не убеждает. Хорошо исполненная греческая надпись около композиции, представляющей одетую в царские одежды чету, благословляемую Христом, наводит на предположение, что эта вещь выполнена византийскими мастерами, хотя и не константинопольскими.

При общем иконографическом сходстве рассматриваемой композиции на саркелском гребне бросаются в глаза ее стилистические отличия от киевской плиты и от костяного рельефа. Переданная в движении, полная напряженности и силы фигура Геракла(?)

²⁵ А. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts, Bd. I. Kasten. Berlin, 1930, табл. LIV, 85, d; XXIII, с, е.

²⁶ История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 193.

²⁷ А. Goldschmidt und K. Weitzmann, ук. соч., табл. LXXI, b, № 123.

²⁸ Там же, стр. 21.

на плите весьма далека от спокойной фигуры на нашем гребне. Лишь характерной формы (не встречающейся ранее X в.) развевающийся плащ, не оправданный постановкой фигуры, сближает ее с обеими аналогиями. На киевском рельефе хвосту льва также придан орнаментальный характер (деталь, едва ли встречающаяся также ранее X в.), но несколько иначе, чем на гребне, а рука с занесенным на уровень головы мечом наминает руку телохранителя (с мечом и копьем) на гребне. Необычайно «кроток» лев, по-собачьи приподнявший переднюю правую лапу. Тем не менее композиция на всех этих трех памятниках, по всей видимости, восходит к византийским истокам и характерна для X, вернее XI в.

Обрамляющая обе стороны гребня плетенка более характерна для раннего средневекового искусства Западной Европы, а также народов Кавказа, Малой Азии, Сирии; она встречается и на Балканах, и в Древней Руси. Однако она не чужда и византийскому искусству, имеется, в частности, хотя и в более тонкой передаче, на изделиях из слоновой кости.²⁹

Подводя некоторые итоги, можно установить, что гребень из слоновой кости, найденный при раскопках Саркела—Белой

²⁹ Там же, табл. XXXIX, № 60, XLVII, XLVIII и др.

Вежи, представляет большой интерес, являясь уникальным образцом художественного ремесла.

Его можно датировать скорее всего XI в.: на это указывают аналогии для изображения павлина, общая композиция сцены борьбы человека со львом, фигура с мечом, а также некоторые детали, как например форма развевающегося плаща, орнаментальная передача хвоста льва и др. Археологические данные, не слишком определенные, поскольку он найден в мусорном слое, этой дате не противоречит.

Значительно сложнее обстоит дело с уяснением той среды, в которой он был создан. Имеющиеся на нем изображения несомненно воспроизводят византийские образцы, но отличаются некоторыми особенностями. Известное огрубение стиля при своеобразной выразительности выпадает из рамок Константинополя. Не вяжется со столичными мастерами и исполнение плетенки.

Производство на месте, в Белой Веже, исключается при сопоставлении с большим количеством других костяных изделий, в частности гребней. Нет соответственных аналогий ни в искусстве Древней Руси, ни у балканских славян. Остается предположение, что гребень изготовлен византийскими мастерами, быть может в восточных областях империи.

В. П. Левенок

ПРЯСЛИЦА ГОРОДИЩА САРКЕЛ—БЕЛАЯ ВЕЖА

В результате раскопок городища Саркел—Белая Вежа явилась возможность изучить различного вида пряслица на большом материале, полученном в условиях непосредственного залегания в больших комплексах — в заполнении жилищ или в слоях, датированных монетами и другими предметами.

Изучавшиеся пряслица в количестве более 800 в типологическом отношении делились на следующие 6 групп.

1. Изготовленные из черепков, зонной формы:¹ а) красноглиняные — 372; б) лощенные (серые, черные и пр.), в том числе заготовки без отверстий — 24;

2. Шиферные: а) округлые — 159; б) биконические — 78; в) зонной формы — 3; г) усеченно-конические — 1.

3. Из твердых пород камня: а) зонной формы — 41.

4. Из мергеля, известняка, мела: а) округлые — 22; б) биконические — 11; в) зонной формы — 10; г) усеченно-конические — 4.

5. Глиняные лепленные: а) лепешкообразные — 28; б) зонной формы — 7; в) биконические — 6; г) усеченно-конические — 2.

6. Обломки, испорченные, нестандартные и пр. — 63.

В процессе раскопок городища выявилась неоднородность залегающих в его слоях остатков материальной культуры, в частности керамики, жилищ и пр. Вполне возможно, что и пряслица, по-видимому, также делились на группы по их принадлежности

к этнически неоднородному населению Саркела—Белой Вежи.

Наиболее многочисленными были пряслица, изготовленные из черепков красноглиняной привозной посуды, среди которых нетрудно узнать фрагменты толстостенных рифленых амфор IX—X вв. (табл. I, 1—16) и тонкостенных кувшинов с плоскими ручками южного происхождения (табл. II, 1—7). Пряслица этой группы имеют широкую зонную форму. Диаметр их в среднем 4—5 см (табл. VII, 3). Боковая поверхность этих пряслиц носит на себе следы стачивания по обрезу черепка. Эта поверхность часто остается жесткой, с мельчайшими открытыми пузырьками. На пряслицах данного вида плоские поверхности оставались без изменений, на них сохраняются присущие сосудам бороздчатость, рифление, орнамент, иногда полива. Пряслица этого типа всегда имеют некоторую изогнутость — выпукловогнутую кривизну стенок сосудов. Иногда встречаются экземпляры, изготовленные из черепков простых рифленых сероглиняных печных горшков (табл. II, 14, 15). Все эти пряслица имеют зонную форму (табл. I; II, 1—15). Обрезы у них обточены плоско (табл. I, 1—4, 6, 7, 9, 10—17), реже кругло (табл. I, 5, 8). В раскопе II 1950 г. на квадрате $X_8—\Phi_9$ найдено пряслице с точеной поверхностью (табл. II, 3). На квадрате $X_9—\Phi_{10}$ встречено пряслице, изготовленное из черепка, покрытого зеленой поливой и орнаментированного волнистым и линейным орнаментом (табл. I, 17). Пряслица с поливой чрезвычайно редки.

Для инвентаря древнеславянских поселений и городищ средних и северных райо-

¹ Т. е. кольцеобразной, в виде очень низкого цилиндра с круглым осевым отверстием в центре.

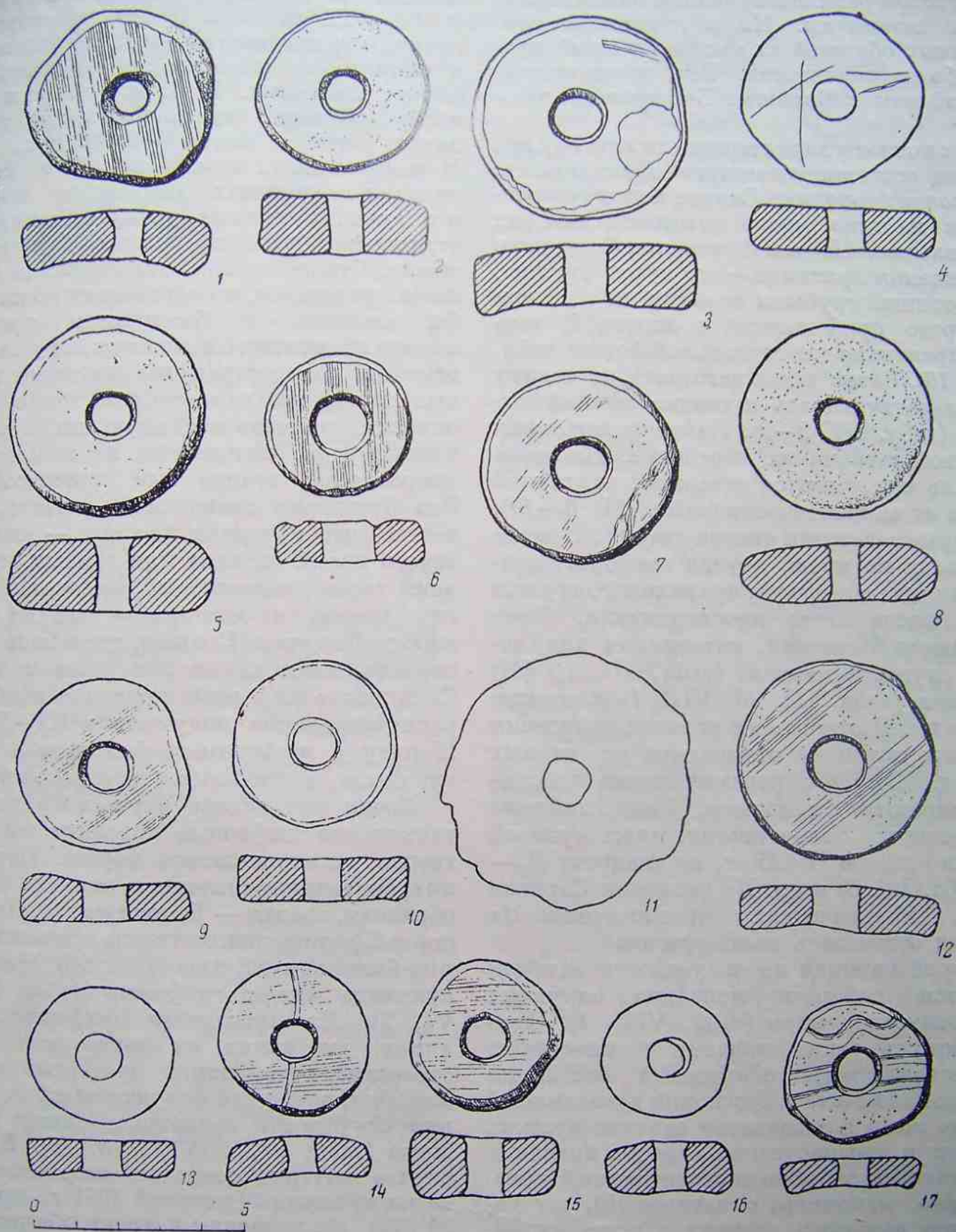

Табл. I. Пряслица.

1—16 — изготовленные из черепков амфор IX—X вв.; 17 — изготовленное из черепка сосуда, покрытого зеленой поливой.

нов Русской равнины пряслица описываемой формы нетипичны. Но в городищах юго-восточных областей их количественный процент более значителен. Так, в частности, они найдены в Большом Боршевском городище.²

Для полноты характеристики этой группы пряслиц остается упомянуть о заготовках. В раскопках городища Саркел наряду с пряслицами найдено много заготовок для их изготовления. На самой начальной ступени изготовления пряслица — это кусок черепка, обработанный грубыми сколами до степени некоторого приближения к округлой, вернее неправильно-многоугольной форме (табл. III, 1, 10). Затем такая заготовка по излому черепка обтачивалась и гладко зашлифовывалась (табл. III, 2—9). Найдены заготовки различной степени их обработки. На некоторых из них имеются отверстия различной степени их законченности (табл. III, 8—10). Некоторые заготовки сперва сверлили, затем обтачивали по краю, другие наоборот: вначале им придавали форму правильного кружка и уже после этого просверливали. Реже встречаются заготовки, материалом для которых служили мергель (табл. III, 3; VII, 5), камень (табл. III, 10; VII, 4) и другие материалы. В отношении условий залегания заготовки ничем не отличаются от готовых пряслиц. Наряду с керамическими пряслицами заготовки, например, были найдены при расчистке полов жилищ ниже нулевой линии в раскопе II 1950 г. на квадрате $H_1—M_2$ (табл. III, 6) и др. До раскопок Саркела группа керамических красночерепковых пряслиц оставалась малоизученной.

Второй группой по численности находок являются шиферные пряслица округлых и биконических форм (табл. VII, 1). Принадлежность таких пряслиц к инвентарю древнеславянского обихода в настоящее время можно считать бесспорно доказанной.³ Вообще же в большинстве славяно-русских городищ и древнерусских городов пряслица представляют собой не многочисленный (сравнительно, например, с керамикой), но достаточно заметный элемент в остатках материальной культуры памятника. В древ-

нейших слоях этих городищ, относящихся к VIII—IX вв., они обычно представлены глиняными или мергельными биконическими и округлыми, часто не совсем правильными формы изделиями. Реже встречаются в это время пряслица, изготовленные из мягких пород местного камня — известняка и др. В материальных комплексах X в. на славянских городищах количество пряслиц, в том числе глиняных, увеличивается, форма становится более правильной, улучшается обжиг. Строго говоря, эти пряслица еще не имеют признаков, по которым их можно было бы относить к бесспорным предметам именно славянского инвентаря, но уже с XI в. широкое распространение получают шиферные пряслица характерной темно-розовой окраски, правильных округлых и биконических форм, выточенные на каком-то центрированном станке или приспособлении. Это бесспорно славянский инвентарь. Известно, что материал для них — шифер розового цвета, светлых или темных оттенков, реже серый, коричневый, полосатый и других цветов и оттенков — шел из района города Овруча на Волыни, где в большинстве случаев изготовлялись и сами пряслица.⁴ Славянские шиферные пряслица наибольшее распространение получают в XI—XIII вв. Наряду с шиферными бытовали и старые глиняные, мергельные и каменные пряслица.

Среди материалов изучаемого городища славянские шиферные пряслица имеют две твердо установившиеся формы. Первая из них, более многочисленная, округло-бочонкообразная, вторая — биконическая. Пряслица первой формы количественно превышали вторые более чем в 2 раза (130 : 58). Некоторые пряслица имеют граффити (табл. IV, 16; VI, 7). На пятнадцати шиферных пряслицах, на краях их внутренних осевых отверстий сохранились протертые нитками желобки, возможно получившиеся от трения при ссучивании нескольких ниток в один шнур (табл. IV, 1; VI, 7, 8, 12). В одном случае внутри отверстия сохранились остатки древесины (раскоп I 1951 г., пряслице № 374). По условиям находки обе неравные между собой группы шиферных пряслиц — округлые и биконические — на городище Саркел имеют примерно одинаковую древность. В раскопе II 1950 г. найдены пряслица розового шифера округлых (табл. IV, 1,

² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 48, табл. X, 1—9.

³ Б. А. Рыбаков. Овручские пряслица. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 21 и сл.

⁴ Там же, стр. 22.

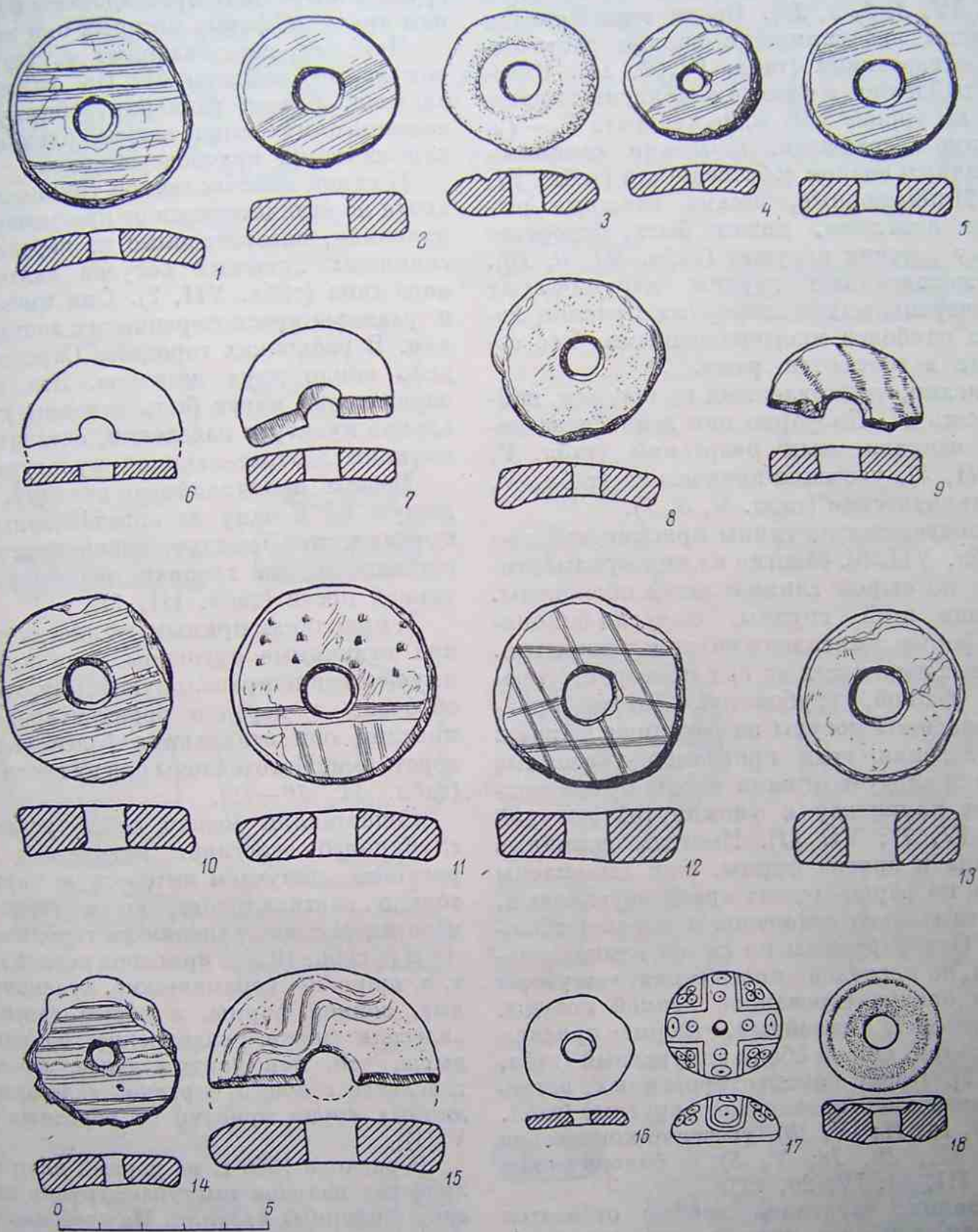

Табл. II. Пряслица и пуговицы.

1—7 — пряслица, изготовленные из черепков кувшинов с плоскими ручками IX—X вв.; 8—12 — пряслица, изготовленные из черепков лошенок сосудов салтово-маяцкого типа IX—X вв.; 13 — каменное пряслице; 14, 15 — пряслица, изготовленные из черепков серых рифленых горшков; 16 — каменная пуговица; 17, 18 — костяные пуговицы.

2, 4, 6, 7, 11, 13, 14) и биконических форм (табл. IV, 3, 5, 9, 10). Среди этих пряслиц встречены экземпляры с сильно расточенными отверстиями (табл. IV, 7, 14). Интересно найденное в слое со славянским инвентарем на уровне 1.99 м, на квадрате $У_5-T_6$, пряслице с граффити, возможно семейным или личным знаком собственности (табл. IV, 16).⁵ Миниатюрные, весьма изящные шиферные пряслица, может быть, относятся к числу детских игрушек (табл. VI, 9, 10).

Вышеописанные группы керамических красночерепковых и шиферных пряслиц являются наиболее многочисленными. Все остальные встречаются реже.

Пряслиц, изготовленных из мергеля, найдено всего 47. По форме они делятся на изделия неправильных очертаний (табл. V, 1, 4; VI, 5), усеченно-конические (табл. V, 2) и биконические (табл. V, 5, 7).

Вылепленных из глины пряслиц найдено 43 (табл. VII, 6). Многие из них орнаментированы по сырой глине и затем обожжены. Пряслица этой группы, округло-биконической формы, вылеплены не очень тщательно. Орнамент некоторых из них повторяет украшения лепной, грубоватой, богато орнаментированной посуды на городище Саркел. На основании этих признаков указанные пряслица следует отнести к одному материальному комплексу с упомянутой посудой (табл. IV, 17; VI, 11). Имеются глиняные пряслица и другой формы. Они вылеплены от руки по форме зонных красночерепковых, очень тщательно залощены и хорошо обожжены. Они украшены по сырой глине орнаментом, но последний иного стиля, чем узоры пышно орнаментированной лепной посуды. Это орнамент линейный. Форма пряслиц правильная, общий облик аккуратный (табл. VI, 1, 2). Кроме орнаментированных, встречаются неорнаментированные, округлые (табл. III, 13, 16, 17; IV, 18), усеченно-конические (табл. III, 12, 14; V, 8) и биконические (табл. III, 15; IV, 20, 21).

Глиняные пряслица вообще относятся к числу наиболее древних изделий этого рода. Однако в раскопках городища Саркел группа глиняных пряслиц весьма неоднородна. Эти пряслица и по форме, и по материалу, и по обработке делятся на ряд под-

групп и могут быть присоединены к тем группам пряслиц, форму которых они копируют.

Пряслиц, изготовленных из твердых пород камня, найдено 41. По условиям залегания, форме, размерам, общему облику каменные пряслица весьма близки группе керамических красночерепковых.

К самой малочисленной группе относятся почти не отличающиеся от красночерепковых пряслица, изготовленные из черепков сероглиняных лощеных сосудов салтово-маяцкого типа (табл. VII, 2). Они имеют форму и размеры красночерепковых зонных пряслиц. В раскопках городища Саркел их найдено около двух десятков. Эти пряслица определенно могут быть отнесены к материальной культуре населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры.

Весьма оригинальную находку, не входящую ни в одну из перечисленных групп пряслиц, представляет собой пряслице, изготовленное из головки человеческой бедренной кости (табл. III, 11).

К пряслицам примыкают иногда трудно от них отличимые пуговицы. Они имеют преимущественно правильную форму, тщательно обточены и нередко орнаментированы. От пряслиц они отличаются более узкими отверстиями. Изготовлены они из кости и камня (табл. II, 16—18).

Сопоставляя между собой условия залегания пряслиц в разных раскопах, получаем интересную картину не только вертикального, но и горизонтального их распространения на городище.

В раскопе 1934 г. пряслица первой группы, т. е. широкие, керамические, красночерепковые, зонной формы, в общей своей массе залегали ниже, славянские шиферные — выше, что, как увидим далее, вполне согласуется с общей картиной залегания различных групп пряслиц на городище (табл. VIII).

В раскопе 1949 г. на первый план по количеству находок выступает группа славянских шиферных пряслиц. Их особенно много во втором метре слоя. В первом метре их значительно меньше. Два пряслица найдены ниже нулевой плоскости. Одно из них получено со дна врезанной в нижние слои ямы (на глубине 300 см от пикета $З_8$), что и дало для него отрицательный показатель — 21 см. Уровень, с которого начинался бесспорно славянский слой, в этом раскопе определялся примерно в 70—100 см. Положение

⁵ Все отсчеты глубин, вернее уровней, взяты снизу вверх, от основания крепостных стен, принятого за нулевой уровень; с положительным отсчетом вверх, отрицательным — вниз.

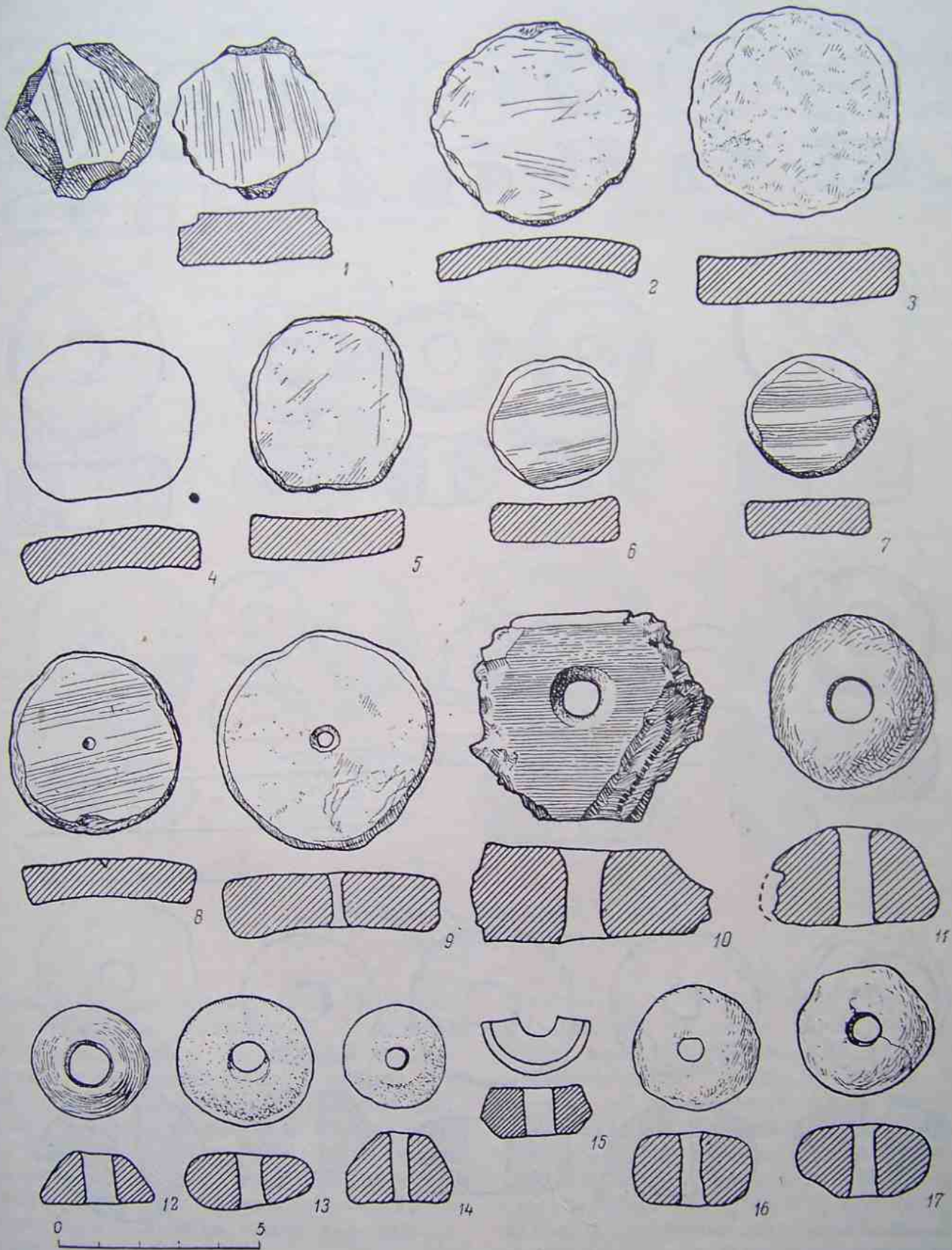

Табл. III. Заготовки для пряслиц и пряслица.

1, 2, 4-9 — черепковые заготовки; 3 — мергельная заготовка; 10 — каменная заготовка; 11 — пряслица из головки человеческого бедра; 12-17 — глиняные пряслица.

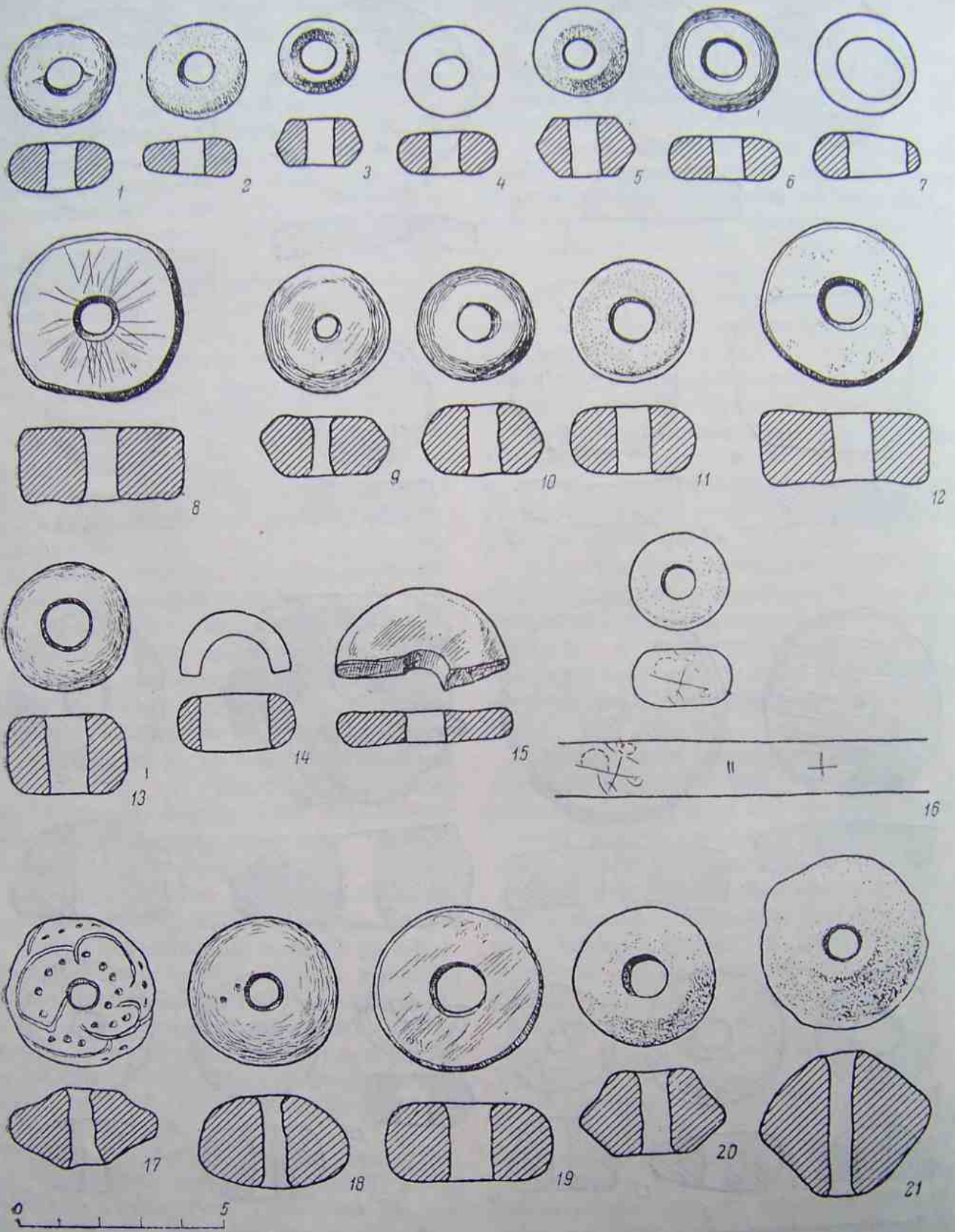

Табл. IV. Пряслица.

1-16 — шиферные (1-7, 9-11, 13, 14, 16 — розового шифера, 8 — черного шифера, 12 — коричневого шифера, 15 — серого шифера); 16 — пряслица с граффити; 17-21 — глиняные.

некоторых шиферных славянских пряслиц ниже этого уровня, в пределах первого метра, объясняется наличием в слое ям, а также их проникновением в нижележащий слой по пустотам кротовин и корней. Пряслиц здесь найдено 5, уровень их залегания 21—74 см первого метра.

Красночерепковые керамические пряслица здесь распространяются равномерно

пряслице лежало в нижней части третьего метра слоя. Пряслица, изготовленные из черепков лощеной посуды салтово-маяцкого типа, сосредоточены под нулевой линией и в первом метре слоя. Одно пряслице найдено внизу второго метра.

Шиферные славянские пряслица здесь имеют равномерное распространение во всех глубинах культурного слоя. Такая неопре-

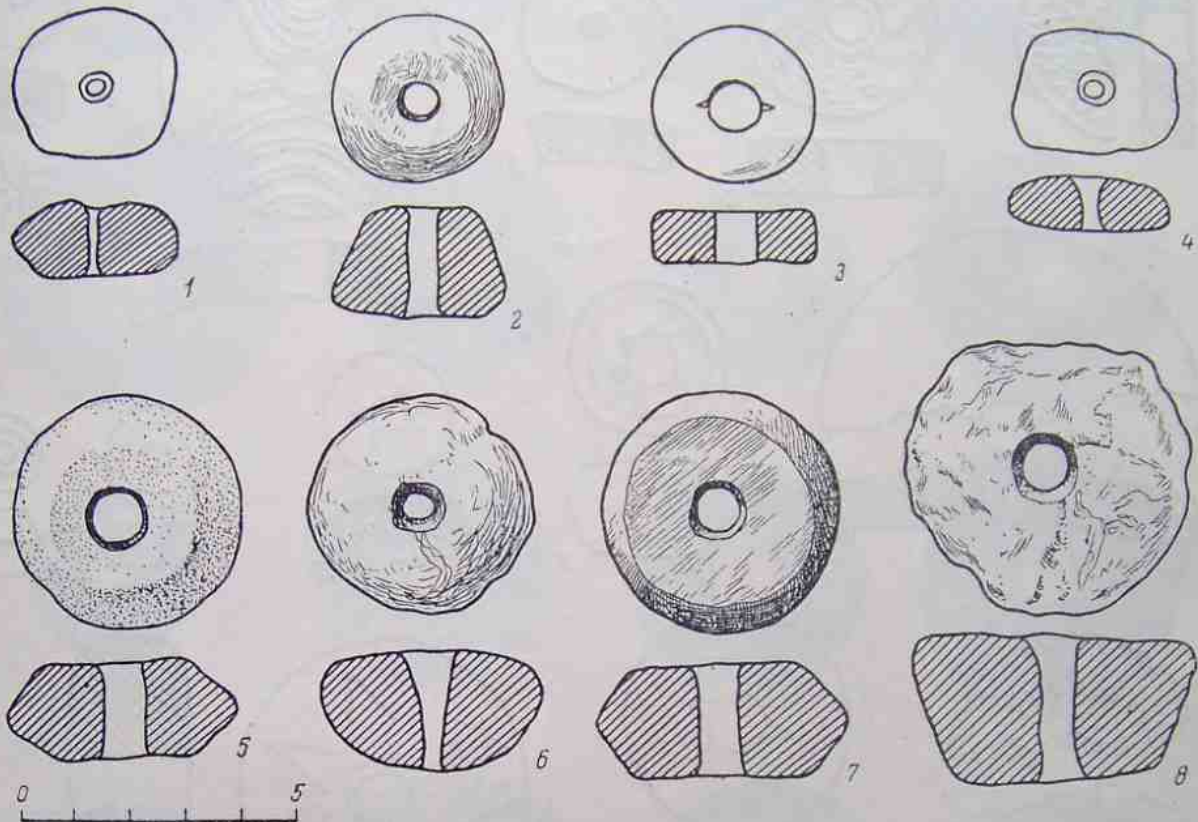

Табл. V. Пряслица.

1—7 — мергельные; 8 — глиняное.

в первом и втором метрах слоя. Имеются они в небольшом количестве в нижней части третьего метра и под нулевой линией. Пряслица, изготовленные из черепков лощеной посуды салтово-маяцкого типа, найдены под нулевой линией и в первом метре слоя. Два пряслица найдены во втором метре слоя. Каменные пряслица тяготеют к первому метру, но встречаются и ниже, и выше; мергельные и глиняные ясной картины залегания не дают.

В раскопе I 1950 г. красночерепковые пряслица в верхней половине первого метра слоя отсутствуют, тогда как в нижней половине и под нулевой линией они имеются в достаточном количестве. В небольшом числе они встречены во втором метре. Одно

деленность в поглубинном распространении пряслиц является, по-видимому, следствием врезания славянских полуземлянок в нижележащие слои. В таких случаях содержимое древнейших слоев из этих ям выбрасывалось на поверхность над слоем, в котором эти материалы ранее находились, а сами ямы заполнялись новым материалом, гораздо более поздним в сравнении с окружающим массивом наслоений на том же уровне залегания. В качестве примера можно привести древнее дославянское привратное помещение в этом раскопе, первоначальное содержимое которого в славянское время было вычищено и выброшено, после чего в этом помещении наслоились более поздние славянские отложения.

В описываемом раскопе ниже нулевой линии найдено четыре шиферных пряслица, на глубине от -7 см до -142 см. Два пряслица найдены в ямах и одно в заполнении колодца. Если принять средний уровень основания славянского слоя в $70-100$ см,

ные из черепков красной глиняной посуды, преобладают в первом метре слоя. Есть они и под нулевой линией. В нижней половине второго метра их много, у середины метра наступает перерыв, а в верхней половине второго метра они встречаются снова,

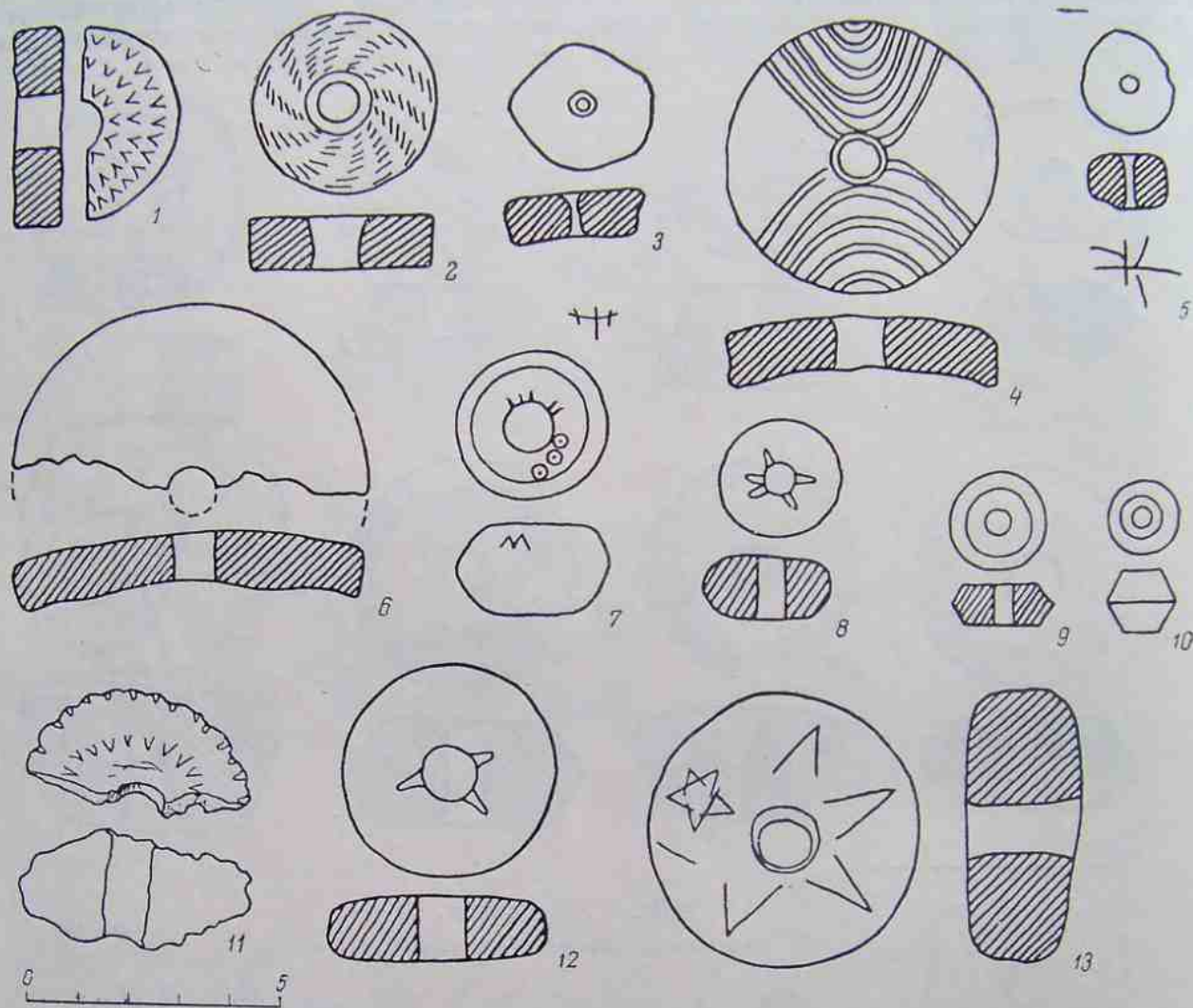

Табл. VI. Пряслица.

1, 2 — вылеплены из глины, залощены и хорошо обожжены; 3 — черепковое, из хазарского жилища; 4 — черепковое, с орнаментом сосуда; 5 — мергельное, с граффити; 6 — очень большое, из черепка амфоры; 7 — шиферное, с двумя граффити и сверлинами; 8 — шиферное, внутри расточено нитками; 9, 10 — шиферные, малые; 11 — глиняное из хазарского слоя; 12 — черепковое, внутри расточено нитками; 13 — из крепкого толстого черепка, с прорезанными изображениями звезд.

то ниже этой линии окажутся здесь четыре пряслица, находившиеся также в ямах.

Каменное пряслице в изучаемом раскопе найдено в единственном экземпляре, а мергельные и глиняные, как и везде, занимали различные положения.

В раскопе II 1950 г. наблюдается более определенная приуроченность пряслиц различных типов к определенным горизонтам культурного слоя. Пряслица, изготовлен-

но в малом количестве. В третьем, неполном метре слоя их вовсе нет.

Пряслица, изготовленные из лощеных черепков посуды салтово-маяцкого типа, заходя под нулевую линию, почти полностью укладываются в первом метре слоя.

Славянских шиферных пряслиц имеется в ямах под нулевой линией четыре на глубине от -8 до -81 см. В нижней половине первого метра их мало. В верхней больше-

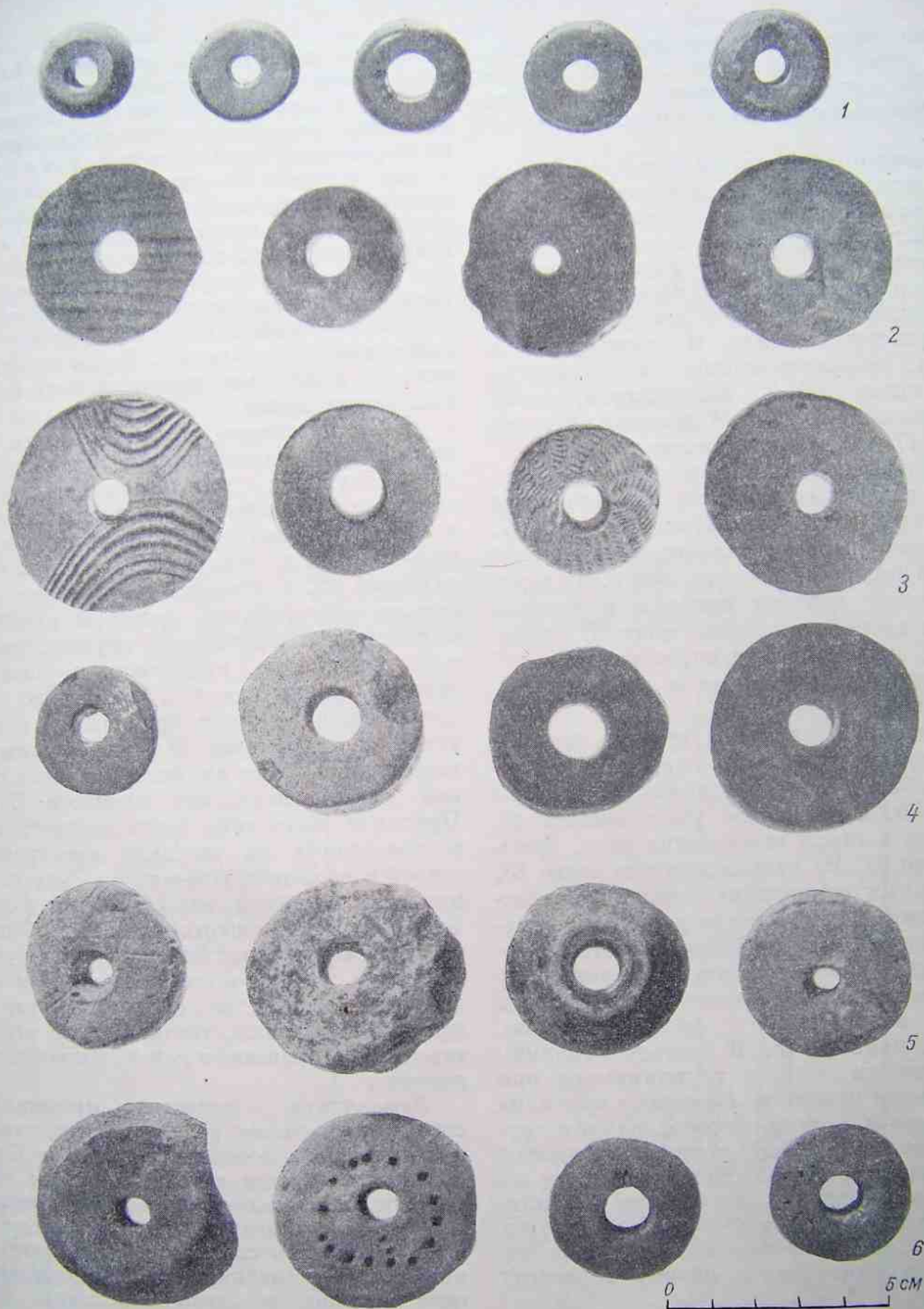

Табл. VII. Пряслица.

1 — шиферные; 2 — из черепков лощеных сосудов; 3 — из черепков красноглиняных сосудов; 4 — из твердых пород камня; 5 — мергельные; 6 — глиняные.

Особенно обильны находки шиферных пряслиц во всем втором метре слоя. В третьем неполном метре их естественно мало. Здесь слой обрывается дневной поверхностью городища.

Каменные пряслица копируют формы и размеры красночерепковых, находятся в одних с ними комплексах и горизонтах и поэтому могут быть объединены с ними.

В раскопе II 1951 г. группа керамических красночерепковых пряслиц зонной формы особенно многочисленна в первом метре культурного слоя. Их здесь найдено (из числа зафиксированных в отношении уровня залегания) 75 экземпляров, включая заготовки. В нижней половине второго метра — 17 экземпляров, выше их нет.

В нижней половине первого метра славянских шиферных пряслиц найдено всего 3, в верхней половине первого метра — 7. Наибольшее распространение они имеют в нижней половине второго метра. В верхней половине второго метра и в третьем неполном метре их найдено всего 3. Следовательно, наибольшее распространение керамических пряслиц падает на первый метр, шиферных — на второй.

В раскопках цитадели группа керамических красночерепковых пряслиц оказалась наиболее многочисленной в первом метре слоя, с заметным уменьшением их количества к верху этого метра слоя. Здесь их найдено 61. Во втором метре их всего 13.

Шиферных славянских пряслиц в нижней половине первого метра всего 6. В верхней половине 19. На границе первого и второго метров число находок снижается, но во втором метре слоя пряслица этой группы имеют значительное распространение. Здесь их найдено 28. В третьем неполном метре слоя их мало, и группируются они в его нижней половине. Каменные пряслица зонной формы в этом раскопе, как и в других, в меньшем числе единиц повторяют общий характер поглубинного залегания керамических пряслиц. Мергельные и глиняные пряслица здесь, так же как и в других раскопах, не имеют преимущественного тяготения к какому-либо одному горизонту слоя.

Изучение самих пряслиц и анализ стратиграфии их залегания в раскопах городища позволяет сделать некоторые выводы.

Сведенные в общую поглубинную таблицу, все группы пряслиц наиболее полно

выявляют характер их залегания, их массовое тяготение к определенным горизонтам слоя. Красночерепковые керамические пряслица, например, имеют наибольшее распространение в первом метре слоя и именно в его нижней половине, а также и ниже нулевой линии, шиферные — в верхней половине первого метра и особенно во втором метре. Пряслица, изготовленные из черепков лощеной посуды салтово-маяцкого типа, немногочисленны, но характер их залегания очень близок к характеру залегания красночерепковых. То же можно сказать и о пряслицах, изготовленных из твердых пород камня.

Факт массового распространения керамических красночерепковых пряслиц в самых глубоких горизонтах культурного слоя свидетельствует о принадлежности их к инвентарю основной массы населения городища Саркел до покорения его князем Святославом в 965 г. Отнести эти пряслица к остаткам материальной культуры какой-либо определенной этнической группы, племени или народности, входивших в хазарский каганат, равно как и к инвентарю самих хазар, вряд ли будет правильным и достаточно обоснованным. Неопровержимым остается лишь факт их использования основной массой населения крепости Саркел. Пряслица этого типа были распространены в поселениях на широких пространствах степей и лесостепи юго-востока Русской равнины. В частности, мы их видели у славян Большого Боршевского городища. Они бытовали в Приуралье, Заволжье и на Кубани. Полагаем, что ими могли пользоваться и собственно хазары, но именовать этот тип пряслиц хазарским, значит сужать его действительное значение и давать неточное определение.

Заманчивую перспективу представляло собой определение границы, разделяющей культурные наслоения городища до Святославова покорения и после него. Но практически это оказалось далеко не так просто. Проще было отделить основную массу хорошо известного славянского инвентаря от инвентаря неславянского. Древнеславянские жилища роменско-боршевского типа представляли собой врезанные в землю полуземлянки, и вот они-то, оставленные на городище Саркел—Белая Вежа славянским населением, сильно нарушили и спутали стратиграфию наслоений на городище и за-

несли славянский инвентарь, в том числе пряслица, в гораздо более глубокие, не соответствующие им горизонты.

Представляется достаточно обоснованным немногочисленную, но типичную группу пряслиц, изготовленных из черепков сероглиняной лощеной посуды салтово-маяцкого типа, равно как и самую эту посуду, отнести к бытовому инвентарю населения городищ салтово-маяцкой культуры.

Изучение поглубинного залегания пряслиц показывает, что во всех раскопах, за исключением раскопа 1934 г., на стыке первого и второго метров культурного слоя лежит полоса некоторого разрежения или перерыва находок. Местами эта полоса шире, местами уже. То она лежит выше, то ниже, она то более, то менее заметна. Может быть, она и является тем горизонтом, на котором происходила смена старого гарнизона Саркела хазарского времени новым гарнизоном киевского князя Святослава.

Тот факт, что керамические красночерепковые пряслица, идя на убыль, не исчезают сразу, а все еще продолжают встречаться в слоях, датирующихся славянским инвентарем конца X—XI в., объясняется отчасти использованием этих пряслиц в виде подъемного материала славянским населением, поселившимся на городище после 965 г., отчасти сосуществованием жившей здесь до этой даты хазарской и славянской групп населения и после указанной даты.⁶

Наряду с другими остатками материальной культуры пряслица могут быть использованы в качестве имеющих свое значение вещественных источников. Настоящей статьей изучение пряслиц только лишь начато. Оно должно быть продолжено на материалах более широких эпох и территорий.

⁶ М. И. Артамонов. Белая Вежа — русская колония в степях Подонья. КСИИМК, XII, 1951.

С. А. Семенов

О НАЗНАЧЕНИИ «КОНЬКОВ» И КОСТЕЙ С НАРЕЗКАМИ
ИЗ САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

I

В числе костяных предметов, обнаруженных на территории городища Саркел—Белая Вежа, оказалась большая серия так называемых «коньков». Под этим наименованием археологам хорошо известны трубчатые кости лошади и быка, одна сторона которых стесана и зашлифована и имеет вид правильной площадки или грани. «Коньки» сравнительно часто встречаются в инвентаре памятников с I тысячелетия до н. э. и позднее. Они известны на юге европейской части Советского Союза (поля погребений Ольвия, Саркел) и на севере (Старая Ладога), а также в Западной Европе.

«Коньки», найденные в Саркеле, представляют пястные и плюсневые кости быка и лошади (рис. 1, 1—5; 2, 1—5). Иногда встречаются лучевые кости лошади. Чаще всего площадка расположена на фронтальной стороне кости. Один эпифиз затесан с той же стороны так, что если кость положить площадкой на ровную поверхность, этот конец ее окажется слегка приподнятым. Затесывание эпифиза придает кости форму санного полоза или конька.

Не все кости затесаны, как описано выше. Встречается немало экземпляров, у которых конец не приподнят и площадка остается ровной (рис. 2, 2, 3). Есть кости, диафизы которых использовались без предварительной затески, они лишь слегка пришлифованы (рис. 1, 2—4). Реже всего можно видеть кости без выравненной площадки, у которых диафизы только заглажены с одной стороны.

Такие кости использовались без предварительной обработки, если не считать легкой подтески одного эпифиза. По всей вероятности, этот тип орудия представлял собой начальную его форму, позже его стали подтесывать с концов и по диафизу.

Чаще всего применялись подтесанные кости. После подтески фронтальной стороны кость еще притиралась на абразивном камне, благодаря чему грубо тесаная площадка превращалась в правильную плоскость.

Есть отдельные экземпляры «коньков», обработанные иначе. На них подтесаны и пришлифованы три стороны и даже четыре, а не только фронтальная. В таком виде они имеют почти квадратное сечение. На концах эти кости были просверлены (рис. 2, 1—3). Однако использованной в работе во всех типах «коньков» оказывалась только одна сторона.

При изучении поверхности «коньков» из Саркела—Белой Вежи было выяснено, что их площадки носят следы изнашивания в работе во всех случаях, за исключением одной кости, на которой имелись только следы предварительной затески диафиза (рис. 1, 1). Кости были изношены в разной степени: одни слегка заглажены, другие истерты до самой полости и даже до середины полости.

Обращает на себя внимание и залощенность почти всех костей не только со стороны площадки, которая служила рабочей частью, но в других частях и особенно с дорзальной стороны. На этой стороне иногда были нанесены

один или два очага насечек, которые обычно на костяных орудиях наносятся в целях уменьшения скольжения руки или ремешной привязи.

щей части костей нет отверстий, с помощью которых их можно было бы привязать к ноге. Во-вторых, следы изнашивания на площадках имели бы определенные признаки трения

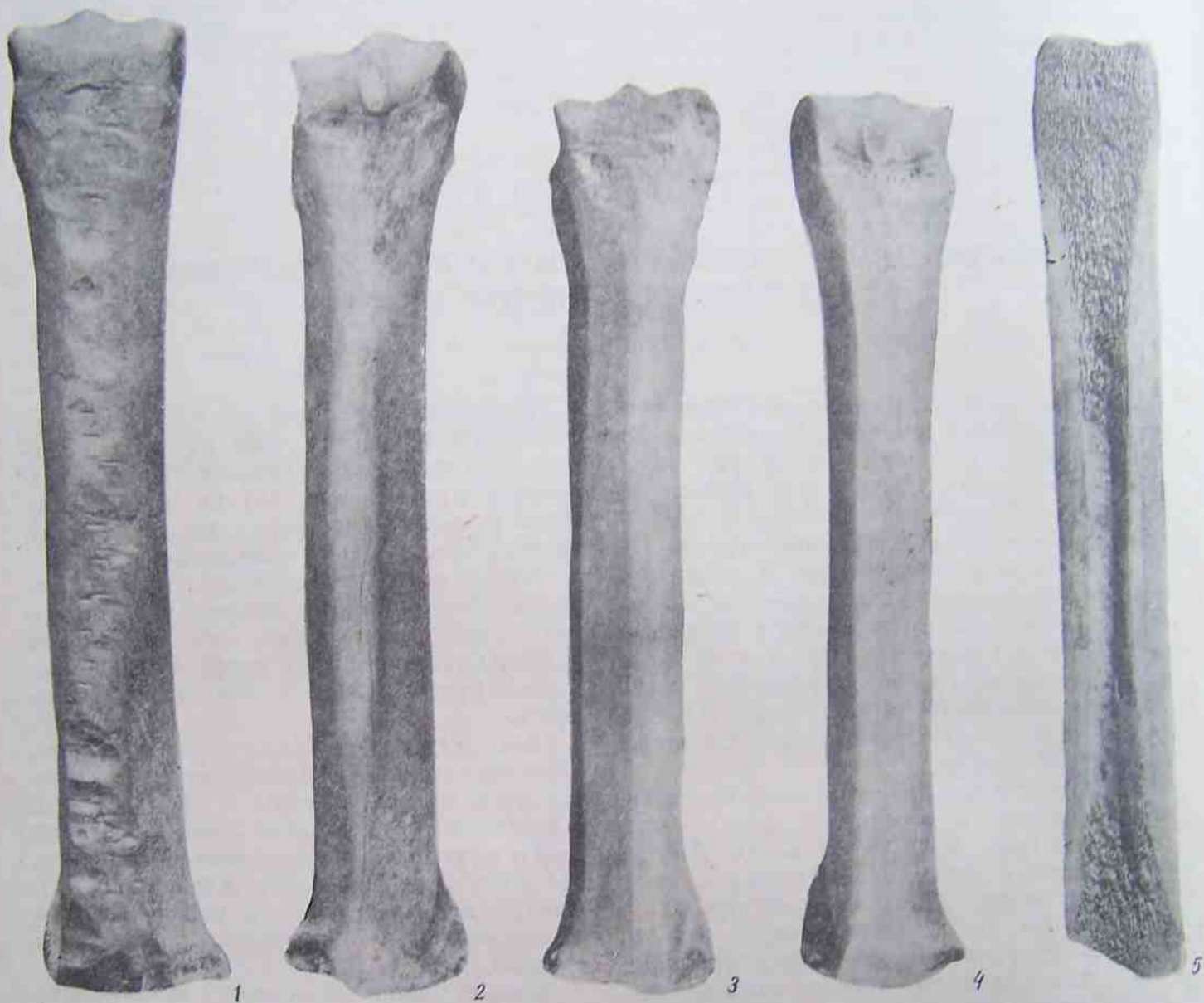

Рис. 1. Образцы обработанных «коньков».

1 — кость со следами отески по вентральной стороне, не была использована в работе; 2 — кость, использованная в работе после слабой пришлифовки; 3 — кость с двумя площадками (гранями); 4 — кость с одной площадкой; 5 — кость, сильно изношенная в работе.

Назначение «коньков» нельзя считать окончательно выясненным. Изучение их, однако, позволило очень близко подойти к решению вопроса. Прежде всего необходимо полностью отвергнуть гипотезу об использовании этих костяных предметов в качестве коньков для катания по льду. Против этого говорит целый ряд фактов. Во-первых, на подавляю-

о лед. Края площадки были бы закруглены, острые углы сняты и завалены, вся площадка в целом потеряла бы геометрически правильные очертания. В-третьих, линейные следы на площадках отражали бы движения, которые производит конькобежец. Он не только скользит по прямой. При разбеге ноги конькобежца поочередно делают резкий упор на

острый край конька для броска вперед. В этот момент конек скользит не вперед, а подается чуть в сторону под тяжестью тела. На стальных коньках линии износа

держит инородные включения (песок, гравий, мелкую гальку). В-пятых, не все «коньки», как сказано выше, имеют приподнятый сверху конец. Площадки на некоторых кос-

Рис. 2. Образцы обработанных «коньков».

1, 2 — просверлены на одном конце; 3 — просверлены на обоих концах; 4, 5 — на диафизе нанесено по два очага насечек.

пересекаются под углом до $70-80^\circ$. В-четвертых, на коньках всегда можно обнаружить нелинейные следы (вдавленности, ссадины), образующиеся в моменты, когда конькобежец стоит или шагает по льду. Вдавленности и ссадины возникают вследствие того, что лед имеет неодинаковую плотность. Он со-

тает, несмотря на следы сильной изношенности, отличаются идеальной прямой по всей длине кости. Такие «коньки» не могли бы скользить по льду, не цепляясь за каждую неровность.

Таким образом, на костяных предметах из Саркела не наблюдается признаков изна-

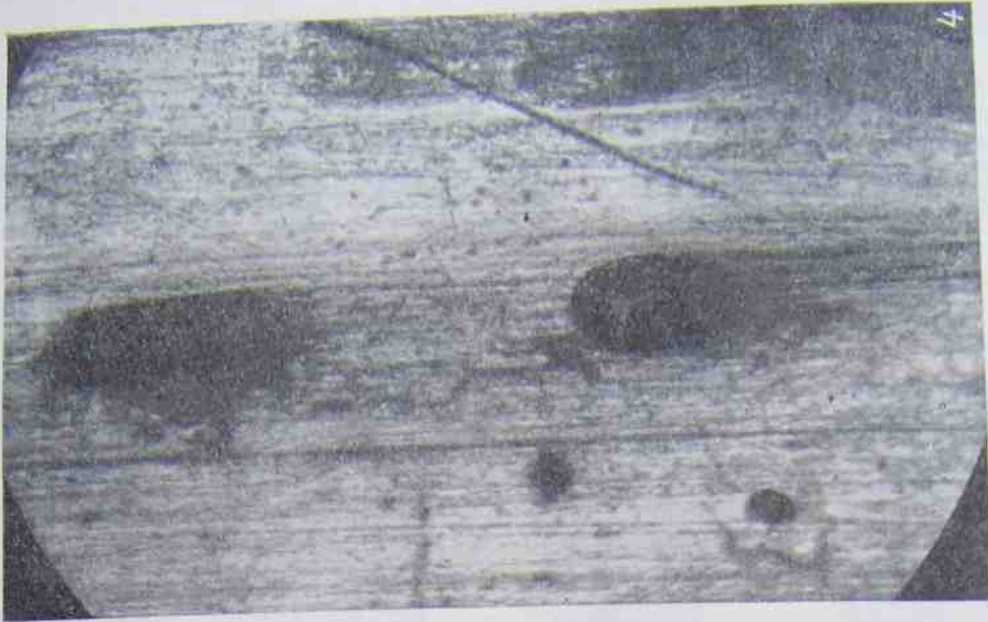
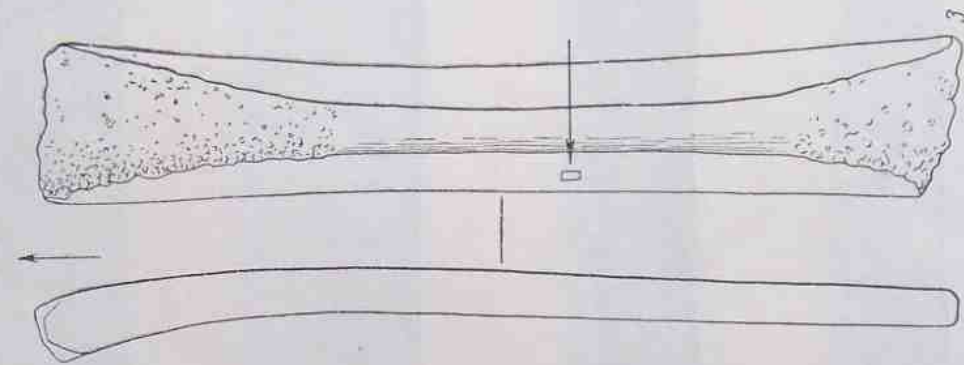
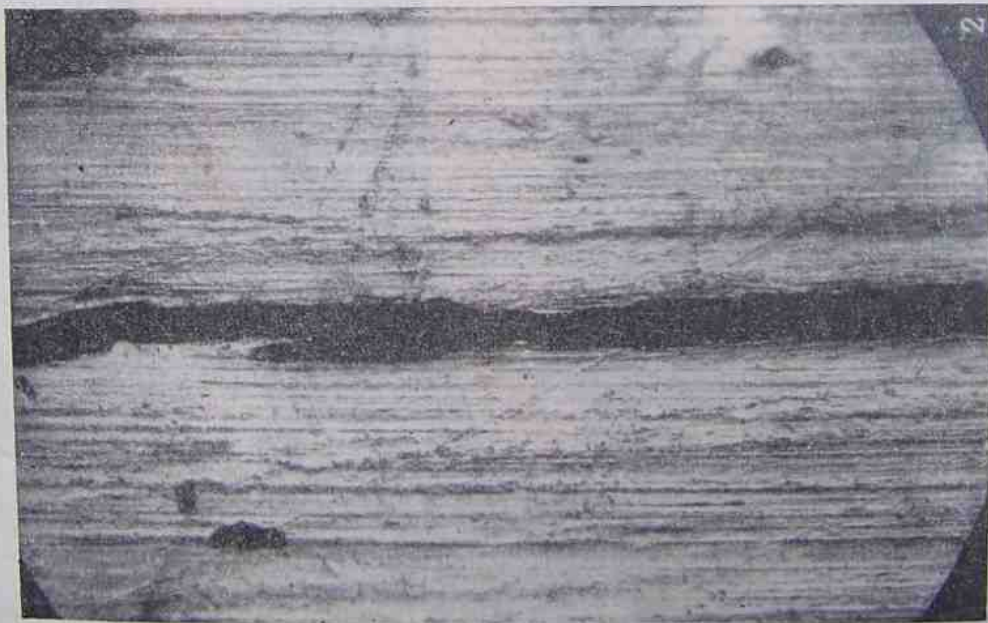
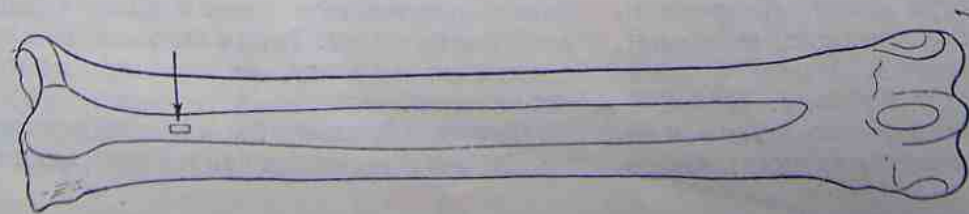

Рис. 3. Микросъемка поверхности «коньков».

1 — гладкая кость; стрелкой указана точка изогнутой поверхности, с которой сделан микроснимок; 2 — микротомография, показывающая направление линий изгибания; острые трещины; 3 — гладкая кость в профиль и в плане, изогнута до полусферы; вертикальной стрелкой указано направление движения орудия в процессе работы; горизонтальной — точка изогнутой поверхности, с которой сделан микроснимок; 4 — микротомография, показывающая направление линий следов; крупные темные впадины на снимке являются устьями гангронных каналов; срабатанность нижнего края устья указывает на одностороннее (поступательное) движение орудия в процессе работы.

шивания, свойственных конькам. Площадки сохраняют формы правильных плоскостей. Линейные следы, рассматриваемые на микрофотографии, имеют вид очень тонких рисок и ориентированы в одном направ-

бы лощеную поверхность. Промежуточным веществом не могла быть жидкая или порошкообразная масса, так как в порах губчатой структуры кости таковой не обнаружено. Этим веществом могла быть ткань или кожа.

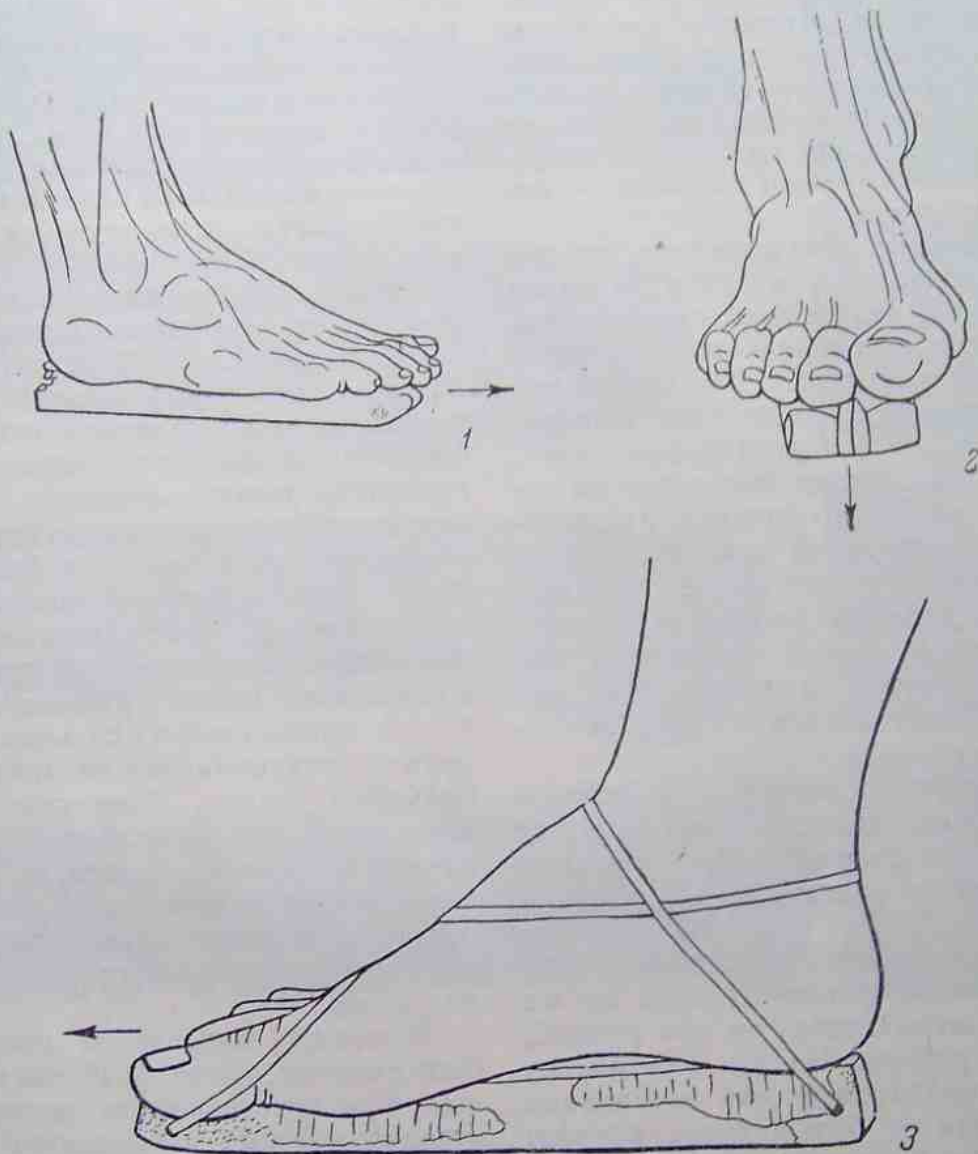

Рис. 4. Способ прикрепления «коньков» к ноге.

1, 2 — положение ноги на непросверленном гладильнике (вид сбоку и спереди);
3 — положение ноги на гладильнике с отверстиями.

лении: они параллельны оси диафиза или слегка отклоняются от нее (рис. 3, 2, 4). Следовательно, эти предметы в процессе работы скользили по прямой. Площадь, по которой происходило скольжение, была в такой же степени правильной плоскостью, как и площадки на «коньках». Залощенный вид поверхности площадок свидетельствует о том, что в процессе рабочего трения между ними находилось мягкое волокнистое вещество. В противном случае кость не приобрела

Во время работы костяное орудие под большим давлением скользило вперед подтесанным и приподнятым концом. Об этом свидетельствуют следы изнашивания (рис. 3, 4), указывающие на поступательный характер движения. Край микроскопических лунок на заполированной поверхности кости, являющиеся выходами гаверсовых каналов, изношены с одной стороны, противоположной приподнятому концу орудия.

О том, что этим орудием разглаживалось

мягкое, волокнистое вещество, говорит и некоторая затупленность краев. Безусловно рабочая площадка орудия слегка вдавливалась в него, будь то ткань или кожа.

Ткань требует дополнительной обработки после того, как она снята с ткацкого станка. Особенно нуждаются в отделке шерстяные ткани. Их ворсуют, декатируют, разглаживают на вальцах (каландрах) или под прессом и лощат. В средние века, когда станки еще только зарождались, подобные операции производились ручным способом, с помощью гладильников.

«Отличие лощильного аппарата от каландра заключалось в том, — пишет Е. А. Цейтлин, — что он имел своим назначением отделку уже готовой набитой ткани, наведение на нее глянца. В соответствии с этим рабочим органом лощильного аппарата были гладильные (полуовальные) камни, действовавшие аналогично каландровым валам. Другая форма такого аппарата представляла собой уже знакомый нам по полотняному производству ашпретурный винтовой пресс. Наконец, иногда употреблялся наиболее примитивный способ лощения — разглаживание натянутой на столе ткани отполированным камнем (или куском металла)».¹

В древности, по-видимому, разделения функций по отделке тканей на каландровку и лощение не существовало. Эти операции могли производиться одним гладильным орудием.

Костяные гладильники из Саркела, судя по всем признакам, установленным на их поверхности, употреблялись не для ручной, а для пожной работы. На это указывают, прежде всего заполированность дорзальной стороны, которая в большинстве случаев не затесывалась и сохраняла анатомическую форму. Кроме того, на этой стороне мастер иногда наносил углом топора насечки. Такие насечки наносились преимущественно на рукояточную часть костяных орудий, которая от трения о кожу руки становилась скользкой. Насечки придавали шероховатость поверхности кости, позволяя крепче и увереннее зажимать орудие в руке. На «коньках» наносилось два очага насечек: один у дистального эпифиза, а другой у проксимального (рис. 4, 1, 2). Расстояние между насечками

почти соответствует расстоянию между центром пяточной кости и дистальными головками пястных костей ноги человека с подошвенной стороны.

Работа, вероятно, производилась босой ногой (рис. 4, 1, 2) или ногой в мягкой обуви. Гладильные кости с отверстиями в эпифизах, очевидно, привязывались к ноге ремешками.

Ножная работа была более эффективна в таких простых операциях, как разглаживание полотнищ ткани или кожи, так как при этом можно было использовать не только значительную мышечную силу, но и вес тела.

Использование силы ног имело место и в других операциях старинного текстильного производства. «Так, в 1208 г. в Лондонском цехе сукновальщиков рассматривалась жалоба городских сукновалов, требовавших запрещения отдачи сукон на загородную речную мельницу, лишившую их заработка, так как их „орудия“ (ноги) не обладали такой силой и быстротой, с которой производили сукновальные песты».²

По второй, более вероятной гипотезе, назначение «коньков» следует связывать с обработкой кожи, с лощением ее. В пользу этой функции говорит сильная изношенность орудий, указывающая на приложение очень большого усилия. Лощением и выглаживанием кожи достигается не только получение глянца на ее поверхности, но и уплотнение, сжатие коллагеновых и эластиновых волокон дермы после всех предшествующих операций, включающих разминку и рыхление кожи.

Функции лощения и глажения могли быть связаны, кроме обработки тканей и кожи, еще и с изготовлением меховых изделий, отделка которых завершается гладильными операциями.³

Потребность в кожаных и меховых изделиях в эту эпоху была достаточно велика. Скотоводческие общества кочевников по характеру своего хозяйства, техники и условий жизни широко использовали кожу как материал для обуви, ремней, седел, сбруи, чепраков, боевых щитов, пожен для ножей, кинжалов и мечей. Кожа и шкуры шли также для изготовления ведер, мехов для хранения жидкостей, мешков, сумок, кузнечных мехов, для обтягивания деревянных изделий.

¹ Там же, стр. 68.

² И. П. Стефанович. Технология меха. М., 1952, стр. 314.

³ Е. А. Цейтлин. Очерки истории текстильной техники. М.—Л., 1940, стр. 137.

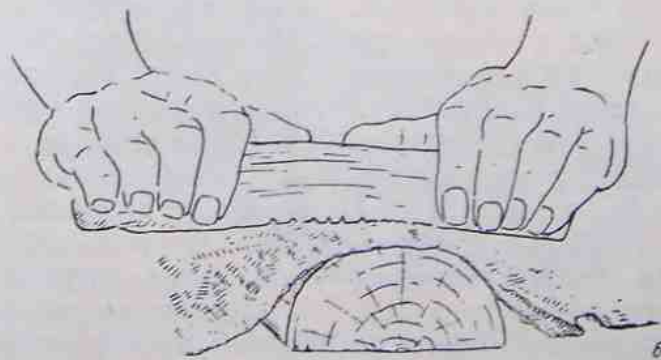
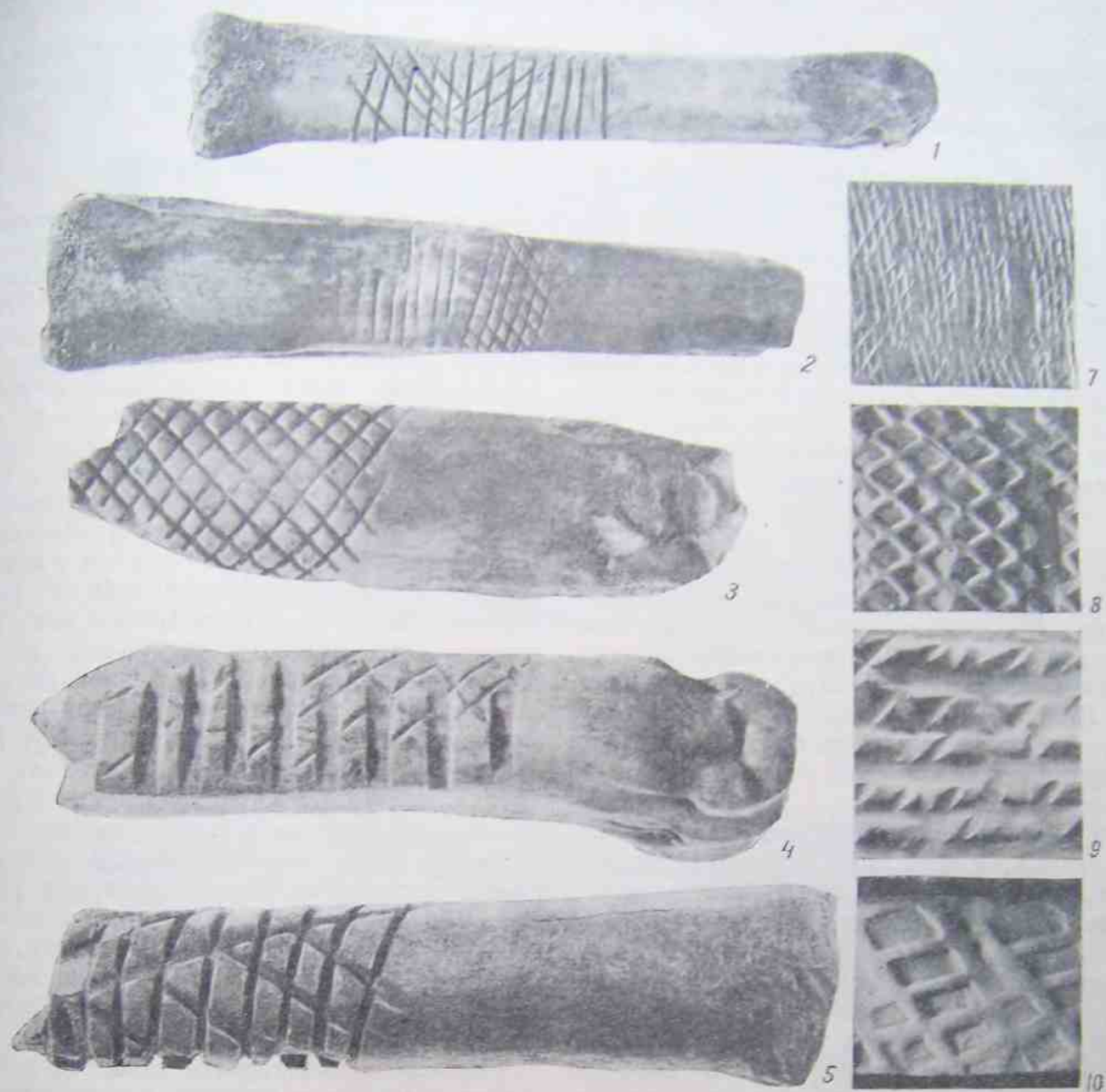

Рис. 5. Костяные инструменты.

1—5 — кости с нарезками на диафизах; 6 — реконструкция предполагаемого использования костей в качестве орудий для тиснения кожи; 7—10 — оттиски нарезной части костей на пластине.

пошивных ремешков для сшивания шкур, связывания различных деталей в составных предметах и т. д. Не лишено вероятности,

что в Саркеле уже существовали ремесленники по обработке кожи и выделке из нее различных изделий на рынок.

II

Другая серия трубчатых костей из Саркела носила следы обработки и изнашивания (рис. 5, 1—5), отличающиеся весьма своеобразными чертами. Признаки обработки на них двоякого рода. Во-первых, это очень часто встречающиеся на крупных трубчатых костях следы отесывания эпифизов с тем, чтобы выровнять кость в одну линию с диафизом. Отесывание произведено металлическим топором, хорошо заточенным и имеющим малый угол заострения лезвия. Во-вторых, на диафизах костей нанесены глубокие прямолинейные нарезки или канавки, пересекающиеся друг с другом под разными углами. Фигуры, полученные от пересечения нарезок, имеют формы квадратов, треугольников, ромбов и параллельных полосок. Большая часть канавок вырезана ножом, но в одном случае на орудии, имеющем канавки разной ширины, более широкие из них продолблены узким долотом между двумя линиями нарезок. Есть экземпляр из этой серии, сделанный не из трубчатой кости, а из рога оленя (рис. 6, 3), на котором вырезаны фигуры параллельных полос и ромбов. На одном из костяных орудий канавки не пересекаются друг с другом, а расположены в ряд по диагонали (рис. 6, 2). На нем видны следы строгания, по которым можно судить о намерении подправить рабочую поверхность орудия или снять неровности рельефа; то же наблюдается и на других экземплярах. Почти все орудия сломаны, за исключением одного. Они сломаны на линиях, прорезанных глубокими канавками, т. е. в участках, оказывающих более слабое сопротивление механическому воздействию.

Поверхность этих костяных орудий заглажена до блеска и даже заполирована на тех участках, на которых расположены нарезки. Никаких следов ударов твердым или острым орудием на них не наблюдается.

О назначении этих предметов ничего не было известно. Не существовало для них даже условного типологического наименования. Наши исследования были направлены к изучению поверхности рельефной части, так как именно здесь видны следы изнашивания, наиболее сильно выраженные. На

отдельных экземплярах рельеф из квадратов или ромбов был не только заполирован до блеска, но и стерт частично или полностью в результате длительной работы. Однако при рассмотрении в бинокулярную лупу на заполированной поверхности изношенного рельефа не было установлено линейных следов стирания, идущих в каком-то определенном направлении. Серии очень мелких царапин, обнаруженные на выступах (квадратах и ромбах), шли в разных направлениях и поэтому не могут служить указателем на горизонтальное движение орудия в процессе работы. Они могли возникнуть от разных причин (даже просто от трения костей при перевозке) и являются совершенно нехарактерными кинематическими признаками.

Кроме того, обращают на себя внимание признаки иного порядка. Края фигур (квадратов и ромбов) завалены, затуплены и округлены. Создается определенное впечатление, что материал, по которому производилась работа, частично заполнял внутренность нарезок и канавок во время работы. Изнашивание такого рода могло возникнуть не при смещении орудия по плоскости, а в результате давления на обрабатываемый предмет, в который вдавливался рельеф, вырезанный на кости.

Весьма существенным казалось и то обстоятельство, что площадь сильного изнашивания не захватывала весь рельеф, вырезанный на костяном орудии, а сосредоточивалась на небольшом участке. Это указывало на то, что одновременное давление производилось на незначительной площади.

Сломанные орудия в то же время говорят об очень большом механическом усилии в момент давления на обрабатываемый предмет. Об этом свидетельствует и степень износа этих орудий.

Принимая во внимание указанные признаки: 1) глубокий рельеф геометрических изображений на стенках трубчатой кости, 2) сильную изношенность и заполированность рельефа, 3) свидетельства о вертикальном нажиме на мягкий материал, в который вдавливалось орудие нарезками, 4) малую площадь давления, 5) большое механическое

усилие в процессе надавливания, — следует заключить, что данные орудия предназначались для тиснения изображений на пласт-

Материалом, по всем данным, являлась кожа. Тисненая кожа, как известно, встречается еще в памятниках эпохи ранних кочевников.

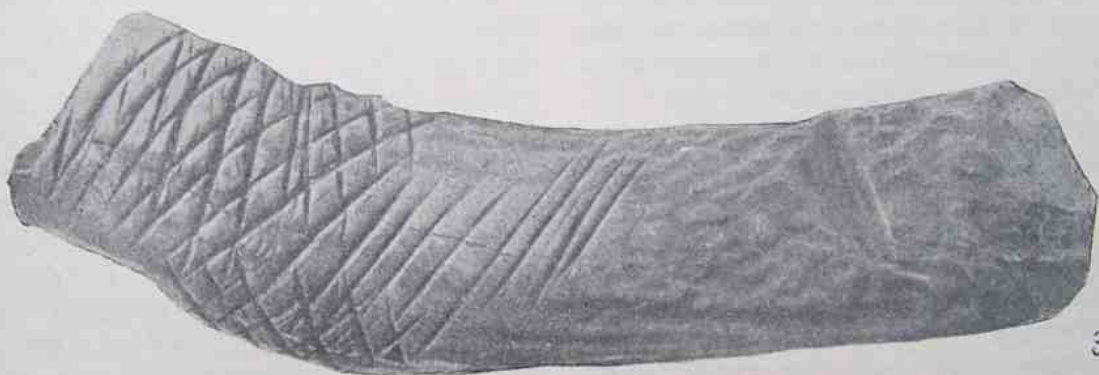

Рис. 6. Костяные инструменты.

тическом материале (рис. 5, 6). Этим материалом, однако, не могла быть глина, паста или какое-либо другое вязкое вещество.

Оттиски, сделанные этими орудиями на пластилине, дают представление о рисунке тиснения в позитиве (рис. 5, 7—10).

А. М. Щербак

ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ И КИРПИЧАХ ИЗ САРКЕЛА—БЕЛОЙ ВЕЖИ

(К вопросу о языке и письменности печенегов)¹

Раскопки, проводившиеся под руководством М. И. Артамонова на месте древней хазарской крепости Саркел, дали большое количество очень интересных и важных находок, среди которых выделяются разнообразные знаки, нанесенные на поверхность керамики и кирпичей. Эти знаки имеют характер тамг, однако употребление большинства из них в качестве тамг является факультативным. Наличие сочетаний, строгое соблюдение правил написания знаков и некоторые другие обстоятельства позволяют рассматривать указанные знаки как знаки письма.

Предметы материальной культуры, найденные при раскопках Саркела, свидетельствуют о скрещении в нем главным образом трех культурных традиций: прибрежно-черноморской (боспорской), приднепровско-русской и степной (кочевнической). Такое скрещение объясняется тем обстоятельством, что на протяжении больше чем столетия Саркел служил передовым опорным пунктом Хазарской державы и Византии в борьбе с кочевниками и вместе с тем являлся местом столкновений с Русским феодальным государством.

Наличие нескольких культурных традиций прослеживается и на знаках, найденных в Саркеле. Последние в соответствии с отмеченным выше разделением предметов материальной культуры образуют три больших группы: прибрежно-черноморский тип, приднепровско-русский и степной.

Поскольку знаки, связанные с культурой греческих колоний Причерноморья и приднепровских городов Киевской Руси, уже в достаточной мере описаны и широко известны, основным объектом описания и исследования в данной работе будут кочевнические знаки. Указанные знаки дают общее представление о некоторых общественных институтах кочевых племен южнорусских степей в IX—X вв. и обращают на себя внимание связью с какой-то определенной системой письма, имевшей относительно строгие территориальные и хронологические границы. Стремление ввести эти знаки в научный обиход, прояснить по мере возможности их связь со знаками других надписей, а также определить их этническую принадлежность выразилось в дополнении основного раздела статьи специальным историко-лингвистическим экскурсом, посвященным вопросу о языке и письменности печенегов.

О печенегах написано очень много и на западе, и у нас, в России.² При этом

¹ Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность и благодарность своему дорогому учителю С. Е. Малову, без наставлений, помощи и советов которого данная работа была бы невозможной. Я очень благодарен также М. И. Артамонову и О. А. Артамоновой за помощь, оказанную мне при проверке, изучении и классификации разных материалов, хранящихся в Гос. Эрмитаже.

² Некоторые из специальных работ оказались недоступными, например: С. А. Macartney. *The Petchenegs. The Slavonic Review*, v. VIII. London, 1929, стр. 342—355; Н. Namiğ. *Peçenekler. Istanbul, 1933; S. S. Peçeneklere dair araştırmalar*.

особого внимания заслуживают труды исследователей прошлого столетия В. Васильевского, П. Голубовского и других, а также работы таких крупнейших совре-

менных специалистов в области изучения печенегов и печенежского языка, как Ю. Немет и Ю. Моравчик.

І. ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ И КИРПИЧАХ³

А. ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ

В формальном отношении знаки на керамике обнаруживают разные типы: линейный или геометрический, для которого характерна простота построения и преобладание прямых черт; фигурный, с тенденцией перехода в рисунок; комбинированный, представляющий разного рода сочетания первого и второго типа или, точнее, их элементов, и т. д.

Почти все саркелские знаки из числа тех, которые сделаны на керамике,⁴ являются знаками собственности и напоминают хорошо известные специалистам тюркские и монгольские тамги. Некоторые знаки приближаются по своему назначению к родовым знакам и представляют собой более абстрактное выражение собственности, чем обычные тамги. Наконец, небольшая группа знаков не имеет вообще никаких социальных функций, так как представляет собой рисунок или орнамент (табл. I, II).

Сравнительно-типологическое исследование знаков на керамике позволяет выделить, как уже отмечалось выше, три основных группы, различающиеся в этническом и хронологическом планах.

1. Прибрежно-черноморский тип

К прибрежно-черноморскому типу относятся знаки, имеющие параллели в боспорских амфорных клеймах и разнообразных граффити на сосудах, найденных в Причерноморье.⁵ В большинстве своем эти знаки

являются буквами греческого алфавита (табл. IV, V): μ ν ρ κ и др. Эти же знаки встречаются в составе нескольких сочетаний (табл. XVI—XIX). Часть знаков, относящихся к данному типу, имеет характер символов.

Наличие знаков прибрежно-черноморского типа в Саркеле связано с существованием тесных торговых отношений Саркела с причерноморскими городами, являвшимися основными поставщиками керамических изделий.

Относительно назначения граффити существуют разные мнения: «инвентарная нумерация», «сокращенные имена божеств», «названия сосудов», «обозначения цен», «разные пометы торговцев».⁶

2. Приднепровско-русский тип

Данный тип представлен в Саркеле следующими знаками: μ ν ρ κ λ σ τ ζ (табл. VI), которые сближаются с княжескими знаками Рюриковичей, относящимися к X—XII вв. и расположенными на перстнях, печатях, подвесках, свинцовых пломбах, гончарных сосудах, кирпичах и на других предметах.⁷ Кстати сказать, данный тип прослеживается и на изделиях из кости⁸ (рис. 1).⁹ Некоторую близость к княжеским (родовым) знакам Рюриковичей обнаруживает также знак ρ ,¹⁰ встречающийся

malari. *Türkiyat mecmuası*, V, Istanbul, 1936, стр. 101—140.

³ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935; А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела. ЭВ, XII, 1958.

⁴ В абсолютном большинстве случаев знаки нанесены на керамику после обжига. Знаки, сделанные по сырому тесту, составляют небольшую группу (табл. III).

⁵ В. В. Шкорпил. 1) Боспорские надписи, найденные в 1909 году. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 1—10; 2) Боспорские надписи, найденные

в 1910 году. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 101 и сл.; Л. Ельницкий. О боспорских амфорных клеймах. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 322, 323.

⁶ Э. Р. Штерн. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах. ЗООИД, т. XX, Одесса, 1897, стр. 163—199.

⁷ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 237, 249, 254.

⁸ М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. Труды Волго-Донск. археолог. экспед., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 74.

⁹ Знаки на кистене трактуются с учетом постановки кистеня петлей вниз.

¹⁰ К. Болсуновский. Родовой знак Рюриковичей. Киев, 1908, стр. 6.

как в единичном начертании, так и в составе надписи (табл. III, рис. 2).¹¹

Наличие указанных знаков в Саркеле связано с наиболее поздним периодом его истории, т. е. со временем проникновения на Нижний Дон дружин киевских князей.

Более широкое изучение княжеских знаков отражено главным образом в нумиз-

матической литературе и было связано с необходимостью классификации монет и печатей киевских князей. Знаки на монетах и печатях имели характер родовых или фамильных тамг, они обладали большой устойчивостью, при изменчивости некоторых деталей, связанной с переходом знака от одного князя к другому, и поэтому были вполне доступны для исследования. Резуль-

татам продолжительного изучения монет и печатей явилось составление сводной таблицы знаков киевских князей, расположенных по генеалогической схеме.¹² Несмотря на наличие некоторых сомнительных мест, указанная таблица сохраняет свою ценность вплоть до настоящего времени и может быть использована в целях сравнительного изучения саркелских знаков. Что касается знаков на керамике, то они не имели значения ни знаков собственности, ни фамильных или родовых знаков и наносились на поверхность сосудов в процессе производства (через посредство гончарного круга), определяя таким образом «взаимоотношения не князя и его собственной вещи, а князя и его собственного мастера, его гончара, который не имел своей тамги, а метил изготавливаемые им изделия княжеским знаком».¹³ Может быть, поэтому знаки на гончарных изделиях долгое время не привлекали внимания исследователей. Большая заслуга в деле собирания и исследования этой категории знаков, а также княжеских знаков вообще принадлежит Б. А. Рыбакову.

Как сообщает Б. А. Рыбаков, «подавляющее большинство предметов со знаками Рюриковичей было найдено в Приднепровье, Киеве, Чернигове, Белгороде, Родне, Вышгороде, в старинных княжеских городах Руси. За пределами этого узкого круга предметы со знаками встречены

лишь эпизодически (за исключением Тмутаракани, связанной с Черниговом)».¹⁴

Происхождение княжеских знаков вызывает большие споры. По мнению К. Болсуновского, прототипом их могла послужить монограмма, заимствованная из Византии и состоящая из букв греческого алфавита, передающих титул монарха: ΒΑΣΙΛΕΥΣ.¹⁵

¹² А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. ИАН, Отд. гуманитарных наук, 1930, № 2, стр. 87—112.

¹³ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 249.

¹⁴ Там же, стр. 257.

¹⁵ К. Болсуновский, ук. соч., стр. 6.

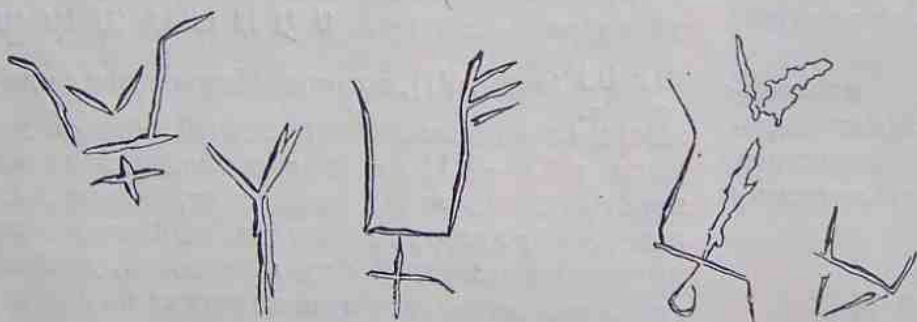
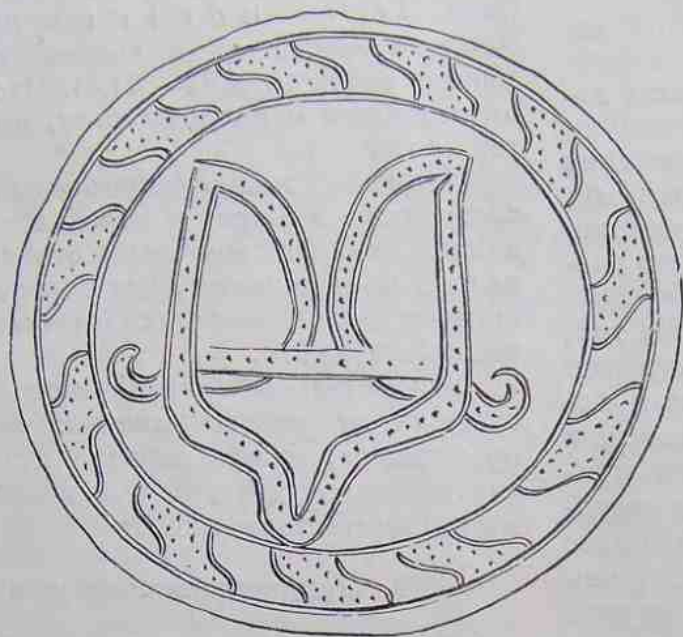

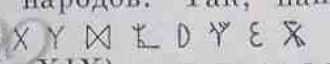
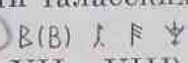
Рис. 1. Княжеские знаки на костяных изделиях.

татом продолжительного изучения монет и пе-

Б. А. Рыбаков считает это мнение парадоксальным и указывает на формальную близость к княжеским знакам Киевской Руси боспорских знаков II—III вв. н. э.¹⁶

Возвращаясь к знакам на керамике из Саркела, следует отметить, что в отличие от княжеских знаков из приднепровских городов, сделанных на гончарных изделиях, они в большинстве своем являются знаками собственности, так как вычерчены по обожженной глине. Можно предположить, что их делали княжеские холопы или дружинники, которые, оторвавшись от дружины, продолжали пользоваться княжескими знаками в своих целях.

3. Степной (кочевнический) тип

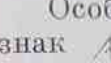
Характерной особенностью этого типа является то, что большинство из относящихся к нему знаков обнаруживает связь с различными руническими алфавитами тюркских народов. Так, например, знаки (табл. VII, VIII, XVI—XIX) совпадают с начертаниями орхонских, енисейских и отчасти таласских рун. Такие же знаки, как (табл. III, VII, VIII), сближаются главным образом со знаками надписей на новочеркасских баклажках, на камнях Маяцкого городища и на палочке из Таласа.

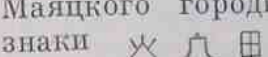
Образование знаков собственности из знаков письма имело место у разных народов, и, в частности, у монголов, тамги которых можно возвести к китайским иероглифам, орхонским рунам, буквам монгольского и тибетского письма и даже к буквам русского алфавита.¹⁷ Случаи использования алфавитного письма для образования знаков собственности известны также у греков и славян.¹⁸

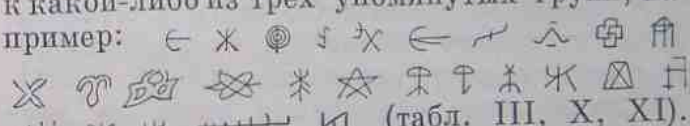
Рассматриваемая группа знаков датируется по материалам археологических находок первой или второй половиной IX в. Кстати сказать, приблизительно к этому же времени относятся знаки Маяцкого городища и надписи на баклажках из Новочеркасска. Последние могут быть отнесены также к X в.

Вопрос о том, какие кочевники находились в южнорусских степях в первой поло-

вине IX в., до сих пор остается невыясненным. По-видимому, это были отряды или разрозненные группы разных огузских племен, выполнявшие функции наемной военной силы и влившиеся впоследствии в их племенную организацию. В конце IX в. в южнорусских степях появляются печенеги — одно из крупных огузских племен, которое на протяжении значительного периода времени находилось в Приаралье и было вытеснено оттуда другими огузскими (гузскими) племенами. Таким образом, говоря о степной, кочевнической традиции в материальной культуре населения Саркела, необходимо учитывать наличие в его гарнизоне и в прилегающих к нему степях представителей разных огузских племен, включая печенегов.

Особое внимание следует обратить на знак (табл. III, IX), который сходен с одним из знаков на камне Маяцкого городища.¹⁹ Хотя полная типологическая характеристика его затруднительна, можно все-таки указать на преобладание данного структурного типа (раскрытая лестница) в местах распространения печенегов.

Некоторое сходство со знаками на камнях Маяцкого городища обнаруживают также знаки (табл. IX).²⁰

Помимо приведенных выше знаков, имеются и другие, которые трудно отнести к какой-либо из трех упомянутых групп, например: (табл. III, X, XI).

Многие из саркелеских знаков вследствие излома керамики частично утратились и предстают в таком виде, который исключает возможность восстановления их первоначальной формы (табл. XII—XV).

Большой интерес среди эпитафических материалов Саркела представляют сочетания знаков (двух, трех и большего количества). Эти сочетания (табл. XVI—XIX), так же как и отдельные знаки, неоднородны и с чисто формальной точки зрения, и с точки зрения их этнической принадлежности. Часть сочетаний состоит из знаков последней группы. Для некоторых сочетаний,

¹⁶ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 233.

¹⁷ Bi. Rintchen. Les signes de propriété chez les mongols. Archiv orientální, XXII, 2—3, Praha, 1954, стр. 468, 473.

¹⁸ К. Болсуновский, ук. соч., стр. 5.

¹⁹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 19.

²⁰ Там же, стр. 30, 32, 33.

напоминающих граффити, можно отметить параллели в клеймах из Керчи и Боспора, ср. КО Ю ИИ Э (главным образом на амфорах).²¹

Характер сочетаний таков, что вполне допустима трактовка их как надписей, обо-

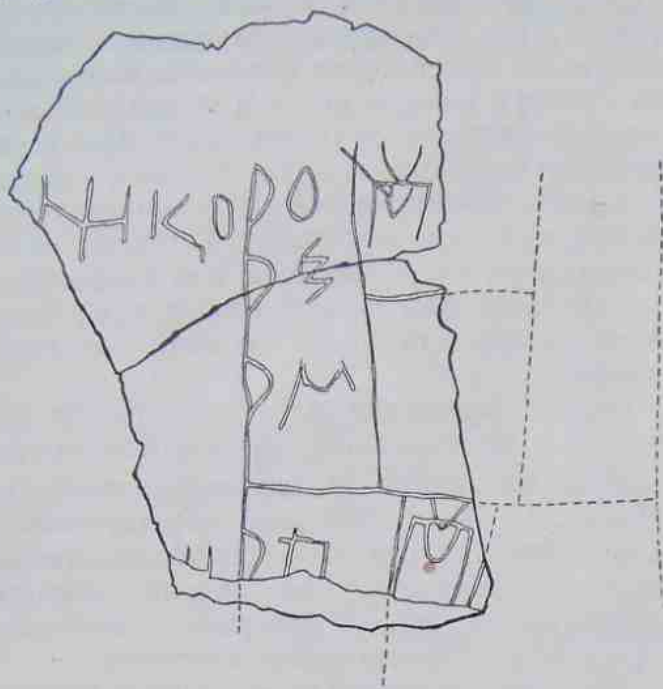

Рис. 2. Знаки на керамике.

значающих собственников готовой продукции.²² Следует, однако, воздержаться от чтения данных сочетаний, так как малочисленность знаков делает всякие предположения на этот счет гадательными.

Специально остановимся лишь на двух надписях, одна из которых была приведена выше. Обе надписи изданы М. И. Артамоновым.²³

Первая надпись (рис. 2) содержит десять или одиннадцать письменных знаков и монограмму, напоминающую княжеский знак Рюриковичей, изображенную дважды. Чтение надписей обычными приемами не дало никаких результатов. Не исключена возможность, что автор надписи пользовался криптографией.

Вторая надпись (рис. 3) содержит значительно большее количество знаков и состоит из шести строк, которые необходимо

читать слева направо, так как чтение справа налево или каким-либо иным способом кажется в данном случае совершенно невероятным. То, что эта надпись составлена из букв кириллицы, наводит на мысль о возможности ее славянского происхождения. Однако слова, выделяемые при чтении надписи, например ДРЕЛАВА, САНАОГДОН или ХАНАОГДОН, явно неславянские, и поэтому следует говорить о каком-то другом или по крайней мере смешанном языке (точнее, о смешанной лексике).

Поскольку в данной статье все время речь идет о Саркеле и прилегающей к нему территории, естественно возникает вопрос: какими же предметами материальной культуры, и, в частности, знаками (или надписями?) представлены в нем хазары?

К сожалению, определенными данными относительно характера хазарской письменности наука до сих пор не располагает. Следует, тем не менее, остановиться на этом вопросе, так как нельзя допустить, чтобы хазары, построившие Саркел и сделавшие его опорным пунктом борьбы против своих соседей с севера и запада, не оставили в нем никаких следов.

Рис. 3. Знаки на керамике.

В свое время В. В. Бартольд обратил внимание на слова персидского историка Фахр ад-дина Мубаракшаха Марварруди относительно хазарской письменности. «У хазар, — пишет последний, — есть также письмо, которое происходит от русского (بروسيان منسوب ست); ветвь румийцев (Рум=

²¹ Л. Ельницкий, ук. соч., стр. 322, 323; Э. Р. Штерн, ук. соч., табл. I—IV.

²² Э. Р. Штерн, ук. соч., стр. 166—179.

²³ М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 42—76, рис. 14.

Византия, — А. Ш.), которая находится вблизи них, употребляет это письмо и они (хазары, — А. Ш.) называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются между собой. У них 21 буква
 ن م ل ك ي ط ح ز و ه د ج ب ث : (بيست و يك)
 این) ت ش ر ق ف ع س. Та ветвь хазар (طائفة از خزریان (جهودانند)». ²⁴
 Комментируя это сообщение Марваррудя, В. В. Бартольд отмечает, что «очень правдоподобно, что русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника — от греков». ²⁵

Что касается языка хазар, то на основании всех имеющихся данных можно высказаться в пользу той точки зрения, которая устанавливает его принадлежность к тюркской языковой семье.

О тюркизме хазар с наибольшей убедительностью свидетельствуют сохранившиеся материалы по хазарской титулатуре, этнонимике, топонимике и ономастике, специально исследованные в последнее время А. Зайончковским. ²⁶ А. Зайончковский рассматривает в сравнительном плане и с этимологической точки зрения слова *хазар*, *каган*, *тарзан*, *бэз*, *ил-шад* (*алп-шад*), *јабзу*, *тэкин* (*тэгин*), *затуи*, *тудуи*, *күндэчик*, *јарашір* и др. (стр. 25—35), собственные имена *Чічак* и *Чул* (<?чур, стр. 39—41) и местные названия *Баланјар*, *Самандар*, *Саркэл*, *Сарізіін*, *Таматарза* и т. д. (стр. 41—54).

Возвращаясь к вопросу о происхождении и принадлежности указанной выше надписи, мы должны заметить, что палеографическое исследование ее может производиться только в негативном плане, т. е. в плане исключения возможности славянского источника, так как при наличии в данном случае недревнерусского текста (и нерусского алфавита), сравнение надписи с памятниками древнерусского письма не имело бы никакого смысла.

Важным моментом, доказывающим своеобразие и оригинальность письменности, отраженной в рассматриваемой надписи, является отсутствие характерных для восточнославянского извода кириллицы некоторых буквенных начертаний, например юсов, ъ и ѣ и др.

Расшифровать надпись, к сожалению, пока не удается.

Б. ЗНАКИ НА КИРПИЧАХ ²⁷

Знаки на кирпичах можно разделить на две группы: знаки, имеющие социальное назначение (значительная часть их является буквами греческого алфавита или восходит к ним; табл. XX—XXIII), знаки-изображения (или просто изображения, так как для наименования последних знаками нет достаточных оснований). При этом во второй группе выделяется две подгруппы: геометрические (линейные) изображения (табл. XXIV) и изображения-рисунки (табл. XXV).

II. К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ И ПИСЬМЕННОСТИ ПЕЧЕНЕГОВ

ВВЕДЕНИЕ

Печенеги, впервые выступившие на исторической арене в конце IX в., сыграли в свое

время значительную роль в событиях, происходивших на территории от Волги до Дуная. ²⁸ Будучи очень подвижным

²⁴ См.: Ta'rikh-i Fakhru'ddin Mubarakshah. By E. Denison Ross. James G. Forlong Fund, London, 1927, стр. 46. На стр. XI Д. Росс высказывает предположение, что этот алфавит связан с кириллицей и, конечно, не является еврейским и что под румийцами-руссами, вероятно, разумелись болгары.

²⁵ В. В. Бартольд. О письменности у хазар. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929, стр. 17.

²⁶ A. Zajączkowski. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947; здесь же (стр. 3—19) помещен подробный список литературы. А. Зайончковский специально останавливается на вопросе об основных признаках хазарского языка

и приходит к выводу, что сближение его с чувашским языком на основе анализа слова *Саркэл* является недоразумением, так как оба компонента, входящие в состав последнего, имеют общетюркский характер (стр. 54, 55). Новейшим исследованием о хазарах является работа Д. М. Дюнлопа: D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton Oriental Studies, v. 16, Princeton, 1954.

²⁷ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону.

²⁸ Необходимо отметить наличие некоторых крайностей в определении исторической роли печенегов. С одной стороны, и это в абсолютном большинстве работ, печенеги рассматриваются как вар-

народом с кочевническим укладом хозяйства, печенеги на протяжении сравнительно небольшого периода времени появлялись в разных пунктах огромного пространства и привлекали к себе внимание то одних, то других летописцев или географов.

В исторических документах, летописях и справочниках, в географических описаниях народов, населявших приаралье и южнорусские степи, печенеги выступают почти всегда под одним наименованием, ср. греч. *πατσηναίται*, *πατσηναίται*;²⁹ вост.-слав. *печенѣзи*, *печенези*, *печенегы*;³⁰ араб. *бајнāk* (*بجناک*);³¹ перс. *бајанāk*, *бијинак* (*بجيناک*);³² венгер. *besenyő*, *bissenī*, *besseneu*, *picenati*, *bessynew*, *bessi*, *bysseni*, *wissenī*;³³ польск.

варское племя, не имевшее никаких государственных институтов, совершенно лишенное культурного достояния и поэтому сыгравшее только отрицательную роль в судьбах населения южнорусских и придунайских степей. С другой стороны, имеет место тенденция приписать печенегам без достаточных доказательств особую культурную миссию. Основания для подобных суждений о печенегегах отсутствуют, так как наши знания в этой области очень незначительны, а круг источников, в которых в той или иной мере освещается история печенегов, на протяжении последнего столетия почти не менялся. Ясно одно: наличие устойчивой общественной организации, поддержание торговых и политических связей с соседними племенами и, наконец, вполне вероятное существование письменности «склоняют видеть в печенегегах племя, способное к государственной и культурной жизни», вследствие чего лингвистам и археологам «следовало бы внимательнее подойти к выявлению и изучению печенежских древностей» (В. Пархоменко. Русь и Печенеги. *Slavia*, VIII, 1, Praha, 1929, стр. 144).

²⁹ De Administrando Imperio. Constantine Porphyrogenitus De Administrando imperio. Ed. by Gy. Moravcsik, english translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, стр. 48, 51.

³⁰ Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., ч. I. Текст и перевод. Изд. АН СССР, М.—Л., стр. 47, 101.

³¹ У Мас'удī, Ибн Хаукаля и других географов. У Ибн ал-Факиха название страны печенегов — *البشناكية* (А. З. Валидов. Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха. Изв. Российск. Акад. наук, 1924, стр. 241).

³² У Фахр ад-дина Мубарākшаха и Гардѣй: *Ta'rikh-i Fakhru'ddin Mubarakshah*, стр. 47; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Зап. Акад. наук, VIII сер., т. 1, № 4, СПб., 1897, стр. 95 (119).

³³ Z. Gombocz. Über den Volksnamen besenyő. *Túrán*, IV, Budapest, 1918, стр. 209—215; W. Bang. Über den Volksnamen besenyő. *Túrán*, VI—VII, Budapest, 1918, стр. 436—437; J. Németh. La question de l'origine des sicules. *Études sur l'Europe centreorientale*. Budapest, 1941, стр. 29;

piecinigi, *pieczyngi*, *picenakiti*;³⁴ др.-евр. *пацанак*, *пуцигак*, *парцинак*;³⁵ тюрк. *бѣжнāk* или *бѣжәнāk*;³⁶ нем. *pezineigi*, *pezenegi*, *pedenei*, *petinei*.³⁷ Другие наименования печенегов, имевшие распространение главным образом у венгров, встречаются очень редко.³⁸

Самый поверхностный обзор приведенных выше разновидностей наименования печенегов позволяет считать, что в основе их лежит форма *бѣжнāk* или *бѣжәнāk*,³⁹ т. е. та форма, которая зафиксирована в диване тюркских языков Махмуда Кашгарского.

О происхождении слова *бѣжнāk* (*бѣжәнāk*), к сожалению, трудно сказать что-либо совершенно определенное. Все относящееся к данному вопросу в существующей специальной литературе ограничивается тремя-четырьмя этимологиями, которые, являясь в лучшем случае весьма остроум-

А. К у н и к. О тюркских печенегегах и половцах по венгерским источникам. Учен. зап. Акад. наук по I и III отд., т. III, вып. 5, СПб., 1855, стр. 733.

³⁴ Все польские названия, как указывает П. Голубовский, произошли от искажения русских названий (П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 34, 35).

³⁵ А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874, стр. 39 и сл.

³⁶ *Türk Devlet Kıtımlı Divanı Luğat-ı-türk tercümesi*, I. Ankara, 1939, стр. 28.

³⁷ П. Голубовский, ук. соч., стр. 33 и сл.

³⁸ А. К у н и к. О тюркских печенегегах и половцах по венгерским источникам, стр. 733, 734.

³⁹ С этим словом И. Маркварт сопоставляет другое наименование тюркского народа *бајнā* или *бѣчнā*, встречающееся, пожалуй, только у арабских географов (см.: J. Marquart. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903, стр. 67). *بجنا* — пишет он, — на самом деле является закоммерным новоперсидским соответствием древнему *بجناک*. И. Маркварт приводит затем следующие варианты этого слова по рукописям, предоставленным в его распоряжение Х. Сейболдом и де-Гуе: *بجنا*, *بجني*, *بجني*, *بجني*, *بجني* (там же, стр. 61). У Мас'удī *бајнā* упоминается не только как этноним, но и как наименование моря, которое в другом случае названо морем *бајнāk* (~ Черное море), у Димашкī *бајнā* — часть кыпчака (А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 127). Ф. Вюстенфельд считает *بجنا* искаженным наименованием *نجيني najina*

(т. е. ногайцы, см.: F. Wüstenfeld. *Des Abu Dulaf Mis'ar Ben el-Mohalhel Bericht über türkischen Horden*. *Zeitschr. für vergleichende Erdkunde*, Bd. II, 1842, стр. 209).

ными догадками, проливают мало света на историю наименования печенегов. Приведем эти этимологии. Первым, кто пытался объяснить происхождение этнонима *печенег*, если не учитывать толкований этого слова в духе народной этимологии (у Рашид ад-Дина, в переводе И. Н. Березина: *bīcīnā* 'доброе старание употребляет и оказывает',⁴⁰ у Абū-л-Гāзи: *bīcīnā* — *سعي* *قبيلوي*, т. е. 'прилагающий усилие',⁴¹ был, пожалуй, пленный шведский офицер И. Страленберг, который видел в нем производное слово, образованное от несуществующего русского *печ* 'собака' (так И. Страленберг воспринял русское *пёс*).⁴² На славянском материале основана также этимология Петра Фридриха Сума.⁴³ Д. П. Европеус возводит слово *печенег* к угорскому *petšey* 'сосновые', т. е. 'сосноволесные люди', по-остяцки *pitš*, в наречиях *pintš* 'сосна', прилагательная форма *pitšey* 'сосновый'.⁴⁴ Для Г. Вамбери первичной формой слова *печенег* является *bīcīn* 'обезьяна'.⁴⁵ Э. Гомбоц видит в нем не что иное, как уменьшительную тюркскую форму от собственного имени *Бэчэ*.⁴⁶

В. В. Бартольд указывает на попытки сравнить наименование печенегов с тюркским словом *бајінак* 'шурин', 'свойка', которое встречается также в форме *бајанак*, замечая при этом, что у Махмуда Кашгарского оно вокализуется по переднему ряду: *бāјānāк*.⁴⁷ Следует отметить, что эта точка зрения является наиболее распространенной. Глубокое обоснование она получила у О. Прицака, который относит печенегов к категории привилегированных племен,

поставлявших невест для правящей верхушки господствующего племени в племенном союзе. В этимологическом плане *печенег* (*баја ~ бāјā* 'свойка', 'шурин') 'племя свойков', 'свойковское' (ср. монг. *kürgen*). При этом *-нак* рассматривается как суффикс собирательности, соответствующий по значению суффиксу *-күн*.⁴⁸

С. П. Толстов связывает этноним *бэчэ-нак* с названием *апасиак*, встречающимся у Страбона, которое он реконструирует как *ара-с'ака* 'водные саки', более позднее *päs'-ana*, ср. араб. *بجنه* *bājnā* или *bājana* у Мас'уди [*ара-с'ака* → (первые века нашей эры) *päs'ākā* → *päs'ānā* → (раннее средневековье) *päs'āna* || *pāčānā* → *pāčānā* + *k* → *печенэзь*].⁴⁹

Единственное, что можно было бы сказать от себя в связи с изложенным выше, это выразить убеждение в сравнительно небольшом возрасте наименования *печенег* и заявить о солидарности с В. Бангом и О. Прицаком.

У Константина Багрянородного в «De Administrando Imperio» (гл. 38) есть следующие строки: «Печенеги, которые раньше назывались кангар (так как это кангар было именем, обозначающим благородство и доблесть среди них)... принуждены были покинуть свою землю и заселить землю турков (т. е. венгров)». Следовательно, если верить Константину, наименование *кангар* некогда имело то же этническое содержание, что и наименование *печенег*. К стати сказать, ни в одном из древнетюркских текстов рунического, манихейского и уйгурского письма наименование *печенег* не встречается. Оно появилось сравнительно поздно и получило распространение, как можно предположить, во время пребывания печенегов в Средней Азии.

Этноним *кангар* постоянно привлекал к себе внимание историков и археологов и известно большое число попыток анализировать это слово с историко-этнологической и лингвистической точек зрения. Так, Петр Фридрих Сум связывал *кангар* с названием реки Ганг (гангариды) и на этом основа-

⁴⁰ Труды Восточного отделения ИАО, т. V, СПб., 1858, стр. 28.

⁴¹ *شجره تركمه* A. 895, стр. 346 (Рукописное хранилище ИВ АН СССР в г. Ленинграде).

⁴² Ph. J. Strahlenberg. Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, стр. 272.

⁴³ П. Ф. Сум. Историческое рассуждение о панаинаках или печенегах. Чтения в Общ. истории и древностей российских при Московск. унив., № 1, М., 1846, стр. 7, 46, 47.

⁴⁴ Д. П. Европеус. Об угорском народе. СПб., 1874, стр. 4.

⁴⁵ H. Vambergy. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert... Leipzig, 1885, стр. 5, прим.

⁴⁶ Z. Gombocz. Über den Volksnamen besenyő, стр. 214.

⁴⁷ W. Barthold. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel. Berlin, 1935, стр. 103.

⁴⁸ 24 Материалы по археологии, № 75

⁴⁸ O. Pritsak. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker. Ural-Altische Jahrbücher, Bd. XXIV, H. 1—2, Wiesbaden, 1952, стр. 52, 79; W. Bang. Über den Volksnamen besenyő, стр. 436.

⁴⁹ С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, № 4, 1950, стр. 51.

нии выводил печенегов из Индии. *Кангар*, по его мнению, перешло и сохранилось в персидском языке в слове *кандавар* 'сильный', 'мужественный'. При этом он ссылается на то место у Константина Багрянородного (гл. 37, стр. 170—171), где говорится, что *кангар* — храбрейшие и благороднейшие из других печенегов и что слово *кангар* имеет именно это значение.⁵⁰ Значительно позже о связи с Гангом говорит С. П. Толстов, который пытается «искать этимологию слова „канг“ в широко распространенном в индоевропейских языках корне, откуда и «канал», «канава».⁵¹ Любопытна точка зрения И. Маркварта, который рассматривал *кангар* как *Канг + ар*, т. е. 'люди Канга', и который впервые поставил вопрос о возможности связи *кангар* с *кенгерес* рунических надписей Орхона.⁵² И. Маркварт высказывал также предположение, что наименования *кангар* и *кенгерес* связаны с древним наименованием Яксарта (*кангар* в VIII в. находились в нижнем течении Яксарта и у Аральского моря).⁵³ Об этом же говорит и В. В. Бартольд: «С названием нижнего течения Сыр-Дарьи — Канг — связывается приводимое Константином Багрянородным название главной печенежской орды — кангар».⁵⁴

Что касается судьбы слова *канг(ар)* в последующее время, то в этой связи большой популярностью пользуется точка зрения о переоформлении *кангар* в *канглы*,⁵⁵ высказанная впервые более ста лет тому назад.⁵⁶ Против этой точки зрения выступил И. Маркварт.⁵⁷

Вопрос о связи *кангар* с *кенгерес*⁵⁸ имеет принципиально важное значение для

дальнейших изысканий в области печенежской истории и этногенеза и для определения их места в западном каганате тюрок. Отрывок, в котором упоминаются кенгересы («Памятник в честь Кюль-Тегина»),⁵⁹ имеет следующее содержание: «С целью устроить согдийский народ мы, переправляясь через реку Йенчу, прошли свойском вплоть до Темир-Капыга. После этого масса тургенского народа пошла на ставших (ей) врагами кенгересов». Выраженный в этом отрывке намек на какую-то связь кенгересов с тюргешами заставляет отнести со всей серьезностью к проблеме печенежско-тюргешских отношений и к предположению о близости печенегов и тюргешей, высказанному, в частности, А. Н. Куратов.⁶⁰

Относительно того, кто были печенеги, спорить не приходится: существует одно определенное мнение, высказанное в свое время средневековыми географами арабами и персами⁶¹ и затем воспроизведенное в специальной литературе прошлого столетия.⁶² Это мнение более чем полвека тому назад И. Маркварт сформулировал так: «... чисто тюркское происхождение печенегов, в языковом и этнографическом смысле находится вне всякого сомнения».⁶³

После обнаружения рукописи дивана тюркских языков Махмуда Кашгарского и издания ее вопрос об этнической и языковой принадлежности печенегов получил окончательное решение. Махмуд Кашгарский, называя печенегов одним из тюркских племен (МК, I, 488: *bājānāk* — одно из тюркских племен, находящееся в стороне Рума), указывает, что печенеги входят в состав племенного объединения огузов и имеют тамгу ∞ (МК, I, 57, 58). У Махмуда Кашгарского (МК, II, 48, 67—70) имеется, кроме того, очень важное

⁵⁰ П. Ф. Сум, ук. соч., стр. 7.

⁵¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 24.

⁵² J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. Abhandlungen der königl. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen, Phil.-hist. Cl., Neue Folge, Bd. XIII, Berlin, 1914, стр. 26.

⁵³ J. Marquart. Die Chronologie der Alt-türkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 10.

⁵⁴ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах. Русск. историч. журн., Российск. Акад. наук, кн. 7, Пгр., 1921, стр. 152.

⁵⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 23, 24.

⁵⁶ C. d'O hsson. Des peuples du Caucase. Paris, 1828, 254, Notes.

⁵⁷ J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen, стр. 168.

⁵⁸ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, стр. 125, 126.

⁵⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 41 (39).

⁶⁰ A. N. Kurat. Peçenek tarihi. Istanbul, 1937, стр. 29, 30.

⁶¹ Géographie d'Aboulféda, t. II, p. 1. Trad. par M. Reinaud. Paris, стр. 292: «печенеги — народ тюркского происхождения».

⁶² M. Alexander Castrén's ethnologische Vorlesungen über Altaischen Völker. СПб., 1857, стр. 76, 77; В. Васильевский. Византия и печенеги. ЖМНП, СПб., 1872, ноябрь, стр. 122: «Между тем печенеги и узы или половцы совершенно такие же турки, как и турки-сельджуки».

⁶³ J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, стр. 48.

замечание относительно общности некоторых особенностей языка печенегов и языка огузов и кыпчаков. Так, например, огузы, кыпчаки, болгары и печенеги, пишет он, в отличие от уйгуров и других тюрок, образуют «имя места, времени и орудия» (اسم الآلة و اسم المكان و الزمان) по типу *турасі, курасі: бу турасі жэр тэзгыл* 'это не то место, на котором можно стоять'; *бу ја курасі озур тэзгыл* 'это не то время, когда надо натягивать лук'; *јѣзач бичасі нѣз* 'вещь, которой можно резать дерево'; ср. у уйгуров, аргу и ягма: *бу турзу жэр жрмас, бу ја курзу озур жрмас, јѣзач бичзу нѣз*.

О принадлежности печенегов к огузам говорят также Рашид ад-дин⁶⁴ (крыло — *учук*, тамга — — , онгон — *кречет*) и Абӯ-л-Гази⁶⁵ (крыло — *учук*, тамга — — , онгон — *آله توغناق*).⁶⁶

Будучи крупной племенной единицей, печенеги распадались на несколько подразделений — родов, ставших впоследствии самостоятельными племенами печенежского союза. Мас'уді, писавший в первой половине X в., называет восемь родов печенегов: *эртім, чур, јула, кылнэі, каровоі, талмач, копон* (или *кобон*), *чопон* (или *чобон*).⁶⁷ Почти одновременно с Мас'уді и в основном такие же сведения о племенном составе печенегов сообщает Константин Багрянородный:⁶⁸ 1) *ερτίμ* (*эртім*), 2) *τζούρ* (*чур*), 3) *γύλα* (*јула*), 4) *κάλπεη*, *κουλπέη* (*кълнэі, кълнэі*),⁶⁹ 5) *χαραβόη* (*харавоі*),

6) *ταλμάτ* (*талмат*), 7) *χοπόν* (*чопон*), 8) *τζοπόν* (*чопон*).⁷⁰

В XI в. византийские источники сообщают о наличии тринадцати родов печенегов,⁷¹ однако в «Повести временных лет» (по Лаврентьевской летописи) под 1096 г. говорится, как и прежде, о восьми коленах.⁷²

Как сообщает Константин Багрянородный и как мы уже отмечали выше, три первых рода в составе печенегов имели, помимо родовых названий, общее наименование *кангар* (*κάγγαρ*), что значит «наиболее доблестные и благородные среди других печенежских родов».⁷³

О религии печенегов имеются свидетельства главным образом арабских источников. Так, например, в одном анонимном известии у ал-Бекри (XI в.), много раз цитированном в специальной литературе, сообщается следующее: «И рассказывали многие из мусульман, бывших в плену в Константинополе, что печенеги придерживались веры маджусов. Но после 400-го года гиджры случился у них пленный из мусульман, ученый богослов, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только около 12 000, а неверных вдвое больше. И они (мусульмане) убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и у них есть ученые и законоведы, и чтецы корана».⁷⁴

⁶⁴ Труды Восточного отделения ИАО, V, СПб., 1858, стр. 28. Еще до того, как стало известно сочинение Махмуда Кашгарского, об этом писал П. Голубовский: «... племя, из которого выделались все эти колена (печенеги, торки и т. д., — А. Щ.), могли быть гузы, кочевавшие в IX и X вв. в арало-каспийских степях» (П. Г о л у б о в с к и й, ук. соч., стр. 64).

⁶⁵ *شجرة تركمه* А. 895, стр. 346 (Рукописное хранилище ИВ АН СССР в г. Ленинграде).

⁶⁶ Г. Вамбери, ссылаясь на Тарих-и Али Сельджук, сообщает другие данные: тамга — — , онгон — *شنقور* (Н. V a m b e r i, ук. соч., стр. 5).

⁶⁷ J. M a r q u a r t. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, стр. 65.

⁶⁸ A. R a m b a u d. *L'Empire Grec au dixième siècle*. Paris, 1870, стр. 165.

⁶⁹ К. Нейман сопоставляет с 4-м и 6-м наименованиями, *κουλπίηγοι* и *ταλμάτσιοι*, (см.: *Byzantinische Zeitschr.*, Bd. III, Leipzig, 1894, стр. 374—385) — наименования, встречающиеся у Константина Багрянородного. А. И. Соболевский счита-

ет точку зрения К. Неймана необоснованной и связывает первое из них с колбяками русских летописей и *kylfingar* скандинавских источников, а второе с толковинами Начальной Летописи (Византийский временник, I, СПб., 1894, стр. 460—461; А. А. Шахматов. *Древнейшие судьбы русского племени*. Изд. Русск. истор. журнала, Пгр., 1919, стр. 48, 49).

⁷⁰ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 166). Кроме того, Константин Багрянородный (гл. 37, стр. 166—167) сообщает о том, что печенежские роды делились на 40 более мелких подразделений, во главе каждого из которых стоял свой правитель. См. также: G. M o g a v c s i k. *Bysantinoturcica*, II. Budapest, 1943, стр. 302.

⁷¹ В. Васильевский, ук. соч., стр. 123.

⁷² Полное собрание русских летописей, I, СПб., 1846, стр. 99. Правда, в данном случае речь идет о половцах.

⁷³ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 171).

⁷⁴ А. Куник, В. Розен. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1.

Из этого сообщения следует, что приблизительно в начале XI в. печенеги приняли ислам и что до принятия ислама они придерживались религии маджусов, т. е., попросту говоря, языческой религии. Понятие «языческий» у мусульман имело очень широкое значение, маджусами могли быть и шаманисты, и буддисты, и манихеи. Поэтому свидетельство ал-Бекри не позволяет определить с достаточной достоверностью религиозный облик печенегов немусульман. Более важным в этом отношении является сообщение Абу-л-Фидā об обычае печенегов сжигать трупы мертвецов.⁷⁵ Есть некоторые основания предполагать принадлежность печенегов к динаверийцам — одной из манихейских сект.⁷⁶ В связи с этим мы напомним об указании В. Васильевского на то, что остатки печенегов, перешедших через Дунай в пределы Византийской империи, в последнем десятилетии XI в. были поселены на территории Могленской области, где в XII в. стала господствовать манихейско-богомильская ересь. «Нет ничего невозможного, — пишет В. Васильевский, — в том, что если не печенеги, то куманы или узы, занимавшие в X в. обширные страны на востоке, севере и северо-западе Аральского озера, именно в соседстве с областью тюркского манихеизма, принесли с собою более или менее темные воспоминания и более или менее искаженные обрывки учения Мани».⁷⁷

РАССЕЛЕНИЕ ПЕЧЕНЕГОВ

Древние поселения печенегов Ибн Руста, Ибн Фадлāн и Мас'удī помещают в районе между реками Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей и северо-западнее этого района, на территории, примыкающей к Аральскому морю. Здесь они находились приблизительно до конца IX в. (893 или 898 гг.), когда были вытеснены гузами на правый берег Волги. Константин Багрянородный пишет об этом (в 40-х годах X в.) так. Первоначально

печенеги находились у реки Итиль, а также у реки Γεῖχ (= Урал?), имея общую границу с хазарами и так называемыми узами. Но 50 лет тому назад так называемые узы изгнали печенегов из их страны, которую узы занимают до настоящего времени.⁷⁸ Ибн Фадлāн, проезжавший через приаральские степи в 922 г., встретил там лишь разрозненные группы печенегов, отставшие от главной массы своего племени вследствие отсутствия средств передвижения.⁷⁹

Сведения о переселении печенегов имеются у Ауфи и Истахри (X в.). После ухода из Приаралья за Волгу печенеги расположились в южнорусских степях, оттеснив при этом на запад мажаров. Именно в связи с этим переходом произошло их разделение на две ветви: восточных печенегов и западных, или тюркских печенегов (*бачанāk-ī тюрк*) и хазарских (*бачанāk-ī хазарī*).⁸⁰

О восточных печенегах обычно говорят как о незначительной части печенежского племени, и судьба их в последующее время таит в себе много загадочного. Можно отметить лишь, что существует широко распространенная точка зрения относительно тесной этнической связи с восточными печенегами каракалпаков.⁸¹

Западные печенеги, попавшие после переселения их в южнорусские степи в поле зрения русских летописцев и византийских историков, постоянно перемещались на огромном пространстве от Волги до Дуная.

Как сообщает Д. А. Расовский, к середине X в. относятся первые мажарские известия о поселении печенегов на территории Венгрии.⁸² Часть печенегов переместилась на север, к оседлой полосе славян,

⁷⁸ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 166—167).

⁷⁹ А. З. Валидов, ук. соч., стр. 246.

⁸⁰ Hudūd al-'Ālam Trad. and expl. by V. Minorsky. London, 1937, стр. 67, 83, 162.

⁸¹ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935, стр. 10 и сл.; Н. V a m b e r g, ук. соч., стр. 373, 378.

⁸² Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, VI, Praha, 1933, стр. 5; здесь же библиография по вопросу о расселении печенегов в юго-западных районах России и на территории Венгрии; см. также: G. Györfy. Besenyők és magyarok KCS. A, Ergsband, I, Budapest, 1940. (эта работа издана на венгерском языке и поэтому оказалась недоступной для автора); Géza Fehér. Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen. KCS. A, 1, 2, Budapest, 1921, стр. 123—140.

СПб., 1878, стр. 59, 60 (перевод 9-го отрывка из рукописи Гаангоса, изданного Дефремери в его «Fragments de Géographes et d'Historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale»).

⁷⁵ Géographie d'Aboulféda, стр. 292.

⁷⁶ Согласно сообщению Мас'удī манихейство среди тюрков исповедывали только тогуз-огузы.

⁷⁷ В. Васильевский, ук. соч., стр. 150—152.

некоторое количество их осело в Донской и Приднепровской областях, где они позднее подверглись сильному ассимилирующему влиянию половцев. Другая часть печенегов, согласно византийским источникам, продвинулась в середине XI в. далеко на запад, перешла Дунай и впоследствии поселилась в Придунайской Болгарии.⁸³

Пределы распространения печенегов на запад весьма неопределенны. Приводя слова Ибн Хаукаля о нападении печенегов на «владения Испании», А. Куник замечает: «Возможно, что вместе с уграми в Галлию вторглись и отдельные орды печенегов, но, без сомнения, они не переходили Пиренеев».⁸⁴

В русских летописях печенеги упоминаются впервые под 915 г.: «Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю».⁸⁵ Последнее упоминание в Ипатьевской летописи находится в связи с событиями 1169 г.⁸⁶

Расселение печенегов на территории Венгрии, Болгарии и других стран являлось предметом специальных исследований и изучалось как в историческом, так и в этногенетическом плане. Едва ли необходимо говорить об этом еще раз, тем более, что вопрос о расселении печенегов в придунайских странах не имеет непосредственной связи с теми вопросами, которые были поставлены нами в самом начале статьи, а именно с вопросами о языковой принадлежности письменных памятников и отдельных знаков, обнаруженных при раскопках Саркела, а также в других местах, по обоим берегам Дона, от г. Новочеркаска на юге до г. Воронежа на севере.

⁸³ В. Васильевский, ук. соч., стр. 121—125; С. Jirgöck. Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen, sowie über die Völkerschaften der sogenannten Gagauzi und Sarguči im heutigen Bulgarien. Sb. der königl. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Cl. für Philosophie, Geschichte und Philologie, Prag, 1890, стр. 3—30. Согласно точке зрения В. А. Мошкова, потомками западных печенегов в Болгарии являются турки Дели Ормана. Подробно об этом см. в работе Т. Ковальского (Т. Kowalski. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Kraków, 1933).

⁸⁴ А. Куник, Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 2. СПб., 1903, стр. 173.

⁸⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. 1377 г., ч. I, стр. 31.

⁸⁶ Там же, ч. II, стр. 319.

Мы ставим себе целью описать расселение печенегов в южнорусских степях, установить границы их проникновения на север и юг, восток и запад и соотнести с ними границы находок определенной категории памятников материальной культуры и прежде всего памятников письменности.

Для определения границ расселения печенегов в южнорусских степях большое значение имеют разные исторические источники (арабские, персидские, византийские и др.), к краткому обзору которых мы переходим ниже.

Автор «Худуд ал-'Алам» (X в.) так описывает место расположения «хазарских печенегов»: восточнее их Хазарские горы, южнее — аланы, на запад — Гурджийское море, на север — Мирвāt.⁸⁷ Константин Багрянородный, сведения которого в основном совпадают с указаниями автора «Худуд ал-'Алам», сообщает, что печенеги контролировали территорию от низовьев Дуная (Сарат и Бурат) до Саркела, хазарской крепости на Дону, от Боспора и Херсона до Руси.⁸⁸ «Печенегия, — пишет он в другом месте, — находится на расстоянии 5 дней пути от Узии и Хазарии, 6 дней пути от Алании, 10 дней пути от Мордии (Μορδία),⁸⁹ на расстоянии одного дня пути от Руси, 4 дней пути от Турции (Τουρκία = страна мадьяр, — А. III.), полудня пути от Булгарии, очень близко к Херсону и еще ближе к Боспору».⁹⁰ «Владения печенегов, — сообщает Гардизи (X в.), — простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ: с востока — кыпчаки, с юго-запада — хазары, с запада — славяне».⁹¹

Опираясь на эти свидетельства, вполне заслуживающие доверия, и указания Истахри (X в.), сведения которого о странах, примыкающих к Каспийскому морю, очень основательны и не менее достоверны, чем приведенные выше (около 950 г. Истахри посетил эти страны), можно установить,

⁸⁷ Hudūd al-'Ālam, стр. 160.

⁸⁸ De Administrando Imperio, гл. 42 (стр. 182—185).

⁸⁹ Область между славянами, печенегами и булгарами; ср. мордва. См.: W. Tomaszek. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden, II. SAWW, Bd. CXVII, Wien, 1888, стр. 14.

⁹⁰ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 168—169).

⁹¹ Гардизи (Зап. Акад. наук, VIII сер., т. I, № 4, СПб., 1897), стр. 95 (120).

что на юге в X в. границы Печенегии проходили приблизительно по нижнему течению Дона, по прибрежной полосе Азовского моря, несколько севернее прибрежной полосы Черного моря, вплоть до низовьев Дуная. То, что в «Худūd ал-'Āлам» (стр. 53) отмечается пребывание печенегов (*бажанак*) на северных границах Грузии, несколько не противоречит этому, так как, будучи кочевым племенем, печенеги часто перемещались и уходили далеко за границы той территории, на которой они обычно кочевали. На юге соседями печенегов были аланы, на юго-востоке — хазары.⁹²

На востоке границы западных или «хазарских» печенегов, согласно указанию автора «Худūd ал-'Āлам», должны были проходить по Хазарским горам. Какое представление вкладывалось в это название, понять трудно. По-видимому, речь идет о приволжских возвышенностях или об Уральских горах, которые Абū-л-Фидā называет «Печенежской горой» (*джабāl ал-баджанāk*),⁹³ а другие источники — «Горой башгырдов или башджардов» (*جبال باشغرد*). У Йақұта *جبال باشغرد* несомненно имеет какое-то отношение к границам Печенегии.⁹⁴ Весьма вероятно, что при указании восточных границ Печенегии некоторые авторы учитывают и так называемых восточных печенегов.⁹⁵ Только этим обстоятельством можно было бы объяснить отнесение печенежских границ к Уралу. Соседями печенегов на востоке были хазары, узы (гузы) и, возможно, кыпчаки.⁹⁶

На севере и северо-востоке граница Печенегии проходила несколько южнее линии Тамбов—Куйбышев, т. е. приблизительно на широте Воронежа. Непосредственно перед Воронежом она поворачивала на север

и дальше шла по Оке.⁹⁷ Здесь печенеги граничили или по крайней мере находились недалеко от башгырдов (башджардов), поселения которых первоначально примыкали непосредственно к Волге,⁹⁸ и буртасов (ср. у ал-Бекри — *فرداس*,⁹⁹ у Гардизы — *برداس*).¹⁰⁰ Расстояние от первых до Печенегии Истахри определяет в 10 переходов (*... و من باشغرد الى البجناك و هم صنف من الاقواك عشرة ايام*).¹⁰¹ Буртасы, бывшие соседями печенегов западнее башгырдов, на правой стороне Волги, размещались, как это позволяют установить топонимические данные, в четырехугольнике Тамбов—Куйбышев—Казань—Горький.¹⁰² Названия рек и населенных пунктов, включающие в себя этноним *буртас*, вне этого четырехугольника не встречаются. Именно исходя из этого обстоятельства, и следует проводить границу Печенегии на севере южнее линии Тамбов—Куйбышев.

Границы расселения печенегов на западе проходили сначала по Днепру, а затем по нижнему течению Дуная и севернее по Карпатам. Так, например, Константин Багрянородный называет в числе рек, текущих по территории печенегов, Серет (*Σέρητος*).¹⁰³

Приведенные выше данные относительно границ расселения печенегов в середине X в. небесполезно сравнить с теми результатами определения границ Печенегии, к которым более семидесяти лет тому назад пришел П. Голубовский. «... граница Печенегии с востока, — пишет П. Голубовский, —

⁹⁷ Комментарий В. Минорского к «Hudūd al-'Ālam», стр. 437.

⁹⁸ Géographie d'Aboulféda, стр. 293, 305.

⁹⁹ Journ. Asiatique, 4 sér., t. XIII, Paris, 1849, стр. 463.

¹⁰⁰ Гардизы (Зап. Акад. наук, VIII сер., т. I, № 4, СПб., 1897), стр. 96.

¹⁰¹ См.: F. Wüstenfeld. Jacut's geographisches Wörterbuch. . . , I, стр. 470.

¹⁰² Списки населенных мест, XIV. Казанская губерния. СПб., 1866, №№ 1496, 1511, 1512, 1917, 1918, 2099, 2772, 2781, 2782, 3930, 3931; XXX. Пензенская губерния. СПб., 1869, стр. XII: «Имя буртасов в этих местах сохранилось в названии некоторых

речек и населенных мест: так, на границе Моршанского уезда (Тамбовской губернии) и Керенского (Пензенской губернии) есть речка Буртас, впадающая в р. Вышну; в Керенском уезде встречается несколько селений под тем же названием (№№ 618, 626, 641, 652) и одно селение с таким же названием (№ 885) в Краснослободском уезде; см. также: XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1866, стр. XXI.

¹⁰³ De Administrando Imperio, гл. 38 (стр. 174—175).

⁹² См. у Мас'удī (Murūğ, II, 58—64): «Вблизи хазар и аланов живут четыре тюркских народа». Третьим из них Мас'удī называет *бажнāk* (*بجناك*), отмечая при этом, что *бажнāk* — храбрый народ.

⁹³ Géographie d'Aboulféda, стр. 292. См. также у В. Минорского: Комментарий к «Hudūd al-'Ālam», стр. 204; J. Marguier. Über das Volkstum der Komänen, стр. 100.

⁹⁴ F. Wüstenfeld. Jacut's geographisches Wörterbuch. . . , I. Leipzig, 1924, стр. 34.

⁹⁵ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 47.

⁹⁶ Гардизы (Зап. Акад. наук, VIII сер., т. I, № 4, СПб., 1897), стр. 95 (120).

шла правым берегом Дона; с севера она никогда прочно не устанавливалась и только приблизительно может быть проведена от устья реки Воронежа через Донец ниже теперешнего Славянского, затем проходила к Днепру по сухопутью, вероятно по линии лесов, следовательно к югу от Орели и Самары, затем перерезывала рр. Ингул, Буг и Днестр, также сообразно с границей распространения лесов; с юга было Азовское море, Перекопский перешеек, берег Черного моря и Дунай до Силлистрии. Однако же мы имеем основание предположить, что устье, как Дона, так Днепра, Днестра и Дуная, не было занято печенегами.¹⁰⁴

Важным доказательством расположения печенегов в южнорусских степях в указанных выше границах являются топонимические данные или, точнее, данные этнонимии в топонимических названиях. Изучением последних занимались К. Йиречек, Д. А. Расовский, М. Фасмер и др. При этом К. Йиречек приводит главным образом данные, относящиеся к придунайским странам (Ребенјага и Ребенешка — в Румынии, Ребеноге и Ребенеусе в Сербии).¹⁰⁵ Д. А. Расовский охватывает Галицию, Волынь и другие прилегающие к ним области (Печенѣжинъ — «на верховьях Прута, у Коломыи, в прежнем галицком Познзии»,¹⁰⁶ Печенѣги — могила «на пограничье с Волынью, около Звенигорода», Печенѣя — поселение «в соседнем Перемышльском округе»,¹⁰⁷ Печенюги — деревня около Новгород-Северского).¹⁰⁸ Данные М. Фасмера¹⁰⁹ включают два наименования, указанных Д. А. Расовским (Печенѣжинъ у Коломыи и Печенюги около Новгород-Северского), и три новых: Печенеги (Калужская губерния, при ручье Жениховка по Серпуховской дороге, в 37 верстах от Калуги; Списки насел. мест, XV, № 242), Печенѣгово (Костромская губерния, на юг от Костромы, в 28 верстах от Нерехты; там же, XVIII, № 8268) и Печиничино (Московская губер-

ния, в 17 верстах от Можайска; там же, XXIV, № 4110).¹¹⁰

Нам известно еще одно наименование — Печенѣги (или Ново-Белгород; Харьковская губерния, в 23 верстах от Чугуева в Волчанском уезде, по дороге из Чугуева в Купянск, при реке Северный Донец; Списки насел. мест, XLVI, стр. XXXII).¹¹¹ Возможно, об этом же наименовании сообщает Д. И. Прозоровский, ссылающийся на 1-й том «Полного собрания законов» (под № 175), где в указе от 23 марта 1656 г. говорится о печенежских черкасах, на 3-й том этого же собрания (стр. 81), где говорится о печенежской сотне в составе Изюмского полка, и, наконец, на указ от 18 декабря 1708 г. (Полное собрание законов, № 221) об учреждении губерний, где среди городов, приписанных к Азовской губернии, упоминается г. Печенга в Изюмском уезде.¹¹²

Хотя данные, относящиеся к расположению отдельных печенежских родов, довольно скудны, попытки установить границы каждого из них не лишены смысла.

Прежде всего обратимся к тем сведениям, которые имеются у Константина Багрянородного. Последний сообщает, что четыре рода¹¹³ печенегов (*чур*, *kälñäi*, *талмат* и *чопон*) находятся по ту (восточную) сторону Днепра, четыре других рода (*хопон*, *јула*, *харабоі* и *эртім*) занимают территорию по эту (западную) сторону Днепра. Первый из правобережных родов находится по соседству с Болгарией, второй — по соседству с «тюрьками» (т. е. мадьярами), тре-

¹¹⁰ О данных, относящихся к другим местам и, в частности, к Анатолии, см.: احمد ناجي. انطاوليده تورکوره عائد یو اسملری. تورکیات 1928, стр. 252; A. N. K u g a t, ук. соч., стр. 238, 239.

¹¹¹ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. II, СПб., 1865, стр. 517: «Название слободы свидетельствует, что некогда на месте ее было печенежское кочевье»; см. также т. IV, стр. 103; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV. Харьков, 1858, стр. 97.

¹¹² Д. И. Прозоровский. Открытие о печенегах. «Москвитянин», № 3, кн. 1, М., 1853, стр. 121, 122. В своем сообщении Д. И. Прозоровский приходит к следующему выводу: «Итак, гнездом печенегов был Изюмский уезд».

¹¹³ Очевидно, в связи с этим разделением печенежских родов немецкий епископ-миссионер Брун в послании королю Генриху II (1007 г.) говорит о четырех частях печенегов (т. е. по одну сторону Днепра), см.: «Русская беседа», № 1, 1856, отд. «Наука», стр. 11.

¹⁰⁴ П. Голубовский, ук. соч., стр. 70.

¹⁰⁵ С. J i g e s e k, ук. соч., стр. 5, 6.

¹⁰⁶ Д. А. Расовский, ук. соч., стр. 51.

¹⁰⁷ Там же, стр. 52.

¹⁰⁸ Там же, стр. 60.

¹⁰⁹ M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkercunde Osteuropas. SPAW, Phil.-hist. Kl., Bd. XXII, Berlin, 1932, стр. 643.

тий — вблизи земель Руси, четвертый — смежно с племенами утинов и древлян, платящих дань Руси.¹¹⁴ В соответствии с этими данными Г. Цебе составил следующую схему расположения печенежских родов (рис. 4).¹¹⁵

Данных относительно расположения левобережных печенегов у Константина нет. Локализация этой части печенежских родов

Рис. 4. Схема расположения печенежских родов.

возможна при учете показаний топонимики.¹¹⁶ Названия населенных пунктов, включающие в себя этноним *чур*, встречаются главным образом в северных районах Печенегии, ср. Чурики (населенный пункт Рязанской губернии, Скопинского уезда), Чуриково (населенный пункт Калужской губернии, Малоярославецкого уезда),¹¹⁷ Чуровичи (населенный пункт Черниговской губернии, Новозыбковского уезда, при уро-

чище Чуров Лог, по дороге из Чернигова в Стародуб),¹¹⁸ Чурино (населенный пункт Пензенской губернии, в 26 верстах от Краснослободска; Списки насел. мест, XXX, № 953, стр. 54), Чураево (населенный пункт Курской губернии, в 38 верстах от Белгорода; там же, XX, № 504, стр. 29). Названия, в состав которых входит этноним *талмат* (*талмач*) или *толмат* (*толмач*),¹¹⁹ можно обнаружить на территории Рязанской (там же, XXXV, № 1861), Тамбовской (там же, XLII, № 1412, 2858), Орловской (там же, XXIX, №№ 828, 829, 2242, 3625), Курской (там же, XX, №№ 75, 167, 839, 2818, 2891) и Калужской (там же, X, № 215) губерний. Только в одном случае (в летописи) соответствующее наименование (Толмачь) встречается далеко на западе, в Станиславском округе Галиции, на правом берегу Днестра.¹²⁰

Роды *kälñäi* (*kjññäi*) и *чопон* занимали южную часть печенежской территории левобережья. Для их разграничения почти ничего не дает и топонимика.

Ниже мы помещаем карту расселения западных печенегов в южнорусских степях, составленную на основании разного рода письменных свидетельств и данных топонимики (рис. 5).¹²¹

Печенеги постоянно кочевали, продвигались далеко на север, юг и запад, занимая то одну, то другую область. Поэтому указанные на карте границы Печенегии условны. Они охватывают ту территорию южной и средней России, которая в наибольшей мере была доступна для печенегов и на которой могли располагаться их кочевья, а также поселения печенегов, осевших здесь несколько позднее. Совершенно несомненно, что значительная часть земель (особенно на севере и северо-западе, начиная от Киева), условно отнесенных нами к Печенегии, не контролировалась печенегами и никогда не была под их властью.

¹¹⁴ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 168—169).

¹¹⁵ G. C s e b e. Turco-byzantinische Miscellen, I. KСs. A., I, 3, стр. 216. Приблизительно такая же схема (для всех печенежских родов) приведена у А. Н. Курата (А. Н. К у р а т, ук. соч., Приложение).

¹¹⁶ В некоторых случаях названия населенных пунктов происходят от фамилий владельцев. Распространение же фамилий, ничем не ограниченное и охватывающее любую территорию, нарушает перспективу распределения этнонимии в местных названиях. Поэтому использование местных названий для указанных выше целей должно исключать все то, что является довольно случайным или довольно поздним (ср., например, почти все названия хуторов).

¹¹⁷ П. Семенов, ук. соч., т. V, СПб., 1875, стр. 739.

¹¹⁸ С. П. Гагарин. Всеобщий географический и статистический словарь, т. III, М., 1843, стр. 555.

¹¹⁹ У Иосифа бен Горiona указывается, что тилмац и паницак живут по реке Гитил (А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве, стр. 39).

¹²⁰ Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории, т. IV, М., 1850, стр. 201.

¹²¹ Ср.: А. Н. Курат, ук. соч., Приложение; Д. А. Расовский, ук. соч., Приложение.

**ПЕЧЕНЕЖСКИЙ ЯЗЫК НА ОСНОВЕ ДАННЫХ
ТОПОНИМИКИ И ОНОМАСТИКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗАНТИЙСКИХ И
ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ)**

Чтобы судить о языке печенегов, необходимо учесть все то, что осталось от него

авторов. Все это, разумеется, не имеет такого значения, как например тексты обычной, связанной речи или даже отдельные слова, зафиксированные самими носителями языка. Однако и топонимика, и ономастика, и другие источники могут служить материалом для выяснения общих вопросов и, в частности вопроса о характере и ос-

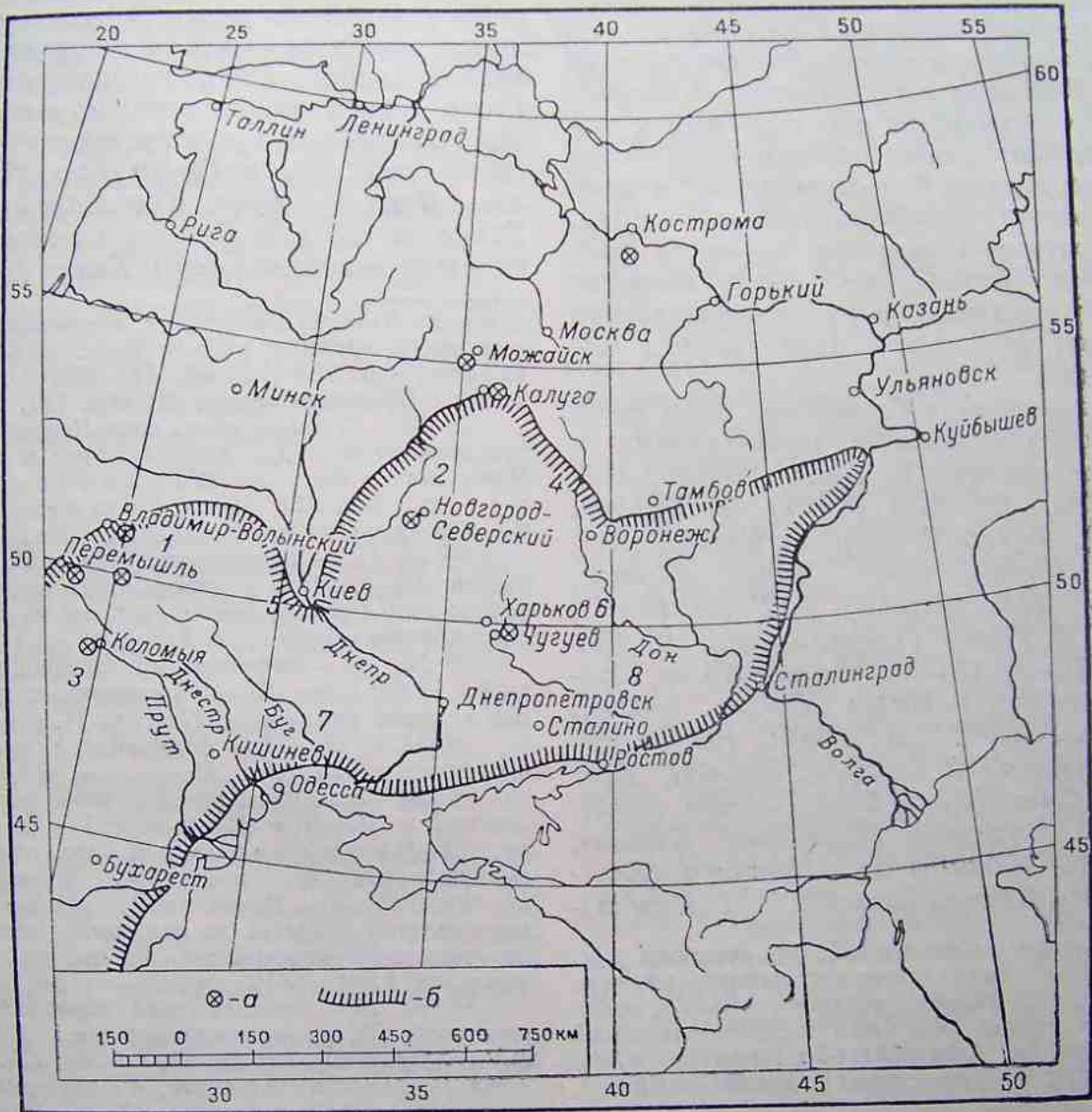

Рис. 5. Схематическая карта расселения печенегов.

а — пункты с названиями, включающими этноним печенег; б — приблизительная граница более или менее интенсивного расселения западных печенегов. 1—8 — предполагаемые места расположения печенежских родов (эртим, чур, жула, кайли, харабо, талмат, хопон, чопон).

в виде собственных имен, разбросанных по текстам средневековых географов и летописцев, в виде названий родов, родовых объединений, а также в виде топонимических названий, названий рек и гор. Необходимо учитывать и немногочисленные свидетельства о языке печенегов древних

новных особенностях языка печенегов и о его принадлежности к той или иной группе языков.

Перечисленные выше источники далеко не равноценны, и поэтому мы рассматриваем их порознь, сначала собственные имена, затем топонимику и т. д.

Прежде чем перейти к исследованию собственных имен, отметим, что византийские источники без всяких оговорок характеризуют язык печенегов как общий с языком куманов или половцев.¹²²

1. Собственные имена печенегов

Исследование собственных имен печенегов в нашей работе осуществляется двумя путями: путем сравнения с именами других тюркских народов и путем этимологического анализа. При этом мы учитываем то обстоятельство, что именами собственными у тюрков могли быть любые слова и что в самом процессе наречения большую роль играла персонализация нарицательных имен. Именно поэтому в пределах тюркских имен встречаются почти все грамматические формы, не исключая форм повелительного наклонения, и широко представлены все слои лексики.

Даем перечень собственных имен печенегов, встречающихся в византийских и других источниках: 1) *Baija* (Βάιτζαν, Βάιτζας, Μάιτζαν), 2) *Kijäl* (Κούελ), 3) *Kurkum* (Κουρκοῦται), 4) *Ina* (Ἰπάόν), 5) *Kaidum* (Καϊδοῦμ), 6) *Kosta* или *Kostan* (Κώστας, Κώσταν), 7) *Jazi* (Γιαζής), 8) *Bata* (Βατάν, Βατάς),¹²³ 9) *Turax* (Τυράχ, Συραχ), 10) *Kiltär* или *Biltär* (Βιλτάρ, Κιλτάρ, Κιλτέρ, Βαλτάρ, Κηλτέρ),¹²⁴ 11) *Kulin* (Κουλίнос, γαλίнос, γουλίνα, κουλίнос),¹²⁵ 12) *Kägän* (Κεγένης),¹²⁶ 13) *Sulju* (Σουλτζоός, Σαλτζоός, Σουλτζάν, Σουλτάνον), 14) *Sälmb* (Σελтэ, Силтэ, Σελтэон, Σελтээ, Σелэт), 15) *Karaman* (Καραμάνος, Καραμάν, Καραβάν), 16) *Katalim* или *Katalim* (Καταλείμ, Καταλίμ, Καταλή, Καταλής),¹²⁷ 17) *Bal(m)-*

¹²² В. Васильевский, ук. соч., стр. 122.

¹²³ №№ 1—8 — имена предводителей родов *эртим*, *чур*, *юла*, *күлпәи*, *харабои*, *талмат*, *хопон* и *чопон* «в то время, когда они были изгнаны из своей страны», см.: De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 166—167); G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 84, 86, 156.

¹²⁴ №№ 9, 10 — имена предводителей печенегов, сына и отца, в большой орде; см.: В. Васильевский, ук. соч., стр. 123—127; G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 89, 141, 277, 304.

¹²⁵ № 11 — сын Кегена, печенежский военачальник; см.: G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 147.

¹²⁶ № 12 — соперник Тураха, ушедший с двумя родами в Византию и затем поселившийся в Придунайской Болгарии; см.: В. Васильевский, ук. соч., стр. 123—127 (Cedren, II, 583).

¹²⁷ №№ 13—16 — имена печенежских военачальников, возглавивших отряд, который направ-

чал (Βαλτζάρ, Βαλτζόρ, Βαστάρ, Βαλζάρ), 18) *Čelgij* (Τζελγού),¹²⁸ 19) *Kjra* (Κυρα),¹²⁹ 20) *Tämür* (Темурь),¹³⁰ 21) *Kjčyč* (Κιουχός), 22) *Mämigäi* (Μεμιγαί),¹³¹ 23) *Tat(y)* (Τατός, Τατοῦ, Τατρός),¹³² 24) *Boza* (Βογᾶς, Βογᾶς, Βογᾶ, Βογᾶ),¹³³ 25) *Karaja* (Καρατζᾶς), 26) *Pitik* (Πιτικάς), 27) *Saca* (Σατζᾶς), 28) *Hšanči* (Νεάντζης), 29) *Tatran* (Τατράνης),¹³⁴ 30) *Tivan* (Τιβαν).¹³⁵

Все или почти все перечисленные выше имена имеют несомненно тюркский облик. Многие из них, такие, как например *Boza*, *Tämür*, *Kjčyč*, широко распространены у всех тюркских народов и встречаются в древних текстах, ср.: *Tämür*, *Tämür Buza*, *Tämür Turmish*, *Buza*, *Sai Buza*, *Kjčyč idik kum*, *Kjčyč Tämür* и т. д.¹³⁶ Другие являются менее распространенными, ср.: *Tata*, *Kunistanč*,

являлся из Константинополя к греческой армии на армянскую границу; см.: В. Васильевский, ук. соч., стр. 127 (Cedren, II, 588); G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 137, 140, 232.

¹²⁸ №№ 17, 18 — имена сына Кегена и печенега, возглавившего орду, нагрянувшую в 1087 г. на Македонию; см.: В. Васильевский, ук. соч., стр. 130, 158 (Anna Comnen, VII, 331); G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 85.

¹²⁹ № 19 — печенежский военачальник, который в 972 г. убил у днепровских порогов Святослава; см.: Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., ч. I, стр. 53.

¹³⁰ № 20 — печенежский предводитель, убитый в 1004 г.; см.: Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., ч. II, стр. 355.

¹³¹ №№ 21, 22 — печенежские предводители; см.: там же, стр. 338, 346.

¹³² № 23 — печенежский военачальник, правивший в Дерстре (Силлистрия) в конце XI в.; см.: В. Васильевский, ук. соч., стр. 145 (Tatun); G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 255, 304. По-видимому, это же лицо (Tat) упоминается в одной из sag; см.: Чтения в Общ. истории и древностей российских при Московск. унив., № 1, М., 1846, стр. 37.

¹³³ № 24 — византийский военачальник печенежского (?) происхождения; см.: G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 90, 304. См. также *Boza* — наместник Армении, Азербайджана и Шимшита во второй половине IX в. (Veladogi, 203, 15; J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, стр. 24).

¹³⁴ G. Moğavcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 138, 182, 219, 230, 255.

¹³⁵ № 30 — имя, встречающееся в венгерских источниках начиная с 1211 г.; см.: Bibl. Orientalis Hungarica, II. Budapest, 1932, стр. 31, 55.

¹³⁶ USp., №№ 4, 10, 11, 14, 15, 22, 34, 49, 68; Н. Ф. Катаранов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым. СПб., 1888, стр. 53, 63, 76; П. М. Мелноранский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 33, 34.

Кустан, *Куитанч*, *Катлам*,¹³⁷ *Караја*,¹³⁸
Кэзэнбэж, *Кэзэнбаи*,¹³⁹ *Коркуд*,¹⁴⁰ *Кара-*
ман,¹⁴¹ *Турак*,¹⁴² *Кэзэн*,¹⁴³ *Күлжэ Тоған*.¹⁴⁴

1) *Баја* — уменьшительная форма от *баи* 'богатый'. Такую же структуру имеет другое печенежское имя — *Караја*, являвшееся вместе с тем нарицательным именем (порода оленя). Сам способ образования уменьшительных форм с аффиксом *-ја*, *-ја* от прилагательных очень характерен, например, для гагаузского языка; ср. *алаја* 'пестрый', 'пегий', *кызылја* 'пшеница без усов'.¹⁴⁵

2) *Кјал* < *кјгәл* < *кјкәл* 'голубой' (*кјк-әл*, ср. *јаш-ил* 'зеленый', *киз-ил* 'красный').

3) *Куркут* — форма побудительного залога от глагола *курк-* 'пугаться',¹⁴⁶ ср. МК, II: *коркут-* 'пугать', 365.

4) *Ипа(он)* — по-видимому, нетюркское слово.¹⁴⁷

5) *Каидум* от (?) *кай-* 'иметь склонность, влечение', см. МК, I, 403; МК, III, 182, 245, 246: гаг. *кай-* 'скользить'.

¹³⁷ Имена, встречающиеся в христианско-сирийской эпиграфике из Семиречья; см.: П. К. К о в ц о в. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии. Изв. Акад. наук, VI сер., СПб., 1907, стр. 443, 447.

¹³⁸ Имена валахских государей в XIX в., ср. также фамилию сербского этнографа Караджича.

¹³⁹ Киргизские имена; см.: L. R á s o n y i. Zur Frage der Eigennamen bei Anonymus. Ungarische Jahrbücher, XV, Berlin und Leipzig, 1936, стр. 551.

¹⁴⁰ Имя легендарной личности, занимающей важное место в средневековом эпосе тюрков; см.: W. B a r t o l d. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, стр. 108; К. И н о с т р а н ц е в. Коркуд в истории и легенде. ЗВОИРАО, т. XX, вып. 1, СПб., 1911, стр. 042.

¹⁴¹ Имя основателя туркменской династии (*Караман озлу*); ср. тур. *Каратан* — название долины.

¹⁴² Имя османских султанов; см.: А. Н. К у т а т, ук. соч., стр. 131.

¹⁴³ Название реки в Семиречье; см.: В. В. Б а р т о л д. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 87.

¹⁴⁴ С. Е. М а л о в. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 80 (второй памятник из Кызыл-Чира).

¹⁴⁵ В. В. Р а д л о в. Образцы... X. СПб., 1904, стр. 6, 65 (словарь).

¹⁴⁶ Bibl. Orientalis Hungarica, II, стр. 12, 51.

¹⁴⁷ G. G y ö r f f y. Besenyök és magyarok. KCS. A, Ergänzungsband I, 5, Budapest, 1939, стр. 454. В целом эта работа, изданная на венгерском языке, недоступна для нас.

6) *Коста* — ласкательная форма от греч. *Κωσταντίνος*.¹⁴⁸ В пользу этого предположения говорят многочисленные случаи использования соответствующего имени разными тюркскими народами (ср. в христианско-сирийской эпиграфике из Семиречья); ср. также название (*костан*) одного из отделов рода кирей у казахов.¹⁴⁹

Правильной, очевидно, следует считать форму с конечным *н*. На это указывает наличие варианта *Костас*, который можно объяснить тем, что греки восприняли окончание *-ан* как форму винительного падежа и, отбросив его, образовали «номинативную» форму на *-ас*.¹⁵⁰

7) *Јазі* 'стень', 'равнина', ср. Cod. Com., 40.¹⁵¹

8) *Бата*(?) Ю. Немет сравнивает это слово с другим именем — *Ботаул* < *бота* 'верблюжонок' + *ул* < *огул* 'ребенок' и объясняет различие гласных в первом слоге явлением перелома *о > а*.¹⁵²

Отсутствие других аналогичных примеров не позволяет считать точку зрения Ю. Немета окончательной. Вместе с тем материалы печенежского языка указывают на возможность перелома гласных в обратном направлении, т. е. от *а к о*, под влиянием разного рода позиционных факторов. Нам кажется наиболее верным видеть в данном имени кирг. *бата* (религиозная клятва, дававшаяся в целях сохранения родовой тайны), ср. Сл. Рад., IV: «сарт». *пата* 'молитва', 1174, кирг. *бата* 'благословение', 'молитва', 1510 (< араб.).

9) *Турах* < (?) *тураз* 'убежище', 'приют', ср. МК, II, 152.

10) *Килмәр* или *Билмәр* — форма понудительного залога от *кил-* 'приходить' или *бил-* 'знать'.

11) *Кулин* 'жеребенок', ср. ног. *кулын*, гаг. *күли*.

12) *Кэзэн* 'гневный', 'грозный' < *кэж* 'гнев', 'вражда', 'угроза', см. Сл. Рад., II: уйг., кирг. *кэж* 'гнев', 'вражда', 'злость', 1058, бар. *кэжә-* 'угрожать', 1064.

¹⁴⁸ G. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, II, стр. 156. Ю. Немет сравнивает его с сарайским *коста* (Bibl. Orientalis Hungarica, II, стр. 51).

¹⁴⁹ Материалы по киргизскому землепользованию. Акмолинская область, т. III, ч. 1. СПб., 1907, табл. 140.

¹⁵⁰ G. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, II, стр. 47.

¹⁵¹ KCS. A, I, 3, стр. 224.

¹⁵² Bibl. Orientalis Hungarica, II, стр. 12, 51.

13) *Сулѣу* (?). Это слово можно возвести к араб. *сулх* 'мир', ср. тур. *sulhçu* 'примиритель', 'миротворец'. Возможность наличия в печенежском языке арабских слов вполне реальна.

14) *Сэлтэ* (?).

15) *Караман* (*кара-ман*), ср. тур. *karaman* 'темный', 'смуглый', *акман* 'чистый'. Как указывает А. Н. Кононов, аффикс *-ман* ~ *-тен* придает именам прилагательным значение «повышенной степени качества».¹⁵³

16) *Каталім* (?).

17) *Бал(т)чар*, ср. З. Рашони: *бэлчэр*.¹⁵⁴ Очевидно, из *балта чабар*, ср. кирг. *балта чабар* 'боевой топор'. Ср. также Cod. Com.: *балтїѣак* 'топорик', 70.

18) *Чэлгү* (?) 'сабельный удар' < *чэл*, ср. тур. *çeltmek* 'бить', 'ударять', 'резать', 'валить на землю'.

19) *Күрә* 'горн', 'кузнечная печь', ср. Cod. Com.: *күрә* 'кузнечная печь' = (?) араб. *كوره*, 35; гаг. *көрүк* 'кузнечный мех'.

20) *Тэмір* 'железо', ср. Cod. Com., 51.

21) *Күчүг* 'младший', 'маленький', ср. гаг. *күчүк*.

22) *Мэтигәи* (?). Ср. *матакай* — название рода керей у казахов.¹⁵⁵

23) *Тат* или *Тату* (?), ср. МК, I: *tat* 'дикий', 'языческий', 36, 454, 486 («так называют не-мусульман на языке тухси и ягма»). К. Менгес правильной формой этого слова считает *Tatru* < *tat-ir-iz* 'опытный', 'испытанный' и сравнивает его с другим печенежским (?) именем (*Tatran*).¹⁵⁶ Для нас более приемлема форма *Tat*, которая, кстати сказать, известна не только из византийских, но и из других источников.

24) *Бога* 'бык', ср. гаг. *бу'а*.

25) *Караја* 'порода оленя', 'олень' < *кара-ја* 'черноватый', ср. гаг. *караја* 'олень'.

26) *Питик* 'письмо'. Спорадические явления замены б глухим п очень характерны для южной группы тюркских языков.

27) *Сача* (?).

28) *Нэанчи* (?). Уже одно то обстоятельство, что это слово начинается с н, ставит под сомнение его принадлежность к собственно тюркским словам. Ср. греч. *Νεάνθης*.¹⁵⁷

29) *Татран* (?). К. Менгес рассматривает *Татран* как имя собирательное от *tat-ir* [*tät(ï)*- 'пробовать', 'вкусать'].¹⁵⁸

30) *Тіван* < **тован* < *тозан* 'сокол',¹⁵⁹ ср. гаг. *ду'ан* 'коршун', 'ястреб'.

2. Топонимика

Такой источник, как топонимика, может быть использован только в пределах письменных свидетельств лиц, живших в период господства печенегов в южнорусских степях. Возможность же использования современной топонимики фактически исключена. Дело в том, что после печенегов в южнорусские степи пришли половцы, язык которых, как свидетельствуют византийские и другие источники, был очень близок к печенежскому; половцы в свою очередь были вытеснены другими кочевниками. Таким образом, одни тюркские элементы наслаивались на другие, некоторые из них приобретали новый облик, и, кроме того, появлялись совершенно новые наименования. Выделить из этого сложного конгломерата тюркской топонимики собственно печенежские слова, разумеется, нет никакой возможности.

К сожалению, не может быть полностью использована и та топонимика печенежских земель, которая зарегистрирована у византийских авторов и, в частности, у Константина Багрянородного в «De Administrando Imperio». Константин Багрянородный писал свое сочинение в 50-х годах X в., приблизительно через 50 лет после переселения печенегов в южнорусские степи. Ясно, что за такой период не могли получить широкого распространения новые названия рек и населенных пунктов.

а) Названия печенежских городищ и населенных пунктов: 1) *Аспрон* ('*Аспрон*'), 2) *Тункатаи* (*Τουγκάται*), 3) *Кракнакатаи* (*Κρακναχάται*), 4) *Салмакатаи* (*Σαλμαχάται*).

¹⁵⁷ W. Pape, C. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, II. Braunschweig, 1875, стр. 982.

¹⁵⁸ Там же, стр. 49.

¹⁵⁹ Bibl. Orientalis Hungarica, II, стр. 55.

¹⁵³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 105.

¹⁵⁴ Archivum Europae centro-orientalis, I. Budapest, 1935, стр. 232.

¹⁵⁵ Материалы по киргизскому землепользованию. Акмолинская область. Петропавловский уезд, т. XII. Чернигов, 1908, стр. 95.

¹⁵⁶ K. Menges. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos. Supplement to Word, v. 7, New York, 1951, стр. 50.

5) *Sakakatai* (Σακακάται), 6) *Jajukatai* (Γαϊουκάται),¹⁶⁰ 7) *Banamuni*,¹⁶¹ 8) *Tziya*.¹⁶²

Первое городище, говорится в «De Administrando Imperio», называется печенегами *Аспрон* потому, что камни, из которых оно сложено, выглядят очень белыми. Несомненно, что это греческое наименование, ср. также *Ἄσπρος* — название реки между Днестром и устьем Дуная.¹⁶³

Все другие наименования, за исключением последних двух, имеют вторым компонентом слово *katai* или *kat(ai)*, в котором В. Томашек¹⁶⁴ и И. Маркварт¹⁶⁵ видят восточноиранское *کات* *kāt* (собственное значение этого слова в хорезмийском языке, из которого оно могло быть заимствовано тюрками, — «развалины в пустыне», «стена в пустыне, ничем не окруженная»)¹⁶⁶ широко распространенное в топонимике древнего Согда, и которое Ю. Немет возводит к тюркскому *катаз*, ср. ст.-узб. *катаз* 'укрепление'.¹⁶⁷ Тюркский вариант не вызывает серьезных возражений.¹⁶⁸ Его фонетические особенности находятся в полном соответствии с теми звуковыми явлениями, которые характерны как раз для печенежского языка (мы имеем в виду переход *з* в *й*). Все же предположение об иранском происхождении *kat(ai)* и о заимствовании его печенегами у согдийцев или хорезмийцев остается в силе. Напомним в связи с этим, что многие местные названия печенеги перенесли в южнорусские степи из Приаралья и из Семиречья, где они находились в VIII в. В Семиречье в указанный период существовало большое коли-

чество согдийских колоний, и поэтому вместе с тюркскими топонимами могли оказаться перенесенными и согдийские; ср. согдийские названия городов в Чуйской долине: Невакет, Керминкет и др.

Начальную часть второго наименования — *тун* или *түн* — Ю. Немет сравнивает с тюрк. *түн* 'почь' (?? ст.-узб. *түн-катар* 'ночная стража')¹⁶⁹ и вместе с тем высказывает предположение о наличии в данном случае обозначения Дона. Эта этимология оставляет желать лучшего. Есть достаточные основания рассматривать *Тункат(ai)* как согдийский топоним. Аналогичное название встречается в разных пунктах Семиречья,¹⁷⁰ ср. МК, III: *Түн-кэнт* — один из городов во владениях тюрков, 150.

Кракна, по мнению Ю. Немета, = *карак-на*, ср. *карак* 'взгляд', *карагул* 'стража'.¹⁷¹

Между тем в тюркских языках нет форм с окончанием *-на*, образованных от именной основы, да и слово *карагул* образовано не от *карак* 'взгляд', а от *кара* 'смотреть'. Кроме того, маловероятно, чтобы тюркское *каракна*, если оно действительно было таковым, Константин Багрянородный воспринял без гласного в первом слоге. Скорее всего *кракна* — непеченежское слово. По-видимому, печенеги использовали старое наименование городища (ср. также *Аспрон* — непеченежское наименование первого городища), присоединив к нему слово *кат(ai)*. Таким старым наименованием могло быть «огреченное видоизменение скифского слова *karkana*, со значением 'петух', 'тетерев', 'фазан' (ср. др.-инд. *krkana*)»¹⁷² и связанное с ним *Каркна* — название реки и города в нижнем течении Днепра.¹⁷³ При этом *Кракна* из *Каркна* или *Каркна* образовалось посредством метатезы.

¹⁶⁰ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 168—169). Городища №№ 1—6 находились на западном берегу Днестра у переправ через реку и, как сообщает Константин, были покинуты жителями.

¹⁶¹ Géographie d'Edrisi, trad. par A. Jaubert, p. II. Paris, 1840, стр. 407, 437.

¹⁶² Géographie d'Aboulféda, стр. 292 («печенежский город на берегу озера; принадлежит предводителю печенегов, враждующему с печенежским каганом»).

¹⁶³ De Administrando Imperio, гл. 9 (стр. 63).

¹⁶⁴ SAWW, Bd. CXVII, стр. 50.

¹⁶⁵ J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, стр. 196.

¹⁶⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 23.

¹⁶⁷ J. Németh. Die petschenegischen Stammesnamen. Ungarische Jahrbücher, X, Leipzig, 1930, стр. 33.

¹⁶⁸ Нам, однако, неизвестны тюркские топонимические названия, имеющие в своем составе это слово.

¹⁶⁹ J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Bibl. Orientalis Hungarica, II, Budapest, 1932, стр. 51.

¹⁷⁰ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 22.

¹⁷¹ J. Németh. Die petschenegischen Stammesnamen, стр. 34.

¹⁷² А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Акад. наук, Отд. русск. языка и словесности, т. XXVI, Пгр., 1923, стр. 44.

¹⁷³ Там же, прим.; Г. Спасский. О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах. ЗООИД, т. II, Одесса, 1848, стр. 20—35.

Салма (у Ю. Немета) = тур. *salma* 'патруль', 'пост', *saka* — 'свая', 'столб' (*saka-kamai* 'посад'), *jaju* (или *jäijü*) — 'война', 'военный', ср. *jağı* 'враг'.¹⁷⁴ Для расшифровки *салма* лучше использовать другое значение соответствующего турецкого слова, а именно «брошенный», «оставленный». Более подходящим для предпоследнего наименования мы считаем то значение *saka*, которое приводится у Махмуда Камшгарского (III, 226): «склон горы». Вместе с тем существует возможность рассматривать это слово как обозначение скифов, сохранившее в устной традиции местного населения связь с развалинами городов, упоминаемых в сочинении Константина.¹⁷⁵ Последнее слово (*jaju*) лучше переводить как «враг» или «вражеский».

Банамуні А. Н. Курат связывает с наименованием одной из печенежских орд в византийских источниках (*Пагуман*).¹⁷⁶ Происхождение последнего наименования — *Тэ-игуа* — продолжает оставаться неясным.

В современной топонимике Венгрии с приходом печенегов связывают также появление слова *орман* 'лес',¹⁷⁷ ср. *Cod. Com.*, 13.

б) Названия рек. Бóльшая часть названий рек, приведенных в византийских и других источниках, не имеет никакого отношения к печенежскому языку либо в силу того, что они известны для более раннего времени и имеют явно выраженный нетюркский характер, либо только потому, что были известны и до прихода печенегов. К таким названиям можно отнести *Барух*,¹⁷⁸ *Кубу*, *Трулл*, *Брут*, *Сэрэ́т*, *Данапр*,

¹⁷⁴ Ungarische Jahrbücher, X, стр. 34; *Bibl. Orientalis Hungarica*, II, стр. 51.

¹⁷⁵ Любопытно, что в русских летописях упоминается г. Саков, расположенный на берегу Днепра, гораздо ниже Киева (Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории, т. IV, М., 1850, стр. 154).

¹⁷⁶ А. Н. Курат, ук. соч., стр. 259.

¹⁷⁷ Д. А. Расовский, ук. соч., стр. 20.

¹⁷⁸ Гуннское *Вар* (ср. у Иордана: *Danabris fluenta quem Hunni Var appellat*) и печенежское *Варух* И. Маркварт рассматривает как сокращение древнего ирано-скифского *Ворудэ́нчс*, т. е. **waru-stana* (J. Marquart. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, стр. 33). *Waru* 'широкий', авест. *vouru-*; см.: В. И. Аббаев, Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 187. В. Томашек сравнивает *Варух* с якутским *үрэх* 'река' (*SAWW*, *Phil.-hist. Cl.*, Bd. CXVII, стр. 20). Н. И. Ашмарин сближает это слово с чувашским *вар* 'долина' (Изв. Общ. археологии, истории и

Данастр, *Танаис*, *А́мэл* (*А́мил*), *Бугу*, *Бурат*, *Жа́йк* (*Жа́йх*) и др.¹⁷⁹ Только пять названий — *Харакүл* (*Χαράκουλ*), *Бал* (*Βάλ*), *Бурлік*/*Бүрлік* (*Βουρλίχ*), *Хадір* (*Χαδίρ*)¹⁸⁰ и *Алматай* (*Ἀλματαί*)¹⁸¹ — могут рассматриваться как собственно печенежские. Аналогичные названия встречаются в разных местах расселения тюркских народов и особенно в Семиречье.¹⁸²

Буквальное значение *Харакүл* 'черное озеро'; *Бал* 'мед' или вообще 'жидкость', ср. *Сл. Рад.*, IV: кирг. *балкаш* 'зыбкое место', 1499; осм., кирг. *балык* 'глина', 'ил', 'грязь', 1505; *Бурлік* (?) — 'меловой'; см. *Сл. Рад.*, IV: каз. *бур* 'мел', 1815, *Хадір* (?).

Несколько загадочным является последнее название, конечная часть которого обнаруживает близость к широко распространенному в этнических именах компоненту *та* (*mai*), который В. Ф. Миллер называет скифско-сарматским суффиксом.¹⁸³

К печенежским названиям иногда относят также *Турла*¹⁸⁴ — обозначение Днепра, существующее с X в.¹⁸⁵

этнографии, XVIII, Казань, 1902, стр. 51). С. П. Толстов связывает с ним венгерское *varos* 'город' и считает его словом гуннского происхождения (С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, № 3, 1947, стр. 73, 74).

¹⁷⁹ De Administrando Imperio, гл. 37 (стр. 166—167), 38 (стр. 174—175), 42 (стр. 184—187). Историко-топографическую расшифровку приведенных названий дает И. Маркварт (J. Marquart. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, стр. 31, 33, 527: *Кубу* = Буг; *Трулл*, *Данастр* = Днепр; *Сэрэ́т* = Серет; *Данапр*, *Варух* = Днепр; *Бурат*, *Брут* = Прут; *Танаис* = Дон; *А́мэл* = Волга; *Жа́йк* = Урал и т. д.

¹⁸⁰ De Administrando Imperio, гл. 42 (стр. 184—187): реки, текущие на восток от Меотийского озера.

¹⁸¹ Там же, гл. 42 (стр. 184—185): река между Дунаем и Саркелом.

¹⁸² А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I. СПб., 1832, стр. 84: озеро Бурлук, река Кулай-Айгыр-Бурлук; стр. 86: озеро Каракуль; стр. 112: река Верхний Бурлук; см. также: Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911, стр. 21 (река Каракол — одна из двух рек, составляющих Талае); С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32 (42) (*Кара көл* — озеро или река в местах расселения азов); А. Н. Курат, ук. соч., стр. 28, 29.

¹⁸³ В. Ф. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, CCXLVII, СПб., 1886, октябрь, стр. 281, 282.

¹⁸⁴ J. Marquart. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, стр. 33.

¹⁸⁵ KCS. A, II, 3, стр. 237.

3. Этнонимика

Важное значение для исследования печенежского языка имеет этнонимика.¹⁸⁶ В «De Administrando Imperio» приведены следующие наименования печенежских родов и родовых объединений: 1) *Јабдѣртѣм* или *јавдѣртѣм* (Ἰαβδερτίμ, Ἰαυδιηρτί, διαυδιηρτί и т. д.), 2) *кѣярчичур* (Κουαρτζιτζούρ), 3) *хабухшѣнјула* (Χαβουξηγγουλά), 4) *сурукълнѣи* или *сурукѣлнѣи* (Σουρουκάλπεη, κουλπέη), 5) *харабои* (Χαραβόη, Χαροβόη), 6) *бороталмат* (Βοροταλμάτ), 7) *јазихопон* (Γιαζιχοπόν), 8) *булачопон* (Βουλατζοπόν), 9) *кангар* (Κάγγαρ).

Кроме того, два наименования (XI в.) встречаются у Кедрена: *бѣлѣрман* или *бѣлѣмарн* (Βελερμανίς, Βαλερμανίς, Βελερμανή, Μελερμανής) и *пагуман* (Παγουμανίς, Παγουμανίδα) — улусы, отнавшие под предводительством Кедрена от главной печенежской орды.

Почти все печенежские этнонимы получили глубокое и достаточно убедительное объяснение крупнейшего знатока тюркских языков Ю. Немета,¹⁸⁷ результаты исследования которого мы приводим ниже.

1) *Јабдѣртѣм* или *јавдѣртѣм* = *јабдѣ* (*јавдѣ*) + *ѣртѣм*, ср. ст.-узб. *јағду* 'свет', *ѣртѣм* < *ѣртѣм* 'доблесть', 'благородство', ср. Cod. Com.: *әрдәм* 'заслуга', 'доблесть', *әрдәмлі* 'доблестный', 10.

2) *Кѣярчичур* = *кѣярчи* + *чур*. *Кѣярчи* < *күгярчи* < *кѣкарчи* 'голубой', ср. Cod. Com.: *көгәр* 'становиться голубым', 32; венгер. *kököres, kökörcsin* 'голубой'; *чур* — титул.¹⁸⁸

3) *Хабухшѣнјула* = *хабухшѣн* + *јула*. *Хабухшѣн* < *кабухшѣн* 'корковый', 'цвета древесной коры',¹⁸⁹ ср. *көкшѣн* 'голубоватый'; *јула* — титул.¹⁹⁰

¹⁸⁶ J. M o g a v c s i k. Byzantinoturcica, II, стр. 48—285.

¹⁸⁷ J. N é m e t h. Die petschenegischen Stammesnamen, стр. 27—32; KCs. A, I, 3, стр. 219—225. Ю. Немец исходит из предположения, что в абсолютном большинстве наименований печенежских родов первым компонентом является слово, обозначающее цвет или масть. О большом значении масти в родовых названиях киргизов см.: С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов. СЭ, № 3, 1946, стр. 128.

¹⁸⁸ Относительно *чур* (ср. *Csur* в топонимике Венгрии) см.: Acta Linguistica Acad. Sc. Hungaricae, I, Budapest, 1951, стр. 240.

¹⁸⁹ А. Н. Кураг, возможно, не без оснований считает это толкование Ю. Немета неудачным (А. Н. К у р а г, ук. соч., стр. 56—57).

¹⁹⁰ Д. А. Х в о л ь с о н. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Иби-Даста, стр. 26, 115 (относительно Джыла).

4) *Сурукълнѣи* = *суру* + *кълнѣи*. *Суру* 'серый', *кълнѣи* < *кѣл* + *бѣи* (< *бѣг*) — титул, ср. *Кѣл-тѣгин*, *Кѣл-чур*, *Кѣл-тудун*, *Кѣл-билгә-казан* (в древнетюркских текстах).

5) *Харабои* = *хара* + *бои*. *Хара* < *кара* 'черный', *бои* < *баи* — титул (букв. «богатый»), ср. *Кара-булук*, *Өрүң бѣг* (в древнетюркских текстах). Ср. также *карабай* — название одного из родовых подразделений у киргизов,¹⁹¹ кирг. *карабай* 'черный аист'.

6) *Бороталмат* = *боро* + *талмат*. *Боро* < *бору* 'серый' (масть лошадей), *талмат* < *толмач* 'переводчик', ср. Cod. Com.: *тилмац*, *толмац*, *толмач* 'переводчик', 54. Нет сомнения в том, что последнее слово образовано от *тил* 'язык', ср. уйг. *milmäci* (КВ, II, 25). Поэтому попытка отнести *талмат* к словам русского происхождения¹⁹² (ср. др.-рус. *тѣлмачь* < тюрк.) едва ли может быть признана удачной.

Соответствие *a ~ i*, обнаруживаемое в пределах разных вариантов данного слова в тюркских языках, встречается очень редко. Некоторое количество таких соответствий Н. А. Баскаков находит в диалектах каракалпакского языка.¹⁹³ Показательно, что разновидность с широким гласным известна главным образом в языках кыпчакской группы и, в частности, в языке кыпчакских мамлюков.¹⁹⁴

7) *Јазихопон* = *јазі* + *хопон*. *Јазі* < *јазі* 'равнина', 'степь', *хопон*¹⁹⁵ < *кабан* 'дикая свинья', ср. МК, I: *Кабан* — мужское имя, 415; кирг. *каман* (т. е. *кабан*) — род племени мундуз.¹⁹⁶ Ср. также *Кобан* — команский предводитель,¹⁹⁷ *Копан* — имя болгарского хана.¹⁹⁸

¹⁹¹ Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, I, М., 1956, стр. 161.

¹⁹² А. С о б о л е в с к и й. Кουλπίγγοι и ταλμάτσιοι. Византийский временник, I, СПб., 1894, стр. 461.

¹⁹³ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, ч. I, М., 1952, стр. 46.

¹⁹⁴ G. G y ö r f f y. Besenyők és magyarok, стр. 442.

¹⁹⁵ И. Маркварт сравнивает его с др.-тюрк. *kanzan* (> *kanan*); см.: J. Marquart. Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten. Ungarische Jahrbücher, IX, Berlin, 1930, стр. 84. Ср. также др.-тюрк. *Каназан* — имя или титул.

¹⁹⁶ С. М. Абрамзон, ук. соч., стр. 130.

¹⁹⁷ L. R á s o n y i. Zur Frage der Eigennamen bei Anonymus, стр. 554.

¹⁹⁸ П. Ников. Хань Омортагъ и Кавханъ Исебуль. Българска историческа библиотека, IV, 1, София, 1931, стр. 33.

8) Булачопон = була + чопон. Була 'пестрый', ср. ала-була. Может быть, Була = Була. Чопон¹⁹⁹ = чобан 'пастух', ср. перс. شبان, авест. fšu-rāna.²⁰⁰ Кирг. чопан (джа-ман-чопан) — род племени кыпчаков.²⁰¹

Относительно наименования кангар см. выше, стр. 370.

В составе двух последних наименований — бэлэрман и пагуман — можно легко выделить форматив -ман. Что касается самих основ, то в отношении них всякие суждения могут оказаться бесполезными, так как мы не знаем определенно, какие формы следует принять за исходные.

4. Связанные тексты из византийских и других источников

Все тексты, написанные греческими буквами и относимые к печенежским, можно считать таковыми только условно, так как языковая принадлежность их в указанных источниках не отмечена. Совершенно естественно, что и всякие выводы, сделанные на основе этих текстов, не были бы достаточно убедительными. Мы ограничиваемся поэтому перечнем известных текстов и не ставим своей целью их толкование.

1) Надписи на сосудах из Надь-Сен-Миклоша (по Ю. Немету):²⁰²

а) Боила зопан тәсі джәйтјгј 'чаша Бойла-чабана по его поручению была сделана (исполнена)';

б) Ботаул зопан тагругј ісігі тәсі 'Ботаул-чабан заставил сделать к ней пряжку; она есть его питейная чаша'.²⁰³

¹⁹⁹ М. Ф. Кёпрюлю-заде сравнивает чопон с встречающимся в древних текстах титулом чапар (M. F. Köprülü-zade. Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur. KCs. A, Ergsband I, 4, стр. 341—344).

²⁰⁰ J. Marguarts. Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten, стр. 85.

²⁰¹ Я. Р. Винников, ук. соч., стр. 160.

²⁰² J. Németh. Die Inschriften. . . , стр. 9—16. По вопросу о языковой принадлежности буквенных (и рунических) надписей из Надь-Сен-Миклоша существуют разные мнения. Чаще всего указанные надписи рассматриваются как гуннские, протобулгарские или печенежские; см.: Г. Ильинский. К вопросу о т. н. «сокровище Аттилы». Вестн. Научного общ. татароведения, № 8, Казань, 1928, стр. 123—130; D. Csallány. Rovásírásos gyűriúk Magyarországon. Archaeologiai Ertesítő Kötet, 82, I Szám, Budapest, 1955, стр. 85 (с резюме на русском языке).

²⁰³ Ф. Альтгейм (F. Altheim. Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum,

2) Тексты в конце Теогонии Иоанна Цена (Bd. I, стр. 195—196; по Б. Мункачи):²⁰⁴ selām alejkum (или selām alejke) aldi (älti) (älti) ägä (или bäg) qaru barsa(?) xanta(n) ä(r)sär(?) qarindaš.

Ниже мы приводим перечень отдельных печенежских слов и сочетаний, выделенных в результате анализа печенежской топонимики, этнонимии и ономастики.²⁰⁵

1. Баја — уменьшительная форма от bai 'богатый'.
2. Күл 'голубой'.
3. Күркүт 'испугай'.
4. Јазі 'степь', 'равнина'.
5. Кілтәр 'принеси' (или bilmär 'сообща', 'объяви').
6. Күлүн 'жеребенок'.
7. Кэгән 'гневный', 'грозный'.
8. Караман 'темный', 'смуглый'.
9. Бал(т)чәр 'боевой топор' (? < балта чабар).
10. Чәлгү 'сабельный удар'.
11. Күрә 'горн', 'кузнечная печь'.
12. Тәмір 'железо'.
13. Күчјг 'младший', 'маленький'.
14. Там 'дикий', 'языческий (не-мусульманский)'.
15. Боға 'бык'.
16. Караја 'порода оленя', 'олень' (букв. «черноватый»).
17. Пітік 'письмо'.
18. Тіван 'коршун', 'ястреб'.
19. Катаі 'укрепление' (? или согд.-хорезм. kām).
20. Салма 'оставленный', 'брошенный'.
21. Јају 'враг', 'вражеский'.
22. Сака 'склон горы' (? или сака — иранский этноним).
23. Орман 'лес'.
24. Хара-кјл 'черное озеро'.
25. Бал 'мёд', 'жидкость' (?).
26. Бурік 'меловой'; место, где много мела'.
27. Јабдї (јавдї) 'светлый', 'блестящий'.
28. Әртім 'доблесть', 'благородство'.
29. Күәрчі 'голубой'.
30. Чур — титул.
31. Хабүшүн 'корковатый' (?).
32. Јула — титул.
33. Сүрү 'серый'.
34. Күл-ндї (күл-бзи) — титул.
35. Хара-боі 'черный бай' (ср. также «аист»).
36. Боро 'серый'.

I. Halle, 1948, стр. 198, прим., 199) делает робкую попытку свести на нет результаты, полученные Ю. Неметом при разборе сен-миклошских надписей.

²⁰⁴ J. Moravcsik. 1) Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes. Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher, Bd. VII, H. 3—4 Athen, 1930, стр. 352—365; 2) Byzantinoturcica, II, стр. 30, 31.

²⁰⁵ Слова, принадлежность которых печенегам вызывает большие сомнения, и слова, не поддающиеся этимологическому анализу, в этот список не включаются.

37. *Талмат* (< *толмач*) 'переводчик'.
 38. *Хопон* 'кабан'.
 39. *Була* 'пестрый'.
 40. *Чопон* 'пастух'.

Обзор приведенных выше печенежских слов позволяет назвать следующие особенности печенежской фонетики (некоторые особенности языка печенегов описаны Ю. Неметом).²⁰⁶

1) Переход $z, z > j > o$, ср. *бэи* < *бэз* 'бек', *күярчи* < *күжярчи* < *күгярчи* 'голубой', *күял* < *күжял* < *күгял* 'голубой', *јају* < *јагу* 'враг'.

2) Переход $z > e(б)$, ср. *јавди* (*јабди*) < *јазди* 'светлый', 'блестящий'.

3) Спирантизация $k (> x)$, ср. *хара* < *кара* 'черный', *хабухийн* < *кабукийн* 'корковатый' (?), *хопон* < *копон* < *кабан* 'кабан', 'дикая свинья'.

Спирантизация k имеет место не во всех случаях, поэтому говорить совершенно определенно о наличии соответствующей особенности печенежского языка, пожалуй, не следует. Вместе с тем мы должны заметить, что возможность обозначения греческим χ печенежского k маловероятна.

4) Недостаточная звонкость b в начале и середине слова, ср. *хопон* < *кабан* 'кабан', 'дикая свинья', *чопон* 'пастух', *күлнэи* — титул (*күл-нэи*), *пимик* 'письмо', 'грамота'.²⁰⁷

5) Неопределенность распределения губных гласных в первом слоге (преобладает u , при соответствии o в языках южной группы), ср. *күл* 'озеро', *орман* 'лес', *куркут* 'испугай', *күярчи* 'голубой', *бога* 'бык', *күлн* 'жеребенок', *күрә* 'кузнечная печь', *күял* 'голубой'.

6) Сохранение группы $lm//lm$ (возможно, с озвончением, но без выпадения l , l), ср. *kilmär* 'принеси'.

7) Сохранение конечных заднеязычных после узких гласных, ср. *күчүг* 'младший', 'маленький'.

8) Сильное лабиализирующее воздействие губных гласных и согласных звуков ($a > o$

или $a > ä$),²⁰⁸ ср. *бои* < *бай* 'богатый', *хопон* < *кабан* 'кабан', 'дикая свинья'.

9) Наличие в первом слоге узкого i при соответствии гласному \bar{e} восточнотуркестанских языков, ср. *kilmär* (*kildär*) 'принеси'.

Об особенностях морфологии языка печенегов трудно судить на основе материалов топонимики и ономастики. Те формы, которые обнаруживаются при анализе указанной категории слов, известны всем или по крайней мере большинству тюркских языков. Мы могли выделить только уменьшительную форму на $-ja$ (*байја*, *караја*), имя действия — причастие на $-ма$ (*салма*) и форму на $-ман$ (*караман*), характерные, как нам кажется, больше для южных (огузских), чем для других тюркских языков.

О ПИСЬМЕННОСТИ ПЕЧЕНЕГОВ

Наличие письменности у печенегов как будто бы не вызывает сомнений,²⁰⁹ однако вопрос о том, какие памятники рунического письма следует считать печенежскими, до сих пор неясен. Поэтому употребление терминов «печенежские руны» и «печенежский алфавит» имеет некоторую условность.

Среди памятников печенежской письменности или памятников, относимых к печенежским, в настоящее время можно выделить три основные группы:

1. Рунические надписи на сосудах из Надь-Сен-Миклоша²¹⁰

а) 𐰽𐰺𐰸𐰾𐰿𐰽𐰾 *Била чаб^ан* 'Бойла-чабан',

б) 𐰽𐰺𐰸𐰾𐰿𐰽𐰾𐰿𐰽𐰾 *таб^ак* 'сковорода',

²⁰⁸ Ю. Немет (J. Németh. Die pet-schenegischen Stammesnamen, стр. 28) полагает, что греч. b в византийских источниках следует читать как a .

²⁰⁹ Прямые указания на наличие у печенегов своей письменности в арабских, персидских и других источниках отсутствуют. Кстати сказать, и арабы, и персы не дают вообще почти никаких сведений относительно письменности у отдельных тюркских племен, ограничиваясь лишь общей характеристикой бывших в употреблении у тюрков алфавитов. Так, например, Фахр ад-дин Мубаракшах называет две разновидности тюркского письма — «согдийскую» и «тогуз-огузскую» (*وخطشان دوگونه*)

(*است يك نوع سغدي است و يك نوع تغزغزي*); см.: Ta'rikh-i Fakhru'd-din Mubarakshah, стр. 44.

²¹⁰ J. Németh. Die Inschriften... , стр. 17—44.

²⁰⁶ J. Németh. Die Inschriften... , стр. 16, 55—58.

²⁰⁷ Однако в данном случае необходима большая осторожность. Дело в том, что греческое π может передавать в словах печенежского происхождения не только n , но и b . См.: R. Hartmann. Zur Wiedergabe türkischer Namen und Wörter in den Byzantinischen Quellen. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Kl. für Sprachen, Literatur und Kunst, Berlin, 1952, № 6, стр. 10.

- в) $\text{B} \text{O} \text{Y} \text{Y} \text{A}$ *bazp^a* 'маленькая кастрюля' или 'чашка',
 г) $\text{DN} + \text{Y} \text{Y} \text{D} \text{Y} \text{A} + \text{Y} \text{Y} \text{Y} + \text{O} \text{Y} \text{Y}$ *B^oila чаб^an* *čäriz k^au* 'десертное блюдо Бойла-чабана'.
 д) $\text{Y} \text{Y}$ *azī* 'щедрый', 'богатство',
 е) $\text{И} \text{Y} \text{Y} \text{A} \text{I} \text{D} \text{O} \text{E}$ *Tur^yk* (? *Турум*) *ič aj^yk* 'питьевая чаша Турука' (?),
 ж) $\text{I} \text{A} \text{O}$ *l-b^ak* — имя собственное (*б^ak* 'крепко', 'очень'),
 з) $\text{A} \text{I} \text{I} \text{O} \text{Y} \text{Y}$ *Sävⁱnüg* *bⁱč^a* (?) — имя собственное женское (княжна Савинюг),
 и) $\text{I} \text{Y} \text{I} \text{8}$ *ä^yz* *ä^z'c* 'широкое отверстие' (*ägic < aziz*),
 к) 8I *c^au*, ср. огуз. *sañak* 'кувшин', крм. *sän* 'горшок с крышкой'.
 л) $\text{Y} \text{O} \text{Y} \text{A} \text{D} \text{Y} \text{A}$ *ba(ä)u* *bgl(?)n*.

Эта группа надписей, расшифрованных Ю. Неметом, принадлежит, по мнению последнего, тем печенегам, которые находились на территории Венгрии. Едва ли можно возразить в этом Ю. Немету сейчас, не имея достаточных данных ни по вопросу о происхождении сен-миклошских надписей, ни по вопросу о конкретных особенностях печенежского языка и его диалектных формах.

Отметим тем не менее, что язык сен-миклошских надписей в том виде, в каком он представлен расшифровкой и чтением Ю. Немета, имеет большое количество необычных явлений, в ряде случаев несовместимых с особенностями структуры тюркских языков. Достаточно привести здесь такие сочетания, как например, *Boila чабан čäriz kash* 'десертное блюдо Бойла-чабана' или *Turuk* (? *Турум*) *ič ajak* 'питьевая чаша Турука' (?), в которых при наличии обозначенных собственными именами субъектов владения или принадлежности полностью отсутствует выражение тюркского изафета и, кроме того, *ič* выступает в качестве имени действия (пить — питьё). Необходимо отметить и то, что из 18—20 слов, имеющих в рунических надписях из Надь-Сен-Миклоша, только 6—7 имеют совершенно определенные параллели в других тюркских языках. Из всего этого следует, что либо сен-миклошские надписи составлены лицом, плохо знавшим печенежский или другой тюркский язык, либо язык, запечатленный в них, принадлежит тюркскому населению, уже подвергшемуся значительной ассимиляции.

2. Рунические надписи на кольцах из Венгрии²¹¹

Эта группа памятников еще не введена в научный обиход. Сам характер надписей, степень их сохранности, количество знаков и т. д. заставляют сомневаться в возможности их удовлетворительного чтения.

3. Рунические надписи на баклажках Новочеркасского музея («а», «б») и камнях Маяцкого городища («в» — «ж»)²¹²

а) $(\text{Y}) \text{N} \text{F} \text{Y} \text{N} \text{O} \text{Y} \text{X} \text{Y} \text{D} \text{O} \text{N} \text{Y} \text{A} \text{F} \text{I} \text{Y} \text{A} \text{F} \text{Y} \text{Y}$
 $\text{Y} \text{X} \text{Y} \text{F} \text{D}$ *bk(?)kⁱmī(z)* *āu(?)* *kⁱmiz uša bⁱ-*
δ^yk avⁱzīk^a(?) *zka t^yldⁱr^a(?)* 'ч'... кумыс, ... кумыс наливая (наполняя)... в это большое отверстие пей'.

Очень возможно, что в данном тексте знак > во всех или почти во всех случаях выполняет ту же функцию, что и знак ↓ в Енисейских надписях, т. е. является своего рода разделителем слов. Подобное восприятие > может изменить чтение лишь одного слова (*uш* вместо *уша*), но не изменяет смысла надписи в целом.

б) $\text{Y} \text{N} \text{Y} \text{F} \text{Y} \text{Y} \text{O} \text{X} \text{Y} \text{Y} \text{D} \text{D} \text{O} \text{X} \text{Y} \text{Y}$ *ēlčⁱ jēmā* *Ata*
āč jēmā B^yk^a ūč^āvī 'Элчи и (также) Ата-ач и (также) Бука — трое их'.

в) ... $\text{Y} \text{Y} \text{D} \text{8} \text{Y} \text{A}$ *Uma* (или *Ama*) *Ä^yū^yu*
 (или *Ä^yū^ā u*) *ātibī*... 'Ума и Ангуш — наши имена'.

г) $\text{Y} \text{Y} \text{Y} \text{Y}$ *Inⁱz(?)* — собственное имя(?).

д) $\text{X} \text{Y} \text{R} \text{E} \text{I}$ 'сⁱz *yjäg* 'теплый очаг' (собственное имя?).

е) $\text{O} \text{X} \text{Y} \text{X} \text{A}$ *Aurtd*... (?).

ж) $\text{I} \text{A} \text{Y} \text{O} \text{E}$ *Ip^am* *z^ab^a* — собственное имя(?).

Данная группа рунических надписей, происходящая из южно-русских степей, содержит более или менее значительные языковые тексты, из которых, опуская всякие сомнительные случаи, можно выделить следующие слова: *kīmiz* 'кумыс', *uш(a)* 'вот этот', *bādūk* 'большой', *aviz* 'отверстие', *ič* 'пей', *Buka* — 'собственное имя' (букв. «бык»),

²¹¹ D. Csallány, ук. соч., стр. 79—85.

²¹² Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 22—27; М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954, стр. 263—268; А. М. Шербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. Там же, стр. 269—282.

Əlci — собственное имя (букв. «посол»), *jəmā* 'также', 'и', *at* 'имя', *üçäv* (*üçäy*) 'трое', *icig* 'горячий', *üjäg* 'очаг'.

Наличие таких слов, как *уш(a)*, *jəmā*, *бәдүк*, указывает на связи рассматриваемых надписей с древними языками Восточного Туркестана и прежде всего с языком уйгуров и огузов, ср. *ош*, *уш* (Муҳаббат-наме, 163а, 172а, 173б; КВ, II, 7, 145; МК, I, 36; МК, II, 45, 128); *jəmā*, *jimā* (USp., 13, 36; МК, II, 58, 59, 60); *бәдүк* (USp., 55, 102; МК, I, 93; Uig., I, 45; Man., I, 16, Surv., 345).

Вместе с тем фонетические особенности — переход *з > в* (*авіз*), сохранение *б* без изменения в *м* в личном окончании 1-го лица множественного числа [*amibi(z)* 'наши имена'], изменение *а* в *ä* или, иначе говоря, замена твердого типа вокализма мягким²¹³ (*icig* < *iciz*, *üjäg* < *uʃaz*) сближают язык надписей с команским языком (точнее, с тем, что в команском языке является наиболее характерным для языков кыпчакской группы), ср. Cod. Com.: *azizi*, *авзу*, *абзу*,²¹⁴ *аузу* 'его рот, отверстие', 3, *азірла-*, *авурла-* 'почитать', 3, *окурбіс* 'мы читаем', 83, но *бијиміз* 'наш господин', 85. Точно такой же характер имеют и морфологические особенности, ср. *üçäv* (*üçäy*) 'трое', староосманское *üçälä* (см. AQB, 23), древне-уйгурское *üçägü* (см. USp., 25, 49, 55, 57).

В первой надписи имеется древняя форма винительного падежа *-ik* (*-iz*).

Результаты исследования данной группы надписей позволяют говорить о наличии в соответствующем языке особенностей как южной, так и западной ветви тюркских языков. В этом отношении язык надписей имеет много общего с команским языком.

Надписи на баклажках из Новочеркасска и камнях Маяцкого городища можно рассматривать как памятники письменности печенегов с бóльшим основанием, чем какие-

либо другие упомянутые выше надписи. Важным доказательством принадлежности упомянутых надписей печенегам является близость их языка к тому языку, который восстанавливается в результате анализа печенежской топонимики и ономастики.

С рунами на баклажках из Новочеркасского музея и камнях Маяцкого городища, по-видимому, имеют определенную связь знаки на одном из хумов, найденных при раскопках городища Кой-Крылган-Кала в Средней Азии, на территории Кара-Калпакской АССР: ²¹⁵ $\Upsilon 1 \rangle \square \Upsilon$.²¹⁶

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что городище Кой-Крылган-Кала находится на территории, являвшейся в IX в. местом расселения печенегов.

Обнаружение рун на территории, прилегающей к Сыр-Дарье и Аральскому морю, где их появление может быть связано только с присутствием здесь печенегов, открывает большие возможности для изучения вопроса о происхождении данного вида рунической письменности.

Область распространения «печенежских» рун не ограничивалась Приаральем. Руны, обнаруживающие большое сходство с «печенежскими», прослеживаются и у Таласа, где печенеги могли находиться в VIII в.

Среди таласских эпиграфических памятников особое место занимает палочка с надписью, найденная в долине Таласа, на южном склоне Александровского хребта (Ачикташ),²¹⁷ и хранящаяся в Государствен-

²¹⁵ Об этой надписи, которая состоит из 5 знаков, С. П. Толстов, издавший ее, почти в одно и то же время высказал два совершенно противоположных суждения (надпись — не арамейского происхождения; надпись состоит из знаков арамейского типа и «читается довольно ясно»); см.: С. П. Толстов. 1) Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган. ВДИ, № 1, 1953, стр. 163, 169; 2) Археологические работы Хорезмской археолого-эпиграфической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 256.

²¹⁶ Мы приводим в данном случае не копию надписи, а ее трактовку путем сравнения знаков с тюркскими рунами.

²¹⁷ М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 13, 14; С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Там же, стр. 28—38. Новый перевод надписи на палочке издан Х. Н. Оркуном (Н. Н. Orkun. Eski türk jazıtları, III. Istanbul, 1940, стр. 209—214. Ağaç üzerindeki yazıt).

²¹³ J. N é m e t h. Die Inschriften. . . , стр. 56, 57; W. B a n g. 1) Zu der moskauer polowzischen Wörterliste. Bull. de l'Acad. de Belgique, № 4, Bruxelles, 1911, стр. 94—95; 2) Osttürkische Dialektstudien. Abhandlungen der Königl. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen, Phil.-hist. Kl., Neue Folge, Bd. XIII, № 1, стр. 4 и сл.

²¹⁴ По мнению В. В. Радлова, написание *абзу* свидетельствует о том, что часть куманов произносила это слово как *авз*; см.: W. R a d l o f f. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-P., VII-e sér., t. XXXV, № 6, 1887, стр. 3.

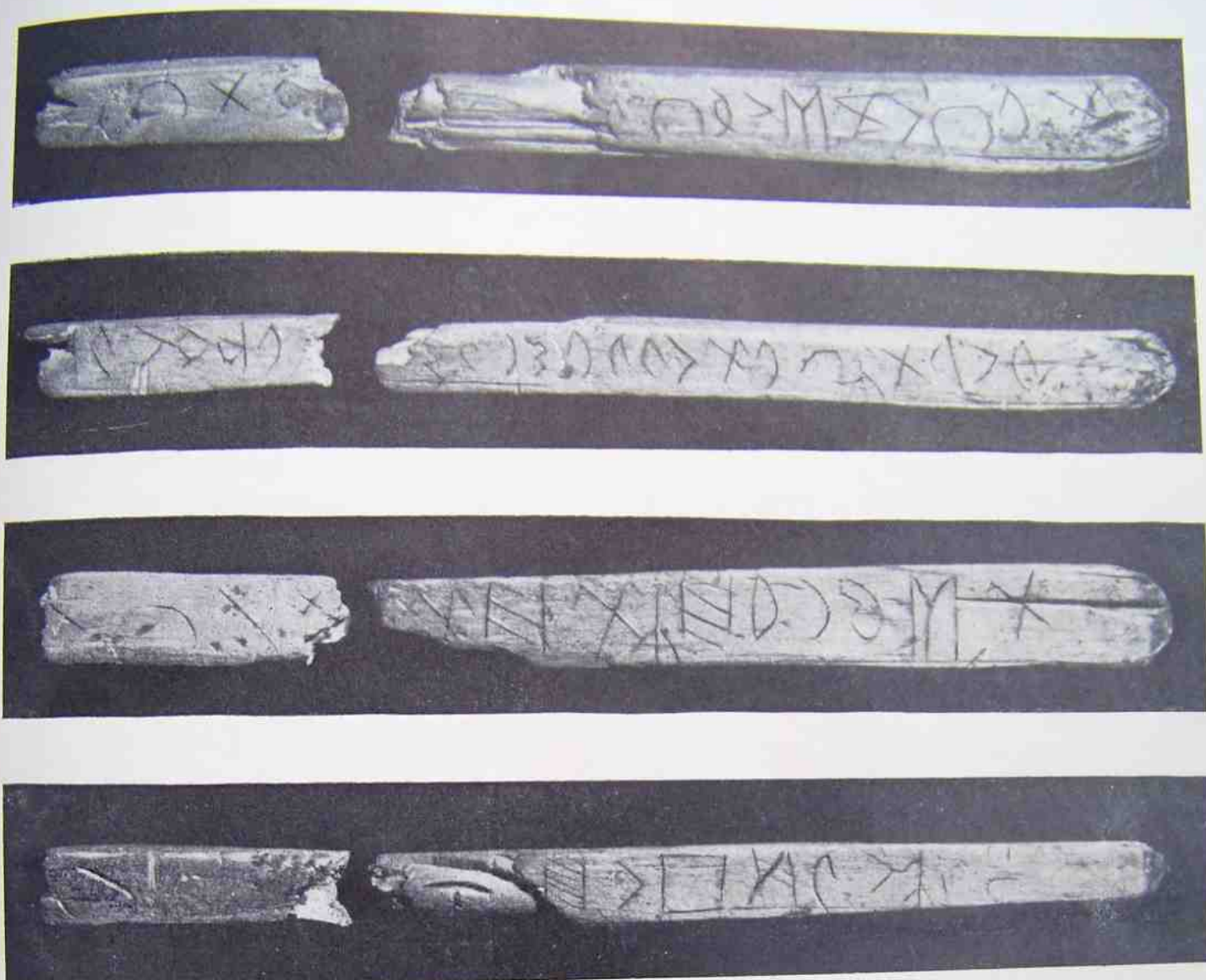
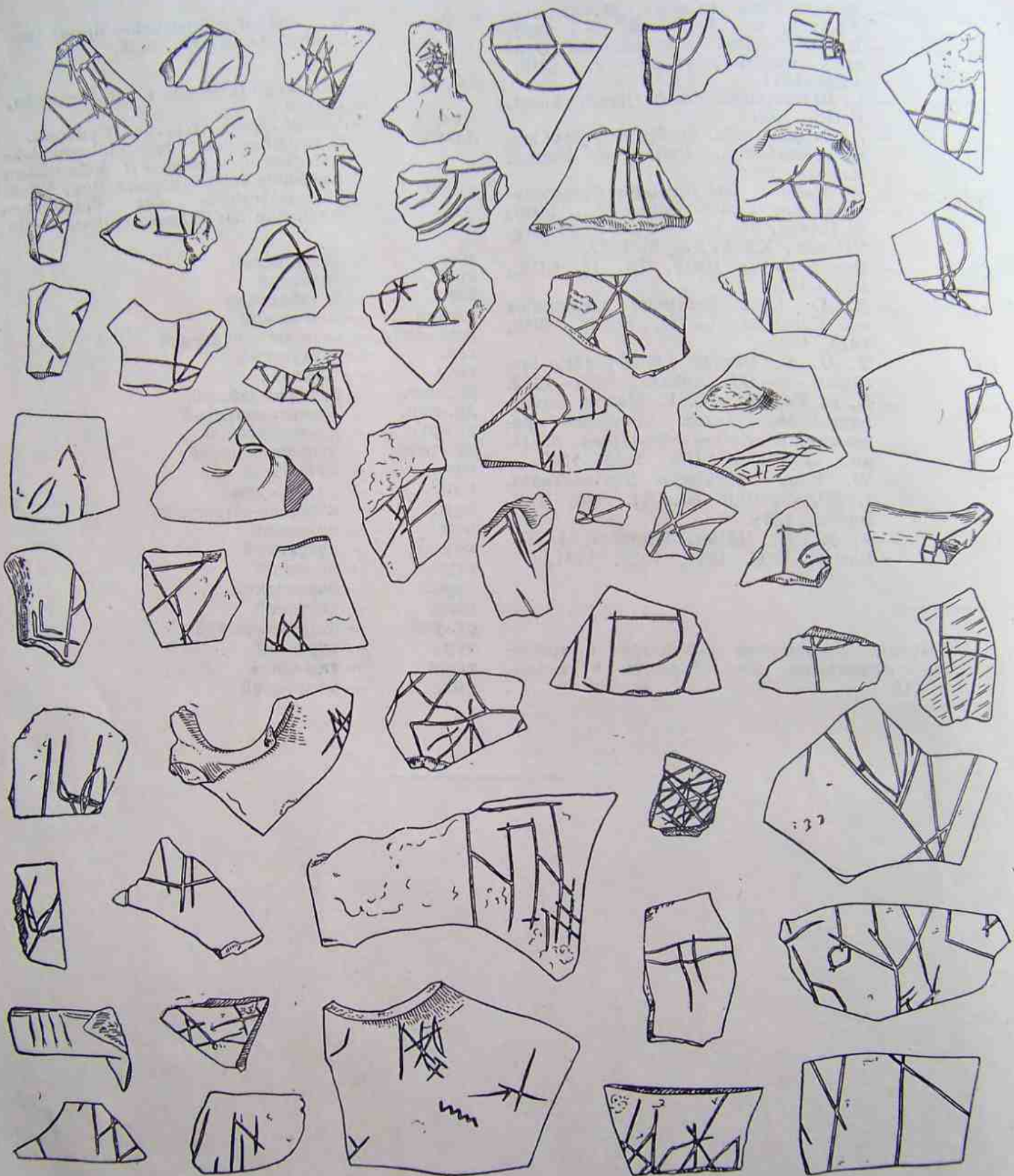

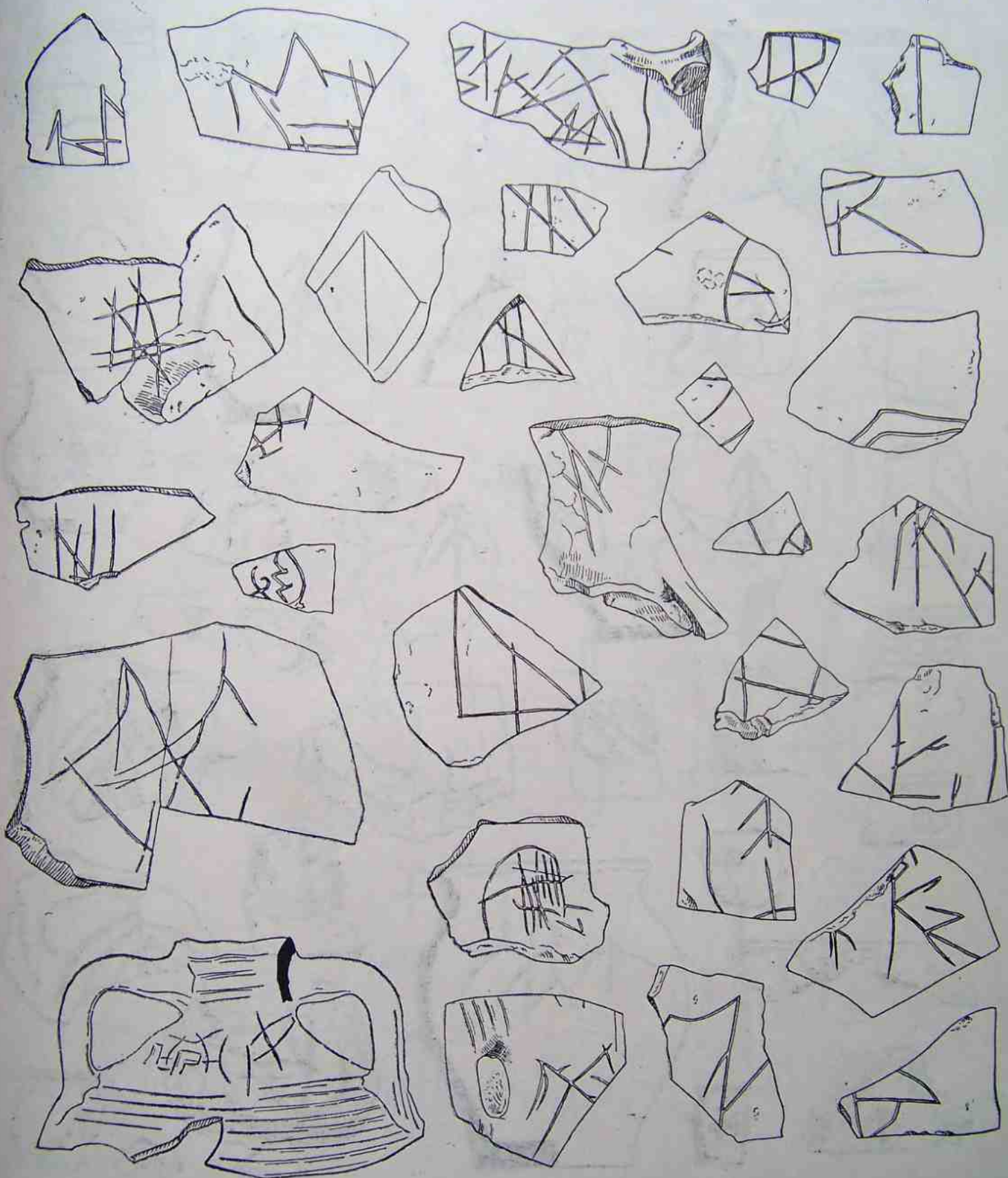
Рис. 6. Знаки на палочке.

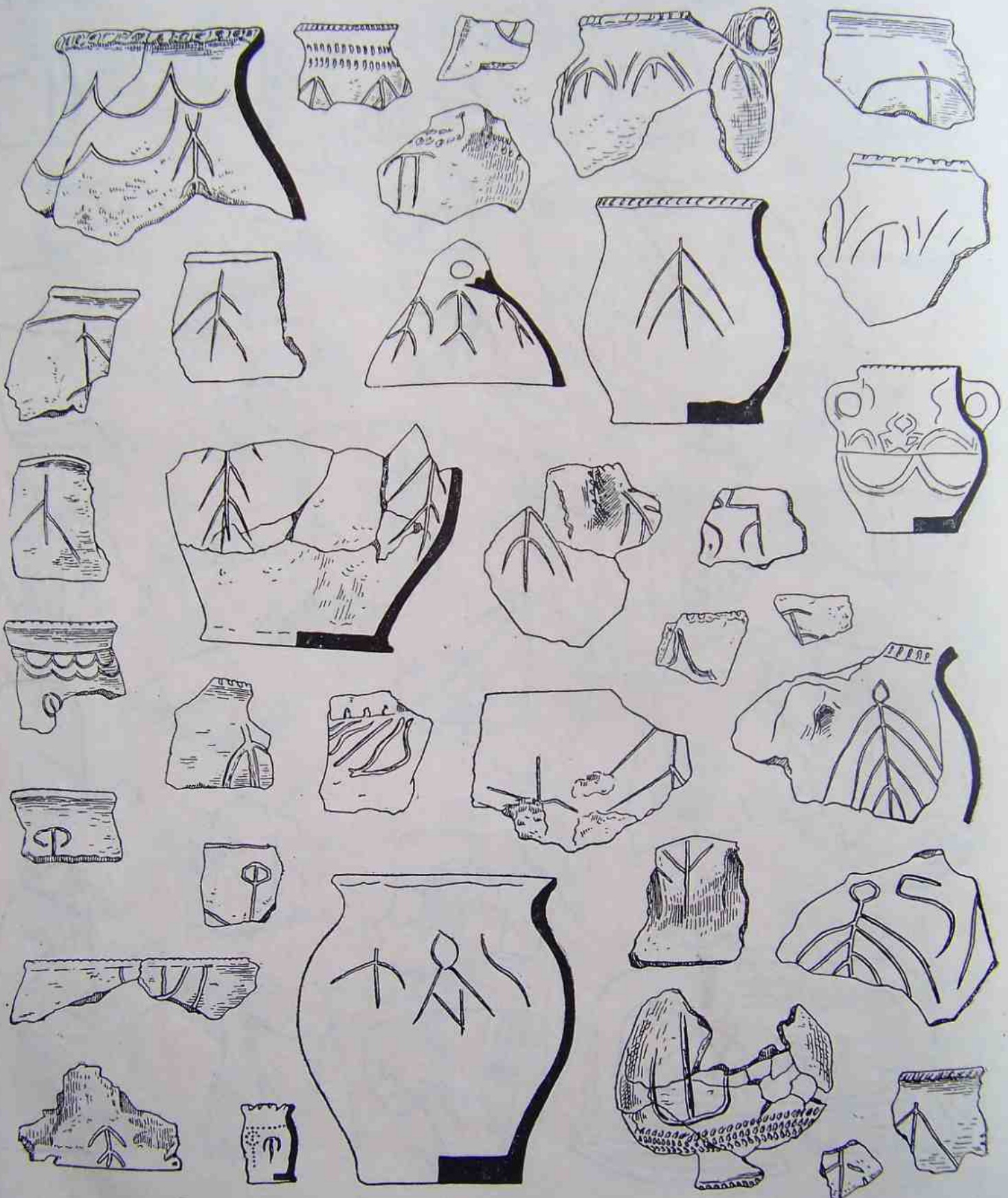
СОКРАЩЕНИЯ К СТАТЬЕ А. М. ЩЕРБАК²²⁵

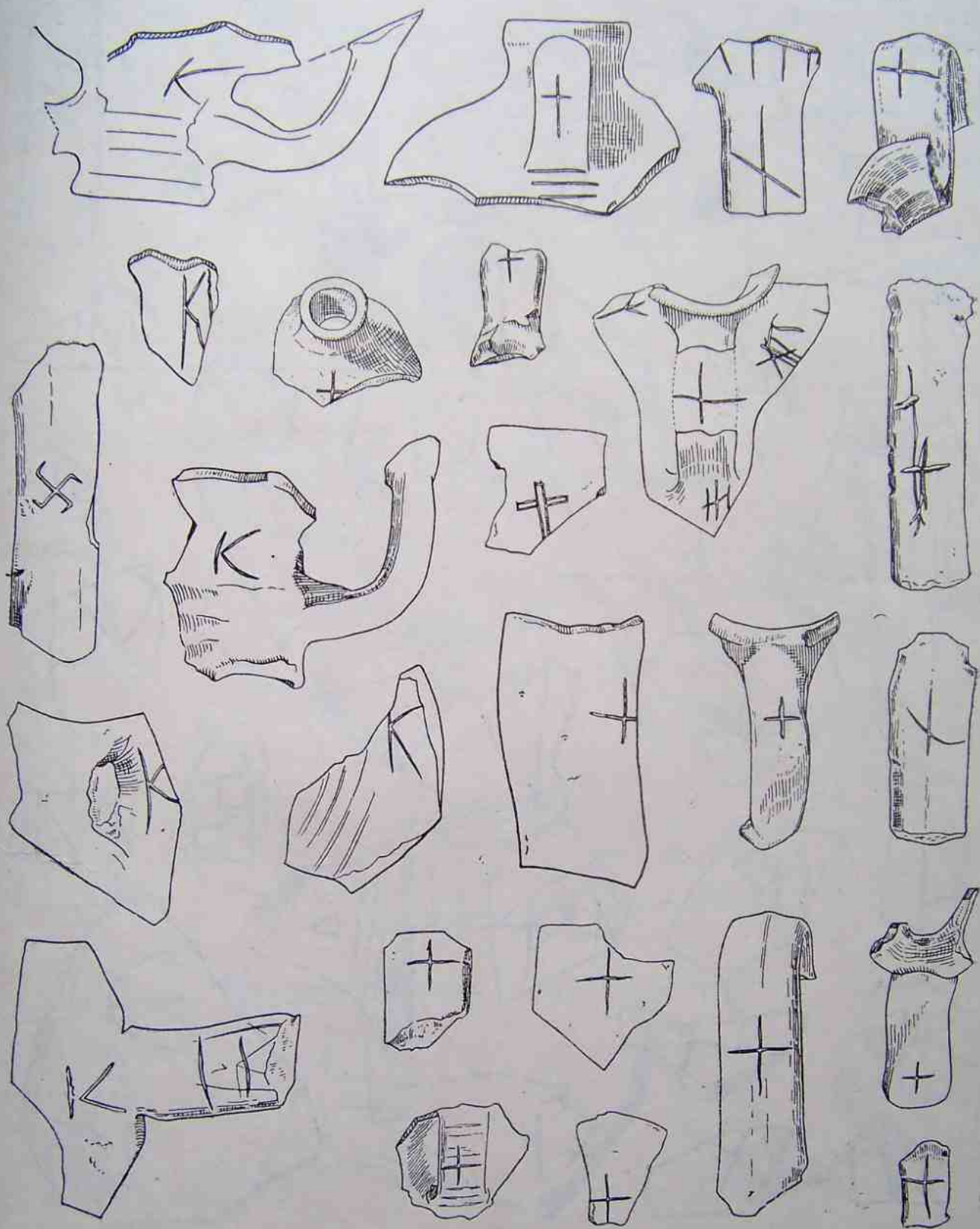
Сл. Замах-шарӣ	— Монгольский словарь Мукаддима	USp.	— W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.
Сл. Рад.	— В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1888—1911.		
AQJB	— C. Brockelmann. 'Ali's Qīssa'i Jūsuf. Berlin, 1917.	JSFOu	— Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
CD	— A. Zajaczkowski. Studja nad językiem staroosmańskim. Calila et Dimna. Kraków, 1934.	KCs. A SAWW	— Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest. — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien.
Cod. Com.	— W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial der Codex Comanicus. Mém. de l'Acad. des sc. de St.-Petersbourg, VII sér., XXXV, № 6, 1887.	SPAW	— Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
KB	— Das Kudatku Bilik, Th. II. СПб., 1900—1910.	авест.	— авестийский
Man.	— A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho, I—III. Berlin, 1912, 1919, 1922.	араб.	— арабский
MK	— T. D. K. Divanü Lûgat-it-türk tercümesi, I—III. Ankara, 1939—1942.	бар.	— барабинский
Suv.	— В. В. Радлов и С. Е. Малов. Suvarparabhāsa. Текст. уйгурской редакции. Bibliotheca Buddhica, XVII, вып. I—VIII, СПб., 1913—1917.	венгер.	— венгерский
TT	— W. Bang. Türkische Turfan-Texte, I. SPAW, Phil-hist. Kl., Bd. XIV, Berlin, 1929.	вост.-слав.	— восточнославянский
Uig.	— F. W. K. Müller. Uigurica, I—IV. Berlin, 1909, 1911, 1922, 1931.	гаг.	— гагаузский
		греч.	— греческий
		др.-евр.	— древнееврейский
		др.-инд.	— древнеиндийский
		др.-рус.	— древнерусский
		др.-тюрк.	— древнетюркский
		каз.	— казахский
		кирг.	— киргизский
		кrm.	— крымско-татарский
		нем.	— немецкий
		ног.	— ногайский
		огуз.	— огузский
		перс.	— персидский
		сарт.	— сартский
		ст.-узб.	— староузбекский
		тур.	— турецкий
		тюрк.	— тюркский
		уйг.	— уйгурский

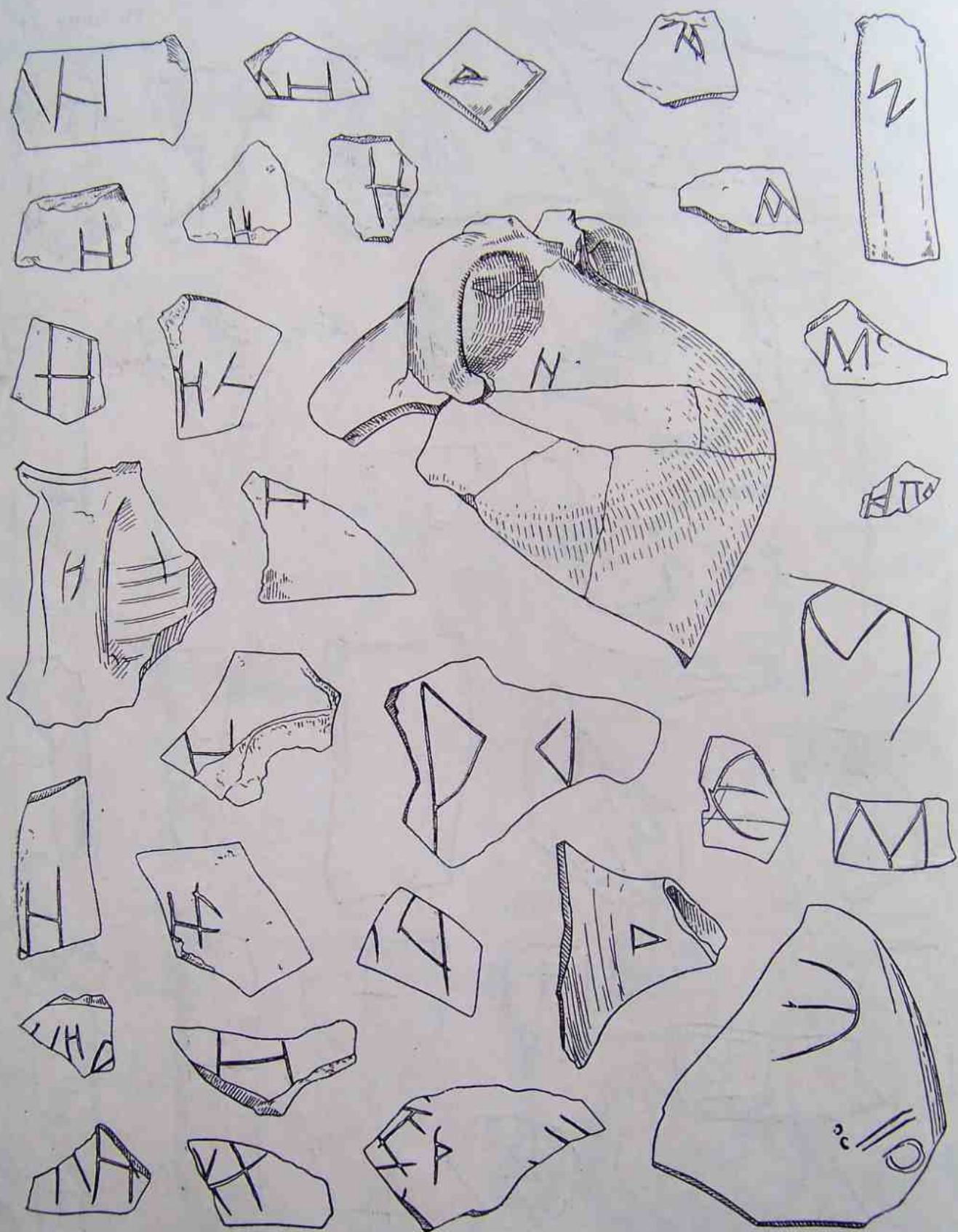
²²⁵ Прочие сокращения совпадают с сокращениями, принятыми для сборника в целом, см. стр. 415.

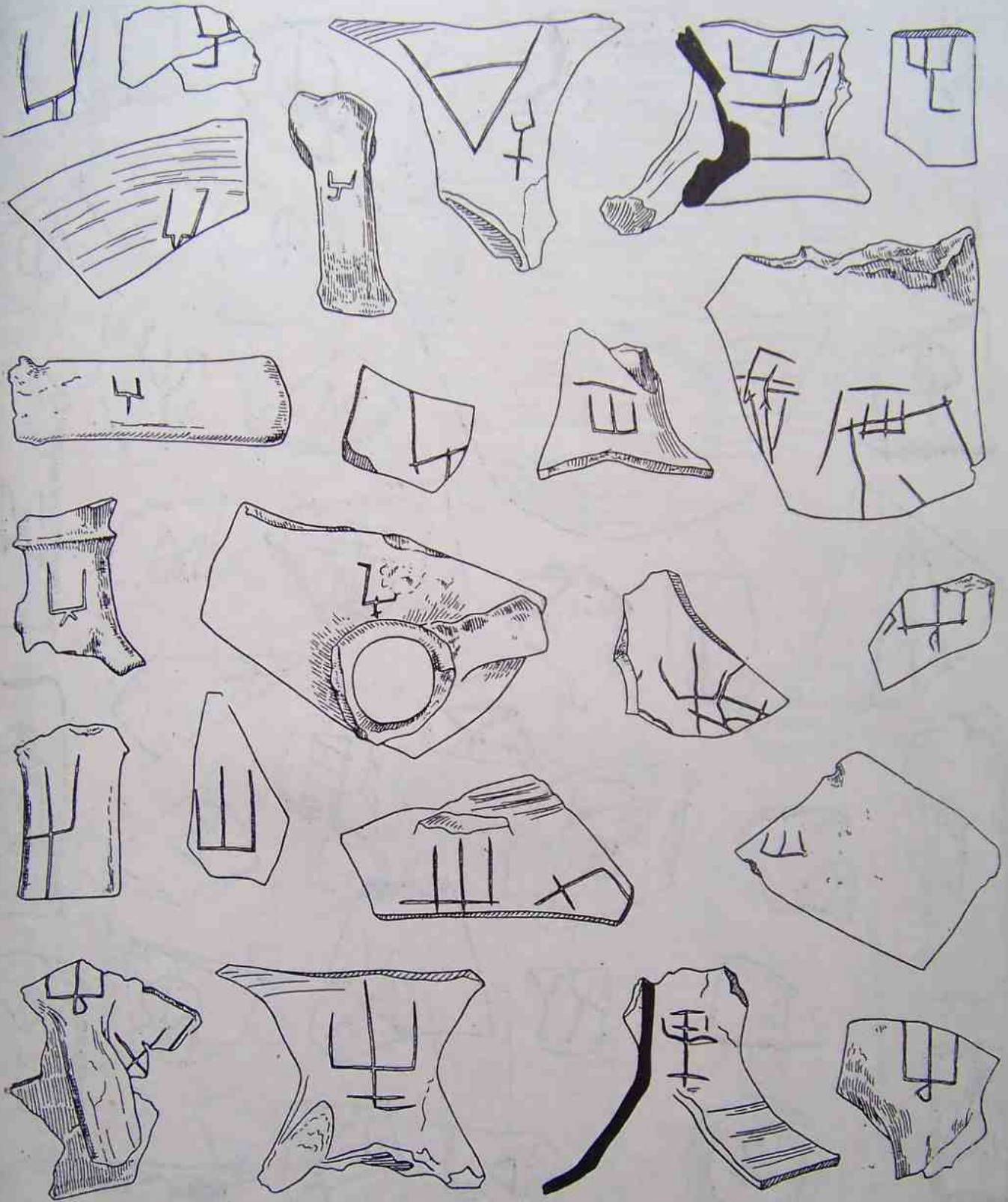

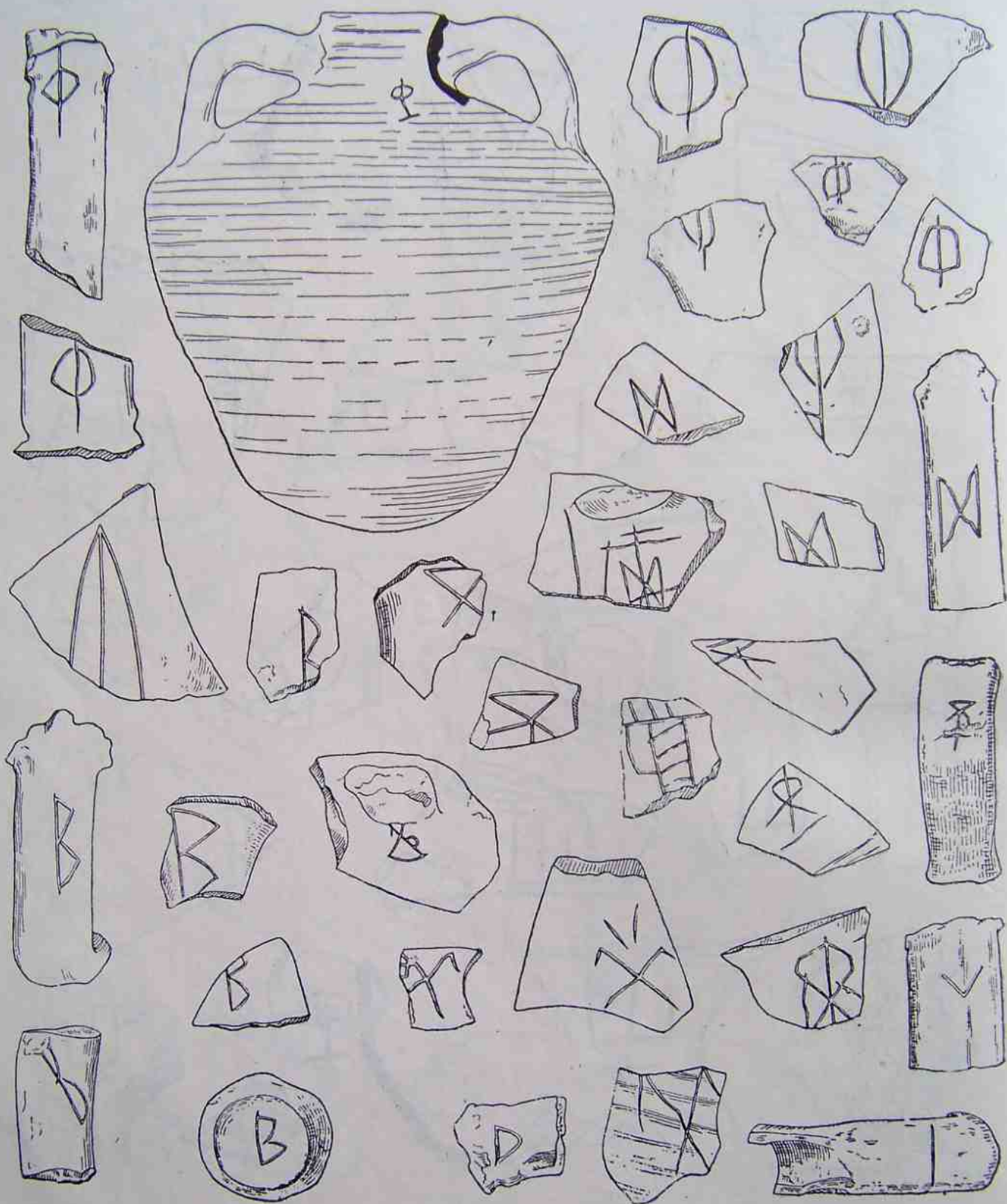
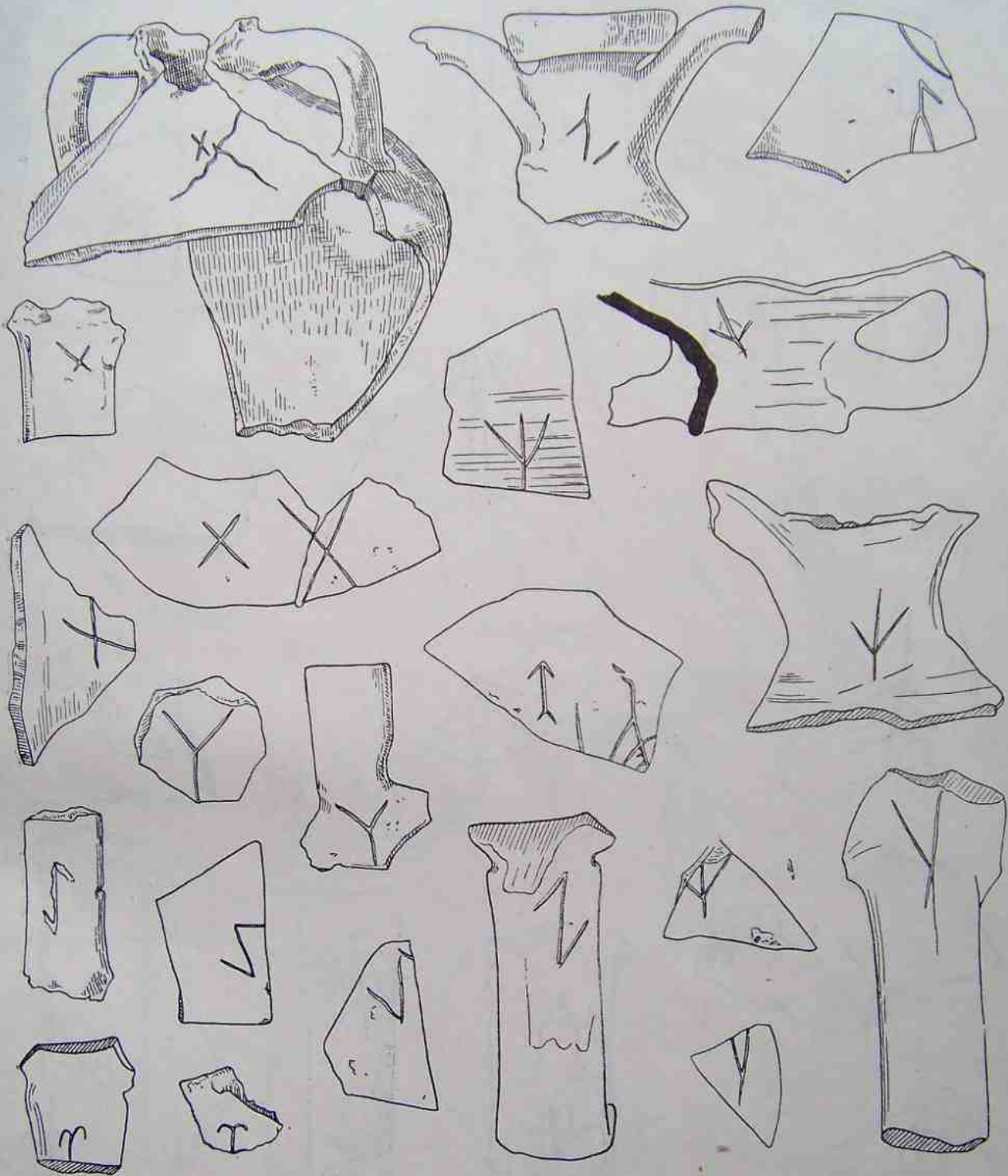
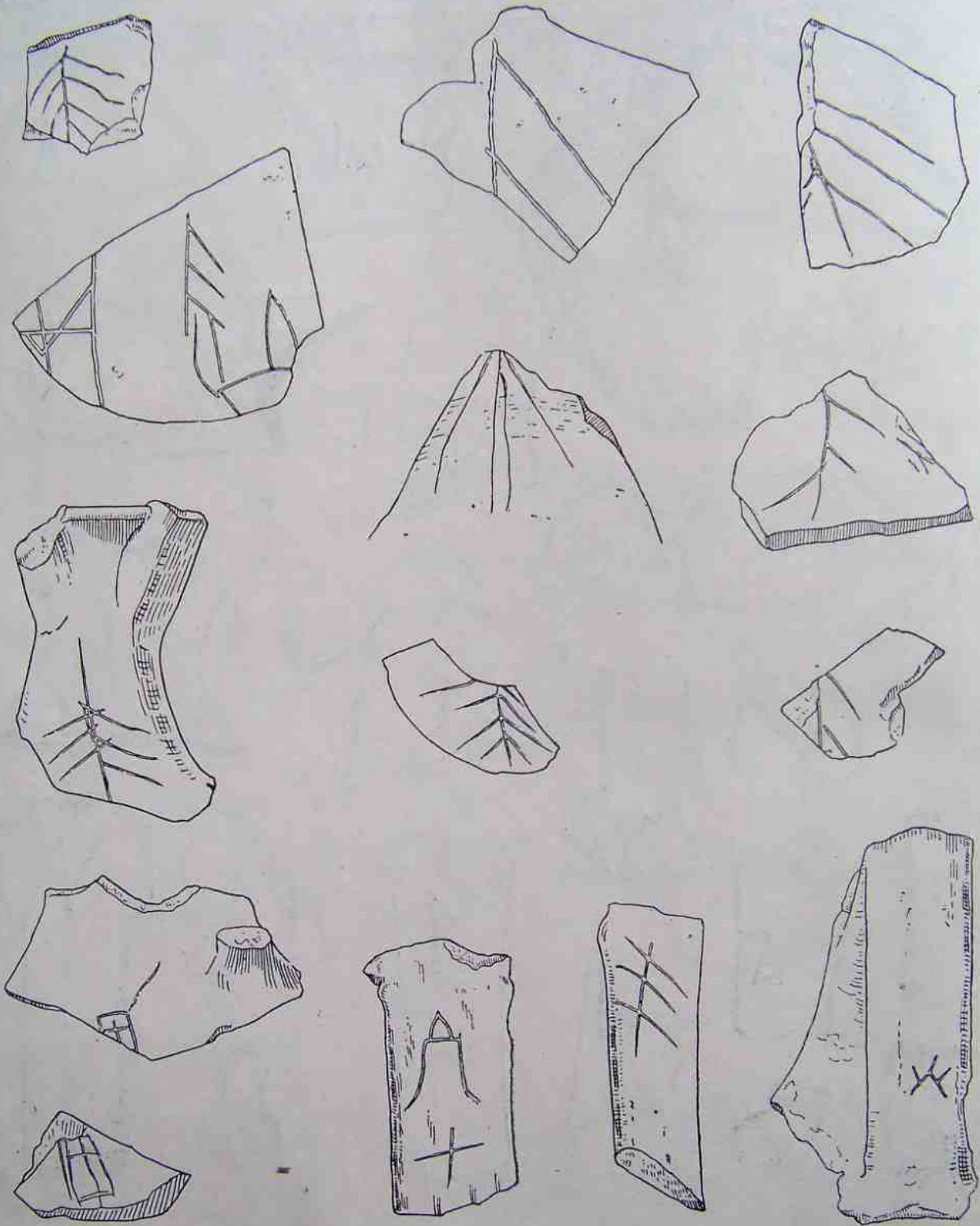
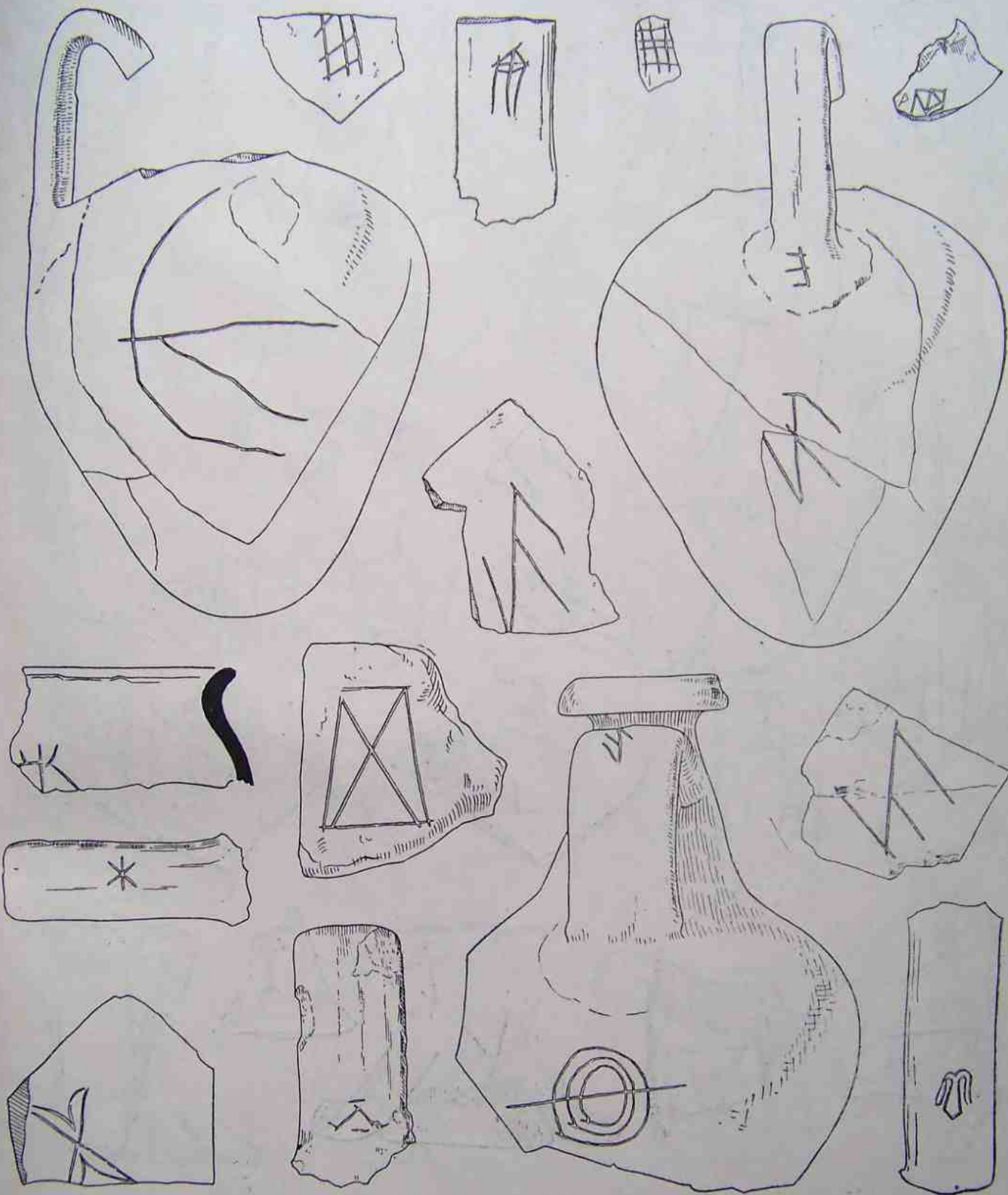
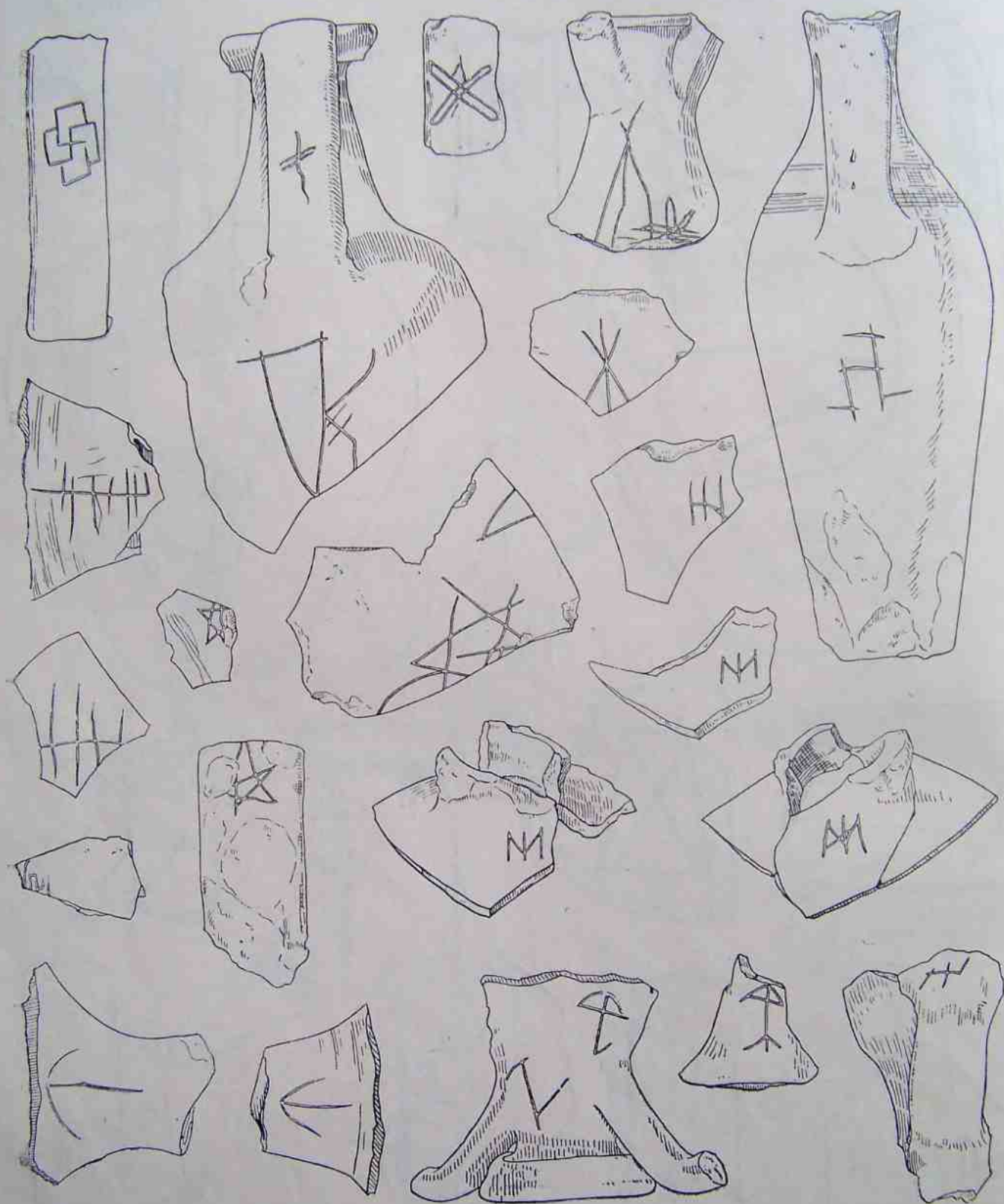

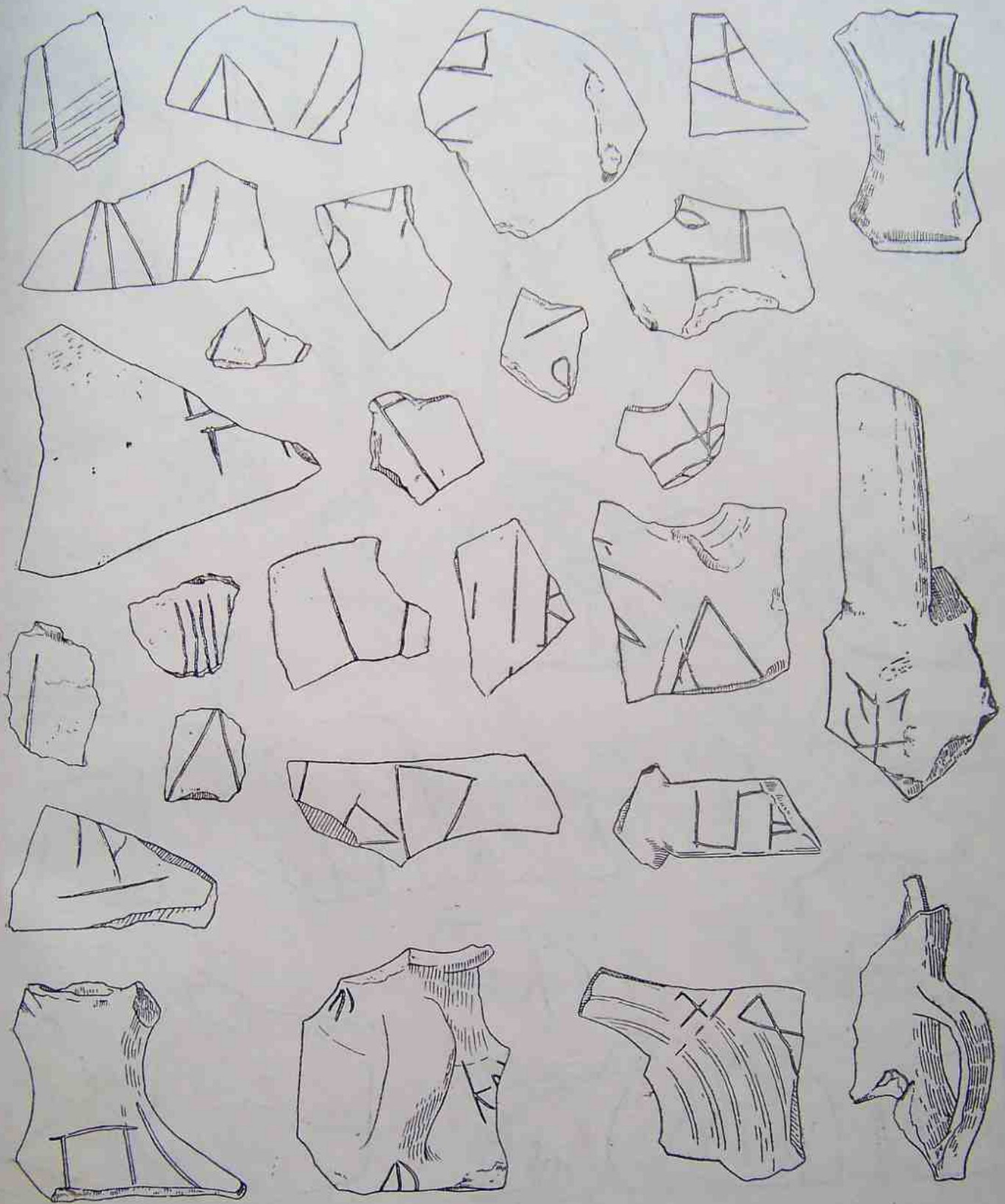
Таблица VIII

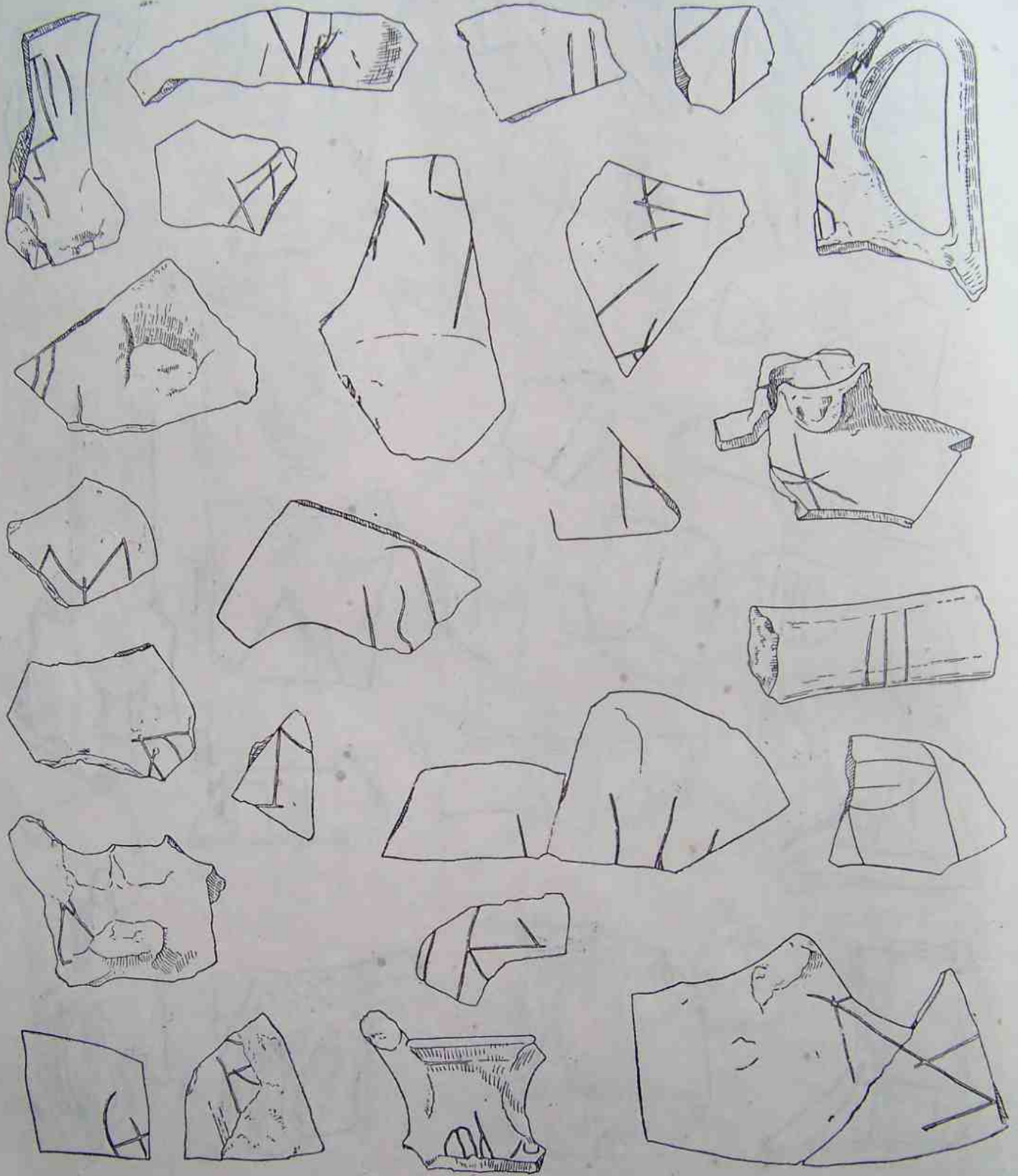

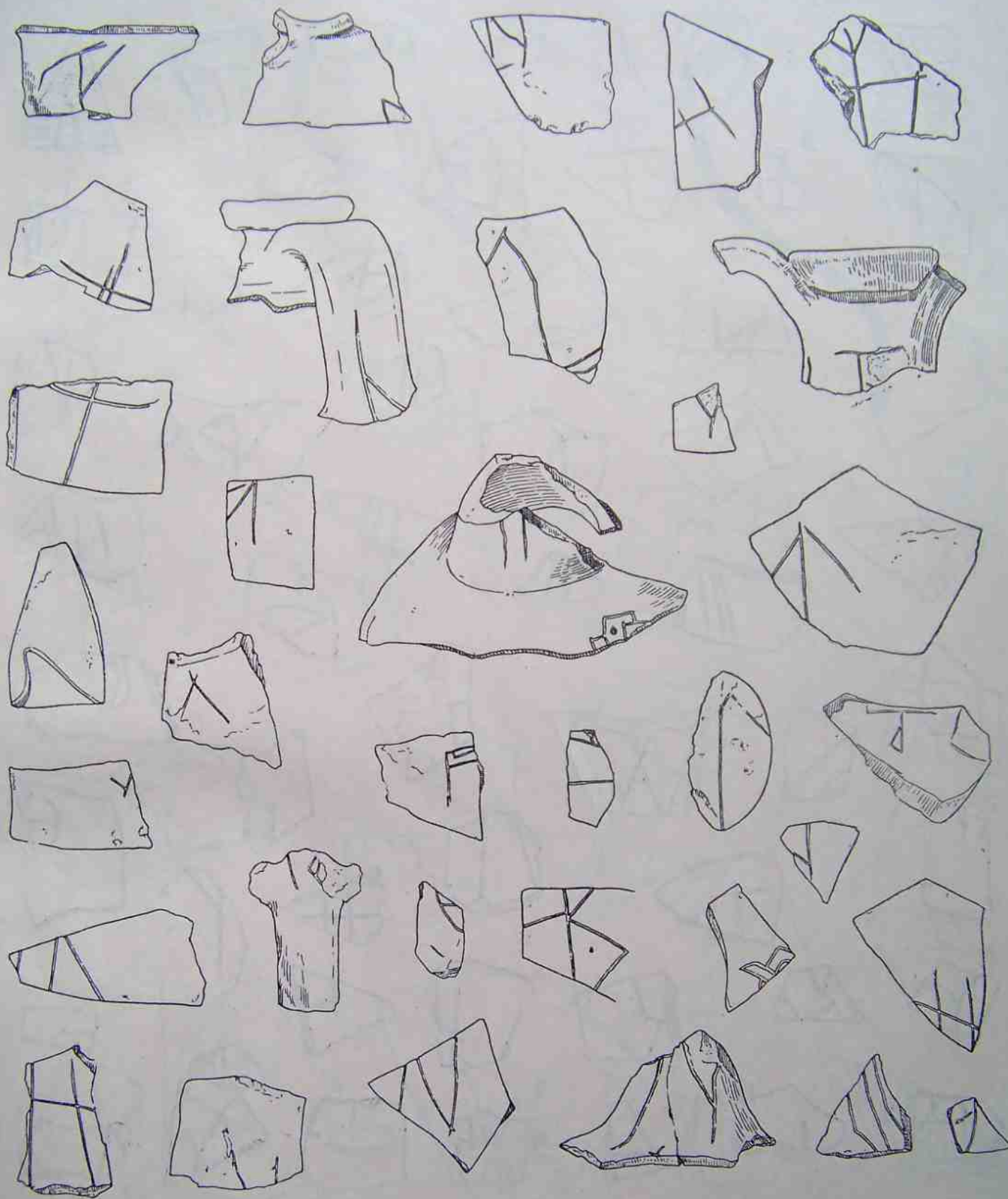

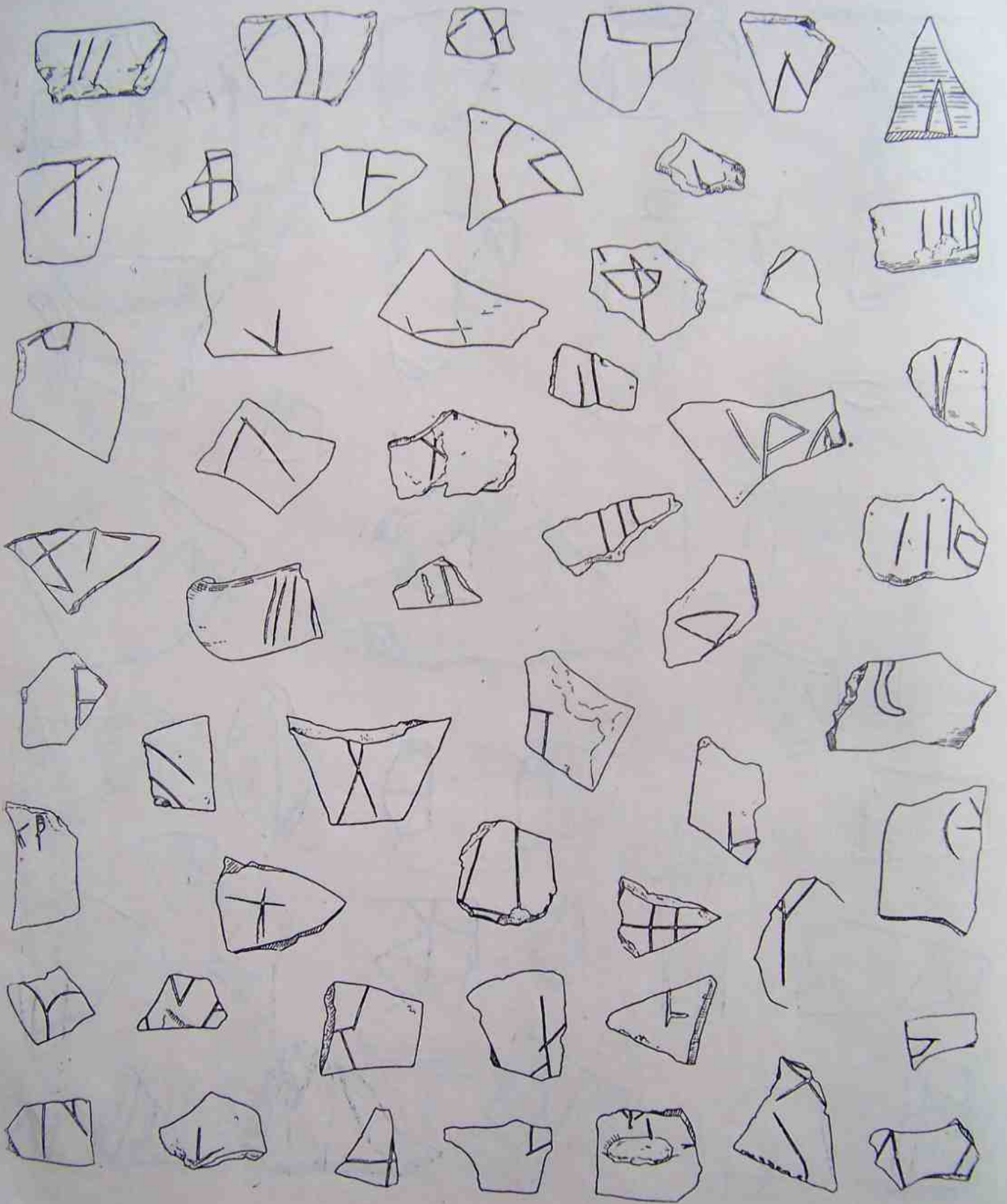

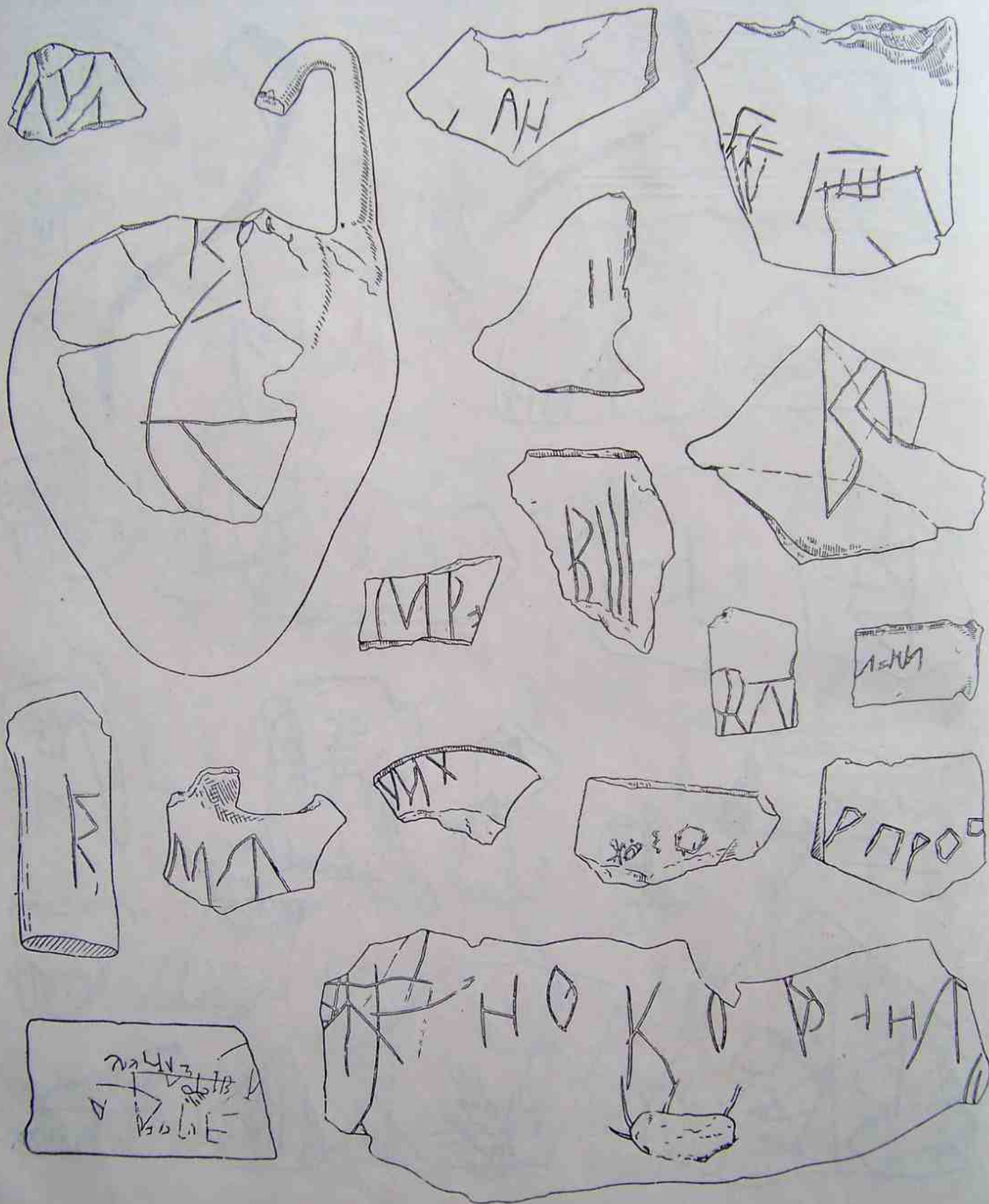

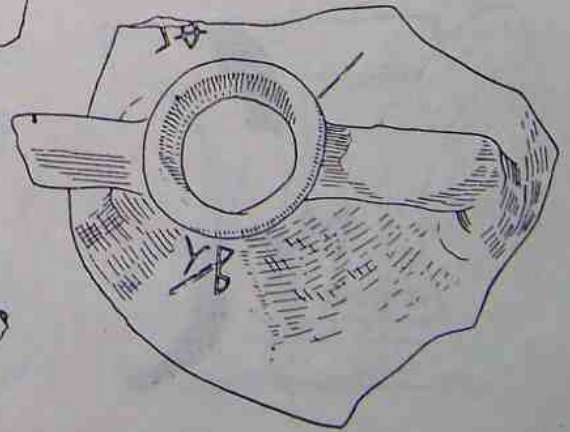
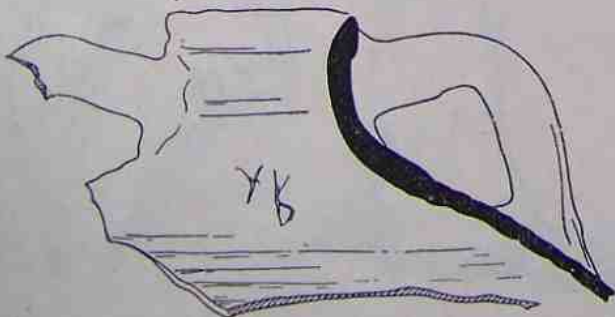
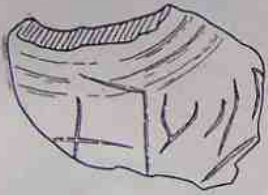
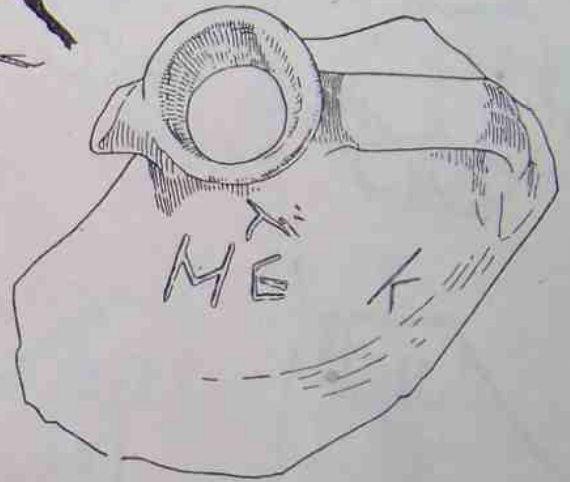
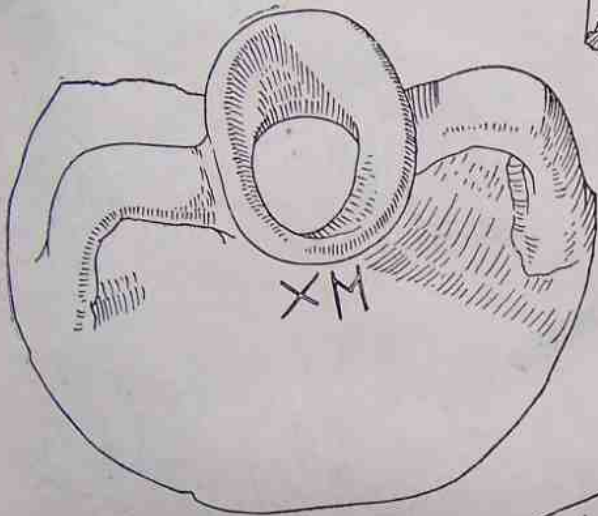
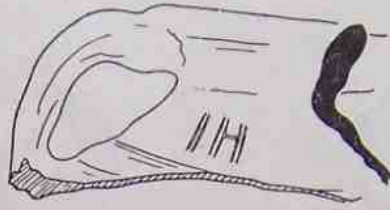
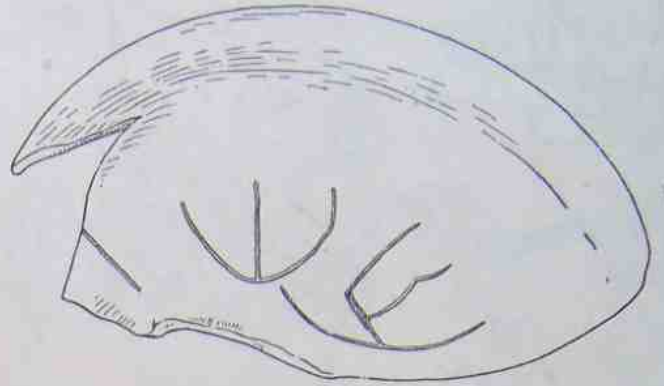

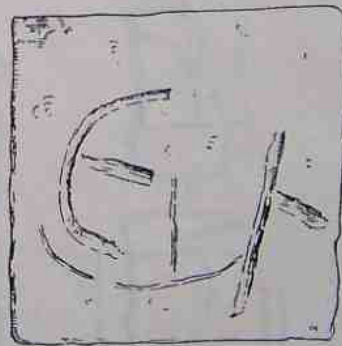
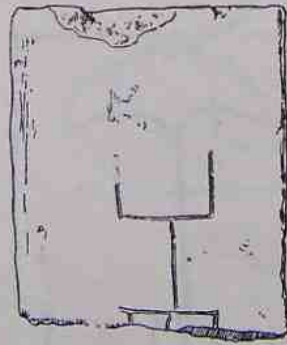
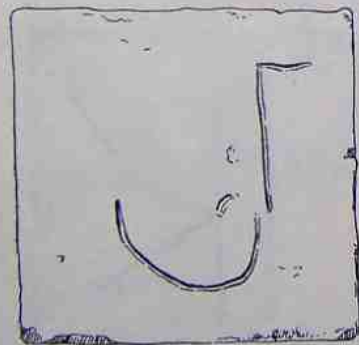
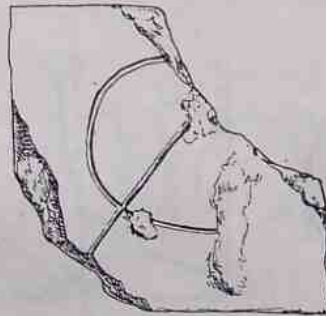
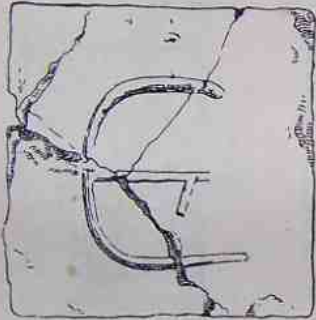
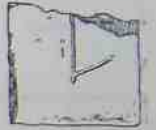
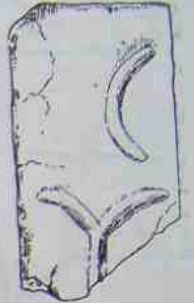
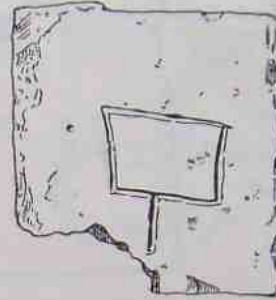
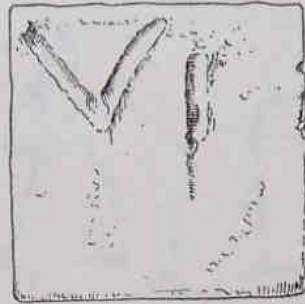
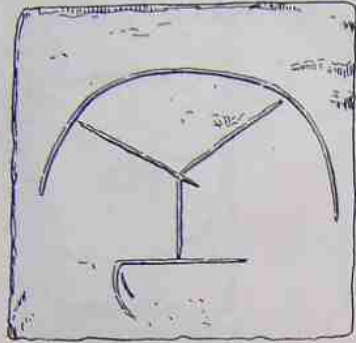
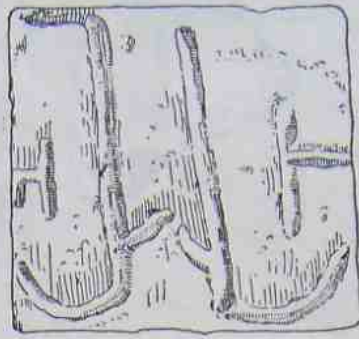
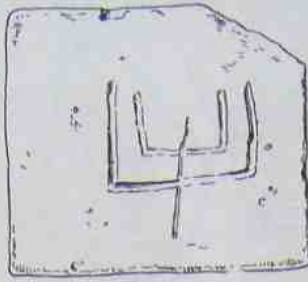
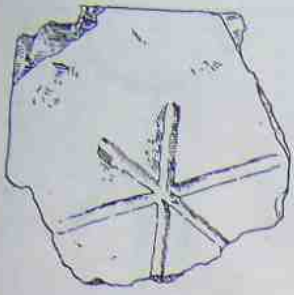

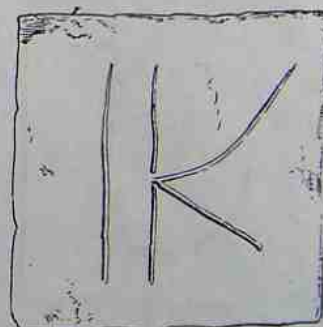
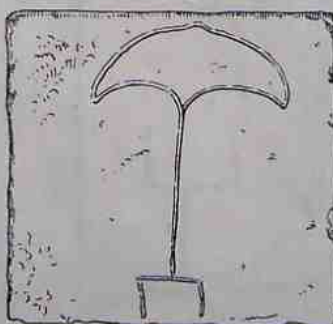
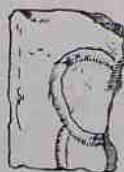
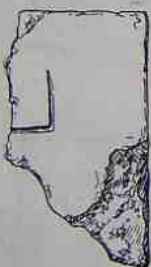
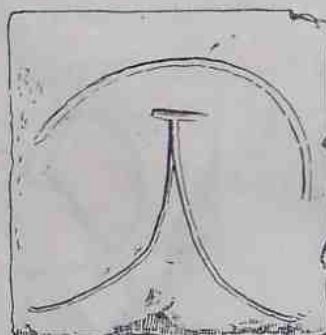
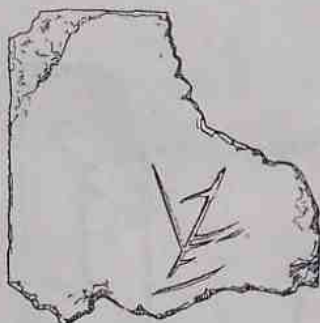
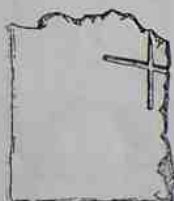
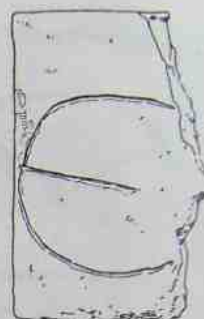
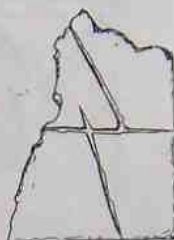
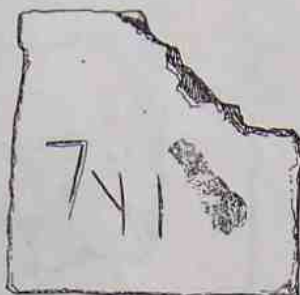
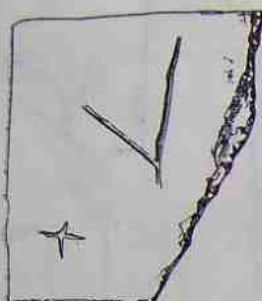
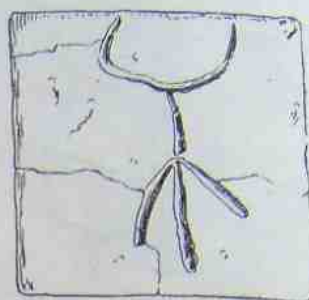
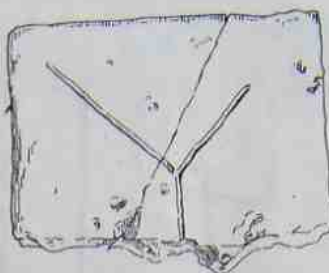
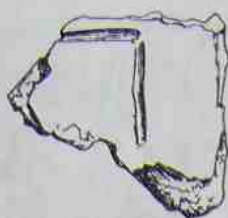
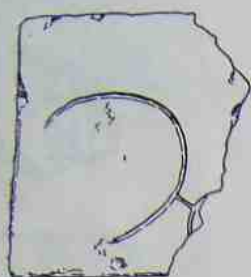

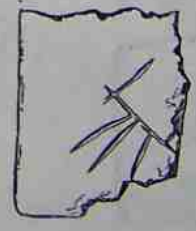
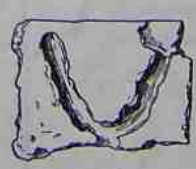
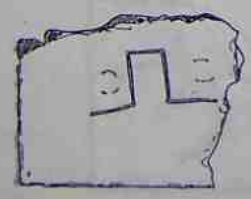
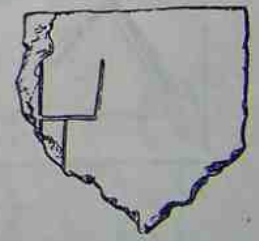
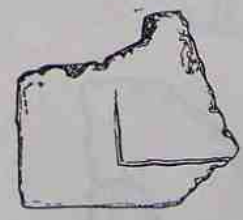
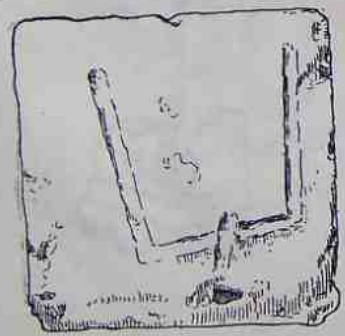
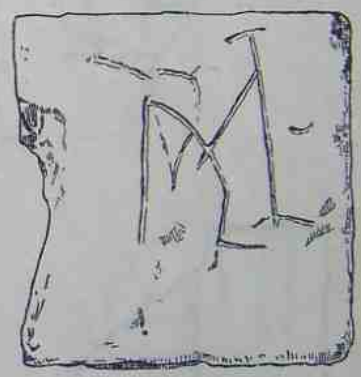
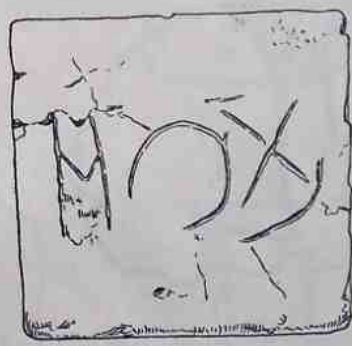
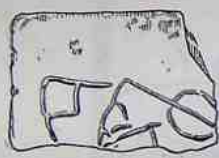
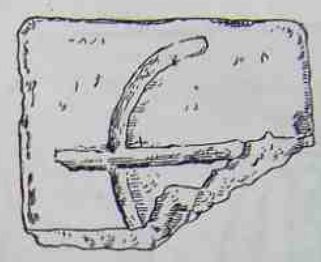
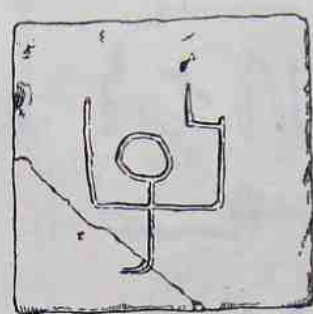
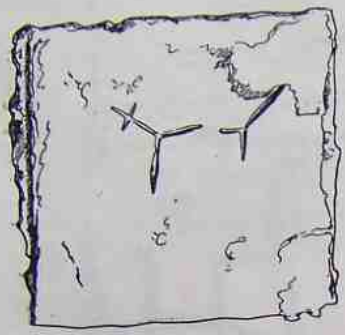
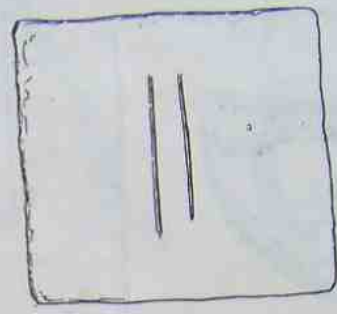
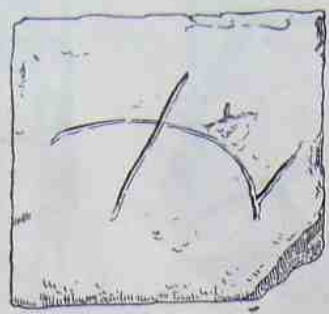
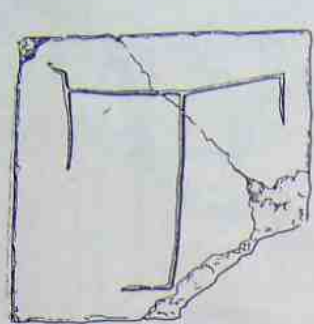

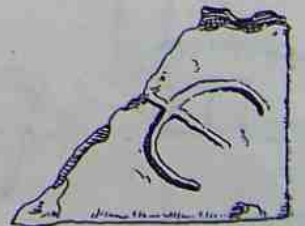
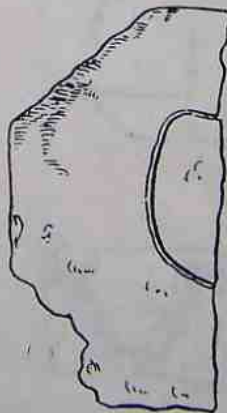
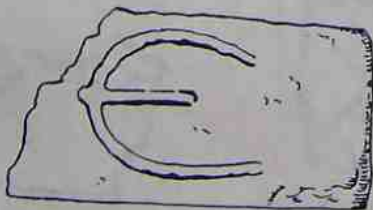
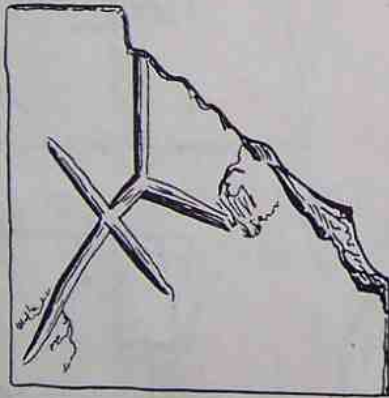
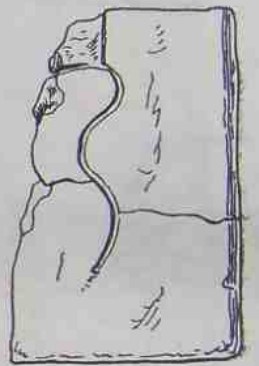
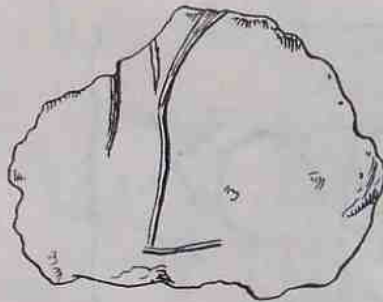
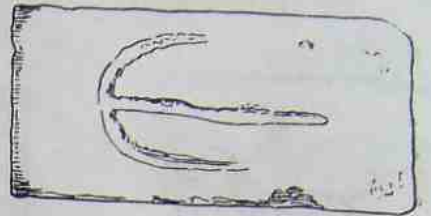
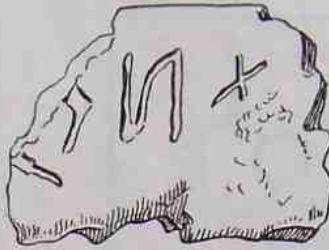
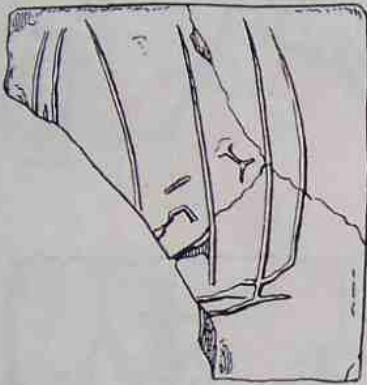
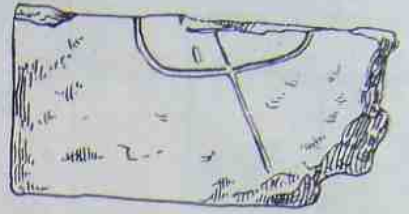
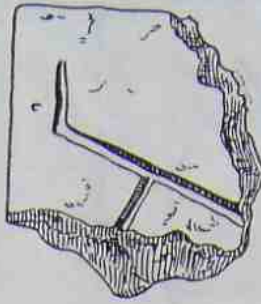
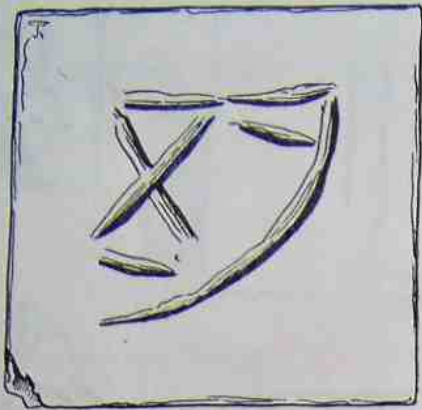

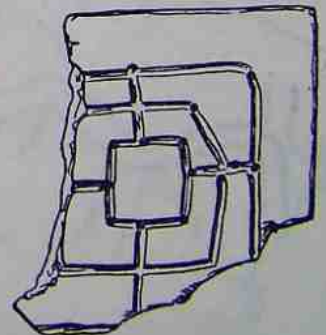
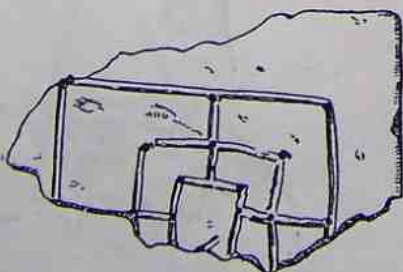
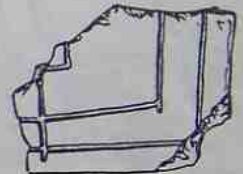
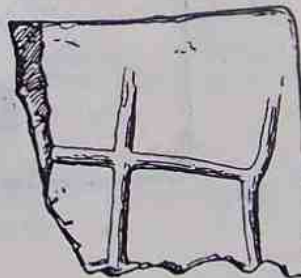
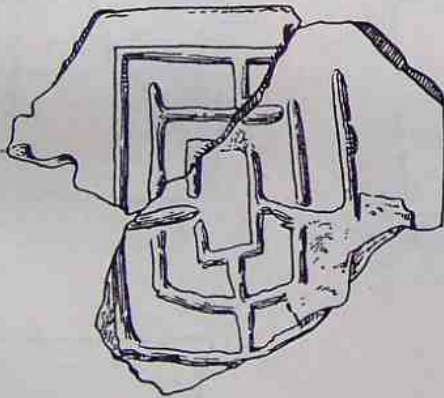
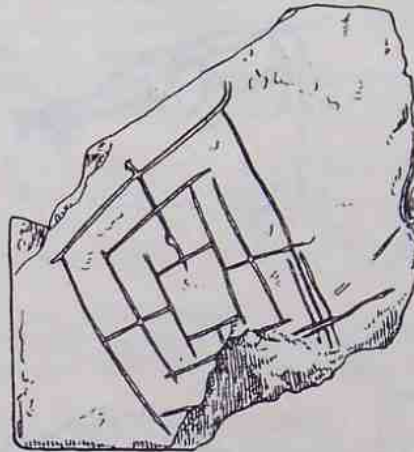
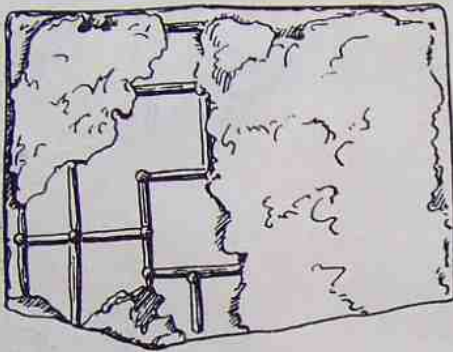
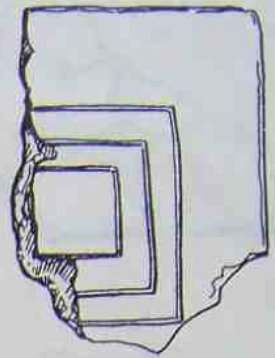
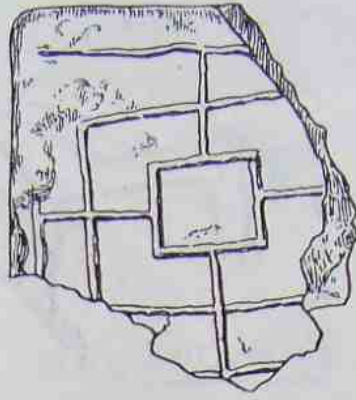
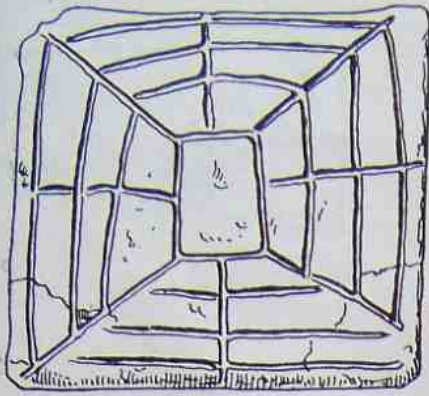

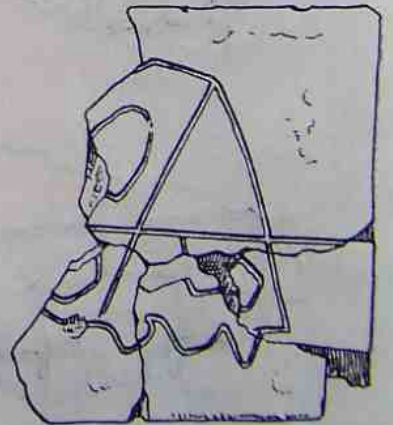
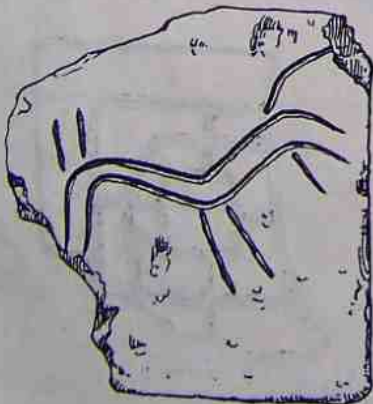
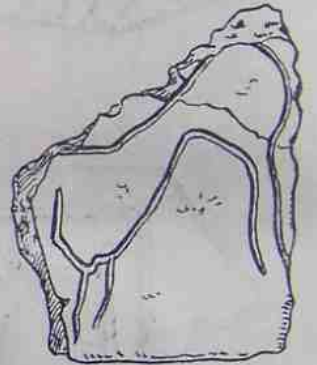
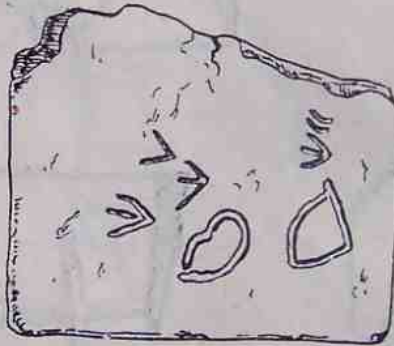
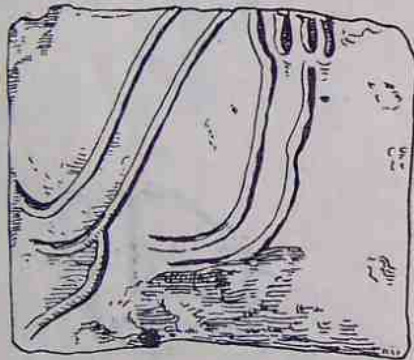
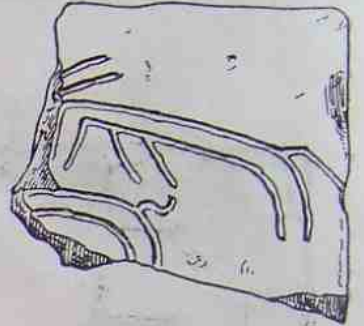
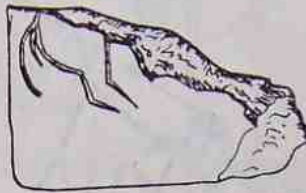
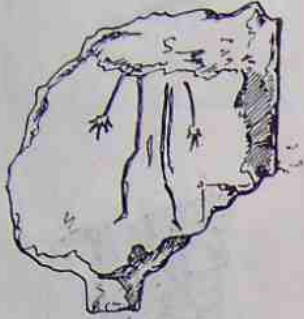
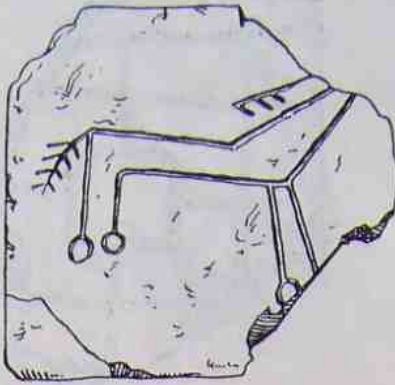
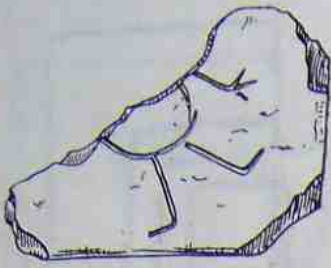

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вестник истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ДАН — Доклады Академии наук.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАО — Известия Археологического общества.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИГМ — Историко-краеведческий музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии (Киев).
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры.
ОИРК — Отдел истории русской культуры.
ОИСВ — Отдел истории Советского Востока.
РАО — Русское археологическое общество.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
Тр. . . АС — Труды . . . Археологического съезда.
ЭВ — Эпиграфика Востока.
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редактора	5
П. А. Раппопорт. Крепостные сооружения Саркела	9
В. Д. Белецкий. Жилища Саркела—Белой Вежи	40
С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела—Белой Вежи	135
Т. Н. Сильченко и С. С. Сорокин. Рентгенографические исследования железных изделий из Саркела—Белой Вежи	230
Ю. П. Бирюков. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции	202
С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи	212
Б. А. Шелковников. Поливная керамика Саркела—Белой Вежи	273
З. А. Львова. Стекланные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи	307
А. В. Банк. Гребень из Саркела—Белой Вежи	333
В. П. Левенок. Пряслица городища Саркел—Белая Вежа	340
С. А. Семенов. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела—Белой Вежи	353
А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов)	362
Список сокращений	415

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 75
ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ · Том II

*
Утверждено к печати
Институтом Археологии Академии наук СССР

*
Редактор издательства *К. И. Кочергин*. Технический редактор *Р. А. Аронов*
Корректоры *Н. И. Журавлева, А. И. Кац* и *А. Х. Салтанова*

*
Сдано в набор 18/VII 1959 г. Подписано к печати 9/XII 1959 г. РИСО АН СССР
№ 86-78В. Формат бумаги 84×108/16. Бум. л. 13. Печ. л. 26=42,64 усл. печ. л. +
16 вкл. Уч.-изд. л. 43,61+16 вкл. (3,11). Изд. № 698. Тип. зак. № 258. М-56051.
Тираж 1500.
Цена 30 р.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164. Менделеевская лин., д. 1

1-й тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страницы</i>	<i>Колонка и строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
63	Левая, 22 снизу	уже упоминалось	указано в дневниках
74	Правая, 8 снизу	9, 11, 54, 29, 55, 41,	9, 46, 11, 54, 29, 55, 15, 41,
91	Правая, 17 сверху	(ср. табл. 2 и рис. 34)	(ср. табл. 3 и рис. 34)
100	Правая, 4 снизу	земляной	земляночной
115	Правая, 16 снизу	(табл. VIII).	(табл. 8).
116	Левая, 10 сверху	№ 145—	№№ 145, 327—
129	Левая, 20—21 снизу	(рис. 20, 24, 43),	(рис. 18, 23, 34),
214	Левая, 20 сверху	подотдела	отдела
218	Правая, 7 сверху	типа	отдела
224	Правая, 27—28 сверху	салтово-маяцкого типа	салтово-маяцкой группы
299	Левая, 10 сверху	в сравнении	к сравнению
324	Правая, 19 сверху	первой категории	первого типа
Между 324—325	Подпись под рис. 5	первой категории, второй категории.	первого типа, второго типа,
328	Подпись под рис. 6	первой категории; второй категории.	первого типа; второго типа.
Между 328—329	Подпись под рис. 7	первой категории; третьей категории;	первого типа; третьего типа;